Дж. Р. Р. ТОЛКИН

Властелин Колец

Братство Кольца
Две Крепости
Возвращение Короля

Хоббит

или
Туда и Обратно

Впервые в России полная версия
трилогии «Властелин Колец» и «Хоббит» в одной книге.
Вся история о Кольце Всевластья от самого начала и до конца!

В январе 2002 года
Джону Роналду Руэлу Толкину
исполнилось бы 110 лет.
Этому юбилею
издательство «АЗБУКА»
и «Книжный Клуб СНАРК»
посвящают уникальное
издание, которое вы
сейчас держите в руках.
Впервые в России
вся эпопея
о Кольце Всевластья
печатается под одной
обложкой.
У читателей появилась
возможность
в одной книге прочесть
все четыре ее части
в самых известных
переводах
Н.Рахмановой,
Н.Григорьевой
и В.Грушецкого

Вся история о Кольце Всевластья от начала и до конца

Без малого пятьдесят лет прошло с того дня, как профессор Оксфордского университета, специалист по средневековому английскому языку и литературе Джон Роналд Руэл Толкин завершил работу над трилогией «Властелин Колец». Все эти годы популярность его книг возрастала, и сегодня эпопея о Кольце Всевластья, включающая повесть «Хоббит» и романы «Братство Кольца», «Две Крепости» и «Возвращение Короля», бесспорно, возглавляет список культовых произведений XX века. Книги Толкина переведены на 25 языков мира и выпущены общим тиражом более 50 миллионов экземпляров, а сам он стал родоначальником нового, безмерно популярного теперь литературного жанра – фэнтези. История Кольца Всевластья послужила основой множеству мультфильмов, телевизионных и театральных постановок, компьютерных игр и комиксов. Тысячи людей по всему миру ежегодно собираются для участия в ролевых играх, основанных на сюжетах Толкина.
В 2002 году произошло событие, которого поклонники фэнтези ждали много лет. На киноэкраны вышел первый фильм из трехчастной экранизации «Властелина Колец», а это значит, что сотни тысяч детей и взрослых присоединятся вскоре к уже существующей многомиллионной армии читателей Толкина.

Прочтите подряд «Хоббита», «Братство Кольца», «Две Крепости» и «Возвращение Короля», и вы узнаете всю эту удивительную историю от самого начала и до конца.

ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

Властелин Колец

Братство Кольца
Две Крепости
Возвращение Короля

Хоббит

или

Туда и Обратно

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»

СНАРК

2002

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
Т 52

Совместный проект издательства «АЗБУКА»
и «Книжного Клуба СНАРК»

Перевод с английского
Н. Рахмановой, Н. Григорьевой, В. Грушецкого

Иллюстрации на обложке
Антона Ломаева

Дизайн и оформление
Ильи Кучмы

Толкин Дж. Р. Р.

Т 52 Хоббит, или Туда и Обратно. Властелин Колец / Пер. с англ. Н. Рахмановой, Н. Григорьевой, В. Грушецкого. — СПб.: Азбука-классика, 2002. — 1136 с.

ISBN 5-352-00184-9

Впервые в России под одной обложкой изданы «Хоббит» и полная версия трилогии «Властелин Колец», то есть вся история о Кольце Всевластья от начала и до конца. Произведения публикуются в самых известных переводах Н. Рахмановой, Н. Григорьевой и В. Грушецкого.

Это издание — подарок издательства «Азбука» и «Книжного Клуба СНАРК» всем любителям Толкина к его юбилею — в 2002 году писателю исполнилось бы 110 лет.

© Н. Рахманова, перевод, 1976
© Н. Григорьева, В. Грушецкий, перевод, 1991, 1999
© И. Гришпун, перевод стихов, 1999
ISBN 5-352-00184-9
© «Азбука-классика», 2002

Хоббит

или
Туда и Обратно

Перевод
Наталии Рахмановой

1
НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Жил-был в норе под землей хоббит. Не в какой-то там мерзкой грязной сырой норе, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего съесть. Нет, нора была хоббичья, а значит — благоустроенная.

Она начиналась идеально круглой, как иллюминатор, дверью, выкрашенной зеленой краской, с сияющей медной ручкой точно посередине. Дверь отворялась внутрь, в длинный коридор, похожий на железнодорожный туннель, но туннель без гари и дыма и тоже очень благоустроенный: стены там были обшиты панелями, пол выложен плитками и устлан ковром, вдоль стен стояли полированные стулья, и всюду были прибиты крючочки для шляп и пальто, так как хоббит любил гостей. Туннель вился все дальше и дальше и заходил довольно глубоко, но не в самую глубину Холма, как его именовали жители на много миль в окружности. По обеим сторонам туннеля шли двери — много-много круглых дверей. Хоббит не признавал восхождений по лестницам: спальни, ванные, погреба, кладовые (целая куча кладовых), гардеробные (хоббит отвел несколько комнат для хранения одежды), кухни, столовые располагались в одном этаже и, более того, в одном и том же коридоре. Лучшие комнаты находились по левую руку, и только в них имелись окна — глубоко сидящие круглые окошечки с видом на сад и на дальние луга, спускавшиеся к реке.

Наш хоббит был весьма состоятельный хоббит по фамилии Бэггинс. Бэггинсы проживали в окрестностях Холма с незапамятных времен и считались очень почтенным семейством не только потому, что были богаты, но и потому, что с ними никогда ничего не приключалось и они не позволяли себе ничего неожиданного: всегда можно было угадать заранее, не спрашивая, что именно скажет тот или иной Бэггинс по тому или иному поводу. Но мы вам поведаем историю о том, как одного из Бэггинсов втянули-таки в приключения и, к собственному удивлению, он начал говорить самые неожиданные вещи и со-

вершать самые неожиданные поступки. Может быть, он и потерял уважение соседей, но зато приобрел... впрочем, увидите сами, приобрел он что-нибудь в конце концов или нет.

Матушка нашего хоббита... кстати, что такое хоббит? Пожалуй, стоит рассказать о хоббитах подробнее, так как в наше время они стали редкостью и сторонятся Высокого Народа, как они называют нас, людей. Сами они низкорослый народец, примерно вполовину нашего роста и пониже бородатых гномов. Бороды у хоббитов нет. Волшебного в них тоже, в общем-то, ничего нет, если не считать волшебным умение быстро и бесшумно исчезать в тех случаях, когда всякие бестолковые, неуклюжие верзилы, вроде нас с вами, с шумом и треском ломят, как слоны. У хоббитов толстенькое брюшко; одеваются они ярко, преимущественно в зеленое и желтое; башмаков не носят, потому что на ногах у них от природы жесткие кожаные подошвы и густой теплый бурый мех, как и на голове. Только на голове он курчавится. У хоббитов длинные ловкие темные пальцы на руках, добродушные лица; смеются они густым утробным смехом (особенно после обеда, а обедают они, как правило, дважды в день, если получится).

Теперь вы знаете достаточно, и можно продолжать.

Как я уже сказал, матушка нашего хоббита, то есть Бильбо Бэггинса, была легендарная Белладонна Тук, одна из трех достопамятных дочерей Старого Тука, главы хоббитов, живших По Ту Сторону Реки, то есть речушки, протекавшей у подножия Холма. Поговаривали, будто давным-давно кто-то из Туков взял себе жену из эльфов. Глупости, конечно, но и до сих пор во всех Туках и в самом деле проскальзывало что-то не совсем хоббитовское: время от времени кто-нибудь из клана Туков пускался на поиски приключений. Он исчезал вполне деликатно, и семья старалась замять это дело. Но факт остается фактом: Туки считались не столь почтенным родом, как Бэггинсы, хотя, вне всякого сомнения, были богаче.

Нельзя, правда, сказать, что после того как Белладонна Тук вышла замуж за мистера Банго Бэггинса, она когда-нибудь пускалась на поиски приключений. Банго, отец героя нашей повести, выстроил для нее (и отчасти на ее деньги) роскошную хоббичью нору, роскошней которой не было ни Под Холмом, ни За Холмом, ни По Ту Сторону Реки, и жили они там до конца своих дней. И все же вполне вероятно, что Бильбо, ее единственный сын, по виду и всем повадкам точная копия своего солидного благопристойного папаши, получил от Туков в наследство какую-то странность, которая только ждала случая себя проявить. Такой случай не подворачивался долго, так что Бильбо Бэггинс успел стать взрослым хоббитом, лет этак около пятидесяти; он жил-поживал в прекрасной хоббичьей норе, построенной отцом, в той самой, которую я так подробно описал в начале главы, и казалось, он никуда уже не двинется с места.

Но случилось так, что однажды в тиши утра, в те далекие времена, когда в мире было гораздо меньше шума и больше зелени, а хоббиты были многочисленны и благоденствовали, Бильбо Бэггинс стоял после завтрака в дверях и курил свою деревянную трубку, такую длинную, что она почти касалась его мохнатых ног (кстати, аккуратно причесанных щеткой). И как раз в это время мимо проходил Гэндальф.

Гэндальф! Если вы слыхали хотя бы четверть того, что слыхал про него я, а я слыхал лишь малую толику того, что о нем рассказывают, то вы были бы подготовлены к любой самой невероятной истории. Истории и приключения вырастали как грибы всюду, где бы он ни появлялся. Он не бывал в этих краях уже давным-давно, собственно говоря, с того дня, как умер его друг Старый Тук, и хоббиты уже успели забыть, каков Гэндальф с виду. Он отсутствовал по своим делам с той поры, когда все они были еще хоббитятами.

Так что в то утро ничего не подозревавший Бильбо просто увидел какого-то старика с посохом. На старике была высокая островерхая синяя шляпа, длинный серый плащ, серебристый шарф, громадные черные сапоги, и еще у него была длинная, ниже пояса, белая борода.

— Доброе утро! — произнес Бильбо, желая сказать именно то, что утро доброе: солнце ярко сияло и трава зеленела. Но Гэндальф метнул на него острый взгляд из-под густых косматых бровей.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он. — Просто желаете мне доброго утра? Или утверждаете, что утро сегодня доброе — неважно, что я о нем думаю? Или имеете в виду, что нынешним утром все должны быть добрыми?

— И то, и другое, и третье, — ответил Бильбо. — И еще — что в такое дивное утро отлично выкурить трубочку на воздухе. Если у вас есть трубка, присаживайтесь, отведайте моего табачку! Торопиться некуда, целый день впереди!

И Бильбо уселся на скамеечку возле двери, скрестил ноги и выпустил красивое серое колечко дыма; оно поднялось вверх и поплыло вдаль над Холмом.

— Прелестно! — сказал Гэндальф. — Но мне сегодня некогда пускать колечки. Я ищу участника приключения, которое я нынче устраиваю, но не так-то легко его найти.

— Еще бы, в наших-то краях! Мы простой мирный народ, приключений не жалуем. Бр-р, от них одно беспокойство и неприятности! Еще, чего доброго, пообедать из-за них опоздаешь! Не понимаю, что в них находят хорошего, — сказал наш мистер Бэггинс и, заложив большой палец за подтяжку, опять выпустил колечко, еще более роскошное. Затем достал из ящика утреннюю почту и начал читать, притворяясь, будто забыл о старике. Он решил, что тот не внушает доверия, и надеялся, что старик пойдет своей дорогой. Но тот и не думал уходить.

Он стоял, опершись на посох, и, не говоря ни слова, глядел на хоббита так долго, что Бильбо совсем смутился и даже немного рассердился

— Доброго утра вам! — произнес он наконец — Мы тут в приключениях не нуждаемся, благодарствуйте! Поищите компаньонов За Холмом или По Ту Сторону Реки

Он хотел дать понять, что разговор окончен

— Для чего только не служит вам «доброе утро», — сказал Гэндальф — Вот теперь оно означает, что мне пора убираться

— Что вы что вы, милейшии сэр! Позвольте кажется, я не имею чести знать ваше имя

— Имеете, имеете, милейший сэр, а я знаю ваше, мистер Бильбо Бэггинс, и вы мое, хотя и не помните, что это я и есть Я — Гэндальф а Гэндальф — это я! Подумать, до чего я дожил сын Белладонны Тук отделывается от меня своим «добрым утром», как будто я пуговицами вразнос торгую!

— Гэндальф! Боже милостивыи, Гэндальф! Неужели вы тот самыи странствующии волшебник, который подарил Старому Туку пару волшебных бриллиантовых запонок, — они еще застегивались сами а расстегивались только по приказу? Тот, кто рассказывал на дружеских пирушках такие дивные истории про драконов и гоблинов[1] про великанов и спасенных принцесс и везучих сыновеи бедных вдов? Тот самый, который устраивал такие неподражаемые феиерверки? Я их помню! Старыи Тук любил загевать их в канун Иванова дня[2] Какое великолепие! Они взлетали кверху, точно гигантские огненные лилии, и львиныи зев и золотои дождь и держались весь вечер в сумеречном небе!

Вы, вероятно уже заметили что мистер Бэггинс был вовсе не так уж прозаичен как ему хотелось а также, что он был большим любителем цветов

— Бог мой! — продолжал он — Неужели вы тот самый Гэндальф, по чьей милости столько тихих юношей и девушек пропали невесть куда, отправившись на поиски приключении? Любых — от лазанья по деревьям до визитов к эльфам Они даже уплывали на кораблях к чужим берегам! Бог ты мой, до чего тогда было инте я хочу сказать, умели вы тогда перевернуть все вверх дном в наших краях! Прошу прощения, я никак не думал, что вы еще трудитесь

— А что же мне делать? — спросил волшебник — Ну вот, все-таки приятно что вы кое-что обо мне помните Во всяком случае вспоминаете мои феиерверки Значит, вы не совсем безнадежны Поэтому ради вашего дедушки и ради бедной Белладонны я дарую вам то что вы у меня просили

---

[1] В английском фольклоре — существа похожие на людей но безобразные злобные живут в пещерах подземных гротах

[2] Как и в старои России праздник середины лета 24 июня

— Прошу прощения, я ничего у вас не просил!

— Нет, просили. И вот сейчас уже второй раз — моего прощения. Я его даю. И пойду еще дальше: я пошлю вас участвовать в моем приключении. Меня это развлечет, а вам будет полезно, а возможно, и выгодно, если доберетесь до конца.

— Извините! Мне что-то не хочется, спасибо, как-нибудь в другой раз. Всего хорошего! Пожалуйста, заходите ко мне на чашку чая в любой день! Скажем, завтра? Приходите завтра! До свиданья!

И с этими словами хоббит повернулся, юркнул в круглую зеленую дверку и поскорее захлопнул ее за собой, стараясь в то же время хлопнуть не слишком громко, чтобы не вышло грубо, — все-таки волшебник есть волшебник.

— Чего ради я пригласил его на чай? — спросил он себя, направляясь в кладовку. Бильбо, правда, совсем недавно позавтракал, но после такого волнующего разговора не мешало подкрепиться парочкой кексов и глоточком чего-нибудь этакого.

А Гэндальф долго еще стоял за дверью и тихонько покатывался со смеху. Потом подошел поближе и острием посоха нацарапал на красивой зеленой двери некий странный знак. Затем он зашагал прочь, а в это время Бильбо как раз доедал второй кекс и размышлял о том, как ловко он увернулся от приключений.

На другой день он, в общем-то, забыл про Гэндальфа. У него была неважная память, и ему приходилось делать заметки в особой гостевой книжечке, например: «Гэндальф, чай, среда». Но накануне он так разволновался, что ничего не записал.

Как раз когда он собирался пить чай, кто-то с силой дернул дверной колокольчик, и тут Бильбо все вспомнил! Он сначала бросился в кухню, поставил на огонь чайник, достал еще одну чашку с блюдечком, положил на блюдо еще пару кексов и тогда уж побежал к двери.

Только он хотел сказать: «Извините, что заставил вас ждать!» — как вдруг увидел, что перед ним вовсе не Гэндальф, а какой-то гном с синей бородой, заткнутой за золотой кушак; блестящие глаза его так и сверкали из-под темно-зеленого капюшона. Едва дверь отворилась, он шмыгнул внутрь, как будто его только и ждали. Потом повесил плащ с капюшоном на ближайший крючок и с низким поклоном произнес:

— Двалин, к вашим услугам.

— Бильбо Бэггинс — к вашим! — ответил хоббит, который от удивления даже не нашелся что спросить. Когда молчать дольше стало уже неловко, он добавил: — Я как раз собирался пить чай, не присоединитесь ли вы ко мне?

Прозвучало это, быть может, несколько натянуто, но он старался проявить радушие. А как бы поступили вы, если бы незнакомый гном явился к вам домой и безо всяких объяснений повесил у вас в прихожей плащ, будто так и надо?

За столом они просидели недолго. Собственно, они только успели добраться до третьего кекса, как снова раздался звонок в дверь, еще более громкий, чем раньше.

— Извините! — сказал хоббит и побежал открывать.

«Вот наконец и вы!» — так собирался он встретить Гэндальфа на сей раз. Но это опять оказался не Гэндальф. За дверью стоял старый-престарый гном с белой бородой и в красном капюшоне. Он тоже прошмыгнул внутрь, едва отворилась дверь, как будто его кто-то приглашал.

— Я вижу, наши собираются, — сказал он, заметив на вешалке зеленый капюшон Двалина. Он повесил рядышком свой красный капюшон и, прижав руку к груди, сказал:

— Ба́лин, к вашим услугам.

— Благодарю вас! — ответил Бильбо в совершеннейшем изумлении.

Ответил он, конечно, невпопад, но уж очень его выбили из колеи слова «наши собираются». Гостей он любил, но он любил знакомых гостей и предпочитал приглашать их сам. У него мелькнула страшная мысль, что кексов может не хватить — и тогда ему самому (а он знал свой долг хозяина и собирался выполнить его, чего бы ему это ни стоило) придется обойтись без кексов.

— Заходите, выпейте чаю! — ухитрился он выдавить наконец, набрав воздуху в легкие.

— Меня больше бы устроил стаканчик пивца, милостивый сэр, если это не слишком затруднит вас, — сказал белобородый Балин. — Но не откажусь и от кекса с изюмом, если он у вас найдется.

— Сколько угодно! — к собственному удивлению, ответил Бильбо и, опять-таки к своему удивлению, побежал бегом в погреб, нацедил пинту[1] пива, оттуда — в кладовую, прихватил там два превосходных круглых кекса с изюмом, которые испек для себя «на после ужина», и примчался назад.

В столовой Балин и Двалин сидели за столом и беседовали, как старые друзья (они на самом деле были братья). Бильбо только успел поставить на стол кувшин с пивом и кексы, как тут же прогремел колокольчик — раз и еще раз!

«Ну, уж теперь наверняка Гэндальф», — подумал Бильбо, с пыхтеньем спеша по коридору. Как бы не так! Явились еще два гнома, оба в синих капюшонах, серебряных кушаках и с желтыми бородами. Оба несли по мешку с рабочими инструментами и по лопате. Они тоже проворно шмыгнули в приотворенную дверь — и Бильбо больше не удивлялся.

— Чем могу служить, любезнейшие гномы? — спросил он.

— Кили, к вашим услугам! — сказал один.

— И Фили тоже! — добавил другой.

---

[1] Английская мера емкости, равна 0,57 литра

И оба они сорвали с головы свои синие капюшоны и низко поклонились.

— К вашим услугам и к услугам ваших родственников! — ответил Бильбо, вспомнив на этот раз о хороших манерах.

— Я вижу, Двалин и Балин уже тут, — сказал Кили. — Присоединимся к честной компании!

«Компания! — подумал мистер Бильбо. — Что-то не нравится мне это слово. Присяду-ка я на минутку, соберусь с мыслями и глотну чайку».

Едва он успел примоститься в уголке и отпить один глоток — а четверо гномов между тем расселись вокруг стола и вели разговор про рудники и золото, про злобных гоблинов и про безобразия драконов и много еще про что, чего он не понял, да и не хотел понимать, так как все это отдавало приключениями, — как вдруг — дзинь-дзинь-дзинь-дзинь! — колокольчик зазвонил снова, да так громко, будто какой-то шалун-хоббитенок пытался оторвать его.

— Еще кто-то! — сказал Бильбо, моргая.

— Еще много кто, судя по звонку, — заметил Фили. — Да мы их видели — за нами следом шли четверо.

Бедняга хоббит рухнул на стул в прихожей, обхватил голову руками и принялся размышлять: что произошло, что еще произойдет и неужели они все останутся ужинать?! Тут звонок дернули пуще прежнего, и Бильбо бросился к дверям. Едва он повернул ручку, как — нате вам! — гости уже в прихожей, кланяются и повторяют по очереди «к вашим услугам». Гномов было уже не четверо, а пятеро. Пока Бильбо предавался размышлениям, подоспел еще один. Звали их Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн. И вскоре два фиолетовых, серый, коричневый и белый капюшоны висели на крючочках, а гномы прошествовали в столовую, засунув свои широкие ладошки за серебряные и золотые кушаки. В столовой теперь и впрямь набралась целая компания. Одни требовали эля, другие — портера, кто-то — кофе, и все без исключения — кексов, так что хоббит совсем сбился с ног.

Только на огонь был поставлен большой кофейник, только гномы, покончив с кексами, перешли на ячменные лепешки с маслом, как вдруг раздался... не звонок, а громкий стук. Целый град ударов обрушился на красивую зеленую дверь Бильбо Бэггинса. Кто-то молотил по ней палкой!

Бильбо опрометью бросился по коридору, очень сердитый и совершенно задерганный и затормошенный, — такого несуразного чаепития в его жизни еще не бывало! Он рванул дверь на себя — и все стоявшие за ней попадали вперед друг на друга. Еще гномы, целых четверо! А позади них, опершись на посох, стоял Гэндальф и хохотал. Он измолотил прекрасную дверь самым безжалостным образом, но при этом исчезла и тайная метка, которую он начертал накануне утром.

— Спокойнее, спокойнее! — сказал он.— Как это не похоже на вас, Бильбо, — заставлять друзей ждать у порога, а потом взять да как распахнуть дверь — трах-тарарах! Позвольте мне представить: Бифур, Бофур, Бомбур и, обратите особое внимание, Торин!

— К вашим услугам! — сказали Бифур, Бофур, Бомбур, став рядком. Потом они повесили два желтых капюшона, один бледно-зеленый и один небесно-голубой с длинной серебряной кистью, который принадлежал Торину. Торин был неимоверно важный гном, не кто иной, как сам знаменитый Торин Оукеншильд, и он был ужасно недоволен тем, что ему пришлось растянуться на пороге, да еще Бифур, Бофур и Бомбур навалились сверху, а Бомбур, надо сказать, был невероятно толстый и тяжелый. Поэтому Торин держался сперва очень высокомерно и никаких услуг не предлагал, но бедный мистер Бэггинс так рассыпался в извинениях, что Торин наконец пробормотал: «Не будем об этом говорить», и перестал хмуриться.

— Ну вот мы и в сборе,— сказал Гэндальф, окинув взглядом висевшие на стенке тринадцать капюшонов — лучших отстежных капюшонов для хождения в гости — и свою собственную шляпу.— Превеселое общество! Надеюсь, опоздавшим тоже найдется что-нибудь поесть и выпить? Что у вас? Чай? Благодарю покорно! Мне, пожалуй, красного винца.

— Мне тоже,— сказал Торин.

— Хорошо бы еще крыжовенного варенья и яблочного пирога,— вставил Бифур.

— И пирожков с мясом, и сыра,— дополнил Бофур.

— И пирога со свининой, и салата,— добавил Бомбур.

— И побольше кексов, и эля, и кофе, если не трудно! — закричали остальные гномы из столовой.

— Да подкиньте несколько яиц, будьте так добры! — крикнул Гэндальф вдогонку хоббиту, когда тот поплелся в кладовку.— И захватите холодную курицу и маринованных огурчиков!

«Можно подумать, что он не хуже моего знает, какие у меня припасы в доме!» — пробормотал мистер Бэггинс, который решительно потерял голову и начал опасаться, не свалилось ли на него нежданно-негаданно самое что ни на есть скверное приключение. К тому времени, как он собрал все бутылки и кушанья, все ножи, вилки, стаканы, тарелки и ложки и нагромоздил все это на большие подносы, он совсем упарился, побагровел и разозлился.

— Чтоб им объесться и обпиться, этим гномам! — сказал он вслух.— Нет чтобы помочь!

И гляди-ка! Балин и Двалин, тут как тут, стоят в дверях кухни, а за ними Фили и Кили, и не успел Бильбо слова вымолвить, как они подхватили подносы и два небольших столика, вихрем унесли их в столовую и заново накрыли на всю компанию.

Гэндальф сел во главе стола, остальные тринадцать гномов разместились вокруг, а Бильбо, присев на скамеечку у камина, грыз сухарик (аппетит у него совсем улетучился) и пытался делать вид, будто ничего особенного не происходит и с приключениями все это ничего общего не имеет. Гномы все ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отодвинулись от стола, и Бильбо сделал движение вперед, порываясь убрать тарелки и стаканы.

— Надеюсь, вы не уйдете до ужина? — спросил он вежливо самым своим ненастойчивым тоном.

— Ни в коем случае! — ответил Торин.— Мы и после ужина не уйдем. Разговор предстоит долгий. Но сперва мы еще помузицируем. За уборку!

И двенадцать гномов (Торин был слишком важной персоной, он остался разговаривать с Гэндальфом) живо вскочили со своих мест и мигом сложили одна на другую грязные тарелки, а на них все, что еще было на столе. Потом они двинулись в кухню, и каждый держал на вытянутой руке целую башню тарелок, увенчанную бутылкой, а бедняга хоббит бежал следом и буквально верещал от испуга:

— Пожалуйста, осторожней! Не беспокойтесь, пожалуйста, я сам!

Но гномы в ответ грянули песню:

Бейте тарелки, бейте розетки!
Вилки тупите, гните ножи!
Об пол бутылки! В печку салфетки!
Будет порядок — только скажи!

Рвите на части скатерти, гости!
Лейте на стулья жир от котлет!
Корки и кости под ноги бросьте!
Мажьте горчицей ценный паркет!

Чашки и рюмки — в чан с кипятком!
Ломом железным поворошите,
Выньте, откиньте и обсушите —
И на помойку все целиком!

Кто там без дела? Стыд и позор!
Эй, осторожно, хрупкий фарфор!

(Перевод И. Комаровой)

Ничего подобного они, естественно, не натворили, а, наоборот, все вымыли и прибрали в мгновение ока, пока хоббит вертелся посреди кухни, стараясь за ними уследить. Потом все вернулись в столовую и увидели, что Торин сидит, положив ноги на решетку камина, и курит трубку. Он выпускал невиданной величины кольца и приказывал им, куда лететь: то в трубу, то за часы на каминной полочке, то под стол, то к потолку, где они начинали описывать круги. Но куда бы ни ле-

тело кольцо Торина, Гэндальф оказывался проворнее. Пуф! — он посылал колечко поменьше из своей короткой глиняной трубки, и оно проскальзывало сквозь каждое кольцо Торина. После этого колечко Гэндальфа делалось зеленым, возвращалось к нему и парило у него над головой. Таких колечек набралось уже целое облако, и в полумраке комнаты вид у Гэндальфа был таинственный и по-настоящему колдовской. Бильбо стоял и любовался; он и сам любил пускать колечки и теперь краснел от стыда, вспоминая, как накануне утром гордился своими колечками, которые ветер уносил за Холм.

— А теперь перейдем к музыке! — сказал Торин. — Несите инструменты!

Кили и Фили побежали и принесли скрипочки; Дори, Нори и Ори достали откуда-то из-за пазухи флейты; Бомбур притащил из прихожей барабан; Бифур и Бофур тоже вышли и вернулись с кларнетами, которые они, раздеваясь, оставили среди тростей; Двалин и Балин одновременно сказали: «Извините, я забыл мой инструмент на крыльце!»

— Захватите и мой! — сказал Торин.

Они приволокли две виолы ростом с себя и арфу Торина, закутанную в зеленую материю: арфа была золотая и красивая; и когда Торин ударил по струнам, все заиграли тоже, полилась такая неожиданная, такая сладостная, мелодичная музыка, что Бильбо позабыл обо всем и унесся душой в неведомые края, туда, где в небе стояла чужая луна — далеко По Ту Сторону Реки и совсем далеко от хоббичьей норки Под Холмом. Через окошечко в склоне Холма в комнату проникла темнота, огонь в камине (стоял еще апрель) начал гаснуть, а они все играли и играли, и тень от бороды Гэндальфа качалась на стене.

Тьма заполнила комнату, камин потух, и тени пропали, а гномы продолжали играть. И вдруг, сперва один, потом другой, глухо запели таинственную песню гномов, что пелась в таинственной глуши их древних жилищ. Вот отрывок из их песни, если только слова без музыки могут быть похожи на песню:

За синие горы, за белый туман
В пещеры и норы уйдет караван;
За быстрые воды уйдем до восхода
За кладом старинным из сказочных стран.

Волшебники-гномы! В минувшие дни
Искусно металлы ковали они;
Сапфиры, алмазы, рубины, топазы
Хранили они и гранили они.

На эльфа-соседа, царя, богача
Трудились они, молотками стуча;
И солнечным бликом в усердье великом
Украсить могли рукоятку меча.

На звонкие цепи, не толще струны,
Нанизывать звезды могли с вышины;
В свои ожерелья в порыве веселья
Вплетали лучи бледноликой луны.

А пили они что твои короли
И звонкие арфы себе завели;
Протяжно и ново для уха людского
Звучало их пенье в глубинах земли.

Шумели деревья на склоне крутом,
И ветры стонали во мраке ночном;
Багровое пламя взвилось над горами —
И вспыхнули сосны смолистым огнем.

Тогда колокольный послышался звон,
Разверзлась земля, почернел небосклон.
Где было жилище — теперь пепелище:
Не ведал пощады свирепый дракон.

И гномы, боясь наказанья с небес,
Уже не надеясь на силу чудес,
Укрылись в богатых подземных палатах —
И след их сокровищ навеки исчез.

За синие горы, где мрак и снега,
Куда не ступала людская нога,
За быстрые воды уйдем до восхода,
Чтоб золото наше отнять у врага.

(Перевод И. Комаровой)

И, слушая их пение, хоббит почувствовал, как в нем рождается любовь к прекрасным вещам, сотворенным посредством магии или искусными умелыми руками, — любовь яростная и ревнивая, влечение, живущее в сердцах всех гномов. И в нем проснулось что-то туковское, ему захотелось видеть громадные горы, слышать шум сосен и водопадов, разведывать пещеры, носить меч вместо трости.

Он выглянул в окно. На черном небе поверх деревьев высыпали звезды. Он подумал о драгоценностях гномов, сверкающих в темных пещерах. Внезапно над лесом За Рекой взметнулось пламя (наверное, кто-то разжег костер), и Бильбо представилось, как мародеры-драконы водворяются на его мирном Холме и сжигают все вокруг. Он вздрогнул и сразу сделался опять обыкновенным мистером Бэггинсом из Бэг-Энда, что Под Холмом.

Он встал, дрожа всем телом. Он колебался: то ли просто принести лампу, то ли сделать вид, будто он идет за ней, а самому спрятаться в погребе между пивными бочками и не вылезать, пока гномы не уйдут. Но тут он вдруг заметил, что музыка и пение прекратились, все гномы уставились на него и глаза их светятся во мраке.

— Куда это вы? — окликнул его Торин тоном, в котором ясно чувствовалось, что он догадывается о намерениях Бильбо.

— Нельзя ли принести лампу? — робко спросил Бильбо.

— Нам нравится в темноте,— хором ответили гномы.— Темные дела совершаются во тьме! До рассвета еще далеко.

— Да, да, конечно! — сказал Бильбо и сел, но впопыхах сел мимо скамейки, прямо на каминную решетку, с грохотом повалив кочергу и совок.

— Ш-ш! — сказал Гэндальф.— Сейчас будет говорить Торин.

И Торин начал так:

— Гэндальф, гномы и мистер Бэггинс! Мы сошлись в доме нашего друга и собрата по заговору, превосходного, дерзновенного хоббита — да не выпадет никогда шерсть на его ногах! — воздадим должное его вину и элю!

Он перевел дух, давая хоббиту возможность сказать, как полагается, вежливые слова, но бедный Бильбо Бэггинс воспринял сказанное совсем не как похвалу: он шевелил губами, пытаясь опровергнуть слова «дерзновенный» и, что еще хуже, «собрат по заговору», но так волновался, что не мог произнести вслух ни звука. Поэтому Торин продолжал:

— Мы сошлись здесь, дабы обсудить наши планы, наши способы и средства, наши умыслы и уловки. Очень скоро, еще до рассвета, мы тронемся в долгий путь, в путешествие, из которого некоторые из нас, а возможно, даже все, кроме, разумеется, нашего друга и советчика, хитроумного чародея Гэндальфа, могут не вернуться назад. Настал торжественный миг. Наша цель, как я полагаю, известна всем нам. Но уважаемому мистеру Бэггинсу, а может быть, и кому-нибудь из младших гномов (я думаю, что не ошибусь, если назову Кили и Фили) ситуация в настоящий момент может представляться требующей некоторых разъяснений.

Таков был стиль Торина. Он ведь был важной персоной. Если его не остановить, он продолжал бы в том же духе без конца, пока бы совсем не запыхался, но так бы и не сообщил обществу ничего нового. Однако его самым грубым образом прервали. Бедняга Бильбо при словах «могут не вернуться назад» почувствовал, что к горлу у него подкатывает крик, и крик этот наконец вырвался наружу, пронзительный, точно свисток паровоза, вылетевшего из туннеля. Все гномы повскакали с мест, опрокинув стол. На конце своего волшебного посоха Гэндальф зажег голубой огонь, и в его мерцающем свете все увидали, что несчастный хоббит стоит на коленях на коврике перед камином и трясется, как желе. Вдруг он плашмя хлопнулся на пол с отчаянным воплем: «Молния убила! Молния убила!» — и долгое время от него не могли добиться ничего другого. Гномы подняли его и перенесли в соседнюю гостиную, с глаз долой, положили там на диван, поставили рядом стакан вина, а сами вернулись к своим «темным делам».

— Легко возбудимый субъект,— сказал Гэндальф, когда все заняли свои места.— Подвержен необъяснимым приступам, но один из лучших — свиреп, как дракон, которому прищемили хвост дверью.

Если вам когда-нибудь доводилось видеть дракона, которому прищемили хвост дверью, то вы поймете, что это было чисто поэтическое преувеличение в применении к любому хоббиту, даже к двоюродному прадеду Старого Тука по имени Бычий Рев, который был такого гигантского (для хоббита) роста, что мог ездить верхом на лошади. Это он когда-то как ураган налетел на армию гоблинов из Маунт-Грэма в битве на Зеленых Полях и сшиб своей деревянной палицей голову с плеч их короля Гольфимбуля. Голова пролетела сто метров по воздуху и угодила прямо в кроличью нору; таким образом была выиграна битва и одновременно изобретена игра в гольф.

Тем временем изнеженный потомок Бычьего Рева приходил в себя на диване в гостиной. Отлежавшись и глотнув вина, он с опаской подкрался к двери в столовую. Говорил Глойн, и вот что Бильбо услышал:

— Пф! (Или другой какой-то пренебрежительный звук вроде этого.) Думаете, он подойдет? Легко Гэндальфу расписывать, какой он свирепый, а ну как он возбудится и заорет не вовремя — тогда дракон и все его родственники проснутся — и мы погибли! Сдается мне, его крик вызван страхом, а вовсе не возбуждением! Право, не будь на дверях волшебного знака, я бы решил, что мы попали не туда. Едва я увидел, как этот пузан подпрыгивает и пыхтит в дверях, я сразу заподозрил неладное. Он больше смахивает на бакалейщика, чем на взломщика!

Тут мистер Бэггинс нажал на ручку и вошел. Туковская порода в нем взяла верх. Он почувствовал, что обойдется без настоящей постели и без завтрака, только бы его считали свирепым. Кстати, он и вправду рассвирепел, услыхав слова «как этот пузан подпрыгивает...». Много раз впоследствии бэггинсовская сторона его существа раскаивалась в безрассудном поступке, и он говорил себе: «Бильбо, ты глупец, ты сам, по доброй воле, встрял в это дело».

— Прошу прощения,— проговорил он,— я нечаянно услышал ваши слова. Не буду делать вид, будто понимаю, о чем идет речь; особенно мне непонятно замечание о взломщиках. Но думаю, что я правильно усвоил одно (все это он называл «держать себя с достоинством»): вы считаете меня никуда не годным. Хорошо, я вам докажу, на что я способен. Никаких волшебных знаков у меня на дверях нет, ее красили всего неделю назад, и вы, разумеется, ошиблись адресом. Как только я увидел ваши несимпатичные физиономии, я сразу заподозрил, что вы попали не туда. Но считайте, что вы попали туда. Ска-

жите, что надо делать, и я постараюсь это выполнить, хотя бы мне пришлось сражаться с кошмарными хобботнями в Самой Крайней Пустыне. У меня был двоюродный прапрапрадедушка Тук Бычий Рев, так он...

— Верно, верно, только это было давно, — прервал его Глойн. — А я говорил про вас. И уверяю вас, на ваших дверях есть знак, как раз тот знак, который используют — или использовали в прошлом — представители вашей профессии. И означает он вот что: «Опытный взломщик возьмется за хорошую работу, предпочтительно рискованную, оплата по соглашению». Можете называть себя «кладоискатель высшей категории», если вам не по вкусу «взломщик». Некоторые именуют себя так. Нам-то все равно. Гэндальф сообщил нам, что один местный специалист срочно ищет работу и что собрание назначается здесь, в среду, на пять часов.

— Как же не быть знаку, — вмешался Гэндальф. — Я сам его поставил на дверях. И по весьма веским причинам. Вы меня просили подыскать для экспедиции четырнадцатого, я и выбрал мистера Бэггинса. Пусть кто-нибудь попробует сказать, что я ошибся, выбрал не того и попал не туда, и можете отправляться втринадцатером и получать сполна все, что причитается за это число. А не хотите — ступайте домой, копайте уголь!

Он так сердито воззрился на Глойна, что гном вжался в спинку стула, а когда Бильбо открыл было рот, чтобы задать вопрос, Гэндальф повернулся и кинул на него такой грозный взгляд из-под лохматых бровей, что у Бильбо со стуком захлопнулся рот.

— Вот так, — произнес Гэндальф. — И чтоб больше никаких споров. Я выбрал мистера Бэггинса, и будьте довольны. Если я сказал, что он Взломщик, — значит, он взломщик или будет взломщиком, когда понадобится. Он далеко не так прост, как вы думаете, и совсем не так прост, как думает он сам. Настанет время, когда вы все (если доживете) будете благодарить меня за него. А теперь, Бильбо, мой мальчик, неси-ка лампу и прольем немного света вот на эту вещь.

На столе, под большой лампой с красным абажуром, он расстелил обрывок пергамента, похожий на карту.

— Это дело рук Трора, вашего деда, Торин, — сказал он в ответ на взволнованные возгласы гномов. — Это план Горы.

— Не вижу, чем это нам поможет, — разочарованно сказал Торин, быстро оглядев план. — Я и без того прекрасно помню Гору и ее окрестности. Я знаю, где Кромешный Лес и где Иссохшая Пустошь, — там водились драконы.

— Тут на карте и нарисован Дракон, — сказал Балин, — но коль скоро мы доберемся до Горы, мы и без карты его найдем.

— Есть еще одна подробность, которой вы не заметили, — возразил волшебник, — потайной ход. Видите вот ту руну на

западной стороне и руку с вытянутым указательным пальцем над другими рунами, слева? В этом месте есть потайной ход в Нижний Ярус.

— Когда-то он, возможно, и был потайным, — возразил Торин, — но где уверенность, что он остался потайным до сих пор? Старый Смог живет там так давно, что у него было время разобраться во всех ходах и выходах.

— Может, и так, но он им все равно не пользуется.

— Почему?

— Потому что ход слишком узок для него. «Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», — гласят руны. В такую нору Смог не мог бы протиснуться даже в молодые годы, а тем более теперь, когда он пожрал столько гномов и людей из Дейла.

— А по-моему, нора очень широкая, — подал голос Бильбо (который никогда не сталкивался с драконами, а что касается нор, был знаком только с хоббичьими). Он опять разгорячился, и увлекся происходящим, и забыл, что лучше помалкивать. Он обожал всякие карты, у него у самого в прихожей висела большая карта Окрестностей, где его любимые дорожки для прогулок были помечены красными чернилами. — Не пойму, как такую огромную дверь можно утаить от кого бы то ни было, даже если Дракон проглядел ее? — спросил он. (Не забывайте, он был всего лишь маленький хоббит.)

— Самыми разными способами, — ответил Гэндальф. — Но как утаили именно эту дверь, мы не узнаем, пока не увидим ее своими глазами. Насколько я могу понять из надписей на карте, дверь надежно заперта и сливается с Горой. Обычный прием гномов, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — подтвердил Торин.

— Кроме того, — продолжал Гэндальф, — я забыл упомянуть, что к карте приложен ключик необычной формы. Вот он! — И Гэндальф протянул Торину серебряный ключ с длинным стержнем и с затейливой бородкой. — Берегите его!

— Еще бы не беречь! — сказал Торин и нацепил ключик на золотую цепочку, которая висела у него на шее и уходила под куртку. — Теперь наше положение перестает быть таким безнадежным. До сих пор нам было не ясно, с чего начинать. Мы думали держать путь на Восток, соблюдая осторожность и осмотрительность, и дойти до самого́ Долгого Озера. Тогда-то и начались бы неприятности...

— Не тогда, а намного раньше; уж я-то знаю, что такое путь на Восток, — прервал Гэндальф.

— Оттуда мы могли бы двинуться вверх по Реке Быстротечной, — продолжал Торин, пропустив слова Гэндальфа мимо ушей, — и достичь развалин Дейла — старинного города в долине реки под сенью Горы. Правда, никому из нас не по душе идти через Главные Ворота. Там река течет прямо под ними,

по туннелю, сквозь большой утес у Южной Оконечности Горы, и из этих же ворот обыкновенно вылетает дракон, на мой взгляд, слишком часто, если только он не переменил своих привычек.

— Да, там не пройти, — сказал волшебник, — если не заручиться поддержкой какого-нибудь знаменитого Воина, а то и Сказочного Богатыря. Я пытался кого-нибудь подыскать, но воинам нынче не до того — они сражаются друг с другом в чужих краях, а сказочных богатырей в здешних местах раз, два — и обчелся, если они вообще не перевелись. Мечи затупились, боевыми топорами валят деревья, щиты употребляют вместо люлек и крышек для кастрюль, а драконы, по счастью, за тридевять земель, и для здешних жителей они фигуры почти что легендарные. Потому-то я и решил прибегнуть к взлому, особенно когда вспомнил про Боковой Вход. И вот тут-то входит в игру наш милый Бильбо Бэггинс, самой судьбой избранный Взломщик. Так что давайте обсуждать дело дальше и выработаем план действий.

— Превосходно, — сказал Торин. — Может быть, наш многоопытный Взломщик выскажет какие-нибудь ценные мысли или предложения? — И он с преувеличенной вежливостью поклонился Бильбо.

— Прежде всего я хотел бы услышать побольше о самом деле, — сказал хоббит (в голове у него все перемешалось, в животе похолодело, но он, как истинный потомок Туков, решил не отступать). — То есть про золото, и про дракона, и про все прочее, и как золото туда попало, и чье оно, и так далее.

— Господи помилуй! — сказал Торин. — Разве вы не видели карты? Не слышали нашей песни? И разве не об этом мы толкуем уже много часов подряд?

— И все-таки я хочу услышать все подробно и по порядку, — упрямо сказал Бильбо, напуская на себя деловой вид (обычно предназначавшийся для тех, кто пытался занять у него денег) и изо всех сил стараясь казаться умным, осмотрительным, солидным специалистом, чтобы оправдать рекомендацию, полученную от Гэндальфа. — Я также хотел бы подробнее услышать о степени риска, о непредвиденных расходах, о том, сколько времени отводится на все это предприятие, о вознаграждении и прочая, и прочая.

Под этим подразумевалось: «Что перепадет мне? И вернусь ли я живым?»

— Ну, хорошо, так и быть, — сказал Торин. — Много лет тому назад, во времена моего деда Трора, нашу семью вытеснили с Дальнего Севера, и ей пришлось перебраться со всеми своими богатствами и орудиями труда назад, к этой самой Горе, что на карте. Гору эту некогда открыл мой давний предок Трейн Старший, но теперь гномы из нашего рода принялись

за нее всерьез: изрыли ее вдоль и поперек, расширили жилища и мастерские и при этом, как я понимаю, нашли довольно много золота и массу драгоценных камней. Как бы там ни было, они баснословно разбогатели и прославились, и дед мой стал королем Под Горой, и его очень чтили люди, которые поначалу жили на Юге, но постепенно расселились вверх по Реке Быстротечной до самой долины под сенью Горы. Тогда-то они и построили веселый город Дейл. Их правители всегда посылали за нашими кузнецами и богато вознаграждали даже наименее искусных. Отцы отдавали нам своих сыновей в обучение и щедро платили, особенно съестными припасами, так что мы не давали себе труда пахать, сеять и вообще добывать пропитание. То были счастливые дни, и даже у самых небогатых из нас водились свободные денежки и досуг для того, чтобы изготовлять красивые вещи просто так, для собственного удовольствия. Я уж не говорю о диковиннейших волшебных игрушках, каких в нынешнее время не увидишь нигде на свете! Чертоги моего деда буквально ломились от всевозможного оружия и драгоценных камней, резных изделий и кубков, а ярмарка игрушек в Дейле считалась чудом Севера.

Все это, несомненно, и привлекло внимание дракона. Драконы, как известно, воруют золото и драгоценности у людей, у эльфов, у гномов — где и когда только могут — и стерегут свою добычу до конца жизни (а живут драконы фактически вечно, если только их не убьют), но никогда не попользуются даже самым дешевым колечком. Сами они сделать не способны ровно ничего, даже не могут укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне. В те времена на Севере расплодилось множество драконов, а золота, как видно, становилось все меньше, потому что гномы кто бежал на Юг, кто погиб, и картина всеобщего разорения и опустошения приобретала все более угрожающие размеры. Так вот, был там один особенно жадный, сильный и отвратительный змей по имени Смог. Однажды с Севера до нас донесся гул, похожий на гул урагана, и все сосны на Горе застонали и заскрипели под ветром. Те гномы, кто находился под открытым небом, а не внутри Горы (на счастье, я был в их числе), издалека увидели, как дракон, весь в пламени, приземлился на нашей Горе. Потом он двинулся вниз, дополз до леса и поджег его. К этому времени в Дейле звонили во все колокола и воины спешно вооружались. Гномы бросились к Главным Воротам, но там их поджидал дракон. Никто из них не спасся. Река закипела от жара, туман окутал Дейл, и в этом тумане дракон напал на воинов и почти всех истребил — обычная печальная история, в те годы, увы, нередкая. Потом дракон вернулся назад, к Горе, прополз через Главные Ворота и очистил от жителей все улицы и переулки, подвалы, особняки и галереи. И когда на Горе не осталось в живых ни одного гнома, Смог забрал все сокровища

себе. Наверное, он, как водится у драконов, свалил все в кучу где-нибудь в самой дальней пещере и с тех пор спит на захваченном золоте. По ночам он выползал через Главные Ворота, похищал жителей Дейла и съедал их, так что Дейл постепенно пришел в упадок, а население частью погибло, а частью разбежалось. Не знаю доподлинно, что там творится сейчас, едва ли кто-нибудь осмеливается жить близко к Горе, разве что у Долгого Озера.

Мы, малочисленная горстка гномов, спасшихся в тот день, сидели в своем убежище и оплакивали судьбу, проклиная Смога. Вдруг вошли мой отец и дед с опаленными бородами. Они были очень мрачны и неразговорчивы. Когда я спросил, как им удалось уцелеть, они велели мне помолчать и сказали, что в свое время я все узнаю. Потом мы покинули эти края и, скитаясь с места на место, зарабатывали себе на жизнь, как могли: нам случалось даже браться за кузнечное ремесло или трудиться в угольных шахтах. Но об украденных у нас сокровищах мы помнили все время. И даже сейчас, когда, признаюсь, мы отложили кое-что про черный день и уже не терпим нужды (тут Торин погладил золотую цепь, висевшую у него на шее), мы все еще полны решимости вернуть их обратно и отомстить Смогу, если удастся.

Я часто ломал голову над тем, как спаслись отец и дед. Теперь я понимаю, что у них был в запасе Боковой Вход, о котором никто, кроме них, не знал. Очевидно, они и составили карту, и мне бы хотелось знать: каким образом ее захватил Гэндальф и почему она не попала ко мне — законному наследнику?

— Я ее не захватывал, мне ее дали, — ответил волшебник. — Ваш дед Трор, как вы помните, был убит в рудниках Морайи царем гоблинов Азогом.

— Будь проклято его имя! — отозвался Торин.

— А Трейн, ваш отец, двадцать первого апреля — в прошлый четверг минуло как раз сто лет с того дня — ушел неизвестно куда, и с тех пор вы его не видели...

— Все это верно, — подтвердил Торин.

— Так вот, ваш отец перед уходом отдал мне карту и просил передать ее вам; а что касается времени и места, которые я выбрал, чтобы вручить ее, то моей вины тут нет, ведь чего мне стоило вас разыскать! Когда ваш отец отдавал мне карту, он и свое-то имя позабыл, не то что ваше, так что скажите мне спасибо! Получайте! — И он протянул бумагу Торину.

— Все равно не понимаю, — сказал Торин, и Бильбо захотелось повторить то же самое. Объяснение и ему показалось не вполне ясным.

— Ваш дед, — медленно и сумрачно проговорил волшебник, — собираясь на рудники Морайи, отдал карту на хранение сыну. После гибели вашего деда отец ваш отправился по-

пытать счастья с картой; он пережил множество всяких злоключений, но так и не добрался до Горы. Я познакомился с ним в темницах черного мага Некроманта; как он попал туда — не знаю.

— Вы-то что там делали? — спросил Торин, содрогнувшись, и все гномы тоже вздрогнули.

— Неважно. Интересовался кое-чем, как всегда, и, надо сказать, там мне пришлось довольно туго. Даже я, Гэндальф, еле-еле уцелел. Я пытался спасти вашего отца, но было уже поздно: он повредился в уме, мысли его путались, он не помнил ни о чем, кроме карты и ключа.

— С гоблинами Морайи мы давно расквитались, — сказал Торин, — надо будет теперь заняться Некромантом.

— Вздор! Такого врага не одолеть всем гномам, вместе взятым, даже если бы их можно было еще собрать с четырех концов земли. Отец ваш хотел одного: чтобы его сын разобрался в карте и употребил ключ в дело. Так что дракон и Гора — этого вам за глаза хватит!

— Внимание! Внимание! — вырвалось у Бильбо.

— В чем дело? — спросили гномы и разом обернулись к нему, а он, не в силах совладать с собой, воскликнул:

— Послушайте, что я скажу!

— Что такое? — спросили гномы.

— Мне кажется, вам надо пойти на Восток и на месте выяснить, что и как. В конце концов, существует Боковой Вход, и драконы когда-нибудь да спят, и, если посидеть у входа подольше, что-нибудь непременно придет в голову. А потом, знаете, по-моему, на сегодня разговоров достаточно. Как там говорится насчет рано вставать, рано в кровать и так далее? Перед вашим уходом я накормлю вас хорошим завтраком.

— Перед нашим о б щ и м уходом, вы хотите сказать, — отозвался Торин. — Разве не вы Главный Взломщик? И не ваше разве дело сидеть у входа, не говоря уже о том, чтобы проникнуть внутрь? Но насчет кровати и завтрака я с вами согласен. Перед дорогой я обычно ем яичницу из шести яиц с ветчиной — конечно, не болтунью, а глазунью, да смотрите, чтоб глазки́ были целы!

После того как и остальные гномы объявили, что́ они желают на завтрак (никто из них не подумал сказать хотя бы «пожалуйста», что немало обидело Бильбо), все поднялись из-за стола. Хоббиту пришлось еще каждого устроить на ночь; он предоставил им все гостевые комнаты, постелил на креслах и диванах, наконец разместил всех и улегся в свою кроватку, очень усталый и не вполне успокоенный. Единственное, что он твердо решил, — ни в коем случае не вставать ни свет ни заря, чтобы накормить всех этих дармоедов. Туковские настроения в нем повыветрились, и он был далеко не уверен, что наутро отправится куда бы то ни было.

Лежа в постели, он слышал, как в соседней с ним парадной спальне Торин напевает:

За синие горы, за белый туман
В пещеры и норы уйдет караван;
За быстрые воды уйдем до восхода
За кладом старинным из сказочных стран...

Бильбо заснул под эту песню и видел скверные сны. Когда он проснулся, уже давно рассвело.

2
БАРАНЬЕ ЖАРКОЕ

Бильбо живо вскочил, надел халат и вошел в столовую. Ни души! Он застал там лишь следы обильного и поспешного завтрака. В комнате все было перевернуто вверх дном, в кухне громоздились груды грязной посуды, перепачканы были чуть не все кастрюли и горшки. Бильбо с грустью убедился в том, что вечерняя пирушка не просто дурной сон. Но зато он с облегчением увидел, что гости отправились в путь без него, не удосужившись его разбудить («Даже спасибо не сказали», — подумал он). В то же время Бильбо был немного разочарован и сам удивился своему разочарованию. «Не будь дураком, Бильбо Бэггинс, — уговаривал он себя, — в твои ли годы мечтать о драконах и всякой сказочной чепухе!»

И он надел фартук, разжег плиту, вскипятил воду и быстро перемыл всю посуду. Потом уютненько позавтракал на кухне и тогда только приступил к уборке столовой. Солнце уже сияло вовсю, входная дверь стояла распахнутой, в дом залетал теплый весенний ветерок. Бильбо начал громко насвистывать и совсем позабыл про вечер накануне. Только-только он собирался сесть и уютненько позавтракать во второй раз у раскрытого окна в столовой, как вдруг появился Гэндальф.

— Голубчик, — сказал он, — да когда же ты пожалуешь? А еще говорил «рано вставать»! Скажите на милость — сидит завтракает, или как там у тебя это называется, а между тем половина одиннадцатого! Они не могли ждать и оставили тебе послание.

— Какое послание? — спросил бедный мистер Бэггинс в неописуемом волнении.

— Вот те раз! — воскликнул Гэндальф. — Я тебя не узнаю — ты даже не вытер пыль на каминной полке!

— При чем тут каминная полка? Хватит с меня мытья посуды на четырнадцать персон!

— Если бы ты вытер каминную полку, ты бы нашел под часами вот это! — И Гэндальф протянул Бильбо записку (на-

писанную, естественно, на собственной, Бильбо, писчей бумаге).

Вот что Бильбо прочел:

«Торин и К° шлют Взломщику Бильбо свой привет! За гостеприимство — сердечная благодарность, предложение профессиональной помощи принимается с признательностью. Условия — оплата при вручении искомого размером до, но не превышая, четырнадцатой части общего дохода (буде таковой случится). Возмещение путевых издержек в любом случае гарантировано, похоронные издержки ложатся на К° или на ее представителей (если меры не приняты покойным заранее).

Не считая возможным нарушать ваш драгоценный отдых, мы отправляемся вперед, дабы сделать необходимые приготовления. Будем ожидать вашу почтенную особу в харчевне „Зеленый Дракон", Байуотер, ровно в 11 утра.

Надеясь на Вашу пунктуальность, имеем честь пребывать глубоко преданные Торин и К°».

— Остается ровно десять минут. Тебе придется бежать, — заметил Гэндальф.

— Но... — начал Бильбо.

— Никаких «но», — отрезал волшебник.

— Но ведь... — сделал еще одну попытку Бильбо.

— Никаких «но ведь»! Бегом!

Бильбо потом никак не мог вспомнить, каким образом очутился на улице — без шапки, без трости, без денег, без всех тех вещей, которые привык брать с собой, выходя из дому. Оставив второй завтрак недоеденным и посуду после себя невымытой, он сунул Гэндальфу ключи от дома и побежал со всех своих мохнатых ног по улочке мимо большой мельницы, через мост и еще с милю По Ту Сторону Реки.

Ну и запыхался же он, и упарился же, когда ровно в одиннадцать, с боем часов, достиг Байуотера. И на тебе! Оказалось, что носовой платок он тоже забыл дома!

— Браво! — сказал Балин, ждавший его в дверях харчевни.

Тут из-за поворота дороги, которая вела в деревню, показались остальные.

Они ехали верхом на пони, и каждый пони был навьючен всевозможной поклажей — тюками, мешками и прочими пожитками. Самый маленький пони, очевидно, предназначался Бильбо.

— Теперь залезайте оба — и в путь! — скомандовал Торин.

— Прошу прощения, — запротестовал Бильбо, — я не успел надеть шляпу, забыл носовой платок и не захватил денег. Вашу записку я получил только в десять сорок пять, чтобы быть точным.

— А вы не будьте таким точным, — посоветовал Двалин, — и не волнуйтесь! Придется вам до конца путешествия обхо-

диться без носовых платков и еще много без чего. А вместо шляпы... у меня в багаже есть лишний капюшон и плащ.

Вот так в одно прекрасное утро в самом конце апреля они тронулись потихоньку в путь. Бильбо был облачен в темно-зеленый плащ и чуть-чуть полинялый темно-зеленый капюшон, которые ему одолжил Двалин. Одежда была ему велика, выглядел он довольно нелепо.

Боюсь и вообразить, что подумал бы при виде Бильбо его отец Банго. Бильбо утешался единственно тем, что его нельзя принять за гнома, так как у него нет бороды.

Не успели они отъехать от харчевни, как их догнал Гэндальф, совершенно великолепный на великолепном белом коне. Он привез Бильбо уйму носовых платков, любимую трубку и табаку. Вся компания весело поехала дальше. По дороге путешественники целый день рассказывали разные истории и пели песни, замолкая лишь на то время, пока останавливались перекусить. И хотя это случалось далеко не так часто, как хотелось Бильбо, он все-таки понемногу стал входить во вкус такой жизни и подумывал, что приключения — это не так уж плохо.

Сперва они проезжали владения хоббитов — просторный добропорядочный край с отличными дорогами, населенный почтенным народом; время от времени им встречался какой-нибудь гном или фермер, спешившие по своим делам. Потом пошла местность, где жители говорили на незнакомом языке и пели песни, каких Бильбо раньше не слыхивал. Наконец они углубились в Пустынную Страну, где уже не попадалось ни жителей, ни трактиров, а дороги становились все хуже да хуже. Впереди замаячили сумрачные горы, одна другой выше, казавшиеся черными из-за густых лесов. На некоторых виднелись древние замки такого зловещего вида, как будто их построили нехорошие люди. Все кругом сделалось мрачным, погода вдруг испортилась, стало холодно и сыро. Ночевать им приходилось где попало.

— Подумать только — июнь на носу! — ворчал Бильбо; его пони хлюпал по грязнейшей проселочной дороге в хвосте процессии. Близился вечер, время чая прошло, весь день не переставая лил дождь, с капюшона текло в глаза, плащ промок насквозь, пони устал и спотыкался о камни. Путешественники были не в духе и молчали.

«Наверняка дождь промочил тюки с сухой одеждой и вода попала в мешки с едой, — с грустью думал Бильбо. — Как бы мне хотелось очутиться сейчас у себя дома, в моей славной норке, у очага, и чтобы чайник начинал петь!..»

Еще не раз потом ему пришлось мечтать об этом!

А гномы все трусили вперед да вперед, не оборачиваясь, словно совсем забыв про хоббита. За серыми тучами, должно быть, село солнце, и, когда они спустились в глубокую долину, по дну которой бежал поток, сделалось совсем темно. Поднял-

ся ветер, ивы по берегам закачались и зашелестели. К счастью, старинный каменный мост был цел и им не пришлось переправляться вброд, а то река вздулась от дождей и с шумом бежала с гор и холмов.

Когда они наконец очутились на другом берегу, совсем стемнело. Ветер разогнал тучи, проглянула луна. Они спешились, и Торин пробормотал что-то насчет ужина и «где бы отыскать сухое местечко на ночь». И тут только заметили, что Гэндальфа нет. Он ехал с ними всю дорогу, так и не объясняя — участвует он в их походе или просто провожает до поры до времени. Он ел больше всех, болтал больше всех и хохотал громче всех. А теперь он просто-напросто исчез, и все тут!

— Как раз когда так пригодился бы волшебник! — простонали Дори и Нори (они разделяли взгляд хоббита на то, что есть надо регулярно, часто и как можно больше).

В конце концов решили заночевать где есть и только передвинулись под деревья, так как там земля была суше. Но зато ветер стряхивал воду с листвы, и звук падающих капель — «кап, кап» — наводил уныние. К тому же что-то приключилось с костром, огонь словно заколдовали. Гномы обычно умеют разложить костер буквально где угодно и из чего угодно, независимо от того, есть ветер или нет. Но в этот вечер у них ничего не клеилось, даже у Ойна и Глойна, уж на что они были мастера по части костров.

Потом вдруг невесть чего испугался один из пони и ускакал. Его не успели перехватить, и он забежал в реку. Пытаясь вытащить его из воды, Фили и Кили чуть не утонули, а поклажу унесло течением. Там, как назло, была бóльшая часть провизии, поэтому их ожидал скудный ужин и еще более скудный завтрак.

Так они сидели, хмурые, промокшие, и ворчали, а Ойн и Глойн продолжали возиться с костром и переругиваться. Бильбо с грустью размышлял о том, что приключения — это не увеселительная прогулка в сияющий майский день. И вдруг Балин, который выполнял роль дозорного, закричал:

— Глядите, огонь!

Немного поодаль темнел холм, местами довольно густо поросший деревьями. В гуще деревьев и впрямь сверкал огонь, красноватый, уютный, словно свет костра или факелов.

Они поглядели-поглядели и принялись спорить. Одни стояли за то, чтобы пойти и просто посмотреть, что там такое, — хуже не будет. Другие убеждали: «Местность нам незнакома, и горы чересчур близко. Чем меньше проявлять любопытства в пути, тем меньше вероятности попасть в беду».

Кто-то сказал:

— Но нас как-никак четырнадцать.

А еще один проговорил:

— Куда запропастился Гэндальф?

И этот вопрос принялись повторять все наперебой.

Тут дождь полил пуще прежнего, а Ойн и Глойн подрались. Это решило дело.

— В конце концов, с нами Взломщик, — сказали они и направились в сторону огонька, со всеми возможными предосторожностями, ведя своих пони под уздцы. Они добрались до холма и ступили в лес, потом начали подниматься вверх, но нигде не было видно тропы, которая бы вела к дому или ферме. Как они ни старались, все равно шороха, треска и скрипа (равно как воркотни и чертыханья), пока они продирались в полной темноте сквозь чащу, было хоть отбавляй.

Внезапно красный свет ярко блеснул между стволами совсем близко.

— Теперь очередь за Взломщиком, — сказали они, подразумевая Бильбо.

— Ступайте и проверьте, что это за свет и зачем он и все ли тихо и безопасно, — приказал Торин хоббиту. — Поторапливайтесь и, если все в порядке, побыстрее возвращайтесь. Если не в порядке, тоже попробуйте вернуться. Не сможете вернуться — дважды крикните сычом, а один раз ухните филином, и мы постараемся что-нибудь предпринять.

И Бильбо пришлось идти, так и не успев объяснить, что он и одного раза не сумеет ухнуть филином или крикнуть сычом. Зато хоббиты умеют совершенно бесшумно ступать в лесу. Они очень гордятся своим умением, и Бильбо не раз презрительно фыркал, слушая «тарарам», который, по его мнению, устроили гномы, пробираясь по лесу. Я-то лично думаю, что мы с вами не заметили бы ровнехонько ничего, даже если бы кавалькада прогарцевала в двух шагах от нас. Что же касается Бильбо, то, когда он крался к огоньку, наверное, даже осторожный хорек ничего бы не услышал. Бильбо благополучно, никого не вспугнув, добрался до огня, и вот что он увидел.

Трое громадных великанов сидели у огромного костра, сложенного из буковых бревен. Они поджаривали куски барана на длинных деревянных вертелах и слизывали с пальцев жир. В воздухе разносился дивный аппетитный аромат. Рядом стоял бочонок с чем-то вкусным, и великаны то и дело окунали туда кружки. Это были тролли! Тут не могло быть никаких сомнений. Даже Бильбо, несмотря на свою затворническую жизнь, сразу догадался, кто они, по их грубым неотесанным физиономиям, их великанским размерам, массивным каменным ногам, а главное — по их разговору, который был совсем, совсем непохож на великосветский!

— Вчера баранина, сегодня баранина — видно, и завтра, чтоб мне лопнуть, придется жрать эту чертову баранину, — проговорил один тролль.

— Хоть бы какой завалящий кусок человечины! — отозвался второй. — И с какой радости этот Вильям, тупая башка, при-

волок нас в здешние места? Выпивка тоже кончается, — добавил он, толкая Вильяма под локоть, как раз когда тот делал глоток из кружки.

Вильям поперхнулся.

— Заткнись! — заорал он, как только отдышался. — Ты что думаешь — людишки нарочно будут вам с Бертом подвертываться — нате, лопайте? С той поры, как мы спустились с гор, вы с Бертом полторы деревни умяли, не меньше. Где их еще взять? Нынче такие времена пришли, что скажите «спасибо, Билл» и за такого жирненького горного барана, как этот.

Он оторвал зубами большой кусок от бараньей ноги, которую жарил, и утер губы рукавом.

Да, боюсь, что тролли всегда ведут себя так некультурно, даже те, у которых по одной голове. Услыхав все это, Бильбо понял, что следует немедленно действовать. Либо надо тихонько вернуться назад и предупредить своих, что в нескольких шагах сидят три здоровенных тролля в прескверном настроении и явно не откажутся отведать жареных гномов или, для разнообразия, жареных пони. Либо он должен показать класс кражи со взломом. Настоящий Взломщик первой категории в подобных обстоятельствах очистил бы карманы троллей (дело почти всегда того стоит), стянул бы барана прямо с вертела, похитил бы пиво — и был таков. А тролли при этом его бы и не заметили. Взломщики более практичные, лишенные профессионального тщеславия, пырнули бы предварительно троллей кинжалом. После чего весело скоротали бы ночку за сытным ужином.

Бильбо все это знал. Он немало прочитал о том, чего сам в своей жизни не видел и не делал. Он испытывал сильнейшее возбуждение, но и отвращение тоже. Ему хотелось быть в сотне миль отсюда и в то же время... в то же время он как-то не мог просто взять и вернуться к Торину и К° с пустыми руками. Поэтому он стоял, скрытый мраком, и размышлял. Из всех известных ему многообразных деяний взломщиков обчистить карманы троллей казалось ему наименее трудным. Наконец он решился и заполз за дерево как раз позади Вильяма.

Берт и Том отошли к бочонку. Вильям снова опрокинул кружку. Набравшись духу, Бильбо сунул свою маленькую ручку к Вильяму в обширный карман. Кошелек был там и показался Бильбо большим, как мешок. «Ха, — подумал он, входя во вкус своего нового ремесла и аккуратно вытягивая кошелек. — Лиха беда — начало!»

Да, это было только начало! Кошельки у троллей всегда со зловредным секретом, и этот кошелек не был исключением.

— Эй, ты кто такой? — пропищал кошелек, очутившись снаружи, и Вильям схватил Бильбо за шиворот прежде, чем тот успел отскочить за дерево.

— Чтоб мне лопнуть, Берт, погляди, кого я сцапал! — сказал Вильям.

— Что за штука? — спросили Берт и Том, подходя к нему.

— Почем я знаю! Ты что за штука?

— Я — Бильбо Бэггинс, вз-з-хоббит,— ответил бедняга Бильбо, трясясь всем телом и пытаясь сообразить, как ему прокричать по-совиному, пока его не придушили.

— Взхоббит? — повторили тролли, насторожившись. Тролли соображают туго и поэтому с подозрением относятся ко всему незнакомому.

— А чего, собственно, взхоббиту понадобилось в моем кармане? — заметил Вильям.

— А приготовить обед из него можно? — поинтересовался Том.

— Попробуй — узнаешь,— ответил Берт, берясь за вертел.

— Шкуру ободрать, так, поди, и мяса-то на один укус останется,— проговорил Вильям, который только что плотно поужинал.

— Может, поискать — тут еще такие найдутся? Пирог бы состряпали,— сказал Берт.— Эй, ты, много вас тут шныряет по лесу? Кролик ты несчастный,— добавил он, поглядев на мохнатые ножки хоббита. Он схватил Бильбо за ноги и сильно встряхнул его.

— Много,— пискнул Бильбо и тогда только спохватился, что нельзя выдавать друзей.— Нет, нет, никого,— быстро прибавил он.

— Это как понять? — спросил Берт, держа Бильбо в воздухе, но на этот раз за волосы.

— Так и понять,— ответил Бильбо, переведя дух.— Пожалуйста, любезные господа, не готовьте из меня ничего! Я сам хорошо готовлю, я лучше готовлю, чем готовлюсь, вы понимаете, что я хочу сказать? Я вам сготовлю превосходный завтрак, если вы меня не приготовите на ужин.

— Заморыш несчастный! — сказал Вильям. Он и так уже за ужином наелся и напился пивом.— Заморыш несчастный! Берт, отпусти ты его!

— Не отпущу, пока не объяснит, что значит «много» и «никого»,— возразил Берт.— Не желаю, чтоб мне глотку во сне перерезали! Вот подпалю ему пятки над костром, живо заговорит!

— А я этого не допущу,— сказал Вильям.— Я его поймал.

— Вильям, говорил я тебе, что ты жирный дурак,— заорал Берт,— и еще повторю!

— А ты хам!

— Я тебе этого не спущу, Билл Хаггинс! — завопил Берт и двинул Вильяму кулаком в глаз.

Тут началась зверская потасовка. Берт выронил Бильбо, и у того хватило ума отползти в сторону, чтобы его не растоптали. А тролли принялись отчаянно драться, громко обзывая друг друга всякими, надо сказать, весьма подходящими именами. Немного погодя они повалились на землю и, сцепившись,

лягаясь и пинаясь, покатились прямо в костер, а Том колотил их обоих веткой, чтобы образумить, отчего они, естественно, еще больше разъярились.

Тут бы хоббиту самое время улизнуть. Но его бедные мохнатые ножки сильно помял Берт своей лапищей, силы покинули Бильбо, голова кружилась, он лежал за кругом света, падавшего от костра, и отдувался.

В самом разгаре драки вдруг появился Балин. Гномы издалека услыхали шум и, напрасно прождав Бильбо или уханья совы, по одному поползли на свет костра. Едва Том увидел в круге костра Балина, он испустил страшный вой. Тролли просто терпеть не могут гномов (во всяком случае — в сыром виде). Берт и Билл мигом перестали драться и зашипели: «Том, мешок, скорей!» И прежде чем Балин, соображавший, где тут в этой кутерьме найти Бильбо, понял, что происходит, на голову ему набросили мешок и он уже лежал на земле.

— Сейчас еще полезут, — сказал Том, — или я здорово ошибаюсь. Это то самое и есть — много и никого. Ввзхоббитов — никого, а гномов — много. Я так кумекаю!

— А ведь похоже, ты прав, — подтвердил Берт. — Давайтека отойдем от света.

Так они и сделали. Держа наготове мешки, в которых таскали баранов и другую добычу, они притаились в темноте. Стоило появиться очередному гному и застыть в удивлении при виде костра, пустых кружек, обглоданных костей, как — хлоп! — вонючий противный мешок опускался ему на голову, и гном валился на землю. Очень скоро Двалин лежал рядышком с Балином, Фили и Кили тоже лежали вместе, Дори, Нори и Ори были брошены один на другого, а Ойн, Глойн, Бифур, Бофур и Бомбур самым неудобным образом свалены в кучу у костра.

— Будут знать, — сказал Том. Бифур и Бомбур доставили им массу неприятностей, сопротивляясь, как бешеные (все гномы в минуту смертельной опасности сопротивляются, как бешеные).

Последним показался Торин, и его-то уж не захватили врасплох. Он уже ожидал худшего, и ему не надо было видеть ноги своих соратников, торчащие из мешков, чтобы понять, что дела идут не слишком блестяще. Он остановился поодаль, в полумраке, и проговорил:

— Что тут творится? Кто расправился с моими людьми?

— Это тролли! — подал из-за дерева голос Бильбо. — Они прячутся с мешками в кустах.

— Ах так! — сказал Торин и бросился к костру так быстро, что тролли не успели накинуть на него мешок. Он выхватил из костра большую горящую ветку и ткнул ею Берту в глаз. На некоторое время Берт выбыл из строя. Бильбо тоже не зевал — обхватил Тома за ногу, с большим, надо сказать, трудом, так как нога была толщиной с молодое дерево. Но тут же

кубарем отлетел и упал прямо в куст, потому что Том, размахнувшись, подбросил ногой в лицо Торину ворох углей. За это Том получил поленом в зубы и потерял передний зуб. Ну и завыл же он! Но в эту самую минуту Вильям подкрался сзади и набросил на Торина мешок. На этом бой закончился. В плачевном положении очутилась вся компания: гномы лежали, аккуратно увязанные в мешки, в двух шагах сидели трое обозленных троллей, притом двое в ожогах и синяках, и спорили — зажарить гномов на медленном огне целиком, или накрошить и сварить, или просто сесть на каждого и раздавить в лепешку. Бильбо лежал на кусте; одежда на нем была изорвана, весь в ссадинах, он не смел шелохнуться, боясь, что его услышат.

И тут-то появился наконец Гэндальф. Но никто его не заметил. Тролли как раз порешили изжарить гномов сразу, а съесть погодя. Это была идея Берта, и после долгих пререканий другие двое с ним согласились.

— Чего хорошего — жарить сейчас, всю ночь провозимся, — послышался чей-то голос.

Берт подумал, что говорит Вильям.

— Не начинай снова-здорова, Билл, — огрызнулся он, — а то и впрямь всю ночь провозимся.

— Кто начинает? — отозвался Вильям, думавший, что те слова произнес Берт.

— Ты начинаешь, — ответил Берт.

— Врешь, — возразил Вильям, и спор начался сначала. В конце концов они договорились искрошить гномов и сварить. Тролли притащили огромный черный котел и достали ножи.

— Да не стоит их варить! Воды под рукой нет, а до колодца топать далеко, — раздался голос.

Берт и Вильям решили, что говорит Том.

— Молчи! — оборвали они его. — А то мы так никогда не кончим. Будешь болтать, пойдешь за водой.

— Сам молчи! — отозвался Том, который думал, что говорил Вильям. — Кто болтает? Ты и болтаешь!

— Балда! — сказал Вильям.

— Сам балда! — отрезал Том.

И они опять заспорили еще яростнее, чем прежде, но в конце концов пришли к соглашению сесть на каждый мешок по очереди и расплющить гномов, а сварить как-нибудь в другой раз.

— На кого первого сядем? — спросил голос.

Берт думал, что говорит Том.

— Давайте сперва на последнего, — ответил Берт, которому Торин повредил глаз.

— Чего ты сам с собой разговариваешь? — сказал Том. — Хочешь на последнего — садись на последнего. Где он тут?

— В желтых чулках, — сказал Берт.

— Ерунда, в серых, — послышался голос, похожий на Вильямов.

— Я нарочно запомнил — в желтых, — настаивал Берт.

— Точно, в желтых, — подтвердил Вильям.

— Так чего ты говоришь — в серых?! — возмутился Берт.

— Не говорил я. Это Том сказал.

— Я-то при чем? — завопил Том. — Сам ты сказал!

— Один двоих не переспорит, заткнись! — скомандовал Берт.

— Ты это кому говоришь? — крикнул Вильям.

— Ну хватит! — сказали Том и Берт вместе. — Ночь кончается, скоро рассвет. За дело!

— Рассвет вас застанет — и камнем всяк станет! — сказал голос, похожий на голос Вильяма. Но говорил не Вильям.

В эту самую минуту занялась заря и в ветвях поднялся птичий гомон. Вильям уже ничего не мог сказать, ибо, нагнувшись к Торину, превратился в камень, а Берт и Том уставились на него и тоже окаменели. Так и стоят они по сей день, совсем одни, разве что птицы на них садятся. Вам, может быть, известно, что тролли обязаны вовремя спрятаться под землю, чтобы рассвет их не застиг, в противном случае они превратятся в скалы, в горную породу, из которой произошли, и застынут навсегда. Именно это и случилось с Бертом, Томом и Вильямом.

— Превосходно! — проговорил Гэндальф, выступая из-за деревьев и помогая Бильбо слезть с колючего куста.

И тут Бильбо все понял. Чародей Гэндальф! — вот чей голос заставил троллей пререкаться так долго, что рассвет наступил и покончил с ними. Гэндальф и Бильбо развязали мешки и выпустили гномов. Те чуть не задохнулись и были в крайне раздраженном состоянии. Еще бы! Разве приятно лежать и слушать, как тролли обсуждают — зажарить тебя, раздавить или искрошить?

— Нашел время лазать по карманам, — проворчал Бомбур, — когда главное для нас — найти огонь и пищу!

— Уж чего-чего, а этого у них тебе бы все равно не получить без боя, — сказал Гэндальф. — Но так или иначе сейчас вы теряете время. Ясно, что у троллей должна быть выкопана где-то яма или пещера, куда они прятались от солнца! Не мешает в нее заглянуть!

Они поискали-поискали и вскоре нашли следы каменных сапог, которые вели в лес. Они шли по этим следам вверх по склону холма, пока не дошли до запрятанной в кустах большой каменной двери, которая закрывала вход в пещеру. Но открыть ее не могли, сколько ни толкали все вместе и сколько ни пробовал Гэндальф всякие заклинания.

— Может быть, это подойдет? — спросил Бильбо, когда они совсем выбились из сил и разозлились. — Я нашел его на земле, там, где дрались тролли.

И он протянул большущий ключ, который Вильяму, наверное, казался крохотным и незаметным. Ключ, на их счастье, должно быть, выпал у Вильяма из кармана до того, как тролль обратился в камень.

— Так что же ты раньше молчал? — закричали все хором. Гэндальф выхватил у Бильбо ключ и сунул его в замочную скважину. Один мощный толчок всей компанией — каменная дверь отворилась, и они вошли внутрь. На земле валялись кости, в пещере отвратительно пахло, но среди беспорядочного нагромождения всевозможных трофеев — от медных пуговиц до стоявших в углу горшков, полных до краев золотых монет,— на полках и на земле путники нашли груды еды. По стенам висело много разной одежды, троллям она была явно мала и, боюсь, принадлежала их жертвам. Еще там имелись мечи — самой разной выделки, формы и длины. Два из них сразу бросились в глаза благодаря своим красивым ножнам и рукоятям, усыпанным драгоценностями.

Гэндальф и Торин забрали себе эти два меча, а Бильбо взял кинжал в кожаном чехле. Для тролля этот кинжал был все равно что маленький карманный ножичек, но хоббиту он мог служить мечом.

— Сразу видно — клинки отличные,— сказал чародей, наполовину вытаскивая мечи из ножен и с любопытством разглядывая их.— Их ковали не тролли и не люди из здешних краев, и сделаны они не в наше время. Когда разберем руны, узнаем о них больше.

— Уйдем поскорей отсюда, тут такой омерзительный запах,— взмолился Фили.

Они унесли горшки с монетами и ту снедь, которая выглядела съедобной. А также полный бочонок эля. Они уже были весьма не прочь позавтракать и не стали воротить нос от запасов троллей. Ведь съестного у них оставалось мало. Они подкрепились хлебом и сыром, вдоволь выпили эля и поджарили на углях копченой свинины. Затем легли спать. Как вы понимаете, после такой ночки поспать не грех. Проотдыхав почти до вечера, они привели пони, погрузили на них горшки с золотом, перевезли подальше и закопали невдалеке от тропы, шедшей вдоль реки. Они тщательно заколдовали это место и произнесли много заклинаний, рассчитывая вернуться сюда за золотом. Покончив с этим, они сели на пони и затрусили опять по дороге, ведущей на восток.

— Где вы изволили пропадать, если не секрет? — спросил Торин у Гэндальфа дорогой.

— Разведывал, что впереди,— отвечал тот.

— А что вас заставило вернуться так вовремя?

— Привычка оглядываться назад.

— В самом деле! — пробормотал Торин.— А нельзя ли поясней?

— Я пустился вперед обследовать наш путь. Имейте в виду, дорога очень скоро станет опасной и трудной. Меня также беспокоил вопрос, где пополнить наш скудный запас провианта. Только я отъехал, как мне повстречались двое знакомых из Ривенделла.

— Где это? — вмешался Бильбо.

— Не прерывай! — отозвался Гэндальф. — Если нам повезет, ты туда скоро попадешь и сам все узнаешь. Как я уже сказал, я встретил двоих людей Элронда. Они мне и рассказали, что три тролля спустились с гор, обосновались в лесах неподалеку от большой дороги, распугали всех обитателей в округе и подстерегают путников. У меня сразу возникло ощущение, что там, позади, во мне нуждаются. Оглянувшись, я увидел в отдалении костер и поехал прямо на него. Вот теперь вы все знаете. Пожалуйста, в другой раз будьте осторожней, а то мы никуда не доберемся!

— Мы вам весьма признательны! — проговорил Торин.

3
ПЕРЕДЫШКА

Погода исправилась. Но ни в этот день, ни на следующий, ни еще через один путешественники не пели и не рассказывали историй. Им чудилось, будто над ними нависла угроза. Они ночевали под открытым небом, и пони их ели сытнее, чем они сами, так как трава вокруг росла в изобилии, а тюки опустели — запасов, пополненных в пещере троллей, хватило ненадолго. Однажды утром они переправились через реку в мелком месте, где с грохотом перекатывались камни и по воде несло пену. Противоположный берег был крутой и скользкий. Когда они наконец с трудом взобрались на него, ведя под уздцы пони, то увидели высокие горы. Горы словно надвигались на них — казалось, до ближайшей не больше дня пути. Темной и мрачной выглядела эта гора, хотя на ее бурых склонах кое-где лежали полосы солнечного света, а за ней торчали снежные пики.

— Та самая гора? — воскликнул Бильбо, с благоговением глядя на нее округлившимися глазами. В жизни ему не приходилось видеть ничего громаднее.

— Ну что ты! — возразил Балин. — Это начинаются Туманные Горы, а нам надо перебраться через них или под ними. Только тогда мы попадем в Дикий Край. И даже оттуда еще далеко до Одинокой Горы, где Смог стережет наши сокровища.

— Ах так! — произнес Бильбо. И в эту минуту он вдруг почувствовал такую усталость, какой не испытывал прежде. Он опять вспомнил свое удобное креслице у камина в любимой гостиной и услышал, как поет чайник.

Теперь поход возглавлял Гэндальф.

— Если пропустим дорогу, мы пропали, — сказал он. — Прежде всего нам нужна провизия, а потом — отдых в достаточно безопасном месте. К Туманным Горам нужно приступать, зная правильную дорогу, а то легко и заблудиться.

Когда они спросили, куда он их ведет, Гэндальф ответил:

— Вы подошли, как некоторым из вас, вероятно, известно, к самой границе Дикого Края. Где-то впереди прячется прекрасная долина Ривенделл, там, в Последнем Домашнем Приюте, живет Элронд. Я послал ему весточку через своих знакомых, и нас ждут.

Звучало это приятно и утешительно, но туда надо было еще дойти, а не так-то легко отыскать дорогу в Последний Домашний Приют. Местность впереди неуклонно и постепенно повышалась к подножию ближайших гор; ничто не нарушало ее однообразия — не было ни деревьев, ни расщелин, ни холмов, лишь широкий склон цвета вереска и крошащиеся скалы с редкими зелеными пятнами травы и мха, свидетельствовавшими о присутствии воды.

Утро миновало, день перевалил за середину, но по-прежнему в безмолвной пустыне не появлялось никаких признаков жилья. Путешественников обуяло нетерпение. Прямо под их ногами вдруг открывались лощины с обрывистыми склонами, где внизу, к их удивлению, росли деревья и протекали речки. Возникали расщелины, такие узкие, что, на первый взгляд, их ничего не стоило перепрыгнуть, но они были невероятно глубокие, и на дне их клокотали водопады. Встречались темные овраги, через которые нельзя перепрыгнуть и куда нельзя спуститься. Попадались трясины, с виду казавшиеся зелеными и веселыми лугами в ярких цветах. Но если на них ступал пони с поклажей, он исчезал навсегда.

На поверку от брода до гор оказалось намного дальше, чем путники предполагали. Единственная тропа была отмечена белыми камнями — и совсем маленькими, и большими, наполовину скрытыми мхом и вереском. Гэндальф то и дело нагибался с коня, мотая бородой, и выискивал белые камушки; остальные следовали за ним.

День начал склоняться к вечеру, а поискам не было конца. Давно прошло время чая, быстро смеркалось, луна еще не взошла. Пони под Бильбо начал спотыкаться о корни и камни. И вдруг они очутились на краю крутого обрыва, да так неожиданно, что конь Гэндальфа чуть не кувырнулся вниз.

— Ну вот мы и пришли! — воскликнул волшебник, и все столпились вокруг него и заглянули вниз. Там они увидели долину, услышали журчание воды, спешившей по каменному ложу. В воздухе стоял аромат зелени, по ту сторону реки виднелись огоньки.

Бильбо никогда не забыть, как они скользили и скатывались в сумерках по крутой извилистой тропе вниз, в укромную долину Ривенделл. Делалось все теплее, сосновый дух подей-

ствовал на Бильбо усыпляюще, он поминутно клевал носом, чуть не падая с пони, и несколько раз ткнулся носом ему в холку. По мере того как они спускались, настроение у них подымалось. Сосны сменились буками и дубами, потемки убаюкивали. Когда они выехали на прогалину совсем близко к потоку, стало темно, все краски померкли.

«Хм-м, пахнет эльфами!» — подумал Бильбо и посмотрел вверх на звезды. Они мерцали ярким голубым светом. И тут среди деревьев неожиданно, как взрыв смеха, зазвучала песня:

Да что вы, да что вы,
Куда вы, куда вы?
Сносились подковы,
Тут всюду канавы,
Манит вас опушка,
Журчит здесь речушка,
Ха-ха!

Останьтесь-ка лучше,
По нашему зову.
Костер лижет сучья,
Лепешки готовы.
Тра-та, тра-та-та-та,
В долину, ребята,
Ха-ха!

Куда ж вы, бедняги?
В лесу что-то рыщут,
Трепещут, как флаги,
У них бородищи.
И Фили, и Кили
На пони вскочили
В лесу,
Ха-ха!

У нас бы остались,
Чем мчаться в тревоге,
Ведь пони устали
И сбились с дороги.
День клонится к ночи,
Останься, кто хочет,
И песенке этой
Внимай до рассвета,
Ха-ха![1]

Там, в деревьях, какие-то существа хохотали и пели и, признаться, мололи порядочную чепуху. Но их это не смущало, и если бы вы им сказали об этом, они бы рассмеялись пуще прежнего. Конечно, то были эльфы.

Бильбо даже разглядел их в сгущавшейся темноте. Он немножко побаивался эльфов, но в то же время они ему нрави-

[1] Здесь и дальше стихи в переводе Г. Усовой.

лись, хотя он редко сталкивался с ними. Гномы — те не очень ладят с эльфами. Даже такие рассудительные гномы, как Торин и его друзья, считают эльфов глупыми (а считать эльфов глупыми — как раз и есть самая настоящая глупость). Эльфы их раздражают, потому что любят дразнить гномов и подшучивать над их бородами.

— Вот так потеха! — сказал какой-то голос. — Вы только поглядите! Хоббит Бильбо верхом на пони! Какая прелесть!

— Чудеса да и только!

Тут они принялись петь новую песню, такую же несуразную, как и та, что я записал дословно. Наконец высокий молодой эльф вышел из-за деревьев и поклонился Гэндальфу и Торину.

— Добро пожаловать в долину! — произнес он.

— Благодарим вас! — чуть-чуть сердито ответил Торин. Но Гэндальф уже сошел с лошади и весело болтал с эльфами.

— Вы немного сбились с дороги, — сказал первый эльф, — если, конечно, вы ищете дорогу, которая ведет через реку к дому на той стороне. Мы вам ее покажем. Но к мосту и через мост лучше идти пешком. Не хотите ли немножко побыть с нами и попеть? Или поедете дальше сразу? Там готовят ужин, — добавил он, — от костров тянет дымом.

Как ни устал Бильбо, он с удовольствием задержался бы в лесу. Пение эльфов июньской ночью под звездным небом стоит послушать, если вам нравятся такие вещи. Бильбо хотелось перекинуться несколькими словами с этими существами, которые знали, как его зовут и кто он такой, хотя он их никогда раньше не видел. Эльфам известно многое, они, как никто, подхватывают новости на лету и быстрее, чем падает водопад, узнают обо всем, что творится на земле.

Но гномы единодушно стояли за ужин, притом не откладывая, и потому не пожелали задерживаться. Они двинулись дальше, ведя пони под уздцы. Эльфы вывели их на хорошую тропу на самый берег реки. Она бежала быстро, с шумом, как все горные потоки в летние вечера после того, как солнце весь день растапливает снег на вершинах. На тот берег шел каменный мостик без перил, такой узкий, что пони с трудом могли по нему пройти. Пришлось продвигаться осторожно, по одному, ведя за собой пони. Эльфы светили им яркими фонариками и пели веселую песенку, пока вся компания переправлялась через реку.

— Не обмакни бороду в воду, папаша! — кричали эльфы Торину, который шел через мост, согнувшись в три погибели. — Ее смачивать не надо — она и так выросла длинная!

— Следите, чтобы Бильбо не съел все кексы! — кричали другие. — Такой толстяк не пролезет в замочную скважину!

— Тише, тише, Добрый Народ! Спокойной ночи! — остановил их Гэндальф, который замыкал шествие. — И долины имеют

уши, а некоторые эльфы — чересчур длинные языки. Спокойной ночи!

Наконец они подошли к Последнему Домашнему Приюту, двери которого были гостеприимно распахнуты.

Странное дело: о том, что хорошо, о днях, которые провел приятно, рассказывается скоро, и слушать про них не так уж интересно. А вот про то, что неприятно, что вызывает страх или отвращение, рассказы получаются долгими и захватывающими.

Путешественники провели в гостеприимном доме немало дней, по меньшей мере четырнадцать, и покидать его им не хотелось. Бильбо с радостью оставался бы там еще и еще, даже если бы мог без всяких хлопот по одному только желанию перенестись домой, в хоббичью норку. И все же рассказать об их пребывании там почти нечего.

Хозяин дома Элронд был друг эльфов и предводитель тех людей, у которых в предках числились эльфы и открыватели Севера.

Он был благороден и прекрасен лицом, как повелитель эльфов, могуч, как воин, мудр, как колдун, величествен, как король гномов, и добр, как нежаркое лето. Дом Элронда был само совершенство; там было хорошо всем — и тем, кто любит поесть и поспать, и тем, кто любит трудиться, и кто любит слушать или рассказывать истории, петь или просто сидеть и думать, и тем, кому нравится все понемножку.

Злу не было места в долине.

Наши путешественники и их пони за несколько дней отдохнули и набрались сил. Настроение у них исправилось, одежду им починили, синяки и царапины залечили, наполнили мешки едой, легкой по весу, но очень питательной, и надавали много полезных советов. Так они дожили до кануна Иванова дня и с восходом солнца в Иванов день должны были отправиться дальше.

Элронд в совершенстве знал руны. За день до отъезда он осмотрел мечи, найденные в логовище троллей, и сказал:

— Их ковали не тролли. Мечи старинные, работы древних великих эльфов, с которыми я в родстве. Мечи делали в Гондолине для войны с гоблинами. Должно быть, они застряли в сокровищнице какого-нибудь дракона или стали добычей гоблинов — ведь драконы и гоблины разрушили город Гондолин много веков назад. Этот меч — знаменитое оружие, Торин, на языке рун он именуется Оркрист, что в переводе на гондолинский означает Сокрушитель Гоблинов. А этот меч, Гэндальф, зовется Глемдринг — Молотящий Врагов, — некогда его носил король Гондолина. Берегите их!

— Интересно, как они попали к троллям? — проговорил Торин, с любопытством разглядывая свой меч.

— Наверное сказать нельзя, — ответил Элронд, — но можно догадаться, что ваши тролли ограбили других грабителей или

раскопали остатки чужих трофеев, припрятанных где-то в горах.

Торин задумался над его словами.

— Я буду беречь его как зеницу ока, — сказал он. — Да сокрушит он гоблинов, как встарь!

— Вашему пожеланию, возможно, суждено сбыться, едва вы очутитесь в горах, — заметил Элронд. — Теперь покажите карту!

Он развернул ее и долго разглядывал, качая головой. Элронд не очень одобрительно относился к гномам — вернее, не очень одобрял их любовь к золоту, — но он ненавидел драконов, их жестокость и коварство. С сожалением он вспоминал веселые колокола города Дейла, так как видел потом его развалины и опаленные берега реки Быстротечной. На карту падал свет широкого серебряного месяца. Элронд поднял карту кверху и посмотрел на просвет.

— Что это? — воскликнул он. — За простыми рунами, говорящими: «Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», — проступают лунные буквы!

— Что за лунные буквы? — Хоббит не мог долее сдерживаться. Я уже говорил, как ему нравились карты. Еще ему нравились руны и вообще всякие необычные буквы и затейливые почерки. У самого у него почерк был не ахти какой.

— Лунные буквы — те же руны, но обычно они не видны,— ответил Элронд.— Их разглядишь только в лунные ночи, когда луна светит на них сзади, а есть такие хитрые лунные буквы, что видны только при той фазе луны, в какой она была, когда их начертали. Их изобрели гномы и писали серебряными перьями. Эти надписи, очевидно, сделаны в такую, как сегодня, ночь — в канун Иванова дня.

— Что они означают? — спросили Гэндальф и Торин одновременно, немного раздосадованные тем, что Элронд обнаружил такую вещь первым, хотя и то сказать: до сих пор такого случая не представлялось.

— «Стань в Дьюрин день у серого камня, когда прострекочет дрозд,— прочел Элронд,— и заходящее солнце бросит последний луч на дверную скважину».

— Дьюрин, ну как же! — промолвил Торин.— Он был старейшим из старейшин древнего рода гномов Длиннобородых и моим самым первым предком. Я — потомок Дьюрина.

— Что же такое Дьюрин день? — поинтересовался Элронд.

— Как всем должно быть известно, мы называем Дьюриным тот день, когда последняя осенняя луна и солнце стоят в небе одновременно. Боюсь, что нам это знание не очень-то поможет, так как в наше время утрачено умение вычислять, когда же наступит такой день.

— Это мы посмотрим,— вмешался Гэндальф.— Что-нибудь еще написано?

— При сегодняшней луне больше ничего не разобрать, — ответил Элронд и отдал карту Торину. После чего все спустились к воде посмотреть, как пляшут и поют эльфы.

Утро Иванова дня было такое прекрасное, о каком можно только мечтать: на голубом небе ни облачка, лучи солнца танцевали на воде. Путешественники выехали в путь, сопровождаемые прощальными песнями и добрыми напутствиями. Они были готовы к дальнейшим приключениям и твердо знали дорогу, которая их выведет через Туманные Горы в лежащую за ними страну.

4
ЧЕРЕЗ ГОРУ И ПОД ГОРОЙ

Десятки тропинок вели в горы, изрезанные множеством расселин. Но тропинки по большей части оказывались ложными или заводили в тупик. В расселинах же гнездилась всякая нечисть и подстерегали страшные опасности.

Много дней и много миль пролегло между нашими путешественниками и Последним Домашним Приютом. Они поднимались все выше и выше, тропа была трудная, опасная, путь окольный, пустынный, бесконечный. Если глянуть назад — внизу расстилалась местность, которую они не так давно покинули. Далеко-далеко на Западе в сиреневой дымке лежала родная страна Бильбо, мир безопасный и уютный, и в нем — его собственная хоббичья норка. Становилось все холоднее, между скал свистел пронзительный ветер.

Порой со склонов скатывались камни, вырвавшиеся из растопленного дневным солнцем снега, и проскакивали между путешественниками или пролетали над головой. Ночи были промозглые, неуютные, путешественники не смели петь и громко разговаривать, так как эхо раскатывалось самым жутким образом, и тишина явно хотела, чтобы ее не нарушало ничто, кроме шума воды, воя ветра и стука камней. «Там внизу разгар лета, — думал Бильбо, — косят траву, устраивают пикники... Мы еще с гор не начнем спускаться, а там уже пойдет жатва и сбор ягод».

Остальным приходили в голову не менее унылые мысли. А между тем с Элрондом они прощались в самом радужном настроении и предвкушали, как перевалят через горы и быстро поскачут дальше. Они даже рассчитывали добраться до потайной двери в Одинокой Горе той же осенью в новолуние. «Может быть, как раз поспеем в Дьюрин день», — говорили они.

Только Гэндальф качал головой и помалкивал. Гномы уже много лет не ходили этой дорогой, но Гэндальф бывал тут и знал, что с тех пор, как драконы выжили отсюда людей и гоблины расселились здесь после проигранной гномами битвы

при рудниках Морайи, зло безнаказанно царит в Диком Краю и путников всюду подстерегают опасности. Даже продуманные планы мудрых чародеев вроде Гэндальфа и добрых людей вроде Элронда могут провалиться, когда совершаешь опасное путешествие по Дикому Краю. Гэндальф был достаточно мудр, чтобы понимать это. Он знал, что в любую минуту может случиться непредвиденное, и не надеялся, что удастся обойтись без страшных происшествий во время перехода через высокие горы с их недоступными пиками и зловещими долинами, где властвует беззаконие. Обойтись и не удалось!

Все шло хорошо, пока однажды они не попали в грозу, да какую! Казалось, гремит гром не грозовой, а пушечный. Всякий знает, как страшно бушуют гром и молнии в горах, ночью, когда две грозы идут войной друг на друга. Молнии раскалываются, ударяясь об вершины, скалы содрогаются, ужасные раскаты грома сотрясают воздух, эхо разносится по всем пещерам и углублениям, и тьма наполняется оглушающим грохотом и сверканием.

Бильбо никогда ничего подобного не видел и даже вообразить не мог. Они находились высоко в горах на узкой площадке, на краю головокружительного обрыва, отвесно уходящего вниз. Они устроились на ночлег под нависшей скалой; Бильбо лежал, закутавшись в одеяло, и дрожал всем телом. Выглядывая одним глазком из-под одеяла, он видел при вспышках молнии по другую сторону долины каменных великанов, которые перебрасывались обломками скал, ловили их и снова швыряли во мрак; обломки сыпались вниз, в гущу деревьев, или с грохотом разлетались вдребезги. Потом поднялся ветер и полил дождь; ветер хлестал дождем и градом со всех сторон, так что навес перестал быть защитой. Скоро путешественники промокли, пони их стояли, понурив головы, поджав хвосты, некоторые тихонько ржали от страха. Слышно было, как великаны гогочут и перекликаются по всем склонам.

— Так не годится! — сказал Торин. — Если даже нас не сдует ветром, или не смоет дождем, или не поразит молнией, то любого может схватить великан и поддать ногой, как футбольный мяч.

— Коли знаете местечко получше, так возьмите и отведите нас туда! — сварливым тоном отозвался Гэндальф, которого тоже не радовало соседство великанов.

После некоторых препирательств решили послать Фили и Кили поискать убежище поудобнее. Зрение у них было острое, а поскольку они были моложе других гномов лет этак на пятьдесят, то им всегда давали такие поручения (когда становилось ясно, что бессмысленно посылать Бильбо). «Когда ищешь, то обязательно находишь» — так сказал младшим гномам Торин. Спору нет, если ищешь, то всегда что-нибудь найдешь, но совсем не обязательно то, что искал. Так получилось и на этот раз.

Вскоре Фили и Кили ползком явились назад, держась за скалы, чтобы не снесло ветром.

— Мы нашли сухую пещеру, — заявили они, — тут за углом. Там всем хватит места, для пони тоже.

— А вы как следует ее осмотрели? — спросил волшебник. Он-то знал, что горные пещеры редко пустуют.

— Еще бы! — ответили они, хотя всем было ясно, что осмотреть внимательно у них не хватило времени — так быстро они вернулись.

В том и состоит коварство пещер, что никогда не знаешь, далеко ли пещера простирается, куда она выведет и что подстерегает вас внутри. Сведения, принесенные Фили и Кили, показались вполне удовлетворительными. Ветер по-прежнему завывал, и гром гремел, и им стоило больших трудов добраться вместе с пони до пещеры. Хорошо, что до нее было действительно недалеко: они скоро уперлись в скалу, выступавшую на тропинку, и, обогнув ее, обнаружили в стене низкий ход. Сквозь отверстие как раз протиснулись расседланные, без поклажи пони. Так приятно было слушать, как снаружи беснуются ветер и дождь, и чувствовать себя в безопасности от великанов и их каменных мячей. Но волшебник ни в коем случае не хотел рисковать: он зажег свой посох, как когда-то (так давно!) в столовой у Бильбо, и они обследовали пещеру вдоль и поперек.

Пещера была порядочных размеров, но не слишком велика и не очень таинственна. Сухой пол, уютные закоулки. Ойн и Глойн хотели развести на пороге костер, чтобы обсушить вещи, но Гэндальф строго-настрого запретил. Тогда все расстелили мокрую одежду прямо на земле, вытащили сухую из тюков, завернулись в одеяла, достали трубки и принялись пускать колечки. Гэндальф, чтобы доставить друзьям удовольствие, окрашивал колечки в разные цвета и заставлял плясать под сводами. Путешественники болтали-болтали и совсем забыли про грозу. Они обсуждали, что каждый сделает со своей долей золота (сейчас оно не казалось им недоступным). Потом они один за другим заснули.

Как показала эта ночь, они хорошо сделали, взяв в путешествие Бильбо. Он долго не спал, а когда наконец заснул, то видел отвратительные сны. Ему снилось, будто трещина в задней стене пещеры растет, раскрывается все шире и шире; ему стало страшно, но он не мог крикнуть, не мог пошевелиться и просто лежал и смотрел. Потом ему приснилось, будто пол пещеры наклоняется и сам он падает, катится — неизвестно куда!

Он сильно вздрогнул и проснулся и тут же понял, что то был не совсем сон. Трещина в конце пещеры действительно разошлась и превратилась в широкий проход, в щели мелькнул хвост последнего пони и исчез. И тут Бильбо завопил, да так

громко и пронзительно, как умеют вопить только хоббиты, несмотря на свой маленький рост. И тогда в одно мгновение, не успели бы вы проговорить «ой, стой!», из трещины посыпались гоблины, большие пребольшие, уродливые-преуродливые — несметные толпы гоблинов. На каждого гнома их пришлось по шесть штук, и даже на Бильбо — два. Они похватали наших путешественников и протащили через щель так быстро, что вы не успели бы молвить «куда — беда!». Но Гэндальфа они не успели сграбастать! И причиной тому был вопль Бильбо. Волшебник проснулся в мгновение ока, как будто и не спал, и когда гоблины подступили к нему, в пещере сверкнул ослепительный свет, запахло порохом и нескольких гоблинов убило на месте. Щель со стуком сомкнулась, и Бильбо и гномы очутились по другую ее сторону! Куда же девался Гэндальф? Этого не знали ни они, ни гоблины, да гоблины и не стали этого выяснять. Они продолжали тащить Бильбо и гномов. Вокруг стояла темень сплошная, непроницаемая, в такой тьме умеют видеть только гоблины, привыкшие жить в глубине гор. Проходы шли во всех направлениях, пересекаясь, перепутываясь, но гоблины знали нужную дорогу так же хорошо, как вы знаете дорожку к ближайшей почте. Тропа все спускалась и спускалась, и внизу была невыносимая духота. Гоблины вели себя грубейшим образом, безжалостно щипали пленников и хохотали ужасным деревянным смехом.

Наконец впереди замерцал красный свет, и гоблины запели, затянули хриплыми голосами жуткую песню, пришлепывая в такт плоскими ступнями по камням и потряхивая своих пленников:

Хлоп! Стоп! Вот тебе в лоб!
Глядь! Хвать! Как тебя звать?
Жи-вут гоблины тут,
Эй, смелей, сюда!

Стук! Звон! Топот и стон!
Раз-два — молоток! Три-четыре — свисток!
Впе-ред в подземный ход,
Эй, шевелись побыстрей!

Треск! Свист! Кнут, хлыст!
Бей и стучи! Рычи и мычи!
Врешь, врешь! От нас не уйдешь!
Гоблины пьют, хохочут, поют —
А ну-ка вперед, в подземный ход,
Живей, живей, живей!

Звучало это устрашающе. Стены содрогались от «хлоп, стоп», «треск, свист» и от безобразного смеха. Смысл песни был достаточно ясен: гоблины достали кнуты и погнали пленников перед собой, хлеща их: вжик, вжик! Гномы жалобно стонали и повизгивали. И вдруг все они ввалились в огромную пещеру.

Посредине пылал большой красный костер, по стенам горели факелы, в пещере было полно гоблинов. Все они загоготали, затопали ногами и захлопали в ладоши, когда внутрь вбежали гномы, и последним (а значит, ближе всего к кнутам) — бедняга Бильбо. За ним, гикая и щелкая кнутами, следовали погонщики. В углу сбились в кучу пони, на земле валялись тюки и мешки, вспоротые и развороченные; гоблины рылись в них, обнюхивая вещи, ощупывая их и переругиваясь. Как это ни печально, гномы больше никогда не видели своих отличных пони, в том числе крепенького веселого белого, которого одолжил Гэндальфу Элронд, так как лошадь не смогла бы пройти по горным тропам. Скажу по секрету: гоблины едят лошадей, и пони, и осликов, и кое-кого еще и вечно голодны. Но сейчас пленникам было не до пони, они думали только о себе. Гоблины сковали им руки за спиной, привязали всех гуськом к одной длинной цепи и поволокли в дальний угол пещеры. Малютка Бильбо болтался в самом хвосте.

В углу, в полумраке, на большом плоском камне восседал большущий гоблин с огромной головой, а вокруг стояли воины, вооруженные топорами и кривыми мечами. Гоблины, надо сказать, жестокие, злобные и скверные существа. Они не умеют делать красивых вещей, но зато отлично делают все злодейское. Они не хуже гномов, исключая наиболее искусных, умеют рыть туннели и разрабатывать рудники, когда захотят, но сами они всегда грязные и неопрятные. Молоты, топоры, мечи, кинжалы, мотыги, клещи и орудия пытки — все это они прекрасно делают сами или заставляют делать других. Другие — это пленники, рабы, которые работают на них, пока не умрут от недостатка воздуха и света. Не исключено, что именно гоблины изобрели некоторые машины, которые доставляют неприятности человечеству, особенно те, которые предназначаются для уничтожения большого числа людей за один раз. Механизмы, моторы и взрывы всегда занимали и восхищали гоблинов. Однако в те времена, о которых мы рассказываем, и в той дикой местности гоблины еще не доросли до такой стадии цивилизации (так это называется). Они ненавидели всех без разбора, особенно порядочных и процветающих, а не то что питали именно к гномам особую ненависть. В некоторых местностях отдельные бессовестные гномы даже заключали с гоблинами союзы. Но к гномам того племени, к которому принадлежал Торин, гоблины питали самую настоящую вражду из-за войны, о которой мы уже упоминали, но о которой речь здесь не пойдет. А вообще-то гоблинам все равно кого поймать, лишь бы застать жертву врасплох, чтобы та не могла защищаться.

— Кто эти жалкие отродья? — спросил Верховный Гоблин.

— Гномы и вот этот! — ответил один из погонщиков, дернув цепь так, чтобы Бильбо упал на колени. — Они прятались в нашей передней галерее.

— С какой стати? — обратился Верховный Гоблин к Торину. — Поручусь, что затевали какую-нибудь пакость! Подозреваю, что шпионили за моим народом! Нисколько не удивлюсь, если они воры! А еще вероятнее, убийцы! И еще, чего доброго, друзья эльфов! Ну! Что скажете?

— Гном Торин, к вашим услугам! — произнес Торин (это была простая вежливость, как вы понимаете). — В тех поступках, которые вы нам приписываете, мы не виноваты. Мы укрывались от грозы в удобной и пустой, как нам показалось, пещере. В наши намерения никоим образом не входило беспокоить гоблинов! — И это была правда!

— Гм! — сказал Верховный Гоблин. — Так, значит! А могу я осведомиться, что вам вообще понадобилось в горах и откуда вы взялись и куда направлялись? Я бы хотел знать о вас все. Правда, это вам мало поможет, Торин Оукеншильд, мне и так достаточно известно о вашем племени. Но лучше выкладывайте все начистоту.

— Мы отправились в путь, желая повидать наших родственников: племянников и племянниц, кузенов и кузин, троюродных и четвероюродных братьев и сестер и других потомков наших общих предков, которые проживают к востоку от этих поистине гостеприимных гор, — ответил Торин. Он находился в затруднении — как выложить все начистоту в условиях, где правда не слишком уместна.

— Он лжет, о величайший из великих! — вмешался один из погонщиков. — Несколько наших были поражены молнией в пещере, когда мы предложили этим существам спуститься с нами вниз. Наши умерли на месте. И потом, как он объяснит вот это? — Тут гоблин показал меч Торина — меч из логовища троллей.

Верховный Гоблин бросил взгляд на меч и испустил леденящий душу вой ярости и злобы, и все воины заскрежетали зубами, загрохотали щитами и затопали ногами. Они сразу признали меч. В свое время, когда светлые эльфы Гондолина теснили гоблинов и сражались с ними под стенами своего города, этот меч убил сотни гоблинов. Эльфы называли его Оркрист, или Сокрушитель Гоблинов, но сами гоблины прозвали его просто Кусач. Они ненавидели его и еще больше тех, в чьих руках он находился.

— Убийцы гоблинов и друзья эльфов! — завопил Верховный Гоблин. — Рубите их! Хлещите их! Кусайте их! Грызите их! Бросить их в ямы со змеями, чтоб не видели они больше дневного света!

Он до того остервенился, что спрыгнул с трона и, разинув пасть, кинулся на Торина.

В этот миг все огни в пещере разом потухли и из костра — п-ф-ф! — взметнулся до самого свода столб синего раскаленного дыма, разбрасывая белые колючие искры, которые стали жечь гоблинов. Невозможно описать, какой поднялся визг, писк, вой, беготня и трескотня, рычание и ворчание. Сотни

диких кошек и волков, если бы их поджаривали живьем всех вместе на медленном огне, не могли бы поднять такой невообразимый шум-гам. Искры прожигали гоблинов насквозь; гарь, наполнившая пещеру, была такой густой, что даже глаза гоблинов, привычные к тьме, не могли ничего разглядеть. Скоро все гоблины катались по полу, сцепившись клубками, кусаясь, лягаясь, пинаясь и колошматя друг друга как сумасшедшие.

Внезапно сам собой сверкнул меч и пронзил Верховного Гоблина. Тот упал мертвым, а его воины с диким визгом бросились врассыпную и исчезли в темноте.

Меч вернулся в ножны.

— Быстро за мной! — приказал спокойно, но сурово чей-то голос. И ничего не успев сообразить, Бильбо опять затрусил в конце цепочки по темным переходам, а визг и вой гоблинов постепенно затихли вдали.

— Скорей! Скорей! — торопил голос. — Сейчас опять зажгут факелы.

— Одну минутку! — попросил Дори, шедший перед Бильбо. Он, насколько позволяли связанные руки, помог хоббиту вскарабкаться ему на спину, и затем все пустились вперед бегом, позвякивая цепями, спотыкаясь и чуть не падая. Они бежали вперед не останавливаясь, бежали долго и, вероятно, уже находились в самой глубине гор.

И тут Гэндальф зажег свой посох. Конечно же, все это было делом рук Гэндальфа. Но пока им некогда было расспрашивать его, откуда он взялся. Он опять вытащил меч, и опять меч засветился во мраке. Сперва, когда вокруг были гоблины, меч пылал от гнева, а теперь он светился тихим голубым светом, довольный тем, что убил повелителя гоблинов. Ему ничего не стоило перерубить цепи, и он в два счета освободил пленников. Меч звали Глемдринг, то есть Молотящий Врагов, если помните. Гоблины прозвали его Колотун и ненавидели еще больше, чем Кусача, если это возможно. Оркрист тоже удалось спасти: Гэндальф выхватил его из рук остолбеневшего стражника. Гэндальф вообще успевал о многом подумать, и хотя не был всесилен, многое мог сделать для друзей, чья жизнь подвергалась опасности.

— Все тут? — спросил он, с поклоном вручая Торину меч.— Ну-ка: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... постойте, где же Фили и Кили? Ага, здесь! Двенадцать, тринадцать и мистер Бэггинс четырнадцатый. Неплохо, могло быть и хуже, но, опять же, могло быть и получше. А так — ни пони, ни пищи; где мы — неизвестно, и по пятам гонится орда разозленных гоблинов. Вперед!

И они двинулись вперед. Гэндальф оказался прав: позади в темных переходах, которые они только что покинули, послышался шум, топот и ужасные крики гоблинов. Гномы припустили еще быстрее, а поскольку Бильбо не мог за ними угнаться, то они взялись нести его по очереди на спине.

И все-таки гоблины бегают быстрее гномов, к тому же они лучше знали дорогу, так как сами прорывали ходы, вдобавок они обезумели от ярости. Так что гномы, как ни старались уйти от преследования, вскоре услыхали приближающиеся крики и завывания. Шлепанье множества ног слышалось буквально за ближайшим поворотом. В туннеле позади них замелькали огни факелов. А гномы уже выбились из сил.

— Зачем, ах зачем покинул я мою норку! — повторял несчастный мистер Бэггинс, подпрыгивая на спине у Бомбура.

— Зачем, эх зачем брали мы с собой в поход этого недотепу! — повторял бедный толстяк Бомбур, пошатываясь под ношей. От жары и страха пот капал у него с носа.

В этот момент Гэндальф немного отстал, и Торин последовал его примеру. Они свернули за угол.

— Меч из ножен, Торин! — крикнул волшебник.

Ничего другого им не оставалось. Ух, как не понравилось это гоблинам! На полном ходу они выскочили из-за угла — и вдруг Сокрушитель Гоблинов и Молотящий Врагов остро и ярко сверкнули им в глаза. Передние выронили факелы и испустили предсмертный вой. Средние завопили еще громче и бросились назад, сшибая бежавших за ними. «Кусач и Колотун!» — завизжали они. Началась паника, гоблины, оставшиеся в живых, опрометью помчались обратно.

Еще долго гоблины не осмеливались заглянуть за страшный поворот. Тем временем гномы успели углубиться далеко-далеко в темные ходы царства гоблинов. Сообразив это, уцелевшие гоблины снова зажгли факелы, надели мягкие башмаки и пустили вслед за гномами своих самых быстрых скороходов с острым слухом и зрением. Те помчались вперед в темноте быстро, как хорьки, и бесшумно, как летучие мыши. Потому-то ни Бильбо, ни сам Гэндальф не слышали их приближения. И не видели их. Но зато гоблины различали беглецов прекрасно, так как посох Гэндальфа испускал слабый свет, освещая гномам дорогу. Внезапно Дори, который теперь оказался последним и нес Бильбо, схватили за ногу. Дори закричал и грохнулся на землю, а хоббит полетел в черноту, стукнулся головой о камень и потерял сознание.

5
ЗАГАДКИ В ТЕМНОТЕ

Когда Бильбо наконец открыл глаза, то не понял даже, открыл ли их: такая вокруг стояла непроницаемая темень. Поблизости ни души. Представьте себе, как Бильбо испугался! Он ничего не слышал, ничего не видел и ничего не ощущал, кроме холодного каменного пола под собой.

С великим трудом он поднялся на четвереньки и пополз, пока не дотронулся до стенки туннеля. Ни гоблинов, ни гномов

не было слышно. Голова у него кружилась, он даже не мог определить, в какую сторону они бежали, перед тем как он свалился.

Выбрав, как ему показалось, правильное направление, он так и пополз на четвереньках и полз довольно долго, пока рука его не коснулась маленького холодного металлического колечка, лежавшего на земле. То был поворотный момент в его карьере, но он этого еще не знал. Машинально он положил колечко в карман — сейчас оно было ни к чему. Потом сел на холодный пол и долго предавался горестным раздумьям. Он представлял себе, как жарит яичницу с беконом у себя дома. Желудок давно намекал ему, что пора бы подкрепиться, и от голода он чувствовал себя еще более несчастным.

Он не мог сообразить, что делать дальше, не мог вспомнить, почему его бросили одного, почему в таком случае гоблины его не подобрали, а также почему у него так болит голова. Причина же заключалась в том, что он завалился в уголок и лежал себе в темноте. Как говорится, с глаз долой... и почти что дух вон.

Через некоторое время он нащупал в кармане трубку, она не сломалась — уже хорошо. Потом достал кисет, там оставалось немного табаку — еще того лучше. Потом пошарил по карманам — и не нашел ни одной спички! Мечты его разлетелись в прах. Одумавшись, он, правда, решил, что так даже лучше. Бог знает, к чему привели бы чирканье спичками и запах табака! Кто кинулся бы на него из черных ходов? Но все же на момент отсутствие спичек его огорчило. Охлопывая себя кругом, он наткнулся на рукоять кинжала, который взял в пещере троллей и о котором совсем забыл. Хорошо, что гоблины не заметили его, — он был засунут за пояс. Бильбо вытащил кинжал из ножен — и тот слабо засветился во мраке.

«Значит, тоже изделие эльфов, — подумал Бильбо, — а гоблины, хоть и не рядом, но и не так далеко».

Он немного успокоился. Все-таки замечательно иметь при себе оружие, сделанное в Гондолине для войны с гоблинами, о которой пелось столько песен. Он уже заметил, что гоблины, увидев оружие эльфов, сразу терялись.

«Идти назад? — размышлял он.— Исключено! Вбок? Бессмысленно! Вперед? Единственная разумная вещь! Итак, вперед!»

Он встал на ноги и побрел дальше, держа в одной руке перед собой кинжал, другой касаясь стены. Сердце его колотилось и трепыхалось.

Да, Бильбо очутился в чрезвычайно трудном положении. Но вы должны помнить, что для него оно было менее трудным, чем было бы, скажем, для меня или для вас. Хоббиты все-таки не то, что люди. Кроме того, хотя норки у них симпатичные, уютные, хорошо проветрены и совсем не похожи на туннели гоблинов, хоббиты все же гораздо больше привыкли к подзем-

ным переходам, чем мы, и не так легко теряют способность ориентироваться под землей. Особенно когда уже опомнятся после того, как трахнулись головой о камень. Ступают хоббиты бесшумно, умеют ловко спрятаться и быстро оправляются от ушибов и падений. У них неисчерпаемые запасы мудрых пословиц и поговорок, о которых люди никогда не слыхали или давно позабыли.

И все-таки мне лично не хотелось бы оказаться на месте мистера Бэггинса. Казалось, туннель никогда не кончится. То и дело влево и вправо отходили проходы, Бильбо видел их благодаря свечению кинжала. Туда он не заглядывал, только торопился дальше, боясь, как бы оттуда не выскочили гоблины или еще какие-нибудь страшные твари. Он шел да шел, все дальше и дальше, все вниз да вниз. И по-прежнему ни звука, лишь изредка взмах крыльев проносящейся мимо летучей мыши. Сперва он пугался, но потом перестал — мыши пролетали часто. Не знаю уж, сколько он так плелся, но наконец почувствовал, что устал как никогда; ему казалось, что он уже перешел в завтра и так будет идти всю жизнь.

Неожиданно, ни о чем не подозревая, он плюхнулся в воду! Бр-р-р! Вода была ледяная! Это встряхнуло Бильбо и заставило собраться. Он не знал, просто ли это лужа на дороге, или берег подземного потока, пересекавшего туннель, или край глубокого и таинственного подземного озера. Кинжал почти перестал светиться. Бильбо замер на месте и прислушался: «кап-кап» капали капли с невидимой крыши в воду. Никаких других звуков.

«Значит, это лужа или озеро, а не река», — подумал Бильбо. Он не решался войти в воду в темноте. Плавать он не умел, и ему представлялись разные противные скользкие создания с выпученными слепыми глазами, извивающиеся в воде. Странные существа водятся в прудах и озерах в глубине гор: рыбы, чьи предки заплыли туда Бог весть как давно да так и не выплыли на свет, глаза их все выпучивались и выпучивались оттого, что они силились видеть во мраке. Есть там твари и более страшные, чем рыбы. Они поселились в пещерах раньше гоблинов и теперь скрываются по темным закоулкам, шныряют, подсматривают и разнюхивают.

Здесь, в глубине и в темноте, у самой воды жил старый Голлум — большая скользкая тварь. Не знаю, откуда он взялся и кто или что он был такое. Голлум — и все. Черный, как сама темнота, с двумя громадными круглыми бесцветными глазами на узкой физиономии. У него была лодчонка, и он тихо скользил в ней по озеру. Это и в самом деле было озеро, широкое, глубокое и ледяное. Он греб своими длинными задними лапами, свесив их за борт, греб беззвучно, без единого всплеска. Не таковский он был, чтобы шуметь. Он высматривал своими круглыми, как плошки, глазами слепых рыб и выхватывал их

из воды длинными пальцами с быстротой молнии. Мясо он тоже любил. Когда ему удавалось поймать гоблина, он бывал доволен: они нравились ему на вкус. Но сам он старался не попасться им на глаза. Обычно он набрасывался на них сзади и душил, если какому-нибудь гоблину случалось оказаться одному на берегу озера, когда Голлум рыскал поблизости. Они, правда, спускались к воде очень редко, так как чувствовали, что там внизу, у самых корней горы, их подстерегает что-то неприятное. Они наткнулись на озеро давным-давно, когда рыли туннели, и убедились, что дальше не проникнуть. Поэтому дорога там и кончалась, и ходить туда было незачем — если только их не посылал туда Верховный Гоблин, которому вдруг захотелось поесть рыбки из озера. Иногда он не видел больше ни рыбки, ни рыбака.

Жил Голлум на скользком каменном островке посреди озера. Он уже давно заприметил Бильбо и наставил на него, как телескопы, бледные глаза. Бильбо не мог видеть Голлума, но Голлум-то его видел и изнывал от любопытства, понимая, что это не гоблин. Он влез в лодочку и оттолкнулся от островка, а Бильбо тем временем сидел на берегу, потерявший дорогу и растерявший последние мозги, — словом, совершенно растерянный. И вдруг бесшумно подплывший Голлум прошипел и просвистел совсем близко:

— Блес-с-ск и плес-с-ск, моя прелес-с-сть! Угощ-щ-щение на с-с-славу! С-с-сладкий кус-с-сочек для нас-с-с!

И он издал страшный глотающий звук: «Голлм!» Недаром имя его было Голлум, хотя сам он звал себя «моя прелес-с-сть». У хоббита чуть сердце не выпрыгнуло, когда он вдруг услыхал шипение и увидел два бледных, уставившихся на него глаза.

— Ты кто такой? — спросил он, выставляя вперед кинжал.

— А он кто такой, моя прелес-с-сть? — прошипел Голлум (он привык обращаться к самому себе, потому что больше ему не с кем было разговаривать). Он явился именно затем, чтобы разузнать, кто это. Голода он сейчас не испытывал, только любопытство; будь он голоден, он сперва бы сцапал Бильбо, а потом уже зашипел.

— Я мистер Бильбо Бэггинс. Я потерял гномов, потерял волшебника и не знаю, где я. И знать не хочу, мне бы только выбраться отсюда.

— Что за ш-ш-штука у него в руках? — спросил Голлум, глядя на кинжал, который ему явно не понравился.

— Меч, выкованный в Гондолине!

— Ты слышиш-ш-шь? — прошипел Голлум и сделался очень вежливым. — Не присес-с-сть ли тебе, моя прелес-с-сть, не побес-с-седовать ли с ним немнож-ж-жко? Как ему нравятс-с-ся з-з-загадки? Может быть, нравятс-с-ся?

Голлум старался вести себя как можно дружелюбнее, во всяком случае, до поры до времени, пока не выяснит побольше

о мече и о хоббите, один ли он в самом деле и можно ли его с-с-съес-с-сть, и не проголодался ли он, Голлум. Загадки — вот что пришло ему в голову. Загадывать загадки да изредка отгадывать их — единственная игра, в которую ему приходилось играть давным-давно с другими чудными зверюшками, сидевшими в своих норках. С тех пор он потерял всех своих друзей, стал изгнанником, остался один и заполз глубоко-глубоко, в самую тьму под горой.

— Хорошо,— сказал Бильбо, решив быть покладистым, пока не узнает побольше об этом создании — одно ли оно, злое ли и дружит ли с гоблинами.— Сперва ты,— добавил он, потому что не успел ничего придумать.

И Голлум прошипел:

Не увидать ее корней,
Вершина выше тополей,
Все вверх и вверх она идет,
Но не растет.

— Ну, это легко,— сказал Бильбо.— Наверное, гора.

— Иш-ш-шь как прос-с-сто догадалс-с-ся! Пус-с-сть у нас-с-с будет с-с-состязание! Ес-с-сли моя прелес-с-сть с-с-спрос-с-сит, а он не отгадает, моя прелес-с-сть его съес-с-ст. Ес-с-сли он с-с-спросит нас-с-с, а мы не догадаем-с-с-ся, мы с-с-сделаем то, что он прос-с-сит, хорош-ш-шо? Мы покаж-ж-жем ему дорогу, моя прелес-с-сть.

— Согласен,— сказал Бильбо, не смея отказаться и отчаянно пытаясь придумать загадку, которая бы спасла его от съедения.

На красных холмах
Тридцать белых коней
Друг другу навстречу
Помчатся скорей,
Ряды их сойдутся,
Потом разойдутся,—
И смирными станут
До новых затей.

Вот все, что он сумел из себя выжать,— слово «съесть» мешало ему думать. Загадка была старая, и Голлум, конечно, знал ответ не хуже нас с вами.

— С-с-старье! — прошипел он.— З-з-зубы! З-з-зубы, моя прелес-с-сть! У нас-с-с их ш-ш-шес-с-сть!

Затем он задал вторую загадку:

Без голоса кричит,
Без зубов кусает,
Без крыльев летит,
Без горла завывает.

— Минутку! — вскричал Бильбо, в чьих ушах по-прежнему звучало «съесть». К счастью, нечто подобное он когда-то слы-

хал и теперь напряг свою память и ответил: — Ветер, разумеется, ветер!

Он был так доволен собой, что следующую загадку сочинил сам. «Пускай помучается, мерзкое создание», — подумал он.

Огромный глаз сияет
В небесной синеве,
А маленький глазок —
Сидит в густой траве.
Большой глядит — и рад:
«Внизу мой младший брат!»

— С-с-с, — просвистел Голлум. Он так давно жил под землей, что забыл про такие вещи.

Но когда Бильбо уже начал надеяться, что гадкое существо проиграло, Голлум вызвал в памяти те далекие времена, когда он жил с бабушкой в норке на берегу реки.

— С-с-с, моя прелес-с-сть, — просвистел он, — одуванчик, вот какой с-с-смысл.

Но такие будничные заурядные надземные загадки ему надоели. К тому же они напомнили ему о тех днях, когда он был не такой одинокий, не такой противный, не скрывался, не таился. И у него испортилось настроение. И еще он проголодался. Поэтому на сей раз он загадал загадку покаверзнее:

Ее не видать
И в руки не взять,
Царит над всем,
Не пахнет ничем.
Встает во весь рост
На небе меж звезд.
Все начинает —
И все кончает.

На несчастье Голлума, Бильбо когда-то слыхал что-то вроде этого, и во всяком случае отгадка окружала его со всех сторон.

— Темнота! — выпалил он, даже не почесав в затылке и не приставив пальца ко лбу.

Без замков, без засовов дом,
Слиток золота спрятан в нем, —

сказал он просто так, чтобы оттянуть время, пока не придумает что-то поистине неразрешимое. Он считал загадку достаточно затасканной и постарался выразить ее хотя бы новыми словами. Но для Голлума она неожиданно оказалась трудной. Голлум свистел и шипел, пыхтел, но никак не мог догадаться.

Бильбо уже начал терять терпение.

— Ну, так что же? — сказал он. — По звукам, которые ты издаешь, можно подумать, что ответ — «кипящий чайник».

— Порас-с-скинуть мозгами, пус-с-скай дас-с-ст нам время порас-с-скинуть, моя прелес-с-сть.

— Ну? — повторил Бильбо, сочтя, что дал достаточное время «порас-с-скинуть». — Говори отгадку.

И тут Голлум вдруг вспомнил, как в детстве воровал из гнезд яйца и потом, сидя на бережке, учил свою бабушку высасывать их.

— Яйт-с-са, — прошипел он. — Яйт-с-са, вот как! — И поскорее загадал:

Без воздуха живет она
И, как могила, холодна,
Не пьет, хотя в воде сидит,
В броне, хотя и не звенит.

Теперь Голлум, в свою очередь, считал загадку ужасно легкой, потому что ответ был вечно у него на уме. Просто в эту минуту его так разволновала загадка про яйца, что труднее не придумывалось. Но бедняге Бильбо она показалась неразрешимой, он ведь старался, когда мог, не иметь дела с водой. Вы-то, конечно, знаете ответ или просто догадались, так как сидите себе с комфортом дома и никто вас не собирается съедать. Бильбо откашлялся разок-другой, но ответ не явился.

Вскоре Голлум начал посвистывать от удовольствия, обращаясь к самому себе:

— Интерес-с-сно, вкус-с-сный ли он? С-с-сочный ли? Можно ли его с-с-схрупать?

Он снова начал таращиться на Бильбо из темноты.

— Минутку! — взмолился хоббит, дрожмя дрожа. — Полминутки! Я-то дал тебе время пораскинуть мозгами.

— Пус-с-сть пос-с-спеш-ш-шит, пос-с-спеш-ш-шит! — проговорил Голлум и начал перебираться из лодки на берег, поближе к Бильбо. Но едва он опустил свою тощую паучью лапу в воду, оттуда выскочила испуганная рыба и плюхнулась прямо Бильбо на ногу.

— Ух! — вскрикнул он. — Какая холодная, липкая! — И тут его осенило. — Рыба! — закричал он. — Рыба, рыба!

Голлум был страшно разочарован. А Бильбо, не теряя ни минуты, задал новый вопрос, так что Голлуму — хочешь не хочешь — пришлось залезть обратно в лодку и думать дальше.

Две ноги
На трех ногах,
А безногая в зубах.
Вдруг четыре прибежали
И с безногой убежали.

Он выбрал не самое удачное время для этой загадки, но уж очень он торопился. В другой раз Голлуму пришлось бы поломать себе голову, но сейчас, когда только что шла речь о рыбе, «безногая» угадалась довольно легко, а остальное пошло как по маслу: «Человек сидит на табурете и ест рыбу. Прибежала

кошка, утащила рыбу». Голлум решил, что подоспело время спросить что-нибудь действительно непосильное и устрашающее. И вот что он спросил:

Уничтожает все кругом:
Цветы, зверей, высокий дом, —
Сжует железо, сталь сожрет
И скалы в порошок сотрет,
Мощь городов, власть королей
Его могущества слабей.

Бедняга Бильбо сидел и перебирал в уме имена всех чудовищ и страшилищ, о которых слыхал, но никто из них не натворил стольких ужасов сразу. У него было чувство, будто ответ совсем не про чудовищ и он его знает, но голова у него отказывалась варить. Он впал в панику, а это всегда мешает соображать. Голлум опять перекинул лапы за борт, спрыгнул в воду и зашлепал к берегу. Глаза его все приближались к Бильбо... У Бильбо язык прилип к гортани, он хотел крикнуть: «Дай мне еще время! Дай время!» Но у него вырвался только писк: «Время! Время!»

Бильбо спасла случайность: это и была разгадка.

Голлум снова был разочарован. Он начинал злиться, игра ему надоела, он проголодался. На этот раз он не вернулся в лодку, а уселся в темноте подле Бильбо. Это окончательно вывело Бильбо из равновесия и лишило способности соображать.

— Пус-с-сть с-с-спрос-с-сит еще рас-с-с, пус-с-сть, пус-с-сть! — прошипел Голлум.

Но Бильбо был просто не в состоянии думать, когда рядом сидела такая мерзкая мокрая холодная тварь и все время его трогала и ощупывала. Бильбо чесался, Бильбо щипал себя — ничего не выходило.

— С-с-спрос-с-си нас-с-с, с-с-спрос-с-си! — шипел Голлум.

Бильбо щипнул себя еще разок, охлопал себя со всех сторон, сжал рукоять кинжала и даже пошарил другой рукой в кармане. Там он нашарил колечко, которое подобрал в туннеле и про которое забыл.

— Что такое у меня в кармане? — спросил он вслух. Он задал вопрос так, сам себе, но Голлум подумал, что вопрос относится к нему, и ужасно заволновался.

— Нечес-с-стно, нечес-с-стно! — зашипел он. — Ведь правда, моя прелес-с-сть, ведь нечес-с-стно с-с-спраш-ш-шивать нас-с-с, что у него в мерс-с-ском кармаш-ш-шке?

Бильбо, сообразив, что произошло, не нашел ничего лучше, как повторить еще раз громче:

— Что у меня в кармане?

— С-с-с, — зашипел Голлум. — Пус-с-сть дас-с-ст нам догадаться с трех рас-с-с.

— Ладно! Отгадывай! — сказал Бильбо.

— Рука? — спросил Голлум.

— Неправильно, — ответил Бильбо, вовремя убравший руку из кармана. — Еще раз!

— С-с-с, — прошипел Голлум. Он еще больше разволновался и стал вспоминать все предметы, которые держал у себя в карманах: рыбьи кости, зубы гоблинов, мокрые ракушки, кусочек крыла летучей мыши, камень для заострения клыков и прочую гадость. — Нож! — выдавил он из себя наконец.

— Не угадал! — обрадовался Бильбо, давно потерявший нож. — Последний вопрос!

Голлум теперь оказался в состоянии куда более тяжелом, чем после загадки про яйца. Он шипел, и плевался, и раскачивался взад и вперед, и шлепал лапами по земле, корчился и извивался, но никак не решался ответить в последний раз.

— Давай же! — торопил Бильбо. — Я жду!

Он храбрился и делал уверенный и бодрый вид, но на самом деле боялся думать, чем кончится игра независимо от того, догадается Голлум или нет.

— Время истекло! — объявил он.

— Бечевка или пус-с-сто! — взвизгнул Голлум. Он поступил не очень честно — не дело высказывать две догадки сразу.

— Ни то и ни другое! — закричал с облегчением Бильбо. В ту же минуту он вскочил на ноги, прислонился спиной к скале и выставил вперед кинжал. Он знал, конечно, что игра в загадки очень старинная и считается священной и даже злые существа не смеют плутовать, играя в нее. Но Бильбо не доверял этому скользкому созданию: с отчаяния оно могло выкинуть любую штуку. Под любым предлогом оно могло нарушить договор. Да и последняя загадка, если на то пошло, согласно древним правилам игры, не могла считаться настоящей.

Но Голлум пока не нападал на Бильбо. Он видел в руке у Бильбо оружие и сидел тихо, дрожа и что-то шепча. Наконец Бильбо не выдержал.

— Ну? — сказал он. — Где обещание? Мне пора. Обещал показать дорогу — показывай!

— Мы обещ-щ-щали, моя прелес-с-сть? Вывес-с-сти мерс-с-ского Бэггинс-с-са на дорогу? Воз-з-зможно. Но что же у него в кармаш-ш-шке? Не бечевка, моя прелес-с-сть, но и не пус-с-сто, не пус-с-сто. Голлм!

— Тебя это не касается, — ответил Бильбо. — Обещание надо выполнять.

— Какой он с-с-с-сердитый, моя пре-лес-с-сть, как торопит-с-с-ся, — прошипел Голлум. — Пус-с-сть подождет, подождет. Мы не пус-с-стимс-с-ся по туннелям нас-с-спех. Мы должны с-с-сперва вз-з-зять кое-что важное.

— Тогда живей! — скомандовал Бильбо, радуясь, что отделается от Голлума. Он думал, что Голлум просто ищет предлога, чтобы удрать и не вернуться. Что он там бормочет? Какая такая важная

вещь припрятана у него на черном озере? Бильбо ошибался. Голлум собирался вернуться. Он очень проголодался и разозлился. У этого злобного обездоленного создания родился план.

На островке, о котором Бильбо ничего не знал, Голлум прятал всякую дрянь, а кроме того — очень полезную, очень прекрасную и очень волшебную вещь. Кольцо — золотое драгоценное кольцо!

— Подарок на мой день рождения, — прошептал он, как любил шептать себе в беспросветно темные нескончаемые дни. — Вот что нам нужно сейчас-с-с, нужно сейчас-с-с!

Дело в том, что кольцо это было не простое, а чудесное. Тот, кто надевал его на палец, делался невидимым, и лишь при ярком солнечном свете можно было разглядеть тень, да и то очень слабую и неверную.

— Подарок! Получен в день рождения, моя прелес-с-сть.

Так он всегда твердил себе, но кто знает, каким путем Голлум заполучил его в те давние времена, когда таких колец было на свете много. Вероятно, сам Мастер — повелитель колец не знал этого. Сперва Голлум носил кольцо на пальце, потом ему надоело, и он стал носить его в мешочке на шее, пока кольцо не натерло ссадину. Теперь Голлум обычно держал кольцо под камнями на своем островке и то и дело проверял, там ли оно. Он надевал его изредка, когда уж очень невмоготу становилось жить с ним в разлуке или когда бывал очень голоден, а рыба прискучила. Тогда он крался по темным туннелям вверх, высматривая случайных гоблинов. Порой он даже отваживался заглядывать туда, где горели факелы: глаза у него болели, он жмурился, но он был в безопасности! Да, в полной безопасности. Никто его не видел, не замечал, и вдруг — р-раз! — пальцы его впивались в горло гоблина. Всего несколько часов назад он надевал кольцо и поймал гоблиненка. Как тот заверещал! От него осталась пара косточек про запас, но сейчас Голлуму хотелось чего-нибудь понежнее.

— В полной безопас-с-сности, — шептал он себе под нос. — Он не увидит нас-с-с, правда, моя прелес-с-сть? Нет, не увидит, и мерс-с-ский мечиш-ш-шко нам будет не с-с-страшен, не страш-ш-шен.

Вот какие планы копошились в его злобном умишке, когда он вдруг зашлепал к лодке и исчез в темноте. Бильбо решил, что только он его и видел. Но на всякий случай немного подождал: все равно он не представлял себе, как отсюда выбраться.

Внезапно он услышал пронзительный крик. Мурашки побежали у него по коже. Где-то не очень далеко в темноте бранился и причитал Голлум. Он был на островке, рылся то там, то сям, искал и копался, но безрезультатно.

— Где оно? Куда задевалос-с-сь? — услышал Бильбо. — Потерялос-с-сь, моя прелес-с-сть! Потерялос-с-сь. Нес-с-счастные мы, горемычные, моя прелес-с-сть, оно потерялос-с-сь!

— Что случилось? — окликнул его Бильбо. — Что потерялось?

— Пус-с-сть не с-с-спраш-ш-шивает нас-с-с! — взвизгнул Голлум. — Его не кас-с-сается! Голлм! Потерялос-с-сь, голлм, голлм!

— Я тоже потерялся! — закричал в нетерпении Бильбо. — И хочу найтись. Я выиграл, ведь ты обещал. Иди теперь сюда. Иди и выводи меня, а потом будешь искать дальше!

Как ни был несчастен Голлум, Бильбо все равно не мог проникнуться к нему сочувствием. И потом, от вещи, которая нужна Голлуму позарез, наверняка хорошего ждать нечего.

— Иди сюда! — закричал Бильбо громче.

— Нет, нет, моя прелес-с-сть, пус-с-сть подождет! — прошипел Голлум. — Мы еще поищем, оно потерялос-с-сь, голлм.

— Но ты так и не ответил на последний вопрос, а обещание надо держать, — настаивал Бильбо.

— Пос-с-следний вопрос-с-с! — повторил Голлум. И вдруг из темноты послышалось пронзительное шипение: — Что же у него в кармаш-ш-шке? Пус-с-сть с-с-скажет. С-с-сперва пус-с-сть с-с-скажет.

Вообще-то у Бильбо не было причин не говорить Голлуму отгадку. Но его раздосадовала вся эта канитель. В конце концов, он выиграл, почти честно и притом с риском для жизни.

— Разгадки отгадываются, а не подсказываются, — возразил он.

— Но загадка была нечес-с-стная, — ответил Голлум. — Вопрос-с-с, а не загадка, моя прелес-с-сть, не загадка.

— Ну, раз мы перешли на простые вопросы, то я спросил первым, — ответил Бильбо. — Что ты потерял?

— Что у него в кармаш-ш-шке, моя прелес-с-сть?

Свист и шипение раздались вдруг опять так громко и пронзительно, что Бильбо посмотрел в ту сторону и, к своему ужасу, увидел две устремленные прямо на него горящие точки. По мере того как у Голлума росло подозрение, его глаза разгорались все ярче.

— Что ты потерял? — настаивал Бильбо.

Теперь глаза у Голлума загорелись зеленым огнем, и два огонька начали приближаться с угрожающей быстротой. Голлум бешено греб к берегу. Пропажа и подозрение вызвали такой прилив ярости в его душе, что никакой кинжал был ему теперь не страшен. Бильбо не мог, конечно, догадаться, что привело в такое бешенство гадкое создание, но понял, что все пропало, сейчас Голлум убьет его. Он повернулся и бросился бежать, не разбирая дороги, по темному туннелю, который привел его сюда. Он старался держаться поближе к стенке и вел по ней рукой.

— Что у него в кармаш-ш-шке? — услышал он громкое шипение и всплеск, когда Голлум выпрыгнул из лодки в воду.

— Интересно, что у меня там такое? — спросил себя Бильбо, ковыляя по туннелю. Он сунул левую руку в карман. На вытянутый палец ему скользнуло холодное кольцо.

Шипение послышалось уже совсем за его спиной. Бильбо обернулся и увидел зеленые фонарики — глаза Голлума. Совершенно потеряв голову от страха, Бильбо рванулся вперед, споткнулся о корень и хлопнулся на землю плашмя.

В одно мгновение Голлум его настиг. Но прежде чем Бильбо успел хоть что-нибудь сделать — перевести дух, вскочить на ноги или вытащить кинжал, — Голлум пробежал мимо, не обратив на него никакого внимания и шепотом ругаясь и причитая.

Что это значило? Голлум отлично видел в темноте. Даже сейчас, оставшись позади, Бильбо различал впереди бледный свет, исходивший из глаз Голлума. Бильбо с трудом поднялся и осторожно двинулся вслед за Голлумом. Ничего другого ему не оставалось. Не ползти же обратно к озеру. Глядишь, может, Голлум и выведет его куда-нибудь на волю, сам того не зная.

— Мес-с-сть! Мес-с-сть! — шептал Голлум. — Мес-с-сть Бэггинсу! Оно ис-с-счезло! Что у него в кармаш-ш-шке? Мы догадываемс-с-ся, моя прелес-с-сть, догадываемс-с-ся. Бэггинс-с-с наш-ш-шел его, наш-ш-шел подарок на день рождения!

Бильбо навострил уши. Он наконец и сам начал догадываться. Он ускорил шаги, нагнал Голлума и пошел за ним, держась на безопасном расстоянии. Тот по-прежнему быстро шлепал вперед, не оглядываясь и вертя головой из стороны в сторону, — Бильбо замечал это по слабому отсвету на стенах.

— Подарок на день рождения! З-з-злодейс-с-ство! Как мы потеряли его, моя прелес-с-сть? Яс-с-сно, яс-с-сно. Когда мы в пос-с-следний рас-с-с с-с-скрутили здес-с-сь ш-ш-шею мерз-з-зкому пис-с-скуну. Так, так! Оно брос-с-сило нас-с-с, пос-с-сле с-с-стольких лет! Оно ис-с-счезло, похищ-щ-щено, голлм!

Неожиданно Голлум сел и зарыдал. Жутко и жалко было слушать, какие он издавал свистящие, булькающие, хлюпающие звуки. Бильбо остановился и прижался к стене. Постепенно Голлум перестал плакать и опять начал бормотать. Он, видимо, вел спор с самим собой.

— Незачем ис-с-скать, незачем. Мы не можем вс-с-спомнить вс-с-се мес-с-ста, где бываем. Бес-с-сполезно. Оно в кармаш-ш-шке у Бэггинс-с-са. Мерс-с-ский пролаза наш-ш-шел его, мы уверены. Нет, мы только догадываемс-с-ся, моя прелес-с-сть, только догадываемс-с-ся. Мы не узнаем, пока не поймаем мерс-с-ское с-с-создание, пока не с-с-свернем ему ш-ш-шею. Но ведь он не знает, что может делать подарок, правда? Он будет прос-с-сто держать его в кармаш-ш-шке. Он не мог уйти далеко. Он потерялс-с-ся, мерс-с-ское пронырливое с-с-создание. Он не знает дороги отс-с-сюда, не знает, он с-с-сам говорил. Да, говорил, но он хитрый. Он не говорит разгадки, моя

прелес-с-сть! Не говорит, что у него в кармаш-ш-шке. Он с-с-сумел войти — значит, с-с-сумеет и выйти. Он убежал к задней двери. Значит, и мы пойдем к задней двери. Там его с-с-сцапают гоблинс-с-сы. Там ему не выйти, моя прелес-с-сть. Гоблин-с-сы! Ес-с-сли наш-ш-ше с-с-сокровище у него, оно дос-с-станется гоблинс-с-сам, голлм! Они догадаютс-с-ся, что оно умеет делать. Мы никогда не будем в безопас-с-сности, никогда, голлм! Гоблинс-с-с наденет его и ис-с-счезнет. Гоблинс-с-с будет тут, но мы его не увидим. Даже наш-ш-ши ос-с-стрые глас-с-ски его не заметят. И тогда гоблинс-с-с притворитс-с-ся, подкрадетс-с-ся и с-с-сцапает нас-с-с, голлм, голлм! Хватит болтать, моя прелес-с-сть, торопис-с-сь. Ес-с-сли Бэггинс-с-с пошел в ту с-с-сторону, надо догонять. Дальш-ш-ше! Ос-с-сталось недалеко! С-с-скорее!

Голлум вскочил, как подброшенный, и зашлепал с невероятной быстротой вперед. Бильбо поспешил за ним, по-прежнему соблюдая осторожность. Теперь главной его заботой было не хлопнуться опять и не наделать шума. В голове у него крутился вихрь — смесь надежды и отчаяния. Оказывается, найденное им кольцо — волшебное! Оно делает невидимым! Бильбо, конечно, знал из старинных сказок о таких вещах, но как-то трудно поверить, что ты сам совершенно случайно нашел такое кольцо. Однако верь не верь, а ведь Голлум с его глазами-фонарями проскочил мимо него.

Они бежали все дальше и дальше: Голлум — шлеп-шлеп — впереди, шипя и бранясь, Бильбо позади, бесшумно, как истинный хоббит. Вскоре они добежали до того места, где по обе стороны, как Бильбо заметил еще на пути к озеру, открывались боковые ходы. Голлум сразу принялся считать их: «Один с-с-слева, один с-с-справа, так. Два с-с-справа, два с-с-слева, так, так, так». И так далее.

Считая, он продвигался все медленнее, шаги его становились все неувереннее, а бормотание плаксивее: ведь он удалялся от воды, и ему делалось страшно. Гоблины могли выскочить в любой момент откуда угодно, а кольцо-то он потерял. Наконец он остановился у небольшой дыры слева. «С-с-седьмой с-с-справа, так! Ш-ш-шес-с-стой с-с-слева, так! — шептал он. — Здес-с-сь. Дорога к задней двери, так. Проход здес-с-сь!»

Он заглянул туда и отшатнулся.

— Мы не с-с-смеем идти дальш-ш-ше, моя прелес-с-сть, не с-с-смеем. Там гоблинс-с-сы, много гоблинс-с-сов. Мы чуем их. С-с-с! Как нам пос-с-ступить? Провалитьс-с-ся им, утопитьс-с-ся! Надо обождать здес-с-сь, моя прелес-с-сть, немного обождать и ос-с-смотреться.

Таким образом, все застопорилось: Голлум вывел-таки Бильбо на правильную дорогу, но Бильбо не мог пройти! У входа, сгорбившись и свесив голову между колен, сидел Голлум, глаза его мерцали холодным светом.

Бильбо тише мышки отделился от стены. Но Голлум сразу насторожился, потянул воздух носом, глаза его загорелись зеленым огнем. Он тихо, но угрожающе зашипел. Голлум не мог видеть хоббита, но темнота обострила его слух и нюх. Он пригнулся, упершись плоскими ладонями в землю, и вытянул шею вперед, почти касаясь носом каменного пола. Глаза его излучали слабый свет, в этом свете был едва различим его черный силуэт, но Бильбо чувствовал, что Голлум, как натянутый лук, готовый распрямиться, собрался для прыжка.

Бильбо и сам замер на месте и почти перестал дышать. Он был в отчаянии. Необходимо выбраться отсюда, из этого страшного мрака, пока у него остались силы. Надо бороться. Ударить кинжалом злобную тварь, убить, опередить его, пока он не убил Бильбо. Нет, это будет нечестно. Бильбо невидим, а у Голлума нет кинжала, да он еще и не пытался убить его, Бильбо. И потом, Голлум такой одинокий, такой несчастный и заброшенный. Внезапно сердце Бильбо наполнилось сочувствием, жалостью, смешанной со страхом, он представил себе череду бесконечных беспросветных дней, без всякой надежды на лучшую жизнь, — лишь жесткий камень, холодная рыба, вечное шныряние и бормотание. Все эти мысли молнией пронеслись у Бильбо в голове, он содрогнулся. И вдруг совершенно неожиданно его озарила новая мысль, и он, словно подброшенный приливом решимости и энергии, прыгнул!

Для человека такой прыжок был бы не Бог весть как труден, но ведь это был еще и прыжок в неизвестность... Бильбо перелетел прямо через голову Голлума, на метр в высоту, два с половиной в длину. Ему было невдомек, что он чуть не размозжил себе череп о низкий свод туннеля.

Голлум откинулся назад и попытался схватить хоббита, но поздно — лапы его цапнули только воздух, а Бильбо, приземлившись на свои крепкие мохнатые ножки, помчался по боковому ходу. Он улепетывал не оборачиваясь. Сперва шипение и брань слышались прямо за спиной у Бильбо, потом прекратились. Раздался душераздирающий крик, полный злобы и отчаяния. Голлум был побежден. Дальше он бежать не смел. Он проиграл: упустил добычу и потерял то единственное, чем дорожил. У Бильбо от его крика чуть сердце от страха не выскочило, но он продолжал бежать. Потом слабый, как эхо, но полный угрозы, до него донесся вопль: «Вор, вор! Бэггинс-с-с вор! Ненавис-с-стный, ненавис-с-стный, навс-с-сегда, навс-с-сегда!»

Потом наступила тишина. Но и тишина испугала Бильбо. «Если гоблины так близко, что он их почуял, — думал он, — тогда они слышали его визг и брань. Осторожнее, а то эта дорога приведет к плохому концу».

Проход был низкий, и пол грубо обработан. Для хоббита места хватало, но все же он несколько раз ушиб пальцы ног, споткнувшись о торчащие камни. «Низковато для гоблинов, во

всяком случае, для крупных», — подумал Бильбо. Он не знал, что даже самые крупные гоблины могут передвигаться с огромной скоростью внаклонку, касаясь руками земли.

Вскоре пологий спуск кончился и опять начался подъем, делаясь все круче и круче. Бильбо пришлось снизить скорость. Туннель сделал поворот, тропа пошла резко вниз, и там, в конце короткого спуска, Бильбо увидел свет, падавший из-за следующего поворота. Не красный, как от костра или факелов, а белый, дневной, какой бывает только под открытым небом. Бильбо пустился бегом. Он буквально скатился вниз, завернул за последний угол — и очутился на площадке, освещенной солнечным светом. После стольких часов мрака свет ослепил его, но на самом деле то была всего лишь полоса света, падавшая из раскрытой большой каменной двери. Бильбо замигал и вдруг увидел гоблинов: те в полном вооружении с обнаженными мечами сидели перед дверью, не спуская глаз с ведущего к ней туннеля. Они были настороже, начеку, наготове.

Гоблины увидели Бильбо раньше, чем он их. Да, увидели! То ли нечаянно, то ли нарочно, решив выкинуть фокус со своим новым господином, кольцо исчезло! Гоблины бросились к Бильбо с дикими воплями восторга.

Боль утраты и страха охватила Бильбо, как раньше Голлума, и, забыв про кинжал, он с горя сунул руки в карманы. О радость, кольцо было там, в левом кармане! Оно наделось ему на палец — и гоблины застыли как вкопанные. Они ничего не понимали: только что он был тут и вдруг пропал. Они опять завыли, на этот раз не от восторга, а от разочарования.

— Где он? — вопили одни.

— Нырнул назад в туннель! — кричали другие.

— Сюда! — орали третьи. — Туда!

— Посмотреть за дверью! — рявкнул капитан гоблинов.

Послышались свистки, забряцало оружие, зазвенели клинки, гоблины, рыча и ругаясь, забегали взад и вперед, натыкаясь друг на друга, падая и постепенно разъяряясь. Поднялась страшная суматоха, кутерьма и тарарам.

Бильбо до смерти перепугался, но у него хватило здравого смысла нырнуть за большую бочку, из которой пила стража, чтобы его не сшибли с ног, не затоптали и не поймали на ощупь.

— Надо добраться до двери, во что бы то ни стало добраться до двери! — повторял он себе, но решился на это не сразу. Дальше все происходило, как в игре в жмурки, только страшней. Вокруг метались гоблины, бедняга хоббит раза два увернулся, потом был сбит с ног гоблином, который не мог понять, на что налетел, потом Бильбо встал на четвереньки, проскользнул под ногами у капитана, поднялся во весь рост и кинулся к двери.

Дверь все еще не была заперта, но какой-то стражник почти полностью прикрыл ее. Бильбо попробовал ее толкнуть, но

даже с места не сдвинул. Попробовал протиснуться в щель, но застрял. Какой ужас! Пуговицы его курточки зацепились за косяк. Бильбо уже видел, что там за дверью: несколько ступенек сбегали вниз, в узкое ущелье между высокими скалами, солнце вышло из-за облаков и ярко освещало пейзаж по ту сторону двери. Но Бильбо не мог вырваться из тисков!

Внезапно один из гоблинов заорал:

— Рядом с дверью тень! Там кто-то есть!

Сердце у Бильбо бешено заколотилось, он рванулся изо всех сил, пуговицы разлетелись в стороны! Разодрав куртку и жилет, Бильбо вырвался наружу и поскакал по ступенькам, как козлик, а ошеломленные гоблины остались подбирать его красивые медные пуговицы.

Разумеется, они тут же с гиканьем и криками кинулись за ним вдогонку. Но гоблины не любят солнечный свет, ноги у них слабеют, голова кружится. Им было не поймать Бильбо, который с кольцом на пальце перебегал в тени деревьев быстро, бесшумно, стараясь не появляться на солнце. Вскоре, ругаясь и брюзжа, гоблины побрели назад стеречь дверь.

Бильбо спасся!

6
ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Бильбо удрал от гоблинов, но понятия не имел, где находится. Он потерял капюшон, плащ, еду, пони, пуговицы и друзей. Он брел и брел куда глаза глядят. Наконец тени гор упали на тропу перед Бильбо. Он оглянулся: солнце садилось за горы п о з а д и него! Тогда он посмотрел вперед и увидел уходящие вниз склоны. Внизу сквозь деревья кое-где проглядывали поляны.

— Боже милосердный! — воскликнул Бильбо. — Кажется, я вышел по другую сторону Туманных Гор! Где же, о где же Гэндальф и гномы? Только бы они не остались во власти гоблинов!

Он шел да шел, поднялся из впадинки, перевалил через ее край и опять стал спускаться. Но все время его терзала одна крайне неприятная мысль: а не должен ли он теперь, когда на пальце у него волшебное кольцо, вернуться в кошмарные тоннели и разыскать своих друзей. Только он пришел к решению, что это его долг, и почувствовал себя вконец несчастным — как вдруг услыхал голоса.

Он остановился и прислушался — на гоблинов, кажется, непохоже. Он тихонько подкрался поближе. Каменистая тропка, по которой он шел, вилась вниз, слева возвышалась скала, справа спускался склон с лощинами, заросшими кустарником и невысокими деревьями. В одной из лощин в кустах кто-то разговаривал.

Бильбо подполз еще ближе — и вдруг между двух валунов мелькнул красный капюшон: оттуда выглядывал Балин, как всегда стоящий в дозоре. Бильбо чуть не захлопал в ладоши и не закричал от радости. Но сдержался. Он еще не снял кольца, боясь какой-нибудь неожиданной и неприятной встречи, и теперь Балин смотрел прямо сквозь него.

«Устрою-ка я им сюрприз», — подумал Бильбо, пробираясь сквозь кусты, росшие по краю лощины.

Гэндальф спорил с гномами. Они обсуждали события, происшедшие с ними в туннелях, и решали, что делать дальше. Гэндальф убеждал гномов, что нельзя продолжать путь, оставив мистера Бэггинса в руках гоблинов и даже не выяснив, жив он или нет, и не попытавшись его спасти. А гномы выражали недовольство.

— В конце концов, он мой друг, — говорил волшебник, — и вовсе не так уж плох. Я за него отвечаю. Все-таки безобразие, что вы его потеряли.

Гномы же утверждали, что вообще не надо было брать его с собой, и возмущались, почему он потерялся, а не держался около них, и зачем Гэндальф не выбрал кого-нибудь пособразительнее.

— Пока от него больше хлопот, чем пользы, — сказал кто-то. — Коли еще идти обратно искать его в темных туннелях, так плевать я на него хотел!

— Да, я взял его с собой, а я ничего бесполезного не беру. Или вы мне помогаете искать его, или я ухожу — и расхлебывайте неприятности сами. А вот если мы найдем его, вы еще не раз поблагодарите меня. Почему ты сам убежал, Дори, а его бросил?

— Вы бы тоже его бросили, — огрызнулся Дори, — если бы вас схватили в темноте за ноги, дернули и поддали в спину ножищей!

— Так чего же ты не подобрал его после?

— Господи помилуй! Вы еще спрашиваете! Гоблины в темноте дерутся, кусаются, валятся друг на друга, бьют кого попало... Вы мне чуть голову не отхватили Глемдрингом, а Торин тычет во все стороны Оркристом. Тут вы вдруг ослепляете всех вашей вспышкой, гоблины с визгом отступают, вы кричите: «Все за мной!» — и все вам повинуются. То есть мы думали, что все. Вы прекрасно понимаете, что нам некогда было себя пересчитывать. Мы проскочили мимо часовых, за дверь и скатились сюда. И вот мы здесь, а Взломщика нет, чтоб ему пусто было!

— А Взломщик тут как тут! — заявил Бильбо, выступая вперед и снимая кольцо.

Бог ты мой, как они подскочили от неожиданности! Как завопили от удивления и радости! Гэндальф был изумлен не меньше других, но, пожалуй, доволен больше. Он подозвал Ба-

лина и сделал ему выговор, высказав все, что думает о дозорных, у которых посторонний может свалиться как снег на голову. Надо сказать, после этого случая Бильбо сильно вырос в глазах гномов. Если раньше, несмотря на уверения Гэндальфа, они сомневались в том, что он взломщик первой категории, то теперь их сомнения рассеялись. Балин был ошарашен больше других. И все гномы признали Бильбо ловкачом.

Бильбо до того был доволен похвалами, что, посмеявшись в душе, ничего не сказал про кольцо, а когда его стали расспрашивать, ответил:

— Ну, просто подкрался потихоньку, по-хоббитовски.

— Даже мыши не удавалось прокрасться у меня под носом и остаться незамеченной, — проговорил Балин. — Снимаю перед вами капюшон. — Что он и сделал, добавив: — Балин, к вашим услугам.

— Мистер Бэггинс, ваш слуга, — ответил Бильбо.

Потом они потребовали у него отчета о приключениях с той минуты, как он потерялся. И он рассказал им все... кроме того, что нашел кольцо («Подожду пока», — решил он). Особенно их заинтересовало состязание в загадках, а когда он описал Голлума, они, сочувствуя, пришли в ужас.

— И тут, когда он уселся рядом со мной, я не смог ничего придумать, — закончил Бильбо, — и просто спросил: «Что у меня в кармане?» И он не отгадал с трех раз. Тогда я сказал: «Ты обещал? Обещал! Теперь выводи меня!» Но он бросился на меня и хотел убить, я побежал и упал, и он не заметил меня в темноте. Тогда я пошел за ним следом и услыхал, как он бормочет что-то себе под нос. Он думал, что я сам знаю, как выбраться из-под горы, и побежал к задней двери. А потом вдруг взял и уселся при выходе из туннеля, так что я не мог пройти. Тогда я перепрыгнул через него и пустился наутек.

— А как же стража? — спросили гномы. — Разве стражников не было?

— Были! И еще сколько! Но я от них увернулся и удрал. Дверь была еле приотворена, я застрял и потерял кучу пуговиц... — Он с сожалением поглядел на порванную одежду. — Но я все равно протиснулся — и вот я здесь!

Гномы глядели на него по-новому, с уважением: он так запросто рассказывал про то, как увернулся от стражников, перепрыгнул через Голлума и протиснулся в дверь, словно все это не доставило ему никакого труда и волнений.

— Что я вам говорил? — засмеялся Гэндальф. — Мистер Бэггинс далеко не так прост, как вы думаете.

При этом он бросил на Бильбо странный взгляд из-под косматых бровей, и у хоббита мелькнуло подозрение, что волшебник догадывается о той части истории, которую он выпустил.

У него тоже накопилось много вопросов. Может быть, Гэндальф объяснил все гномам раньше, но Бильбо-то этого не

слыхал. Он хотел знать, каким образом волшебник вывел гномов и что это за лощина.

Чародей, не скроем, всегда был не прочь лишний разок похвастаться своей мудростью. Поэтому он с удовольствием рассказал Бильбо, что они с Элрондом прекрасно знали о злых гоблинах, живущих в этой части гор. Но раньше главные ворота выходили на другую тропу, более легкую и доступную, где гоблины часто ловили путников, которых ночь застигла вблизи ворот. По-видимому, люди забросили ту дорогу и гоблины устроили новые ворота в конце тропы, по которой шли гномы. Произошло это, видно, совсем недавно, ибо до сих пор дорога считалась вполне безопасной.

Так вот, едва Гэндальф услыхал вопль Бильбо, он мигом сообразил, что произошло. Он убил вспышкой гоблинов, кинувшихся на него, и успел скользнуть в щель как раз в тот момент, когда она захлопывалась. Он шел по пятам за погонщиками и пленниками, дошел до тронного зала, а там сел в уголке и сотворил самый удачный из своих колдовских трюков.

— Очень деликатное было дело, — сказал он, — все висело на волоске!

Но Гэндальф недаром столько практиковался в колдовстве с помощью огня и света (даже хоббит, если помните, всю жизнь не мог забыть чудесные фейерверки на праздниках Старого Тука). Что было дальше, мы знаем. Гэндальфу было известно о задней двери, как гоблины называли нижние ворота, где Бильбо потерял пуговицы.

— Гоблины устроили там ворота давным-давно, — сказал Гэндальф, — отчасти как лазейку, если понадобится бежать, отчасти как средство попасть на ту сторону гор; по ночам они делают туда вылазки и набеги и всячески разбойничают. Они строго охраняют эту дверь, и до сих пор никому не удавалось в нее проскочить. Теперь они будут стеречь ее еще строже.

Гэндальф засмеялся, остальные тоже. Что говорить, убытки их были велики, но зато они прикончили Верховного Гоблина и множество простых гоблинов в придачу и сами спаслись, так что пока, можно считать, находились в выгодном положении.

Но волшебник быстро вернул их к действительности.

— Мы уже отдохнули, — сказал он, — пора двигаться дальше. Ночью сотни гоблинов пустятся за нами в погоню, а смотрите — тени уже удлинились. До сумерек нам надо уйти на несколько миль вперед. Если хорошая погода сохранится, то взойдет луна, и это нам на руку. Гоблины, правда, не очень-то боятся луны, но мы по крайней мере увидим, куда идти. Да, да! — ответил он на новые расспросы хоббита. — Ты потерял счет времени, пока блуждал в туннелях. Сегодня четверг, гоблины поймали нас в понедельник ночью, вернее, во вторник утром. Мы проделали много миль, прошли через самое сердце гор и теперь очутились на другой стороне — словом, порядоч-

но спрямили. Но вышли не туда, куда привела бы нас первоначальная тропа. Мы взяли слишком к северу, впереди нам предстоит малоприятная местность. И пока мы чересчур высоко. Итак, в путь!

— Я страшно хочу есть, — простонал Бильбо, только сейчас осознавший, что ничего в рот не брал с позапозапрошлого вечера. Каково это для хоббита, только представьте! Теперь, когда возбуждение прошло, он ощутил, что пустой животик обвис и ноги дрожат.

— Ничем не могу помочь, — ответил Гэндальф. — Разве что ты вернешься и вежливо попросишь гоблинов отдать тебе твоего пони и поклажу.

— Нет уж, благодарю покорно! — воскликнул Бильбо.

— В таком случае затянем потуже кушаки и зашагаем дальше. Лучше остаться без ужина, чем самим превратиться в ужин.

По дороге Бильбо посматривал по сторонам, чем бы закусить: черная смородина только цвела, орехи еще не созрели, ягоды боярышника не поспели. Бильбо пожевал щавеля, зачерпнул воды из горного ручейка, пересекавшего тропинку, и даже проглотил три ягодки земляники, но голода не утолил.

Они шли и шли. Неровная каменистая тропка пропала. Исчезли кусты, высокая трава между валунами, участки дерна, обглоданного кроликами, исчезли чебрец и шалфей, мята и желтые горные розочки. Путники очутились на широком крутом склоне, усеянном камнями — остатками оползня. Когда они начали спускаться, камни и щебень посыпались у них из-под ног. Потом заскакали обломки камней покрупнее, приведя в движение осыпь, потом стали срываться большие глыбы. Вскоре весь склон выше и ниже их тронулся с места, и они поехали вниз, среди пыли, треска и грохота скачущих камней.

Спасли их деревья. Путники докатились до границы сосновой рощи, переходившей внизу, в долине, в густой темный лес. Одни задержались, уцепившись за нижние ветви деревьев, другие (в том числе маленький хоббит) спрятались за стволы, чтобы укрыться от грозного наступления валунов. Вскоре опасность миновала, осыпь остановилась, лишь далеко внизу, среди папоротника и корней деревьев, еще слышался отдаленный грохот сорвавшихся камней.

— Так! Это нас сильно продвинуло вперед, — заметил Гэндальф. — Если гоблины сюда сунутся, обойтись без шума им будет нелегко.

— Неужели? — иронически пробормотал Бомбур. — Зато легко будет сбрасывать нам камни на голову.

Гномы и Бильбо чувствовали себя неважно и, морщась, потирали изодранные и ушибленные места.

— Пустяки! Сейчас мы свернем и окажемся в стороне от осыпи. Надо торопиться! Оглянитесь вокруг!

Солнце давно село за горы, сумерки сгущались, путники быстро ковыляли по дорожке, которая полого спускалась прямо на юг. Лесной мрак становился все гуще и беззвучнее. Ветер совсем стих, и даже шепота ветвей не было слышно в лесу.

— Неужели мы пойдем дальше? — спросил Бильбо, когда стемнело настолько, что он смутно видел лишь колыхание бороды Торина рядом с собой, и стало так тихо, что дыхание гномов казалось громким шумом. — Пальцы на ногах у меня разбиты, ноги ноют, живот болтается, как пустой мешок.

— Еще немного, — сказал Гэндальф.

Прошла, как им показалось, целая вечность, и вдруг они вышли на поляну, ярко освещенную луной. Чем-то место это им всем не понравилось, хотя ничего определенно плохого они сказать не могли.

Внезапно у подножия горы послышался вой — жуткий, заунывный. Он раздавался справа и слева, все ближе и ближе. То были волки, воющие на луну, волки, собирающиеся в стаю.

Хотя поблизости от родной норки мистера Бэггинса волков не водилось, он узнал вой сразу. Его достаточно часто описывали в сказках, а один из старших кузенов Бильбо по туковской линии, большой любитель путешествовать, не раз выл по-волчьи, чтобы напугать Бильбо. Но слышать волков вот так, в лесу, ночью, при луне — это было слишком! Даже волшебное кольцо — слабое средство против волков, особенно против страшной стаи, жившей под сенью гоблинской горы в Диком Краю. Такие волки обладают еще более тонким нюхом, чем гоблины, им не обязательно видеть свою жертву.

— Что делать, как быть?! — закричал Бильбо. — Спасшись от гоблинов, попались волкам!

Слова его стали пословицей, хотя теперь в подобной неприятной ситуации мы говорим «из огня да в полымя».

— На деревья, быстро! — приказал Гэндальф. Они кинулись к деревьям, окружавшим поляну, и мигом взобрались на самые верхние ветки, которые только могли их выдержать. Вы бы животики надорвали, если бы увидели (естественно, с безопасного расстояния), как гномы сидели на ветвях и бороды у них свисали вниз — точь-в-точь спятившие старички вздумали поиграть в мальчишек. Фили и Кили взгромоздились на верхушку высокой лиственницы, которая стала теперь похожа на рождественскую елку. Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн устроились с большим удобством на высоченной сосне с солидными ветвями. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин сидели на другой сосне. Двалин и Балин вскарабкались на высокую стройную ель с редкими ветвями и пытались отыскать себе местечко в гущине верхушки. Гэндальф, который был значительно выше прочих, подобрал себе такую высокую сосну, куда остальные не могли бы взобраться. Гэндальфа совершенно скрыли ветки, только глаза его сверкали в лунном свете.

А Бильбо? Бильбо никуда не мог залезть и бегал от ствола к стволу, словно потерявший норку кролик, за которым гонится собака.

— Опять ты бросил Взломщика! — заметил Нори, заглядывая вниз.

— Не могу же я вечно таскать его на спине, — возразил Дори, — то по туннелям, то по деревьям! Кто я, по-твоему? Носильщик?

— Его съедят, если мы не предпримем никаких мер, — проговорил Торин. Вой слышался все ближе и ближе, окружая их кольцом. — Дори! — окликнул он, ибо Дори сидел ниже всех на самом удобном дереве. — Скорее подай руку мистеру Бэггинсу!

Дори, несмотря на свое ворчанье, был гном очень порядочный; он спустился пониже и протянул руку, но и тут бедняга Бильбо не мог достать до нее. Дори пришлось слезть на землю и нагнуться, чтобы Бильбо забрался к нему на спину. В эту минуту волки с воем выбежали на поляну. Сотни волчьих глаз уставились на Дори и Бильбо. И все-таки Дори не бросил хоббита в беде: он дождался, пока тот перелез с его плеч на дерево, и только тогда подпрыгнул и ухватился за нижнюю ветку. Как раз вовремя! Волк щелкнул зубами и чуть не сдернул Дори за плащ. В одно мгновение вся стая сгрудилась вокруг дерева, волки с воем запрыгали у ствола, глаза их горели, языки свисали наружу.

Но даже дикие-предикие варги (так назывались злые волки по ту сторону Туманных Гор) не умеют лазать по деревьям. На какое-то время путешественники оказались в безопасности. На их счастье, ночь была теплая и безветренная. На деревьях и вообще-то долго не просидишь, а уж когда холод да ветер и внизу караулят волки, то и подавно.

Эта поляна, окруженная кольцом деревьев, очевидно, была местом сборища волков. Они все прибывали и прибывали. Волки, принюхиваясь, обошли поляну кругом и скоро определили каждое дерево, где кто-нибудь да прятался. Всюду они поставили часовых, остальные (насколько можно судить, не одна сотня) уселись большим кружком. В центре сидел громадный серый волк и говорил на ужасном языке варгов. Гэндальф понимал язык варгов, Бильбо нет, но и так можно было догадаться, что речь идет только о жестоких и злых делах. Время от времени варги хором отвечали серому вожаку, и каждый раз, слыша их жуткое рявканье, хоббит чуть не падал от страха с сосны.

Сейчас я вам расскажу, что услышал Гэндальф и чего не понял Бильбо. Варги и гоблины нередко действовали сообща, совершая свои черные дела. В ту пору гоблины частенько устраивали набеги, чтобы добыть пищу или рабов. В таких случаях они призывали на помощь варгов и потом делились с ними до-

бычей. Иногда гоблины ехали на варгах верхом, как на конях. На эту самую ночь был как раз намечен большой набег. Варги явились сюда на свидание с гоблинами, а те опаздывали. Причиной, как мы знаем, послужила смерть Верховного Гоблина и вообще суматоха, вызванная гномами, Бильбо и волшебником, которых, вероятно, разыскивали в туннелях до сих пор.

Несмотря на все опасности, подстерегающие людей в этой отдаленной стране, некоторые храбрецы в последнее время начали возвращаться сюда с юга, рубить деревья и строить себе дома в более светлых лесах — по долинам и по берегам рек. Их постепенно набралось много, все они были отважные, хорошо вооруженные люди, даже варги не смели нападать на них при ярком солнечном свете. Вот варги и сговорились с гоблинами напасть ночью на деревню, ближнюю к горам. Если бы их план удался, на следующий день в деревне никого не осталось бы в живых: никого, кроме тех, кого гоблины взяли бы в плен.

Жуткие это были речи; опасность угрожала не только храбрым лесорубам, их женам и детям, но и самому Гэндальфу с его друзьями. Варги разозлились и удивились, обнаружив их на месте сбора. Они заподозрили, что друзья лесорубов явились шпионить за ними и отнесут новости в деревню, и тогда гоблинам и волкам придется драться не на жизнь, а на смерть, вместо того, чтобы с легкостью разделаться со спящими — сожрать или утащить их. Поэтому варги решили караулить пленников по крайней мере до утра, чтобы эти существа не удрали. К тому времени с гор придут гоблины, а гоблины умеют лазать по деревьям или валить их.

Теперь вам понятно, почему Гэндальф, прислушивавшийся к рычанию и тявканью варгов, отчаянно испугался, даром что был волшебник. Он понял, что они попались, и еще неизвестно, удастся ли им спастись. Но он решил, что так просто не сдастся, хотя, сидя на верхушке дерева в окружении волков, много сделать не сможет. Сперва он обобрал со своей сосны крупные шишки, потом поджег одну из них посохом и швырнул в волков. Шишка с шипением упала волку на спину, его лохматая шкура сразу же загорелась, он с жутким воем заметался по поляне. За первой полетела вторая, третья — одна горела голубым пламенем, другая красным, третья зеленым. Они взрывались, ударяясь о землю, и разлетались цветными искрами, пуская густой дым. Самая большая шишка стукнула вожака по носу, он подпрыгнул на три метра в воздух, а потом принялся носиться кругом, кусая с испуга и злости своих подданных.

Гномы и Бильбо ликовали и кричали от радости. Страшно было смотреть, в какую ярость пришли волки. Они перебудоражили весь лес. Волки вообще боятся огня, а этот огонь был особенный, сверхъестественный. Искра, попадая на шкуру, впи-

валась в нее, прожигала волка насквозь, и, если он не начинал кататься по земле, его быстро охватывало пламя. Скоро по всей поляне катались волки, пытаясь загасить искры; те, которые уже пылали, с громким воем носились вокруг, поджигая других.

— Что за шум сегодня ночью в лесу? — удивился Повелитель орлов. Он сидел на вершине утеса, и черный силуэт его вырисовывался в лунном свете. — Я слышу голоса волков! Уж не гоблины ли там безобразничают?

Несколькими взмахами крыльев он поднялся в воздух, и немедленно двое орлов снялись со скал по обе стороны от него и последовали за ним. Описывая круги, они внимательно смотрели вниз и наконец заметили кольцо варгов — маленькую точку далеко-далеко под собой. У орлов острое зрение, они видят мельчайшие предметы с большого расстояния. Глаза Повелителя орлов Туманных Гор могли смотреть прямо на солнце, не мигая, или с высоты в милю видеть ночью кролика, бегущего в траве. Он не мог разглядеть сидевших в ветвях, но видел мечущихся волков и вспышки огня, слышал вой и тявканье. А еще он увидел отблеск лунного света на копьях и шлемах гоблинов: длинные цепи этих злых существ, извиваясь, двигались по склонам гор от ворот в лес.

Орлов не назовешь добрыми. Бывают они трусливыми и жестокими. Но орлы древней породы северных гор были гордые, могучие и благородные — самые замечательные из птиц. Они не любили гоблинов и не боялись их. Когда орлы удостаивали гоблинов своим вниманием (что бывало редко, ибо орлы их не едят), то налетали на гоблинов сверху и гнали к пещерам, не давая им вершить разбой. Гоблины ненавидели и боялись орлов, но не могли добраться до их гнезд на вершинах скал и прогнать с гор.

Этой ночью Повелителем орлов овладело любопытство, он захотел узнать, что творится в лесу. По его приказу множество орлов покинули вершины и, медленно кружа над лесом, стали постепенно снижаться туда, где кольцом сидели волки и ждали гоблинов.

Они хорошо сделали, что спустились! Там, внизу, творилось что-то страшное и невообразимое. Загоревшиеся волки, убежав в лес, подожгли его в нескольких местах. Стояло лето, на восточных склонах давно не выпадало дождей. Пожелтелый папоротник, хворост, густой ковер из сосновых иголок, кое-где сухие деревья охватило пламенем. Вокруг прогалины бушевал огонь. Но караульные волки не оставили деревьев, на которых прятались гномы. Они бесновались и с воем прыгали на стволы, ругали гномов на своем ужасном наречии, языки их вываливались из пасти, глаза горели свирепым красным огнем.

Внезапно на поляну с криками выскочили гоблины. Они думали, что там идет бой с лесорубами. Но узнав, в чем дело,

одни сели на землю от хохота, другие замахали копьями и застучали древками о щиты. Гоблинам огонь не страшен.

Скоро они придумали план, показавшийся им самим замечательно остроумным. Они собрали волков в стаю и накидали вокруг стволов папоротника и валежника. Они до тех пор бегали вокруг, топая и хлопая, хлопая и топая, пока не потушили пожар, но гасить огонь возле деревьев, где сидели гномы, не стали. Наоборот, они подбросили туда еще листьев, сучьев и папоротника. Вокруг гномов образовалось кольцо дыма и пламени. Распространиться наружу гоблины ему не давали, зато оно стягивалось все теснее, и вскоре ползучее пламя перекинулось на кучи валежника и листьев, нагроможденных под деревьями гномов. Дым ел Бильбо глаза, он уже ощущал жар костра, сквозь дымовую завесу он видел, как гоблины пляшут вокруг их деревьев. Позади кольца́ воинов, танцующих с копьями и топорами, стояли на почтительном расстоянии волки, наблюдали и выжидали.

И тут гоблины затянули страшную песню:

Пятнадцать птиц на ветвях качались,
Под ветром перья у них трепыхались.
Но крыльев — увы! — не досталось пташкам.
Как же снова вспорхнуть бедняжкам?
Покончим с ними каким путем?
Зажарим? Сварим? Съедим сырьем?

Потом они перестали плясать и закричали:

— Летите, птички! Летите, коли можете! Слезайте оттуда, птички, а то зажаритесь прямо в гнездышках! Пойте, птички, пойте! Чего молчите?

— Убирайтесь прочь, негодники! — прокричал в ответ Гэндальф. — Еще не время для гнезд. Кто озорничает с огнем, тех наказывают!

Гэндальф хотел их подразнить и показать, что не боится. Но на самом деле он боялся, а ведь он был волшебник! Как будто не слыша его, гоблины продолжали петь:

Жги лес! Огонь до небес!
Пламя, играй! Факел, пылай!
Ночь, посветлей!
Нам веселей,
Э-гей!

Жарь их, пеки! Добавь-ка муки!
Ну-ка, ну-ка — перца и лука!
Петрушки и соли — жалко нам, что ли?
Ночь, посветлей! Нам веселей!
Э-гей!
Э-ге-ге-гей!
Э-гей!

При возгласе «э-гей!» пламя лизнуло ствол дерева под Гэндальфом, потом перескочило на соседние деревья. Кора загорелась, нижние ветки затрещали.

Тогда Гэндальф забрался на самую верхушку. Из его посоха вырвалось невиданное ослепительное сверкание. Волшебник приготовился спрыгнуть с высоты прямо на копья гоблинов. Тут бы ему и конец, но зато он, наверное, убил бы немало врагов, свалившись им на головы. Но он не успел прыгнуть.

В этот миг с неба на него упал Повелитель орлов, схватил в когти — и взмыл ввысь.

Вопль гнева и изумления вырвался у гоблинов. Гэндальф что-то сказал Повелителю орлов, тот громко крикнул, и тотчас сопровождавшие его черные птицы ринулись вниз, как огромные черные тени. Волки завыли и заскрежетали зубами. Гоблины завопили и затопали от ярости, напрасно бросая в воздух свои тяжелые копья. Орлы кидались на них, сильными взмахами черных крыльев сбивали гоблинов с ног или гнали прочь, в лес. Орлиные когти царапали их. Другие орлы схватили гномов, которые вскарабкались теперь на самые верхушки и покачивались там, замирая от страха.

Бедняжку Бильбо чуть опять не бросили одного! Он еле успел уцепиться за ноги Дори, когда того последним подхватил орел. Они взвились вверх над суматохой и пожаром, Бильбо болтался в воздухе, руки у него буквально вырывались из плеч.

Гоблины и волки разбежались теперь по всему лесу. Несколько орлов еще кружили над полем битвы. Внезапно пламя охватило деревья до самых вершин, они с треском запылали. Вся поляна обратилась в шквал искр и дыма. Бильбо вовремя оказался в воздухе, еще минута — и он бы погиб.

Вскоре зарево пожара осталось далеко внизу — красное мерцание на черном фоне. Орлы подымались все выше широкими плавными кругами. Никогда Бильбо не забыть этого полета. Он крепко вцепился в щиколотки Дори и стонал: «Руки, мои руки!», а Дори кричал: «Ноги, мои ноги!»

У Бильбо всегда кружилась от высоты голова. Ему делалось дурно, если он заглядывал вниз с края небольшого обрыва; он недолюбливал приставные лестницы, не говоря уже о деревьях (до сих пор ему не приходилось спасаться от волков). Можете вообразить, как кружилась у него голова теперь, когда он взглядывал вниз и видел под собой темную землю да кое-где поблескиванье лунного света на горной породе или на поверхности ручья, пересекавшего равнину.

Вершины гор все приближались — каменные острия, торчащие вверх из черноты. Может, там внизу и стояло лето, но тут было очень холодно. Бильбо закрыл глаза и прикинул — долго ли еще продержится. Он представил себе, что произойдет, если он отпустит руки. Его замутило.

Как раз когда силы покидали его, полет закончился. Бильбо разжал пальцы и со стоном упал на твердую площадку. Он лежал и радовался, что не сгорел в пожаре, и боялся свалиться с узкого выступа в черный провал. В голове у него все пута-

лось после ужасных событий последних трех дней, а также от голода. Неожиданно он услышал собственный голос:

— Теперь я знаю, каково куску бекона, когда вилка снимет его со сковородки и положит назад на полку.

— Нет, не знаешь! — возразил ему голос Дори. — Сало все равно рано или поздно опять попадет на сковородку, и ему это известно. А мы, смею надеяться, не попадем. И потом, орлы не вилки!

— И скалы не опилки! Ой! — произнес Бильбо, садясь, и с беспокойством посмотрел на орла, который примостился неподалеку. Интересно, какую еще он болтал чепуху и не обиделся ли орел. Не следует обижать орлов, если ты всего лишь маленький хоббит и лежишь ночью в горном орлином гнезде.

Но орел точил клюв о камень, отряхивал перья и не обратил на его слова никакого внимания. Вскоре подлетел другой орел.

— Повелитель приказал тебе принести пленников на Большой Уступ! — прокричал он и улетел.

Первый орел взял Дори в когти и исчез в ночном мраке, оставив Бильбо одного. Бильбо начал было размышлять, что означает слово «пленники» и скоро ли он попадет вместо кролика орлам на ужин, но тут орел вернулся за ним, схватил за куртку на спине и взмыл вверх. На этот раз лететь пришлось недалеко. Бильбо очутился на широком уступе. Он лежал, замерев от страха. Сюда не вела ни одна тропа, сюда можно было только прилететь, а отсюда — улететь или спрыгнуть в пропасть. Остальные путешественники уже сидели там, прислонившись спиной к скале.

Повелитель орлов тоже был там и беседовал с Гэндальфом. Выходило, что Бильбо никто не собирался есть. Волшебник и главный орел, судя по всему, были знакомы и даже в дружеских отношениях. Дело в том, что Гэндальф, частенько бывавший по роду своих занятий в горах, однажды оказал услугу орлам, вылечив их повелителя от раны, нанесенной стрелой. Так что «пленники» означало лишь «пленники гоблинов», и ничего более. Прислушиваясь к их беседе, Бильбо понял, что теперь-то они окончательно покинут ужасные горы. Гэндальф просил Великого орла, чтобы орлы перенесли его самого, гномов и Бильбо как можно дальше, это сократило бы им путь через равнину. Однако Повелитель орлов не соглашался относить их туда, где поблизости живут люди.

— Они станут стрелять в нас из больших тисовых луков, — пояснил он, — подумают, что мы прилетели за их овцами. И у них есть для этого основания. Нет! Мы рады были вырвать у гоблинов из рук игрушку и рады отблагодарить лично вас, но рисковать жизнью ради гномов не согласны.

— Хорошо, — сказал Гэндальф, — тогда отнесите нас просто как можно дальше к югу, по вашему усмотрению. Мы вам и так многим обязаны. А сейчас мы умираем с голода.

— Я уже умер,— пропищал Бильбо слабым голосом, но его никто не услышал.

— Этому горю помочь нетрудно,— сказал Повелитель орлов.

Немного погодя вы могли бы увидеть яркий веселый огонь костра на уступе скалы и темные фигурки около него — это гномы готовили ужин. От костра шел дивный аромат жаркого. Орлы принесли на скалу хворосту, кролика, зайцев и барашка. Гномы ловко справились со всеми приготовлениями. Бильбо так ослаб, что не мог помогать, да и в любом случае толку от него было бы мало: он не умел свежевать кроликов и разделывать мясо, так как мясник всегда доставлял ему мясо разделанным — только жарь. Гэндальф тоже прилег отдохнуть.

Так закончились приключения в Туманных Горах.

Вскоре желудок Бильбо приятно отяжелел, хотя в душе он и предпочел бы хлеб с маслом, а не куски мяса, зажаренного на палочках. Он почувствовал, что готов заснуть. Свернувшись на жестких камнях, он уснул и спал крепче, чем когда-либо на перине у себя дома.

7
НЕБЫВАЛОЕ ПРИСТАНИЩЕ

На другое утро хоббита разбудило взошедшее солнце. Он встал с намерением посмотреть на часы и поставить на огонь чайник... но тут же обнаружил, что он вовсе не дома. Он сел и стал с тоской думать о том, как приятно было бы сейчас умыться и почистить зубы...

Ни умыться, ни почистить зубы, ни получить на завтрак чаю, жареного хлеба и копченой свинины ему не удалось. Пришлось довольствоваться холодной бараниной и кроликом, после чего они начали собираться в путь.

Теперь ему позволили взобраться орлу на спину и держаться за перья. Гномы прокричали прощальные слова, обещая когда-нибудь отблагодарить Повелителя орлов, — и пятнадцать громадных птиц взмыли в небо. Солнце все еще стояло низко, воздух был свежий, туман лежал в долинах и вился вокруг вершин. Бильбо приоткрыл глаза и увидел, что земля далеко внизу, а горы остались позади и все уменьшаются в размерах. Бильбо опять зажмурился и еще крепче вцепился в перья.

— Не щиплись! — сказал недовольно орел.— Что ты трусишь, как кролик? Хотя ты и впрямь смахиваешь на кролика. Прекрасное утро, приятный ветерок. Что может быть лучше полета?

Бильбо хотел ответить: «Теплая ванна и поздний завтрак на лужайке перед домом», но не посмел и только самую чуточку отпустил пальцы.

Через какое-то время орлы, должно быть, завидели ту цель, к которой направлялись, и начали опускаться. Они опускались

большими кругами по спирали, довольно долго, так что хоббит не вытерпел и опять открыл глаза. Земля теперь была гораздо ближе, внизу виднелись деревья — кажется, дубы и вязы, — обширные луга и речка. И прямо на пути у реки, которой из-за этого приходилось делать петлю, из земли торчал вверх каменный холм, скала, словно передовой пост далеких гор или гигантский обломок, заброшенный сюда, на равнину, каким-то невообразимым великаном.

Сюда-то, на верхушку скалы, сели один за другим орлы и опустили своих пассажиров.

— Счастливый путь! — закричали они. — Куда бы он ни лежал! И пусть примет вас в конце родное гнездо!

У орлов принято так говорить, когда они хотят быть любезными.

— Да несет вас попутный ветер туда, где плывет солнце и шествует луна, — ответил Гэндальф. Он знал, как полагается вежливо ответить.

Верхушка скалы представляла собой площадку, от нее вниз, к реке, вели ступеньки и вытоптанная тропа. Реку в этом месте можно было перейти вброд по большим плоским камням. Компания задержалась здесь, чтобы обсудить свои планы.

— Я с самого начала намеревался по возможности благополучно переправить вас через горы, — начал волшебник. — Благодаря моему умелому руководству и, что не столь важно, удачному стечению обстоятельств, с этой задачей я справился. В конце концов, это не мое приключение. Я, может быть, приму в нем еще разок участие, но сейчас меня ждут другие неотложные дела.

Гномы застонали от огорчения. Бильбо не мог сдержать слез. Они-то уж разлакомились, решив, что Гэндальф останется с ними до самого конца и будет всегда вызволять их из затруднений.

— Я же не собираюсь исчезать сию минуту, — сказал Гэндальф. — Подожду еще денек-другой. Возможно, я помогу вам выпутаться из теперешнего положения, да мне и самому нужна кое-какая помощь. У нас нет еды, нет вещей, нет лошадей, и вам неизвестно, где вы находитесь. Это я сейчас объясню. Вы сейчас на несколько миль севернее той тропы, которой должны были следовать, если бы не сбились второпях с горной дороги. В здешних местах людей мало, но недалеко отсюда живет Некто. Он и выбил ступеньки в скале, которую, если не ошибаюсь, называет Каррок. Сюда он заходит редко и уж во всяком случае не днем, дожидаться его здесь бесполезно. И даже опасно. Мы должны сами его разыскать. Если при встрече все обойдется мирно, я с вами распрощусь и пожелаю, как орлы, счастливого пути, куда бы он ни лежал.

Гномы умоляли не бросать их, сулили драконово золото, серебро и драгоценности, но он оставался неумолим.

— Там увидим, — отвечал волшебник на все уговоры. — Хочу думать, что я и так уже заслужил часть вашего золота. То есть вашим оно будет, когда вы его сумеете добыть.

Наконец они отстали от него. Выкупались в речке, которая у брода была мелкой, чистой, с каменистым дном, и, обсушившись на солнышке, почувствовали себя освеженными, хотя ушибы и царапины еще болели, и, конечно, они проголодались. Перейдя вброд на тот берег (хоббит ехал у кого-то на спине), путешественники зашагали по высокой зеленой траве вдоль раскидистых дубов и высоких вязов.

— А почему скала называется Каррок? — спросил Бильбо, шедший теперь рядом с волшебником.

— Он называет ее Каррок, потому что так ему хочется.

— Кто называет?

— Некто, о ком я говорил. Очень важная персона. Прошу, будьте с ним вежливы. Пожалуй, я буду представлять вас постепенно, по двое. И не вздумайте его раздражить, а то Бог знает, что может получиться. Предупреждаю — он очень вспыльчив и прямо-таки ужасен, когда рассердится, но в хорошем настроении вполне мил.

Гномы, услыхав, о чем волшебник толкует с Бильбо, столпились вокруг них.

— И к такой личности вы нас ведете? Разве вы не могли подыскать кого-нибудь подоброе? И нельзя ли объяснить попонятней? — забросали они его вопросами.

— Именно к такой! Нет, не мог! Я и так объяснил достаточно понятно, — сердито ответил волшебник. — Если непременно желаете знать, его имя Беорн. Он меняет шкуры.

— Как! Меховщик? Который делает из кролика котика, когда не удается превратить его в белку? — спросил Бильбо.

— Боже милостивый, ну конечно, естественно, само собой разумеется — нет! — вскричал Гэндальф. — Сделайте одолжение, мистер Бэггинс, не говорите глупостей. И потом, заклинаю тебя всеми чудесами света, Бильбо, не упоминай ты больше слова «меховщик», пока находишься в радиусе ста миль от его дома! Чтобы никаких таких слов, как «меховая накидка, муфта, меховой капюшон, меховое одеяло» и тому подобное! Да, он меняет шкуры, но свои собственные! Он является то в облике громадного черного медведя, то в облике громадного могучего черноволосого человека с большими ручищами и большой бородой. Одни говорят, будто он — медведь из старинного и знаменитого рода черных медведей, живших в горах, пока не пришли великаны. Другие говорят, будто он потомок людей, живших в горах до тех пор, пока там не завелся Смог и другие драконы и пока с севера не пожаловали гоблины. Не знаю, конечно, но мне кажется, что правильнее второе предположение. Во всяком случае, на нем нет ничьих чар, кроме своих собственных. Живет он в дубовой роще в просторном дере-

вянном доме, держит скот и лошадей, которые не менее чудесны, чем он. Они на него работают и разговаривают с ним. Он их не ест и на диких животных тоже не охотится. Он держит ульи, бесчисленные ульи с большими злыми пчелами, и питается главным образом сливками и медом. В обличье медведя он скитается далеко от дома. Однажды я застал его сидящим в одиночестве на вершине Каррока ночью; он смотрел, как луна садится на Туманные Горы, и бормотал на медвежьем языке: «Придет день, все они сгинут, и тогда я вернусь назад». Потому-то я и думаю, что некогда он пришел с гор.

Бильбо и гномам нашлось теперь над чем поразмыслить, так что они замолчали и перестали приставать с расспросами к Гэндальфу. Они брели и брели, то вверх, то под уклон. Припекало. Бильбо до того проголодался, что охотно поел бы желудей, если бы они уже созрели и падали на землю.

Наконец во второй половине дня они заметили, что цветы стали расти так, как будто их нарочно посеяли. Каждый сорт отдельно. Особенно много было клевера: целые моря красного клевера, короткого белого, сладко пахнущего медом, розового. В воздухе стояло сплошное жужжание и гудение. Повсюду трудились пчелы. И какие! Крупнее шершней. Бильбо в жизни ничего похожего не видел.

«Такая ужалит, — подумал он, — так я вдвое распухну!»

— Уже близко, — сказал Гэндальф. — Начались пчелиные угодья.

Вскоре показалась гряда могучих древних дубов, а за ними — высокая живая колючая изгородь, через которую не пролезть и не увидеть, что за ней.

— Вам лучше обождать здесь, — сказал волшебник. — Когда позову или свистну, следуйте за мной. Но только помните — парами, с промежутком в пять минут. Бомбур у нас самый толстый, он сойдет за двоих и будет последним. Пойдемте, мистер Бэггинс! Где-то тут должны быть ворота.

С этими словами волшебник двинулся вдоль изгороди, забрав с собой оробевшего Бильбо.

Вскоре они увидели высокие и широкие ворота, а за ними — сад и низкие деревянные постройки: несколько бревенчатых с соломенными крышами амбаров, конюшен и сараев и длинный низкий жилой дом. С южной, внутренней, стороны высокой изгороди рядами стояли бесчисленные островерхие ульи, крытые соломой. В воздухе слышался несмолкаемый гул гигантских пчел, которые беспрестанно влетали в ульи и вылетали оттуда, вползали и выползали.

Волшебник и хоббит толкнули тяжелые скрипучие ворота и пошли по широкой дорожке к дому. Прямо по траве к ним подбежали рысцой холеные гладкие лошадки с очень умными мордами, внимательно посмотрели на вошедших и ускакали к строениям.

— Они доложат ему о приходе чужих, — промолвил Гэндальф.

Наконец путь им преградил дом, который вместе с двумя пристройками образовывал двор. Посредине двора лежал ствол большого дуба, подле валялись отрубленные сучья. Тут же стоял громадный человек с густой черной бородой и черными волосами, с могучими голыми руками и ногами. На нем была шерстяная туника до колен, он опирался на громадный топор. Лошадки стояли рядом, уткнув морды ему в плечо.

— Ух! Вот они! — сказал человек лошадям. — На вид не страшные, ступайте! — Он громко захохотал. — Кто вы такие и что вам надо? — спросил он нелюбезно. Он возвышался над Гэндальфом, как скала. Что же касается Бильбо, то он свободно прошел бы у человека под ногами, даже не задев головой края серой туники.

— Я — Гэндальф! — заявил волшебник.

— Первый раз слышу! — пробурчал человек. — А это что за фитюлька? — спросил он, насупив черные мохнатые брови и наклоняясь, чтобы разглядеть хоббита.

— Это мистер Бэггинс, хоббит безупречной репутации, из очень хорошей семьи, — ответил Гэндальф.

Бильбо поклонился. Шляпы он снять не мог, ибо не имел ее.

— Я волшебник, — продолжал Гэндальф. — Разумеется, я о вас слышал. Вы не знаете меня, но, может быть, знаете моего кузена Радагаста? Он живет близ южной границы Черного Леса.

— Как же, славный малый, хоть и волшебник. Одно время я с ним часто виделся. Ладно, теперь я знаю, кто вы или за кого себя выдаете. Что вам надо?

— Сказать по правде, мы потеряли наши пожитки, заблудились и очень нуждаемся в помощи или хотя бы в добром совете. Дело в том, что в горах нам досталось от гоблинов.

— Го-облинов? — переспросил человек уже менее нелюбезным тоном. — Ого, значит, вы им попались в лапы? А зачем, спрашивается, вы к ним полезли?

— Это получилось нечаянно. Они застигли нас врасплох во время ночлега в горах. Мы совершали переход из западного края в здешний. Но это долгая история.

— Тогда проходите в дом и расскажите хоть часть, коли на это не уйдет целый день, — сказал человек, открывая дверь внутрь.

Следуя за ним, Гэндальф и Бильбо очутились в просторном холле, где посредине был сложен очаг. Несмотря на летнюю пору, пылали поленья, и дым поднимался кверху к почерневшим балкам, ища выхода в крыше. Они миновали этот темноватый зал, освещенный лишь огнем очага да светом, падавшим через потолочную дыру, и вышли через небольшую дверку на веранду, стоящую на деревянных сваях. Обращенная на юг, она еще хранила дневное тепло, солнце пронизывало ее косыми

лучами и золотым дождем падало в сад, заросший цветами до самых ступенек веранды.

Они сели на деревянные скамьи; Гэндальф приступил к рассказу, а Бильбо раскачивал коротенькими ножками, не достававшими до полу, посматривал на цветы в саду и гадал, как они называются, — половины из них он никогда раньше не видал.

— Я шел в горах с одним-двумя друзьями... — начал волшебник.

— Одним-двумя? Я вижу только одного, да и того еле могу разглядеть, — прервал его Беорн.

— По правде говоря, мне не хотелось вам мешать, я боялся, что вы заняты. Если позволите, я подам сигнал.

— Подавайте, так и быть.

Гэндальф пронзительно свистнул, и тут же Торин и Дори показались из-за угла дома на садовой дорожке, а через минуту стояли перед ними и низко кланялись.

— Вы хотели сказать — с одним-тремя! — заметил Беорн. — Это уже не хоббиты, а гномы!

— Торин Оукеншильд, к вашим услугам! Дори, к вашим услугам! — проговорили оба гнома, снова кланяясь.

— Спасибо, я в ваших услугах не нуждаюсь, — ответил Беорн. — Зато вы, видно, нуждаетесь в моих. Я не очень-то долюбливаю гномов. Но коли вы и вправду Торин, сын Трейна, внук Трора, а ваш спутник вполне порядочный гном, и вы враги гоблинов и не замышляете никаких каверз в моих владениях... кстати, как вы здесь очутились?

— Они шли в земли своих отцов, что лежат к востоку за Черным Лесом, — вставил Гэндальф. — Мы по чистой случайности оказались в ваших владениях. Мы переходили Верхний Перевал и думали попасть на дорогу, проходящую южнее ваших земель. И тут на нас напали злые гоблины. Об этом я и собирался вам рассказать.

— Ну, так и рассказывайте, — нетерпеливо сказал Беорн, не отличавшийся вежливостью.

— Разразилась страшная гроза. Каменные великаны перебрасывались обломками скал, поэтому мы укрылись в пещере — я, хоббит и еще несколько гномов...

— По-вашему, два — это несколько?

— Нет, конечно. Но нас было больше...

— Куда же они подевались? Убиты, съедены, вернулись домой?

— Н-нет. Они, очевидно, постеснялись явиться все сразу, когда я свистнул. Видите ли, мы просто боимся быть вам в тягость.

— Давайте свистите! Раз уж все равно навязались в гости, так одним-двумя больше — погоды не делает, — проворчал Беорн.

Гэндальф опять свистнул — и в то же мгновение перед ними предстали Нори и Ори.

— Вот это да! — сказал Беорн.— Быстро, ничего не скажешь. Где вы прятались, у Гэндальфа в табакерке? Пожалуйте сюда.

— Нори, к вашим услугам. Ори, к ва... — начали они, но Беорн их прервал:

— Благодарствую. Когда ваши услуги понадобятся, я их сам попрошу. Садитесь и давайте продолжать, а то не успеем дослушать историю до ужина.

— Как только мы заснули, — продолжал Гэндальф, — щель в задней стене пещеры раздвинулась, оттуда выскочили гоблины и схватили хоббита, гномов и вереницу наших пони...

— Вереницу? Да вы что — бродячий цирк? Или везли с собой горы поклажи? Или для вас шестеро значит вереница?

— Нет, нет! По правде говоря, с нами было больше шести пони, так как нас тоже было больше... ага, вот еще двое.

В эту минуту появились Балин и Двалин и поклонились так низко, что вымели бородами каменный пол. Громадный человек нахмурился, но гномы до того старались быть вежливыми, так кивали, кланялись, перегибались в пояснице и махали перед его коленями своими капюшонами с истинно гномовской вежливостью, что Беорн перестал хмуриться и отрывисто расхохотался. Уж очень они были смешные!

— И в самом деле цирк, — сказал он. — Входите, господа весельчаки, входите. Как ваши имена? Услуги мне сейчас не нужны, только имена. Садитесь и перестаньте так суетиться.

— Балин и Двалин, — ответили гномы, не смея обидеться, и, опешив, сели прямо на пол.

— Дальше! — приказал Беорн волшебнику.

— На чем я остановился? Ах да. Меня не схватили. Я убил парочку гоблинов вспышкой из посоха...

— Славно! — вставил Беорн. — Значит, иногда и волшебник может на что-то пригодиться.

— ...и проскользнул в трещину, когда она закрывалась. Я последовал за ними в главный зал, где толпились гоблины — Верховный Гоблин с тридцатью или сорока вооруженными стражниками. Я подумал: «Если бы даже гномы не были скованы вместе — что может поделать дюжина против такой уймы?»

— Дюжина? В первый раз слышу, чтобы восемь называлось дюжиной. Или у вас в табакерке есть еще кто-то в запасе?

— Да, вот еще одна пара, Фили и Кили, — проговорил Гэндальф, когда перед ними возникли эти двое и принялись улыбаться и кланяться.

— Хватит, хватит, — оборвал их Беорн. — Сядьте и молчите! Продолжайте, Гэндальф!

И Гэндальф продолжал, пока не дошел до схватки во мраке у нижних ворот и до того ужасного момента, когда обнаружилось, что потерялся мистер Бэггинс. «Мы пересчитали друг друга, и выяснилось, что хоббита нет. Нас осталось всего четырнадцать».

— Четырнадцать?! Значит, от десяти отнять один будет четырнадцать? Это что-то новенькое! Вы хотите сказать «девять», или же мне представили не всех членов отряда.

— Да, разумеется, вы еще не видели Ойна и Глойна. А-а-а, вот и они. Вы извините их за лишнее беспокойство?

— Ладно. Пускай идут! Скорей входите и садитесь! Послушайте, Гэндальф, все равно получается так: вы, десять гномов и хоббит, который потерялся. Итого двенадцать, а не четырнадцать. Может, волшебники считают не так, как люди? Но сейчас-то уж, пожалуйста, продолжайте.

Беорн старался не показать виду, как его заинтересовала эта история. Встарь он знавал именно ту часть гор, о которой шла речь. Он кивал головой и одобрительно ворчал, слушая про то, как нашелся хоббит, как они катились по каменной круче, и про волчью стаю в лесу.

Когда Гэндальф дошел до того места, как они залезли на деревья, а волки расселись под ними, Беорн встал и зашагал взад и вперед, бормоча:

— Меня бы туда! Они бы у меня не отделались фейерверком!

— Ну, что ж,— сказал Гэндальф, очень довольный тем, что рассказ производит впечатление,— я сделал все, что мог. И вот мы сидим на деревьях, волки беснуются внизу — и тут с гор являются гоблины и видят нас. Они завопили от восторга и запели издевательские песни: «Пятнадцать птиц...»

— Боже милостивый! — простонал Беорн. — Не уверяйте меня, будто гоблины не умеют считать. Умеют. Двенадцать не пятнадцать, и они это отлично знают.

— Я тоже. Там еще были Бифур и Бофур. Просто я не осмелился представить их раньше. Вот они.

При этих словах появились Бифур и Бофур.

— И я! — выпалил Бомбур, с пыхтеньем догоняя предыдущую пару. Он был очень толстый и к тому же рассердился, что его оставили на конец, поэтому очень запыхался. Он отказался выжидать пять минут и прибежал сразу.

— Ну, вот, теперь вас действительно пятнадцать, а раз гоблины умеют считать, то, значит, столько и сидело на деревьях. Можете наконец закончить ваш рассказ без помех.

Только тут мистер Бэггинс понял, как умно поступил Гэндальф. Перерывы подогревали любопытство Беорна, а постепенный рассказ Гэндальфа помешал Беорну прогнать гномов сразу, как подозрительных попрошаек. Беорн избегал приглашать к себе в дом гостей. Друзей у него было мало, жили они довольно далеко от него, и он никогда не принимал больше двух друзей за один раз. А тут на его веранде собралось целых пятнадцать незнакомцев!

К тому времени, когда волшебник закончил рассказ о том, как их спасли орлы и перенесли на скалу Каррок, солнце село за Туманные Горы и в саду пролегли длинные тени.

— Отличный рассказ! — сказал Беорн. — Давненько такого не слыхал. Может, вы все и сочиняете, но рассказ заслуживает ужина. Хотите есть?

— Да, очень! — ответили гости хором. — Большое спасибо!

В холле теперь совсем стемнело. Беорн хлопнул в ладоши, и вбежали четыре красивейших белых пони и несколько рослых серых собак. Беорн что-то сказал на непонятном языке, состоявшем из звуков, которые издают звери. Послушные животные вышли и снова вернулись, неся в пасти по факелу. Они зажгли факелы от пламени очага и воткнули их в подсвечники, прикрепленные на столбах, окружавших очаг. Собаки, когда хотели, стояли на задних лапах и держали в передних все, что нужно. Они ловко достали доски и козлы, прислоненные к стене, и расставили перед очагом.

Потом послышалось «бя-бя-а-а» — и вбежало несколько белоснежных овец под предводительством большого угольно-черного барана. Одна овца держала во рту белую скатерть с вышитыми по углам фигурами животных, другие несли на своих широких спинах подносы с чашами и деревянными тарелками, ножами и деревянными ложками. Собаки быстро разложили все это на столах. Столы были такие низкие, что даже Бильбо удобно было сидеть. Пони придвинул к торцу стола две скамеечки с широкими плетеными сиденьями на коротких толстых ножках — для Гэндальфа и Торина, а на дальнем конце поставил большой черный, тоже невысокий и тоже с плетеным сиденьем стул для Беорна. Беорн сел и вытянул свои толстые ноги далеко под стол. Вероятно, сиденья, как и столы, нарочно сделали низкими, чтобы чудесным животным, служившим Беорну, ловко было сидеть. Ну, а на что же уселись остальные? О них тоже позаботились. Пони прикатили круглые, как барабаны, колоды, гладко отесанные и отполированные и удобные даже для Бильбо. Скоро все разместились за столом во главе с Беорном. В холле, наверное, давно не бывало такого многочисленного сборища.

И тут начался ужин или обед (назовите, как хотите), какого они не видали с тех пор, как покинули Последний Домашний Приют. Вокруг трепетало пламя факелов и очага, а на столе горели две высокие красные восковые свечи. Пока гости насыщались, Беорн развлекал их, рассказывая своим густым раскатистым голосом истории про дикие земли и особенно про темный, полный опасностей лес, который простирался далеко на Север и на Юг и преграждал путь на Восток, — про ужасный Черный Лес.

Гномы слушали и качали головами, так как знали, что скоро им предстоит проникнуть в глубину Черного Леса и что после Туманных Гор лес этот — самое опасное из препятствий, подстерегающих их на пути к цитадели дракона. Поев, они тоже принялись рассказывать истории, но Беорн был сонный и слу-

шал невнимательно. Гномы тараторили про золото, серебро и драгоценности, про кузнечное ремесло, а Беорна такие вещи мало интересовали: в холле не было ни одного золотого или серебряного предмета и, кроме ножей, ничего металлического.

Гномы долго еще сидели за столом и пили мед из деревянных чаш. Снаружи совсем стемнело. В огонь подбросили поленьев, факелы загасили, языки пламени плясали перед ними, а вокруг возвышались столбы, и верхушки их уходили вверх в темноту, как у деревьев в лесу. Может быть, тут было замешано волшебство, только Бильбо слышался шорох листвы в стропилах и уханье совы. Потом он начал клевать носом, голоса стали затихать, удаляться... и вдруг он вздрогнул и проснулся.

Проснулся оттого, что входная дверь заскрипела и хлопнула. Беорн исчез. Гномы сидели на полу перед очагом, скрестив ноги, и пели песню. Вот некоторые куплеты, но не все, их было гораздо больше, и пели гномы долго-долго:

Дул ветер, мрачный и сырой,
И вереск гнулся под горой.
Смешала тень и ночь и день
Угрюмой сумрачной порой.

Дул ветер с темных стылых гор,
Под ним стонал окрестный бор.
Скрипел, стонал, во тьме шуршал
Листвы тревожный разговор.

Дул ветер прямо на восток,
И лес промок, и лес продрог.
Кустарник стыл, и в небе плыл
Лохматых туч густой поток.

Дул ветер прямо к той горе,
Где прячется дракон в норе,
Где сизый дым плывет над ним
И тает в лунном серебре.

Бильбо опять задремал. Внезапно поднялся Гэндальф.

— Пора спать, — сказал он, — пора нам, но не Беорну. Здесь в холле мы можем спать спокойно, ничего не боясь, но, предупреждаю, помните о том, что посоветовал нам Беорн на прощанье: ни в коем случае не выходите из дому до восхода солнца, а то вам придется плохо.

Бильбо увидел, что у боковой стены, между ней и столбами, им уже постелили на низком помосте. Для Бильбо приготовили соломенный тюфячок и шерстяные одеяльца. Он свернулся калачиком и с удовольствием закутался в одеяла, несмотря на летнюю пору. Огонь затухал. Бильбо заснул. Среди ночи он проснулся: в очаге тлели угли, гномы и Гэндальф дышали ровно и, видимо, крепко спали. Луна теперь стояла высоко и заглядывала в дыру в потолке, на полу лежало пятно лунного света. Снаружи слышалось ворчание и какой-то шум, будто за дверями

ворочался большой зверь. Бильбо подумал: не Беорн ли там в медвежьем обличье и не съест ли он их? Потом он закутался в одеяло с головой и, несмотря на свои страхи, снова уснул.

Когда он проснулся окончательно, было уже позднее утро. Кто-то из гномов споткнулся о Бильбо и брякнулся на пол. То был Бофур. Когда Бильбо открыл глаза, он ворчал и сердился.

— Вставай, лежебока, а то завтрака не достанется.

Бильбо вскочил как встрепанный.

— Завтрак? — закричал он. — Где?

— Большая часть у нас в желудках, — отозвались гномы, бродившие по холлу, — а то, что осталось, — на веранде. Мы с восхода ищем Беорна и не можем найти. Зато нашли на веранде накрытый к завтраку стол.

— А где Гэндальф? — спросил Бильбо, выскакивая на веранду.

— Где-то шатается, — ответили ему.

Волшебник не возвращался до вечера. Только на закате он вошел в комнату, где ужинали хоббит и гномы. Опять им подавали чудесные звери. Беорна не было ни слышно, ни видно с прошлого вечера, и гномы недоумевали.

— Где же наш хозяин? И где вы пропадали целый день? — закричали все при виде Гэндальфа.

— Отвечаю на вопросы по порядку, и то после ужина! У меня с утра ни кусочка во рту не было.

Наконец Гэндальф отодвинул тарелку и кувшин (он съел целых два хлеба, намазанных маслом, медом и сметаной, и выпил по крайней мере литр медового напитка) и достал трубку.

— Сперва отвечу на второй вопрос, — проговорил он. — Бог ты мой! Это помещение прямо создано для того, чтобы пускать кольца дыма!

Они еще долго не могли ничего из него вытянуть, так как он увлекся пусканием колец: колечки у него облетали вокруг столбов, меняли форму и окраску, наконец погнались друг за другом и вылетели в потолочную дыру.

— Я разбирался в медвежьих следах, — ответил наконец Гэндальф. — Сегодня ночью тут, видимо, гостила уйма медведей. Я сразу понял, что Беорн один не мог натоптать столько следов, и притом следов самой различной величины. Я бы сказал, что всю ночь до рассвета здесь плясали медведи — мелкие и крупные, средние и великаны. Они сошлись со всех сторон, кроме одной: никто не пришел с запада, с гор. И туда ведут следы только одного медведя. Я дошел по ним до скалы Каррок, там они спустились в реку, а на тот берег я уже не стал перебираться — река там чересчур глубокая и течение сильное. Следы на той стороне уходили прямо в сосновые леса на восточном склоне Туманных Гор, где у нас произошла такая миленькая встреча с варгами. Таким образом, я, кажется, ответил и на первый вопрос, — закончил Гэндальф.

Бильбо показалось, будто он понимает, к чему клонит волшебник.

— Как же быть, если он приведет сюда варгов и гоблинов? — воскликнул он. — Нас всех перебьют! Вы же раньше говорили, что он с ними не дружит!

— Ну так что? И сейчас говорю. Не болтай глупостей. Идика лучше спать, а то голова у тебя уже плохо варит.

Хоббит и впрямь чувствовал себя разбитым, и ему оставалось только лечь спать. Он уснул под пение гномов. Засыпая, он по-прежнему думал о Беорне; ему приснилось, что сотни черных медведей медленно и тяжело кружатся в пляске при лунном свете. Он проснулся среди ночи, когда все спали, и услышал то же шарканье, сопенье и ворчанье за дверью, что и предыдущей ночью.

Наутро их разбудил сам Беорн.

— А, так вы еще тут? — сказал он. Он приподнял хоббита за шиворот и засмеялся: — Я вижу, ты еще не съеден варгами, гоблинами и злыми медведями! — И самым неуважительным образом ткнул мистера Бэггинса в живот: — Наш пончик опять отъелся на сдобе и меде. Пойдем, добавим еще!

И все пошли с ним завтракать. На этот раз Беорн был в прекрасном расположении духа и очень смешил их разными забавными историями. Им не пришлось долго гадать, где он пропадал и почему так любезен, — он скоро сам им рассказал. Он совершил поход за реку в горы и, надо заметить, обернулся замечательно быстро. Побывав на обгорелой волчьей поляне, он убедился, что по крайней мере часть рассказанного гномами — правда. Он поймал в лесу варга и гоблина и узнал от них, что патрули гоблинов вместе с варгами еще разыскивают гномов. Их очень озлобила смерть Верховного Гоблина и обожженный нос вожака волков, а также гибель многих главных варгов от пожара, устроенного волшебником. Они затевали набег на земли, лежащие вблизи Туманных Гор, чтобы поймать гномов и отомстить людям и всем существам в округе, укрывающим, как они подозревали, гномов.

— Рассказ ваш был отменный, — заключил Беорн, — но теперь, когда я убедился в его правдивости, он мне еще больше по душе. Я предлагаю вам любую помощь, какая в моих силах. Жили бы вы, как я, на краю Черного Леса, вы бы тоже никому не верили на слово. После такого случая я буду лучше относиться ко всем гномам. Надо же, убили Верховного Гоблина, самого Верховного Гоблина! — И он рассмеялся свирепым смехом.

— А что вы сделали с гоблином и варгом? — полюбопытствовал Бильбо.

— Идите посмотрите! — ответил Беорн, и они последовали за ним. На воротах торчала голова гоблина, а тут же за воротами на дереве была прибита шкура волка. Беорна страшно было иметь врагом. Но им-то он был теперь друг, и Гэндальф

почел за лучшее откровенно рассказать ему всю историю и цель их путешествия.

Вот какую помощь пообещал Беорн. Он предоставит каждому гному пони, а Гэндальфу лошадь, чтобы им добраться до леса. Он даст в дорогу провизии, которой при умелой экономии хватит на несколько недель. Провизия будет легкой и удобной для перевозки — орехи, мука, запечатанные кувшины с сушеными фруктами, глиняные горшочки с медом и особого приготовления кексы, которые очень долго сохраняют свои питательные свойства. Достаточно съесть кусочек такого кекса, и у тебя хватит сил надолго. Только Беорн знал секрет их приготовления: в них входил мед, как почти во всю его пищу. Были эти кексы вкусны, хотя и вызывали жажду. Он предупредил, что воду везти с собой не надо, так как всю дорогу до леса будут попадаться ручьи и источники.

— Но путь через Черный Лес будет трудным, опасным и неизведанным, — сказал Беорн. — Ни воды, ни пищи там не добудешь. Орехи еще не созрели, а кроме орехов, там не растет ничего съедобного. Все живые существа в лесу — злобные, скверные и диковинные. Я дам вам мехи для воды, луки и стрелы. Но не думаю, чтобы в Черном Лесу нашлась какая-нибудь подходящая дичь и питье. Тропу пересекает Черный Ручей с сильным течением. Не вздумайте в нем купаться или пить из него: я слыхал, что он заколдован и напускает сонливость, забывчивость. Не стоит стрелять в дичь, а то, погнавшись за добычей, в сумраке леса можно потерять тропинку, этого же делать ни под каким видом нельзя. Вот и все мои советы. В лесу я уже ничем вам помочь не смогу, рассчитывайте на свою удачу, на собственную храбрость и на те припасы, которые я вам даю с собой. На границе леса прошу отослать домой всех пони и лошадь. Желаю успеха. Мой дом всегда открыт для вас, если вам случится возвращаться этой дорогой.

Они его, естественно, поблагодарили, отвесили множество поклонов, подметая пол капюшонами, произнесли неоднократно «к вашим услугам, о господин просторных деревянных чертогов!». Но на душе у них скребли кошки от его зловещих слов. До них наконец дошло, что путешествие их опаснее, чем они воображали, и даже если они преодолеют все трудности, в конце пути их ждет дракон.

Все утро они провели в сборах. В полдень они поели с Беорном в последний раз, сели на своих новых скакунов и, попрощавшись с хозяином, выехали за ворота. Покинув его владения, обнесенные высокой изгородью, они взяли к северу, а потом повернули на северо-запад. Следуя совету Беорна, они пренебрегли главной лесной дорогой, проходившей по южной границе его владений. Беорн предупредил их, что этой дорогой теперь часто пользуются гоблины, а сама дорога, как он слы-

хал, на востоке сильно заросла и упирается в непроходимые болота. В нескольких же днях езды к северу от Каррока прячется тропинка, мало кому известная, которая ведет через Черный Лес прямо к Одинокой Горе.

— Гоблины, — заключил Беорн, — не посмеют пересечь реку ближе, чем за сотню миль от Каррока и моего дома — ночью он недурно охраняется. Но на вашем месте я бы поспешил: если они устроят набег скоро, то успеют перейти реку к югу и прочешут весь этот край леса, чтобы отрезать вам путь. А варги, надо сказать, бегают быстрее, чем пони. Итак, отправляйтесь скорее!

Они скакали молча, выбирая почву помягче или покрытую травой; слева темнели горы, впереди придвигалась линия деревьев, окаймлявших реку. Солнце до самого вечера золотило луга.

Как-то трудно было все время помнить о гоблинах и погоне, и, отъехав на несколько миль от дома Беорна, они снова принялись болтать, петь и перестали думать про темную лесную дорогу, поджидавшую их впереди. Вечером, когда стало смеркаться и на фоне заката засверкали вершины, путешественники остановились на ночлег и выставили караульных. Но спали неспокойно, и во сне им слышался вой волков и крики гоблинов.

Утро предвещало погожий день. По земле стлался белый туман, воздух был прохладный, но вскоре на востоке встало красное солнце, туман рассеялся, и не успели еще тени укоротиться, как путники снова отправились в путь. Они ехали уже два дня, но ничего и никого не видели, кроме травы и цветов, птиц и одиноких деревьев, да изредка благородных оленей, которые паслись или дремали в тени рощиц. На третий вечер они так торопились скорее достичь въезда в лес, что не останавливались до самой ночи и даже некоторое время ехали ночью при луне. В сумерках Бильбо то слева, то справа чудились неясные очертания большого медведя, кравшегося в том же направлении. Но когда он сказал об этом Гэндальфу, тот ответил только:

— Ш-ш! Не обращай внимания!

На следующий день они выехали до рассвета. Как только рассвело, они увидели черную мрачную стену леса, который словно выступал им навстречу или поджидал их. Дорога пошла вверх; хоббиту почудилось, будто их обступает тишина. Голоса птиц слышались все реже. Не стало оленей, даже кролики пропали. В середине дня они достигли кромки Черного Леса и спешились, чтобы отдохнуть под нависшими ветками первых деревьев. Стволы были толстые, узловатые, ветки искривленные, листья длинные и темные. Плющ обвивал деревья и стлался по земле.

— Ну, вот и Черный Лес! — сказал Гэндальф. — Самый большой лес в северном краю. Как он на ваш взгляд? Теперь придется отослать назад чудных пони.

Гномы недовольно заворчали, но Гэндальф посоветовал вести себя осмотрительнее.

— Беорн не так далеко, как вы думаете, и вообще надо обещания выполнять. Беорн — опасный враг. У мистера Бэггинса глаза получше ваших: он свидетель, что каждую ночь с наступлением темноты рядом появлялся большой медведь или сидел поодаль и наблюдал при свете луны за нашим лагерем. Он не только охранял вас и следил, туда ли вы едете, но и присматривал за своими пони. Беорн вам друг, но своих животных он любит, как родных детей. Вы даже не представляете, какое одолжение он вам сделал, разрешив ехать на своих пони так далеко и так быстро.

— А как насчет лошади? — спросил Торин. — Вы, кажется, не упомянули, что вы ее отсылаете.

— Я и не отсылаю.

— Как же ваше обещание?

— Это мое дело. Я не отсылаю лошадь оттого, что возвращаюсь на ней сам!

Так они услыхали, что Гэндальф собирается бросить их на опушке Черного Леса, и пришли в отчаяние. Но как его ни убеждали, решения он не переменил.

— Обо всем этом мы договорились на Карроке, — возразил он. — Спорить бессмысленно. Как я уже говорил, меня ждут неотложные дела на Юге. Я и так из-за вас опаздываю. Может быть, мы еще встретимся до конца приключения, а может быть, и нет. Это зависит от того, насколько вы удачливы, отважны и сообразительны. Я посылаю с вами мистера Бэггинса, ведь я вам не раз говорил, что он не так прост, как вы думаете. Скоро вы в этом убедитесь. Так что не унывай, Бильбо, не хмурься! Не унывайте, Торин и К°! Экспедицию затеяли вы сами. Думайте все время о сокровищах, которые вас ждут, и выбросьте из головы лес и дракона! По крайней мере — до завтрашнего утра!

Наутро он повторил то же самое. Пришлось им наполнить мехи водой из прозрачного родника, бившего у самого входа в лес, и расседлать пони. Поклажу они поделили между собой поровну, но Бильбо счел свою долю невыносимо тяжелой, ему совсем не улыбалось тащить тюк на спине много миль.

— Не волнуйтесь, — утешил его Торин. — Тюк полегчает слишком скоро, еще захотите, чтобы мешки стали тяжелее, когда провизия начнет подходить к концу.

Наконец они простились со своими пони и повернули их головами к дому. Те весело затрусили обратно, явно радуясь тому, что оставляют позади мрак Черного Леса. Бильбо мог бы поклясться, что в ту минуту, как пони повернули к дому, от леса отделилась темная фигура, схожая с медвежьей, и пустилась за ними вслед.

— До свиданья! — сказал Гэндальф Торину. — Всем, всем до свиданья! Идите через лес прямо, не сходите с тропы, а

то вряд ли найдете ее снова и вряд ли выйдете из Черного Леса. В таком случае ни мне, ни кому другому вас больше не видать.

— А нам обязательно идти через лес? — простонал хоббит.

— Да, обязательно! — отрезал волшебник. — Или вы идете насквозь через лес, или откажитесь от сокровищ. Да я и не позволю вам теперь пойти на попятный, мистер Бэггинс. Мне стыдно за вас! Как вы можете даже думать так? Теперь вы отвечаете передо мной за всех гномов.

— Нет, нет! — начал оправдываться Бильбо. — Вы меня не так поняли. Я хотел сказать — нет ли дороги в обход?

— Есть, если тебе хочется топать лишние двести миль к Северу, а потом вдвое больше к Югу. Нет, уж лучше держитесь лесной тропы, не падайте духом, уповайте на будущее, и, если вам невероятно повезет, вы, может быть, и выйдете в один прекрасный день из леса и увидите впереди Длинное Болото, а за ним — возвышающуюся на Востоке Одинокую Гору, где живет старина Смог. Будем надеяться, что он вас не ждет.

— Утешили, нечего сказать, — проворчал Торин. — До свиданья! Не хотите идти с нами, так лучше уж поезжайте. Хватит разговоров!

— Тогда до свиданья, и пусть свидание состоится! — произнес Гэндальф и, повернув лошадь, поехал на Запад. Но он не мог утерпеть, чтобы не сказать самых последних напутственных слов. Он повернулся и приставил ладони ко рту.

— До свида-а-анья! Пожа-а-алуйста, осторо-о-ожней! Не сходи-и-ите с тропы-ы! — донеслось до них еле слышно.

Затем Гэндальф пустил лошадь галопом и скрылся из виду.

— До свиданья, до свиданья, скатертью дорога! — проворчали гномы, сердясь еще больше оттого, что отъезд Гэндальфа их ужасно огорчил. Предстояла самая опасная часть путешествия. Каждый взвалил на плечи тяжелый тюк и кожаный мешок с водой, потом они повернулись спиной к солнечному свету и вступили в Черный Лес.

8
ПАУКИ И МУХИ

Они вошли в лес, словно в мрачный туннель, пройдя гуськом под аркой, которую образовывали два высоких дерева, склонившихся друг к другу, — такие старые и настолько задушенные плющом, что на ветках лишь кое-где виднелись побуревшие листочки. Вскоре дневной свет остался у входа в лес, далеко позади, словно яркая светящаяся дырочка. Узкая тропинка вилась между стволами. Тишина сделалась столь глубокой, что звук шагов гулко отдавался в лесу и казалось, деревья нагибаются и прислушиваются.

Когда глаза их привыкли к полумраку, они стали кое-что различать по сторонам в темно-зеленом сумраке. Иногда тоненькому солнечному лучику удавалось прорваться сквозь листву и спутанные ветки. Но это было редко, а потом и вовсе прекратилось.

В лесу прыгали черные белки. Зоркие и любопытные глаза Бильбо, освоившись в темноте, подмечали, как, вильнув пушистым хвостом, белки удирали с тропинки и прятались за стволы. В подлеске, в плотных слоях сухих листьев слышались шорох, возня, шныряние и ворчание. Но кто издавал все эти звуки, Бильбо не мог разглядеть. Что было самое противное — так это паутина: густая, необыкновенно толстая, она протягивалась от дерева к дереву, оплетала нижние ветки по обе стороны тропы. Тропу паутина не пересекала нигде, по волшебной ли причине или по какой другой — неизвестно.

Прошло немного времени, и они возненавидели лес так же горячо, как ненавидели гоблинские туннели; им казалось, что из него уже никогда не выбраться.

Под лесной полог не проникало ни единого дуновения чистого воздуха, там навсегда застыли духота, темнота и тишина. Даже гномов это угнетало, хотя они и привыкли работать в шахтах и подолгу жили под землей. А уж хоббит — даром что жил в норке — любил проводить летние дни на воздухе и теперь совсем задыхался.

Хуже всего было ночью. Тьма становилась непроглядной, и это не преувеличение — они действительно ничего не видели. Нет, пожалуй, неправда, что ничего: они видели чьи-то глаза. Ночью в окружающей тьме начинали вспыхивать огоньки, на путников нацеливались пары глаз — желтые, красные, зеленые, — потом исчезали и возникали уже в другом месте. Порой огоньки сверкали откуда-то сверху, с веток, и это было очень страшно. Но больше всего Бильбо не нравились отвратительные, бледные, выпуклые глаза. «Как у насекомых, — думал он, — только что-то чересчур большие».

Ночью они не мерзли, но все же сначала пытались поддерживать сторожевой костер. Вскоре, однако, пришлось от костров отказаться, так как стоило зажечь огонь — и из темноты на путешественников со всех сторон начинали пялиться сотни и сотни глаз, хотя сами обладатели глаз оставались невидимыми. Что еще хуже — огонь привлекал тысячи серых и черных мотыльков, подчас величиной с ладонь; они вились и трепыхались у самого лица. Мотыльки надоедали невыносимо, равно как и огромные черные, как вакса, летучие мыши. Пришлось по ночам дремать в сплошной, наводящей жуть тьме.

Все это, как казалось хоббиту, продолжалось целую вечность. Он всегда хотел есть, потому что теперь приходилось экономить продукты. Дни следовали за днями, а лес ничуть не менялся, и путники встревожились. Запасы провизии иссякали.

Гномы попробовали стрелять белок и потратили уйму стрел, но сбили лишь одну. Когда ее зажарили, она оказалась несъедобной, и белок оставили в покое.

Их мучила жажда, так как запасы воды убывали, а им пока не попалось ни одного источника или ручейка. Так все и шло, пока однажды дорогу им не преградил поток, неширокий, но быстрый, казавшийся тоже черным. Хорошо, что Беорн предостерег их, а то они непременно напились бы воды и наполнили бы пустые мехи. А теперь они задумались, как перейти поток, не входя в воду. Когда-то тут, видно, пролегали деревянные мостки, но сейчас от них остались лишь обломанные столбики у самого берега.

Бильбо встал на колени и, вглядевшись в черноту, вдруг воскликнул:

— У того берега лодка! Что бы ей быть на нашей стороне!

— Как вы думаете, далеко она? — спросил Торин. Гномы уже убедились, что у Бильбо самые зоркие глаза.

— Совсем недалеко. Метрах в десяти, не больше.

— Всего десять метров! Я думал, тут по крайней мере двадцать пять! Что делать, я теперь не так хорошо вижу, как сто лет назад. Впрочем, десять или двадцать пять — какая разница? Нам все равно не перепрыгнуть ручей, а плыть или идти вброд опасно.

— Умеет кто-нибудь забрасывать веревку?

— Что толку? Даже если удалось бы зацепить лодку, она наверняка привязана.

— По-моему, нет, — сказал Бильбо, — но в такой темноте не разглядишь.

— Дори самый сильный, но Фили самый молодой, и глаза у него лучше видят, — сказал Торин. — Фили, подойди сюда, видишь ты лодку, о которой говорит мистер Бэггинс?

Фили долго всматривался и, наконец разглядев лодку, определил, как мог, расстояние. Ему принесли веревку, самую длинную из взятых с собой, и привязали к ее концу большой железный крюк — из тех, которыми пристегивали тюки к ремням, когда несли их на спине. Фили взял крюк в руку, покачал его на ладони и швырнул через поток.

Крюк плюхнулся в воду!

— Недолет! — заметил Бильбо, следивший за процедурой. — Еще полметра, и он бы зацепился за лодку. Попробуй еще раз. Думаю, что, если ты и дотронешься до мокрой веревки, чары тебе не повредят.

Фили вытянул веревку и взялся за крюк, но проделал это с большой опаской. Вторично он зашвырнул веревку дальше.

— Спокойно! — сказал Бильбо. — Ты закинул крюк за дальний борт. Тяни полегоньку.

Фили стал медленно тянуть, и вскоре Бильбо сказал:

— Осторожней! Крюк лежит на борту, надо, чтобы он не соскользнул.

Крюк зацепился за борт, веревка натянулась, Фили тащил и тащил, но безрезультатно. Ему на помощь пришел Кили, потом Ойн и Глойн. Они тянули изо всех сил и вдруг все разом хлопнулись навзничь. Но Бильбо был начеку, он перехватил у них веревку и задержал палкой черную лодочку, которую быстро понесло течением.

— Помогите! — закричал Бильбо, и подоспевший на крик Балин схватил лодку за корму.

— Значит, все-таки она была привязана, — сказал Балин, глядя на обрывок фалиня[1], прикрепленный к лодке. — Удачный рывок, друзья, и удачно, что наша веревка оказалась крепче.

— Кто поплывет первый? — спросил Бильбо.

— Я, — ответил Торин, — и со мной вы, Фили и Балин. Больше в лодке никто не поместится. Затем Кили, Ойн, Глойн и Дори, потом Ори, Нори, Бифур и Бофур. И последними — Двалин и Бомбур.

— Всегда я последний, мне надоело, — запротестовал Бомбур. — Пусть сегодня кто-нибудь другой будет последним.

— А зачем ты такой толстый? Вот и плыви, когда в лодке меньше груза. И не вздумай ворчать и оспаривать приказания, а то с тобой произойдет что-нибудь скверное.

— Тут нет весел. Как же перебраться на другой берег? — поинтересовался хоббит.

— Дайте мне еще одну веревку и еще крючок, — попросил Фили. Привязав крюк к веревке, он закинул ее в темноту как можно дальше и выше. Крюк не свалился вниз — следовательно, застрял в ветвях.

— Залезайте, — скомандовал Фили, — кто-нибудь будет тянуть за веревку, которая в ветвях, а кто-нибудь из оставшихся пусть держит первую веревку. Когда мы переправимся на тот берег, тяните лодку обратно.

Таким образом они все благополучно переправились через заколдованный поток. Только что Двалин вылез из лодки на берег с мотком веревки в руках, а Бомбур (кстати, не переставший ворчать) собирался последовать за ним, как вдруг действительно произошло нечто скверное. Впереди на тропке послышался бешеный стук копыт, из темноты возник силуэт мчащегося оленя. Олень врезался в отряд гномов, раскидал их в разные стороны и взвился в воздух. Он перемахнул через поток одним прыжком, но... ему не удалось достичь того берега невредимым. Торин, едва ступив первым на противоположный берег, натянул лук и вложил стрелу на тот случай, если поблизости притаился хозяин лодки. Торин был единственный, кто удержался на ногах и сохранил присутствие духа; теперь он уверенно и метко послал стрелу в оленя. Приземлившись, зверь пошатнулся, его поглотила тьма леса, послышался звук спотыкающихся копыт, потом все стихло.

---

[1] Веревка, которой шлюпка привязывается к судну или пристани.

Только все хотели воздать хвалу меткому стрелку, как послышался отчаянный возглас Бильбо:

— Бомбур в воде! Бомбур тонет!

Мечты об оленине вышибло у них из головы. Увы! То была правда. Когда олень вылетел из лесу и опрокинул Бомбура, толстяк стоял на суше только одной ногой. Падая, Бомбур нечаянно отпихнул лодку от берега, попытался ухватиться за скользкие корни, руки у него сорвались, он плюхнулся в воду, а лодку закрутило и унесло по течению.

Все кинулись к ручью и увидели над водой капюшон Бомбура. Они быстро кинули ему веревку с крюком и вытянули его на сушу. Бомбур, естественно, промок насквозь, и это было еще ничего, но вот беда: он спал, сжимая веревку в руке, да так крепко, что руку не могли разжать. Он продолжал спать, несмотря на все попытки его разбудить.

Они все еще стояли над ним, проклиная его неуклюжесть и свою невезучесть и оплакивая утрату лодки, лишенные теперь всякой возможности подобрать убитого оленя, как вдруг в отдалении послышались звуки рога и лай собак. Неожиданно впереди на тропе показалась белая лань, настолько же ослепительно белоснежная, насколько олень был черен. Прежде чем Торин успел предостерегающе крикнуть, гномы вскочили и выстрелили из луков. Ни одна стрела не попала в цель. Лань повернулась и исчезла среди деревьев так же бесшумно, как появилась, и гномы напрасно продолжали пускать стрелы ей вслед.

— Стойте! Перестаньте! — закричал Торин, но поздно: гномы в возбуждении расстреляли последние стрелы. И теперь подаренные Беорном луки стали бесполезны.

Уныние охватило всю компанию, и в последующие дни оно еще усилилось. После заколдованного ручья тропа вилась точно так же, лес был все тот же. Если бы они знали о лесе побольше, то догадались бы, что приближаются к восточной опушке леса и еще немного терпения и отваги — и они выйдут в более редкий лес, куда проникает солнце. Но они не догадывались. К тому же они попеременно несли тяжелого Бомбура — четверо тащили его, а остальные несли их поклажу. Не полегчай тюки за последние дни, им бы нипочем не справиться. Но даже тяжелые тюки лучше тяжелого Бомбура. Толстяк, к сожалению, не заменял собой мешков с едой. Настал день, когда у них почти не осталось ни пищи, ни питья. В лесу ничего не росло — лишь губки на деревьях да растения с бледными листьями и неприятным запахом.

Через четыре дня после того, как они переправились через поток, начался сплошной буковый лес. Путники сперва обрадовались этой перемене: пропал подлесок, темнота перестала быть такой густой, освещение сделалось зеленоватым. Однако светились лишь бесконечные ряды прямых серых стволов, воз-

вышающихся, словно колонны в громадном сумеречном зале. Появился ветерок, зашелестела листва, но и шелест был какой-то печальный. Сверху слетали листья, напоминая о том, что приближается осень. Под ногами шуршал сухой ковер, накопившийся от прежних осеней.

Два дня спустя они заметили, что тропа пошла под уклон, и скоро оказались в ложбине, заросшей могучими дубами.

— Да кончится когда-нибудь этот проклятый лес?! — проговорил Торин. — Кто-то должен залезть на дерево, просунуть голову сквозь листву и оглядеться. Надо выбрать самое высокое дерево у самой тропы.

Конечно, под «кто-то» разумелся Бильбо. Выбор пал на него потому, что забираться — так уж забираться на самую верхушку, а для этого надо быть очень легким, чтобы выдержали тонкие ветки. Несчастный мистер Бэггинс был не большой мастак лазать по деревьям, но делать нечего — его посадили на нижние ветки исполинского дуба, росшего на обочине, и хочешь не хочешь, а пришлось карабкаться вверх. Бильбо продирался сквозь густые сучья, ветки хлопали его по лицу, кололи глаза, Бильбо перепачкался зеленым и черным о старую кору, много раз чуть не сорвался и наконец, преодолев самый трудный участок, где буквально не за что было ухватиться, долез до верха. А пока лез — только и думал, есть ли на дереве пауки и удастся ли ему спуститься вниз, не свалившись.

Наконец голова его оказалась над лиственной крышей. Свет ослепил Бильбо. Снизу его окликали гномы, но он ничего не отвечал и, зажмурившись, только крепче вцеплялся в ветки. Солнце сверкало так ярко, что он долго не мог открыть глаза, когда же открыл, то увидел море темной зелени, колышущейся на ветру. Бильбо долго наслаждался ветерком, ласкавшим ему лицо и волосы. Наконец крики гномов, которые там, внизу, буквально лопались от нетерпения, напомнили ему о деле. Он стал оглядываться по сторонам, но сколько ни гляди — кругом было сплошное море зелени.

На самом-то деле, как я уже говорил, до опушки леса оставалось недалеко. Будь Бильбо посообразительнее, он бы понял, что высокое дерево, на котором он сидел, росло на дне широкой впадины, и с верхушки невозможно было заглянуть за край этой большой чаши и увидеть, как далеко простирается лес. Но Бильбо этого не понял, и поэтому полез вниз в совершенном отчаянии. Исцарапанный, потный, несчастный, он спустился во мрак леса и долго не мог ничего различить вокруг. Его отчет поверг и остальных в отчаяние.

— Лес нигде, нигде не кончается. Что нам делать? Какой толк было посылать хоббита? — восклицали они, как будто Бильбо был виноват во всем.

В этот вечер они доели последние крохи, а проснувшись наутро, опять ощутили грызущий голод. Лил дождь и уже про-

сачивался кое-где через густой полог леса. Во рту у них пересохло от жажды, но дождь не принес облегчения — не будешь же стоять, высунув язык, и ждать, когда на язык упадет капля. Единственное утешение им неожиданно доставил Бомбур!

Он вдруг проснулся, сел и задумчиво поскреб затылок. Он никак не мог взять в толк, где он и почему такой голодный: он забыл все, что происходило после пирушки в доме хоббита в то майское утро. Немалых трудов им стоило убедить его, что все было так, как они рассказывают.

Услыхав, что есть нечего, он горько заплакал.

— Зачем я только проснулся! — воскликнул он. — Я видел такие прекрасные сны! Мне снилось, будто я бреду по лесу вроде этого, на деревьях горят факелы, с веток свисают фонари, на земле пылают костры. В лесу идет пир, идет и не кончается. Лесной король сидит в короне из листьев, все распевают веселые песни, а уж какие там блюда и напитки! Я просто описать не могу.

— Тем лучше, — сказал Торин. — Раз ты не способен говорить ни о чем другом, кроме еды, то лучше помолчи. Нам и так от тебя одни неприятности. Если б ты сейчас не проснулся, мы оставили бы тебя в лесу, и смотри тогда свои дурацкие сны. Думаешь, легко тебя тащить после такого долгого поста?

Что им оставалось делать? Они затянули потуже кушаки на тощих животах, взвалили на плечи тюки и поплелись дальше по тропинке, даже не надеясь выйти живыми из леса. Они брели весь день из последних сил, да еще Бомбур непрерывно стонал и жаловался, что ноги у него подкашиваются и он сейчас ляжет и уснет.

Вдруг Балин, шедший впереди, воскликнул:

— Что это? Между деревьями мелькнул огонь!

Они остановились и стали всматриваться. И в самом деле: вдали мелькнул красный огонек, потом еще и еще. Путники торопились вперед, нимало не задумываясь — а вдруг это гоблины или тролли. Вскоре они разобрали, что это свет от множества факелов и костров.

— Сны-то мои сбываются, — пропыхтел Бомбур, еле поспевавший сзади. Он хотел бежать прямо туда, но остальные не забыли предостережений чародея и Беорна.

Они долго спорили и наконец решили выслать двух разведчиков — пусть подползут поближе к огням и постараются что-нибудь выяснить. Но тут опять вышла заминка: никому не улыбалось заблудиться и навсегда потерять своих товарищей. Под конец голод поборол благоразумие: не в силах более слушать, как Бомбур расписывает яства на лесном пире, они все вместе покинули тропу и углубились в лес. Проблуждав некоторое время между стволами, перебираясь ощупью от дерева к дереву, они наконец увидели ярко освещенную, расчищенную и выровненную полянку. Там было полно народу — ни дать

ни взять, эльфы! Одетые в зеленую и коричневую одежду, они сидели на пнях вокруг костра. Позади них на деревьях торчали факелы, но что самое замечательное — они ели, пили и веселились.

Аромат жареного мяса был так притягателен, что путники, не сговариваясь, выпрямились во весь рост и шагнули сквозь кусты на полянку, одержимые одним желанием — выпросить поесть. Но едва они ступили в круг, как все огни погасли, словно по мановению волшебной палочки, кто-то из эльфов поддал ногой поленья, взвился сноп сверкающих искр, и костер потух. Путники очутились в беспросветной тьме и долго не могли отыскать друг друга. Проблуждав во мраке, налетая на деревья, хватаясь за стволы, спотыкаясь о пни, аукая во весь голос и наверняка перебудив всех обитателей леса на много километров вокруг, они наконец ухитрились собраться и на ощупь пересчитать друг друга. К этому времени они совершенно запутались, где дорожка, и безнадежно заблудились, во всяком случае — до утра.

Оставалось только лечь спать, не сходя с места. Пролежали они недолго. Бильбо только-только задремал, как вдруг Дори, стоявший на часах, громко шепнул:

— Опять огоньки. Больше, чем прежде.

Они опять вскочили и бросились в ту сторону, где ясно слышались голоса и смех. Но едва они приблизились к кострам, повторилось то же самое, что и в предыдущий раз.

Пришлось опять лечь спать.

Но история с огнями на этом не кончилась. Когда время зашло далеко за полночь, их разбудил Кили:

— Вон там целый пожар — костры, факелы; слышите — поют, играют на арфах!

Они послушали-послушали и, не в состоянии преодолеть искушения, снова встали и пошли. Результат оказался самый плачевный. Этот пир был еще пышнее, еще роскошнее прежних, во главе пирующих сидел лесной король в венке из листьев на золотоволосой голове, точь-в-точь король из бомбуровского сна. Эльфы передавали по кругу чаши, одни играли на арфах, другие пели. В их блестящие волосы были вплетены цветы, драгоценные камни сверкали у них на воротниках и кушаках, лица и голоса были исполнены веселья. Песни были такие звонкие и прекрасные, что Торин выступил на середину круга...

Поющие умолкли на полуслове, настала мертвая тишина; все огни погасли, на месте костров поднялись столбы черного дыма, зола и пепел запорошили гномам глаза. Лес снова наполнился их криками и воплями.

Бильбо бегал кругом и звал, звал:

— Дори, Нори, Ори, Ойн, Глойн, Фили, Кили, Бомбур, Бифур, Двалин, Балин, Торин Оукеншильд!

Те, невидимые в темноте, делали то же самое, добавляя еще «Бильбо!». Но постепенно крики гномов стали затихать, удаляться, потом, как показалось хоббиту, превратились в вопли о помощи, потом все стихло, и Бильбо остался один в полной тишине и темноте.

То был один из самых скверных моментов в его жизни. Бильбо довольно быстро решил, что до утра делать ничего не надо: бессмысленно блуждать во мраке по лесу и выбиваться из сил, не имея никакой надежды на завтрак, чтобы их восстановить. Бильбо сел, прислонился спиной к дереву и, в который раз, стал вспоминать свою далекую норку, прекрасные кладовые. Он погрузился в мечты о беконе, яйцах и жареном хлебе, как вдруг почувствовал чье-то прикосновение. К его руке прижалась какая-то крепкая липкая веревка, а когда он попытался встать, тут же упал, так как ноги его оказались спутаны той же гадостью.

И вдруг из-за спины у него появился здоровенный паук. Он-то и начал обматывать Бильбо паутиной, пока тот дремал. Бильбо видел его глаза, чувствовал, как притрагиваются мохнатые лапы; паук трудился на совесть, опутывая и опутывая Бильбо своими мерзкими нитями. Хорошо, что Бильбо вовремя очнулся, — еще минута, и он бы уже не смог шевельнуться. И тогда паук впрыснул бы ему яд, как проделывают с мухами обыкновенные пауки. Бильбо стал отчаянно отбиваться от гадкой твари кулаками и вдруг вспомнил про кинжал. Как только он выхватил его, паук отпрыгнул назад, а Бильбо тем временем перерубил нити, опутывавшие ноги. Теперь настал его черед нападать, и он накинулся на паука. Если бы паук знал, что ему грозит, он бы пустился наутек сразу, но он явно не привык к «добыче» с таким жалом, и Бильбо успел нанести ему удар кинжалом в голову. Паук заскакал, заплясал, дико задергал лапами, и тогда Бильбо уложил его вторым ударом. Но тут же упал сам и надолго потерял сознание.

Когда он пришел в себя, его окружал обычный тусклый дневной полумрак. Паук лежал рядом мертвый, клинок кинжала был в черных пятнах. Убить гигантского паука в темноте, в одиночку, без помощи волшебника, гномов или кого бы то ни было — это, я вам скажу, было неслыханное событие в жизни мистера Бэггинса. Он почувствовал себя совсем другим — более храбрым и беспощадным. Он вытер кинжал о траву и вложил в ножны.

— Отныне я буду называть тебя Жалом, — сказал он клинку.

Затем он отправился на разведку. В лесу царило безмолвие. Прежде всего следовало разыскать друзей; далеко уйти они не могли, разве что их взяли в плен эльфы или кто-нибудь похуже. Бильбо понимал, что кричать тут небезопасно, поэтому долго стоял на месте и раздумывал, в какой стороне тропа и куда двинуться на поиски гномов.

«Зачем мы не послушались советов Беорна и Гэндальфа! — сокрушался он. — А теперь мы так все запутали. „Мы"! Хорошо, если „мы", а то одному так страшно!»

Наконец он припомнил, откуда неслись ночью крики о помощи; к счастью (а оно ему сопутствовало с рождения), он определил это более или менее правильно и тут же стал красться в том направлении. Как я уже не раз говорил, хоббиты, как никто, умеют бесшумно ступать по лесу; кроме того, Бильбо надел кольцо.

Он осторожно крался до тех пор, пока не различил впереди клубок черноты, слишком густой даже для Черного Леса — словно клок темной ночи, который забыл рассеяться с наступлением дня. Подобравшись ближе, он понял, что это паутина, намотанная в несколько слоев. И тут он увидел над собой пауков: гигантские, страшные-престрашные, они сидели на ветвях. Бильбо задрожал: кольцо кольцом, а вдруг они его почуют? Стоя за деревом, он некоторое время наблюдал их в тишине и покое леса и вдруг понял, что отвратительные твари разговаривают друг с другом! Голоса их походили на тоненький скрип и свист, но он разобрал слова. Они говорили про гномов!

— Жаркая была схватка, но дело того стоило,— сказал один.— Ну и жесткая у них шкура, зато внутри они наверняка сочные.

— Да, да, повисят немножко — еще вкуснее станут,— подхватил другой.

— Не передержите их,— подал голос третий,— чтоб не засохли, а то что-то худоваты. Видно, плохо питались последнее время.

— Убейте их сейчас, говорю вам,— просвистел четвертый,— а потом пусть повисят дохлые.

— Да они и так уже дохлые, поверьте мне,— возразил первый.

— Ничего не дохлые. Сейчас один крутился — видно, очухался. Идем — покажу.

И толстый паук быстро побежал к ветке, с которой рядком свисала дюжина больших свертков. Только тут Бильбо заметил их в тени дерева и ужаснулся: из свертков торчали — где гномова нога, где нос, где кончик бороды, а где капюшон.

Паук направился к самому толстому из свертков.

«Должно быть, бедняга Бомбур»,— подумал Бильбо.

Паук сильно ущипнул Бомбура за кончик носа. Бомбур был явно жив. Раздался приглушенный вопль, и торчащая нога метко лягнула паука. Послышался звук, как будто ударили по выдохшемуся футбольному мячу; взбешенный паук свалился с ветки, но вовремя ухватился за собственную нить.

Остальные расхохотались.

— Ты прав,— сказали они,— завтрак жив-здоров и лягается.

— Сейчас перестанет,— злобно прошипел паук и полез наверх.

Бильбо понял, что настал момент действовать. Добраться до пауков он не мог, стрелять было нечем. Оглядевшись, он

увидел углубление — очевидно, русло пересохшего ручья, — где валялось много камней. Бильбо недурно метал камни. Недолго думая, он подобрал гладкий, как яйцо, камень, очень удобно легший в ладонь. Мальчиком Бильбо много упражнялся, швыряя камни в разные предметы, так что кролики, белки и птицы разбегались и разлетались без оглядки, едва завидев, как он наклоняется. Став взрослым, он много времени отдавал метанию колец, дротика, стрельбе по прутику, игре в кегли, шары и другие тихие игры метательного и швырятельного свойства. Бильбо вообще много чего умел помимо того, что пускал кольца дыма, загадывал загадки и стряпал. Просто мне некогда было рассказать об этом раньше. И сейчас тоже некогда. Пока он подбирал камни, паук долез до Бомбура, и через секунду тому бы несдобровать. И тут Бильбо бросил камень. Бац! — камень ударил паука по макушке, и паук без чувств шлепнулся с дерева на землю, задрав лапы.

Второй камень со свистом прорвал большую паутину и наповал сразил паука, сидевшего в центре. В колонии пауков поднялась паника, и на время, могу вас уверить, они и думать забыли про гномов. Видеть Бильбо они не могли. Но сообразили, с какой стороны летят камни. С молниеносной быстротой они помчались по веткам, выбрасывая нити во всех направлениях. Пространство наполнилось смертоносными качелями.

Но Бильбо уже перебежал на другое место. Ему захотелось раздразнить пауков, раззадорить, как следует разозлить. Когда к месту, где он раньше стоял, сбежалось штук пятьдесят пауков, Бильбо принялся швырять в них камнями, а потом, приплясывая между деревьями, запел песню, чтобы привлечь внимание пауков, а также гномов:

Жирный паук
Взгромоздился на сук
И не видит меня
Среди белого дня.

Эй, старый дурак,
Я подам тебе знак,
Паутину бросай
И меня догоняй!

Может, и не слишком складная дразнилка, но не забывайте — он сочинил ее сам, экспромтом, в самый неподходящий момент. Песенка свое дело сделала: пока он пел, кидался камнями и топал ногами, буквально все пауки бросились к нему. Одни спрыгнули и бежали по земле, другие мчались по веткам и, раскачиваясь, перепрыгивали с дерева на дерево, третьи перекидывали новые нити через темное пространство. Пауки оказались гораздо проворнее, чем Бильбо ожидал. Очень уж они разозлились. Во-первых, им не понравились камни, во-вторых,

пауки терпеть не могут, когда им говорят «жирный паук», ну, а уж «старый дурак» и подавно обидно всякому!

Бильбо бросился на новое место, но пауки разбежались теперь по всей поляне и быстренько начали плести паутину между стволами. Очевидно, замысел их был таков: очень скоро хоббит неминуемо очутится в западне — и путь ему будет отрезан. Но, окруженный со всех сторон охотящимися на него насекомыми, Бильбо нашел в себе мужество затянуть еще одну песенку:

Паутины вьется нить,
Мне готовят сети,
Но меня им не скрутить
Ни за что на свете.

Вот я, вот! Вам везет,
Слушайте, глядите!
Пауки, дураки,
Ну-ка догоните!

Тут он повернулся и увидел, что последний свободный промежуток между двумя высокими деревьями тоже затянут паутиной, но, по счастью, не настоящей густой сеткой, а отдельными толстыми нитями, наспех протянутыми туда-сюда. Бильбо вытащил кинжал, перерубил их и с пением побежал дальше.

Пауки заметили кинжал и, хотя вряд ли поняли, что это такое, всей оравой погнались за хоббитом по земле и по ветвям; их мохнатые лапы мелькали, челюсти щелкали, глаза вылезали из орбит, пауки задыхались от ярости.

Бильбо забежал далеко в глубь леса, потом совершенно бесшумно прокрался обратно, а пауки помчались дальше в том же направлении.

Времени у Бильбо было в обрез: скоро обескураженные пауки, потеряв его, вернутся к гномам. До этого он должен успеть спасти своих друзей. Самое трудное — влезть на ту длинную ветвь, на которой болтаются свертки. Сомневаюсь, чтобы он справился, если бы с ветки не свисала липкая нить, неосторожно оставленная каким-то пауком. Бильбо взобрался по ней наверх, обдирая кожу с ладоней, и столкнулся нос к носу со старым толстым противным пауком, карауливших пленников. Он занимался тем, что время от времени щипал их, чтобы распознать, который сочнее, и как раз думал угоститься до возвращения остальных, как вдруг мистер Бэггинс без долгих размышлений пырнул его кинжалом, и паук шлепнулся с дерева мертвый.

Следующей задачей было освободить ближайшего гнома. Но как? Разрубить нить, на которой тот висит? Несчастный свалится на землю с большой высоты. Бильбо дополз до первого свертка, качая ветку, отчего бедные гномы запрыгали и задергались. «Фили или Кили, — подумал Бильбо, увидев кончик голубого капюшона. — Скорей всего — Фили», — решил он, разглядев длинный острый нос, торчавший из свертка. Пе-

регнувшись вперед, Бильбо ухитрился перерезать почти все крепкие липкие нити, опутавшие Фили, и тот, брыкаясь, предстал его глазам. Боюсь, что Бильбо, не удержавшись, расхохотался при виде того, как Фили дергал затекшими руками и ногами и плясал на нити, державшей его под мышками, точь-в-точь как игрушечный плясунчик.

Наконец Фили с помощью Бильбо взобрался на ветку и тут показал себя с лучшей стороны — помог хоббиту освобождать остальных, хотя чувствовал себя прескверно: его мутило от паучьего яда и от того, что он провисел полдня и полночи, вращаясь вокруг своей оси и дыша только носом. Ему далеко не сразу удалось содрать клейкую паутину с ресниц и бровей, а бороду — ту и вовсе потом пришлось местами выстричь. Итак, вдвоем они принялись подтягивать на ветку каждого гнома по очереди и высвобождать из коконов. Всем было так же худо, как Фили, а тем, у кого нос был короче или кто получил большую дозу яда, и того хуже.

Таким путем они освободили Кили, Бифура, Бофура, Дори и Нори. Бедняга Бомбур до того был измучен (его, как самого толстого, щипали чаще других), что скатился с ветки, хлопнулся на землю, на кучу листьев, и остался лежать без движения. Но пятеро гномов все еще болтались на конце ветки, когда начали возвращаться пауки, рассвирепевшие пуще прежнего.

Бильбо сразу перебежал по ветке и начал отгонять кинжалом пауков, лезущих наверх. Но, освобождая Фили, он снял кольцо, а надеть забыл, так что пауки теперь увидели его и засвистели, брызгая слюной:

— Мы тебя видим, змееныш! Мы тебя высосем, так что от тебя только кости да кожа останутся! Ух! У него Жало! Пускай, все равно мы до него доберемся, повисит у нас вниз головой денька два!

Тем временем освобожденные гномы трудились, перерубая ножами нити на оставшихся пленниках. Еще немного — и все будут свободны.

Но что дальше? Пауки изловили их довольно легко, но то ночью, в темноте, напав врасплох. На этот раз дело пахло смертным боем!

— Вниз! Спускайтесь! — закричал Бильбо гномам. — Не сидите там, вас сейчас поймают сетями!

Пауки густым потоком карабкались по соседним деревьям и ползли по веткам над головой у гномов.

Гномы мигом попрыгали или попадали вниз — все одиннадцать, одной кучей. Они еле стояли на ногах от слабости. Теперь все очутились на земле, считая толстяка Бомбура, которого подпирали с боков его кузены — Бифур и Бофур. Бильбо прыгал вокруг, размахивая своим Жалом, а сотни разъяренных пауков пялили на них глаза со всех сторон — сбоку, сверху, снизу. Положение казалось безнадежным.

И тут начался бой! У одних гномов были с собой ножи, у других — палки, кругом валялись камни, а у Бильбо был эльфовский кинжал. Они раз за разом отбивали атаки пауков и многих перебили. Но долго так продолжаться не могло.

Бильбо совсем умаялся, из гномов только четверо стояли твердо на ногах, пауки неминуемо одолели бы всех, как обессилевших мух.

Бильбо, ломавшему себе голову над тем, как быть дальше, оставалось только выдать гномам тайну своего кольца. Жаль, но делать нечего.

— Сейчас я исчезну, — сказал он. — Постараюсь отвлечь пауков на себя, а вы держитесь все вместе и прорывайтесь в противоположном направлении, влево, приблизительно туда, где мы видели костры эльфов.

Он с большим трудом втолковал им это — до того они обалдели от болтания в воздухе, от криков, от бросания камней и размахивания палками.

Мешкать было нельзя: пауки окружали их все теснее. Бильбо надел кольцо и, к великому изумлению гномов, мгновенно исчез.

Сразу же между деревьями справа послышалось: «жирный паук», «старый дурак». Это привело пауков в замешательство. Они остановились. Некоторые побежали на голос. Слова «старый дурак» совершенно вывели их из себя, они просто потеряли голову. Балин, быстрее других смекнувший, в чем состоит план Бильбо, повел гномов в наступление. Гномы сгрудились плотной кучкой, посылая град камней, отогнали пауков и прорвались сквозь их заслон.

В противоположной стороне пение и крики внезапно прекратились. Молясь, чтобы Бильбо не схватили, гномы продвигались вперед. Слишком медленно! Они измучились и уже еле-еле ковыляли, а пауки шли по пятам. То и дело гномам приходилось оборачиваться и отражать врага. Многие пауки бежали по веткам у них над головой, выбрасывая длинные клейкие нити.

Дело оборачивалось совсем плохо, как вдруг снова возник Бильбо и неожиданно напал на пауков сбоку.

— Бегите дальше! — прокричал он. — Я их задержу!

И он задержал их! Он метался взад и вперед, перерубая нити, кромсая лапы, протыкая толстые тела! Пауки раздувались от бешенства, шипели и плевались, изрыгали страшные проклятия, но Жало внушало им такой страх, что они не осмеливались подходить близко. Никакие проклятия не помогали — добыча медленно, но верно ускользала от них.

Страшный бой длился долго — наверное, не один час. Наконец, когда Бильбо почувствовал, что ему больше не поднять руки, не сделать ни одного удара, преследователи вдруг оставили их в покое и, обманутые в своих ожиданиях, отправились восвояси, в свой темный угол леса.

И тут гномы заметили, что находятся на краю поляны, где раньше горели костры эльфов. Им пришло в голову, что здесь сохранилось доброе волшебство и паукам оно не по вкусу. Здесь путники могли отдохнуть и отдышаться.

Так они и сделали. Но отдышавшись, пристали к Бильбо с расспросами — главное, как он ухитрился исчезнуть. История с кольцом так их заинтересовала, что они забыли про все на свете. Балин потребовал заново пересказать происшествие с Голлумом, загадки и вообще все с самого начала, но так, чтобы кольцо заняло свое надлежащее место. Вскоре свет стал меркнуть, и тогда посыпались другие вопросы: где они? Где тропа? Где взять еды? Что делать дальше? Все эти вопросы они задавали теперь Бильбо и явно ждали ответа от него. Как видите, они резко переменили свое мнение о мистере Бэггинсе и (как и предрекал Гэндальф) прониклись к нему уважением. Теперь они не ворчали на него — они ждали, что Бильбо предложит какой-нибудь потрясающий план. Они прекрасно понимали, что, если бы не хоббит, их бы уже не было в живых, поэтому благодарили его еще и еще. Кое-кто даже поклонился ему до земли, но от слабости не удержался на ногах и ткнулся носом в землю.

История кольца нисколько не уронила его в их мнении: они поняли, что кроме везения и кольца у него еще есть смекалка и без нее ничего бы не вышло. Они до того расхваливали Бильбо, что он и впрямь почувствовал себя храбрым искателем приключений, а найдись что поесть, он стал бы еще храбрее.

Но поесть было нечего. Бильбо думал и думал, как отыскать потерянную тропу, но его усталая голова отказывалась соображать. Он просто сидел, уставившись на нескончаемые ряды деревьев. Все примолкли, закрыли глаза, но Балин долго еще посмеивался и бормотал:

— Голлум! А я-то думал! Вот, значит, *как* он прошмыгнул у меня под носом! Теперь понятно! Ах, вы «просто крались, крались и подкрались», мистер Бэггинс? Вы «потеряли кучу пуговиц» в дверях? Ах ты, старый хитрец, хитрец, хи... хи... — Тут Балин тоже заснул.

И вокруг надолго воцарилась тишина.

Внезапно Двалин открыл глаза и огляделся.

— А где же Торин? — спросил он.

Вот ужас-то! Их и в самом деле было только тринадцать: двенадцать гномов и хоббит. Куда девался Торин? Какая его постигла участь? Заколдовали его или съели лесные чудовища? Содрогаясь от ужаса, гномы и Бильбо лежали, пока не заснули неспокойным сном. Их мучили кошмары. Вечер перешел в ночь. И тут мы на время оставим их, пока они спят, усталые, измученные, даже не выставив караульных.

У Торина была несколько другая судьба. Торин, шагнув вперед к костру, упал как одурманенный. Крики заблудившихся гномов, вопли, когда их схватили и опутали пауки, звуки сра-

жения на следующий день — ничего этого Торин не слышал. Потом его подобрали лесные эльфы, связали и унесли с собой.

Да, разумеется, пирующие были лесными эльфами. Существа они были не злые, но с недоверием относились к чужим и всегда соблюдали крайнюю осторожность. Они были не так мудры, как высшие эльфы, но тоже умели искусно колдовать и были более коварны. Ведь большинство из них, в том числе их родственники с гор и холмов, происходили от древних племен, не посещавших славного Волшебного царства. А вот солнечные эльфы, морские эльфы и подземные эльфы жили и воспитывались в том царстве годами, становясь все прекраснее, мудрее и ученее, и потом, возвратившись в Большой Мир, свое колдовское искусство употребляли на сотворение невиданной красоты. Лесные эльфы иногда появлялись в сумерках, в промежутках между заходом солнца и восходом луны, но предпочитали ночь и звезды. Они бродили по густым лесам, каких в наше время совсем не осталось. Селились они на краю леса, откуда проще выезжать в поля на охоту, скакать верхом или просто бегать на просторе при лунном или звездном свете. После прихода людей они еще больше пристрастились к сумеркам и мраку. Но все-таки они оставались эльфами, а эльфы — Добрый Народ.

В большой пещере у восточной границы Черного Леса жил могущественный король лесных эльфов. Перед громадными каменными дверьми протекала река, сбегавшая с лесистых холмов, и дальше впадала в болота, расположенные у подножия гор. Эта большая пещера под землей состояла из многочисленных залов и ходов, от нее ответвлялось множество мелких пещерок. И пещера, и коридоры были куда светлее и веселее гоблинских, совсем не такие глубокие и не такие опасные. Подданные короля, вообще-то говоря, жили и охотились по большей части на открытом воздухе, в лесах. Жили они на земле и на деревьях, из всех деревьев больше любили буковые. Пещера же была королевским дворцом, сокровищницей и крепостью при нападении врагов. Там же находились и темницы для пленных. Туда и потащили Торина, с которым обращались не слишком вежливо, так как гномов здесь не жаловали. В старину у эльфов даже случались войны с гномами, которых они обвиняли в краже эльфовских сокровищ. Справедливость требует сказать, что гномы объясняли это по-иному — они, мол, взяли то, что им принадлежало. Король эльфов когда-то заказал им драгоценные украшения, дав для этого золото и серебро, а потом отказался платить за работу. И тогда гномы, не получив платы, оставили украшения у себя. У могущественного короля эльфов и в самом деле была слабость — он был скуповат. Сокровищница его ломилась от золота, серебра и алмазов, но он хотел еще и еще, чтобы сравняться в богатстве с прежними властелинами эльфов. Его народ не добывал руду,

не обрабатывал металлы и драгоценные камни, не торговал и не возделывал землю. Любой гном это знал.

Но Торин и его предки не имели никакого отношения к той старой распре между эльфами и гномами. Поэтому, когда с него сняли чары и он проснулся, он был возмущен их обращением. И решил, что из него не вытянут ни одного слова про золото и драгоценности.

Король устремил на Торина суровый взгляд и стал его расспрашивать, но Торин на все отвечал только одно: он умирает от голода.

— Зачем ты и твои спутники трижды нападали на мой народ во время пира?

— Мы не нападали, — отвечал Торин, — мы хотели попросить еды, ибо умирали от голода.

— Где сейчас твои друзья? Что они делают?

— Не знаю, вероятно, умирают от голода в лесу.

— Что вы делали в лесу?

— Искали пищу и питье, ибо умирали от голода.

— А что вам там понадобилось? — вконец рассердившись, спросил король.

Но Торин стиснул губы и не пожелал отвечать.

— Отлично! — сказал король. — Уведите его и держите в подземелье, пока не скажет правды! Пусть сидит хоть сто лет!

Эльфы связали Торина ремнями и заперли в одну из самых дальних темниц с крепкой деревянной дверью. Ему дали вдоволь еды и питья, пусть и не очень изысканных, — ведь лесные эльфы не гоблины, и даже со злейшими врагами они обращались вполне сносно. Только к гигантским паукам были беспощадны.

Бедный Торин лежал в королевской темнице. Поев хлеба, мяса и попив воды, он теперь невольно испытывал чувство благодарности.

Потом он вспомнил про своих горемычных друзей. Ему недолго пришлось ломать себе голову над тем, что с ними стряслось, — очень скоро он все узнал. Но об этом рассказывается в следующей главе, где пойдет речь о новом приключении, в котором хоббит снова показал, на что способен.

9
В БОЧКАХ — НА ВОЛЮ

На другой день после битвы с пауками Бильбо и гномы сделали последнюю отчаянную попытку выбраться из леса. Они поднялись и, пошатываясь, побрели в ту сторону, где, по мнению восьми друзей из тринадцати, проходила тропа. Но им не довелось узнать, кто был прав. Тусклый день начинал переходить в темный вечер, и вдруг кругом засветились сотни ярких факелов, словно сотни красных звезд. Из темноты выпрыг-

нули лесные эльфы с луками и копьями и закричали им: «Стой!»

О том, чтобы сопротивляться, не приходилось и думать. Даже если бы гномы и не обессилели до такой степени, все равно их единственное оружие — ножи — не шло в сравнение со стрелами эльфов: эльфы попадали в птичий глаз в полной темноте. Поэтому путники сели и стали ждать. Все, кроме Бильбо: он надел кольцо и быстро отступил в сторонку. Потому-то, когда эльфы связали и выстроили гномов длинной цепочкой и пересчитали их, хоббит остался несосчитанным.

И шагов его эльфы также не расслышали, когда он трусил позади всей вереницы. Гномам завязали глаза. Бильбо еле поспевал за ними, так как эльфы подгоняли гномов безжалостно, не обращая внимания на то, что пленники устали и ослабели. Король велел им спешить, и они спешили.

Внезапно факелы впереди остановились, и хоббит нагнал эльфов, как раз когда те ступили на мост. Под мостом стремительно неслась темная река, мост упирался в ворота, закрывавшие вход в огромную пещеру, которая уходила в глубь крутого холма, поросшего лесом. Высокие буки спускались по склону до самого берега, так что корни их омывались водой.

По этому-то мосту и погнали пленников, но Бильбо несколько замешкался. Уж очень ему не понравился зияющий вход в пещеру. В последнюю минуту он все-таки решил не бросать друзей одних и только-только проскочил вслед за последним эльфом, как ворота с лязгом захлопнулись.

Войдя внутрь и шагая по гулким, извилистым переходам, освещенным красным светом факелов, эльфы затянули песню.

Коридоры тут были не такие, как под горой гоблинов, — покороче, прорыты не так глубоко под землей и потому менее душные. В просторном зале с колоннами, вырубленными прямо в скале, на резном деревянном кресле восседал король эльфов. На голове у него красовалась корона из ягод и красных листьев, ибо уже наступила осень. Весной он обычно носил корону из лесных цветов. В руке он держал резной дубовый посох.

К нему подвели пленников. Он посмотрел на них с неприязнью, но велел развязать их, так как увидел, что они изранены и измучены.

— Тем более что веревки больше не нужны, — добавил король. — Кто сюда попал, тому не убежать через волшебные ворота.

Он долго и дотошно расспрашивал гномов — куда они направляются, откуда и зачем. Но добился от них не больше, чем от Торина: гномы были сердиты и держались, прямо скажем, невежливо.

— Что мы тебе сделали, о король? — заявил Балин, который был теперь за старшего. — Разве преступление — заблудиться в

лесу, проголодаться, попасть в паутину к паукам? Разве пауки — твои домашние животные, что ты так разгневался?

От таких вопросов король, естественно, рассердился еще больше и ответил:

— Да, без спроса шататься по моим владениям — преступление. В лесу вы трижды нападали на моих подданных и взбудоражили пауков криками и буйством. После того переполоха, который вы учинили, я имею полное право знать, что привело вас сюда. Не ответите сразу — я продержу вас в тюрьме до тех пор, пока не научитесь уму-разуму и вежливости!

Король приказал посадить каждого гнома в отдельную камеру, дать всем поесть и попить, но не выпускать, пока хоть один из них не заговорит. Но он им не открыл, что Торин тоже у него в плену.

Обнаружил это Бильбо.

Бедный мистер Бэггинс! Как уныло тянулось время, пока он жил здесь совсем один, прячась, не смея ни на минуту снять кольцо, почти не смыкая глаз, даже когда удавалось забиться в самый дальний, темный уголок. От нечего делать он принялся бродить по королевскому дворцу. Ворота запирались волшебным образом, но Бильбо все-таки ухитрялся выскользнуть наружу. Лесные эльфы иногда выезжали гурьбой на охоту или по иным лесным делам или же отправлялись в земли, лежащие на Востоке. Если Бильбо проявлял достаточную прыть, то проскакивал вслед за эльфами. Это был опасный трюк, несколько раз его чуть не защемило воротами, когда они с грохотом захлопывались вслед за эльфами. Затесаться в их толпу Бильбо боялся, зная, что тень его видна, хотя при свете факелов она была тоненькая и колеблющаяся. Боялся он и того, что на него нечаянно натолкнутся.

Когда же он все-таки выходил наружу, то без всякого толку: бросить товарищей он не хотел, да, собственно, без них и не знал, куда деваться. Он не мог все время держаться подле охотников и свободно следовать за ними, поэтому так и не нашел пути из лесу.

Страшась заблудиться, уныло бродил он неподалеку от ворот и поджидал оказии, чтобы вернуться под землю. Охотник он был никудышный, поэтому в лесу всегда голодал, зато во дворце таскал еду со стола, когда поблизости никого не было, или из кладовых, так что голодным не оставался.

«Точно вор, который вынужден изо дня в день грабить один и тот же дом,— думал Бильбо.— Вот когда началось самое скучное, самое тоскливое приключение в нашем утомительном неуютном походе! Очутиться бы сейчас у себя дома, у теплого очага, и чтобы лампа горела!» Как ему хотелось призвать на помощь волшебника, но об этом нечего было и мечтать. Наконец он понял следующее: если здесь кто-нибудь что-нибудь и сделает, то только мистер Бэггинс, один, без посторонней помощи.

Недели через две своей подпольной жизни, следя и следуя за стражниками, то есть шпионя за ними при каждом удобном случае, Бильбо выведал, где заперт каждый гном. Он разыскал все двенадцать камер в разных местах дворца и постарался изучить дорогу к ним. Каково же было его удивление, когда однажды он подслушал разговор двух стражников и узнал, что в тюрьме (в особо тайном месте) содержится еще один гном.

Он, конечно, сразу догадался, что это Торин, и вскоре догадка его подтвердилась. Преодолев множество трудностей, он ухитрился пробраться к камере и, пока поблизости никого не было, перекинулся несколькими словами с предводителем гномов.

Торин так настрадался в одиночестве, что уже не находил сил сердиться на свои злоключения и даже начал подумывать, не рассказать ли королю про сокровища и про цель похода (видите, до какой степени он был подавлен). Когда он услышал голосок Бильбо под дверью, то не поверил своим ушам. Впрочем, он быстро убедил себя в том, что не ошибается, подошел к двери, и они долго шептались через замочную скважину.

После этого Бильбо украдкой передал каждому гному приказ Торина — а именно, что их предводитель Торин тут, с ними, и ни один не должен выдавать королю цель их поисков, пока Торин не отдаст такого распоряжения. Как видите, Торин воспрянул духом, выслушав, как хоббит спасал гномов от пауков. Он опять решил пока не откупаться от короля и посулить ему сокровища лишь в крайнем случае, когда не останется никаких надежд спастись другим способом. Иначе говоря, если глубокоуважаемый мистер Бэггинс-невидимка (а он очень высоко вознесся во мнении Торина) не сумеет придумать какой-нибудь выход.

Бильбо, однако, был настроен далеко не так радужно. Ему совсем не нравилось, что на него возлагают такие надежды.

Бильбо ломал-ломал себе голову над новой проблемой, так что чуть совсем не разломал ее, но блестящих идей что-то не рождалось. Кольцо-невидимка — вещь, конечно, прекрасная, но его не наденешь на четырнадцать пальцев сразу. Впрочем, как вы догадываетесь, в конце концов Бильбо спас своих друзей, и вот каким образом.

Слоняясь, как всегда, по дворцу, Бильбо совал нос во все щели и однажды обнаружил чрезвычайно интересную штуку. Большие ворота не были единственным входом в пещеру! В одном месте под дворцом протекал поток, впадавший дальше к Востоку в реку Лесную. Там, где подземный поток вытекал из горы, имелся шлюз. Каменная крыша здесь почти касалась поверхности воды, с крыши опускали до самого дна решетку, чтобы никто не попал этим путем внутрь или наружу. Но решетку частенько поднимали, так как через шлюз проходила оживленная речная торговля.

Если бы кто-нибудь проник этим путем, то очутился бы в темном канале с грубо обтесанными стенками, уводившем в самую сердцевину горы. Там, где река проходила под пещерами, каменный потолок был прорублен и люк, находившийся в королевских погребах, закрыт большой дубовой крышкой.

В погребах стояли бочки — видимо-невидимо бочек. Лесные эльфы, и в особенности их король, обожали вино, а виноград в этих краях не рос. Вино и некоторые другие товары ввозили от родичей с Юга или из еще более дальних мест, где жили люди, занимавшиеся виноградарством.

Прячась за бочонками, Бильбо обнаружил крышку люка и узнал о ее назначении. Он стал наведываться туда почаще, подслушивал болтовню королевских слуг и вскоре выяснил, что вино и прочие товары доставляются по реке или сушей от Долгого Озера. Оказывается, на озере до сих пор благополучно жили люди, построившие город на сваях прямо в воде, чтобы предохранить себя от разных врагов. Из Озерного города бочки во дворец эльфов доставлялись по реке Лесной. Их скрепляли друг с другом наподобие плота и с помощью шестов или весел пригоняли вверх по течению. Иногда их грузили на баржи. Пустые же бочонки эльфы бросали в люк, поднимали решетку шлюза, и бочонки, подхваченные потоком, выплывали на речной простор; они плыли себе, покачиваясь, по течению, пока их не прибивало к мыску у восточной оконечности Черного Леса. Там их собирали в кучу, связывали вместе и сплавляли дальше в Озерный город, стоявший у того места, где река Лесная впадала в Долгое Озеро.

Бильбо потратил немало дней, размышляя о шлюзе и обдумывая, нельзя ли использовать его для побега. И наконец у него начал созревать отчаянный план.

Как-то вечером пленникам понесли ужин. Стражники затопали по коридору, унося факелы. Бильбо остался в темноте и тут услышал, как главный дворецкий желает начальнику стражи доброй ночи.

— А ну-ка зайдите ко мне, — добавил он, — отведайте винца, его только что привезли. Сегодня вечером придется потрудиться — очистить погреба от пустых бочек, так что надо сперва выпить, чтоб работа спорилась.

— С удовольствием, — смеясь, отозвался начальник стражи. — Попробуем, годится ли оно для королевского стола. Сегодня во дворце пир, было бы негоже подавать наверх кислятину!

Услыхав это, Бильбо задрожал от волнения: он понял, что ему подвернулся случай привести в исполнение свой замысел.

Он шел за эльфами по пятам, пока они не вошли в небольшое подвальное помещение. Тут они сели за стол, на котором стояли две большие кружки, начали пить и весело смеяться.

Бильбо неслыханно повезло! Обычно лесных эльфов не так-то просто напоить — вино должно быть очень крепким. Но это

новое вино было, очевидно, высшего качества. Оно предназначалось лишь для королевских пиров, его пили небольшими кубками, а не такими кружищами, какие стояли на столе у главного дворецкого.

Скоро начальник стражи начал клевать носом, потом уронил голову на стол и захрапел. Дворецкий, не замечая, что его собутыльник спит, некоторое время продолжал болтать и смеяться, потом голова его тоже склонилась на стол — и он крепко заснул. Тут-то в комнатку и прокрался хоббит. Через минуту начальник стражи остался без ключей, а Бильбо бесшумно бежал по коридорам к камерам. Тяжеленная связка ключей оттягивала ему руки, время от времени ключи звякали и брякали, и несмотря на то, что на пальце у него было кольцо, сердце в груди замирало.

Сперва он отпер камеру Балина и, как только гном вышел, опять ее запер. Можете себе представить, как обрадовался и удивился Балин, как тут же начал задавать вопросы про то, что затеял Бильбо, и вообще про все, про все.

— Некогда, некогда! — ответил хоббит. — Иди за мной без разговоров! Мы должны держаться вместе и бежать все вместе, это наш последний и единственный шанс. Если нас поймают, один Бог знает, куда засадит вас король, да еще закует по рукам и ногам. Не спорь, сделай милость!

Бильбо перебегал от двери к двери, пока его свита не разрослась до двенадцати душ. Ловкостью гномы, скажем прямо, не отличались — было темно, да они и засиделись. У Бильбо екало сердце каждый раз, как кто-нибудь из них налетал в темноте на соседа или ворчал себе под нос. «Проклятые гномы, опять устраивают тарарам!» — волновался Бильбо.

Но все прошло хорошо, стражников они не встретили. В этот вечер в лесах и в дворцовых залах шел пир по поводу осеннего праздника. Поэтому почти все эльфы беспечно веселились.

Наконец после долгих блужданий они добрались до темницы Торина, которая находилась в дальнем конце дворца, очень глубоко и, по счастью, недалеко от погребов.

— Клянусь честью, — проговорил Торин, когда Бильбо шепотом велел ему выйти и он разглядел в темноте фигуры своих друзей, — Гэндальф был прав, как всегда. Я вижу, вы взломщик на славу. Мы все перед вами в неоплатном долгу. Что же дальше?

Настал момент разъяснить план, но Бильбо совсем не был уверен в том, как к нему отнесутся гномы. Опасения его оправдались. Гномы были ужасно недовольны и громко запротестовали, невзирая на свое крайне опасное положение.

— Мы непременно разобьемся вдребезги, набьем себе шишек и под конец утонем! — заворчали они. — Мы думали, у тебя действительно стоящий план! Нечего было красть ключи и открывать камеры. Нет, это бредовая идея!

— Ну что же,— сказал Бильбо, расстроенный и раздосадованный,— отправляйтесь по своим камерам, если вам так нравится. Я вас опять запру, сидите себе, придумывайте план получше. Но предупреждаю: вряд ли мне выпадет другой такой случай завладеть ключами, даже если у меня возникнет такое желание.

Тут они опомнились и приутихли. Им, разумеется, оставалось делать только то, что предлагал Бильбо, другого выхода не было. Пришлось красться вслед за хоббитом вниз, в нижние погреба.

Они миновали открытую дверь, там все еще, блаженно улыбаясь, крепко спали начальник стражи и дворецкий. Королевское вино навевает приятные сны. Но какое будет выражение лица у начальника стражи на следующий день! Добросердечный Бильбо осторожненько прицепил ему ключи к поясу. «Может, ему не так попадет,— подумал мистер Бэггинс.— Он в сущности не злой и с пленниками обращался вполне сносно. То-то он удивится! Решит, наверное, что мы прошли через запертые двери с помощью колдовства. Прошли! Нет еще, для этого надо действовать, и быстро!»

Балина поставили караулить начальника стражи и дворецкого и, если те очнутся, подать знак. Остальные отправились в соседний погреб с люком. Нельзя было терять ни минуты. Бочонки уже стояли приготовленные посреди погреба. Винные не годились, так как их днища было трудно вышибить, не наделав шума, и еще труднее закрыть.

Но были там и другие бочки, в которых поставляли масло, яблоки и еще всякую всячину. Скоро нашлось тринадцать сносных бочек — по числу гномов. Некоторые оказались даже слишком просторны, и, залезая в них, гномы с тревогой подумали, как их будет трясти и швырять. Бильбо расстарался и добыл соломы и еще чего-то мягкого и устроил гномов с наивозможным комфортом.

Наконец двенадцать гномов были благополучно упакованы. Больше всего хлопот доставил Торин — он вертелся и крутился в своем бочонке и ворчал, как пес, укладывающийся спать в тесной конуре. Балин тоже напоследок поднял шум по поводу недостаточного числа отдушин и утверждал, что задыхается, когда и крышка-то еще не была наложена. Бильбо со всей тщательностью заткнул щели, приладил крышки и теперь, оставшись в одиночестве, лихорадочно суетился, доканчивая упаковку.

Он волновался не зря. Едва успел он прикрыть крышкой Балина (который был последним), как послышались голоса и замелькал свет. В погреба ввалились эльфы, заливаясь смехом, разговаривая и напевая обрывки песен. Они оставили веселый пиршественный стол в одном из верхних залов и хотели как можно скорее вернуться назад.

— Где же старина Гэлион, где дворецкий? — воскликнул один.— Что-то я не видел его за столом. Он должен быть тут.

— Задам я старому копуше, коли запоздает, — подхватил другой. — У меня нет никакого желания торчать тут, когда наверху идет веселье!

— Ха-ха-ха! — раздался хохот. — Старый каналья спит носом в кружку! Они тут с приятелем капитаном уже напировались.

— Тряхни его! Буди! — нетерпеливо закричали остальные.

Гэлиону очень не понравилось, что его трясут и будят, а тем более потешаются над ним.

— Это вы опоздали, — пробурчал он. — Я вас тут ждал без конца, а вы там напились и забыли про ваши обязанности. Неудивительно, что я заснул от усталости.

— А никто и не удивляется, — подхватили они, — причина-то рядом, в кружке! Дай-ка нам глотнуть твоего снотворного, а уж тогда приступим к работе. Тюремщика будить не станем. Он уже свое получил.

Все они хлебнули по очереди винца и развеселились еще больше. Но соображать не перестали.

— Помилуй, Гэлион! — закричали они, взявшись за бочонки. — Ты так рано начал пировать, что в голове у тебя все перепуталось. Ты приготовил нам полные бочки вместо пустых.

— Делайте свое дело! — рявкнул дворецкий. — Полные! С пьяных глаз чего не покажется. Те самые бочки и есть, какие надо. Сбрасывайте, говорю!

— Ладно, ладно, — согласились они, подкатывая бочонки к люку. — Тебе отвечать, коли бочонки с лучшим королевским маслом и вином достанутся людям с озера.

Катите бочки
Во весь дух,
Столкните в речку —
Плюх-плюх-плюх! —

запели они, подкатывая с грохотом бочки к люку и сбрасывая одну за другой в темную дыру. Одни бочки были действительно пустые, другие — с гномами, все они летели вниз и хлопались с громким всплеском в воду, иногда падали одна на другую, стукались о стенки туннеля, сталкивались и, крутясь и подскакивая, уносились по течению.

И в эту минуту Бильбо вдруг осознал, какой допустил промах. Возможно, вы давно заметили слабое место в его замысле и посмеиваетесь над Бильбо. Хорошо вам смеяться, но еще неизвестно, как вели бы себя вы на его месте. Да, сам он не успел залезть в бочку, а если бы и успел, все равно некому было его упаковать и закрыть крышкой. Казалось, на этот раз он бесповоротно теряет друзей и до конца жизни будет шнырять по пещерам и воровать. Если бы даже ему удалось убежать через главные ворота, едва ли он нашел бы гномов. Как добраться сушей туда, куда выносит бочонки, он не знал. И что будет теперь с его друзьями? Ведь он не успел открыть им все,

что подслушал, им неизвестно, как он собирается поступить, покинув границы леса.

Наконец к люку подкатили последний бочонок! В отчаянии и полной растерянности бедняга Бильбо обхватил его руками и полетел вместе с ним вниз. Бух! Он хлопнулся в холодную темную воду, и бочонок накрыл его сверху.

Он вынырнул, фыркая и отплевываясь, и уцепился за обшивку, точно крыса, но, сколько ни старался, не мог вскарабкаться наверх — бочонок всякий раз перевертывался и окунал его. Бочонок был пустой и плыл, словно пробка. Уши у Бильбо были залиты водой, но он все еще слышал пение эльфов:

Эй, плывите полным ходом
В лес, откуда все вы родом,
В час, когда придет рассвет,
Отправляйтесь солнцу вслед

Внезапно с гулким стуком крышка люка захлопнулась, голоса стихли. Бильбо очутился в темном туннеле и поплыл в ледяной воде один-одинешенек — ведь друзей, законопаченных в бочках, все равно что нет.

Вскоре впереди замаячило серое пятно. Бильбо услышал скрип поднимаемых решеток и увидел, что очутился в гуще подпрыгивающих, толкущихся бочонков и бочек, которые теснились под сводом, стремясь вырваться на свободу, в открытую реку. Бильбо, как мог, увертывался, чтобы его не задавило и не расплющило. Наконец давка прекратилась, бочки начали разбегаться в стороны и постепенно, по одной выплывать из-под каменной арки на свет. И тут Бильбо порадовался, что не сумел оседлать бочку: у самого выхода между бочкой и низким сводом не оставалось места даже для хоббита.

Они поплыли по реке под нависающими ветвями деревьев, которые росли по берегам. «Интересно, — думал Бильбо, — каково там гномам? Много ли воды набралось в бочки через щели?» Те бочки, которые сидели в воде глубже, очевидно, и содержали гномов. «Только бы крышки держались плотно!» — беспокоился он. Но скоро забыл и думать о гномах — ему стало не до них. Он приспособился держать голову над водой, но замерз ужасно и боялся, что долго так не выдержит — либо замерзнет насмерть, либо разожмутся пальцы — и он утонет.

Счастье опять улыбнулось ему: крутящимся течением к берегу пригнало несколько бочек, в том числе и бочонок Бильбо. Они застряли там, зацепившись за невидимую корягу. Бильбо воспользовался передышкой и перебрался на верх своего бочонка, пока тот упирался в соседние бочки. Там он растянулся, раскинув руки и ноги, чтобы удержать равновесие. Ветер дул резкий, но все же был не такой холодный, как вода. Немного погодя бочки отцепились, опять выплыли на середину реки и,

вертясь, поплыли дальше. Как и предполагал Бильбо, удержаться на бочке оказалось непомерно трудно. К счастью, Бильбо был легкий, а бочка большая и тяжелая, к тому же через щели внутрь набралось порядочно воды. И все-таки Бильбо чувствовал себя так же уютно, как если бы ехал верхом без уздечки и стремян на пузатом пони, который все время норовит повалять-ся по траве.

Таким вот способом мистер Бэггинс достиг наконец места, где деревья по обоим берегам поредели и сквозь них проглянуло светлое небо. Река вдруг расширилась и слилась с Лесной, быстро бежавшей прочь от королевского дворца. Деревья больше не затеняли тусклой глади, и на ее скользящей поверхности плясали прерывистые отражения облаков и звезд. Потом быстрые воды Лесной прибили всю ватагу бочонков и бочек к северному берегу, где течением вымыло широкую бухту. Сюда-то, на отлогий берег, покрытый галькой, вынесло большую часть бочонков, но несколько штук сперва ударилось о выступающую каменную гряду.

На берегу уже стояли люди. Ловко и быстро они согнали баграми бочки в кучу на отмель, пересчитали, потом обвязали веревкой и оставили до утра. Бедные гномы! Бильбо повезло больше. Он соскользнул с бочки в воду, вышел на берег и бросился к домишкам, которые заметил невдалеке от реки.

Теперь он не колебался, когда предоставлялась возможность поужинать без приглашения, он уже привык пробавляться чужим. Он по горькому опыту знал, что значит быть по-настоящему голодным. Между деревьями мелькало пламя костра, притягивая к себе Бильбо, мокрого, дрожащего, в изодранной одежде.

Не будем подробно останавливаться на том, как он провел ночь, — нам некогда, мы приближаемся к концу их путешествия на Восток и к последнему, самому важному приключению. Естественно, сперва волшебное кольцо ему, как всегда, помогло, но потом его выдали мокрые следы и лужицы, которые он оставлял, когда шел или сидел. К тому же у него разыгрался насморк, и он, как ни старался удержаться, все время громогласно чихал. Вскоре в деревушке поднялась суматоха. Тогда Бильбо удрал в лес и унес каравай хлеба, кожаную флягу с вином и пирог, которые ему не принадлежали. Пришлось скоротать остаток ночи мокрым, вдали от костра, зато фляга помогла ему согреться, и он даже подремал немного на опавших листьях, хотя пора была осенняя и погода промозглая.

Проснулся он оттого, что удивительно громко чихнул. Был серый рассвет, около реки стоял веселый шум. Там сооружали плот из бочек, эльфы-плотовщики собирались сплавлять их вниз к Озерному городу. Бильбо снова чихнул. С него больше не капало, но он совершенно продрог. Окоченевшие ноги плохо ему повиновались, но все же он доковылял до берега и влез на груду бочонков, никем не замеченный в общей суете. Солнце

еще не взошло, так что Бильбо не отбрасывал тени, и, к счастью, долго не чихал. Багры заработали. Эльфы, стоявшие на мелководье, принялись отпихивать бочки, плот заскрипел и закачался.

— Что-то нынче тяжеленьки! — ворчали эльфы. — И сидят слишком глубоко. В них точно что-то есть. Если бы приплыли днем, мы бы в них заглянули.

— Некогда! — прокричал плотовщик. — Толкайте!

И бочки наконец стронулись с места, сначала медленно, потом эльфы, стоявшие на каменном мысу с шестами, оттолкнули их еще разок, и бочки поплыли быстрее, быстрее, выскочили на середину реки, и их понесло к озеру.

10
РАДУШНЫЙ ПРИЕМ

По мере того как они плыли дальше, становилось светлее и теплее. В скором времени река сделала поворот, обогнув круто поднимавшийся слева уступ, у подножия которого билась и бурлила вода, берега сгладились, деревья пропали из виду, и перед Бильбо открылась такая картина: впереди широко расстилалась низина, вся изрезанная ручейками, сотней извилистых ручейков, на которые распадалась здесь река; вода стояла в болотах и заводях, испещренных островками. Но посредине равнины попрежнему упорно струилась сильная быстрая река. А вдалеке, уходя темной вершиной в растрепанное облако, вздымалась Гора! Отсюда не видны были ее соседки и холмистые подступы к ней. Гора вздымалась одиноко и глядела поверх болот на лес. Вот она — Одинокая Гора! Долгий путь прошел Бильбо, много претерпел опасных приключений ради того, чтобы увидеть Гору. И как же она ему теперь не понравилась!

Из разговоров плотовщиков Бильбо узнал, что все сухопутные дороги с востока к Черному Лесу заглохли; что с той поры, как в горах обитали гномы, землетрясения изменили весь край. Болота и трясины разрастались, тропинки исчезали, всадники и пешие — тоже, если пытались отыскать дорогу среди топей. Тропа через Черный Лес, которой воспользовались гномы по совету Беорна, на своем восточном конце одичала. Только река предоставляла пока что единственный надежный путь от северного края Черного Леса до равнины под сенью Горы.

Так что, сами видите, Бильбо удачно напал на единственную приличную дорогу. Если бы он знал, что весть об их побеге достигла ушей Гэндальфа, находившегося в ту пору очень далеко, и тот, обеспокоенный их судьбой, заканчивает свои другие дела и собирается разыскивать Торина и К°, ему это доставило бы большое утешение. Но Бильбо, дрожавший на бочке, ничего не ведал. Он знал лишь, что река никак не кончается, что он смертельно голоден, схватил страшнейший на-

сморк и что ему не нравится зловещий вид Горы, которая по мере приближения явно смотрит на него все более неодобрительно и угрожающе.

Скоро, однако, река повернула к Югу, Гора осталась в стороне, к концу дня берега сделались скалистыми, и река, собрав воедино все свои разбежавшиеся веточки, превратилась в могучий, стремительный и глубокий поток.

Солнце уже село, когда, сделав еще один крутой поворот, река влилась в Долгое Озеро. Долгое Озеро! Бильбо думал, что только в море бывает столько воды. Оно было такое широкое, что противоположные берега казались далекими-далекими, и такое длинное, что его северного конца вообще не было видно. Только зная карту, Бильбо помнил, что там, вдалеке, где мерцают звезды Большой Медведицы, из Дейла в озеро сбегает река Быстротечная и вместе с Лесной заполняет бывшую горную долину. На южном конце озера вода спадала водопадом, и обе реки спешили дальше, уже вместе, в неведомые земли. В вечерней тишине грохот водопада раздавался словно отдаленный рокот грома.

Близ устья Лесной стоял странный город, о котором упоминали эльфы в королевских погребах. Его выстроили не на суше (хотя и на берегу виднелись кое-какие строения), а прямо на озере. От сильного течения впадавшей здесь реки его защищал скалистый мыс. Широкий деревянный мост вел с берега к высоким прочным сваям, на которых расположился деревянный город. Оживленный, деловой, этот город все еще преуспевал, занимаясь торговлей; товары доставлялись сюда по реке с Юга до водопадов, оттуда их переправляли в город сушей. Но в прежние славные времена, когда на Севере процветал Дейл, Озерный город был еще богаче, еще могущественнее, чем теперь, имел целую флотилию лодок, для того чтобы грузить золото и вооруженных воинов. В те времена случались войны и совершались деяния, память о которых осталась лишь в легендах. Груды развалин прежнего большого города виднелись в воде у берега, когда озеро в засуху мелело.

Многое уже забылось, хотя люди и пели старые песни про гномов — хозяев Горы, про королей Трора и Трейна из рода Дьюрина, про появление дракона и гибель властителей Дейла. В песнях пелось и про то, как в один прекрасный день Трор и Трейн вернутся, и тогда золото потечет рекой из ворот Горы, весь край огласится новыми песнями и радостным смехом. Но легенда легендой, а дела делами, и будничная жизнь текла своим чередом.

Едва на озере завидели плот, как от свай отделились лодки, плотовщиков окликнули, те бросили веревки, на лодках заработали весла, плот стянули с быстрины и отвели за высокий мыс в залив. Там его пришвартовали к мосту. Вскоре должны были прибыть люди с Юга и одни бочки забрать с собой, а

другие набить снедью, чтобы их опять доставили вверх по реке во дворец лесных эльфов. Покамест бочки остались качаться на воде, а плотовщики и лодочники отправились пировать в Озерный город.

То-то они удивились бы, увидев, что творилось на берегу после их ухода, когда стемнело. Прежде всего Бильбо отрезал веревки, выкатил одну бочку на сушу и вскрыл ее. Послышались стоны — и оттуда вылез гном в самом жалком виде. В свалявшейся бороде застряла мокрая солома, все тело так затекло и болело и так он был избит и исколочен, что еле удержался на ногах. Он побрел по мелкой воде к берегу и там сразу же со стоном повалился на песок. У него был вид, как у голодного пса, которого привязали в будке и забыли на неделю. То был Торин, и узнать его вы смогли бы только по золотой цепи и бывшему небесно-голубому, а теперь грязному и рваному капюшону с потускневшей серебряной кистью. Далеко не сразу он стал маломальски вежливо разговаривать с хоббитом.

— Ну что — живой вы или нет? — спросил наконец Бильбо довольно-таки сердито. Он, видно, забыл, что сам-то успел один раз сытно поесть, все время свободно двигал руками и ногами и вволю дышал. — Не на свободе вы, что ли? Если хотите есть и намерены продолжать вашу дурацкую затею (да, да, вашу, а не мою), то похлопайте себя руками, разотрите ноги и постарайтесь помочь мне вынуть остальных, пока есть время!

Торин, конечно, внял голосу рассудка, с кряхтением поднялся и с грехом пополам помог хоббиту. Нелегко было им в темноте, копошась в холодной воде, распознать, в которых бочках сидят гномы. На стук и окрик отозвались только шестеро. Их откупорили и помогли им выбраться на берег, и они тут же повалились со стонами и охами на песок. Их до того промочило, скрючило и избило, что они не могли как следует прочувствовать своего избавления и испытывать благодарность к избавителю.

Двалин и Балин пострадали больше всех, и ждать от них помощи было бесполезно. Бифур и Бофур были посуше и поцелее, но тем не менее легли на песок и не пожелали ничего делать. Фили и Кили, будучи помоложе и упакованные тщательнее в маленьких бочонках с большим количеством соломы, вылезли в довольно благополучном виде; они отделались всего несколькими синяками, а затекшие руки и ноги скоро отошли.

— Ну, на всю жизнь нанюхался яблок! — проговорил Фили. — В бочке стоял такой яблочный дух... Без конца вдыхать запах яблок, когда не можешь шевельнуться, когда промерз до костей и тебя мутит от голода — есть от чего сойти с ума. Я бы сейчас ел и ел что угодно, не останавливаясь, но яблока в рот не возьму.

Фили и Кили охотно взялись помогать, и вскоре оставшихся гномов вытащили на берег. Толстяк Бомбур то ли спал, то

ли был без сознания. Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн наглотались воды и были чуть живы; их пришлось перенести на берег на руках.

— Итак, мы собрались вместе! — промолвил Торин. — Видимо, мы должны благодарить за это судьбу и мистера Бэггинса. Он безусловно заслужил нашу благодарность, хотя и жаль, что он не подготовил более удобный способ транспортировки. Тем не менее еще раз к вашим услугам, мистер Бэггинс. По-настоящему мы почувствуем благодарность, когда поедим и придем в себя. А пока — что делать дальше?

— Предлагаю идти в Озерный город, — ответил Бильбо. — Что же еще?

Ничего другого не оставалось, и, покинув остальных на берегу, Торин, Фили, Кили и хоббит направились вдоль озера к мосту. В начале моста стояли часовые, но они караулили не слишком бдительно, так как давно уже не было повода для беспокойства. Если не считать отдельных перебранок с лесными эльфами по поводу пошлины на пользование рекой, они были с ними в добрых отношениях. Больше поблизости никто не жил. Некоторые из молодых и вообще сомневались в существовании дракона и подсмеивались над дедками и бабками, которые утверждали, будто видали в молодости дракона, летавшего над городом. Неудивительно, что стражники пили и веселились у очага в караулке и не слышали, как вскрывали бочки, не слышали шагов четырех лазутчиков. Они просто остолбенели, когда вошел Торин Оукеншильд.

— Кто ты такой, чего тебе надо? — завопили они, вскакивая и хватаясь за оружие.

— Я — Торин, сын Трейна, внук Трора, король Под Горой! — горделиво ответил гном, и в эту минуту он и выглядел как король, несмотря на порванную одежду и выпачканный капюшон. Золото сверкало у него на воротнике и кушаке, глаза горели глубоким таинственным огнем. — Я вернулся. Я хочу видеть вашего бургомистра.

Стражники пришли в неописуемое волнение. Те, кто поглупее, выбежали из караулки, как будто ожидали увидеть текущее по реке золото. Капитан выступил вперед.

— А эти кто? — спросил он, указывая на Фили, Кили и Бильбо.

— Сыновья дочери моего отца, — ответил Торин, — Фили и Кили из рода Дьюрина. А это мистер Бэггинс, прибывший с нами с Запада.

— Если вы пришли с миром, положите оружие! — потребовал капитан.

— У нас его нет, — ответил Торин, и то была почти правда. Ножи у гномов лесные эльфы отобрали, Оркрист — тоже. У Бильбо, правда, оставался кинжал, но, как всегда, спрятанный под одеждой, и Бильбо промолчал. — К чему оружие нам, кто

воротился в свое королевство, как было предсказано встарь. Да мы и не могли бы сражаться против столь многих. Отведите нас к вашему бургомистру.

— Он на пиру, — возразил капитан.

— Тем более ведите! — взорвался Фили, которому эти церемонии надоели. — Мы устали, хотим есть после долгой дороги, среди нас больные. Поторапливайтесь, а то как бы вам не попало от вашего бургомистра.

— Хорошо, следуйте за мной, — согласился наконец капитан и в сопровождении шести солдат повел их по мосту, в ворота и на главную площадь. Площадь, собственно, тоже была водой, и вокруг нее кольцом стояли на высоких сваях дома побольше. Потом они прошли по деревянной набережной, с которой вниз к воде спускались лестницы с многочисленными ступеньками. В одном самом большом доме (то была ратуша) сияли огни и раздавался гул голосов. Они вошли внутрь и остановились, ослепленные светом, глядя на длинные столы и сидящих за ними людей.

— Я — Торин, сын Трейна, внук Трора, король Под Горой! Я вернулся! — воскликнул Торин в самых дверях, чтобы опередить капитана.

Все повскакивали с мест. Бургомистр тоже встал с кресла. Но никто не был удивлен больше, чем плотовщики-эльфы, сидевшие в дальнем конце зала. Они столпились у стола, за которым сидел бургомистр, и закричали:

— Это пленники нашего короля, они сбежали из тюрьмы. Эти бродяги не желали объяснить, кто они такие и зачем шныряют в лесу и пугают наших эльфов.

— Правда это? — спросил бургомистр. Честно говоря, он не очень-то поверил в возвращение короля Под Горой (если таковой вообще существовал).

— Правда то, что нас незаконно схватили и по приказу короля эльфов заточили в темницу без всякого повода с нашей стороны. Мы совершали путешествие в свою страну, — ответил Торин. — Но никакие замки и никакие засовы не воспрепятствуют возвращению короля, предсказанному встарь. Насколько мне известно, ваш город не входит в царство лесных эльфов. Я говорю с бургомистром Озерного города, а не с плотовщиками короля эльфов.

Бургомистр заколебался и вопросительно оглядел пирующих. Король эльфов считался могущественным правителем в этих краях. Бургомистр не хотел с ним ссориться, к тому же не придавал большого значения старым песням. Его интересовали торговля, пошлины, грузы, золото, в них он понимал толк, благодаря чему и занимал свой теперешний пост. Но остальные были другого мнения, и вопрос быстро решился помимо бургомистра. Новость распространилась с быстротой пожара. В ратуше и снаружи раздавались приветственные возгласы, с набереж-

ной слышался топот бегущих ног. Кто-то затянул куплеты старых песен, в которых говорилось про возвращение короля Под Горой (то, что вернулся не сам Трор, а внук, их не смущало), кто-то подхватил песню, и она раскатилась над озером:

Король всех гор окрестных,
Пещер, ручьев и скал,
Вернулся наконец-то
И править нами стал.

Опять в его короне
Сапфиры заблестят,
Куплеты старых песен
Повсюду зазвучат.

Зашелестят деревья,
И травы запоют,
И золотые реки
В долины побегут.

Сверкнут в траве озера,
И зацветет земля,
И кончатся раздоры
С приходом короля.

Вот такие были в ней слова, только она была гораздо длиннее и смешивалась с криками, звуками арф и скрипок. Поистине такого волнения в городе не помнил даже старейший из старцев. Лесные эльфы тоже дивились происходящему и немного испугались. Они ведь не знали, каким образом сбежал Торин, и начинали думать, что их король совершил серьезную ошибку. Что касается бургомистра, то он почел за лучшее прислушаться к гласу народа и хотя бы на время притвориться, будто верит Торину и его россказням. Он уступил ему свое большое кресло и усадил Фили и Кили рядом с Торином на почетные места. Даже Бильбо отвели место за головным столом, и в общей сумятице никто не попросил у него объяснить, откуда он-то взялся (ведь о нем в песнях не было ни одного самого отдаленного намека).

Вскоре в город при всеобщем ликовании привели остальных гномов; ушибы и царапины им перевязали, их накормили, предоставили квартиры и ублажили самым восхитительным и исчерпывающим образом. Торина с компанией поселили в большом доме, дали им лодки и гребцов, целыми днями перед их домом толпился народ и распевал песни: стоило кому-нибудь из гномов высунуть нос на улицу, его радостно приветствовали. Песни пелись главным образом старые, но попадались и совсем новые, в которых с уверенностью говорилось про близкую гибель дракона и про то, как по реке в Озерный город вот-вот потянутся суда с дорогими подарками. Вдохновителем этих новых песен был сам бургомистр, но они не привели гномов в особый восторг.

Тем временем они жили в довольстве, отъелись, потолстели и набрались сил. Собственно, через неделю они вполне оправились, нарядились в новую одежду из превосходной материи, каждый в свои цвета, бороды их были расчесаны и ухожены, гномы выступали важно, а Торин ходил с таким гордым видом, будто уже отвоевал свое королевство и изрубил Смога на мелкие кусочки.

Вот тут-то, как он и прочил Бильбо, благодарность и уважение гномов к маленькому хоббиту стали расти с каждым днем. Никто больше не ворчал, не сетовал. Они пили за его здоровье, хлопали по спине и вообще всячески его обхаживали. Что было очень кстати, так как Бильбо находился далеко не в лучшем настроении. Он не мог забыть зловещего вида Горы, не переставал думать о драконе и, кроме того, был жестоко простужен. Три дня подряд он чихал и кашлял, сидел дома, а когда стал выходить, то все равно его речи на банкетах ограничивались словами «бде очень бдиядно».

Тем временем лесные эльфы приплыли с грузами домой и произвели сенсацию во дворце своим сообщением. Я так и не знаю, что сталось с начальником стражи и главным дворецким. Никто из гномов во время своего пребывания в Озерном городе, естественно, ни слова не проронил о ключах и о бочках, и Бильбо ни разу не надел кольца. Но кое-какие догадки у эльфов возникли, хотя мистер Бэггинс по-прежнему оставался для них загадкой.

Как бы то ни было, король знал теперь, зачем пожаловали сюда гномы, и сказал себе: «Так, так! Посмотрим! Все равно без моего ведома через Черный Лес им не провезти никаких сокровищ. Но скорее всего они плохо кончат, и поделом им!» Король нисколько не верил в то, что гномы захотят сражаться и сумеют победить такого опытного дракона, как Смог, и сильно подозревал, что они скорее всего предпримут попытку взлома. Это свидетельствует о его проницательности, которой не хватило людям из Озерного города, хотя, как мы увидим в конце, король не совсем был прав. Послав своих шпионов на озеро и дальше, настолько близко к Горе, насколько позволял страх перед драконом, он стал ждать.

К концу второй недели Торин начал собираться в путь. Пока энтузиазм жителей не остыл, надо было заручиться их помощью. Тянуть было опасно. Он обратился к бургомистру и его советникам и объявил, что ему и его спутникам пора продолжать поход.

Тут впервые за все время бургомистр удивился и немножко струхнул. И задумался — а вдруг Торин и в самом деле потомок прежних королей. Ему и в голову не приходило, что гномы отважатся идти на Смога. Он думал, что они обманщики, которых рано или поздно разоблачат и прогонят. Он ошибался. Ведь Торин действительно был внуком короля Под Горой, а

на что не отважится родовитый гном, если он задумал отомстить или вернуть свою собственность.

Но бургомистр и обрадовался, что гномы уходят. Содержать их было накладно: жизнь при них превратилась в сплошной затянувшийся праздник, а дела стали. «Пусть себе идут, сунутся к Смогу — посмотрим, как он их встретит!» — подумал он. А вслух сказал:

— Ну разумеется, о Торин, сын Трейна, внук Трора! Ты просто обязан отобрать свои сокровища. Час, который предсказывали старики, настал. Чем можем — тем вам поможем, но и вы уж отблагодарите нас, когда отвоюете королевство.

И вот в холодный осенний день, когда дул резкий ветер и с деревьев слетали листья, три большие лодки покинули Озерный город, увозя гребцов, гномов, мистера Бэггинса и большие запасы продовольствия. Бургомистр и его советники вышли на ступени ратуши, чтобы пожелать им счастливого пути. Жители города пели им вслед песни. На воду упали некрашеные весла, лодки двинулись на Север. Наступил последний этап долгого путешествия.

И единственный, кто был удручен и несчастлив, это Бильбо.

11
НА ПОРОГЕ

За два дня они пересекли Долгое Озеро и вышли в реку Быстротечную. Теперь Одинокая Гора возвышалась прямо перед ними. Против течения плыть было трудно. К концу третьего дня, проделав несколько миль вверх по реке, они причалили к левому, западному берегу и высадились на сушу. Здесь их ждали посланные раньше люди и пони с провизией и всем необходимым. Гномы, сколько могли, навьючили на пони, остальное сложили в палатку. Люди из Озерного города, пригнавшие пони, не согласились переночевать так близко к Горе даже одну ночь.

— Подождем, когда сбудутся песни! — сказали они.

В этой дикой местности легче было поверить в дракона, чем в Торина. Охранять запасы в палатке в сущности не требовалось, так как край был необитаемый. Поэтому свита покинула их и пустилась в обратный путь.

Наши путники провели тревожную ночь и несколько приуныли. На следующий день они сели на пони и продолжали путь. Балин и Бильбо, ехавшие сзади, вели на поводу двух пони, нагруженных тяжелой поклажей; остальные прокладывали впереди тропу, ибо дорог не было. Они взяли к северо-западу от Быстротечной и все приближались к большому отрогу Одинокой Горы, выступавшему им навстречу. Путешествие совершалось в тишине и безмолвии. Кончились смех, звуки арфы

и пение; гордые надежды, зашевелившиеся было у них в душе, пока они внимали на озере старинным песням, угасли, место их заступил безысходный мрак. Они знали, что путешествие подходит к концу и конец может оказаться ужасным. Природа вокруг сделалась скудной и унылой, краски потускнели, тогда как, по словам Торина, в былые времена отличались свежестью и разнообразием. Трава поредела, исчезли деревья и кусты — от них остались почерневшие корявые пни. Путники достигли Драконова Запустения, и достигли на исходе года. Они подъехали к самому подножию Горы, не встретив ничего угрожающего. Гора высилась прямо над ними, темная и жуткая. Они разбили лагерь на западном склоне большого отрога, кончавшегося бугром, который назывался Вороньей Высотой. Там когда-то находился сторожевой пост, но туда они пока не осмелились подняться — уж слишком это было оголенное место.

Прежде чем искать на западной стороне Горы потайную дверь, Торин выслал отряд разведчиков исследовать южный склон, где должны были находиться Главные ворота. Для этой цели он выбрал Балина, Фили с Кили и Бильбо. Те пробрались вдоль серых молчаливых утесов к подножию Вороньей Высоты. Там река Быстротечная, сделав широкую петлю по долине, где некогда стоял Дейл, уходила от Горы в сторону озера, бурная и шумливая, как все горные реки. Берега ее, голые и скалистые, обрывались в поток. Глядя сверху через узкую реку, которая пенилась и бурлила между валунов, они увидели в широкой долине темнеющие руины крепостных стен, башен и старинных домов.

— Вот все, что осталось от города Дейл, — промолвил Балин.— Склоны горы когда-то зеленели лесами, долина была изобильна и отрадна для глаз, в городе раздавался звон колоколов.

Голос Балина звучал печально, лицо помрачнело: он сопровождал Торина в тот день, когда появился дракон.

Идти дальше они не рискнули, а обогнули отрог и, спрятавшись за большим камнем, высунули головы: они увидели черное отверстие в высокой стене — Главные ворота. Оттуда выбегала река Быстротечная и оттуда же вырывались пар и черный дым. Вокруг все было неподвижно, двигались лишь пар, вода, да изредка проносилась мрачная зловещая ворона. Тишину нарушал лишь шум потока, бегущего по камням, да хриплое карканье. Балин содрогнулся.

— Вернемся! — сказал он.— Здесь нам делать нечего. Очень мне не нравятся эти противные птицы, они смахивают на вражеских лазутчиков.

— А дракон, значит, жив, сидит где-то под горой, если судить по дыму, — вставил хоббит.

— Скорее всего ты прав, хотя дым еще ничего не доказывает, — возразил Балин. — Если бы даже дракон улетел или притаился где-нибудь на одном из склонов, подкарауливая добычу,

дым и пар, наверное, все равно выходили бы наружу. Гора изнутри, вероятно, заполнена его зловонными испарениями.

Подавленные, стараясь не шуметь, возвращались они в лагерь под карканье ворон. Еще так недавно, в июне, они гостили в прекрасном доме Элронда; сейчас только-только начиналась осень, но казалось, что прошла целая вечность. Они очутились в безлюдном, заброшенном месте, без всякой надежды на помощь. Путешествие их закончилось, но до конца приключения было по-прежнему далеко, а мужества и выдержки могло хватить лишь ненадолго.

Как ни странно, у мистера Бэггинса их осталось больше, чем у других. Он часто брал у Торина карту и рассматривал ее, вдумываясь в значение рун и лунных букв. Именно он заставил гномов начать опасные поиски потайной двери на западных склонах. Они перенесли лагерь в длинную узкую долину, укрывшуюся за низкими отрогами. На этом западном склоне было меньше следов разбойничьих набегов дракона, даже сохранилось немного травы для их пони. Из этого нового лагеря, всегда закрытого тенью Горы, день за днем, разбившись на отряды, они выходили на поиски. Если верить карте, где-то здесь высоко по склону пряталась потайная дверь. День за днем они возвращались в лагерь не солоно хлебавши.

И вдруг совершенно неожиданно они нашли то, что искали. Однажды Фили, Кили и хоббит прошли в конец узкой долины и копошились там среди камней. Около полудня, заглянув за большой, торчащий, точно столб, обломок скалы, Бильбо увидел нечто вроде грубых ступеней. Он подозвал двух гномов, и они в волнении начали подниматься втроем по ступенькам, которые вывели их на тропку, местами пропадавшую, местами все-таки заметную, и так, по ней, пришли на гребень южного отрога, а оттуда — на узкий выступ, огибавший Гору. Поглядев вниз, они увидели, что прямо под ними лежит лагерь. Осторожно поднимаясь по скале, они прошли гуськом по узкому выступу, свернули за угол и очутились на небольшой укромной площадке, заросшей травой. Вход на нее снизу, от лагеря, виден не был. Скала, к которой примыкала площадка, была совершенно гладкая и ровная, точно сложенная каменщиком. Ни трещин, ни стыков, ничего похожего на косяки, притолоку или порог, никаких следов засова, щеколды или скважины — и однако они не сомневались, что перед ними та самая дверь.

Они колотили по ней, толкали, пихали и наваливались на нее, умоляли открыться, произносили обрывки заклинаний, отворяющих двери, — скала оставалась неподвижной. Наконец, выбившись из сил, они растянулись на траве, а когда завечерело, начали спускаться вниз.

В ту ночь в лагере не утихало возбуждение. Наутро все покинули лагерь, оставив Бофура и Бомбура караулить пони и те припасы, что они захватили с реки. Остальные, пройдя

долину, взобрались по найденной накануне тропе на узкий выступ. Там было не пронести тюков — тропинка обрывалась с одной стороны вниз на глубину пятидесяти метров. Зато каждый гном обмотал вокруг пояса веревку. Они благополучно достигли травянистой ниши, там, наверху, устроили новый лагерь и подняли на веревках из нижнего все необходимое. Таким же способом они потом опускали друг друга, чтобы обменяться новостями с караульными или сменить Бофура. Бомбур ни под каким видом не желал подняться наверх — ни на веревках, ни по тропе.

— Я не муха, чтобы порхать над обрывом, — отвечал он. — Закружится голова, наступлю себе на бороду, и опять вас станет тринадцать. А веревки меня не выдержат.

Как вы увидите позже, веревки, к счастью для него, выдержали...

Тем временем друзья обследовали выступ дальше и обнаружили тропинку, которая вела наверх. Но далеко уходить побоялись, да и не видели надобности. На вершине царила тишина, лишь ветер шуршал в трещинах. Они разговаривали тихо, не пели, не перекликались — опасность подстерегала повсюду. Те, что возились с дверью, пока ничего не добились. В своем нетерпении они махнули рукой на руны и лунные буквы и без устали пытались определить на глаз, где именно на гладкой поверхности скалы прячется дверь. Они привезли из Озерного города кирки и другие инструменты и сперва попробовали применить их. Но при первом же ударе о скалу рукоятки раскололись, чуть не повыдергав им руки из плеч, стальные части сломались или погнулись, точно свинцовые. Гномы поняли, что их навыки в горном деле бессильны против чар, которые заперли эту дверь. Они испугались и того шума, который сами же наделали: каждый удар усиливался эхом.

Бильбо до смерти надоело сидеть на пороге. То есть никакого порога, разумеется, не было, просто гномы в шутку назвали так травянистый пятачок; они припомнили Бильбо его слова, сказанные ох как давно, когда к нему в норку нагрянули нежданные гости. Он тогда сказал, что они посидят на пороге и что-нибудь придумают. И вот теперь они сидели и сидели, думали и думали или бесцельно топтались поблизости, и лица их все вытягивались и вытягивались.

Они было воспрянули духом, обнаружив тропу, но теперь совсем приуныли. И все же не хотели сдаться и уйти ни с чем. Теперь и хоббит был не бодрее других. Он ничего не делал, только сидел, прислонившись к скале, и глядел на запад, поверх отрогов, поверх широких просторов, за черную стену Черного Леса, туда, где ему все мерещились Туманные горы. Если его спрашивали, что он делает, хоббит отвечал:

— Вы же говорили, что мое дело сидеть на пороге и думать, как попасть внутрь, вот я и думаю.

Но подозреваю, что он думал не столько о деле, сколько о той стране, что лежала в голубой дали, о тихой родной стране и о своей хоббичьей норке под Холмом.

В траве посредине площадки лежал серый камень. Бильбо обычно сидел, уныло уставившись на него или следя за большими улитками. Тем, видно, нравилась укромная площадка, прохладные стены, и они медленно ползали по ним, с удовольствием присасываясь к камню.

— Завтра пойдет последняя неделя осени, — сказал однажды Торин.

— А за ней последует зима, — добавил Бифур.

— И наступит следующий год, — закончил Двалин, — и бороды у нас будут расти, пока не свесятся со скалы до самой долины, а здесь по-прежнему ничего не произойдет. Чем только занимается наш Взломщик? Раз у него есть кольцо-невидимка, — значит, теперь с него и спрос больше, вполне мог бы пройти в Главные ворота и разведать как и что.

Бильбо услышал его слова (гномы находились наверху, как раз над нишей) и подумал: «Боже милостивый, так вот что они придумали! Несчастный я несчастный, вечно я должен вызволять их из неприятностей, во всяком случае, после отъезда волшебника. Что же мне делать? Так я и знал, что в конце меня ждет что-то совершенно ужасное. Нет, я просто не в состоянии видеть еще раз ту злосчастную долину Дейла. А дымящиеся ворота чего стоят!..»

Он так расстроился, что ночью почти не сомкнул глаз. На следующий день гномы разбрелись кто куда; одни, спустившись вниз, совершали моцион на пони, другие лазали по склону. Весь день Бильбо в унынии просидел в нише, глядя на камень или вдаль через узкий проход. У него было странное чувство, будто он чего-то ждет. «Может, волшебник вдруг объявится», — думал он.

Когда он поднимал голову, то видел кусок дальнего леса. Вот солнце повернуло на запад — и на лес легло желтое пятно, как будто солнце осветило последнюю осеннюю листву. Вскоре большой оранжевый шар скатился к горизонту. Бильбо увидел довольно высоко над краем земли еле заметный бледный узенький серп новорожденной луны. В тот же момент он услышал у себя за спиной резкое щелканье. Он обернулся: на сером камне сидел большущий дрозд, угольно-черный, с бледно-желтой грудкой, пестревшей темными точками. Щелк! Дрозд схватил улитку и ударил ею о камень. Щелк! Щелк!

И вдруг Бильбо осенило! Забыв про осторожность, стоя на самом краю карниза, он стал громко звать гномов и махать руками. Гномы, спотыкаясь о камни, бросились к нему, недоумевая, что случилось.

Бильбо быстро все объяснил. Все замолчали: хоббит стоял у серого камня, гномы нетерпеливо ждали. Солнце спускалось

все ниже, и надежды их таяли. Солнце село в полосу багровых облаков и скрылось. Гномы застонали, но Бильбо по-прежнему стоял не двигаясь. Узенький серп начал спускаться к горизонту. Стало темнеть. И вдруг, когда все уже совсем отчаялись, сквозь просвет в облаках прорвался красный луч. Он проник через узкий проход в нишу и упал на гладкую поверхность скалы. Дрозд, который, склонив голову набок, тоже следил за ним со своего насеста бусинками глаз, вдруг застрекотал. От стены с треском отскочил каменный осколок. На высоте трех футов от земли, в том месте, куда упал луч, в скале вдруг появилась дырочка.

Испугавшись, как бы не пропустить момент, гномы кинулись к скале и навалились на нее — она не подавалась.

— Ключ! Ключ! — крикнул Бильбо. — Где Торин?

Подбежал Торин.

— Ключ! — закричал ему Бильбо. — Который был при карте! Скорее, а то будет поздно!

Торин выхватил ключ, висевший у него на груди, и вставил в дырочку. Ключ подошел! Торин повернул его. Дзинь! Луч пропал, луна исчезла, небо почернело.

Они опять нажали на дверь, и часть стены медленно-медленно отошла. Появились длинные прямые щели. Очертилась дверь в пять футов вышиной и в три шириной и беззвучно и тяжело распахнулась внутрь. Из глубины, словно пар, выплыла темнота, глазам их предстала глубокая зияющая чернота — разверстый вход в глубь Горы.

12
ЧТО ЖДАЛО ИХ ВНУТРИ

Гномы долго стояли перед дверью и спорили, и наконец Торин произнес речь:

— Настало время для того, чтобы высокочтимый мистер Бэггинс, проявивший себя за долгое время пути как превосходный компаньон, как хоббит, исполненный отваги и находчивости, поражающими несоразмерностью с его небольшим ростом, и, если я могу так выразиться, наделенный запасом удачливости, который превышает обычный, отпущенный судьбой... Настало, повторяю, время для того, чтобы он оказал нам услугу, ради которой его включили в нашу Компанию, и заработал обещанную долю.

Вы уже знакомы со стилем Торина в исключительно важных случаях, поэтому не буду пересказывать его речь дословно. Он распространялся еще довольно долго. Случай был действительно важный, но хоббитом овладело нетерпение. Он тоже достаточно хорошо изучил Торина и сразу сообразил, к чему тот клонит.

— Если от меня ждут, чтобы я первым вошел в потайную дверь, о Торин Оукеншильд, сын Трейна, да удлинится бесконечно твоя борода, — сказал Бильбо с раздражением, — то так и скажите! Я мог бы, конечно, отказаться. И так я уже вызволял вас дважды, а это в сделку не входило, так что кое-какую награду я уже заслужил. Но, как говаривал мой отец, «третий раз за все платит». И пожалуй, я не откажусь. Я теперь больше верю в свою счастливую звезду, чем в былые времена (он имел в виду прошлую весну, перед тем как покинул родной дом, но ему казалось, что то было тысячу лет назад). Ладно, чтобы отвязаться, я согласен заглянуть туда разок. Кто составит мне компанию?

Он не ожидал, что раздастся хор добровольцев, поэтому и не был разочарован. Фили и Кили явно чувствовали себя неловко и переминались с ноги на ногу. Все остальные даже и не скрывали своего нежелания присоединиться к Бильбо — все, кроме старого Балина, вечного караульного, который очень привязался к хоббиту. Он сказал, что во всяком случае зайдет внутрь и, может быть, даже сделает с десяток шагов, чтобы в крайнем случае было кому позвать на помощь.

Что я могу сказать гномам в оправдание? Что они были намерены щедро заплатить Бильбо за его услуги. Раз они взяли его специально для того, чтобы он делал за них трудную работу, то и не возражали, чтобы он ее сделал, коли сам не против. Но они непременно выручили бы его из беды, как поступили уже в начале путешествия при встрече с троллями, когда у них еще не было никаких причин быть ему благодарными. Что правда, то правда: гномы не герои, а расчетливый народец, превыше всего ставящий деньги; попадаются гномы хитрые и коварные и вообще дрянные. Но есть и вполне порядочные, вроде Торина с Компанией, только не надо ждать от них слишком многого.

На бледном небе, запятнанном черными облаками, показались звезды. Хоббит юркнул в заколдованную дверь. Идти внутри Горы оказалось делом несложным. Это вам не гоблинские низкие туннели и не корявые подземные ходы в пещере лесных эльфов. Коридор в Горе был сделан гномами в расцвете их могущества и мастерства: прямой, как по линейке, с гладким полом и гладкими стенками, он шел под уклон ровно и плавно, куда-то в таинственную черноту.

Через короткое время Балин пожелал Бильбо удачи и остался стоять посреди туннеля, откуда еще виднелись неясные очертания двери и, из-за особого устройства туннеля, шелестящий шепот гномов слышался совсем близко. Затем Бильбо надел кольцо и стал красться по туннелю вглубь и вниз. Напуганный преувеличенно громкими отголосками эха, он превзошел себя самого в бесшумности и осторожности. От дрожал от страха, но на физиономии у него были написаны решимость и суровость. Ведь он был далеко не тот хоббит, который выбежал

когда-то без носового платка из Бэг-Энда. Он обходился без платка уже целую вечность. Проверив, на месте ли кинжал, он затянул кушак и продолжал путь.

«Вот оно, Бильбо Бэггинс, — сказал он себе. — Ты по собственной воле увяз в этом деле с головой, вот теперь и расплачивайся за свою глупость. Какой же я идиот! — твердил в нем отнюдь не туковский голос. — На что мне сдались сокровища дракона? Если бы я мог проснуться и очутиться не в этом проклятом туннеле, а в своей прихожей! Да пускай бы сокровища оставались здесь на века вечные!»

Поскольку это был не сон, то он и не проснулся, а продолжал идти вперед да вперед. Наконец очертания двери исчезли, Бильбо остался совсем один. Вскоре сделалось жарковато. «Может, жар идет из глубины? Я вижу впереди яркое зарево», — подумал он.

Так оно и было. Красный свет разгорался все ярче, и в туннеле становилось положительно жарко. Над Бильбо начали проплывать клочья пара, окутывать его. Бильбо обливался по́том, ему слышался какой-то булькающий, пульсирующий шум, похожий на клокотание большого котла, кипящего на огне, и одновременно на мурлыканье гигантской кошки. Вскоре Бильбо безошибочно узнал храп крупного зверя. Впереди, в красном зареве кто-то спал. Бильбо на момент приостановился. Но только на момент — и сразу двинулся дальше. Это был самый мужественный поступок в его жизни. Бильбо одержал настоящую победу над самим собой перед лицом неведомой опасности, подстерегающей его впереди. Итак, после короткой остановки Бильбо двинулся дальше. Вообразите себе теперь такую картину: Бильбо доходит до конца туннеля, до отверстия приблизительно той же величины и формы, что наружная дверь, заглядывает туда; перед ним открывается сокровищница древних гномов — самая нижняя пещера у самого основания Горы. Там темно, границ огромной пещеры не видно, можно лишь догадываться о ее величине; вблизи же на каменном полу огненная громада. И эта громада — Смог!

Исполинский золотисто-красный дракон лежал и крепко спал. Из пасти и из ноздрей вырывался дребезжащий звук и струйки дыма, но пламени он сейчас не извергал. Под его туловищем, под всеми лапами и толстым свернутым хвостом, со всех сторон от него, скрывая пол, высились груды драгоценностей: золото в слитках, золотые изделия, самоцветы, драгоценные камни в оправе, жемчуг и серебро, отливающее красным в этом багровом свете.

Смог спал на боку, сложив крылья, подобно громадной летучей мыши; хоббит видел снизу его длинный живот, в который вдавились драгоценные камни и золото от долгого лежания на богатом ложе. На ближайшей к нему стене смутно поблескивали кольчуги, шлемы, топоры, мечи и копья, на полу

рядами стояли большие кувшины и сосуды, вмещавшие несметные богатства.

Сказать, что у Бильбо захватило дух, будет слишком слабо. С тех пор как люди исказили язык эльфов, которому научились в эпоху, когда мир был несказанно прекрасен, не найдется слов, чтобы выразить все удивление и восхищение Бильбо. Он и раньше слыхал рассказы и песни про сокровищницы драконов, но не мог представить себе их великолепия, да и страсть гномов к золоту была ему чужда. Но сейчас душа его прониклась восторгом; словно околдованный, он застыл на месте, забыв про страшного стража.

Он глядел и глядел и не мог оторваться, потом, словно его влекла какая-то сила, прокрался к куче сокровищ. Над его головой спал дракон, страшный и грозный даже во сне. Бильбо схватил большую чашу с двумя ручками, такую тяжелую, что еле поднял ее, и со страхом бросил взгляд наверх. Смог шевельнул крылом, расправил когти, храп зазвучал по-иному...

Бильбо ринулся к выходу. Но дракон пока не проснулся, просто теперь ему снился другой сон. Маленький хоббит мчался по длинному туннелю. Сердце его стучало, ноги тряслись, он сжимал чашу и мысленно твердил: «Ай да я! Теперь они увидят! Так, значит, я больше смахиваю на бакалейщика, чем на Взломщика? Пусть-ка попробуют повторить это!»

Но никто и не думал этого повторять. Балин был счастлив видеть хоббита живым, изумлен и ничуть не меньше восхищен. Он взял Бильбо на руки и вынес наружу. Была ночь, облака застилали звезды, Бильбо лежал с закрытыми глазами, переводил дух и наслаждался свежим воздухом, не замечая, как взволнованные гномы хвалят его, хлопают по спине и обещают услуги всех членов своих семей из поколения в поколение.

Гномы все еще передавали из рук в руки чашу и с воодушевлением обсуждали, как обретут в недалеком будущем все свои сокровища.

Вдруг внутри Горы послышался глухой раскат грома, как будто рокотал потухший вулкан, надумавший опять извергаться. Они прикрыли дверь и заложили щель камнем, чтобы дверь не захлопнулась, но из глубины Горы доносился страшный грохот, рев и топот, так что скала под ними сотрясалась.

Гномы сразу забыли свое самонадеянное бахвальство и съежились от страха. Упускать из виду Смога было рано. Если живешь бок о бок с драконом, изволь с ним считаться. Драконы не умеют найти применение своему богатству, зато, как правило, знают каждую вещь наперечет. Смог не был исключением из правила. Беспокойный сон (в нем самым неприятным образом фигурировал какой-то мелкорослый воин невиданной отваги, обладатель страшного меча) сменился дремотой, потом дракон вдруг пробудился. В пещере пахло чем-то незнакомым. Может быть, запах принесло в ту дыру? Хоть и

маленькая, она всегда слегка тревожила Смога. Он уставился на нее с подозрением. Отчего он не завалил ее давным-давно? В последнее время ему даже чудилось доносившееся оттуда слабое постукивание. Он поднял голову и втянул воздух. И тут заметил, что исчезла чаша.

Воры! Пожар! Убийство! Такого не случалось еще ни разу с тех пор, как он поселился в Горе! Ярость его не поддается описанию; такую ярость испытывают лишь купающиеся в роскоши богачи, если у них внезапно пропадет вещь, которой они обладают давно, но которая не понадобилась им ни разу в жизни. Смог изрыгнул пламя, пещера наполнилась дымом, гора зашаталась. Он попытался засунуть голову в дыру, потом заревел что было мочи и, втянув шею, помчался вон из логова по просторным туннелям горного дворца к Главным воротам. В голове у него сидела одна мысль: обшарить всю гору, изловить вора, растерзать и растоптать его! Смог вылетел из ворот, вода в реке зашипела, со свистом поднялся пар; разбрызгивая огонь, Смог взмыл в воздух и приземлился на вершине Горы, окруженный языками зеленого и алого пламени. Гномы услыхали страшный шум его крыльев и вжались в стену, надеясь спрятаться от драконьих глаз, высматривающих врага.

Все они неминуемо погибли бы, если бы опять-таки не Бильбо.

— Скорей! — шепотом приказал он. — За дверь! В туннель! Здесь оставаться нельзя!

Только они хотели нырнуть внутрь горы, как вдруг Бифур закричал:

— Мои братья! Бомбур и Бофур! Мы забыли про них, они внизу в долине!

— Они погибнут, и наши пони тоже, мы останемся без припасов! — застонали остальные гномы. — Мы ничего не можем поделать!

— Вздор! — оборвал их Торин. К нему вернулось прежнее достоинство. — Мы не можем их бросить! Внутрь войдут мистер Бэггинс, Балин, а также Фили и Кили — все сразу дракону не достанутся. Остальные... где веревки? Живей!

Вероятно, за все время похода в такую передрягу они еще не попадали. Наверху по горным ущельям гулко гремел рев взбешенного дракона. В любой момент он мог слететь вниз, изрыгая пламя, или облететь Гору и застать их в тот момент, когда они бешено тянули веревки на краю обрыва. Бофур успел подняться, все было тихо. Потом показался Бомбур, он пыхтел и отдувался, веревки скрипели, но вокруг было по-прежнему тихо. Потом втащили инструменты и мешки с провизией... И тут разразилась гроза! Послышался резкий свист крыльев. Верхушки скал тронул красный отсвет. То был Смог.

Они едва успели нырнуть в туннель и втащить свои мешки, как из-за Горы вывернулся дракон; крылья его издавали дикий

свист, подобный завыванию ветра, пламя лизало склон Горы. Огненное дыхание спалило траву перед дверью, проникло в приоткрытую дверь и обожгло гномов. Дрожащее пламя взметнулось вверх, черные тени скал заплясали. Потом снова воцарилась темнота. Внизу пони заржали от страха, разорвали веревки и в панике ускакали. Дракон ринулся за ними вдогонку.

— Только мы их и видели! — проговорил Торин. — Если Смог заметит кого, спасения нет. Тут нам суждено и остаться, разве только у вас возникнет охота вернуться к реке по открытому пространству на глазах у Смога.

Такая перспектива никого не прельстила. Они отползли подальше от входа и лежали так, пока в приоткрытую дверь не заглянул бледный рассвет. Они дрожали всем телом, хотя внутри было тепло и душно. В течение ночи они несколько раз слышали то нарастающий, то затихающий рев дракона, облетавшего Гору.

Увидев пони и следы лагеря, дракон, конечно, догадался, что с реки и озера кто-то приходил, и теперь раз за разом прочесывал склон Горы с той стороны, где стояли пони. Но каменную дверь он не заметил, а укромная терраска не пропускала в туннель палящее пламя. Тщетно дракон обыскивал гору, наконец к рассвету злоба его остыла — и он отправился на свое золотое ложе спать и набираться сил. Грабежа он не забыл и не простил бы даже через тысячу лет, когда время обратило бы его самого в обуглившийся камень, но он мог позволить себе ждать. Неторопливо заполз он в свое логово и прикрыл глаза.

С наступлением утра страх у гномов немного рассеялся. Они поняли, что подобного рода происшествия неизбежны, когда имеешь дело с таким грозным и коварным хранителем сокровищ, и пока рано отказываться от задуманного. Все равно им, как справедливо сказал Торин, пока не уйти отсюда. Пони их пропали или были съедены, требовалось выждать, пока Смог ослабит свою бдительность, а они наберутся смелости двинуться в обратный путь пешком. Хорошо еще, что они спасли часть продуктов и могли протянуть некоторое время.

Они долго обсуждали, как быть, но не придумали никакого способа избавиться от Смога. Бильбо так и подмывало упрекнуть гномов за то, что с самого начала эта проблема была слабым местом в их замыслах. Но тут, как свойственно попавшим в безвыходное положение, гномы принялись брюзжать и укорять хоббита за то, что поначалу им так понравилось — а именно, что он унес чашу и слишком рано разозлил Смога.

— А что еще прикажете делать взломщику? — сердито огрызнулся Бильбо. — Меня нанимали не драконов убивать — это дело воинов, а красть сокровища. Я положил такое начало, какое мог. А вы ожидали, что я приволоку на спине все богатство Трора? Уж кому жаловаться, так это мне. Вам надо было

захватить с собой пятьсот взломщиков, а не одного. Дедушка ваш, конечно, заслуживает всяческих похвал, но вы-то не подумали ознакомить меня с размерами его богатства. Чтобы вынести все сокровища наверх, мне понадобилась бы не одна сотня лет, и то если бы я был в пятьдесят раз больше, а Смог — кроткий, как ягненок.

После этого гномы извинились перед Бильбо.

— Что же вы предлагаете, мистер Бэггинс? — учтиво осведомился Торин.

— Если вы спрашиваете про то, как вынести сокровища, то пока не представляю. Несомненно, это зависит от того, насколько удачный оборот примут наши дела и удастся ли избавиться от Смога. Вообще-то избавляться от драконов — не моя специальность, но я постараюсь сделать все от меня зависящее. Лично я не надеюсь ни на что и хотел бы только добраться живым до дома.

— Ну, до этого еще далеко. Что нам делать сегодня, сейчас?

— Хорошо, если хотите знать мое мнение, то мы должны сидеть, где сидим. Днем мы, вероятно, сможем выходить на воздух. А вскоре, возможно, рискнем послать кого-нибудь вниз к складу — пополнить наши запасы. Но помните: к ночи все должны возвращаться в туннель. А теперь я предлагаю вам следующее. У меня есть кольцо. Сегодня же днем, когда Смог, вернее всего, заснет, я проберусь туда. Быть может, что-нибудь произойдет новенькое. «У всякого дракона есть слабое место», — говаривал мой отец, но думаю, что он основывался не на личном опыте.

Гномы, само собой разумеется, с энтузиазмом приняли его предложение. Они уже очень уважали маленького Бильбо. К полудню он был готов ко второй вылазке в логово дракона. Если бы он знал побольше о драконах и их коварстве, то, может, и не был бы так уверен в себе и не рассчитывал застать Смога спящим.

Снаружи сияло солнце, но в туннеле было темно, как ночью. Полоска света из прикрытой двери вскоре пропала. Столь бесшумны были шаги Бильбо, что беззвучнее мог быть лишь дымок на слабом ветру. Он уже поздравлял себя, подходя к дальнему концу туннеля. Оттуда еле виднелся свет.

«Старина Смог устал, спит,— подумал Бильбо.— Видеть он меня не может, слышать тоже. Не унывай, Бильбо!» Он не знал или же забыл об остром нюхе драконов. Кроме того, у них имеется весьма неудобное свойство — спать с приоткрытыми глазами, если что-то возбуждает их подозрение.

Бильбо заглянул в пещеру. Смог, казалось, крепко спал и лежал, как мертвый, в темноте, потушив свое пламя, даже дымок не вырывался из ноздрей. Бильбо только хотел спустить ногу на пол, как вдруг из-под опущенного века драконова левого глаза блеснул тоненький красноватый луч. Смог только

притворялся, что спит! Он наблюдал за входом! Бильбо отпрянул и еще раз благословил судьбу за кольцо. И тут Смог заговорил:

— Ага, пожаловал вор! Я тебя чую, я слышу твое дыхание. Милости прошу, бери еще, тут всего вдоволь, не стесняйся!

Однако Бильбо был не таким уж невеждой по части драконов. Если Смог думал заманить его внутрь, то он просчитался.

— Спасибо, о Смог Ужасный! — ответил он. — Я пришел не за подарками. Я просто хотел взглянуть, так ли ты огромен и страшен, как рассказывают. Я не очень верил сказкам.

— И как ты меня находишь? — спросил дракон, невольно польщенный, хотя и не поверил ни одному слову Бильбо.

— Поистине песни и сказки далеки от действительности, о Смог, Приносящий погибель, — ответил Бильбо.

— Для вора и лжеца ты очень воспитан, — заметил дракон. — Ты, оказывается, знаешь мое имя, но мне твой запах что-то незнаком. Кто ты такой и откуда?

— Я из-под Холма; мой путь лежал через горы, под горами и по воздуху. Я тот, кого никто не видит.

— Это-то я и сам вижу, — ответил Смог. — Но вряд ли это твое настоящее имя.

— Я — Разгадывающий загадки и Разрубающий паутину, я — Жалящая Муха. Меня избрали для счастливого числа.

— Прелестные прозвища! — фыркнул дракон. — Но счастливое число не всегда выигрывает.

— Я тот, кто живыми хоронит друзей, топит их и достает живыми из воды. Я тот, кто невредимым выходит из костра, из воды, из-под земли.

— Что-то с трудом верится, — усмехнулся дракон.

— Я — друг медведей и гость орлов. Находящий кольца, Приносящий счастье. Ездок на бочках, — продолжал Бильбо, очень довольный своими загадками.

— Это уже лучше! — одобрил Смог. — Но не очень-то увлекайся! Придержи свое воображение.

Разговаривать с драконами нужно именно так, когда не хочешь раскрыть свое настоящее имя (что весьма благоразумно) и не хочешь разозлить их прямым отказом (что тоже весьма благоразумно). Никакой дракон не устоит перед соблазном поговорить загадками и потратить время на их разгадывание. Смог не все понял (в отличие от вас, вам-то известны все приключения Бильбо), но кое-что сообразил и, довольный, посмеялся в своей гнусной душе.

«Так я и подозревал, — подумал он. — Ясно, люди с озера задумали какую-то гадость. Презренные торговцы бочками, чтоб мне быть ящерицей! Я не заглядывал туда целую вечность, но теперь я ими займусь!»

— Отлично, Ездок на бочках! — сказал он вслух. — Может быть, Бочкой звали твоего пони? Он действительно был до-

вольно жирный. Видно, ты не всю дорогу сюда проделал по воздуху и пешком. Должен тебе доложить, прошлой ночью я съел шестерых пони и скоро поймаю и съем остальных. В отплату за вкусный ужин я дам тебе полезный совет: не водись с гномами, тебе же лучше будет.

— С гномами? — переспросил Бильбо, притворяясь удивленным.

— Нечего притворяться! — обрезал его Смог. — Кто-кто, а уж я знаю запах и вкус гномов. Как будто я могу съесть пони из-под гнома и не учуять запаха! Ты плохо кончишь, Вор на бочках, если будешь знаться с гномами. Так им и передай от моего имени.

Он скрыл от Бильбо, что одного запаха — запаха хоббита — он не разобрал, так как никогда с ним раньше не сталкивался, и теперь был немало озадачен.

— Ну что, хорошие денежки получил вчера за мою чашу? — продолжал дракон. — Ну, скажи честно? Как, ровно ничего?! Очень на них похоже. Они, стало быть, прячутся за твоей спиной, а ты за них отдувайся, тащи у меня все, что плохо лежит? И чего ты из кожи лезешь? Тебе пообещали приличный куш? И не мечтай! Радуйся, если ноги унесешь.

Бильбо стало очень и очень не по себе. Каждый раз, как луч драконова глаза, шаривший по пещере, попадал на него, он трясся от страха и его охватывало безотчетное желание выскочить на середину пещеры, снять кольцо и во всем признаться Смогу. Словом, драконовы чары начинали на него действовать. Собрав все свое мужество, Бильбо ответил:

— Тебе известно не все, о Смог Могущественный, не только золото привело нас сюда.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Смог. — Вот и проговорился! Нас! Скажи уж прямо «нас четырнадцать», мистер Счастливое Число! Рад слышать, что у вас есть и другие дела в наших краях. Тогда, может быть, у вас еще не все потеряно. А тебе не приходило в голову, что украсть золото ты, может, и украл бы понемножку, лет этак за сто или больше, но далеко ли унес бы его? К чему оно на горе? Или в лесу? Силы небесные! Ты ни разу не задумался, прибыльное ли это дело? Четырнадцатая часть — сколько тебе обещали? А как доставить ее? А стоимость перевозки? А сколько уйдет на вооруженную охрану и налоги?

И Смог громко захохотал. Душа у него была злобная и низкая; он знал, что его догадка недалека от истины. Но предполагал, что все это затеи людей с озера и большая часть добычи осядет в Озерном городе, который в дни его молодости назывался Эсгарот.

Трудно поверить, но бедный Бильбо действительно был огорошен. До сих пор все его помыслы и силы сосредоточивались на том, как бы добраться до Горы и найти вход. Он ни разу не

задумался над тем, как вынести сокровища из Горы, а уж тем более, как доставить в Бэг-Энд Под Холмом свою долю. Сейчас у него возникло нехорошее подозрение: а что, если гномы знают об этом важном моменте и втихомолку посмеиваются над Бильбо? Вот какое действие оказывают на неопытных драконовы речи. Конечно, Бильбо следовало бы остеречься, но уж очень деспотичной натурой был Смог.

— Я тебе вот что скажу, — Бильбо сделал попытку не поддаваться дракону и остаться верным своим друзьям, — мысль о золоте пришла нам в голову не сразу. Мы прибыли сюда над горами и под горами, по воде и по воздуху для МЕСТИ. Ведь не можешь же ты не сознавать, о Смог Безмерно богатый, что твое богатство создало тебе много врагов?

Тут Смог опять расхохотался, но как!.. От этого сокрушительного хохота Бильбо бросило на землю, а далеко наверху гномы прижались друг к другу, решив, что хоббиту пришел безвременный и ужасный конец.

— Месть! — фыркнул Смог, и глаза его загорелись ярким огнем, озарившим пещеру от пола до потолка, словно молния. — Месть! Король Под Горой давно умер, а куда подевались его родственнички? Что-то я не вижу, чтобы они рвались в бой, чтобы свести со мной счеты. Властелин Дейла Гирион умер, его народ я пожрал, как волк овец, а где сыновья его сыновей? Они и близко не смеют подойти. Я убиваю, когда захочу, никто не дерзает сопротивляться. Всех воинов прошлого я уничтожил, а нынче такие не рождаются. Тогда я еще был молод и слаб, теперь я стар и могуч, могуч! — злорадно торжествовал дракон. — Моя броня вдесятеро крепче щитов, мои зубы — мечи, когти — копья, удар хвоста подобен удару молнии, крылья несут с быстротой урагана, мое дыхание — смерть!

— Я слыхал, — пискнул перепуганный Бильбо, — что драконы мягче снизу, а именно в области... в области груди. Но у особы, столь основательно защищенной, все, конечно, продумано.

— Твои сведения устарели, Вор во тьме, — отрезал Смог. — Сверху и снизу я покрыт броней из железных чешуй и твердых драгоценных камней. Никакой клинок не пронзит меня.

— Я мог бы сам об этом догадаться, — ответил Бильбо. — Поистине не найдется равного Смогу Непроницаемому. Кто еще обладает столь великолепным жилетом из бриллиантов?!

— Да, такой жилет в самом деле большая редкость, — подтвердил Смог, как это ни глупо, весьма довольный. Откуда ему было знать, что хоббит уже в прошлый раз успел заметить его редкостный наряд и теперь мечтал рассмотреть его поближе, имея на то свои причины.

Дракон перекатился на спину.

— Смотри! — приказал он. — Что скажешь?

— Потрясающе! Восхитительно! Безупречно! Ослепительно! — восклицал Бильбо, думая про себя в то же время: «Ста-

рый болван! Да у тебя слева на груди дырка, голое тело торчит, как улитка из раковины!»

Высмотрев, что хотел, мистер Бэггинс решил поскорее убраться подобру-поздорову.

— Ну, не буду дольше задерживать Ваше Великолепие, — сказал он, — и лишать вас столь необходимого отдыха. Пони не так-то легко ловятся. И взломщики тоже, — съязвил он напоследок, стремглав удирая по туннелю.

Он напрасно не удержался от насмешки: как ни быстро бежал хоббит, дракон успел просунуть в отверстие свою ужасную морду и пустить ему вдогонку огненную струю. К счастью, вся голова целиком не пролезла, но пламя и пар из ноздрей обожгли Бильбо, так что он мчался, спотыкаясь, точно слепой, от страха и боли. Он так был доволен собой, доволен тем, как умно вел беседу со Смогом, что увлекся и допустил в конце ошибку. Этот случай отрезвил его. «Неразумно смеяться над живым драконом!» — сказал он себе, и впоследствии фраза стала его любимой поговоркой, а потом и известной пословицей. «Приключение еще далеко не кончено», — добавил он. И это тоже была чистая правда.

День уже склонялся к вечеру, когда наконец хоббит выбрался из туннеля и свалился на «пороге» в обмороке. Гномы привели его в чувство и смазали ожоги особой мазью, хранившейся у Торина. Но долго еще у него на затылке и на пятках не росла шерсть. Пока Бильбо приходил в себя, друзья всячески старались его ободрить. Они жаждали услышать рассказ о Смоге, особенно о том, почему тот устроил такой страшный шум и каким образом уцелел Бильбо.

Но хоббит впал в состояние нервное и озабоченное, и мало что удалось из него вытянуть. Пока они разговаривали, рядом на скале все время сидел старый дрозд и, склонив голову набок, прислушивался. Можете себе представить, в каком дурном настроении был Бильбо, если он схватил камень и запустил в дрозда. Тот отлетел, но сразу же вернулся обратно.

— Противная птица! — в сердцах вскричал Бильбо. — Не нравится она мне, по-моему, она нас подслушивает.

— Оставьте его в покое, — остановил его Торин. — Дрозды — птицы порядочные и дружелюбные; этот дрозд очень стар, быть может, он — последний из старинной породы дроздов, которые жили в этих местах и ели из рук моего отца и деда. Порода их была долговечной и волшебной. А вдруг он тоже из тех, что жили тогда, лет двести тому назад? Жители Дейла научились понимать их язык и посылать как гонцов в Озерный город и в другие места.

— Ну, так у меня найдутся кое-какие новости для Озерного города, — мрачно заметил Бильбо. — Только вряд ли там будет кому понимать язык дроздов.

— Как? Что случилось? — закричали наперебой гномы. — Рассказывай же!

И Бильбо пересказал разговор с драконом и признался, что его мучает ужасная мысль — что дракон сделал свои выводы из его загадок.

— По-моему, он догадался, что мы попали сюда через Озерный город и пользовались помощью его жителей. У меня есть предчувствие, что следующую атаку он предпримет в том направлении. И дернуло меня сболтнуть про езду на бочках!

— Ничего, ничего! Что сделано, того не воротишь. Да и потом, я слыхал, что в разговорах с драконом трудно не допустить ошибки,— ободряюще сказал Балин, которому очень хотелось утешить хоббита.— Если хочешь знать, то, на мой взгляд, ты очень неплохо вышел из положения — выяснил кое-что очень полезное и остался жив, а этим мало кто может похвастаться, кому довелось перемолвиться с драконом. Нам, возможно, еще очень пригодится прореха на бриллиантовом жилете старого ящера.

Его слова сообщили разговору новое направление, и все принялись обсуждать, как убивали драконов в жизни и в сказках, разного рода колющие и режущие удары, удары снизу, сбоку и сверху, всякие приемы, уловки и военные хитрости.

В продолжение разговоров Бильбо глядел на удлиняющиеся тени, и его тоска и дурные предчувствия все усиливались.

Наконец он прервал гномов:

— Я убежден, что оставаться здесь весьма небезопасно, да и какой смысл сидеть тут? Свежую траву дракон сжег, уже ночь, холодно. Я могу поклясться, что дракон налетит на наше укрытие еще раз. Смог знает теперь, как я проник в его логово, и, уж будьте уверены, догадается, куда ведет туннель. Он разнесет вдребезги наш склон, чтобы отрезать нам доступ внутрь. А если при этом раздавит нас, что ж, тем больше порадуется.

— Какие мрачные мысли, мистер Бэггинс! — сказал Торин.— Почему же Смог не заделал ближний к себе конец туннеля, если не хочет нас допускать? Мы бы услышали, если бы он его закрыл.

— Не знаю, не знаю. Наверное, сперва хотел меня заманить туда во второй раз, а теперь отложил на после ночной охоты или не хочет портить свою спальню. Не спорьте, прошу вас. Смог может вылететь в любую минуту. Единственное наше спасение — забраться поглубже в туннель и закрыть дверь.

Он говорил так горячо, что гномы послушались его, зашли внутрь, но медлили захлопнуть дверь. Им это казалось безрассудным: кто знает, удастся ли открыть ее снова изнутри, а оказаться запертыми в помещении, откуда один выход — через логово дракона, им очень не хотелось. Тем более что и снаружи, и внутри все было тихо. Они долго сидели недалеко от полуоткрытой двери и продолжали беседовать. Разговор зашел о гадких намеках дракона относительно гномов. Лучше бы Бильбо никогда их не слышал! Как хотелось ему верить сейчас

гномам, которые клялись, будто действительно не задумывались о том времени, когда отнимут у дракона сокровища.

— Мы знали раньше, что попытка наша будет рискованной, — объяснил Торин, — знаем и теперь. Но я уверен, что у нас будет достаточно времени обдумать, как поступить дальше, после того как мы завладеем богатствами. Что касается вашей доли, мистер Бэггинс, то, уверяю вас, мы бесконечно вам благодарны, и вы сами отберете для себя, что захотите, как только будет что делить. Я понимаю ваше беспокойство по поводу доставки, допускаю, что проблема сложна, ибо с течением времени здешние края не стали безопаснее, скорее наоборот, но мы вам непременно поможем и возьмем на себя часть расходов по перевозке золота. Хотите верьте, хотите нет!

Здесь разговор обратился на сами сокровища и на отдельные вещи, которые запомнили Торин и Балин. Сохранились ли в целости копья, изготовленные для армий великого короля Бледортина, давно уже умершего? Копья с трижды закаленными наконечниками и древками, искусно украшенными золотом, — их так и не успели передать королю и получить за них плату. Щиты, выкованные для давно погибших воинов. Большой золотой кубок Трора, с двумя ручками, чеканкой и резьбой, изображавшими птиц и цветы; глаза у птиц и лепестки у цветов были из драгоценных камней. Кольчуги, позолоченные и посеребренные и непробиваемые. Ожерелье властелина Дейла, Гириона, из пятисот ярко-зеленых изумрудов, которое он отдал гномам в уплату за сработанную ими кольчугу для старшего сына, — никогда никто не носил подобной кольчуги из мелких колец чистого серебра, крепостью втрое превышающей стальную. Но прекраснее всего был громадный алмаз, который гномы когда-то нашли под Горой, в самой глубине, и назвали Сердце Горы, Аркенстон Трейна.

— Аркенстон, Аркенстон! — повторял Торин, задумчиво опершись подбородком о колени. — Словно шар с тысячью граней. При свете очага он сверкал, как вода на солнце, как снег в сиянии звезд, как роса в лунную ночь.

Бильбо слушал все эти разговоры вполуха. Колдовская притягательная сила сокровищ уже не действовала на него. Он сидел ближе всех к двери и ловил малейшие звуки снаружи и из глубины туннеля.

По мере того как тьма сгущалась, Бильбо нервничал все больше.

— Закройте дверь! — умолял он. — Мне все время чудится дракон, мне страшно. Тишина пугает меня больше, чем вчерашний грохот. Закройте дверь, пока не поздно!

Что-то в его голосе заставило гномов внять его просьбе. Торин, очнувшись от грез, встал и откинул ногой камень, не дававший двери закрыться. Что-то щелкнуло. Скважина на двери исчезла. Они были заперты в Горе навсегда!

И как нельзя более вовремя! Едва успели они отойти чуть подальше от входа, как страшный удар обрушился на склон Горы, точно в нее ударили стенобитные орудия из цельного дуба, раскачиваемые руками великанов. Скала загудела, стены в туннеле затрещали, камни посыпались им на головы. Что произошло бы, если бы дверь не закрыли, боюсь и вообразить. Они бросились в глубь туннеля, радуясь, что пока живы, слыша позади себя рев и громыханье. В ярости Смог разносил скалы, дробил камни бешеными ударами своего огромного хвоста; терраска, опаленная трава, камень, где сидел дрозд, стены, покрытые улитками, узкий выступ превратились в кашу, на долину обрушилась лавина обломков.

Смог, оказывается, украдкой выбрался из логова, тихо поднялся в воздух и затем медленно и тяжело, как чудовищная ворона, полетел вокруг Горы, думая поймать врасплох кого-то или что-то на западной стороне и найти дыру, через которую пролез вор. Когда он никого не нашел и не увидел дыры там, где рассчитывал, то впал в дикую ярость и начал крушить ненавистный склон.

Разрядив таким образом свою злобу, Смог немного утихомирился и решил, что с этой стороны беспокоить его больше не станут. Теперь оставалось осуществить еще одну месть.

— Ездок на бочках! — фыркнул он. — Прибыл по воде — значит, приплыл по реке. Запах его мне незнаком, но если он и не с озера, то все равно не обошелся без их помощи. Они еще меня увидят и запомнят, кто настоящий король Под Горой!

Дракон взмыл в пламени и дыму в небо и устремился на юг, к реке Быстротечной.

13
ПОКА ХОЗЯИНА НЕ БЫЛО ДОМА

Тем временем гномы сидели в беспросветной темноте. Со всех сторон их обступила мертвая тишина. Ели они мало и мало разговаривали. Время шло, но они не знали — день сейчас или ночь и сколько прошло суток. Они боялись шевельнуться, так как в туннеле громко отдавалось эхо от их возни и голосов. Они засыпали и просыпались в той же нескончаемой темноте и тишине. Просидев там, как им казалось, много дней, они начали задыхаться от недостатка воздуха, в голове у них мутилось. Дольше выносить такую жизнь они не могли. Кажется, они обрадовались бы даже звукам, говорящим о возвращении дракона. В тишине им чудилось, будто Смог подстраивает какую-то новую каверзу. И потом, не могли же они сидеть так вечно.

Наконец Торин не выдержал:

— Попробуем открыть дверь. Я просто умру без свежего воздуха. Пусть лучше Смог меня уничтожит там наверху, чем задохнуться здесь.

Кто-то из гномов встал и ощупью добрался до того места, где прежде была дверь. Но выяснилось, что верхний конец туннеля завалило обломками скалы. Ключ и волшебство были отныне бессильны открыть ее.

— Мы попались! — вырвался у них вопль. — Конец! Тут мы и умрем!

Почему-то как раз, когда отчаяние гномов достигло предела, Бильбо почувствовал, что у него стало легче на сердце, как будто какую-то тяжесть убрали у него из-под жилета.

— Ну, ну! — ободряюще сказал он. — «Пока жив — надейся!» — говорил мой отец. Помните, третий раз за все платит. Я, так и быть, спущусь вниз. Дважды я побывал там, зная, что меня ждет дракон, рискну и в третий. Во всяком случае, единственный выход наружу ведет вниз. И на этот раз вам придется следовать за мной.

Они согласились — что им еще оставалось? Торин первый шагнул к Бильбо.

— Теперь осторожней, — прошептал хоббит, — соблюдайте полную тишину! Может, там и нет Смога, а может, и есть. Не будем рисковать зря.

Они шли и шли. Гномы, естественно, не могли красться с беззвучностью хоббита, они всячески пыхтели, шаркали ногами, а эхо многократно усиливало пыхтенье и шарканье. Бильбо не раз замирал на месте и со страхом прислушивался, но снизу не доносилось ни звука. Когда до нижней дыры оставалось, насколько он мог судить, не очень далеко, он надел кольцо и обогнал гномов. В кольце не было большой необходимости — и без него все были невидимы, ибо чернота стояла сплошная. Настолько сплошная, что хоббит не заметил, как вышел из туннеля; он уперся рукой о пустоту... и кубарем полетел в яму.

Он лежал лицом вниз, затаив дыхание, не смея шелохнуться. Ничего не произошло. Когда он медленно поднял голову, то далеко и высоко над собой увидел белесое пятно, отнюдь не похожее на красный свет, исходивший от дракона. Однако в яме стоял густой тяжелый драконий запах.

Наконец мистер Бильбо Бэггинс не мог дольше выносить неизвестность.

— Будь ты проклят, старый ящер! — пропищал он громко. — Хватит играть в прятки! Освети меня и потом сожри, если поймаешь!

В невидимом зале отозвалось лишь слабое эхо.

Бильбо поднялся и тогда сообразил, что не знает, в какую сторону шагнуть. «Интересно, чем занят Смог? — подумал он. — Сегодня днем (или вечером?) его явно нет дома. Если Ойн и

Глойн не потеряли трут и кремень, можно выбить огня и оглядеться. А там, может быть, что-нибудь и произойдет».

— Огня! — закричал он. — Кто даст огня?!

Гномы, разумеется, переполошились, когда Бильбо со стуком провалился в яму, и сбились в кучу недалеко от выхода.

— Ш-ш-ш!.. — зашипели они, услыхав его голос.

Хоббит таким образом обнаружил, в какой они стороне, но далеко не сразу ему удалось добиться от них толка. Только когда Бильбо затопал ногами и пронзительно закричал: «Огня! Огня!» — Торин сдался и послал Ойна и Глойна за трутом и кремнем на другой конец туннеля.

Через некоторое время замелькал огонь: показался Ойн с небольшим факелом в руке, Глойн нес еще несколько штук под мышкой. Бильбо проворно подбежал к дыре и схватил факел. Но не смог уговорить гномов зажечь остальные факелы и присоединиться к нему. Как обстоятельно пояснил Торин, мистер Бэггинс все еще оставался официальным Взломщиком и Разведчиком. Если он считал нужным с риском для своей жизни зажечь огонь — его дело. Они же подождут его доклада, не покидая туннеля. Гномы уселись около дыры и стали наблюдать за Бильбо.

Они увидели, как маленькая темная фигурка пересекла пещеру, держа над собой факел. Пока Бильбо был близко, они видели при свете факела поблескивание золота и слышали позвякиванье, когда хоббит спотыкался о какой-нибудь золотой предмет. Потом огонек стал удаляться, заплясал где-то выше, выше — это Бильбо карабкался на груду сокровищ. Вскоре он очутился на самой верхушке и продолжал бродить взад и вперед. Они увидели, что он на мгновение наклонился, но не поняли зачем.

А наклонился он из-за Аркенстона, Сердца Горы! Бильбо сразу узнал его из описания Торина, да и не могло быть на всем свете двух таких алмазов, даже в другой такой же несравненной сокровищнице. Это и был тот белый блеск, который притягивал Бильбо наверх. Постепенно пятно превратилось в светящийся белый шар. Сейчас шар мерцал разноцветными искрами, так как свет факела играл на его гранях. Наконец шар очутился прямо перед хоббитом, и у того перехватило дыхание. Величайшее из сокровищ светилось собственным светом, исходящим изнутри, и в то же время, граненное и отшлифованное гномами, выкопавшими его в незапамятные времена, вбирало в себя свет извне и преломляло его десятками тысяч белых сверкающих граней, и это белое свечение переливалось всеми цветами радуги. Рука Бильбо, повинуясь таинственной силе, потянулась к Аркенстону и взяла его. Его коротеньким пальчикам было не сомкнуться вокруг большого и тяжелого камня, но Бильбо ухитрился поднять его и, закрыв глаза, сунул в карман.

«Вот теперь я настоящий вор, — подумал он. — Разумеется, я скажу про него гномам... в свое время. Они ведь говорили, что я могу выбирать свою долю сам. Я бы выбрал Аркенстон, а они пускай забирают все остальное». Но все же на душе у него было как-то неспокойно, он словно чувствовал, что речь тогда шла не об Аркенстоне и что из-за него у Бильбо еще выйдут большие неприятности.

Он двинулся дальше, спустился с другой стороны кучи, свет его факела скрылся. Но вскоре гномы опять увидели его вдалеке: Бильбо пересекал пещеру. Наконец он дошел до больших дверей, на него повеяло свежим воздухом, но струя воздуха чуть не загасила факел. Он робко выглянул за дверь и различил очертания просторных коридоров и начало широкой лестницы, уходящей вверх, во тьму. Но по-прежнему никаких признаков дракона не заметил. Только Бильбо хотел повернуть назад, как что-то черное пронеслось мимо его лица и даже слегка задело. Бильбо вскрикнул, споткнулся и шлепнулся на землю. Факел упал и потух.

«Кажется, просто летучая мышь, — растерянно пробормотал Бильбо. — Что же теперь делать? Где тут восток, где юг, север или запад?»

— Торин, Балин! Ойн, Глойн! Фили, Кили! — заорал он во все горло, но в черном необъятном пространстве голосок его прозвучал тоненько и еле слышно. — Свет погас! Кто-нибудь! Сюда, помогите!

Куда вдруг девалась его храбрость?

До гномов донеслись слабые возгласы хоббита, но разобрали они только «помогите!».

— Что такое стряслось? — недоуменно произнес Торин. — Дело, очевидно, не в драконе, а то бы хоббит перестал уже кричать.

Они подождали немножко и прислушались, но никаких звуков, кроме далеких воплей Бильбо, не услышали.

— Кто-нибудь, зажгите еще факел! — приказал Торин. — Делать нечего, придется идти на помощь нашему Взломщику.

— Пора наконец и нам помочь ему, — отозвался Балин. — Я пойду с удовольствием. Тем более что сейчас, по-моему, опасность нам не грозит.

Глойн зажег несколько факелов, гномы один за другим вылезли из туннеля и, держась за стену, поспешили на крики. Очень скоро они наткнулись на Бильбо, который тоже пробирался им навстречу. Едва завидев мерцание факелов, он сразу взял себя в руки.

— Испугался летучей мыши, и погас факел, только и всего! — объяснил он.

Они вздохнули с облегчением, но тут же начали ворчать, недовольные тем, что испугались зря. Что бы они сказали, если бы он показал им в эту минуту Аркенстон, прямо и не знаю.

Но достаточно им было, проходя мимо, мельком заметить блеск сокровищ, как сердца у них запылали главной страстью. А когда в сердце гнома, пусть даже самого почтенного, зажигается страсть к золоту и драгоценным камням, он становится отважным, а иногда даже свирепым.

Поэтому дальше уговаривать гномов не пришлось. Они так и рвались осмотреть пещеру. Каждый схватил по горящему факелу, и они начали обходить зал вокруг, забыв про страх и осторожность. Они стали громко разговаривать, перекликаться, показывать друг другу разные вещи, которые выуживали из кучи или снимали со стены. Они подносили драгоценности к глазам, рассматривали на свет, ощупывали и ласкали, подбирали драгоценные камни и распихивали их по карманам, а что унести не могли, то со вздохом роняли обратно, пропуская сквозь пальцы. Торин в этом отношении мало чем отличался от остальных. Притом он метался из стороны в сторону и что-то искал, искал и не мог найти. Искал он Аркенстон, но пока никому ничего не говорил о нем.

Гномы поснимали со стен кольчуги и оружие и надели на себя. Как царственно выглядел сейчас Торин, облаченный в золотую чешуйчатую кольчугу, в поясе, затканном алыми рубинами, держащий в руке топор с серебряной рукоятью!

— Мистер Бэггинс! — окликнул он. — Получайте первую награду в счет вашей доли! Сбросьте старый плащ и наденьте вот это!

И он накинул на Бильбо небольшую кольчужку, сплетенную в давние времена для какого-нибудь принца эльфов. К этой кольчуге из серебряной стали, называемой у эльфов митрил, полагался пояс из жемчугов и хрусталя. На голову хоббиту надели легкий шлем из тисненой кожи, укрепленный изнутри стальными обручами и усаженный по краю мелкими алмазами.

«Я чувствую себя великолепно, — подумал Бильбо. — Но вид у меня, должно быть, очень нелепый. То-то потешались бы надо мной дома, Под Холмом. А все-таки жалко, что тут нет зеркала!»

Мистер Бэггинс в отличие от гномов не потерял головы при виде богатств и устоял перед их чарами. Гномы все еще рылись в сокровищнице, но Бильбо прискучило это занятие.

— Торин! — воскликнул он. — Что дальше? Мы вооружились, но разве оружие и доспехи помогали когда-либо против Смога Ужасного? Сокровища еще не отвоеваны. Нам пока важно не золото, а выход отсюда. Мы и так слишком долго испытываем судьбу!

— Вы правы! — отозвался Торин, опомнившись. — Идемте. Теперь я поведу вас. И за тысячу лет я не забыл бы ходов во дворце.

Он созвал гномов, и, подняв факелы над головой, они вышли все вместе через высокие двери, с тоской оглядываясь назад.

Сверкающие кольчуги они опять прикрыли старыми плащами, а блестящие шлемы — истрепанными капюшонами. Они шли за Торином, словно цепочка огоньков в темноте, то и дело настораживаясь — не слышно ли дракона. Хотя все кругом пострадало от времени или было покорежено, испорчено и перепачкано влетавшим и вылетавшим чудовищем, Торин узнавал каждый коридор, каждый поворот. Они карабкались по длинным лестницам, поворачивали, спускались по гулким переходам, снова делали поворот и снова взбирались по ступеням вверх. Ступени были гладкие, выбиты прямо в скале, широкие, удобные. Все выше и выше поднимались гномы, но нигде не встречали ни единого признака живой души, лишь тени воровски разбегались в стороны с приближением факелов, трепетавших на сквозняке. Ступени при всем их удобстве не были приспособлены для хоббитовских коротеньких ног. Бильбо уже выдохся и чувствовал, что еще немного — и он не сможет сделать ни шагу. И тут вдруг потолок взметнулся вверх, на недосягаемую для факелов высоту. Откуда-то сверху проглянул тусклый луч, воздух сделался чище. Впереди, в широких, наполовину обгоревших дверях, которые криво висели на петлях, забрезжил слабый свет.

— Это главный зал Трора, — промолвил Торин, — здесь устраивались пиршества и собирался королевский совет. Отсюда уже недалеко до Главных ворот.

Они прошли через бывший зал: там гнили столы, истлевали обугленные перевернутые стулья и скамейки; на полу вперемежку с бутылками, чашами, сломанными кубками из рогов валялись в пыли черепа и кости. Они прошли еще одни двери и еще одни, и вдруг ушей их коснулось журчание воды, и свет из тусклого сделался более ярким.

— Здесь берет начало река Быстротечная,— сказал Торин.— Она приведет нас к Главным воротам.

Из темной дыры в скале выбегал бурливый поток и струился по узкому стоку, выдолбленному в камне искусными руками старинных мастеров. Рядом шла мощеная дорога, такая широкая, что по ней могло пройти много людей в ряд. Друзья бросились по ней, обогнули выступ, и — о чудо! — в глаза им хлынул дневной свет. Перед ними выросла высокая арка, почерневшая, ободранная, но со следами старинной резьбы. Туманное солнце посылало между отрогами Горы бледные лучи, которые золотили порог. Стайка летучих мышей, потревоженных дымом факелов, вихрем пронеслась у них над головой. Путники испуганно рванулись вперед и поскользнулись на камнях, сглаженных и покрытых слизью оттого, что по ним постоянно проползал дракон. Река дальше бежала в сторону долины свободно, шумно пенясь. Они побросали ненужные теперь факелы на землю и застыли, глазам своим не веря: они вышли за Главные ворота и перед ними расстилалась долина, где прежде стоял Дейл.

— Да! — произнес Бильбо. — Вот уж не ожидал, что доведется глядеть из этих ворот. Никогда с бо́льшим удовольствием не любовался я солнцем и не ощущал на своем лице ветра. Бр-р-р! Однако и холодный же ветрище!

И в самом деле, дул резкий восточный ветер, безжалостно предвещая зиму. Обвивая отроги Горы, он влетал в долину и завывал между скал. Путники так долго парились в глубине жарких драконовых пещер, что теперь на открытом воздухе их била дрожь.

Внезапно Бильбо ощутил помимо усталости еще и зверский голод.

— Сейчас, судя по всему, позднее утро, — сказал он, — а значит, и время завтрака, если найдется что поесть. Но я не уверен, что главный вход в пещеру Смога — самое безопасное место для этой цели. Нельзя ли найти местечко поспокойней?

— Правильно! — подхватил Балин. — Я, пожалуй, знаю такое местечко: старый сторожевой пост на юго-западном конце Горы.

— А далеко ли оно? — осведомился хоббит.

— Часов пять ходьбы. Идти будет трудно, предупреждаю. Дорога от ворот по левому берегу реки вся разбита. Зато посмотрите сюда! Река перед руинами Дейла сворачивает к востоку. Там когда-то был мост, он вел к лестнице, круто поднимавшейся на высокий правый берег. Оттуда мы попадем на дорогу к Вороньей Высоте. Там же есть, или была, тропа, ответвлявшаяся от дороги в сторону поста. Даже если сохранились ступеньки, взобраться туда — дело нелегкое.

— Силы небесные! — простонал хоббит. — Опять идти, опять куда-то лезть, и даже позавтракать не дадут! Интересно, сколько завтраков, обедов и ужинов мы пропустили, пока сидели в этой мерзкой норе без часов и вне времени?

Вообще говоря, с той минуты, как дракон разгромил волшебную дверь, прошло две ночи и один день, и худо-бедно, а кое-какая еда была, но Бильбо совершенно потерял счет времени, и для него что одна ночь, что целая неделя было все едино.

— Да что вы! — засмеялся Торин (он опять повеселел и позвякивал драгоценными камешками в карманах). — Это мой-то дворец вы называете мерзкой норой! Погодите, вот ужо́ его приберут, почистят и отделают заново!

— Что произойдет только после смерти Смога, — хмуро проворчал Бильбо. — Кстати, где он? Я бы отдал вкусный завтрак за то, чтобы знать это. Надеюсь, он не на вершине горы — сидит и любуется на нас сверху?

Идея эта вызвала большой переполох, и гномы быстро согласились с Бильбо и Балином.

— Надо уходить отсюда, — сказал Дори. — Я все время спиной ощущаю его взгляд.

— Как здесь холодно и неприютно, — вставил Бомбур. — От жажды тут не умрешь — вода рядом, а вот пищи я что-то не вижу. Дракону тут, наверное, всегда голодно.

— Пошли! Пошли! — закричали остальные. — Скорее на тропу Балина!

Справа от скалы дороги не оказалось совсем. Они стали пробираться между валунами по левому берегу реки. Запустение, безлюдье снова отрезвили даже Торина. Мост, о котором вспоминал Балин, давно обвалился, камни его, точно простые валуны, загромождали мелкий шумный поток. Они без труда одолели брод и по старинным ступеням вскарабкались на высокий берег. Короткое время спустя они напали на старую дорогу и скоро пришли в глубокую лощину, укрытую среди скал. Там они немного передохнули, позавтракали сухарником и запили его водой. (Если хотите знать, что такое сухарник, то могу лишь сказать, что в основе его были сухари, не портился он фактически бесконечно, считался питательным, но отнюдь не замечательным, ибо представлял интерес только с точки зрения упражнения челюстей. Жители Озерного города приготовляли его специально для длинных путешествий.)

Затем они двинулись дальше. Дорога ушла от реки в сторону, и теперь неуклонно стал приближаться южный отрог Горы. Наконец они ступили на горную тропу, которая круто пошла вверх. Медленно и долго тащились путники друг за другом и вот во второй половине дня дотащились до вершины гребня и увидели, как на западе садится холодное осеннее солнце.

Они нашли площадку, обрывавшуюся с трех сторон вниз, а с четвертой ограниченную скалой, в которой имелась дыра наподобие двери. С площадки открывался широкий обзор на Восток, Юг и Запад.

— Здесь, — сказал Балин, — в былые времена всегда стояли часовые. Дверь эта ведет в вырубленную в скале комнату, заменявшую караульное помещение. Вокруг Горы было несколько таких постов, но во времена нашего благоденствия в них не было особой надобности, и наши часовые, вероятно, распустились и утратили бдительность, в противном случае мы задолго до катастрофы услыхали бы о появлении в нашем краю дракона и все могло обернуться по-другому. Мы можем укрыться здесь и видеть многое, оставаясь невидимыми.

— Какой смысл, коли нас уже заметили, когда мы поднимались, — возразил Дори, который беспрерывно бросал взгляды вверх, словно ожидал увидеть там Смога, взгромоздившегося на вершину, как ворона на колокольню.

— Ничего другого не остается, — ответил Торин. — Больше мы сегодня пройти не сможем.

— Мудрые слова! — воскликнул Бильбо, бросаясь на землю.

В караульном помещении поместилось бы сколько угодно народу; в задней стене был выход в еще одну комнатку, лучше

защищенную от наружного холода. Видно, сюда не заглядывали за время владычества Смога даже дикие звери. Путники сложили там свою поклажу, одни сразу же легли и заснули, другие уселись около наружной двери и принялись обсуждать дальнейшие действия. О чем бы они ни заговаривали, каждый раз возвращались к одному и тому же вопросу: где Смог? Они обратили взор на Запад и не увидели там никого, на Востоке — тоже, на Юге не было никаких признаков дракона, но там роились стаи птиц. Путешественники глядели в ту сторону и гадали: что бы это значило? Уже появились первые мерцающие холодным блеском звезды, а они так ни до чего и не додумались.

14
ОГОНЬ И ВОДА

А теперь, если вы, как и гномы, хотите узнать новости о Смоге, вернемся на два дня назад, когда он разнес склон с потайной дверью и в бешенстве улетел.

Был вечер. Жители Озерного города Эсгарота сидели по домам, испугавшись сильнейшего ветра и промозглого воздуха, но несколько человек все же прогуливались по набережным и любовались звездами, отражавшимися на глади озера. Одинокую Гору всегда заслоняли от глаз невысокие холмы на дальнем конце озера, между которыми с севера сбегала Быстротечная. Лишь остроконечную вершину видели жители, и то в ясную погоду, но они редко глядели в ту сторону, потому что даже в утреннем свете Гора казалась зловещей и мрачной. Сейчас ее скрывала ночная тьма.

Внезапно вершина озарилась каким-то светом. Но только на миг.

— Смотрите, — сказал один из прогуливавшихся. — Опять свет! И прошлой ночью караульные тоже видели там огни с полночи до рассвета; огни то появлялись, то гасли. Что-то там творится неладное.

— Может, король Под Горой кует золото, — заметил другой. — Он уже давно отправился на Север. Пора уже начать песням сбываться.

— Какой еще король? — пробурчал угрюмый голос. — Помяните мое слово, пламя изрыгает ворюга дракон, единственный король Под Горой, которого мы знаем.

— Вечно ты предсказываешь плохое, — возмутились соседи. — То наводнение, то мор на рыбу! Хоть бы раз придумал что-нибудь повеселее!

Вдруг между холмами мелькнул яркий свет и позолотил северный конец озера.

— Король Под Горой! — закричали все. — «Золотые реки в долину побегут!» С гор течет золотая река!

Всюду распахнулись окна, послышался топот бегущих ног. Опять поднялось всеобщее ликование, но обладатель угрюмого голоса бросился бегом к бургомистру.

— Дракон! Летит дракон! Провалиться мне на этом месте! — закричал он. — Рубите мосты! К оружию! К оружию!

Раздались звуки трубы, прозвучал военный сигнал, эхо разнеслось в скалистых берегах. Ликование прекратилось, радость сменилась страхом. Вот как получилось, что дракон не застал город врасплох.

Вскоре озерные жители увидели красную искру, которая неслась в их сторону, разгораясь и увеличиваясь с каждой секундой, — так велика была скорость полета дракона. Тут уж и самым глупым пришлось признать, что пророчества сбылись как-то не так. Времени у них оставалось немного. Все сосуды в городе наполнили водой, все воины вооружились, каждую стрелу и каждый дротик привели в готовность, мост разобрали и уничтожили. Едва успели закончить приготовления, как послышался нарастающий рев, озеро, взбудораженное могучими взмахами крыльев дракона, заходило красными волнами.

Под крики и возгласы людей Смог ринулся вниз, прямо на мост — и, озадаченный, приостановился. Мост исчез, люди сгрудились на острове, со всех сторон окруженные водой — чересчур глубокой, темной и холодной. Если бы Смог нырнул в озеро, поднялся бы такой дым и пар, что туман покрыл бы сушу на несколько дней. Но озеро было сильнее Смога, оно быстро затушило бы его. С ревом устремился Смог к городу. Туча черных стрел взлетела кверху, стрелы застучали и защелкали по его броне, подожженные его дыханием древки с шипением падали в озеро. Никакой фейерверк не мог сравниться с этим ночным зрелищем. Услышав свист стрел, пронзительный звук труб, дракон совершенно обезумел от ярости. Уже давным-давно никто не осмеливался дать ему отпор. Никто и сейчас не посмел бы, если бы не человек с угрюмым голосом — Бэрд было его имя; он бегал взад и вперед, подбадривая стрелков, уговаривая бургомистра сражаться до последней стрелы.

Пламя вырывалось из пасти дракона. Он кружил над городом, освещая озеро; деревья на берегах пламенели, как медь, как кровь, а у подножий их метались черные тени. Потом дракон упал вниз навстречу урагану стрел, не помня себя от злобы, желая одного: поджечь город. Соломенные крыши, деревянные балки запылали сразу, хотя перед прилетом дракона их пропитали водой. Сотни рук всякий раз окатывали водой то место, куда падала искра. Опять закружил над городом дракон. Взмах хвоста — и крыша ратуши рассыпалась, в ночное небо запрыгали языки непокорного пламени. Еще и еще кидался вниз Смог — и дом за домом загорался и рушился. Ни одна стрела не могла остановить дракона, ни одна не причинила ему вреда больше, чем какая-нибудь болотная муха.

Со всех сторон люди прыгали в воду. Женщин и детей собрали на лодках посредине рыночной площади. В озеро побросали оружие. Плач и стон стояли в городе. Еще недавно там раздавались веселые песни про гномов, теперь гномов проклинали. Бургомистр уже направился украдкой к своей большой позолоченной лодке, намереваясь в суматохе скрыться. Вскоре опустевший город неизбежно должен был сгореть — и на поверхности озера не осталось бы никаких следов.

Об этом и мечтал дракон. Пусть их рассаживаются по лодкам, думал он, наплевать. Славно будет поохотиться за ними, когда они поплывут, а то и так перемрут с голоду. А попробуют сунуться на сушу — он будет тут как тут. Теперь он подожжет прибрежные леса, спалит посевы и пастбища. Давно он так не развлекался, как сейчас, устраивая травлю целого города.

Но среди горящих руин засела группа лучников. Капитаном их был Бэрд, тот самый воин с угрюмым голосом и угрюмым лицом, которого приятели обвиняли в том, что он вечно предсказывает наводнения и мор на рыбу. Но при этом они прекрасно знали, что он человек отважный и достойный. Он был дальним потомком Гириона, властителя Дейла, чьи жена и сын спаслись когда-то из руин Дейла по реке Быстротечной. Сейчас он стрелял из большого тисового лука до тех пор, пока не расстрелял все стрелы, кроме одной. К нему уже подбиралось пламя пожара. Товарищи оставили его одного. Он натянул лук в последний раз.

Внезапно из темноты выпорхнула и бесстрашно села ему на плечо птица. Бэрд вздрогнул от неожиданности, но то был всего лишь старый дрозд. Он нагнулся к уху Бэрда и застрекотал. Бэрд подивился тому, что понимает птичий язык, но ведь он был родом из старинного города Дейла.

— Погоди! — сказал ему дрозд. — Встает луна. Отыщи темное пятно на груди Смога, когда он будет пролетать над тобой!

Бэрд молчал в изумлении, а дрозд тем временем рассказал ему о том, что увидел и услыхал на Горе.

Тогда Бэрд изо всех сил натянул лук. Дракон опять летал над городом, на этот раз очень низко; на востоке в это время поднялась луна и посеребрила широко раскинутые крылья дракона.

— Стрела моя! — сказал воин. — Черная стрела! Я берег тебя до последней минуты. Ты никогда еще меня не подводила, всегда я находил тебя и забирал обратно. Я получил тебя от отца, а он — от своих предков. Если ты в самом деле вышла из кузницы истинного короля Под Горой, то лети теперь вперед и бей метко!

Дракон ринулся вниз, и в тот миг, когда он снижался, лунный свет заиграл на его брюхе, засверкал разноцветными лучами на драгоценных камнях. Но одно место оставалось темным. Запела тетива, черная стрела просвистела в воздухе и угодила прямо в темное пятно на груди дракона. Она вошла глубоко, вся целиком — зазубренный наконечник, древко и перья. С пронзи-

тельным ревом, который оглушил людей, повалил деревья и расщепил камни, Смог подпрыгнул в воздухе, перевернулся и рухнул вниз.

Он рухнул прямо на город. Корчась в предсмертных судорогах, он разметал горящий город, искры и угли полетели во все стороны. Озеро закипело, густой пар внезапно забелел в темноте. Раздалось шипение, вихрем закрутилась воронка на поверхности озера — и все стихло. Так пришел конец Смогу и Эсгароту.

Но Бэрд уцелел.

Все выше поднималась луна на небосводе, холодный ветер завывал все громче. Он скрутил белый туман жгутами, погнал на запад и там разодрал в клочья и развеял над болотами вблизи Черного Леса. Тогда на поверхности озера стали видны многочисленные черные точки — лодки. Ветер донес с озера голоса жителей Эсгарота, оплакивавших свой город, добро, разрушенные дома. Если бы в то время они способны были думать о чем-либо, кроме своих несчастий, то поняли бы, что должны благодарить судьбу: три четверти населения города все-таки остались живы, леса, поля, пастбища, скот и большая часть лодок уцелели, а дракон был мертв. Но до их сознания еще не дошел смысл последнего события.

Опечаленные, замерзшие, собрались они вместе на берегу озера, и гнев их обратился на бургомистра, который сбежал из Эсгарота тогда, когда другие были еще готовы стойко защищать город.

— У него, может, и подходящая голова для торговых дел, особенно если речь идет о его собственных, — ворчали они, — но в опасную минуту на него полагаться нельзя.

И они принялись восхвалять отвагу Бэрда, его последний замечательный выстрел.

— Был бы он жив, мы бы сделали его королем. Увы! Он погиб, Бэрд, потомок Гириона, застреливший дракона!

При этих словах из темноты возникла высокая фигура. С человека стекала вода, темные волосы свисали ему на лицо и на плечи, глаза горели неистовым огнем.

— Бэрд не погиб! — вскричал он. — Он нырнул глубоко в озеро, когда на Эсгарот упал бездыханный враг. Я Бэрд, потомок Гириона, победитель дракона!

— Король Бэрд! Король Бэрд! — раздались возгласы, а бургомистр заскрежетал зубами.

— Гирион был властителем Дейла, а не королем Эсгарота,— сказал он. — В Озерном городе бургомистров всегда выбирали из числа старейших и мудрых, а не из простых воинов. Пусть Бэрд отправляется в свое королевство, Дейл теперь свободен благодаря его же доблести, ничто не мешает его возвращению. Кто хочет, может уходить с ним, если считает холодные камни под сенью Горы лучше зеленых берегов озера. Благоразумные останутся здесь и будут отстраивать свой город, а потом наслаждаться покоем и изобилием.

— Хотим короля Бэрда! — продолжал кричать народ. — Хватит с нас торговцев!

— Да здравствует стрелок, долой денежные мешки! — подхватили все, и эхо отозвалось на берегу.

— Кто я такой, чтобы недооценивать стрелка Бэрда, — вкрадчиво продолжал бургомистр (Бэрд стоял теперь рядом с ним). — Сегодня он заслужил выдающееся место в списке благодетелей нашего города. Он достоин того, чтобы о нем слагали бессмертные песни. Но почему же, мой народ, — бургомистр выпрямился во весь рост и возвысил голос, — почему вы обвиняете во всем меня? За какую вину хотите вы меня прогнать? Кто пробудил дракона от спячки, я вас спрашиваю? Кто получил от нас дорогие дары и щедрую помощь и заставил нас поверить, будто старые предания начинают сбываться? Кто сыграл на нашей доверчивости и воспламенил наше воображение? И какое же золото прислали они по реке нам в награду? Огонь и погибель! С кого нам требовать возмещения наших убытков, помощи нашим вдовам и детям?

Как вы видите, бургомистр недаром занимал свой пост. В результате его слов народ забыл и думать про нового короля и обратил свое негодование на Торина с Компанией. Со всех сторон послышались гневные выкрики и угрозы, и многие из тех, кто прежде громче всех пел старинные песни, теперь громче всех кричали, что гномы нарочно наслали на них дракона.

— Неразумные люди! — проговорил Бэрд. — К чему тратить слова и гнев на тех несчастных? Они, без сомнения, погибли в огне первыми, еще раньше, чем Смог напал на нас.

И в эту минуту ему вспомнилось то баснословное богатство, которое теперь никому не принадлежало и никем не охранялось, и он умолк. Бэрд задумался над словами бургомистра о восстановлении Дейла, представил, как снова зазвонят золотые колокола. Только бы найти приверженцев и работников!

И тогда он снова заговорил:

— Сейчас не время ссориться, бургомистр, не время заниматься сменой власти. Надо делать дело. Пока еще я служу вам, хотя настанет час — и я, быть может, и вправду подамся на Север с теми, кто захочет последовать за мной.

И он пошел присмотреть за устройством лагеря и оказать помощь больным и раненым. Бургомистр же остался сидеть на земле и, нахмурившись, смотрел ему вслед. Он был себе на уме и поэтому больше не стал ничего говорить, только громко приказал принести огня и еды.

Куда ни подходил Бэрд, всюду он слышал пробегавший, точно огонь в лесу, разговор о безмерных сокровищах, которые никто теперь не охраняет. Говорили о том, что можно будет возместить все свои потери и, сверх того, разбогатеть и свободно покупать предметы роскоши на Юге. Мечты эти помогли им перенести бедственное положение, помогли коротать холод-

ную горестную ночь. Кров удалось соорудить не для всех (у бургомистра он, конечно, был), еды не хватало (даже у бургомистра кончились запасы). Многие в эту ночь простудились или заболели с горя и вскоре умерли. И в последующие месяцы многие болели и страдали от голода.

Тем временем Бэрд взялся руководить людьми, отдавал приказы по собственному усмотрению, но всегда от имени бургомистра. Нелегко было управлять людьми, строить им жилье, принимать меры для их защиты. Большинство, возможно, не перенесло бы зимы, если бы не подоспела подмога. Бэрд первым делом послал гонцов вверх по реке — просить помощи у короля лесных эльфов. Гонцы встретили войско эльфов на полдороге, хотя прошло всего три дня, как убили дракона.

Король лесных эльфов услышал о том, что́ случилось, от собственных гонцов и от птиц, дружески относившихся к эльфам. Великое волнение поднялось среди всего крылатого племени, обитавшего по соседству с Драконовым Запустением. Несметные стаи кружили в воздухе, быстрокрылые гонцы сновали по всему небу. Над лесом, где жили эльфы, стояли свист, щебет и стрекотанье. Новость распространилась и над Черным Лесом: «Смог умер!» Листва шелестела, всюду настораживались уши. Весть докатилась до сосновых лесов Туманных Гор. Ее услышал Беорн в своем бревенчатом доме, и гоблины засовещались в пещерах.

— Боюсь, что больше мы не услышим о Торине Оукеншильде, — сказал король лесных эльфов. — Уж лучше бы он оставался моим пленником. Но, как говорится, и самый дурной ветер приносит добрую весть.

Ведь он тоже никогда не забывал легенды о богатствах Трора. Вот почему гонцы Бэрда встретили короля, когда тот со множеством копьеносцев и лучников двигался в их сторону. Над ними тучей летели вороны, думавшие, что надвигается война, какой в здешних краях не бывало вот уже много-много лет.

Услышав о просьбе Бэрда помочь ему, король сжалился над озерными жителями, ибо эльфы — народ хороший и доброжелательный, и изменил свой маршрут, хотя сперва направлялся прямо к Горе. Он поспешил вниз по реке к Долгому Озеру. Поскольку эльфы не располагали достаточным числом лодок и плотов, войску пришлось избрать медленный путь пешком, но большой запас провианта король послал водой. Эльфы — народ быстроногий, и хотя они отвыкли от ненадежных болотистых земель, лежавших между лесом и озером, переход совершили быстро. Уже через пять дней после смерти дракона они подошли к берегам озера и увидели руины города. Как и следовало ожидать, их встретили с восторгом, жители и бургомистр согласились заключить любую сделку с королем эльфов в обмен на помощь.

Скоро план действий был готов. Вместе с женщинами и детьми, стариками и больными на озере остался бургомистр, а также некоторые мастеровые люди и искусные эльфы. Они

остались валить деревья и вылавливать бревна, спущенные из леса по реке. Потом они принялись строить вдоль берега хижины, чтобы расселить людей на зиму. По распоряжению бургомистра и под его надзором начали составлять план нового города, который должен был стать еще красивее и больше прежнего, но не на старом участке озера, а дальше к северу.

Жители озера отныне испытывали страх перед местом, где лежал мертвый дракон. Не вернуться ему было больше на свое золотое ложе, он застыл на дне, как страшное каменное изваяние. И сотни лет спустя громадные кости белели на мелководье в тихую погоду среди руин старого города. Редко кто осмеливался проплывать в лодке над этим проклятым местом, и уж никто не решался нырнуть там, чтобы подобрать драгоценные камни, выпавшие из его знаменитого панциря.

Остальные же мужчины, кто был еще не стар и крепок, и почти все войско эльфов отправились походом к горе.

Итак, на одиннадцатый день после гибели города головная часть войска прошла через каменные ворота в конце озера и ступила на безлюдную землю.

15
ТУЧИ СОБИРАЮТСЯ

Вернемся теперь к Бильбо и гномам. Они дежурили по очереди всю ночь до утра, однако не заметили и не услышали ничего подозрительного. Но днем гуще прежнего стали собираться птицы. Они летели стаями с юга, а воронье, издавна жившее в окрестностях Горы, кружило над ней и не переставая кричало.

— Происходит что-то странное, — сказал Торин. — Время осенних перелетов уже прошло, да и птицы все местные — скворцы, зяблики. А там вдали я вижу стервятников, питающихся мертвечиной, они словно ждут битвы.

Бильбо вдруг протянул руку.

— Смотрите, старый дрозд вернулся! Значит, он спасся, когда Смог расплющил наш склон. Но улитки вряд ли уцелели.

И в самом деле, дрозд подлетел к ним, уселся на камень, забил крылышками и застрекотал. Потом склонил голову набок и прислушался, потом снова застрекотал и снова склонил голову набок.

— По-моему, он что-то пытается нам сказать, — предположил Балин, — но я не могу разобрать что. Дрозды тараторят чересчур быстро и непонятно. А ты разбираешь, что он говорит, Бэггинс?

— Н-не все, — ответил Бильбо, который не понял ровно ничего. — По-моему, старичок очень взволнован.

— Что бы ему быть вороном! — заметил Балин.

— А мне казалось, ты ворон недолюбливаешь. В прошлый раз ты от них прямо шарахался.

— Так то ворóны! И к тому же противные грубиянки подозрительного вида. Ты слышал, как они нас обзывали! Нет, вóроны совсем другое. Народ Трора когда-то очень дружил с ними, они приносили нам тайные сведения, а в награду получали от нас всякие блестящие вещицы, которые с удовольствием прятали у себя в гнездах. Они живут долго, память у них прекрасная, и все, что знают и помнят, они передают своим детям. В молодости я знавал многих воронов. Ведь и эту высоту когда-то называли Вороньей потому, что здесь над караульным помещением жила знаменитая мудрая пара воронов — старый Карк и его жена. Не думаю, однако, чтобы кто-нибудь из этой древней породы остался в живых.

Едва он замолчал, старый дрозд издал громкий крик и немедленно улетел.

— Мы его не понимаем,— сказал Балин,— но он-то, уверен, понимает нас. Следи внимательно, сейчас что-то будет.

Немного погодя послышалось хлопанье крыльев, вернулся дрозд, и не один, а вместе с дряхлым-предряхлым вороном. Почти слепой, с лысой головой, огромный ворон еле передвигался. Опустившись на площадку, он медленно, с трудом скакнул к Торину.

— О Торин, сын Трейна, и Балин, сын Фандина,— прокаркал он (и на этот раз Бильбо все понял, так как ворон говорил человечьим, а не птичьим языком). — Я — Роак, сын Карка. Карк умер, ты знал его когда-то. Сто пятьдесят три года протекло с тех пор, как я вылупился из яйца, но я помню все, что рассказывал отец. Ныне я предводитель больших воронов, живущих в окрестностях Горы. Нас мало, но зато мы помним прежнего короля Под Горой. Большинство моих подданных сейчас отсутствует, ибо с юга дошли великие новости — одни доставят тебе радость, другие огорчат. Смотри! Птицы собираются к Горе и к Дейлу со всех сторон, ибо распространилась весть, что Смог умер!

— Умер? Умер? — наперебой закричали гномы.— Так, значит, мы зря боялись, сокровища теперь наши! — Они вскочили и запрыгали от восторга.

— Да, он мертв,— ответил Роак.— Дрозд, да не выпадут никогда его перья, видел, как погиб Смог, а ему можно верить. Смог пал в битве с жителями Эсгарота три ночи назад с восходом луны.

Не сразу удалось Торину успокоить гномов и убедить их выслушать ворона до конца. Описав битву, престарелый ворон продолжал:

— Такова радостная весть, Торин Оукеншильд. Возвращайся в свои чертоги без страха, сокровища до поры до времени твои. До поры до времени, потому что сюда стягиваются не только птицы. Слух о смерти стража сокровищ прокатился повсюду, а легенда о богатствах Трора не устарела от того, что ее рассказывали без конца. Многие мечтают о том, что им тоже достанется часть добычи. Сюда уже движется войско эльфов,

и с ними — стервятники, рассчитывающие на бой и кровопролитие. Озерные жители ропщут и причину своих бедствий видят в гномах. Они остались без крова, многие умерли. Смог разрушил их город, поэтому они тоже думают возместить свои убытки за счет ваших сокровищ, независимо от того — живы вы или погибли. Пусть ваша мудрость подскажет, какой выбрать путь. Послушайте моего совета: не доверяйте бургомистру Озерного города, больше заслуживает доверия тот, кто застрелил дракона. Зовут его Бэрд, он из Дейла, потомок Гириона. Человек он угрюмый, но верный. Нам бы очень хотелось стать очевидцами мира между гномами, людьми и эльфами. Но мир будет стоить вам немало золота. Я кончил.

И тут Торин дал волю своему гневу:

— Спасибо тебе, Роак, сын Карка. Тебя и твое племя мы, разумеется, не забудем. Но пока мы живы, никаким ворам и насильникам не отнять у нас золото. Если хочешь заслужить нашу благодарность, приноси нам известия о тех, кто будет приближаться к Горе. И еще будет у меня к тебе просьба: если есть среди вас молодые с сильными крыльями, пошли гонцов к моей родне в северные горы, пусть расскажут о наших бедах. Главное — добраться до моего двоюродного брата Дейна, что живет в Железных Холмах, не так далеко отсюда, у него много опытных воинов. Пусть поспешит нам на помощь!

— Не знаю, к хорошему или плохому приведет твое решение, — прокаркал Роак, — но я сделаю, как ты просишь.

И он тяжело полетел прочь.

— Назад, в Гору! — воскликнул Торин. — Времени у нас в обрез!

— А еда нужна позарез! — подхватил Бильбо, всегда мыслящий практично. Он считал, что с гибелью дракона приключение их по существу закончено (в чем сильно ошибался). Он отдал бы почти всю свою часть добычи, лишь бы мирно уладить эту историю.

— Назад в Гору! — повторили хором гномы, как будто и не слыхали слов Бильбо. Пришлось последовать за ними.

У гномов оставалось в запасе несколько дней. Они еще раз исследовали пещеры и установили, что войти можно только через Главные ворота, все же остальные отверстия, ведущие в Гору (кроме потайной двери), давно завалены Смогом, и от них не осталось и следа. Поэтому гномы усердно взялись укреплять главный вход и прокладывать к нему новую тропу. Внутри нашлось сколько угодно лопат, топоров и молотков, оставшихся от старинных рудокопов и плотников, а во всех этих видах работ гномы по-прежнему не знали себе равных.

Пока они трудились, вороны постоянно приносили им вести. Так, гномы узнали, что король эльфов повернул к озеру, — значит, время еще есть. Выяснилась еще одна приятная но-

вость: у эльфов убежали несколько пони и сейчас бродили сами по себе на берегах Быстротечной недалеко от бывшего лагеря гномов, где сохранились кое-какие запасы провизии. Ворон отвел туда Фили и Кили, они поймали пони и привезли на них все, что смогли.

Прошло четыре дня, и наконец гномы услыхали, что объединенные армии жителей Озерного города и эльфов подходят к Горе. За эти дни надежды их укрепились: еды должно было хватить на несколько недель (главную пищу, разумеется, составлял сухарник, порядком им надоевший, но даже сухарник лучше, чем ничего); они успели поставить перед воротами каменную стену сухой кладки, высокую и толстую. В стене они оставили смотровые дырки, через которые могли и стрелять, но входа не сделали. Они вылезали наружу и влезали внутрь по приставным лестницам, а материалы втаскивали на веревках. Под новой стеной они прорезали низкую арку для выбегавшего потока, а дальше так раскопали узкое русло, что между горой и обрывом, с которого поток падал к Дейлу водопадом, образовался широкий водоем. Добраться до ворот теперь можно было только вплавь или по узкому выступу вдоль скалы. Пони они повели к ступеням, шедшим от старого моста вверх, сняли с них поклажу и отослали их без седоков на юг, к хозяевам.

Наконец однажды ночью в долине вспыхнули огни — множество огней, словно там зажгли костры и факелы.

— Они пришли! — воскликнул Балин. — Лагерь огромный. Должно быть, они вошли в долину в сумерках.

В ту ночь гномы спали мало. Едва рассвело, они увидели из-за стены группу воинов. Воины медленно взбирались наверх. Скоро гномы разглядели вооруженных людей у озера и стрелков-эльфов. Те влезли на обломки скал и оказались на уровне водопада. И удивились же они, увидев перед собой водоем и вместо ворот — стену, сложенную из свежеобтесанных камней!

Они остановились, переговариваясь, показывая руками, и в эту минуту их громким голосом окликнул Торин:

— Кто вы такие? Почему вы пришли к воротам короля Под Горой вооруженные, словно желая войны? Чего вы хотите?

Ему ничего не ответили. Одни повернули назад сразу, другие еще некоторое время разглядывали укрепления, потом последовали за первыми. В тот же день они перенесли лагерь и укрыли его между отрогами Горы. Среди скал зазвучали голоса и песни, чего не бывало уже давно. Эльфы заиграли на арфах, послышались дивные мелодии. И со звуками музыки холодный воздух словно согрелся, и до гномов донесся слабый аромат лесных цветов, как будто сейчас была не глубокая осень, а весна.

Бильбо нестерпимо захотелось сбежать из суровой крепости, спуститься вниз, присоединиться к веселому пиру у костров. У гномов помоложе тоже дрогнули сердца: лучше бы, мол, все шло по-иному, забормотали они, лучше бы дружить с

этими весельчаками. По Торин насупился и бросил на них сердитый взгляд. Тогда гномы вынесли арфы и прочие музыкальные инструменты, найденные в сокровищнице, и запрали и запели, желая умилостивить Торина. Но их песня была непохожа на песни эльфов и больше походила на ту первую, которую гномы пели когда-то в хоббичьей норке:

Король законный занял трон,
В суровой битве пал дракон,
И всякий враг погибнет так —
Об этом заявляет он.

Ковали чаши мастера
Из золота и серебра,
Граня алмаз, рубин, топаз,
Они трудились до утра.

Былого мастерства секрет
В корону врезать самоцвет,
Всадить в эфес звезду с небес
И в ожерелье — лунный свет

Свободны здешние края,
Еды здесь много и питья.
Вперед, вперед, Лесной Народ,
Ведь королю нужны друзья.

Во все края наш зов таков:
В пещеры прежние, домой!
Лесной Народ, король вас ждет,
Воздаст вам щедрою рукой.

Король законный занял трон,
В суровой битве пал дракон,
И всякий враг погибнет так —
Об этом заявляет он.

Песня и впрямь понравилась Торину, он оттаял, повеселел и принялся прикидывать, через какое время Дейн достигнет Одинокой Горы, если выступил из Железных Холмов сразу же, как получил весть от брата. Бильбо расстроился, услыхав песню и последующий разговор, — уж очень они ему показались воинственными.

На другое утро гномы увидели отряд копьеносцев, пересекавших реку и поднимавшихся по долине. Они несли зеленое знамя короля эльфов и голубое знамя Озерного города. Вскоре они очутились прямо перед стеной, закрывавшей ворота.

И снова их окликнул Торин громким голосом:

— Кто вы, пришедшие с оружием в руках к воротам Торина, сына Трейна, короля Под Горой?

На сей раз он получил ответ. Высокий темноволосый человек с хмурым лицом выступил вперед.

— Приветствую тебя, Торин! Зачем ты укрылся там, точно разбойник в берлоге? Мы с тобой пока не враги, мы не чаяли

видеть вас в живых и теперь радуемся. А раз уж вы живы, то у нас есть о чем потолковать и посовещаться.

— Кто ты и о чем нам совещаться?

— Я — Бэрд, от моей руки погиб дракон. Я освободил твое богатство. Разве это тебя не касается? Кроме того, я — прямой наследник Гириона из Дейла, в твоей сокровищнице найдется немало драгоценных украшений, украденных когда-то Смогом из этого города. Разве не стоит об этом потолковать? Далее, в последней битве Смог разрушил дома жителей Эсгарота, а я пока что служу их бургомистру. От его имени я спрошу тебя: неужели нет в тебе сочувствия к чужому горю и страданиям? Тебе помогли в трудную минуту, а ты в ответ навлек на них погибель, хотя и не намеренно.

Что же, сказано было справедливо и честно, хотя тоном гордым и угрюмым. Бильбо думал, что Торин признает законность сказанного. (О том, что это он, он один обнаружил уязвимое место дракона, никто никогда не вспомнил. Да он этого и не ждал.) Но Бильбо не принял во внимание власти золота и характера гномов. Долгие часы провел Торин в сокровищнице, и алчность крепко завладела им. Главным образом он разыскивал Аркенстон, но при этом замечал и другие чудесные вещи, с которыми связаны были воспоминания о трудах и печалях его народа.

— Самый главный и каверзный вопрос ты приберег на конец, — ответил Торин. — Никто не имеет права посягать на сокровища моего народа, ибо Смог, укравший их, лишил в свое время мой народ крова, а кого и жизни. Сокровища не принадлежали дракону, и теперь с их помощью не искупить его злодеяний. Стоимость товаров и полученную от жителей озера помощь мы честно возместим. Но ничего, слышите, ничего не дадим, если нам будут угрожать силой. Пока у наших дверей стоит вооруженное войско, мы взираем на вас как на врагов и грабителей. Я тоже, в свою очередь, спрошу вас: а какую часть сокровищ отдали бы нашему клану вы, если бы нашли нас мертвыми?

— Вопрос обоснованный, — ответил Бэрд, — но вы не погибли, а мы не грабители. И ведь кроме прав есть еще просто жалость, которую богатый может испытывать к нуждающимся, если те отнеслись к нему дружески, когда он бедствовал. Притом другие мои вопросы остались без ответа.

— Повторяю, я не намерен вести переговоры с вооруженными воинами, осаждающими мои ворота. А тем более с эльфами, к которым я не питаю добрых чувств. Наши переговоры их не касаются. Ступайте отсюда, пока в вас не полетели стрелы! Захотите опять говорить со мной — сперва отошлите войско эльфов обратно в лес, где им место, тогда и возвращайтесь, но без оружия!

— Король эльфов — мой друг, он поддержал озерных жителей в тяжелое время и сделал это по чистой дружбе, бескорыстно, — возразил Бэрд. — Мы дадим вам срок одуматься. Образумьтесь к нашему приходу!

С этими словами Бэрд повернул назад, и отряд спустился в лагерь.

Не прошло и нескольких часов, как снова явился отряд, вперед выступили трубачи, и один из них, протрубив, объявил:

— От имени Эсгарота и Леса мы взываем к Торину Оукеншильду, сыну Трейна, именующему себя королем Под Горой! Мы предлагаем ему выполнить представленные ему требования или же отныне считаем его своим заклятым врагом! Он обязан передать одну двенадцатую часть богатств Бэрду как убийце дракона и наследнику Гириона. Из этой части Бэрд выделит в помощь Эсгароту, сколько найдет нужным. Но если Торин ищет дружбы и уважения соседей, как было в обычае у его отцов в старину, то сам внесет от себя долю для поддержки жителей озера.

В ответ Торин схватил лук и пустил стрелу в глашатая. Стрела вонзилась в щит и затрепетала.

— Если таков твой ответ, — прокричал глашатай, — то объявляю Гору осажденной. Вы не покинете ее до тех пор, пока не призовете нас для перемирия и переговоров. Мы не поднимем на вас оружия, но и не выпустим оттуда. Сидите на своем золоте и ешьте его, коли охота!

На этом гонцы быстро удалились, и гномы остались обдумывать свое положение. Торин впал в такую мрачность, что никто не посмел бы ему перечить, если бы и захотел, но в том-то и горе, что большинство гномов держалось одного с ним мнения, за исключением разве толстяка Бомбура, Фили и Кили. Бильбо, разумеется, не одобрил нового поворота событий. Ему и так давно опостылела Гора, а тут еще предстояло сидеть в осаде! Это было слишком!

«Вся Гора изнутри провоняла драконом, — ворчал он себе под нос, — тошнит от этого запаха. И сухарник уже не лезет в горло».

16
НОЧНОЙ ВОР

Дни тянулись медленно и скучно. Гномы убивали время, раскладывая сокровища по кучкам и приводя их в порядок. Торин наконец завел разговор об Аркенстоне Трейна и убедительно попросил своих спутников обшарить все углы.

— Аркенстон моего отца, — сказал он, — один дороже золотой реки, а для меня он и вовсе не имеет цены. Из всего богатства именно его я предназначаю для себя и жестоко отомщу всякому, кто найдет его и утаит.

Бильбо слышал его слова и очень испугался: что будет, если камень найдут? Он спрятал его в узелок с тряпьем, который клал себе под голову вместо подушки. Но промолчал, потому что по мере того, как скука становилась все невыносимее, в голове его постепенно зрел план.

Все шло без изменений, как вдруг вороны принесли новость, что Дейн с пятью сотнями гномов вышел из Железных Холмов и дня через два будет в Дейле.

— Боюсь, им не подойти к Горе незамеченными, — закончил Роак. — Как бы не завязался бой в долине. Не нравится мне это. Народ они, конечно, решительный, но едва ли им под силу справиться с войском, которое вас осаждает. А если и справятся, то что ожидает вас? По пятам за ними идут зима и снег. Чем вы будете кормиться без поддержки и расположения соседей? Дракона не стало, но как бы сокровища не принесли вам смерть!

Но вразумить Торина было невозможно.

— Зима и мороз пощиплют людей и эльфов тоже, — возразил он. — Они, может быть, не вынесут жизни в необитаемом крае. Как навалятся на них мои родственники и нажмет зима — так они поневоле заговорят по-другому.

В эту ночь Бильбо решился. Ночь была безлунная, небо черное. Как только полностью стемнело, Бильбо отошел в угол задней комнаты и вытащил из узелка веревку и Аркенстон, завернутый в тряпицу. Потом вылез на верхушку стены. Там дежурил Бомбур.

— Здорово холодно! — сказал Бомбур.

— А внутри довольно тепло, — заметил Бильбо.

— Еще бы. Но мне еще стоять до двенадцати ночи, — пробурчал толстяк. — Скверная вышла история. Упаси Бог, чтобы я осуждал Торина, да растет его борода беспредельно, а только он всегда был упрямец и не отличался гибкостью.

— С гибкостью и у меня сейчас неважно, — заметил Бильбо. — Ноги совершенно одеревенели, я оттоптал их на каменных лестницах и в коридорах. Дорого я дал бы за то, чтобы походить по мягкой травке.

— А я бы дорого дал за глоток чего-нибудь крепкого, за сытный ужин да за мягкую постель!

— К сожалению, пока осада продолжается, не могу тебе этого предложить. Но зато могу предложить вот что: уже давно я не стоял на часах и с удовольствием за тебя подежурю, если хочешь. Все равно мне сегодня не спится.

— Ты хороший товарищ, Бильбо Бэггинс, с радостью соглашаюсь. Если что заметишь, не забудь — сперва разбуди меня! Я лягу недалеко от двери, слева от входа.

— Ступай, ступай, — сказал Бильбо. — Я разбужу тебя в полночь, а ты разбудишь следующего часового.

Едва Бомбур ушел, Бильбо надел кольцо, привязал веревку, перелез через стену и начал спускаться вниз. Впереди у него было пять часов. Бомбур будет спать, он мог спать в любое время, после приключений в Черном Лесу он все мечтал увидеть те же прекрасные сны. Остальные трудились, и вряд ли кому-то из гномов, даже Фили и Кили, могло прийти в голову выйти на стену не в свое дежурство.

Темнота стояла полная, дорога была незнакома. Наконец Бильбо умудрился добраться до излучины, и оставалось перейти вброд, чтобы выйти прямо к лагерю. Поток в этом месте был неглубокий, но широкий, и маленький хоббит с трудом перебрался в темноте на другую сторону. Он был почти уже на том берегу, как вдруг оступился на скользком камне и с шумом шлепнулся в холодную воду. Только он выбрался на сушу, дрожа от холода и отплевываясь, как подбежали эльфы с фонарями и стали шарить между камнями.

— Нет, это не рыба! — сказал один. — Тут прячется шпион. Прикройте фонари, а то ему они помогут больше, чем нам, если он — забавное маленькое существо, слуга гномов.

— Слуга, вот еще! — в негодовании фыркнул Бильбо — и тут же громко чихнул. Эльфы немедленно кинулись на звук.

— Светите сюда! — окликнул их Бильбо. — Тут я, тут! — Он стянул кольцо с пальца и выглянул из-за валуна.

Эльфы мигом оправились от изумления и схватили его.

— Кто ты? Гномовский хоббит? Что ты тут делаешь? Почему наши часовые тебя не заметили? — забросали они Бильбо вопросами.

— Я — мистер Бильбо Бэггинс, — ответил он с достоинством, — спутник Торина. Я хорошо знаю вашего короля в лицо, но он, вероятно, не знает, как выгляжу я. Меня наверняка помнит Бэрд, и его-то я и хочу видеть.

— Вот как! — сказали эльфы. — А какое у вас к нему дело?

— Какое бы ни было, любезные эльфы, оно касается только меня. Если есть у вас желание вернуться в родные леса, а не сидеть вечно в этом унылом холодном месте, ведите меня поскорее к костру, чтобы я обсох, а потом дайте поговорить с начальниками. Только скорее. Я могу провести здесь не больше двух часов.

Вот как случилось, что часа через два после побега Бильбо сидел у жаркого костра перед большой палаткой, а рядом, с любопытством глядя на него, сидели король лесных эльфов и Бэрд. Хоббит в доспехах, сделанных руками эльфов, завернутый в старое одеяло, — такое зрелище увидишь не каждый день.

— Знаете, право, — Бильбо говорил самым своим деловым тоном, — создалось совершенно невыносимое положение. Я лично крайне устал от всей этой истории. Я хочу домой, на запад, там жители гораздо благоразумнее. Но, понимаете, у меня в этом деле свой интерес — четырнадцатая доля, как гласит письмо, к счастью, я его сохранил. — И он достал из кармана своей старой куртки, надетой поверх кольчуги, смятое, сложенное во много раз письмо Торина, найденное им на каминной полочке под часами. — Четырнадцатая часть общего дохода, — продолжал он. — Лично я готов внимательно рассмотреть ваши притязания и вычесть из целого справедливо причитающуюся вам сумму и только потом заявить право на свою долю. Но вы не знаете Торина

Оукеншильда. Уверяю вас, он так и будет сидеть на куче золота, пока не умрет с голоду, если вы отсюда не уйдете.

— Ну и пусть! — отозвался Бэрд. — Такому безмозглому упрямцу туда и дорога.

— Совершенно верно, — продолжал Бильбо. — Я вас понимаю. Но, с другой стороны, зима приближается, скоро тут будет и снег, и мороз. Продовольствия будет не хватать, даже эльфам придется туго. Возникнут и другие трудности. Вы не слыхали про Дейна и гномов с Железных Холмов?

— Слыхали когда-то. А какое они имеют к нам отношение? — спросил король.

— Так я и думал. Значит, у меня есть кое-какие сведения, которых нет у вас. Дейн, должен вам сообщить, находится в двух днях перехода отсюда, с ним по крайней мере пятьсот свирепых гномов; многие из них опытные воины, участвовали в ужасной войне гномов с гоблинами, вы несомненно о ней слыхали. Когда они дойдут сюда, начнутся большие неприятности.

— Зачем ты нам все это рассказываешь? — сурово спросил Бэрд. — Ты предаешь твоих друзей или запугиваешь нас?

— Дорогой Бэрд! — пропищал Бильбо. — Не спеши с выводами! В жизни не встречал таких подозрительных людей! Просто я пытаюсь избавить от неприятностей всех заинтересованных лиц. Теперь я сделаю вам предложение.

— Послушаем! — отозвались король и Бэрд.

— Вернее, посмотрим! — поправил хоббит. — Вот! — И он вынул из тряпицы Аркенстон.

Сам король эльфов, чьи глаза привыкли взирать на красивые вещи, был поражен. Даже Бэрд молча дивился камню. Словно шар, наполненный лунным светом, висел он перед ними в сети, сотканной из сверкания снежинок.

— Это Аркенстон Трейна, — пояснил Бильбо, — Сердце Горы. И сердце Торина. Для него камень ценнее золотой реки. Отдаю его вам. Он поможет вам вести переговоры. — И Бильбо не без сожаления протянул чудесный камень Бэрду. Тот, как зачарованный, уставился на Аркенстон в своей руке.

— Но как он достался тебе и почему ты отдаешь его, как свой? — спросил он, оторвав с усилием взор от камня.

— Н-ну, — смущенно ответил хоббит, — он не совсем мой, но я... понимаете, я готов не требовать своей доли. Может, я и Взломщик, со стороны виднее, я лично себя таковым никогда не считал, но Взломщик более или менее честный. Сейчас я возвращаюсь назад, и пусть гномы делают со мной что хотят. Надеюсь, камень принесет вам пользу.

Король эльфов посмотрел на Бильбо, как на диковину.

— Бильбо Бэггинс! — сказал он. — Ты более достоин носить королевские доспехи эльфов, чем многие из тех, на ком они сидят лучше. Но что-то я сомневаюсь, чтобы Торин Оукеншильд думал так же! Пожалуй, я все-таки лучше знаком с гно-

мами, чем ты. Вот мой совет: оставайся с нами, тут тебе будут оказаны почет и гостеприимство.

— Спасибо, спасибо большое, — ответил Бильбо и поклонился. — Я думаю, негоже было бы покинуть друзей сейчас, после того как мы столько пережили вместе. Да и я обещал старине Бомбуру разбудить его в двенадцать ночи!

Сколько ни уговаривали его, он не остался, тогда с ним послали провожатых, и король с Бэрдом на прощанье отдали ему честь.

Когда Бильбо проходил через лагерь, какой-то старик, сидевший у дверей одной из палаток, закутавшись в темный плащ, встал и подошел к нему.

— Отличный поступок, мистер Боггинс! — сказал он, хлопая Бильбо по спине. — Прост-прост, а всегда выкинет что-нибудь неожиданное!

Это был Гэндальф!

Впервые за много дней Бильбо пришел в восторг. Но когда он тут же хотел расспросить волшебника, тот остановил его:

— Все в свое время! Если не ошибаюсь, события идут к концу. Тебе сейчас придется солоно, но не унывай! Может, ты и выкрутишься. Вас всех ожидают такие новости, о которых даже вороны не слыхали. Доброй ночи!

Озадаченный, но в то же время приободренный, Бильбо поспешил дальше. Его привели к безопасному броду и благополучно доставили сухим на другой берег; тут он распростился с эльфами и стал карабкаться вверх к воротам. Им вдруг овладела безмерная усталость, но все-таки он влез по веревке на стену еще до полуночи. Веревка, слава Богу, висела там, где он ее оставил. Он отвязал ее, спрятал, а потом уселся на стене и задумался: что же произойдет дальше? На душе у него было тревожно.

В двенадцать он разбудил Бомбура, потом свернулся в уголке калачиком и, не слушая благодарностей толстяка (он сознавал, что не очень-то их заслужил), крепко заснул, выбросив из головы все заботы. И, скажем по секрету, он видел во сне яичницу с беконом.

17
ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ

На другое утро спозаранку в лагере раздались звуки труб. Вскоре на узкой тропе показался гонец. На некотором расстоянии от стены он остановился, окликнул гномов и спросил, согласен ли Торин выслушать новых послов, — есть новости, и обстоятельства переменились.

— Вероятно, подходит Дейн! — сказал Торин своим сподвижникам. — Они прослышали о его приближении. Я так и думал, что настроение у них живо переменится. Пусть придут

в небольшом количестве, без оружия, и я выслушаю их! — крикнул он посланцу.

Около полудня снова заколыхались знамена Леса и Озера. Приближалось двадцать человек. В начале узкой тропы они положили мечи и копья и приблизились к воротам. Гномы с удивлением увидели Бэрда и короля эльфов, впереди которых выступал какой-то старик в плаще и капюшоне, несший в руках деревянную шкатулку, окованную железом.

— Приветствую тебя, Торин, — произнес Бэрд. — Ты не передумал?

— Мое решение не меняется оттого, что несколько раз взошло и село солнце, — ответил Торин. — Ты пришел задавать мне пустые вопросы? Я вижу, войско эльфов не отослано домой, как я велел! Ты пришел зря. Пока они тут, я отказываюсь вести переговоры.

— Так, значит, не существует ничего, за что бы ты отдал часть твоего золота?

— Ничего такого, что можешь предложить ты.

— А что скажешь об Аркенстоне Трейна? — спросил Бэрд, и в тот же миг старик откинул крышку шкатулки и поднял вверх драгоценный камень. Камень сверкнул ярким белым блеском. От изумления у Торина отнялся язык. Долгое время все молчали.

Наконец Торин заговорил, и голос его звучал хрипло от сдерживаемой злобы:

— Этот камень принадлежал моему отцу, он мой. Почему я должен выкупать свою собственность? — Любопытство взяло верх, и он, не удержавшись, спросил: — Как попала к вам в руки святыня нашего королевского рода? Правда, ворам не задают таких вопросов.

— Мы не воры, — возразил Бэрд. — То, что принадлежит тебе, мы отдадим в обмен на наше.

— Как он попал к вам, я спрашиваю? — с нарастающим гневом закричал Торин.

— Я дал! — пискнул до смерти перепуганный Бильбо, выглядывая из-за стены.

— Ты? Ты? — завопил Торин, поворачиваясь к хоббиту и хватая его обеими руками. — Жалкий хоббит! Ах ты... Взломщик паршивый! — От возмущения Торин не находил слов и тряхнул бедного Бильбо, как щенка. — Клянусь бородой Дьюрина! Хотел бы я увидеть сейчас Гэндальфа! Будь он проклят за то, что подсунул нам тебя! Пусть отсохнет его борода! А тебя я сброшу со скалы! — И Торин поднял Бильбо кверху.

— Остановись! Твое желание исполнилось! — произнес чей-то голос. Старик со шкатулкой скинул плащ и капюшон. — Гэндальф тут! И кажется, как раз вовремя. Вам не нравится мой Взломщик — что делать, но, пожалуйста, не калечьте его! Поставьте его и послушайте сперва, что он скажет.

— Да вы все тут в заговоре! — зарычал Торин и неохотно поставил Бильбо на стену. — Никогда больше не буду иметь дело с волшебниками и их приятелями. Что ты можешь сказать в свое оправдание, ты, крысиное отродье?

— Аїй-аїй-аїй, как все это неприятно! — сказал Бильбо. — Может быть, вы помните, что разрешили мне самому выбрать свою четырнадцатую часть? Возможно, я принял ваше разрешение чересчур буквально, мне говорили, что гномы порой любезнее на словах, чем на деле. Правда, было время, когда вы, смею думать, считали, что я вам принес кое-какую пользу. Крысиное отродье... Нет, вы слыхали? Так это и есть благодарность за услуги, которую вы мне обещали, Торин, от себя и от вашей семьи? Считайте, что я распорядился своей долей как хотел, и покончим с этим!

— Так я и сделаю, — мрачно отозвался Торин. — Я покончу с тобой все отношения. Смотри не попадайся мне больше! — Он повернулся и крикнул вниз через стену: — Меня предали! Расчет был верный: я не могу не выкупить Аркенстон, сокровище нашего рода. За него я отдаю четырнадцатую часть богатства серебром и золотом. На это уйдет доля изменника, пусть он убирается с этой наградой, а вы там делите ее как знаете. Ему перепадет немного, не сомневаюсь. Забирайте его, коли хотите, чтобы он остался жив. Я расстаюсь с ним без сожалений.

— Спускайся к своим друзьям, — буркнул он, обращаясь к Бильбо, — а не то я тебя сброшу.

— А как же золото и серебро? — спросил Бильбо.

— Отдадим своим чередом, когда управимся. Спускайся!

— Пока не будет выкупа, камень останется у нас! — воскликнул Бэрд.

— Для короля Под Горой вы ведете себя не слишком красиво, — проговорил Гэндальф. — Но все еще может перемениться.

— Вот именно, — подтвердил угрожающе Торин; и так велика была власть богатства над его душой, что он уже прикидывал, как бы с помощью Дейна захватить Аркенстон и не уплатить обещанный выкуп.

Бильбо спустился по веревке со стены, и в награду за все труды ему досталась лишь кольчуга, подаренная раньше Торином. Многие гномы не могли смотреть ему в глаза от стыда и искренне жалели, что Бильбо изгнан с позором.

— До свиданья! — крикнул им Бильбо. — Может, мы еще встретимся как друзья.

— Прочь! — рявкнул Торин. — На тебе кольчуга, сделанная руками гномов, она слишком хороша для тебя. Стрелой ее не пробьешь, но если ты сейчас же не уберешься, я тебе ноги прострелю, жалкая тварь! Скорей!

— Не торопись! — сказал Бэрд. — Мы даем вам время до завтрашнего утра. В полдень мы вернемся и проверим, приготовлен ли выкуп за камень. Если все будет без обмана, уйдем мы и уйдет войско эльфов. А теперь до свиданья!

Они ушли к себе в лагерь, а Торин немедленно послал гонцов Роака к Дейну, велел пересказать, что здесь произошло, и поторопить его.

Прошел день, миновала ночь. Наутро ветер переменился, было пасмурно и мрачно. На рассвете в лагере людей и эльфов поднялся переполох: скороходы донесли, что из-за восточного отрога показалось войско. То был Дейн. Он шел без привала всю ночь и потому прибыл раньше, чем ожидали. На каждом его воине была длинная стальная кольчуга до колен, на ногах — поножи из тонкой и гибкой металлической сетки; только подданные Дейна владели секретом ее выделки. Гномы вообще необычайно сильны и выносливы для своего роста, но воины Дейна выделялись особенной силой. В руках они держали тяжелые двуручные боевые мотыги, сверх того у каждого на боку висел короткий широкий меч, а за спиной — круглый щит. Бороды у них были расчесаны надвое, заплетены и заткнуты за пояс. Шлемы были железные, башмаки тоже железные, а лица — суровые.

Затрубили трубы, призывая к оружию людей и эльфов. Армия гномов приближалась с поразительной быстротой; они остановились между рекой и восточным отрогом, после чего несколько воинов перешли реку и, не доходя до лагеря, положили на землю оружие и подняли кверху руки в знак мирных намерений. Бэрд сам вышел им навстречу, и Бильбо с ним.

— Нас послал Дейн, сын Нейна, — сказали гномы. — Услыхав, что возродилось прежнее королевство, мы поторопились соединиться с нашими родственниками. А кто вы такие? Зачем вы стоите под укрепленными стенами, словно враги?

Если передать эти приличествующие случаю старомодно учтивые слова простым языком, то они означали: «Вам тут делать нечего. Мы все равно пройдем дальше, так что посторонитесь, или будем драться». Гномы хотели протиснуться между Горой и излучиной реки, так как этот узкий перешеек выглядел наименее защищенным.

Бэрд, естественно, отказался пропустить гномов к Горе. Он твердо решил сперва дождаться золота и серебра в обмен на Аркенстон; он не верил, чтобы Торин исполнил свое обещание после того, как получит столь значительное и воинственное подкрепление. Новоприбывшие доставили бы в крепость большой запас продовольствия, ибо воины Дейна, несмотря на быстроту перехода, несли на спинах громадные тюки. Тогда осажденные выдержали бы многонедельную осаду, а тем временем подоспели бы новые и новые гномы, так как родственников у Торина сохранилось много. Гномы могли также открыть другие входы и поставить там охрану, и тогда осаждающим пришлось бы буквально окружить Гору со всех сторон, а на это у них не хватило бы народу.

Бэрд совершенно правильно угадал замыслы гномов (недаром летали взад-вперед между Торином и Дейном вороны). Но

путь гномам был пока преграждён, поэтому как они ни горячились, а пришлось послам удалиться, бранясь себе в бороды. Бэрд сразу же послал к воротам своих гонцов, но никакого выкупа они там не обнаружили. Более того, в них полетели из-за стены стрелы и они в испуге повернули обратно. В лагере у людей и эльфов поднялась суматоха, как перед боем. Гномы Дейна уже наступали вдоль восточного берега реки.

— Простофили, — усмехнулся Бэрд, — так близко подойти под самую Гору! Они ничего не смыслят в надземной войне, привыкли воевать в рудниках. С их правого фланга у нас спрятано в скалах много лучников и копьеносцев. Говорят, кольчуги у гномов хороши, но мы это проверим. Мы нападем на них сейчас, сразу с обеих сторон, пока они не опомнились.

Но король эльфов промолвил:

— Нет, ради золота я не стану торопиться начинать битву. Гномы все равно не минуют нас, и что бы они ни затеяли, мы сразу заметим. Будем надеяться, что примирение еще возможно. Если же, к несчастью, дело дойдет до схватки, что ж, на нашей стороне численный перевес.

Король, однако, не принял в расчет характера гномов. Сознание, что Аркенстон в руках у осаждающих, лишало их покоя. Они уловили колебания Бэрда и его друзей и решили нанести удар немедля. Внезапно, без всякого предупреждения они молча пошли в атаку. Запели луки, засвистели стрелы. Бой начался!

И вдруг, еще внезапнее, наступила тьма! Небо закрыла черная туча. Поднялся ураган и принес раскаты грома (и это накануне зимы!), молния осветила вершину Горы. А ниже грозовой тучи появилась еще одна — черный вихрь, мчавшийся к Горе не по ветру, а с севера, будто туча из птиц, настолько сплошная, что просвета между крыльями не было.

— Стойте! — закричал вдруг Гэндальф, он встал между наступающими гномами и рядами людей и эльфов и поднял руки. — Стойте! — повторил он громовым и грозным голосом, и посох его сверкнул, как молния. — Грядет ужас! Увы, скорее, чем я думал. Близятся гоблины! С ними Больг, чьего отца Азога ты убил в рудниках Мории, о Дейн! Смотрите! Над армией гоблинов несутся летучие мыши. Гоблины скачут на варгах, и варги у них в свите!

Смятение охватило изумленных воинов. Тьма все сгущалась. Гномы с ужасом глядели в небо. У эльфов из груди вырвался стон.

— Сюда! — закричал Гэндальф. — Мы еще успеем держать совет. Пусть Дейн, сын Нейна, придет к нам.

Так началась битва, которой никто не ожидал, ее назвали потом битвой пяти армий. Страшно вспомнить о ней! На одной стороне были гоблины и чудовищные варги, на другой — эльфы, люди и гномы.

История этой битвы такова. С момента смерти Верховного Гоблина враждебность его племени к гномам переросла в смертельную ненависть. Гонцы засновали между их городами, колониями, крепостями; гоблины решили овладеть всем Севером. Тайным образом собирали они сведения; под всеми горами ковалось оружие, вооружались армии. Потом гоблины двинулись в поход. Они шли под землей, туннелями, либо под покровом ночи. И наконец в глубине большой горы Ганабад, где была их столица, собралось невиданное войско. Гоблины задумали дождаться грозы и напасть на гномов врасплох. Здесь они услыхали весть о гибели Смога и обрадовались. Ночь за ночью бежали они между гор по пятам за Дейном и внезапно появились у Горы. Никто, даже вороны не ведали об их нашествии. Что было известно Гэндальфу, нельзя сказать, но, во всяком случае, столь внезапное нападение явилось и для него неожиданностью. На совете Гэндальф, король эльфов, Бэрд и Дейн выработали следующий план: гоблины — всеобщие враги, с их приходом распри должны быть забыты. Единственный способ — заманить гоблинов в долину между отрогами Горы, а самим засесть наверху. Но если часть войска гоблины перебросят через Гору, окружив ее со всех сторон, то союзники пропали, так как тогда гоблины атакуют их и с тыла, и сверху. Гроза пронеслась, гром укатился на юго-восток, но туча летучих мышей опускалась все ниже, кружилась у них над головой, закрывая свет и наполняя сердца страхом.

— К Горе! — закричал Бэрд.— Займем места, пока есть время!

На южном отроге по всему склону стояли эльфы, на восточном — люди и гномы. Бэрд с отрядом наиболее проворных людей и эльфов взобрался на гребень восточного отрога, чтобы обозревать северную сторону. О ужас! Окрестности Горы почернели от полчищ врагов. Через минуту передние гоблины обогнули отрог и хлынули в долину. То были лучшие наездники среди гоблинов, их вой и визг раздирали уши. Отряд храбрецов из войска Бэрда встал у них на пути, пытаясь отвлечь их. Потом люди разбежались в стороны, но многие были убиты. Как и надеялся Гэндальф, гоблины, разозленные нежданным сопротивлением, сосредоточились позади авангарда и теперь в ярости кинулись в долину. Их багрово-черных знамен было не сосчитать, гоблины неслись беспорядочным и буйным потоком.

Страшная то была битва. Самое опасное из приключений Бильбо, которым впоследствии он больше всего гордился и которое с удовольствием вспоминал, хотя роль его тогда была весьма незначительна. Собственно говоря, он с самого начала надел кольцо и исчез из виду, не избавившись, однако, полностью от опасности. Волшебное кольцо не спасает в полной мере в случае нападения гоблинов и не отвращает летящие стрелы и копья. Зато оно все-таки помогает выскальзывать из-под ног,

и голова ваша не становится избранной мишенью какого-нибудь ретивого гоблина, желающего снести своим мечом именно ее. Снести ее могут только случайно.

Первыми бросились в атаку эльфы. Их воодушевляла ожесточенная холодная ненависть к гоблинам. Так сильна была их злоба, что копья и мечи в их руках светились во тьме холодным сиянием. Когда вражеское войско столпилось в долине, эльфы выпустили в них ливень стрел. Вслед за стрелами полетели тысячи копий. Гоблины оглушающе выли. Скалы почернели от гоблинской крови.

Едва гоблины оправились от натиска эльфов, в долине прокатился рокочущий рев. С возгласами «Морайя!» и «Дейн!» выскочили с другой стороны гномы Железных Холмов, потрясая боевыми мотыгами, а за ними выбежали воины Озерного города с длинными мечами.

Паника охватила гоблинов. Они повернулись навстречу новому врагу, и тогда эльфы снова бросились в атаку в удесятеренном количестве. Многие гоблины уже ударились в бегство вдоль реки, чтобы избежать ловушки, варги уже стали кидаться на своих седоков, разрывая трупы и раненых. Уже победа, казалось, близка, как вдруг сверху раздались новые клики. Гоблины действительно взобрались на Гору с обратной стороны и теперь бешеным потоком стронулись по склонам вниз, не обращая внимания на тех из своих, кто с воем срывался в пропасть. Гоблины хотели атаковать отроги сверху, от ворот. На каждый отрог вели тропы с главной Горы; людей, эльфов и гномов Дейна не хватало, они не могли перерезать каждую тропу. Надежда на победу померкла. Удалось отразить лишь первый натиск черной лавины.

День давно перевалил за половину. Гоблины снова собрались в долине. Туда уже примчались хищные варги и с ними гвардия Больга — гоблины громадных размеров со стальными кривыми саблями. Грозовое небо все темнело. По-прежнему большие летучие мыши кружили над головами эльфов и людей и впивались в раненых, как вампиры. Бэрд изо всех сил защищал восточный отрог, но постепенно и он начал отступать. А эльфов вместе с королем загнали к самому сторожевому посту на Вороньей Высоте.

Вдруг послышался громкий клич, из ворот раздался звук трубы. Они забыли про Торина! Часть стены, разбитая ломом, свалилась в водоем. Из пролома выскочили король Под Гороей и его соратники. Куда девались их плащи и капюшоны?! Их заменили сверкающие доспехи. Глаза гномов горели красным огнем. В сумерках золотые доспехи Торина светились, как будто раскаленный металл на углях.

Гоблины, засевшие на Горе, начали сбрасывать на них камни, но гномы продолжали спускаться, прыгая с уступа на уступ. Так они сбежали по склону в долину и вступили в бой. Варги и

всадники падали мертвыми или обращались в бегство под их натиском. Торин с бешеной силой размахивал мечом, и казалось, что он неуязвим.

— Ко мне! Ко мне, эльфы и люди! Ко мне, мои родичи! — взывал он, и голос его гудел в долине, как рог.

К нему на помощь бросились гномы Дейна. Туда же вниз сбежали с отрогов многие люди, и Бэрд не смог удержать их. С другой стороны появились копьеносцы эльфов. Гоблинов опять разбили, долина покрылась черными грудами отвратительных трупов. Варгов отогнали, Торин теснил мечом гвардию Больга, но не мог же он пронзить все ряды сразу. Уже много полегло людей, и гномов, и прекрасных эльфов, которые могли бы жить да жить в своих лесах. По мере того как долина расширялась, атака Торина ослабевала. Соратников его было слишком мало, фланги не защищены. Скоро варги перешли в атаку, и гномам Торина пришлось образовать кольцо, ибо со всех сторон их окружили гоблины и волки. Гвардия Больга с воем устремилась на наших гномов, точно волны на песчаный остров. Друзья уже не могли им помочь, так как с Горы сыпались все новые полчища гоблинов, и повсюду людей и эльфов медленно одолевали.

На эту картину с горестью взирал Бильбо. Он занял позицию на Вороньей Высоте вместе с эльфами, отчасти потому, что оттуда было больше шансов спастись, а отчасти (как подсказывала ему туковская часть его сознания) потому, что в неизбежной последней схватке он предпочитал защищать короля эльфов. Гэндальф, кстати сказать, тоже сидел рядышком на земле, погруженный в глубокое раздумье, очевидно собираясь устроить под конец какой-то последний волшебный взрыв.

«Теперь уже недолго осталось, — думал Бильбо. — Как только гоблины захватят ворота, так мы все будем перебиты или взяты в плен. Как подумаешь, сколько пришлось всего перенести зря, так, право, плакать хочется. По мне, лучше бы старина Смог продолжал лежать на проклятых сокровищах, все равно они теперь достанутся этим гнусным тварям. Бедный толстяк Бомбур, бедные Балин, Фили и Кили, и Бэрд тоже, и озерные жители, и веселые эльфы — все они погибнут! Горе мне! Много я слыхал песен про битвы, и так выходило, будто и поражение может приносить славу. А на самом деле все это очень неприятно, чтобы не сказать печально. Как бы мне хотелось очутиться где-нибудь подальше!» Ветер вдруг разогнал тучи, запад перерезала красная полоса заката. Бильбо обернулся на свет, у него вырвался громкий возглас, сердце часто забилось — на фоне светлой полосы он увидел темные летящие тени.

— Орлы! Орлы! — закричал он. — Приближаются орлы!

Глаза редко подводили Бильбо. В самом деле, это летели орлы, ряд за рядом, несчетное войско, должно быть, собранное со всех гнезд Севера.

— Орлы! Орлы! — Бильбо прыгал и размахивал руками. Видеть его эльфы не могли, но услышали. Они подхватили крик, и голоса их разнеслись по всей долине. — Орлы! — еще раз крикнул Бильбо, но тут камень, брошенный сверху, ударил его по шлему, Бильбо рухнул на землю и больше ничего не видел и не слышал.

18
ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Когда Бильбо пришел в себя, вокруг не было буквально ни души. Он лежал на плоских камнях Вороньей Высоты. Стоял безоблачный холодный день. Бильбо окоченел, весь дрожал, но голова у него горела.

— Что произошло? — спросил он себя. — К числу павших героев меня как будто пока не отнесешь. Хотя еще не все потеряно.

С трудом, превозмогая боль, он приподнялся и сел. Поглядев вниз, он не увидел в долине живых гоблинов. Голова его начала понемножку проясняться, ему показалось, что там ходят эльфы. Он протер глаза. Лагерь людей и эльфов стоял на прежнем месте. Около Главных ворот было заметно какое-то шевеление — кажется, гномы разбирали стену. Но тишина стояла мертвая — ни песен, ни весело перекликающихся голосов. В воздухе нависла скорбь.

— Все-таки, пожалуй, это победа! — сказал Бильбо, ощупывая ноющую голову. — И унылая, однако, это вещь.

Вдруг из-за края обрыва показалась голова карабкающегося вверх человека; тот направлялся в сторону Бильбо.

— Эй! — закричал Бильбо слабым голосом. — Эй, что нового?

— Что за голос раздается среди камней? — Человек остановился, озираясь вокруг.

И тут Бильбо вспомнил про кольцо! «Тьфу ты, — подумал он. — Быть невидимкой, оказывается, тоже не всегда выгодно. Если бы не кольцо, я, наверное, провел бы ночь в тепле и уюте».

— Это я, Бильбо Бэггинс, спутник Торина! — закричал он, срывая кольцо.

— Удачно, что я тебя нашел! — сказал человек, шагнув к нему. — Я уже давно тебя ищу. Тебя причислили бы к убитым, если бы не волшебник: он уверял, будто в последний раз слышал твой голос именно тут. Ты сильно ранен?

— Кажется, только садануло по голове, — ответил Бильбо. — Хорошо, на мне шлем и череп у меня крепкий. Но все равно я чувствую слабость, и ноги как соломенные.

— Я отнесу тебя в лагерь, — сказал человек и с легкостью поднял его на руки.

Человек шел уверенно и быстро. Спустя короткое время он уже поставил Бильбо на землю перед палаткой. В дверях стоял Гэндальф с рукой на перевязи! Даже волшебник и тот был ранен, а что говорить о других — в войске почти не осталось не пострадавших.

Увидев Бильбо, старик очень обрадовался.

— Бэггинс! — воскликнул он. — Вот так сюрприз! Все-таки жив! Ну и рад же я! Я уж боялся, что даже тебе изменило счастье. Страшная вышла история, чуть все не кончилось крахом. Но о конце я тебе потом расскажу. Сейчас идем! — Тон его вдруг сделался серьезным. — Тебя ждут, — добавил он и ввел хоббита в палатку. — Торин! — сказал он, входя. — Я привел его.

Да, там лежал Торин Оукеншильд, весь израненный; пробитая кольчуга и зазубренный топор валялись рядом на полу. Торин поднял голову.

— Прощай, добрый вор, — сказал он. — Я ухожу в чертоги ожидания к моим праотцам до той поры, когда мир изменится к лучшему. Я оставляю все золото и серебро, так как там, куда я ухожу, оно мало ценится. Я хочу проститься с тобой по-хорошему и взять обратно свои слова, произнесенные тогда у ворот, и загладить свои поступки. — Бильбо, опечаленный, преклонил колено.

— Прощай, король Под Горой! — сказал он. — Никакие горы золота не заменят нам тебя и не возместят этой утраты. Но я все-таки рад, что разделял с тобой опасности, — не всякому Бэггинсу доставалась честь участвовать в таком приключении.

— Это не так! — возразил Торин. — В тебе хорошего больше, чем ты думаешь, недаром ты родился в доброжелательном краю. Доля отваги, доля мудрости, сочетающихся в меру. Если бы наш брат побольше ценил вкусную пищу, застолье и песни и поменьше золото, то в мире было бы куда веселее. Но какой этот мир ни есть — печальный или веселый, — а я его покидаю. Прощай!

И Бильбо пошел прочь, сел один в уголке, завернулся в одеяло и, верите или нет, заплакал. Он плакал так, что глаза покраснели и голос охрип. У него была добрая душа, у Бильбо Бэггинса. Прошло немало времени, пока он решился отпустить самую пустячную шутку. «Какая удача, — сказал он себе, — что я очнулся тогда, когда очнулся. Лучше бы, конечно, Торин остался жить, но я рад, что мы расстались добрыми друзьями. Ты олух, Бильбо Бэггинс, такую ты заварил кашу с этим камнем — и все зря: тебе так и не удалось купить мир и спокойствие, все равно битва состоялась. Но уж в этом ты не виноват».

Обо всем, что происходило после того, как его оглушили, он узнал позднее от волшебника. Услыхав рассказ Гэндальфа, он огорчился больше, чем порадовался. Он устал, ему отчаянно хотелось домой. Но с этим приходилось подождать, поэтому пока что я расскажу о свершившихся событиях.

Орлы давно заподозрили, что гоблины сколачивают войско. Передвижение гоблинов в горах не ускользнуло от их зорких глаз. Тогда и они тоже собрались во главе с предводителем орлов в Туманных горах. Наконец, почуяв, что идет битва, они в мгновение ока перенеслись вместе с ураганом в долину. Именно они прогнали гоблинов со склонов горы вниз прямо в гущу их врагов или посбрасывали в пропасть. Орлы быстро очистили Одинокую Гору, и тогда эльфы и люди спустились с отрогов в долину и вступили в бой.

Но даже и вместе с орлами их все равно было меньше, чем гоблинов. И тут, когда уже отчаяние овладело защитниками Горы, появился сам Беорн — никто не знал, откуда он взялся. Он пришел один, в обличье медведя, такой свирепый, что казался громаднее обычного. Рев его был громче грохота барабанов и пушек, он расшвырял волков и гоблинов направо и налево, точно перышки. Он напал на них с тыла и прорвался сквозь их заслон. Гномы все еще бились на круглом невысоком холме. Там Беорн остановился, подобрал Торина, пронзенного вражескими копьями, и вынес его из боя.

Потом быстро вернулся и с удвоенной яростью напал на врагов; никто не мог ему сопротивляться, никакое оружие его не брало. Он разметал гвардию Больга, повалил его самого и растоптал. Ужас охватил гоблинов, и они бросились врассыпную. Люди, эльфы и гномы, воодушевленные поддержкой Беорна, воспрянули духом и погнались за гоблинами. Не давая им скрыться, они одних загнали в реку Быстротечную, других — в болота у реки Лесной. В болотах и погибла бо́льшая часть гоблинского войска, а те, кто успел добраться до царства лесных эльфов, были убиты там же или затащены в Черный Лес, где и затерялись в дебрях. В песнях потом пелось, что в тот день погибло три четверти всех гоблинов Севера и что горы много лет подряд наслаждались покоем.

Победа была закреплена еще до наступления ночи, но, когда Бильбо вернулся в лагерь, погоня продолжалась, и в долине оставались главным образом тяжелораненые.

— А где орлы? — спросил Бильбо у Гэндальфа вечером, лежа под несколькими одеялами.

— Одни участвуют в погоне, большинство вернулись в свои гнезда. Они не захотели оставаться здесь и улетели с рассветом. Дейн одарил их предводителя золотом и поклялся им в вечной дружбе.

— Жалко. То есть жалко, что они улетели, я бы их с удовольствием повидал,— сонным голосом произнес Бильбо.— Может, я увижу их на обратном пути? Скоро мне можно будет отправиться домой?

— Когда пожелаешь,— ответил Гэндальф.

Но в действительности прошло еще несколько дней, прежде чем Бильбо пустился в обратный путь. Сперва они похоронили

Торина. Его закопали глубоко под Горой, и Бэрд положил ему на грудь Аркенстон.

— Пусть камень хранится здесь, пока стоит Гора! — произнес он. — Да принесет он счастье его народу, который будет жить здесь отныне!

На могиле король эльфов оставил Оркрист, меч эльфов, отобранный у Торина в плену. В песнях говорится, будто меч светился в темноте, если приближались враги, поэтому на крепость гномов никто не мог напасть врасплох. Теперь здесь поселился Дейн, сын Нейна, и теперь он стал королем Под Горой, и со временем еще много гномов собралось у его трона. Из двенадцати спутников Торина осталось десять: храбрые и верные Фили и Кили погибли, прикрывая своими щитами и телами Торина, ибо он приходился им родным дядей. Десятеро остались с Дейном, и Дейн распорядился богатством по совести.

Само собой разумеется, уже речи не было о том, чтобы разделить сокровища, как было задумано, поровну между Балином, Двалином, Дори, Нори и Ори, Ойном и Глойном, Бифуром, Бофуром и Бомбуром и Бильбо. Но Бэрд получил четырнадцатую часть всего серебра и золота в слитках и в изделиях. Дейн сказал при этом:

— Мы сдержим обещание, данное покойным, ведь и он теперь владеет своим Аркенстоном.

Даже и четырнадцатая часть оказалась баснословным богатством, больше богатств любого из смертных королей. Из этой части Бэрд послал много золота бургомистру Озерного города и щедро одарил своих друзей и сподвижников. Королю эльфов он подарил изумруды Гириона, самую любимую свою драгоценность, которая только что вернулась к нему.

А Бильбо он сказал:

— Золото и серебро столько же твое, сколько мое, хотя старый договор и утратил силу, — столь многие принимали участие в завоевании и спасении сокровищ. Ты отказался от права на свою долю, однако я бы не хотел, чтобы сбылись прежние слова Торина, в которых он потом раскаялся. Если помнишь, он сказал, будто бы мы поскупимся. Тебя я бы как раз вознаградил щедрее, чем других.

— Ты очень добр, — ответил Бильбо, — но, честное слово, мне так легче. Ведь если бы я повез домой кучу золота, дорогой не обойтись бы без войн и смертоубийств. А что бы я стал делать с золотом дома? Нет, пусть уж лучше остается в твоих руках.

В конце концов Бильбо согласился взять две небольшие шкатулки, одну с серебром, другую с золотом — сколько мог увезти пони.

— Может, с этим я кое-как и управлюсь, — добавил Бильбо.

Настало наконец время проститься с друзьями.

— Прощай, Балин! — сказал он. — Прощай, Двалин, прощайте, Дори, Нори, Ори, Ойн, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур! Пусть никогда не поредеют ваши бороды! — И, обернувшись к Горе, добавил: — Прощай, Торин Оукеншильд! Прощайте, Фили и Кили! Пусть никогда не изгладится память о вас!

Гномы, провожавшие его за ворота, низко поклонились, но не могли вымолвить ни слова от волнения.

— До свидания, счастливый путь, куда бы он ни лежал, — выговорил наконец Балин. — Если вздумаешь навестить нас, когда дворец наш снова станет прекрасным, то какой мы грандиозный пир устроим!

— Если вы когда-нибудь будете проходить мимо моего дома, — сказал Бильбо, — входите не стучась. Чай подается в четыре, но милости прошу во всякое время.

И он отвернулся.

Войско эльфов пустилось в обратный путь. Оно, как ни грустно, сильно уменьшилось, но оставшиеся все равно радовались: дракон был мертв, гоблины разбиты; эльфы мечтали о весне, которая шла на смену зиме.

Гэндальф и Бильбо ехали позади короля эльфов, а рядом с ними шагал Беорн в облике человека, всю дорогу смеялся и громко пел. Так они ехали, пока не доехали до границ Черного Леса. Тут пришлось сделать привал, так как волшебник и Бильбо не захотели входить в лес, как ни уговаривал их король погостить у него во дворце. Гэндальф и Бильбо решили обогнуть лес с севера, пройдя по пустынной местности, лежавшей между лесом и Серыми горами. Дорога была, конечно, длинной и скучной, но теперь, без гоблинов, здесь казалось безопаснее, чем на темных тропах в гуще Черного Леса. К тому же с ними шел Беорн.

— Прощай, король эльфов! — сказал Гэндальф. — Да будет весел ваш зеленый лес, мир еще достаточно молод! Желаю веселья всему вашему народу!

— Прощай, Гэндальф! — ответил король. — Желаю тебе и впредь сваливаться как снег на голову, когда ты нужнее всего. Чем чаще ты будешь гостем в моем дворце, тем мне приятнее!

— Прошу вас, — проговорил Бильбо, запинаясь и переминаясь с ноги на ногу, — примите от меня подарок! — И он протянул королю серебряное с жемчугом ожерелье, которое поднес ему на прощанье Дейн.

— Чем же я заслужил такой дар, о хоббит? — спросил король.

— Э-э-э, я думаю... мне кажется... — промямлил в смущении Бильбо, — я... э-э-э... обязан вам за ваше... м-м-м... гостеприимство. И Взломщикам свойственно чувство благодарности. Я выпил много вашего вина и съел много вашего хлеба.

— Я принимаю твой дар, о Бильбо Щедрый! — торжественно произнес король. — Причисляю тебя к друзьям эльфов и

благословляю. Да не укоротится твоя тень, иначе воровство станет слишком легким делом. Прощай!

Эльфы повернули к лесу, а Бильбо тронулся в долгий обратный путь. В пути им встретилось немало трудностей и разных приключений. Все-таки дикая местность осталась дикой. В те дни кроме гоблинов там водилось много всякой нечисти. Но на этот раз Бильбо хорошо охраняли и вели правильной дорогой; с ним шли волшебник и Беорн, и Бильбо ни разу не подвергался настоящей опасности. Понемножку, в середине зимы, они добрались до дома Беорна и остались погостить. Святки прошли весело, отовсюду по приглашению Беорна сошлось множество гостей. Гоблины Туманных Гор больше их не беспокоили: после поражения они притихли и попрятались в глубочайшие норы. Варги покинули леса, и люди теперь путешествовали без опаски. Беорн стал предводителем в тех местах и управлял Диким Краем. Говорят, что его потомки в течение многих поколений владели умением превращаться в медведей. Попадались среди них и нехорошие, злые люди, но большинство душой походили на Беорна, хотя были меньше ростом и не такие сильные. При них последних гоблинов выгнали из Туманных Гор, и по соседству с Диким Краем воцарились мир и покой.

Уже настала прекрасная и теплая весна, светило яркое солнце, когда Бильбо и Гэндальф простились с Беорном. Как ни скучал Бильбо по родному дому, но дом Беорна покидал с сожалением, ибо цветы в саду Беорна весной не уступали чудесным цветам в разгар лета.

Они вышли на дорогу и скоро достигли того перевала, где когда-то попали в лапы гоблинов. На сей раз на перевал они взошли утром и, оглянувшись, увидели землю, освещенную неярким утренним солнцем. Там, далеко на горизонте, еле виднелась Одинокая Гора. На ее главной вершине поблескивал нерастаявший снег.

— Вот и снег после огня, — проговорил Бильбо, — и даже драконам приходит конец. — И он повернулся спиной к Горе, как бы ставя точку в конце своего путешествия. Туковское в нем выдыхалось с каждым днем, а бэггинсовское брало верх. — Сейчас я хочу одного: как можно скорее очутиться в собственном кресле!

19
ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Было первое мая, когда наши путешественники добрались до края долины Ривенделл, где стоял Последний (а с этой стороны — первый) Домашний Приют. Опять был вечер, они устали, особенно тот, что вез поклажу. Оба всадника нуждались в отдыхе. Спускаясь по крутой тропинке, Бильбо услы-

хал пение эльфов среди деревьев, как будто они так и не переставали петь с их отъезда. Едва всадники очутились на нижней прогалине, эльфы запели песню, очень похожую на прежнюю:

Нет больше дракона,
Нет огненной пасти,
Низвергнут он с трона,
Конец его власти.

Оружье ржавеет,
И рушатся троны,
Богатство скудеет,
Тускнеют короны —
А листья порхают,
Укрытые тенью,
А воды сверкают,
И слышится пенье:
Тра-та, тра-та-та-та,
В долину, ребя-та!

Алмазов светлее
Горят в небе звезды,
На лунной аллее
Серебряный воздух.
Огонь пышет, братцы,
Как золота слитки!
Зачем же скитаться?
От странствий — убытки.
Тра-та, тра-та-та-та!
Останьтесь, ребята!
В какие вы дали
Спешите так поздно?
Брести вы устали,
Мигают вам звезды,
Уймитесь отныне,
Кончайте скитаться!
Ведь эльфы в долине
Вас просят остаться.
Тра-та, тра-та-та-та,
Останьтесь, ребя-та,
Тра-та!
Тра-та-та-та!
Ха-ха!

Потом эльфы выступили из-за деревьев, поздоровались и провели Бильбо с волшебником через мост к дому Элронда. Там путников приняли радушно и попросили рассказать об их приключениях. Рассказывал Гэндальф, так как сонный Бильбо помалкивал. В большинстве приключений он участвовал сам, и он-то и сообщил волшебнику многое, пока они ехали. Но время от времени, услыхав что-нибудь новое, Бильбо открывал глаза и прислушивался.

Так он узнал, почему Гэндальф отсутствовал: он принимал участие в большом совете добрых волшебников, занимающихся белой магией и в этой области весьма сведущих. Им наконец удалось выгнать Некроманта из его мрачного пристанища на южной окраине Черного Леса.

— Отныне,— добавил Гэндальф,— лес сделается менее опасным, а Север надолго освободится от его злой власти. Но было бы спокойнее, если бы его совсем изгнали из мира, в котором мы живем.

— Лучшего и желать нельзя, — подтвердил Элронд, — но боюсь, что произойдет это еще не в наше время, да и вообще не скоро.

За рассказом о путешествии последовали другие рассказы, потом еще и еще — о былом, и о новых событиях, и о том, чего вовсе не бывало, и наконец голова Бильбо свесилась на грудь, и он сладко уснул.

Проснулся он в белоснежной постели, луна глядела прямо в открытое окно. Снизу, от ручья, доносились звонкие голоса эльфов:

Эй, песенку эту затянем мы хором,
Пусть ветер порхает по травам дозором,
Пускай в лунном свете все тени короче,
Пусть звезды сверкают на куполе ночи

Пляшите, пляшите, гоните тревоги,
В траве шелестите, крылатые ноги.
Пусть воды речные звеня протекают,
Мы праздник веселый отпразднуем в мае.

Одарим усталого путника снами,
Пускай себе дремлет в лесу рядом с нами,
Под голову — травы, пусть спит он, счастливый,
Баюкай его, серебристая Ива.

Умолкни, Сосна, не буди его, Ясень,
Пусть сон его будет спокоен и ясен,
Пусть в светлые сны не врываются звуки,
Дубы, не скрипите, умолкните, Буки!

— Одно слово — Веселый Народ! — сказал Бильбо, высовывая голову в окно.— Какой же час ночи? Право, ваша колыбельная и пьяного гоблина разбудит! Впрочем, благодарю вас за нее.

— А твой храп разбудит и дракона за тридевять земель! — возразили ему со смехом.— Но мы тоже тебя благодарим. Приближается рассвет, а спишь ты с вечера.

— Поспать в доме Элронда — великое дело, — отозвался Бильбо,— но я бы хотел еще и выспаться в нем. Доброй ночи еще раз, мои прекрасные друзья! — И Бильбо опять бросился на постель и проснулся лишь поздним утром.

Усталость его скоро прошла, и он не раз плясал и перекидывался шутками с эльфами рано утром и поздно ночью. Но даже жизнь в долине эльфов не могла его удержать, его все время тянуло домой. Поэтому через неделю он простился с Элрондом, с великим трудом уговорил его принять подарки и поехал с Гэндальфом дальше.

Как только они выехали из долины, небо потемнело, поднялся ветер и полил дождь.

— В мае не соскучишься! — сказал Бильбо, пряча лицо от хлеставшего дождя. — Что же, легенды остались позади, мы возвращаемся домой. Наверное, это первая весточка о доме.

— Дорога впереди еще длинная, — заметил Гэндальф.

— Но зато она ведет только к дому, и никуда больше, — ответил Бильбо.

Они доехали до реки, отмечавшей границу Дикого Края, и спустились с крутого берега к знакомому броду. Вода в реке поднялась, так как снега таяли и дождь лил день-деньской. Они кое-как переправились на другую сторону и поспешили вперед, ибо уже вечерело. Путешествие повторялось в обратном порядке за тем исключением, что компания была меньше, настроение грустнее и не было троллей.

По дороге Бильбо то и дело узнавал места и вспоминал, что тут или там произошло год назад и что при этом говорилось (ему казалось, что прошло десять лет). Конечно же, он сразу заметил место, где пони убежал в реку, а они свернули с дороги и пережили пренеприятные приключения с Томом, Бертом и Биллом.

Невдалеке от дороги Гэндальф и Бильбо откопали спрятанное ими год назад золото троллей.

— Мне и так до конца жизни хватит, — сказал Бильбо. — Лучше ты возьми его, Гэндальф. Уж кто-кто, а ты найдешь ему применение.

— Найти-то найду! — ответил Гэндальф. — Но я за справедливый дележ. Кто знает, может быть, тебе понадобится золота гораздо больше, чем ты думаешь.

Они положили золото в мешки и взвалили на пони, чем те остались очень недовольны. После этого продвижение их сильно замедлилось, так как большую часть пути пришлось брести пешком. Но зато как приятно было ступать по мягкой зеленой траве! Хоббит шел и наслаждался и утирал пот красным шелковым платком. Но не своим — из его запаса ни один не уцелел, и этот платок дал ему взаймы Элронд, ибо с июнем пришло лето, а с ним — зной.

Поскольку все на свете имеет конец, и наша повесть тоже, то настал день, когда они завидели местность, где Бильбо родился и вырос, где каждый холмик и каждое дерево были знакомы ему как свои пять пальцев. С бугра он увидел вдалеке родной Холм и вдруг остановился и произнес:

Дорога вдаль и вдаль ведет,
Через вершины серых скал —
К норе, где солнце не сверкнет,
К ручью, что моря не видал.
По снегу зимних холодов
И по цветам июньских дней,
По шелку травяных ковров
И по суровости камней

Дорога вдаль и вдаль ведет,
Под солнцем или под луной,
Но голос сердца позовет —
И возвращаешься домой.
Молчишь, глядишь, глядишь кругом,
И на лугу увидишь ты
Знакомый с детства отчий дом,
Холмы, деревья и цветы.

Гэндальф покосился на него.

— Бильбо, дорогой! — сказал он. — Что с тобой? Я тебя не узнаю!

Они перешли через мост, миновали мельницу на реке и оказались у дома мистера Бэггинса.

— Боже милостивый! Что происходит?! — воскликнул он в изумлении.

У дверей толпилась масса народу, самого разного — солидного и несолидного; все входили и выходили и, как с досадой отметил Бильбо, даже ног не вытирали о коврик.

Впрочем, его удивление нельзя сравнить с их удивлением. Дело в том, что он вернулся в разгар аукциона. На калитке висело большое объявление, черным по белому гласившее, что 22 июня господа Грабб, Грабб и Бэрроуз будут продавать с аукциона имущество покойного Бильбо Бэггинса, эсквайра, из Бэг-Энда Под Холмом, графство Хоббитон; распродажа состоится ровно в десять утра. Сейчас почти подошло время ленча, и большая часть вещей была распродана за различную цену, а вернее сказать, за бесценок, как нередко водится на аукционах. Родственники Бильбо, Саквиль-Бэггинсы, как раз занимались тем, что измеряли комнаты, желая проверить, уместится ли тут их собственная мебель. Словом, Бильбо был признан пропавшим без вести, и не все обрадовались, когда оказалось, что он жив и здоров.

Возвращение мистера Бильбо Бэггинса вызвало большой переполох как Под Холмом, так и За Холмом и По Ту Сторону Реки. Интерес к этому событию спал далеко не сразу. Юридическая волокита продолжалась еще несколько лет. Много утекло воды, прежде чем мистера Бэггинса признали живым. Тех, кто на распродаже купил вещи по дешевке, пришлось убеждать в этом особенно долго. В конце концов, чтобы сэкономить время, Бильбо откупил обратно большую часть собственной мебе-

ли. Но его серебряные ложечки так и пропали безвозвратно. Откровенно говоря, он подозревал, что это дело рук Саквиль-Бэггинсов. Что касается этих родственников, то они так и не согласились считать вернувшегося Бэггинса подлинным и относились к нему недружелюбно. Уж очень им хотелось жить в его славной норке.

Кроме того, Бильбо обнаружил, что потерял не только серебряные ложечки — он потерял репутацию. Правда, всю свою жизнь он оставался другом эльфов, его посещали гномы, волшебники и тому подобные личности, но он перестал считаться почтенным хоббитом. В Хоббитоне он слыл «тронутым», другого мнения придерживались только его племянники и племянницы по туковской линии, но и те взрослые не одобряли их дружбы с Бильбо.

Должен честно сказать, что его это ни капли не волновало. Он был вполне доволен жизнью, чайник у него на очаге пел еще музыкальнее, чем прежде, в безмятежные дни, до эры Незваных Гостей. Кинжал он повесил над камином. Кольчугу растянул в прихожей, а впоследствии подарил музею. Золото и серебро разошлись главным образом на подарки (что до некоторой степени объясняет привязанность к нему племянников и племянниц). Волшебное кольцо он хранил в глубокой тайне и пользовался им, когда приходили неприятные посетители.

Он пристрастился писать стихи и ходить в гости к эльфам. Многие соседи покачивали головами, вертели пальцами у лба и говорили: «Бедняга Бэггинс!» Мало кто верил рассказам о его приключениях. Но Бильбо, несмотря ни на что, чувствовал себя счастливым до конца жизни, а жизнь его была на редкость долгой

Однажды осенним вечером несколько лет спустя после путешествия Бильбо сидел в кабинете и писал мемуары. Он думал назвать их «Туда и обратно. Странствия хоббита». Вдруг в дверь позвонили, вошел Гэндальф и с ним гном — не кто иной, как Балин!

— Входите! Входите! — закричал Бильбо. Они уселись в кресла у камина. Балин заметил, что жилет на мистере Бэггинсе стал не в пример богаче, чем раньше, с настоящими золотыми пуговицами. А Бильбо заметил, что борода у Балина удлинилась еще на несколько дюймов. И на нем роскошный пояс, расшитый драгоценными камнями.

Они, естественно, предались воспоминаниям. Бильбо спросил, как поживают Под Горой и вокруг нее. Выяснилось, что живут все как нельзя лучше. Бэрд выстроил город Дейл заново, и туда собрались люди с озера, с юга и запада; долину возделывают, и она опять сделалась плодородной. Места Запустения весной изобилуют цветами и птицами, осенью славятся плодами и праздничными пирами. Озерный город тоже восстановили, и

теперь он опять разбогател, и по реке Быстротечной вверх и вниз снуют лодки с товарами. Эльфы, гномы и люди живут в большой дружбе.

Старый бургомистр кончил плохо. Бэрд дал ему много золота для жителей Озерного города, но так как бургомистр принадлежал к тому сорту людей, кто легко подхватывает заразу, то он и заболел драконовой болезнью, забрал почти все золото, сбежал в Дикий Край и там умер от голода.

— Новый бургомистр ведет себя умнее, — закончил Балин, — и пользуется большой популярностью. Ему, естественно, вменяется в заслугу нынешнее процветание. В новых песнях уже поется про то, как при нем наконец потекли золотые реки.

— Так, значит, в каком-то смысле старинные пророчества сбылись? — заметил Бильбо.

— Конечно! — ответил Гэндальф. — Почему бы им не сбыться? Ты, надеюсь, не утратил веры в пророчества оттого, что сам помогал их осуществлять? Не думаешь же ты всерьез, будто всякий раз ты выходил сухим из воды просто так, благодаря твоей счастливой звезде? Право же, все складывалось так удачно не только ради твоего спасения. Спору нет, мистер Бэггинс, личность вы превосходная, и я вас очень люблю, — тут он добродушно улыбнулся маленькому хоббиту, — но не забывайте, пожалуйста, что мир огромен, а вы персона не столь уж крупная!

— Ну и прекрасно! — засмеялся Бильбо. — Зато у меня отличный табачок! — И протянул волшебнику табакерку.

Властелин Колец

Братство Кольца

✣

Две Крепости

✣

Возвращение Короля

✣

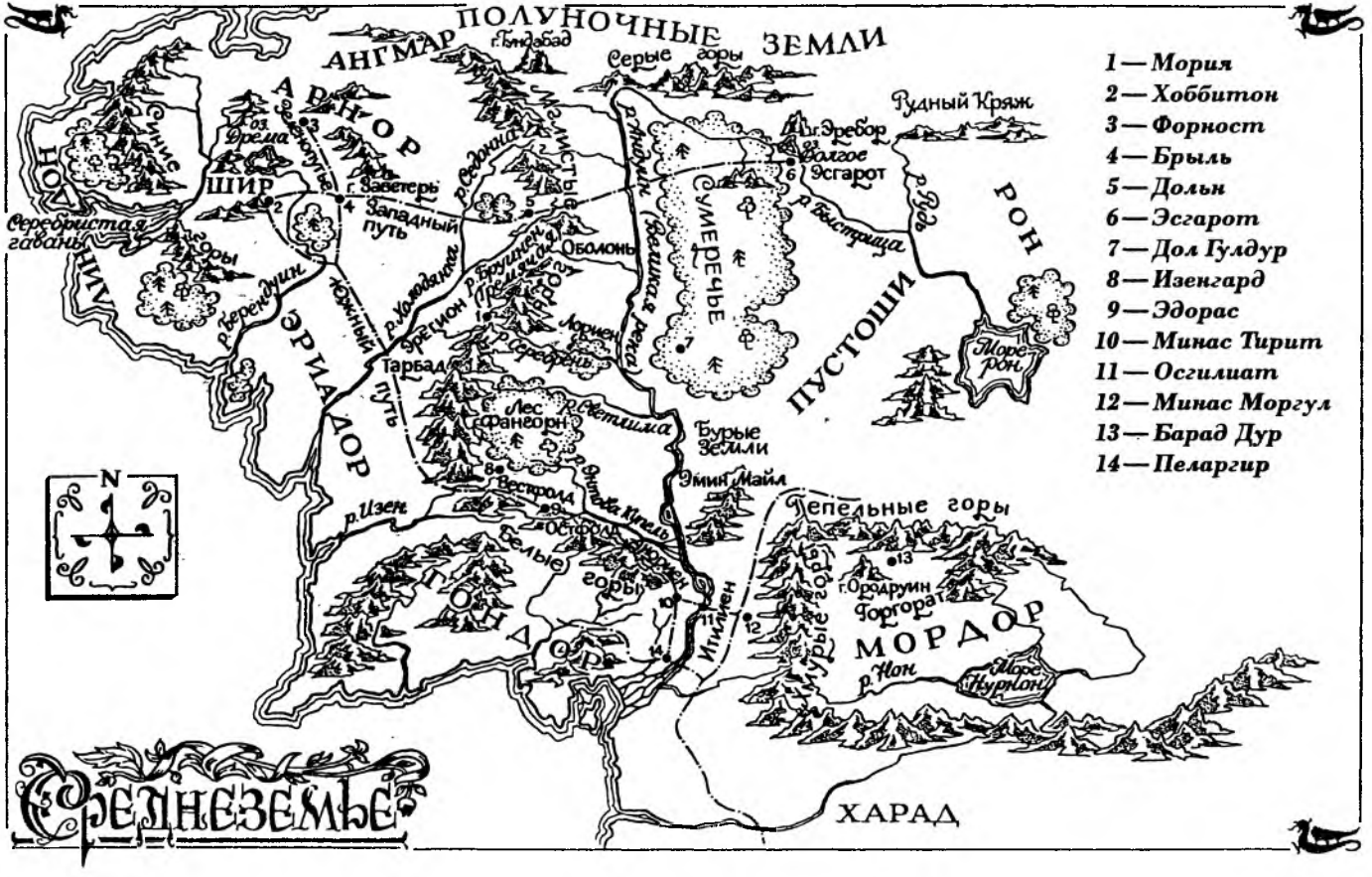
Перевод
Натальи Григорьевой
Владимира Грушецкого

Три — эльфийским Владыкам в подзвездный предел;
Семь — для гномов, царящих в подгорном просторе;
Девять — смертным, чей выверен срок и удел,
И Одно — Властелину на черном престоле

В Мордоре, где вековечная тьма:
Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою черною волей сковать
В Мордоре, где вековечная тьма.

Братство Кольца

Среднеземье
АНГМАР
ПОЛУНОЧНЫЕ ЗЕМЛИ
г. Бундобад
Серые горы
Рудный Кряж
г. Эребор
Долгое
Эсгарот
АРНОР
ШИР
г. Завтерь
Западный путь
Синие горы
Серебристая гавань
Мглистые горы
р. Бренди-вин
Южный путь
ЭРИАДОР
р. Холодная
Эред Энгрин
Оболоны
Тарбад
Лес Фангорн
Бурые Земли
Эмин Майл
Вестфолд
Остфолд
Белые горы
ГОНДОР
Иминен
Зеленая река
Сумеречье
ПУСТОШИ РОН
Море Рон
Горы Тени
г. Ородруин
Горгора
МОРДОР
р. Нен
Море Нурнен
ХАРАД
1 — Мория
2 — Хоббитон
3 — Форност
4 — Брыль
5 — Дольн
6 — Эсгарот
7 — Дол Гулдур
8 — Изенгард
9 — Эдорас
10 — Минас Тирит
11 — Осгилиат
12 — Минас Моргул
13 — Барад Дур
14 — Пеларгир

ПРОЛОГ

1
О ХОББИТАХ

В книге речь пойдет в основном о хоббитах. Читатель узнает немало и о них, и об их истории, а коли захочет узнать больше, пусть заглянет в Алую Книгу Западного Крома. Кое-что из нее уже публиковалось в книжке «Хоббит» — это начальные главы, написанные знаменитым на весь мир Бильбо, первым по-настоящему прославившимся хоббитом. Он назвал эти фрагменты «Туда и Обратно», потому что повествуют они о путешествии на Восток и возвращении в родные места, а главное — о Приключении, которое повлекло за собой величайшие события Эпохи, во многом изменившие, конечно, и жизнь хоббитов. Об этих событиях и пойдет рассказ.

Многие читали «Хоббита», многие, да не все, поэтому в нашей книге не обойтись без основных сведений об этом замечательном народе, да заодно уж надо напомнить и о самом Приключении.

Хоббиты — народ неприметный, но древний, в прошлом весьма многочисленный. В том, что их стало меньше, нет ничего удивительного, если учесть стремление хоббитов к мирной жизни и любовь к ухоженной земле. Самое милое дело для них — тщательно и заботливо возделанные поле или садик. Есть и всякие приспособления, но только те, без которых не обойтись, — кузнечные меха, водяные мельницы да ручные ткацкие станки — других они не признают и не держат.

Нас они издавна звали Верзилами и сторонились, предпочитая не связываться. Сейчас встретить хоббита — большая редкость: слух у них чуткий, зрение — острое, а движения проворные и ловкие, несмотря на склонность к полноте и стремление к покою. Издавна владели они умением исчезать бесшумно и бесследно, едва заслышав издали спотыкающуюся поступь какого-нибудь Верзилы. И так это у них ловко получалось, что люди стали поговаривать о волшебстве. На самом деле ни с какой магией хоббиты, конечно, не знались, а неуловимостью своей обязаны были исключительно мастерству, основанному на

бережном отношении к традициям, большой практике и близкой дружбе с землей, что для неуклюжих Больших народов и несвойственно, и непонятно.

Хоббиты — народ маленький, ростом чуть поменьше Гномов, и не такие кряжистые, конечно. По нашим меркам — фута три-четыре в вышину. Сейчас-то и трехфутовые — редкость, а в давние дни, конечно, бывали и повыше. Из Алой Книги можно узнать, например, о Бандобрасе Туке, сыне Изенгрима Второго,— был он четырех с половиной футов ростом и мог ездить на лошади. Только два героя древности превосходили его ростом, но о них речь впереди.

Хоббиты, населявшие Шир во дни мира и благоденствия, были веселым народом, одевались в яркие цвета (больше всего любили желтое и зеленое), а обувались редко — подошвы у них были что твоя подметка, и ноги (книзу в особенности) покрывал густой курчавый волос (как, впрочем, и головы), чаще всего шатеновой масти. Само собой, сапожное ремесло у хоббитов не в почете, а вообще-то народ они умелый и здорово мастерят всякие мелкие штуки. Красавцами хоббитов не назовешь, а вот добродушия им не занимать: круглолицые, краснощекие, рот в любой момент готов разулыбаться до ушей, если, конечно, нет более важных занятий: завтрака там или обеда. Вот уж в этом хоббиты знают толк, в «поесть-попить» душу вкладывают, могут за стол и по шести раз на день усаживаться — было бы что на стол поставить. Гостеприимство у них в обычае, подарки дарят с легкой душой и принимают с радостью.

Совершенно понятно: хоть и разошлись мы с ними за долгие века, но они нам родня, куда ближе Эльфов или тех же Гномов. И язык у нас с хоббитами общий был, и любили-ненавидели мы с ними примерно одно и то же. Но где, в каком колене это родство — теперь уже не вспомнишь. В незапамятной древности затерялись корни хоббитов. О том времени помнят Эльфы, но их предания ограничиваются эльфийской историей. В них и люди-то упоминаются мимоходом, а о хоббитах и вовсе ничего нет. Как бы там ни было, а хоббиты жили себе потихоньку в Средиземье еще задолго до того, как остальные народы заметили их. Оно и понятно: в мире без счета всяких странных созданий, до хоббитов ли тут! Но во дни Бильбо и его племянника Фродо все вдруг изменилось: хоббиты, без всякого на то желания, стали важными, знаменитыми и заставили думать о себе Мудрых и Великих.

Те Дни Третьей Эпохи Средиземья давно канули в прошлое, даже очертания материков с тех пор изменились, но хоббиты и посейчас живут там, где тогда жили: на северо-западе Древнего Мира, к востоку от Моря. Откуда пришли в эти края их предки, никто не помнил уже во времена Бильбо. Не хоб-

битам хвастать любовью к отвлеченным знаниям (кроме генеалогии, пожалуй), но в некоторых знатных домах все же читали старинные летописи и даже добавляли к ним кое-что, услышанное от Эльфов, Гномов или от Людей. Собственные хоббитские хроники начинаются с прихода в Шир, и самые древние легенды не заглядывают в прошлое дальше Дней Скитаний. Однако, если внимательно присмотреться к этим легендам, к характерным словечкам и обычаям, станет ясно, что Хоббиты, как и другие известные народы Среднеземья, переселялись с востока на запад. Их самые первые предания относятся, видимо, к тому периоду, когда они жили в верховьях Андуина, между окраиной Ясного Бора и Мглистыми Горами. Достоверно неизвестно, какая причина побудила их предпринять долгий и опасный переход через горы в Эриадор. Сами Хоббиты жаловались на Людей, которых-де стало слишком много, а иногда упоминали Тень, превратившую Ясный Бор в Сумеречье.

Еще до того, как началось переселение, существовало три хоббичьих рода-племени: Мохноноги — посмуглее, поменьше других ростом, но и попроворнее — предпочитали холмы и взгорья; Хваты — большерукие и крепконогие, кряжистей других хоббитов — населяли равнины и речные долины; ну а светлокожие и светловолосые, высокие и гибкие Лесовики, само собой, всем прочим местам предпочитали лесные дебри.

В давние времена Мохноноги долго жили в предгорьях и водились с Гномами. Они раньше других двинулись на Запад и добрались уже до Заветери, когда остальные еще только собирались в путь. Они-то и есть самые взаправдашние Хоббиты и по числу, и по верности старым обычаям селиться кучно в норах и пещерах.

Хваты надолго задержались на берегах Великой Реки и там близко сошлись с Людьми. На Запад Хваты двинулись после Мохноногов и выбрали путь вниз по течению Гремячей на юг, где и обосновались надолго между Тарбадом и дунгарскими землями, прежде чем снова сняться с места и уйти на север.

Лесовиков-северян и во все-то времена было немного. Ходили они в друзьях у Эльфов и, видно, от Дивного Народа переняли способность к языкам и пенью, а вот в ремеслах не преуспели. Поэтому в старину они предпочитали охоту земледелию. Стронувшись с места, Лесовики пересекли горы севернее Дольна, а затем спустились по течению Седонны и вскоре смешались в Эриадоре с родичами, пришедшими раньше них. Отчаянные и неугомонные, они часто становились вождями в кланах Мохноногов и Хватов. Даже во времена Бильбо крепкие корни Лесовиков питали уважаемые роды Туков и хозяев Заскочья.

На западных землях Эриадора, между Мглистыми и Синими Горами, хоббиты общались и с людьми, и с эльфами. Здесь

еще можно было встретить дунаданов, королей Людей, пришедших из-за Моря, с Заокраинного Запада, а теперь быстро терявших влияние и вынужденных наблюдать, как земли некогда могучего Северного Княжества приходят в запустение. Для хоббитов свободного места оказалось предостаточно, и пришельцы начали обживать новые земли. Конечно, ко времени Бильбо многие из этих первых поселений исчезли без следа, многие, но не все. Вот, например, Брыль уцелел, хотя и уменьшился существенно. Располагалась эта деревня в Чагром Бору, милях в сорока восточнее Шира.

Видимо, ко дням первых поселений относится знакомство хоббитов с письменностью. Учителями были, конечно, дунаданы, перенявшие, в свою очередь, искусство письма от эльфов. Древние языки постепенно забылись, и хоббиты говорили на Вестроне — Всеобщем языке, распространенном от Арнора до Гондора и от Белфаласа до Линдона, однако некоторые свои словечки все же сохранили, особенно в именах и названиях дней и месяцев.

Переселение на Запад дало начало хоббитскому летосчислению. Исторические хроники начинаются с путешествия, предпринятого в 1601 году Третьей Эпохи братьями Марчо и Бланко. Заручившись ленной грамотой у великого князя в Форносте[1], братья во главе великого множества хоббитов пересекли по Мосту Каменных Луков темноводный Берендуин и обосновались между рекой и Дальними Холмами. Земли были дарованы им в обмен на обязательство присматривать за мостами и дорогами и всячески содействовать княжьим гонцам.

Вот с этого момента и начинаются хроники Шира — год перехода через Брендидуин (так хоббиты на свой манер стали звать реку) стал Первым Годом, и дальше летосчисление велось от этой даты[2]. Новый край полюбился западным хоббитам, и вскоре они вторично исчезли из истории Людей и Эльфов. Хоббиты сами избирали своих правителей, интересовались только своими делами и ни в какие события внешнего мира не вмешивались. Правда, на последнюю битву с Чародеем из Ангмара они, по их собственным словам, послали в Форност отряд лучников, но ни в одной из хроник Людей об этом нет ни слова. Вскоре после той войны пришел конец Северному Княжеству. Теперь хоббиты и вовсе считали страну своей собственной. Правитель стал зваться Таном, и к нему перешла вся власть, принадлежавшая раньше князю. После Темной Чумы (в 37 году) около тысячи лет край не тревожили ни войны, ни другие сти-

---

[1] Судя по гондорским хроникам, это был Арведуи, двадцатый князь Арнора, из рода северных князей, прервавшегося спустя три сотни лет, после Арведуи. — *Прим. авт.*

[2] Например, годы Третьей Эпохи по счету эльфов и дунаданов можно вычислить, прибавляя к году по летосчислению Шира число 1600.

хийные бедствия. Хоббиты множились и процветали вплоть до самой Долгой Зимы и последующего за ней голода, унесшего тысячи жизней. Но ко времени нашей истории Дни Смертной Напасти (1158–60 гг. по летосчислению Шира) давным-давно стали историей и канули в прошлое, а хоббиты снова успели привыкнуть к благоденствию. Когда-то здешние земли славились как богатейшие княжеские угодья. Долгий отдых перед приходом хоббитов пошел им только на пользу, и плодородие страны казалось неиссякаемым.

Страна эта протянулась на 40 миль от Лисьих Ложков до Брендидуинского Моста и на 50 миль – от западных взгорий до болот на юге. Хоббиты звали страну Широм, правил ею Тан, сообразуясь со здравым смыслом, и трудолюбивое население без устали обихаживало свой уютный закоулок Большого Мира, словно ничего другого на свете не существовало. Мало-помалу хоббиты стали считать, что и во всем остальном Средиземье царят мир да покой, и любой достойный народ имеет полное право на обеспеченную жизнь. Об Охранителях, чьими трудами так долго поддерживался благостный уклад Шира, хоббиты то ли запамятовали, то ли не хотели думать. Они находились под защитой, но, почему это так и кто взял на себя сей труд, не понимали.

Воинственностью хоббиты не отличалась никогда. Конечно, в древние времена, в суровом тогдашнем мире, приходилось и им браться за оружие, но ко дням Бильбо воспоминания об этом сохранились только в редких преданиях. Первая, и последняя, битва, случившаяся возле самых границ Шира, стала достоянием седой истории, но в Хрониках упоминалась: то было сражение на Зеленых Полях в 1147 году, когда Бандобрас Тук отразил нападение орков. С годами даже климат в стране стал мягче, а волки, хлынувшие сюда с севера в годы Долгой Зимы, сохранились только в бабушкиных сказках. Правда, кое-какое оружие в Шире имелось: место ему было отведено над каминами и на стенках гостиных, а некоторая часть хранилась в музее, звавшемся Маттом Домом. Словечко *маттом* обозначало у хоббитов то, что в общем-то и не нужно, а выбросить жалко. Немало *маттомов* было и в домах, часто они переходили из рук в руки в качестве подарков.

Как ни странно, долгое благоденствие ничуть не повлияло на поразительную стойкость хоббитов к невзгодам. Это был крепкий народ, способный терпеливо переносить лишения и беды. Такое свойство неизменно приводило в недоумение всякого, не способного увидеть суть за румяными рожицами и солидными животиками добродушных обитателей Шира. Чтобы вызвать в хоббите гнев, надо было очень постараться; никто никогда не убивал здесь животных ради забавы, но при необходимости ловкие хоббичьи руки вполне могли управиться и с оружием. Лучниками, например, они были прекрасными, а

зверушки, шаставшие по садам и огородам, усвоили твердо — если уж хоббит нагнулся за камнем, лучше немедленно убраться с глаз долой.

Поначалу все хоббиты жили в норах (надо сказать, они и до сих пор чувствуют себя уютней всего именно в норах), но со временем жилье стало разнообразней. Уже при Бильбо древних обычаев позволяли себе придерживаться только самые богатые и самые бедные семьи. Последние рыли норы с единственным окошком или вовсе без него, а зажиточных простое рытье, конечно, не устраивало, и они создавали под землей настоящие хоромы (их называли *смеалами*) со множеством переходов и залов. Для такого жилья требовалось подходящее место, которое не вдруг найдешь, поэтому на равнинах и в низинах хоббиты стали строиться на поверхности. Вслед за тем и в холмистой местности, даже в исконных норьих областях — в Хоббитоне, в Тукборо, в Микорыте на Белых Увалах — появились во множестве деревянные, каменные и кирпичные дома. Селился в них все больше мастеровой люд — мельники, кузнецы, каретники. Вскоре и при богатых норах появились наземные постройки — сараи, мастерские.

Обычай строить усадьбы и амбары пошел от жителей Марей. Здесь, в Восточной Чети, жили степенные, крупные хоббиты, в слякотную погоду разгуливавшие в гномьих башмаках. Конечно, они вели свое происхождение от Хватов, на это указывала короткая поросль у многих на подбородках. Ни у Мохноногов, ни у Лесовиков никакого намека на бороду и в помине не было. На самом деле жители Марей и Заскочья — поселения на восточном берегу реки — пришли в Шир позже остальных откуда-то с юга и принесли с собой немало чудных имен и странных словечек, нигде больше в Шире не встречавшихся.

Вполне вероятно, что дома хоббиты научились строить у дунаданов, а то и прямо у *тех*, Первых Эльфов. Ведь ко времени нашей истории еще не все Высокие Эльфы покинули Средиземье; их поселения встречались и в Серебристой Гавани, и в других местах, не так уж далеко от Шира. Сразу за болотами стояли с незапамятных времен три эльфийские башни — две поближе, одна — самая высокая — подальше на зеленом холме. Лунными ночами их странный мерцающий свет был виден издалека. Хоббиты Западной Чети поговаривали, что с вершины башни на холме можно увидеть Море, но, насколько известно, ни один из них туда не лазил. Да и то сказать, к Морю хоббитов не тянуло. Мало кто из них бывал на побережье, а таких, чтобы вернулись и рассказали, — и того меньше. Что-то у хоббитов с водой не ладилось: и речки особенной любви не вызывали, а уж чтобы по ним в лодках или так плавать — это и вовсе не про них!

Раз башни стояли так недалеко, значит, когда-то эльфы были у хоббитов в соседях, но время шло, и отношение к ним со стороны хоббитов почему-то менялось от добрососедского до

настороженно-недоверчивого. Слово «Море» постепенно приобрело зловещий, загробный оттенок, и про башни на западных холмах хоббиты постарались забыть.

От кого бы ни позаимствовали хоббиты навыки в строительстве, башен они не строили. Наоборот, предпочитали дома низкие, длинные, удобные. Самые первые из них были теми же самыми *смеалами*, крытыми соломой или дерном, со сводчатыми стенами, лишь немного приподнимающимися над землей. Со временем хоббиты переняли кое-какие секреты и строительные приспособления у Гномов, кое-что и сами сообразили, и постройки в Шире стали куда более разнообразными. Неизменным осталось только пристрастие к круглым дверям и окнам.

И дома, и норы в Шире всегда были большими, рассчитанными на многочисленные хоббитские семьи (холостяки Бильбо и Фродо были здесь редчайшим исключением, ну так у них и других странностей хватало — чего стоила одна только дружба с эльфами!). Иногда, как в Смеалищах Туков или у Брендисков в Брендинорье, в наследственном поместье более или менее мирно уживалось много поколений родичей. Родством хоббиты дорожат необыкновенно. С величайшей тщательностью рисуются во многих семьях сложнейшие фамильные древа, и всякий, кто имеет дело с этим народом, должен точно знать, кто с кем в родстве и в каком. Здесь мы не рискнем приводить эти запутанные схемы, но в конце Алой Книги Западного Крома есть еще одна небольшая как бы самостоятельная часть, которую все, кроме хоббитов, нашли бы невероятно скучной. Она содержит именно генеалогические древа многих хоббитских родов. Ее-то, пожалуй, чаще всего и читают хоббиты, предпочитающие всей другой литературе что-нибудь хорошо знакомое, четкое, ясное и без всяких там сложных противоречий.

2
О ТРУБОЧНОМ ЗЕЛЬЕ

Говоря о прежних днях хоббитов, надо упомянуть об одной удивительной привычке, усвоенной этим народом давно и прочно: они с помощью трубок из дерева или глины вдыхают и выдыхают дым от тлеющих высушенных листьев растения, известного под названием «трубочного зелья», или просто «листьев». Похоже, это какая-то разновидность табака. Происхождение обычая, или, как говорят сами хоббиты, «искусства» курения теперь уже не установишь. Все, что было известно по этому поводу, собрано и сведено воедино Мериадоком Брендискоком (позднее — хозяином Заскочья) в трактате «Травник Шира». И табак, и Мериадок родом из Южной Чети, и тот, и другой упоминаются в нашем повествовании, поэтому стоит обратить внимание на вступление к «Травнику».

«Это искусство, — пишет почтенный Мериадок, — мы смело можем считать своим собственным изобретением. Трудно сказать, когда впервые изо рта и ноздрей хоббитов пошел дым. Во всех легендах и семейных преданиях табак упомянут. За многие века в качестве набивки трубок перепробовали множество разных трав — и едких, и сладковатых на вкус. Но все летописи отводят первенство в выращивании настоящего трубочного зелья Тобольду Дудкинсу из Долгой Долины в Южной Чети, а было это во дни Изенгрима Второго, около 1070 года по счету Шира. С тех пор все лучшие сорта поступают именно оттуда: и „Лист Долгой Долины", и „Старый Тоби", и „Южная Звезда".

Никто не знает, как Старый Тоби нашел табак, и сам он до последнего дня никому об этом не рассказывал. Путешествовал он немного, вряд ли ходил дальше Брыля, но о травах знал все. Вполне возможно, что именно в Брыле Тоби и узнал о табаке. Во всяком случае, сейчас он растет там на любом южном склоне. Конечно, брыльские хоббиты считают себя первыми курильщиками, но их послушать, так они во всем впереди Шира. Хотя насчет табака они, похоже, правы. Верно и то, что к Гномам трубочное зелье пришло через Брыль. А потом уж втянулись и другие народы — Следопыты, Маги и прочие, которые до сих пор ходят взад-вперед через древний перекресток. Таким образом, центр этого искусства определяется достоверно — корчма „Резвый Пони", которую с незапамятных времен содержит семья Маслютиков.

Однако мне не раз приходилось путешествовать на юг, и я пришел к выводу, что табак не всегда рос на землях Шира. К нам на север он пришел из низовий Андуина, а туда попал в свое время из-за Моря вместе с Людьми Запада. В Гондоре его сколько угодно, там он выше и гуще. Разводят его ради запаха цветов. За века, прошедшие со времен Элендила, табак по Зеленопутью добрался до севера и обосновался в теплых защищенных местах, подобных Долгой Долине. Но хоть в Гондоре и начали разводить табак немного раньше, набить им трубки первыми догадались хоббиты. Маги и те переняли искусство курения от нас. Правда, один из моих знакомых магов утверждал, что владеет этим искусством давным-давно, и в это можно поверить: курит он так же здорово, как и все остальное делает».

3
УСТРОЙСТВО ШИРА

Шир состоит из четырех четвертей, или Четей: Северной, Южной, Восточной и Западной. Каждая из них содержит в свою очередь множество областей, поселений и местечек, чаще всего носящих имена родов, некогда обитавших на этих землях. Почти все Туки жили или живут в своих Тукгорах, а вот о

Сумниксах или Умниксах этого не скажешь. Восточные и западные окраины составляли отдельные, не входящие в Чети области. Заскочье и Западный Кром вошли в состав Шира в 1462 году.

В то время никакого «правительства» в Шире не было. Каждый род занимался своими делами, сводившимися в основном к тому, чтобы вырастить, а потом съесть еду, и дела эти занимали практически все время. Жители Шира скупостью не страдали, обходились тем, что имели, и ради богатства из кожи вон не лезли. Наверное, поэтому небольшие фермы, маленькие мастерские и лавчонки оставались неизменными на памяти многих поколений обитателей Шира.

Воспоминание о княжеской власти в Форносте еще жило в народе, хотя князя не было уже без малого тысячу лет, а развалины Форноста (или Северины, как называли его хоббиты) давно заросли буйными травами. Ощущая себя живущими в настоящем государстве, хоббиты с пренебрежением относятся ко всяким диким народам и прочим тварям (вроде троллей), живущим «без царя в голове». Все свои проверенные временем Правила (так хоббиты называют те немногие законы, по которым живет Шир) они приписывают князю и соблюдают неукоснительно.

Среди знатных хоббитских родов испокон веку выделялся род Туков; еще лет триста назад булава Тана перешла к нему от Староскоков, и с тех пор каждый новый старейшина Туков неизменно принимал этот титул. Он созывал сходы и считался воеводой ширской дружины и хоббитского ополчения, но нужды в них не возникало уже так давно, что танство постепенно превратилось просто в почетное звание. Уважение Тукам приносили более весомые вещи: многочисленность, богатство и целый ряд выдающихся родичей, обладавших в равной мере и сильным характером, и склонностью к авантюрам. Правда, всяких приключений в Шире не любили — морока с ними сплошная, — но Тукам прощали, а старейшину Туков величали не иначе как полным именем (вообще-то употреблявшимся в Шире редко) с добавлением числительного при необходимости — например, Изенгрим Второй.

В ту пору, о которой пойдет речь, единственным представителем власти был мэр Микорыта (и всего Шира). Его избирали на Вольной Ярмарке в Белых Увалах, проводившейся каждые семь лет в середине лета. Первейшей (и чуть ли не единственной) обязанностью мэра было присутствие на пирах по случаю праздников (а в них недостатка никогда не было). Заодно мэр исполнял обязанности Почтмейстера и Первого Ширрифа (что-то вроде начальника полиции). Но если почтовая служба еще требовала некоторых хлопот — хоббиты, владеющие грамотой, без конца писали своим родственникам, друзьям и знакомым, жившим дальше полутора послеобеденных

прогулок, — то ширрифам делать было попросту нечего. Единственным признаком формы для них являлось перо на шляпе, а полицейские функции сводились к розыску заблудившегося скота да разбирательствам из-за потрав, в коих повинен был все тот же скот. На всю Управу Благочиния вполне хватало двенадцати ширрифов — по три на каждую Четь. На границах их требовалось больше. Там они, что называется, «околачивали» — присматривали за всякими «околотнями», большими и маленькими, чтобы не досаждали.

Как раз когда начиналась эта история, околотней развелось великое множество. Посыпались сообщения и жалобы на всяких разумных и неразумных чужаков, наводнивших Приграничье. А уж это — первейший признак неблагополучия: все не так, как следовало бы и как всегда было. Правда, большинство хоббитов и ухом не вело, даже Бильбо не задумался над тем, что сулят эти события. Шестьдесят лет минуло с тех пор, как он вернулся из Путешествия. Даже по хоббитским меркам возраст его считался весьма преклонным, ведь едва ли половина хоббитов справляет свое столетие. Но как бы там ни было, а Бильбо жил себе да жил, и, надо заметить, жил безбедно; видно, от богатства, обретенного в странствиях, кое-что еще оставалось. Что привез, да что истратил, да сколько осталось — про то он никому не рассказывал, даже любимому племяннику Фродо. И найденное кольцо по-прежнему хранил в тайне.

4
ИСТОРИЯ НАХОДКИ КОЛЬЦА

В «Хоббите» рассказано, как в один прекрасный день у дверей Бильбо появился могучий Маг Гэндальф Серый и с ним — тринадцать гномов, а именно: сам Торин Дубощит, гном царского рода в изгнании, со товарищи. И в этой компании Бильбо, к своему немалому удивлению, апрельским утром 1341 года по ширскому счету отправился в путь, добывать сокровища Подгорных Королей, которые гномы потеряли где-то под Эребором. Предприятие завершилось успешно, дракона при сокровищах удалось извести; но, хотя было совершено немало подвигов, а в Битве Пяти Воинств пал Торин, в долгих хрониках Третьей Эпохи великие эти события заняли бы всего несколько строчек, если бы не «случай» в пути. В Мглистых Горах на путников напали орки, и отставший Бильбо заплутал в подгорных лабиринтах. Там в темноте он нашарил на камнях кольцо и положил в карман. Тогда находка показалась ему просто маленькой удачей.

В поисках выхода Бильбо спускался все глубже, к корням гор, пока наконец не забрел в тупик. Дальше хода не было. Здесь, навсегда скрытое от всякого света, лежало вечно спокой-

ное озерцо, посредине которого жил на острове Горлум — маленькое отвратительное создание. В крошечной лодочке, больше похожей на корыто, гребя широкими лапами, пялясь в темноту огромными, бледно мерцающими глазами, он шастал по озеру, ловил слепую от рождения рыбу и пожирал живьем. Впрочем, он не был привередлив: удавалось без особенных хлопот словить орка — годился и орк. Горлум владел сокровищем. Давным-давно, когда он жил еще на свету, к нему попало кольцо, золотое кольцо, делавшее своего обладателя невидимым. Ничего, никого и никогда Горлум не любил так, как это странное украшение. Он называл кольцо «моя прелесть», разговаривал с ним, даже если не носил при себе. Когда не надо было охотиться, выслеживать орков, он хранил свое сокровище в укромной ямке на островке.

Будь кольцо при нем, он не задумываясь напал бы на Бильбо, как только встретил его. Но именно в этот момент кольца у Горлума не оказалось, зато хоббит сжимал в руке острый эльфийский клинок. Стремясь выиграть время и отвлечь внимание, Горлум предложил Бильбо поиграть в загадки, поставив на кон обещание показать дорогу к выходу против жизни хоббита, которому в случае проигрыша предстояло пойти на обед Горлуму. У Бильбо не было выбора: он окончательно заблудился и совершенно не представлял, куда идти. Пришлось соглашаться. Они загадали друг другу немало загадок, и в конце концов Бильбо повезло. Мучительно придумывая очередную загадку, он нащупал в кармане незнакомый предмет и машинально воскликнул: «Что это у меня в кармане?» — а Горлум, приняв вопрос за загадку, не смог отгадать с трех раз.

Мастера старинной игры расходятся во мнениях, можно ли считать такой вопрос загадкой, но все признают, что, если уж Горлум принялся отвечать и ответил три раза, все было честно и проигрыш требовал уплаты. Бильбо настаивал на выполнении условий, но втайне подозревал со стороны скользкой твари подвох, хотя обещания, данные в подобных условиях, во все времена и у всех народов соблюдались свято, и только самые распоследние злыдни рисковали нарушать их. Однако именно таким злыднем и стал Горлум за долгие годы, проведенные во мраке, наедине с кольцом. Он замыслил черное предательство, оставил Бильбо и бросился на свой островок за кольцом. Он изрядно проголодался, злился из-за проигрыша и, будь с ним «его прелесть», свернул бы хоббиту шею, не посмотрев на оружие.

Но кольца на островке не было. Горлум потерял его. Оно ушло. От жуткого визга Горлума, обнаружившего пропажу, у Бильбо волосы встали дыбом, хоть он, конечно, не понял, в чем дело. Зато Горлум, правда с запозданием, нашел ответ на загадку. «Что там у него в карманах?» — зашипел он, и бледные глаза запылали во мраке зеленым пламенем. Одно жела-

ние легко читалось в них: вернуться, немедленно прикончить хоббита и отыскать «свою прелесть». Бильбо едва успел заметить опасность и метнулся прочь от воды. Ему снова повезло: на бегу он сунул руку в карман, и кольцо словно само скользнуло ему на палец. Горлум промчался мимо, не заметив хоббита, он спешил к выходу, чтобы не пропустить «вора». Бильбо осторожно двинулся за ним. Горлум скулил на ходу, ругался, жаловался и причитал, без конца поминая «свое сокровище». Постепенно Бильбо кое-что понял, и надежда забрезжила перед ним. Раз ему посчастливилось найти настоящее волшебное кольцо, значит, появился шанс ускользнуть и от Горлума, и от орков.

Горлум привел хоббита к незаметному лазу у подножия восточного склона и улегся поперек выхода, принюхиваясь и прислушиваясь. Бильбо чуть было не поддался искушению пустить в дело меч, но жалость остановила его руку — положение-то было неравным: у него были и кольцо, и меч, а у Горлума — ничего. Поэтому, собравшись с духом, он просто перепрыгнул через Горлума и помчался к выходу, преследуемый истошными воплями: «Вор! Вор Сумникс! Мы навсегда ненавидим его!»

Любопытно, что, встретившись со своими спутниками, Бильбо описал события не совсем так, как они происходили. Оказывается, в случае проигрыша Горлум обещал ему «подарочек», но, когда, и в самом деле проиграв, отправился за ним — волшебным кольцом, полученным некогда в день рождения, — на остров, оказалось, что кольца нет. Конечно, ведь Бильбо еще раньше нашел это самое кольцо, а теперь еще и выиграл его, поэтому кольцо принадлежало хоббиту по праву. Но раз Горлум не сдержал обещания, Бильбо потребовал показать дорогу к выходу и так выбрался наружу. Эта же версия оказалась записанной и в воспоминаниях Бильбо, он сам настолько поверил в нее, что даже Совет у Элронда не заставил его усомниться. Естественно, в этом виде история попала и в Алую Книгу, и во многие списки с нее. Но некоторые хроники содержат истинное описание событий, и исходят они, конечно, либо от Фродо, либо от Сэмиуса. Они-то знали правду, хотя и не стали менять собственных записей Бильбо.

Ну а Гэндальф, например, и вовсе не поверил истории, рассказанной Бильбо. Он очень заинтересовался кольцом и в конце концов вытянул из Бильбо подлинное описание событий. На некоторое время это даже всерьез нарушило их дружеские отношения, но маг считал, что правда дороже. Гэндальфа прежде всего насторожило бессмысленное вранье, вовсе не свойственное хоббитам. Очевидно, о подарке Бильбо заговорил с подачи Горлума — тот тоже без конца твердил о «подарочке на день рождения». Маг задумался, но прошло немало времени,

пока все подробности этой истории не прояснились даже в его умнейшей голове.

О дальнейших приключениях Бильбо говорить почти нечего. Кольцо помогло ему ускользнуть от орков. Он и дальше пользовался им, чтобы помочь друзьям в трудные минуты, но не показывал никому. По возвращении домой он говорил о кольце только с Гэндальфом и Фродо и был уверен, что во всем Шире никто, кроме них, не подозревает о его существовании. И рассказ о своем путешествии он показывал только Фродо.

Верный меч Шершень Бильбо повесил над камином, а бесценную кольчугу из драконьей сокровищницы, подаренную гномами, предоставил Маттом Дому в Микорыте. Зато старый плащ с капюшоном лежал дома в комоде, а кольцо на изящной цепочке всегда было в кармане у хоббита.

Бильбо вернулся домой 22 июня 1342 года на пятьдесят втором году жизни, и с тех пор в Шире не происходило ничего примечательного до того дня, когда господин Сумникс начал готовиться к празднованию своего стодиннадцатилетия — в 1401 году по счету Шира. С этого момента и начинается наша история.

5
О ЛЕТОПИСЯХ ШИРА

Роль, сыгранная хоббитами в великих событиях конца Третьей Эпохи, пробудила в них интерес к собственной истории. Шир вошел в состав Воссоединенного Королевства. По этому поводу устные предания были собраны и записаны, положив начало Летописям Шира. Некоторые знатные хоббиты оказались причастны к великим делам, и теперь во многих семьях старательно изучались древние истории и легенды.

В конце первого столетия Четвертой Эпохи в Шире насчитывалось уже немало библиотек, содержащих множество исторических трудов и хроник. Среди них отличались хранилища в Недовышках, в Смеалищах и в Брендинорье. Наше повествование о конце Третьей Эпохи заимствовано, главным образом, из Алой Книги Западного Крома[1], хранившейся в Недовышках, в доме Очарованов, потомственных Дозорных Западного Крома. Предположительно, это подлинный личный дневник Бильбо, бывший с ним в Дольне. Фродо вернул его в Шир, существенно дополнил, а в 1420—1421 годах дописал историю Войны. Она составила отдельный том, который и хранился вместе с тремя другими, переплетенными в красную

[1] См. Приложение II: годы 1451, 1462, 1482 и примечание в конце Приложения III.

кожу, подаренными дядей племяннику при расставании. Позже к этим четырем томам добавился пятый с комментариями, генеалогией и другими материалами, касающимися хоббитов — членов Братства Кольца.

Подлинная Алая Книга не сохранилась, но потомки Сэмиуса сняли с нее несколько копий, большинство — с первого тома. Самая замечательная из этих копий имеет свою историю. Хранившаяся в Смеалищах, написана она тем не менее в Гондоре, возможно по настоянию внука Перегрина, и завершена в 1592 году по счету Шира, или в 172 году Четвертой Эпохи. Южный список заканчивается словами: «Финдегил, Королевский писец, завершил сей труд в 172 году и свидетельствует о точном согласии с Книгой Тана в Минас Тирите, являющейся точной копией Алой Книги Перианатов, изготовленной по велению Короля Элессара. Алая Книга Перианатов подарена Королю Элессару Таном Перегрином в день его возвращения в Гондор в 64-м году».

Судя по этой надписи, Книга Тана — наиболее полный список с Алой Книги. В Минас Тирите она была тщательно исправлена, особенно в части эльфийских имен и названий, дополнена кратким изложением «Истории Арагорна и Арвен», не связанной непосредственно с Войной. Как удалось установить, полная «История...» принадлежит перу Барахира, внука Правителя Фарамира, и записана вскоре после ухода Короля. Но самое важное в копии Финдегила — это уникальные «Переводы с эльфийского», сделанные Бильбо. Все три тома выполнены с величайшим тщанием и мастерством. Работая в Дольне с 1403 по 1418 год, Бильбо обращался к редчайшим источникам. Он не только работал с летописями, но и говорил с теми, кто помнил начало эльфийской истории. «Переводы...» повествуют о Древнейших Днях, поэтому Фродо не включил их в свой вариант и здесь они не приводятся.

Далеко не все из того, чем располагали хранилища Тукборо, нашло отражение в Алой Книге. Достославные Мериадок и Перегрин, стареЙшины двух знатнейших родов Шира, имели тесные связи с Гондором и Роханом, поэтому списки Брендинорья, например, содержат множество фрагментов истории Эриадора и Рохана. Часть из них записана самим Мериадоком, хотя лучше известны другие его работы: «Травник Шира» и «Летосчисление», связывающее календарный счет Шира и Брыля с календарями Дольна, Гондора и Рохана. Мериадок также является автором небольшого трактата «Древние понятия и имена Шира», содержащего любопытные рассуждения о родстве хоббитского языка с языком Рохана и объяснение происхождения особых ширских словечек и названий.

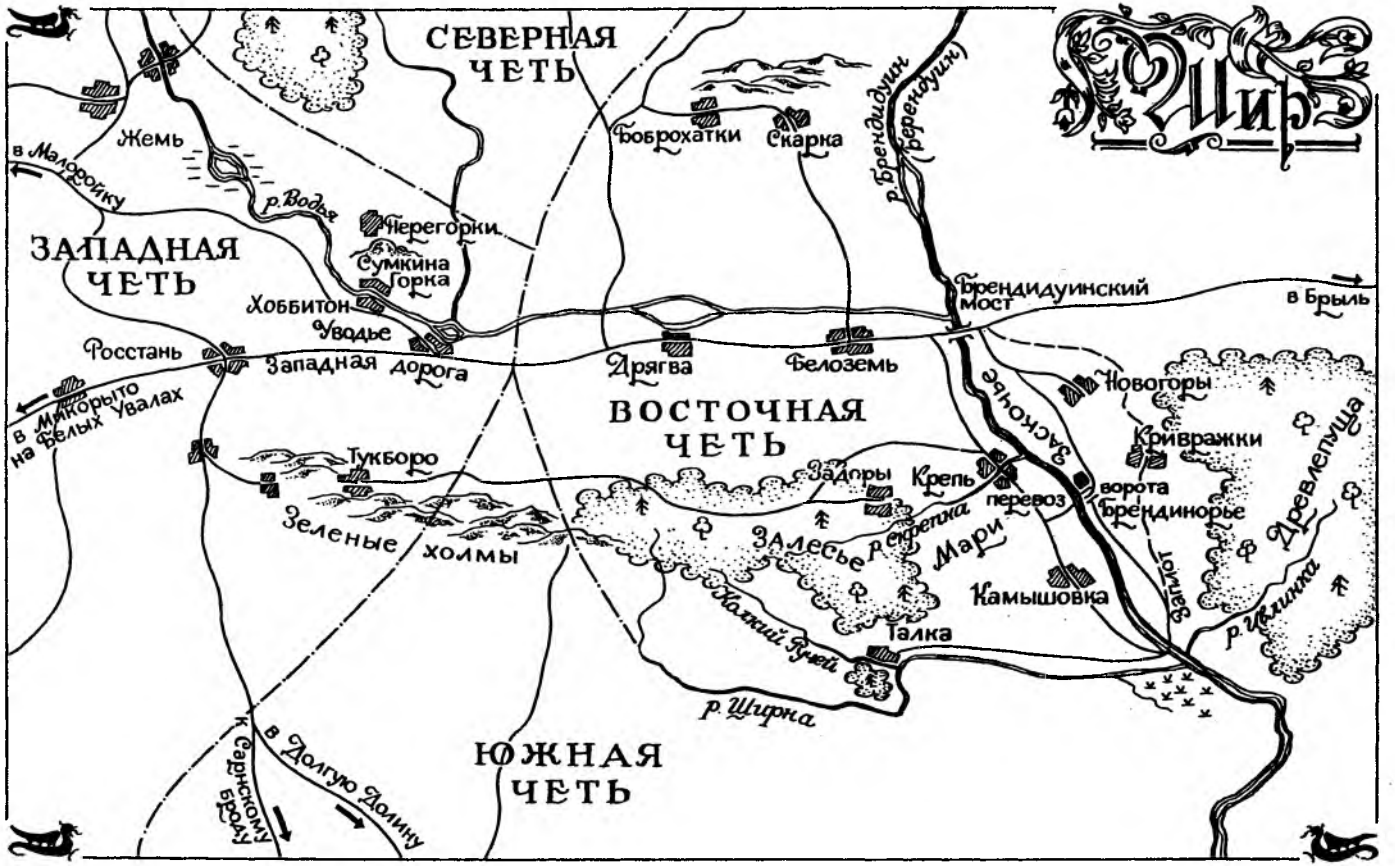
Хранилище в Смеалищах содержало источники, может быть менее интересные для хоббитов, но весьма ценные для Большой Истории. В этом заслуга Перегрина. Он, а позже — его наслед-

ники собрали немало манускриптов, составленных писцами Гондора и содержавших копии или переложения преданий о временах Элендила. Только здесь и можно отыскать сведения об истории Нуменора и возвышении Саурона. Не исключено, что именно в Смеалищах с помощью архивов Мериадока была осуществлена первая сводка «Повести Лет»[1].

Несмотря на предположительный характер многих дат, особенно относящихся ко Второй Эпохе, труд заслуживает самого пристального внимания. Возможно, в этой работе Мериадок пользовался сведениями, полученными во время частых посещений Дольна. Там после ухода Элронда еще долго жили его сыновья и многие Высокие Эльфы. Говорят, что и Келеберн жил там после ухода Галадриэль, но нет упоминаний о том, когда он отправился в Серебристую Гавань. Вместе с ним из Среднеземья ушла последняя живая память о Древнейших Днях.

---

[1] В самом сокращенном виде она представлена в Приложении и содержит описание главнейших событий вплоть до конца Третьей Эпохи.

Шир
СЕВЕРНАЯ ЧЕТЬ
ЗАПАДНАЯ ЧЕТЬ
ВОСТОЧНАЯ ЧЕТЬ
ЮЖНАЯ ЧЕТЬ
в Малоройку
Жемь
р. Водья
Черегорки
Сумкина Горка
Хоббитон
Уводье
Росстань
Западная дорога
в Микорыто на Белых Увалах
Тукборо
Зеленые холмы
Боброхатки
Скарка
р. Брендидуин (Бренди-вайн)
Брендидуинский мост
в Брыль
Дрягва
Белоземь
Заречье
Новогоры
Кривражки
Задоры
Крепь
перевоз
ворота
Брендинорье
Древлепуща
р. Цепинка
Залесье
р. Сефетка
Мари
Камышовка
Талка
Кленовый Ручей
р. Шифрка
Ганнот
к Сарнскому броду
в Долгую Долину

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1
ДОЛГОЖДАННЫЕ ГОСТИ

В Хоббитоне был переполох. Господин Бильбо Сумникс, хозяин Засумок, объявил о намерении отпраздновать свое стоодиннадцатилетие и пообещал *очень* щедрое угощение. Во всем Шире Бильбо слыл богатым чудаком с тех самых пор, как шестьдесят лет назад сначала запропал куда-то, а потом вернулся как снег на голову невесть откуда. О сокровищах, добытых Бильбо за тридевять земель, ходили неутихающие легенды. Многие верили, что подземелья Засумок ломятся от кладов. Но не только предполагаемое богатство заставляло хоббитов поглядывать на Бильбо с недоверчивым удивлением. Годы шли и шли, а по господину Сумниксу этого было не заметить. В девяносто он выглядел едва ли на пятьдесят. В девяносто девять его называли «хорошо сохранившимся», хотя правильнее было бы сказать «ничуть не изменившийся». Некоторые качали головами — дескать, многовато для одного, нечестно быть и очень богатым, и очень здоровым одновременно. «Это даром не пройдет, — говорили они, — вот увидите, как бы расплачиваться не пришлось».

Но пока об оплате не было и речи. Наоборот, частенько платил господин Сумникс, и большинство хоббитов прощали ему за щедрость и удачу и странности. Он вовремя навещал родственников (кроме Дерикуль-Сумниксов, конечно), а уж среди бедных и незнатных хоббитов приятелей у него было хоть отбавляй. А вот друзей не было. И так продолжалось до тех самых пор, пока не подросли кое-какие младшие родичи.

Любимцем Бильбо был юный Фродо Сумникс. Когда Бильбо стукнуло девяносто девять, он вдруг усыновил сироту Фродо, сделал своим наследником и предложил переселиться в Засумки. Тут уж все надежды Дерикуль-Сумниксов, давно с вожделением посматривавших на усадьбу, рухнули окончательно.

Случаю было угодно, чтобы Бильбо с Фродо еще и родились в один день, 22 сентября.

— Фродо, мальчик мой, — сказал как-то раз Бильбо, — перебрался бы ты ко мне. Глядишь, и день рождения вместе отмечали бы.

Фродо в ту пору ходил в доростках. Так хоббиты зовут молодежь в безответственном возрасте между двадцатью и тридцатью тремя, после чего хоббит, наконец, может считать себя взрослым.

Прошло еще двенадцать лет. В Засумках каждый год весело отмечали двойной день рождения, к этому привыкли, но любому было ясно, что нынешней осенью готовится нечто необычное. Бильбо исполнялось 111 лет — возраст для хоббита весьма почтенный, да и число любопытное, ну а Фродо готовился отметить тридцатитрехлетие — тоже знаменательная дата — совершеннолетие по-хоббитски.

Постепенно набирали силу разговоры и в Хоббитоне, и в Уводье. Слухи о предстоящем событии множились и вскоре гуляли по всему Ширу. Бильбо склоняли и так и эдак; и характер, и привычки, и история эта его сумасшедшая — все вдруг опять стало предметом обсуждения. Старшее поколение с удовольствием обнаружило, что молодежь внимает их байкам с неослабным вниманием, чего отродясь не бывало. Но редко кому удавалось собрать столь благодарную аудиторию, как Старичине Хэму, садовнику из Засумок. Он, почитай, переселился в «Ветку Плюща» — маленький трактирчик по дороге к Уводью, и с утра до вечера со знанием дела просвещал публику. Мало того что он уже сорок лет ходил за садом в Засумках, так ведь и до этого незнамо сколько помогал прежнему садовнику, старому Хаткинсу. В последние-то годы, когда сильно стала донимать спина, да и ломота в суставах не отпускала, в саду все больше младшенький его работал — Сэм. Отец с сыном жили на самой Горке, прямо под Засумками, и отношения у них с обоими Сумниксами были весьма дружественные. Старичина Хэм частенько повторял: «Другого такого приятного и почтенного хоббита, как господин Бильбо, поискать — не найти». Да и то правда: Бильбо обращался к старому садовнику не иначе как «мастер Хэмфаст» и всегда советовался с ним по поводу любых «корешков», особенно картофельных, насчет которых Хэм слыл виднейшим знатоком в округе.

— А что за гусь этот Фродо, который с ним живет? — спрашивал у Хэма старый Нетак из Уводья. — Хоть он и зовется Сумникс, а все ж наполовину — Брендискок. Не пойму я этих Сумниксов из Хоббитона, чего им жен где-то в Заскочье искать? Известно, там весь народ чокнутый!

— Точно! Они там все с заскоком, — ввернул Дэдди Большеног, сидевший тут же, за столиком (дело было, конечно, в «Ветке Плюща»). — А чего удивляться? Живут на неправильном берегу, почитай что в Пуще самой, а там — место дурное, даже если хоть полправды есть в том, что про этот лес болтают.

— Оно, конечно, верно, Дэд, — покряхтел Старичина Хэм — Не то чтобы Брендискоки из Заскочья в самой Пуще жили, но порода чудная. Экая блажь: на лодках этих самых по реке ездить! Как это: по воде ездить — да сухим! Шебутной народ. Да только молодой господин Фродо не из таковских. Он, слышь, сильно на нашего Бильбо похож, и не только с виду. Отец-то у него все-таки Сумникс был. Вполне, между прочим, уважаемый хоббит господин Дрого. Да что толку, раз его булькнули.

— Э-э, как это — булькнули? — переспросило сразу несколько голосов. И эту, и другие мрачные истории здешние хоббиты слыхали не по одному разу, конечно, но в Хоббитоне страсть как любят всякие семейные были и небылицы и готовы слушать их хоть до морковкиного заговения.

— Так ведь дело-то как было, — оживился Хэм. — Господин Дрого, значит, женился на этой бедняжке Примуле Брендискок. Бильбо она приходилась кузиной по материнской линии, мать-то у ней была младшенькой Старого Тука, а господин Дрого нашему Бильбо в аккурат — троюродный кузен. Стало быть, Фродо сразу и двоюродный и троюродный ему племянник. Хэ! Наш пострел везде поспел, как говорится. Раз гостил господин Дрого у тестя, у мастера Горбадока, значит, в Брендинорье (он там частенько после женитьбы гащивал — очень покушать любил, — а вы знаете, как у Горбадока кормят!). Стало быть, отправились они домой на лодке этой самой, да на середине Брендидуина возьми да булькнись, и он, и жена его, а Фродо маленький сироткой остался...

— А я слыхал, это самое, они при лунном свете покататься решили, — вмешался старый Нетак. — Ну а Дрого-то был солидный хоббит, вот под ним лодка и потопла...

— Да нет. Это жена его спихнула, а он за нее ухватился, вот они оба и булькнулись, — тут же перебил мельник Песошкинс.

— А ты больше слушай, что тебе наболтают! — огрызнулся Хэм, недолюбливавший мельника. — «Спихнула!» Скажешь тоже! В этих самых лодках пошевелиться-то нельзя, сразу опрокинешься. Ну, дело не в этом. Главное, остался Фродо сиротой в одночасье, да среди этих свихнутых из Заскочья, да в толкотне тамошней — у старого Горбадока меньше сотни родственничков и не гостило никогда. Господин Бильбо очень великодушно поступил, когда выручил паренька из этой компании. Оно конечно, для Дерикуль-Сумниксов удар был. Когда он в тот раз ушел да сгинул, они уж совсем было заполучили Засумки, а он возьми да вернись, пришлось им убираться восвояси несолоно хлебавши. С тех пор господин Бильбо наш живет и живет, хоть бы на день постарел! Вот и на здоровье! Дерикули аж зеленые со злости. А тут — на тебе! Наследник! Да еще все бумаги выправлены честь по чести. Теперь Дерикулям Засумками только снаружи и любоваться.

— А верно поговаривают, что в этих Засумках приличный кус деньжат засунут? — поинтересовался какой-то чужак, прибывший из Микорыта в Хоббитон по делам. — Под Горкой, говорят, ходов полно, а там все сундуки, сундуки, а в них все золото, золото?

— Ну, тогда ты больше моего знаешь, — проворчал Хэм. — Наш Бильбо живет — нужды не знает, но чтоб ходы рыть — про такое я не слыхивал. Помнится, я еще в дорастках ходил, лет шестьдесят тому, когда он вернулся и торговал Засумки. Хаткинс меня как раз приглядывать за садом ставил, чтобы, значит, народ лишний без толку не шастал. Как сейчас помню, господин Бильбо на Горку поднялся и пара пони при нем. Два сундука точно было, может и с сокровищами, — в тех краях-то, говорят, аж горы золотые, — но чтобы ради двух сундуков ходы рыть — это зачем же? Вот парнишка мой, Сэм, стало быть, он в усадьбе все ходы-выходы знает, а никаких таких богатств особых тоже не видал. Он у меня прямо помешался на историях, которые ему Бильбо рассказывал, пока грамоте учил. А что? Вреда ведь от нее не будет. По мне, я ему говорю, картошка да капуста лучше эльфов с драконами, да и по тебе тоже. Не путайся ты во всякие умные дела да в чужие заботы. А то — забот полон рот, а толку никакого! Вот как я ему говорю, и другим бы то же самое сказал, — добавил Хэм, поглядывая на чужака с мельником.

Однако похоже было, что слушателей он не убедил. На слухах о сокровищах Бильбо выросло не одно поколение хоббитов.

— Может, оно и так, да ведь он и потом не раз отлучался, поди, немало прибавил к первой-то порции, — выразил общее мнение Песошкинс. — Вы гляньте, кто его навещает: гномы всякие да еще этот колдун старый, Гэндальф, и прочие не лучше. Ты мне можешь сколько угодно заливать, а я тебе скажу: Засумки — место подозрительное и народ там — с заумью.

— Ты, конечно, здорово в этом понимаешь, — ядовито ответил Хэм, чувствуя, что сегодня мельник не нравится ему больше обычного, — может, в других местах куда как лучше. Тут вот неподалеку живут некоторые в норах с позолоченными стенами, да что-то я не слыхал, чтобы там гостю кружку пива поднесли, а на Сумкиной Горке гостю завсегда рады. Вот и с Рождением этим... Сэм мой говорит, что на праздник каждого пригласят, а кого пригласят, тому и подарки будут, каждому, вот оно что! И не когда-нибудь, а уже в этом самом месяце!

«Этот самый месяц» был сентябрь, такой чудный, какого давно не помнили. Спустя пару дней пополз слух (не иначе как от всезнайки Сэма) о готовящемся фейерверке, да таком, которого не видали больше века, с самой кончины Старого Тука.

Утро да ночь — сутки прочь. Тот День постепенно приближался. Как-то под вечер в Хоббитоне появилась и с трудом поднялась в гору повозка. Пораженные хоббиты повысыпали из дверей, таращась на невиданный экипаж. На козлах, распевая песни, сидели длиннобородые гномы в плащах с капюшонами. Некоторые из них остались в Засумках, а прочие скоро уехали. Но то было только начало. Не прошло и двух недель, и от Брендидуинского Моста появилась двуколка. Вожжи держал в руках высоченный старик в длинном сером плаще с серебристым шарфом и в остроконечной синей шляпе. Долгая белая борода и густые брови украшали лицо приезжего. Хоббитята, нюхом почуяв фейерверочные штуки, с гомоном проводили двуколку до ворот Засумок. У дверей Бильбо старик начал выгружать кучу свертков, пакетов и коробок самых разных размеров. На всех стояла яркая красная метка ᚷ, а рядом та же буква «Г» была повторена эльфийскими рунами ᛉ.

Конечно, «Г» обозначало «Гэндальф», а рядом с коробками стоял и сам маг, известный в Шире искусник по части огней, дымов и светов. Были у него и другие дела, посерьезней и поопасней фейерверков, но о том ширский народ не знал и не думал. Хоббитам его появление сулило дивные развлечения. «Серый дед-огневед!» — кричала ребятня, а старик слушал и улыбался. В Хоббитоне он бывал наездами и никогда не оставался надолго, но его хорошо знали, если не в лицо, то по рассказам, а вот о потешных огнях только слышали.

Гномы с помощью самого Бильбо споро перетаскали все в дом, и хозяин оделил хоббитят мелкой монетой, но, к их глубокому разочарованию, ни одной нарядной шутихи, ни одной хлопушки им не перепало.

— Бегите-ка гулять. Все получите в свое время, — успокоил их Гэндальф.

Дверь закрылась. Хоббитята поглазели на нее еще немножко, да только без толку, и поплелись с холма. Им казалось, что праздник вообще никогда не наступит.

А хозяин и гость сидели возле открытого окна, выходящего в сад. Солнце перевалило за полдень, в воздухе сновали и шуршали стрекозы, все дышало миром и покоем. В саду, как бывает только перед осенью, буйствовали цветы. Львиный зев, настурции, подсолнухи заглядывали в круглые окошки.

— Какой яркий у тебя сад, — заметил Гэндальф.

— Да, — просто согласился Бильбо. — Знаешь, я очень люблю его, и весь этот добрый старый Шир тоже, но, видно, пора мне отдохнуть.

— Значит, все-таки будешь делать, как решил?

— Решил-то я давно, а вот решился, пожалуй, только сейчас.

— Ну и ладно. Раз решил — делай. Только уж делай, как задумал, глядишь, еще и обойдется все, и для тебя, и для других тоже.

— Ох, хорошо бы. Но уж в четверг я повеселюсь. Очень мне хочется сыграть одну маленькую шутку...

— Интересно, кто смеяться будет? — покачал головой Гэндальф.

— Там посмотрим, — беспечно ответил Бильбо.

На следующий день к Горке потянулась вереница повозок. Еще с понедельника из Засумок посыпались заказы на все съедобное и несъедобное, что только можно было приобрести в Хоббитоне, Уводье и окрестностях. Народ воодушевился, пообборвал лишние листки в календарях и принялся высматривать почтальона в ожидании приглашений. И приглашения не заставили себя ждать. Их было столько, что пришлось кликнуть добровольцев на подмогу. На Горку потекли ответы с вариациями на тему: «Благодарю Вас, непременно буду».

На воротах Засумок появилась табличка: «Беспокоить только по гостевым делам», но даже те, у кого такие дела находились, редко проникали в дом. Бильбо был занят: писал приглашения, отмечал галочкой в списке ответы, упаковывал и надписывал подарки и занимался кое-какими личными приготовлениями. Маг не показывался.

Проснувшись как-то поутру, хоббиты узрели большой луг перед усадьбой перегороженным веревками и утыканным шестами для палаток и павильонов. На склоне холма появились ступени, ведущие от самой дороги, и огромные белые ворота. В Тугосумах, соседней деревеньке, изнывали от любопытства и зависти. Старичина Хэм бросил делать вид, будто занят в саду работой.

Шесты начали одеваться цветными полотнищами. Один павильон особенно отличался размерами: в него поместилось даже большое старое дерево, росшее посреди луга. Теперь ветки его украсились множеством фонариков, пришедшихся как раз над главным столом. Красиво, конечно, но хоббитов больше занимала кухня, сооруженная прямо под открытым небом в северном углу луга. Там с утра до ночи суетилось множество поваров и поварят из окрестных трактиров, призванных в помощь гномам и прочему пришлому люду, поселившемуся в последнее время на Горке. Возбуждение, владевшее хоббитами, достигло предела.

В среду, в самый канун праздника, небо нахмурилось и этим всех весьма обеспокоило. Однако четверговый рассвет рассеял тучи, а вместе с ними и опасения ворчунов. С восходом солнца затрепетали на высоких шестах разноцветные вымпела, и веселье началось.

Бильбо звал в гости, но правильнее было бы сказать — на всеобщее народное гулянье. Все соседи получили приглашения. Те немногие, которых забыли, тоже пришли. Гости прибывали из других Четей, а кое-кто даже из-за границы. Возле

новеньких белых ворот гостей и сопровождающих встречал сам Бильбо и раздавал подарки направо и налево. Подарки получали и приглашенные, и неприглашенные, и даже те, кто потихоньку выходил через дальнюю калитку и входил в ворота снова. Так заведено в Шире — дарить подарки на свой день рождения. Обычай древний и весьма приятный, хотя и не всегда подарки оказываются такие дорогие и щедрые, как в этот раз.

В Хоббитоне и в Уводье что ни день, так обязательно чьенибудь рождение, поэтому уж раз-то в неделю каждый хоббит смело может рассчитывать на подарок, — и до сих пор никто на усталость не жаловался. Однако сегодня подарки были просто отменные. Малолетки пришли в буйный восторг и даже про еду забыли. Таких игрушек они отродясь не видывали. Одна другой лучше, и наверняка есть волшебные. Причины для восторгов действительно имелись: многие игрушки заказывались еще год назад и проделали неблизкий путь — это была настоящая гномья работа.

Когда наконец поток гостей иссяк, на лугу начались танцы, игры, зазвучала музыка и песни. И конечно же — пир. Были задуманы три перемены: завтрак, чай и обед (он же — ужин), но разницы между ними оказалось немного. Просто во время завтрака и чая все гости сидели за столами и дружно жевали; в остальное время за столами все равно жевали, но не все. Кушали непрерывно с одиннадцати до половины седьмого, когда в небе вспыхнули первые потешные огни. Пришел черед Гэндальфа. Все здесь, от замысла до исполнения, принадлежало ему. Маг сам и запускал все эти дивные ракеты. Высоко в небе они взрывались, вспыхивали звездами, разлетались на части, и каждая горела своим огнем, создавала свой узор. Попутно Гэндальф щедро раздаривал шутихи, хлопушки, пугалки, пищалки, гром-гремушки и еще успевал поджигать гномьи свечи, эльфийские фонтаны и мерцающие звезды. Зрелище получилось незабываемое. Мастерство Гэндальфа явно росло с годами. В небо поднимались огни, похожие на стаи птиц, — они еще и пели к тому же. Вырастали зеленые деревья с дымными стволами, на них стремительно распускались листья, светящиеся ветви роняли сияющие цветы прямо на восхищенных зрителей; цветы таяли, не достигая земли, оставляя в воздухе нежный аромат. Взлетали рои огнистых бабочек и, переливаясь, порхали среди горящих ветвей; в небо рвались стройные колонны, через миг превращавшиеся в орлов, в величавые парусные корабли или в строй плывущих лебедей; разражалась желтым ливнем багровая туча; потом вдруг с громовым кличем вверх устремились сотни серебряных копий, грациозно повернулись и со змеиным шипом вонзились в речную гладь. А последний сюрприз, подготовленный Гэндальфом в честь Бильбо, просто доконал собравшихся. Все огни погасли. Вверх медлен-

но поднялся огромный клуб дыма и обрел очертания одинокой горной вершины. Оттуда рванулись зеленые и алые струи огня, а вслед за ними взлетел дракон, красный и золотой, ростом поменьше обычного, но до ужаса настоящий: из пасти вырывается пламя, глаза свирепо уставились вниз. Дракон взревел и трижды дохнул поверх голов толпы на лугу. Все разом пригнулись, многие попадали на траву, а дракон со свистом промчался над палатками, перекувырнулся в воздухе и взорвался над Уводьем.

Когда гости немного пришли в себя, Бильбо пригласил всех на ужин. Тут уж взяли себя в руки даже испугавшиеся по-настоящему. Разве можно заставлять ждать себя, когда речь идет о превосходном ужине! Хоббиты гурьбой устремились к столам, а некоторые особо приглашенные проследовали в большой павильон с деревом на семейное торжество. Таких набралось двенадцать дюжин — ровно гросс (вообще-то у хоббитов гросс — счетное число для скота и не очень-то годится для гостей); в основном — родня Бильбо и Фродо, несколько близких друзей и Гэндальф. Приглашения оказались у многих молодых хоббитов, допущенных к столу с родительского позволения (в Шире спокойно относятся к тому, что дети засиживаются допоздна, особенно если при этом представляется случай лишний раз поесть. Ведь на воспитание подрастающего поколения уходит столько провизии!).

Гросс состоял из Сумниксов и Умниксов, Туков и Брендискоков, Рытлов (родня Бильбо по бабушке) и Хрюклов (родня, наоборот, по дедушке), Кроттов и Пузиксов, были Помочь-Лямкинсы и Дудкинсы, Сдобкинсы и Бобровники, а также Большеноги. Многие могли похвастаться лишь очень отдаленным родством с хозяином, а некоторые и в Хоббитоне-то до этого никогда не бывали. Дерикуль-Сумниксов представляли Отто и его жена Лобелия. Вот уж кто терпеть не мог Бильбо! Но пригласительный билет, написанный золотыми чернилами, был так красив, а стол их кузена так известен, что отказаться было совершенно невозможно.

Все сто сорок четыре гостя предвкушали небывалый пир и если чего и опасались, так неизбежной послеобеденной речи хозяина. Бильбо ведь мог и стихами заговорить, а после пары стаканчиков, бывало, заводил разговор про свои нелепые приключения в каких-то немыслимых краях. Однако опасения опасениями, а пир превзошел все ожидания: богатый, обильный, разнообразный, он все продолжался и продолжался. Окрестные продуктовые лавки позакрывались на неделю, из них все было выбрано подчистую. Но как оно никуда не делось, а все было тут, на столах, убытка никто не понес.

Когда гости слегка осоловели, настало время Речи. Народ за столами пребывал в том приятном удовлетворении, когда можно лениво поковыривать любимые блюда, потягивать лю-

бимые напитки и не страшиться никаких речей, даже в стихах. Они были согласны выслушать что угодно и даже похлопать при необходимости.

— Дорогие мои! — начал Бильбо, поднявшись с места. «Слушайте! Слушайте!» — заорали все, и клич пошел гулять по рядам, нарастая и сопротивляясь собственному смыслу. Бильбо перешел под дерево и влез на стул. Свет от фонариков блестел на его сияющей физиономии, сверкал на золотых пуговицах расшитого шелкового жилета, и весь он был на виду у собравшихся. Одной рукой он помахивал в воздухе в такт словам, а другую держал в кармане.

— Мои дорогие Сумниксы и Умниксы, — начал он снова, — дорогие мои Туки и Брендискоки, Рытлы и Хрюклы, Пузиксы и Кротты, Помочь-Лямкинсы и Дудкинсы, а также Сдобсы!

— И Большеноги! — заорал старый хоббит из глубины павильона. Конечно, это был Большеног, его огромные, редкостно шерстистые лапищи покоились на столе, выставленные на всеобщее обозрение.

— И Большеноги, — согласился Бильбо, — и еще любезные мои Дерикуль-Сумниксы, которых я рад снова приветствовать в Засумках. Сегодня мне исполнилось сто одиннадцать!

— Ура! Долгих лет жизни! — послышались со всех сторон крики, сопровождаемые топотом под столами. Вот это правильно! Вот это Бильбо молодец! Так и надо! Коротко и ясно!

— Надеюсь, — повысил голос Бильбо, — вы веселитесь так же, как и я.

Оглушительные хлопки. Крики «Да!» (и «Нет»). Шум дудок, свирелей и флейт. Молодежь пустила в ход хлопушки и обнаружила внутри маленькие, превосходной работы музыкальные инструменты. В дальнем углу юные Туки и Брендискоки, полагая, что дядюшка Бильбо уже закончил (а чего еще говорить-то?), составили оркестрик и завели веселенькую танцевальную мелодию. Эверард Тук с Мелиссой Брендискок наладились было сплясать на столе «Прыг-Дрыг» — танец милый, но несколько фривольный.

Но Бильбо еще не кончил. Отобрав дудку у ближайшего хоббитенка, он резко дунул в нее три раза. Шум поутих.

— Я не задержу вас долго, — крикнул он и вызвал гул одобрения. — Я собрал вас вместе для одного дела.

Что-то в его словах, в том, как они были сказаны, произвело впечатление. Стало еще тише. Один-два Тука навострили уши.

— По правде, даже для трех дел. Во-первых, сказать вам, как я люблю вас всех, а сто одиннадцать лет — это слишком мало, когда живешь среди таких славных хоббитов.

Бурный взрыв одобрения.

— Половину из вас я знаю вполовину хуже, чем хотел бы, а другую половину люблю вполовину меньше, чем она того заслуживает.

Пожалуй, сказано было сложновато. Послышалось несколько жидких хлопков, пока остальные прикидывали, надо ли относиться к сказанному как к комплименту.

— Во-вторых, я хотел отпраздновать мой день рождения.

Снова восторг.

— Надо бы сказать: наш день рождения. Сегодня ведь мой племянник Фродо вступает в совершеннолетие и в права наследования.

Несколько снисходительных хлопков от старших и громкие крики: «Фродо! Ура старине Фродо!» — от молодежи. Дерикуль-Сумниксы угрюмо гадали, как понимать слова «вступает в права наследования».

— Нам на двоих — сто сорок четыре, да и вас здесь столько же: один гросс, можно сказать.

Пожалуй, это была бестактность. Вдруг многие гости сообразили (а Дерикуль-Сумниксы в особенности), что их позвали только для ровного счета, как иногда в ящик с бутылками напихивают всякую ветошь, чтобы не звенело. «Гросс! — послышалось фырканье. — Довольно-таки вульгарно!»

— А еще сегодня годовщина моего прибытия на бочке в Эсгарот на Долгом Озере. Тогда-то я не вдруг и вспомнил о своем дне рождения, не до того было. Знаете, в пятьдесят один как-то не очень за этим следишь. Но ужин был хорош. Помнится, я подхватил тогда жуткий насморк и мог сказать друзьям только: «Бде очень бдиядно», теперь у меня нет насморка, и я скажу: — мне очень приятно видеть вас на нашем скромном празднике.

Мертвая тишина. Многие чувствовали — от стиха теперь не отвертеться. Эх! Почему бы не кончить говорильню и не дать всем выпить за его здоровье! Но Бильбо не стал декламировать. Он продолжал Речь:

— В-третьих, и в-последних, я хочу сделать *объявление*. — Последнее слово он произнес таким значительным тоном и так громко, что заставил напряженно выпрямиться всех, кто к этому времени еще мог сидеть. — Должен с сожалением объявить, что, хотя, как я уже сказал, мне маловато ста одиннадцати лет, прожитых в таком приятном обществе, пора заканчивать. Я ухожу. Покидаю вас. Сейчас же. Немедленно. Пока!

Он шагнул со стула и исчез. Тут же сверкнула ослепительная вспышка, гости зажмурились, а когда открыли глаза, Бильбо нигде не было. Все сто сорок четыре хоббита, утратив дар речи, откинулись на спинки стульев. Старый Одо Большеног с грохотом убрал ноги со стола. Некоторое время за столом царила полная тишина, а потом все эти Сумниксы, Умниксы, Туки, Брендискоки и прочие загомонили разом.

Общее мнение признало в шутке дурной вкус, и понадобилось немало еды и питья, чтобы сгладить потрясение и досаду. «Свихнутый! Точно! Я всегда говорил!» — слышалось отовсю-

ду. Даже Туки, за редким исключением, сочли исчезновение нелепой выходкой.

Один старый Рори Брендискок, сохранивший, несмотря на обильные возлияния, способность трезво мыслить, сказал своей невестке Эсмеральде: «Что-то за этим кроется, помяни мое слово, дорогуша. Ведь этот шалый Сумникс опять намылился улизнуть. Экий пень старый! Да нам-то что с того? Съестное он ведь не с собой унес». И Рори громко стал призывать Фродо, требуя вина.

Фродо единственный из присутствующих не произнес ни слова. Он сидел возле опустевшего стула Бильбо и, казалось, не замечал ни вопросов, ни недовольства хоббитов. Он знал о готовящейся шутке и порадовался, что она удалась, с трудом удержался от смеха, глядя на обескураженные физиономии гостей, но только сейчас с грустью почувствовал, как не хочется ему расставаться со старым дядюшкой. Он очень привязался к Бильбо, пожалуй, любил его больше всех остальных. Гости вернулись к еде и питью, Дерикуль-Сумниксы, осерчав, ушли, а Фродо, вдруг ощутив усталость от затянувшегося праздника, распорядился насчет вина, молча осушил бокал за здоровье Бильбо и незаметно выскользнул из павильона.

Произнося речь, Бильбо теребил в кармане золотое кольцо, то самое волшебное кольцо, которое он столько лет хранил в тайне от всех. Сходя со стула, он надел кольцо на палец, и больше его с тех пор в Хоббитоне не видел никто.

Он вернулся в дом, постоял, прислушиваясь к гомону на лугу, снял праздничную одежду, аккуратно сложил и убрал вышитый шелковый жилет. Потом быстро накинул старый камзол и подпоясался кожаным поясом. Пристегнул короткий меч в потертых черных ножнах. Открыл ключом ящик в комоде и извлек пахнущий нафталином сильно поношенный дорожный плащ с капюшоном. Несмотря на бережное хранение, плащ совершенно потерял первоначальный вид, даже цвет угадывался с трудом. Наверное, когда-то он был темно-зеленый. Одежда почему-то оказалась великоватой. В кабинете Бильбо достал из огромного стенного шкафа сверток, переплетенный в кожу том и большой конверт. Книгу и сверток уложил в объемистую котомку, в конверт опустил кольцо на тонкой цепочке, немного торопясь запечатал его и надписал крупно: «Фродо». Оглянувшись, он поставил конверт на каминную полку, но вдруг снова схватил и сунул в карман. В этот миг дверь отворилась и вошел Гэндальф.

— Привет, — нервно сказал Бильбо. — А я как раз гадал: появишься ты или нет.

— Рад *видеть* тебя, — отвечал маг, усаживаясь в кресло. — Мне нужно было застать тебя и сказать пару слов. По-моему, ты считаешь, что все прошло превосходно, как ты и задумал, а?

— Пожалуй, — кивнул Бильбо. — Хотя вспышка была очень неожиданной. Даже я растерялся, а остальные — и подавно. Твоя работа?

— Моя, — согласился маг. — Все эти годы ты держал кольцо в тайне, и это было мудро. Ничего другого, чтобы объяснить твою выходку гостям, мне в голову не пришло.

— А шутку мне подпортил. И что тебя все время тянет лезть в чужие дела, — усмехнулся Бильбо. — Впрочем, ты, как всегда, все знаешь лучше других.

— Я лучше делаю, когда *знаю*, — без улыбки ответил маг. — А сейчас у меня уверенности нет. Ладно, дело к концу. Ты добился, чего хотел: напугал или озадачил всех своих родичей и подкинул всему Ширу тему для разговоров. Ее надолго хватит. А дальше?

— Мне нужен отдых, долгий отдых, Гэндальф. Я ведь говорил тебе раньше... Я вряд ли вернусь... да что там! Я ведь и не собираюсь возвращаться. Вот, все уже приготовил. Я старый. Да, знаю, по мне не скажешь, но вот внутри... — Бильбо помолчал. — «Хорошо сохранившийся!» — фыркнул он. — Вовсе нет. Во мне все как-то тает, словно натягивается что-то, если ты понимаешь, о чем я. Ну, как будто кусок масла размазывают по слишком большому куску хлеба. Это же неправильно, да? Вот я и решил что-нибудь изменить.

Гэндальф пристально взглянул на хоббита.

— Да, — медленно проговорил он. — Это неправильно. После всего, что ты сказал, твой план представляется мне наилучшим.

— Ну вот я и решил. Горы снова увижу, а, Гэндальф? А потом найду тихое местечко и отдохну, и никаких тебе родственников, никаких нудных гостей у двери... Мне нужно закончить мою книгу. Я даже конец уже придумал. Вот послушай: «И с тех пор он жил счастливо до конца дней своих».

Гэндальф рассмеялся:

— Конец хорош. Да ведь никто же не прочтет ее, даже с таким концом.

— Ну... прочтут в свое время. Фродо вот уже читал. Ты приглядывай за ним хоть вполглаза, ладно?

— Ладно. Могу даже и двумя глазами.

— Если бы я сказал, он бы ушел со мной, — вздохнул Бильбо. — Да он сам предлагал вместе пойти, но это не по правде. Ему пока и здесь хорошо. А мне уж очень захотелось перед концом повидать дикие края и горы, горы в особенности. А Фродо Шир любит. Ему здесь все мило: и поля, и речушки, и перелески. Ему уютно здесь. Я ведь все ему оставляю, ну, разве что мелочи кое-какие... Пусть распоряжается, может, это ему счастье принесет. Теперь он сам себе хозяин.

— Все оставляешь, говоришь? — прищурившись, переспросил Гэндальф. — И кольцо, стало быть? Ты ведь так хотел?

— Ну да, это, значит, и кольцо... ага, — начал заикаться Бильбо.

— Где оно? — поинтересовался маг.

— В конверте, если уж тебе непременно знать надо, — быстро заговорил Бильбо. — Там, на камине. То есть нет, тут оно, в кармане! — Видно было, что старого хоббита мучают сомнения. — Ведь мелочь же, — мягко сказал он, словно заговаривая сам себя. — Ну и что? Почему бы ему там не остаться?

Гэндальф задержал на Бильбо долгий взгляд, и глаза его сверкнули.

— Я думаю, Бильбо, лучше его оставить. Разве ты передумал?

— Нет, не передумал... Да. Вот дошло до дела, а мне ужасно не хочется расставаться с ним. Да ведь и зачем обязательно расставаться? Зачем это тебе-то нужно? — вдруг вскрикнул он, и голос его странно изменился. Теперь в нем слышались резкие визгливые нотки пополам с досадой. — И всегда ты изводил меня этим кольцом! Я ведь много чего привез из путешествия, почему тебя остальное не заботит?

— Я не изводил тебя, — спокойно сказал маг. — Мне нужна правда. Это очень важно. Волшебные кольца несут в себе древнюю магию, тем и интересны. Мало их на свете. Ты же знаешь, магия — моя специальность, вот я и интересуюсь. Раз ты собрался странствовать, мне нужно точно знать, где будет кольцо. А еще я думаю, что оно слишком долго пробыло у тебя. Больше оно тебе не пригодится, или я ошибаюсь во всем остальном...

Бильбо так и вскинулся на эти слова. Глаза хоббита сердито заблестели, всегда добродушное лицо стало резким.

— А тебе-то что за дело, где мои вещи лежат? — вскрикнул он. — Мое оно, понял? Я его нашел. Оно само пришло ко мне!

— Допустим, — спокойно произнес маг. — А зачем так орать-то?

— А ты сам виноват, — как-то всхлипнул Бильбо. — Ведь говорят же тебе: мое оно. Собственность моя. Моя... моя прелесть. Да, мое сокровище!

Ни одна черточка не дрогнула в лице мага. Только глаза выдавали настороженное удивление.

— Его уже называли так раньше, — проговорил он, — только не ты.

— А я вот сейчас назвал. Ну и что? Знаю я, Горлум так говорил. Но это — раньше. А теперь не его оно, а мое. И будет моим!

Гэндальф встал и заговорил резко, почти грозно:

— Не будь дураком, Бильбо. Каждое твое слово против тебя. Кольцо слишком долго за тебя держалось. Дай ему уйти! Тогда и сам станешь свободен.

— Я буду делать, как мне нравится, — упрямо твердил Бильбо.

— А ну полегче, любезный хоббит, — прервал его маг. — Мы с тобой долго были друзьями, и ты мне кое-чем обязан. Давай-ка, делай, как обещал. Оставь его!

— Если ты сам хочешь мое колечко, так и скажи! — чуть не зашелся в крике Бильбо. — Только ты его не получишь! Я не отдам мое сокровище! — Рука хоббита нащупывала рукоять меча на поясе.

Глаза Гэндальфа полыхнули.

— Ты что-то разошелся, дружок. Смотри, скоро придет мой черед гневаться. Не хочешь ли посмотреть на настоящего Гэндальфа Серого? — Маг шагнул вперед и разом словно вырос до потолка. Его огромная тень заполнила всю комнату.

Бильбо отшатнулся к стене. Рука его вцепилась в карман. Несколько секунд они стояли лицом к лицу, пока воздух в комнате не зазвенел. Гэндальф не сводил с хоббита сосредоточенного взгляда. Бильбо безвольно опустил руки и начал крупно вздрагивать.

— Что это на тебя нашло, право слово? — жалобно выговорил он. — Никогда я тебя раньше таким не видел. В чем дело-то? Оно мое, ведь так? Я его нашел, а Горлум прикончил бы меня, если бы не кольцо. Я ведь не вор, что бы он там ни кричал, ты-то знаешь...

— А я тебя никогда вором не называл, — серьезно отвечал Гэндальф, — а сам и подавно никогда им не был. Я не ограбить тебя стараюсь, а помочь. Хорошо бы ты доверял мне, как раньше.

Он повернулся, и огромная грозная тень съежилась до нормальных размеров. Перед Бильбо снова был седой старец, сутулый и встревоженный. Хоббит провел рукой по глазам.

— Прости меня, — попросил он мага. — Я, знаешь, как-то странно себя почувствовал. Наверное, это даже счастье — не тревожиться из-за него больше. В последнее время я только о нем и думаю. А с некоторых пор, сдается мне, меня все чей-то взгляд ищет. Мне ужасно хочется надеть кольцо, чтобы исчезнуть, спрятаться... А то вдруг думаю: не опасно ли оно, не зашвырнуть ли его подальше. Я уж пробовал запирать его, да места себе не находил, снова в карман клал. Удивительно даже. Видишь вот, не могу решиться.

— Так доверься мне, — посоветовал маг. — Уходи и оставь его. Перестань владеть им. Откажись. Оставь его Фродо, а уж за ним я пригляжу.

Видно было, как нелегко дается Бильбо решение. Наконец он вздохнул.

— Хорошо, — передернул плечами и улыбнулся вымученно. — В конце концов, зачем было и затевать все это. — Он кивнул головой в сторону стены, из-за которой доносился приглушенный шум праздника. — Я ведь думал как: раздарить побольше подарков, тогда, может, легче будет и с ним расстаться. Оказалось, не легче. Просто жаль, если все приготовления прахом пойдут. Так совсем можно шутку испортить.

— Ради него все и делалось,— тихонько подсказал Гэндальф

— Хорошо, — резко произнес Бильбо — Оно останется у Фродо И остальное тоже — Он глубоко вздохнул — Пора мне трогаться, а то как бы не столкнуться с кем Я уже распрощался и начинать все сызнова не вынесу

Он подхватил сумку и направился к двери

— Кольцо пока еще у тебя в кармане, — снова подсказал Гэндальф

— Ох и правда! — воскликнул Бильбо уже другим, освобожденным голосом — И завещание тоже, и остальные бумаги Ты лучше возьми его, передаи сам Так оно спокоиней

— Нет, кольца мне не даваи, — поспешно ответил маг — Положи на каминную полку, как задумал Никуда оно не денется до прихода Фродо Я его дождусь

Бильбо вынул конверт, но в последний миг рука дрогнула, и он выронил его Маг стремительно нагнулся, подхватил конверт и поставил на место, рядом с часами На секунду лицо хоббита замглилось судорогой гнева, но он тут же рассмеялся

— Ну, вот и все Ухожу,— сказал он, выбрал у двери любимый дорожныи посох и, выидя в залу, тихонько свистнул Тут же из трех разных дверей, прервав работу, вышли три гнома

— Все ли готово? — спросил Бильбо — Уложено, надписано?

— Все, — был ответ

— Тогда — в путь! — И хоббит шагнул за порог

Стояла чудесная ночь Бильбо поднял лицо к темному бархатному небу, усыпанному крупными звездами, шумно втянул носом воздух

— Как славно выйти в дорогу на ночь глядя, вместе с гномами! Вот о чем тосковал я долгие годы! Прощаите все Всего доброго! — произнес он с чувством и поклонился своему старому дому — Прощай, Гэндальф!

— Прощаи до поры, Бильбо,— ответил маг, стоя на пороге — Будь поосторожнее Ты уже не юноша, должен понимать, что к чему

— Ха! «Поосторожнеи»! Еще чего! Да не беспокоися ты за меня Я счастлив теперь, а это, сам знаешь, дорогого стоит Время уходит,— добавил он и вдруг тихонько запел

Бежит дорога все вперед
Куда она зовет?
Какой готовит поворот?
Какой узор совьет?

Сольются тысячи дорог
В один великий путь
Начало знаю а итог —
Узнаю как-нибудь

Бильбо оборвал песню, повернулся спиной к огням и шуму на лугу и, махнув рукои гномам, зашагал по тропинке вниз с

холма. Перескочил ограду и сразу затерялся в ночи, словно ветерок, прошелестевший в траве.

Гэндальф с порога долго смотрел ему вслед.

— Прощай, дорогой мой Бильбо, — тихо проговорил он. — Мы еще увидимся. — Он вошел в дом и прикрыл дверь.

Пришедший вскоре Фродо застал мага глубоко задумавшимся в кресле у окна.

— Ушел? — спросил Фродо.

— Да, — ответил Гэндальф, — все-таки ушел.

— Я думал, ну, то есть надеялся до самого сегодняшнего вечера, что это только шутка, — вымолвил Фродо. — А в душе-то знал: уйдет он. Вот, хотел пораньше вернуться, застать его...

— Он сам хотел уйти потихоньку, — сказал маг. — Не кори себя и не беспокойся. С ним теперь все будет в порядке. Он тебе пакет оставил, вон там.

Фродо взял конверт, повертел его в руках и отложил.

— Там, должно быть, завещание и прочие бумаги, — произнес Гэндальф. — И кольцо.

— Кольцо! — удивился Фродо. — Так он и кольцо мне оставил? Вот чудно. С чего бы это? Хотя такая вещь всегда может пригодиться...

— Это как посмотреть, — заметил Гэндальф. — Я бы на твоем месте не стал им пользоваться. Лучше бы о нем не знать никому. И мой тебе совет: храни его понадежней. А теперь пойду-ка я спать.

Фродо понимал: как новый хозяин Засумок, он должен попрощаться с гостями. Теперь уже о странном исчезновении Бильбо узнали все, и все, конечно, приставали к Фродо. Ему оставалось только твердить: «Не сомневаюсь, к утру все разъяснится». После полуночи прибыли повозки — развозить гостей. На каждую набилось помногу очень недовольных хоббитов. Вскоре явились заранее приглашенные уборщики и на тачках развезли тех, кого забыли или не заметили под столами.

Медленно прошла ночь. Встало солнце. Хоббиты проснулись куда позже. На лугу разбирали павильоны, снимали палатки, убирали посуду, лавки, стулья, цветы со столов, забытые сумочки и носовые платки и остатки пиршества, конечно. К слову сказать, еды осталось всего ничего. Потом опять начал подходить народ — на этот раз уже без приглашения. К середине дня даже те, кто вчера укушался основательно, переварили ужин и собрались на лугу перед усадьбой. Толпа получилась не маленькая. Нельзя сказать, чтобы им были рады, но ждать — ждали.

Фродо, стоявший на крылечке, улыбался, но выглядел усталым. Каждого посетителя он приветствовал, но к сказанному вчера смог добавить немного.

— Господин Бильбо в отъезде, — повторял он. — Насколько мне известно, у него все благополучно.

Некоторых пришлось пригласить в дом. Бильбо, уходя, оставил для них «послания», кое-какие подарки и вещи. Все они были помечены, например, так: «Аделарду Туку — в собственную собственность» — надпись на зонтике. Аделард был известен множеством прихваченных в разное время по ошибке чужих зонтов. «Для Доры Сумникс — в память о долгой переписке с любовью от Бильбо» — на вместительной корзине для бумаг. Дора приходилась сестрой Дрого и была старейшей родственницей Бильбо и Фродо. В свои девяносто девять она имела только одну страсть — писать пространные письма, начиняя их добрыми советами. «Милу Кротту — вдруг да понадобится — от Б. С.» — на золотом пере с чернильницей. Мил сроду не ответил ни на одно письмо. «Ангелике на пользу от дядюшки Бильбо» — на хорошеньком зеркальце. Она была младшей из Сумниксов и день-деньской могла разглядывать в зеркале свою миленькую мордашку. «Для коллекции Хуго Помочь-Лямкинсу от пожертвователя» — на пустой книжной полке. Хьюго обожал брать книги, но отдавал только в крайнем случае. «Лобелии Дерикуль-Сумникс в подарок» — на коробке с серебряными ложками. Бильбо не без основания подозревал, что она перетаскала немало ложек из буфета Засумок во время его предыдущего путешествия. И Лобелия знала о его подозрениях. Однако она стойко вынесла оскорбление и унесла ложки. Таких подарков было множество — всех не перечислишь. За долгую жизнь в доме скопилась куча ненужных вещей. Это весьма свойственно и другим хоббитским жилищам, они все почему-то быстро захламляются. Потому-то давний обычай — дарить подарки на собственный день рождения — так уважают. Подарки, конечно, не всегда новые. Бывает, один-два *маттома* забытого назначения кочуют по всей округе, переходя из рук в руки, но у Бильбо такого не случалось. Он всегда все дарил по первому разу и хранил полученное от других. Теперь, после памятного дня рождения, усадьба стала выглядеть почище.

Не все подарки были с намеком. Много вещей разошлось точно по назначению, туда, где их ждали и нуждались в них. В Тугосумах жило много бедноты, там дары Бильбо вызвали подлинную радость. Например, Старичина Хэм получил два мешка картошки, новую лопату, шерстяной жилет и мазь для суставов. Старый Рори Брендискок, хозяин бедный, но радушный, очень порадовался дюжине бутылок «Старой Винодельни» — крепкого красного вина из Южной Чети, в меру выдержанного, заложенного в погреба еще отцом Бильбо. Рори после первой же бутылки простил Бильбо все и объявил его славным малым.

После раздачи Фродо остался владельцем добротной обстановки, книг, картин и необходимых припасов. Никакого на-

мека на деньги или драгоценности не было и в помине: даже в подарках не попалось ни одной монетки, ни единого камешка.

Уже после полудня Фродо пришлось потрудиться. Кто-то пустил слух, будто имущество Засумок раздают задарма. Понабилась туча народа; многие хоть и понимали, что зря пришли, да выйти уже не могли. Ярлыки стали отрываться и путаться, то и дело вспыхивали ссоры. Кое-кто прямо в доме начал меняться и торговать подарками. Пришлось придерживать тех, кто пытался исправить желания бывшего хозяина и прихватывал вещь, которую считал ну прямо для него предназначенной. Дорогу к воротам забили тележки и тачки.

В разгар суеты явились Дерикуль-Сумниксы. Фродо к этому времени покинул театр подарочных действий, чтобы отдохнуть хоть немного, и передал командование своему другу Мерри Брендискоку.

Когда Отто громогласно пожелал видеть Фродо, Мерри с вежливым поклоном сказал:

— Ему нездоровится. Он отдыхает.

— Прячется, значит,— тут же встряла Лобелия.— Ну да мы хотим его видеть и увидим! Иди-ка, скажи ему об этом.

Мерри оставил их в зале на время, достаточное для отыскания причитавшихся им ложек. Однако на этом Дерикули не успокоились. Когда их наконец провели в кабинет, Фродо сидел за столом над бумагами. Вид у него был усталый. Завидев входящих родственников, он встал, нащупывая что-то в кармане.

Дерикуль-Сумниксы пошли в наступление. Сначала они принялись торговаться, предлагая за разные ценные вещи, не предназначенные к раздаче, смехотворные цены. Когда же Фродо ответил, что дарит только предметы, отобранные самим Бильбо, они заявили, что все это весьма подозрительно.

— Ты-то своего не упустил, я полагаю, — набычился Отто. — А ну, предъяви завещание.

Если бы не Фродо, наследником стал бы Отто Дерикуль-Сумникс. Он внимательно прочел документ и гневно фыркнул. К несчастью для него, документ был составлен честь по чести, а подписи семи свидетелей, сделанные красными чернилами, красовались там, где им положено.

— Опять мимо! — в сердцах сказал он жене. — Это надо же! Шестьдесят лет ждать и чего дождаться? Ложек? Тьфу!

Но от Лобелии так легко было не отделаться. Когда спустя некоторое время Фродо вышел из кабинета, то нашел ее деятельно исследующей все уголки и закоулки. Она как раз принялась простукивать полы. Пришлось решительно выпроводить ее за порог, предварительно освободив от нескольких ценных вещиц, случайно завалившихся к ней в зонтик. При прощании ли-

цо Лобелии исказили муки творчества. Она пыталась создать сокрушительную прощальную фразу, но в итоге ограничилась простой грубостью:

— Ты еще пожалеешь об этом, молокосос! Ты-то чего с ним не ушел? Ты же нездешний! Какой ты Сумникс! Ты... ты... Брендискок ты, вот ты кто!

— Слыхал, Мерри? Вот какие оскорбления приходится выслушивать! — сказал Фродо, закрывая за ней дверь.

— Разве это оскорбление? — откликнулся Мерри. — Это же комплимент. Правда, незаслуженный.

Им пришлось еще раз обойти усадьбу дозором. Сначала они обнаружили трех молодых хоббитов (двух Умниксов и одного Пузикса), усердно ковырявших дырки в стенах одной из кладовок. Потом пришлось выдержать маленькое сражение с Санчо Большеногом, внуком старого Оддо. Он как раз приступил к интенсивным раскопкам в другой кладовой, ему там эхо особенное почудилось. Всех этих кладоискателей подогревало древнее правило: если богатство добыто колдовским способом, то кто найдет его (если не помешают), тому оно и достанется.

Выставив наконец Санчо, Фродо повалился в кресло.

— Мерри, закрывай лавочку, — простонал он. — Запри дверь, никого не пускай, пусть хоть с тараном приходят.

Только он собрался выпить чашку чаю, как в передней снова послышался стук. «Опять Лобелия, — подумал Фродо. — Придумала-таки, что сказать. Ну ничего, подождет». И он принялся заваривать чай.

Стук повторился уже громче, но Фродо решил не обращать внимания. Внезапно в окне показалась голова Гэндальфа.

— Фродо, если ты и дальше намерен не пускать меня, придется дунуть на дверь — ищи ее потом по всей норе!

— Ох, Гэндальф, дорогой! — вскричал Фродо. — Ну, конечно, сейчас же открою, — и бросился в прихожую. — Входи. Я ведь думал, это Лобелия.

— А-а, тогда прощаю. Я встретил ее. Она направлялась в Уводье, и с таким видом, от которого и парное молоко вмиг скиснет!

— Да я и сам чуть не скис. Честно. Даже за кольцо уже взялся. Только и оставалось — исчезнуть.

— Это ты напрасно, — сказал Гэндальф, усаживаясь. — Поосторожнее с кольцом, Фродо. Я ведь для того и вернулся, чтобы поговорить с тобой о кольце.

— А что такое с ним?

— Для начала скажи-ка, что ты уже знаешь?

— Только то, что Бильбо рассказывал. Ну, как он нашел его, да как пользовался им в путешествии. Ты же знаешь эту историю.

— Интересно, какую именно? — усмехнулся маг.

— Да нет, не ту, что он гномам рассказывал, а потом в книгу записал, — махнул рукой Фродо. — Он мне настоящую историю рассказывал. И еще сказал, что ты донимал его, пока не узнал всей правды, поэтому лучше и мне знать. Помню, он так и сказал: «Между нами секретов быть не должно, а дальше нас они не пойдут. Теперь ты видишь: кольцо мое».

— Любопытно, — отозвался Гэндальф. — Ну а ты что обо всем этом думаешь?

— Если ты насчет «подарочка», то настоящая история куда правдоподобнее. Непонятно даже, зачем было другую придумывать. На Бильбо непохоже, да и вообще — чудно.

— И по-моему, тоже. Но с тем, кто пользуется таким сокровищем, могут и почуднее вещи случаться. Ты имей это в виду и будь с подарком поосторожнее. Ведь в нем могут таиться и другие силы, кроме тех, для невидимости...

— Не понимаю, — честно признался Фродо.

— Да я и сам пока не очень-то понимаю, — ответил маг. — Но после сегодняшней ночи очень мне твое кольцо интересно. Ладно, не беспокойся. Просто послушай моего совета — не пользуйся им, а то, знаешь, пойдут разговоры... И храни его понадежнее, да так, чтоб не знал никто.

— Сплошные загадки, — растерянно проговорил Фродо. — Чего ты боишься?

— В том-то и дело, что сам не знаю. Сейчас мне пора идти. Может, когда вернусь, буду знать больше. Ну, до свидания. — Маг встал.

— Да куда ж ты так сразу? — вскочил Фродо. — Я думал, ты хоть неделю побудешь тут со мной, поможешь мне...

— Помог бы, обязательно помог бы, но теперь вот решил идти. Меня может долго не быть, но я повидаюсь с тобой непременно, как только смогу. Жди меня в любой день, но открыто я больше в Шир не приду. Не любят меня здесь, оказывается. Говорят, спокойствие нарушаю. Бильбо вот похитил, если не хуже. Поговаривают, — маг подмигнул, — мы с тобой сговорились, чтобы здешние сокровища прикарманить.

— Да ну их! — воскликнул Фродо. — Это ведь Отто с Лобелией. Фу, гадость какая! Да я бы им не только Засумки отдал, но еще и от себя бы добавил, лишь бы вернуть Бильбо или вместе с ним бродяжить уйти. Только я Шир люблю, — вздохнул он. — Правда, если так дальше пойдет, меня тоже странствовать потянет. Интересно, увижу я Бильбо когда-нибудь?

— Мне тоже интересно, — ответил маг, — и не только это. Ладно, до свидания, малыш. Береги себя. И жди меня. Особенно в неподходящее время. Всего доброго!

Фродо проводил мага до дверей. Гэндальф махнул на прощание рукой и ушел, шагая удивительно быстро. Но Фродо,

глядя на его согбенную спину, вдруг подумал, что старый маг несет на плечах груз куда более серьезных забот, чем потешные огни. Серый плащ мелькнул в наступающих сумерках и пропал.

Прошло немало времени, прежде чем Фродо встретил Гэндальфа снова.

Глава 2
ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Гэндальф оказался прав. Новое исчезновение Бильбо дало пищу разговорам не только в Хоббитоне, но и по всему Ширу. Об этом судачили год, а вспоминали и того больше. Со временем Сумникс-заумникс, исчезающий с треском и блеском, а появляющийся с мешком золота и драгоценных камней, стал любимым героем всяческих баек и страшных историй, из тех, что так хорошо слушаются зимой у камина.

Но пока история была у всех на слуху, у очевидцев и их слушателей постепенно сложилось единодушное мнение о старом беспутном Бильбо, который, видно, свихнулся окончательно и удрал неведомо куда, чтобы сгинуть в реке ли, в болоте ли; да ведь и то сказать: пожил, пора и честь знать. Ну а сбил его с панталыку, вестимо, Гэндальф.

— Ладно — Бильбо,— качали головами старики,— лишь бы этот проклятущий чародей Фродо в покое оставил. Может, уймется малый, наберется ума, еще, глядишь, нормальным хоббитом станет!

Ко всеобщему удивлению, маг оставил-таки Фродо в покое и сам, в свою очередь, куда-то запропал. Да только ума это Фродо не прибавило. Уже очень скоро за ним прочно укрепилась репутация хоббита со странностями. Начать хоть с отказа от траура! На следующий год Фродо, нимало не заботясь о том, как посмотрят на это соседи, устроил праздник в честь стодвенадцатилетия Бильбо. Правда, торжество получилось скромным — гостей собралось не больше двадцати, да и тех, как говорят хоббиты, «едой припорошило, винцом покрапало»,— и о празднике скоро забыли. Однако через год Фродо дал понять, что намерен отмечать день рождения сгинувшего дядюшки ежегодно, и скоро к этому привыкли. Сам Фродо не раз говаривал, что не верит в кончину Бильбо, но на вопросы о том, где же тогда искать старого хозяина Засумок, только пожимал плечами.

Жил он один, но друзей имел, не в пример Бильбо, много — в основном молодежь из рода Старого Тука. Они и раньше частенько навещали Засумки, а теперь и вовсе чувствовали себя здесь как дома. Чаще других Фродо навещали Фолко Умникс и Фредегар Пузикс, но в ближайших друзьях ходили Перегрин

Тук (которого все звали попросту Пиппин) и Мерри Брендискок (настоящее-то имя — Мериадок, но об этом редко кто вспоминал). Вот эта троица и бродила по всему Ширу, хотя часто Фродо, к удивлению добропорядочных хоббитов, видели и одного, то на тропинках Уводья, а то и вовсе в Северной Чети, в холмах, под звездами. Мерри и Пиппин полагали, что их друг, как раньше Бильбо, гостит у эльфов.

Шло время, и вот сначала кто-то один, а потом и многие стали замечать и за Фродо признаки «отменной сохранности». Внешне он выглядел здоровым, энергичным хоббитом, едва вышедшим из дорослков, да ведь лет-то ему было уже немало.

Приятно чувствовать себя хозяином настоящего имения, «господином Сумниксом с Сумкиной Горки», весьма приятно, и несколько лет Фродо был совершенно счастлив и совсем не заботился о будущем. Но от года к году где-то в самой глубине сознания хозяина Засумок росло сожаление о неких упущенных возможностях. Временами, особенно осенью, он вдруг начинал грустить о каких-то диких краях, и странные видения незнакомых гор наполняли его сны. Тогда-то Фродо и говорил себе: «А что? Может, однажды и я уйду за Реку», но тут же отвечал: «Не сейчас, конечно, когда-нибудь потом».

Он и не заметил, как промчался четвертый десяток, близилось пятидесятилетие. Дата казалась ему значительной, если не грозной. Бильбо было столько же, когда его настигло Приключение. Покоя уже не было; старые, милые и такие знакомые тропинки наскучили Фродо. Он теперь часами просиживал над картами и все гадал: что там, за границами, что таят эти сплошные белые пятна? Все чаще и все дальше уходил он один, вызывая у Мерри и остальных друзей нешуточное беспокойство.

В ту пору в Шире как никогда развелось разных чудных странников, и Фродо не раз замечали беседующим с этим перехожим людом. Шир полнился слухами о небывалых событиях, творящихся в мире, а Гэндальф сгинул напрочь и за несколько лет не удосужился даже весточки о себе подать, так что Фродо по мере сил собирал новости. Эльфы, которые раньше в Шир почти не заглядывали, вдруг двинулись на запад. В вечерних сумерках они шли по лесным тропинкам, шли и не возвращались, покидали Среднеземье, предоставляя разбираться с новыми тревогами и заботами остающимся. Затем на дорогах стали встречать гномов, да столько, сколько никогда не видели. Древней Западной Дорогой они и прежде добирались к своим копям в Синих Горах, но вообще-то она вела в Серебристую Гавань. Именно от гномов и получали в Шире новости, да только гномы неразговорчивы, а хоббиты нелюбопытны. Однако теперешние гномы были все больше чужедальние и не к

древним копям направлялись, а просто искали пристанища на западе. Вид у них был встревоженный, и Фродо не раз приходилось слышать произнесенное шепотом слово «Враг» и зловещее название страны далеко на востоке — Мордор.

Не сказать, чтобы оно было совсем незнакомым — оно маячило зловещей тенью в глубинах самых седых легенд. По последним слухам выходило, что злая сила, изгнанная Белым Советом из Сумеречья, тут же объявилась в древних твердынях Мордора. Говорили о Темной Крепости, отстроенной заново... Там рассадник войн и сердце страха, расползающегося по жилым землям. Беглецы сообщали, что в горах снова развелись орки. Да что орки! Тролли появились: коварные, вооруженные, куда более опасные, чем встарь. И полз шепоток о существах еще более жутких, неведомых доселе и неназываемых.

Большинство-то хоббитов по-прежнему не брало эти разговоры в голову, но отмахиваться от беспокойных вестей становилось все затруднительнее. Некоторые ведь бывали по делам в Приграничье и тоже рассказывали о всяких неприятных диковинках.

Как-то раз, по весне, аккурат в год пятидесятилетия Фродо, в «Зеленом Драконе» — трактире на дороге в Уводье — в самой, можно сказать, середине Шира — состоялся примечательный разговор.

В углу, возле камина, сидел Сэм Гэмджи — сын Старичины Хэма, а против него нянчил кружку мельников Тэд Песошкинс. Вокруг собрался прочий деревенский люд, со вниманием прислушивавшийся к беседе.

— Много странного всякого слыхать у нас в последние дни, — говорил Сэм.

— А, брось! — отмахнулся Тэд. — Ты слушай больше, не такое услышишь. Всякой брехни мне и дома хватает.

— Может, у тебя дома брехни и хватает, про то тебе виднее, — не спустил мельнику Сэм, — а в том, что говорят, правды больше, чем ты думаешь. Ведь разговоры откуда-то берутся, верно? Вот хоть драконов возьми...

— Спасибо, обойдусь, — ответил Тэд. — Когда маленький был, на всю жизнь про них наслушался, а теперь они мне ни к чему. Есть один в Уводье — наш «Зеленый», и хватит. Верно, ребята? — спросил он под общий хохот собравшихся.

Сэм, посмеявшись вместе со всеми, гнул свое:

— Ладно, не хочешь драконов — не надо. А про ходячие деревья что скажешь? Говорят, видели одно за Вересковой Пустошью на днях...

— Да кто говорит-то?

— А братан мой, Хэл. Он тут работал в Перегорках у господина Умникса, а потом подался на охоту в Северную Четь и сам видел.

— Ага. Хэл твой вечно чего-то видит, особливо то, чего нету.

— Как это — нету? Высоченное, как вяз, а один шаг — семь ярдов!

— Ну, стоит себе вяз и стоит. Эка невидаль!

— Да говорю тебе — шло оно! А потом, всякий знает — нету в Северной Чети вязов!

— Ну, значит, твоему Хэлу и видеть нечего, — победно заявил Тэд.

Многие слушатели одобрительно засмеялись. По их мнению, Тэд заработал очко.

— Все равно, — не уступал Сэм. — Разве мало чудного народа сейчас проходит через Шир? Его что, только Хэл видит? А сколько их еще на границах сворачивает? Сам ведь знаешь, околотни отродясь так не суетились. Я вот слыхал, Эльфы на Запад уходят, к Морю идут, за Белые Башни. — Сэм неопределенно махнул рукой. Ни он сам, да и никто из собравшихся не знали толком, где это самое Море и сколько до него добираться. Но всем было известно древнее предание о Серебристых Гаванях, где время от времени поднимают паруса эльфийские корабли, чтобы уйти из Средиземья и никогда не возвращаться.

— И вот плывут они, плывут за Море, идут на Заокраинный Запад, а нас здесь оставляют, — пригорюнившись, говорил нараспев Сэм, похоже видя перед собой эти гордые и печальные эльфийские корабли, но тут Тэд захохотал во все горло.

— Старые сказки! — авторитетно заявил он. — Ну, плывут и пусть себе плывут. Тебе-то какое дело? Или мне, положим. А потом, видал что ли кто, как они плывут? Да ни одна живая душа в Шире!

— Ну, не знаю, — задумчиво произнес Сэм. Он никому не рассказывал, как однажды издали вроде бы видел эльфа на опушке леса и сильно надеялся еще увидеть. Никакие истории из слышанных в детстве не запали ему в сердце так глубоко, как путаные и отрывочные предания об эльфийском народе.

— Даже в наших краях, — обиженно проговорил Сэм, — есть такие, которые знались с Дивным Народом. Вот хоть господин Сумникс, хозяин мой. Он тоже говорит, что эльфы уплывают, а уж он-то о них кое-что знает. А старый господин Бильбо куда больше знал и мне рассказывал, когда я еще мальчонкой был.

— А-а, оба сдвинутые! — пренебрежительно отмахнулся Тэд. — Старый-то Бильбо просто сумасшедший был, но и Фродо, похоже, по той же дорожке пошел. Вот, значит, откуда твои новости! Так бы и сказал сразу, нам бы голову не морочил. Ладно, я — до дому. Ваше здоровье! — Тэд опорожнил кружку, громко стукнул ею по столу и вышел за порог.

Сэм больше не пытался никого убеждать. Он сидел себе в уголке и думал. Думал о том, что работы в усадьбе непочатый

край, трава вон растет не по дням, а по часам, полоть надо... нет, не только сад был у него на уме. Наконец он вздохнул, допил пиво и вышел потихоньку.

Было начало апреля. После недавнего ливня небо расчистилось, и поздние светлые сумерки незаметно перетекали в ночь. Хоббитон засыпал под ясными звездами, а Сэм неторопливо шагал по дороге и посвистывал задумчиво.

Примерно в это время после долгого отсутствия объявился Гэндальф. Раньше он заглядывал изредка, всегда — неожиданно, всегда — ночью. Посмотрит на Фродо, поговорит о пустяках и перед рассветом — был таков. А потом пропал. И вот уже лет девять о нем не было ни слуху ни духу. Фродо уже подумывал с грустью, что, видать, хоббитские дела совсем перестали интересовать Гэндальфа Серого. Но вот как-то раз тем самым вечером, когда Сэм в задумчивости брел домой, в окне кабинета Фродо раздался знакомый стук. Фродо с радостью бросился открывать, и уже через минуту они с Гэндальфом сидели у окна, разглядывая друг друга.

— Все в порядке, а? — спросил Гэндальф. — Ты все такой же, Фродо!

— И ты тоже, — улыбнувшись, ответил Фродо, а про себя отметил, что Гэндальф выглядит усталым и постаревшим. Хоббит тут же засыпал его вопросами, и за разговорами о последних событиях и о делах самого мага они засиделись далеко за полночь.

Наутро, после завтрака, Фродо затопил камин (после дождей было сыровато), и они снова уселись возле окна. В саду буйствовала зелень, и на каждом листочке, на каждой веточке бриллиантово посверкивали капельки росы. Гэндальфу припомнилась похожая весна — лет, кажется, семьдесят назад, — когда Бильбо сбежал из Засумок, не прихватив с собой даже носового платка. Пожалуй, седины у мага в голове с тех пор прибавилось, борода стала подлиннее, но глаза сверкали по-прежнему, и курил он, развлекаясь пусканием колец, с прежним удовольствием. Фродо же, напротив, сидел погрузившись в беспокойные мысли. Даже утренний свет замглился для него принесенными магом известиями. Наконец он нарушил молчание:

— Ты вчера начал о кольце моем говорить, да сам же решил отложить до света. Ты сказал: оно опаснее, чем я думаю... Так что там с ним такое?

— Видишь ли, — неторопливо начал маг, — оно действительно оказалось неизмеримо могущественнее, чем я предполагал. Сила его столь велика, что никому из смертных не владеть им. Наоборот, это оно завладеет любым своим обладателем.

Это давняя история. Когда-то в Эрегионе эльфы отковали несколько, как вы их называете, волшебных колец. Одни были посильнее, другие — послабее. Сначала, пока они учились, кольца были слабые. Для эльфийских мастеров это была просто интересная задачка, но эльфийские забавы могут оказаться опасными для смертных. А Великие Кольца, изготовленные последними, опасны необыкновенно.

Видишь ли, милый мой, — маг испытующе взглянул на Фродо, — тот, кто владеет одним из Великих Колец, не умирает. Правда, и не живет тоже. Он просто *продолжается* до тех пор, пока не устает от ноши времени. А если он еще и часто прибегает к Кольцу, для невидимости там или для чего другого, — участь его еще горше. Он словно истачивается о время, бледнеет, выцветает, пока не сходит на нет, пока не исчезает для этого мира навсегда, пока не оказывается обречен вечно бродить в нездешнем сумраке под неусыпным взором темной силы, которой подвластны кольца. Это неизбежно, дело только во времени. Если обладатель Кольца крепок духом и чист в помыслах — позже, в прочих случаях — раньше, но темная сила неминуемо подчинит его себе.

— Ужас какой! — вырвалось у Фродо, и в кабинете повисло долгое молчание, прерываемое лишь щелканьем ножниц Сэма в саду.

— И давно ты узнал об этом? — вымолвил наконец Фродо. — А Бильбо как же? Он тоже знал?

— Не больше, чем он тебе рассказывал, — отозвался Гэндальф. — Не стал бы он оставлять тебе Кольцо, если бы считал его опасным. Оно ему казалось прекрасным и полезным, а всякие неприятности, с ним связанные, он относил на свой счет. Он говорил, что Кольцо постепенно занимает все его мысли, он тревожился из-за него постоянно, но и думать не думал, что виновато в этом само Кольцо. Правда, Бильбо заметил, что Кольцо меняет размеры и вес, потому считал необходимым приглядывать за ним (да и за тобой просил) в оба глаза. Он знал, как легко оно может соскользнуть с пальца, на который перед тем едва влезло.

— Да, об этом он предупреждал меня в последнем письме, — кивнул Фродо. — Я его с тех пор всегда на цепочке держу.

— Весьма разумно, — одобрил маг. — Вот свое долголетие Бильбо с Кольцом никогда не связывал. Здоровье он считал своей собственной заслугой и гордился этим еще как. Но в последние годы неуютно ему было. «Тонкий я стал, — говорил он, — словно размазанный». Это Кольцо брало над ним верх.

— И давно ты об этом знаешь? — снова спросил Фродо.

— Знаю? — задумчиво повторил Гэндальф. — Мудрые, Фродо, много знают. Но про *это* Кольцо наверняка я не знаю и сейчас. Догадываюсь о многом, но пока сомневаюсь. Надо про-

верить кое-что. А впервые я стал догадываться... постой, когда же? — Маг потер лоб. — Пожалуй, в тот год, когда Белый Совет выгнал темную силу из Сумеречья. А накануне битвы Пяти Воинств Бильбо нашел Кольцо. Очень мне тогда беспокойно стало, хотя и без причины вроде. Я все думал — откуда у Горлума взялось одно из Великих Колец? А что Кольцо его из Великих — в том сомневаться не приходилось. Потом этот странный рассказ Бильбо про свой «выигрыш». Не поверил я ему. А когда добился от него правды, понял: ведь это он пытается доказать свои права на Кольцо. Ну совсем как Горлум со своим «подарочком на день рождения». Два вранья, и такие похожие, — забеспокоишься тут. В чем дело? Ясно ведь — в Кольце. Это оно заставляло врать своих владельцев. Так я получил первое серьезное предупреждение. Я советовал Бильбо пользоваться им пореже, да только он не слушал, злиться начинал. А что мне было делать? Не отбирать же Кольцо силой, не было у меня на то права. Да и вреда это принесло бы немало. Я мог только ждать и наблюдать. Хотел посоветоваться с Саруманом Белым, да что-то меня удержало.

— Кто это? — спросил Фродо. — Никогда о нем не слышал.

— Ничего удивительного, — улыбнулся маг. — Он хоббитами не интересуется. До сих пор не интересовался, по крайней мере. Саруман — мудрейший из Мудрых, магистр Ордена и глава Совета. Но знания его росли вместе с его гордостью. Он не терпит, когда вмешиваются в его дела. А эльфийские кольца — малые и большие — он изучает давно. Только все, что он говорил на Советах, противоречило моим догадкам. Одних сомнений маловато для действий, и я все ждал, все наблюдал. С Бильбо ведь не случалось ничего плохого. Шли годы, и я снова начинал тревожиться: годы-то шли, да только не для Бильбо! Я успокаивал себя: «Подумаешь, — говорил я, — по материнской линии в роду у него много долгожителей. Куда торопиться? Подождем». И я ждал. Ждал до той самой ночи, когда он собрался уходить. Вот тут я увидел, как он мечется, и мне стало по-настоящему страшно. Никакие слова Сарумана уже не могли меня успокоить. Я своими глазами наблюдал, как действует темная сила. С тех пор я все пытаюсь постичь истину.

— Но ведь ему это не насовсем повредило? — с беспокойством спросил Фродо. — Он ведь оправится со временем, а?

— Ему уже лучше, — улыбнулся Гэндальф, но тут же нахмурился. — В этом мире, Фродо, все о Кольце может знать только одна сила. Правда, ни одна сила в мире не знает всего о хоббитах. Кроме меня, ими никто из Мудрых не интересуется. Это такая незаметная наука, хотя неожиданностей в ней полно. То эти хоббиты мягче масла, а то, глядишь, натыкаешься на них, как на старый древесный корень. Оказывается, некоторые из них способны сопротивляться Кольцу Власти доль-

ше, чем думают Мудрые. Право, не стоит беспокоиться за Бильбо. Да, он долго владел Кольцом и пользовался им иногда, это еще будет сказываться. Думаю, нескоро он сможет увидеть Кольцо снова без опасности для себя. Но жить спокойно и даже счастливо ему никто не мешает. Он ведь сумел расстаться с Кольцом по своей воле, а это очень важно. Нет, о почтенном Бильбо голова у меня больше не болит. Ты — другое дело. Я в последнее время только и занимаюсь этими симпатичными бестолковыми хоббитами. Ты даже не представляешь, какая будет потеря для всего Среднеземья, если темная сила накроет Шир и все ваши Пузиксы, Умниксы, Дудкинсы и Помочь-Лямкинсы (да, чуть не забыл чудаковатых Сумниксов!) станут ее рабами.

Фродо содрогнулся.

— С какой стати? — вырвалось у него. — И зачем этой силе такие рабы?

— Сдается мне, — слегка улыбнулся Гэндальф, — что, на ваше счастье, до недавних пор эта сила и знать не знала о каких-то там хоббитах. Но с *недавних* пор ваше безопасное житье кончилось. Конечно, Врагу вы не нужны — слуг у него достаточно. Но больше он о вас не забудет и не успокоится, пока не превратит счастливых и свободных хоббитов в жалких рабов. По злобе. И из мести.

— Злоба? Месть? — удивленно переспросил Фродо. — Но за что нам мстить? Я так и не понял, какое Врагу дело до нас с Бильбо и до нашего Кольца?

— Ему до всего есть дело, — вздохнул Гэндальф. — Ты пока не видишь грозящей опасности. Я и сам долго сомневался, но теперь время пришло. Я покажу тебе. Дай-ка мне Кольцо на минутку!

Фродо с удивлением достал Кольцо, отцепил с цепочки и неохотно протянул магу. Оно показалось ему таким тяжелым, что он едва сумел вытянуть руку.

Гэндальф взял Кольцо. Оно сияло у него в пальцах чистым золотым блеском.

— Видишь на нем какие-нибудь знаки? — спросил он Фродо.

— Нет там ничего, — ответил хоббит, — и никогда не было. Я сто раз смотрел.

— Ну, тогда смотри еще! — И маг, к ужасу Фродо, бросил Кольцо в камин, в самый жар.

Фродо вскрикнул и схватился за щипцы, но Гэндальф остановил его.

— Подожди! — приказал он, метнув на Фродо внимательный взгляд из-под косматых бровей.

С Кольцом ничего такого не происходило. Оно лежало себе на углях, темнея четким контуром. Спустя минуту-две Гэндальф поднялся, закрыл ставни и задернул занавеску. В ком-

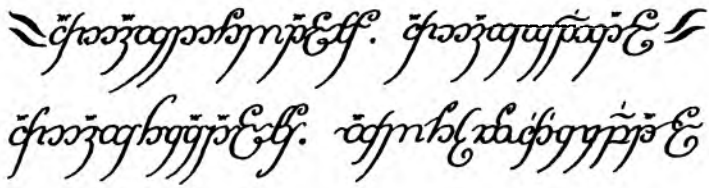
нате стало темно и тихо, только Сэмовы ножницы приглушенно клацали под окном. Маг еще немного постоял, глядя в огонь, потом щипцами выкатил Кольцо из камина и поднял его. Фродо перевел дух.

— Холодное! — сказал Гэндальф. — Держи!

Фродо принял Кольцо дрожащей рукой, и оно показалось ему плотнее и тяжелее обычного.

— Смотри внимательно, — велел Гэндальф.

Фродо вгляделся и, к своему изумлению, обнаружил на совершенно гладкой прежде внутренней поверхности ясно видимые письмена, начертанные тончайшими штрихами. Впрочем, нет, первое впечатление обмануло его. Знаки словно проступали огненно из глубины Кольца.

— Я не могу прочесть, — едва слышно произнес Фродо.

— Не можешь, — жестко подтвердил Гэндальф. — Зато я могу. Руны древние эльфийские, а язык — мордорский. Не надо ему здесь звучать. Я переведу для тебя надпись на Всеобщее наречие. Слушай!

Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою черною волей сковать...

Здесь только две строчки из древнего заклинания, слишком памятного по эльфийским преданиям:

Три — эльфийским Владыкам в подзвездный предел;
Семь — для гномов, царящих в подгорном просторе;
Девять — смертным, чей выверен срок и удел,
И Одно — Властелину на черном престоле

В Мордоре, где вековечная тьма:
Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою черною волей сковать
В Мордоре, где вековечная тьма.

Маг замолчал, а потом продолжал медленно, глухим голосом:

— Это — Кольцо-Владыка. Это оно призвано сковать всех черною волей. Это его потерял Враг много веков назад, утратив вместе с ним бóльшую часть своей силы. Он жаждет заполучить его больше всего на свете, но он не должен его получить.

Фродо сидел ни жив ни мертв. Ему уже виделась ужасная длань, занесенная с Востока как грозовая туча, готовая накрыть и его, и Шир, и весь этот весенний мир.

— Но как же... — он запнулся, голос вдруг перестал ему повиноваться, — как же оно мне досталось?

— А-а, — протянул Гэндальф, — это длинная история. Начало ее теряется в Черных Годах, а память об этом времени осталась только у Мудрых. Если бы я решил рассказывать тебе все, нам и до зимы не управиться. Вчера я говорил о Сауроне Великом, Темном Властелине. Так вот, он снова восстал и вернулся в Мордор. Даже вам должно быть знакомо это название, оно призраком проходит по краю самых древних ваших преданий. После каждого поражения Мрак менял обличья и разрастался вновь.

— Лишь бы теперь этого не случилось! — не сдержался Фродо.

— Мне тоже этого не хотелось бы, — согласился маг, — как не хотелось, уверяю тебя, всем, жившим под угрозой Мрака раньше. Только ведь их желания не спрашивали. Мы не выбираем времена. Мы можем только решать, как жить в те времена, которые выбрали нас. А наше с тобой, Фродо, время чернее день ото дня. Враг быстро входит в силу. Пока планы его зреют, но, когда настанет их срок, нам придется туго. Нам пришлось бы очень туго даже без этой роковой находки... — Он показал глазами на Кольцо. — Оно нужно ему. Вернув утраченную мощь, он станет непобедим, тогда не устоят последние наши оплоты, и все земли скроет Вторая Тьма. Ему очень нужно это Кольцо. Три Кольца, светлейшие из всех, эльфийские владыки укрыли от Врага, он не коснулся их. Семью владели гномы. Три из них Враг обнаружил, четыре сожгли драконы. Девять Колец он подарил смертным. О! Это были величественные и гордые короли. С тех пор они в ловушке. Много веков назад попали они под власть Кольца и стали Призраками, тенями во мраке, самыми ужасными слугами Саурона. Много веков назад в мире в последний раз видели Девятерых, но — кто знает? Мрак растет, могут вернуться и они. Ладно, хватит! — оборвал себя маг. — Не стоит говорить об этом даже таким чудесным утром в мирном и уютном Шире.

Вот оно как, Фродо... — продолжал он некоторое время спустя. — Девять — у него. Семь — считай, тоже, кроме тех, которых нет. Три пока скрыты. Но они не интересуют его. Одно, только Одно ему нужно, то, которое сделал он сам, то, которое он наделил своей собственной огромной силой, которое выковано для того, чтобы править остальными. Попади оно к нему в руки — тогда не устоять даже Трем эльфийским, а все, созданное с их помощью, придет в запустение.

Вот в чем ужас-то, Фродо! Он ведь думал, что Одно исчезло, что эльфы уничтожили его, ведь только так и должно было быть! И вдруг он узнает, что Одно нашлось. Теперь он ищет его, только об этом и думает. Оно — его величайшая надежда и наш величайший страх...

— Ну почему, почему его не уничтожили! — закричал Фродо. — Раз Враг такой могучий, раз Кольцо для него такая ценность, как же он потерял его? — Рука Фродо стиснула Кольцо в кулаке, словно не желая отдавать протянувшимся призрачным щупальцам Мрака.

— Кольцо у него отобрали, — сказал Гэндальф. — Тогда эльфы не уступали ему в могуществе, к тому же многие люди были на их стороне, и какие люди! В ту пору нуменорцы пришли на помощь Среднеземью. Вот уж эту главу из древней истории следует рассказать! Тогда тоже сгущался Мрак, но на его фоне блистала величайшая доблесть, богатырские подвиги, и блистали не напрасно. Когда-нибудь я расскажу тебе о тех днях, а может, тебе расскажут другие, кто помнит их лучше... А пока скажу только главное: о том, как эта вещь попала к тебе.

Гил-Гэлад, Король Эльфов, и славный Элендил с Заокраинного Запада одолели Саурона в бою, хотя и ценой собственной жизни. Сын Элендила, Исилдур, отсек мечом палец Саурона вместе с Кольцом и взял Кольцо себе. Дух Саурона вынужден был бежать и долгие годы скрывался, пока тень его снова не обрела форму в дебрях Сумеречья. Но Кольцо... Кольцо пропало. Исилдура на берегу Реки, возле Оболони, подстерегли орки. Весь отряд пал в бою. Сам же Исилдур, надев Кольцо, бросился в воду и ушел бы, конечно, ведь орки не видели его, но тут Кольцо соскользнуло у него с пальца, и туча стрел накрыла его... — Гэндальф помолчал. — Там, в темных затонах Оболони, Кольцо исчезло из легенд и историй, кануло в небыль, но об этом знали немногие. Даже Совет не знал большего. И вот теперь, после долгих поисков и размышлений, я, кажется, могу продолжить историю Кольца Всевластья.

Века спустя, но все равно очень далеко от твоего времени, жил на берегах Реки, на самом краю Глухих Земель, искусный, быстрый народец. Думаю, они вам родня, скорее Хватам, чем прочим. Воду они любили, строили лодочки из тростника, рыбку ловили... И была там семья одна, зажиточная, уважаемая и многочисленная. Заправляла всем суровая и мудрая бабушка. Одного непоседливого отпрыска звали Смеагорл. Все-то ему интересны были всякие корни да начала. То он нырял в глубокие озера, то рылся под деревьями, то копал глубокие ямы и только наверх старался глаза не поднимать. Не нужны ему были ни солнышко, ни листва на деревьях, ни открытые всем ветрам вершины холмов.

И был у него друг по имени Деагорл, тоже вроде него, остроглазый, но не такой прыткий и послабее. Как-то раз отправились они на лодке к Оболони, там тогда цвели огромные поля ирисов. Смеагорл хлюпал по грязи возле берега, лягу-

шек пугал, а Деагорл удил с лодки рыбу. Он уже задремывать начал, а тут такое клюнуло, что в миг его из лодки вон вынесло и ко дну потащило. Леску-то он выпустил, да в последний момент заметил на дне что-то блестящее и подхватил. А когда вынырнул, весь в водорослях, подплыл к берегу и поболтал в воде ладошкой — глядь! в руке у него оказалось дивное золотое кольцо! И так оно сияло и переливалось на солнце, что Деагорл закричал от радости. А с берега из-за дерева наблюдал за ним его приятель. Пока незадачливый рыбак разглядывал свою находку, он подкрался к нему сзади и заглянул через плечо.

— Дай нам *это*, Деагорл, голубчик, — попросил он вкрадчиво.

— Это еще с какой стати? — опешил Деагорл.

— А с такой, что у нас день рождения, голубчик, мы его хотим.

— А мне-то что! — хмыкнул Деагорл. — Я тебе уже подарил подарок, хватит с тебя. А это я нашел, себе и оставлю.

— Конечно, конечно, голубчик,— согласился Смеагорл, схватил приятеля за горло и задушил его, так понравилась ему блестящая находка. А потом он надел Кольцо на палец.

О судьбе Деагорла так никто и не проведал. Убит он был далеко от дома, и тело хитро спрятано. Смеагорл же, вернувшись один, очень скоро обнаружил, что его не замечает никто, если только Кольца не снимать. Ох уж доволен он был своим открытием, и вся его подлая натура тут просто расцвела. Он выведывал чужие секреты, пакостил всем, кому только мог, подслушивал и подсматривал, подкрадывался незамеченным и скоро настолько опостылел всей родне, что они лупили его при каждой возможности, а он кусал их за ноги. Он принялся воровать и теперь уж не разговаривал ни с кем, только урчал сам с собою «горлум, горлум», вот его и прозвали Горлумом, прокляли и велели убираться вон. Бабушка, чтобы сохранить мир в семье, самолично выставила его из норы.

Он поскулил, поплакал, пожаловался на несправедливость и жестокость мира, но, делать нечего, пошел себе вверх по Реке. Встретил ручеек, текущий с гор, и пошел к его истоку. Невидимыми пальцами ловил он рыбу в горных озерах и поедал ее сырой. Как-то раз стояла большая жара, Горлуму напекло голову и, когда он склонился попить над озерной гладью, солнечные блики больно ударили его по глазам. Он удивился. Никогда не поднимая головы, он успел забыть о солнце, а теперь, вспомнив, глянул вверх и погрозил ему кулаком. Взгляд его задержался на вершинах Мглистых Гор впереди, и внезапно Горлум подумал: «Там, под горами, должно быть темно и прохладно. Там солнцу ни за что не достать меня. А у корней гор, — должны же у них быть корни! — наверное, таятся удивительные загадки, о которых никогда не слышали наверху».

И вот ночью он поднялся высоко по склонам, отыскал пещеру, из которой вытекал ручей, и, как червяк, извиваясь, заполз внутрь, скрылся в самом сердце гор и исчез из истории наземья. Кольцо ушло вместе с ним, и даже его создатель, вернув со временем часть утраченной силы, ничего не мог разузнать о нем.

— Горлум? Ты сказал — Горлум? — вдруг дошло до Фродо. — Так это та самая тварь, с которой повстречался Бильбо? Мерзкая история!

— А по-моему, печальная, — возразил маг. — На месте Горлума могли оказаться и другие, даже кое-кто из знакомых мне хоббитов.

— Да не верю я, что он из нашего народа! — воскликнул Фродо. — С чего это тебе в голову пришло?

— Однако это правда, — ответил Гэндальф. — О вашем происхождении я знаю побольше вашего. Даже рассказ Бильбо подтверждает родство. Они ведь прекрасно поняли друг друга, куда лучше, чем хоббит мог бы понять гнома или эльфа. Даже загадки у них были общие.

— Ну, загадки и другие народы загадывают, — не соглашался Фродо, — и, в общем-то, одни и те же. Но хоббиты никогда не жульничают, а этот Горлум только и думал, как бы смухлевать. Он ведь ничего не терял в случае проигрыша.

— Ты не берешь в расчет одного, — терпеливо сказал Гэндальф, — Кольца. Горлум оказался для него таким крепким орешком, что даже после стольких лет оно не разрушило его окончательно. Какие-то проблески совести у него остались. Он оказался устойчивым как... как хоббит. Где-то в сердце он сохранил уголок, и через него, как через щель, льется свет, пусть хотя бы только из прошлого. Я уверен, он рад был знакомому голосу, принесшему в его тьму отзвук ветра, образы деревьев, трав и прочих забытых вещей. Конечно, злая часть его натуры от этого еще больше озлилась. Если бы с ней можно было справиться, если бы его еще можно было спасти... — Гэндальф вздохнул. — К сожалению, на это мало надежды. Но «мало» — не значит «нет». А ведь Кольцо у него очень давно. Правда, он не часто им пользовался... и не весь выцвел. Он тощий, но жилистый. Его сознание изъедено Кольцом, а все загадочные подгорные тайны на поверку оказались ничего не стоящими. Там нечего искать, нечего делать, разве что выслеживать пищу да предаваться обидным воспоминаниям. Со всех сторон — несчастное он существо. Ему опостылела тьма, свет он никогда не любил, а всему виной — Кольцо!

— Как это? — перебил Фродо. — Оно ведь для него «сокровище», «его прелесть»! Если бы он видел в нем свои беды, так избавился бы от него давно, бросил бы, ушел куда-нибудь.

— Ты слышал уже достаточно, чтобы начать понимать, — остановил его маг. — Да, он ненавидел Кольцо так же сильно,

как любил. И себя любил и ненавидел. А воли на то, чтобы избавиться от Кольца, у него уже не осталось. Кольца Власти сами за собой приглядывают. Кольцо может покинуть владельца, переменить его, а тот, кто владеет таким Кольцом, по доброй воле с ним не расстанется. Думать об этом может, а сделать — нет. Насколько я знаю, кроме Бильбо, это никому не удавалось. Да и он-то едва справился, и не без моей помощи. Но если бы само Кольцо не помогло, все равно ничего бы не вышло. Это оно оставило Горлума.

— И пришло к Бильбо? — недоверчиво спросил Фродо. — А ты не думаешь, что какой-нибудь орк тут лучше сгодился бы?

— Не стоит иронизировать, дружок. Во всей этой долгой истории нет ничего более удивительного: Бильбо, заплутав в темноте, натыкается рукой на волшебное кольцо! Здесь, Фродо, действует не одна сила, а несколько. Само Кольцо хочет вернуться к своему прежнему хозяину. Оно покинуло Исилдура и погубило его; оно поймало бедного Деагорла и тоже погубило, а затем высосало Горлума. Горлум стал мал и слаб и больше не нужен: что ж, Кольцу так и плавать взад-вперед по подземному озеру? А в это время воспрял хозяин, его темные мысли словно пронзили Среднеземье — и Кольцо оставило Горлума. Для чего? Пока лишь для того, чтобы попасться самому подходящему владельцу — Бильбо из Шира!

Да, на замысел Врага это не похоже. Здесь действует другая сила, и, видно, именно она привела к Кольцу Бильбо, а не его создателя. Бильбо *суждено* было найти эту страшную штуку. Но тогда и тебе *суждено* владеть им. Только эта мысль и обнадеживает меня.

— А меня — нет, — недовольно помотал головой Фродо. — Я, наверно, не все понял. Мне сейчас другое интересно. Скажи, про Горлума и Кольцо ты точно знаешь или думаешь, что так могло быть?

Гэндальф хитро прищурился:

— Многое я знал, многое сумел узнать, но тебе про свои дела докладывать не собираюсь. История Кольца Власти, судьбы Элендила и Исилдура известны всем Мудрым. А в том, что твое кольцо — то самое Кольцо Всевластья, я убедился недавно.

— Но когда? — нетерпеливо воскликнул Фродо.

— Да вот только что, в этой самой комнате. Правда, я уже знал, что не ошибаюсь. Мне пришлось долго и трудно идти к этой последней проверке. Я долго не мог взять в толк, как в эту историю попал Горлум. Пришлось поломать голову. Впрочем, в догадках больше нет нужды. Я видел его.

— Горлума? — подскочил Фродо.

— Горлума, конечно. Чему тут удивляться? Найти его было непросто, времени потребовало, но теперь и это сделано.

— Тогда ты знаешь, что было после той их встречи с Бильбо? Знаешь ведь?

— Знаю, но не наверняка. Я пользовался тем, что узнал от самого Горлума, а он ведь врет на каждом шагу. Любое его слово нужно разглядывать и проверять со всех сторон. Например, он упорно зовет Кольцо «подарочком на день рождения», хоть ты режь его! От бабушки, дескать, досталось, а у нее таких штук полно было. Я готов поверить, что его бабушка была весьма почтенной особой, но уверять меня в том, что у нее было множество эльфийских колец власти, — напрасное дело, а твердить, что она дарила их направо и налево, — зря время терять. Видишь ли, убийство Деагорла тяжелым пятном легло на совесть Горлума, вот он со временем и придумал историю, а пока сидел в темноте и глодал кости, почти поверил в нее и сам. Ведь день рождения у него и правда был, и Деагорл мог бы подарить ему Кольцо. Кольцо подвернулось очень кстати, оно ему должно было достаться, ну и так далее. Я долго терпел, выслушивая от него все эти бредни, но мне нужна была правда. Пришлось припугнуть его и в конце концов выжать подлинную историю, все равно по капле, все равно вместе с причитаниями и недомолвками. Уж он юлил, уж он изворачивался, но рассказал все и про загадки, и про бегство Бильбо. А вот дальше я не стал его мытарить. Какой-то другой страх, сильнее, чем передо мной, не давал ему говорить. Он только грозился «еще отобрать свое», у него-де теперь тоже друзья есть, и очень даже сильные, они ему помогут, Сумникс еще поплатится, вор такой! Вот на этом его заколодило. Как он клянет и ненавидит Бильбо, если бы ты знал! И между прочим, помнит, откуда Бильбо родом.

— Это как же? — похолодев, спросил Фродо.

— Так ведь Бильбо ничего глупей не придумал, как представиться, а чтобы узнать, откуда такие берутся, надо было только наружу вылезти. Он и вылез. Без Кольца он не может, и ни свет, ни орки его не остановили. Год-другой промучался и вылез. Кольцо ему уже не вернуть, оно отпустило Горлума, поэтому, выбравшись на белый свет, он почувствовал себя старым, голодным, но терять ему теперь было нечего.

Свет он ненавидит по-прежнему, тут вряд ли что изменится, но он приспособился безлунными ночами выслеживать себе пропитание и скоро окреп на свежем воздухе, осмелел и нашел-таки дорогу в Сумеречье.

— Ты там его и встретил?

— Я видел его там. Но где он был до этого? Его непросто понять. Он то плачет, то грозится. Все приговаривает: «Что там у него в кармане? Я не догадался, нет, моя прелесть, не догадался! У-у, мошенник! Нечестный вопрос! Не по правилам. Он первый обманул. А ведь я мог бы придушить его, моя прелесть! Мог бы!» И так без конца. Но у меня хватило терпения;

по намекам, по недомолвкам я понял, что ему удалось дошлепать до Эсгарота. Везде он вынюхивал, подслушивал, а молва о великих событиях далеко разошлась по Диким Землям, Бильбо поминали частенько, Горлуму нетрудно было вызнать, откуда он родом. Мы ведь не скрывались, когда возвращались в Шир.

— Так почему же он не пришел сюда? — дрожа от возбуждения, спросил Фродо.

— Да, — задумчиво кивнул Гэндальф, — вот мы и до этого добрались. Думаю, он пытался. Во всяком случае, он шел на запад, дошел до самой Великой Реки и... повернул. Нет, его не расстояние испугало. Есть какая-то другая причина. По крайней мере, так думают друзья, выследившие его для меня.

Сначала по свежему следу его вели Сумеречные Эльфы. Птицы и звери были здорово напуганы, лес полнился разговорами о призраке-кровопийце, похищавшем птенцов из гнезд и детенышей из нор. Но схватить его не удалось, а когда след повернул на юг, эльфы отстали. И тут я совершил ошибку. Боюсь, она нам еще дорого обойдется. Я позволил ему уйти, оставил все как есть. Многого я еще не знал, а главное — доверял Саруману. На исправление этой ошибки ушли годы, а в них было немало темных, опасных дней. Когда я вновь решил пойти по следу, он давно остыл. Это было уже после ухода Бильбо. Если бы не помощь моего давнего друга Арагорна, ничего бы не вышло. Он величайший Следопыт. Вместе с ним мы обыскали Дикие Земли — и напрасно. Я потерял надежду, ушел в другие края, и тут Горлума словили. Мой друг вернулся из опаснейшей вылазки и приволок эту несчастную тварь.

Он скулил, жаловался, обвинял нас в жестокости, это был сплошной «горлум-горлум», а когда на него нажали, начал корчиться, словно вспомнил недавнюю пытку. Сомнений не было: он таки прокрался на юг и добрался до Мордора.

Страшная тишина повисла в кабинете. Фродо слышал только суматошные удары собственного сердца. Даже из сада не доносилось ни звука.

— Мордор! — словно очнувшись, произнес Гэндальф. — Он притягивает к себе все злое, подчиняет волю самых разных существ и созывает их в свои пределы. Кольцо Врага сделало Горлума доступным этому зову. Многие заговорили о новом Мраке с юга, Мраке, ненавидящем Запад. Вот откуда были его «новые, с-славные друзья», обещавшие ему помочь отомстить. Глупец! Сунувшись в Мордор, он был обречен. Его схватили, пытали. К нам он попал уже на обратном пути. Видно, ему дали какое-то поручение. Впрочем, это уже неважно. В Мордоре свершилось худшее. Враг понял, какое кольцо нашлось. Он знает, где погиб Исилдур. Он знает, где нашел Кольцо Деагорл. Он понял, что это одно из Великих Колец, доста-

точно было сообразить возраст Горлума. Это не могло быть Одно из Трех. Их никто не терял, и зла в них не было. Семь и Девять сочтены им. Значит, у Горлума оказалось Одно, единственное. И наконец, Враг узнал о хоббитах и Шире. Думаю, он уже знает, где это. Боюсь, он уже подумывает о том значении, которое приобретает в судьбах Среднеземья доселе неприметная фамилия Сумникс.

— Но это же ужасно, то, что ты говоришь! — закричал Фродо. — Куда хуже, чем я думал! Гэндальф! Ну скажи же, что делать? О какая жалость, что Бильбо не убил эту подлую тварь, ведь он мог это сделать, мог!

— Жалость? Да, жалость как раз и остановила Бильбо. И еще — милосердие: нельзя убивать без нужды. Награда не заставила себя ждать. Кольцо не справилось с ним лишь потому, что, забрав его, Бильбо начал с жалости.

— Конечно, ты прав, — сказал Фродо. — Я перепугался, у меня голова кругом пошла, но... ты знаешь, у меня все равно нет к Горлуму никакой жалости.

— Ты не видел его, — нахмурился Гэндальф.

— Не видел и не хочу! — воскликнул Фродо. — Да какая разница? Ведь ты же не хочешь сказать, что после всего ты и эльфы оставили его в живых! Ведь он же не лучше любого орка, он — вражий прихвостень! Он заслуживает смерти!

— Верно. Заслуживает. И не только он. Многие из живущих заслуживают смерти, а многие из умерших — жизни. Ты можешь вернуть ее им? То-то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть. Никому, даже мудрейшим из Мудрых, не дано видеть все хитросплетения судьбы. Вряд ли Горлум исправится прежде, чем умрет, и все же такая возможность есть. Его судьба не случайно переплелась с историей Кольца, и, сдается мне, роль свою он сыграл не до конца. А коли так, еще неизвестно, чем обернется простая жалость хоббита Бильбо для судеб всего этого мира, а для твоей собственной судьбы — тем паче. Горлум стар и очень несчастен. Нет, мы не убили его. Эльфы Сумеречья стерегут его, но им не занимать мудрости, и обращаются с ним мягко.

— Ладно. Пусть Бильбо не должен был убивать Горлума. Но зачем он взял Кольцо? Лучше бы он не находил его, тогда бы оно и мне не досталось. А ты? Зачем ты позволил мне держать его у себя? Почему не заставил выбросить такую страшную вещь?

— Позволил? Заставил? Да ты, видно, не слушал меня или вовсе голову потерял? Выбросить, значит? Такие кольца легко находятся, как ты мог заметить. В недобрых руках Кольцо способно принести большие беды. Но горшей беды, чем возвращение к Врагу, и придумать нельзя. А так наверняка и случилось бы. Враг напрягает всю свою мощь, всю волю, чтобы найти его и притянуть к себе.

Эх, Фродо, Фродо, конечно, оно опасно, и мне беспокойно за тебя. Но ты даже не представляешь, как много поставлено на карту. Только поэтому я рискнул. Да, я был далеко, но ни дня за все эти годы Шир не оставался без надежной охраны. Я был уверен, что ты не станешь пользоваться им часто, а до тех пор и бояться особенно нечего. К тому же девять лет назад я еще не все знал, а с той поры мы с тобой и не виделись.

— Значит, надо было уничтожить его, — не унимался Фродо. — Ты ведь сам сказал, что это нужно было сделать давным-давно. Хоть бы предупредил меня, хоть бы весточку послал, уж я бы с ним разделался!

— Интересно как? — устало усмехнулся Гэндальф. — Ты пробовал?

— Нет, но... — Уверенности у Фродо поубавилось. — Ведь можно же как-то разбить или расплавить его...

— Ну что ж, — рассудительно произнес маг. — Попробуй! Прямо сейчас.

Фродо как-то нехотя достал Кольцо и взглянул на него. Оно снова стало гладким, сияющую поверхность не портила ни одна щербинка, ни одна отметинка. Фродо невольно подумал о том, как красива и совершенна его округлость. Сразу чувствовалось, что перед тобой драгоценная вещь. Еще минуту назад он собирался швырнуть его в огонь, в самый жар, и вдруг понял, что не в силах этого сделать. Нерешительно покачав Кольцо в руке, словно взвешивая, Фродо припомнил все ужасы, услышанные от Гэндальфа, пересилил себя и взмахнул рукой... но в итоге положил Кольцо в карман.

Гэндальф невесело рассмеялся.

— Вот видишь, — сказал он, — теперь и ты боишься расстаться с ним. А если бы я «заставил» тебя, ты бы не вынес принуждения. Разбить его нельзя. Самый тяжелый молот тут бессилен. В твоем камине и обычное-то золото не расплавить, но с Кольцом и кузнечный горн не справится. Говорят, Кольца Власти горели в драконьем огне, но вот беда, драконы перевелись нынче. Впрочем, даже Анкалагон Черный, дракон из драконов, не справился бы с Кольцом Всевластья. Его ведь ковал сам Саурон.

Есть лишь один способ избавиться от твоего Кольца: бросить в жерло Ородруина. В недрах Огненной Горы даже Врагу не достать его, там оно сгинет. Если, конечно, ты действительно хочешь уничтожить его.

— Да хочу, конечно хочу! — вскричал Фродо. — То есть не я, я ведь не смогу... Но пусть оно пропадет пропадом! Почему оно меня-то выбрало?

— На этот вопрос никто тебе не ответит, — покачал головой маг. — Не думай, заслуг у тебя особых нет, ни силы, ни муд-

рости. Но ты избран, значит, не о чем говорить, придется обходиться теми силой, сердцем и разумом, которыми располагаешь.

— Да на что я гожусь! Вот ты — сильный и мудрый. Может, ты и возьмешь его?

— Нет! — воскликнул Гэндальф, поспешно вставая. — С его силой мое могущество станет ужасным. А от меня и сила Кольца удесятерится! — Глаза мага горели, лицо словно осветилось внутренним огнем. — Не надо испытывать меня. У Гэндальфа Серого нет желания превращаться в Темного... Властелина. Да, Кольцо легко найдет дорогу к моему сердцу, хотя бы через жалость. Велика моя жалость к малым мира сего, и великая сила нужна мне, чтобы творить добро. Но я не возьму его, не возьму даже на хранение. Моих сил может не хватить, чтобы побороть искушение. Оно слишком необходимо мне, ибо впереди я предвижу великие опасности.

Маг резко повернулся, подошел к окну и распахнул ставни. В комнату хлынул солнечный свет. Невдалеке, посвистывая, шел по дорожке сада Сэм.

Некоторое время Гэндальф смотрел в окно, потом повернулся к Фродо и сказал:

— Решать придется тебе, но, какое бы решение ты ни принял, на меня можешь рассчитывать. Я помогу тебе нести это бремя, но у нас мало времени. Враг не медлит. Он действует.

В комнате снова надолго установилась тишина. Гэндальф давно сидел в кресле, задумчиво разглядывая дымные кольца и завитки, возникавшие над трубкой, но из-под полуопущенных век в то же время внимательно наблюдал за Фродо.

Хоббит сидел, сгорбившись, не сводя глаз с догорающих углей в камине. Постепенно ему стало казаться, будто взгляд его погружается в какой-то огненный колодец, и он тут же вспомнил об огнедышащем жерле Ородруина.

— Ну, — прервал его мысли Гэндальф, — что ты надумал?

— А? — вздрогнул Фродо, с трудом возвращаясь к действительности. — Я не знаю еще, — проговорил он, удивляясь солнечному свету, заполнившему кабинет. Ведь только что в его мыслях царил мрак, перемежаемый огненными сполохами. — Хотя подожди. Если я правильно тебя понял, сейчас главная моя задача — сохранить Кольцо.

— Ну что ж, — медленно произнес Гэндальф, — храни. Если твоя цель будет состоять только в этом, особого вреда от Кольца не будет.

— А ты тем временем, может, найдешь кого-нибудь более подходящего, — быстро сказал Фродо. — А сейчас пока... я ведь стал теперь опасен, ну, для тех, кто рядом со мной, правда? Значит, мне нельзя оставаться в Шире. Придется бросать За-

сумки, бросать все и уходить. — Он тяжело вздохнул. — Как бы я ни относился порой к этим глуповатым пустомелям, но я должен спасти их. Хотя, знаешь, я иногда подумывал, что небольшое землетрясение или нашествие драконов пошло бы им на пользу. Но сейчас я так не думаю. Пусть все здесь останется уютным и безопасным — мне от этого легче будет. Хорошо знать, что где-то кто-то уверенно стоит на собственной земле, даже если этот кто-то — не я.

Помнишь, я собирался уйти с Бильбо, да и потом тоже... но я представлял себе, понимаешь, такие каникулы или вот как у Бильбо... даже поинтересней и обязательно с хорошим концом. А теперь получается чуть ли не изгнание, бегство от одной напасти к другой, может быть, еще худшей, отныне опасности так и будут таскаться за мной хвостом. И наверное, идти мне придется одному, правда? Я ведь... маленький, слабый, а Враг — он такой могучий и ужасный!

Фродо замолчал, но мысли его продолжали нестись вскачь. Он ощутил вдруг жгучее желание уйти как можно скорее, уйти вслед за Бильбо и, может быть, — кто знает? — вновь встретить его. Желание было таким сильным, что даже страх отступил перед ним. Фродо чуть не поддался ему и не кинулся к дверям, забыв о шляпе, как некогда Бильбо не вспомнил о носовом платке.

— Фродо! Дорогой ты мой! — воскликнул Гэндальф. — Я всегда говорил: хоббиты — удивительный народ. Казалось бы — чего проще? Поживи с ними месяц — и все про них знаешь, ан через сотню лет они вдруг такое выкинут! Признаюсь, при всем моем к тебе уважении такого ответа я не ждал. Бильбо не ошибся в выборе наследника, хотя едва ли думал, насколько это важно. Наверное, ты прав. Кольцо уже не может оставаться в Шире, его здесь не скроешь. Придется уйти. Так и тебе, и другим будет лучше. И забудь про то, что тебя звали Сумниксом. Фамилия достойная, но за пределами Шира весьма небезопасная. Что бы нам для тебя такое придумать? Давай-ка на время путешествия ты станешь Норохолм. А насчет того, с кем идти, ты уж сам решай. Если есть кому довериться, да чтобы еще отправился с тобой невесть куда, то почему бы не пойти в компании? Только, конечно, подумай прежде, а потом выбирай. И — очень тебя прошу — не болтай, пожалуйста, даже с ближайшими друзьями. У Врага везде уши... — Гэндальф вдруг замолчал, настороженно прислушиваясь. Фродо тоже обеспокоила какая-то неестественная тишина последних минут. Маг ловко и бесшумно пробрался к окну, резко перегнулся и схватил что-то внизу. Под окном взвизгнули, и показалась вытягиваемая Гэндальфом за ухо курчавая голова Сэма.

— А-а, разрази тебя гром! — вскричал Гэндальф. — Да ведь это Сэм Гэмджи! Что это ты тут поделываешь?

— Ох, не надо грома, господин Гэндальф, сударь! — взмолился Сэм. — Что поделываю? Да вот, газончик под окошком подстригаю, зарос ведь он совсем, как же его не подстричь? — И Сэм для убедительности пощелкал в воздухе ножницами.

— Не врать мне! — сурово оборвал его маг. — Я твоих ножниц уже давненько не слышу. Зачем подслушивал?

— Чего? Кого? — На Сэме лица не было. — Что это вы такое говорите, сударь? Рано еще подсушивать, сена-то еще не набралось...

Брови у мага встали дыбом. У Фродо мелькнула мысль, что шутки кончились.

— Хватит валять дурака! Последний раз по-хорошему спрашиваю, что ты слышал и зачем это тебе понадобилось?

— Господин Фродо! — заверещал Сэм. — Не давайте ему превращать меня! Мой же старик не перенесет этого! Я ничего плохого не хотел, честью клянусь, сударь!

— Не тронет он тебя, — с трудом сдерживая улыбку, проговорил Фродо. Сцена была и тревожной и комичной одновременно. — Конечно, ты не нарочно. Встань как следует и отвечай, о чем спрашивают.

— Так ведь, сударь, — начал Сэм все еще дрожащим голосом, — я тут такого понаслушался, да толком не понял ничего: и Враг, значит, и Кольца, и драконы, горы там огненные всякие, а еще — эльфы, вот оно, главное-то! Я ведь, сударь, жуть как люблю такие истории, что бы там Тэд ни говорил. Мне так хочется на эльфов поглядеть! Возьмите меня с собой, господин Фродо! — взмолился он неожиданно.

Гэндальф, так и державший Сэма за ухо во время его сбивчивого монолога, рассмеялся, подхватил садовника за шиворот и, легко перенеся через подоконник со всем садовым инвентарем, поставил на пол в комнате.

— Значит, на эльфов поглядеть захотелось? — грозно, но уже не страшно спросил он. — Хозяин, стало быть, уходит, и ты с ним решил податься?

— Да вот так оно и получилось, сударь, — оправдывался Сэм. — Я как услыхал, что господин Фродо уходить собрался, аж поперхнулся. А вы-то, поди, и услыхали.

— Надо мне уходить, Сэм, ничего не поделаешь, — вздохнул Фродо. До него только теперь стало доходить, что простым «прощай» уютным Засумкам здесь не обойдешься. — Я-то пойду, но, — он сурово посмотрел на Сэма, — если ты и впрямь мне добра хочешь, держи язык за зубами, понял? Секрет тебе достался смертельно опасный. Если кто от тебя хоть словечко об этом услышит, думаю, Гэндальфу недолго превратить тебя, ну, хоть в жабу пятнистую, а в сад еще и ужей запустить.

Лицо Сэма жалобно сморщилось, ноги подогнулись, и он упал на колени.

— Встань, встань,— деловито сказал ему Гэндальф.— Я тут придумал кое-что получше. За подслушивание наказание ты все-таки получишь, заодно и от болтовни твоей мы убережемся. Пойдешь с господином Фродо.

— Я?! — вскричал Сэм и заметался по комнате, словно пес перед прогулкой.— Я пойду? Эльфов посмотрю и все такое! Ура! — завопил он и неожиданно разрыдался.

Глава 3
ВТРОЕМ ВЕСЕЛЕЕ

— Уходить надо тихо и времени не терять,— говорил Гэндальф спустя две недели. Фродо хоть и решился, да все никак собраться не мог.

— Знаю,— досадливо поморщился Фродо.— Но не могу же я исчезнуть, как Бильбо, тогда на весь Шир разговоров не оберешься.

— Исчезать не годится. Ни в коем случае! — энергично подтвердил Гэндальф.— Я сказал: не терять времени, но вовсе не имел в виду пороть горячку. Конечно, хорошо бы покинуть Шир без лишних разговоров, ради этого и задержаться можно, но не слишком.

— Как насчет осени, скажем после нашего дня рождения? — спросил Фродо.— К этому времени я что-нибудь придумаю.

Сказать по правде, когда дошло до дела, ему совершенно расхотелось уходить куда бы то ни было. Засумки вдруг стали необыкновенно родными, и последним летом в них просто невозможно было пожертвовать. Осенью — Фродо знал это — уходить будет легче. В это время года его всегда начинало тянуть в дальние края. Он и срок наметил особенный: свое пятидесятилетие — сто двадцать восьмой день рождения Бильбо. Дата казалась самой подходящей. «Следом за Бильбо» — эти слова он часто повторял про себя, они мирили его с необходимостью предстоящего ухода. О Кольце он старался не вспоминать вовсе, ибо вместе с ним пришлось бы думать и о конце путешествия. С Гэндальфом он своими мыслями особенно не делился, а о чем тот догадывался — никогда было не понять.

Вот и в этот раз маг долго смотрел на Фродо и наконец с улыбкой согласился:

— Ладно. Пусть так и будет. Только уж не позже. И прошу тебя, будь осторожен. Никому ни слова о том, куда идешь. За Сэмом гляди. Сболтнет — взаправду в жабу превращу.

— Знаешь,— усмехнулся Фродо,— о том, куда я иду, мне проболтаться трудно. Я ведь и сам не знаю.

— Не говори ерунды! — оборвал Гэндальф.— Речь не о том, чтобы ты не оставлял нового адреса на почте. Никто не должен

знать о твоем уходе из Шира, по крайней мере, пока ты не уйдешь подальше. Особенно — куда ты пошел: на север, на запад ли.

— А я ведь об этом и не думал, — сокрушенно покачал головой Фродо. — Бильбо шел за сокровищем. Туда и обратно. А я? Все наоборот. Иду, чтобы сокровище потерять, да и на обратный путь мне, по-моему, надеяться нечего.

— Давай-ка не будем гадать о том, чего ни ты, ни я знать не можем, — остановил его Гэндальф. — Может, тебе суждено добраться до Огненной Горы, а может, это сделают другие. Пока ты к такому пути не готов.

— Конечно нет, — не раздумывая, согласился Фродо. — А тогда куда же мне идти?

— Навстречу опасности, — ответил маг. — И, по возможности, избегая ее. Я советовал бы тебе отправиться в Дольн. Раньше путь туда считался безопасным, правда, с годами все становится хуже...

— Дольн, — задумчиво проговорил Фродо. — Что ж, пусть будет Дольн. Пойду на восток. Вот и Сэму случай эльфов повидать. — Говорил он спокойно, но вдруг ощутил в сердце горячее желание увидеть знаменитого Элронда Эльфинита, вдохнуть воздух легендарной долины, где до сих пор в мире и покое жил Дивный Народ.

Однажды летним вечером сразу загудели возбужденно и «Ветка Плюща», и «Зеленый Дракон». На время были забыты и великаны, и прочие чудеса на границах, другое взволновало постоянных посетителей: прошел слух, что господин Фродо продает — а может, уже и продал — Засумки. Да кому! Дерикуль-Сумниксам!

— Ну, положим, не задаром, — говорили одни.

— Да за бесценок отдал, — кипятились другие. — Много ты с Лобелии возьмешь! (Отто к тому времени уже несколько лет как помер. Прожил сто один год, возраст почтенный, но ничего особенного.) Однако вопрос, почему Фродо вдруг надумал продавать свою прекрасную усадьбу, волновал собравшихся даже больше, чем цена. Многие придерживались мнения (возникшего, заметим, не без помощи самого Фродо), что денежкам Бильбо пришел конец, вот наследник и собирается продать усадьбу, а на вырученные средства скромно пожить, но уже не в Хоббитоне, а перебравшись поближе к многочисленной родне в Заскочье. «Подальше от Дерикулей, стало быть», — добавляли некоторые. Правда, у этой версии было много противников — слишком укоренилась в головах жителей Хоббитона мысль о сокровищах в подвалах Засумок. Они видели в происходящем происки Гэндальфа, хоть и непонятно пока, какие коварные планы вынашивает маг. Вроде никто его и не видел, но все знали, что он в Засумках. Колдовство ли тому виной

или стесненные средства, а факт оставался фактом: Фродо Сумникс возвращался в Заскочье.

— Вот, осенью собираюсь, — отвечал и сам Фродо на расспросы любопытных, — Мерри Брендискок норку мне там торгует, а может, домик небольшой присмотрит. — На самом деле Мерри уже подобрал и купил маленький домик на выселках, неподалеку от Заскочья. Такая мысль пришла Фродо после того, как он выбрал дорогу на Дольн. Заскочье ведь находится на самой восточной границе Шира, и он старательно изображал намерение переехать и поселиться там навсегда. Это выглядело правдоподобно — в Заскочье он родился и вырос.

Гэндальф провел в Шире больше двух месяцев. Но вот както вечером, в конце июня, уже после того, как Фродо решил окончательно тронуться в путь, маг внезапно объявил, что снова уходит, и завтра же утром.

— Ненадолго, надеюсь, — сказал он. — Мне нужно на юг, разузнать кое-что. Слишком я у тебя засиделся.

За небрежным тоном Фродо уловил нешуточное беспокойство.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Как будто ничего, — ответил маг. — Забот много. Знаешь, надо приглядеть за всем самому. Дошло до меня тут кое-что. Если окажется, что уходить тебе надо немедленно, я вернусь, в крайнем случае весточку пришлю. А ты собирайся, как решил, и — я тебя прошу — поосторожней с Кольцом. Ни в коем случае не пользуйся им.

Уходя на рассвете, он говорил Фродо:

— Жди меня со дня на день. Я вернусь, самое позднее, к твоему прощальному ужину. Похоже, идти нам надо вместе.

Поначалу слова Гэндальфа обеспокоили Фродо. Он пытался представить, какие такие вести погнали мага в дорогу, но вскоре забыл об этом. Стояла замечательная погода. Щедрое лето уходило, сменяясь изобильной осенью: ветки деревьев гнулись под тяжестью плодов, мед сочился из ульев, а колос в полях был тяжел и крепок. Но в преддверии осени беспокойство снова вернулось. Гэндальфа не было. Шел сентябрь, а от него не приходило никаких вестей. Близился день рождения, а вместе с ним — Уход. Как всегда перед дальней дорогой, хлопот хватало. Пришли помочь уложиться Фредегар Пузикс и Фолко Умникс, а Пиппин с Мерри теперь уже не отлучались из усадьбы. Впятером они быстренько перевернули все вверх дном.

Двадцатого сентября от ворот Засумок отъехали две тяжело груженные крытые повозки со скарбом из усадьбы, предназначенным для нового дома. Следующий день уже не на шутку встревоженный Фродо провел у ворот, высматривая Гэндальфа. Четверг, день праздника, выдался таким же улыбчивым и

ясным, как и много лет назад, в памятный день рождения. Гэндальф не появился. На вечер был назначен прощальный пир. Стол накрыли скромно, на пятерых — сам Фродо и четверо помощников. Но настроение было совсем не праздничным. Тревога из-за отсутствия Гэндальфа, скорое расставание с друзьями тяготили хозяина. Однако четверо молодых хоббитов уселись за стол с воодушевлением, и вечеринка, несмотря ни на что, удалась. В столовой Засумок было пустовато, мебель, кроме стола и стульев, отсутствовала, но отменные еда и питье способствовали благодушному настроению, скоро установившемуся за столом. Запасы провизии Фродо продавать не собирался.

Последний бокал «Старой Винодельни» Фродо сопроводил тостом:

— Что бы ни случилось с прочим моим добром, когда до него доберутся Дерикули, этому, — он посмотрел сквозь бокал на свет, — я нашел-таки достойное применение, — и под громкие возгласы одобрения медленно допил вино.

В этот вечер было спето немало песен; среди множества тостов не забыли и тост за здоровье Бильбо; поговорили о многих делах, а совсем уже к ночи выбрались проветриться и поглядеть на звезды. Потом разошлись спать. День рождения кончился, а Гэндальф так и не пришел.

Следующим утром с последней повозкой Мерри и Фредегар отбыли в Заскочье.

— Не спите по дороге, — крикнул Мерри, выезжая за ворота, — тогда послезавтра встретимся. А я, уж так и быть, согрею дом к вашему приходу.

Фолко после завтрака отправился домой, и в усадьбе с хозяином остался один Пиппин. Фродо, не находивший себе места, все ждал Гэндальфа. Откладывать уход дольше, чем до вечера, стало невозможно, и он решил ждать до последнего. Если маг так и не появится — ну что ж, придется ему прогуляться в Заскочье, может, еще и догонит их по дороге. Фродо твердо решил идти пешком: во-первых, хотелось не торопиться и напоследок спокойно попрощаться с любимыми местами, во-вторых, прогулка до Скочки налегке представлялась одним удовольствием.

— Надо же размять ноги перед дальней дорогой, а то совсем раскис, — сказал он сам себе, глядя в пыльное зеркало, сиротливо висевшее среди непривычно пустой гостиной.

После завтрака заявились Дерикуль-Сумниксы — Лобелия со своим белобрысым отпрыском Отто. Могли бы и подождать, но легко ли было упустить возможность досадить Фродо напоследок.

— Наконец-то она наша! — провозгласила Лобелия, едва перешагнув порог усадьбы. Это было и невежливо, и неверно,

ведь договор о купле-продаже вступал в силу только с полуночи, но вполне простительно, если учесть, что Лобелии пришлось ждать этого момента лет на восемьдесят дольше, чем она предполагала. Намедни ей уже стукнуло сто лет. Пришла она проследить хозяйским глазом, как бы не вывезли чего лишнего, да еще прихватила с собой полную опись и долго проверяла по ней наличие комодов и горшков. Наконец, получив ключи и заверения, что запасные будут оставлены у Старичины Хэма в Тугосумах, она удалилась, выразив напоследок уверенность в способностях «этих Гэмджи выгрести за ночь все из норы подчистую». Фродо ей даже чаю не предложил.

Теперь они сидели с Сэмом и Пиппином на кухне, прихлебывали из чашек и вяло сочувствовали Старичине Хэму, который приобрел такую завидную соседку, как Лобелия, в обмен на Сэма, отпущенного им «поработать в новом саду у господина Фродо в Заскочье».

— Вот и почаевничали в последний раз, — проговорил Фродо, отодвигая чашку. Поразмыслив, посуду мыть не стали, предоставив это дело Лобелии. Сэм с Пиппином увязали три котомки и выставили в ряд на крыльце, после чего Пиппин отправился прогуляться по саду, а Сэм куда-то исчез.

Солнце село. Усадьба в ранних сумерках выглядела сиротливо и как-то взъерошенно. Фродо обходил неузнаваемо изменившиеся комнаты, наблюдал, как гаснут на стенах последние закатные отблески, а в опустевших углах густеют тени. Он вышел наружу, постоял у калитки, а потом даже прошел немного по дороге с Горки, все еще надеясь увидеть высокую сутулую фигуру в остроконечной шляпе. Но на дороге не видно было ни единого прохожего. В чистом темнеющем небе разгорались яркие осенние звезды.

— Славная будет ночь, — подумал вслух Фродо. — В самый раз для начала. Все. Теперь я уже хочу идти. Не могу больше слоняться здесь без толку. Пусть Гэндальф догоняет.

Он уже собрался повернуть назад, но остановился, услышав голоса от плетня крайнего дома в Тугосумах. Один он узнал сразу — Старичина Хэм, а второй был незнакомый, противный какой-то. Не понять, что он спрашивает, зато доносились ответы Хэма, и, судя по голосу, старик явно нервничал.

— Нету, нету господина Сумникса. Утром еще ушел и добро свое вывез. Продал усадьбу и ушел, я ж говорю... Зачем продал? А до этого ни мне, ни вам дела нет... Куда ушел?.. Да какие тут секреты? В Заскочье, надо полагать... Да, далековато... Нет, не бывал я там. Я в этом Заскочье не закопал ничего, зачем мне туда ходить? Нет, никакой записки не оставлял... Доброй вам ночи!

Напряженно вслушивающийся Фродо различил шаги незнакомца, спускавшиеся с Горки, и почему-то очень обрадовался, что тот не стал подниматься к усадьбе. «Видно, я здорово устал от досужего любопытства, — подумал он. — Все кому не лень лезут в мои дела». С одной стороны, ему хотелось пойти и расспросить Хэма, кому еще понадобился Фродо Сумникс, но, поразмыслив, он почел за лучшее (было ли оно лучшим?) вернуться в Засумки.

Пиппин сидел при своем мешке на крылечке. Сэм все еще отсутствовал.

— Сэм! — позвал его Фродо. — Куда ты пропал? Пора нам.

— Иду-иду! Сейчас! — послышался из-за дверей голос, и на пороге, поспешно вытирая рукавом губы, появился Сэм. Он прощался с пивной бочкой в кладовке.

— Здесь, сударь, — доложил он. — Я подзаправился маленько на дорожку.

Фродо запер круглую входную дверь и дал ключ Сэму.

— Снеси-ка своему старику, Сэм. Мы с ним договаривались. Потом пройдешь задворками напрямик, догонишь нас возле изгороди. Через деревню не пойдем. Там сплошные уши да глаза. Надоело!

Сэм помчался вниз.

— Все. Уходим, — произнес Фродо и закинул котомку за плечи. Отойдя на несколько шагов, он обернулся и, глядя на темные окна, сказал: — Прощайте! — помахал рукой и (тем же путем, что и Бильбо) быстро зашагал по садовой дорожке.

Перепрыгнув низкую ограду, хоббиты вышли в поля и растаяли в темноте, как будто их и не было.

У подножия Горки путешественники остановились, подтянули лямки котомок, тут их и нагнал запыхавшийся Сэм. Тяжеленная торба торчала у него над головой, покрытой старым фетровым колпаком, который Сэм почему-то называл шляпой. В полумраке он здорово походил на гнома.

— Небось самое тяжелое мне подложили, — пошутил Фродо. — Каково же улиткам приходится! Всю жизнь весь дом на горбу таскать!

— У меня еще место в мешке есть, сударь. — Сэм пыхтел, как лошадь, и явно кривил душой.

— Нет уж, Сэм! — вмешался Пиппин. — Ему полезно. Поклажу свою он сам отбирал. Обленился, отяжелел в последнее время наш дорогой Фродо. Сбросит в дороге лишний вес, вот и идти полегче будет.

— Пожалели бы вы бедного старого хоббита, — рассмеялся Фродо. — Пока до Засумок доберемся, я за ивовый прутик прятаться смогу. Кроме шуток, Сэм, не многовато ты на себя навьючил? На первом же привале я с тобой разберусь. Ну, — он

поудобнее перехватил посох, — что может быть лучше ночной прогулки под звездами? Сколько миль оставим позади до ночлега?

Некоторое время они споро шагали по тропинке на запад, потом взяли левей и пошли полями. Мимо проплывали ограды, рощицы, ночь становилась все темней. Темные плащи делали их невидимыми не хуже волшебных колец. Хоббиты ходят тихо, а если при этом еще и стараются не шуметь, то даже свой брат хоббит не услышит. Неудивительно поэтому, что ни маленькие лесные зверушки, ни полевые мыши не заметили их. Они пересекли Водью, речушку, текущую под ольховыми кронами; прибавив шагу, пересекли дорогу от Брендидуинского Моста (отсюда начиналось Туково хозяйство) и, забирая на юг, двинулись через Зеленые Холмы. С вершины первого они еще могли видеть, обернувшись, мирно помаргивающие огоньки в далеком Хоббитоне, но скоро их скрыли складки местности, а потом уже и Уводье потерялось в темноте позади. Фродо помахал рукой на прощание.

— Доведется ли еще раз повидать эту долину? — тихонько вздохнул он.

Первый привал устроили часа через три. Прохладная звездная ночь вывесила туманные занавесы по ложбинам и поймам ручьев. Березки призрачно белели в темноте, их темные кроны покачивались над головами путников с еле слышимым шелестом. Перекусили (весьма скромно по хоббитским меркам), пошли дальше и вскоре повстречали скромную приятную дорогу на Задоры и Крепь и дальше, к Перевозу. В отличие от большака, она вилась меж Зеленых Холмов, навещала Залесье и, похоже, намеревалась побывать вообще во всех глухих уголках Восточной Чети.

Немного погодя вошли под своды старого высокого леса. Стало совсем темно. Некоторое время хоббиты еще разговаривали, а временами даже принимались напевать тихонько, но постепенно замолчали, а Пиппин начал заметно отставать. Наконец, одолев очередной крутой подъем, он остановился и широко зевнул.

— Я такой сонный, — неразборчиво пробормотал он, — что скоро усну прямо посреди дороги. Время-то, поди, уже за полночь.

— А я думал, ты любишь гулять в темноте, — съязвил Фродо. — Ладно. Особой спешки нет, Мерри ждет нас только послезавтра. Найдем местечко поуютней и остановимся.

— Ветер западный, — повертев носом, сообщил Сэм. — На той стороне холма можно найти затишку. Там и сушняк должен быть.

Сэм прекрасно знал окрестности миль на двадцать вокруг Хоббитона. Правда, на этом его познания в географии Шира и заканчивались.

Действительно, по ту сторону холма, совсем недалеко от дороги, нашлось и уютное местечко у корней огромной ели, и вдоволь валежника. Скоро под сводами леса заплясал маленький костерок, а хоббиты, посидев у огня, немедленно стали клевать носами. Потом каждый устроил в корнях подобие норки, завернулся в одеяло, и через несколько минут вся компания крепко спала. О том, чтобы оставить дежурного, никто и не подумал. Чего ради? Что может угрожать хоббиту, хотя бы и ночью, в самом сердце Шира?

Когда костер догорел, старую ель посетили несколько маленьких зверушек. Потом заглянул лис, спешивший через лес по своим делам и остановленный неожиданным запахом.

«Хоббиты! — подумал он и фыркнул. — Оно, конечно, теперь много чудного, но все-таки редко услышишь о хоббите, спящем под деревом. Батюшки! Да их тут целых три штуки! Нет, за этим определенно что-то кроется!»

Он был совершенно прав, но в чем тут секрет, узнать ему так и не удалось.

Утро настало шумное и светлое. Фродо проснулся первым и потер сначала бок, намятый еловым корнем, а потом одеревеневшую шею.

«Вот тебе и радости пешей прогулки, — подумал он. — Ведь можно же было ехать. — Впрочем, так он думал обычно в начале любого путешествия. — Я здесь валяюсь на корнях, а Дерикули там нежатся на моих перинах. А вот им-то как раз коряг вполне бы хватило». Он потянулся и закричал:

— Подъем, хоббиты! Посмотрите, какое утро прекрасное!

— Чего в нем хорошего? — пробурчал Пиппин, приоткрыв глаз над краешком одеяла. — Эй, Сэм, а завтрак в половине десятого? А вода для умывания согрета?

Сэм вскочил, очумелый со сна:

— Нет, сударь, нету воды. Виноват, сударь.

Фродо встал, потянулся. Сдернул одеяло с Пиппина и отправился прогуляться к опушке. Вдали, на востоке, над туманами, окутавшими мир на заре, поднималось красное солнце. Деревья в осенних праздничных нарядах из багряных и золотых кружев, казалось, плыли в туманных озерах. Дорога сбегала с холма и тоже исчезала невдалеке в белесых волокнах.

К его возвращению Пиппин с Сэмом развели хороший костер. Его встретил вопль Пиппина:

— Воды! Где вода?

— Знаешь, я ее в карманах не ношу, — ответил Фродо.

— А мы думали, ты за ней пошел, — бормотал Пиппин, роясь среди кастрюль и мисок. — Так, может, сходишь все-таки?

— Могу. А ты мне компанию составишь. И захвати-ка все фляги.

У подножия холма они нашли ручей с ледяной водой, так что, умываясь, фыркали и вздрагивали. Наполнили фляги и походный чайник, найдя возле старого замшелого валуна маленький водопадик.

С завтраком управились уже после десяти. Развиднелось. День обещал быть жарким. Уложив котомки, хоббиты спустились с холма, перепрыгнули через ручей и тут же полезли в гору. Так и пошло: вверх-вниз, и скоро каждый подумал, не многовато ли они набрали в дорогу. Дневной переход, судя по началу, предстоял нелегкий. Правда, скоро дорога устала подпрыгивать, она с трудом влезла на последний холм и с облегчением кинулась вниз. Впереди лежала долина с перелесками, сливавшимися на горизонте в зеленое марево. Перед ними открылось Залесье, а уж за ним недалеко и до Брендидуина. Дорога окончательно угомонилась и улеглась протянутой веревочкой.

— Дороге-то что, — сказал Пиппин, — она бежит себе да бежит, а я не могу без отдыха. Самое время перекусить. — Он уселся у обочины на косогоре и посмотрел на восток. Где-то там, в туманной дымке, лежала река, а дальше проходила граница Шира. Сэм стоял рядом и просто пожирал глазами неведомые ему просторы.

— А эльфы живут в тех лесах? — спросил он.

— Никогда не слыхал, чтобы они там жили, — откликнулся Пиппин. Фродо молчал. Он тоже смотрел на восток так, словно видел дорогу впервые. Вдруг он медленно не то пропел, не то продекламировал:

Бежит дорога все вперед.
Куда она зовет?
Какой готовит поворот?
Какой узор совьет?

Сольются тысячи дорог
В один великий путь.
Начало знаю; а итог —
Узнаю как-нибудь.

— Похоже на раннего Бильбо, — тоном знатока определил Пиппин. — Или это — твое подражание? Не очень-то обнадеживает, верно?

— Вроде бы это я придумал, — неуверенно сказал Фродо, — а может, слышал когда-нибудь. Действительно, похоже на Бильбо перед уходом. Он часто повторял, что Дорога всего одна. Она как большая река, ее истоки — у каждого порога, и любая тропинка для нее — приток. «Опасное это дело, Фродо, перешагнуть порог, — говаривал он. — Только ступи на Дорогу, она подхватит и поведет тебя — куда? как знать... Допустим, перед тобой вполне безобидная на вид тропинка, глядь, она уже завела тебя через Сумеречье к Одинокой Горе, а то и куда-

нибудь похуже». Так он говорил и поглядывал на дорожку от дверей усадьбы.

— Ну и пожалуйста, пусть ведет, — разрешил Пиппин, решительно снимая котомку, — только в ближайшие час-два никуда ей меня не увести. С места не тронусь.

Остальные последовали его примеру: котомки пристроили под спины, а ноги вытянули на дорогу. Передохнули. Потом, не торопясь, перекусили и снова передохнули.

Солнце начинало клониться к закату. За весь путь им не встретилось ни единой живой души. Дорогой редко пользовались: для повозок неудобна, пешком ходить в такую даль — была охота, а в Залесье можно попасть и другим путем. Хоббиты после привала уже с час как снова утаптывали ее ногами, и тут вдруг Сэм замер. К этому времени они шли лугами, и только редкие деревья предупреждали о лесах впереди.

— Похоже, там конь или пони, сзади, на дороге, — обеспокоенно проговорил Сэм. Все оглянулись, но поворот, пройденный минут пять назад, скрывал источник звуков.

— Должно быть, Гэндальф нас догоняет, — неуверенно предположил Фродо и тут же почувствовал сильнейшее желание спрятаться от неизвестного попутчика.

— Может, это и не так важно, — заговорил он, нервно оглядываясь, — но я бы не хотел никому попадаться на глаза. Устал я от разговоров. Всякий сует нос в мои дела... Ну а если это Гэндальф, устроим ему сюрприз. Пусть не опаздывает. Давайте-ка спрячемся!

Пиппин и Сэм метнулись влево от дороги и залегли в маленькой лощинке, а Фродо замешкался на мгновение. Какое-то нездоровое любопытство едва не пересилило в нем благоразумие. А звук копыт стремительно приближался. Еще миг — и было бы поздно! Фродо бросился ничком в густую траву за стволом придорожного дерева, быстро перекатился набок и осторожно выглянул из-под корней.

Из-за поворота вылетел отнюдь не хоббитский пони. Громадный черный конь с человеком в седле, закутанным в черный плащ с глухим капюшоном, под которым не разглядеть было лица, скакал по дороге. Однако, поравнявшись с деревом, конь встал, громко всхрапнув. Всадник остался странно недвижим, и только склоненная голова медленно поворачивалась из стороны в сторону, да можно было различить тихое посапывание, как бывает, когда принюхиваешься, пытаясь схватить ускользающий запах.

Волна ужаса накрыла Фродо. Он едва осмеливался дышать, и только одно желание пересиливало все: немедленно надеть Кольцо! Уже рука его поползла к карману, уже предостережения Гэндальфа казались нелепыми и попросту вредными... «Бильбо же пользовался Кольцом! Я же все-таки в Шире», — лихорадочно думал он, нащупывая цепочку. Но тут всадник

тронул поводья, конь шагнул раз, остановился, шагнул другой и быстро перешел на крупную рысь. Извиваясь ужом, Фродо скользнул к дороге и следил за седоком, пока он не скрылся в отдалении. Однако в последний миг Фродо показалось, что конь не просто исчез из виду, а свернул с дороги вправо.

«Странно, — размышлял Фродо, направляясь к укрытию друзей, — и даже, я бы сказал, страшно».

Пиппин с Сэмом как завалились в траву, так и пролежали там, ничего не увидев. Пришлось рассказать им о странном обличье и поведении чужака.

— Мне думалось, — мялся Фродо, — что это он меня высматривает... или скорее вынюхивает. А мне очень не хотелось ему показываться. Про такое в Шире отродясь не слыхивали!

— Да какое ему дело до нас, этому Верзиле? — воскликнул Пиппин. — Чего его сюда занесло?

— Вообще-то люди в Шире живут, — задумчиво произнес Фродо. — В Южной Чети, я слыхал, хватает с ними хлопот. Но про таких никто не рассказывал. Откуда бы ему взяться?

— Извиняюсь, сударь, — внезапно вмешался Сэм, — я знаю, откуда он взялся. Из Хоббитона пожаловал. И куда он направляется, я тоже знаю.

— Что ты мелешь? — резко спросил Фродо. — Почему раньше молчал?

— Да забыл я, сударь! Забыл, из головы вылетело, вроде как затмение нашло! Вчера вечером, когда я к нашей норе вернулся, старик мой мне и говорит: «Эка, Сэм, — говорит, — ты тут? А я-то думал, вы с господином Фродо с утра ушли, то-то, смотрю, ключи не несут... Тут, слышь-ка, один странный тип выспрашивал меня про господина Сумникса из Засумок. Вот только что я его в Заскочье спровадил. Чего мне в нем не понравилось, в толк не возьму! А-а! Вот! Я как сказал ему, что господин-то Фродо, мол, усадьбу свою оставил и уехал, так он зашипел аж! Жутко так мне стало!» Я, значит, спрашиваю старика моего: «А какой он из себя-то?» — а старик и говорит: «Ну уж не хоббит, это точно! Высокий, черный такой, а лица не видать. Надо быть, из Верзил чужедальних, и говорит чудно!» Меня времечко-то поджимало, не мог я больше слушать, вы же меня и ждали сударь. Вообще-то я и внимания не обратил. Старик мой сдает совсем, глаза не те стали, а ведь темно уже было, когда этот приятель на него набежал. Старик-то мой по вечерам любит на околицу выйти, воздухом подышать. Может, вреда особого и нет в том, что он этому Верзиле сказал?

— Старика твоего винить не в чем, — успокоил его Фродо. — Я ведь этот разговор слыхал. Стоял там за углом неподалеку. Чуть было не подошел спросить, кому я понадобился. Вот хорош бы был! Хоть бы ты пораньше мне рассказал! Мы бы поосторожнее были!

— С чего ты взял, что это тот же чужак? — удивленно спросил Пиппин. — Не мог он нас выследить, мы тихо ушли.

— Может, выследить и не мог, — Сэм почесал в затылке, — а вот *вынюхать* — вполне. А потом, старикан мой говорил: черный он был.

— Надо было Гэндальфа дождаться, — посетовал Фродо. — А может, еще хуже было бы, — пробормотал он минуту спустя.

— Я не пойму! — рассердился Пиппин. — Ты только догадываешься о чем или знаешь про этого всадника?

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Фродо, правда не слишком уверенно.

— Ну и держи свои секреты при себе! — фыркнул Пиппин. — Что делать-то будем? Можно бы перекусить, да от твоих разговоров про вынюхивающих Верзил с невидимыми носами у меня аппетит пропал. По-моему, лучше убраться отсюда подальше.

— Да, надо идти, — согласился Фродо. — Только не по дороге, а то как бы он вернуться не вздумал или другой какой не наехал. Пошли, до Заскочья еще шагать и шагать.

Тени деревьев на траве истончились и вытянулись, когда они снова двинулись в путь. Теперь шли не по дороге, а рядом, на расстоянии броска камня. Это оказалось не так-то легко: высокая трава путалась в ногах, подлесок быстро густел. Красное солнце мягко съехало за холмы, и вечер настал прежде, чем равнина кончилась и можно было снова выбраться на дорогу. Теперь она все забирала влево, ощутимо спускаясь к речной пойме. Немного погодя повстречалась тропинка, уходящая в древнюю дубраву на краю Залесья.

— Вот по ней и пойдем, — решил Фродо.

У самой развилки кстати оказалось огромное дерево. Жизнь в нем едва теплилась, и неудивительно: от ствола осталась лишь тонкая оболочка, а вся сердцевина превратилась в дупло, раскрытой щелью повернутое в сторону от дороги. Хоббиты протиснулись внутрь и с удобством устроились на мягкой подстилке из палых листьев и прелого дерева. Укрывище дало возможность спокойно отдохнуть и поесть. Однако переговаривались они тихо, время от времени чутко вслушиваясь.

Когда путники снова выбрались на тропинку, пали сумерки. Западный ветер вздыхал в высоких кронах. Перешептывались листья. Стало беспокойно, как часто бывает на лесных дорогах перед наступлением ночи. Быстро темнело. Меж деревьями на востоке зажглась звезда. Хоббиты шагали в ногу, это подбадривало, а чуть погодя, когда звезд на небе прибавилось и они заблестели ярче, тревога прошла, и они думать забыли о копытах и всадниках. То один, то другой принимался напевать (истинно хоббитская привычка — напевать при ходьбе, особенно если идешь к дому, а время — к полуночи). Обычно поют про ужин, про кровать, а тут вдруг Пиппин затянул прогулочную,

хотя, конечно, про кровать и ужин в ней тоже было. Слова принадлежали Бильбо, а мотив был древний, как эти холмы. Фродо выучил песню давно, во время прогулок с дядей по долине Водьи и долгих разговоров о Приключении.

Поют поленья в очаге,
Подушка ластится к щеке,
Но ноги сами нас несут
За поворот — туда, где ждут
Цветок, былинка, бурелом —
Их только мы с тобой найдем!

Ждите нас — холмы, поток...
Путь далек! Путь далек!
Камни, травы, луг в росе —
Ждите все! Ждите все!

За поворот! Там встретят нас
Безвестный путь, секретный лаз.
Их миновали мы вчера,
Но, может быть, теперь пора
Найти ту тропку в глубине,
Что мчится к Солнцу и Луне?

До свиданья — терн, репей...
В путь скорей! В путь скорей!
Плющ, шиповник, бересклет —
Всем привет! Всем привет!

Дом позади, мир — впереди.
Нам уготовано пройти,
Покуда шлет лучи звезда,
До грани ночи. А тогда —
Мир позади, дом — впереди,
Обратно позовут пути!

Тень и темень, мрак и ночь
Сгинут прочь! Сгинут прочь!
Дом, тепло, обед, кровать —
И поспать... И поспать...

Пиппин еще дважды звонко пропел припев, но тут Фродо остановил его:

— Тише! Опять копыта!

Они вслушались, замерев на месте. Действительно, издалека доносился топот. Быстро и бесшумно они юркнули с тропинки в кусты и укрылись в густой тени дубов.

— Не забирайтесь далеко, — предупредил Фродо. — Я хочу посмотреть.

— Ладно, — согласился Пиппин. — Только бы нас не унюхали.

Перестук копыт приближался. Убежище они выбрали не самое надежное, но другое искать было поздно. Сэм и Пиппин притаились за огромным замшелым стволом, а Фродо — немножко ближе к тропинке. Она едва серела в звездном свете,

а луны не было. Внезапно наступила тишина. Фродо вгляделся и с трудом различил силуэт всадника. Он бы ничего не увидел, но фигура в седле медленно раскачивалась из стороны в сторону, темная на фоне деревьев. Конь остановился как раз против того места, где хоббиты сошли с тропы. Сомнений не было! Фродо даже почудилось, что он слышит знакомое сопение. Тень соскользнула с коня! И вот уже, почти неразличимая во мраке, крадется к ним!

На этот раз желание немедленно надеть Кольцо овладело Фродо нестерпимо. Он не успел даже подумать о нем, а рука уже нащупала цепочку в кармане. И в этот миг тишину ночного леса нарушили совершенно неожиданные звуки. Песня послышалась вдалеке и смех, звонкий, как колокольцы! Чистые голоса взлетали и падали в воздухе, пронизанном звездным блеском. Черная тень резко выпрямилась. Она была уже недалеко, но теперь как-то неуловимо отступила к дороге, странным, неестественным движением взлетела в седло, и конь (а может, призрак коня) растаял в ночи. Фродо перевел дух.

— Эльфы! — воскликнул Сэм сиплым шепотом. — Разрази меня гром, эльфы, сударь! — Он так и рванулся бы напролом сквозь чащу, не удержи его Фродо с Пиппином.

— И верно, эльфы, — подтвердил Фродо. — В Шире-то они не живут, но весной и осенью, бывает, проходят Залесьем в сторону Башенных Холмов. Надо же, как кстати! Вы-то не видели, а ведь Черный Всадник крался к нам, сюда, а песня его спугнула. Он тут же убрался, как только голоса услыхал.

— С эльфами-то как? — спросил Сэм, слишком возбужденный, чтобы отвлекаться на какого-то всадника. — Мы разве не пойдем посмотреть?

— Да они ведь сюда идут, не слышишь разве? — остановил его Фродо. — Подождем здесь.

Пение приближалось. Один светлый и сильный голос верховодил. Фродо немного знал язык Дивного Народа, а Пиппин с Сэмом не знали вовсе, но голос пел словно о чем-то давным-давно знакомом и родном. Во всяком случае, Фродо понял так:

О Лучезарная Царица!
О Дева Западных морей!
О свет надежды, что стремится
К нам, в мир предсумрачных теней!

Гилтониэль! О Элберет!
Очей твоих бессмертный свет!
Тебе поет лесной народ
В иной земле, за далью вод.

О звезды, что твоей рукою
Оживлены в бессветный час!
Сияй, соцветие ночное,
В ненастном сумраке для нас!

О Элберет! Гилтониэль!
О луч, пронзающий метель!
Твой дальний свет за гладью вод
Хранит в душе лесной народ.

Песня кончилась.

— О! Это Высокие Эльфы! — в изумлении проговорил Фродо. — Слышали? Они пели о Элберет! Их нынче во всем Средиземье совсем мало осталось. Вот уж воистину счастливый случай!

Хоббиты выбрались на тропинку и присели в тени на обочине. Скоро показались и эльфы. Они шли, казалось, неторопливо, но быстро, а звездный свет сиял и искрился в их длинных волосах, вспыхивал в больших прекрасных глазах. Ни фонарей, ни светильников у них не было, но под ноги странникам лилось сияние, будто свет от низко висящей на горизонте луны. Они шли молча, и только последний, проходя, обернулся, взглянул на хоббитов и рассмеялся.

— Привет, Фродо! — крикнул он. — Что-то ты припоздился. А может, заблудился? — Он окликнул остальных, и эльфы обступили хоббитов.

— Вот чудеса! — говорили они. — Три хоббита, ночью, в лесу! С тех пор как Бильбо ушел, мы такого не видели. Что бы это значило?

— О Дивный Народ! — отвечал Фродо. — Просто мы идем одной дорогой. Мне нравится бродить под звездами. Но я очень рад вашему обществу.

— Нам нет нужды в обществе, — засмеялось в ответ сразу несколько голосов. — И откуда тебе знать про нашу дорогу?

— Вы же знаете мое имя, — уклончиво ответил Фродо.

— Мы многое знаем, — отвечали ему. — А тебя часто видели раньше с Бильбо, хотя ты нас и не замечал.

— Но кто же вы? Кто ведет вас? — допытывался Фродо.

— Я — Гилдор, — ответил ему эльф, окликнувший его. — Гилдор Инглорион из Дома Финрода. Большинство наших родичей давно покинули эти земли, а мы задержались ненадолго перед возвращением за Море. Впрочем, кое-кто из нашего народа еще живет в этом мире. Ты, верно, слыхал о Дольне? Однако что за дела выгнали тебя из дома? Мы видим тень страха на твоем лице. Откуда она?

— О мудрый народ! — воскликнул Пиппин. — Расскажите нам о Черных Всадниках.

— О Черных Всадниках? — переспросил Гилдор, понизив голос. Видно было, что он не ожидал вопроса. — Почему ты спросил о них?

— Потому что нас преследуют два Черных Всадника, а может, это один и тот же, но он чуть не поймал нас. Вы его спугнули.

Эльфы быстро посовещались меж собой. Потом Гилдор повернулся к хоббитам.

— Не стоит говорить об этом здесь,— сказал он.— Вам лучше пойти с нами. Хоть это и не в наших обычаях, разделим дорогу. Вместе и заночуем.

— На такую удачу я и не рассчитывал! — воскликнул непосредственный Пиппин, а Сэм, похоже, и вовсе потерял дар речи.

— Примите мою признательность, Гилдор Инглорион,— поклонился Фродо.— *Элен сила луменн оментиэльво,* час нашей встречи осиян звездой,— добавил он на высоком эльфийском наречии.

— Осторожней, друзья, — рассмеялся Гилдор.— Берегите наши тайны. Здесь владеют древним наречием. Бильбо был хорошим учителем. — И, оборотясь к Фродо, он произнес с поклоном: — Привет тебе, Друг Эльфов. Присоединяйся к нам вместе с друзьями. Вам лучше идти в середине, чтобы не отставать. Привал еще нескоро.

— Куда вы все же держите путь? — спросил Фродо.

— Сегодня ночью мы остановимся в холмах над Залесьем, там отдохнем, и ваш завтрашний переход будет на несколько миль короче.

Они двинулись по дороге, словно тени или блики света. Эльфы ходят еще неслышнее, чем хоббиты, и Пиппина скоро стало клонить ко сну. Пару раз он спотыкался, но эльф, шагавший с ним рядом, поддерживал его, не давая упасть. Сэм шел словно во сне. На лице его застыло выражение не то восторга, не то испуга.

Лес по обе стороны от дороги стал гуще, появились заросли орешника. Наконец эльфы свернули с тропы. Справа, совсем рядом, начинался невысокий водораздел; пройдя по нему с полмили, они оказались на вершине холма, возвышавшегося на краю поймы. Неожиданно лесная сень кончилась, и открылась большая поляна, серебрящаяся в ночи слегка повлажневшей травой. С трех сторон окруженная лесом, к востоку она круто обрывалась, и верхушки деревьев, росших у подножия холма, едва приподнимались над ее краем. Вдалеке — а все-таки ближе, чем казалось,— мерцали редкие огоньки деревни. Это были Задоры.

Эльфы, негромко переговариваясь, разошлись по поляне и, казалось, не обращали на хоббитов ни малейшего внимания. Фродо и его спутники сели на траву, завернулись в одеяла и боролись со сном. Ночь тянулась и тянулась, огоньки в долине погасли один за другим. Пиппин пристроился к какому-то бугорку и уснул. Высоко в небе, на востоке, мерцала Звездная Сеть — Реммират, а из тумана медленно поднимался красный Боргил, сияя винным цветом, словно драгоценный камень. Никто не услышал порыва ветра, но туман словно сдернула невидимая рука, и сверху наклонился, перешагивая через край

мира, Небесный Воин Менельвагор, опоясанный сияющим поясом. В этот момент эльфы разом запели. Словно сам собой вспыхнул на поляне костер, и хоббитов позвали:

— Эй, сюда! Идите к нам! Настало время для разговоров и веселья.

Пиппин сел, дрожа и протирая глаза.

— В зале горит огонь, и кушанье для проголодавшихся путников готово, — сказал стоявший перед ним эльф.

Южный конец поляны уходил под своды леса, образуя подобие залы, крытой ветвями деревьев; стволы их, словно колонны, вздымались с двух сторон. Здесь весело потрескивал костер, а на нижних сучьях укреплено было еще несколько факелов, горевших разноцветным ровным огнем. Эльфы расселись вокруг костра, одни передавали наполненные кубки, другие обносили подносами с едой.

— Прощения просим за скудную трапезу, — извинились перед хоббитами. — Но мы далеко от наших гостиных. Если заглянете как-нибудь к нам домой, надеемся попотчевать вас как подобает.

— Эта скудная трапеза не уступает деньрожденьишному пиру, — пробормотал Фродо.

Пиппин плохо запомнил угощение этой ночи. Он весь был поглощен лицами эльфов, словно озаренными внутренним светом, их голосами, такими разными и такими прекрасными, какие бывают только в грезах. Он смутно помнил хлеб, имевший вкус свежей белой лепешки; помнил плоды, нежность аромата которых не с чем сравнить, он осушил бокал, наполненный, казалось, золотистым летним полднем с привкусом меда.

Сэму явно не хватало слов, чтобы выразить переживания этой ночи, но она осталась для него одним из главных событий всей жизни. Позже он говорил, вспоминая: «Ну, сударь, если бы я вырастил такие яблоки, вот тогда был бы я Садовник. Но яблоки — что! А вот пение! Ох и запало оно мне в сердце, если вы понимаете, про что я...»

Фродо же ел, пил и разговаривал с удовольствием. Он немного понимал по-эльфийски, усердно прислушивался и старательно подбирал слова, не уставая благодарить угощавших его на их родном языке. Они улыбались и говорили друг другу:

— Ну что за прелесть! Просто бриллиант среди хоббитов!

Пиппин, не выдержав переживаний, заснул с недопитым бокалом в руке. Его бережно перенесли под деревья и уложили на мягкое ложе, где он и проспал до рассвета. Сэм ни за что не хотел покидать Фродо. Когда Пиппин выбыл из игры, он некоторое время боролся со сном, потом свернулся клубочком у ног Фродо, поклевал носом и тоже заснул. А Фродо тем временем вел неторопливую беседу с Гилдором.

Они переговорили о многом, старом и новом. Хоббит расспрашивал эльфа о событиях в широком мире. Новости были безрадостными, если не сказать зловещими: сгущалась Тьма, разгорались войны, Люди безнадежно сражались, Эльфы обреченно уходили. Наконец Фродо задал давно волновавший его вопрос:

— Скажи, Гилдор, а ты не видел Бильбо после того, как он ушел?

— Видел, — с улыбкой ответил эльф. — Даже дважды. Вот на этом самом месте он распрощался с нами. Но нам довелось встретиться еще раз, далеко отсюда.

Больше он ничего не добавил, а Фродо не стал расспрашивать. Гилдор сам обратился к нему:

— Ты ничего не рассказал о себе, Фродо. Кое-что я знаю, а по твоему лицу и мыслям, стоящим за твоими вопросами, догадываюсь об остальном. Ты ведь уходишь из Шира, и уходишь в сомнениях — сможешь ли найти потерянное, или выполнить задуманное, или даже просто вернуться в родные края. Разве не так?

— Эх, — вздохнул Фродо, — так, конечно. Но я-то думал, мой уход — тайна. Кроме Гэндальфа да Сэма, и не знает никто... — Он взглянул на мирно посапывающего Сэма.

— От нас Враг твоей тайны не узнает.

— Враг? Так ты знаешь, почему я ухожу?

— Я не знаю, почему Враг преследует тебя, но чувствую: опасность не только впереди или позади. Она со всех сторон.

— Ты о Всадниках? — побледнев, спросил Фродо. — Я так и думал, что их послал Враг. Но кто они?

— Разве Гэндальф не рассказывал тебе? — удивился Гилдор. — Впрочем, ему виднее, но тогда и мне не след пугать тебя в дороге. Скажу только, что выйти ты успел в самый последний момент, если успел, конечно. Теперь надо спешить. Дорога назад закрыта. Шир тебе не защита больше.

— Да уж что может быть страшней твоих намеков! — воскликнул Фродо. — Я знал про опасность, но в своем собственном Шире никак не предполагал с ней столкнуться. Подумать только! Хоббиту теперь от Водьи до Реки спокойно пройти нельзя!

— Это не твой собственный Шир, — веско сказал Гилдор. — Жили здесь и до вас, будут жить и после вас. Вокруг — мир. Можете не обращать на него внимания, но вы — в нем, а он — в вас.

— Знаю, — устало согласился Фродо. — Да только он всегда казался таким уютным, таким безопасным. Что же мне делать теперь? Я хотел уйти тайно и пробираться в Дольн, а похоже, меня выследят раньше, чем я доберусь до Заскочья.

— Делай, как задумал, — посоветовал Гилдор. — Вряд ли дорога так опасна. Тебе, по-моему, мужества не занимать. Бо-

лее подробный совет надо было у Гэндальфа спрашивать. Я ведь не знаю причин твоего бегства, не знаю, зачем ты нужен Черным Всадникам. А Гэндальф знает. Ты же виделся с ним перед выходом?

— Хотел увидеться. Вот это меня действительно беспокоит. Я ждал его. Долго ждал. Он обещал вернуться в Хоббитон самое позднее позавчера. Но так и не появился. Что могло его задержать, ума не приложу. Может, надо было все-таки дождаться его?

Гилдор долго молчал.

— Не нравится мне это,— произнес он наконец.— Опоздание Гэндальфа не к добру. Но, знаешь, не зря говорят: «Не лезь в дела Мудрых. Понять — не поймешь, а хлопот не оберешься». Тебе выбирать: ждать или уходить.

— У нас еще говорят,— усмехнулся Фродо,— «спроси у эльфа совет — получишь в ответ и да, и нет».

— Неужто? — расхохотался Гилдор.— Впрочем, верно. Мы редко даем необдуманные советы. Совет, даже из уст Мудрого, опасный дар. События могут повернуть и принять неправильный ход. Что же ты хочешь от меня? Дел твоих я по-прежнему не знаю, как же я могу выбрать за тебя? Ну ладно, по дружбе дам тебе совет: иди и нигде не останавливайся. И еще: если Гэндальф не появится, один не ходи. Возьми друзей, которым можно доверять, если они, конечно, захотят идти. Вот тебе совет эльфа, принимай с признательностью, хоть и дан он без особой радости. У эльфов свои заботы и свои печали. С путями хоббитов или других смертных они мало связаны. Но если уж тропы наши пересекаются, то вряд ли случайно. Зачем мы встретились, я не знаю и поэтому опасаюсь сказать лишнее.

— Я благодарен тебе и за ночлег, и за совет,— сказал Фродо.— И все-таки опять прошу: расскажи о Всадниках. Вдруг я еще долго не увижу Гэндальфа, надо же знать, что за напасть за мной гоняется.

— Я же сказал: они — слуги Врага! Разве тебе этого мало? — воскликнул Гилдор.— Беги от них! Не говори с ними ни в коем случае! Они смертельно опасны. И не спрашивай меня о них. Скажу только, что в конце своей дороги Фродо, сын Дрого, будет знать об этих тварях куда больше Гилдора Инглориона. Да охранит тебя Элберет!

— Кругом опасность! Где же мне взять мужества, чтобы справиться со всем? — жалобно вздохнул Фродо.

— Знаешь, мужество прячется в самых неожиданных местах,— улыбнулся эльф.— Надейся на лучшее. А теперь спи. Этой ночью забудь об опасностях. Утром мы уйдем, но весть о тебе разойдется по нашим землям. Странники в Среднеземье узнают о твоем пути, и сильные будут готовы помочь. Я нарекаю тебя Другом Эльфов, да воссияют звезды в конце твоего

пути! Мы редко бываем рады чужим, но ты доставил нам радость знанием древнего наречия и чистой душой.

Фродо хотелось ответить, но с последними словами Гилдора на него неудержимо стал наваливаться сон.

— Я совсем засыпаю,— заплетающимся языком проговорил он. Эльф проводил его под деревья к Пиппину. Хоббит упал на приготовленное ложе и тут же провалился в глубокий сон без сновидений.

Глава 4
САМАЯ КОРОТКАЯ ДОРОГА К ГРИБАМ

Прекрасно выспавшийся Фродо открыл глаза. Он лежал под деревом в удобной постели из папоротника и душистых трав. Сквозь трепещущую зеленую листву пробивалось солнце. Фродо вскочил на ноги и выбрался из-под ветвей. Неподалеку сидел Сэм, рядом с ним стоял Пиппин и подозрительно изучал ясное небо. Эльфов не было и следа, словно они приснились накануне.

— Вот, оставили фрукты, питье и хлеб,— как-то растерянно сказал Пиппин.— Можешь завтракать. Хлеб не хуже вчерашнего. Я бы все съел, да Сэм остановил.

Фродо присел рядом с Сэмом и принялся за еду.

— Какие у нас планы на сегодня? — осведомился Пиппин.

— Попасть в Скочку, и как можно быстрее,— промямлил Фродо с набитым ртом.

— Всадников, что ли, опасаешься? — беспечно спросил Пиппин. Под ясным небом и утренним солнышком его, похоже, не пугала встреча с целым отрядом этих мрачных созданий.

Фродо нахмурился и ничего не ответил. Молча пожевал и все-таки выдавил из себя:

— Я хочу перебраться на тот берег и надеюсь сделать это без их помощи.

— Ты что-нибудь узнал от Гилдора?

— Да так, ничего особенного,— попытался уйти от ответа Фродо.

— А чего они нюхают все?

— Да не говорили мы про это.

— Вот и напрасно,— назидательно заметил Пиппин.— Ведь это может быть важно.

— Ах, отстань, пожалуйста,— скривился Фродо.— Я уверен, не стал бы Гилдор об этом говорить. Дай поесть спокойно. И потом, мне подумать надо.

— Это за завтраком-то? — удивился Пиппин, но все же прекратил расспросы и отошел к краю поляны.

Фродо не радовало утро. Оно было каким-то очень уж ясным, а внутри у него еще жил вчерашний страх. Он вспомнил

совет Гилдора и с болью посмотрел на бегущего по зеленой траве, весело распевающего Пиппина. «Нет! Как же я могу? — сказал он себе. — Одно дело взять их на прогулку по Ширу, где можно слегка устать, слегка проголодаться, а еда и постель ждут тебя неподалеку, и совсем другое — увести в изгнание, где можно устать и проголодаться насмерть. Бильбо оставил наследство мне одному. Даже Сэма, наверное, я брать не вправе». Он поглядел на Сэма и встретил в ответ его внимательный взгляд.

— Вот, Сэм, — сказал он ему. — Я ухожу из Шира, и чем быстрее, тем лучше. Наверное, даже в Заскочье не смогу задержаться...

— Ну и хорошо, сударь, — спокойно ответил Сэм.

— Ты все еще намерен идти со мной?

На лице Сэма появилось недоуменное выражение.

— Это ведь опасно, Сэм, очень опасно. Едва ли нам придется вернуться назад.

— Уж если вы не вернетесь, так я и подавно, — сказал Сэм. — Они мне говорят: «Не оставляй его!» Как это я оставлю? Пойду, говорю, с ним, даже если он на луну полезет. А попробует его какой Черный Всадник остановить — будет иметь дело со мной! Так им и сказал, а они — смеяться...

— Постой! Кто они? О чем ты толкуешь?

— Да эльфы же! Я тут с ними поговорил прошлой ночью. Они ведь знали, что вы уходите, так я их и разубеждать не стал. Дивный народ эти эльфы!

— Верно, — согласился Фродо. — Они тебе не разонравились, когда ты на них вблизи посмотрел?

— Что им до моих «нравится, не нравится», — как-то задумчиво проговорил Сэм. — Что бы я ни думал, все равно они не такие... Древние, а в то же время — юные, веселые и печальные тож. Такие, как есть, по-другому не скажешь, — неожиданно закончил он.

Фродо изумленно смотрел на Сэма, словно ища зримых следов перемены, происшедшей с его садовником. И голос, и слова были совсем не Сэмовы. Но перед ним стоял все тот же простоватый Сэм Гэмджи, которого он знал давным-давно, правда, лицо у него было непривычно серьезное...

— Ладно, — сказал Фродо, — вот ты их и увидел. Зачем теперь дальше идти?

Сэм все так же задумчиво посмотрел в глаза хозяину:

— Именно теперь и надо мне идти. Это все прошлая ночь, сударь. Я не знаю, что со мной такое сделалось, да только будто мне кто показал, как оно завтрева будет. Знаю — долго нам с вами идти, знаю — во тьму идем, а назад дороги нет. Эльфы ли, драконы или там горы — все это, наверное, будет, но у меня дело впереди, там где-то, сам не пойму где, только не в Шире. Сделать я его должен, значит, если вы понимаете, про что я говорю...

— Конечно не понимаю, — честно признался Фродо. — Одно вижу: Гэндальф не ошибся, выбирая мне товарища. Я его выбором доволен, и пойдем мы вместе.

После завтрака Фродо позвал Пиппина. Тот примчался чуть ли не на одной ножке.

— Ты готов? — осадил Фродо резвящегося приятеля. — Идти надо. Долго мы проспали, когда теперь нагоним?

— Ничего себе — проспали! — возмутился Пиппин. — Я раным-рано встал, а теперь жду и жду, пока ты кончишь думать да завтракать.

— Кончил уже и то, и другое. Надо побыстрее попасть к Перевозу, поэтому я не хочу на дорогу возвращаться, лучше напрямик пойдем.

— Да кто же здесь напрямик ходит? — удивился Пиппин. — Ты же не птица!

— Птица не птица, а по дороге тащиться незачем, — серьезно ответил Фродо. — Смотри. Дорога забирает влево, в обход Марей, а возле Крепи пересекается с проселком, который от Моста идет. А если напрямик, прямо к Перевозу, четверть пути сэкономить можно.

— Короткий путь не всегда самый ближний, — возразил Пиппин. — Идти придется по увалам, ближе к Марям — болота, и вообще, знаю я эти места! На то и дороги, чтобы по ним ходить. А если ты про Черных Всадников думаешь, так это еще посмотреть: в лесу с ними встретиться — хорошего мало.

— В лесу нас еще найти надо. — Видно было, как нравится Фродо идея сократить путь. — А на дороге нас точно ждать будут.

— Эх, была не была! — неожиданно легко сдался Пиппин. — Полезем по оврагам. А я-то рассчитывал заглянуть вечерком в «Золотого Пескаря». Лучше пива во всей Восточной Чети не найти.

— Тем более! — с воодушевлением подхватил Фродо. — Уж где бы мы точно застряли, так это в «Пескаре», а нам во что бы то ни стало надо в Скочку попасть до захода. А ты, Сэм, как считаешь?

— Я с вами пойду, сударь, — храбро отвечал Сэм, отчаянно тоскуя по лучшему пиву в Восточной Чети и стараясь не выдать разочарования.

— Ну и ладно, — не стал спорить Пиппин. — Хотите через болота да колючки пробираться — дело ваше. Вперед!

Сильно парило. Хоббиты спустились с холма и тут же попали в чащу. По расчетам Фродо, оставляя Задоры слева, они довольно скоро должны были выйти в луга, а там по прямой (ну, попадутся одна-две канавы — подумаешь!) и до Перевоза недалеко. Всего-то миль восемнадцать.

Однако довольно быстро заросли заставили его усомниться в правильности принятого решения.

Вдруг поперек дороги обнаружился ручей, текущий в глубоком овраге, с берегами, поросшими ежевикой. Овраг было не перепрыгнуть, а вниз лезть не хотелось. Волей-неволей пришлось остановиться.

— Ну вот и первая остановка, — проворчал Пиппин.

Сэм оглянулся. В просвете меж деревьев виден был гребень холма, покинутый ими недавно.

— Ой! Глядите-ка, — схватив Фродо за руку, прошептал он. Фродо резко оглянулся. На вершине холма, четко рисуясь на фоне голубого неба, застыл мрачным изваянием черный конь. Рядом с ним, пригнувшись к земле, медленно двигался знакомый черный силуэт. Фродо не раздумывая бросился в самые заросли ежевики, увлекая спутников за собой. Скатившись на дно оврага, они отдышались.

— Так и так неладно, — выговорил Фродо. — Но по-моему, мы вовремя смылись. Ну-ка, Сэм, послушай, как он там?

Сэм напряженно вслушался. Хоббиты, чтобы не мешать ему, перестали дышать.

— Вроде тихо, — прошептал Сэм. — Ну уж сюда-то он с конем не полезет.

Однако и хоббитам пришлось нелегко. На дне оврага было душно, колючки намертво вцеплялись в котомки, а под ногами хлюпало. Пока выбрались на относительно просторное место, успели исцарапаться, взмокнуть сверху и намокнуть снизу, а вдобавок немножко потеряли направление. Правда, ручей становился все мельче, а берега его — все ниже.

— Э-э, да это Скрепка, — сообразил Пиппин. — Нам надо на тот берег и правее взять.

Противоположный берег был безлесым. За ровным пространством, поросшим кое-где сухим камышом, в отдалении виднелись дубы. Хоббиты поспешили добраться до них. Здесь идти стало несравненно легче, подлесок исчез, зато из-за быстро густевших деревьев впереди ничего не было видно. Все чаще попадались вязы, ясени. По вершинам пролетел один порыв ветра, за ним другой, небо нахмурилось, и вдруг закапал дождь. Пока хоббиты поглядывали вверх, прикидывая, что будет дальше, дождь припустил и через минуту хлынул потоком. Тут уж стало не до разговоров. Хоббиты заторопились, не переставая озираться по сторонам. Примерно через полчаса Пиппин остановился.

— Нам пора бы выйти на чистое место, — немного растерянно произнес он. — Лес-то неширокий, как я помню, не больше мили.

— Нет уж, петлять — последнее дело, — сказал Фродо. — Пойдем, как шли. А потом, знаешь, меня пока не тянет на открытые места.

Они прошли еще пару миль. Дождь поутих, кое-где в разрывах туч проглядывало чистое небо. Путники выбрали вяз

пораскидистее и решили перекусить. Под ветвями с пожелтевшей, но густой еще листвой было уютно и почти сухо. Первым делом достали фляги и обнаружили приятный сюрприз. Эльфы наполнили их светло-золотистым напитком, обладавшим привкусом меда и удивительно освежающим. Очень скоро путники и думать забыли про дождь и Черных Всадников. Теперь цель казалась им близкой, а дорожные трудности — пустяками. Фродо, поев, прислонился спиной к стволу вяза и прикрыл глаза. Сэм и Пиппин начали напевать вполголоса:

Эгей! Бутылку я припас! А ну, хлебнем до дна!
Она согреет сердце нам, хотя и холодна!
Она прогонит грусть из глаз и силу даст рукам,
Поднимет враз и пустит в пляс, забросит к облакам!
Пусть ветер свищет злую весть и пусть грозит бедой —
Не унываю, если есть бутылка не с водой!

Они снова было затянули, уже погромче, «Эгей! Бутылку я припас!» и вдруг замолчали. Фродо вскочил. Ветер донес протяжный, леденящий кровь вой. Звук поднимался, падал и оборвался на жуткой пронзительной ноте. Не успели хоббиты прийти в себя, как издали донесся ответный вой, более слабый из-за расстояния, но такой же жуткий. А потом наступила тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев в кроне вяза.

— Что бы это могло быть? — Пиппин старался говорить беспечно, но голос не слушался его и предательски дрожал. — Вроде как птица, только я таких в Шире до сих пор не слыхал.

— Это не зверь и не птица, — проговорил Фродо. — Там были какие-то слова. Кто-то кричал, и ему ответили. Только хоббиты так не кричат.

Больше они не говорили. Если кто из них и подумал о Всадниках, вслух поминать не стал. Надо было бы двигаться дальше, но они не решались. Однако не дожидаться же здесь ночи! Если уж идти, то лучше по свету. Видно, эта мысль пришла всем троим одновременно. Хоббиты быстро увязали котомки и пошли.

Вскоре лес кончился. Оказавшись в лугах, путники быстро сообразили, насколько они забрели к югу. Теперь холм за рекой, на котором располагалась Скочка, виднелся далеко слева. Путь к нему пролегал по совершенно открытой местности...

Страшно было выйти из-под защиты леса. Фродо несколько раз обернулся, ожидая увидеть сзади зловещий силуэт, но пока все было спокойно. Солнце, выпутавшись из облаков, прогоняло тревогу, и скоро страх отпустил хоббитов. К тому же стали попадаться следы жилья. Скоро они уже шли ухоженными полями, перепрыгивая дренажные канавы и перелезая через изгороди. Их окружал мирный, знакомый Шир; Река с каждым шагом становилась ближе, а Черные Всадники казались какими-то лесными призраками, оставленными позади.

Миновав большое поле, засаженное репой, путники очутились перед крепкими воротами. Плотно утрамбованная дорожка вела от них к постройкам в глубине. Пиппин остановился.

— Знакомые ворота, — сказал он. — Это ж усадьба Мэггота.

— Ну вот, новая напасть, — упавшим голосом отозвался Фродо. Он смотрел на симпатичную дорожку за воротами так, словно она вела прямиком в логово дракона. Пиппин удивленно посмотрел на друга.

— Чем тебе плох старый Мэггот? — спросил он. — Это добрый друг Брендискокам. Конечно, псы у него — звери, так ведь граница недалеко, здесь иначе нельзя.

— Наверное, нельзя, — сконфуженно сказал Фродо. — Знаю я его собак. Это бы ничего, а вот что они меня знают — это хуже. Понимаешь, я к нему за грибами лазил, а он ловил меня не единожды, еще когда я мальчишкой был несмышленым. В последний раз выдрал он меня, а потом показал собакам и говорит: «Гляньте на него, волки! Если этот шалопай еще раз здесь появится, можете его съесть. А пока проводите вон!» И что ты думаешь? Довели они меня до Перевоза, только что пинка не дали, а тронуть — не тронули.

Пиппин расхохотался.

— Тогда пойдем мириться, — предложил он. — Ты же собираешься жить тут, а старый Мэггот в самом деле неплохой сосед, если, конечно, не зариться на его грибы. Ладно, положись на меня. Они с Мерри друзья, мы не раз здесь бывали. Пойдем.

Они пошли по дорожке, и вскоре из-за деревьев показались крытые соломой кровли надворных построек. Мэгготы, как, впрочем, и большинство здешних жителей, издавна жили в домах. Усадьба — большой жилой дом — была сложена из потемневшего от времени кирпича и обнесена высоким забором. Тропинка подвела хоббитов прямо к внутренним воротам, но стоило Пиппину коснуться калитки, как за ней раздался оглушительный лай, и чей-то голос крикнул:

— Хват! Клык! Волк! Куси его, собачки!

Фродо и Сэм замерли, а Пиппин храбро сделал несколько шагов, но в конце концов тоже остановился. Три огромных пса мчались навстречу. Сэм так и сел возле забора. Псы, больше похожие на волков, не обратили на Пиппина никакого внимания. Два из них занялись Сэмом: тщательно обнюхав незнакомца, они встали справа и слева, и малейшее движение помертвевшего Сэма сопровождалось рычанием, не оставляющим сомнений в серьезности их намерений. Третий пес, самый большой и свирепый на вид, преградил дорогу Фродо. К счастью, вслед за собаками показался и хозяин. Это был пожилой хоббит на редкость крепкого сложения с красным, обветренным лицом. Еще издали он не совсем дружелюбно поинтересовался:

— Кого это к нам принесло? — а подойдя поближе, выразился еще определеннее: — Что надо?

— День добрый, господин Мэггот! — поздоровался Пиппин.

Хозяин вгляделся:

— О! Да никак мастер Пиппин собственной персоной! Стало быть, почтенный Перегрин Тук пожаловал. Давненько вас не видно. — Мэггот вроде бы собрался улыбнуться, но раздумал. — По правде сказать, ваше счастье, что мы знакомы, а то я решил спускать собак на всех прохожих. То ли мы к Реке слишком близко живем, — покачал он головой, — то ли просто у нас место такое, что каждый встречный-поперечный норовит своим визитом осчастливить, но уж таким дурным, как этот малый, я по своей земле шастать не дам.

— О ком это вы? — насторожился Пиппин.

— Ха! Так он вам не встретился? — удивился хозяин. — Навестил меня тут один перед вами. Отродясь таких чудиков не видал, и вопросы он странные задавал. Да чего ж мы тут стоим? Пойдемте-ка в дом, посидим, новости обсудим. Эль у меня нынче удался опять же. Пошли, пошли, мастер Тук, и друзей ваших зовите.

Хозяину, похоже, было что рассказать.

— А как насчет собачек? — с беспокойством спросил Фродо.

— Уладим, — рассмеялся Мэггот. — Пока я не скажу, они не тронут. — Эй, Хват, Клык! Ко мне! — позвал он. — Ко мне, Волк!

Собаки нехотя отошли. Пиппин представил спутников.

— Господин Фродо Сумникс, — сказал он. — Вы его, может, не помните, он одно время в Брендинорье жил.

Хозяин вздрогнул и внимательно посмотрел на Фродо. «Все, — похолодел Фродо, — о грибах вспомнил! Сейчас собак спустит!» Однако Мэггот дружески протянул руку.

— А уж это и вовсе чудеса! — воскликнул он. — Господин Сумникс, значит? Да, дела... Ну пошли в дом. Надо поговорить.

Вскоре все расселись у очага в просторной кухне усадьбы. Хозяйка принесла пиво в огромном жбане, и, когда гости отхлебнули из кружек, Пиппин восхищенно причмокнул и перестал жалеть о «Золотом Пескаре». Пиво у Мэггота действительно удалось отменное. Сэм так не считал, хотя язык говорил ему обратное. Он вообще не склонен был доверять тем, кому пришла в голову блажь жить за пределами Хоббитона. А уж о дружеском расположении к хозяину усадьбы, поколачивавшему (пусть давно) его хозяина, и речи быть не могло.

Сперва, как водится, поговорили о погоде и видах на урожай (и то, и другое не сильно отличалось от всегдашнего). Потом Мэггот отодвинул кружку и поочередно оглядел своих гостей.

— Так я не понял, мастер Перегрин, откуда и куда вы направляетесь. Ведь не меня же навестить зашли. А если меня, то как на зады попали?

— Тут вот какое дело, мастер Мэггот, — начал Пиппин, — мы ведь вашими полями шли. А все почему? Можете себе представить: хотели напрямик к Перевозу выйти и заплутали.

— Когда спешишь, по дороге быстрее, — назидательно произнес хозяин. — Впрочем, это не моя забота. И оправдываться нечего. Вам-то не надо меня спрашивать, чтобы моими полями пройти. Да и вам, господин Сумникс, — обратился он к Фродо. — Ходите себе на здоровье. Хотя, — Мэггот выдержал паузу, — грибы-то небось по-прежнему любите, а? Как же, как же! Я ведь еще не обеспамятел. Помню одного молодого разбойника в Заскочье, Фродо звали... и фамилия — Сумникс. Даже если бы и забыл, фамилию-то, — фермер прищурился, — было кому напомнить. Да я не о грибах. Дело прошлое. Фамилию вашу я услышал минут за десять до вашего прихода. — Хоббиты вытаращили глаза. — О чем, по-вашему, допытывался у меня этот чужак? — Хозяину, похоже, нравилось обстоятельно входить в подробности рассказа. — Явился он верхом. Конь здоровенный, черный такой. А ворота некстати открыты были. Ну, он прямо к двери. Плащ на нем тоже черный да с капюшоном, лица не видать. Я подумал: «Может, беглый какой? Чего его в Шир занесло?» У нас тут Верзилы и не бывают почти, а таких и подавно не видывали. Вышел я к нему, поздоровался и говорю: «Вам куда бы ни ехать, сударь, все одно — не по этой дороге». Большак во-он там, говорю, вертайтесь, здесь вам делать нечего. Уж очень мне вид его не понравился. К тому ж Хват выскочил да, не гавкнув, попятился, хвост поджавши, и удрал в дом. А этот черный и внимания не обратил. «Я, говорит, оттуда пришел», и показывает, злодей, на мои же поля! Каково? А потом нагнулся и шипит: «Сумникса не видели?» Меня аж озноб пробрал. Да только мало ли кто капюшон на себя наденет! Это не причина, чтобы по моим полям шастать. «Отваливай! — говорю ему. — Нету здесь Сумниксов и отродясь не было. Это в Хоббитон надо ехать. Да по дороге, а не полями». А он опять шипит: «Ушел Сумникс. Скоро здесь будет. Мне нужен. Когда придет — скажешь. Золото привезу». — «Катись ты со своим золотом, говорю, да побыстрее. А то сейчас собак крикну!» Он усмехнулся вроде, да ка-ак коня пришпорит! Я еле отскочить успел, а уж он в ворота, раз — и нет его. По проселку как молния черная шарахнула. Что вы на это скажете, господин Сумникс?

Фродо сидел, глядя в огонь; только одна мысль билась у него в голове: как же, ну как же они доберутся теперь до Перевоза?

— Не знаю, что и думать, — наконец выдавил он из себя.

— Не знаете, так я вам скажу. — Мэггот наставительно поднял вверх корявый палец. — Зря вы связались с этой публикой из Хоббитона, мастер Фродо. Здесь-то народ покрепче будет.

Сэм отставил кружку и неприязненно поглядел на Мэггота. А хозяин меж тем продолжал:

— Оно конечно, вас в молодости за отчаянного парня знали. Когда вы из Заскочья подались вдруг в Хоббитон, я сразу сказал: наживет он там себе неприятностей. А все из-за этих подозрительных Бильбовых дел. И деньги его подозрительные, неспроста говорят, что в чужедальних краях раздобыты. Вот, может, кому-то из чужедалья и не дает покоя то золото, которое он на Сумкиной Горке зарыл?

Фродо настолько растерялся от проницательности Мэггота, что не нашелся с ответом.

— Ладно, теперь-то уж что! — махнул рукой Мэггот. — Вы правильно сделали, надумав вернуться в Заскочье. Тут и оставайтесь! И не связывайтесь ни с какими чужаками. Здесь у вас есть друзья. И если какие-нибудь черные парни опять за вами явятся, мы с собачками как-нибудь разберемся с ними. Скажу: умерли вы или уехали вовсе, ну, что хотите. Может, они не вас ищут-то, может, им старый Бильбо нужен?

— Возможно, — как-то вяло ответил Фродо, не глядя в глаза Мэгготу. Мэггот, напротив, глядел на него очень внимательно.

— Ну что ж, вы про свои дела сами знаете, — сказал он наконец. — Ежу понятно, что вы и этот черный сошлись здесь сегодня не случайно. Может, для вас это — обычное дело. Я в ваши дела не вмешиваюсь, но вижу ведь: чем-то вы озабочены. А если бы меня спросили: чем? — я бы ответил: конечно, тем, как до Перевоза добраться.

— Думай не думай, — мрачно произнес Фродо, — а нам туда надо. Сидючи здесь, туда не попадешь, так что пойдем мы, наверное. Я вам благодарен за радушный прием, а ведь тридцать лет я вас, мастер Мэггот, боялся до ужаса. Ну и собачек ваших, конечно. Оказывается, у меня был здесь добрый знакомый, а я и не знал об этом. Жаль. Мне не хочется уходить так скоро, да время торопит. Может, вернусь когда-нибудь...

— Когда бы ни вернулись, вам будут рады, — серьезно сказал Мэггот. — Мне тут одна мысль пришла в голову. Дело-то к закату. А у нас здесь ложиться привыкли рано, стало быть, самое время поужинать. Вот если бы вы задержались и откушали с нами, нам было бы очень приятно.

— И нам тоже, — улыбнулся Фродо, — но, боюсь, не получится. Нам ведь правда надо уйти как можно скорее. И так до темноты к Перевозу не попасть.

— А-а! Так я же не все сказал. — Мэггот хитро прищурился. — Поужинаем, посажу вас в повозку да и подвезу к Перевозу. И вы ноги сбережете, и мне за вас не волноваться.

К большому удовольствию Сэма и Пиппина, Фродо с благодарностью принял предложение. Солнце быстро клонилось за западные холмы, наступали сумерки. Вернулись с поля двое сыновей и три дочери Мэггота, огромный стол накрыли к ужину. Принесли свечей, в очаг подбросили дров. Хозяйка сновала взад-вперед, подавая на стол. Вместе с гостями и домочадцами

за ужин уселось четырнадцать душ. В пиве недостатка не было, равно как и в свиной грудинке с грибами, и в прочей сытной домашней снеди. Собаки лежали у огня, расправляясь с костями, на которых, впрочем, и мяса хватало.

Покончив с едой, Мэггот с сыновьями отправился запрягать. Когда гости вышли во двор, совсем стемнело. Погрузили в повозку котомки, уселись сами. Хозяйка стояла в освещенном проеме двери.

— Побереги себя, Мэггот, — попросила она. — Не связывайся с чужаками, отвезешь — и сразу домой.

— Ладно, — махнул рукой Мэггот и выехал за ворота.

Начиналась удивительно тихая прохладная ночь. Ехали не торопясь и огня не зажигали. Через пару миль дорога, нырнув напоследок в глубокий овраг, выбралась на проселок. Мэггот слез и попытался разглядеть следы, но в темноте ничего не увидел. Прислушались — нигде ни звука. От реки наползали тонкие пряди тумана.

— Туман... — неопределенно сказал Мэггот. — До Перевоза поедем без огней. Если встретим кого, так издали услышим.

Проехать предстояло чуть больше пяти миль. Хоббиты закутались в одеяла и чутко вслушивались в ночь, но, кроме поскрипывания колес и мерного перестука копыт, не было слышно ни звука. Фродо нервничал. Ему казалось, что повозка ползет не быстрее улитки. Рядом с ним то и дело клевал носом Пиппин, а Сэм усердно таращился в темноту.

Подъехали к Перевозу. Возле двух белых столбов Мэггот натянул вожжи. Пони встали. Хоббиты полезли наружу и вдруг замерли: впереди на дороге ясно слышался приближающийся звук копыт.

Мэггот соскочил с облучка и встал, сжимая вожжи и всматриваясь во мрак. «Клик-клоп, клик-клоп», — стучали копыта.

— Вам бы спрятаться, сударь, — обратился Сэм к Фродо. — Ложитесь-ка на дно, я прикрою вас одеялом, а уж этого всадника мы спровадим. — Он встал рядом с Мэготом. Кто бы там ни ехал, придется ему сначала переехать через него.

«Клоп-клоп, клоп-клоп», — копыта стучали уже совсем рядом.

— Эй, там! — окликнул Мэггот. — Кто едет и что надо?

Перестук копыт смолк. Хоббиты вглядывались во мрак и, казалось, уже различали смутные очертания высокой, закутанной в плащ фигуры.

— Мне нужен господин Сумникс, — прозвучал из темноты приглушенный голос, и голос этот принадлежал Мерри Брендискоку. В нескольких ярдах впереди вспыхнул фонарь и осветил повозку и хоббитов.

— Господин Мерри! — вскричал Мэггот.

— А вы кого ждали? — удивленно спросил Мерри. Он наконец выступил из тумана, и страхи путников исчезли оконча-

тельно. Тот, кого они едва не приняли за Черного Всадника, оказался добрым другом Мерри верхом на пони и с шарфом на шее. Фродо с облегчением спрыгнул на землю.

— Ну вот и вы наконец! — воскликнул Мерри.— Мне не хотелось ужинать без вас, и поэтому, когда поднялся туман, я решил проверить, не свалились ли вы в какую-нибудь яму. Где вы их взяли, друг Мэггот? Они что, купались в вашем утином садке?

— Я собирался спустить на них собак за нарушение границ частных владений, но потом раздумал. Они сами вам все расскажут. Извините, друг Мерри и остальные прочие, мне пора. Хозяйка моя волнуется.— Он быстро развернул повозку.— Доброй вам ночи. Денек был не из самых спокойных, ну да все хорошо, что хорошо кончается. Правда, не кончилось еще. И мне, и вам до дверей далеко. Пожалуй, я рад буду оказаться дома. Ох, чуть не забыл! — С этими словами Мэггот нырнул под сиденье и извлек объемистую корзину. — Хозяйка моя, госпожа Мэггот, шлет господину Сумниксу поклон и просит принять от нее на дорожку. — Он передал корзину Фродо и под хор благодарностей и прощальных напутствий погнал пони рысью.

Хоббиты смотрели вслед повозке, пока фонари не растаяли в тумане. И вдруг Фродо заливисто рассмеялся. Он учуял из-под крышки корзины запах тушеных грибов.

Глава 5
ЗАГОВОРЩИКИ

— Пойдем-ка и мы домой, — предложил Мерри. — Наверное, все это очень интересно, но пусть подождет немного.

Хоббиты спустились к перевозу. Там у пристани была причалена широкая лодка-паром, освещенная двумя фонарями на столбах. Речная вода казалась черной, над ней плыли волокна тумана и застревали в зарослях тростника у берега. Мерри свел на паром своего пони, остальные уселись на деревянных скамейках вдоль бортов. Лодка, подгоняемая шестом Мерри, неторопливо двинулась поперек течения. Брендидуин здесь разливался широко и нес свои воды с достоинством, украшая поверхность маленькими медленными водоворотами. На противоположном берегу у воды помаргивали редкие огоньки, но чуть дальше, за темной Скочкой, желтым и красным светилось множество круглых окошек. Это было Брендинорье, родовое обиталище Брендискоков.

Некогда старейшина Староскоков Горендад (род Староскоков был древнейшим в Марях, а может, и во всем Шире) перебрался через реку (она во все времена была восточной границей страны) и начал рыть Брендинорье. Тогда же он поменял фамилию на «Брендискок» и стал основателем этого словно бы независимого поселения. Брендискоки быстро множились, и вскоре

Брендинорье заняло весь заречный холм, обрастая дверями парадными и кухонными, дровяными и просто так. А уж окошек в этом гнездилище было не счесть. Конечно, вокруг тоже строились. Так и возникло Заскочье — нешироκая густонаселенная полоса между берегом реки и Древлепущей,— возникло и стало не то ширской колонией, не то огромными выселками. Главной деревней считалась Скочка, раскиданная в беспорядке вдоль берега и по склонам холма. Жители Марей поддерживали с обитателями Заскочья дружеские отношения и признавали авторитет старейшины Брендискоков. В этом с ними солидарны были все окрестные фермеры от Крепи до Камышовки. Прочие же обитатели Шира относились к Заскочью как к близкой заграницe, а народ тамошний и за хоббитов не считали, а напрасно. Местные уроженцы всего-то и отличались любовью к воде, умением строить лодки и просто плавать. Во всем же остальном водоплавающий хоббит в точности походил на жителя любой из Четей.

Здешние земли оказались открытыми на восток. Из-за этого пришлось создать Заплот — живую изгородь, над которой потрудилось не одно поколение местных садовников. От Брендидуинского Моста Заплот охватывал берег с востока широкой петлей до самого впадения Ивлинки, вытекавшей из Древлепущи,— а это, пожалуй, от конца до конца миль двадцать. Выглядел Заплот здорово, но вряд ли мог считаться надежной защитой. На ночь все равно запирались, чего во всех других уголках Шира отродясь не делали.

Паром медленно подвигался к берегу. Из всех собравшихся только Сэм никогда не был за рекой. Он сидел, вслушиваясь в незнакомые звуки журчащей воды за бортом, и думал, что прежняя его жизнь осталась на покинутом берегу, а впереди, похоже, одно длинное, мрачное приключение. «И что ему не жилось спокойно в Засумках»,— подумал он о Фродо, но в это время паром причалил. Мерри остался привязывать лодку, а Пиппин взял пони под уздцы и повел вверх по тропинке, когда Сэм свистящим шепотом заставил всех оглянуться:

— Господин Фродо! Гляньте-ка туда!

На том берегу на светлых досках причала в свете двух фонарей появилось нечто черное. Издалека оно смахивало на тюк сена, вдруг решивший отправиться на водопой. Нечто суетилось на причале, словно обнюхивая помост, а потом кануло во мрак за фонарями.

— Это еще что такое? — вытаращил глаза Мерри.

— Понимаешь,— тихо сказал Фродо,— это за мной. Ты меня не спрашивай пока, ладно? Дома расскажу. Пошли.

Они заспешили вверх по тропе, а когда оглянулись с холма, дальний берег уже скрыл туман.

— Лодок ведь больше нет на том берегу? — спросил Фродо у Мерри, а получив утвердительный ответ, воскликнул ожив-

ленно: — Вот и прекрасно! А как ты думаешь, могут кони пересечь реку?

— Могут, конечно, — ответил удивленный Мерри. — Двадцать миль к северу — вот тебе Брендидуинский Мост, пересекай себе на здоровье. А если ты про переплыть спрашиваешь, так я о таком не слыхал никогда. Зачем тебе?

— После, после, — отмахнулся Фродо. — Вот домой придем, двери закроем и поговорим.

— Ну, как знаешь. Ладно. Топайте поживее, а я поеду, предупрежу Фредегара. Ужин накроем и прочее.

— Вообще-то мы поужинали у Мэггота, — смущенно проговорил Фродо, — но можно и еще раз.

— Можно, можно, — добродушно проворчал Мерри. — Дайка корзину. — Он пристроил подарок хозяйки Мэггота на седло, тронул пони и умчался в темноту.

До нового жилища Фродо в Кривражках было не близко. Дом стоял на самом краю Заскочья, поэтому Фродо и остановил на нем свой выбор. Место тихое, незаметное. Для того и выстроили его в свое время Брендискоки, чтобы было где отдохнуть от суматошной жизни в Брендинорье. Низкий и длинный дом, крытый дерном, с круглыми, как полагается, окошками и дверями, очень похожий на нору, стоял в глубине за деревьями. С дороги его было не видать.

Пока хоббиты шли от калитки к дверям, дом казался погруженным во тьму. Плотные ставни не пропускали света. Зато, когда на стук Фродо дверь открыл Фредегар, света оказалось сколько угодно. Пришедшие с удовольствием захлопнули двери перед носом у ночи и оказались в просторной прихожей, из которой коридор вел в глубину дома.

— Ну, как вам здесь? — спросил Мерри, появляясь в дверях. — Мы с Фэтти постарались обжить эту хоромину, но приехали-то только вчера, вы уж не рассчитывайте на многое.

Фродо огляделся. Мерри с Фредегаром действительно постарались. Его окружали любимые знакомые вещи (на новом месте они вдруг остро напомнили о Бильбо), и стояли они по возможности как в Засумках. У Фродо защипало в глазах. Ему вдруг очень захотелось и вправду поселиться в этом тихом уютном доме. Друзья старались для него, а он... он вынужден будет бросить все и уйти... уйти скоро, этой же ночью, и сказать им об этом придется до того, как все разойдутся спать.

— Здорово! — выдавил он с трудом. — Как будто и не переезжал вовсе.

После того как все разделись и пристроили котомки, Мерри провел их по коридору и распахнул дверь слева. Пахну́ло банным теплом и паром.

— Баня! — заорал Пиппин. — Ура почтенному Мериадоку!

— Кто первый? — быстро спросил Фродо.— Самый старший или самый быстрый? И так, и так ты последний, мастер Перегрин.

— Хватит вам, — вмешался Мерри. — Неужели я не подумал о таких мелочах? Не хватало нам отметить новоселье дрязгами из-за корыта! Там *три* ушата, а в медном котле вдоволь кипятку. И полотенец хватает, и мочалок, и мыла! Заходите, да поживей!

Мерри и Фредегар отправились на кухню и, улыбаясь, прислушивались к шуму, долетавшему из ванной. Слышались плеск, уханье, кто-то нестройно запевал, пока над всеми не поднялся голос Пиппина, распевающего любимую купальную песню Бильбо:

О бане пой! Там жар и зной!
Отмоем пыль и прах земной!
Здесь даже полный обормот
От наслажденья обомрет!

По склонам гор бежит ручей,
Чарует звук его речей.
Но мне милее во сто крат
Воды горячей водопад!

В жару приятно отхлебнуть
Воды холодной хоть чуть-чуть.
Но если жаркий бьет поток,
Тогда — пивка глотков пяток!

Фонтан ласкает слух и взор,
Но здесь, где пышет пар из пор,
Куда нежней ласкает слух
Звук пятки, делающей «плюх»!

Пение оборвалось громким всплеском и возгласом Фродо: «Ух ты!» Надо было понимать так, что вода из ушата Пиппина сделала «плюх».

Мерри постучал в дверь кулаком и прокричал: «Эй, там! Как насчет ужина и пивка глотнуть?» Дверь открылась, и в клубах пара вышел Фродо с полотенцем на голове.

— Там такую сырость развели, — сообщил он, — придется на кухне досыхать.

Мерри заглянул в дверь. На каменном полу плескалась вода.

— Вот что, Перегрин, — сурово решил Мерри. — Пока не проведешь здесь осушение, еды не получишь. А задерживаться не советую, ждать не станем.

Ужинали на кухне, у огня.

— Вы, наверное, грибов уже наелись, не будете больше? — с робкой надеждой спросил Фредегар.

— Вот еще! — вскричал Пиппин.

— Это мои грибы! — Фродо подвинул к себе большой глиняный горшок.— Подарок госпожи Мэггот, королевы здешних хозяек. Уберите ваши загребущие лапы. Я сам всем положу.

Люди тоже любят грибы, но до хоббитов им в этой любви далеко. Здесь кроется причина небезопасных экспедиций юного Фродо в тщательно охраняемые поля Мэггота. Впрочем, это было давно. Госпожа Мэггот оказалась столь же щедра, сколь добра, поэтому хватило всем, и даже Фредегар не стал сетовать на размер порции. Да и кроме грибов на столе нашлось кое-что. Закончив ужин, хоббиты, отдуваясь удовлетворенно, подвинули табуретки к огню.

— Со стола потом уберем, — разнежившись, решил Мерри. — Ну, рассказывайте. Все рассказывайте. Что там у вас за приключения случились в дороге? Как вас к Мэгготу занесло? И почему он так на меня заорал поначалу? Если бы я его не знал, решил бы, что его испугали.

— Да нас всех испугали, — признался после некоторого молчания Пиппин. Фродо сидел молча, глядя в огонь. — Ты бы тоже испугался, если бы за тобой два дня Черные Всадники гонялись.

— Кто, кто?

— Ну, знаешь, черные такие, вроде Верзилы, на черных конях, — неуверенно пояснил Пиппин. — Я вижу, Фродо говорить не намерен. Ладно, давай я расскажу. — И он обстоятельно рассказал обо всем происшедшем с момента ухода из Засумок.

Сэм слушал, кивал одобрительно, а в некоторых местах поддакивал. Фродо все молчал.

— Да-а, — помотал головой Мерри. — Если бы я не видал эту страхолюдину на причале, ни в жизнь не поверил бы. Теперь понятно, почему у Мэггота голос такой был. А ты-то, Фродо, что на это скажешь?

— Темнит что-то наш Фродо, — сказал Пиппин. — А пора бы ему перестать темнить. Мэггот вот думает, что это как-то связано с сокровищами Бильбо...

— Нет-нет! Это так, догадки всякие, — торопливо проговорил Фродо. — Мэггот же наверняка ничего не знает.

— Старина Мэггот — мужик проницательный, — веско произнес Мерри. — Лицом простоват, да умом тороват! Когда-то он хаживал в самое сердце Древлепущи, много странного повидал на своем веку. Ну, а нам-то ты скажешь, насколько верны его предположения?

— Наверное, — медленно заговорил Фродо, — это хорошая догадка. Наши дорожные приключения действительно имеют отношение к Приключению Бильбо. Всадники высматривают или вынюхивают его, а может, и меня уже. Все это очень серьезно, и, если хотите знать, мне теперь всюду опасно...

Он как-то затравленно оглядел окна, стены, потолок, словно ждал, не рухнут ли они ему на голову. При этом Фродо совершенно не замечал многозначительных взглядов, которыми обменивались его друзья.

— Вот сейчас, — шепнул Пиппин Мерри. Тот кивнул.

— Хорошо, — решившись, произнес Фродо. — Не буду больше темнить. Мне надо сказать вам кое-что. Вот только как начать, не знаю.

— Давай помогу, — вполголоса предложил Мерри. — Начну за тебя.

— Что ты имеешь в виду? — с беспокойством спросил Фродо.

— Эх, старина Фродо! Мы же видим, что тебя мучает. Ты не знаешь, как распрощаться. Надумал уходить из Шира, а опасности начались раньше, чем ты до границы добрался. Времени нет, а уходить тебе не хочется. И мы тебе очень сочувствуем.

Фродо как открыл рот, так и забыл его закрыть. Друзья захохотали.

— Добрый старый Фродо! — хлопнул его по плечу Пиппин. — Ты и вправду надеялся нам пыль в глаза пустить? Да у тебя на это ни хитрости, ни осторожности не хватит! Ты так долго прощался со своими любимыми местечками, так вздыхал с самого апреля! А сколько раз ты бормотал под нос: «Ах, ах! Увижу ли я еще эту долину?» — и прочее в том же духе. А как ты притворялся, что жить не на что! А продажа ненаглядных твоих Засумок Дерикулям! А разговор с Гэндальфом!

— О небо! — воскликнул Фродо. — А я-то думал — никто ничего не знает. Что же обо мне Гэндальф подумает? Так, значит, весь Шир обсуждает мой отъезд?

— Ну нет! — ответил Мерри. — Об этом не беспокойся. Конечно, тайна твоя долго не продержится, но пока, кроме нас — заговорщиков, никто ничего не знает. Мы все-таки твои друзья, давно тебя знаем, нам не составит труда догадаться о твоих мыслях. А я ведь и Бильбо неплохо знал. Когда он ушел, я глаз с тебя не спускал, уверен был — ты вслед за ним отправишься, даже думал — ты раньше уйдешь. В последнее время ты нас заставил поволноваться, и уж тут мы смотрели в оба — как бы ты тишком не сбежал. Ну и сами кое-что прикидывали. Видишь, так просто тебе не улизнуть!

— Но я же должен идти, — вымолвил Фродо. — Тут и вы мне не поможете. Это ужасно для нас для всех, только не удерживайте меня. Раз вы тут такие догадливые оказались, помогите, а не мешайте.

— Э-э, ты не понял, — остановил его Пиппин. — Надо тебе идти — значит, надо. Ну а мы — с тобой. Вот я и Мерри. Сэм — отличный парень, он за тебя дракону в пасть прыгнет, но одного мало. Дорога-то опасная.

— Милые вы мои, самые ненаглядные хоббиты! — произнес Фродо, тронутый до глубины души. — Нельзя ведь. Я давно решил. Вот вы об опасности говорите, а не представляете ведь: это вам не охота за сокровищем, не путешествие туда и обратно. Мой путь — от одной смертельной опасности к другой.

— Да знаем мы про твой путь,— серьезно ответил Мерри.— Потому и решили идти. Мы понимаем, что с Кольцом шутки плохи, и собираемся помочь тебе, раз ты против Врага пошел.

— С Кольцом? — в полном изумлении повторил Фродо.

— Именно с Кольцом, Фродо, скрытный ты наш,— ласково подтвердил Мерри.— Я уже много лет о нем знаю. Еще при Бильбо узнал. Он-то считал, это уж такая тайна! Ну и я молчал, конечно, пока вот наш заговор не сложился. Тебя-то я знаю все-таки лучше, чем Бильбо. Я тогда молодой был, а он — осторожный, но все-таки недостаточно осторожный, как оказалось. Хочешь, могу рассказать, как я про Кольцо узнал.

— Давай.— Фродо вяло махнул рукой.

— Тайна его открылась из-за Дерикуль-Сумниксов,— начал Мерри.— Как-то раз, примерно за год до того дня рождения, шел это я по дороге и вижу: впереди Бильбо идет. Вдруг навстречу нам издали — Дерикули. Бильбо с шага сбился, а потом — р-раз! — и исчез! Я так обалдел, что сам едва спрятаться не забыл. Ну а потом-то прошли они, я краем дороги крадусь, а сам все на дорогу смотрю. И высмотрел. Бильбо словно бы из ничего появился и сует что-то в карман. Оно еще на солнышке так золотом взблеснуло. Тут уж, сам понимаешь, я от Бильбо ни на шаг. Да, шпионил, сознаюсь, но уж больно любопытно. Я ведь любознательный дорослок был. Наверное, во всем Шире кроме тебя я один в тайную книгу старика заглядывал.

— Ты читал книгу?! — ахнул Фродо.— Свет небесный! Да можно ли что-нибудь вообще в этом Шире в тайне держать?

— Наверное, можно,— не очень уверенно ответил Мерри.— Правда, в книгу я только мельком заглянул. Это непросто было. Бильбо не оставлял ее без присмотра. А почитать было бы интересно. Что с ней стало? Она у тебя?

— Нет. Наверное, он ее с собой взял.

— Жаль. Ну ладно,— продолжал Мерри.— Я, значит, держал при себе, что знал, а нынешней весной, смотрю, серьезные дела начались. Вот тогда и сложился наш заговор. Намерения у нас тоже были серьезные, и прямо тебе скажу, особо церемониться мы не стали. И ты не простой орешек, а Гэндальф и подавно. Хорошо, у нас осведомитель был. Познакомить?

— Где он? — слабым голосом спросил, озираясь, Фродо. Он уже ко всему был готов и не удивился бы, выйди из-за буфета какая-нибудь зловещая фигура.

— Эй, Сэм, покажись! — окликнул Мерри, и Сэм, красный как рак, выступил вперед.

— Вот наш главный добытчик! И добыл он немало. Правда, в конце концов попался-таки. И после того — ни гу-гу.

— Сэм! — вскричал Фродо. Он больше не удивлялся и теперь сам не знал, радоваться ему или гневаться, одурачили его или, наоборот, помогли.

— Да, сударь, — смущенно пролепетал Сэм. — Я виноват, конечно, но я же не во вред вам, господин Фродо. Да и господин Гэндальф говорил, помните, найди, дескать, кого-нибудь, кому доверять можно...

— Да кому же из вас доверять можно! — возмутился Фродо.

— Это смотря что, — заметил Мерри. — В беде можешь доверять нам. Мы с тобой через огонь и воду пойдем, до конца. И тайну твою сохраним не хуже тебя. А вот если сбежать надумал потихоньку — на нас не надейся. Мы же друзья тебе, Фродо. О Кольце знаем. Боимся, конечно, но пойдем с тобой. А уйдешь — за тобой пойдем, как собаки по следу.

— А помните, сударь, что Гилдор-то говорил, — ввернул Сэм. — Надо, мол, взять тех, кто захочет, уж от этого-то вы не откажетесь.

— Нет, не откажусь, — медленно произнес Фродо, глядя на ухмыляющиеся лица. — А ты, — повернулся к Сэму, — храпи теперь, не храпи, все равно тебе доверия нет. Все вы обманщики. Ну, будь по-вашему. — Он рассмеялся и махнул рукой. — Сдаюсь. Приму совет Гилдора. Эх, если бы оно не так опасно было, я бы плясал от радости. Да нет, я все равно счастлив, и легко мне, как давно не было. А я так боялся этого разговора!

— Вот и славно! Да здравствует капитан Фродо и его команда! Трижды ура! — Они кричали и прыгали вокруг него. Потом Пиппин и Мерри завели песню, специально заготовленную на этот случай. Происходила она от старой песни гномов, с которой началось Приключение Бильбо, и мотив был тот же.

Прощай, порог! Наш путь далек.
Пусть хлещет дождь, сбивая с ног, —
Уходим прочь в глухую ночь
Сквозь дебри, горы, дол и лог.

Вдали живет среди болот
Эльфийский первозданный род.
Сквозь ночь и тьму спешим к нему,
Ища надежду и оплот.

Опасен враг, коварен рок,
Но дан зарок, и долг высок —
Исполни силой каждый шаг,
Пока итог пути далек!

Уходим прочь! Уходим прочь!
Гони коней в глухую ночь!

— Славно, славно! — сказал Фродо, дослушав. — До итога далеко, а дел много. Сегодня, пожалуй, и вовсе спать не придется.

— Так это же песня! — возмутился Пиппин. — Ты что, и правда собрался «гнать коней в глухую ночь»?

— Не знаю, как лучше, — ответил Фродо. — Я боюсь Черных Всадников. Долго на одном месте оставаться опасно. К тому же все знают, куда я направлялся. Гилдор тоже советовал

не медлить, а мне так хочется дождаться Гэндальфа. Ума не приложу, почему его нет! Гилдор и тот встревожился. А насчет выхода, я думаю, это от двух вещей зависит. Во-первых, от того, как скоро доберутся Всадники до Скочки, а во-вторых, как скоро мы сможем собраться. Это же времени требует.

— Ну, на второй вопрос я тебе отвечу: можем через час выходить, — сказал Мерри. — Я все давно приготовил. В стойле — шесть пони, припасы, снаряжение уложены. Остались кое-какие личные вещи да продукты с ледника.

— Вижу, подготовились, — кивнул Фродо. — А насчет Черных Всадников что вы думаете? Можем мы подождать Гэндальфа еще день?

— Понимаешь, — задумчиво произнес Мерри, — мы ведь не знаем, что могут сделать Всадники, если застанут тебя здесь. Заплот их вряд ли остановит, хоть там и охрана есть. Пропустить их ни днем, ни ночью не пропустят, а вот силой Всадники прорваться могут. Но, с другой стороны, если тот же Всадник тебя спросит, могут и пропустить. Многие ведь знают о твоем возвращении.

Фродо глубоко задумался. Друзья ждали.

— Ладно, сделаем так, — решил наконец Фродо. — Выйдем на рассвете, по дороге не пойдем. Через Северные Ворота тоже нельзя — они у всех на виду. А надо бы хоть на несколько дней сохранить наш уход в тайне. Мост и Западная Дорога наверняка у них под наблюдением. Я не знаю, сколько их, думаю, двое, а то и больше. Значит, надо идти туда, где нас не ждут.

— Это что же, в Древлепущу, что ли, идти? — испуганно выговорил Фредегар. — И думать нечего. Это еще опасней, чем встреча со Всадниками.

— Ну почему? — Мерри почесал в затылке. — Затея отчаянная, но, похоже, Фродо прав, другим путем незаметно не уйдешь. А так у нас есть шансы.

— Нету в Древлепуще никаких шансов, — категорически заявил Фредегар. — И никогда не было. Сгинете вы там, и вся недолга. Не ходит туда никто.

— Так уж и никто, — усомнился Мерри. — Брендискоки ходят, если приходится. И тропинка у нас там знакомая есть. Фродо ходил когда-то. И я был, даже несколько раз. Днем, правда, когда деревья сонные и спокойные.

— Ну и идите, — проворчал Фредегар. — Я этого леса больше всего на свете боюсь. Про него такое рассказывают! Можете, конечно, мой голос не считать, я-то с вами не иду. Надо же кому-то здесь оставаться, Гэндальфа подождать опять же, рассказать ему все. Он, наверное, того и гляди, подъедет.

Фредегар Пузикс любил Фродо, но вовсе не горел желанием повидать мир. Родом он был из Восточной Чети, но дальше Брендидуинского Моста никогда не бывал. По замыслу заговорщиков, ему надлежало оставаться при доме и уговаривать посетителей

подождать денек-другой, господин Фродо, мол, отдыхает, скоро выйдет. Решили даже одеть его во что-нибудь из вещей Фродо. Никто и не задумывался, насколько опасен такой маскарад.

— Отлично, — одобрил Фродо, когда выслушал все соображения. — Не письмо же Гэндальфу оставлять. Они ведь могут дом обыскать. А раз Фредегар взялся держать оборону, мы хоть будем уверены, что Гэндальф узнает, куда и как мы пошли. Все. На рассвете уходим через Древлепущу.

— Не хотел бы я поменяться с Фэтти, — сказал Пиппин.

— Подожди говорить, пока в лес не войдешь, — посоветовал Фредегар. — Завтра об эту пору ты уже захочешь поменяться со мной, да только поздно будет.

— Хватит об этом, — вмешался Мерри. — Надо еще прибраться да спать идти. Завтра я ведь вас действительно «в глухую ночь» подниму.

Оказавшись в постели, Фродо долго не мог заснуть. Болели ноги, и идея продолжить путешествие верхом казалась как нельзя кстати. Постепенно какой-то смутный сон одолел его. Фродо снилось сплошное море листвы под каким-то окном, далеко внизу. Там меж корней крались и принюхивались черные твари. И во сне он был уверен, что рано или поздно они его вынюхают. Издали накатывал монотонный шум; Фродо думал, что это ветер шумит в листве, но оказалось — это Море. Фродо никогда не слышал Моря наяву, но в сновидениях странный морской прибой часто тревожил его. Вдруг он обнаружил себя на открытом месте, совершенно безлесном, заросшем вереском, а в воздухе ощущался странный солоноватый привкус. Прямо перед ним на одиноком холме высилась стройная белая башня. Он тут же почувствовал желание взобраться наверх и посмотреть на Море. И уже начал подниматься, как вдруг небо осветилось молнией и загрохотал гром.

Глава 6
ДРЕВЛЕПУЩА

Фродо внезапно проснулся от стука. За окном было еще темно. В дверях стоял Мерри со свечой в руке.

— Привет! — сказал ему Фродо. — Ты чего шумишь?

— Как чего? — возмутился Мерри. — Вставать пора. Полпятого. На улице туман, как по заказу. Поднимайся. Сэм уже завтрак готовит. Пиппин и тот встал. Я пошел пони седлать. А ты разбуди Фэтти, должен же он нас хоть проводить.

Благодаря неуемной энергии Мерри в шесть собрались выходить. Фредегар зевал во все горло. Хоббиты даже с крыльца спускались, стараясь не шуметь. Впереди Мерри вел навьюченного пони. Тропинка, ныряя в заросли, огибала дом и задами

выводила в поле. Туман оседал на деревьях, с веток капало, листья блестели, а трава стала совсем седой от росы. В утренней тишине все звуки казались близкими: вот на соседнем хуторе хлопнула дверь, вот куры завозились на насесте и принялись негромко клохтать.

В стойле на краю огорода их ждали верховые пони: крепкие невысокие лошадки, неторопливые, но выносливые, как мулы. Теперь, уже верхом, они вступили в туман. Идущий впереди словно пробивал в нем коридор для остальных, но за спиной последнего туман снова смыкался, и было в этом что-то зловещее. Только через час медленной, в полной тишине, езды впереди выступил Заплот. Поверху серебрилась росная полоса.

— Как же мы тут пролезем? — озабоченно спросил Фредегар.

— Со мной не пропадешь, — не останавливаясь, сказал Мерри. Он уверенно свернул вдоль ограды влево, обогнул небольшой овражек и остановился перед неширокой траншеей, наклонно уходящей под землю. Стенки, выложенные кирпичом, вскоре смыкались наверху, образуя тоннель. Хоббиты спешились и взяли пони под уздцы. Фэтти прокашлялся.

— До свидания, Фродо, — промолвил он. — Мне все равно ваш выбор не по душе. Ну теперь чего уж говорить. Удачи вам, и сегодня, и каждый день.

— Хотел бы я, чтобы Древлепуща оказалась самым серьезным нашим препятствием, — сказал Фродо. — Ладно. Скажи Гэндальфу, пусть догоняет нас по Западной Дороге, мы скоро выйдем на нее и уж останавливаться не будем.

Они распрощались и один за другим скрылись в тумане. Темнота и сырость окружили их, но вскоре путь преградили ворота, запертые тяжелым железным засовом. Мерри открыл створки, пропустил друзей и закрыл снова. Громко лязгнув, сработал замок. Звук показался хоббитам зловещим.

— Вот мы и покинули Шир, — сказал Мерри. — Теперь над нами Древлепуща.

— О ней много чего говорят. Как думаешь, правда это? — спросил у него Пиппин.

— Есть и правда, но больше пустое болтают, — помолчав, ответил Мерри. — Гоблины там всякие, волки и тому подобное — этого здесь нет. Ничего этого я не видел и ни во что такое не верю. Но лес, конечно, не простой. Все тут живое, куда живей, чем у нас в Шире. Деревья всегда настороже и чужих не любят. Идешь, а они с тебя глаз не спускают. Обычно этим и кончается, ну, может, шишку на голову уронят, корень могут подставить, веткой цапнуть — это днем, а ночью, понятно, другое дело. Ночью им лучше не попадаться. Хотя сам я ночью далеко от Заплота не ходил. Но своими глазами видел: деревья разговаривают, не то тебе кости перемывают, не то про свое что, а то вот еще: ветра нет, а ветки так и плещутся. Говорят, они и ходить могут. Мне рассказывали (давно это

было), однажды деревья на Заплот напали. Пришли и рассадили себя прямо вдоль него, да так, чтобы внутрь заглядывать можно было. Пришлось тогда много срубить и охранную полосу выжечь. Больше не нападали, но, сам понимаешь, отношения с ними маленько испортились.

— Ну а кроме деревьев? — спросил Пиппин.

— Разное там живет, — неохотно отозвался Мерри. — Особенно в глубине и на той стороне. Не был я там, точно не знаю. Тропинок-то в лесу много, кто-то их прокладывает. Хотя, похоже, на месте и они не стоят, бродят по лесу. Не спрашивай, как они это делают. Здесь от выхода из тоннеля широкая тропа на Паленую Плешь ведет, а дальше — на северо-восток, как раз куда нам надо. Она-то, наверное, на месте.

Хоббиты выбрались из тоннеля и действительно обнаружили хорошую тропу, ведущую к опушке. Но под кронами первых же деревьев она словно сквозь землю провалилась. Позади, ярдах в ста, темнела стена Заплота, а впереди — сплошная чаща, там теснились деревья всех видов и размеров: толстые и тонкие, прямые и кривые, гладкие и суковатые, покрытые лишайниками и какими-то скользкими бородавками. Они обступили незваных гостей со всех сторон.

— Тут через два шага забудешь, в какой стороне Заплот, — проворчал Фродо, глядя на жизнерадостного Мерри. — Еще не хватало заблудиться...

Они пробирались между деревьями, и пони, нервно подрагивая шкурой и осторожно переступая через вылезающие отовсюду корни, покорно шли в поводу. Подлеска не было. С первых же шагов начался подъем, а деревья росли чем дальше, тем все гуще и гуще. Стояла удивительная тишина, не шевелился ни единый лист, только изредка громко капало с ветвей. Очень скоро путникам стало казаться, что настороженные, неодобрительные, пожалуй, даже враждебные взгляды устремлены на них со всех сторон. Ощущение становилось все сильнее, и хоббиты невольно начали озираться по сторонам. У Пиппина сдали нервы.

— Ай! — заорал он вдруг. — Эй! Я же не трогаю никого! И трогать не буду, только пройти дайте!

Все вздрогнули и прислушались. Но крик бессильно замер, не породив ни эха, ни отклика. А лес, казалось, встал вокруг еще плотнее.

— Я бы не шумел на твоем месте, — недовольно проговорил Мерри. — Вреда от этого больше, чем пользы.

Фродо гадал про себя, надо ли было тащить друзей через этот подозрительный лес. Мерри все вертел головой, пытаясь отыскать тропу. Пиппин не утерпел:

— Быстро же ты управился. Полчаса и прошло-то всего, а куда идти — уже неизвестно. — Он собирался еще побурчать, но тут Мерри облегченно воскликнул:

— Значит, деревья и правда двигаются. Вот она, Плешь-то Паленая, а тропа теперь в стороне идет!

Впереди быстро светлело. Неожиданно деревья кончились, открылась широкая прогалина, и хоббиты с облегчением увидели над головой синее небо. Пробираясь в чаще, они не заметили наступления утра и теперь радовались солнцу, озарявшему вершины. Лес стоял по краям прогалины стеной. Но впереди было совершенно ровное место без единого даже пня, поросшее разнотравьем. Здесь покачивались печальный болиголов и тмин, ронял опушенные семена кипрей и буйствовали крапива с чертополохом. Нельзя сказать, чтобы место было особенно веселым, но хоббитам после мрачной чащи оно показалось прелестным садом. На другой стороне прогалины отчетливо виднелась тропа. Она просматривалась ярдов на двести вперед и только потом исчезала за деревьями. Хоббиты, снова верхами, бодро направились по ней. Подъем, теперь малозаметный, все еще продолжался, зато ничто не мешало двигаться, и путники начали подумывать, не сжалился ли над ними лес, не надоело ли ему пугать их. Однако вскоре воздух опять потяжелел. Становилось душно. Темная лесная воля заставила ссутулиться, а звук копыт в тишине больно отдавался в ушах. Фродо пришло в голову запеть, взбодрить остальных, но ничего, кроме бормотания, у него не получилось. Он упрямо выговаривал:

Скитальцы в сумрачных краях!
Не вечна мгла — отриньте страх:
Еще отступит мрак лесной,
Откроет солнце облик свой,
И будет свет, и в свой черед
Придет закат, придет восход,
И дебри сгинут навсегда...

Последнее слово совсем уж жалко кануло в тишину. Вязкий воздух глотал звуки, простой разговор требовал усилий. Прямо позади них обломился и с шумом рухнул на дорогу здоровенный сук. Деревья, казалось, подобрались поближе.

— Не хотят они исчезать, а в песнях и вовсе не понимают,— с трудом пошутил Мерри, скрывая беспокойство. — Потерпи уж. Вот выберемся отсюда, устроим им концерт!

Никто не ответил ему. Фродо вяло перебирал мысли, стараясь угадать, какая из них не понравилась деревьям. В какой-то момент он чуть не предложил повернуть назад (если это было возможно), и тут наконец что-то изменилось. Подъем прекратился, деревья снова раздвинулись, а впереди зазеленела вершина холма, похожая на лысую голову. Тропа вела туда.

Хоббиты поторопили пони, им не терпелось выбраться из-под сводов леса. У подножия холма тропа опять потерялась в траве. Здесь сходство с лысиной, обрамленной остатками

кудрей, стало еще заметнее. Хоббиты поднялись на макушку и огляделись. Все тонуло в солнечном сиянии, но даль была скрыта осенней дымкой. Внизу, в лесных чащах, туман таился кое-где, а к югу скапливался плотной завесой над глубоким оврагом.

— Там Ивлинка течет, — показал на туман Мерри. — Она с Упокоищ спускается и проходит по самой середине Древлепущи, а уж потом в Брендидуин впадает. Вот куда нам не надо! Ивлинка — это самое сердце леса, и сердце злое. От него здесь все и идет.

Все посмотрели туда, куда показывал Мерри, но за туманами, скрывавшими южную часть леса, трудно было разглядеть что-нибудь. На западе уже не видать было ни Заплота, ни Брендидуина; на севере, куда они вглядывались с особой надеждой, не было заметно ничего похожего на Западную Дорогу. Они оказались словно на острове, окруженном со всех сторон бескрайним зеленым морем. Сходство усиливалось обрывистым юго-восточным склоном холма, словно вздымавшимся из зеленой пучины. Хоббиты уселись на бровке и пообедали, поглядывая на леса окрест. Когда день перевалил за середину, глазастый Пиппин различил на горизонте линию Упокоищ — древних курганов, расположенных по ту сторону Древлепущи. Это приободрило путешественников. Приятно было увидеть, что у лесного моря есть берега, хотя идти туда они вовсе не собирались. Об Упокоищах ходили еще более зловещие легенды, чем о самой Древлепуще.

Наконец снова тронулись в путь. Тропинка, которая привела их сюда, нашлась с северной стороны, но вела себя неправильно, все время норовя забрать вправо. Когда начался заметный спуск, стало очевидно, что никуда, кроме Ивлинки, она привести не может. Делать было нечего, и после недолгих споров путники решили бросить ее и идти на север. До Дороги, хоть и невидимой за лесом, вряд ли могло оказаться больше пятнадцати миль. Опять же, земля в той стороне была поровнее и посуше, деревья росли потоньше, а темные сосны и ели уступали место более приятным дубам и ясеням, среди которых попадались, правда, и какие-то местные, неведомые породы.

Поначалу выбор казался хорош. Двигались быстро, но на очередной прогалине заметили, что чересчур забирают на восток. Потом над головами снова сомкнулись древесные своды, причем как раз там, где деревья издали казались потоньше и росли не так густо. Под ногами стали попадаться глубокие рытвины, похожие на борозды, оставленные гигантскими колесами. На них буйно разрослась ежевика. Постепенно борозды становились шире, лежали они поперек пути, и приходилось тратить время на спуски и подъемы, мучая и без того усталых

пони. Каждый раз на дне очередной уже не рытвины, а лощины оказывалось, что сплошные заросли не дают идти влево, но зато оставляют проход вправо. Выбираясь наверх, хоббиты замечали, что деревья с каждым разом становятся темнее и гуще, и снова путь направо и вниз неизменно оказывался легче, чем налево и вверх.

Через пару часов направление потеряли окончательно. Ясно было только, что на север они не идут уже давно. Их явно уводили прочь, и оставалось идти, куда вели,— в самое сердце Древлепущи.

Полдень давно миновал, когда ползком (а где и кувырком) они спустились в очередной (какой по счету?) овраг, самый широкий и глубокий из попавшихся за день. Края его нависали над головой так высоко, что с пони и думать нечего было выбраться наверх. Оставалось идти по дну. Земля пружинила под ногами, кое-где становилась топкой, из склонов били родники, появился ручей, а местность продолжала быстро понижаться. Ручей становился все шустрее, сумрачный овраг все глубже, а небо уже давно закрыли сплошные кроны деревьев.

Ковыляя вдоль ручья, хоббиты неожиданно вынырнули из полумрака. Впереди, словно из арки, лился солнечный свет. Только выбравшись на чистое место, они сообразили, что впали вместе с ручьем через устье большущего оврага в долину реки. За неширокой полосой тростника и осоки виднелся ее противоположный берег, почти такой же крутой.

Мягкое осеннее солнечное сияние разливалось в теплом дремотном воздухе укромного речного русла. Коричневая вода лениво извивалась в берегах, заросших древними ивами, накрытая ивами, перегороженная упавшими ивовыми стволами, усыпанная мириадами опавших ивовых листьев. Их собратья неторопливо порхали вокруг, кружась в теплом легком ветерке, веявшем вдоль реки. Шуршала осока. Чуть поскрипывали ивовые сучья.

— Наконец-то понятно, где мы! — с облегчением воскликнул Мерри.— Совсем не там, куда собирались. Это же Ивлинка! Подождите, я посмотрю, что там впереди.— С этими словами он скрылся в высокой траве, но скоро вернулся и радостно сообщил, что земля там вовсе не топкая и по берегу вполне можно идти.— Там даже вроде тропа есть,— говорил он.— Если по ней пойти, может, удастся выбраться из Пущи с восточной стороны.

— Сомневаюсь,— скептически протянул Пиппин.— Она ведь может нас и в болото завести да там и бросить. Кто, по-твоему, проложил ее и зачем? Вряд ли о нас заботились. Я с этим лесом подозрительным стал. Даже начинаю верить всяким байкам. Ты думаешь, нам удастся на восток пройти?

— Ничего я не думаю,— огрызнулся Мерри.— Я ведь не знаю, в каком течении Ивлинки мы оказались. Тем более откуда мне знать, кто тут ходит. Но другого-то пути нет.

Действительно, выбора не было. Выстроившись цепочкой, хоббиты двинулись за Мерри. Над головами качался сочный тростник, но тропа и вправду оказалась вполне подходящей. Она легко огибала озерки, заводи и болотца, оставаясь сухой и твердой. Часто ее пересекали ручейки, спешащие в Ивлинку из леса, но везде в таких местах аккуратно лежали рядком бревнышки или охапки хвороста.

Скоро хоббиты упарились. Солнце стояло высоко, а воздух звенел от огромного количества мух, с некоторых пор появившихся над маленьким караваном. Когда наконец большие серые ветви затенили тропу, хоббиты начали клевать носами. Каждый шаг давался с трудом, хотя вроде бы ничто не мешало идти. Наваливалась сонливость. Она словно выползала из травы под ногами, окутывала плечи, смежала глаза. Фродо почувствовал, как тяжелеет голова и клонится вниз подбородок. Прямо перед ним Пиппин споткнулся и упал на четвереньки. Фродо остановился.

— Нехорошо это, — словно сквозь вату, услышал он голос Мерри. — Надо отдохнуть. Шагу больше ступить не могу. Вон там под ивами прохладнее и мух поменьше...

Фродо очень не понравилось, как говорил Мерри, — глухим голосом, заплетающимся языком.

— Идем дальше! — крикнул он. — Не время сейчас дремать. Сначала из лесу выберемся.

Но его, похоже, не услышали. Рядом стоял Сэм, зевая во все горло и сонно помаргивая. Фродо и сам внезапно почувствовал, что дальше идти не в силах. В голове поплыло. Тишина стояла звенящая. Даже мухи перестали жужжать. Только на пределе слуха ощущался тихий ровный шум, скоро в нем стал угадываться словно бы шепот, испускаемый ветвями над головой. Фродо с трудом взглянул вверх. Над ним навис огромный, древний, весь седой лох. Корявые его ветви тянулись тысячами узких заскорузлых ладоней, узловатый перекрученный ствол избороздили глубокие трещины и дупла, сучья странно шевелились без причины. Мерцание и блики в листве ослепили Фродо, ноги его подкосились, и он упал у подножия дерева.

Мерри и Пиппин едва дотащились до ствола и привалились к нему спинами. Дерево поскрипывало, края трещин чуть заметно подрагивали, а когда хоббиты взглянули на серо-желтую тучу листвы над головой, им послышалось отдаленное пение. Глаза закрылись сами собой, и тогда пение стало слышней, казалось, можно было даже разобрать какие-то прохладные слова... там было про сон, про воду... Чары оказались необоримы, и друзья уснули у подножия огромного серого лоха.

Фродо из последних сил боролся со сном. Ему удалось даже встать на ноги, да и то лишь благодаря появившемуся вдруг непреодолимому стремлению добраться до воды.

— Подожди меня, Сэм, — непослушными губами пробормотал он. — Я на минутку, ноги ополосну...

Не в силах стряхнуть с себя сонную одурь, он сделал несколько шагов туда, где жуткие корявые корни лоха впились в реку. Пристроившись на одном из них, Фродо опустил горящие ступни в прохладную коричневую воду и внезапно заснул, успев привалиться плечом к стволу.

Сэм сел, почесал в потылице и отчаянно зевнул. Было както не по себе. День проходит, а тут этот внезапный сон...

— Солнышко-то как припекает, — проворчал он под нос. — Не нравится мне этот лох! Ишь, послушать его, спать, дескать, надо. Как бы не так!

Он заставил себя встать и побрел взглянуть на пони. Оказалось, что две лошадки убрели далеко по тропинке. Он поймал их и только подвел к остальным, как странные звуки заставили его насторожиться. Сначала он услышал плеск, словно что-то тяжелое упало в воду, а потом, с другой стороны, будто щеколда упала на двери. Он кинулся к берегу, и вовремя! Спящий Фродо лежал по грудь в воде, а огромный древесный корень давил ему на плечи, пытаясь утопить. Сэм схватил хозяина за куртку и с трудом выволок на берег. Фродо сразу очнулся, закашлялся и начал отплевываться, видно все-таки хлебнул воды.

— Знаешь, Сэм, — простонал он, — проклятое дерево чуть не утопило меня! Я чувствовал, а сделать ничего не мог. Этот корень сначала подталкивал, а потом просто спихнул меня в воду.

— Да задремали вы просто, сударь, вот и сверзились, — бормотал Сэм. — Не надо было на бережку спать пристраиваться.

— А с остальными что? — спросил Фродо, уже окончательно приходя в себя. — Интересно, что им приснилось?

Они обошли вокруг ствола, и тут Сэм понял, что за щелчок насторожил его. Пиппин исчез. Щель, возле которой он лежал, сомкнулась так, что не осталось и следа. От Мерри торчали из ствола одни ноги, туловище скрывалось внутри глубокой трещины, и края ее смыкались на глазах! Несколько секунд Фродо с Сэмом оцепенело глядели на эту невероятную картину, а потом бросились колотить по стволу в том месте, где скрылся Пиппин. Они пинали дерево, бились о него, пытаясь развести края щели, схватившей Мерри, но все было напрасно.

— Ужасно! — в отчаянии закричал Фродо. — Зачем мы только пошли в этот треклятый лес! — Он изо всех сил пнул ствол лоха. Едва заметная дрожь пробежала по ветвям, листья встрепенулись и залопотали, но теперь в их шелесте слышалась издевка.

— А топора у нас с собой нету? — спросил Сэм.

— Есть у меня маленький, для хвороста, — отозвался Фродо, — да что с него толку!

— О! Погодите-ка! — воскликнул Сэм, зацепившись за слово «хворост». — Может, огнем его попробовать?

— А Пиппина мы не изжарим? — засомневался Фродо.

— Для начала попугаем эту уродину! — свирепо сказал Сэм. — А если не отдаст, я его свалю, хоть бы мне зубами ствол грызть пришлось.

Он сбегал к пони и вернулся с двумя трутницами и топориком. Быстро набрав сухой травы и мелкого хвороста, они сложили у ствола костер. Стоило Сэму высечь искру, как сухая трава тут же занялась, огонь и дым рванулись вверх. Затрещали сучья. Пламя лизнуло серую кору лоха. Дерево вздрогнуло. Листья над головами хоббитов встрепенулись и, казалось, злобно зашипели. Изнутри дерева донеслись сдавленные голоса Мерри и Пиппина.

— Уберите огонь! Уберите! — кричал Мерри. — Он же сейчас пополам меня перекусит! Сам говорит!

— Кто? — закричал Фродо. — Кто говорит?

— Уберите! Уберите! — стонал Мерри.

Ветви дерева начали яростно раскачиваться. Зашумели и кроны соседних деревьев, словно костерок хоббитов оказался камнем, брошенным в тихую воду. По всему лесу пошли гулять волны недовольного, угрожающего ропота. Сэм быстро раскидал и затоптал костер. А Фродо, не помня себя от отчаяния, с криком «Помогите!» бросился по тропе. Поднявшийся ветер зашумел в кронах ив, голос Фродо тонул в сплошном шелесте, и вдруг издали донесся ответ, заставивший Фродо замереть на месте. Звук пришел из-за спины, из глубины леса. Фродо крутанулся на пятках и прислушался. Сомнений не было! Там раздавался голос, глубокий веселый голос, беззаботно напевающий какую-то чепуху:

Динь-день, славный день! Солнце разбудило.
Трень-брень, серебрень, бор разбередило.
Том Бом, славный Том, Том Бомбадило!

С надеждой и страхом Фродо с Сэмом вслушивались в непонятные слова и вскоре уже легко различали то, о чем пел неизвестный.

Прыг-скок, лес-лесок, рощица-старушка.
Здесь порхает ветерок и свистит пичужка.
Там — дом под холмом. Ну-ка, это кто там
Озирается кругом? Может, ждет кого-то?
Это — женушка моя, это дочка речки
Дожидается меня, стоя на крылечке.
Старый Том спешит домой, он припас для милой
Звуки песни озорной да букетик лилий.
Слышит песню дочь речная, светит ярче яхонта —
Золотая, Золотая, Золотая Ягодка!
Старый Лох, драчун лесной, корни прочь с дороги!
Том торопится домой — вечер на пороге.
Том несется со всех ног к милой и чудесной,
Прыг-скок, лес-лесок поднимая песней!

Хоббиты зачарованно слушали. Ветер стих. Листья на неподвижных ветвях безжизненно обвисли. Снова зазвенела пес-

ня, а потом из тростника на тропинку вышел, приплясывая и подпрыгивая... человек? Да, ростом он был с Верзилу, и шуму от него было не меньше. Голову незнакомца покрывала старая шляпа с высокой тульей и заткнутым за ленту голубым пером. Большими ногами в желтых башмаках он крепко топал по земле, продираясь сквозь тростник, как корова к водопою. На голубую вылинявшую куртку падала длинная курчавая борода, глаза были ярко-синие, а лицо — красное, и все в морщинах, как печеное яблоко. В руках он держал огромный лист кувшинки, в нем, словно в глубокой тарелке, плавала охапка белых водяных лилий.

— Спасите! — закричали в один голос Фродо с Сэмом, бросаясь к нему.

— Эй вы, тише там! — крикнул незнакомец, протягивая вперед поднятую ладонь. Хоббиты встали, словно на стену налетели.

Это что за беготня? Стойте, не дрожите!
Вы откуда, малышня, и куда спешите?
Я — Том Бомбадил. Живо отвечайте:
Кто и что здесь натворил? Лилий не сломайте!

— Наших друзей дерево поймало! — выпалил Фродо.

— Мастера Мерри дуплом заглотило! — вторил ему Сэм.

— Что? — воскликнул Том Бомбадил, смешно подпрыгивая. — Безобразит Старый Лох? Только и всего-то? Есть управа на него, песенка найдется. Ах ты, старый серый Лох! Проморожу все нутро, если не уймется. Корни вылезут наверх, песенку заслышав. Ветер песней приманю, сдует листья с веток! Надо же! Старый Лох!

Осторожно пристроив лилии на траву, Том вприпрыжку подскочил к дереву. Из ствола виднелись уже только ступни Мерри. Бомбадил приник к небольшому дуплу и принялся напевать что-то низким голосом. Слов хоббиты не разобрали, но Мерри неожиданно задрыгал ногами. Том отпрянул от ствола, отломил длинную ветку и хлестнул дерево.

Ну-ка, быстро отпустить! Больше не пытаться!
Твое дело — воду пить да землей питаться.
Что тебя за колдовство нынче разбудило?
Спать немедля! Таково слово Бомбадила!

Он поймал Мерри за ноги и единым махом выдернул его из расщелины. Тут же раздался протяжный скрип, распахнулась другая щель, и оттуда вылетел Пиппин, словно ему дали пинка. С громким деревянным стуком обе трещины схлопнулись. Лох встряхнулся от корней до вершины и затих.

— Спасибо вам, — хором сказали хоббиты.

Бомбадил расхохотался.

— Ну, мои малыши, — сказал он, наклоняясь и заглядывая им в лица, — пойдемте-ка домой! Стол накрыт, там желтый

мед, сливки, хлеб и масло. Златеника ждет-пождет. За столом поговорим, время не жалея. Ну-ка, марш за мной, но — чур! — отставать не смейте!

Подняв лилии, он сделал приглашающий жест и, по-прежнему приплясывая и громко распевая всякую чепуху, пустился по тропинке.

Хоббиты, счастливые и ошеломленные, бросились было догонять своего чудного спасителя, но сразу отстали.

Том уже скрылся из глаз, и только песенка его слышалась впереди.

Эй, не медлите, друзья! Мчитесь, словно ветер!
Том отправится домой и огонь засветит.
Скоро солнышко зайдет — слышите, герои?
Тьма ночная упадет — двери вам открою.
Том шагает впереди — значит, все неплохо!
Не страшитесь темноты и лихого Лоха!
Корни, ветви — чепуха! В окнах свет сияет!
Прыг-скок, лес-лесок тоже это знает!

Пару раз долетело звонкое «эге-гей», и наступила тишина. Солнце село. Хоббитам припомнился в этот миг мягкий закат над Брендидуином, зажигающиеся светлячки окон в мирной, уютной Скочке. Здесь, в лесу, все было иначе. Вокруг стремительно темнело. Деревья угрюмо нависли над тропой. Белый туман, клубясь, всплыл над рекой и перелился через заросли тростника к корням и нижним сучьям.

Уже трудно было различать тропу, к тому же хоббиты очень устали. Ноги едва волоклись. Что-то шуршало и перебегало в кустах по сторонам тропинки, а вверху, в кронах деревьев, хоббитам чудились какие-то мерзкие рожи, злобно следящие за ними. Они брели, словно в кошмарном сне, не чая проснуться, а лес вокруг терял реальность, колебался и зыбился, угрожая, заманивая, исходя злыми чарами.

Еще несколько шагов — и они остановились бы, но тут начался подъем, невидимая вода в реке неподалеку обрела голос, лес неожиданно кончился, а вместе с ним отступил и туман. По краю обширной поляны или луговины, взблескивая под звездами, бежала все та же Ивлинка, но веселая и чистая, совсем непохожая на ту дремотную коричневую ленту, какой хоббиты увидели ее впервые. Траву, похоже, недавно косили, тропа снова была хорошо видна, к тому же по краям появилось подобие низкой ограды из камней. Хоббиты поднимались на холм, а впереди — вот радость-то! — сияли теплым желтым светом окошки большого дома. Дверь распахнулась, широкая полоса света легла на дорожку. И хоббиты, и пони прибавили шагу. Ночные страхи отступили, даже усталость поубавилась, а навстречу веселым водопадом неслась скороговорка Бомбадила:

Вот и дом, славный дом. Заходи, ребята!
Пони, хоббиты — мы всех видеть страшно рады.
Начинаем торжество! Запеваем хором!

Неожиданно его поддержал еще один голос. Сначала хоббитам показалось, что зазвенела весенняя капель, перелившаяся в звуки серебряных струй, льющихся на заре (утра? мира?) в первозданных холмах; а голос, радостный и юный, пел:

Начинаем нашу песню! Подпевайте хором —
О тумане, что скользит по лесным озерам,
Солнце, звездах и луне, облаках и ветре,
О серебряном луче и зеленой ветви,
О цветах на глади вод, синеве глубинной,
Старом Томе Бомбадиле и его любимой!

И под эту песню хоббиты ступили на порог, погрузившись в золотистое сияние, разом отбросившее прочь ночную мглу.

Глава 7
В ГОСТЯХ У ТОМА БОМБАДИЛА

Хоббиты перешагнули порог и остановились, щурясь от света. Посреди длинной залы располагался могучий стол, уставленный высокими желтыми свечами. Над ним с темных потолочных балок свисали яркие светильники. За столом, лицом к двери, сидела в кресле хозяйка дома. Ее русые волосы струились по зеленому, словно молодой тростник, платью, расшитому жемчугом, похожим на капли росы. Искусной работы золотой пояс был, казалось, сплетен из желтых кувшинок, перевитых голубыми незабудками. Возле ее ног в неглубоких глиняных сосудах плавали белые лилии, и кресло возвышалось, словно трон посреди небольшого озерца.

— Милости просим, дорогие гости! — услышали хоббиты тот же голос, что пел им недавно. Они сделали несколько неуклюжих шагов и смущенно поклонились. Ощущение у хоббитов было такое, словно они под окошком деревенского дома попросили напиться, а дверь отворила эльфийская королева. Пока они неловко топтались у стола, хозяйка легко поднялась с кресла, порхнула между лилий и подошла к ним. Платье ее шелестело, как цветущие приречные травы под ветром.

— Входите же, милые мои! — снова зажурчал ее голос. — Смейтесь, веселитесь! Я — Златеника, Речная Дочь. — Движениями текучими и плавными она как будто перелилась к двери, захлопнула ее и, раскинув руки, воскликнула: — Оставим ночь снаружи! Вас напугали туманы и древесные тени, омуты и дикие деревья — не бойтесь! Нынче вы под кровом Тома Бомбадила.

Растерянность и изумление хоббитов поумерились под ободряющим взглядом и радушной улыбкой хозяйки.

— Прекрасная госпожа, — смущенно проговорил Фродо, чувствуя растущую в сердце беспричинную радость. Так бывало, когда ему приходилось слышать раньше голоса эльфов, но здесь чары были иными: там звездный свет имел льдистый оттенок вечности, а здесь все было милее и ближе смертному сердцу, чудно, но не чуждо. — Прекрасная госпожа, — повторил он, справившись с волнением, — мы слышали радость в твоей песне, а теперь видим ее воочию.

Легка, как шорох тростника,
Чиста, как тишина лесная,
Светла, как песня родника, —
Прекраснейшая Дочь Речная!
Приходит лето за весной,
И вновь — весна сменяет лето!
О ветер, шепчущий с волной!
О смех листвы в лучах рассвета!

Он вдруг запнулся и смолк, удивленный своими словами не меньше остальных. Но Златеника тепло рассмеялась.

— Добро пожаловать! — снова пригласила она. — Признаюсь, я не ожидала от народа Шира столь благозвучных слов. Впрочем, от Друга Эльфов их услышать вдвойне приятно. Не смущайся и не гадай, кто назвал мне тебя. Свет в твоих глазах и звонкий голос послали весть. Вот добрая встреча. Усаживайтесь, не тревожьтесь ни о чем, сейчас придет хозяин. Он обихаживает ваших усталых лошадок.

Хоббиты принялись рассаживаться на низких камышовых стульях, поглядывая на хозяйку, порхавшую у стола. Смотреть на нее доставляло удовольствие, так изящны и точны были ее движения. Откуда-то из глубины дома доносились обрывки дурашливой песни:

Старый Том Бомбадил — парень как с картинки:
Голубой на нем жилет, желтые ботинки.

Прислушавшись, Фродо обратился к хозяйке:

— Прекрасная госпожа, позволь мне спросить, Том Бомбадил — кто он?

— Он — это он, — с улыбкой ответила Златеника. — Тот, кого ты видишь. Хозяин леса, реки, холмов.

— Значит, этот заповедный край принадлежит ему?

— Вовсе нет! — легко и, как показалось Фродо, чуть грустно ответила Златеника. — Владеть — слишком обременительно для Тома Бомбадила. Деревья и травы, воды и звери принадлежат самим себе. А Том Бомбадил — Хозяин. Хозяин в лесах и водах, в лугах и холмах, Хозяин, Живущий Здесь.

Дверь распахнулась, и появился Том. Теперь он был без шляпы, но густую каштановую шевелюру венчал венок из осенних листьев.

— Вот моя хозяюшка, — с поклоном представил он. — Вот моя ненаглядная Златеника. Стол готов? Вижу сливки, соты с медом, белый хлеб и масло. Зелень, молоко и сыр, ягодки на блюде. Хватит закусить нам? Ужин ждет, и стол готов...

— Ужин-то готов, — остановила его Златеника, — а вот гости готовы ли?

Том в притворном ужасе хлопнул себя по бокам.

Ох ты! Чуть не позабыл! Гости-то с дороги!
На одежке — грязь да пыль, еле носят ноги.
Невеликая беда! Живо все устроим!
Есть отличная вода — враз усталость смоем!

Он открыл дверь и пригласил хоббитов за собой. Комната, куда они вошли, пройдя коридором, выглядела удивительно: каменные стены скрывались за зелеными гобеленами с растительным рисунком, пол был застелен свежим тростником. Вдоль одной стены стояли четыре низкие кровати с пышными перинами, застеленные белыми пуховыми одеялами, вдоль другой тянулась скамья. Четыре глиняных таза и четыре кувшина — два с холодной и два с горячей водой — ждали хоббитов.

Вскоре умытые и посвежевшие гости сидели за столом, во главах которого, напротив друг друга, расположились хозяева. Ужин продолжался долго и весело. Путники ели так, как могут есть только проголодавшиеся хоббиты. В кубках оказалась родниковая вода, странным образом согревшая сердца и развязавшая языки. В какой-то момент Фродо с удивлением заметил, что весело распевать за этим изобильным столом куда легче, чем просто говорить.

Наконец ужин закончился. Том и Златеника быстро убрали со стола, усадили гостей в кресла, не забыв дать каждому по маленькой скамеечке для усталых ног. Прямо перед ними в огромном камине горели, источая сладкий аромат, большие поленья, все огни в комнате погасли, лишь на высокой каминной полке осталась пара свечей. Златеника пожелала каждому доброй ночи и спокойного сна.

— Спите себе и ни о чем не тревожьтесь. Не слушайте ночных шорохов. Пусть шумит лес за окном. Ему не пробраться в дом. Только звездный свет да вольный ветерок будут ночевать вместе с вами. Доброй ночи!

Замерцала свеча, прошелестело, струясь, зеленое платье, прожурчали легкие шаги, — и вот ее уже нет, и ночная тишина заполнила большую залу.

Том сидел подле них, то ли глубоко задумавшись, то ли давая им время собраться с мыслями. Сон начал скапливаться под потолочными балками, когда Фродо заговорил:

— Хозяин, скажи, ты пришел на мой крик или наткнулся на нас случайно?

Том, похоже, задремавший, встрепенулся.

Ты сказал — пришел на крик? Нет. Забрел случайно.
Просто песни распевал и пришел нечаянно.
Кое-что я, правда, знал, слухи быстро ходят —
Мол, четверка малышей по дорогам бродит.
Ну а здесь, в глухом лесу, все пути да тропы
Собираются туда, где вода да топи:
Все дорожки Старый Лох сетью сплел паучьей.
Если путник попадется — не упустит случай!
Ну, а Тома привело дело неотложное...

Голова Тома начала клониться на грудь словно в дремоте, но тут он неожиданно продолжил мягким голосом:

Я пришел собрать цветов для моей любимой,
Удивительных цветов — белоснежных лилий,
Чтоб спасти их от мороза, снега и метелей,
Чтобы милые глаза их любовью грели.
Собираю каждый год на закате лета
В чистом озере, каких больше в мире нету;
Так и милую свою я когда-то встретил:
Вдруг заслышал голосок, невесом и светел.
Это в чаще тростника пела Дочь Речная,
И сердечко застучало, Тома ожидая...

Синий глаз приоткрылся и хитро взглянул на хоббитов.

Повезло вам — я теперь окажусь не скоро
В том местечке, где у вас вышла с Лохом ссора.
Год состарился, уйдет. Юною весною
Лес оденется листвой и цветы раскроет;
Лишь тогда под птичий звон, щелканье и трели
В легком танце поспешит Дочь Реки к купели.

Снова повисла тишина, но Фродо уже собрался с духом и задал давно мучавший его вопрос.

— Расскажи о Лохе, Хозяин. Что оно? Я о таком не слышал.

— Нет уж, не надо на ночь! — разом вскинулись и Пиппин, и Мерри. — Отложим до утра!

— Верно, — поддержал их Бомбадил. — Пора отдыхать. Не все годится для беседы, пока земля в ночи. Том подушек вам принес, выспитесь неплохо! Не страшитесь темноты и лихого Лоха!

Он взял с камина подсвечник и проводил хоббитов в спальню. Едва они успели натянуть на себя легкие одеяла, как дрема бросилась на них и увела за собой.

Глухой ночью Фродо привиделся темный сон. Перед ним, освещенная неверным светом молодого месяца, высилась скала. Большие ворота, а может, арка чернела у подножия. Потом словно могучая рука вознесла хоббита в небеса и он узрел под собой каменистое плато в кольце гор и посредине — взметнув-

шуюся ввысь башню странных очертаний. На вершине, на маленькой площадке Фродо заметил человеческую фигуру. Лунный свет блеснул в серебристых волосах, трепетавших на ветру. Из темноты от подножия башни долетели злобные крики и волчий вой. Внезапно огромные крылья на миг прочертили лунный серп. Человек на площадке поднял посох, и в черное небо рванулся узкий луч света. Исполинская птица (Фродо показалось, что это орел) описала плавный круг над башней, прянула вниз, подхватила человека с площадки и унеслась прочь. Снова взвыли волки. Словно в шуме сильного ветра до Фродо донеслось звонкое ржание, а вслед за ним — с востока — нарастающий топот копыт. «Черные Всадники!» — вздрогнул Фродо и проснулся. Конский топот все еще отдавался в голове. «Как я оставлю эти безопасные стены?» — мелькнула мысль, но сон неодолимо смежил глаза, и он снова ушел бродить по тропам сонного царства, но теперь уже не запомнил путей.

Рядом с ним сладко спал Пиппин. Но вот и его сон изменился, заставив ворочаться в постели и даже вскрикнуть. Пиппин проснулся (или ему это только показалось) и услышал в темноте тот же тревожный звук, который приснился ему. «Тип-тап, сквик». Так бывает, когда ветер теребит ветви и они скребутся по стенам. «Крэк, крэк, крэк». Пиппин немедленно начал вспоминать, есть ли рядом с домом ивы. Неожиданно у него возникло странное ощущение, будто он не в доме, а внутри дерева и сухой скрипучий голос снова издевается над ним. Он похолодел, сел, потрогал руками одеяла и подушки и только после этого, успокоенный, улегся опять. Тревоги отогнал звук другого голоса, нежного и ласкового: «Не слушайте ночных шорохов. Спите себе и ни о чем не тревожьтесь».

Мерри снилась вода. Она тихо струилась с холма и разливалась вокруг дома темным озером. Струйки журчали у стен, вода поднималась, медленно и неуклонно подбираясь к окнам. «Нас затопит! — подумал он. — Вот сейчас хлынет внутрь и затопит!» Ему вдруг помстилось, что он лежит в болоте и его засасывает трясина. Мерри вскочил. Холодная твердость каменного пола разом привела его в чувство. В воздухе словно таяли слова: «Пусть шумит лес за окном. Ему не пробраться в дом. Доброй ночи!» Повеяло странным ароматом, ветерок чуть шевельнул занавески. Мерри глубоко вздохнул и снова заснул.

Сэм всю ночь проспал бревно-бревном и запомнил лишь, что во сне был очень доволен.

Проснулись все четверо одновременно. В окна лился утренний свет, а по комнате, посвистывая скворцом и пританцовывая, ходил Том Бомбадил. Увидев проснувшихся хоббитов, он хлопнул в ладоши, крикнул:

— Динь-день, славный день! — и отдернул занавески.

Фродо вскочил и подбежал к восточному окну. За ним был серый от росы огород. Он ожидал увидеть следы копыт, слышанных во сне, но под окном стояли нетронутые решетки с вьющейся фасолью, а дальше серела вершина холма на фоне бледной полоски рассвета. Там кипами немытой шерсти громоздились облака, чуть розовевшие по краям, небо набрякло дождем, но рассветная полоса ширилась на глазах, а большие розовые цветы фасоли обретали краски среди мокрых зеленых листьев.

Пиппин смотрел на запад. Перед ним раскинулось туманное море, скрывшее лес, дорожку к дому и подножие холма. Над долиной Ивлинки туман ходил большими округлыми волнами. Слева с холма бежал ручей и впадал в море тумана. В палисаднике серебрилась паутина, дальше в подстриженной траве сверкали капли дождя. Ни единой ивы в помине не было.

— Доброе утро, друзья! — Том распахнул настежь восточное окно. Прохладный воздух, пахнущий дождем, хлынул в комнату.— Солнышка мы, правда, не увидим сегодня. Я бродил далеко, по холмам побегал. На вершинах ветра шум, мокро под ногами, мокро в небе надо мной. Разбудила меня песня Златеники, ну а хоббитов с утра громом не поднимешь. Ночью маленький народ просыпался часто, а когда рассвело, так будить напрасно! Динь-день, серебрень, просыпайтесь дружно! Позабудьте ночь и тень, завтракать вам нужно! Хорошо бы поспешить, а не то придется обойтись вам травой с дождевой водицей!

Хотя угрозу Тома трудно было принять всерьез, хоббиты не заставили себя упрашивать. Из-за стола не поднимались, пока яств на нем ощутимо не поубавилось. Ни Тома, ни Златеники с ними не было. Том сновал по дому, голос его звучал то тут, то там. За распахнутым окном капало с тростниковой крыши. Облака плотно закрыли все небо, и прямой серый дождь монотонно стучал по листве в саду. Теперь лес и вовсе скрылся за дождевой завесой.

Хоббиты выглянули в окно и издали расслышали чистый голос Златеники. Можно было разобрать даже кое-какие слова, но и так понималось, что это особая дождевая песня, в которой все про воду, про радость ожидания ливня, про родники, рождающиеся на холмах и спешащие в реки, текущие к морю. Фродо прислушивался и в душе радовался погоде, задержавшей их в этом гостеприимном доме. Мысль о предстоящем уходе не давала ему покоя с самого пробуждения.

С запада потянул верховой ветер и пригнал настоящие тучи, похожие на бурдюки с водой. Дождь зарядил с новой силой, дорожка в саду на глазах превратилась в маленькую речушку. Из-за угла дома выскочил Том Бомбадил. Он смешно размахивал руками, отгоняя дождь, и в самом деле, войдя в комнату, оказался совершенно сухим, не считая башмаков. Он снял их и поставил в углу камина. Потом уселся в самое большое кресло и поманил хоббитов:

— Златеника затеяла большую уборку. Для хоббичьего народца слишком сыро. Пусть отдыхает, пока можно. Самый подходящий день для длинных историй, для вопросов и ответов. Вот Том и начнет.

Он действительно рассказал множество замечательных историй. Иногда он принимался петь и даже пару раз выбрался из кресла и протанцевал по комнате. Хоббиты услышали о цветах и пчелах, о жизни деревьев и о странных лесных созданиях, добрых и злых, дружественных и равнодушных, жестоких и ласковых, о тайнах, скрывавшихся под зарослями ежевики.

Постепенно они начали вникать в загадочную жизнь леса и ощущать себя незваными гостями, вломившимися в чужой дом. Снова и снова попадался в рассказе Серый Лох, и Фродо услышал о нем больше, чем намеревался, но радости это ему не прибавило. Рассказ Тома обнажил перед слушателями души деревьев, их мысли, зачастую странные и темные, полные недоброй зависти к существам, вольно бродящим по земле, грызущим, рубящим, ломающим и жгущим, губителям и насильникам. Не без причины лес звался Древлепущей. Он и правда был древен, один из последних островов некогда бескрайнего леса, хранящий в чаще праотцев деревьев, стареющих не быстрее окрестных холмов и помнящих былые эпохи своего безраздельного владычества. Бесчисленные годы дали им спесивую корневую мудрость и напитали злобой. Но самым опасным из них был Серый Лох. Сердце его насквозь потемнело, а сила была зелена. Он управлял ветрами, простирая свои мыслепесни по обе стороны реки. Его древний неуемный дух до тех пор тянул из земли силу, рассылал корни во все закоулки, пока под власть его не попали все деревья в лесу от Заплота до Упокоищ.

Вдруг рассказ Тома, словно молодой ручей, прыгающий через пороги и водопады, перекинулся к Упокоищам. Как живые, встали перед хоббитами зеленые некогда курганы с венцами еще не разрушенных стен на вершинах и глубокими подземельями. Овцы блеяли в многочисленных стадах. Гордые крепости вздымались по холмам. Маленькие княжества постоянно сражались друг с другом, а юное солнце сверкало на ненасытных красных мечах. О победах и поражениях рассказывал Том, и рушились башни, горели крепости, пламя рвалось к небу. Золото грудами высилось в усыпальницах всеми забытых королей, курганы скрывали их смертные ложа, закрывались навсегда и замуровывались каменные двери, и все скрывали буйные травы. Снова, недолго уже, бродили, пощипывая траву, овцы, а потом холмы опустели. Пришла Тень из дальних мрачных краев и потревожила кости в курганах. По оврагам кралась Нежить, лязгая кольцами на длинных холодных пальцах и звеня на ветру золотыми цепями. В лунном свете, словно обломанные зубы, мерцали руины на вершинах холмов.

Хоббитов пробирала дрожь. Даже в Шире слыхали о жуткой Нежити, обитавшей в Упокоищах за Древлепущей, и эту историю не больно-то любили слушать в Хоббитоне, даже уютно сидя у камина. Во всяком случае, нашим путешественникам вспомнилось вдруг, что дом Бомбадила располагается совсем рядом с мрачными Упокоищами. Они сбились, потеряли нить рассказа и завозились, растерянно поглядывая друг на друга.

А рассказ продолжался. Том уже бродил по странным краям за пределами памяти, в тех временах, когда мир был просторнее, а нынешние моря еще не родились. Том и тогда распевал под звездами, которые сияли только что проснувшимся Эльдарам. Неожиданно речь его прервалась. Он сидел покачивая головой и, похоже, засыпая. Хоббиты, наоборот, словно очнулись и заметили, что ветер стих, тучи высохли, а день давно отошел и в небе горят звездные костры. Фродо не мог с уверенностью сказать, тот ли это день, в который начался странный рассказ. Он не чувствовал ни голода, ни усталости, только одно безмерное восхищенное удивление. Тишина звенела в комнате, тишина затопила весь подзвездный мир, и Фродо решился.

— Кто же ты, Хозяин? — судорожно глотнув, спросил он.

— А? Что? — снова встрепенулся Том, и глаза его заблестели в сумраке.— Вам нужно имя? Что в нем проку? Скажите-ка мне, кем вы будете, если лишить вас имен? Впрочем, вы молоды. Я — Старейший. Том был здесь раньше трав и рек. Задолго до Высоких Эльфов я прокладывал здесь тропы, видел, как сменяли друг друга народы. Я был здесь прежде королей, князей и Упокоищ с их Нежитью. Том был здесь, когда Эльфы ушли на Запад, он видел, как менялся мир, он знал Подзвездную Ночь без страха, задолго до того, как пришел из Ничто Темный Властелин.

Хоббиты невольно оглянулись на темные окна, а когда снова повернули головы, в дверях в золотом сиянии стояла Златеника со свечой, прикрывая рукой огонь от сквозняка, и узкая тонкая рука светилась, как дивная раковина.

— Дождь кончился,— пропела она.— Новые воды бегут с холма под звездами. Пришло время радости и веселья.

— Еды и питья! — громко добавил Том.— Долгие рассказы сушат горло, а долго слушать — недолго оголодать. Мы проговорили утро, день и вечер напролет!

С этими словами он вскочил, сделал пируэт, схватил свечу с каминной полки, мигом затеплил ее от свечи Златеники и заплясал вокруг стола. Потом метнулся к двери, исчез и быстро вернулся с огромным, уставленным снедью подносом. Хозяева накрывали на стол, а хоббиты с восхищением и смехом следили за прекрасной Златеникой и причудливыми ужимками Тома. Скоро стало понятно, что перед ними разворачивается своеобразный танец. Том и Златеника не касались друг друга, но все их движения были сплетены в сложнейший рисунок, куда оказались втянуты и двери, и стол, и посуда, и

свечи, а когда танец вдруг оборвался, стол был накрыт, залит светом, а Том картинно кланялся гостям.

— Ужин ждет, — пропела Златеника, и хоббиты только теперь заметили ее новый наряд: серебристое одеяние с белым поясом и туфельки словно из сверкающей рыбьей чешуи. А Том был в ярко-голубом кафтане цвета незабудок, умытых дождем, и в зеленых чулках.

Этот ужин даже превзошел вчерашний. Рассказ Тома заставил хоббитов забыть об обеде, но, как только еда оказалась перед ними, они набросились на нее, словно последний раз ели неделю назад. Тут уж стало не только не до песен, но даже не до разговоров. Зато через некоторое время голоса и смех зазвенели бодрее прежнего.

После ужина они вместе со Златеникой спели много песен, таких, которые весело начинались в холмах и бежали вниз, и встречали озера, в которые можно заглянуть и увидеть отражающееся небо и звезды, горящие, как самоцветы на дне. И снова Златеника пожелала им доброй ночи и оставила с Томом у камина. Только теперь сна у Тома не было ни в одном глазу, и на хоббитов обрушился град вопросов.

Оказалось, что ему многое про них известно. Он прекрасно знал историю Шира, причем такую древнюю, о которой и сами-то хоббиты помнили едва-едва. Теперь они не удивлялись больше, как не удивились и всплывшему в разговоре имени Мэггота. Странно им было только уважение, с которым Том помянул знакомого земледельца. «Старыми ногами он твердо стоит на земле, — говорил Том, — в его пальцах живет мастерство, а в костях — мудрость, и на мир он смотрит открытыми глазами». И с Эльфами знался их хозяин, даже от Гилдора получил каким-то образом весточку о бегстве Фродо.

Том так искусно расспрашивал, подсказывая в нужных местах, что Фродо остановился, лишь сообразив, что поведал и о Бильбо, и о своих страхах и надеждах больше, чем рассказывал даже Гэндальфу. Теперь уж и вовсе молчать было глупо. Том кивал головой, а когда услышал о Черных Всадниках, глаза его сверкнули.

— Покажи-ка мне это драгоценное Кольцо! — потребовал он вдруг посреди рассказа. И Фродо, к собственному изумлению, бестрепетно вытянул цепочку из кармана, отстегнул Кольцо и подал Бомбадилу.

Оно легло в большую коричневую ладонь и само словно выросло. Том поднес его к лицу и рассмеялся. Секунду на хоббитов смотрел яркий синий глаз, окруженный золотым ободком. Потом Бомбадил надел Кольцо на мизинец и поднес ближе к свече. Хоббиты наблюдали, а потом до них вдруг разом дошло — Том и не думал исчезать. А он снова рассмеялся и подбросил Кольцо в воздух. Ярко сверкнув, оно исчезло. Фродо вскрикнул, а Том уже наклонился вперед, жестом заправского фокусника протягивая ему на ладони вражью драгоценность.

Фродо подозрительно осмотрел Кольцо. Вроде бы оно осталось прежним. Он даже подивился, как всегда, его тяжести. Но осмотр не убедил Фродо. Его даже немного обидело, как небрежно обращался Том с вещью, которую сам Гэндальф считал опаснейшей на свете. Поэтому, подождав, пока разговор завязался снова и Бомбадил начал рассказывать длинную историю о барсучьих повадках, Фродо незаметно надел Кольцо.

Мерри повернулся к нему и открыл рот, собираясь сказать что-то, но вместо этого невольно вскрикнул. Фродо довольно улыбнулся — Мерри явно не видел его. Кольцо действовало. Фродо встал и тихонько стал подкрадываться к двери, но его остановил оклик.

— Эй, там! — прикрикнул Том, глянув на хоббита пронзительно и вместе с тем лукаво.— Эй, дружок, иди-ка к нам! Ты куда собрался? Ты колечко-то сними, без него сподручней. Хватит в пряталки играть, сядь-ка лучше подле. Том дорогу объяснит, чтобы не плутали.

Фродо, стараясь не показать смущения, снял Кольцо и вернулся на место. Том сообщил, что ждет завтра солнечного дня, но погода в этих краях меняется быстро и выходить лучше с утра. Он советовал идти прямо на север, тогда, огибая Упокоища, они к концу дня выйдут на Западную дорогу.

— Не связывайтесь с Нежитью. Не бродите в камнях, не суйте нос в их укрывища. Это под силу только могучим воинам с сердцами, не знающими страха.

Он несколько раз повторил это предостережение, а потом принялся разучивать вместе с ними особую песню на случай, если хоббиты все-таки попадут назавтра в беду.

Бомбадил! О Бомбадил! Птичьим перезвоном,
Чистой каплею росы на листе зеленом,
Алым пламенем зари, неба светом синим
Заклинаем, поспеши! В горе — помоги нам!

Когда они уверенно спели песню вместе с ним, он со смехом похлопал каждого по плечу, а потом проводил их в спальню.

Глава 8
ТУМАН НАД УПОКОИЩАМИ

В эту ночь им не мешали никакие шорохи. Но — Фродо не знал, во сне или наяву,— из невообразимый дали, из-за серой завесы дождя, в ночной тиши до него долетели чарующие звуки. Они набирали силу, занавес заискрился серебряными и хрустальными бликами, потом мелодия стала стихать, завеса дождя дрогнула и раздвинулась, открывая чудную зеленую страну, залитую светом восходящего солнца.

Видение плавно перешло в действительность, и снова посреди комнаты обнаружился Том Бомбадил, посвистывающий, словно дерево, облюбованное стаей певчих птиц. Солнце, приподнявшись над холмом, заглядывало в окно, а за ним все переливалось зеленым и бледно-золотым светом.

После завтрака (и снова в одиночестве) хоббиты приготовились распрощаться. На душе у каждого было тяжеловато, несмотря на погожее осеннее утро и нежно-синее чистое небо. С северо-запада потягивал свежий ветерок. Обычно смирные пони фыркали, беспокойно переступая копытами. Из дома вышел Том, исполнил на крыльце несколько замысловатых па и поторопил хоббитов.

Они уже некоторое время ехали верхом, как вдруг Фродо остановился.

— Златеника! — вскричал он. — Прекрасная госпожа в лиственном уборе! Мы же не простились с ней, даже не видели с вечера! — Он так расстроился, что готов был повернуть назад, но в это время откуда-то сверху прилетел знакомый звенящий голос. Хоббиты одновременно повернули головы и на гребне холма увидели Златенику. С разлетевшимися по ветру волосами, вспыхивающими и переливающимися от солнца у нее за спиной, Златеника стояла в росной траве, словно посреди озерца, и пела им, приглашая подняться на холм. А когда, подойдя, они поклонились, плавно повела рукой.

Хоббиты огляделись. Перед ними широко раскинулись утренние земли. Воздух был кристально прозрачен. Ясно видна была вершина холма в лесу, откуда они пытались разглядеть дорогу два дня назад. Впереди и позади высились застывшие волны лесного моря, отливая зеленоватыми, желтыми и красно-коричневыми осенними тонами. Там, далеко, невидимое отсюда, лежало Заскочье. Значительно ближе, за извивами Ивлинки, блестела излучина Брендидуина, огромной петлей огибавшего Древлепущу и исчезавшего на юге в неведомых далях. На севере холмы постепенно понижались, переходя во всхолмья и растворяясь на горизонте. На востоке, гребень за гребнем, торчали Упокоища, а дальше, скорее чувствуемым, чем видимым, контуром на самом краю земли вставали синеющие горы.

Невольный глубокий вздох объединил хоббитов. Хотелось шагнуть с холма на простор, в широкий мир, а вместо этого предстояло тащиться через эти сморщенные складки к скучной дороге. Златеника отвлекла их от невеселых мыслей.

— Вам нужно спешить, гости дорогие, — мягко сказала она. — Будьте тверды в своих намерениях. Ступайте на север с ветром у левого плеча и моим благословением в ногах. Поторопитесь, пока светит солнце! — И добавила, обращаясь к одному Фродо: — До свидания, Друг Эльфов. Это была славная встреча.

Фродо не нашелся с ответом, а только низко поклонился и последовал за друзьями, трусившими вниз с холма. Вскоре дом Бомбадила и лес за ним уже скрылись из глаз. В неглубоких лощинах было теплее, сладко пахло землей. Оглянувшись в последний раз, они все же разглядели смотревшую им вслед Златенику — словно цветок на фоне неба. Кажется, она протягивала руки в прощальном напутствии, кажется, крикнула звонко и исчезла.

Дорога их перетекала из одной лощины в другую, поднималась по склонам холмов, снова ныряла вниз, монотонно и скучно. Ни дерева, ни озерка, только травы, шелест ветра и редкие крики незнакомых птиц высоко в небе. Хоббиты шли своей дорогой, а солнце — своей, становилось жарко. Ветер стихал. Раз они оглянулись на запад и увидели над дальним-дальним теперь лесом серое марево, словно ветви отдавали вчерашний дождь обратно. Впрочем, марево закрывало горизонт и в других направлениях, а голубое небо как-то потускнело и лежало над ними тяжелым горячим колпаком.

Около полудня хоббитам попался холм с широкой и плоской, словно блюдце, вершиной. Они осмотрелись и, оценив пройденный путь, немного приободрились. Да, конечно, видно было уже не так хорошо, как утром, но зато холмы кончились, за двумя последними всхолмьями хоббитов встречала равнина, а дальше на севере темнела едва различимая полоска.

— Это деревья, — уверенно заявил Мерри, — и не какие-нибудь, а вдоль Дороги. Их посадили там давным-давно.

— Прекрасно, — отозвался долго молчавший Фродо. — Еще один такой переход, и перед закатом отведаем дорожной пыли. — Однако говорил он рассеянно, поглядывая на восток, где вздымались особенно крутые склоны Упокоищ, увенчанные белыми камнями. Они удивительно напоминали обломки зубов, торчащие из позеленевших десен. Смотреть на них было неприятно. Хоббиты тронули пони, стараясь не слишком приближаться к древним курганам, и спустились в неглубокую округлую лощину, центр которой отмечал высокий камень. Он был неправильной формы, но казался странно значительным: предостерегающий перст, межевой столб, сторожевой пост... Солнце стояло высоко, тени у камня не было, но хоббиты решили передохнуть и спешились. Только привалившись к камню спинами, они почувствовали, какой он холодный. Казалось, у солнца не хватало сил напитать его теплом. Впрочем, в полуденную жару это было даже приятно. Поели-попили с удовольствием. Еще бы! Еда-то была из «дома под холмом». Том снабдил их с запасом, не на один день. Развьюченные и расседланные пони паслись неподалеку.

Тряска в седле, сытный ли обед, полуденное солнце, запахи нагретой земли, свободно вытянутые ноги, небо над головами — трудно сказать, какая из этих причин повлекла дальнейшие со-

бытия. Как бы там ни было, а хоббиты внезапно очнулись ото сна, о котором и не помышляли. От камня исходили волны леденящего холода, теперь он отбрасывал на восток длинную бледную тень. Солнце больного водянисто-желтого цвета едва пробивалось сквозь туман над западным краем лощины. Воздух, тяжелый и зябкий, был насквозь пропитан туманом. Невдалеке, сгрудившись и понуро опустив головы, стояли пони.

Хоббиты в панике вскочили. У них на глазах солнце кануло в бледную муть, и сразу с востока надвинулся холодный серый сумрак. Туман переливался через края лощины, стлался слоями и наконец сомкнулся у них над головами. Теперь они оказались словно в огромной зале, заполненной туманом, а камень посреди напоминал колонну. Каждый подумал о ловушке, но присутствие духа еще не совсем покинуло их. Перед глазами еще стояла дальняя полоска деревьев у Дороги, они помнили направление. В любом случае оставаться в этой коварной низине они не собирались. Быстро уложившись и даже согревшись чуть-чуть, тронулись на север. За бровкой начался такой густой туман, что скоро с волос начало капать. Холод и промозглая сырость заставили распаковать вьюк и достать плащи с капюшонами, которые, впрочем, моментально отсырели. Рискнули ехать верхом. Направление угадать было трудно, подъемы и спуски только чувствовались, но хоббиты надеялись попасть в широкие ворота противоположного выхода из долины. Выдерживая направление, они рано или поздно обязательно повстречались бы с Дорогой, но так далеко их мысли не шли.

Это была очень медленная езда. Стараясь не потерять друг друга, двигались цепью: впереди — Фродо, за ним — Сэм, потом — Пиппин и Мерри. Долина все не кончалась. Фродо начал уже всерьез беспокоиться, но тут впереди что-то зачернело, и он облегченно вздохнул. Похоже, они достигли-таки северного конца долины, а значит, Упокоища скоро останутся позади.

— Вперед! За мной! — крикнул он через плечо, поторапливая пони. Однако очень быстро надежда сменилась растерянностью, а вслед за ней не замедлил прийти и страх. Темные пятна впереди обрели контуры, уменьшились, и вот уже перед Фродо стоят, слегка клонясь друг к другу, два огромных, вытянутых вверх камня, напоминающие двери без верхней притолоки. Фродо мог поклясться, что ничего подобного в долине не было, ведь он очень внимательно разглядывал ее поутру. Тревога в душе хоббита стремительно нарастала, и все-таки он проехал меж камней. Тут же на него пала тьма, пони отчаянно заржал, сбросил Фродо и умчался прочь. Оглянувшись, Фродо не увидел никого.

— Сэм! — позвал он.— Эй, Сэм! Мерри, Пиппин! Ну где вы там застряли? — Мертвая тишина была ему ответом. В страхе он кинулся назад, отчаянно призывая друзей, и вдруг издалека

ему послышался ответный крик: «Эгей, Фродо! Эгей!». Как ни странно, крик доносился с восточной стороны, вроде бы из-за камней, возле которых остановился Фродо. Двинувшись в этом направлении, он сразу почувствовал крутой подъем. Так, карабкаясь и крича, он куда-то лез сквозь мрак и долго не слышал никакого ответа, но потом откуда-то сверху из тумана все же донеслось короткое: «Эй, Фродо!» — и вдруг туман прорезал крик «Помогите!», повторился несколько раз, перешел в протяжный плач и резко оборвался. Из последних сил Фродо заковылял вперед, но тьма вокруг сгущалась быстрее, и скоро ни в каком направлении уже нельзя было быть уверенным. А подъем все продолжался. Впрочем, ноги вскоре подсказали, что он достиг... чего? Может, вершины холма, может, гребня лощины... Усталого, взмокшего от усилий, его тем не менее начал бить озноб. И темнота кругом, хоть глаз выколи!

— Эй, ну где вы там? — закричал он в отчаянии.

Ему снова никто не ответил. Пока Фродо прислушивался, похолодало еще сильнее. Вдруг обнаружился пронизывающий ветер. Погода менялась. Ключья тумана неслись мимо. Изо рта шел пар. Тьма редела на глазах. Фродо взглянул вверх и с удивлением заметил в летящих облачных нитях две-три слабые звездочки. Ветер уже не шелестел, а посвистывал вокруг.

Фродо послышался (хотя теперь он не был уверен в этом) еще один слабый крик издали. Он пошел туда, а туман стремительно таял и вдруг исчез, как сдернутый полог, открыв высокое звездное небо. Фродо сразу сообразил, что идет на юг, а оглядевшись, обнаружил себя на вершине холма. Надо полагать, забрался он сюда с севера. Пронзительный ветер налетал с востока. Справа высилось нечто угрюмое и большое. Это был древний курган.

— Где вы? — снова крикнул Фродо сердито.

— Здесь! — ответил ему глубокий мрачный голос, шедший, казалось, из-под земли. — Здесь! Я жду тебя!

— Нет! — коснеющими от страха губами едва выговорил Фродо. Он не сделал даже попытки бежать. Ноги подкосились, и хоббит рухнул навзничь. В тишине не слышалось ни шороха, но, когда, дрожа, он взглянул вверх, над ним склонилась темная бесформенная фигура. Фродо показалось, что на него уставились холодные, освещенные бледным, невероятно далеким светом глаза, потом будто стальные тиски схватили его. Обжигающее ледяное прикосновение разом сковало мышцы и кости, и больше он ничего не помнил.

Когда вернулось сознание, тут же нахлынул ужас. В голове словно взорвалась мысль: он схвачен! пойман! Ему не выбраться из Упокоища. Он попался в лапы Нежити, и чары сковали его навеки. Не смея шевельнуться, Фродо лежал навзничь на холодном камне со сложенными на груди руками.

Великий страх, как оказалось, оставил достаточно места для мыслей, и Фродо думал о Бильбо, об их прогулках по тропинкам Шира в долгих разговорах о судьбах и приключениях. Наверное, в сердце самого обрюзгшего и робкого хоббита дремлет зерно мужества и ждет часа отчаянных испытаний, чтобы прорасти в душе. А уж Фродо никто бы не назвал робким и обрюзгшим. Бильбо (да и сам Гэндальф) полагал его лучшим хоббитом Шира (понятно, сам Фродо об этом не догадывался). Он лежал и думал о том, как быстро, бесславно и ужасно кончилось его Приключение, но — странно: мысли эти укрепили и успокоили его. Тело постепенно собиралось, словно готовясь к последнему, решительному рывку. Он уже не был слабой, беспомощной добычей.

Так, раздумывая и приходя в себя, лежал он некоторое время и вдруг заметил, что темнота вокруг редеет, а на смену ей приходит бледный призрачно-зеленоватый свет, исходящий не то от пола, не то от самого Фродо. В неверном свечении еще нельзя было разглядеть окружающее, но уже выступили контуры тел лежащих рядом друзей. Мертвенно-бледные лица, тускло-белые саваны... Вокруг громоздилось золото, но драгоценные камни не сверкали, а кольца, венцы, оружие, короны в зеленоватом сумраке выглядели холодными и отталкивающими. Фродо с удивлением смотрел на золотые обручи, охватывающие волосы хоббитов, пояса из золотых цепей поверх саванов, кольца на их пальцах. Сбоку от каждого хоббита лежал короткий меч, в ногах — щит. А еще один меч — длинный и обнаженный — лежал неподвижно на шеях всех троих.

Тишины больше не было. Где-то в отдалении возникло странное пение. Безмерно жуткий голос, то высокий и пронзительный, то утробно-низкий, переходящий в бормотание, издавал поток заунывных звуков, постепенно из-за многократного повторения складывающихся в слова. Слова злобные, тяжкие, холодные как лед, жестокие и бессердечные. Это ночь проклинала утро, никогда не наступавшее здесь, холод поносил тепло, не желавшее согреть его. Фродо почувствовал, что продрог до костей, замерз смертельно, навсегда. А голос становился все различимее, и волосы Фродо встали дыбом, когда бормотание превратилось в заклинание.

Черный камень, черный лед
Сердце холодом скует;
Будет долог черный сон.
Лишь тогда прервется он,
Когда Солнце и Звезда
Омертвеют навсегда,
И Властитель в черной мгле
Воцарится на земле!

Откуда-то из-за головы послышался скребущий, царапающийся звук. Оперевшись на руку, Фродо приподнялся и огля-

делся. Они лежали в широком каменном тоннеле, и из-за близкого поворота вытягивалась длинная костистая длань. Она подбиралась к рукояти меча возле Сэмова горла.

Поначалу Фродо показалось, что заклятье и вправду обратило его в камень. Потом пришло отчаянное желание вскочить и убежать, в нем присутствовала и мысль о Кольце, которое, наверное, помогло бы скрыться от курганной Нежити, он даже воочию увидел себя мчащимся по траве, живым и свободным, хоть и глотающим слезы нестерпимой скорби о погибших друзьях. Тут даже Гэндальфу не найти другого выхода... Но из глубины его существа уже поднималась, набирая силу, волна возмущения и отваги: он не мог бросить друзей. Еще мгновение неразумные руки нашаривали Кольцо, но уже в следующий миг сердце подчинило их своей воле, в ладонь словно сама собой скользнула и удобно легла рукоять меча, оказавшегося под боком. Фродо привстал на колени, перегнулся через тела неподвижно лежавших хоббитов и, собрав все силы, всю ненависть к подземной мерзости, ударил мечом по крадущейся руке. Отрубленная кисть упала на камни, а меч Фродо обломился у самой рукоятки. Жуткий вопль над ухом словно спугнул мертвенный свет, пала темнота, раздираемая злобным рычанием. Фродо повалился на Мерри, мимолетно поразившись холоду и костяной твердости его тела, а потом промелькнуло, вернулось и окрепло воспоминание о доме под холмом и Бомбадиле, разучивающем с ними оберегательную песню. Тут же всплыли в голове и слова. Слабым, дрожащим голоском он начал: «Бомбадил! О Бомбадил!» — и уже от одного этого произнесенного имени голос его окреп, зазвучал полнее, а своды склепа отозвались гулким эхом.

Бомбадил! О Бомбадил! Птичьим перезвоном,
Чистой каплею росы на листе зеленом,
Алым пламенем зари, неба светом синим
Заклинаем — поспеши! В горе помоги нам!

В наступившей вслед за тем тишине Фродо слышал лишь стук своего сердца, готового выпрыгнуть из груди. Бесконечно тянулось ожидание, пока, словно из невообразимой дали, но совсем ясно, легко пронизав толщу земли и каменные стены, пришел ответ:

Старый Том Бомбадил — малый симпатичный,
В цвет небес его жилет, а башмак яичный.
Глаз остер, шаг широк — Том спешит на помощь,
Звонкой песней победит и прогонит полночь!

Камни вокруг зашевелились, раздался скрежет, за ним — грохот, и поток животворного солнечного света хлынул в подземелье. Прямо напротив Фродо в ослепительно засиневшем проломе возникла голова Тома Бомбадила при шляпе с пером.

Свет скользнул по лицам хоббитов. Они не дрогнули, но мертвенная бледность на щеках растаяла, и теперь казалось, что Сэм, Мерри и Пиппин просто спят очень глубоким, покойным сном.

Том пригнулся, придержал шляпу и с песней шагнул в пролом.

Нечисть, нежить, небыль — прочь с пробужденьем света!
Сгинь, исчезни, как туман, в дуновенье ветра!
Окаянною тропой, тайной щелью черной
Уползай в гиблый край за грядою горной!
Там, где ночь темнее тьмы, на века замри ты —
Там ворота в этот мир навсегда закрыты!

Ответом ему был жалобный крик, в котором слышалась бессильная ярость. Вслед за тем обрушилась часть дальней стены. Еще один протяжный вопль растаял вдали, и наступила тишина.

— Ну-ка, дружочек Фродо, — позвал Том, — выбирайся на травку. Да помоги мне их вынести.

Вдвоем они вытащили Мерри, Пиппина и Сэма. Покидая курган, Фродо оглянулся, и ему бросилась в глаза шевелящаяся, точно раздавленный паук, отсеченная кисть. Том, беззаботно напевая, снова нырнул под землю, с грохотом повозился там и вернулся с грудой драгоценностей в руках. Золотые, серебряные, бронзовые украшения, сверкавшие дорогими каменьями, свисали до земли. На вершине кургана он разложил сокровища на солнце. Потом встал, широкий, со шляпой в руках и ветром в волосах, на фоне неба, посмотрел на распростертые у его ног тела хоббитов, поднял правую руку и произнес повелительно:

Ну-ка, слушайте меня — просыпайтесь, братцы!
Настежь дверь, тьма ушла — нечего бояться.
Черный камень ледяной в крошево расколот.
Сердце, вновь горячим стань! Прочь, могильный холод!

К великой радости Фродо, друзья его зашевелились, стали потягиваться, протирать глаза, а потом поднялись на ноги. Изумленно распахнутыми глазами они уставились сначала на Фродо, потом — на Тома, возвышавшегося над ними и основательного, словно кряжистый дуб, а потом с недоумением оглядели друг друга. Такой вид мог удивить кого угодно: в белых саванах, увенчанные и препоясанные тусклым золотом, в позвякивающих кольцах и браслетах...

— Что это за чудеса? — начал Мерри, поправляя обруч, сползший ему на один глаз. Вдруг он запнулся, тень пробежала по лицу, веки опустились. — Помню, — глухо проговорил он. — Люди из Карн Дума напали на нас в ночи. Мы были разбиты!.. Копье!.. — вскрикнул он, схватившись за грудь. Потом, помотав головой, открыл глаза. — Что это я плету? — смущенно спро-

сил он. — Сплю, что ли? Ты куда подевался, Фродо? — накинулся он на друга.

— Да, знаешь, отстал, наверное, — пробормотал Фродо, — давай не будем об этом. Подумаем лучше, что делать теперь, идти ведь надо.

— В таком виде, сударь? — с досадой прервал его Сэм. — Где моя одежа? — Он сорвал с головы обруч, швырнул в траву пояс и затряс пальцами, стряхивая кольца, озираясь по сторонам, словно надеясь отыскать припрятанную от него одежду.

— С вещами можете проститься, — посоветовал Том, танцующей походкой спускаясь с кургана. Хоббиты глядели на него, веселого и беззаботного, и страх отпускал сердца, ужас уходил и таял в солнечном свете.

— Как это? — растерянно спросил Пиппин. Сквозь недоумение на лице его проступало, при виде подпрыгивающего Бомбадила, веселое обожание. Но Том вдруг стал серьезным.

— Вы вернулись из-под сени вековечных вод, — произнес он. — Кто тонул в них и спасся, для того утрата одежды — пустяк. Радуйтесь, дружочки, отогревайте на солнышке свои продрогшие сердечки! А ну, прочь эти лохмотья! Побегайте-ка голышом по траве, а Том кое-что раздобудет для вас.

Насвистывая и напевая, он галопом умчался с холма. Фродо проводил его взглядом, прислушиваясь к незатейливым словам:

Эй-гей, вот так так!
Что-то не в порядке...

Том на бегу подбрасывал и ловил свою шляпу, пока не скрылся за пригорком. Еще раз взлетела в той стороне шляпа, еще раз донеслось против ветра «Эй-гей, вот так так...», и хоббиты остались одни.

Снова становилось жарко. Хоббиты, как было велено, побегали по траве, а потом улеглись на солнышке. Чувствовали они себя так, словно перенеслись из долгой суровой зимы в жаркий летний полдень или пролежали месяцы прикованными к постели, а потом вдруг проснулись наутро бодрыми и здоровыми.

К возвращению Тома они совершенно оправились и изрядно проголодались. Снова над холмом сперва появилась шляпа, потом — сам Том, а за ним послушной чередой семенили шесть пони. Пять были хоббитскими, а шестой, ростом почти с коня, крутобокий и упитанный, был им незнаком.

Эй-гей, вот так так,
Где же вы, лошадки?
Тут, там, там да сям —
Что-то не в порядке.
Остроух, Мудронос, Пышнохвост и Холкин,
Симпатичный Белоног и славный Толстогоркин!

Новые клички лошадкам понравились. Всю жизнь потом они охотно отзывались только на них.

— Вот ваши пони! — с шутливым поклоном представил Том. — Они, пожалуй, кое в чем поумней хозяев. И опасность почуяли, и подались в правильную сторону. Оно и понятно, будь ты хоть распрекрасный пони, а попадать в лапы к Нежити никому не охота. Да, удрали, конечно, но недалеко, и поклажу спасли.

Мерри, Пеппин и Сэм достали из вьюков запасную одежду и оделись. Правда, некоторые вещи припасены были для холодной погоды, и в них оказалось жарковато.

— А откуда взялся этот Толстогоркин? — спросил Фродо, поглаживая большого пони.

— Дружок мой четвероногий, — с нежностью в голосе ответил Том. — Ездить-то я на нем почти не езжу, вот и бродит он сам по себе на холмах. Ваши познакомились с ним у меня в стойле, а ночью учуяли и к нему прибежали. Думаю, он за ними приглядел, объяснил, что к чему, успокоил, одним словом.

— А теперь вот, Толстогоркин, — обратился он к пони, — надо нам поехать, проводить малышей до пути-дороги, так что нужен пони. Это ж не поговоришь, коль они верхами, ну а ты пешком трусишь, топаешь ногами.

Хоббиты пришли в восторг от такого провожатого и кинулись благодарить Бомбадила. Он отмахивался и кричал, что таких умелых потеряльцев и заблуждальцев еще поискать и не будет ему покоя, пока он не выдворит их за границы своего края.

— И своих-то дел не счесть, — приговаривал он, — песни да прогулки, да пригляд за страной днем и ночью нужен, Том не может под рукой быть всегда, положим, чтоб деревья открывать, малышей выуживать. Мысль о доме в голове Тома постоянно, там хозяйка ждет его, любит неустанно.

Судя по солнцу, час был ранний, не больше десяти утра. Хотелось есть. Последний раз хоббиты обедали вчера под одиноким камнем. Они дружно навалились на остатки Томовых припасов, благо он и еще принес. Еда была немудрящая (и по хоббитским понятиям, и по обстоятельствам), но, перекусив, они почувствовали себя куда лучше. Пока хоббиты усердно жевали, Том занялся сокровищами. Большинство он сложил на траве сверкающей кучей и просил полежать до времени. «Птицам, зверям ли пойдет, Эльфам или Людям. Лишь бы добрым рукам то добро досталось, тут и чарам бы конец, Нежити не стало б», — бормотал он. Из кучи Том выбрал большую брошь, усыпанную крупными голубыми камнями, и долго глядел на нее, точно вспоминая о чем-то и качая головой.

— Вот игрушка Бомбадилу, госпоже подарок, — молвил он. — В давний век эту брошь на плече носила та, что краше всех была, а теперь забыта. Златенике в ней ходить, брошь она полюбит, Тому любо посмотреть, да и память будет.

Хоббитам он подобрал каждому по клинку дивной, невиданной работы. Вынутые из ножен, они сияли на солнце, рассыпая вокруг блики. По лезвиям вились красные и золотые змейки. Металл был незнакомый, легкий и заточки необычной. Рукоятки украшали жарко горевшие каменья. Ножны ли так заботливо сохранили их, чары ли Упокоища, но время совершенно не коснулось древнего оружия.

— Будут вам вместо мечей, как раз по росту, — довольно проговорил Том. — С ними смело можете пускаться в любой путь, хоть на восток, хоть на юг, в любой мрак, на любую опасность.

Он погладил ножны и вдруг принялся рассказывать о Людях с Далекого Запада, непримиримых врагах Темного Владыки, выковавших эти клинки давным-давно. Чародей из Ангмара, Король Карн Дума победил их в ночном бою.

— Их забыли в широком мире, — бормотал Том, — а ведь некоторые из них еще бродят дорогами Среднеземья, еще странствуют сыновья забытых королей, выходят на поединок со Злом и хранят от него малые народы.

Хоббиты не все поняли, но речь Бомбадила словно снова раздвинула для них завесу времени, и перед мысленным взором прошла вереница высоких сумрачных воинов с длинными яркими мечами, а у последнего на челе сияла лучистая звезда.

Видение исчезло. Настало время трогаться в путь. Вьюки уложили, поправили сбрую, прицепили к поясам неудобные, непривычные мечи и подумали, что уж это лишнее, вряд ли понадобятся. До сих пор хоббиты не предполагали, что в Приключении дело может дойти до вооруженной стычки.

Пони свели с крутого склона в поводу, а там уж влезли в седла и затрусили по долине. На вершине кургана долго еще можно было разглядеть жарко сверкавшую на солнце груду драгоценностей, пока Упокоище не скрылось из глаз за очередным пологим склоном. Фродо вертел головой, но так и не увидел ничего похожего на вчерашние камни-ворота. Скоро путники и вовсе покинули ложбину и выбрались на простор.

Весело было ехать, поглядывая на беспечного Тома Бомбадила, объезжавшего их то справа, то слева. Толстогоркин, несмотря на свою дородность, двигался легко и быстро. Том пел или просто нес околесицу; впрочем, может, то был какой-нибудь древний язык, на редкость удобный для радости и песен.

Теперь ехали не сворачивая, но Дорога оказалась намного дальше. Даже не будь вчерашнего приключения, к вечеру им ни за что не удалось бы добраться до нее. Полоса, принятая за деревья, оказалась густым кустарником на краю глубокого рва. Том объяснил, что здесь проходила некогда граница княжества, и умолк, будто вспомнил какую-то печальную историю.

Ров пришелся поперек пути. За ним переехали остатки древней стены и повернули на север, чтобы потом начать забирать к западу. На открытой ровной местности пони прибавили шагу, но только на закате впереди и вправду показались деревья по обочинам Западной Дороги. Путники заторопились и последние фарлонги гнали пони чуть ли не галопом, пока не остановились на вершине пологого склона. В наступающих сумерках перед ними, плавно изгибаясь, уходила за горизонт Дорога. Недавно прошел дождь, и повсюду виднелись маленькие лужицы.

— Добрались наконец, — с облегчением вымолвил Фродо. — Не так уж страшно. На моей «короткой дороге» не больше двух дней потеряли. Глядишь, на пользу. Может, они со следа сбились.

Тень страха коснулась его спутников. О Всадниках успели немного забыть, а теперь, на Дороге, опасность снова поджидала за любым поворотом. Заходящее солнце мягко слепило глаза, хоббиты с беспокойством вглядывались в предстоящий путь, но Дорога лежала перед ними пустынная и равнодушная.

— Хозяин, — робко обратился Пиппин к Бомбадилу, — как ты думаешь, встретим мы их сегодня?

— Вряд ли, — ответил Бомбадил. — Не сегодня и не завтра. А впрочем, не очень-то доверяйте моим словам. Здесь они недорого стоят. Том не хозяин Всадникам из Черной Страны; край мой остался позади.

Хоббитам так хотелось, чтобы он и дальше шел с ними. Уж если кто и может справиться с этими страхолюдинами, так это их развеселый хозяин. Впереди лежали земли, о которых ничего не знали даже самые древние ширские предания. Хоббиты затосковали по дому, вдруг остро ощутив свою оторванность от родных мест. В подступающих сумерках они оставляли родину, и острое чувство утраты тяжко ложилось на сердце. Они так пригорюнились, что не сразу поняли — Том прощается с ними! Хозяин советовал не унывать и ехать до темноты не останавливаясь.

— Дальше вас поведет ваша удача. И вот еще что: миль через пять выйдете на деревню. Это — Брыль. Там под холмом издавна стоит трактир, а при нем есть гостиница. Называется «Резвый Пони», и хозяйствует там Суслень Маслютик. У него можно переночевать, а с утра пойдете своей дорогой. Держитесь посмелее, но и про осторожность не забывайте. Не вешайте нос! От своего не уйдешь, так испытайте судьбу!

В ответ на их просьбу проехаться хотя бы до трактира и выпить на прощание Бомбадил рассмеялся и замотал головой.

Здесь лежит моей земли древняя граница.
Вот и все, малыши, нам пора проститься.

Он подбросил шляпу, ловко поймал ее, вскочил в седло и, распевая, двинулся прочь.

Хоббиты, привстав на стременах, провожали его глазами.

— Жаль мне расставаться с Хозяином Бомбадилом, — сказал за всех Сэм. — Уж с ним-то мы бы точно были осторожны. Теперь, сколько ни едь, никого чуднее и лучше не встретишь. Ладно, поехали к «Резвому Пони», может, он вроде нашего «Зеленого Дракона»... Что там за народ-то живет, в этом Брыле?

— И хоббиты есть, и верзилы, — ответил Мерри. — Считай, как дома. «Пони», по всем рассказам, вполне достойное заведение. Наша родня там бывала.

— Пусть там как дома, — сдержанно произнес Фродо, — а все-таки не дом. Не забывайте, Шир остался позади. Держите язык за зубами. И запомните, пожалуйста, — никакой я вам не Сумникс, Норохолм моя фамилия.

Хоббиты тронули пони и молча въехали в вечер. Быстро стемнело, а они все тащились вверх-вниз по Дороге, пока впереди не замигали огоньки деревни. Брыльский холм медленно вырастал, заслоняя звезды, а вокруг его подножия раскинулось довольно большое поселение. Туда они и заспешили, думая только о том, как бы побыстрее отгородиться от наступающей ночи крепкой дверью.

Глава 9
«РЕЗВЫЙ ПОНИ»

На краю обширных пустынных пространств Брыль слыл самым крупным поселением. По другую сторону холма располагались Дворищи, а в лощине, еще дальше к востоку, Овражки. Неширокий пояс обжитых земель, рощ и перелесков шириной всего в несколько миль отделял деревни от раскинувшегося за ними Пустоземья.

Люди Брыля, невысокого роста, коренастые, все больше шатеновой масти, обладали нравом веселым и самостоятельным. Ни от кого они не зависели, ничьей власти не признавали, с хоббитами, гномами и эльфами ладили, тем и отличались от прочих Верзил. Их предания и легенды утверждали, будто здешние исконные обитатели — прямые потомки первых Людей, во времена оны странствовавших на запад Срединных Земель. Конечно, Древние Дни спокойными никак не назовешь, мало кто уцелел в их круговерти; однако, когда из-за Великих Морей снова вернулись Короли, они нашли Брыль на этом же месте. Там он оставался и поныне, а память о древних Королях давным-давно быльем поросла.

Ко времени нашего повествования других людских поселений так далеко к западу не было. Правда, в Пустоземье бродили какие-то странные Люди, иногда заходя и в Брыль. Там их не очень-то жаловали и немного пренебрежительно велича-

ли Скитальцами из Пустоземья. А напрасно. Высокие темноволосые Скитальцы обладали, похоже, тайным знанием, необычайным зрением и слухом, знали языки зверей и птиц. Путей их никто не ведал, встречали их и далеко на юге, и возле самых Мглистых Гор, но встречали редко — видно, было их совсем мало. Послушать их в Брыле никогда не отказывались. Скитальцы приносили новости издалека, а древние предания рассказывали так, что заслушаешься. Однако с брыльским народом никто из них дружбы не водил.

В здешних краях осело немало и хоббитских семей. Конечно, они считали себя старейшим хоббитским поселением в мире, основанным задолго до перехода Брендидуина и заселения Шира. Жили они по большей части в Дворищах, но и в самом Брыле имелась хоббитская слобода, на склонах холма, над домами людей. Переростки и Маломерки (так они звали друг друга) прекрасно уживались, занимаясь каждый своим делом и ведя их по собственному разумению, при этом оба народа считали себя исконными брыльскими жителями. Во всем Среднеземье это был, пожалуй, единственный пример такого согласного жития.

Брыльчане жили основательно, ветер дальних странствий не пел им песен, а событий в окрестных деревнях вполне хватало, чтобы почесать языки в трактире. Если брыльские хоббиты нет-нет да навещали Шир, в особенности Восточную Четь, ту, что поближе, то хоббиты из Шира бывали в Брыле очень редко (а всего пути-то от Брендидуинского Моста — один день). Случалось, кто-нибудь из Скоков или какой-нибудь бесшабашный Тук останавливался в «Резвом Пони» на пару ночей, но в последнее время и это происходило все реже и реже. В Шире брыльчан считали заблудшими недотепами (как, впрочем, и всех, живших за его пределами) и полагали не стоящими внимания. Спору нет, попадается и среди хоббитов голь перекатная, бродяги, способные вырыть нору в любом склоне, а потом бросить ее и сорваться с места, но в Брыле-то хоббиты жили вполне порядочные и респектабельные, ничем не уступающие обитателям Шира. Впрочем, времена, когда между Брылем и Заскочьем связи были куда более прочные, еще не забылись. Брендискоки и вовсе приходились родней некоторым брыльчанам.

В Брыле насчитывалось несколько сотен каменных домов Верзил. Деревню окружал ров, а дорога перекрывалась оградой с воротами, запиравшимися на ночь. Возле ворот имелась сторожка привратника. Вторые ворота располагались на южном выходе из деревни.

Посреди селения издавна стояла большая гостиница с трактиром. Судя по размерам, ставили ее в те времена, когда движение на Дороге носило куда более оживленный характер.

Брыль-то располагался на древнем перепутье, и в прежние дни здесь собиралась самая разнообразная публика. «Чуднее, чем брыльские вести», долго говорили в Восточной Чети, вспоминая времена, когда в «Резвый Пони» стекались новости со всех сторон и ширские хоббиты специально наведывались сюда за этим товаром. Теперь же Север давно обезлюдел, Северная Дорога зарастала, и брыльчане недаром звали ее Зеленопутьем. А гостинице что сделается? Она так и стояла при Дороге, и владелец ее почитался важной персоной. Здесь сходились все окрестные болтуны и бездельники, имелись комнаты на любой вкус: и для бродяг из Пустоземья, и для гномов, все еще проходивших порой к Горам и обратно.

Когда Фродо со спутниками подошли к деревне, было уже темно и в небе высыпали яркие звезды. У ворот пришлось стучать. Привратник с фонарем глянул в окошечко.

— Куда вас несет? Чего надо? — не очень-то любезно осведомился он.

— Идем на восток. Надо гостиницу, — в тон ему ответил Фродо.

— О! Хоббиты! Аж четверо. И по разговору — из самого Шира, — бурчал привратник, внимательно их разглядывая, потом неспешно открыл ворота и впустил их. — Ширские гости у нас в диковинку, — продолжал он. — И зачем это вам на восток? Как звать-величать, опять же интересно.

— Что за дела да как звать — про то нам знать. — Фродо не нравился привратник и его вопросы.

— Дык кто ж говорит, — согласился человек, — дела-то ваши мне без надобности, а вот прозвание выяснить — тут уж, извините, моя забота, с меня спрос.

Теперь вмешался Мерри:

— Что непонятно? Хоббиты из Заскочья идут на восток и хотят остановиться в гостинице. Я — Мериадок Брендискок. Хватит вам этого? Мне рассказывали, в Брыле путешественникам всегда рады.

— А кто ж спорит, — благодушно замахал руками привратник. — Я ведь к тому, что вы в «Пони» не единственные гости сегодня. Народу там полно, и разного. Все равно расспрашивать будут.

Он пожелал им доброй ночи, и они распрощались. Обернувшись через минуту, Фродо увидел, что привратник стоит у раскрытых ворот, внимательно глядя им вслед. Потом ворота стукнули, закрываясь, и Фродо вздохнул с облегчением. Он принялся гадать, чего хотел привратник. Может, кто уже спрашивал про них? Кто? Гэндальф? Маг вполне мог обогнать караван, пока они шарахались по Древлепуще да Упокоищам. И все-таки что-то во взгляде ли привратника, в тоне ли его настораживало.

Человек же у ворот еще раз поглядел вслед хоббитам и вернулся в сторожку. Стоило ему скрыться за дверью, как через стену бесшумно и ловко перемахнула высокая темная фигура и мигом растворилась в уличной тени.

Хоббиты проехали вверх по Дороге, миновали несколько домов и остановились у гостиницы. Сэм глянул на трехэтажный дом со множеством окон, и сердце у него упало. В пути он не раз представлял себе встречу с великанами или еще с кем пострашнее, но сейчас, в конце утомительного дня, при виде здешних высоченных домов ему стало совсем худо, а воображение быстренько дорисовало стоящих в гостиничном дворе злобных черных коней и Всадников, наблюдающих за путниками из верхних окон.

— Мы же не будем тут ночевать? — вырвалось у него. — Здесь ведь хоббиты есть, может кто нас примет? Оно бы лучше было...

— Чем тебе плоха гостиница? — устало спросил Фродо. — Думаю, там внутри уютно. И Бомбадил ее советовал.

Дом, впрочем, если присмотреться, выглядел приятно. Фасадом он выходил на Дорогу, а два боковых флигеля врезались в холм, так что окна вторых этажей почти сравнялись с землей. Во двор проходили под широкой аркой, а за ней виднелось высокое крыльцо. Из открытых дверей лился свет. Большая вывеска над аркой, освещенная фонарем, извещала: «Резвый Пони. Суслень Маслютик».

Пока они топтались перед входом, внутри затянули веселую песню, сразу подхваченную множеством голосов. Хоббиты немножко послушали и спешились. Песня окончилась под взрывы смеха и хлопки ладоней. Тогда они оставили пони во дворе, а сами поднялись на крыльцо. Фродо шел первым. На пороге он чуть не столкнулся с невысоким толстым человеком в белом фартуке, лысым и краснощеким.

— Не могли бы мы... — начал Фродо.

— Полминутки, с вашего позволения, — крикнул человек и живо нырнул в дым и гомон голосов. Полминутки еще только начались, а он уже выскочил обратно, вытирая руки о фартук. — Добрый вечер, сударь! — доброжелательно приветствовал он Фродо, низко кланяясь. — Чего изволите?

— Ночлег для четверых хоббитов и пяти пони, пожалуйста. Не вы ли будете господин Маслютик?

— Ваша правда, сударь. А звать — Суслень. Суслень Маслютик — к вашим услугам. А вы не из Шира ли будете? — Вдруг он хлопнул себя по лбу. — Хоббиты! Что же это мне напоминает? — мучительно скривился он. — А имена ваши, простите?

— Господа Тук и Брендискок, — представил Фродо. — Это — Сэм Гэмджи. Мое имя — Норохолм.

— Во! Счас! — прищелкнул пальцами хозяин. — Не! Опять упустил! Ладно, авось вспомню, как минутка выпадет. Совсем с ног сбился, но для вас придумаю что-нибудь. Непременно. Нечасто нынче встретишь компанию аж из самого Шира. Достойна наилучшего приема. Извините. Расстараемся. Как на беду, такой наплыв сегодня, какого давно не было. То ни дождинки, а то как из ведра, это у нас так говорят. Эй, Ноб! — завопил он. — Где ты там, кляча мохноногая? Ноб!

— Иду, сударь, иду! — Из-за двери возник молодой веселый хоббит и встал на пороге, уставившись на гостей во все глаза.

— Где Боб? — накинулся на него хозяин. — Живо отыщи мне его. Я же не таракан, у меня только две ноги! Найдешь Боба, скажешь: во дворе пять пони дожидаются, пусть пристроит. Живо! Поворачивайся!

Ноб подмигнул хоббитам и метнулся прочь.

— Так, так, так, — частил Маслютик. — Что, бишь, я хотел сказать? А, да! Все одно к одному. Тут компания с Зеленопутья вчера ночью подошла, что само по себе странно. А нынче вечером гномы заявились — здрасьте! Путешествуют на Запад, видишь ли. Ну и вы теперь. Кабы не хоббиты, прям и не знал бы, куда деваться. Да по счастью, есть у меня парочка комнат в северном флигеле. Для хоббитов и держим. Все как вы любите. И окошки круглые, и этаж почти первый. Надеюсь, вам удобно будет. Ужин ведь тоже закажете? Не извольте беспокоиться, готов будет моментально. А теперь сюда прошу!

Вслед за хозяином они прошли по коридору и остановились перед круглой дверью.

— Вот, — сказал Маслютик, отпирая ее. — Надеюсь, подойдет. А сейчас — извините, побегу. Столько дел — поговорить некогда. Кручусь, кручусь, а вот не худею. Я еще загляну попозже. Если понадобится, звякните в колокольчик, Ноб придет. А не придет — кричите, не стесняйтесь!

Когда он наконец умчался, голова у хоббитов уже пошла кругом. Хозяин мог заговорить кого угодно. Путники огляделись. Они были в небольшой уютной комнате. Перед камином, загруженным дровами, стояли кресла. Стол накрыт белой скатертью. А на столе — большой ручной колокольчик. Однако Ноб возник на пороге задолго до того, как они собрались позвонить. Он принес свечи и посуду к ужину.

— Что пить закажете, господа? — спросил он. — Пока ужин готовится, пожалуйте, покажу вам спальни.

Только хоббиты умылись и погрузились в изучение содержимого солидных глиняных кружек, как явились Маслютик с Нобом и в четыре руки споро накрыли на стол. Тут же возникли суп, холодное мясо, хлеб недавней выпечки, черничный пирог, полголовки зрелого сыра — еда простая, но основательная, ничуть не хуже, чем дома, что окончательно примирило

Сэма (он уже и после пива готов был примириться) с местными порядками. Хозяин еще покрутился вокруг и собрался бежать дальше. Возле двери он задержался.

— Как отужинаете, может, к гостям надумаете спуститься, — предложил он. — Хотя с дороги-то, может, и спать решите. А придете — будем рады. Знаете, из Шира редко кто теперь приходит, интересно бы новости послушать, историю там какую или песенку. Одним словом, как хотите.

В конце ужина (три четверти часа, не отвлекаясь по пустякам) настроение хоббитов существенно поправилось, причем настолько, что Фродо, Пиппин и Сэм решили присоединиться к гостям в зале. Мерри их не поддержал.

— Посижу тут, у огня, а попозже, может, выйду подышать, — сказал он. — Вы там поосторожнее. Про наш уход ведь не знают еще, а здесь — Дорога, и от Шира недалеко.

— Да ладно! — отмахнулся Пиппин. — Сам смотри не заблудись. Места-то незнакомые. По мне, так лучше за дверьми сидеть. Спокойнее.

В большой зале компания и правда собралась весьма разношерстная. В камине полыхали смолистые поленья, а под потолком горели три лампы, но света не хватало. В зале было крепко накурено. Возле камина Суслень Маслютик беседовал с двумя гномами, рядом стояли два-три человека. На лавках сидели вперемешку и люди из местных, и местные же хоббиты, еще несколько гномов и прочий люд, которого не разглядеть было в полумраке.

Наших хоббитов встретил приветственный гул голосов. Чужаки, пришедшие Зеленопутьем, тут же с любопытством уставились на них. Хозяин представил местным вновь прибывших и с такой скоростью протараторил имена присутствующих, что хоббиты хоть и расслышали, но понять, кто есть кто, конечно, не успели. В Брыле, похоже, в ходу были все больше имена растительного происхождения, для ширских хоббитов звучавшие странновато. Так, например, названы были Тростинник и Каприфоль, Верескун и Дичок, Шерепей и Хвощ (не забудем и самого Маслютика), несколько Кувшинников и прочие. Были и вполне обычные имена, всякие там Скручи, Бобровники, Долгоноры, Пескодралы и Заройниксы. Их и в Шире немало было. Нашлись даже трое Норохолмов из Дворищ. Они в толк не могли взять, как могут разные Норохолмы не быть в родстве, и со всей душой приняли Фродо за потерявшегося родственника.

Вообще дружелюбия и любопытства брыльским хоббитам занимать не приходилось. Фродо волей-неволей пришлось объясниться. Он выдал себя за ученого, интересующегося историей и географией (сидящие истово кивали, хотя оба слова слышали скорее всего впервые). Далее Фродо поведал о на-

мерении написать книгу (присутствующие округлили глаза) о хоббитах, живущих за пределами Шира, и с этой целью он, Фродо Норохолм, с друзьями предпринял путешествие на Восток.

Что тут началось! В течение нескольких минут на него обрушилось столько сведений, что, пиши он и в самом деле книгу, материала хватило бы на несколько глав. А чтобы не показалось мало, в довершение ему продиктовали список лиц, вполне сведущих в данном вопросе. Начинался он все тем же Маслютиком. Кажется, собравшиеся были несколько разочарованы, сообразив, что книгу писать будут не прямо сейчас, и тогда стали расспрашивать просто о ширских делах. Фродо рассказывал вяло и скоро был оставлен в покое в уголке, откуда удобно было и смотреть, и слушать.

Люди и гномы рассуждали о событиях и новостях, которые давно уже новостями не были. О том, что на Юге неспокойно, знали и так. Люди, пришедшие Зеленопутьем, как раз и ушли оттуда поискать местечка потише. В Брыле сочувствовали, но приютить не рвались. Один из пришедших, противный косоглазый тип, пророчил в скором времени чуть ли не переселение на север. «Ежели им места не найдется,— горлопанил он,— так они его сами отыщут. Почемуй-то они должны жить хуже других-прочих!» Местные слушали и значительно переглядывались.

Хоббитов это не касалось. Вряд ли Верзилы польстятся на хоббичьи норы. Они развесив уши слушали разошедшегося Пиппина, веселившего компанию за большим столом рассказом о рухнувшей крыше в Микорытах. Фродо, знавший историю наизусть, улыбался, но скоро ему пришлось жарко. Один из местных хоббитов, не раз бывавший в Шире, вцепился в него как клещ, выпытывая, где же это живут Норохолмы и с кем они пребывают в родстве. Кое-как удалось от него отбиться.

Затем Фродо заинтересовал высокий человек, не то вольный бродяга, не то опытный путешественник. Он сидел в темном углу перед большой пивной кружкой, курил длинную, покрытую затейливой резьбой трубку и внимательно прислушивался к хоббичьей болтовне. Ноги он вытянул, как сделал бы любой усталый человек, и Фродо бросились в глаза высокие сапоги хорошей выделки, изрядно поношенные и заляпанные свежей грязью. В зале было тепло, но незнакомец не снял дорожного темно-зеленого плаща, больше того, даже капюшон надвинул — только глаза поблескивали, и все в сторону хоббитов.

— Кто таков? — улучив момент, шепнул Фродо Маслютику.— Не помню, чтобы его представляли.

— Этого? — шепнул в ответ хозяин, не поворачивая головы, только глаза скосил.— Я и сам толком не знаю. Одни из

этих... мы их Скитальцами зовем. Бывает здесь. Молчун. Слова из него не вытянешь. Иногда исчезнет на месяц, иногда — на год. Прошлой весной частенько захаживал, а с тех пор, почитай, и не видал я его. Имени настоящего никогда не слыхал. Колобродом кличут. Шастает на своих ходулях, а по каким делам — неведомо. Да ведь у нас как говорят: «Что запад, что восток — какой с них прок». Это, значит, про Скитальцев и про Шир тоже, прощения прошу. Забавно, что вы про него спросили...

Тут хозяина позвали, требуя еще пива, и он умчался, так и не сказав, что же забавного он нашел в вопросе Фродо.

Фродо встретился взглядом с Колобродом. Тот, видно, догадался, что речь идет о нем, а может, просто так на хоббита глядел. Он приветливо кивнул Фродо и жестом пригласил подсесть к нему. Фродо нехотя подошел. Бродяга откинул капюшон, обнажив давно не стриженную шевелюру, обильно тронутую сединой. Внимательные серые глаза в упор взглянули на хоббита.

— Здесь меня называют Колобродом, — тихо произнес он. — Рад познакомиться с вами, господин Норохолм. Я правильно расслышал, как вас Маслютик назвал?

— Правильно, — сдержанно кивнул Фродо. Под пристальным взглядом твердых серых глаз он чувствовал себя неуютно.

— Господин Норохолм, — веско произнес Колоброд, — я бы на вашем месте попридержал ваших друзей. Они много говорят. Пиво, камелек, вопросы — это все понятно. Но здесь не Шир. Совсем не Шир. И народ здесь разный. Не мне бы говорить, понимаю, — остановил он возражение Фродо, — но сегодня вслед за вами через Брыль прошли еще более странные прохожие. — Говоря это, бродяга ни на миг не отводил взгляда от лица хоббита.

Фродо смешался, но промолчал. Молчал и Колоброд; подавшись вперед, он внимательно слушал Пиппина. Фродо тоже прислушался и чуть не вскочил. Окрыленный успехом истории про крышу, бравый Тук взахлеб рассказывал о знаменитом дне рождения и дошел уже до Прощальной речи. Вот-вот должен был прозвучать рассказ об исчезновении.

Фродо топнул ногой с досады. Конечно, для большинства здешних хоббитов история была как история, мало ли баек ходит про чудаков из-за реки. Но тот же Маслютик, впитывающий всякие слухи как губка, кое-что наверняка слыхал. Всплыла бы фамилия Сумниксов, а этого никак не хотелось. Фродо заерзал, не зная, как быть. А Пиппин, возбужденный всеобщим вниманием, вошел в раж и совершенно забыл об опасности. Фродо в ужасе понял, что Пиппина понесло, в таком состоянии он и про Кольцо ляпнуть может! Тогда все погибло!

— Лучше бы вам вмешаться, — быстро шепнул ему Колоброд.

Фродо вскочил на стол и заговорил. Слушатели Пиппина тут же отвлеклись и переключились на Фродо. Кое-кто засмеялся, кто-то захлопал, решив, что господин Норохолм уже заложил за воротник и стал поразговорчивее.

Фродо нес околесицу, сгорая от стыда, и машинально нашаривал в кармане Кольцо, как часто делал в затруднительных ситуациях. Вдруг он подумал, что самым простым выходом было бы надеть Кольцо и исчезнуть. Тут же его охватило сильнейшее желание так и поступить. Оно словно накатило откуда-то со стороны. Он отчаянно сопротивлялся искушению, сжав Кольцо в кулаке, чтобы не дать ему выкинуть какой-нибудь фортель. Рассчитывать на порыв вдохновения больше не приходилось. Сначала Фродо произнес несколько «приличествующих слов», как это водится в Шире. Что-то вроде «все мы очень благодарны хозяевам за оказанный прием, и смею надеяться, мой короткий визит послужит возобновлению утраченных уз древней дружбы, связывающей Брыль с Широм»... Он запутался и не нашел ничего лучшего, как закашляться. Множество глаз были устремлены на него.

— Песню! — потребовал кто-то из хоббитов.

— Песню, песню! — поддержали остальные. — Что-нибудь новенькое, чего раньше не слышали!

Фродо так растерялся, что затянул песенку, которую любил и которой весьма гордился Бильбо (слова были его собственные). Там речь как раз шла о трактире, может, поэтому Фродо ее и вспомнил.

Стоит под горкою трактир,
И как-то вечерком
Туда один Мужик-с-Луны,
Надев парадные штаны,
Спустился за пивком.

Там жил весьма пушистый кот,
Заядлый музыкант.
Он арфу брал (с одной струной)
И пел (особенно весной),
Светясь, как бриллиант.

Там жил весьма облезлый пес,
Забавник и шутник.
Он проползал в гостиный зал
И ножки стульев отгрызал
В один прекрасный миг.

Еще корова там жила —
Надменная весьма.
Но если только где-то вдруг
Заслышит музыкальный звук —
То пляшет без ума.

И ложка с вилкой были там —
Весьма из серебра!
А это вовсе не пустяк —
Полировать их так и сяк
С утра и до утра.

Мужик-с-Луны глотнул чуток,
А кот пошел орать,
И вилка с ложкой — за столом,
И та, с рогами, — за окном,
И пес — пошли плясать.

Как вдруг корова в небо — прыг!
Не в склад и невпопад.
Прошла вприсядку по Луне,
Собой довольная вполне,
И прямиком назад.

Мужик-с-Луны еще хлебнул
И бухнулся под стул
И захрапел среди котлет.
Тем временем пришел рассвет,
А парень-то уснул!

Коту трактирщик говорит:
— Такие, брат, дела!
Мужик-с-Луны изрядно спит,
А белый лунный конь стоит,
Кусая удила!

И псу хозяин говорит:
— Послушай, дорогой!
Так солнце слопает Луну,
А мы имеем лишь одну,
И не бывать другой!

И он корове говорит:
— Любезная мадам!
Беднягу нужно разбудить,
А то неловко может быть
Всем нам, а также вам!

И вилке с ложкой говорит:
— Послушайте, прибор!
Когда мы все раскроем рты
(разнообразной чистоты),
То выйдет славный хор!

И сам себе он говорит:
— Мы все утомлены.
Но спать геройски не пойдем,
Пока на место не вернем
Вот этого с Луны!

И все они раскрыли рты,
И вышел мык и мяв,
И тявк, и звяк из серебра.
Мужик-с-Луны пришел в себя
И понял, что не прав.

Он быстро закатил Луну
(Что было очень мило),
И спать пошел весь коллектив,
Немало этим возмутив
Взошедшее светило.

Ему долго и громко хлопали. Голос у Фродо был неплохой, и песенка пришлась по вкусу.

— Где там старина Маслютик? — кричали из зала. — Пусть послушает. Эй, Боб, выучи своего кота бренчать, а мы потом попляшем.

Все пропустили по кружке и принялись требовать: «Повторить! Повторить просим! Еще разок!»

Фродо тоже отхлебнул, собрался с духом и запел. Теперь ему подпевали: мотив-то был пустяковый, а слова легко запоминались. Теперь уже Фродо, как недавно Пиппин, почувствовав себя в центре внимания, разошелся не на шутку. Он корчил рожи по ходу песни, подпрыгивал на столе и, пожалуй, переусердствовал немножко, подпрыгнув на словах «Как вдруг корова в небо — прыг!» чуть выше, чем следовало. Приземлился он прямо в поднос, полный пустых пивных кружек, поскользнулся и в звоне и грохоте свалился со стола. Слушатели привстали, уже готовые повалиться от хохота, и... застыли с раскрытыми ртами и выпученными глазами. Певец-то исчез, словно сквозь пол провалился, и дырки не оставил!

Местные хоббиты поморгали недоуменно и дружно принялись звать Маслютика. Вокруг Сэма и Пиппина сразу образовалось пустое пространство. На них поглядывали издали мрачно и недоверчиво, как, впрочем, и следовало глядеть на сообщников странствующего чародея, от которого неизвестно чего ждать. А вот один местный, смуглый, посмотрел на них с пониманием, слегка насмешливо, и не торопясь вышел вон. Сразу вслед за ним снялся и косоглазый южанин. Между прочим, парочка эта весь вечер шушукалась за дальним столиком. Ушел с ними и привратник Гарри.

Фродо чувствовал себя дурак дураком. Совершенно потерявшись от необходимости что-либо предпринять, он прополз под столами в угол к Колоброду. Тот сидел не двигаясь, и по нему невозможно было сказать, как он относится к происшедшему. Фродо влез на стул и снял Кольцо. Случай поверг в недоумение его самого. Да, наверное, он трогал Кольцо, когда пел, а потом... похоже, потом, когда он попытался взмахнуть рукой, теряя равновесие, Кольцо случайно скользнуло на па-

лец. Это еще вопрос: случайно ли? Уж не решило ли оно показаться кому-то, чья воля ощущалась здесь, в зале? Очень подозрительный вид был у троицы, покинувшей трактир.

— Ну? — сумрачно спросил Колоброд, когда Фродо возник снова. — И зачем это вам понадобилось? Болтовня ваших приятелей в тысячу раз безобиднее. Можно сказать, вляпались обеими ногами. А может, пальцем?

— Что это вы говорите, не понимаю я, — раздосадованный и испуганный, ответил Фродо.

— Да уж что тут понимать! — проворчал Колоброд. — Ладно, подождем, пока все уляжется. А потом нам, с вашего позволения, господин *Сумникс*, надо бы поговорить по секрету.

— О чем это? — обеспокоенно спросил Фродо, даже не заметив, что его назвали настоящим именем.

— О вещах, важных для нас обоих, — глядя в глаза Фродо, веско произнес Колоброд. — У вас есть возможность узнать кое-что полезное для себя.

— Хорошо, — нервно буркнул Фродо. — Поговорим... после.

У камина шло бурное выяснение обстоятельств происшествия. Появившийся Маслютик честно пытался вникнуть одновременно в рассказы нескольких очевидцев, очевидно противоречащие друг другу.

— Да я сам видел, господин Маслютик, — горячился один хоббит. — То я вот его видел, а то — не увидел. Ну просто взял — и в чистом воздухе растаял.

— Да как же это может быть, господин Кувшинник? — увещевал его хозяин, сам, впрочем, несколько растерянный.

— А вот и может! — не сдавался Кувшинник. — Тьфу, пропасть! Да почему — может? Так оно и было!

— Да ведь не могло же быть! — мотал головой Маслютик. — Вспомните, господин-то Норохолм в теле, как это ему в чистом воздухе таять? А и в нечистом, как у нас здесь, все одно, не с руки!

— Так куда ж он делся? — взорвались сразу несколько голосов.

— Почем мне знать? Может деваться куда угодно, лишь бы по утрам за постой платил. Вот же, пожалуйста, господин Тук сидит, никуда не исчезает.

— Я что видел, то видел, а чего не видел — о том врать не стану, — упрямо твердил Кувшинник.

— Воля ваша, недоразумение здесь какое-то, — бормотал хозяин, быстро собирая на поднос осколки посуды.

— Конечно недоразумение! — решился подать голос Фродо. — Никуда я не исчезал. Вот он я! Просто решил с Колобродом поговорить.

Он вышел из темного угла на свет. Народ отпрянул. Его появление взволновало посетителей не меньше, чем исчезновение. Объяснения Фродо про падение и путь под столами до

стены никого не удовлетворили, и возмущенная публика валом повалила из трактира. Веселье как ветром сдуло. Местные, выходя, недобро поглядывали на Фродо и бубнили меж собой. Скоро и гномы, а вслед за ними и люди с юга поднялись, пожелали доброй ночи хозяину (словно не заметив Фродо с друзьями) и ушли. В зале остался сидеть над кружкой с пивом только Колоброд.

Нельзя сказать, что хозяина расстроило происшествие. Разговоров теперь хватит на много вечеров, а значит, в трактире яблоку негде будет упасть.

— Что это вы натворили тут, господин Нороxолм? — укоризненно обратился он к Фродо. — Клиентов моих распугали, посуду вот расколотили прыжками своими...

— Я весьма сожалею о причиненном беспокойстве, — покраснел Фродо. — Я не хотел. Просто такой несчастный случай. Запишите в счет.

— Хорошо, хорошо, сударь. Но если в другой раз надумаете кувыркаться или там поколдовать немножко, а может, еще чем таким заняться, вы уж предупреждайте народ заранее, а главное — меня не забудьте в известность поставить. У нас тут всякие странности не очень жалуют и к новым штучкам не вдруг привыкают.

— Я вам обещаю, господин Маслютик, больше ничего такого не будет. Мы сейчас спать пойдем, завтра хотим выйти пораньше. Вы бы не взяли на себя труд приготовить наших пони часам, скажем, к восьми?

— Непременно, непременно! — заверил хозяин. — Только пока вы здесь, мне бы поговорить с вами надо, господин Нороxолм. С глазу на глаз, — добавил после маленькой паузы хозяин. — Вспомнил я кое-что. Думаю, важное для вас. Вот загляну кое-куда и, с вашего позволения, к вам зайду. Не возражаете?

— Буду рад, — с улыбкой сказал Фродо, но сердце у него упало. «Уморят они меня своими разговорами! Сговорились, что ли?» — подумал он и с подозрением взглянул на хозяина, ожидая заметить на добродушной круглой физиономии следы коварных замыслов.

Глава 10
КОЛОБРОД

Хоббиты вернулись к себе в комнату. Там не было ни света, ни Мерри. Камин почти догорел. Пришлось раздувать угли, подкладывать поленья, и, только когда света прибавилось, в комнате обнаружился Колоброд. Он преспокойно посиживал в кресле возле двери.

— Приветик! — воскликнул Пиппин. — Ты кто такой? Тебе что надо?

— Называют меня Колобродом,— спокойно ответил бродяга.— Ваш друг обещал мне разговор, а потом, видно, забыл об этом.

— У вас есть для меня какие-то полезные сведения,— устало прикрыв глаза, вспомнил Фродо.— Ладно. Выкладывайте.

— Не задаром.

— Что?! — Фродо уставился на бродягу, раздумывая, не ослышался ли он.

— Что вас так удивляет? — поинтересовался поздний гость.— У меня есть что сказать вам. Даже добрый совет припасен. А за это я хочу получить вознаграждение.

— И сколько? — холодно спросил Фродо. Он и впрямь успокоился, сообразив, что имеет дело с вымогателем. Вот только денег он взял с собой маловато, а лишних и вовсе не было.

— Я вас не разорю,— словно прочитав мысли хоббита, раздельно проговорил бродяга.— Моя цена такая: я пойду с вами и буду идти, пока сочту нужным.

— С какой это стати?! — Фродо все-таки не сдержал удивления.— Уж если мне понадобится попутчик, вряд ли я возьму его в компанию, не разузнав как следует, кто он таков и чем занимается.

— Прекрасно! — одобрил Колоброд, поудобнее устраиваясь в кресле.— Может быть, вы наконец придете в себя и перестанете делать глупости. Их и так совершено немало. Впрочем, к делу! Я расскажу кое-что, а вы уж сами решайте, сколько оно стоит. Благодарить можете потом.

— Посмотрим,— буркнул Фродо,— не тяните. Что вам известно?

— О! Мне известно великое множество самых разных мрачных историй,— зловеще промолвил бродяга.— Есть среди них и ваша...— Он резко поднялся, беззвучно шагнул к двери и распахнул ее. Выглянул в коридор, прислушался и тихо прикрыл снова.— У меня чуткий слух,— сообщил он опешившим хоббитам.— Исчезать я, правда, не умею, но осторожную дичь выслеживал не раз, а тут уж волей-неволей научишься быть незаметным. Так вот, нынче вечером я был на Дороге, недалеко отсюда, к западу от Брыля. И надо же такому случиться, как раз в это время от Упокоищ на Дорогу вышла четверка хоббитов. О чем они там говорили со стариной Бомбадилом, рассказывать неинтересно, а вот слова одного из них мне запомнились. «Не забудьте,— поучал он остальных,— я теперь никакой не Сумникс, я теперь — Норохолм». Из любопытства я решил посмотреть на продолжение этих тайных дел и перемахнул через стену вслед за вами. Вполне допускаю, что у господина Сумникса имеются серьезные основания отказаться от своей фамилии. Но в этом случае дальнейшее поведение его и его друзей кажется мне неосторожным.

— Кому какое дело в Брыле до моего имени! — сердито сказал Фродо. — А самое главное, вас-то оно почему интересует? Вполне допускаю, что у господина Колоброда имеются серьезные основания для выслеживания и подслушивания. Но в этом случае хорошо бы ему объясниться.

— Прекрасно сказано, сударь! — рассмеялся Колоброд. — Но объяснять тут нечего: мне нужно было как можно скорее найти хоббита по имени Фродо Сумникс. Это связано с тайной, унесенной им из Шира, с тайной, напрямую касающейся меня и моих друзей. Стоп! — воскликнул он, останавливая вскочивших хоббитов. — Вы не поняли меня. Мне не впервой обращаться с тайнами, и я умею это делать поосторожнее вас. — Он наклонился вперед и произнес, понизив голов: — Черные Всадники проходили через Брыль. Еще в понедельник один из них пришел с Зеленопутья, а позже с юга подошел второй.

В комнате стало очень тихо. Наконец, после долгого молчания, Фродо виновато сказал друзьям:

— Верно. По привратнику можно было догадаться. Да и хозяин что-то почуял. Как он к гостям зазывал, а? Влипли мы. Нет бы сидеть себе тихо и носа не высовывать...

— Что верно, то верно, — подал голос Колоброд. — Я пытался предупредить вас, но хозяин не пустил. Даже записки не взял.

— Вы думаете, он... — вопросительно протянул Фродо.

— Нет. О старом Маслютике я ничего плохого не думаю, — решительно возразил Колоброд. — Просто он не жалует всяких подозрительных бродяг и проходимцев вроде меня. — Он перехватил удивленный взгляд Фродо и пояснил с кривой усмешкой: — Вид-то у меня и правда в самый раз для разбойника. Впрочем, надеюсь, нам доведется познакомиться поближе; может быть, тогда вы мне объясните, что же произошло в конце вашего сольного выступления. Эта неудачная шутка...

— Да ерунда! Чистая случайность! — горячо перебил Фродо.

— Интересно, — покачал головой Колоброд. — Случайность, значит? Довольно опасная, должен вам сказать.

— А-а! — махнул рукой Фродо. — Опасностью больше, опасностью меньше... Я знаю, что по моему следу шли Всадники. Но теперь-то они его потеряли. Может даже, и убрались восвояси.

— А вот на это не надейтесь! — сказал как отрезал Колоброд. — Они скоро вернутся. Но теперь их будет больше. Я знаю сколько. Я много о них знаю.

Он замолчал, и Фродо заметил, каким холодным и тяжелым сделался взгляд серых глаз.

— В Брыле не стоит доверять всем подряд. Один Билл Хвощ чего стоит. Здесь у него неважная репутация, а у гостей,

бывающих в его доме, тем более. Помните, смуглый такой, ухмыляется гнусно? С ним еще южанин был, и ушли они сразу после вашей «случайности». Южанам вообще доверять не следует. А Хвощ вполне способен продать кому угодно что угодно. Может и бескорыстно напакостить.

— А что ему продавать? И при чем тут моя оплошность? — Фродо упорно не желал понимать намеков.

— Что продавать? — усмехнулся Колоброд. — А новости? Новости о вашем появлении. Кое-кому рассказ о вашем представлении может показаться весьма интересным. Тут уж никакая придуманная фамилия не поможет. Не будь я Колоброд, если эти интересующиеся не услышат рассказ о сегодняшнем вечере еще до утра. Хватит с вас? Тогда решайте, стоят ли мои слова того, чтобы взять меня в проводники. Конечно, можете отказаться, но учтите на всякий случай — я знаю края от Шира до Мглистых Гор наизусть и пользу вам принесу немалую. Много лет пришлось мне бродить там. Я старше, чем могу показаться. Учтите — после сегодняшней ночи о Дороге придется забыть. Всадники глаз с нее не спустят. Даже если удастся выбраться из Брыля незамеченными, далеко вам не уйти. Хотите встретиться с ними в глуши, где и помощи ждать неоткуда? Хотите? Черные Всадники — это сам ужас!

Хоббиты уже некоторое время с удивлением смотрели на ночного посетителя и заметили, как по его лицу прошла словно судорога страдания, а руки с силой впились в подлокотники кресла. В комнате стояла звенящая тишина. Камин почти не давал света. Еще некоторое время Колоброд сидел погруженный в себя — может, бродил по дорогам памяти, а может, вслушивался в дальние звуки ночи, а потом, проведя рукой по глазам, воскликнул:

— Да! Я знаю о ваших преследователях куда больше вашего. Вы боитесь их, но боитесь недостаточно. Завтра вам придется уходить, хотите вы этого или нет. Колоброд может провести вас нехожеными тропами. Ну как, берете вы его в попутчики?

Снова повисло тяжелое молчание. Мысли Фродо метались, сомнения и страхи одолевали его. Сэм, насупясь, поглядывал на хозяина, а потом не выдержал.

— С вашего позволения, сударь, — сверкая глазами, обратился он к Фродо, — я бы ни в жизнь его не взял. Он ведь как, Колоброд-то! Все предупреждает, предостерегает все. Тут я с ним согласен. Опасаться надо. А кого? Не с него ли, Колоброда, начинать? Явился он из Пустоземья, а я про тамошний народ отродясь доброго слова не слыхал. Знает много, это верно, больше даже, чем надо бы, так что из этого? С какой стати нам плестись с ним в ту самую «глушь, где и помощи ждать неоткуда»? А он ведь так нам и предлагает?

Пиппин смущенно заерзал. Ему было неловко. Однако Колоброд не отвечал Сэму. Он в упор, не отрываясь, смотрел на

Фродо. Фродо не выдержал и отвел глаза. Потом медленно, с трудом выговорил:

— Нет, я не согласен с Сэмом. Мне кажется, вы не тот, за кого себя выдаете. Разговариваете вроде как обычный брыльчанин, а голос не похож. Опять же, чудно у вас получается. С одной стороны, остерегаете нас, а с другой — хотите, чтобы мы вам доверяли. Зачем водить нас за нос? Кто вы? Что и откуда знаете о моих делах?

— Ну вот, теперь вы наконец выучили урок, — мягко улыбнулся Колоброд. — Перейдем к следующему. Осторожность — это одно, она необходима, а вот нерешительность — совсем другое. В Дольн вам самим не добраться. Придется все же довериться мне, другого выхода нет. Соберитесь с мыслями. Я отвечу на ваши вопросы. Успокоит вас это? Но почему, если вы мне заранее не доверяете? Ладно, слушайте и решайте...

В этот момент в дверь постучали. Явился господин Маслютик со свечами, за ним Ноб тащил бадью с горячей водой. Колоброд мгновенно отодвинулся в дальний темный угол.

— Вот, зашел пожелать вам доброй ночи, — заворковал Маслютик, расставляя свечи. — Ноб! Отнеси-ка воду в комнаты.

Молодой хоббит вышел и закрыл за собой дверь.

— Вот оно как, значит... — Было видно, что хозяина заботит какое-то дело, а он не знает, с чего начать. — Если я повредил чему, мне очень жаль. Извиняюсь, конечно. Но сами посудите, то — одно, то — другое. Видели, небось, каково мне крутиться приходится. Ну, запамятовал. Вспомнил теперь, может, беды-то и нет большой. В общем, просили меня позаботиться о хоббитах из Шира, в особенности об одном. О господине Сумниксе, значит.

— А я тут при чем? — очень натурально сумел удивиться Фродо.

— Оно, конечно, вам виднее, — закряхтел от смущения хозяин. — Мне ведь сказано было, что господин этот, ну, Сумникс, скорее всего назовется Норохолмом. Ну и портретик описали, чтобы не ошибиться, стало быть. Ваш портретик-то, — добавил он.

— Да что вы! И как же вам его описали? — уже совсем неубедительно поинтересовался Фродо.

— «Крепенький такой, невысокий, краснощекий», вот! — торжественно объявил хозяин.

Пиппин хихикнул. Сэм возмущенно фыркнул.

— Он мне и говорит, — продолжал, ничуть не смутившись, хозяин, покосившись на Пиппина, — «не очень-то это тебе поможет. Хоббиты, Суслень, они все примерно такие. Но этот повыше все-таки, посветлее, на подбородке — ямочка, ясноглазый и, знаешь, задиристый такой». Прошу прощения, это он так сказал.

— Да кто он-то? — не выдержал Фродо.

— А? Так ведь Гэндальф сказал. Может, знаете такого? Про него говорят — маг, мол, а по мне — добрый приятель, сто лет знакомы. Вот только не знаю, что он мне теперь при встрече скажет. Маг все-таки. Как бы эль не прокис, а то и самому в чурбан какой недолго превратиться. Знаете, вспыльчивый он, потом и пожалеть может, ан дело-то сделано. Да разве поправишь теперь... — Хозяин совсем смутился.

— Да говорите вы толком, чего не поправишь? — Фродо начал терять терпение, следя за извивами Маслютиковых мыслей.

Хозяин растерянно посмотрел на него:

— О чем бишь я? Ах да. Гэндальф! Месяца три назад заходит он ко мне прямо в комнату не постучавшись. «Слушай, Суслень, — говорит, — ухожу я утром. Хочу тебя об одолжении попросить. Сделаешь?» А как же, говорю, всенепременно. А он мне: «Спешу, говорит, совсем времени нет. А надо весточку в Шир послать. Может, отправишь кого понадежнее?» Завтра же с утра и отправлю, отвечаю, ну в крайнем случае послезавтра. «Лучше уж завтра», — говорит он мне и письмо подает. Адрес вполне понятный. — Маслютик извлек из кармана помятый конверт и, явно гордясь своими способностями, громко прочитал: — «Фродо Сумниксу. Засумки. Хоббитон в Шире».

— Письмо! Мне от Гэндальфа! — вскричал Фродо.

— А-а, — хитро ухмыльнулся хозяин, — значит, настоящая ваша фамилия все-таки Сумникс...

— Сумникс, Сумникс, — раздраженно сказал Фродо. — Дайте-ка письмо поскорее да объясните наконец, почему же вы его не отправили? Вы ведь за этим и пришли, надо полагать?

Маслютик не на шутку обеспокоился.

— Эх, ваша правда, — понурившись, отвечал он. — Прощения просим. Я в самом деле страх как боюсь, что Гэндальф скажет. Ну хоть беды-то большой не случилось, а? Не нарочно ведь я. Как лучше хотел. В тот день верного человека под рукой не случилось. А потом и пошло, и поехало. Одно на другое, вот и вылетело из памяти. Я же, сами видите, человек занятой. Но если можно это дело поправить, вы только скажите, в лепешку расшибусь, а сделаю. Я так и Гэндальфу обещал. «Суслень, — он мне говорит, — это мой друг из Шира подойдет. Назовется он, обрати внимание, Норохолмом! Чтоб никаких расспросов. Если он без меня придет, значит, плохо дело, помочь ему надо. Сделай, а я в долгу не останусь» — вот так он сказал. Теперь вы — вот они, и беда, похоже, неподалеку ходит.

— Это вы о чем? — похолодел Фродо.

— А как же? — понизив голос, сказал хозяин. — Люди эти черные! Они ведь Сумникса ищут. И будь я хоббит, если для доброго чего. В понедельник, стало быть, оно и приключилось. Собаки обвылись прямо, и гуси гоготали. Я сразу понял — дело нечисто! А тут Ноб приходит и говорит: «Там два черных

типа у двери хоббита спрашивают, Сумникса какого-то. Я их не пустил, дверь захлопнул, так они по улице пошли и все про этого хоббита спрашивали». А потом еще этот, Скиталец, Колоброд, значит, приперся, все к вам рвался, а вы ведь только-только пришли. Ни отдохнуть, ни закусить. Он такой...

— Такой, такой! — внезапно выступил на свет Колоброд.— Эх, Суслень, скольких забот сейчас не было бы, пусти ты меня тогда!

Хозяин подскочил от удивления.

— Ты откуда взялся? — вскричал он.— Чего тебе тут надо?

— Я его пригласил,— остановил хозяина Фродо.— Он хочет помочь мне.

— Я, конечно, в ваши дела не вмешиваюсь,— недовольно пробормотал Суслень,— а только с бродягами связываться не стал бы.

— Ну а с кем ему, по-твоему, связываться? — сурово спросил Колоброд.— С толстым трактирщиком, который и свое-то имя помнит только потому, что слышит его по двадцать раз на дню? Они ведь не могут на всю оставшуюся жизнь поселиться в твоем «Пони». И домой им дороги нет. И путь впереди немереный. Может, ты с ними пойдешь, людей черных прогонишь, а?

— Я?! — в неподдельном страхе вскричал Маслютик.— Чтобы я — из Брыля? Да ни ногой, ни за какие деньги! А в самом деле,— обернулся он к хоббитам,— почему бы вам у меня не погостить? Ну хоть недолго, господин Норохолм? Здесь у меня спокойно. А то что, в самом деле, у вас за дела? И черные эти... Откуда они взялись-то?

— Вряд ли я сейчас смогу все вам объяснить,— вздохнул Фродо.— Беспокойно мне, да и устал, признаться, в дороге. За гостеприимство спасибо, конечно, да только должен честно предупредить: пока я здесь, вам про покой забыть придется. А Черные Всадники, они... я думаю, пришли они...

— Из Мордора они пришли,— негромко закончил за него фразу Колоброд.— Из Мордора, Суслень. Слыхал про такую страну?

— Ох! — всплеснул руками Маслютик и побледнел как полотно. Видно, название он слыхал, и не раз.— Вот уж хуже этой вести я в Брыле и не упомню.

— Так и есть,— подтвердил Фродо.— Ну что, все еще хотите помочь мне?

— Да,— твердо произнес Маслютик,— даже больше, чем прежде. Хоть толку, наверное, от меня немного. Ну что я могу против... против...

— Против Тьмы с Востока,— снова тихонько подсказал Колоброд.— Не ахти как много, но сейчас любая малость важна. Во-первых, господину Норохолму и его друзьям надо выспаться. Во-вторых, забудь, что есть такой хоббит Сумникс, по крайней мере до тех пор, пока он не окажется как можно дальше от здешних мест.

— Сделаю, все сделаю, — истово кивал Маслютик. — Эх, да ведь они и без меня разберутся. Экая досада, право, что нынче вечером вы, сударь, так опростоволосились. Про Бильбо-то с его исчезновением все у нас сто раз слыхали. Даже Ноб, уж на что тугодум, и то кое о чем догадался. А в Брыле и посмышленей его найдутся.

— Может, не вернутся Всадники так скоро, — предположил Фродо.

— Вполне могут не вернуться, — согласился Маслютик. — А вернутся — призраки они там или кто — в «Пони» им просто так не попасть. До утра спите спокойно. Ноб молчать будет. А всякие черные в эту дверь только через мой труп войдут. Мы покараулим со слугами.

— Спасибо, — поблагодарил Фродо. — Только в любом случае поднимите нас на рассвете. Нам надо выйти как можно раньше. Распорядитесь о завтраке к половине седьмого, пожалуйста.

— Все сделаю. Обо всем распоряжусь. Не извольте беспокоиться, — частил хозяин. — Доброй ночи, господин Сумникс (тьфу, пропасть!), Норохолм, значит. Доброй... — Хозяин вдруг замолчал, выпучив глаза. — А где же ваш друг, господин Брендискок?

— Не знаю, — внезапно побледнев, ответил Фродо. Они совсем забыли про Мерри, а уж поздно было. — Нет ведь его, верно. Он вроде прогуляться собирался...

— Ну, ну, — покрутил головой Маслютик. — С вами не соскучишься. Я ведь хотел запирать идти. Ладно. Скажу, чтобы впустили вашего приятеля. Э-э, пошлю-ка лучше Ноба, пусть поищет его, ночь на дворе.

Наконец хозяин убрался восвояси. Напоследок он еще раз неодобрительно поглядел на Колоброда и покачал головой. Шаги его стихли в коридоре.

— Ну, — промолвил Колоброд, — собираетесь вы свое письмо читать?

Фродо, не отвечая, внимательно осмотрел печать. Она была в порядке. Тогда он сломал ее и вскрыл письмо. Размашистым, но изящным почерком Гэндальфа там значилось:

«Резвый Пони»,
Брыль,
День Середины Лета,
1418 года Шира.

Дорогой Фродо!

Меня настигли плохие вести. Ухожу немедля. Тебе тоже необходимо спешить. Уходи не позднее конца июля. Я сделаю все, чтобы вернуться побыстрее, в крайнем случае нагоню тебя в пути. Если пойдешь через Брыль, оставь мне весточку. Хозяину (Маслютику) доверять можно. Если повезет, в Дороге тебя

встретит мой друг — человек, худой, высокий, темноволосый. Некоторые зовут его Колобродом. Он знает все и во всем поможет. Иди в Дольн. Встретимся там. Если не приду, сделай, как скажет Элронд.

Твой в спешке Гэндальф.

P. S. НЕ пользуйся ИМ ни в коем случае. Пешим не ходи.

P. P. S. Убедись, что это и в самом деле Колоброд. На дорогах сейчас кого только нет! Его настоящее имя — Арагорн.

В истинном золоте блеска нет;
Не каждый странник забыт;
Не каждый слабеет под гнетом лет —
Корни земля хранит.

Зола обратится огнем опять,
В сумраке луч сверкнет,
Клинок вернется на рукоять,
Корону король обретет.

P. P. P. S. Надеюсь, Маслютик отправит письмо сразу. Человек он достойный, но память — что твоя кладовка: самое нужное всегда на дне. Забудет — зажарю!

В добрый путь!

Фродо прочитал письмо про себя и передал Пиппину с Сэмом.

— Да-а, — протянул он. — Наделал дел наш хозяин. За такое вполне поджарить можно. Получи я его вовремя, сейчас уже в Дольне был бы. Но что могло стрястись с Гэндальфом? Он пишет так, словно впереди его ждет великая опасность...

— Он уже много лет живет посреди величайших опасностей, — подал голос Колоброд.

Фродо рассеянно посмотрел на него, думая о второй приписке.

— Почему бы вам сразу не назваться другом Гэндальфа? — спросил он. — Сколько времени зря потеряли...

— Ну почему же — зря? — спокойно откликнулся Колоброд. — А если бы даже и назвался, вы что, поверили бы мне? Лучше убедить вас делом. А потом, я вовсе не собирался выкладывать сразу всю свою подноготную, не посмотрев на вас, не удостоверившись. Я знаком с ловушками Врага. Но, убедившись, я готов был ответить на любой ваш вопрос. Правда, — он странно усмехнулся, — я надеялся завоевать ваше доверие без долгих личных историй. Тот, кому грозит опасность, рано или поздно устает подозревать всех и вся, ему просто хочется довериться иногда первому встречному. Хотя вид мой, пожалуй, не слишком располагает к доверию.

— Это только поначалу, — рассмеялся Пиппин. Чтение письма привело его в веселое расположение духа. — У нас в Шире говорят: не видом пригож, а делом хорош. Поброди мы несколько дней в Пустоземье, вряд ли выглядели бы лучше.

— Э-э, — усмехнулся Колоброд, — чтобы выглядеть как я, надо бродить в глуши годами. Думаете, выдержали бы? Разве только внутри вы покрепче, чем кажетесь снаружи.

Если Пиппин вполне удовлетворился объяснениями, то Сэм и не думал сдаваться.

— А откуда нам знать, что ты — тот самый Колоброд, о котором Гэндальф пишет? — упорствовал он. — Ты-то вот Гэндальфа и не вспомнил, пока письмо не принесли. Может, ты настоящего-то Колоброда где-нибудь подкараулил и под кустом закопал, а вещички его присвоил?

— Упрямый ты парень, Сэм, — вздохнул Колоброд. — Ладно. Отвечу тебе. Уж если я с Колобродом справился, то вас прихлопнул бы как мух, по́ходя и без всяких разговоров. Если бы я пришел за Кольцом, то и взял бы его прямо сейчас, здесь же.

Он встал и вдруг показался очень высоким. Глаза сверкнули повелительно, когда, отбросив плащ, он положил руку на эфес меча в ножнах, висевших на боку. Хоббиты замерли, разинув рты. Сэм, казалось, опешил совершенно.

— Будем считать, что тебе повезло, Сэм, — раздался из-под потолка неожиданно мягкий голос. — Я — тот самый Колоброд, о котором идет речь в письме. Я — Арагорн, сын Арахорна, обещаю вам свою помощь и поддержку.

Долгое молчание первым решился нарушить Фродо. Правда, по голосу было заметно, что и он оробел.

— Я и без письма поверил вам, — смущенно произнес он. — Ну, уже почти поверил... Хоть вы и не раз сегодня заставили меня дрожать от страха, но то был другой страх, не такой, как перед слугами Врага. Ведь они всегда стараются казаться лучше, чем есть, а вы — наоборот... но внутри-то все равно чувствуешь...

— Значит, вы меня *почувствовали*? — рассмеялся Колоброд. — «В истинном золоте блеска нет...»

— Так это про вас стихи? — удивился Фродо. — А я даже не понял, к чему они. Хотя... подождите. Как вы узнали про них, если не видели письма?

— Письмо ни при чем, — ответил Колоброд. — Я — Арагорн, стихи связаны именно с этим именем. — Он обнажил меч, но в руке у него оказался лишь обломок клинка не больше фута длиной. — Вот Сэм, похоже, думает: много ли проку от этой железки, — улыбнулся Арагорн. — Угадал? Ничего. Настанет время и для этого меча. Ему суждено быть откованным заново.

Сэм промолчал.

— Вот и славно.— Колоброд потер руки.— Если Сэм не возражает, на том и порешим. Завтра я поведу вас своей дорогой. Надеюсь, нам удастся выбраться из Брыля без помех, но вот чтобы без любопытных глаз — это едва ли. Да я уж постараюсь затеряться в глуши побыстрее. Есть в этих краях парочка троп... Нам бы только уйти от погони; поведу я вас на Заветерь.

— Это еще куда? — проворчал Сэм.

— Это на север отсюда. Заветерь — гора, как раз на полпути к Дольну. С ее вершины можно оглядеться. Гэндальф обязательно заглянет туда либо раньше, либо позже нас. Ну а дальше — посмотрим.

— Вы давно видели Гэндальфа? Где он? Что делает? — спросил Фродо. Колоброд потемнел лицом.

— Где он сейчас — не знаю. Весной мы вместе с ним пришли на запад, и я остался стеречь границы Шира, как часто делал в последние годы. Гэндальф редко оставлял их без охраны. А последний раз мы встретились у Сарнского Брода в начале мая. Он сказал, что вы с ним собираетесь в Дольн в конце сентября. Ну, раз он оставался в Шире, я отправился по своим делам. И вот как все обернулось! Он узнал о чем-то важном и спешно отправился в путь, а меня рядом не случилось.

Его отсутствие очень беспокоит меня, пожалуй впервые за время нашего знакомства. Если что-то задержало его в пути, он бы обязательно дал знать о себе. Как только я вернулся, сразу посыпались неприятные новости. От эльфов Гилдора я узнал о появлении Всадников, а потом они же сообщили о встрече с вами. А Гэндальфа все не было. Я ждал, когда вы покинете Заскочье, и наблюдал за Западной Дорогой.

— Как вы думаете, появление Всадников и отсутствие Гэндальфа связаны между собой? — с беспокойством спросил Фродо.

— Я не знаю, что еще могло задержать его,— вздохнул Арагорн,— разве что сам Враг.— Вдруг он улыбнулся.— Не стоит отчаиваться! Гэндальф — великий маг, просто вы у себя в Шире не знаете его настоящих дел. Таких, например, как наше. Здесь не до шуток и фейерверков.

Пиппин зевнул во все горло.

— Я жутко устал. Опасности там, тревоги — ладно. Но спать-то все равно надо. И где это Мерри запропастился? Не хватало нам еще искать его в темноте.

В это время внизу хлопнула дверь и по коридору простучали быстрые шаги. В комнату буквально влетел Мерри, а за ним — Ноб. Они никак не могли отдышаться. Остальные с недоумением глядели на них. Наконец Мерри вымолвил:

— Фродо! Я их видел! Черных Всадников!

— Что?! Всадники? — вскричал Фродо.— Где?

— Здесь, в деревне. Вы ушли, а мне надоело сидеть, и я вышел прогуляться. И знаешь, остановился неподалеку от фо-

наря, на звезды глядел, и тут, тут... Вдруг почувствовал: что-то ужасное крадется, там тени на дороге, а оно еще темней, просто мгла какая-то, как раз на границе света от фонаря. Проскользнуло и во мрак кануло. Только коня у него не было.

— Куда оно направлялось? — резко спросил Арагорн.

Мерри только сейчас заметил в комнате чужого.

— Говори, говори,— поторопил его Фродо.— Это друг Гэндальфа, я потом объясню.

— Оно по дороге ушло, туда, на восток.— Мерри неопределенно махнул рукой.— Я было за ним пошел, но сразу потерял его из виду. Тогда я свернул за угол и дошел почти до самого последнего дома...

Колоброд в удивлении воззрился на хоббита.

— У тебя отважное сердце,— произнес он,— но поступил ты просто глупо.

— Да ни при чем здесь ни глупость, ни отвага,— досадливо отмахнулся Мерри.— Меня ведь как тянуло что-то. Я и шел. А потом вдруг возле ограды слышу — голоса! Один бормочет, а другой — не то шипит, не то сипит чудно как-то, и не разобрать ни слова. Я хотел ближе подкрасться, но тут меня трясти начало, а потом сзади навалился ужас! Я повернулся, бежать хотел, но тут меня догнало что-то, и... и... я вроде споткнулся.

— Это я его нашел, сударь,— вмешался Ноб.— Хозяин мне фонарь дал, иди ищи, говорит. Я к Западным воротам — нету, я к южным, и вот, напротив Билла Хвоща халупы, гляжу, вроде как возится кто на дороге. Вроде как двое наклонились и поднимают кого-то. Я заорал, они наутек — и след простыл. Подбегаю, а это господин Брендискок на дороге лежит, спит как будто. Я к нему нагнулся, трясти стал, а он мне и говорит: «Я, говорит, в омут упал», а потом вскочил да как рванет по дороге, ну чисто заяц! Я — за ним.

— Я не помню, что говорил,— вступил Мерри,— но чувствовал себя как в кошмаре. Словно на куски рассыпался...— Он задумался мучительно.— Нет, не знаю, что со мной было.

— Зато я знаю,— произнес Колоброд.— Черное дыхание! Значит, Всадники коней оставили за воротами и в Брыль пробрались. Ну, теперь они Хвоща навестили, новости узнали... Ах, ведь еще южанин этот! Теперь жди событий.

— А что может быть? — упавшим голосом проговорил Фродо.— На гостиницу нападут?

— Вряд ли,— успокоил Колоброд.— Они еще не все собрались. Да и не в их это обычаях — на дом нападать, где людей полно и свет горит. Где-нибудь в глуши они себя намного уверенней чувствуют. Их главное оружие — страх. И кое-кого здесь они уже победили. Теперь им ничего не стоит толкнуть этих несчастных на какое-нибудь темное дело. Хвощ определенно у них в руках, может, и еще кто. И привратник. Я видел,

как они с ним в понедельник у ворот говорили. На Гарри потом смотреть невозможно было, белый весь и трясется.

— Кругом враги! — в отчаянии произнес Фродо. — Что ж делать-то?

— Во всяком случае, не лезть в петлю, — посоветовал Колоброд. — Ночевать будем здесь. В ваших комнатах окна у самой земли и круглые — любому ясно, где вас искать. Дверь запрем, ставни тоже. Сейчас мы с Нобом принесем ваши вещи.

Фродо в двух словах пересказал Мерри события минувшего вечера, и не успели они еще раз перечитать письмо, как вернулись Колоброд и Ноб, нагруженные вещами хоббитов.

— Я, конечно, извиняюсь, — сказал Ноб, — но я там постели ваши разворошил, валики положил и одеяла набросил. А из коврика дверного отличная ваша голова получилась, господин Сум... Нороxолм, извините.

Пиппин рассмеялся.

— Отлично, Ноб, — одобрил он. — А что будет, когда они подмену обнаружат?

— Ладно, там увидим, — остановил его Колоброд. — Попробуем продержаться до утра.

— Ну тогда — доброй вам ночи, — пожелал Ноб и ушел на свой пост возле входной двери.

Хоббиты сложили одежду и котомки на полу, низкое кресло придвинули к двери, ставни заперли изнутри. Выглянув перед тем в окно, Фродо увидел звездную россыпь над головой. Прямо над верхушкой брыльского холма сиял высоко в небе Серп[1].

Колоброд тем временем подкинул дров в камин и задул свечи.

Хоббиты легли ногами к камину и натянули на себя одеяла. Арагорн устроился в кресле подле двери. Мерри все переживал рассказ Фродо.

— Надо же, — крутил он головой. — «Как вдруг корова в небо — прыг!» Да уж, с тобой не заскучаешь, — Он хлопнул Фродо по плечу. — Жаль, я не видел. Ну уж теперь разговоров в Брыле на сто лет хватит.

— Разговоры — это еще полбеды, — отозвался Колоброд.

Потом настала тишина и один за другим хоббиты ушли в сон.

Глава 11
КЛИНОК В НОЧИ

Хоббиты укладывались спать в Брыле, а над Заскочьем в эту пору давно уже царила глухая ночь. Плотный туман лег по оврагам и берегам реки. Домик на выселках лежал, окутанный тишиной. Вот дверь его тихонько приоткрылась, и Фэтти Пузикс выглянул наружу. Весь этот день Фредегара не остав-

[1] Серп — хоббитское название Большой Медведицы.

лял страх; он не мог ни отдохнуть толком, ни отправиться спать. К ночи стало еще хуже: в неподвижном воздухе нависла угроза. Он стоял на крылечке, вглядываясь во мрак, и вдруг заметил едва уловимое движение темноты под деревьями, потом у него на глазах беззвучно отворилась и прикрылась дальняя калитка. Волосы у Фредегара встали дыбом, он юркнул в дом, постоял, дрожа и прислушиваясь, и запер дверь на засов.

Ночь переходила в самую глухую пору. На дороге послышался осторожный шаг коней, ведомых в поводу. У калитки кони остановились, три черные фигуры проскользнули в сад и ночными призраками двинулись к дому. Одна из них затаилась у двери, другая — за углом. Снова все замерло. Фигуры не шевелились, словно тени от камней. Дом и тихие деревья, казалось, прижались к земле и ждали. Медленно тянулись минуты.

Шелохнулись листья. Где-то в отдалении прокричал петух. Шел холодный предрассветный час. Фигура у двери шевельнулась. Во мраке тускло блеснул обнаженный меч. На дверь обрушился тяжкий удар, заставивший содрогнуться весь дом, и высокий злобный голос потребовал:

— Открыть, именем Мордора!

Второго удара дверь не выдержала и, вырванная из петель, рухнула. Черные фигуры ворвались в дом.

И в этот самый миг из-за деревьев со стороны задней калитки зазвучал рог. Звук его пронзил ночь, как пламя над скирдой соломы. Он выпевал тревожный сигнал:

ОЧНИСЬ! БЕДА! НАПАСТЬ! ВРАГИ!

Фредегар не сидел без дела. Едва он увидел крадущиеся по саду черные тени, как сразу понял: либо удирать, либо пропадать. Он и удрал, не задумываясь, через заднюю дверь, не чуя ног пролетел через сад, единым духом одолел около мили и свалился на пороге первого же дома Заскочья.

— Нет! — хрипел он.— Только не меня! Нет у меня ничего!

Его не поняли и решили, что на выселки напали какие-нибудь твари из Древлепущи. Но тут уж времени не теряли.

БЕДА! ОГОНЬ! ВРАГИ!

— трубили Брендискоки древний сигнал, не звучавший над Заскочьем со времен Лютой Зимы, когда белые волки перешли замерзший Брендидуин.

ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ! БЕДА! ВРАГИ!

— подхватили сигнал ответные рога. Тревога росла и ширилась. Черные фигуры выскочили из дома. Одна из них обронила на пороге хоббитский плащ. По дороге застучали копыта, быстро перешли в галоп и растаяли в ночи. Повсюду вокруг выселок трубили рога, раздавались крики и топот. Черные

Всадники вихрем пронеслись к северным воротам. Что им мелкота! Пусть трубит и суетится. Саурон потом разберется с ними. Теперь у Всадников другие дела. Дом пуст. Кольца нет. Смахнув стражей у ворот, они исчезли из Шира.

В начале ночи Фродо внезапно проснулся. Он не понял, что разбудило его: не то звук, не то ощущение какой-то опасности. Колоброд спокойно сидел в кресле у камина. Не спал. Огонь горел хорошо. Фродо вопросительно посмотрел на Колоброда, никакого ответного знака не получил и заснул снова. Но теперь сон его был тревожен. Шумел ветер, скакали кони. Ветер усилился, казалось, дом стал подрагивать под его напором, а потом, где-то на границе сонного сознания, Фродо различил призывный звук рога и проснулся опять. На дворе страстно горланил петух. Колоброд раздвинул занавески, с лязгом распахнул ставни, и в залу проник серый утренний свет. Он разбудил остальных и сразу повел в спальни. Картина, представшая их глазам, заставила содрогнуться от мысли, что было бы, не последуй они совету Арагорна. Окна в спальне были выбиты, ставни сорваны, постели перевернуты, а валики, положенные Нобом, изрублены мечами и разбросаны по полу. Даже коричневый коврик был изодран в клочья.

Колоброд позвал хозяина. Бедняга Маслютик трясся спросонья и уверял, что всю ночь глаз не сомкнул и ничего не слышал.

— На моей памяти такого не было! — вопил он, в ужасе воздевая руки. — Это что же такое делается! Гости уже в собственных постелях спать не могут. А валики-то, валики зачем портить? Да куда же это мы идем?

— Прямиком в мрачные времена, — осадил его Колоброд. — Но тебя они не коснутся, если мы уйдем. Так что уходим мы сразу. С завтраком не возись. Перехватим что есть, и ладно. Прикажи седлать пони, мы через несколько минут соберемся.

Хозяин выскочил вон и сразу вернулся. Пони исчезли! И не только хоббитские, но и все прочие в деревне. Новость сразила Фродо. Нечего было и думать попасть в Дольн пешком, когда по пятам идут Черные Всадники. Все равно что на Луну идти. Колоброд сидел молча, оценивающе разглядывая хоббитов.

— От пони толку мало, — словно отвечая на мысли Фродо, произнес он. — Их все равно пришлось бы оставить. Там, где мы пойдем, им не пройти. На своих двоих скорее будет. Вот с припасами хуже. До Дольна еды нам уже не достать, значит, придется брать с собой, и с запасом. Вдруг задержимся или крюка давать придется. Сколько вы можете нести?

— Сколько надо, столько и можем, — ответил Пиппин, но сердце у него при этом упало. Впрочем, он старался виду не подавать.

— Я-то за двоих снесу, — похвастался Сэм.

— Господин Маслютик, а нельзя ли все-таки раздобыть в деревне хоть пару пони для поклажи? Ну хоть одного? — с надеждой обратился Фродо к хозяину. — Может, не нанять, так купить, а? — добавил он неуверенно, прикидывая, во что это может обойтись.

— Сомнительно, — страдая, отозвался несчастный Маслютик. — Во всем Брыле верховых-то было три штуки, у меня в стойле, так и они же пропали! А других мало, не продадут их, для работы ведь. Я, конечно, постараюсь. Сейчас прямо Боба пошлю.

— Пожалуй, — нехотя одобрил Колоброд. — Один-то нам все-таки понадобится. Эх, теперь уж незаметно не уйдешь! Теперь можно хоть в трубы трубить. Видно, так у них и задумано было.

— Ладно, — весело сказал Мерри. — Нет худа без добра. По крайней мере позавтракаем не торопясь. Где там Ноб?

Задержаться пришлось почти на три часа. Боб вернулся ни с чем. Ни за любовь, сказал он, ни за деньги ни одной животины по соседству нет. Только у Билла Хвоща один пони остался, может, он и продаст его.

— Кляча клячей, — рассказывал Боб, — кожа да кости. Но уж Билл цену заломит, знает ведь, что вам деваться некуда. Сквалыга он, знаю я Хвоща!

— Хвощ? — в сомнении повторил Фродо. — Нет ли здесь подвоха? Как бы потом эта его кляча не сбежала к нему, да с нашей поклажей, или еще что...

— Едва ли, — с усмешкой сказал Колоброд. — Нет такой скотины, которая захочет вернуться к Хвощу, если уж повезло от него избавиться. Просто он на этом решил руки нагреть. Другое дело — не сдохла бы его животина. Однако выбирать не из чего. Сколько он хочет?

Хвощ требовал двенадцать монет серебром. В здешних краях пони стоил втрое дешевле. Животное выглядело действительно неважно, но помирать, похоже, пока не собиралось. Маслютик сам заплатил за него и еще предложил Мерри восемнадцать монет за остальных пропавших. Человек он был честный и по местным меркам не бедный. Правда, тридцать серебряных монет и для него была сумма немаленькая, а главное — наглому Хвощу платить не хотелось.

В конечном счете хозяин оказался не внакладе. Позже выяснилось, что украли только одну лошадь. Остальных животных не то разогнали, не то они сами разбежались, а потом вернулись. Пони Мерри сбежали все вместе и, поразмыслив на свободе, отправились разыскивать своего приятеля Толстогоркина. Скоро они уже жили себе припеваючи под присмотром Тома Бомбадила. А когда до Тома дошли вести о происшест-

вии в Брыле, он отослал их Маслютику. Так что хозяин получил за свои тридцать пенсов пять замечательных пони. Конечно, житье у них в Брыле было потяжелее, чем у Тома, но Боб заботился о них, поэтому, можно считать, выиграли и они, избежав опасного и тяжелого путешествия. Но зато и в Дольн им попасть не довелось.

Ну а пока денежки хозяина плакали ни за что ни про что. А другие заботы тоже не ждали. Постояльцы прознали о нападении на гостиницу, поднялась суматоха. Южане лишились коней и принялись поносить Маслютика на чем свет стоит, но тут выяснилось, что вместе с конями исчез и один из них, а именно косоглазый приятель Хвоща. Пришлось им прикусить языки.

— Сами же с собой конокрада притащили ко мне в дом, — грозно выговаривал южанам Маслютик, — а теперь еще и орете на меня! Вот удержать с вас за весь ущерб, будете знать! Идите вон у Хвоща поинтересуйтесь, куда его приятель ненаглядный подевался.

Тут выяснилось, что косоглазого никто и не знал толком. Прибился он где-то по дороге, никто даже не помнил где.

После завтрака хоббиты уложились и приготовились к дальнему пути. Выйти удалось около десяти. К этому времени Брыль уже гудел, как растревоженный улей. Еще бы! Исчезновение Фродо, нападение Черных Всадников, кража животных, а в довершение ко всему прошел слух о том, что бродяга Колоброд идет вместе с загадочными хоббитами. Столько событий одновременно в Брыле много лет не случалось. Народ пришел даже из окрестных деревень и толпился по обочине в надежде посмотреть на чудных путешественников. Постояльцы «Резвого Пони» торчали у дверей и свешивались из окон.

Колоброд решил выйти из Брыля по главной дороге. Теперь уходить задворками было просто глупо. Половина брыльчан отправилась бы за ними поглядеть, куда направляются да не потопчут ли огороды.

Путники попрощались с Нобом и Бобом, долго раскланивались с Маслютиком.

— Надеюсь, мы еще свидимся, когда дела повеселее пойдут, — сказал Фродо напоследок. — Мне было бы приятно пожить у вас подольше.

На глазах у всего Брыля путники двинулись в путь. Начало получалось не из веселых. Народ смотрел неодобрительно, и кричали им вслед не только добрые напутствия. Однако Колоброда побаивались, и, если уж он смотрел на кого, человек ли, хоббит ли стушевывался и отступал за спины других. Колоброд шагал рядом с Фродо, следом шли Мерри с Пиппином, а замыкал шествие Сэм, ведя пони в поводу. Несмотря на увесистый вьюк, пони выглядел пободрее, чем утром, словно пред-

чувствовал в своей судьбе поворот к лучшему. Сэм грыз яблоко. Ноб с Бобом насовали ему полный карман «на дорожку».

— Яблочки для ходьбы, трубочка для привала, — бормотал он, — только скоро, по-моему, и то и другое кончится.

Хоббиты старались не обращать внимания на любопытные головы, тут и там торчащие над плетнями. Уже подходя к воротам, они увидели какой-то неухоженный, неприятный дом. Он стоял на самом краю деревни. Фродо показалось, что в одном из окон промелькнула знакомая косоглазая физиономия и тут же исчезла.

«А-а! Так вот где он прячется! — подумал Фродо. — Здорово он на гоблина смахивает».

Поверх изгороди на них глазел еще один любопытный: лицо с нависшими черными бровями, неприятный взгляд, лягушачий рот кривится в презрительной ухмылке. Он курил короткую корявую трубку, часто сплевывая на дорогу.

— С утречком тебя, Длинноногий, — приветствовал он Колоброда. — Куда это собрался спозаранок? Смотри, и компанию себе под стать нашел.

Колоброд кивнул, не ответив.

— С утречком, мои маленькие друзья! — обратился местный к хоббитам. — Вы хоть знаете, с кем связались? Это ж Дылда Мимохожий. Его еще и похуже зовут. Так что к ночи поосторожней с ним. А ты, Сэм, кончай мучить моего бедного пони! Смотри, загнал совсем! — Он смачно сплюнул на дорогу.

Сэм глянул прямо в глаза насмешнику:

— Ты, Хвощ, убрался бы подобру-поздорову. Уж больно рожа у тебя не задалась. — Недоеденное яблоко вырвалось у Сэма из рук и попало Биллу прямо по носу. Увернуться он не успел и, сверзившись с плетня, разразился злобной бранью.

— Ну вот, яблоко хорошее пропало, — с сожалением заметил Сэм.

Наконец деревня осталась позади. Последние настырные детишки отстали и повернули назад. Еще несколько миль шли по дороге. Она постепенно забирала к востоку, огибая подножие брыльского холма, а потом бодро припустила вниз, исчезая в раскинувшемся впереди лесном краю.

Слева еще попадались изредка дома и хоббичьи норы Дворищ, подальше к северу из лощины поднимались дымки, там лежали Овражки, а за ними начинался уже Чагрый Бор.

Вскоре холм остался позади. Арагорн остановился возле неприметной развилки. Узкая тропа уходила на север.

— Все. Уходим с открытого места.

— Опять напрямик пойдем? — спросил Пиппин. — Мы уже пробовали так через лес идти, насилу выбрались.

— Тогда меня с вами не было, — рассмеялся Колоброд. — Если я выбираю прямой путь, то уж не сворачиваю.

Он быстро огляделся, свернул с Дороги и зашагал вниз, к лесистой долине. Хоббиты не знали этих краев, но поняли намерение Колоброда обойти Овражки с востока, а потом через Пустоземье идти прямо на Заветерь. Так было, конечно, короче, зато на пути лежала Мокреть. Пока, не считая беспокойств минувшей ночи, путешествие складывалось вполне благополучно. Мягко, по-осеннему светило солнышко. Леса в долине еще не сбросили листву и выглядели мирно и приветливо. Колоброд шел уверенно, не обращая внимания на частые, вроде бы попутные тропинки. Без него хоббиты мигом заблудились бы. Сбивая со следа возможных преследователей, он часто резко поворачивал, закладывая петли, временами переходил с тропинки на тропинку прямо через кусты.

— Хвощ наверняка следил, где мы сошли с Дороги, — сказал он час спустя. — Сам-то он за нами не сунется, хотя края здешние знает прилично. Но в лесу ему со мной не сравняться. А вот кому не надо расскажет — это плохо. Они ведь недалеко. Ну, пусть думают, что мы в Овражки пошли.

Искусство ли Колоброда было тому причиной или простое везение, но за весь день их никто не побеспокоил. Птицы попадались, лис пробежал да несколько белок. И переночевали спокойно.

На следующий день шли строго на восток, и опять все обошлось тихо-мирно. Из Чагрого Бора выбрались только на третий день. Местность заметно понижалась, и вскоре впереди открылась обширная пустошь, сильно заросшая кустарником. Они давно миновали границы Брыля и оказались теперь в нехоженой глуши, а впереди их поджидала Мокреть.

Земля стала влажной, местами даже топкой, то и дело попадались бочажки, островки тростника и камышовые заросли, почему-то густо населенные мелкими пичугами. Здесь пошли осторожнее — не хотелось ноги мочить. Но скоро хоббитам стало не до того. Болота были глухие, коварные, трясина жила и двигалась, никаких тропинок и в помине не водилось. Воздух постепенно наполнялся противным звоном. Тучи мелких кровососов вились над головами, залетали в рукава и за ворот.

— Да ведь они заживо съедят! — не выдержав, завопил Пиппин. — Это ж мокрецы, их тут как грязи!

— Интересно, чем они промышляют, если хоббита добыть не удается? — ворчал Сэм, пытаясь почесать шею и спину одновременно.

День среди болот прошел отвратительно. Ночевка получилась сырой и неуютной; мокрецы не давали спать. В тростнике всю ночь верещали какие-то дрянные родичи сверчков. Их там обитали великие тысячи, и от противного пронзительного скрипа «ниик-бриик, бриик-ниик» хоббиты к утру чуть с ума не сошли. Четвертый день был не намного лучше, а ночлег

опять не удался. Правда, никербрикеры (как обозвал их Сэм) остались позади, зато мошка́ донимала по-прежнему.

От усталости и кровососов Фродо не мог сомкнуть глаз. Среди ночи его обеспокоили непонятные сполохи в небе на востоке. Вспышки напоминали зарницы, но откуда бы им взяться в это время года? А до рассвета было еще далеко. Увидев, что Колоброд стоит, тоже всматриваясь на восток, Фродо спросил:

— Что это за свет там?

— Не знаю,— встревоженно ответил тот.— Слишком далеко, не разобрать. Такое впечатление, будто молнии бьют с вершины холма.

Фродо снова улегся, но еще долго видел сквозь полуприкрытые веки всполохи света и на их фоне — высокую напряженную фигуру Колоброда. Только под утро Фродо забылся беспокойным сном.

В начале пятого дня пути болота и камышовые заросли остались позади. Начался подъем. Далеко на востоке наметилась череда холмов. Один из них, крайний справа, был повыше и стоял особняком. Он отличался правильной закругленной конической вершиной.

— Заветерь,— показывая на него, сказал Колоброд.— Тут неподалеку проходит Забытый Тракт, завтра будем там. Лучше бы нам поторопиться и идти напрямик.

— Почему? — спросил Фродо.

— Я не знаю, что мы найдем там.

— А Гэндальф? Разве мы его не встретим?

— Может, конечно, и встретим, да только вряд ли. Он мог и не зайти в Брыль. Но если я правильно рассчитал и он завернет туда, мы все равно можем разминуться. Дорога рядом, и ни ему, ни нам задерживаться не стоит. В глуши Всадникам нас не найти, они тоже могут отправиться на Заветерь. Оттуда хорошо просматриваются окрестности. А потом, здесь немало зверей и птиц, не всем из них можно доверять. Есть и другие шпионы, еще похуже.

Сэм сейчас же начал озираться. Однако небо над ними оставалось пустынным. Ни ястребов, ни зорких орлов.

— И так хорошего мало, а от твоих слов совсем одиноко,— насупившись, сказал он.

— Что же делать, по-вашему? — спросил Фродо.

— Я думаю, самое правильное,— словно нехотя ответил Колоброд,— идти к холмам, но не прямо к Заветери. Там есть одна тропа, она приведет нас к горе с севера. Не так заметно с дороги. А там посмотрим.

Они весь день, до ранних холодных сумерек, тащились вперед. Позади, над оставленными болотами, поднялся густой туман. Местность вокруг поражала голым унылым видом, только

какие-то печальные пичуги посвистывали изредка. Но позже, к закату, затихли и они. Хоббиты с тоской вспоминали о ласковом закатном солнышке, заглядывавшем в веселые круглые окошки Засумок.

Совсем уже к вечеру повстречали ручей, торопившийся с холмов в сторону болот, и, пока хватало света, шли вдоль берега. Остановились почти ночью и разбили лагерь в чахлом ольшанике. Гребни холмов заметно приблизились. Их голые вершины словно придавили равнину. В эту ночь впервые выставили дозорных, а Колоброд, похоже, и вовсе не спал. От молодой луны на землю лег холодный серый свет.

Поутру вышли сразу после восхода. В воздухе пахло ранним заморозком, с ясного неба лился голубой свет. Хоббиты взбодрились. Видно, они привыкали к новой жизни. Еще совсем недавно после такого перехода, как вчера, им пришлось бы несколько дней отлеживаться. Пиппин заявил даже, что нынешний Фродо выглядит лучше двух прежних.

— Сомневаюсь, — отозвался Фродо, затягивая пояс. — По-моему, наоборот, от меня половина осталась. Я надеюсь только на то, что нельзя же худеть бесконечно. Этак и вовсе призраком стать можно.

— Не стоит здесь об этом говорить, — сурово остановил его Колоброд.

Холмы придвинулись вплотную. Их волнистая гряда, не меньше тысячи футов по самым высоким вершинам, словно преграждала дорогу на восток. Кое-где глаз различал остатки сооружений, не то оборонительных валов, не то оград, а в распадках виднелись развалины древних построек. Пятого октября, на шестой день после выхода из Брыля, хоббиты со своим проводником заночевали у подножия холмов.

Утром, впервые после Чагрого Бора, нашлась хорошая тропа. Хитро извиваясь, она повела их на юг. Похоже, ее и прокладывали с тем расчетом, чтобы идущих по ней не увидели ни с вершины холмов, ни с равнины. То она ныряла в заросшие балки, то прижималась к крутым склонам, а там, где деваться было уж совсем некуда, по сторонам появлялись огромные валуны и обтесанные камни, надежные, как ограда.

— Кто это ее проложил здесь и зачем? — поинтересовался Мерри. Они шли в это время мимо больших, вертикально поставленных камней. — Вид какой-то кладбищенский. А на Заветери нет ли случайно упокоищ?

— Ни на Заветери, ни на других холмах, — ответил Колоброд. — Дунаданы не жили здесь. По этим холмам проходил их рубеж обороны против Зла из Ангмара. По этой тропе воины скрытно переходили из одного укрепления в другое. А еще раньше, в дни северного княжества, на вершине Заветери стояла огромная дозорная башня Амон Сул. Ее сожгли и разру-

шили. Теперь там только венец из остатков фундамента, а когда-то была она высокой и прекрасной. Рассказывают, во времена Последнего Союза Элендил поджидал здесь войска Гил-Гэлада.

Хоббиты с удивлением посмотрели на своего странного попутчика. Оказывается, древние предания он знал не хуже лесных троп.

— А кто это — Гил-Гэлад? — спросил Мерри, но Колоброд не ответил, погрузившись в какие-то собственные мысли. Ответ пришел с неожиданной стороны. Тихий торжественный голос произнес нараспев:

Народом Эльфов правил встарь
Гил-Гэлад, мудрый государь,
Чей мир — свобода, радость, свет —
Теперь в преданиях воспет.

Был меч его, как вихрь, могуч,
Копье — мгновенный лунный луч,
И звезд небесных чистота
Сияла в зеркале щита.

Но он ушел развеять тьму,
Что стала гибелью ему,
И канула его звезда
Во мрачный Мордор — навсегда.

Хоббиты в изумлении обернулись. Голос принадлежал Сэму.

— Что же ты остановился? Продолжай, пожалуйста, — попросил Мерри.

— Да не помню я дальше, — смущенно пробормотал Сэм и покраснел. — Это я, еще когда мальчонкой был, от господина Бильбо слышал. Он мне много всяких историй рассказывал. Знал, что меня хлебом не корми — дай про Эльфов послушать. Он ведь и грамоте меня учил. Ох и много же он знал, и так, и по-книжному. Сам стихи сочинял. И вот про это тоже...

— Это не его стихи, — подал голос Колоброд. — Баллада «Гибель Гил-Гэлада» написана на древнем наречии. Бильбо, должно быть, перевел ее, а я и не знал...

— Там много про что было, — сказал Сэм, — только все больше про Мордор. Про это я не учил. Страшно! Вот уж не думал, что когда-нибудь сам туда пойду.

— Куда? В Мордор? — вскричал Пиппин. — Надеюсь, не дойдет до этого!

— Не стоит поминать о нем вслух, — снова остановил их Колоброд.

Уже за полдень тропа привела их к крутому откосу. В прозрачном неярком свете октябрьского солнца он поднимался, как мост, ведущий к вершине холма. Дальше таиться было невозможно; оставалось надеяться лишь на безлюдье, царящее

вокруг. Если Гэндальф и находился где-то поблизости, то пока ничем себя не обнаруживал.

Сэма, Пиппина и поклажу оставили в укрытой лощине с западной стороны, а Колоброд, Фродо и Мерри полезли наверх. Примерно через полчаса усталые и запыхавшиеся хоббиты вслед за неутомимым Колобродом оказались на вершине. Здесь действительно торчало из земли древнее основание башни, сильно разрушенное, поросшее травой. Но вот странно: в центре они обнаружили пирамиду из черных закопченных камней. Дерн вокруг выгорел до самых корней, и трава внутри круга явно была опалена и пожухла. Видимо, совсем недавно здесь бушевало пламя. И никаких признаков жизни!

Отсюда открывался потрясающий вид на все Пустоземье. Далеко на юге простиралось зеленое покрывало лесов, кое-где поблескивали реки. Внизу, хорошо видимая сверху, змеилась лента Древней Дороги. На всем протяжении глаз не замечал на ней ни малейшего движения. На востоке у горизонта вставали Горы. Отдельные вершины белели среди облаков вечными снегами.

— Ну вот мы и здесь, — промолвил Мерри. — И что? Вид безрадостный, ни воды, ни укрытия. А Гэндальфом и не пахнет.

— Странно, — задумчиво произнес Колоброд. — В Брыле он должен был оказался вскоре после нас. Но когда надо, он очень быстро двигается.

Внезапно он замолчал и снял с вершины обгорелой пирамиды верхний камень, цветом слегка отличавшийся от остальных. Повертев его в руках, Колоброд спросил:

— Что вы думаете об этом?

Фродо всмотрелся и различил на нижней стороне плоского камня несколько царапин.

— Черточки какие-то и точки, — неуверенно сказал он.

— Очень похоже на руну «Г», — подсказал Колоброд. — Может, это знак, оставленный Гэндальфом, хотя наверняка утверждать не берусь. Штрихи аккуратные и сделаны недавно. А может, они нас не касаются. Следопыты из Пустоземья бывают здесь. И рунами они тоже пользуются.

— Ну а если все-таки это Гэндальф? — спросил Мерри. — Что это может означать?

— Тогда я прочел бы знак как «Г-3» — Гэндальф был здесь 3 октября, то есть три дня назад. Похоже, он очень спешил и опасность была рядом. Для более длинных и ясных посланий ему не хватило времени. В этом случае нам надо поостеречься.

— Хорошо бы все-таки, чтобы это он знаки оставил, — вздохнул Фродо. — Как-то спокойнее знать, что он неподалеку.

— Да, наверное, — рассеянно произнес Колоброд. — Теперь я уверен: он был здесь и ему грозила опасность. Помнишь свет, который мы видели ночью три дня назад? Вспышки были в этой стороне. Думаю, на него напали, но чем дело кончилось —

не знаю. Во всяком случае, его здесь нет, нам остается надеяться на себя и добираться до Дольна, как сумеем.

— А далеко еще? — спросил Мерри, устало вглядываясь в горизонт. Обширным и диким представал мир с вершины Заветери.

— Мили здесь никем не меряны, — отозвался Колоброд. — До «Забытого Приюта» от Брыля день пути. А дальше... Разное говорят. Дорога туда странная. Когда идешь по ней, думаешь только о том, чтобы дойти. В милях ее не считают. У меня, например, при хорошей погоде и удаче отсюда до брода через Гремячую уходило двенадцать дней. Меньше чем за две недели никак не поспеть. Да и то если по дороге идти.

— Две недели, — упавшим голосом повторил Фродо. — Это ж сколько всего произойти может!

Колоброд кивнул. Они еще немного постояли молча на вершине. Здесь Фродо впервые остро ощутил свою неприкаянность в огромном пустынном мире и опасность их предприятия. Как славно было бы остаться в милом уютном Шире, не думать ни о какой Дороге! Он посмотрел на запад, в сторону далекого дома, и вздрогнул. Внизу по Дороге медленно двигались словно две черные букашки. А с востока, навстречу им, ползли еще три! Он вскрикнул и схватил Колоброда за руку.

— Гляди!

Колоброд, не раздумывая ни секунды, бросился на землю, увлекая за собой Фродо. Рядом упал Мерри.

— Что там такое? — шепнул он.

— Ничего хорошего, — мрачно ответил ему Колоброд.

Они подползли к каменному кольцу и припали к щелям. С востока натянуло облака, солнце скрылось, но даже при пасмурном освещении черные точки на Дороге были хорошо видны. Однако зоркости хоббичьих глаз не хватало, чтобы разглядеть путников получше. Только чутье подсказывало Фродо, что он видит встречу Черных Всадников. Видно, у Колоброда зрение было острей.

— Это враги, — уверенно заявил он.

Возвращаться к северному краю вершины пришлось ползком. Вниз они спустились за считанные минуты.

Сэм с Перегрином не сидели без дела. Они облазили свою лощинку и ближайшие склоны. Неподалеку нашелся родник, а рядом — довольно свежие следы. В конце лощинки им попалось кострище и остатки недолгой стоянки. За камнями, скатившимися с вершины, Сэм нашел небольшой запас дров.

— Это уж не Гэндальф ли позаботился? — спросил он у Пиппина. — Раз дрова оставил, значит, вернуться собирался.

Их находки живо заинтересовали Колоброда. Порыскав вокруг, он вернулся с сокрушенным видом.

— Ну почему я сам не осмотрел все сначала? — укорил он себя. — Сэм и Пиппин так старательно затоптали все, теперь

не разберешь. Следопыты были здесь довольно давно. Дрова они оставили. А вот свежие следы не их. Уж один-то отпечаток тяжелого сапога наверняка оставлен день-два назад. Отпечаток один, но полагаю, ног было больше.

Он постоял в беспокойном раздумье. Хоббитам воображение сразу нарисовало образы угрюмых Черных Всадников в плащах и сапогах. Если они были здесь, уходить надо скорее. Сэм подозрительно озирался вокруг.

— Не лучше ли нам смыться побыстрее, сударь? — нервно спросил он у Колоброда. — Дело к вечеру, а в этой дыре мне как-то не по себе становится.

— Мне здесь тоже не нравится, Сэм. — Колоброд взглянул в вечереющее небо. — Но другой подходящей стоянки поблизости я не знаю. Здесь нас, по крайней мере, не видно. А стоит отсюда выбраться, и ты на виду. За Дорогой наблюдают, а пересекать ее придется. Да и место там плоское, как стол, не спрячешься.

— А эти Черные вообще-то *видят*? — спросил Мерри. — Они ведь все больше нюхают. А ты там, на вершине, заставил нас лечь, чтоб не увидели. И теперь говоришь — увидят.

— Я был слишком неосторожен на вершине, — озабоченно заметил Колоброд. — Думал о знаке, оставленном Гэндальфом, и забыл об опасности. Сами Всадники видят мир иначе, чем мы. Но зато прекрасно видят их кони и другие твари, которые служат Черным. Но и без того они способны уловить наши тени, а в темноте видят намного больше нашего. В ночи они опасней всего. А в любое время дня и ночи они прекрасно чуют живую кровь и ненавидят ее. Есть у них и другие чувства. Мы и то почувствовали их приближение, а они чуют нас намного острее. К тому же, — добавил он, понизив голос, — их притягивает Кольцо.

— Выходит, спасенья нет? — жалобно спросил Фродо. — Если мы пойдем, они заметят нас, а если останемся, сами притянем их к себе?

Колоброд положил руку на плечо хоббиту.

— Надежда все-таки есть, — ободряюще сказал он. — Ты не один. Вот и дрова — добрый знак. Укрытие здесь неважное, обороняться трудно, но огонь заменит нам и то, и другое. Саурон даже огонь может приспособить для худых дел, но Всадники огня не любят, а тех, кто им владеет, боятся. Огонь — наш самый верный друг в этих глухих местах.

— Может, и так, — буркнул себе под нос Сэм, — по мне, так это все одно, что крикнуть на весь свет: «Вот они мы!»

В самом укромном уголке лощины путники развели костер и приготовили еду. Под вечер захолодало. Все сильно проголодались, но ужин был скудный. Впереди их ждали пустынные земли, куда, кроме птиц и зверей, не забредал никто. Следопыты проходили здесь, но и они не останавливались, да и мало

их было. Иногда из северных отрогов Мглистых Гор забредали тролли, и только на Дороге можно было встретить редких путешественников — чаще всего гномов, идущих по своим делам. Ни помощи, ни доброго слова ждать от них не приходилось.

— Еды нам не хватит, — озабоченно сказал Фродо после ужина. — Хоть мы и экономим, а нынче ужин — и вовсе насмешка какая-то, а все ж на две недели не хватит.

— Еду добыть можно, — ответил Колоброд. — Ягоды есть, коренья, травы съедобные. При особой нужде я охотиться могу. До зимы с голоду не помрем. Однако еду добывать — дело долгое, а нам спешить надо. Придется подтянуть ремни. Не беда. Думайте о столах в доме Элронда. Там наверстаем.

Холод, пришедший вместе с темнотой, начал донимать их. Небо прояснилось и теперь наполнялось холодными мерцающими звездами. Хоббиты придвинулись вплотную к огню, закутавшись во все одеяла, какие были с собой. Колоброду холод был, видимо, нипочем. Он сидел на корточках чуть в стороне, в своем плаще, задумчиво покуривая трубку.

Пала ночь. Свет костра стал ярче, и тогда Колоброд принялся рассказывать разные истории, отвлекая закоченевших хоббитов от мрачных мыслей. Он знал великое множество легенд и преданий о делах давно минувших, о заре мира, об Эльфах и Людях. Хоббиты слушали разинув рты и только диву давались, сколько он знает всего и откуда узнал об этом.

— Расскажи о Гил-Гэладе, — улучив минуту, когда закончился рассказ об эльфийских княжествах, попросил Мерри. — Ты помнишь еще что-нибудь из той баллады, которую Сэм вспомнил?

— Конечно помню, — отвечал Колоброд. — И Фродо должен помнить, она ведь его близко касается.

Мерри удивленно взглянул на Фродо. Уставившись в огонь, тот медленно проговорил:

— Гэндальф рассказывал мне немного. Гил-Гэлад был последним из великих эльфийских королей Среднеземья. Гил-Гэлад, по-эльфийски — Звездный Свет. С другом эльфов, Элендилом, они отправились...

— Не надо! — вдруг перебил Колоброд. — Не стоит вспоминать об этом здесь, когда опасность близко. Вот будем в Дольне, услышите ее всю, целиком.

— Тогда давай еще о Древних Днях, — потребовал Сэм. — Про Эльфов, только давно, когда они еще были в полной славе. Хорошо бы про Эльфов, а то темно так вокруг...

— Ладно. Я расскажу вам историю о Тинувиэль, — решил Колоброд. — Не всю, конечно, она очень долгая, а так, вкратце. Настоящую историю в этом мире никто уже, кроме Элронда, не помнит, а конец ее и вовсе не известен. Это красивая, хоть и печальная история. Впрочем, все древние истории Среднеземья печальны, но они делают сердца лучше и поднимают дух.

Он помолчал, сосредоточиваясь, а потом начал нараспев:

Был зелен плющ, и вился хмель,
Лилась листвы полночной тень,
Кружила звездная метель
В тиши полян, в плетенье трав.
Там танцевала Лучиэнь;
Ей пела тихая свирель,
Укрывшись в сумрачную сень
Безмолвно дремлющих дубрав.

Шел Берен от холодных гор,
Исполнен скорби, одинок;
Он устремлял печальный взор
Во тьму, ища угасший день.
Его укрыл лесной чертог,
И вспыхнул золотой узор
Цветов, пронзающих поток
Волос летящих Лучиэнь.

Он поспешил на этот свет,
Плывущий меж густой листвы;
Он звал — но слышался в ответ
Лишь шорох в бездне тишины,
И на соцветиях травы
Дрожал под ветром светлый след
На бликах темной синевы,
В лучах бледнеющей луны.

При свете утренней звезды
Он снова шел — и снова звал...
В ответ лишь шорох темноты,
Ручьев подземных смех и плач.
Но хмель поник, и терн увял,
Безмолвно умерли цветы,
И землю медленно объял
Сухой листвы шуршащий плащ.

Шел Берен через мертвый лес,
В тоске бродил среди холмов,
Его манил полет небес
И дальний отблеск зимних гроз...
В случайном танце облаков
Он видел облик, что исчез,
В извивах пляшущих ветров
Он видел шелк ее волос.

Она предстала перед ним
В наряде солнечных огней,
Под небом нежно-голубым,
В цветах оттаявшей земли;
Так пробуждается ручей,
Дотоле холодом томим,
Так льется чище и нежней
Мотив, что птицы принесли.

Она пришла — и в тот же миг
Исчезла вновь... Но он воззвал:
— Тинувиэль! — И скорбный клик
Звучал в лесах и облаках...
И светлый рок на землю пал,
И светлый рок ее настиг,
И нежный свет ее мерцал,
Дрожа, у Берена в руках.

Он заглянул в ее глаза —
В них отражался путь светил,
В них билась вешняя гроза...
И в этот час, и в этот день
Несла рожденье новых сил
Ее бессмертная краса.
Свершилось то, что рок сулил
Для Берена и Лучиэнь.

В глуши лесов, где гаснет взор,
В холодном царстве серых скал,
В извивах черных рудных нор
Их стерегли моря разлук...
Но миг свиданья вновь настал,
Как рок сулил; и с этих пор
На том пути, что их призвал,
Они не разнимали рук.

Колоброд вздохнул и долго молчал, прежде чем заговорить снова.

— Такие баллады эльфы зовут *анн-теннат*, их трудно переводить на Всеобщий язык. Мой рассказ — не больше чем эхо настоящего. Баллада повествует о встрече сына Барахира, Берена, с эльфийской принцессой Лучиэнь Тинувиэль, дочерью короля Тингола. Случилось это в те времена, когда мир был юн. Тинувиэль была прекраснейшей девой в Средиземье. В лице ее сиял звездный свет, теперь звезды не горят уже так... В те дни в Ангбанде царил Великий Враг, а Саурон Мордорский был всего лишь одним из его слуг. Эльфы вернулись с Заокраинного Запада и вели войну с хозяином Ангбанда — могучей северной твердыни — за Сильмариллы, чудесные камни, похищенные Врагом, а праотцы Людей помогали Эльфам. Но Враг одерживал победу за победой, и пал отважный Барахир, а Берен сумел спастись и, преодолев великие опасности, пройдя через Горы Ужаса, пришел в скрытое королевство Тингола в лесах Нэлдорета. Там встретил он Лучиэнь, танцующую и поющую на зеленой поляне, над водами зачарованной реки Эсгалдуин, встретил и назвал Тинувиэль — на древнем языке это имя означает Соловей Ночи. Многие горести выпали им двоим, долго были они в разлуке. Тинувиэль освободила Берена из темницы Саурона, вместе они совершили великий подвиг — повергли самого Врага и

вынули из его железной короны один из трех Сильмариллов, светлейший из всех. Это был свадебный дар Берена королю Тинголу.

Берен принял смерть от Великого Волка, воспитанного Врагом, и умер на руках Тинувиэль. Тогда она избрала смертный удел и последовала за ним в царство развоплощенных душ. Там, за Разлучающими Морями, они встретились вновь, вернулись в мир и долго еще бродили рука об руку в зеленых лесах, пока не покинули вместе эту юдоль и не ушли из плена здешнего мира. С тех пор и до сего времени Лучиэнь осталась единственной эльфийской девой, принявшей смерть. Эльфы потеряли ту, которую любили сильнее всего. Но от нее пошел род эльфинитов; и сейчас в мире еще живы те, кому была она праматерью. Предсказано, что род ее никогда не угаснет. К этому роду принадлежит правитель Элронд. Наследником Тингола, сыном Берена и Лучиэнь, был Диор, на его дочери, Эльвинг Светлой, женился Эарендил, тот самый, чей корабль поднялся над туманами мира в бескрайние моря небес, а путь ему освещал Сильмарилл на челе капитана. От Эарендила ведут родословную Короли Нуменора с Заокраинного Запада.

На протяжении всего рассказа хоббиты зачарованно смотрели на преобразившееся лицо Арагорна, тускло освещенное бликами костра. Его серые глаза сияли как звезды, голос был глубоким и значительным. Над вершиной Заветери поднималась луна. В ее серебряном свете блеск звезд в ночном небе над холмами сделался приглушенным.

Рассказ кончился. Хоббиты зашевелились, начали потягиваться.

— Луна-то уже высоко,— заметил Мерри.— Поздно, должно быть.

Остальные тоже посмотрели вверх. На вершине холма в лунном свете отчетливо был виден не то выступ скалы, не то черный одинокий камень. Сэм с Мерри отошли от огня. Фродо и Пиппин сидели, молча глядя в костер, а Колоброд стоял, пристально вглядываясь во что-то, привлекшее его внимание на вершине. Фродо только взглянул на него и тут же почувствовал поднимающуюся из глубины волну страха. Он придвинулся ближе к огню. В этот момент из темноты бегом вернулся Сэм.

— Я чегой-то испугался вдруг,— задышливо выговорил он.— Там что-то есть. Я теперь ни за какие деньги не отойду никуда. Оно будто сверху наползает...

— Что ты видел? — вскочив на ноги, допытывался Фродо.

— Да ничего я, сударь, не видел и смотреть не смотрел.

— А я вот видел,— сказал, подходя, Мерри,— а может, показалось мне. Там под луной на равнине две не то три черные фигуры. По-моему, они сюда направляются.

— Станьте спиной к огню! — скомандовал Колоброд. — Приготовьте ветки, чтобы зажечь.

Затаив дыхание, хоббиты вглядывались во тьму. Долгое время ничего не происходило. Фродо больше не мог сдерживаться. Ему хотелось кричать.

— Тише! — словно почувствовав, шепнул Колоброд.

— Что там? — выдохнул Пиппин.

Поверх бровки лощины поднялась призрачная тень. Они скорее ощутили, чем увидели ее. Но вот рядом с ней встала вторая, потом третья. Теперь сомнений не было. Три высокие черные фигуры стояли на склоне, глядя на них сверху. Они были чернее ночи, словно дыры мрака в ночной тьме. Фродо показалось, что он слышит звук их дыхания, похожий на змеиный шип. У него похолодело внутри. Фигуры как-то неуловимо приблизились.

От несказанного ужаса Пиппин и Мерри бросились ничком на землю. Сэм кинулся к хозяину. А Фродо била крупная дрожь, словно от леденящего озноба. Но сквозь ужас все настойчивее поднималось в нем желание надеть Кольцо. Оно захватило его, ни о чем другом он уже не думал. Он не забыл ни Упокоища, ни письма Гэндальфа, но сейчас все это отступило, стало неважным, и осталось только желание сдаться, уступить. Он не думал о спасении, не думал, плохо или хорошо то, что он собирался сделать, он просто принимал необходимость надеть Кольцо. Язык не слушался. Где-то на границе сознания он чувствовал отчаянный взгляд Сэма, но не мог даже повернуться к нему. Фродо зажмурился, потряс головой, но дальше сопротивляться не было сил. Он медленно потянул цепочку, вытащил Кольцо и надел на указательный палец левой руки.

Все осталось по-прежнему, но черные фигуры вдруг вырисовались перед ним совершенно отчетливо. Теперь он мог рассмотреть их. Пятеро. Двое стоят на кромке лощины. Трое приближаются. Безжалостные глаза горят жутким фосфорическим светом. Под плащами — серые саваны. На пепельных волосах — боевые шлемы. Иссохшие руки сжимают длинные стальные мечи. Вот их взгляды скрестились на тщедушной фигурке, и они двинулись вперед. В отчаянии Фродо вытащил свой меч и... удивился. Клинок рдел алым светом и рассыпал искры, словно головня, выхваченная из костра. Двое остановились. Третий, выше всех ростом, с короной поверх шлема, шагнул вперед. В правой руке он сжимал обнаженный меч, а в левой — кинжал, испускавший мертвенное, призрачное сияние. Он бросился к Фродо.

Хоббит прянул к земле, услышав собственный сдавленный крик: «О Элберет! Гилтониэль!» — и ударил клинком куда-то в ногу противника. Тут же его левое плечо пронзила ледяная боль. Мир начал стремительно поворачиваться, мелькт

нул Колоброд с двумя пылающими факелами в руках. Выронив меч, последним осмысленным усилием Фродо сдернул Кольцо с пальца и повалился на траву, крепко зажав его в правой руке.

Глава 12
БЕГСТВО К БРОДУ

Когда Фродо пришел в себя, его судорожно сведенные пальцы все еще сжимали Кольцо. Он лежал у огня, и над ним склонялись встревоженные лица друзей.

— Где... где бледный король? — озираясь, вымолвил он, но ответа не получил. Первые произнесенные им слова так обрадовали всех, что никто, собственно, и не вслушивался, а может, вопроса не поняли. Только через некоторое время Фродо выпытал у Сэма подробности происшедшего. Оказывается, никто толком ничего не видел, кроме неясных призрачных фигур, приблизившихся к костру. Просто в какой-то момент Сэм потерял хозяина из виду, а потом спиной почувствовал леденящий ужас и упал. До него едва долетел голос Фродо, выкрикивающего непонятные слова. Позже они буквально споткнулись о тело Фродо, лежавшего ничком с мечом в руке. Колоброд перенес хоббита к костру и пропал куда-то. С тех пор уже немало времени прошло.

Видно было, сомнения Сэма вернулись и окрепли. Именно в этот момент Колоброд вышел из темноты к огню. Все вздрогнули, а Сэм вытащил свой меч и выпрямился во весь рост над Фродо. Колоброд опустился на колени возле лежащего хоббита. Мельком взглянув на Сэма, он произнес мягко:

— Я не из их компании, Сэм. Мне обязательно нужно было вызнать, куда они пропали, но я и этого не сумел. Ума не приложу, почему они отступили, но поблизости их нет, я чувствую.

Услышав о словах Фродо, Колоброд огорченно покачал головой и вздохнул. Потом велел Мерри и Пиппину вскипятить в чайниках как можно больше воды и промывать рану.

— Следите за костром, пусть Фродо будет в тепле, — наказал он и, поднявшись с колен, поманил Сэма за собой. — Похоже, я знаю теперь, как было дело, — отойдя на несколько шагов, проговорил он. — Всадников было только пятеро. Они не ожидали отпора и отступили, но вернутся обязательно, думаю, завтрашней же ночью. Теперь им незачем торопиться. Они уверены, Кольцо от них не уйдет. Фродо ранен. Рана его смертельна, и скоро он будет в их власти. Во всяком случае, так думают Всадники. Но это мы еще посмотрим.

Сэм едва сдерживал слезы.

— Не отчаивайся и доверься мне, — сказал Колоброд. — Хозяин твой оказался покрепче, чем я предполагал. Гэндальф-то

давно об этом догадывался. Убить Фродо не смогли, а уж теперь он так просто не сдастся темной воле. А я сделаю все, чтобы помочь ему. Смотрите за ним хорошенько, я скоро вернусь.

Фродо тем временем задремывал, чувствуя, как постепенно немеет плечо и смертельный холод расползается от раны по всему левому боку. Друзья старались обогреть его и, как велел Колоброд, все время промывали рану горячей водой. Ночь кончалась, трудно переходя в бледный рассвет. Серый предутренний сумрак начал светлеть, когда появился Колоброд. Подходя к костру, он нагнулся и что-то поднял с земли.

— Вот так находка! — воскликнул он, держа в руках черный плащ с рассеченным нижним краем. — Это след меча Фродо, — объяснил он хоббитам, — и, наверное, единственный ущерб, причиненный Черному. Он неуязвим, а все клинки, коснувшиеся бледного короля, обычно исчезают. Намного опаснее меча оказалось для него имя Элберет. А вот оружие, поразившее нашего храбреца! — Колоброд снова наклонился и поднял из травы длинный узкий кинжал. Лезвие холодно блеснуло. Хоббиты увидели, что зазубренное острие обломано на конце. Быстро светало, и вдруг, на глазах у всех, клинок окутался призрачным туманом и растаял, оставив в руке Колоброда одну рукоять. — Проклятый кинжал! — в досаде воскликнул Колоброд. — В мире почти не осталось целителей, способных управиться с такой раной. Я сделаю что смогу, но с таким злым оружием трудно совладать.

Он сел на землю, положил рукоять кинжала на колени и пропел над ней длинное медленное заклинание на неизвестном хоббитам языке. Потом, отложив рукоять, повернулся к Фродо и произнес несколько торжественно звучавших слов. Из сумки на поясе Арагорн достал пучок длинных листьев незнакомого хоббитам растения.

— Мне пришлось далеко ходить за ним, — сказал он. — В холмах оно не растет, и только за Дорогой я по запаху нашел его.

Арагорн растер лист в пальцах, и воздух наполнился приятным терпким ароматом.

— Считайте, нам повезло, — объяснил он хоббитам. — *Ацелас* принесли в Среднеземье Люди с Запада. Оно очень редко попадается и растет только на местах древних поселений. На Северс о нем не знает никто, кроме Следопытов в Пустоземье. Сила у этих листьев огромная, но боюсь, с такой раной и им не справиться.

Он бросил листья в кипящую воду и отваром промыл Фродо плечо. Душистый пар повлиял даже на невредимых хоббитов, прогнав ночную усталость и успокоив измученные сердца. Подействовал отвар и на рану. Ледяной холод, терзавший Фродо, ослаб, и боль поутихла, но рука по-прежнему совершенно не повиновалась ему.

Фродо горько упрекал себя за глупость и слабоволие. Было совершенно ясно, чей безмолвный приказ заставил его надеть Кольцо. А теперь? Калека на всю жизнь? А как же Путешествие? От слабости он даже встать не мог, а о том, чтобы идти, нечего было и думать.

Этот же вопрос задавали себе и остальные. Всем было ясно, что надо уходить от Заветери как можно быстрее.

— Теперь понятно, — сказал Колоброд, — враги держали Заветерь под наблюдением. Если Гэндальф и был здесь, его вынудили уйти. Сюда он не вернется. Надо уходить и нам. Куда бы мы ни пошли, опасней, чем здесь, нам нигде не будет.

С рассветом второпях позавтракали, разделили вещи и провизию, которые нес Фродо, его самого усадили на пони и тронулись в путь. Надо сказать, что животное претерпело за последние несколько дней чудесное превращение. Из заморенного одра оно превратилось в упитанного, крепкого пони, воспылавшего горячей дружбой к Сэму. Тропы Пустоземья легкими не назовешь, но, видно, у Хвоща жилось куда хуже.

Итак, они двинулись на юг. Миновать Дорогу было невозможно, зато, двигаясь в этом направлении, они быстрее всего достигали лесов, а где лес, там и костер: Фродо нуждался в тепле, особенно холодными ночами, да и остальным огонь мог сослужить добрую службу.

К Дороге наши путники подкрадывались, соблюдая все меры предосторожности. Вокруг было тихо, Всадников словно и не существовало никогда. Выждав у обочины, быстро пересекли Дорогу и... услышали, как в отдалении перекликнулись холодные пронзительные голоса: один позвал, другой ответил. Хоббиты и Колоброд метнулись в заросли.

Перед ними простиралась долгая равнина, дикая, нехоженая, поросшая кустарником и чахлыми деревцами, сбившимися в небольшие куртины. Жесткая серая трава покрывала землю. В этом безрадостном краю осень уже высушила листья, и их коричневые трупики печально шуршали под ногами.

Медленно двигался маленький караван. Шли молча, лишь изредка перебрасываясь двумя-тремя словами. Фродо сокрушенно смотрел на согбенные под тяжким грузом спины друзей, на их понуро опущенные головы. Даже неутомимый Колоброд выглядел сегодня усталым и постаревшим.

Первый день пути к далекому Дольну еще не кончился, а Фродо вновь принялась терзать черная боль. Он крепился изо всех сил и ничего не стал говорить спутникам.

Так прошло четыре дня. Вокруг ничего не менялось, только вершина Заветери за спиной словно оседала с каждым днем, пока совсем не скрылась из виду, а синеющие на горизонте горы чуть заметно приблизились. Всадники не давали о себе знать, и, если бы не те крики над Дорогой, хоббиты решили

бы, что им удалось оторваться от преследователей. Страх приходил к ночи. Каждая новая пара часовых готова была в любой миг увидеть возникающие в сумраке зловещие фигуры, но ночь проходила за ночью в неверном свете убывающей луны, посвистывании ветра и шелесте сухих трав. Знакомое жуткое ощущение нависшей угрозы, испытанное в лощине под Заветерью, не возвращалось. Однако никому не верилось, что Черные Всадники потеряли их след. Может, они просто выжидают, собираясь напасть в каком-то другом, удобном для них месте?

В конце пятого дня начал ощущаться пологий подъем. Колоброд повернул на северо-восток, и на шестой день путники вышли на невысокий гребень водораздела. Впереди открылась цепь лесистых холмов. Перед ними можно было разглядеть давно оставленную Дорогу, а справа, под слабым октябрьским солнцем, свинцово поблескивала большая река. Еще одна, поменьше, виднелась в отдалении.

— Хочешь не хочешь, придется нам здесь возвращаться на Дорогу, — вздохнул Колоброд. — Мы вышли к Седонне. Эльфы зовут эту реку Митейтель. Она течет с Троллиного Нагорья, это к северу от Дольна, а южнее сливается с Гремячей. В Море она впадает большой рекой. Дорога только в одном месте пересекает ее, это единственная переправа, поэтому мост и называют Последним.

— А вторая река какая? — спросил Мерри.

— Это и есть Гремячая. Эльфы зовут ее Бруинен. От Последнего Моста до Брода через Бруинен расстояние приличное. Я не думал пока, как нам переправиться. Хватит с нас и одной Седонны. Нам просто повезет, если на Последнем Мосту мы не встретим засады.

Ранним утром следующего дня они спустились к Дороге. Сэм с Колобродом отправились на разведку и не обнаружили никаких следов Всадников. Впрочем, дня два назад прошел дождь и смыл следы. Новых с тех пор не появилось.

По Дороге Колоброд шел быстро. Хоббиты едва поспевали за ним. Через несколько миль впереди показался Последний Мост. Как напряженно ни всматривались путники, ожидая увидеть притаившиеся черные силуэты, там вроде бы никого не было. Тем не менее Колоброд велел им схорониться в придорожных кустах, а сам осторожно двинулся вперед, но вскоре вернулся.

— Никаких признаков врагов, — сказал он. — Откровенно говоря, меня это удивляет. Но кое-что я все-таки нашел.

Он протянул руку, и на раскрытой ладони хоббиты увидели лучистый светло-зеленый камень.

— Он лежал прямо посередине моста, — пояснил Колоброд. — Это эльфийский берилл, такие камни просто так на до-

роге не валяются. По-моему, это знак, что здесь можно пройти. Но пока нам не попадется какая-нибудь более надежная примета, идти дальше по Дороге я не рискну.

Действительно, мост миновали благополучно. Их сопровождал лишь плеск воды, стесненной тремя изящными мостовыми арками. Уже через милю слева от Дороги встали поросшие лесом отроги. Здесь Колоброд решительно повернул, и маленький отряд быстро затерялся под сводами угрюмых корявых деревьев.

Поначалу хоббиты радовались, оставив опасную Дорогу, но уж очень недружелюбные места попадались им теперь все чаще и чаще. Чем дальше, тем круче становились склоны. То здесь, то там на скалистых гребнях глаз замечал остатки древних каменных стен и развалины башен. Руины имели вид зловещий и настораживающий. Фродо, покачиваясь на спине пони, мог без помех озираться по сторонам и размышлять. Ему сразу припомнились рассказы Бильбо о встреченных во время своего Путешествия грозных башнях на холмах к северу от Дороги. Там, в лесу Троллей, и началось, собственно, Приключение. Похоже, речь шла именно об этих краях, и Фродо гадал, пройдут ли они тем же путем, которым шел Бильбо.

— Кто живет здесь? — слабым голосом спросил он. — Чьи это башни? Троллей?

— Тролли ничего не строят, — ответил Колоброд. — Никто здесь не живет. Когда-то, очень давно, жили Люди. Но их и в помине не осталось. По легендам, здешний народ накрыла Ангмарская Тень. А потом они сгинули в войне, положившей конец Северному Княжеству. Это было так давно, что здешние холмы не сохранили памяти о своих обитателях, хотя тень все еще лежит на этих землях.

— Все всё забыли, а ты помнишь?.. — вопросительно произнес Пиппин. — Не звери же с птицами рассказали тебе про здешние дела.

— Наследники Элендила помнят многое, — пожал плечами Колоброд. — А настоящую память о прошлом хранят в Дольне.

— Тебе часто приходилось бывать там? — спросил Фродо.

— Мне приходилось даже жить там, — отозвался Колоброд. — Туда возвращаюсь я, как только смогу. Там всегда остается мое сердце, а вот ногам не суждено отдохнуть в прекрасном Доме Элронда.

Ни Дороги, ни реки давно не было видно. Холмы с частыми скальными выходами обступили их со всех сторон. Хоббиты шли и с опаской поглядывали по сторонам. Похоже, путь их пролегал по дну ущелья, и стены становились все выше, а по скалам цеплялись за камни торчащими корнями корявые стволы сосен.

Все сильнее сказывалась усталость. Прокладывать путь без тропы, среди поваленных стволов и нагромождений камней, было нелегко. Выше не поднимались из-за Фродо. Склоны ущелья пони не одолел бы даже без седока на спине.

Два дня пробирались каменными коридорами. Погода менялась. Нахмурилось. Западный ветер нагнал от далекого морского побережья мокрых облаков и принялся выжимать их над головами путников. Кисея мелкого моросящего дождя затянула окрестности. К ночи все вымокли и не смогли просушиться — вокруг не нашлось ни единой сухой щепки для костра. На следующий день склоны по сторонам стали еще круче, и постепенно пришлось отвернуть к северу. Колоброд проявлял признаки беспокойства: от Заветери они ушли дней десять назад, провизия подходила к концу. Зато дождь не кончался.

Очередной ночлег устроили на неширокой каменной площадке. В скале здесь обнаружилась не то чтобы пещерка, а просто небольшая выемка. Фродо чувствовал себя плохо. От холода и сырости рана разболелась, его колотил озноб, не дававший заснуть. Он ворочался, стараясь поудобнее пристроить левую руку, и настороженно вслушивался в ночные звуки. Ветер тихонько выл в расщелинах, капала вода, где-то далеко прогремел сорвавшийся камень. Ему чудилось, что отовсюду подкрадываются черные фигуры, хотят задушить его, он рывком садился и видел лишь ссутулившуюся спину Колоброда, бессонно стерегущего с трубкой в зубах. Фродо лег в очередной раз и резко провалился в сон. Словно со стороны видел он себя гуляющим по саду в родных Засумках, но собственная фигура представлялась ему словно поблекшей и тусклой, куда менее отчетливой по сравнению с угольно-черными тенями, заглядывавшими через ограду.

Под утро дождь кончился. Облака начали таять, сквозь них проступали голубые полосы. Ветер опять менялся. Позавтракали рано и невкусно, а потом Колоброд ушел, оставив хоббитов под скалой. Он собирался подняться наверх и осмотреться.

Вернулся он мрачный.

— Как хотите, а надо уходить южнее. Ущелье завело нас слишком далеко на север. Так мы никуда, кроме Троллиного Нагорья, не придем. Делать нам там нечего, я страну троллей знаю плохо и никакого желания узнать лучше не испытываю. Заходить в Дольн с севера слишком долго, нам еды не хватит. Идем к Бруиненскому Броду.

Весь день пришлось пробираться через камнелом. В конце концов им все же удалось выбраться то ли в неширокую долину, то ли в широкое ущелье, ведущее на юго-восток. Радости хватило ненадолго. Под вечер путь снова преградил высокий гребень, больше всего похожий на пилу. Приходилось либо поворачивать, либо перебираться через него.

Посовещавшись, решили попробовать перевалить гребень. Однако решить оказалось легче, чем сделать. Вскоре Фродо пришлось спешиться и наравне со всеми карабкаться вверх. Единственное, в чем он не принимал участия, так это в подъеме и подталкивании пони. Они едва втащили бедное животное на перевал. Фродо, дрожа от усталости и напряжения, упал на камни и лежал, сотрясаемый крупной дрожью. Левая рука висела плетью, а плечо и бок словно драли ледяные когти. Деревья и скалы вокруг казались размытыми и словно вылинявшими.

— Как мы пойдем дальше? — сказал Мерри Колоброду. — Посмотри, Фродо еле жив. Мне так беспокойно за него. Как ты думаешь, если мы доберемся в Дольн, там смогут ему помочь?

— Посмотрим, — вполголоса отвечал Колоброд. — Здесь я больше ничего не могу сделать. А идти нам надо, именно его рана и заставляет меня поторапливаться. Хотя сегодня придется все же дать ему отдохнуть.

Рядом стоял Сэм и умоляющими глазами смотрел на Колоброда.

— Что с моим хозяином? — тихо спросил он. — Ранка-то была маленькая, да и затянулась уже. Почти не заметно, только шрам белый остался. А рука холодная как лед.

— Его коснулось не простое оружие, Сэм. Яд или другая злая сила точит его изнутри. Мне с ней не справиться, но отчаиваться пока рано.

Ночь на перевале выдалась холодной. В маленькой ямке под старой сосной разложили костерок. Ветер шумел в кронах деревьев над ними. Фродо в полузабытьи следил за множеством черных крыл, взмахивающих в небе. Это летели преследователи, разыскивая свою жертву в горах и ущельях.

Утро настало ясное и светлое. В прозрачном воздухе мир вокруг предстал чист и отчетлив, не хватало лишь солнца, чтобы отогреть закоченевших хоббитов. На рассвете Колоброд взял с собой Мерри и ушел осматривать окрестности. Вернулись они по солнцу и принесли добрые вести. Теперь ничто не мешало выбрать правильное направление. С вершины скалы Колоброд разглядел впереди отблеск Гремячей, а дорога к Броду шла по-над берегом реки.

— Надо снова выбираться на Дорогу, — сказал он. — Здесь мы никаких троп не найдем, и к Броду иначе не пройти.

После завтрака собрались и пошли. Спуск оказался легче, чем представлялось поначалу, и вскоре Фродо опять смог ехать верхом. Оказалось, что пони, если ему не мешать, прекрасно умеет выбирать дорогу и, похоже, заботится о том, чтобы раненого хоббита поменьше трясло. В свете ясного утра все немножко приободрились, и даже Фродо почувствовал себя луч-

ше, но скоро глаза его снова застлала серая дымка и мир вокруг потускнел и выцвел.

Пиппин, чуть обогнавший остальных, обернулся и воскликнул:

— Здесь тропа!

И в самом деле, это оказалась тропа, сильно петлявшая, порой пропадавшая среди валунов, но все-таки тропа, поднимавшаяся из лесов впереди к оставленному путниками перевалу. Когда-то ею часто пользовались, а те, кто ходил по ней, на силу не жаловались. Старые деревья были разбиты и отброшены в сторону, валуны, скатившиеся сверху, убраны на обочины. Спуск сразу заметно ускорился. Конечно, идти по тропе было несравненно легче, но зато и беспокойней. Мало ли кто проложил ее в этой глуши! Скоро вошли в темный хвойный лес. Тропа перестала петлять, раздалась вширь и привела их под козырек утеса, поросшего деревьями, прямо к кособокой, висевшей на одной огромной петле двери, за которой угадывался вход в пещеру.

Путники остановились и попытались заглянуть в щель. За дверью было темно. Сэм, Колоброд и Мерри навалились плечами, и дверь приоткрылась. Мерри и Колоброд протиснулись внутрь. Далеко можно было не ходить. На полу во множестве валялись старые обглоданные кости, а у входа, среди черепков, стояли два здоровенных, грубо вылепленных глиняных кувшина.

— Если тролли вообще бывают, то здесь у них точно берлога! — заявил Пиппин.— Эй! — позвал он дрогнувшим голосом.— Выходите оттуда! Ясно, чья это тропа. Лучше нам убраться подобру-поздорову.

— Спешить незачем,— сказал, выходя, Колоброд.— Тролли жили здесь, но очень давно. Опасности никакой. Ладно, пошли дальше, посмотрим.

От порога пещеры тропа свернула направо и нырнула в чащу. Пиппин с независимым видом бодро шагал впереди рядом с Мерри. Ему очень не хотелось показать Колоброду, как он струсил перед дверью в пещеру. Сэм с Колобродом шли позади, у стремян Фродо. Тропа вполне позволяла идти гурьбой. Однако уже через несколько минут пришлось остановиться. Пиппин вылетел из-за близкого поворота как ошпаренный. За ним вприпрыжку несся Мерри. Оба выглядели здорово перепуганными.

— Там тролли! — выдохнул Пиппин.— Там, на прогалине! Мы их из-за деревьев видели. Огромные!

— Ну-ка, поглядим.— Колоброд поднял суковатую дубину и легким скользящим шагом двинулся вперед. Фродо молчал. Ему было худо. Сэм в панике нервно озирался.

Полуденное солнце сквозь ветви полуоблетевших деревьев пятнало поляну островками света. Путники, осторожно раздвинув кусты, выглянули. Три огромных тролля и вправду распо-

ложились на прогалине. Один нагнулся, словно ища что-то под ногами, а два других уставились на него. Колоброд беззаботно подошел к нагнувшемуся троллю и огрел его палкой по заду.

— Эй, вставай, каменная туша! — смеясь, позвал он.

Хоббиты затаили дыхание. Однако ничего не случилось. Картина на поляне оставалась неизменной. Первым расхохотался Фродо. Его неуверенно поддержали остальные.

— Ну и ну! — Фродо даже закашлялся от смеха. — Это же надо! Собственную семейную историю забыть! Это же те тролли, которых Гэндальф словил. Они как раз не могли поладить, как им лучше приготовить тринадцать гномов и одного хоббита.

— Я и думать не думал, что мы в этих самых местах, — оправдывался Пиппин. Ему было неловко, ведь историю про троллей он сто раз слышал от Бильбо, правда не очень-то в нее верил. Теперь он недоверчиво глядел на каменных истуканов, гадая, не может ли какое-нибудь волшебство вдруг оживить их.

— Тут не только семейную историю надо знать, — улыбнулся Колоброд. — Ясным днем, при солнышке вы примчались и начали пугать меня живыми троллями на лужайке! Вы даже старого вороньего гнезда у одного из них за ухом не заметили. Для живого тролля это не самое обычное украшение.

Все рассмеялись. На Фродо напоминание о первом удачно кончившемся приключении Бильбо подействовало замечательно. Ласково пригревающее солнышко словно растопило дымку у него перед глазами, и он впервые за много дней приободрился. Приветливая полянка располагала к отдыху, и путники решили перекусить, расположившись между огромных тролльих лап.

— Может, споет кто-нибудь, пока солнышко высоко, — предложил Мерри. — Сколько дней уже ни песен, ни рассказов не было.

— Считай, от самой Заветери, — кивнул Фродо. Все с беспокойством посмотрели на него. — Да не тревожьтесь вы обо мне, — улыбнулся Фродо. — Мне лучше. Петь, правда, наверное, не смогу. Может, Сэм вспомнит что-нибудь?

— Давай, Сэм, — поддержал Мерри. — У тебя в голове полно всего, чего ты скопидомничаешь?

— Да я не знаю, — смутился Сэм. — Вот разве что... Это, конечно, не ахти какая поэзия, если вы понимаете, про что я... Так, чепуха в общем-то. Просто тролли напомнили.

Встав и убрав руки за спину как примерный ученик, он начал напевать сначала негромко, но потом разошелся:

Тролль восседал на груде скал,
Урчал, стонал и кость глодал,
Уж много лет таков обед —
Поскольку с мясом тяжко.
Ляжка! Ряшка!
Сидел один и кость сосал,
Поскольку с мясом тяжко.

Погожим днем приходит Том:
— Вид этой кости мне знаком!
Мой дядя Тим! Что стало с ним!
Его ты слопал гнусно!
Вкусно? Грустно!
И — хлоп об землю башмаком:
— Ты дядю слопал гнусно!

— Дитя, — сказал в ответ нахал, —
Ну да, я дядю обокрал.
Но он уж вот который год
Лежит в могильной яме!
В дряни! В хламе!
И он не слишком обнищал
В своей могильной яме!

А Том орет: — Молчи, урод!
Тебе так это не пройдет!
А ну-ка, брось чужую кость
И к ней не прикасайся!
Майся! Кайся!
Верни немедля, обормот,
И больше не касайся!

Но тролль в ответ: — А вот и нет!
Ты сам сгодишься на обед.
В душе тоска — хочу мяска,
А ты — толстяк изрядный.
Ладный! Складный!
Сойдешь на парочку котлет,
Раз ты пухляк изрядный!

И тут слегка его рука
Щипнула Тома за бока.
Рванулся Том и башмаком
Как даст ему по заду —
Гаду! Смраду!
Досталось славного пинка
Бессовестному заду!

Но этот зад (на Томов взгляд),
Как оказалось, во сто крат
Был тверже скал, где восседал
Наш тролль, голодный зверски, —
Дерзкий! Мерзкий!
И Том удару сам не рад —
Подошве больно зверски!

Отныне хром бедняга Том,
Его нога горит огнем.
А тролль сидит, урчит, сопит
И чавкает ужасно —
Грязно! Страстно!
И тот же зад всегда при нем,
И так же тверд ужасно.

— Ну, это нам всем наука! — захохотал Мерри. — Хорошо, что ты его палкой огрел, Колоброд, а не ногой!

— Где это ты песенку выкопал? — ревниво спросил Пиппин. — Никогда раньше не слыхал.

Сэм в ответ пробурчал что-то неразборчивое.

— Придумал, конечно! — уверенно произнес Фродо. — Чем дальше мы идем, тем больше я о Сэме узнаю такого, чего и не предполагал раньше. То он заговорщиком был, а теперь вот с троллями шутки шутит. Кончится тем, что волшебником окажется или воином отважным.

— Не хочу я быть ни тем, ни другим, — вконец смущенный, пробормотал Сэм.

После полудня их путь пролегал в сплошной лесной чаще. Вполне возможно, что вперед их вела та же самая тропа, по которой шагали некогда Гэндальф, Бильбо и Торин со своими гномами. Через несколько миль вышли на очередной водораздел. Дорога лепилась внизу по подножию холмов, Седонна осталась далеко позади. Горы впереди все еще казались далекими. К ним волнами уходили поросшие вереском холмы.

Колоброд показал на камень, торчащий из травы ниже по склону. На нем можно было разглядеть выветрившиеся знаки, похожие на руны гномов.

— Это уж не тот ли камень, под которым прятали золото тролли? — присмотревшись, вспомнил Мерри. — Фродо, ты не знаешь, осталось что-нибудь от Бильбовой доли?

Фродо тоже смотрел на камень и думал, как было бы хорошо, если бы Бильбо вообще вернулся из своего Путешествия с пустыми руками. И не было бы тогда смертельно опасных сокровищ, из-за которых приходится расставаться с домом и брести неведомо куда.

— Ничего от нее не осталось, — ответил он. — Бильбо все роздал. Он не считал богатство своим. Наворованное ведь...

В длинных прозрачных тенях раннего вечера дремала перед ними Дорога. Спустившись со склона, путники быстро зашагали вперед. Солнце скоро скрылось за пройденной недавно седловиной; с далеких гор впереди прилетел холодный ветер.

Хоббиты уже посматривали по сторонам, выбирая место для привала, и тут их настиг звук, который они страшились услышать все эти дни. Позади на Дороге стучали копыта! Все мгновенно оглянулись — без толку! Поворот скрывал приближающегося всадника. Тогда они бросились в черничные заросли и карабкались вверх, пока не добрались до густых ореховых кустов. Только здесь перевели дух и оглянулись. Дорога неясно серела футах в тридцати под ними, но поворот по-прежнему не позволял видеть далеко назад. Копыта меж тем приближались. «Клипети-клипети-клип» доносилось все ближе, но те-

перь к их перестуку примешивался тихий нежный перезвон, словно от множества маленьких колокольцев.

— Не похоже на Черного Всадника, — решительно сказал Фродо, внимательно вслушиваясь. Остальные хоббиты с надеждой кивнули, но подозрения не оставили их. Слишком глубоко въелся страх погони, теперь любой звук казался зловещим. Лицо Колоброда, припавшего ухом к земле, просветлело.

Свет уходящего дня быстро мерк, тихонько шелестели кусты под ветром. Колокольцы звучали все ближе, «клипети-клип» обернулось быстрой рысью, и внезапно из-за поворота вынесся *белый* конь в звездчато мерцающей сбруе. Плащ всадника вольно вился позади, капюшон был откинут на спину, золото волос струилось по ветру. Фродо показалось, что фигура всадника, удивительно благородной посадки, излучает теплое млечное сияние.

Колоброд вскочил на ноги и, перепрыгивая через кусты, бросился к краю Дороги. Но еще прежде всадник натянул поводья и остановил коня, глядя прямо вверх, туда, где прятались хоббиты. Завидев Колоброда, он спешился и поспешил ему навстречу с возгласом: *«Аи на ведуи Дунадан! Маэ хованнэн!»*

Ясный звонкий голос и слова не оставляли никаких сомнений. В этом мире никто, кроме эльфов, не говорил так певуче и звонко. Однако в дивном голосе помимо радости звучала и тревога. Эльф обнял Колоброда и быстро заговорил с ним по-эльфийски. Колоброд, выслушав, махнул рукой хоббитам, и они, оставив укрытие, заторопились к Дороге.

— Это Глорфиндейл из Дома Элронда, — представил Колоброд.

— Наконец-то добрая встреча! Привет тебе! — обратился эльф к Фродо. — Я был послан встречать тебя. Дорога опасна!

— Значит, Гэндальф все-таки в Дольне? — радостно воскликнул Фродо.

— Нет, — ответил с легким недоумением эльф. — Во всяком случае, девять дней назад, когда я покидал Дольн, его там не было. Элронд получил тревожные вести. Наши эльфы, странствующие за Берендуином[1], поняли, что ваши дела плохи, и поспешили известить всех, кого могли. Мы узнали, что Девять выступили из Мордора, а вы со своей тяжкой ношей остались без водительства и руководства. Не многим у нас под силу открыто противостоять Девяти, но Элронд тотчас же разослал нас на север, на запад и на юг. Мы предполагали, что вы уйдете с Дороги, и опасались, не затеряетесь ли вы в глуши.

Я дошел до Митейтейля и оставил там знак. Было это семь дней назад. У Моста в засаде было трое назгулов, я прогнал их на запад. Еще двое встретились мне позже и повернули на юг. С тех пор я все ищу ваш след и два дня назад понял, что

[1] Так эльфы называют Бренди дуин.

вы прошли через Мост, а сегодня заметил, как вы спустились с холмов. Ладно, сейчас не время делиться новостями.

Раз мы вместе, не будем пренебрегать Дорогой. Она сократит нам путь. Позади — Пятеро. Стоит им напасть на след, они помчатся стрелой. А ведь я так и не знаю, где Четверо остальных. Как бы нам не встретить их возле Брода!

Пока хоббиты слушали Глорфиндейла, стемнело. У Фродо от усталости слипались глаза. Еще в сумерках знакомая дымка замглила его взор, и он все старался отогнать тень, не позволявшую разглядеть лица друзей. В боку снова зашевелилась боль, он знобко повел плечами и, покачнувшись в седле, вынужден был ухватиться за плечо Сэма, чтобы не упасть.

— Мой хозяин ранен, — сердито проговорил Сэм. — Он не может ехать быстро. Все-таки ему отдых нужен.

Фродо снова покачнулся, и Глорфиндейл, легко подхватив его на руки, с беспокойством всмотрелся в лицо хоббита.

Колоброд коротко рассказал о стычке на Заветери и о ране Фродо. Хоббиты с удивлением увидели у него в руках рукоять вражьего кинжала. Глорфиндейл, содрогнувшись от отвращения, взял ее и внимательно рассмотрел.

— Злые слова выбиты здесь, — только и сказал он. — Вам их не разглядеть. Сохрани ее, Дунадан. Надо показать Элронду. Только заверни во что-нибудь и старайся касаться пореже. Многие раны приходилось мне врачевать, но с этой, боюсь, не справлюсь. Что смогу — сделаю, но теперь надо спешить вдвойне. По-настоящему ему смогут помочь только в Дольне.

Длинными чуткими пальцами он ощупал плечо Фродо, и лицо эльфа посуровело, словно подтвердились самые худшие его опасения. А Фродо почувствовал, как уходит озноб и от плеча по руке словно бежит тоненький теплый ручеек. Боль отпустила. Вечер вокруг будто просветлел, он ясно увидел лица друзей и с новой надеждой ощутил прилив сил.

— Поедешь на моем коне, — распорядился Глорфиндейл. — Стремена подтянем, тебе будет удобно. Не бойся. Конь не даст тебе упасть. Шаг у него ровный, а при опасности он легко уйдет от коней Врага.

— Нет! — запротестовал Фродо. — Я вовсе не хочу попасть в Дольн, бросив друзей в опасности на Дороге.

Глорфиндейл улыбнулся:

— Если тебя здесь не будет, им бояться нечего. Девятерым нужен ты, мы для них неинтересны. Ты сам, Фродо, ты и твоя ноша — самая большая опасность для всех.

Фродо не спорил. Его осторожно усадили на белого коня, а пони досталась поклажа хоббитов. Теперь они могли идти куда быстрее и все-таки скоро стали отставать от словно плывущего над дорогой эльфа. Он вел их прямо в ночь, безлунную и беззвездную сегодня. До самого рассвета они шли и шли без

единой остановки. К утру Пиппин, Мерри и Сэм едва брели, даже Колоброд ссутулился и как-то посерел от усталости. Фродо задремал, его укачала плавная поступь эльфийского коня.

Когда наконец объявили привал, хоббиты просто попадали в придорожный вереск и заснули мертвецки. Казалось, они только сомкнули глаза, а уж Глорфиндейл снова будил их и солнце стояло высоко, а ночные туманы и облака исчезли без следа.

— Вам надо выпить вот это. — Глорфиндейл плеснул каждому понемногу из своей кожаной фляги, отделанной серебром. Жидкость по вкусу не отличалась от родниковой воды, не имела запаха, не казалась особенно теплой или холодной, но, выпив, хоббиты ощутили огромный прилив бодрости и сил. Съеденный вслед за тем черствый хлеб с пригоршней сухих фруктов утолили голод лучше основательного ширского завтрака.

И снова они топали по Дороге, отдохнув не больше пяти часов. Глорфиндейл по-прежнему торопил их и за весь день позволил лишь две короткие остановки. К ночи за спиной осталось около двадцати миль. Отсюда Дорога поворачивала вправо и спускалась на дно ущелья, да так и шла по нему до самого Бруинена. Погоня все еще не давала о себе знать, но эльф часто останавливался, настороженно прислушиваясь, и не раз тень беспокойства туманила его прекрасное лицо. Изредка они с Арагорном обменивались несколькими фразами по-эльфийски.

Да, проводники были озабочены, но хоббиты не могли больше сделать ни шагу. На последних фарлонгах перед привалом на них невозможно было смотреть: они ковыляли, пошатываясь, не поднимая головы, загребали ногами дорожную пыль, а мысли их монотонно кружились вокруг горящих ступней, ноющих лодыжек и ломящих поясниц. Фродо чувствовал себя не лучше. Рука и плечо болели ужасно, на протяжении дня он с тоской замечал, как окружающее все больше выцветает, теряет четкость очертаний, обращаясь в скопище призрачно-серых теней. Теперь он радовался наступлению ночи: в темноте мир казался не таким блеклым и пустым.

На следующее утро усталость ничуть не уменьшилась, а Дорога, покачиваясь, снова тащилась у них под ногами. До Брода все еще оставалось немало миль, и хоббитам казалось, что они торопятся изо всех сил. На самом деле они едва плелись.

— Чем ближе к реке, тем опасней, — молвил Глорфиндейл, — чует мое сердце: нас настигают сзади, а впереди — засада.

К счастью для хоббитов, Дорога шла под уклон. В некоторых местах обочина заросла травой, и хоббиты шли по ней,

давая отдых несчастным ногам. Далеко за полдень Дорога надумала нырнуть в густую тень высоких сосен, потом врезалась в глубокий овраг с крутыми влажными склонами из красного камня. Как только путники вступили в него, по всему оврагу пошло гулять эхо, и не разобрать стало, звук чьих копыт рождает его. Впрочем, вскоре Дорога резко выскочила на открытое место, и примерно в миле впереди они увидели Бруиненский Брод. За рекой круто поднимался коричневый берег с серой лентой тропы, а дальше, сколько хватало глаз, громоздились горы: отрог налезал на отрог, пик возносился над пиком, и так без конца.

Позади, в краснобоком овраге, все еще жило эхо. Порыв ветра промчался по вершинам сосен. Глорфиндейл обернулся, вслушался и крикнул не то коню, не то Фродо:

— Беги! Враг настигает!

Белый конь рванулся вперед. Хоббиты заторопились вниз по склону. Эльф и Арагорн, часто оборачиваясь, торопливо шли сзади. На полпути к Броду на них обрушился из-за спины слитный топот копыт. Из устья оврага вылетел Черный Всадник и осадил коня, покачиваясь в седле. Вслед за ним появился другой, а потом еще один и еще двое.

— Вперед! Скачи вперед! — приказал эльф Фродо.

Хоббит подчинился не сразу. Что-то в нем сопротивлялось, не желая спасаться бегством. Пустив коня шагом, Фродо обернулся. Всадники на могучих конях высились неподвижными четкими изваяниями, а все прочее — лес, земля вокруг — словно отступило и расплывалось в тумане. Внезапно Фродо услышал безмолвный приказ, пришедший *оттуда*. Ему повелевали остановиться и не трогаться с места. Страх и ненависть всколыхнулись в душе хоббита одновременно. Рука отпустила повод и нащупала рукоять меча. Обнаженный клинок зарделся, роняя искры.

— Вперед же! Не медли! — кричал ему Глорфиндейл, а потом, видно сообразив что-то, приказал коню по-эльфийски: — *Норо лим! Норо лим, Асфалот!*

Белый конь сорвался с места и понесся как вихрь. Помедлив мгновение, черные кони прянули с холма вслед. Черные Всадники испустили жуткий вой — Фродо уже слышал его в лесах Восточной Чети, и снова, как тогда, им ответили. Спереди и слева, из-за скал, вылетели еще четыре Черных Всадника. На равнине они разделились: двое бросились наперерез Фродо, а двое стремительным галопом неслись к Броду, чтобы перехватить хоббита у воды. Фродо с ужасом понял, что все эти черные нити сходятся в одной точке, ему не уйти. Бросив короткий взгляд через плечо, он уже не увидел друзей, зато с удивлением отметил, что черные кони за спиной не приблизились, а, пожалуй, немного отдалились. Даже они уступали в скорости Асфалоту. Он снова стал смотреть вперед, и мелькк-

нувшая было надежда начала таять. Казалось, не оставалось ни малейшей возможности достичь Брода раньше Черных. Теперь он ясно видел их: без плащей, в серых саванах и латах, с обнаженными мечами в иссохших руках, на головах те же шлемы, в которых они явились ему на Заветери. Поблескивали страшные глаза, а жесткие, пронзительные голоса звали его, звали...

Страх захлестнул Фродо с головой. Он забыл о мече. Он не мог кричать. Закрыв глаза, он склонился к шее коня и судорожно вцепился в мягкую гриву. Ветер пронзительно пел у него в ушах, колокольцы звенели жалобно и слитно. Хоббита страшно, как копьем, ударило могильной стынью, когда последним отчаянным рывком эльфийский конь пролетел в дюйме от вытянутой морды переднего черного коня, словно вспышка белого пламени.

Фродо привел в чувство плеск воды, подбиравшейся к стременам. Внезапное волнение охватило его, а на сердце легла непомерная тяжесть, когда белый конь, разбрызгивая воду, выбрался на противоположный берег и начал взбираться по каменистой тропе. Брод остался позади.

Но и преследователи отстали ненамного. Асфалот поднялся на крутой берег, встал и, повернувшись к реке, пронзительно заржал. У самой воды на том берегу стояли Девять Всадников. Их поднятые лица были обращены к Фродо, и хоббит задрожал от мысли, что пересечь реку им не труднее, чем белому коню. Он разом понял всю безнадежность бегства неизвестной дорогой к границам Дольна, если Черные сейчас переправятся. И снова могучий безмолвный приказ — остановиться! — настиг его. В сердце шевельнулся гнев, но тут же угас. Сил для сопротивления больше не было.

Первый Всадник дернул повод и послал своего коня вперед. Конь заупрямился и встал на дыбы. Преодолевая неимоверную тяжесть, Фродо выпрямился в седле и поднял меч.

— Прочь! — собрав последние силы, крикнул он. — Уходите прочь в свой Мордор, оставьте меня!

Ему самому собственный голос показался слабым и жалобным. В нем не было силы. Всадники приостановились. Теперь они смеялись над ним.

— Вернись к нам! Вернись! — звали злобные властные голоса. — Мы уйдем в Мордор и возьмем тебя с собой!

— Уходите прочь! — едва пролепетал Фродо.

— Кольцо! Отдай Кольцо! — требовали ужасные голоса.

Вот вожак Черных заставил коня вступить в воду. За ним последовали еще двое.

— Именем Элберет и Прекрасной Лучиэнь клянусь, — коснеющим языком молвил Фродо, слабо взмахивая мечом, — вы не получите ни Кольца, ни меня.

Король-Призрак, бывший уже на середине Брода, привстал на стременах и повелительно поднял руку. Фродо сковала не-

мота. Язык прилип к гортани, сердце билось с перебоями. Меч неожиданно обломился и выпал из дрожащей руки. Эльфийский конь коротко заржал и встал на дыбы.

Ближайший Черный Всадник преодолел уже две трети реки, когда до слуха Фродо долетел яростный рев и тяжкий рокот. Фродо смутно видел, как река выше по течению неожиданно вспухла. Во взметнувшихся пенных гребнях ему почудились белые развевающиеся гривы, султаны плюмажей и копья брызг конницы огромных волн, катящих громадные камни. Казалось, воды реки преобразились и исчезли, уступив место белому воинству, рвущемуся из верховьев. Троих Черных Всадников, бывших на середине Брода, смело ревущим валом воды, они исчезли, растворились в белой пене. Те, что оставались на берегу, в ужасе отпрянули назад.

Меркнущим сознанием Фродо уловил неясные крики. На том берегу, за спинами Черных Всадников, ему почудилась сияющая фигура огромного роста, рядом с ней быстро двигались несколько других, плохо различимых и маленьких по сравнению с гигантом. Они размахивали неяркими красными огнями, быстро тускневшими в неудержимо накатывающейся на ясный мир пелене серого тумана.

Черных коней словно обуяло безумие. Не слушая поводьев, они тащили Всадников в пенные волны и тут же исчезали, подхваченные ревущим потоком. В грохоте взъярившейся воды едва слышно звучали пронзительные вопли. Сознание ускользало. Фродо покачнулся, выпрямился, почувствовал, что падает, грохот и смятение захлестнули его; казалось, поднявшиеся воды поглотили хоббита вместе с врагами, и больше он не слышал и не видел ничего.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1
ВСТРЕЧИ

Фродо проснулся в кровати. Первая его мысль была о долгом мучительном кошмаре, после которого вполне простительно поспать подольше (где-то на краю сознания еще колыхались отголоски ужасного сна). А может, он болел? Фродо поднял глаза к потолку, и потолок показался ему странным: собственно, потолка не было, он терялся где-то в полумраке вверху. Мощные открытые потолочные балки украшала затейливая резьба. Он полежал еще немного, разглядывая пятна света на совершенно незнакомых стенах и прислушиваясь к звуку падающей неподалеку воды.

— Интересно, где это я? — спросил он у потолка. — И который час?

— В Доме Элронда. Сейчас десять часов утра, — неожиданно ответил знакомый голос. — Между прочим, утро это принадлежит двадцать четвертому октября.

— Гэндальф! — возликовал Фродо, мигом садясь на кровати. И в самом деле, старый маг обнаружился мирно сидящим в кресле у раскрытого окна.

— Тише, тише, здесь я, — успокоил его Гэндальф. — И ты тоже здесь, хоть это и странно после всех твоих глупостей.

Фродо снова лег. Ему было слишком уютно и спокойно и совсем не хотелось возражать и оправдываться. Что толку! Теперь он окончательно проснулся, и к нему по кусочкам возвращалась память о Путешествии: чуть было не погубивший их «короткий путь» через Древлепущу; «случайность» в «Резвом Пони»; безумное решение надеть Кольцо под Заветерью. Пока он раздумывал обо всем этом, пока отыскивал в памяти недостающее звено, которое могло бы объяснить его появление в Доме Элронда, маг спокойно покуривал трубку, и белые пухлые колечки дыма, не меняя очертаний, выплывали в окно.

— Где Сэм? — спросил наконец Фродо. — И что с остальными?

— Все живы-здоровы. Сэма я с полчаса назад отправил отдохнуть.

Фродо помолчал, собираясь с духом, и спросил:

— Что случилось у Брода? Я почти ничего не видел. Все казалось таким тусклым... да и сейчас еще не совсем прошло.

— Так и должно быть, — ответил маг. — Ты начинал развоплощаться, таять, превращаться в тень. Рана одолевала тебя. Еще несколько часов — и было бы поздно. Но ты, милый мой хоббит, оказался крепким орешком, это в тебе еще в Упокоищах проявилось. В очень опасную переделку ты попал тогда, пожалуй опаснее не было. А вот на Заветери не удержался.

— Э-э, да ты все уже знаешь! Откуда? Я ведь никому про Упокоище не рассказывал. Сначала вспоминать жутко было, а потом... потом других забот хватало. Кто тебе рассказал?

— Ты же и рассказал, — спокойно произнес маг. — Ты много говорил в бреду, Фродо. Ну, а остальное мне нетрудно было выудить из твоего сознания. Не надо тревожиться. Я сгоряча назвал твои поступки глупостью. Это не так, конечно. Вы совершили подвиг, пронеся Кольцо через такие опасности.

— Без Колоброда нам ни за что бы не уцелеть, — сказал Фродо. — И без тебя очень плохо было. Я просто не знал, что делать.

— Твой упрек справедлив. — Маг прикрыл глаза. — Меня задержали и из-за этого едва не случилось большой беды. Тут я, правда, не очень уверен: может, так оно и лучше получилось.

— Расскажи, а? Мне жутко хочется послушать!

— Всему свое время. Сегодня Элронд вообще не разрешил тебе разговаривать. Тебе еще нельзя волноваться.

— Вот и рассказывай! — потребовал Фродо. — Это единственный способ покончить с моими волнениями. Я извелся от них. Надо же все объяснить, иначе какой мне покой? Почему ты не пришел? Хоть это-то можешь сказать?

— Все ты услышишь, все поймешь, — замахал на него трубкой маг. — Как только ты встанешь на ноги, будет Совет. Но про мое опоздание ты вправе узнать сейчас. Моей вины в том немного. Я был в плену.

— Ты?! — не поверил Фродо.

— Да, я, Гэндальф Серый, — горько отозвался маг. — В этом мире, дорогой Фродо, есть немало сил, злых и добрых, с которыми мне еще не по плечу тягаться. С некоторыми судьба нас еще не сводила. Но мои сроки близятся. Хозяин Моргула и его Всадники действуют. Нас ждет война!

— Так ты и раньше знал о Всадниках?

— Конечно. Даже тебе рассказывал. Черные Всадники — это Призраки Кольца, Девять преданных слуг Властелина Колец. Их историю я знал, но о том, что они восприяли, не знал ничего. Иначе я немедля ушел бы в Дольн вместе с тобой. Первые вести об их появлении настигли меня в дороге, в конце июня. Но с этой историей придется подождать. Пока, спасибо Арагорну, мы спасены от немедленной гибели.

— Да, Колоброд спас нас. А знаешь, сначала я боялся его. А Сэм, по-моему, до сих пор не очень-то ему доверяет. Во всяком случае, до встречи с Глорфиндейлом не доверял.

Гэндальф улыбнулся:

— Про Сэма я все знаю. Теперь он не сомневается.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно вздохнул Фродо. — Мне нравится Колоброд. Хотя нет, «нравится» тут, конечно, ни при чем. Я... привязался к нему, хоть он и странный, а временами — суровый даже. И знаешь, чем-то вы похожи. Раньше я о Верзилах хуже думал: ну, большие, ну, глуповатые, как Маслютик, или просто вредные, как Хвощ. Но в Шире Людей вообще мало знают... кроме брыльчан, наверное.

— Вы и их-то не знаете, если тебе Маслютик глуповатым показался, — заметил маг. — Ума у него хватает. Конечно, соображает он не так быстро, как тараторит, но когда надо, сквозь кирпичную стену увидит, как в Брыле говорят. Что же до Арагорна, то таких Людей в Средиземье почти не осталось. Род Королей из-за Моря почти угас. Может статься, Война Кольца станет их последним деянием.

— Так Колоброд и правда из рода древних королей? — изумленно спросил Фродо. — Я думал, их нет давно. Я думал, он простой Скиталец...

— «Простой Скиталец»! — горько воскликнул Гэндальф — Милый ты мой Фродо, так ведь Скитальцы и есть последние рыцари Арнора. Они много помогали мне раньше, без их помощи мне и теперь не обойтись. Мы пока только в Дольне; путь Кольца должен оборваться не здесь.

— Наверное, — неуверенно согласился Фродо. — Но... я до сих пор думал лишь о том, как бы сюда добраться... дальше ведь мне, наверное, идти не придется, а? Мне так хочется отдохнуть. За этот месяц мне вполне хватило всяких приключений и путешествий... — Он умолк и прикрыл глаза. Однако чуть погодя заговорил снова: — Я вот считаю, и у меня никак не получается двадцать четвертое. Должно быть двадцать первое. Мы же вышли к Броду двадцатого.

— Ты слишком много считаешь и разговариваешь, — покачал головой маг. — Как твое плечо?

— Не знаю, — ответил Фродо. — Наверное, хорошо. Я ничего не чувствую. Вот только рука как-то не совсем слушается. Но уже не холодная, — сообщил он, потрогав левую руку правой.

— Отлично! — улыбнулся Гэндальф. — Дело идет на поправку. Скоро ты будешь совсем здоров. Элронд исцелил тебя. Он не отходил от твоей постели целые дни, с тех пор как тебя принесли сюда.

— Дни? — переспросил Фродо.

— Если быть точным, — прищурился маг, — четыре ночи и три дня. Ты потерял счет дням двадцатого, именно тогда тебя принесли в Дольн. Все страшно тревожились, а Сэм вообще не отходил

от тебя ни на шаг, разве что я его посылал куда. Элронд — великий целитель, но оружие, которым ты был ранен, наносит только смертельные удары. Я и то чуть было не отчаялся. Я ведь знал, что обломок клинка остался в теле, но только прошлой ночью Элронд смог обнаружить его и вывести вон. К этому времени обломок уже проник глубоко и пробирался все дальше.

Фродо вздрогнул. Ему вдруг ясно привиделся бледный кинжал в руках Арагорна, исчезающий на глазах.

— Все прошло, — успокоил его маг. — Эльфы все сделали как надо. Твой обломок уничтожен. И знаешь, похоже, хоббитов не так-то просто развоплотить. Я знавал могучих воинов из людского племени, которых такой осколок быстро сводил в царство теней, а ты носил его в себе семнадцать дней!

— А если бы не Элронд, что бы со мной стало? — замирая, спросил Фродо. — Чего хотели Черные Всадники?

— Ты получил удар моргульским клинком. Это оружие коварное, обломок остается в теле и сам находит дорогу к сердцу. Случись так, и ты стал бы походить на них, стал бы их рабом, одним из призраков, покорных Темному Властелину. А уж он бы припомнил тебе попытку отобрать Кольцо. Хотя, с другой стороны, трудно представить бо́льшую пытку, чем лишиться Кольца и видеть его каждый день на Вражьей руке.

— Хорошо хоть я не знал, как все это страшно, — содрогнулся Фродо. — Я боялся, конечно, ужасно, но если бы знал — чего, вообще бы умер на месте! Ведь это чудо, что я живой, — полувопросительно добавил он.

— Чудо, удача, судьба — они твои помощники, ну и твое мужество, конечно. Ты сопротивлялся до последнего, поэтому отделался только раненым плечом. До сердца обломок не дошел. Но, чтоб ты знал, жизнь твоя на волоске висела. Надев Кольцо, ты одной ногой вступил в призрачный мир, показался им. Как они тебя не схватили!

— Знаю, — потупился Фродо. — Они ужасные... Я только не понимаю, как же мы видим их коней?

— Так ведь кони-то настоящие. И плащи тоже. Когда имеешь дело с живыми, нужна же бесплотности какая-то форма.

— А как же настоящие кони их терпят? Другие-то животные на дух не выносят: собаки воют, гуси тоже... даже конь Глорфиндейла...

— Это — мордорские кони. Они специально обучены и служат Темному Властелину. Не все его слуги — призраки! Есть орки, есть тролли, варги есть и волколаки, людей всегда много было, и сейчас там немало воинов и королей, вполне живых, только подпавших под его власть. И беда в том, что их больше становится с каждым днем!

— А Дольн? А эльфы? Дольн-то в безопасности?

— Пока — да. Есть много земель, до которых не дотянулась еще Черная Длань. Эльфы могут страшиться Врага, могут от-

ступить, но служить ему — никогда! Здесь, в Дольне, еще живут главные его противники в этом мире — Мудрые Эльфы, князья Эльдаров, пришедшие из-за дальних Морей. Тем, кто жил в Благословенном Краю, Призраки Кольца не страшны. Перворожденные живут в обоих мирах, обладая великой силой и в Зримом, и в Незримом.

— Погоди, значит, мне не показалось? Я видел... знаешь, огромный витязь, весь белый! Все было тусклое такое, а его я видел отчетливо. Это — Глорфиндейл?

— Да, таков он в Незримом мире, один из Перворожденных. Он из рода эльфийских владык. Как видишь, в Дольне найдутся силы, чтобы побороться с мощью Мордора. Да и не только в Дольне. Я бы и Шир не стал сбрасывать со счетов. Конечно, там другое... Но если дела и дальше пойдут, как сейчас, такие места скоро станут отдельными островами в темном море осады. Мордор обрушит на них небывалую мощь. Ну, а пока,— маг поднялся и уставил длинную бороду в сторону Фродо,— надо сохранять мужество. Ты скоро будешь на ногах, если опять не сляжешь от моих разговоров. Здесь, в Дольне, беспокоиться не о чем.

— Чтобы сохранять, надо его иметь, мужество-то,— виновато произнес Фродо.— А где его взять? Ладно, сейчас я и правда не тревожусь ни о чем. Ты только скажи еще, как там наши и чем все-таки у Брода кончилось? Я ведь не успокоюсь, пока про все не узнаю. А потом... потом посплю, но только расскажи уж до конца.

Гэндальф придвинул кресло к кровати и тепло посмотрел на хоббита. Щеки Фродо порозовели, глаза смотрели ясно и внимательно. Легкая улыбка бродила по лицу, и вот здесь, пожалуй, что-то было не совсем в порядке, но даже маг не мог уловить, что именно. Какой-то призрачный отсвет... да вот еще левая рука, как-то слишком спокойно лежащая поверх одеяла...

«Этого и надо было ожидать,— подумал Гэндальф.— Он одолел только полпути, а что будет в конце, даже Элронд не скажет. Но уж, наверное, ничего плохого. А станет он как хрусталь, наполненный чистым светом, если найдутся глаза, способные это увидеть!» — неожиданно решил он.

— Ты отлично выглядишь,— произнес маг вслух.— Ладно. Рискну поговорить еще, хоть Элронд и не одобрил бы. Только совсем немного, а потом — спать! Насколько я сумел восстановить ход событий, у Брода было вот что. Всадники погнались за тобой. Им уже не приходилось полагаться на чутье коней, они видели тебя, ведь ты стоял на пороге их мира. Да еще Кольцо их притягивало. Друзья твои вовремя убрались с дороги, иначе попали бы под копыта. Они видели, что вся надежда на Асфалота. Всадников им было не остановить. Пешими даже Глорфиндейл с Арагорном не могли противостоять Девяти.

Кольценосцы пронеслись мимо, а они побежали следом. Возле самого Брода есть небольшая ложбина и деревья. Глорфин-

дейл знал, что река не пустит Черных, если они туда сунутся. Быстро развели костер, приготовили факелы. И когда по реке прошел первый вал, эльф поспешил к берегу, а за ним с факелами остальные. Всадники попали в западню: с одной стороны — взбесившаяся река, с другой — огонь. А тут еще Перворожденный Эльф, страшный во гневе, — есть от чего прийти в ужас. Первыми не выдержали кони. Троих Черных река уже смела, а обезумевшие кони тащили в воду и остальных.

— И им конец пришел? — блестя глазами, спросил Фродо.

— Это было бы слишком хорошо, — вздохнув, ответил Гэндальф. — Кони погибли. Без них Кольценосцы беспомощны. Но их самих так просто не уничтожишь. Впрочем, сейчас не в них дело. Когда вода спала, твои друзья переправились и нашли тебя лежащим на берегу со сломанным мечом в руке. Конь охранял тебя, но ты был такой белый и холодный — невольно думалось о самом худшем. Тебя подняли и понесли в Дольн, а уж по дороге вас встретили эльфы.

— А кто сотворил такое с рекой?

— Элронд. В этом краю ему повинуется все. Стоило Королю-Призраку ступить в воду, поток восстал, силы реки были выпущены на свободу. Ну и я еще немножко добавил. Не знаю, заметил ли ты, что волны походили на белых коней? А когда река стронула и покатила вниз камни, даже мне не по себе стало и я засомневался, сможем ли мы укротить поток, и не смоет ли вас тоже. В реках, берущих начало в вечных снегах Мглистых Гор, скрыта великая сила.

— Вот теперь я все вспомнил, — проговорил Фродо. — Этот грохот... Я думал, меня унесет вместе с врагами и со всем остальным. Как хорошо, что мы в безопасности!

Фродо устало закрыл глаза и не заметил быстрого взгляда, брошенного магом из-под кустистых бровей.

— Да, пока вы все в безопасности, — молвил Гэндальф. — Впереди пир по случаю победы у Брода, и вас намереваются чествовать как героев.

— Вот здорово! Даже чудно: смотри, такие властители — Элронд, Глорфиндейл и Арагорн тоже, они столько добра для меня сделали...

— Ну, тому есть немало причин, — усмехнулся Гэндальф. — Одна из них — это я. Другая — это Кольцо, ты все-таки Кольценосец, наследник самого Бильбо, нашедшего Кольцо.

— Милый старый Бильбо, — сонно проговорил Фродо. — Интересно, где он? Вот бы он обрадовался, если бы услышал все это. И посмеялся бы, наверное... «корова в небо — прыг!». А бедный старый тролль... — Фродо, не договорив, уснул.

Фродо спокойно спал в последнем по-настоящему безопасном убежище к востоку от Моря. Дом Элронда, как сказал о нем давным-давно Бильбо, был «превосходнейшим местом, где

можно есть, спать, говорить или петь, а можно просто сидеть и размышлять или предаваться всему этому одновременно». Простое пребывание там врачевало усталость, страх и тоску.

Под вечер Фродо проснулся снова и понял, что наконец-то выспался. Теперь он не прочь был бы пообедать, а потом, может быть, даже поговорить и попеть. Он встал и порадовался почти послушной левой руке. Возле постели его ждала чистая одежда, легкая и удобная. Отражение в зеркале поразило его сходством отнюдь не со знакомым степенным хоббитом Фродо Сумниксом, хозяином Засумок, а скорее с юным племянником Бильбо, бродившим когда-то с дядюшкой по тропам Шира, вот только взгляд стал не по тем временам задумчив.

— Да, кое-что ты повидал с тех пор, как последний раз смотрел на меня из зеркала, — сказал он отражению. — Ну, приготовимся к встречам!

Он потянулся и принялся насвистывать веселенький мотивчик.

В дверь постучали, и появился Сэм. Он бросился к Фродо и первым делом ухватил левую руку хозяина, застенчиво и неловко погладил ее, а потом зарделся и отвернулся.

— Привет, Сэм! — беззаботно произнес Фродо.

— Теплая! — проговорил Сэм. — Это я про руку, сударь. Такая она холодная была все эти ночи. Эй-ех! Слава и трубы! — выкрикнул он и крутнулся на пятках. — Здорово! Вы снова на ногах и такой же, как раньше! Да, меня ведь Гэндальф послал посмотреть — готовы ли вы спуститься. Я-то думал, шутит он.

— Готов, готов, — рассмеялся Фродо. — Идем скорее, посмотрим, где там остальные.

— Я вас поведу, сударь. Знаете, какой большущий этот Дом! Ходишь, ходишь по нему, а все что-то новое найдешь и никогда не знаешь, какая еще радость за углом ждет. А эльфы-то! Они тут везде! Одни прямо как короли, величественные такие, другие — веселые, как дети. Музыка, песни кругом. Правда, не то у меня настроение было, чтобы слушать, да и время... Но все-таки я много чего тут знаю уже.

— Я догадываюсь, чем ты был занят, — дрогнувшим голосом произнес Фродо. — Но сегодня слушай и веселись в свое удовольствие! Идем, проводи меня по всем здешним закоулкам.

И Сэм повел Фродо по нескончаемым анфиладам, вверх и вниз по прекрасным лестницам, прямо в сад на высоком берегу реки. Там на восточной веранде ждали их друзья. В широко распахнувшейся долине внизу уже легли вечерние тени, и только на вершинах дальних гор трепетали розовые закатные отсветы. В воздухе веяло теплом. Звенела и пела вода, запахи деревьев и цветов щекотали ноздри, словно в садах Элронда длилось нескончаемое лето.

— Ура! — закричал Пиппин, вскакивая навстречу Фродо.— Вот идет наш славный родич! Дорогу Фродо, Властелину Кольца!

— А ну — цыц! — одернул его Гэндальф, сидевший в тени веранды. — В эту долину путь Злу заказан, но и поминать его всуе не след. Властелин Кольца не Фродо, а хозяин Черной Крепости в Мордоре. Тень его власти нависла над миром. Мы здесь в безопасности, но вокруг сгущается Тьма.

— От Гэндальфа можно сколько хочешь таких веселеньких историй услышать,— доверительно сообщил Пиппин.— Он меня к порядку призывает! А я здесь просто думать не могу о всяких мрачных вещах. Мне петь хочется! И запел бы, да не соображу ничего подходящего к случаю.

— Меня тоже петь подмывает, — засмеялся Фродо. — Но уж если я запою, так про еду и питье!

— Это скоро пройдет, — уверенно заявил Пиппин. — Ты, как всегда, угадал проснуться как раз к обеду.

— Если бы к обеду! — поправил его Мерри. — К самому настоящему пиру. Как только Гэндальф сообщил, что ты пошел на поправку, тут же начались приготовления.

Не успел он договорить, как звон большого гонга возвестил начало пиршества.

В огромной трапезной Элронда было полно народа. Конечно, в большинстве — эльфы, но и других хватало. Элронд, по обычаю, сидел во главе стола, рядом с ним по обе стороны расположились Глорфиндейл и Гэндальф.

Фродо разглядывал Владыку Элронда, героя стольких историй и легенд, во все глаза. Но и на эльфа с магом стоило посмотреть. Фродо подивился достоинству и властительной силе тех, кого, как ему казалось, он хорошо знал.

Гэндальф, конечно, уступал в росте эльфу, но благородная седина, длинная серебряная борода и широкие плечи придавали магу сходство с мудрым королем из древних баллад. На морщинистом лице под мохнатыми бровями рдели углями удивительно живые глаза, готовые каждую минуту вспыхнуть огнем.

Высок и дивно строен был Глорфиндейл. Прекрасные золотые кудри, юное открытое лицо, внимательные ясные глаза и голос, звучащий как музыка, удивительно сочетались с печатью мудрости на челе и могучими руками воина.

По лицу Владыки Элронда не угадать было числа прожитых лет. В нем читалась лишь память о многих скорбных и радостных событиях. Волосы цвета сумеречных теней охватывал легкий серебряный обруч; серые глаза заставляли подумать о ясном вечере, в них бродили звездные отсветы. Король, увенчанный многими зимами, воин в расцвете сил — таков был владыка Дольна, славнейший и могущественнейший среди Эльфов и Людей.

Посреди стола, в кресле с пологом сидела леди, прекрасные черты которой носили несомненное сходство с Владыкой Элрондом. Оправившись от первого потрясения, вызванного невиданной доселе красотой, Фродо посчитал ее близкой родственницей хозяина Дома. Была ли она молода? И да, и нет. Иней лет не коснулся ее темных волос, лицо и руки не тронула ни единая морщинка, серые глаза искрились звездным светом, как августовская ночь, но в царственном облике с первого взгляда читались мудрость и сила знания, которые дает лишь время. Серебристые нити, унизанные жемчугами, украшали ее простую прическу, других драгоценностей она не носила, кроме дивного пояса из серебряных листьев.

Такой узрел Фродо Арвен, дочь Элронда. Мало кому из смертных довелось видеть ту, в ком вновь сошла на землю бессмертная красота Лучиэнь. Она звалась Ундомиэль — Вечерняя Звезда эльфийского народа. Много лет провела она в Лориене, там жила ее родня по матери, и только недавно вернулась под отчий кров Дольна. В зале не было ее братьев, Элладана и Элрохира. Они, как это часто бывало, охотились со Следопытами-Северянами — мстили оркам за гибель матери.

Такой красоты, живущей на земле, Фродо и помыслить не мог. Конечно, он смутился, обнаружив свое место за этим знатным столом, среди высоких и прекрасных гостей. Кресло было ему по росту, да еще несколько подушечек подложено, и все равно он чувствовал себя маленьким и недостойным. Впрочем, это ощущение быстро прошло. Пир сразу пошел весело, и даже хоббичьему аппетиту было где разгуляться. Лишь через некоторое время он смог оглядеться и уделить внимание соседям по столу.

Сначала он отыскал взглядом друзей. Как Сэм ни просился прислуживать хозяину, ему велено было сидеть, раз он почетный гость. Он и сидел вместе с Мерри и Пиппином во главе одного из боковых столов. Колоброда нигде, кажется, не было.

Справа от Фродо сидел важный, богато одетый гном с длинной раздвоенной бородищей. Фродо даже есть перестал, разглядывая его.

— Добрая встреча и привет вам, — степенно произнес гном, поворачиваясь к хоббиту. Он встал, расправил бороду и поклонился. — Глоин, к вашим услугам, — представился гном и поклонился еще ниже.

— Фродо Сумникс, слуга вам и вашему роду, — как велит обычай, отвечал Фродо, вскакивая с кресла и роняя подушки.— Прав ли я, полагая, что вижу самого Глоина, одного из двенадцати сотоварищей прославленного Торина Дубощита?

— Истинно правы,— ответствовал гном, без тени смущения собирая подушки и любезно помогая Фродо вернуться в крес-

ло. — О вас я не спрашиваю, поелику извещен о ваших родственных и наследных отношениях с другом нашим, славным Бильбо. Позвольте поздравить вас с благополучным окончанием недуга.

— Премного благодарен, — ответил Фродо.

— Я наслышан о ваших странных приключениях, — осторожно произнес гном, — и весьма заинтригован. Какие обстоятельства могли подвигнуть четверых хоббитов из Шира предпринять столь длительное путешествие? Со времен нашего с Бильбо похода о таком не слыхивали. Впрочем, боюсь показаться назойливым. Как я заметил, Владыка Элронд и Гэндальф Серый не очень-то расположены говорить об этом...

— Наверное, у них есть основания отложить разговор до более удобного случая, — так же осторожно ответил Фродо. Даже здесь, у Элронда, ему не хотелось посвящать всех подряд в свои дела. И вообще, он предпочел бы хоть на время забыть о треволнениях, связанных с Кольцом. — Не позволено ли мне будет полюбопытствовать, что привело в Дольн от самой Одинокой Горы столь знатного гнома? — осведомился он.

Глоин пытливо взглянул в глаза хоббиту:

— Я полагаю, раз вы еще не слышали о моих намерениях, лучше пока оставить эту тему. Насколько мне известно, Мастер Элронд предполагает вскорости созвать Совет, там мы услышим о многом. Но ведь у нас достаточно и других тем для разговора, не правда ли?

Действительно, они проговорили весь вечер, причем Фродо больше слушал. Ширские новости, если не упоминать Кольцо, казались несущественными, а Глоину было что рассказать о событиях в северных краях. Так Фродо узнал, что Гримбьорн Старый, сын Бьорна, собрал и возглавил самую настоящую армию Людей, и теперь ни волк, ни орк и сунуться не смели в их владения между Горами и Сумеречьем.

— Если бы не Бардинги, — говорил Глоин, — от Эребора до Дольна давно бы уже не добраться. Они — благородные и отважные Люди и постоянно держат открытыми и Верхний Перевал, и Брод Керрок. Но пошлина весьма высока, — добавил гном, качая головой. — От Бьорна они не унаследовали большой любви к гномам, но остались честны, а по нынешним временам это немало. Я бы даже сказал, что из всех народов Среднеземья Бардинги наиболее нам дружественны. Они добрый народ. Сейчас правит Бранд, внук Барда Лучника, сын Байна. Он сильный король, и земли его простираются ныне далеко на юг и на север от Эсгарота.

— А как поживает ваш народ? — поинтересовался Фродо.

— По-разному. Хватает и плохого и хорошего, но нужно быть справедливым: хорошего все же больше. Я бы сказал, гномам везет, хотя и их не миновали смутные дни. Если вам дей-

ствительно интересно, я с радостью поведаю о наших новостях, только остановите меня вовремя. Недаром же говорят: спроси у гнома про дела, рассказов хватит до утра.

И Глоин со вкусом пустился в долгое повествование о жизни гномьего царства. Слушатель ему попался деликатный и терпеливый. Он не выказывал признаков усталости, не пытался сменить тему, хотя довольно скоро напрочь потерялся среди странных имен и незнакомых названий. Правда, Фродо с интересом отметил, что Царем-под-Горой все еще пребывал государь Даин, давно уже справивший свое двухсотпятидесятилетие. Он правил в почете, окруженный баснословным богатством. Из десяти сотоварищей Глоина, переживших Битву Пяти Воинств, шестеро еще здравствовали: Двалин, Дори, Нори, Бифур, Бофур и Бомбур. Последний столь потучнел, что без помощи шестерых молодых гномов не мог одолеть расстояние от ложа до обеденного кресла.

— А Балин, Ори, Оин? Что с ними стало?

По лицу гнома пробежала печаль.

— Про то мне неведомо,— неожиданно ответил он.— Я ведь и пришел в Дольн спросить совета мудрого Элронда в отношении Балина. Это — горестная тема, оставим ее до лучших времен, мой друг.

Рассказ Глоина расцветился описанием дивных творений гномов, созданных под Горой.

— Однако, как бы мы ни старались, в работе с металлом мы едва дотягиваем до мастерства наших отцов. Многие секреты утеряны. Да, из наших рук выходят добрые доспехи и острые мечи, но больше некому заказать кольчугу или клинок из тех, что во множестве изготавливались до нашествия драконов. А вот в строительстве мы, пожалуй, даже превзошли кое в чем наших предков. Вам обязательно надо посмотреть на наши гроты! Если бы вы видели тамошние подземные озера! А прекрасные, мощенные многоцветным камнем дороги! Подземные галереи с арками, похожими на живые деревья! А террасы и башни на склонах Горы! Кто все это видел, тот не посмеет упрекнуть гномов в праздности!

— Я обязательно посмотрю... если смогу,— на мгновение замешкавшись, заверил Глоина Фродо.— Вот бы, наверное, Бильбо порадовался, увидев такие дела в Смоговой берлоге!

Глоин с улыбкой взглянул на Фродо:

— Вы очень любите Бильбо, верно?

— Да! — с чувством ответил Фродо. — Его я увидел бы с бóльшим удовольствием, чем все дворцы и замки этого мира!

Когда пир наконец закончился, Элронд и Арвен, подавая пример остальным, встали. Через широко распахнутые двери хозяева, а за ними в чинном порядке и гости, перешли в просторную залу с резными колоннами, освещенную огромным камином.

Фродо обнаружил рядом с собой степенно шагавшего Гэндальфа.

— Это — Каминный Зал,— пояснил маг.— Если не заснешь, услышишь много песен и историй. По будням здесь обычно тихо, хорошо думается. А камин горит всегда.

Владыка Элронд направился к своему креслу, и в этот момент заиграли эльфийские менестрели. Зал заполнялся. Фродо, не сдерживая улыбки, разглядывал светлые, открытые лица, освещенные бликами живого огня. Неожиданно он заметил маленькую темную фигурку, как-то не по-праздничному притулившуюся на табурете сбоку от камина. Возле стоял кубок и на маленьком блюде — кусочек хлеба. Поначалу Фродо решил, что это больной (если в Дольне вообще болеют, тут же подумал он), не присутствовавший на пиру. Голова человечка бессильно свесилась на грудь, и край воротника темного плаща скрывал лицо.

Элронд подошел к сидящему и звучно, с улыбкой, произнес:

— Проснись, маленький мастер! — Владыка повернулся, отыскал среди гостей глазами Фродо и поманил его.— Вот и настал час. Ты мечтал о нем,— сказал он хоббиту.— Здесь дремлет друг, с которым вы давно расстались.

Фигурка на табурете шевельнулась, и сидящий поднял голову.

— Бильбо! — крикнул Фродо, бросаясь вперед.

— Эй, Фродо, мальчик мой! — проговорил старый хоббит.— Вот и ты наконец добрался сюда. Я был уверен, ты справишься. Так, так, сегодняшнее пиршество, я слыхал, в твою честь... Ну что, весело было?

— А почему же ты не пришел? — воскликнул Фродо.— И почему мне никто раньше не сказал?

— Потому что ты спал. Мы с Сэмом сидели возле тебя все эти дни. А пир... Я теперь редко хожу на них. Дела, знаешь...

— Дела? — опешил Фродо.— Помилуй, но какие?

— Как же... сижу вот, думаю. Для таких дел Каминная — самое удобное место. Мне говорят — проснись! — Бильбо покосился на Элронда, и Фродо заметил, что сна у него — ни в одном глазу.— Ха! Проснись! Я вовсе не спал, Мастер Элронд. Вы что-то рановато закончили сегодня и потревожили меня как раз на середине. Я песню складывал,— объяснил он племяннику,— и вот, не идет, понимаешь, пара строк, хоть тресни! Я над ними и думал, ну да теперь уж не получится. Сейчас они как запоют! Какие уж тут мысли! Эх, мне бы моего друга Дунадана, он бы помог. Что-то я его не вижу,— прищурился Бильбо.

Элронд рассмеялся:

— Его обязательно разыщут. Вы отойдете в уголок и завершите свой труд, но только — условие! До конца вечера мы обязательно должны услышать, что получилось.

За другом Дунаданом было послано. Похоже, никто не знал причин его отсутствия на пиру.

А Фродо и Бильбо сели рядышком (Сэм тоже пристроился подле них) и тихо разговаривали, забыв обо всем на свете. Правда, рассказ Бильбо оказался короток. Выйдя из Хоббитона, он шел вроде бы бесцельно, а все почему-то вело его в сторону Дольна.

— И никаких особых приключений у меня по дороге не случилось, — закончил он. — Здесь я отдохнул, а потом сходил с гномами к Горе. Это было мое последнее путешествие, — вздохнув, добавил он. — Старый Балин ушел, да и другие... Я вернулся сюда и здесь намерен остаться. Кое-что поделываю. Для книги моей написал немного. Ну, конечно, несколько песен сочинил. Их даже поют иногда. Я-то думаю, — он подмигнул, — просто чтобы мне удовольствие доставить. Для Дольна они, пожалуй, слабоваты. А так... слушаю, думаю. Время здесь не замечаешь, оно просто есть, и все тут. Замечательное место! Сюда стекаются самые последние новости: и из-за Гор, и с юга. Вот только из Шира мало что доходит. Про Кольцо-то я, конечно, слыхал. Гэндальф частенько в Дольн наведывался. Правда, много из него не вытянешь, замкнутый он стал в последние годы. Дунадан и тот больше рассказывает. Это ж подумать только: мое-то колечко такой переполох вызвало! Жаль, Гэндальф раньше про него не разведал. Я бы эту штуку давным-давно сюда принес, и без всяких хлопот. Я уж и так порывался сходить за ним в Хоббитон, да старый стал, не пустили бы они меня, Гэндальф, значит, с Элрондом. Они вбили себе в голову, что Врагу делать больше нечего, кроме как меня выслеживать, и, стоит мне только высунуться, он меня тут же сцапает и в котлету изрубит.

А Гэндальф так и сказал: «Все, говорит, Бильбо. Кольцо, говорит, ушло. И не пытайся снова встревать в это дело. Добра никому не будет». Чего от него еще ждать! А за тобой он обещал присматривать, ну, я и оставил все как есть. Ты не представляешь, как я рад видеть тебя живым и здоровым!

Бильбо помедлил и с некоторым сомнением поглядел на Фродо.

— Послушай, *оно* у тебя с собой? — шепотом спросил он. — Любопытно, понимаешь, мне взглянуть после всех этих разговоров. Просто взглянуть, и все, а?

— Да, оно у меня, — как-то через силу произнес Фродо. — Оно такое же, как и всегда, — попробовал отшутиться он.

— Ага. Ну покажи, покажи хоть на минутку, — попросил Бильбо.

Еще когда Фродо одевался к вечеру, он обнаружил у Кольца, надетого на шею, новую цепочку, легкую, но очень прочную. Теперь он медленно потащил Кольцо из-за пазухи. Бильбо подался вперед и резко протянул руку. Но Фродо отдернул

Кольцо, с ужасом глядя на старого хоббита. Казалось, тень пала меж ними и мгновенно изменила облик Бильбо. Вместо него к Фродо тянуло костлявые, хищно шевелящиеся пальцы сморщенное жалкое созданье с алчно горящими глазами. Фродо едва сдержался, чтобы не ударить этого отвратительного гоблина.

Музыка и пение в зале сбились с лада и затихли. В наступившей внезапно тишине Бильбо быстро взглянул Фродо в лицо и провел рукой по глазам.

— Вот, значит, как, — хрипло проговорил он. — Убери его прочь! Прости, что я взвалил на тебя этот груз, прости. Неужели у Приключения не бывает конца? Эх, видно, не бывает. Кому-то всегда приходится продолжать историю дальше. Что ж поделаешь... Может, я зря вожусь со своей книгой, а? Ладно. Не будем ворошить прошлое. Давай-ка о настоящем. Что там новенького у нас в Шире?

Фродо с облегчением спрятал Кольцо, и тень рассеялась, оставив лишь неприятную занозу в памяти. Вокруг плескался живой свет Дольна, снова звучала дивная музыка, и Бильбо уже улыбался умиротворенно и счастливо. Каждая ширская новость (тут Сэм вовсю помогал) вызывала у старого хоббита живейший интерес, будь то новое посаженное дерево или народившийся хоббитенок. Они так глубоко ушли в обсуждение событий последних лет, что не сразу заметили, как возле них остановился, улыбаясь, высокий человек в темно-зеленом плаще.

Только через несколько минут Бильбо, подняв глаза, воскликнул:

— Дунадан! Вот и ты наконец!

— Колоброд! — рассмеялся Фродо. — У тебя, похоже, куча имен?

— Хм, я многие знаю, — удивился Бильбо, — но вот «Колоброда» еще не слышал. Зачем ты его так зовешь?

— Это меня в Брыле прозвали, — ответил за Фродо Арагорн, — и под этим именем хоббитам представили.

— А ты почему зовешь его «Дунадан»? — в свою очередь поинтересовался Фродо.

— Э-э, я думал, тебе пошли впрок мои уроки эльфийского, — проворчал Бильбо. — По крайней мере, сочетание «дун-адан» ты должен был бы знать. Оно означает: Человек с Запада, Нуменорец. Ладно, сейчас ведь не урок. — Он повернулся к Арагорну: — Где же ты был, друг мой? Почему не пришел на пир? Леди Арвен я там видел...

Арагорн печально вздохнул.

— Знаю, — произнес он. — Мне было не до веселья. Из Пустоземья неожиданно вернулись Элладан с Элрохиром и принесли важные новости. Я говорил с ними.

— Вот и хорошо, — ворчливо проговорил Бильбо, — новости ты услышал, значит, можешь уделить и мне минутку. Элронд ждет к концу вечера новую песню, а у меня там не все гладко. Давай-ка отойдем в уголок и пошлифуем ее немножко.

— Конечно, — улыбнулся Арагорн, — дай только посмотреть слова.

Сэма одолел сон, и Фродо на время оказался предоставлен самому себе. Он даже почувствовал некоторое одиночество, несмотря на многолюдье вокруг. Но ближайшие его соседи молчали, поглощенные гармонией звучавших в зале голосов и музыки, и Фродо тоже невольно стал прислушиваться.

Нельзя сказать, чтобы он все понимал, но чарующие звуки быстро захватили внимание, и скоро хоббиту стало казаться, что слова наполняются смыслом, за ними встают видения дальних стран, образы удивительных вещей, о которых он раньше и не помышлял вовсе; освещенный пламенем камина зал словно заткался золотистым туманом, колыхавшимся над белейшей пеной мерно вздыхающих на краю мира лазоревых морей. Музыка завораживала, навевала грезы, и вот уже бесконечная река серебряных звуков потекла над ним, непостижимая в многозначных глубинах, подхватила и понесла на вечных волнах. Со счастливой улыбкой Фродо отдался волшебному потоку и канул в сон. Музыка и там не оставила его, сначала обернувшись бегущей водой, а потом неожиданно — знакомым голосом Бильбо, нараспев читающим стихи. Поначалу смысл ускользал от Фродо, но вскоре слова прояснились, и он стал слушать.

Для странствий судно создавал
Скиталец вод Эарендил;
Он прочный остов воздвигал,
Борта и мачты возводил,
Ткал паруса из серебра,
Крепил огни — светить в пути;
Подобьем лебедя была
Резная грудь его ладьи.
В доспехи древних королей
Он облачил могучий стан.
С ним щит, священной вязью рун
Хранящий странника от ран;
С ним верный лук — драконий рог
И стрел эбеновых колчан;
С ним жаркий меч, что до времен
Укрыт в холодный халцедон.
Пером орла украшен был
Алмазный шлем, высок и крут,
И в такт дыханью на груди
Переливался изумруд.

И он, покинув берега,
Блуждал в неведомой дали,
Скитаясь в колдовских краях,
Куда пути его легли;
Он уводил свою ладью
Прочь от враждебных берегов,
От скрежетанья ломких льдов
И от обугленных песков.
Привел на грань извечной тьмы
Его скитаний тайный ход;
Там Ночь сливается с Ничто
В беззвездности бездонных вод,
Там ветер дыбит пенный вал
И бьется яростно во мгле;
Эарендил пути искал
Домой, к покинутой земле.

В слепом неведенье он вел
Корабль на исходе сил,
Когда бескрайний черный мир
Нездешний пламень озарил:
То Эльвинг с сумрачных небес
К нему слетела. Сильмарилл
Она скитальцу принесла, —
Эарендил увенчан был
Живым огнем. И вновь корабль
Он повернул, неустрашим,
Под пенье пенящихся волн
Ветрами ярыми гоним;
Неумолимый ураган,
Родившийся в Ином Краю,
Дыханьем силы неземной
На Запад устремил ладью.

Ее влекло сквозь гиблый мрак
По черным водам, где на дне
Сокрыта древняя земля,
Ушедшая с Началом Дней...
Но вот узрел Эарендил
Кайму жемчужных берегов,
Где тонкой музыкой звучал
Прибой искрящихся валов;
То в легкой пене облаков
Стоял священный Валинор,
И Эльдамар лежал вдали
За чередою тихих гор.
Скиталец вырвался из тьмы
Под сень блистающих небес
В Обитель Эльфов, Древний Дом,
Где воздух нежен, светел лес,
Где Ильмарин среди долин
Вздымает свой могучий склон
И неприступный Тирион
В зеркальных водах отражен.

В земле, живущей вне времен,
Старинных саг чеканный строй
Ему звучал, и песнь лилась
Под звуки арфы золотой;
И в белоснежное шитье
Он был одет; и семь огней
Ему светили на пути
В стране, где нет теченья дней.
Он был допущен в тайный мир,
В котором вечен юный свет,
Где первый, Истинный король
Владычествует с давних лет.
Там услыхал Эарендил
Слова, запретные иным;
Виденья Эльфов и Людей
Прошли чредою перед ним.

Но срок настал, и новый челн
В дар получил Эарендил.
Избрали Эльфы для него
Хрусталь эльфийский и мифрил;
Его венчал живой огонь,
Огонь бессмертный — Сильмарилл,
Подарок светлой Элберет;
Ему служила пара крыл,
Что заменяла паруса;
Эарендил был вознесен
Для новых странствий без границ
На безграничный небосклон.
На легкокрылом корабле
Взлетев над Вечною Страной,
Он устремился в дальний край
Вослед за Солнцем и Луной.
На грани мира свой корабль
Направил он во тьме ночной
В обратный путь, в знакомый мир,
К родной земле, спеша домой.

Он мчался над туманной мглой
Звездой, блуждающим огнем —
Предвестьем Солнца, в серый мир
Спешащего с грядущим днем.
Над Среднеземьем задержал
Эарендил поспешный бег;
Он чутким слухом уловил
Стенанья тех, кто в давний век
Погиб, — и дев эльфийских плач,
И жен людских... То Рок взывал
К нему — остаться в небесах.
Эарендил навеки стал
Для всех, затерянных во тьме
Звездой, летящей в вышине,
Живым огнем, проводником
К Священной Западной Стране.

Голос, читавший балладу, смолк. Фродо открыл глаза и увидел Бильбо, сидящего все на том же табурете, в кругу улыбающихся и аплодирующих слушателей.

— А теперь хорошо бы послушать еще раз, — предложил один из эльфов.

Бильбо встал и с достоинством поклонился.

— Я весьма польщен, Линдир, — произнес он, — но не обессудь, это слишком утомительно, уж очень длинно получилось.

— Утомительно? Это для тебя-то, дорогой Бильбо? — послышались со всех сторон голоса. — Да ведь всем известно, собственные стихи ты никогда не устаешь читать!

— Ты ставишь нас в трудное положение. С первого раза мы твою загадку не разгадаем.

— Что я слышу? — в притворном негодовании вскричал Бильбо. — Эльфам не отличить стихи Бильбо от стихов Дунадана? Ни в жизнь не поверю!

— Что поделать, — ответил тот же эльф, который предлагал прочесть балладу еще раз, — нам вообще не просто отличить одного смертного от другого.

— Чепуха, Линдир, — фыркнул Бильбо. — Если уж вы не замечаете разницы между человеком и хоббитом, чего же стоит ваше мнение о поэзии? Да наши стихи похожи друг на друга не больше, чем яблоко на горох.

— Я и не спорю, — засмеялся Линдир. — Конечно, овца овцу в стаде всегда отличит, да и пастух, наверное, тоже. Но ты уж прости: мы никогда специально не присматривались к смертным, у нас хватало своих забот.

— Ладно, — Бильбо примирительным жестом поднял руки, — пусть будет по-твоему. Только второй раз я читать не буду.

Он встал и отошел к Фродо.

— Уф, отделался, — тихонько произнес он. — Получилось даже лучше, чем я ожидал. Они не часто просят меня повторить что-нибудь. А тебе как?

— Я-то уж точно не угадаю, — улыбнулся Фродо.

— А я тебя и не прошу. Баллада-то вся моя. Арагорн только про зеленый камень добавил. Ему это почему-то важно показалось. По мне — так не обязательно. Но он-то говорит, что если уж я набрался нахальства в Доме Элронда читать балладу об Эарендиле собственного сочинения, то я и про зеленый камень понимать должен. Что ж, может, он и прав.

— На мой взгляд, — промолвил Фродо, — там всего хватает. Я вряд ли сумею толком объяснить: видишь ли, когда ты начал читать, я, э-э, ну, спал, короче. И вот мне показалось, что баллада как будто прямое продолжение моего сна. Я так почти до самого конца и не понял, что это твой голос.

— Я знаю, — кивнул Бильбо, — поначалу в этом зале не задремать трудно. Привычка нужна. У хоббитов такого аппе-

тита к музыке, как у эльфов, не встретишь. И к поэзии тоже. Для них они чуть ли не важнее еды. — Он оглядел зал. — Знаешь, это еще надолго, как ты думаешь, не улизнуть ли нам потихоньку да поговорить спокойно, а?

— А они не обидятся? — засомневался Фродо.

— Так ведь не дела, веселье, — махнул рукой Бильбо. — Приходи, уходи когда хочешь, только не мешай.

Они встали и вдоль стены начали потихонечку пробираться к двери. Сэма, безмятежно спящего со счастливой улыбкой на лице, решили не трогать. Фродо, конечно, рад был побыть вдвоем с Бильбо, и все же, покидая Каминный Зал, он испытывал сожаление. Уже на пороге их догнал одинокий чистый голос певца:

А Элберет Гилтониэль,
Силиврен пенна мириэль
О менел аглар эленат!
На-кайред палан-дириэль
О галадреммин эннорат,
Фануилос, ле линнатон
Неф айар, си неф айарон!

Фродо обернулся. Владыка Элронд сидел в кресле, и по лицу его, словно солнечные лучи по кроне дерева, перебегали отсветы огня. Рядом сидела Арвен. Возле ее плеча хоббит с удивлением заметил склонившегося Арагорна. Плащ Дунадана был откинут, под ним серебрилась эльфийская кольчуга, а на груди сияла многолучевая звезда. Они тихо разговаривали, а потом... Фродо показалось, что Арвен взглянула прямо ему в глаза, и лучистый взор эльфийской девы тепло толкнул хоббита в сердце.

Зачарованный этим взглядом и чистыми звуками эльфийской песни, сливавшимися с дивной музыкой в самоцветный водопад, Фродо стоял на пороге не в силах пошевелиться.

— Пойдем! — Бильбо потянул его за рукав. — Это «Песня к Элберет». Потом пойдут другие песни Благословенного Края, а потом еще раз, все сначала. Идем же!

Он привел Фродо к себе в комнату. Окна ее выходили в сад, а дальше раскинулась в ночи спящая пойма Бруинена. Они сидели у окна, глядели на звезды над зубчатой стеной леса по дальним холмам и негромко разговаривали. Теперь их не занимали больше ни мелочи Хоббитона, ни обступившие со всех сторон опасности, а только эльфы, звезды, деревья и леса, уходившие к осени в своем торжественном и печальном убранстве.

Через некоторое время в дверь постучали.

— Прощения просим, — сказал Сэм, просовывая голову в комнату, — я подумал, не нужно ли вам чего?

— Да уж и ты меня прости, Сэм, — ответил Бильбо, — я и сам знаю, твоему хозяину спать пора.

— Ну, вроде бы как там Совет завтра спозаранку, я слыхал, — смутился Сэм, — а он ведь сегодня первый раз встал-то.

— Правильно, — рассмеялся Бильбо. — Можешь сбегать, сказать Гэндальфу, мол, сейчас спать идут. Доброй ночи, Фродо! Я рад увидеть тебя снова. Все-таки для хорошего настоящего разговора лучше хоббитов народа не придумаешь. Я, наверное, старым становлюсь, вот гадаю все: доведется ли увидеть, чем кончатся твои главы этой истории. Доброй ночи! Я прогуляюсь, пожалуй, погляжу еще на звезды, на Элберет. Спи хорошо!

Глава 2
СОВЕТ У ЭЛРОНДА

Утром Фродо проснулся рано, чувствуя себя совершенно здоровым и выспавшимся. Поднимавшееся из-за далеких гор нежаркое осеннее солнце застало его уже на террасах над говорливым Бруиненом; тончайший жемчужный туман висел над рекой, пожелтевшие листья мерцали росой, а в воздухе плыли тонкие колышущиеся паутинки. Сэм молча шагал рядом с Фродо, шумно принюхивался и поминутно ошалевшими от восторга глазами возвращался к величественным горным вершинам на востоке, коронованным снежными шапками.

За поворотом тропы, на уютно врезанной в склон каменной скамье, они увидели погруженных в неспешную беседу Бильбо и Гэндальфа.

— Доброе утро, путешественники! — приветствовал их Бильбо. — Ну как, готовы к великим разговорам?

— Я теперь ко всему готов, — ответил Фродо. — Но, по чести, я бы сегодня весь день лазил по окрестностям. Хорошо бы добраться во-он до того соснового бора наверху. — Он показал рукой.

Гэндальф рассеянно взглянул и озабоченно произнес:

— Может, попозже случай и представится, а сейчас не будем загадывать. Сегодня нам предстоит о многом услышать и многое решить.

Они все еще разговаривали, когда в воздухе разлил чистый звон одинокий колокол.

— О! Это — на Совет, — поднял брови Гэндальф. — Надо идти. Вы оба приглашены. — И он, молодо вскочив на ноги, широко зашагал к Дому.

Фродо и Бильбо поспешили за ним, а сзади поплелся Сэм, как-то сразу почувствовавший себя неприкаянным.

Возле ротонды, где прошлым вечером Фродо встретил друзей, он оглянулся. Долина, до краев заполненная ясным утрен-

ним светом, раскинулась перед ним. Шумел и пенился внизу Бруинен. Пели птицы, удивительное покойное чувство безопасности лежало на всем. Фродо мельком подумал, как далеко отодвинулись сразу все треволнения бегства из Шира, грозные слухи о нависающей над миром Тьме; казалось, все это привиделось ему в плохом сне. Но когда он вслед за магом вошел в зал Совета, лица собравшихся, повернувшиеся к ним, были серьезны, если не сказать — мрачны.

Фродо, обежав глазами зал, заметил Элронда, Глорфиндейла, Глоина, увидел в дальнем углу одиноко сидящего Колоброда, снова в походном плаще и старых сапогах. Элронд пригласил хоббита сесть рядом с собой и представил остальным:

— Вот, друзья мои, хоббит Фродо, сын Дрого. Не многим выпала столь опасная дорога в Дольн, и мало кто спешил сюда с более серьезным делом.

Потом Элронд назвал Фродо тех, с кем он еще не успел познакомиться. Молодой гном рядом с Глоином оказался его сыном Гимли. В зале находилось несколько здешних эльфийских советников во главе с Эрестором, рядом сидел прибывший из Серебристых Гаваней с поручением от Кирдэна Корабела эльф Гэлдор. Фродо обратил внимание на другого эльфа, в зеленом с коричневым наряде. Это был Леголас, сын Владыки Трандуила, Короля эльфов Северного Сумеречья. А чуть поодаль от него расположился высокий статный человек благородного вида, темноволосый и сероглазый. Он обводил зал взглядом суровым и гордым. Дорожный его наряд отличался богатством, но изрядно выгорел и пришел в некоторое небрежение, — видно, владелец его проделал немалый путь. Человек носил на груди серебряную цепь с единственным белым камнем. Большой рог, оправленный серебром, лежал у него на коленях. Фродо заметил, с каким неподдельным изумлением воззрился на них этот решительный воин.

Элронд повернулся к магу.

— Вот Боромир, — назвал он человека, — явившийся с юга нынче утром за советом. Я просил его присутствовать, ибо сегодня он услышит ответы на свои вопросы.

Многое обсуждалось на Совете. Вовсе не обязательно пересказывать все это здесь. Среди прочего касались положения на юге, с которым Фродо в общих чертах был уже знаком по слухам, а вот рассказ Глоина по-настоящему заинтересовал его. Оказалось, что творцы великолепия Одинокой Горы немало встревожены.

— Вот уже много лет, — степенно говорил Глоин, — как нам нет покоя. Сначала и не понять было, какая такая забота застряла у нас в сердцах, как соринка в глазу. По углам шептались, что вот-де засиделись гномы в этой норе, а настоящее богатство и великолепие ждет в широком мире. Часто вспоми-

нали Морию — великое творение наших отцов. Казад Дум называлось это царство; некоторые призывали вернуться туда, ибо гномы достаточно сильны, чтобы отвоевать его снова.

Глоин вздохнул:

— Мория, Мория! Диво Северного мира! Когда-то гномы слишком углубились в ее недра и ненароком пробудили безымянный Страх, таившийся в подгорных безднах. Давно заброшены обширные чертоги, поспешно покинутые детьми Дарина. Но вот о них снова заговорили, кто с вожделением, кто со страхом. Немало королей восходило на престол гномов с тех пор, но один лишь Трор отважился переступить порог Казад Дума и сгинул навеки. И вот Балин, распаленный разговорами, упросил государя Даина отпустить его попытать счастья. С ним ушли Ори, Оин и многие другие из нашего народа.

Тому уже тридцать лет минуло. Поначалу от них приходили добрые вести. Балин проник в Морию и начал большие работы, а потом вдруг — молчание, и за все эти тридцать лет ни словом не откликнулась Мория.

Но вот около года назад к Даину прибыл посланец, да только не из Мории, а из Мордора. Однажды ночью он подскакал к воротам и вызвал государя, поведав ему на словах о желании своего хозяина, как он сказал — Владыки Саурона Великого, предложить гномам дружбу и обещание вернуть кольца, те самые, старинные. А еще посланец расспрашивал о хоббитах: какого они рода и где обитают?

«Великому Саурону ведомо, — так он сказал, — что некогда ты знал одного из них».

Мы ничего не ответили посланцу, но встревожились. А он, понизив голос, словно пытаясь смягчить его, просипел: «В знак маленького залога большой дружбы Саурон просит помочь ему найти вора, — он так и сказал, — и отнять у него маленькое колечко, самое распоследнее, слабенькое колечко. Хоббит украл его. Саурону нужен сущий пустяк, простое подтверждение вашей доброй воли. Только найдите хоббита, и три древних кольца, принадлежавших гномам, вернутся к вам вместе с Морийским Царством. Дружба Саурона Великого и богатые дары — за одного паршивого хоббита или только за сведения о нем! Если откажетесь, много потеряете. Ну так как, вы отказываетесь?»

Мы, стоявшие поблизости, вздрогнули, услышав этот змеиный шип, но государь наш Даин произнес: «Я не могу дать ответ. Мне нужно обдумать твои слова».

«Думай, но не слишком долго», — предупредил посланец.

«Мое время принадлежит только мне», — ответил Даин.

«До поры», — прошипел всадник и ускакал во тьму.

Тяжкое раздумье предстояло нам. Ни голос, ни вид посланца ничего не добавили к нашим опасениям. И без того понятно, нас заманивали. Мы ведь давно знакомы с той силой, что

снова правит Мордором. Она не раз предавала нас в древности. Еще дважды возвращался гонец и уходил ни с чем. В последний раз он предупредил, что вернется еще до наступления нового года за окончательным ответом.

И вот Даин послал меня, во-первых, предупредить Бильбо о том, что его разыскивает Враг; во-вторых, выяснить, зачем Саурону так понадобилось это «слабенькое», как он утверждает, колечко; и, в-третьих, за советом к тебе, Владыка Элронд, ибо Тень встает над миром снова. Мы знаем, что посланцы Мордора посетили Бранда и смутили его. Если Враг пригрозит ему войной, а она вот-вот может разразиться на его восточных рубежах, король Бранд может уступить, и тогда нашим владениям грозит большая опасность.

— Царь Даин мудро поступил, отправив тебя в Дольн, достопочтенный гном, — раздался голос Элронда. — Сегодня вы узнаете все и поймете замыслы Врага. Но выхода нет, и не только у гномов. С надеждой или без нее, вам придется противостоять Темной Стране. Но вы не одни. Ваша тревога лишь часть забот всего Западного мира. А главная среди них — Кольцо. Нам предстоит решить, что же делать с этим распоследним колечком, с этим капризом Саурона. Вот главная причина, по которой вы все званы на Совет. Вы можете возразить мне: вас никто не звал. Но вы здесь, именно те, кто должен быть, и именно тогда, когда в этом есть настоятельнейшая необходимость. Значит, вы званы самой Судьбой, и вам предстоит решать, как отвести угрозу от всего нашего мира.

Вы услышите то, о чем до сего дня знали очень немногие. Время пришло. Но чтобы всем было понятно дальнейшее, выслушайте Историю Кольца с начала и до сего дня. Я начну, закончат другие.

Глубоким звучным голосом Элронд повел рассказ о Сауроне и Кольцах Власти, о том, как давным-давно отковали их в начале Второй Эпохи. Отдельные фрагменты этой истории некоторые из присутствовавших знали, но весь рассказ не был известен никому, и слушали Элронда в великом внимании, страхе и удивлении.

Он начал с эльфийских кузнецов Эрегиона, друживших некогда с гномами Морийского Царства, искавших все большей и большей мудрости на пути знания, где и подстерег их Саурон. Тогда он не был отмечен ужасной внешностью, мог облекаться в разные личины, и эльфы приняли предложенную им помощь, действительно позволившую взойти на новую ступень мастерства. Саурон, вызнав многие секреты, предал эльфов Эрегиона. В пламени Огненной Горы выковал он Кольцо Всевластья, чтобы объединить и поработить магические Кольца. Но замысел не удался. Келебримбор не доверял Саурону и скрыл Три Кольца, выкованные им самим. Началась война.

Весь край пришел в запустение. Тогда и закрылись Ворота Морийского Царства.

Мы не приводим здесь весь рассказ Элронда; история Кольца Всевластья приводится во многих источниках и опирается на записи самого Элронда. Она длинна, полна описаний великих и грозных свершений, но сейчас нет необходимости пересказывать ее. Хотя на Совете Элронд говорил кратко, солнце успело подойти к полудню, прежде чем он закончил.

Коснулся он и Нуменора, его возвышения и падения, говорил о возвращении в Среднеземье королей Людей, упомянул о том, как Элендил Высокий с сыновьями Исилдуром и Анарионом основали Северное и Южное Княжества в Арноре и в Гондоре, о том, как напал на них Саурон Мордорский и как создан был Последний Союз Эльфов и Людей, а в Арноре собралась великая объединенная рать Гил-Гэлада и Элендила.

Элронд замолчал и вздохнул.

— Я хорошо помню,— продолжал он,— великолепие их знамен, напоминавшее славу Древних Дней и дружины Белериан-да. Множество знатных князей и доблестных вождей собрали Гил-Гэлад с Элендилом, и все-таки уже не так много, как тогда, в древности, во времена разгрома Тонгородрима и окончательной, как тогда думали эльфы, победы над Злом.

— Помнишь?! — От удивления Фродо начал думать вслух.— Но ведь... мне казалось,— он смутился под устремленными на него взглядами, — ведь Гил-Гэлад, Элендил — это же было так давно!

— Давно,— спокойно подтвердил Элронд,— и все-таки моя память свободно проникает в Древнейшие Дни, ибо отцом моим был Эарендил, рожденный в Гондолине, а матерью — Эльвинг, дочь Диора, внучка Лучиэнь из Дориата. Перед моими глазами прошли все три эпохи Западного мира, множество жестоких сражений и множество бесплодных побед.

Я — глашатай Гил-Гэлада, я шел впереди его войска, я сражался при Дагорладе перед Черными Воротами Мордора. Мы победили тогда. Не было равных копью Гил-Гэлада Айглосу и мечу Элендила Нарсилу. На моих глазах произошел последний бой на склонах Ородруина, там погиб Гил-Гэлад и там пал Элендил, сломав свой Нарсил, но и Саурон Темный был повержен, а Исилдур обломком отцовского меча отрубил у Врага палец с Кольцом и объявил Кольцо своим.

При этих словах вскочил Боромир.

— Вот что стало с Кольцом! — воскликнул он. — Мы не знали об этом, а то бы помнили! В Гондоре знают о Великом Кольце Неназываемого, но мы думали, оно ушло из мира, сгинуло под руинами. Так его взял Исилдур! Вот это новость!

— Увы,— печально произнес Элронд.— Исилдур взял его, а делать этого не следовало. Следовало бы бросить его в жерло Ородруина, тут же, рядом. Но некому было образумить Исил-

дура. В этой последней смертельной схватке он один остался возле отца. А над погибшим Гил-Гэладом стояли только Кирдэн да я. Нас он не стал бы слушать.

«Это моя вира за отца и брата» — вот его тогдашние слова.

Кольцо осталось у Исилдура и вскоре погубило его, став для северян Проклятием Исилдура. Впрочем, как знать, не была ли смерть лучшим уделом этого отважного воина?

О том, что случилось дальше, знают только северяне. Из всего отряда Исилдура уцелело трое. Оруженосец Охтар принес обломки Нарсила в Дольн и передал наследнику Исилдура Валендилу, бывшему в то время еще ребенком. Но свет Нарсила померк и до сих пор не воссиял снова.

Да, Последний Союз победил, но, как всегда, не до конца. Саурон оказался повержен, но не уничтожен, Кольцо потеряно, но цело. Черная Крепость лежала в руинах, но руины скрывали неповрежденные корни Зла, созданного Кольцом, и пока Кольцо цело, целы и они. В сражениях пали величайшие из людей и эльфов: сражен Анарион, погиб Исилдур, ушли из мира великие воители Гил-Гэлад и Элендил. Это был воистину Последний Союз. Людей становится все больше, Перворожденных все меньше, трещина между двумя народами расширяется. А с тех пор как Исилдур взял Кольцо, начал клониться к закату нуменорский род. Жизнь нуменорцев становится все короче.

На севере после гибели Исилдура их почти не осталось. Прекрасный Ануминос на берегу озера Дрема разрушился и порос травой. Потомки Исилдура ушли в Форност на Северных Увалах, теперь и его следов не отыскать. Люди никогда не бывают там. Нет больше народа Арнора, в нескончаемых битвах с врагами иссякла их власть и слава, только курганы зеленеют по холмам.

Другая участь выпала Южному Княжеству Гондор. Шло время, а великолепие его только росло, и Гондор стал напоминать могуществом Нуменор во дни величия. На юге строили высокие башни, гордые крепости и прекрасные гавани. Крылатый венец Королей рода Человеческого почитался во всем Средиземье. Столицей княжества была Звездная Цитадель, Осгилиат, надвое рассеченный течением Андуина. К востоку от него, в отрогах Хмурых Гор гондорцы выстроили Минас Итиль, Крепость Восходящей Луны, а к западу, у подножия Белых Гор — Минас Анор, Крепость Заходящего Солнца. Там, во дворе Короля, росло Белое Дерево, семя которого пронес Исилдур над морскими пучинами. Прежде росло оно на дивном острове Эрессеа, а туда пришло с Заокраинного Запада, где родилось в Первый День мира.

Устал от быстро мелькавших лет Средиземья и угас род Менельдила, сына Анариона; засохло Дерево, а нуменорская кровь перемешалась с кровью меньших Людей. Ослабла бди-

тельность у врат Мордора, и темные твари прокрались в Горгорат и размножились. Со временем захватили они и Минас Итиль, превратив в жуткое место. С тех пор имя ему — Минас Моргул, Чародейская Крепость. Получил новое название и Минас Анор, теперь это Минас Тирит, Крепость Рубежа, и война между двумя этими твердынями нескончаема. Осгилиат разрушен, призраки бродят там меж развалин.

Все это случилось уже много человеческих поколений назад. Но Правители Минас Тирита еще не сдались, по Реке еще можно пройти от Аргоната до Моря.

Вот, кончается вверенная мне часть истории. Верховное Кольцо исчезло во дни Исилдура, Три укрыты от Врага. Теперь и они в опасности, ибо, к великому нашему несчастью, Единственное найдено. О том, как это случилось, пусть расскажут другие.

Элронд смолк, но тут же вскочил порывистый Боромир.

— Мастер Элронд,— обратился он к Владыке Дольна,— позволь мне немного дополнить твои слова о Южном Княжестве, ибо именно Гондором послан я сюда. Полезно бы знать всем присутствующим о наших делах. Ведь только нашей доблестью до сих пор сдерживаются дикие орды Востока и ужас Мордора, это нам обязан Запад миром и свободой. Что будет, если мы не сможем удержать переправы на Андуине?

Я не зря спрашиваю, именно так скоро и может произойти. Враг, которого не называют у нас, снова поднимается. Снова курится дымом вершина Роковой Горы, которую вы зовете Ородруином. Мощь Черной Страны растет с каждым днем, мы почти окружены. Потерян Итилиен, наши исконные прекрасные земли на восточном берегу. В июне мы были разбиты. Мордор бросил против нас вастаков и людей Харада. Мы бы устояли, но вот против нового врага, доселе неизвестного, выстоять не смогли.

Что оно? Говорят, иногда это огромный черный всадник, от одного вида которого оружие падает из рук наших воинов, а дикари просто звереют. Из Итилиена вернулась лишь горстка воинов, успев разрушить за собой последний мост Осгилиата. Я был в их числе. Спаслись четверо: мой брат и еще два воина. И все же мы держимся. Западный берег Андуина наш. Народы за нашей спиной прославляют нас, но помощи не присылают. Из всех союзников только Рохан блюдет древний договор.

В это тяжелое время пришел я в Дольн, одолев неимоверный путь. Сто дней и еще десять провел я в седле. Но я пришел просить не помощи в войне, ибо сказано: не мощью оружия силен Дольн, а мудростью. В совете нуждается Гондор, в совете и в разгадке вещих снов, вернее, одного сна, привидевшегося моему брату накануне итилиенского сражения. Брат

мой видел тот же сон еще несколько раз, однажды пришел он и ко мне.

В полуночной грезе предстало передо мной предгрозовое восточное небо, оттуда непрестанно слышались громовые раскаты. С запада, из вечерней зари прозвучал нам далекий, но чистый голос, отчетливо произнесший слова:

Сломанный Меч в Имладрисе искать
Отныне вам суждено.
Срок наступает — Совет созвать
Сильнее Моргульских чар.
Там будет явлен зловещий знак —
Проклятье пробуждено,
И полурослик уйдет во мрак,
Приняв на себя удар.

Мы не поняли, что это значит, и спросили отца нашего, Правителя Денетора, умудренного в знаниях. Он смог сказать только, что в древности Имладрисом звалась эльфийская долина на севере, там сохранялась в неприкосновенности мудрость Высоких Эльфов. Брат мой порывался отправиться на поиски, но, памятуя о дорожных опасностях, в путешествие, уговорив отца, отправился я. Блуждал по дорогам, ехал бездорожьем, искал Дом Элронда, о котором слышали все, но не знает никто. И вот я здесь.

— И здесь ты многое поймешь, — ответил Арагорн, вставая и кладя на стол перед Элрондом обломки своего клинка.

— Вот Сломанный Меч!

— Кто ты и что тебе до Минас Тирита? — невольно отступая перед высоким Следопытом, спросил Боромир, вглядываясь в обветренное лицо.

— Он — Арагорн, сын Арахорна, — негромко прозвучал в наступившей тишине голос Элронда. — Он — Наследник Исилдура, сына Элендила из Минас Итиля. Он — вождь дунаданов-северян, тех немногих, кто остался от этого славного народа.

— Так значит, *оно* тебе принадлежит, а не мне вовсе! — Фродо в крайнем возбуждении вскочил на ноги, держась рукой за грудь.

— Оно не может принадлежать никому из нас, — сурово остановил его Арагорн. — Судьбе угодно было на время доверить его тебе.

— Достань Кольцо, Фродо, — повелительно произнес Гэндальф. — Пришло время. Подними, подними выше, пусть посмотрит Боромир и поймет смысл видения.

По залу пробежал ропот, вслед за тем воцарилось молчание. Все взгляды обратились к Фродо. Страх и еще почему-то стыд терзали хоббита. Ему ужасно не хотелось не только доставать Кольцо, но даже прикасаться к нему, а захотелось, наоборот,

оказаться за тысячу миль отсюда. И все-таки он нашел в себе силы и дрожащей рукой поднял неимоверно тяжелое сияющее Кольцо.

— Перед вами — Проклятие Исилдура! — гулко раскатились под сводами слова Элронда.

Боромир пожирал глазами страшный золотой символ.

— Полуослик... — растерянно пробормотал он. — Значит, пробил час Минас Тирита! Но тогда к чему нам Сломанный Меч?

— В предсказании говорится о сроке, а не о часе, — резко поправил его Арагорн. — Но час действительно настает, час великих свершений. Вот Меч Элендила, единственное наследие, пронесенное через века. Ему предречено быть откованным заново, когда найдется Проклятие Исилдура. Ты отправился на поиски этого меча, чего же ты хочешь теперь? Хочешь ли ты, чтобы род Элендила вернулся в Гондор?

— Меня послали лишь для того, чтобы уяснить смысл пророчества, — гордо выпрямившись, отвечал Боромир. — Да, Гондору приходится тяжело. Меч Элендила пришелся бы нам как нельзя кстати... если, конечно, прошлое вернет его без изъяна. — Он с явным сомнением окинул взглядом фигуру Следопыта.

Фродо почувствовал, как рядом вскинулся Бильбо, оскорбленный недоверием, оказанным старому другу. Хоббит встал, приосанился и громко произнес:

В истинном золоте блеска нет;
Не каждый странник забыт;
Не каждый слабеет под гнетом лет —
Корни земля хранит.

Зола обратится огнем опять,
В сумраке луч сверкнет,
Клинок вернется на рукоять,
Корону Король обретет!

— Не ахти какие стихи, но суть передают верно. — Бильбо выглядел взъерошенным. — Если слова Элронда не убедили тебя, — он сердито ткнул пальцем в сторону Боромира, — пусть хоть это поможет. Раз уж ты ехал сто дней и еще десять, лучше прислушаться к тому, что тебе говорят! — Хоббит фыркнул и сел на место.

— Это мои стихи, — шепнул он Фродо. — Я их для Дунадана давным-давно сочинил, еще когда в первый раз услышал его историю. Знаешь, я, по-моему, готов совершить еще одно путешествие с ним вместе, когда придет его день.

Арагорн улыбнулся и кивнул Бильбо, а потом снова повернулся к Боромиру.

— Твое сомнение простительно, — мягко сказал он. — Я не очень-то похож на знакомые тебе изваяния Элендила и Исилдура, стоящие в залах Денетора. Я только потомок, а отнюдь

не сам Исилдур. Жизнь я прожил долгую и нелегкую, а твой путь из Гондора до Дольна — малая толика моих дорог. Мне пришлось пересечь немало гор и рек, я видел дальние страны, где даже рисунок звезд в небе иной, чем здесь. Но дом мой, уж какой есть, на севере. Род Валендила не прерывался, Меч всегда переходил из рук в руки, хоть нас и становится все меньше. Да, мы — Скитальцы из Пустоземья, следопыты и охотники, только дичь у нас особая — вражьи прислужники; их и за пределами Мордора хватает.

Ты говорил о крепости, принимающей на себя удары Врага, наша задача в ином. На свете немало зла, для которого ничто крепостные стены и острые мечи. Много вы знаете о мире за границами Гондора? Там свобода, ты говоришь? Так вот, ее бы там и в помине не было, если бы не мы, северяне. Когда темные твари, которых ты и в кошмаре не видывал, вылезают из-под холмов, из темных лесов, не свобода, а страх царит на равнинах. И тогда на их пути встаем мы. Кто мог бы безопасно пользоваться дорогами, кто мог бы спокойно спать в мирных краях Среднеземья, если бы северяне-дунаданы оставили свою неусыпную службу, если бы покинули этот мир?

Ты говоришь, вас благодарят, но не помогают? Нам не перепадает и этого. Путники косятся, встретив на дорогах, селяне изощряются, выдумывая для нас прозвища. Один толстый трактирщик прозвал меня Колобродом, а между прочим, живет он в одном дне пути от таких чудищ, что увидишь только — обомрешь, а если оно наведается к нему в гости, от деревни и труб не останется. Но он спит себе преспокойно, потому что не спим мы. А по-другому и быть не может. Пусть простой фермер живет, не зная страха, я и мой народ все сделаем, чтобы он жил так и дальше. Для этого храним мы свои тайны, в этом видим свое назначение, покуда зеленеет трава.

Но вот снова меняется мир. Настает новый час. Проклятие Исилдура нашлось. Война — в двух шагах. А значит, Меч мой будет откован заново, значит, я приду в Минас Тирит!

— Вы все говорите о Проклятии Исилдура, — прищурился Боромир, — а я видел только золотое колечко в лапке полурослика. Исилдур сгинул, когда наша Эпоха еще не начиналась. Откуда же узнали Мудрые, что это — Кольцо Исилдура? Как прошло оно сквозь годы, почему принесено сюда таким странным хранителем?

— Ты услышишь и об этом сегодня, — произнес Элронд.

— Но ведь не сейчас же, Мастер! — воскликнул Бильбо. — Посмотри, дело уже к полудню, надо же и подкрепиться в конце концов.

— Я тебя не называл, — улыбнулся Элронд, — ты сам вызвался. Вот и начинай. Выкладывай свою историю. А если ты успел переложить ее на стихи, ох не скоро придется тебе подкрепляться.

— Ладно, — неожиданно покладисто согласился Бильбо, — сделаю, как просишь. Но теперь вы услышите *настоящую* историю, а если кто слыхал другую, может, даже и от меня, — хоббит покосился на Глоина, — забудьте и простите. Очень уж мне в те поры хотелось отделаться от воровской репутации. Теперь-то я многое понимаю... Ладно. Вот как это было.

Для многих из присутствующих на Совете история Бильбо была внове, они изумленно слушали старого хоббита, обстоятельно, без всяких прикрас описывавшего свое Приключение. Дойдя до встречи с Горлумом, он не ограничился одной загадкой, а привел их все, в том порядке, в каком они загадывались. Бильбо как раз собирался перейти к подробностям Праздника и своего исчезновения из Шира, но тут Элронд остановил его:

— Хорошо сказано, друг мой. Пока этого достаточно. Главное мы услышали и теперь знаем, как Кольцо оказалось у Фродо. Теперь его очередь.

Фродо с неохотой встал и не очень живо принялся рассказывать историю Кольца с тех пор, как оно перешло к нему на хранение. Бильбо вопросов не задавали, а вот путешествие хоббитов из Шира до Бруиненского Брода обсуждалось во всех деталях. Особенно подробно расспрашивали о Черных Всадниках.

— Неплохо, неплохо, — похвалил Бильбо, когда Фродо наконец сел. — Если бы тебя не прерывали все время, отличный рассказ получился бы. Я кое-что записал, мы потом должны просмотреть это вдвоем, хватит на несколько глав.

— По-моему, на целую повесть, — усмехнулся Фродо. — Да только ведь история не закончена, неполная она. В ней многого не хватает, особенно про Гэндальфа...

Последние слова хоббита услышал сидевший рядом Гэлдор из Серебристых Гаваней.

— Вот и мне так кажется! — воскликнул он и, встав, обратился к Элронду: — По-видимому, у Мудрых есть причины считать находку полуслика тем самым великим кольцом, о котором было столько разговоров. Но то — Мудрые. А мы? Неужели нет других доказательств? И еще, я хотел бы спросить, почему среди нас нет Сарумана? Он много знает о Кольцах, его совет был бы как нельзя кстати.

— На самом деле, Гэлдор, это один вопрос, — сказал Элронд. — Есть и на него ответ. Но об этом пусть говорит Гэндальф. Ему принадлежит почетное последнее слово, ибо в новой истории Кольца главная заслуга его.

— Ты хочешь доказательств, Гэлдор, — задумчиво начал маг, — но для многих хватило бы рассказанного здесь Глоином, особенно если не упускать из виду, как выслеживали Фродо. Уже отсюда ясно, какую ценность представляет для Врага на-

ше кольцо. Давай считать. Девять — у Назгулов. Семь — либо у Врага, либо уничтожены.

При этих словах Глоин беспокойно шевельнулся.

— О Трех мы знаем, — продолжал маг. — Какого же недостает? Да, между Рекой и пещерой лежит пустыня времени, потеря на первый взгляд не очень-то связана с находкой. Но этот провал в знаниях мудрых наконец-то заполнен. Медленно заполнялся, согласен, слишком медленно, и вот Враг уже близко, ближе даже, чем я опасался. Счастье еще, что и Враг узнал обо всем недавно, не раньше этого лета.

Может быть, кто-то из вас помнит, как много лет назад мне пришлось добывать правду в Дол Гулдуре. Я был там, я видел Чародея, вызнал о нем многое и убедился: опасения наши справедливы. В Дол Гулдуре скрывался Саурон, наш древний Враг, снова принявший зримый облик и набиравший силу. Может, кто-то даже помнит, как отговаривал нас Саруман от немедленных действий и преуспел. Мы долго наблюдали. Мы дали разрастись Тени, и только тогда Саруман согласился, Совет принял решение, против Чародея были брошены все наши силы, и Сумеречье освободилось от Зла. Как раз в тот самый год, когда нашлось Кольцо. Не правда ли, любопытное совпадение? Если совпадение вообще...

Как и предупреждал тогда Владыка Элронд, мы опоздали. Саурон тоже наблюдал за нами, он хорошо приготовился к отражению удара. Он управлял Мордором, отправив Девятерых в Минас Моргул. А когда там все было подготовлено, мы выступили, он разыграл паническое бегство и тут же оказался в своей исконной Черной Крепости, после чего не скрывался уже. Снова созван был Совет. Мы знали, как стремится он заполучить свое Единственное Кольцо, знали и опасались, нет ли у Врага каких-либо новостей о нем, нам неизвестных. Но Саруман веско сказал: «Нет» — и повторил то, что говорил и раньше: «Единственное никогда больше не объявится в Средиземье».

Враг знает, говорил Саруман, что у нас Кольца нет. Он надеется найти его, но надеждам не суждено сбыться. Нам нечего бояться. Я недаром много лет посвятил изучению Колец. Саурон покинул мир живых, а тем временем Великий Андуин унес Кольцо в Море. Там оно и пребудет до Конца. Так говорил Саруман.

Гэндальф замолчал и перевел взгляд на далекие пики Мглистых Гор, у корней которых так долго таилась беда. Он вздохнул:

— Меня успокоили слова Сарумана Мудрого, в том самая большая моя ошибка. Я мог бы раньше отправиться на поиски истины, тогда сейчас нам не грозила бы столь великая опасность.

— Мы все ошибались, — печально произнес Элронд. — Если бы не твоя бдительность, Тьма уже поглотила бы нас. Но продолжай, прошу тебя.

— А ведь сердце мое чувствовало беду, — снова заговорил Гэндальф. — Меня весьма интересовало, как Горлум добыл «свою прелесть» и давно ли владеет ею. Я был уверен: он вылезет из подземелья и отправится на поиски сокровища. Я не хотел пропустить этот момент. И он вылез-таки, но улизнул от моих наблюдателей и — как в воду канул! И я, я оставил все как есть! Я опять ждал и наблюдал, мы ведь только этим и занимались долгие годы.

Конечно, хватало и других забот. Но прошло время, и мои опасения вспыхнули с новой силой. Откуда взялось хоббичье кольцо? И что с ним делать, если я вдруг окажусь прав в своих самых худших предположениях? Эти вопросы требовали ответа. Я по-прежнему скрывал свои подозрения, опасаясь заговорить о них раньше времени. Осторожности нас научили бесконечные войны с Врагом, в которых главным оружием всегда оказывалось предательство.

Семнадцать лет назад это было. Но тут — новая напасть! У границ Шира вдруг объявилось множество лазутчиков Врага — зверей, птиц, прочих тварей. Мои страхи начали расти... Я обратился за помощью к дунаданам, они удвоили дозоры, а я открыл то, что камнем лежало у меня на сердце, Арагорну.

— Тогда я предложил отловить Горлума, — подал с места голос Арагорн, — хотя времени прошло уже немало. Труд предстоял нелегкий, но кому же, как не Наследнику Исилдура, исправлять ошибку великого предка? Мы с Гэндальфом отправились на долгую охоту.

Маг рассказал, как они обшарили все Дикие Земли от Хмурых Гор до Ворот Мордора.

— Там мы впервые обнаружили слабые следы этого негодника. Выходило так, что он долго жил в Темных Холмах, но теперь его там не было. Я потерял терпение, а вслед за ним и надежду. И вот тогда мне подумалось: а не проверить ли само Кольцо? Не выдаст ли оно само себя? И в памяти моей отчетливо прозвучали слова Сарумана на одном давнем Совете, которым я тогда не придал значения. Девять, Семь и Три, говорил Саруман, украшены каждое своим камнем. Единственное — нет. Оно простое, круглое и гладкое, словно какое-нибудь из меньших колец, но тайные знаки, покрывающие Одно, отличают его от прочих. Мудрый сможет прочесть надпись.

Он не сказал, что написано на Кольце. Кто мог знать об этом? Знал Саурон, сделавший Кольцо. А Саруман? Он многое узнал о Кольцах, но откуда? Чья рука, кроме Темной Длани, касалась Кольца? Только рука Исилдура.

Здесь я оставил поиски Горлума и поспешил в Гондор. Когда-то там хорошо относились к членам нашего Ордена. Саруман часто бывал там и подолгу гостил у Правителей Города.

Но Денетор встретил меня куда менее любезно и без всякой охоты допустил в книгохранилище.

«Если тебе и вправду нужны предания Древних Дней, относящиеся к основанию Города, — с некоторым пренебрежением сказал он тогда, — ну что ж, читай. Былое — здесь. Мне это не нужно. Моя забота — грядущее. Здесь долго корпел Саруман; если ты не способней его, то ничего нового не найдешь. Я сам — Мастер в этом знании и о своем Городе знаю все». Так сказал Правитель Денетор.

А на поверку вышло другое. В книгохранилище нашлось немало записей, которых не прочесть хоть трижды мастеру. Люди перестали понимать языки и знаки, бывшие до них. Да, да, Боромир, в хранилище Минас Тирита и сейчас лежит манускрипт, который, как я полагаю, после гибели последнего Короля не читал никто, кроме нас с Саруманом. Написан он рукой Исилдура. Он ведь не сразу покинул Город, как утверждают предания.

— Северные предания, — поправил Боромир. — Мы-то знаем, что после войны Исилдур жил в Минас Аноре у племянника, Менельдила. Он готовил его к правлению Южным Княжеством. Тогда же он посадил в память о брате последнее семечко Белого Дерева.

— И оставил свиток, — заметил маг. — Вот об этом-то в Гондоре забыли. А между прочим, свиток прямо касается истории Кольца. Я перевел запись. Вот она:

«Великое Кольцо станет отныне родовой драгоценностью Северного Княжества, а запись о нем останется в Гондоре, ибо и здесь обитают наследники Элендила. Я сделал эту запись, дабы не исчезла память о великих делах».

Маг оглядел собравшихся и продолжал:

— Дальше Исилдур описывает Кольцо таким, каким оно попало в его руки.

«Оно было горячим, когда я впервые взял его, горячим, как горящий уголь. Оно обожгло мне руку, и я сомневаюсь, что боль от ожога покинет меня когда-нибудь. Сейчас, когда я пишу, оно все еще остывает и умаляется, но ни формы, ни красоты не теряет. Уже письмена, горевшие поначалу так ярко, тускнеют на глазах и едва различимы. Они напоминают руническое письмо Эрегиона, в мордорском языке нет знаков для такой тонкой работы. Но я не могу понять надпись. Полагаю, это язык Черной Страны. Он зол и груб. Я не знаю, какое злодейство таит надпись, но, пока знаки не исчезли, сниму с них копию. Верно, Кольцо хранит жар руки Врага, и, хоть черна его длань, Кольцо сияет, как огонь. Может статься, если нагреть Кольцо, знаки снова проступят на нем. Но я не могу заставить себя причинить вред этому единственно прекрасно-

му из всех трудов Саурона. Это — мое сокровище, хоть я и заплатил за него великой болью».

Теперь я знал, зачем отправился в Минас Тирит, — продолжал Гэндальф. — Как и предполагал Исилдур, надпись была сделана на языке Мордора. О том, что означают письмена, нам было известно и раньше. В тот миг, когда Враг впервые надел Кольцо, славный Келебримбор, создатель Трех чистых, наблюдал за Врагом и услышал зловещие слова. Так открылся коварный замысел.

Я покинул Денетора и в пути на север получил вести из Лориена. Арагорн изловил Горлума. Конечно, я поспешил ему навстречу. Как рисковал он в этой смертельно опасной охоте, я и предположить не могу.

— Что говорить о том, — заметил Арагорн. — Когда человек бродит у Черных Ворот, когда пробирается меж траурных цветов моргульской долины, то не рассчитывает на приятную прогулку. Откровенно говоря, и я решил бросить эту затею, даже повернул к дому, но тут мне повезло наконец: возле мутноватого озерка в грязи четко отпечатались следы, свежие, совсем свежие, и торопливые. Вели они со стороны Мордора, вдоль окраины Гиблых Болот. И вот там, на берегу бочажка, я обрел свое «сокровище». Оно пялилось в воду, видно промышляло пропитание. Когда темный сумрак пал на землю, я поймал Горлума. Он был весь в какой-то зеленой слизи и кусался, как хорек. Вряд ли он питает ко мне теплые чувства, мне пришлось обойтись с ним жестко. Там, на месте, мне от него ничего не удалось получить, кроме нескольких укусов. Обратная дорога была сплошным кошмаром. Днем и ночью я не спускал с него глаз и гнал впереди себя с веревкой на шее и кляпом во рту и в конце концов приволок в Сумеречье и сдал эльфам. Не скажу, что расставался с ним в слезах. Запах от него исходил довольно смрадный. Однако разлуки у нас не получилось. Подоспел Гэндальф, и я восхитился его терпению: ведь его хватило на долгую беседу с этой дрянью.

— Да, беседа была долгой и утомительной, — вспомнил Гэндальф. — Но очень полезной. С одной стороны, его версия «кражи» соответствовала той истории, которую нам поведал сегодня Бильбо, но здесь для меня было мало ценного. Я и раньше догадывался о том, как было на самом деле. Но, с другой стороны, я впервые услышал, как Кольцо вернулось со дна Великой Реки там, в низинах Оболони. А еще я узнал, как долго оно хранилось у Горлума — много поколений сменилось за это время среди его соотечественников! Сила Кольца продлила его годы далеко за отпущенный срок, а такое во власти только Великих Колец.

Вот, Гэлдор, мои доказательства. А если их недостаточно, есть еще одна проверка. Вы видели Кольцо, Фродо его показывал. Оно круглое, без украшений, но тайные письмена, о

которых говорил Исилдур, еще можно прочесть. Для этого кто-нибудь должен был отважиться нагреть Кольцо. Я сделал это. Вот надпись на Кольце.

Голос мага поразительно изменился. В нем звучала грубая тяжкая мощь, когда он прочел:

Аш назг дурбатулук, аш назг гимбатул,
Аш назг тракатулук аг бурзум иши кримпатул!

Словно тень замглила ясное солнце. В зале на миг потемнело. Все вздрогнули, а эльфы прижали ладони к ушам.

— Никто не осмеливался до сей поры вещать в Имладрисе на этом языке, Гэндальф Серый, — сурово проговорил Элронд. Тень исчезла, и собравшиеся смогли перевести дух.

— И я надеюсь, никто не осмелится больше, — ответил Гэндальф. — Я не прошу у тебя прощения, Мастер Элронд. Либо этот язык зазвучит скоро в каждом уголке Запада, либо мы признаем наконец — перед нами сокровище Врага, в нем скрыта вражья злоба и заключена древняя вражья мощь. В те черные годы слова эти прозвучали впервые, и кузнецы Эрегиона поняли, что преданы.

Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою черною волей сковать...

Я еще немало узнал от Горлума. Разговорчивым его не назовешь, да и рассказчик из него неважный, но в одном можно не сомневаться: он был в Мордоре и там из него вытрясли все. Враг знает о возвращении Единственного, знает о том, что оно долго хранилось в Шире, а раз его слуги шли за Кольцом почти до этих дверей, скоро узнает, что оно у нас.

Некоторое время все молчали. Потом заговорил Боромир:

— Так ты говоришь, этот Горлум — маленькая тварь, но большой прохвост? Что же вы сделали с ним?

— Его держат в заключении, чего же еще? — пожал плечами Арагорн. — Ему здорово досталось. В Мордоре его пытали, черный страх перед Сауроном до сих пор окутывает его сердце. Мне довольно того, что за ним присматривают эльфы Сумеречья. Он очень озлоблен, злоба дает ему силы, какие трудно предположить в столь тщедушном теле. Не сомневаюсь, будь он на свободе, вреда принес бы немало. Ясно же, что из Ворот Мордора он вышел с согласия Врага, а значит, с черной целью.

— Увы! — неожиданно вскричал Леголас, и странно было видеть на прекрасном эльфийском лице горестное выражение. — Пришло время сказать и мне о порученном. Я принес недобрые вести, но только сейчас понял, насколько они злы. Смеагорл, которого здесь называют Горлумом, бежал!

— Как — бежал? — вскочил на ноги Арагорн. — Вот уж действительно дурные вести. Как бы нам всем не пришлось

горько пожалеть об этом. Но скажи, как случилось, что народ Трандуила не справился с порученным ему делом?

— Часовые здесь ни при чем, — отвечал эльф. — Может быть, виною наше мягкосердечие. Пленному помогли бежать. А это значит, что о наших делах Врагу известно больше, чем нам хотелось бы. День и ночь, как просил Гэндальф, мы охраняли эту тварь, — удовольствие маленькое. Гэндальф надеялся со временем излечить Горлума, и у нас не хватило духу держать его все время в темнице...

— Со мной вы так не нежничали! — фыркнул Глоин, припомнив свое заключение в подземельях Трандуила.

— Я тебя прошу, мой добрый Глоин, — Гэндальф проникновенно прижал руки к груди, — сейчас не время вспоминать старые обиды. Это досадное недоразумение давно исправлено. Если мы возьмемся разбирать старые распри, Совет можно закрывать.

Глоин встал и поклонился. Леголас продолжал:

— Мы выводили Горлума в лес. Он облюбовал одинокое дерево и все время проводил на вершине, на ветерке. Большой беды в том никто не видел, ведь под деревом стояла стража. Однажды он раскапризничался и отказался спускаться. Никому и в голову не пришло лезть за ним. Он, бывало, так цеплялся за ветки, что и не оторвешь. Охрана просто осталась под деревом на ночь.

А ночью напали орки. Их было много и самых свирепых. Это были горные орки, что само по себе странно, к лесу непривычные, их, конечно, отогнали, но Горлум исчез, а стража под деревом частью оказалась перебита, частью — захвачена в плен. Тогда-то мы и поняли, в чем цель этой нелепой вылазки, а Горлум, похоже, знал о ней заранее. Мы не знаем, как именно, но его предупредили. Он хитрый, а вражьих шпионов развелось в лесу видимо-невидимо. Даже темные твари, изгнанные в Последний Год Дракона, стали возвращаться. Сумеречье, кроме северной части, вновь превращается в гиблое место.

Конечно, мы пошли по следам. Но они вели к Дол Гулдуру, а эльфам там делать нечего.

— И он ушел, — подвел итог Гэндальф. — Ладно. Не ловить же его снова. Пусть делает что хочет. Видно, есть в этом какой-то промысел, и Горлум сыграет свою роль в свое время, только вряд ли Саурон или он сам догадываются, какой она будет.

Теперь я могу ответить на последний вопрос Гэлдора: где Саруман Белый? Что присоветует он в этой нелегкой ситуации? Мне придется занять ваше внимание подробным рассказом, он того стоит. До сей поры мы говорили об этом только с Элрондом. Думаю, это пока последняя глава в истории Кольца.

— В конце июня я был в Шире, — начал повествование маг. — Меня снедала тревога, и источник ее был на юге. Я и отправился туда, как будто специально навстречу вестям о

войне в Гондоре. Слухи о Черной Тени, словно ножом, полоснули мне по сердцу. Несколько беглецов с юга, встреченных мной, были так напуганы, что ничего толком не смогли рассказать. Я повернул на северо-восток и по Зеленопутью направился в Брыль. В дороге я повстречал Радагаста Бурого, эльфы Трандуила должны знать его, одно время он был их соседом. Радагаст из нашего Ордена, но я лет сто его не видел. Тем более удивительно мне было, когда он окликнул меня:

— Гэндальф! А я тебя ищу! В этой глухомани и расспросить толком некого. Мне сказали, что тебя можно отыскать в какой-то деревне, не то Шир, не то Пыр...

— Верно сказали, — ответил я. — Ты только местным так не говори. Шир — не деревня, а страна, хоть и небольшая, а ты сидишь на самой границе. Но это — к слову. Что за дело погнало тебя в дорогу? Видно, важное, ты ведь не очень-то расположен к путешествиям?

— У меня к тебе поручение, — отвечал он, — и куча плохих новостей. — Потом огляделся, словно рассчитывая заметить под кустом посторонние уши, и прошептал: — Назгулы! Все Девять. Пересекли Реку и движутся на Запад. Выглядят черными всадниками.

Вот тут я и понял наконец, что за тревога не оставляла меня. А Радагаст тем временем продолжал:

— У Врага, видно, какая-то большая забота здесь, иначе зачем бы Девяти соваться в такую дыру.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Мне было сказано, что Девять повсюду расспрашивают о каком-то Шире...

Признаюсь, сердце у меня упало. Даже Мудрым небезопасно встречаться с назгулами, когда они все вместе, во главе с Предводителем. В древности это был великий король и великий чародей, а теперь его оружие — смертный ужас.

— Кто послал тебя? — поинтересовался я.

— Саруман Белый, — ответил Радагаст. — Он еще просил передать: коли тебе нужна его помощь — он готов, но тогда тебе придется поспешить, а то как бы поздно не было.

Я обрадовался. Саруман Белый — мудрейший среди нас. Радагаст и сам великий маг, мастер форм и цвета, кроме того, он знает все о травах и животных, а птицы, те просто его друзья. Но Саруман эпохами изучал искусство Врага, и только благодаря ему нам удавалось разгадывать ходы Темного Владыки. Именно Саруман разработал план нападения на Дол Гулдур. Может статься, подумал я тогда, ему известен способ загнать обратно Девятерых.

— Я отправляюсь к нему, — сказал я Радагасту.

— Поспеши, — посоветовал он. — Я много времени потратил, разыскивая тебя, а дни бегут быстро. Мне было велено найти тебя не позднее середины лета, она как раз и наступила.

Даже если ты отправишься сию секунду, вряд ли опередишь Девятерых. Они найдут страну, которую ищут. А я возвращаюсь домой. — Он вскочил на коня и готов был умчаться, но я остановил его:

— Постой, нам ведь понадобится твоя помощь, нам понадобится вообще любая помощь. Предупреди зверей и птиц, они же дружны с тобой. Пусть собирают новости, пусть присмотрят за этими делами и пусть несут вести в Ортханк, мне и Саруману.

— Хорошо, — ответил Радагаст, — я сделаю, о чем ты просишь. — И он умчался так, словно все Девять гнались за ним.

В этот день мы с конем сильно устали. К тому же надо было обдумать все спокойно. Я заночевал в Брыле. В Шир возвращаться времени уже не было, решил я, и совершил самый большой промах из всех.

Я написал Фродо и доверил передать письмо своему давнему приятелю, хозяину гостиницы, а сам уехал на рассвете. Саруман издавна поселился в Изенгарде, в отрогах Мглистых Гор, неподалеку от Гривы Рохана. Боромир должен знать эту огромную, открытую всем ветрам равнину, раскинувшуюся до самых Белых Гор. А Изенгард — это каменистое плато, окруженное высокими острыми скалами. В центре этой естественной крепости стоит Ортханк — башня, выстроенная давным-давно руками нуменорцев. Глядя на нее, высоченную, хранящую немало тайн, трудно поверить, что это — рукотворное сооружение. В скалах Изенгарда только одни ворота, иначе в Ортханк не попасть.

Спустя немало дней я поздним вечером приблизился к этим воротам. Их охраняли. Правда, как выяснилось, стража была уведомлена о моем приезде и открыла створы.

Когда они бесшумно сомкнулись за моей спиной, я почувствовал беспричинный с виду страх, однако подъехал к дверям Ортханка. Саруман уже поджидал меня. Вместе поднялись мы к нему наверх. Я заметил у него на пальце кольцо.

— Вот ты и пришел, Гэндальф, — приветствовал он меня, а в глазах у него плясали белые огоньки, словно от какого-то недоброго веселья.

— Да, пришел, — отвечал я, — пришел за обещанной помощью, Саруман Белый.

Почему-то упоминание его собственного титула разгневало мудрого мага.

— Неужто за помощью, Гэндальф *Серый*? — с неожиданной издевкой переспросил он. — Кто бы мог подумать! Гэндальф Серый ищет помощи, такой хитроумный, такой непоседливый, он везде суется и во все вмешивается, а вот поди ж ты — за помощью пришел!

В полном недоумении глядел я на него.

— Если меня не обманули, — начал я, — настало время собрать воедино всю нашу мощь...

— Вполне допускаю, — усмехнулся Саруман. — Только поздновато посетила тебя эта мысль. Интересно, долго ли Совет скрывал от меня события величайшей важности? Чего ради ты выбрался теперь из своего Ширa?

— Девять вышли в мир, — ответил я ему. — Радагаст сообщил мне, что они перешли Реку.

— Ах, Радагаст! — захохотал он, и теперь-то уж ясно было, что он издевается. — Радагаст — укротитель пташек! Радагаст Простак! Радагаст Дурак! Значит, у него все-таки хватило ума сыграть свою роль, а большего от него и не ждали. Ибо ты пришел, а это — главное. Здесь ты и останешься, Гэндальф Серый. Тебе пора отдохнуть от путешествий. Так решил я, Саруман Мудрый, Саруман — Создатель Кольца, Саруман Радужный.

Тут только я заметил, что одежда Сарумана, по привычке показавшаяся мне белой, переливается всеми цветами и оттенками. Когда он двигался, у меня просто в глазах рябило.

— Мне больше по душе белый цвет, — сказал я.

— Белый! Ха! Он хорош для начала. Но белые одежды можно выкрасить, белый лист исписать, а белый цвет — разложить.

— Тогда он уже не будет белым, — ответил я. — А тот, кто начинает расчленять целое на части, пытаясь понять природу целого, уже не будет мудрым.

— Нечего излагать мне прописные истины, — оборвал он меня, — оставь их своим друзьям-недоумкам. Я не затем вытащил тебя из норы, чтобы выслушивать твои наставления, я хочу предложить тебе выбор.

Дальше он произнес целую речь и, как мне показалось, заранее отрепетированную:

— Древние Дни миновали — так учил меня Саруман. Уходят Средние Дни и уступают место Новым. Кончилось время Эльфов, настает наше: перед нами мир Людей, им надо управлять. Но нужна немалая сила, чтобы устроить этот мир так, как хотим мы, научить его Добру, ведомому лишь Мудрым.

Послушай меня, Гэндальф, старый мой друг и помощник, — тут голос его помягчел, он подошел поближе, — я сказал «мы», это и будем мы, если ты захочешь присоединиться ко мне. Поднимается новая сила. Против нее бесполезны старые союзники, а старые способы бесполезны для нас. Нет надежды у эльфов, нет шансов у гаснущего Нуменора. А значит, нет выбора и у нас, кроме как примкнуть к новой Силе. Вот в чем мудрость, Гэндальф. Вот в чем надежда. Она победит, эта Сила, победит скоро и не забудет тех, кто помог ей победить. Она будет расти, а вместе с ней будет расти и наша мощь. Кому, как не нам, Мудрым, набравшимся терпения, удастся напра-

вить ее, а потом и обуздать? Мы можем позволить себе выждать, можем сохранить наши помыслы, сожалея, конечно, о неизбежном зле по пути к великой цели: к Знанию, к Власти, к Порядку, к тому, чего мы тщетно пытались достичь, покуда наши слабые и ленивые друзья больше мешали, чем помогали нам. Наши намерения останутся прежними, изменятся лишь средства.

— Саруман, — остановил я эту прекрасную речь, — а ведь я уже слыхал раньше подобные разговоры... от лазутчиков Мордора, посланных смущать невежественные умы. Не могу же я подумать, что ты так долго ждал меня только за этим.

Некоторое время он рассматривал меня, соображая что-то свое.

— Значит, такой мудрый план не увлекает тебя? — в раздумье произнес он. — Нет, не увлекает? А если добавить к нему кое-что, а? — Он накрыл мою руку своей узкой длинной ладонью. — А почему бы нет, Гэндальф? — жарко зашептал он. — А Великое Кольцо? Неужели ты думаешь, мы не могли бы распорядиться им? Тогда Сила перешла бы к нам. Ну? Теперь ты знаешь, зачем я призвал тебя. У меня много глаз. Полагаю, тебе ведомо, где оно, это сокровище? Разве не так? Иначе зачем бы Девять носились по всему Среднеземью, разыскивая Шир. А ты что там делаешь?

Здесь он не смог сдержать обуревавшую его страсть. Глаза, алчно вспыхнув, выдали его. Мне пришлось отступить.

— Саруман, — сказал я, — Единственное потому и Единственное, что может быть лишь на *одной* руке. Ты знаешь это не хуже меня, поэтому забудем о твоем «мы». Но я не собираюсь отдавать его, я не собираюсь даже рассказывать о нем теперь, когда узнал о твоих намерениях. Ты долго был Главой Совета, но только теперь я понял тебя. Ты предлагаешь выбор: подчиниться либо тебе, либо Саурону. Допустим, мне не подходит ни то, ни другое. Может, предложишь еще что-нибудь?

Вот теперь я видел настоящего Сарумана, холодного и опасного.

— Ну что ж, — промолвил он. — Это похоже на тебя: не увидеть мудрого решения даже в своих собственных интересах. Ты мог бы помочь мне, а себя избавить от больших неприятностей. Потому что третья возможность — остаться здесь до конца.

— Какой конец ты имеешь в виду? — спросил я.

— Меня интересует лишь один. Ты скажешь мне, где Кольцо. Я найду способы помочь тебе в этом. А может, Кольцо найдут без тебя. Тогда подождем, пока Правитель выберет время подумать о награде за наглость и препоны, чинимые Гэндальфом Серым.

— Это будет нелегким делом, — сказал я, а он в ответ рассмеялся, ибо знал — слова мои пусты.

Меня поместили на вершине Ортханка. Саруман оттуда наблюдал за звездами. Узенькая лесенка в тысячи ступеней ведет вниз. С такой высоты мне было далеко видно. Я огляделся. Прекрасная, некогда зеленая долина лежала подо мной выжженной пустыней. Вся она была покрыта шахтами, кузницами. Я видел волков и орков. Видимо, Саруман копил собственные силы. Над долиной висел дым, гарь окутывала Ортханк удушливым облаком. Моя площадка вздымалась подобно острову из моря туч, я не видел путей к спасению, и дни мои были горьки. Холод терзал меня, теснота не позволяла сделать лишнего шага, а нестерпимей всего была мысль о Черных Всадниках, пробирающихся на Север.

Девять действительно вышли из небытия, я чувствовал это и без слов Сарумана. Вести о них пришли ко мне раньше, причем из такого источника, который не ошибается. Друзьям в Шире грозила опасность, но я не терял надежды. Фродо, получив письмо, должен был выйти немедля, и тогда у него оставались шансы уйти от погони. Но мои надежды и мои страхи, как оказалось, недорого стоили. Надеялся я на толстяка трактирщика, а боялся хитрости Саурона. Но у хозяина гостиницы «и своих дел хватает», а сила Саурона пока меньше, чем может показаться со страху. Однако мне, пойманному в мышеловку Изенгарда, и думать не думалось, что охотники, перед которыми все бежит и обмирает, споткнутся в далеком Шире.

— Я видел тебя! — вдруг закричал Фродо. — Ты ходил туда-сюда и луна светила!

Гэндальф замолчал, с удивлением поглядев на хоббита.

— Ну, это был сон, — смутился Фродо. — Я только сейчас вспомнил. А приснился он мне уже после того, как мы из Шира ушли.

— Тогда он маленько запоздал, — невесело усмехнулся Гэндальф и продолжал рассказ: — Да, я попал в такую переделку, в какой мне еще не довелось побывать. Подумать только, Гэндальф Серый попался, как муха в паутину. Но даже у самого искусного паука бывают промашки.

Я подумал было, что и Радагаст играет заодно с Саруманом. Но ему не провести меня, а я ничего не почувствовал при нашей встрече. А если бы почувствовал, то либо совсем не пошел бы в Изенгард, либо принял меры предосторожности. Саруман сообразил это и попросту обманул Радагаста. Радагаст Бурый не годится на роль предателя. Он честно нашел меня, чем и убедил.

Здесь-то Саруман и просчитался. Радагаст, конечно, выполнил мою просьбу, а направился он в Сумеречье, к старым друзьям. Горные Орлы летают по всему миру и многое видят. У них на глазах орки сбивались в стаи, у них на глазах Девять все дальше забирались на Север, слыхали они и о бегстве Горлума. И решили известить меня.

Однажды, уже в конце лета, на исходе лунной ночи, неожиданно явился Гваихир, Повелитель Ветров, самый быстрокрылый из Великих Орлов. Я поговорил с ним, и он взял меня с собой. Мы были уже далеко от Изенгарда, когда орки и волки бросились в погоню.

— Ты далеко можешь унести меня? — спросил я у могучей птицы.

— Куда хочешь, — ответил Орел. — Но меня послали разносить вести, а не грузы.

— Тогда мне нужен конь, — сказал я, — быстрый, самый быстрый, ибо мне сейчас нужна только скорость.

— Хочешь, я отнесу тебя в Эдорас, — предложил Орел. — Там живет Король Рохана, и это недалеко.

Конечно, я принял предложение. В Рохане живут укротители коней, там на тучных пастбищах пасутся самые быстрые кони на свете.

— Как по-твоему, людям Рохана можно еще доверять? — спросил я у Повелителя Ветров. Предательство Сарумана сильно подействовало на меня.

— Говорят, они посылают коней в Мордор, — ответил Орел, — но это — дань, а не служба. Однако, если ты говоришь, что Саруман обратился ко Злу, значит, судьба Рохана решена.

На рассвете я ступил на землю Рохана. Я вижу, рассказ мой затянулся, теперь можно закончить его побыстрее. Я не напрасно опасался. Саруман постарался и здесь. Зло уже успело пустить корни в Рохане. Король не поверил мне, но разрешил взять коня и убираться. Вряд ли он был в восторге от моего выбора. Я взял лучшего коня Рохана, равного ему я вообще никогда не видел.

— Должно быть, это действительно достойный восхищения конь, — промолвил Арагорн. — Жаль, что Мордор получает благородных животных из Рохана. Для меня это новость. Я был там и ничего подобного не слышал.

— Могу поклясться, нет этого! — с жаром воскликнул Боромир. — Это опять вражья ложь. Я знаю людей Рохана, они самые честные и доблестные наши союзники. О какой дани может идти речь, если они живут на землях, данных Гондором?

— Тень Мордора простирается далеко, — заметил Арагорн. — Вот уже и Саруман не устоял перед ней. Рохан окружен. Кто знает, что ты найдешь на обратном пути?

— Что угодно, только не это. Не будут в Рохане торговать конями, они любят их. Это ведь не обычные кони. Они пришли с лугов Севера, они помнят вольные Древние Дни.

— Истинно так! — подтвердил Гэндальф. — И есть среди них один, который, по-моему, жеребенком застал зарю мира. Коням Девяти за ним не угнаться. Он быстр, как ветер, и, как

ветер, не знает усталости. Его зовут Сполох. При свете дня он как серебро, а в ночи — как тень и почти невидим. Как легок он на ходу! До меня он не знал наездников, но мы поладили, и я был уже в Шире, когда Фродо проходил Упокоища, а ведь начали путь мы одновременно: он из Хоббитона, а я — из Рохана.

Я скакал, нет, я летел, а страх летел впереди меня. Чем дальше на Север, тем чаще слышал я о Всадниках. С каждым днем я нагонял их, но все-таки они опережали меня. Я видел: они разделились. Часть осталась на восточных рубежах, на Зеленопутье, а другие вошли в Шир с юга. Я прискакал в Хоббитон, но не застал Фродо и вынужден был удовольствоваться беседой со старым Гэмджи. Толку от него было мало. Он все переживал насчет новых хозяев Засумок.

— Перемены,— ворчал он,— не в мои бы годы, а главное — перемены-то к худшему, к самому худшему, что ни есть.

— Надеюсь, до самого худшего ты не доживешь,— сказал я ему.

Сквозь его ворчание я разобрал все-таки, что Фродо ушел меньше недели назад, а в тот же вечер на Горку наведался Черный Всадник. Что и говорить, не успокоил меня старый Гэмджи. Я прискакал в Заскочье и застал его похожим на разворошенный муравейник. Дом в Кривражках был пуст, а на пороге лежал плащ Фродо. Я чуть не потерял голову и бросился по следу Всадников. Не задержался даже для того, чтобы расспросить народ в Заскочье. Я чуть не сбился со следа, он опять разошелся. Получалось, что один или двое Черных направились в Брыль, я отправился за ними, а по дороге обдумывал слова, которые собирался сказать хозяину трактира.

«Маслютиком тебя зовут,— в ярости думал я,— ну, если эта задержка на твоей совести, от тебя один лютик и останется. Все масло я из тебя вытоплю, когда буду жарить на медленном огне». Похоже, он примерно так и представлял себе нашу встречу, потому что, как меня увидел, хлопнулся на пол и прямо на глазах таять стал.

— Что ты с ним сделал? — испуганно спросил Фродо.— Он добрый, помог нам...

Гэндальф засмеялся:

— Не бойся, дружок. Я даже не ругал его особенно, так он обрадовал меня новостями, когда трястись перестал. Вышло просто замечательно, у меня камень с души свалился, когда я узнал о вашей встрече с Арагорном.

Я даже не удержался и воскликнул: «Как? С Колобродом?» А Маслютик испугался еще пуще и лепечет: «Да я-то ни при чем, я старался, а он все равно пролез и с ними ушел. Я предупреждал. Да ведь не слушают они! С характером!» — «Осел! Дурень! — говорю ему.— Суслень ты мой ненаглядный! Это

же лучшая новость за все лето! Просто на вес золота. Да будет твое пиво на семь лет лучшим в округе! Ты мне первую ночь спокойную подарил своими новостями!»

Я заночевал в «Резвом Пони», гадая, куда подевались Всадники. В Брыле, похоже, видели только двоих. Зато ночью явилось их не меньше пяти. Они подошли с запада, попросту снесли ворота и черным вихрем промчались по деревне. Брыльчане до сих пор вздрагивают и со дня на день ждут конца света. Я встал на рассвете и поехал себе. Насколько я понял, Король-Призрак оставался в засаде к югу от Брыля, двое громили гостиницу, а четверо тем временем злодействовали в Шире. Когда и там, и там ничего не получилось, они вернулись к Предводителю, и Дорога на время осталась без присмотра. Думаю, назгул не очень-то обрадовался вестям.

Я добрался до Заветери на второй день, но они опередили меня. Настроение у меня было не самое мирное, они это почувствовали и до заката предпочли убраться. А вот ночью устроили мне на Амон Сул настоящую осаду. Я отбился. С тех пор как на этой башне погас последний сторожевой огонь, такого света, таких вспышек там не видывали. На рассвете я ушел на север. Больше ничего не оставалось. Мне не найти бы вас в глуши, — сказал маг, повернувшись к Фродо, — на Арагорна я полагался, как на себя, и, кроме того, надеялся увести за собой хоть нескольких Всадников. А потом, добравшись до Дольна, я мог послать вам навстречу подмогу. Четверо Всадников действительно увязались за мной, но потом остались у Брода, поэтому вас на Заветери атаковали только пятеро.

Окольным путем, через верховья Седонны и Троллиное Нагорье я добрался в Дольн. От Заветери путь занял ровно две недели. Я не стал рисковать и отпустил Сполоха: Он не прошел бы по скалам. Но за время пути мы подружились с ним, и, если я позову, он придет. Так что я поспел в Дольн только на три дня раньше Кольца. К счастью, Владыка Элронд был уже предупрежден.

Вот и все, Фродо. Пусть остальные простят меня за долгий рассказ, но никогда еще не случалось так, чтобы Гэндальф назначил встречу и не пришел, как обещал. Я должен был дать объяснения Хранителю, и я их дал.

Теперь история Кольца рассказана. Вот мы, знающие ее от начала до конца, вот Кольцо. Наконец-то можно перейти к нашей самой главной заботе — что с ним делать?

На этот раз затянувшееся молчание нарушил Элронд.

— Горько мне слышать о предательстве Сарумана, — качая головой, произнес он. — Мы ему доверяли, он знает о наших замыслах. Это опасное занятие — изучать повадки Врага. Впрочем, такие падения и предательства случались и раньше.

Много необычного услышали мы сегодня, но для меня самой невероятной была история Фродо. Я мало знаю хоббитов, кроме разве что Бильбо, но я полагал, что он один такой, — Элронд помолчал, — и, к счастью, ошибался. Видно, мир сильно изменился с тех пор, как я в последний раз побывал на дорогах Запада.

Нежить из Упокоищ нам известна под разными именами, и о Древлепуще мы знаем достаточно. Это ведь только остатки некогда действительно могучего леса. Белка в те времена могла, не слезая на землю, перебраться из мест, названных позже Широм, до Дунгарского края западнее Изенгарда. Мне приходилось бывать там и видеть много странного, а вот про Бомбадила я успел забыть, если, конечно, это все тот же, бродивший когда-то в лесах и холмах. Он уже тогда был древнее самой древности. Мы звали его Йарвен Бен-Адар — Старейший из Нерожденных. В других народах у него были другие имена. Гномы звали его — Форн, северяне — Оральд. Да, это странное создание. Может быть, следовало пригласить его на Совет?

— Он не пришел бы, — тихо сказал Гэндальф.

— Но может быть, попросить его помочь? — задумчиво произнес Эрестор. — Как я понял из рассказа, у него есть власть даже над Кольцом.

— Это не совсем верно, почтенный Эрестор, — снова сказал маг. — Я бы выразился так: у Кольца нет власти над ним. Том — сам себе хозяин. Кольца он не изменит и силу его не уничтожит. Посмотри, что осталось от его некогда бескрайних владений. Маленький уголок с границами, которые он сам установил, предчувствуя перемены. Установил и шагу за них не ступит.

— Но зато внутри этих границ ничего не боится, — не хотел отказываться от своей мысли Эрестор. — Не сможет ли он взять Кольцо на хранение? Там оно не принесет вреда.

— Нет, — покачал головой Гэндальф, — сам не возьмет. Зачем? Допускаю, если все свободные народы Запада будут просить его об этом, он согласится, но зачем это нужно, ему так и останется невдомек. Вскоре он либо забудет о нем, либо просто выкинет. Станет он держать в голове всякий вздор! Нет, он был бы очень ненадежным Хранителем, а уже одного этого достаточно.

— Бессмысленно посылать Кольцо к нему, — сказал молчавший до этого Глорфиндейл. — В лучшем случае нам удастся на короткое время отсрочить приход Зла. Бомбадил далеко, скрытно доставить к нему Кольцо не просто, а если бы даже это и удалось, что с того? Рано или поздно Враг узнает об этом укрытии, и, если он обрушит на Древлепущу всю свою мощь, кто скажет — устоит ли Йарвен? Думаю, нет. В лучшем случае, когда Тень накроет все земли, он уйдет последним, как некогда первым пришел, и все равно наступит Ночь.

— Я мало знаю Йарвена, — вступил в разговор Гэлдор, — но с Глорфиндейлом согласен. Сила Йарвена не в нем самом, а в земле, но мы видим, как Саурон мучает и уничтожает даже горы. Подобная сила есть и здесь, в Имладрисе, и в Лориене, и в Гаванях у Кирдэна, но достанет ли ее противостоять последнему пришествию Саурона, когда падет остальной мир?

— Нет, — коротко ответил Элронд.

— Значит, Кольца силой не сохранить, — задумчиво произнес Глорфиндейл, — и остается только два выхода: отослать его за Море или уничтожить.

— Но ведь Гэндальф объяснил — Кольцо не уничтожить теми способами, которыми мы располагаем. — Голос Владыки Элронда звучал ровно и спокойно. — За Морем могут не принять его. К добру ли, к худу ли, порождено оно здесь, нам с ним и разбираться.

— Бросить в Море, — предложил Глорфиндейл, — пусть ложь Сарумана обернется правдой. Теперь ясно, он и на Совете ходил окольными путями. Он хотел заставить нас считать Кольцо утраченным навсегда, потому что надеялся добыть его для себя. Но часто во лжи оказывается скрыта правда: в Море оно успокоится навеки.

— Едва ли, — усомнился Гэндальф. — Даже глубины, будь то земля или вода, могут меняться. Мы не для того собрались сегодня, чтобы отвести беду на время жизни нескольких поколений людей или еще на одну Эпоху. Надо думать, как покончить с этим проклятием навсегда. Мы обязаны найти способ, даже если у нас не хватит сил на его осуществление.

— И уж во всяком случае, не на морском берегу искать этот способ, — добавил Гэлдор. — Тут считали опасной дорогу к Йарвену, что же тогда говорить о дороге к Морю? Для Саурона такое наше решение — самое очевидное, мне это сердце подсказывает. Он же знает, где Кольцо, или скоро узнает. Мы лишили Девятерых коней, но надолго ли это задержит их? Они найдут других. Подумайте, сейчас только задыхающийся в борьбе Гондор мешает Саурону пройти маршем по побережью на Север, ударить на Белые Башни, захватить Гавани. Тогда эльфам не будет спасенья от закатных теней.

— Не скоро же он сможет выступить в такой поход, — сквозь зубы процедил Боромир. — Гондор задыхается, ты говоришь? Гондор стоит и даже теперь, на закате своего могущества, очень силен.

— Ты забыл о Девяти, — устало ответил Гэлдор. — Что может Гондор выставить против Назгулов? А кроме всего прочего есть и другие дороги.

— Значит, действительно прав Глорфиндейл, — подытожил Эрестор, — остается либо спрятать Кольцо навсегда, либо уничтожить. И оба пути нам не по силам. Как тут быть? Кто решит загадку?

— Никто, — тяжко прозвучал голос Элронда. — Никому не удастся предугадать, что произойдет, выбери мы тот или другой путь. Но зато для себя я уяснил: раз дорога на Запад кажется легче, пользоваться ею мы не вправе. Ее-то и будут стеречь в оба. Слишком она нахожена эльфами. Наш выбор должен оказаться неожиданным для Врага. В этом, и только в этом наша надежда, если она вообще существует. Надо идти в Мордор. Кольцо должно быть предано Огню.

И снова, в который раз, в зале воцарилась тишина. Даже здесь, в этом светлом Доме, глядя на залитую солнцем долину, Фродо почувствовал смертную темень на сердце. Боромир пошевелился, и Фродо стал смотреть на воина. Гондорец теребил перевязь рога и хмурился. Наконец он не выдержал и заговорил:

— Не понимаю я всего этого. Пусть Саруман предатель, но мудрым-то он остался. Почему все «спрятать» да «уничтожить»? А почему никто не думает, что Великое Кольцо само пришло к нам в руки в самый нужный час? Ведь, владея им, свободные народы Запада наверняка смогут победить. Разве не этого больше всего опасается Неназываемый?

Доблестные гондорцы никогда не покорятся, но они могут быть разбиты. Чего не хватает доблести? Во-первых, силы, во-вторых, оружия. Так давайте сделаем своим оружием Кольцо, если оно такое могущественное. Возьмите его и вперед, к победе!

— Это невозможно, — терпеливо начал объяснять воину Элронд. — Мы не можем воспользоваться Кольцом Всевластья. Оно принадлежит Саурону, он создал его для Зла. Могущество его, отважный Боромир, непосильно для любого из нас, кроме тех, кто уже владеет огромной мощью. Но, даже найдись такой повелитель, Кольцо для него станет опасней вдвойне. Одно лишь желание обладать им смертоносно. Подумай о Сарумане. Да, кто-нибудь из Мудрых, обладая Кольцом, сумел бы свергнуть Саурона Темного. И что? Появился бы новый Темный Властелин, только и всего. Кольцо необходимо уничтожить. Пока оно остается в мире, оно опасно даже для Мудрых. В первую очередь — для Мудрых. Никакое Зло не изначально. Даже Саурон. Я, Элронд, боюсь взять Кольцо, чтобы спрятать, я ни за что не возьму Кольца, чтобы владеть им.

— И я, — эхом откликнулся Гэндальф.

Боромир с сомнением поглядел на обоих, но не нашел, что возразить, и опустил голову.

— Ладно, — мрачно произнес он, — придется Гондору и дальше обходиться тем оружием, какое есть. Пусть Мудрые стерегут это Кольцо, а мы будем сражаться. Глядишь, и Сломанный Меч пригодится, если, конечно, рука его хозяина унаследовала не только обломки, но хоть немного мощи древних Королей.

— Может быть, придет день проверить и это, — ответил Арагорн.

— Наверное, его недолго ждать, — продолжал Боромир. — Да, мы не просим помощи, но она нужна нам. Нам хотя бы нужно знать, что и другие вступили в борьбу, и другие напрягают все силы.

— В этом вы можете быть уверены, — заверил гондорца Элронд. — Есть и другие силы в этом мире, и другие владения. Андуин Великий несет свои воды мимо многих берегов, прежде чем достичь Аргоната и Ворот Гондора.

— Но я думаю, всем было бы только лучше, объединись эти силы, — подал голос Глоин. — Союз не сильнее ли отдельных армий? Есть ведь в мире и другие кольца, пусть не такие сильные, почему бы не воспользоваться ими? Семь потеряны для нас, если только Балин не нашел Кольца Трора. Теперь-то я могу сказать, Балин и ушел в надежде отыскать это Кольцо.

— Балину незачем было ходить в Морию, — сказал Гэндальф. — Трор передал свое Кольцо Трайну, но Трайн не успел передать его Торину. Трайна пытали в подземельях Дол Гулдура и отняли Кольцо силой. Я пришел слишком поздно.

— Черные дела! — вскричал Глоин. — Когда же придет день нашей мести? — Гном с трудом взял себя в руки. — Но остаются еще Три. Есть же эльфийские Кольца, тоже могущественные как говорят, и появились они на свет вместе с Единственным, рожденные той же Черной Рукой. Где они? Почему их не используют? Мне хотелось бы услышать ответ эльфийских правителей.

Эльфы молчали.

— Разве я не ясно выразился, почтенный Глоин? — ответил за всех Элронд. — Три не имеют к Саурону никакого отношения. Он не касался их. Но о судьбе Трех лучше молчать. В этот час, когда нас раздирают сомнения, я могу лишь уверить вас: Три не бездействуют. Но никогда не мыслились они оружием, не в том их сила. Их создатели стремились не к власти или богатству, их влекло знание, творчество, стремление сохранить мир в первозданной чистоте. И с помощью Трех эльфам Средиземья многого удалось достичь, хотя во всех их свершениях пребывает печаль. Но если Враг обретет Одно, гибель ждет все созданное владеющими Тремя, их сердца и помыслы станут доступны Темному Властелину. Он изо всех сил стремится к этому.

— Я понял, — склонил голову Глоин. — Теперь я хочу узнать, что произойдет в мире, если Единственное будет уничтожено, как предлагали сегодня?

— Я не могу точно ответить на твой вопрос, — печально произнес Элронд. — Может быть, Три получат свободу и с их помощью удастся залечить раны мира. Но может случиться и

так, что с исчезновением Одного истает сила Трех, тогда уйдет из мира и забудется немало прекрасного. Я думаю, именно так и произойдет.

— Эльфы готовы заплатить такую цену, — сказал Глорфиндейл, — за гибель Саурона и избавление мира от его владычества на веки вечные.

— Ну, вот мы и вернулись снова к последней нашей возможности, — невесело улыбнулся Эрестор. — Кольцо должно быть уничтожено. А между тем решение этой задачи все так же далеко от нас. Какие силы помогут нам отыскать огонь, породивший Одно? Первый шаг к Ородруину — шаг отчаяния. Я бы даже осмелился назвать это глупостью, и только известная всем мудрость Владыки Элронда останавливает меня.

— Значит, ты считаешь — отчаяние или глупость? — усмехнулся Гэндальф. — Но отчаяние существует для того, кто увидел несомненный крах своих устремлений. Где он? Мы взвесили все пути, мы увидели всего лишь несомненную необходимость одного из них и выбираем его — это мудрость. Глупостью она может показаться обольщающемуся ложными надеждами. Впрочем, пусть глупость послужит нам щитом, укроет наши замыслы от Врага. И Враг отнюдь не лишен мудрости, он взвешивает все самым тщательным образом, но на весах злобы. Обо всех сердцах судит он под знаком своей страсти — жажды власти. Ему едва ли придет в голову мысль об уничтожении Кольца. Как? Уже владея им — уничтожить? Нет, он не будет и думать о такой возможности.

— Хотя бы первое время, — поддержал мага Элронд. — Дорога тяжела, ни сила, ни мудрость далеко по ней не уведут. На этой дороге у слабых будут равные шансы с сильными. Мудрые знают — такое случается, когда сдвигаются мировые колеса. Их приводят в движение руки малых сих, пока глаза великих устремлены вдаль.

— Достаточно, Мастер Элронд! — неожиданно произнес Бильбо, вставая. — Я уже все понял. Бильбо заварил эту кашу, ему и расхлебывать. Мне прекрасно жилось здесь, и книга моя хорошо шла. Я ведь уже окончание пишу, даже конец придумал: «И с тех пор он жил счастливо до конца дней своих». Это — хорошая концовка, не новая конечно, но хуже она от употребления не стала. Жаль менять, а видно, придется. Ну, если удастся, допишу еще несколько глав. Досадно, конечно, но ладно. Когда мне идти?

Боромир, с огромным изумлением взиравший на хоббита, готов был расхохотаться, но, взглянув на остальных и заметив на лицах уважительную серьезность, сдержался. Улыбнулся лишь старый Глоин, да и то давним воспоминаниям.

— Конечно, дорогой Бильбо, — рассудительно заговорил Гэндальф, — если бы ты заварил эту кашу, тебе бы и расхлебывать.

Но под старость ты, надеюсь, понял, что приписывать себе зачин в великих делах — немного самоуверенно, будь ты хоть трижды герой. Нет, ты погоди кланяться. Сказано было неплохо, предложение мы оценили, но дело это не твое. Не вернется к тебе Кольцо, коли ушло однажды. Если позволишь дать тебе добрый совет — изволь: твое Приключение в этой истории кончилось. Осталось только дописать книгу. Вот и дописывай. А конец не переделывай ни в коем случае! Нет нужды. Только приготовься писать продолжение, когда вернутся другие.

Бильбо рассмеялся:

— Впервые слышу от тебя не только дельный, но и приятный совет. Даже опасаюсь: поскольку все твои неприятные советы неизменно были к добру, то не к худу ли приятный? Впрочем, ты прав, конечно. У меня уже ни сил, ни удачи не хватит, чтобы справиться с Кольцом. Его сила растет, а моя-то — нет. Надеюсь, ты скажешь, кого имел в виду под этим безликим словечком «другие»?

— Тех, кто пойдет с Кольцом.

— Да что ты говоришь! Я бы ни за что не догадался! Ну и кто же это? Наконец-то мы добрались до сути. По-моему, только это и должен был решить наш Совет. Эльфы, вестимо, питаются звуками и могут долго прожить на одних речах, гномы всему миру известны своей выносливостью, но я-то — всего-навсего старый хоббит, пропустивший полуденную кормежку. Давайте быстренько назовем имена и пойдем обедать.

Никто не ответил Бильбо. Фродо переводил взгляд с одного лица на другое, но не встречал ответных взглядов. Казалось, весь Совет опустил глаза, погрузившись в глубокие раздумья. Фродо почувствовал страх, словно сейчас объявят приговор, которого он хоть и ждал, но все надеялся — не пронесет ли мимо. Отдохнуть! Побыть в покое! — отчаянно взывало все его естество. Он встал и заговорил, сначала с усилием, удивленно вслушиваясь в собственные слова:

— Я возьму Кольцо. Только я не знаю дороги.

Элронд поднял голову. Его глаза словно пронзили хоббита.

— Думаю, я правильно понял твои слова, — проговорил он. — Я убежден, это — твоя задача, Фродо. Если ты не справишься с ней, значит, не справится никто. Для народа Шира настала пора уйти от своих мирных полей, чтобы сотрясать крепости и советы Мудрых. Кто из нас мог думать о таком? А ведь если Мудрые действительно мудры, они должны были бы предвидеть этот час.

Тяжкий груз достался тебе. Столь тяжкий, что никто в мире не осмелился бы взвалить его на ближнего. Не осмелюсь и я. Но раз ты добровольно выбрал свою участь, скажу: выбор твой верен. Встань из прошлого все могучие друзья эльфов —

Хадор, Хурин и Турин, даже сам Берен, — твое место было бы среди них.

— Но вы же не отправите его одного, Мастер?! — крикнул Сэм, выскакивая из неприметного уголка, куда забился в самом начале.

— Как можно! — с улыбкой ответил ему Элронд. — Ты-то обязательно пойдешь с ним. Мы уже убедились: разлучить вас не может даже Тайный Совет, куда тебя не приглашали.

Сэм сильно покраснел и сел, бормоча под нос:

— Ну и в переделку мы с вами попали, сударь.

Глава 3
КОЛЬЦО УХОДИТ НА ЮГ

В этот же день, чуть попозже, в комнате Бильбо собрался другой Совет — хоббичий. Мерри и Пиппин возмущались хитростью Сэма, прокравшегося на Совет у Элронда и попавшего таким образом в спутники Фродо.

— Где ж тут справедливость? — вопрошал Пиппин. — Вместо того чтобы вышвырнуть наглеца, Элронд берет и награждает его за наглость!

— Хороша награда, — урезонивал его Фродо. — Трудно придумать наказание суровее. Подумай, что ты говоришь? По-твоему, приговор к участию в этом безнадежном деле — награда? Эх, я-то размечтался: отдохну здесь, может, и надолго задержусь...

— И мне бы хотелось, чтобы ты отдохнул, — кивнул Мерри, — но мы же не тебе завидуем, а Сэму. Раз ты идешь, значит, не пустить с тобой любого из нас — наказание, даже если остаться придется здесь, в Дольне. Мы с тобой уже прошли через всякие переделки и дальше собираемся идти.

— Я считаю, — упрямо проговорил Пиппин, — нам, хоббитам, надо вместе держаться, это правильно. Чтоб меня не пустить — это ж кандалы нужны. Должен ведь в походе хоть один с головой быть.

— Ну тогда тебе не миновать дома сидеть, Перегрин Тук! — раздался голос Гэндальфа, а потом он и сам заглянул в низкое окошко. — Зря вы тут кипятитесь, еще ничего не решено.

— Да, не решено! — фальцетом выкрикнул Пиппин. — Тогда что же вы там делали столько времени?

— Мы разговаривали, — степенно ответил Бильбо. — На Совете были сплошные разговоры, между прочим, было от чего глаза вытаращить. Даже Гэндальфу. По-моему, когда Леголас рассказал, что Горлум сбежал, даже ты растерялся, хоть и виду не подал.

— Ошибаешься, — спокойно возразил Гэндальф. — Ты просто невнимательно слушал. О побеге Горлума я узнал от По-

велителя Ветров. Если уж на то пошло, кроме вас с Фродо, глаз никто не таращил, а я так и вовсе ничего нового не услышал.

— Все равно, — примирительно сказал Бильбо, — пока решили только насчет бедного Фродо и Сэма. Так и чувствовал, что меня не пустят. Но, насколько я знаю Элронда, он просто ждет каких-то вестей, а потом отправит столько народу, сколько посчитает нужным. Они ведь уже разослали разведчиков, а, Гэндальф?

— Да, — нехотя сказал маг. — Некоторые уже в пути, остальные уйдут завтра. Они свяжутся со Скитальцами и с Сумеречными Эльфами. Сыновья Элронда и Арагорн тоже ушли. Прежде чем сделать хотя бы шаг, нужно точно знать, что происходит вокруг. Ты зря расстраиваешься, Фродо, тебе еще надоест здесь сидеть.

— Ну вот,— проворчал Сэм,— что ж теперь, до зимы ждать?..

— Это, скорее, Фродо виноват,— сказал Бильбо.— Кто ждал моего дня рождения? Да и подарочек мне хороший припасли. Надо же было выбрать именно этот день, чтобы пустить в Засумки Дерикулей. А теперь вот выходит: и до весны ждать нельзя, и без разведки не выйдешь.

Когда зима свистит в кулак
И крошит скалы мерзлый мрак,
Мертвеет лес, чернеет омут —
В глуши беда грозит любому...

Да-а, в общем, как повезет.

— То-то и оно, — согласился Гэндальф. — Только на везение нам рассчитывать нельзя. Надо разузнать о Всадниках. Без этого не пойдем.

— А разве они в реке не сгинули? — удивился Мерри.

— Кольценосцев так легко не уничтожишь, — вздохнул Гэндальф.— Пока их хозяин в силе, с ними не удастся покончить насовсем. Коней они лишились, облика, надеюсь, тоже. Но в этом еще убедиться нужно. А пока, Фродо, мой тебе совет: отдохни, ни о чем не беспокойся. И вот еще что... Не знаю, будет ли от меня толк, но тут говорили некоторые, что голова отряду не помешает. Я согласен и поэтому думаю пойти с тобой.

При этих словах Фродо пришел в такой буйный восторг, что маг слез с подоконника, отступил на шаг и с легким поклоном сказал:

— Ну-ну, ты не очень-то пока радуйся. Я ведь сказал: «думаю пойти». Как там на самом деле получится — еще неизвестно. Здесь последнее слово за Элрондом и за вашим другом Колобродом, кстати. Ладно, пойду. Мне еще Элронда повидать надо.

Он ушел, а Фродо спросил Бильбо:

— А по-твоему как? Долго я здесь пробуду?

— Трудно сказать. В Дольне дни не очень-то посчитаешь. Впрочем, наверное, долго. Мы с тобой еще успеем наговориться. Помог бы ты мне с книгой, а? Может, и следующую начнем? Ты уже придумал концовку?

— И не одну, — мрачно отозвался Фродо. — Только, знаешь, они все какие-то неприятные.

— Вот этого не надо, — строго проговорил Бильбо. — Книги должны кончаться хорошо. Как тебе вот такая, например: «Все они поселились вместе и жили с тех пор счастливо»?

— Годится, — улыбнулся Фродо. — Дожить бы до этого.

— Эй, подождите, — вмешался Сэм. — А где они жили-то? Вот что меня всегда интересовало.

Хоббиты еще не раз говорили о прошлом путешествии и предстоящих опасностях, но, видно, так уж действовала земля Дольна, что скоро все страхи и беспокойства оставили их. Будущее, доброе или злое, по-прежнему ждало их впереди, но уже не могло пересилить настоящее. Постепенно крепло здоровье, надежда вливалась в сердца, они научились радоваться каждому новому дню, каждому обеду, сказанному слову или песне.

День незаметно ускользал за днем, приходили свежие яркие утра, наступали ясные вечера, но осень гасла. Скоро золото лесов потускнело, последние листья покидали ветви. С Мглистых Гор тянуло холодом. Луна все полнела, мелкие звезды тонули в ее прибывающем свете. Каждую ночь низко над южным горизонтом стала восходить яркая винно-красная звезда. Ее видно было из окна Фродо, и с каждым разом она все больше походила на внимательный злой глаз, заглядывающий поверх кромки леса в долину.

Уже около двух месяцев хоббиты гостили в Доме Элронда. Прошел ноябрь, и только в начале декабря стали возвращаться разведчики. Некоторые из них побывали далеко на севере, другие с помощью Арагорна и его Скитальцев обследовали земли в нижнем течении Гремячей до самого Тарбада, где старая северная дорога пересекает реку возле развалин древнего города. Разведчики побывали на юге и на востоке, кое-кто вернулся из-за Гор, добравшись до Сумеречья; Радагаста они не застали и вернулись через Росные Пороги. Элладан и Элрохир возвратились позже всех. Они спускались по течению Серебрени в тамошние странные края, но о том, что видели, говорили только с Элрондом. Никто из посланных не обнаружил и признаков Черных Всадников. Не видно было и других слуг Врага. Даже Орлы с Мглистых Гор не сообщили ничего нового. Горлум словно сквозь землю провалился. Зато множились волки, они уже сбивались в стаи в верховьях Великой Реки. Трупы трех черных коней обнаружили неподалеку от Брода. На ска-

лах, ниже по течению, нашли еще пятерых и длинный изодранный черный плащ. И больше ничего. Видимо, Всадников на севере не было, нигде не ощущалось их присутствия.

— Так. Восемь из Девяти сосчитаны,— говорил Гэндальф.— Полной уверенности, конечно, нет, но, кажется, на время мы от них избавились. Теперь им придется добираться в Мордор не только без Кольца, но и без обличья. А это значит, что они не скоро соберутся на новую охоту. Понятно, у Врага есть и другие слуги, ну да ведь им еще надо добраться до границ Дольна, взять наш след, а мы уж постараемся не оставлять его. Больше медлить нельзя.

Элронд призвал хоббитов к себе. Фродо выдержал его долгий внимательный взгляд.

— Время пришло,— сказал Владыка Дольна.— Уходить надо немедленно. Тем, кто пойдет с Хранителем, не помогут ни войска, ни сила. А во владениях Врага им и вовсе не придется рассчитывать на чью-нибудь помощь. Ну как, любезный Фродо, ты не отказываешься от своих слов? Несешь Кольцо?

— Да,— просто сказал Фродо.— Мы пойдем с Сэмом.

— Хорошо,— вздохнул Элронд.— Я не могу помочь тебе даже советом. Что встретится тебе в пути, как будет выполнена твоя задача, мне неведомо. Тень достигла подножий Гор, она накрыла нижнее течение Седонны. Там все темно для меня. Думаю, в пути тебе встретится немало врагов, иных сразу узнаешь, иных — нет, но можешь встретить и друзей, даже когда на это будет меньше всего надежды. Я постараюсь оповестить тех, кому доверяю, но не все мои гонцы дойдут, а некоторым едва ли удастся опередить тебя.

С тобой пойдут другие и будут идти, пока захотят или пока позволит удача. Но отряд должен быть небольшой, ваша надежда — на скорость и скрытность. Даже будь у меня эльфийская дружина в доспехах Древних Дней, она не принесла бы пользы, разве что всколыхнула бы весь Мордор.

Вас будет Девять. Девятерых пеших мы выставим против Девяти Всадников. Кроме вас с Сэмом идет Гэндальф. Кольцо — это его великая забота и, может статься, завершение его великих трудов.

Остальные представляют свободные народы Западного Мира: Эльфов, Гномов и Людей. От Эльфов — Леголас, от Гномов — Гимли. До горных перевалов они будут с вами, а может, и дальше. От Людей идет Арагорн; кому, как не наследнику Исилдура, сопровождать Кольцо.

— О! Колоброд! — радостно воскликнул Фродо.

— Он самый,— подтвердил улыбающийся Арагорн.— Я снова прошусь к тебе в проводники. Берешь?

— Я бы и сам просил тебя,— горячо сказал Фродо,— но я думал, ты с Боромиром идешь в Минас Тирит.

— Так оно и есть. Сломанный Меч перекуют, он еще постоит за Гондор. Но сотни миль нам шагать вместе. Боромир тоже в отряде. Он доблестный воин.

— Нужны еще двое, — задумчиво произнес Элронд. — Может быть, послать кого-нибудь из моих советников?

— Но тогда для нас места не останется! — в отчаянии завопил Пиппин. — Мы не хотим оставаться. Мы тоже пойдем!

— Это только потому, что вам невдомек, с чем придется встретиться в пути, — осадил его Элронд.

— Так ведь и Фродо невдомек, — неожиданно вступился за хоббитов Гэндальф. — Как и нам с тобой. Конечно, если бы они по-настоящему представляли все опасности, то не осмелились бы. Но все равно хотели бы осмелиться, от стыда бы сгорели, что не пошли. Думаю, Элронд, лучше положиться на их дружбу, чем на премудрость и предосторожность. Пошли ты хоть Глорфиндейла, не станет же он в одиночку штурмовать Черную Крепость или мечом прорубать дорогу к Ородруину.

— Я слышу твои слова, — ответил Элронд, — но сомневаюсь. Я хотел отправить этих двоих домой, ведь в Шире неспокойно. Они знают тамошние порядки и в качестве моих гонцов предупредили бы жителей о надвигающейся опасности. Во всяком случае, младшему, Перегрину, нужно остаться. Так подсказывает мне сердце.

— Тогда, Мастер Элронд, заприте меня в подземелье или отсылайте домой в мешке, — дрожащим голосом, но исполненный решимости сказал Пиппин. — Иначе я все равно пойду за отрядом.

— Ну что с тобой поделаешь, — вздохнул Элронд. — Хорошо, ты идешь. Итак, Девять! Через неделю отряд должен отправиться в путь.

Эльфийские кузнецы перековали Меч Элендила. На клинке был выбит знак: семь звезд между неполной луной и лучистым солнцем; по всему лезвию вились охранные руны, ибо Арагорн, сын Арахорна, уходил на войну к границам Мордора. Перекованный Меч сиял, и был в этом сиянии и красноватый отблеск солнца, и серебристый блеск луны. Дивной закалки и остроты добились эльфийские мастера. Арагорн дал мечу новое имя. Теперь он звался Андрил, Пламя Запада.

Арагорн и Гэндальф долго обсуждали предстоящую дорогу, дни напролет просиживали над картами, хранившимися в Доме Элронда. Иногда и Фродо составлял им компанию, но в душе он всецело положился на своих опытных спутников и все свободное время проводил с Бильбо.

В эти последние дни они часто сидели по вечерам в Каминном Зале и однажды, среди множества историй, услышали все-таки полностью балладу о Берене и Лучиэнь и о том, как они вернули Сильмарилл.

Мерри и Пиппин предпочитали бродить по окрестностям, а Фродо с Сэмом всегда можно было найти в маленькой комнатке Бильбо. Старый хоббит читал им отрывки из своей книги (она никак не кончалась), показывал старые и новые стихи или набрасывал со слов Фродо отчет о его Путешествии.

Утро последнего дня Фродо провел наедине с Бильбо. Он застал дядю над деревянным сундучком, выволоченным из-под кровати на середину комнаты.

— Я приберег твой меч. — Бильбо рылся в сундуке. — Но он ведь сломан, и я забыл попросить кузнецов перековать его. Теперь уж не поправишь. Придется тебе этот взять. Как думаешь, подойдет?

Он достал со дна небольшой меч в старых потертых ножнах, потянул за рукоять, и на свету неожиданно остро сверкнула ухоженная сталь без единого изъяна.

— Это мой Шершень, — объявил он и без особых усилий вогнал меч в деревянную балку. — Возьми, если хочешь. Мне-то он вряд ли теперь пригодится.

Фродо принял прославленное оружие с благодарностью.

— Здесь у меня и еще кое-что есть. — Бильбо достал сверток. При небольших размерах он казался увесистым. Размотав несколько слоев старой ткани, хоббит поднял на руках и встряхнул... кольчугу. Она поражала гибкостью и на ощупь показалась Фродо очень холодной. Переливающееся серебристое нагрудье украшали белые камни. Следом из сундука явился и пояс к ней, тоже богато украшенный хрусталем и жемчугами.

— Неплохая вещица, правда? — любуясь кольчугой, сказал Бильбо. — И весьма полезная. Это мне Торин подарил. Я ее перед уходом из Микорыт забрал на память о Приключении. А так... зачем она мне? Когда наденешь, веса совсем не чувствуется.

— Я как-то... — замялся Фродо, — ну, я хочу сказать, вид у меня в ней будет...

— А-а, брось! — махнул рукой Бильбо. — Я тоже так говорил. Не стоит в походе особенно переживать из-за того, как выглядишь. Давай-ка, надень под куртку. И знаешь, пусть это будет наш секрет. Просто мне спокойней, если я знаю, что она на тебе. Я даже думаю, — добавил он тихо, — может, она и клинки Черных Всадников отведет.

— Ладно, я возьму, конечно, — сказал Фродо.

Бильбо ловко накинул на него кольчугу, застегнул пояс и пристегнул меч. Сверху Фродо надел свою старую куртку.

— Вполне обычный хоббит, — удовлетворенно произнес Бильбо, оглядывая племянника. — Теперь у тебя внутри больше, чем снаружи. Ну, удачи тебе! — Он поспешно отвернулся и выглянул из окна, фальшиво напевая какой-то мотивчик.

— Даже не знаю, как благодарить тебя за все, что ты для меня сделал, — смущенно проговорил Фродо.

— И не думай! — Старый хоббит отошел от окна и хлопнул племянника по спине. — Ого! — воскликнул он, тряся ушибленной рукой. — Твердоват ты стал! При чем тут благодарность, — серьезно продолжал он. — Нам, хоббитам, надо держаться друг за друга, особенно Сумниксам. Я только прошу, береги себя и вернись, вернись с новостями. И прислушивайся по дороге к песням да историям. Я постараюсь к твоему возвращению закончить эту книгу и хотел бы начать другую... если доживу.

Он резко замолчал, опять отвернулся к окну и начал напевать:

Я размышляю у огня
О том, что повидал:
О летних днях, когда в лугах
Цветочный дух витал,

О днях, когда осенний лист
Кружился на ветру
И солнце в мглистом серебре
Вставало поутру.

Я размышляю у огня,
Как будущей весной
Наш мир, простившийся с зимой,
Простится и со мной.

Я не узнаю стольких тайн,
Загадок и чудес —
Ведь каждый день и каждый миг
Иначе зелен лес!

Я размышляю у огня
О людях давних лет,
О тех, кто жил вокруг меня
И кто придет вослед.

Как невозвратно далеки
Ушедших голоса!
Но вечно слышу их шаги
И вижу их глаза.

Был холодный серый день конца декабря. Восточный ветер свободно проносился меж голых ветвей, мотал кроны темных сосен на холмах. Рваные низкие облака мчались над землей. В вечерних сумерках отряд готов был выступить из Дольна. Первое время, по совету Элронда, предстояло идти ночами.

— У Саурона много слуг. За вами будет следить множество глаз, — напутствовал уходящих Элронд. — Враг знает о поражении Кольценосцев, и он, надо полагать, не в восторге от этого. Скоро новые его посланцы будут на севере. Остерегайтесь даже неба над головой.

Полностью экипированные путники собрались вместе. На боку Арагорна висел Андрил — другого оружия он не взял.

Походная одежда Скитальца из Пустоземья скрывала боевую кольчугу. Длинный меч покачивался на поясе Боромира, гондорец нес еще щит и боевой рог.

— Если он запоет в горных долинах, — сказал воин, — пусть лучше разбегаются враги Гондора. — С этими словами он поднес рог к губам, и могучий звук породил в скалах множественное эхо, заставив всех в Дольне вскочить на ноги.

— Не скоро тебе придется трубить теперь, — с легкой укоризной сказал Элронд, помолчал и добавил: — Не раньше, чем придешь к границам своей страны, а тогда — нужда заставит.

— Пусть так, — гордо ответил Боромир, — но я всегда разрешал моему рогу подать голос в начале похода. Пусть потом нам придется идти в ночи, но я не собираюсь красться, как вор.

Гном Гимли открыто облачился в кольчужную рубаху, а к поясу пристегнул боевой топор. У Леголаса за спиной висели эльфийский лук и колчан со стрелами, а на поясе — длинный кинжал в белых ножнах. Мерри и Пиппин были вооружены мечами из Упокоища, а у Фродо из-под куртки едва виднелся Шершень. Про кольчугу он никому не сказал, даже искушенный глаз не заметил бы ее под походной одеждой. У Гэндальфа кроме жезла на поясе тоже висел эльфийский меч Гламдринг, похожий на его прежний Оркрист, покоящийся ныне на груди Торина, вечно спящего под Одинокой Горой.

Элронд снабдил отряд всем необходимым. В предзимье не лишними казались и меховые плащи, и другие теплые вещи. Запасы еды, одеяла, одежду и посуду погрузили на единственного пони, уходившего с отрядом, того самого, пришедшего из Брыля. Пребывание в Дольне совершило в нем разительную перемену: шкура лоснилась, он помолодел и раздобрел. Взяли его по настоянию Сэма, уверявшего, что Билл (так он прозвал лошадку) зачахнет без него и без дела.

— Эта животина почти говорящая, — уверял он, — и заговорила бы наверняка, останься тут подольше. Он вот так на меня посмотрел, ну как если бы мастер Перегрин сказал: «Не возьмешь — я все одно следом пойду».

И Билла назначили в отряд вьючным животным. При этом он единственный из всех выглядел бодро и весело.

Слова прощания были уже сказаны, и теперь путники ждали только Гэндальфа, задержавшегося у Элронда. Бильбо, зябко кутаясь в плащ, стоял в сторонке, рядом с Фродо. Арагорн сидел, расслабившись, низко опустив голову. Никто, кроме Элронда, не догадывался, что означает для него начало похода.

Сэм стоял у порога, оглаживая пони и уныло прислушиваясь к шуму реки внизу. В этот час он меньше, чем когда-либо в жизни, жаждал приключений.

— Эх, Билл, животина ты моя бедная, — бормотал он. — Лучше бы тебе с нами не связываться. Оставался бы здесь, щипал бы травку.

Билл пренебрежительно махнул хвостом, но промолчал.

Сэм поправил котомку за плечами и с беспокойством перебрал в уме: все ли взял? Кухонные принадлежности — раз, соль — о, соль у него всегда имелась при себе в небольшой коробочке; он никогда не упускал случая пополнить запас. Табак, кремень, огниво, шерстяные носки, кусочек холста, кое-какие мелочи, забытые Фродо и прибранные Сэмом (чтобы торжественно достать, когда хозяин хватится), — все было на месте, все в должном порядке.

— Эх, а веревка-то! — хлопнул он себя по лбу. — Нету ведь веревки-то! Ночью же вспомнил: «Сэм, а как насчет веревочки? Хватишься ведь, а не будет». Ну вот оно, хватился уже, а взять-то и негде.

В этот момент вышли наконец Элронд с Гэндальфом.

— Что сказать мне вам напоследок? — тихо и задумчиво обратился к отряду Владыка Дольна. — Хранитель Кольца начинает свой путь к Роковой Горе. Вся тяжесть долга — на нем. Ни бросить Кольцо, ни отдать его вражьим слугам, ни даже позволить коснуться Кольца кому бы то ни было он не вправе. Остальные вольны в своих действиях. Они могут вернуться, могут выбрать другие тропы — как распорядится судьба. Чем дальше пройдете вы с Хранителем, тем труднее вам будет вернуться или покинуть его, но ничто не обязывает вас продолжать путь. Испытайте ваши сердца, примите то, что пошлет каждому из вас дорога.

— Ненадежен говорящий «прощай» на темном пути, — сурово заметил Гимли.

— Возможно, — ответил Элронд, — но пусть лучше не клянется продолжать путь во мраке тот, кто не видел настоящей ночи.

— Клятва укрепляет слабое сердце, — сверкнув глазами, стоял на своем гном.

— Или разбивает его, — закончил Элронд. — Не надо пытаться заглянуть далеко вперед. Пусть сердце останется самим собой, но пусть не покидает его доброта. Прощайте, благословение эльфов, людей и всех свободных народов Запада пребудет с вами. Да осияет звездный свет ваши лица!

— Удачи в пути! — крикнул Бильбо посиневшими от холода губами. — Фродо, мальчик мой, если не сможешь вести дневник, хоть запоминай побольше, я буду ждать. Не пропадай надолго!

Их провожали эльфы. Тихие мелодичные голоса со всех сторон желали уходящим доброго пути. Ни музыки, ни песен, ни смеха. Отряд вышел на дорогу и словно канул в темноту.

За мостом крутая тропа вывела путников из долины, и на высокой вересковой пустоши прощально запел ветер. Потом, взглянув на последний домашний кров, мирно мигавший огнями внизу, отряд ушел в ночь.

У Бруиненского Брода свернули с дороги на юг. Этого направления предстояло держаться много миль и дней. Идти без дороги было нелегко, но зато уменьшался риск попасться на глаза неприятелю, хотя в этом пустынном краю слуг Врага никогда раньше не встречали.

Гэндальф с Арагорном, прекрасно ориентировавшиеся здесь даже ночью, шли впереди. Вереницу замыкал зоркий Леголас. Поначалу путь казался очень тяжел, Фродо запомнился лишь не смолкающий ни на секунду заунывный свист ветра. Он налетал с гор на востоке ледяными порывами, его холодные пальцы шарили под любой теплой одеждой. Холод испытывали все, и в пути, и на отдыхе. Беспокойный сон днем в каком-нибудь укромном овражке под колючими кустами к вечеру прерывался дозорным. Наставало время ужина. Костер разводить опасались, ели невкусно, а потом шли дальше, стараясь выдерживать направление на юг.

Скоро хоббитам стало казаться, что, двигаясь таким черепашьим шагом, они вообще никуда никогда не попадут. Каждый новый день, озираясь вокруг, они видели ту же унылую равнину, что и вчера. Только Горы с каждым днем становились немножечко ближе. На юге, уже за границей Дольна, их хребты плавно заворачивали к западу, а в предгорьях в изобилии попадались нудные пологие подъемы да ущелья, по дну которых часто мчался скачущий, пенный поток. Тропы встречались редко и еще реже вели в нужном направлении.

В конце второй недели пути погода изменилась. Ветер сначала стих, а потом задул с севера. Прояснилось, выглянуло солнце. Очередной спотыкающийся ночной переход окрасился ясной рассветной зарей. Перед путниками обрисовался невысокий гребень, увенчанный древними падубами. Бугристые серо-зеленые стволы деревьев словно были выстроены из тех же камней, на которых росли. Среди потемневших и не думавших облетать листьев посверкивали лаковые красные ягоды.

Далеко на юге глазам Фродо предстала горная страна. Слева вздымались три отдельных пика, ближайший, самый высокий, напоминал очертаниями драконий зуб. Вершина, опушенная снегом, розовела заревыми бликами.

Гэндальф стоял рядом с Фродо и, прикрыв глаза рукой, рассматривал горы.

— Прекрасно, — удовлетворенно заметил он. — Мы достигли страны, которую люди звали Благодатными Кущами. Когда-то, в более счастливые времена, здесь жили эльфы. На их языке страна звалась Эрегион. От Дольна по прямой — сорок пять

лиг, но мы-то ногами отмерили куда больше. Я думаю, холод теперь перестанет донимать нас. Климат здесь помягче, но и опасность растет.

— Ты посмотри на восход, — посоветовал Фродо, откидывая капюшон плаща, — он-то не опасный.

— Смотри-ка, а Горы-то теперь впереди, — удивился подошедший Пиппин, — выходит, мы ночью свернули на восток?

— Нет, — ответил маг. — Просто днем видно дальше. За этими вершинами хребет уходит на юго-запад. В Доме Элронда есть прекрасные карты, но тебе, полагаю, недосуг было заглядывать в них?

— Да смотрел я, — с досадой ответил Пиппин, — только не разбираюсь я в них. Это вон Фродо с его головой может.

— А мне никаких карт не надо. — Гимли стоял рядом с Леголасом, жадно вглядываясь в даль. — Это — земля моих отцов. Три вершины впереди знакомы мне с детства. Я видел их контуры много раз и в металле, и в камне, слышал о них в песнях и преданиях. Это — горы наших грез; наяву они предстали мне лишь один раз, но запомнились навсегда. Ведь под ними лежит Страна Гномов, Казад Дум, зовущаяся ныне Черной Бездной, на языке эльфов — Мория. Вон стоит Баразинбар, Красный Рог, по-эльфийски — Жестокий Карадрас; за ним — Серебряный Пик и Седоглавый, Келебдил Белый и Фануидол Серый, а по-нашему — Зирак Зигиль и Бундушатур.

Там, сжатая отрогами Мглистых Гор, лежит долина, которая вечно пребудет в памяти гномов, — Азанулбизар, Росная Долина, а по-эльфийски — Нандухирион.

— Вот туда нам и нужно, — сказал Гэндальф. — Подниматься будем к перевалу, к Воротам Красного Рога, потом спустимся Росными Порогами в легендарную долину гномов. Там из Зеркального озера берет начало Серебрень.

— Непроглядны воды Келед Зарама, — торжественно произнес Гимли, — холодны ключи Кибил Налы. Сердце мое трепещет — скоро я увижу их!

— Пусть это принесет тебе радость, мой добрый гном, — в тон ему ответил Гэндальф. — Но ты как хочешь, а мы там не задержимся. Наш путь — по течению Серебрени в зачарованные леса, а там — к Великой Реке, и дальше... — Он замолчал.

— Что дальше-то? — подергал мага за рукав Мерри.

— Не стоит заглядывать слишком далеко вперед, — сдержанно ответил маг. — Первую часть пути осилили, и хорошо. Здесь устроим дневку. В Эрегионе легко дышится. Сколько бы зла ни пришлось вынести этой стране, а память об эльфах жива.

— Это правда, — кивнул Леголас. — Для нас, Сумеречных Эльфов, здешний народ странен. Трава и деревья уже не по-

мнят их. А камни скорбят, вот, слышите: «Они проникали в нас, они творили нас, ввысь они поднимали нас, но они покинули нас». Давно ушли эльфы Эрегиона к Гаваням.

Утром в глубокой лощине, надежно скрытой ветвями падуба, развели костер. Завтракоужин показался на удивление вкусным. Спать не торопились, ведь впереди ждал целый день отдыха. Выйти предполагали назавтра к вечеру. Только Арагорн обеспокоенно молчал, а чуть погодя оставил отряд и поднялся на гребень. Стоя в тени деревьев, он долго осматривался и прислушивался, потом вернулся к краю лощины и встал, глядя на остальных сверху.

— Эй, Колоброд, ты чего там высматривал? — окликнул Мерри. — Тебе восточного ветра не хватает?

— Без него-то я обойдусь, — ответил Арагорн. — Но коечего и впрямь не хватает. Я много раз бывал в Эрегионе в разное время года. Ни один народ не живет здесь, но всегда было полно зверья и птиц, особенно птиц. А сейчас только вы и щебечете, а все молчит. На мили вокруг — тишина, и лишь земля как будто отзывается на ваши голоса. Непонятно мне это.

Гэндальф с неожиданным интересом спросил:

— А как ты думаешь, что за причина? Если простое удивление от такой чудной компании — это одно, а если... — Он не закончил, вопросительно глядя на Следопыта.

— Может, и так, — нехотя ответил Арагорн. — Только никогда раньше не чувствовал я здесь тревоги, если не чего похуже.

— Надо бы нам потише, — озабоченно обратился Гэндальф к остальным. — Если уж рядом с тобой Скиталец, да еще такой, как Арагорн, стоит прислушиваться к его словам.

Первым в этот день дежурил Сэм, но по собственной воле к нему присоединился Арагорн. Остальные один за другим уснули. Над лощиной стремительно стала расти тишина. Ее почувствовал даже Сэм. Каждый звук, будь то дыхание спящих или взмах хвоста Билла, был словно бы сам по себе. Хруст в суставах, когда Сэм потянулся, заставил вздрогнуть его самого, так громко и отчетливо он прозвучал. В мертвой тишине солнце неторопливо взбиралось в ясное синее небо. Далеко на юге появилось темное облачко, похожее на клок дыма. Оно быстро приближалось.

— Глянь, Колоброд, что это там? — шепотом спросил Сэм. — На облако вроде не похоже...

Арагорн не отвечал. Он давно уже смотрел на юг. Но вскоре Сэм и сам понял, что это такое. К ним быстро приближалась огромная стая птиц, летящая каким-то странным, рыскающим зигзагом.

— Ложись и замри! — шепотом приказал Арагорн.

От стаи отделился узкий язык и понесся прямо на гребень. Сэм присмотрелся и подумал, что никогда не видел таких огромных ворон. Птицы пронеслись у них над головами, затмив небо и на мгновение наполнив воздух оглушительным граем. Скоро они уже исчезли на северо-западе. Арагорн вскочил на ноги и принялся будить Гэндальфа:

— Вставай! Стаи ворон рыщут от Гор до Седонны. Это не здешние, похожи на *кребайн* из лесов Фангорна или из Дунгара. Может, их что-то спугнуло на юге, но сдается мне, они просто следят за Эрегионом. Надо убираться отсюда нынче же вечером.

— Значит, и перевал Красного Рога может оказаться закрытым. Уж там-то незаметно не пройдешь. Ну, посмотрим. А выходить вечером надо, ты прав.

— Хорошо, костер не дымил, — промолвил Арагорн. — *Кребайн* его не заметили. Больше разводить не будем.

— Это же надо, — возмущался Пиппин. — Костра нет, опять в ночь тащиться, и все из-за стаи ворон! А я-то рассчитывал вечером горяченького поесть.

— Можешь продолжать рассчитывать, — подначил его Гэндальф. — У нас впереди сплошные пиры. Мне бы вот трубочку да ноги согреть. Ну, дальше на юг — потеплее будет.

— Лишь бы жарко не стало, — проворчал Сэм. — Я-то уши развесил: думал, мы уж к Огненной Горе пришли. Этот, как его, Красный Рог, Баразинбар, что ли, за нее принял. Тьфу, пропасть! С этим гномьим языком челюсти свихнешь. И чего восторгаться, право?

Карты не оставили ни малейшего следа в голове садовника. Пространства, раскинувшиеся вокруг, своей обширностью совсем сбили его с толку.

До вечера отряд оставался в укрытии. Вороны прилетали еще дважды, но после заката исчезли на юге. Вышли в сумерках и направились к подножию Карадраса. Быстро темнело, стали высыпать звезды.

Арагорн нашел отличную тропу. Фродо она показалась остатками древней дороги, ведущей от Эрегиона к перевалу. Полная луна поднялась над горами, в ее бледном свете тени в камнях стали угольно-черными. Очертания многих хранили следы резца, но теперь камни были разбросаны вокруг в полном беспорядке.

Стоял холодный предрассветный час, и луна готовилась опуститься за горизонт, когда Фродо, взглянув вверх, скорее почувствовал, чем увидел пронесшуюся в вышине тень. Просто звезды исчезли на миг, а потом появились снова. Хоббит вздрогнул.

— Ты ничего не заметил? — спросил он шагавшего впереди Гэндальфа.

— Я почувствовал, — тут же отозвался маг. — Может быть, это прядь тумана?

— Слишком быстро для тумана, — пробормотал, не оглядываясь, Арагорн, — да еще против ветра.

Этой ночью других происшествий не случилось. Утро настало яснее вчерашнего, только опять похолодало, и ветер снова отворачивал к востоку. Путь к перевалу занял еще две ночи постоянного, хотя и пологого подъема. На третье утро Карадрас уже закрывал полнеба; могучий горный пик с оснеженной вершиной и крутыми склонами, тускло-красными, словно выпачканными запекшейся кровью.

Солнце в это утро выглядело каким-то больным. Ветер зашел на северо-восточный. Гэндальф несколько раз принимался принюхиваться.

— За нами идет зима, — тихо сказал он Арагорну. — Посмотри, горы на севере белее, чем вчера. Даже на отрогах лежит снег. Наверх ведет только одна тропа, кто знает, чего от нее ждать, но самое главное — погода. У меня не идет из головы дорога, о которой мы говорили...

Фродо, расслышавший эти слова, принял их за продолжение какого-то другого разговора. Он с беспокойством прислушался.

— Ты прекрасно знаешь, *что* я думаю о дороге, которой мы идем, — устало ответил Арагорн. — Она не просто ненадежна, а чем дальше, тем становится все опаснее. Но теперь нам от нее никуда не деться. Надо идти на перевал, медлить опасно. На юге перейти Горы негде, единственный перевал выходит к Гриве Рохана. После твоих рассказов о Сарумане я там не пойду. Мы не знаем, на чьей стороне Рохан.

— Да, это опасно, — согласился Гэндальф. — Но есть ведь и другой путь, темный и тайный...

— Давай не будем начинать снова, — остановил его Арагорн. — Или... отложим, пока не убедимся в непроходимости перевала. И я прошу тебя, не говори пока остальным.

— Но надо же решить, как идти, — настаивал маг.

— Хорошо. Давай каждый из нас еще раз подумает обо всем, взвесит, а там видно будет. Дай им поспать пока.

Уже после полудня, когда остальные заканчивали завтрак, Гэндальф с Арагорном отошли в сторону и долго разглядывали Карадрас. Вершина горы пряталась в низких тяжелых тучах. Фродо наблюдал за проводниками, гадая, о каком еще пути может идти речь. Гэндальф подошел к остальным и объявил о решении идти на перевал сегодня. Почему-то его слова обрадовали Фродо. Он ничего не знал о «темном и тайном» пути, но видел, с какой неохотой говорил о нем Арагорн, и заранее невзлюбил его.

— Есть у меня опасение, — меж тем говорил Гэндальф, — что Перевал Красного Рога охраняется, еще больше меня смущает погода. Надо пройти перевал быстро. До седловины не меньше двух переходов, темнеет сейчас рано, надо поторапливаться.

— Я хотел добавить пару слов, — произнес Боромир. — Я родился в предгорьях, дороги в горах мне хорошо знакомы. Наверху нас встретят сильный ветер и холод. Там уже не до тайн, надо думать, как не замерзнуть. Я посоветовал бы прихватить дров, кто сколько сможет.

— А Билл возьмет чуток побольше, правда, дружище? — Сэм заботливо похлопал пони по крупу. Ответом ему был довольно мрачный взгляд почти говорящего животного.

— Хорошо, — согласился Гэндальф. — Но это — на самый крайний случай.

Отряд тронулся в путь и поначалу двигался довольно быстро. Но скоро тропа полезла круто вверх. Во многих местах ее перегораживали упавшие камни. Темнело. Пронизывающий ветер задувал все сильнее. К полуночи вышли на площадку, после которой тропа лепилась вдоль отвесной стены. Громада горы нависла над ними во мраке, справа подстерегала черная пустота, там зиял обрыв.

Поднявшись еще немного, Фродо приостановился. Что-то мягко коснулось его щеки. Протянув руку, он увидел на рукаве снежинки, а вскоре воздух наполнился кружащимся белым роем. Хоббит с трудом различал впереди согнутые спины Гэндальфа и Арагорна.

— Не нравится мне все это, — прохрипел позади Сэм. — Снежок хорош зимним утречком, когда печка уже топится, а вставать еще рано. Вот бы в Хоббитоне такой снегопад, то-то детворе радость!

В Шире снегопад — редкость. Снег выпадает изредка только в Северной Чети, и там это неизменный повод для веселья. Никто из жителей Шира (за исключением Бильбо) не помнил Лютой Зимы 1311 года, когда белые волки перешли через замерзший Брендидуин.

Гэндальф остановился. Снег густо усыпал капюшон его плаща, маленькими сугробами лежал на плечах. Под ногами тоже намело уже по щиколотку.

— Этого я и боялся, — отдышавшись, выговорил он. — Что скажешь, Арагорн?

— Что и я опасался снегопада, — ответил Скиталец, — но меньше, чем остального. Конечно, это неприятно. Кстати, здесь, на юге, снег редко бывает таким сильным, разве что в горах. Но мы все еще внизу, а внизу тропы остаются открытыми всю зиму.

— Уж не вражья ли это забота? — проворчал, подходя к ним, Боромир. — Он ведь может приказывать бурям в Хмурых

Горах. Он вообще повелевает странными силами, и союзников у него не счесть.

— Да уж, руки он себе отрастил длинные, — включился в разговор Гимли, — если с севера нагнал снегу сюда, за три сотни лиг, чтобы только досадить нам.

— Значит, отрастил, — коротко подытожил Гэндальф.

Пока они стояли, ветер почти стих, а снег поредел. В воздухе кружились лишь отдельные снежинки. Передохнув, путники снова пошли, но, не одолев и фарлонга, вынуждены были опять остановиться. Вокруг бушевал настоящий буран. Ветер свистел, а снег больно сек лица и залеплял глаза. Хоббиты, согнувшись в три погибели, едва тащились за спинами высокого народа, но видно было, что долго им не выдержать. Пиппин плелся позади. Даже Гимли, выносливый, как всякий гном, спотыкался и ворчал в бороду. В следующий раз все встали как по команде. Темнота вокруг наполнилась жуткими звуками. Конечно, это мог выть и ветер в трещинах скал, но уж слишком дикими воплями, да еще перемежающимися злорадным хохотом, разразилась темнота. Впереди на тропу обрушился камень, за ним еще один, а потом грохот близкого камнепада едва не оглушил их.

— Сегодня дальше не пройти! — прокричал Боромир. — Пусть кто хочет назовет это ветром, но я различаю злые голоса, а камни целят в нас.

— Это и есть ветер, — ответил Арагорн, — но, похоже, ты прав. В мире есть немало сил, враждебных двуногим. Они не обязательно союзники Саурону, он слишком молод по сравнению с ними. Это могут быть их происки.

— Карадрас прозвали Жестоким в те времена, когда о Сауроне и слыхом не слыхивали, — добавил Гимли.

— Сейчас не так важно, кто наш враг, если он сильнее нас, — промолвил Гэндальф.

— Так что же нам делать? — страдальчески вопросил Пиппин. Он едва стоял на ногах, опираясь на плечи Фродо и Мерри, и дрожал крупной дрожью.

— Можно остаться здесь, а можно идти вперед. — Маг внимательно посмотрел на него. — Правда, впереди нас не ожидает ничего хорошего. Насколько мне помнится, дальше — открытое место, ни от ветра, ни от камней не спрячешься.

— Дорога назад не лучше, — ответил Арагорн. — Посмотрите, настоящая буря. Здесь нас прикрывает скальная стенка, но позади нет других укрытий.

— Ишь, укрытие! — пробормотал Сэм. — Этак стены без крыши за дом сойдут.

Путники стояли прижавшись к скале. Слабо, очень слабо, но она все же защищала от северного ветра и камнепада. Однако снег падал все гуще. Все сгрудились вплотную, прижав-

шись друг к другу боками и спинами. Унылый пони тоже слегка загораживал хоббитов от ветра. Стояли по колени в снегу. Не будь с ними рослых людей, хоббитов уже давно занесло бы.

Фродо неудержимо клонило в сон. Похоже, он даже задремал, потому что вдруг ощутил в ногах и в пальцах тепло близкого камина и расслышал голос Бильбо: «Я невысокого мнения о твоем дневнике. Посмотри, что это за запись: *Снежный буран двадцатого января*. Стоило возвращаться, чтобы сообщить об этом!»

«Я устал и хочу спать, Бильбо», — с трудом ответил Фродо, чувствуя, как его встряхивают сильные руки. Он охнул и проснулся. Боромир поднял его из снежной ямки.

— Гэндальф! — позвал он. — Полурослики не могут больше. Нас с головой занесет. Надо что-то делать.

Маг порылся в мешке и достал кожаную флягу.

— Дай им хлебнуть. — Он протянул флягу гондорцу. — И нам — по глотку. Это — *мирувор* из Имладриса.

Едва Фродо глотнул пахучей жидкости, как ощутил горячий ток в сердце, а сонливость отлетела, словно сбитая щелчком. Остальные тоже оживились. Но на снегопад *мирувор* никак не повлиял. Снег валил большими хлопьями, а ветер завывал пуще прежнего.

— Ты не считаешь, что настал «самый крайний случай»? — обратился Боромир к Гэндальфу. — Когда нас совсем заметет, можно будет не опасаться шпионов Врага. Только нам будет уже все равно. Нужен огонь.

— Давай разводи, — согласился Гэндальф. — Чьи бы глаза за нами ни следили, если им этот буран не помеха, то они заметят нас и с огнем, и без него.

Достали дрова, сразу порядком отсыревшие. Ветер вихрился и срывал искры огнива. Сначала гном, а потом эльф после долгих попыток отступились. Тогда за дело взялся Гэндальф. Переложив дрова, он звучно произнес: «*Наур ан эдрайт аммен!*» — и ткнул жезлом в сложенный костер. Сверкнуло зелено-синее пламя, поленья дружно занялись и затрещали.

— Ну, если есть кому смотреть, — невесело усмехнулся маг, — им трудно не прочесть «Гэндальф здесь», настолько очевидно я расписался.

Но никто больше не думал ни о каких соглядатаях. Все просто радовались огню. Не обращая внимания на талые ручейки под ногами, путники сгрудились у костра, протягивая вперед закоченевшие руки. Красные отсветы плясали на усталых лицах, а вокруг черной стеной стояла ночь.

Дрова горели быстро, а снег все падал и падал.

Последняя небольшая охапка дров ненадолго продлила жизнь огню.

— Ночь на исходе, — проговорил Арагорн, — скоро рассвет.

— Если какой-нибудь рассвет сможет проникнуть сквозь эти тучи, — мрачно заметил Гимли.

Боромир отошел на несколько шагов, вглядываясь в ночь.

— Снег почти перестал идти, и ветер стихает, — сообщил он.

Фродо устало следил за танцем снежинок, влетающих из темноты в свет догоравшего костра. Он удивился словам Боромира, ему казалось, что этих белых пушинок по-прежнему очень много. Однако, в очередной раз вздернув отяжелевшую голову, он заметил перемены: снежинки стали крупнее и реже, а ветер — тише. Темнота посерела.

С трудом пробивавшийся рассвет высветил молчаливый убеленный мир. Ниже их убежища на месте тропы громоздились причудливые сугробы. Небо хмурилось тяжелыми снеговыми облаками.

Гимли глянул вверх и покачал головой.

— Карадрас не передумал, — произнес он. — Если мы двинемся, у него хватит снега остановить нас. Надо спускаться.

С гномом никто не спорил, но осуществить его намерение было теперь не так-то просто. Всего в нескольких шагах от углей костра снегу намело куда выше хоббичьего роста, а в некоторых местах по прихоти ветра воздвиглись высокие белые гребни.

— Может, пустим Гэндальфа вперед? — предложил Леголас. — Он жезлом растопит снег и проложит всем тропинку. — Буран никак не отразился на настроении эльфа. Он, единственный из всего отряда, оставался легок и беззаботен.

— Хорошо бы эльфы умели летать, — сердито отозвался Гэндальф. — Их можно было бы послать за солнцем. Я не собираюсь работать вместо него и растапливать снег.

— Ладно, — сказал Боромир, поплевав на руки. — У нас говорят: когда голова задумалась, тело может и поработать. Пора пускать сильных. Смотрите, снег, конечно, вроде бы везде одинаков, но застал он нас вон за тем выступом. До него не больше фарлонга, может, дальше легче будет.

Арагорн встал рядом с ним.

— Давай попробуем пробить туда тропу, — поддержал он гондорца.

Боромир уступал ростом Арагорну, но был шире в плечах. Он прокладывал путь, Арагорн двинулся следом. Но даже для них работа оказалась непростой. Снег временами доходил людям до плеч, Боромир словно плыл в нем, загребая мощными руками.

Некоторое время Леголас с легкой улыбкой наблюдал за их усилиями, потом повернулся к остальным.

— Говорите, надо пускать сильных? — усмехнулся он. — Ну что ж, пахарь хорош в поле, выдра — в воде, но для ходьбы по траве, листьям или по снегу лучше эльфа пока ничего не придумали.

С этими словами эльф изящно обошел кострище и взбежал на снежный вал. Фродо словно в первый раз увидел на ногах Леголаса вместо тяжелых сапог мягкие кожаные чулки, но уди-

вительнее того выглядели следы эльфа на снегу; за ним оставались лишь слабые, едва придавливавшие снег отпечатки.

— До свидания! — задорно крикнул Леголас Гэндальфу. — Пойду приведу солнце! — И он быстро, словно по песчаной дорожке, побежал по снегу, настиг тяжко ворочавшихся людей, обогнул их, махнул рукой и исчез за поворотом бывшей тропы.

Хоббитам, магу и гному оставалось только ждать. Боромир с Арагорном хоть и медленно, но продвигались вперед. Скоро и они скрылись за скалой.

Шло время. Облака стали ниже и снова роняли пока редкие снежинки.

Прошло не меньше часа, прежде чем показался возвращавшийся Леголас. Почти одновременно с ним из-за поворота появились с трудом поднимавшиеся люди.

— Я не привел солнце! — подбегая, прокричал Леголас. — Оно нежится в синих полях на юге, и маленький сугроб на небольшом пригорке его не соблазнил. Но для тяжелоходящих я принес кусочек надежды. Там, за поворотом, намело целый оборонительный вал, наши силачи завязли в нем и приготовились отчаяться, даже не подозревая, что ширина вала не больше локтя. Дальше снега меньше, а еще дальше — не хватит хоббитам ступни охладить.

— А я что говорил! — важно произнес Гимли. — Это не простой буран. Это — злая воля Карадраса. Он не жалует ни эльфов, ни гномов, вот и сугроб сложил, замуровать нас хотел.

— К счастью, твой Карадрас забыл про людей, — тяжело дыша, проговорил подошедший Боромир. — И каких людей! Правда, два негероя с лопатами управились бы, наверное, побыстрее, но и мы проложили через сугроб целую дорогу и теперь готовы принимать благодарности.

— Но как же мы доберемся до вашей дороги? — жалобно спросил Пиппин, глядя на глубокое снежное крошево впереди. Об этом же подумали и остальные хоббиты.

— Не надо терять надежду, — снисходительно успокоил их Боромир. — Нечего притворяться, мы устали, но не настолько же! Для нас с Арагорном малый народец — не велика ноша. Остальные пройдут как-нибудь за нами. Прошу, мастер Перегрин, с тебя и начнем.

Воин легко поднял хоббита.

— Эй, держись за спину! — прикрикнул он. — Руки мне понадобятся. — И зашагал вперед. Арагорн с Мерри под мышкой двинулся следом. Пиппин, с высоты разглядывая проход, проделанный людьми, подивился силе Боромира. Даже теперь, с грузом за плечами, гондорец шел, продолжая расширять коридор в снегу для тех, кто двигался позади.

Так они добрались до сугроба действительно устрашающих размеров. Если бы пришлось рыть насквозь, глубина прохода

составила бы не меньше двух ростов Арагорна. Но люди не стали этого делать. Они разгребали и утаптывали снег, и получился мост, плавно поднимавшийся и опускавшийся по ту сторону сугроба. Там Пиппина и Мерри наконец опустили на землю, и они вместе с Леголасом остались поджидать остальных.

Боромир скоро вернулся с Сэмом на закорках. За ним по узкой, но уже достаточно утоптанной тропе шел Гэндальф, ведя в поводу Билла с пристроившимся поверх поклажи гномом. Последним шел Арагорн, а у него из-за плеча выглядывал Фродо. Хоббит спрыгнул на землю, и, словно от этого неощутимого удара, где-то наверху пробудилось эхо. Оно перешло в угрожающий рокот, быстро сменившийся грохотом рушащихся камней, увлекающих за собой снежную лавину. Когда путники, вжавшиеся в скалу, перестали чихать и кашлять от снежной пыли, оседавшей в воздухе, тропы позади них больше не существовало. Сплошная ровная снежная стена возникла на том месте, где они прошли несколько минут назад.

— Хватит! Ну, хватит же! — крикнул Гимли. — Мы и так уходим. Уймись!

Действительно, с этой последней злобной вспышкой Карадрас то ли устал, то ли убедился, что незваные пришельцы достаточно проучены и больше сунуться не посмеют, но дальнейший спуск проходил без осложнений. Скоро они уже стояли на том колене, где застали их первые признаки снегопада.

Развиднелось. Отсюда можно было оглядеться. Внизу хоббиты рассмотрели даже лощину, от которой начинался подъем к перевалу.

У Фродо болели ноги. Он промерз до костей, голова кружилась от голода, а ведь предстоял еще долгий путь вниз. Перед глазами плыли черные точки. Фродо тер их кулаками, но точки и не думали исчезать. Только когда Арагорн рядом сказал: «Снова птицы!» — Фродо понял, что с глазами у него все в порядке.

— Ничего не поделаешь, — махнул рукой Гэндальф. — Придется спускаться. Даже на коленях у Карадраса ночевать мы больше не будем.

Холодный ветер словно подталкивал их сзади, когда они устало заковыляли вниз по склону. Карадрас победил.

Глава 4
ПУТЬ ВО МГЛЕ

Был уже вечер, когда отряд остановился на ночлег. Все смертельно устали. Горы быстро тонули в сгущающемся мраке, с вершин по-прежнему тянул холодный ветер. Гэндальф подумал и еще раз оделил всех *мируворо*м из фляги, а после ужина собрал совет.

— Ночной переход отменяется, — сказал маг. — Карадрас так вымотал нас, что придется отдохнуть.

— Но куда идти потом? — спросил Фродо.

— Ничего не изменилось, — взглянув на него, как можно спокойнее отвечал маг. — У нас только два пути: вперед к цели или назад в Дольн.

Пиппин при упоминании о возвращении не смог сдержать робкую улыбку. Мерри и Сэм тоже с надеждой поглядели на мага. Арагорн и Боромир не отреагировали на его слова, а Фродо заметно встревожился.

— Конечно, — в волнении заговорил он, — я хотел бы оказаться там снова, но как же я вернусь? Разве нет другой дороги? Разве мы уже сдаемся?

— Ты прав, — мягко улыбнулся маг. — Вернуться — значит сдаться и ждать худшего поражения. Если мы вернемся сейчас, второй раз уже не выйдем. Рано или поздно Дольн окажется в осаде и не выстоит на этот раз. Ужасны Кольценосцы, но они — лишь тень того ужаса, который падет на земли Запада с возвращением Кольца на палец своего хозяина.

— Тут и думать нечего, — сердито произнес Фродо. — Идти надо. Ведь есть же какой-то путь...

Сэм, повернувший к нему голову, помрачнел.

— Да, путь есть, — задумчиво поглаживая бороду, проговорил Гэндальф. — Еще когда мы обсуждали маршрут, я думал об этом пути, но хорошего в нем мало, я не стал вам ничего говорить. К тому же Арагорн был против, пока оставалась надежда пройти через перевал.

— Ну, уж если другой путь хуже, — покрутил головой Мерри, — значит, он действительно никуда не годится.

Маг словно не обратил на него внимания:

— Дорога, которую я помянул, ведет в подземелья Мории. — Последние слова маг подчеркнул голосом.

Гимли вскинул голову. В глазах гнома полыхнуло затаенное пламя. Остальные при одном названии невольно втянули головы в плечи. Для хоббитов Мория была только смутной легендой, но легендой страшной.

— Вести-то она ведет, — мрачно заметил Арагорн, — да только вот куда выведет?

— Это нехороший путь, — решительно заговорил Боромир. — Я не вижу никакой необходимости лезть под землю. Нам не удалось перевалить горы здесь? Не беда. Можно спуститься к югу и пройти перевалами к Гриве Рохана. Я же так и попал в Дольн. Там живут наши союзники. А можем пройти еще дальше, к побережью, пересечь Изен, пройти через Лебеннин и попасть прямо в Гондор.

— Сейчас многое и быстро меняется, Боромир. — Гэндальф положил руку на плечо воина. — Разве недостаточно измены Сарумана? Да, мне не миновать еще одной встречи с ним, но Кольцо не должно появляться поблизости от Изенгарда. Грива Рохана закрыта не для нас, а для Хранителя. А на кружную

дорогу у нас нет времени. Такое путешествие займет не меньше года, идти придется через множество стран. Большинство пустынны, но не безопасны. Там достаточно глаз и у Врага, и у Сарумана. Когда ты шел на север, ты был для них просто одиноким путником, до которого Врагу не было дела. У него голова была занята погоней за Кольцом. Но теперь ты идешь с отрядом, сопровождающим Хранителя, и опасность растет с каждой лигой, пройденной под открытым небом.

После нашей неудачи на Карадрасе я расцениваю положение как отчаянное. Если не исчезнуть в самое ближайшее время, надежды не останется. Только поэтому я заговорил о пути под горами. Из всех путей, о которых знает Враг, об этом он будет думать в последнюю очередь.

— Да не знаем мы, о чем он думает! — в сердцах воскликнул Боромир. — Может, он вообще за всеми дорогами следит. Тогда сунуться в Морию — значит оказаться в ловушке. Лучше уж просто постучать в Ворота Черной Крепости. В одном этом названии — Мория — уже чуется беда.

— Ты совершенно напрасно сравниваешь Морию с крепостью Саурона, — повысил голос маг. — Не стоит говорить о том, чего не знаешь. Я единственный из вас побывал в подземельях Дол Гулдура и вышел оттуда, но из Барад Дура не возвращаются. И я не повел бы вас в Морию, если бы не рассчитывал вывести оттуда. Возможно, там орки, и хорошего в этом, конечно, мало. Но большинство орков Мглистых Гор погибло в Битве Пяти Воинств. Орлы предупреждали, что они снова стали стягиваться к горам, но есть надежда, что Мория пока свободна. Больше того, есть надежда встретить где-нибудь там Балина, сына Фундина. Мы не от хорошей жизни выбираем этот путь, нас толкает нужда.

— Я иду с тобой, Гэндальф! — пылко воскликнул Гимли. — Если ты найдешь и откроешь запертые двери, я взгляну на залы Дарина, чего бы мне это ни стоило!

— Спасибо за поддержку, Гимли, — улыбнулся гному Гэндальф. — А двери мы с тобой отыщем и Морию пройдем. В подгорном царстве голова гнома перетянет и хоббичью, и человечью, и эльфийскую. Да и для меня это не первый спуск в залы Мории. Я долго искал там Трайна, сына Трора. Я прошел Морию насквозь и, как видите, вышел живым.

— И мне пришлось побывать там, — тихо произнес Арагорн. — Но мне вполне хватило одного раза.

— А я и в первый раз ни за что не полезу! — выкрикнул Пиппин.

— И я не хочу, — с запинкой пробормотал Сэм.

— Так ведь никто не хочет, — проникновенно сказал маг. — Только вопрос стоит по-другому: кто пойдет со мной, если я поведу вас туда?

— Я пойду, — решительно заявил Гимли.

— Я тоже пойду, — тяжело промолвил Арагорн. — Ты пошел за мной на перевал, мы едва не погибли, но ты не укорял меня, хотя и предупреждал. Теперь я пойду за тобой, хотя и предупреждаю. Не о Кольце речь и не о нас, — голос Арагорна дрогнул, — речь о тебе, Гэндальф. Если ты войдешь в ворота Мории — берегись!

— Я не пойду, — отрезал Боромир. Потом помолчал и добавил: — Если только все не решат идти. Пусть выскажется малый народ. И уж Хранителя-то во всяком случае надо выслушать.

— Я не хочу идти в Морию, — ясным голосом произнес Леголас.

Хоббиты молчали. Сэм поглядывал на Фродо.

— Я тоже не хочу идти, — после долгой паузы вымолвил Фродо. — Но и от совета Гэндальфа не отказываюсь. Я прошу вас, не надо голосовать. Давайте поспим, а утром посмотрим. При свете решать легче, чем в этих потемках. Слышите, как ветер воет?

Никто не стал ему возражать. Путники сидели глубоко задумавшись, а ветер действительно разгулялся в предгорьях. Он завывал в отдалении, и от этого ночь становилась еще неуютней.

Внезапно Арагорн вскочил на ноги.

— Как ветер воет? — воскликнул он. — Да он воет волчьими голосами! *Варги* в долине!

— Стоит ли теперь ждать утра? — горько произнес Гэндальф. — Вот и началась охота. Даже если мы доживем до рассвета, кому придет в голову путешествовать на юг с волками за спиной?

— А далеко до Мории? — быстро спросил Боромир.

— От Карадраса ворону по прямой — миль пятнадцать, — ответил Гэндальф. — Для волка — двадцать.

— Ладно, — решил Боромир, — как рассветет, пойдем. Лучше орка опасаться, чем волка слышать.

— Это верно, — пробормотал Арагорн, проверяя, легко ли вынимается меч из ножен. — Но где варг воет, там и орк рыщет.

— Честное слово, прав был Элронд! — прошептал Пиппин Сэму. — Мне и так нехорошо было, а тут еще эти волки. Я же все-таки не Бандобрас, хоть мы с ним и одного рода. Провалиться мне, если я припомню переделку похуже этой!

— Да и у меня сердце где-то в пятках, сударь, — ответил Сэм. — Но нас ведь еще не съели. Люди — народ крепкий, да и спорить могу, что бы там судьба ни припасла для Гэндальфа, но уж не волчье брюхо — это точно!

Для удобства обороны отряд поднялся на невысокий холм, под которым они недавно совещались. Здесь росли старые корявые деревья, а несколько больших валунов образовывали не-

что вроде изгороди на самой вершине. Там развели огонь. Таиться дальше не имело смысла. Темнота и тишина не собьют волков со следа.

Хоббиты сидели вокруг костра и беспокойно дремали. Пони дрожал и потел от страха. Волчий вой доносился теперь, казалось, отовсюду. То здесь, то там на равнине вспыхивали огоньки глаз, подбирающиеся все ближе. Неожиданно меж камней показался огромный волчище и протяжно завыл, призывая стаю за собой.

Гэндальф, сжимая жезл, шагнул ему навстречу.

— Слушай, ты, Сауронова тварь! — звучно произнес маг. — Здесь — Гэндальф! Только сунься в этот круг, и я с тебя шкуру спущу!

Волк коротко рявкнул и прыгнул вперед. Тренькнула тетива, и тяжелое тело глухо ударилось о землю. Эльфийская стрела торчала в горле нападавшего. Леголас опустил лук. Арагорн и Гэндальф шагнули вперед, и горящие глаза разом исчезли. Стая бежала. Вокруг холма стало темно и тихо, только ветер подвывал, но уже своим голосом.

В разрывах облаков изредка показывалась заходящая луна. Ночь кончалась, когда Фродо вскочил на ноги, разом стряхнув с себя сон. Казалось, вокруг взвыла сама темнота. Это варги, бесшумно подобравшись, решили напасть сразу со всех сторон.

— Больше огня! — крикнул Гэндальф хоббитам. — Готовьте мечи, станьте спина к спине!

Костер окреп от большой охапки сучьев, свет позволил различить множество серых теней, то проскальзывающих между камнями, то перепрыгивающих через них. Арагорн поймал на меч переднего зверя. Боромир, коротко размахнувшись, разрубил пополам другого. Рядом с ним стоял Гимли, широко расставив ноги и поигрывая топором. Звенела тетива.

В отсветах пламени Гэндальф словно вырос вдруг. Огромная гневная фигура мага нависла над вершиной холма, будто изваяние какого-нибудь героя древности. Пылающий сук у него в руках горел страшным белым огнем. Варги припали на передние лапы и отпрянули. Над холмом громом раскатился голос:

— *Наур ан эдрайт аммен! Наур дан и нгаурот!*

С ревом и треском вспыхнули сразу несколько деревьев. Пламя мгновенно перекинулось на вершины остальных. Весь холм оделся цветами слепящего огня. Мечи в руках оборонявшихся сверкали. Последняя стрела, посланная Леголасом, вспыхнула на лету и поразила в сердце огромного волка. Остальные бежали.

Огонь медленно умирал. Сверху падали угли и пепел. Над сожженными деревьями клубился едкий дым, синея в первых проблесках рассвета. Варги не возвращались.

— Ну, что я вам говорил, сударь Перегрин? — Сэм, возбужденно блестя глазами, прятал меч в ножны. — Разве такого слопаешь? Вот уж диво так диво!

Когда совсем рассвело, никаких признаков волков не обнаружилось. Больше того, не нашлось ни одного убитого зверя. О ночной схватке напоминали лишь обугленные деревья да стрелы Леголаса, разбросанные неподалеку. Все они были целы, кроме одной, сгоревшей до наконечника.

— Я так и думал, — мрачно заявил Гэндальф. — Это не простая волчья стая, охотившаяся в глуши. Давайте быстро завтракать и собираться.

Погода снова изменилась. Теперь кому-то не нужен стал ни снег, ни туман, а, наоборот, понадобился ясный день, при свете которого легче разглядеть происходящее на равнине. Ветер стих. Облака разогнало. День обещал быть теплым и солнечным.

— До заката нужно во что бы то ни стало достичь Ворот Мории, — говорил Гэндальф спутникам. — Это не так далеко, но троп мы с Арагорном не знаем. Он редко бывал в этих местах, а я лишь однажды подходил к западному краю Мории. Вход в нее там. — Маг махнул рукой на юго-восток, где протянулись цепочка неприветливых скал, переходящих в сплошную темно-серую стену. — Я специально пошел с перевала на юг, теперь мы выгадали несколько миль. Пора идти.

— Пора-то пора, — проворчал Боромир. — А зачем мы идем? Найдет ли Гэндальф то, что ищет? А вдруг Ворот больше нет? Тогда что? Оказаться между горами и волками? Ладно, — вздохнул он, — раз решили, веди!

Отряд снова шел к горам. Теперь впереди рядом с магом шагал Гимли. Ему единственному не терпелось попасть в Морию. В древности с запада к Воротам Мории можно было подойти по берегу Сираннона; этот поток брал начало неподалеку от Ворот. Но то ли Гэндальф сбился с пути, то ли местность с тех пор изменилась, но там, где предполагали, реки не оказалось.

Утро давно кончилось, а отряд все блуждал меж красноватых камней. Они и всматривались с вершин валунов, и вслушивались, но ни блеска, ни плеска воды никто не уловил. Края вокруг лежали безжизненные. Ни следа на серой сухой земле, ни птицы в небе. О том, что может принести ночь, путникам даже думать не хотелось. Надежда уже почти угасла, когда Гимли, все рвавшийся вперед, подозвал остальных. К нему поспешили и оказались неожиданно на берегу высохшего русла. Ни единой лужицы не блестело на дне. Но зато вдоль берега вела хорошо заметная, только сильно разрушенная временем тропа.

— О! Вот он наконец! — с облегчением воскликнул Гэндальф. — Это — Сираннон, Привратный Поток, как его еще

называли. Но куда подевалась вода, ума не приложу! Такой шумный был, помнится... Идем! Мы и так задержались.

Отряд устал. У хоббитов болели ноги, но они упорно тащились вперед по старой, неровной каменистой тропе. Солнце уже клонилось к закату, а они, позволив себе лишь короткий привал для еды, все еще шли к горам.

Но вот за крутым поворотом дорога принялась петлять, следуя прихотливым изгибам русла, вдоль скальной стены. Вдруг она выпрямилась и повела их строго на восток. Скоро впереди показался осохший порог. Через неширокий проем, несомненно пробитый когда-то в камне водопадом, теперь едва сочилась вода.

— Как же здесь все изменилось! — поразился Гэндальф. — Я знаю это место. Здесь был Каскадный Водопад, дорога ступенями поднималась слева, а наверху, прямо у Ворот Мории, лежало озеро, откуда брал начало поток. Посмотрим, на что это похоже сейчас.

Действительно, каменные ступени обнаружили без труда. Гимли быстро принялся карабкаться вверх, за ним поспешили Фродо и Гэндальф. Только забравшись наверх, они поняли, почему пересох Привратный Поток. Его русло было перегорожено рухнувшими скалами.

Заходящее солнце разлило по небу золото заката, а перед путниками раскинулось темное тихое озеро. Ни единый блик не оживлял угрюмую поверхность. Позади зловещих вод вздымались скалы, исключая всякую возможность дальнейшего пути. Никакого признака Ворот в сплошной каменной стене глаз не различал.

— Вот Морийские стены. — Маг указал жезлом за озеро. — Там некогда дорога упиралась прямо в Ворота. Теперь она под водой, а плыть на ночь глядя, думаю, никому не захочется.

— Значит, надо попробовать обойти по краю, — предложил Гимли. — Поднимемся выше, до основной дороги, я знаю, она должна быть там, посмотрим, нельзя ли подойти к Воротам по ней. Только пони нам здесь не протащить.

— В любом случае в подземелья мы его не возьмем, — покачал головой Гэндальф. — Дорога под горами и для человека-то труднопроходима, пони там делать нечего.

— Бедный Билл, — вздохнул Фродо. — Я как-то и не подумал о нем. Что теперь Сэм скажет?

— Мне тоже жаль, — согласился маг. — Бедный Билл нам здорово помог. Будь моя воля, я не стал бы оставлять его. Но если помнишь, я и брать его не советовал, потому что уже тогда боялся, что придется воспользоваться этим путем.

День кончался. Вечереющее небо замерцало первыми звездами, когда весь отряд собрался на берегу озера. От северного края их отделяло не более полумили, там виднелось неширокое, относительно ровное пространство. Приходилось спешить, до Ворот, как утверждал Гэндальф, оставалось еще мили полторы.

Добравшись до северного конца озера, наткнулись на узкий рукав зеленой стоячей воды, протянувшейся к самым скалам. Гимли, не останавливаясь, вошел в воду; оказалось совсем мелко, только очень скользко. Под водой скрывались покрытые водорослями и противной тиной камни. Фродо содрогнулся от отвращения, ступив в темную, мутную и затхлую воду.

Сэм, шедший последним, уже выводил Билла на твердую сухую землю, когда странный звук заставил всех насторожиться. Вроде бы в озере за спиной плеснула большая рыба, а потом донеслось непонятное бульканье. Оглянувшись, путники заметили в быстро надвигающихся сумерках лишь круги, расходящиеся по воде от середины озера. Снова что-то булькнуло, и наступила тишина. Быстро темнело.

Гэндальф торопился. Остальные едва поспевали за ним. Скоро все оказались на каменистой площадке не больше десяти-пятнадцати ярдов шириной, заваленной упавшими сверху обломками. Справа лежало жуткое озеро, слева — стена. По этой полке прошли еще около мили и неожиданно наткнулись на огромные падубы. Несколько поваленных стволов гнили наполовину в воде; видимо, когда-то деревья стояли вдоль дороги, теперь затопленной. Но возле самой скальной стены еще жили два дерева. Фродо даже растерялся, он никак не ожидал, что падубы могут быть такими большими. Узловатые корни протянулись к воде. Правда, под нависшими скалами даже эти исполины казались издалека не более чем кустарником, но, когда их ветки простерлись над головами путников, отбрасывая густые причудливые тени, все подумали о великанах, стерегущих заповедную дверь.

— Наконец-то мы здесь! — воскликнул Гэндальф.— На этом месте кончается дорога из Эрегиона. Падуб был символом народа этой страны, деревья отмечали границы их владений. В счастливые дни, когда даже эльфов с гномами связывала тесная дружба, западный вход в Морию всегда был открыт для эльфов Эрегиона.

— Не по нашей вине она прервалась,— насупившись, заметил Гимли.

— Я не слыхал, чтобы кто-нибудь обвинял в этом эльфов,— возразил Леголас.

— А я слышал и то, и другое,— прикрикнул на них Гэндальф,— и не собираюсь сейчас разбираться в давних делах! Поймите, мне нужна ваша помощь, а вы заводите дрязги. Дверь закрыта, чем скорее мы найдем ее, тем лучше. Ночь на носу!

Повернувшись к остальным, он распорядился:

— Пока я буду искать вход, приготовьте поклажу. Боюсь, с нашим верным помощником придется расстаться. Теплые вещи можно бросить, зимы мы теперь не увидим. Распределите припасы и мехи для воды.

— Как же так? — недоуменно вопросил Сэм.— Ведь мы же не можем просто бросить беднягу Билла в таком гиблом месте, а, Гэндальф? Это же нечестно. Он уже столько прошел с нами...

— Мне жаль, Сэм, — коротко ответил маг, — но, когда откроется дверь, ты едва ли затащишь его внутрь. Придется тебе выбирать между пони и хозяином.

— Он даже в драконью берлогу пойдет, если я его поведу! — Сэм решил стоять до последнего. — Да ведь это все равно что убить его, волки же вокруг, сами говорили.

— Нет, не все равно, — отрезал маг. Он положил ладонь на голову пони и тихо заговорил ему в ухо, а потом шлепнул по спине. — Иди, дружок, да будут на тебе охрана и водительство. Ты — умное животное, многому научился в Дольне. Выбирай тропы с травой, потихоньку доберешься до Дома Элронда или куда пожелаешь. Все, Сэм, хватит. — Маг сурово взглянул на хоббита. — У него теперь столько же шансов уцелеть, сколько и у нас.

Сэм ничего не ответил. Билл, видимо прекрасно понявший слова мага, вздохнул и сунулся мордой в Сэмово ухо. Бывший садовник, всхлипывая, начал распутывать вьючные узлы. Остальные принялись разбирать поклажу. Управившись, все повернулись посмотреть, как идут дела у мага. Но Гэндальф просто стоял меж двух деревьев, уставясь в стену, словно надеясь взглядом продолбить в ней проход. Гимли бродил вокруг, выстукивая скалы обухом топора. Леголас изящно прислонился к скале, словно вслушиваясь во что-то.

— Мы готовы, — сообщил Мерри. — Куда входить-то? Я никаких дверей не вижу.

— Двери в царство гномов не увидишь, если они закрыты, — сказал Гимли. — Даже те, кто их делал, не найдут ничего снаружи. И открыть их невозможно, если секрет утрачен.

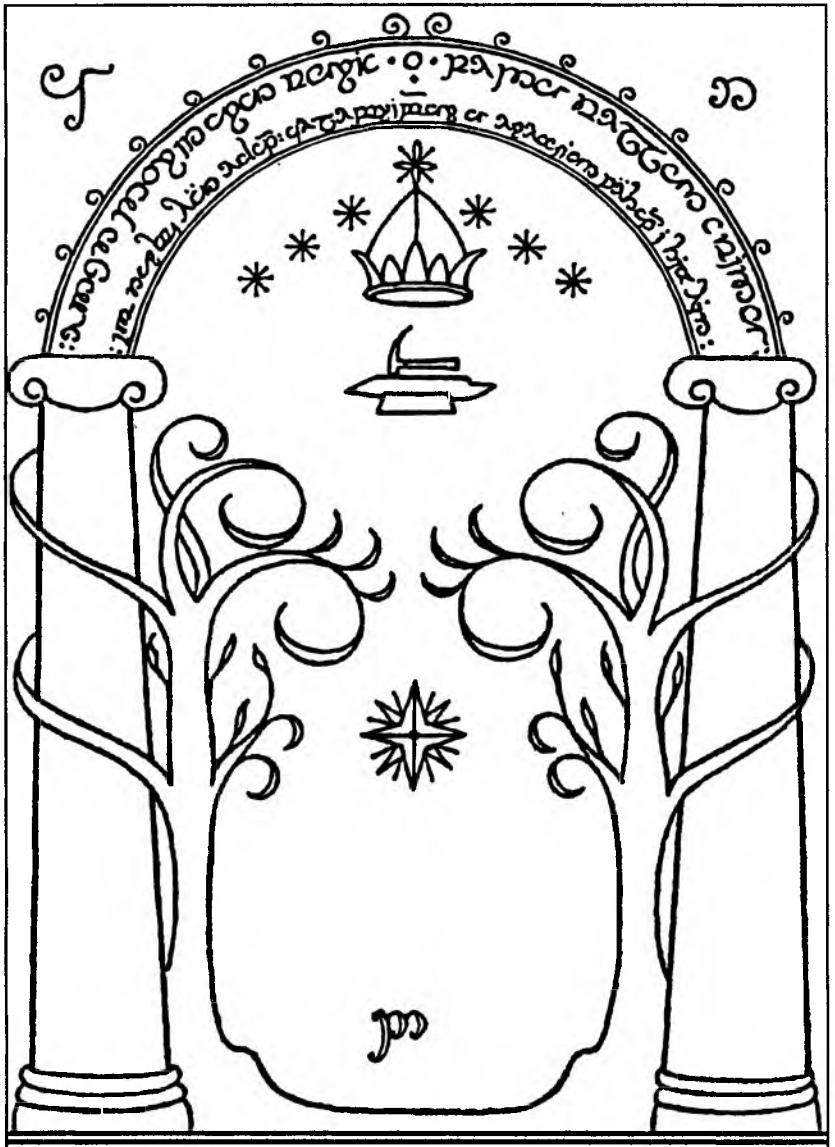
— У этой двери таких секретов быть не должно, — отрываясь от созерцания скалы, произнес Гэндальф. — Вряд ли все настолько изменилось, чтобы внимательные глаза, знающие, на что смотреть, не обнаружили знаков.

Он подошел к стене. Прямо перед ним меж теней, отбрасываемых падубами, оставалось совершенно ровное место. Маг, что-то бормоча себе в бороду, принялся водить руками над скалой. Потом отступил назад.

— Ну? Теперь видите что-нибудь? — спросил он.

Лунный свет лежал на гладкой скале. Никто по-прежнему ничего не видел. И вдруг на камне, как раз там, где прошлись руки мага, начали проступать едва заметные серебристые линии. Поначалу они были не толще паутинки и лишь посверкивали прерывисто в неверном свете, но с каждой секундой становились все отчетливее. Теперь уже угадывался общий контур рисунка. В верхней части, под аркой, увитой эльфийскими рунами, обрисовалось изображение молота и наковальни, увенчанное семизвездной короной. Еще ниже означились два дерева с полумесяцами наверху. А прямо посередине ярко засияла одинокая многолучевая звезда.

— Знак Дарина! — воскликнул Гимли.

Здесь письменами Феанора на языке Белерианда написано: Эннин Дарин Аран Мориа: педо меллон а минно. Им Нарви хайн эхант: Келебримбор о Эрегион тейтант и тихвин

— И Дерево Высоких Эльфов! — добавил Леголас.

— И Звезда Дома Феанора, — закончил Гэндальф. — Рисунок сработан из *итильдина*, этот металл отражает только звездный и лунный свет, да и то если его пробудит владеющий языком, давно забытым в Среднеземье. Надо знать слова. Я знал их, но так давно, что не сразу вспомнил.

— А что здесь написано? — спросил Фродо, уже давно пытавшийся разобрать знаки над аркой. — Мне казалось, я знаю эльфийские буквы, но эти мне непонятны.

— Это — язык эльфов Древнего Запада, — сказал маг. — Ничего интересного для нас надпись не содержит. Она означает: «Двери Дарина Повелителя Мории. Скажи друг и входи». А ниже, вот здесь, помельче: «Я, Нарви, создал Дверь. Келебримбор из Эрегиона запечатлел эти знаки».

— А как это понять: «Скажи друг и входи»? — ошеломленно проговорил Мерри.

— Яснее ясного, — фыркнул гном. — Если ты друг, назови пароль, двери откроются.

— Да, — с сожалением протянул Гэндальф. — Вполне возможно, что они открывались по слову. Некоторые ворота гномов открываются только в определенное время, другие — лишь перед определенным лицом, а третьи и вовсе с замками и ключами, даже если все времена и слова известны. Здесь-то замка нет. Во Дни Дарина Ворота Мории стояли открытыми. Наверное, здесь сидели привратники. Но даже если их закрывали, любой, знающий слова, мог войти. По-моему, так, Гимли?

— Так, так, — отвечал гном. — Только слова уже никто не помнит. Весь род Нарви, все их искусство давно исчезли с лица земли.

— Как? Разве ты не знаешь слов, Гэндальф? — обескураженно спросил Боромир.

— Нет, — коротко ответил маг.

Остальные с удивлением посмотрели на него. Только Арагорн, слишком хорошо знавший Гэндальфа, остался невозмутим.

— Тогда что толку было волочь нас в эту треклятую дыру?! — взорвался гондорец. — Ты же говорил, что проходил подземельями. Как же ты попадал туда, если не знаешь слов?

— Отвечаю на первый вопрос, — спокойно проговорил маг. — Да, я не знаю слов — пока. Насчет толка от моих поступков ты будешь интересоваться тогда, когда они окажутся бесполезными. — Глаза мага сверкнули под нависшими бровями. — Что же до второго твоего вопроса... ты, как я понял, мне не веришь? Ты, видно, голову потерял. Я шел с *востока*! Изнутри эти двери можно открыть легким толчком. А снаружи — только повелительными чарами. Силой их не взять.

— Но что же все-таки делать? — вырвалось у Пиппина.

— Можно попробовать постучать в них твоей головой, Перегрин Тук, — раздраженно ответил маг. — Может, хоть тогда

я на короткое время отдохну от дурацких вопросов и поищу нужные слова!

Я знаю все заклятья на всех языках, даже орочьих, для открывания чего угодно. Я и сейчас с ходу могу штук сто вспомнить. Но понадобятся самые простые, незачем перебирать все. Я даже не собираюсь выпытывать у Гимли тайный язык гномов, которого, кроме них, никто не знает. Слово было эльфийским, как и надпись на арке, это любому ясно.

Он снова подошел к скале и слегка коснулся звезды жезлом.

Аннон эделлен, эдро хи аммен!
Феннас ноготрим, ласто бет ламмен! —

произнес маг повелительно. Серебряные линии рисунка вспыхнули на миг и снова потускнели. Камень не дрогнул.

Гэндальф произнес множество заклинаний, то быстро и громко, то медленно и тихо, перепробовал много эльфийских слов, но ничего не происходило. Скала незыблемо стояла перед ним, а на небе уже вовсю высыпали звезды.

Снова и снова подходил маг к скале. В голосе его постепенно проступили гневные нотки.

— *Эдро*! — восклицал он, ударяя жезлом о камень. — *Откройся*! — повторил он раз двадцать на всех известных и неизвестных языках. Все было тщетно. Наконец, швырнув жезл под ноги, он сел на камень и замер.

Ветер донес издалека волчий вой. Билл вздрогнул и нервно переступил копытами. Сэм подскочил к нему и начал оглаживать, нашептывая в ухо нечто успокоительное.

— Придержи его, — посоветовал Боромир, — похоже, он нам еще пригодится, если только волки до нас раньше не доберутся. Ух, как мне ненавистна эта вонючая лужа! — Он наклонился, схватил увесистый камень и в сердцах запустил на середину озера.

Камень исчез без всплеска, едва булькнув, но, почти слившись с этим звуком, донеслись другие: шелест, журчание. Огромные круги пошли по воде и двинулись к берегу. Только начались они не там, где упал камень.

— Зачем ты это сделал, Боромир? — упрекнул воина Фродо. — Мне озеро тоже не нравится, я боюсь его. Не волков, не подземелья за дверями, а чего-то еще. Именно озера. Не надо его тревожить.

— Уйти бы нам отсюда, — озираясь, проговорил Мерри.

— Ну что же Гэндальф ничего не делает! — шепотом воскликнул Пиппин.

А Гэндальф сидел, ни на что не обращая внимания, то ли в отчаянии, то ли в глубоком раздумье. Волчий вой послышался снова, уже ближе. Круги по воде все шли, первые докатились до берега.

Внезапно, заставив всех вздрогнуть, маг вскочил и расхохотался.

— Есть! — вскричал он. — Ну конечно! Это же просто до нелепости, как и все остальные загадки, когда найдешь ответ!

Подняв жезл, он встал перед скалой и ясным голосом произнес единственное слово: *меллон*! Звезда рисунка вспыхнула и погасла. Совершенно беззвучно в камне возникла тонкая вертикальная трещина. Обозначился проем, и огромные дверные плиты дюйм за дюймом медленно отворились. За ними ощущалась каменная лестница, но видны были только несколько ступеней, остальные скрывал непроглядный мрак. Отряд охнул.

— Надо же так ошибиться! — восклицал Гэндальф.— И мне, и Гимли. Только Мерри почти отгадал сразу. Слово все время было у нас перед носом! Оно же написано на воротах. Просто надо было прочесть: «Скажи „друг" и входи». Стоило мне произнести по-эльфийски «друг», и двери распахнулись. Совсем просто. Слишком просто даже для Мудрого в эти темные времена! О счастливые Древние Дни! А теперь — идем!

Маг шагнул вперед и уже поставил ногу на порог, но в этот миг разом случилось несколько событий. Фродо почувствовал, как что-то схватило его за ногу, и с криком упал. Пони дико ржанул от страха и, задрав хвост, умчался по берегу в темноту. Сэм кинулся было за ним, но, остановленный криком хозяина, метнулся назад. Остальные обернулись. Кошмарное зрелище предстало их глазам. Воды темного озера вскипели. Казалось, огромный клубок змей движется к берегу. Из воды выхлестнуло длинное извивающееся щупальце, бледно-зеленое, слабо светящееся и противное. Оно поймало Фродо за ногу и теперь тащило в озеро. Сэм в исступлении рубил его своим маленьким мечом. Щупальце разжалось и выпустило Фродо, но из воды взметнулось еще не менее двадцати змеящихся рук. Озеро бурлило, и гнусный смрад тек на берег.

— Быстро! Все в Ворота! — закричал Гэндальф, разбивая оцепенение, сковавшее остальных. Он прыгнул назад и сильными толчками погнал хоббитов к проему.

Они едва успели. Сэм и Фродо стояли на первых ступенях лестницы, маг только вошел, а весь берег перед входом в подземелье кипел извивавшимися щупальцами, шарившими по скалам. Одно даже уцепилось за порог, жирно блестя в звездном свете. Гэндальф, повернувшись, то ли наблюдал за ним с интересом, то ли раздумывал, каким словом закрывают двери. Впрочем, слова не понадобились. Сразу несколько кольчатых плетей облепили створки и с силой захлопнули их. Пал мрак. Снаружи слабо донесся шум. Там что-то билось и ломалось о камень.

Сэм, судорожно вцепившийся в руку Фродо, бессильно осел на ступени.

— Бедный старый Билли! — дрожащими губами едва вымолвил он. — Волки и змеи! Змеи — это для него уже слишком. Я теперь выбрал, сударь, я с вами иду.

Они услышали шаги Гэндальфа. Очевидно, он подошел к дверям и ударил в них жезлом. Камень едва заметно вздрогнул, но створки не шелохнулись.

— Все, — произнес маг. — Эти двери для нас закрыты, и есть только один выход наружу — по другую сторону гор. Судя по звукам — там целый обвал, да еще вырванные деревья сверху лежат. Жаль, красавцы были падубы, и так долго стояли.

— Я чувствовал, я чувствовал, — пытаясь совладать с голосом, повторял Фродо, — как только ступил в эту воду, все время чувствовал ужас поблизости. Что это за тварь или их там много было?

— Не знаю. — Видимо, Гэндальф пожал плечами. — Не знаю, — повторил он, — но уверен: всеми злобными руками, лапами и щупальцами движет одна цель. Что-то выползло, а может, что-то выгнали из темных вод под горами. В глубинах мира скрыты твари пострашнее и постарше орков.

Маг подумал, что, кто бы ни жил в озере, первым делом среди всех тварь цапнула Фродо, но вслух говорить об этом не стал.

Боромир проворчал нечто, но не учел подземного эха, многократно усиливавшего звуки, и все расслышали его бормотание:

— В глубинах мира! Вот именно. Туда нас и занесло против моей воли! Кто нас теперь вызволит из этой смертной тьмы?

— Я, — спокойно отозвался Гэндальф, — а Гимли мне поможет. Не теряйте из виду мой жезл.

Маг поднялся по ступеням, высоко держа в руке слабо светящийся жезл. Лестница оказалась в полном порядке. Путники насчитали две сотни ступеней, прежде чем вышли в ровный коридор, уводящий во тьму.

— Давайте присядем и перекусим здесь, на площадке, — предложил Фродо. — Трактира мы ведь все равно не найдем поблизости. — Ужас, испытанный на берегу, потихоньку отпускал хоббита. На смену ему пришло острое чувство голода.

Предложение пришлось по нраву всем. Едва видимые во мраке, путешественники расселись на ступенях. После еды Гэндальф в третий раз обнес всех мирувором.

— Боюсь, ненадолго его хватит, — вздохнул он, закрывая флягу. — Но после этого страха у Ворот хлебнуть необходимо. Даже если нам сильно повезет, мы и остатки допьем прежде, чем увидим другую сторону. Воду поберегите. В Мории есть и

ручьи, и родники, но лучше бы их не касаться. Ближайший случай набрать воды представится, пожалуй, только в Росной Долине.

— А долго нам туда добираться? — спросил Фродо.

— Как я тебе скажу? — вопросом на вопрос отвечал маг. — Смотря по тому, что нас по дороге ждет. Если прямо идти да если удача не отвернется, не меньше сорока миль.

Отдыхали недолго. Всем безотчетно хотелось отойти подальше от Ворот. В левой руке шагавшего впереди Гэндальфа мерцал жезл. В правой он сжимал Гламдринг. За ним с сияющими глазами шел Гимли. Дальше, тоже с обнаженным мечом, настороженно ступал Фродо. Клинки были темны. Это успокаивало, ведь мечи, сработанные древними эльфийскими кузнецами, светятся, окажись поблизости орки. За Фродо следовал Сэм, за ним — Леголас и другие хоббиты, потом — Боромир, а замыкал шествие хмурый и молчаливый Арагорн.

Несколько раз коридор поворачивал, а затем начался долгий спуск. Воздух заметно потеплел, стало душно, но никакого запаха, как бывает в замкнутом помещении, не ощущалось. Наоборот, несколько раз по лицам скользнули струи холодного воздуха из каких-то щелей или проходов в стенах. Их встречалось немало. В слабом свете жезла Фродо иногда различал по сторонам лестницы арки и переходы. Они возникали то справа, то слева, путались, и решительно никакой возможности запомнить дорогу Фродо не видел.

От Гимли помощи Гэндальфу пока было немного. Разве что стойкое мужество, исходившее от гнома, подбадривало идущих. Темнота не тревожила его совершенно. Иногда маг, сомневаясь в выборе пути, советовался с ним, но решение неизменно принимал сам. Подземелья Мории своими колоссальными размерами превосходили самые смелые представления Гимли, сына Глоина, хоть он и происходил из рода подгорных гномов. Давнее путешествие, совершенное в земных недрах, мало помогало Гэндальфу, но даже во мраке, несмотря на все повороты, он ясно понимал, куда идет и куда хочет идти, и, пока попадались галереи, ведущие в нужном направлении, маг не останавливался.

При очередной задержке, пока Гэндальф с Гимли перешептывались о чем-то, Арагорн сказал остальным:

— Не бойтесь. Я бывал с ним во многих путешествиях, хоть и не в таких потемках. В Дольне вам могут рассказать о нем и вовсе не вероятные вещи. Он с пути не собьется, лишь бы путь существовал. Мы боялись, не верили, а он привел нас сюда и выведет, чего бы это ни стоило ему самому. Дорогу он находит лучше кошек королевы Берутиэль.

Действительно, отряду повезло с проводником. У них не было топлива, они не успели заготовить факелы, в отчаянной

спешке у ворот многие вещи оказались забыты. Без света жезла они не прошли бы и фарлонга. Кроме бесконечных разветвлений время от времени попадались дыры, провалы, а может, колодцы прямо на дороге. Встречались трещины, которые приходилось перепрыгивать, пока маг светил. Одна, например, оказалась шире семи футов, и Пиппин долго собирался с духом, прежде чем перескочить «пропасть» (как он назвал ее). Впрочем, не так уж он был неправ. Со дна трещины едва доносился шум большой текущей воды.

— Вот — веревка-то! — пробормотал Сэм. — Знал же, что понадобится.

Все эти досадные мелочи отнимали немало времени. Путникам казалось, что они давно блуждают во тьме, у корней гор. Это была уже не просто усталость, но мысль остановиться, отдохнуть почему-то не радовала. Да, спасение у Ворот, еда, глоток мирувора взбодрили Фродо на время, но теперь на душе у него снова лежала тяжесть, вот-вот готовая прорасти страхом. Элронд исцелил его рану, но бесследно она не прошла. Чувства хоббита обострились, и теперь его сильно угнетала невозможность видеть. Впрочем, довольно скоро Фродо заметил, что видит в темноте много больше других, кроме Гэндальфа, конечно. И Кольцо... Кольцо на шее, на тонкой цепочке, иногда наливавшееся тяжестью... Он ощущал некое неопределенное зло впереди и зло, идущее следом, но он молчал, только крепче сжимал рукоять Шершня и упрямо шел и шел вперед.

Идущие позади почти не разговаривали. Только шаги слышал Фродо впереди и за спиной. Глухой стук башмаков Гимли, тяжелая поступь Боромира, легкий шелест шагов Леголаса и почти такой же неслышный топоток хоббитов, а в конце — мерный четкий шаг Арагорна. Если отряд останавливался, наступала тишина, но со временем обостренный слух Фродо начал улавливать и еще кое-что: как будто шлепанье мягких босых ног по камню. Оно не было ни близким, ни громким, так, едва различимые звуки на самом пределе слышимости, но, раз начавшись, они непрестанно сопровождали отряд. Эхо? Нет, не эхо. Когда все останавливались, оно еще шлепало чуть-чуть и только потом стихало.

В Морию они вошли ночью, а теперь шли уже несколько часов с короткими передышками, но тут Гэндальф впервые озадачился надолго. Впереди широкая темная арка расходилась тремя галереями. На первый взгляд, все три вели на восток, но левая зарывалась вниз, правая — вверх, а средняя, хоть и казалась горизонтальной, настораживала узостью прохода.

— Хм, совсем не помню этого места, — пробормотал Гэндальф, останавливаясь. Он поднял жезл, надеясь отыскать на своде какие-нибудь знаки или надписи, но ничего не нашел.

Тогда он сказал сам себе: — Нет, слишком устал, чтобы не ошибиться. Да и все устали, наверное. Ночь еще не кончилась, остановимся здесь. Снаружи миновала полночь, луна скоро зайдет.

— Бедный Билл,— вспомнил Сэм.— Как-то он там? Интересно, удалось ему от волков удрать?

Слева от арки обнаружилась каменная дверь. Полуприкрытая, она легко распахнулась от несильного нажима. За ней, кажется, находилась небольшая зала.

— Осторожнее! — крикнул Гэндальф, останавливая Мерри с Пиппином, бросившихся вперед. Хоббиты так обрадовались хоть какому-нибудь укрытию, да еще с дверью, что совершенно забыли об опасности. Уж очень не хотелось спать прямо посреди открытой галереи.

— Осторожнее,— повторил маг.— Вы же не знаете, что там внутри. Пустите-ка меня.

Он боком протиснулся в дверной проем, остальные вошли следом.

— Вот. — Гэндальф указал жезлом на середину комнаты. У его ног чернела большая круглая дыра. Обрывки цепей свисали вниз, пол вокруг был усыпан каменными обломками.

— Один из вас неминуемо загремел бы туда, — негромко сказал Арагорн стоящему рядом Мерри, — и сейчас все еще гадал бы, когда же будет дно. У нас есть проводник, вот пусть он и идет первым.

— Здесь располагалась стража,— заявил Гимли.— А это — колодец. Крышка разбита, надо быть поосторожнее в темноте.

С первой же минуты колодец неодолимо притягивал Пиппина. Пока остальные разворачивали одеяла и устраивались на ночлег под стенами, он на четвереньках подполз к краю и заглянул внутрь. Из невидимых глубин поднимался ток холодного воздуха. Повинуясь внезапному порыву, Пиппин подобрал с пола камень и отпустил его над дырой. Сердце хоббита успело стукнуть много раз, прежде чем снизу пришел звук. Сначала донеслось едва слышное «плюх», видимо, камень упал в воду, но потом звук пошел гулять по стволу колодца, отражаясь от стен.

— Что там? — вскинулся Гэндальф.

Пиппин, замирая, сознался и даже в темноте разглядел гневно сверкавшие глаза мага.

— Туковская дурость! — с досадой проворчал Гэндальф.— Когда ты сообразишь наконец, что мы не на прогулке? В следующий раз прыгай туда сам, меньше хлопот будет! А теперь — тихо!

Несколько минут стояла тишина, а потом из глубины снова пришел звук. Теперь это были слабые удары: «том-тап, тап-том», эхо повторило их, и снова раздалось: «тап-том, том-тап, тап-тап-том». Это напоминало слабые беспокойные сигналы, но больше они не повторялись.

— Либо я никогда раньше не слышал ударов молота, либо это они и есть, — убежденно произнес Гимли.

— Да, похоже, — согласился Гэндальф. — Ох, не нравится мне это. Может, конечно, дурацкий камень Перегрина здесь и ни при чем, но вполне возможно, он разбудил что-то, чего лучше бы не беспокоить. Я вас очень прошу всех, — сердито сказал маг, — поменьше глупостей! Нам надо отдохнуть. А ты, Пиппин, в награду подежуришь первым. — Гэндальф завернулся в одеяло и замолк.

Несчастный Пиппин уселся в кромешной тьме у двери, но мысли о колодце словно преследовали его. Воображение рисовало лезущих из дыры чудищ, он с трудом сдерживался, чтобы не закрыть ее хотя бы одеялом, но и двинуться в ту сторону не смел — ведь Гэндальф не велел. Правда, Гэндальф спит...

Гэндальф не спал. Он глубоко задумался, припоминая малейшие подробности своего предыдущего путешествия в подгорном царстве и тревожно обдумывая наилучший вариант завтрашнего пути: любой ошибочный поворот мог привести отряд к гибели. Через час он встал и подошел к Пиппину:

— Иди-ка спать лучше. — В голосе мага не чувствовалось ни малейшего раздражения. — Мне все равно глаз не сомкнуть, посижу лучше, покараулю.

— Я знаю, в чем дело, — бормотал он, усаживаясь возле двери. — Покурить нужно! Я трубки не доставал от самого Карадраса.

Последнее, что увидел Пиппин, засыпая, — темный силуэт мага и нависший над трубкой нос, высвеченные короткой вспышкой, прикрываемой полой плаща.

Гэндальф разбудил их часов через шесть.

— Пока я тут сидел, — объявил он, — путь определился. Средняя галерея мне не нравится, из левой плохо пахнет, мы пойдем по правой. Будем подниматься.

Еще восемь часов, не считая двух коротких остановок, шли без помех. Впереди, напоминая блуждающий огонек, качался слабо светящийся кончик жезла. Галерея полого, но неуклонно поднималась. По мере продвижения она становилась все шире, пол был ровный, без ям и трещин, даже боковых ответвлений почти не встречалось. Видно, они таки попали на какую-то главную дорогу и двигались куда быстрее, чем прошедшей ночью. Спрямленный пройденный путь составил бы не меньше пятнадцати миль, а учитывая всякие повороты и изгибы — около двадцати. Почему-то подъем приободрил Фродо, но ощущение тревоги не отпускало, а сзади, далеко за отрядом, за эхом их шагов, он опять слышал призрачное «шлеп-шлеп», и оно-то эхом не было.

Переход определялся расстоянием, которое могли пройти без отдыха хоббиты. Пора уже было подумывать о месте для ночевки, но тут стены и справа, и слева внезапно исчезли. Из-

за спины тянуло теплым воздухом, а лицо холодила непроглядная тьма. Путники остановились и столпились возле мага.

Гэндальф довольно усмехнулся.

— Я оказался прав,— похвалил он сам себя.— Мы выходим к обжитым местам. До восточной стены недалеко теперь, только мы очень высоко поднялись, куда выше Росных Порогов. Сейчас мы в каком-то большом гроте. Я, пожалуй, рискну прибавить света.

Он поднял жезл. Короткая вспышка заставила отпрянуть огромные тени, высоко над головами высветив свод, опирающийся на мощные колонны. Зал был пуст, странно поблескивали темные полированные стены. На другом конце чернели три арки. Большего заметить никто не успел.

— Пока хватит, — проговорил Гэндальф. — В таких залах обычно бывали окна, врезанные в склоны горы, этакие световые шахты, но снаружи — ночь, до утра ничего не определишь. Если я не ошибаюсь, утром увидим свет. Я предлагаю передохнуть. Бóльшая часть пути уже позади.

Заночевать решили в углу зала, где поменьше досаждали сквозняки. Ветерок тянул из восточной галереи. Когда все улеглись, вплотную подступили темнота и тишина, особая подземная темнота и глухая ватная тишина. Чувство одиночества, затерянности в этих бесконечных печальных залах, переходах, лестницах охватило хоббитов. Смутно-страшные легенды о Мории, когда-то слышанные на родине, оказались на поверку игрушечными по сравнению с молчаливыми подземными пространствами, хранящими и ужасы, и чудеса настоящие.

— Ну и толпища гномов, должно быть, потрудилась здесь когда-то,— прошептал Сэм.— И каждый хлопотал, как барсук, и хлопотал лет пятьсот, если не больше. Ведь скала же! Она же твердая! А зачем? Неужто можно жить в этих темных норах?

— Это не норы, — подал голос Гимли. — Это — великое царство и сердце подземного мира. В те времена темноты не было. Свет, великолепие — вот воспоминания о Мории, оставшиеся в песнях.

Внезапно гном встал и глубоким голосом, мгновенно породившим эхо под сводами, запел:

Был юным мир в тиши времен,
Был лик луны не затенен,
Когда, в величии благом,
Явился Дарин, Первый Гном.
Средь безымянных гор и рек
Бродя один, он их нарек;
Он устремил пытливый взор
В глубины девственных озер,
Где звезды вспыхнули светло,
Короной увенчав чело.

Был светел мир в тиши времен;
Могучи были Нарготронд
И Гондолин, чьи короли
Еще в пучину не ушли.
Был ласков гром, был ветер мил —
В День Дарина был светел мир.

Резной престол его стоял
В чертогах скальных; тронный зал
Венчал златой чеканный свод;
Сплетенья рун хранили вход;
Сиянье Солнца, блеск Луны,
В кристальный свет воплощены,
Не омрачались никогда
В благословенные года.

Там гулкий молот бил в металл
И искр алмазный рой взметал;
Резец искусный в недрах скал
Узор по камню высекал;
Чертог мерцающий хранил
Опал, и жемчуг, и берилл,
И в ночь дышал кузнечный мех,
Творя сверкающий доспех.

Был счастлив Дарина народ;
И дни, и годы напролет
Пел свет подземных тех земель
Неутомимый менестрель.

Но мир померк во мгле времен,
Глухой бедою замутнен;
Смолк молот ныне; песнь нема;
В горах владычествует тьма,
Там страх лежит — тяжел, угрюм...
О Мория! О Казад Дум!

Но в глубине угасших гор
Хранит корону глубь озер,
Пока — в иные времена —
Не встанет Дарин ото сна.

— Здорово! — восхитился Сэм. — Я бы выучил. «О Мория! О Казад Дум!» Эх, как представишь все эти огни, темнота еще горше становится. Послушай, Гимли, а золото и драгоценности эти, они тут так и лежат?

Но Гимли не ответил. Он слишком много вложил в песню и не хотел разменивать высокие чувства на обсуждение презренных деталей.

— Нет здесь драгоценностей, — ответил за него Гэндальф. — Орки все начисто выгребли. По крайней мере на верхних выработках. А после ухода гномов нижние горизонты затопила вода, да и кто бы осмелился туда сунуться? Ужас глубин — надежный страж.

— А чего же тогда гномы так вернуться хотят? — удивился Сэм.

— Это все мифрил,— пояснил Гэндальф,— слава Мории не в золоте или камнях — гномы занимались ими развлечения ради, и не в железе — оно для гномов слуга и помощник. Конечно, и то, и другое здесь есть, но ради них никто не стал бы зарываться так глубоко. Здесь, и больше нигде в мире, водится морийское серебро, его еще называют подлинным серебром, а по-эльфийски — *мифрил*. У гномов есть для него свое название, но они никому его не поведали. Мифрил был в десять раз дороже золота, а сейчас и вовсе бесценен, изделий из него на поверхности осталось совсем мало. Жила идет на север, а у корней Карадраса уходит в глубину. Даже орки не осмеливаются продолжать добычу после всего случившегося. Именно мифрил положил начало богатству гномов, но он же и погубил их. Гномы зарылись слишком глубоко и потревожили Ужас Глубин. Потом его назовут Погибелью Дарина. Почти весь мифрил, добытый гномами, захватили орки; конечно, он попал к Саурону.

Об этом металле мечтали многие. Он ковкий как медь, легко полируется, а после обработки становится тверже закаленной стали. На вид схож с серебром, но в отличие от него не тускнеет. Эльфийский *итильдин* сделан на основе мифрила.

Когда-то Торин подарил Бильбо кольчугу из мифрила. Любопытно, какова ее судьба? Небось, пылится до сих пор в Микорытском Маттом-доме.

— Что?! — разом выходя из своего возвышенного молчания, вскричал Гимли.— Кольчуга из морийского серебра? Да это же величайшая драгоценность!

— Да я-то знаю,— улыбнулся во тьме Гэндальф,— только Бильбо говорить не стал. Сейчас она стоит дороже всего Шира со всем содержимым.

Фродо молча сунул руку под рубашку и потрогал кольчугу. Его потрясла мысль о надетой на нем стоимости всего Шира. Интересно, знал об этом Бильбо? Почему-то Фродо был уверен: знал, и очень хорошо. Вот поистине великодушный дар.

Мысли хоббита наконец-то оторвались от мрачных подземелий, унесясь в Дольн, к старому Бильбо, и еще дальше, в Засумки прежних счастливых дней. Всем сердцем желал бы он снова оказаться там, выкосить лужайку или просто побездельничать среди цветов и никогда не слышать ни о Мории, ни о мифриле, ни о Кольце.

Фродо нес дозор. Спутники его засыпали один за другим, и сердце хоббита постепенно сковывал страх. Ладони похолодели, на лбу выступил пот. Он напряженно прислушивался. Целых два медленных часа он слушал, слушал, только слушал, но не услышал ни звука.

Его уже скоро должны были сменить, и тут в дальнем конце зала, примерно на месте западной арки, Фродо почудились два близких огонька, две бледные световые точки, очень похожие на чьи-то глаза. Он вздрогнул.

«Задремал я, что ли? — подумалось ему. Точки пропали. — Наверное, задремал», — решил Фродо, встал, протер глаза и не садился больше, пока его не сменил Леголас. Хоббит лег, угрелся под одеялом и быстро заснул, но и во сне продолжал слышать тихий, неразборчивый шепот и видеть бледные пятна света. Когда Фродо проснулся, вокруг тихо разговаривали, а сверху прямо на лицо падал тусклый свет. Он проникал через отверстие в высоком своде над восточной галереей. Еще один световой столб слабо мерцал в северном конце зала.

Фродо сел.

— Доброе утро, — приветствовал его Гэндальф. — Настоящее утро. Видишь, я не ошибся. Мы в верхних восточных горизонтах. Думаю, еще до конца дня мы должны увидеть от восточных морийских ворот заповедные воды Зеркального.

— Хорошо бы, — согласился Гимли. — Теперь я видел Морию, великое подземное царство, но она стала темной и страшной; никаких признаков моего народа нет и в помине. Я даже начал сомневаться, приходил ли сюда Балин вообще.

Сразу после завтрака Гэндальф принялся подгонять их.

— Конечно, мы все устали, — говорил он. — Но лучше отдохнуть снаружи. Надеюсь, никто не рвется провести под землей еще одну ночь?

— Нет уж, хватит! — решил за всех Боромир. — По какой дороге пойдем? По восточной?

— Можно бы и по ней, — как-то не очень уверенно согласился маг. — Я еще не знаю точно, где мы. Сильно сбиться я не мог, а коли так, выход лежит ниже и северней. Может быть, туда и можно попасть восточной галереей, но сначала мне хотелось бы осмотреться. Я бы попробовал северный штрек, может, там есть окна.

Вслед за магом все прошли под северной аркой. Вскоре действительно впереди стало светлеть. Еще через несколько шагов показалась полуоткрытая каменная дверь. Свет падал из-за нее. Конечно же они вошли. Большой квадратный грот освещался рассеянным тусклым светом, но отвыкшим глазам путников он показался ослепительно ярким.

В толстом слое пыли под ногами что-то с дребезгом перекатывалось. В верхнем восточном углу был пробит глубокий наклонный световой колодец; на его дальнем конце виднелся маленький, с носовой платок, кусочек голубого неба. Столб света падал на каменное возвышение посреди грота с верхней плитой, сработанной из белого камня.

— Похоже на надгробье, — пробормотал Фродо и наклонился к плите, уже не сомневаясь в правильности своего предчувствия. Гэндальф быстро подошел к нему. Плиту испещряли глубоко высеченные руны.

— Даэрон, язык древней Мории, — сказал Гэндальф. — На языках Людей и Гномов здесь выбита надпись:

БАЛИН, СЫН ФУНДИНА
ГОСУДАРЬ МОРИИ

— Значит, он умер, — промолвил Фродо. — Я так и знал.
Гимли молча опустил капюшон на лицо.

Глава 5
МОРИЙСКИЙ МОСТ

Отряд в молчании замер над могилой Балина. Фродо думал о долгой дружбе Бильбо с замечательным гномом и вспоминал давний визит Балина в Шир. Здесь, в этой пыльной усыпальнице, погребенной под каменной толщей, казалось, что это происходило тысячу лет назад и на другом конце света.

Постепенно стряхнув оцепенение, путники стали оглядываться, пытаясь в обстановке грота, в расположении вещей прочесть судьбу горемычного государя и его народа. В противоположной стене оказалась не замеченная поначалу еще одна дверь, поменьше. У обоих порогов лежали вперемешку мечи, кости, сломанные топоры, разбитые щиты и шлемы. Бросались в глаза орочьи ятаганы с черненными клинками.

Множество стенных ниш наполовину скрывали огромные, окованные железом сундуки, разбитые и разграбленные. Рядом с сорванной крышкой одного из них валялась большая книга, она была в ужасном состоянии: удары топора и колотые дыры превратили обложку в лохмотья, а темные пятна сильно походили на засохшую кровь. Гэндальф осторожно поднял ее, положил на плиту и открыл. Первые листы ломались у него

в руках, но он бережно составлял их и надолго погрузился в изучение фолианта. Фродо и Гимли, стоявшие рядом, видели страницы, заполненные не только разными руками, но и на разных языках — встречались эльфийские и морийские руны и какие-то еще, незнакомые.

Наконец Гэндальф оторвался от рукописи.

— Это похоже на летопись народа Балина, — промолвил он. — Начата около тридцати лет назад, с приходом гномов в Морию. Страницы нумерованы по годам. Вот, видите: «одинтри» — первый год, третья страница, первых двух нет. Послушайте.

«Мы прогнали орков от Ворот и охраняем...» здесь не прочесть, я думаю: «...зал. Мы перебили их множество в долине...» наверное, «при свете дня. Флои поражен стрелой». Дальше пятно. «Он лежит под травой на берегу...» Непонятно... «мы захватили первый зал в северном конце, будем здесь жить...» Наверное, «световая шахта», потом... а, вот: «Балин утвердил трон в Зале Мазарбул». — Гэндальф вопросительно взглянул на гнома.

— В Зале Памяти, — подсказал Гимли. — Это, наверное, он и есть.

— Дальше ничего не разберешь... вот слово «золото». «Топор Дарина... шлем... Отныне Балин — Государь Мории». По-моему, глава кончается. Дальше — другая рука. Вот, я читаю: «Мы нашли подлинное серебро...», пропуск... «хорошо кованное...» э-э, понял: «мифрил», и вот две последние строки: «Оин ушел искать верхние оружейные на Третьем Горизонте...», не прочесть... «идет на запад к Воротам Эрегиона».

Маг замолчал и перевернул несколько страниц.

— Трудно читать, — сказал он. — Рука очень торопливая, и листы сильно повреждены, — он досадливо взглянул вверх, — свету мало! Мне кажется, многих страниц нет. Номера начинаются уже с пятерки, это значит — пятый год заселения. Нука! Нет, изрублено все. О! Вот здесь хорошо. Твердый крупный почерк и письмо эльфийское...

— Мне кажется, я узнаю руку Ори, — произнес Гимли. — Он писал хорошо и быстро и всегда эльфийскими знаками.

— Боюсь, о недобром поведает этот красивый почерк, — вглядываясь в рукопись, промолвил маг. — Вот первое слово: «скорбь», а конца строки нет. Это «чера», должно быть, «вчера», а дальше понятно: «Десятого дня ноября месяца пал Балин, Государь Мории. Он ушел один к озеру и был сражен орочьей стрелой. Орка убили, но их много с востока...», по-моему, тут сплошная кровь, вот дальше: «...закрыли ворота... удержать их долго, если... ужасный...» Нет, не разобрать! Бедный Балин. Похоже, он и пяти лет не прожил Государем. Дальше совершенно нечитаемо. Вот последний лист.

Маг вздохнул:

— Нет радости в этих записях. Боюсь, конец книги черен. Вот слушайте: «Нам не выбраться. Мост и второй зал у них. Фрар, Лони и Нали погибли...» Здесь несколько строк не читаются. Дальше: «...ушли пять дней назад». А вот последняя запись: «Вода подошла к стенам, к самым Западным Воротам. Страж озера взял Оина. Нам не выбраться. Скоро конец...», потом идет: «...грохот в глубинах». Не понимаю, о чем речь... вот еще эльфийские знаки: «Они идут». Все. Это конец.

Маг глубоко задумался. Его спутники переглянулись. Кажется, всем стало одинаково жутковато в скорбной комнате.

— «Нам не выбраться», — повторил Гимли. — Когда мы подошли к Воротам, вода, наверное, упала, а Страж спал далеко от берега. Повезло.

Гэндальф поднял голову и внимательно огляделся.

— Я думаю, — произнес он, — последние из них держались здесь, но их оставалось немного. На этом попытка вернуть Морию закончилась. Попытка доблестная, но самонадеянная. Время для этого еще не пришло. Попрощаемся с Балином, сыном Фундина. Пусть он спокойно лежит здесь, в сердце древнего владения гномов. Книгу Мазарбула мы заберем с собой. Пусть будет у тебя, Гимли. Если получится, отнесешь Даину. Он должен знать эту горестную правду. Пора идти. Утро кончилось.

— Так какой дорогой пойдем? — спросил Боромир.

— Надо вернуться в большой зал, — отвечал Гэндальф. — Мы не напрасно зашли сюда, я сумел определиться. Это двадцать первый зал северного крыла. Если я не ошибаюсь, расположен он на седьмом горизонте, а Ворота — на первом. Надо спускаться и забирать на юг.

Едва Гэндальф успел договорить, как тишину взорвал грохот. «Р-рок, рок» — донеслось из глубин, камень вокруг вздрогнул. Отряд бросился к двери. «Р-рок, рок» — прокатилось снова, словно вся Мория стала одним огромным барабаном и какой-то исполин мерно бьет в него. Потом со стороны зала протрубил рог, издали ему ответили другие рога и грубые крики. Послышался топот.

— Они идут! — выкрикнул Леголас.

— Нам не выбраться, — побледнев, проговорил Гимли.

— Ловушка! — в досаде воскликнул Гэндальф. — Эх, не надо было медлить. Нас поймали, как и тех, раньше! Но тогда здесь не было меня. Посмотрим, как сложится на этот раз!

«Р-рок, рок», — словно в ответ ему загрохотал, сотрясая стены, барабан.

— Закройте двери! — крикнул Арагорн. — Надо заклинить их. Пока не снимайте котомки, может, удастся прорваться.

— Подождите, — остановил бросившихся к дверям Гэндальф. — Восточную дверь не закрывайте, там пока тихо, попробуем уйти туда.

Совсем близко снова протрубил рог. Топот приближался. Отряд обнажил мечи.

Гэндальф подскочил к Боромиру, навалившемуся на дверь, отстранил его и страшным голосом спросил:

— Кто смеет тревожить покой Балина, Государя Мории?

Ответом ему был хриплый хохот, как будто камни перекатывались в реке. На фоне криков и шума выделялся отрывистый голос, отдающий команды. А в глубине все грохотало.

Гэндальф быстро высунул в дверную щель жезл. Ослепительная вспышка заставила смолкнуть нападающих, а маг нагнулся и выглянул в галерею. Он уже снова был в комнате, когда в дверь с запозданием полетели стрелы.

— Там орки, много, — не обращая внимания на цокающие о стены удары, сказал Гэндальф. — Большие и злобные черные мордорские уруки. Сейчас они опешили, но с ними пещерный тролль, и, кажется, не один. Этим путем не пробиться.

— Если они подойдут с востока, тем путем тоже не уйти, — заметил Боромир.

— Там пока тихо, — сказал Арагорн. Он стоял, чутко прислушиваясь, возле восточной двери. — За дверью вскоре начинается лестница, ясно, что снова в зал этот проход не возвращается. Но бежать от погони вслепую — хорошего мало. Запереть эту дверь мы не сможем, замок давно сломан, и заклинить — тоже, она открывается внутрь. Так что сначала надо задержать орков. Мы заставим их бояться зала Мазарбул!

Тяжелые шаги послышались в проходе. Боромир налег плечом на западную дверь, закрыл ее и заклинил обломками мечей. Но от первого же удара дверь вздрогнула и, визжа клиньями, приоткрылась. В щель просунулась огромная рука и часть плеча, а потом плоская беспалая ступня. Кожа была темная, болотного оттенка, похожая на чешую. За дверью все еще стояла тишина.

Боромир прыгнул вперед и сплеча нанес удар. Меч зазвенел и вырвался из руки гондорца. На лезвии появилась зазубрина.

Внезапно, к собственному удивлению, Фродо окатила волна ярости. Он оттолкнул изумленного гондорца и с криком «За Шир!» всадил Шершень в отвратительную ступню. Раздался рев, лапа отдернулась назад, едва не вырвав у хоббита клинок из рук. С лезвия, дымясь, капали черные капли. Боромир снова захлопнул дверь.

— Прекрасный удар! — одобрил Арагорн. — У тебя отличный клинок, Фродо, сын Дрого.

На этот раз на дверь обрушились удары молотов. Она начала потрескивать, а потом клинья вылетели, и в открывшуюся широкую щель впорхнул рой стрел. Они никому не причинили вреда, осыпавшись у северной стены. Рог протрубил сигнал, и орки с топотом ворвались в зал.

Сосчитать их никто не успел. Схватка оказалась короткой, ибо орки явно не ожидали столь яростного отпора. Двое рухнули с торчащими в горле стрелами. Одному, успевшему вскочить на могилу Балина, Гимли перерубил ноги. Под мечами Арагорна и Боромира враги валились как снопы. Когда рухнул тринадцатый нападавший, остальные в ужасе бежали.

Никто из отряда не пострадал, если не считать царапины на щеке Сэма. Он таки сразил напавшего на него орка, и теперь в карих глазах бывшего садовника из Засумок тлел грозный огонек. Встреть его сейчас Тэд Песошкинс, убежал бы, пожалуй.

— Теперь пора! — крикнул Гэндальф.— Уходим, пока тролль не вернулся!

Но прежде чем Пиппин и Мерри, вышедшие первыми, достигли лестницы, в зал ворвался огромный орк. Почти с человека ростом, в черной кольчуге с головы до пят, плосколицый, с длинным красным языком, он большим щитом отбил меч Боромира, увернулся от удара Арагорна, словно стремительно атакующая змея, ворвался в гущу отряда и с размаху ударил Фродо копьем, отбросив и пригвоздив хоббита к стене. Сэм заорал дурным голосом и перерубил древко копья. Орк отшвырнул обломок и схватился за рукоять ятагана, но в этот миг Андрил пылающей молнией пал ему на голову. Шлем орка разлетелся вдребезги, и он без звука повалился на пол. Другие, толпившиеся в дверях, давя друг друга и повизгивая, выскочили в проход, едва Арагорн с Боромиром повернулись к ним.

«Р-рок, рок» — гремело в глубинах.

— Уходим! — крикнул Гэндальф.— Иначе не успеть!

Арагорн легко подхватил на руки бесчувственного Фродо и побежал к лестнице, подгоняя Пиппина и Мерри. Остальные последовали за ними. Гимли, медлившего у могилы Балина, Леголасу пришлось дернуть за плечо. Боромир захлопнул восточную дверь. Снаружи на ней оказались железные скобы, но второпях не нашлось, что в них вставить.

— Я в порядке,— прохрипел вдруг Фродо.— Отпусти меня, я сам пойду.

Арагорн чуть не уронил его от удивления.

— Я думал, ты мертвый! — вскричал он.

— Нет еще, — ответил за хоббита Гэндальф. — Сейчас не время разбираться. Спускайтесь и подождите меня, но если задержусь, уходите. Вам нужно все время вниз и вправо.

— Мы не оставим тебя одного,— не согласился Арагорн.

— Делайте, как я сказал! — гневно воскликнул маг.— Мечи здесь не помогут. Идите!

На лестнице было совершенно темно. Скатившись по длинному пролету, они оглянулись, но на верхней площадке лишь тлел неподвижно крохотный огонек жезла мага. Фродо, тяжело

дыша, привалился к Сэму, поддерживавшему его за плечи, и прислушивался к голосу Гэндальфа, быстро произносящему какие-то слова, дробно отраженные эхом на лестнице. Глубинный барабан продолжал грохотать.

Внезапно с верхней площадки полыхнула ярчайшая вспышка. Глубинный грохот обвала заставил барабан сбиться с ритма, и все смолкло. Гэндальф скатился вниз по ступеням и рухнул у ног Арагорна. Впрочем, он сразу встал.

— Ну, с этим все, — непонятно произнес он, с трудом переводя дух. — Что мог, я сделал. Однако все висело на волоске, меня чуть не раздавило. Да не стойте же здесь! — закричал он. — Идем. Света пока не будет. Гимли, где ты? Иди вперед. Держитесь плотнее друг к другу!

В полной темноте отряд осторожно пробирался за магом, гадая о случившемся на лестнице. Смолкший было рокот в глубинах Мории возобновился. Теперь он доносился приглушенно, словно бы издалека. Ни топота, ни голосов, ни других признаков погони никто не слышал. Гэндальф вел их все прямо и прямо. Они спустились еще на несколько пролетов. Каждый раз ступени возникали неожиданно, просто на очередном шаге нога ощущала пустоту. Гэндальф, словно слепец, постукивал впереди себя жезлом.

Так прошли около мили, миновав множество лестничных маршей. Позади все еще было тихо. Гэндальф остановился.

— Жарко становится, — выдохнул он. — Кажется, мы теперь ниже уровня Ворот. Надо искать поворот налево. Я очень устал, — признался маг еще через несколько шагов. — Даже если все орки, сколько их наплодилось на свете, помчатся за нами, мне нужно отдохнуть.

Гимли поддержал старика, помогая ему сесть.

— Скажи, что произошло там, у дверей? — спросил гном. — Ты встретил того, кто бил в барабаны?

— Не знаю. — Чувствовалось, что маг качает головой. — Я не знаю, кого я встретил, но раньше мы наверняка не встречались. Я пытался заговорить дверь, я много таких наговоров знаю. Но нужно время, да и все равно заговоренную дверь можно разбить. С той стороны я все время слышал орочьи голоса и боялся не успеть. Но все-таки прислушивался. Отвратительный у них язык! Слышно было из-за двери плохо, но слово «гхаш» они повторили много раз. Оно означает «огонь». А потом в комнате появился кто-то еще и напугал даже орков. Они притихли. Я чувствовал его, а он, взявшись за дверь, почувствовал меня и мое заклятье. Понятия не имею, кто это был, но сила у него под стать моей. От его наговора меня чуть не разорвало, а самое главное — дверь начала открываться! Тогда я повелением запечатал ее навсегда. Но с той стороны оказалась такая сила, что дверь попросту разнесло на куски. За

ней клубилась какая-то туча. Тут начала разваливаться стена, меня швырнуло вниз, а в гроте, где мы были, по-моему, рухнул свод.

Боюсь, могилу Балина теперь сыскать непросто, но похоронен он не один. Назад нам дороги нет. Ох! Никогда не чувствовал себя таким разбитым. Ладно, это уже проходит. А как ты, Фродо? Я в жизни так не радовался, когда услышал твой голос. Я ведь был уверен, что Арагорн несет отважного, но мертвого хоббита.

— Со мной все в порядке, — ответил Фродо. — Жив и даже, по-моему, цел. Бок болит, ушиб, наверное, сильный. А так — ничего.

— Ну и ну, — проговорил Арагорн. — Пожалуй, такого крепкого народа я еще не встречал. Знай я об этом в Брыле, говорил бы с вами помягче. Такой удар дикого кабана прошибет!

— Я не кабан, — попробовал улыбнуться Фродо, — и меня, как видишь, не прошибли. Но чувствовал я себя как между молотом и наковальней.

Больше он ничего не стал говорить. Дышать было все-таки больно.

— Ты похож на Бильбо, — сказал Гэндальф. — Когда-то давно я ему сказал: внутри у тебя больше, чем снаружи.

Фродо понял, что маг нарочно не договаривает.

Они снова шли. Но вскоре Гимли, шагавший впереди, остановился.

— По-моему, впереди свет, — сказал он. — Только не дневной. Он красный. Что бы это могло быть?

— Гхаш! — пробормотал Гэндальф. — Может, они имели в виду, что нижние горизонты в огне? Ничего не поделаешь, надо идти.

Вскоре все могли убедиться в правоте гнома. Красные отсветы трепетали на стенах и сводах галереи, уводившей все вниз и вниз. Впереди показалась арка. Свет был за ней, свет и жар, горячий воздух теперь налетал волнами.

Не доходя до арки, Гэндальф жестом остановил остальных, а сам осторожно двинулся вперед. Несколько мгновений отряд мог видеть фигуру мага на фоне багровых отсветов, впрочем, он сразу отступил.

— Это какая-то новая напасть, — проворчал он, — и задумана, несомненно, в нашу честь. Зато я знаю, где мы: в Первом подземном горизонте, на один уровень ниже Ворот. Нам нужна восточная сторона, по ней — с четверть мили налево. Потом — через мост, вверх по лестнице и по дороге через Первый зал наружу! Впрочем, смотрите сами!

Зал, раскинувшийся перед ними, был намного обширней предыдущего. Они были недалеко от восточной стены; запад-

ная стена тонула во мраке. К центру уходил двойной ряд колонн. Колонны, изваянные в виде могучих деревьев, каменными кронами поддерживали свод. На черных гладких стволах играли отсветы. Зал рассекала большая трещина. Красный свет шел оттуда, изредка снизу протягивались языки пламени, обвиваясь вокруг ближайшей колонны. Клубы дыма колыхались в горячем воздухе под сводами.

— Пойди мы из верхних залов основной дорогой, — пояснил Гэндальф, — попались бы в ловушку. А теперь — наоборот. Хочется верить, что трещина отделяет нас от преследователей. Идем, нам нельзя терять время.

Снова послышался барабанный рокот: «рок, рок, рок». С западного конца зала донеслись крики и хриплый рев рогов. «Рок, рок» — колонны начали тихо вздрагивать, затрепетало пламя в трещине.

— Ну, последний рывок! — крикнул Гэндальф. — Если снаружи светит солнце, у нас есть шанс.

Он повернул налево в зал, остальные бросились за ним. Расстояние оказалось больше, чем казалось в полумраке. Орки завизжали: беглецов заметили. Над головой Фродо свистнула стрела.

Боромир захохотал.

— Такого они не ждали! — воскликнул он. — Им нас не достать, огонь отрезал их!

— Смотрите вперед, — прервал его Гэндальф. — Мост близко. Он узок и опасен.

Фродо увидел впереди черный провал. Через бездонный ров был перекинут узенький мостик без перил. Одним изящно выгнутым пролетом футов пятидесяти он повис над бездной. Так думали древние морийские гномы обороняться от врага, захвати он первый зал и внешние галереи. Пройти по мосту можно было лишь по одному. У его начала Гэндальф остановился.

— Веди, Гимли! — приказал он. — Следом — Пиппин и Мерри. Прямо и вверх по лестнице!

Вокруг падали стрелы. Одна несильно стукнула Фродо в спину и упала у ног. Другая пронзила шляпу Гэндальфа и торчала из нее, как черное щегольское перо. Уже у моста Фродо оглянулся. За трещиной в дрожащем мареве виднелись черные фигурки. Орков было не меньше трех сотен. Они потрясали копьями и ятаганами, вопили, но крики покрывал приближающийся рокот барабанов: «рок, рок».

Леголас положил стрелу на тетиву и поднял лук, но тут же опустил его. Стрела упала, а он даже не заметил. Два огромных пещерных тролля появились из темноты дальнего конца и уложили поперек трещины каменные плиты. Но не тролли вселили страх в лесного эльфа. Толпа орков раздалась и кинулась в разные стороны. Сзади надвигалось нечто, какая-то клубящая-

ся тень с размытыми контурами. Но зато мощь и угроза угадывались в ней сразу. Медленно подплыв к трещине (огонь прижался к ее краям, словно в испуге), фигура легко переметнулась на другой край. Огонь взревел, языки пламени приветственно взвились из глубин, на миг обрисовав дымные контуры. Теперь новое действующее лицо можно было разглядеть получше. В правой руке пришелец сжимал меч, похожий на язык пламени, в левой — бич со многими хвостами.

— О-е! — высоким голосом воскликнул Леголас. — Барлог! Барлог пришел!

Гимли широко распахнутыми, остановившимися глазами вперился в это новое страшное чудо.

— Погибель Дарина, — прошептал он, опуская топор, и закрыл лицо руками.

— Барлог, — пробормотал Гэндальф. — Теперь понятно. — Он тяжело оперся на жезл. — Что за злая судьба! А я так устал!

Темная фигура, вся в струях огня, приближалась к ним. Орки взвыли и хлынули по плитам через трещину. Тогда Боромир поднял рог и затрубил. Словно многоголосый грозный клич разнесся под сводами зала. Орки присели от неожиданности, и даже страшная фигура остановилась. Но звук рога замер, не породив эха, и враги снова двинулись вперед.

Гэндальф стряхнул с себя мгновенное оцепенение.

— За мост! — крикнул он. — Бегите! Этот враг вам не по силам. Я задержу его. Бегите!

Арагорн и Боромир стояли уже по другую сторону моста и дальше идти не собирались. Хоббиты, гном и эльф тоже медлили возле дальней двери, не в силах оставить своего вожатого один на один с врагом.

Барлог был уже возле моста. На середине пролета, опираясь левой рукой на жезл, стоял Гэндальф. Опущенный Гламдринг, холодный и белый, сиял в правой руке мага. Барлог надвинулся на мост и остановился снова. За его спиной словно распахнулись два крыла тьмы. Он поднял бич, дымное пламя заклубилось и затрещало. Гэндальф не шелохнулся.

— Ты не пройдешь, — ровным голосом произнес он. Сразу упала мертвая тишина. — Я служу Тайному Пламени и владею Огнем Анора. Ты не пройдешь. Темное Пламя Удуна не поможет тебе. Возвращайся во мрак!

Барлог не отвечал. Взвихрившиеся до этого языки багрового огня у него за спиной притихли. Стало темнее. Он сделал шаг и внезапно вырос, заполнив собой, казалось, весь объем подгорного зала. Тьма в его крылах загустела и протянулась от стены до стены. Маленькая сияющая фигура Гэндальфа одиноко стояла на фоне клубящейся грозовой тучи.

Вдруг из дыма рванулся пылающий багровый меч. Навстречу ему белой молнией взлетел Гламдринг. Короткий звенящий

лязг, вспышка белого пламени — и меч Барлога разлетелся на куски, а сам он отпрянул. Маг покачнулся, но устоял.

— Ты не пройдешь, — повторил он.

Барлог снова метнулся на мост. Бич в его руке шипел и извивался.

— Он не выстоит один! — крикнул Арагорн и бросился на подмогу. — Элендил! — разнесся под сводами его клич. — Я с тобой, Гэндальф!

— Гондор! — зарычал Боромир и устремился за ним.

В этот миг Гэндальф поднял жезл и ударил о мост. Жезл переломился, слепящая полоса белого огня встала над бездной. Мост застонал и прямо под ногами Барлога обрушился вниз. Остаток моста, лишенный опоры, дрожа, повис в воздухе. Барлог испустил жуткий вопль, огромным напряжением пытаясь удержаться, и провалился вслед за обломками моста. Но, уже исчезая из глаз, он взмахнул бичом, и несколько хвостов захлестнули колени мага, дернув его к краю. Гэндальф упал, попытался ухватиться за обломки моста, но его руки соскользнули, и только крик долетел из бездны:

— Бегите!

Языки пламени умерли, темнота накрыла место страшного поединка. Отряд в ужасе замер, не в силах понять случившегося. Арагорн и Боромир едва успели отбежать назад, как остатки моста вздрогнули и с треском рухнули. Арагорн криком заставил остальных двигаться:

— Надо идти. Я поведу вас. Мы должны выполнить его последний наказ.

Оглядываясь, спотыкаясь во мраке, путники кое-как поднялись по широким ступеням. Впереди уверенно шагал Арагорн, последним шел Боромир. Лестница вывела к широкому гулкому проходу. Фродо слышал прерывистые рыдания Сэма и вдруг заметил, что и сам плачет на бегу. «Рок, рок, рок» — грохотало позади, но все тише, глуше, — «рок», «рок».

Впереди забрезжил свет. Побежали быстрее, влетели в зал, промчались через разрушенные двери и внезапно выскочили к Великим Восточным Воротам, ослепившим их солнечным сиянием дня.

Небольшой караул орков охранял обломки ворот, хоронясь в тени от света. Вожака, пытавшегося заступить им дорогу, Арагорн смахнул мечом, остальные порскнули в стороны. Отряд, не останавливаясь, запрыгал по огромным, искрошенным временем ступеням. Над головами раскинулся синий небесный свод, который они уже не чаяли увидеть, а лица овевал вольный ветер.

Остановились, только отбежав от ворот на расстояние полета стрелы. Наверное, был полдень. Сияло солнце, по небу плыли величественные белые облака.

Морийские Ворота зияли темным провалом в тени Мглистых Гор. Слабо и далеко слышались одиночные раскаты: «р-рок». И больше ничего. Долина вокруг лежала пустынная и безмятежная. И тут, наконец, скорбь охватила друзей и захлестнула с головой. Они долго плакали, кто стоя и молча, кто бросившись на землю и рыдая в голос. Последний раз глухо заворочался под землей гром: «р-рок» — и затих.

Глава 6
ЛОТЛОРИЕН

— Друзья, боюсь, нам больше нельзя здесь оставаться. — Слова Арагорна вернули отряд к действительности. Он оглянулся на Морийские Ворота и стиснул рукоять меча. — Прощай, Гэндальф, — проговорил он. — Разве я не предупреждал тебя: берегись! Я оказался прав, но мне не легче от этого. У нас все меньше надежды.

Арагорн повернулся к отряду.

— Да, нам не на что надеяться,— повторил он,— но мы должны идти. Может быть, мы сможем отомстить. Укрепитесь духом, не надо плакать. Впереди у нас долгий путь и тяжелая работа.

С того места, где они остановились, открывался вид на узкую горную долину, стесненную отрогами. Три вершины выделялись на фоне неба: Келебдил, Фануидол и Карадрас. По ущелью неслась река; белой пенной нитью она прошивала каскад водопадов, над некоторыми из них висела кисея мельчайших брызг.

— Будь судьба к нам помилостивее, — сказал Арагорн, — мы спустились бы с перевала по тропе вдоль реки.

— Это все Карадрас! — Гимли погрозил кулаком горной вершине. — Вон он стоит, ухмыляется.

На востоке горы неожиданно обрывались, за уступом смутно синели далекие земли. К югу, насколько хватало глаз, тянулась горная страна, а не далее как в миле на дне долины лежало озеро, похожее на наконечник копья, глубоко вонзившегося в горный склон. Затененное, кроме южного краешка, освещенного солнцем, оно выглядело везде одинаково темным. Ни одна морщинка не портила безмятежного лика воды. Берега, со всех сторон свежие и зеленые, казалось, не знали прикосновения ничьей ноги.

— Вот дремлет Зеркальное, наш легендарный Келед Зарам, — печально произнес Гимли. — Я помню, он сказал: «Да возрадуешься ты, увидев его! Но нам нельзя там задерживаться». Сколько дорог я пройду, прежде чем возрадуюсь снова? Оказывается, это я буду спешить, а он останется...

Дорога, ведущая от Морийских Ворот, была сильно разрушена, местами пропадала в зарослях вереска и камнеломки, но

в ней еще угадывался некогда широкий мощеный тракт, подобающий столице гномьего мира. Временами на обочинах попадались руины не то изваяний, не то строений, зеленые курганы с вершинами, поросшими березняком, или одинокие мощные ели. Повернув на восток, дорога вывела их к самому берегу Зеркального. Неподалеку из травы поднимался обломок колонны.

— Камень Дарина! — воскликнул Гимли. — Я не могу пройти мимо и не заглянуть в воды чудесного озера.

— Я прошу тебя, постарайся побыстрее. — Арагорн с беспокойством оглянулся на Морийские Ворота. — Солнце скоро сядет. До заката орки, надеюсь, не выйдут, но, прежде чем настанет ночь, лучше бы нам оказаться подальше. Луна на исходе. Ночь будет темной.

— Идем со мной, Фродо! — позвал Гимли, сбегая по зеленому склону. — Ты обязательно должен заглянуть в воды Келед Зарама!

Фродо пошел следом. Тихая синяя вода притягивала, несмотря на усталость. Сэм тоже увязался за ними.

Возле обломка колонны Гимли остановился. Камень изъели трещины. Руны, когда-то покрывавшие столб, стерлись, их уже нельзя было прочитать.

— Здесь Государь Дарин впервые заглянул в воды Зеркального, — пояснил гном. — Давай и мы поглядим на дорожку.

Они наклонились над темной водой. Сначала не видно было вообще ничего. Потом из густой синевы медленно проступили очертания гор и простор неба над вершинами. Затем, словно самоцветы, погруженные в глубину, показались звезды. Фродо удивленно взглянул вверх — там сияло солнце — и опять перевел взгляд на воду. Звезды! Зато отражений хоббита и гнома в воде не было.

— О прекрасный и дивный Келед Зарам! — благоговейно произнес Гимли. — В его водах корона Дарина ожидает пробуждения Государя.

Гном с трудом оторвался от воды, низко поклонился, промолвил: «Прощай» — и зашагал к дороге.

— Ну что ты там видел? — накинулся Пиппин на Сэма, но тот, глубоко задумавшись, даже не услышал вопроса.

Вскоре дорога, повернув на юг, привела их к большому роднику с чистой, словно хрустальной водой. Переливаясь через каменную кромку, вниз бежал веселый ручеек.

— Отсюда берет начало Серебрень, — сказал Гимли. — Но пить нельзя — вода холодна как лед.

— Скоро этот ручеек станет быстрой рекой, — улыбнулся Арагорн. — Теперь много миль нам с ним по пути. Дорогу выбирал Гэндальф, и лежит она через леса, вдоль русла Серебрени, до ее впадения в Великую Реку.

Леголас поглядел вслед ручью, терявшемуся в золотистой закатной дымке долины.

— Там — Лотлориен! — звенящим голосом произнес он. — Прекраснейшие владения эльфов в этом мире. Нигде нет таких деревьев, как там. Их листья не опадают осенью, а становятся золотыми, а когда весной нарождается молодая листва, в зелени распускаются золотые цветы и серебряные ровные, гладкие стволы несут сияющие кроны, словно драгоценные колонны, а земля под ногами покрывается золотом старых листьев. Так говорится в песнях, поющихся у нас в Сумеречье. Ах, как возрадовалось бы мое сердце, приди мы туда весной!

— Мое возрадуется и зимой, — заметил Арагорн, — да только мы еще не там. И впереди немало миль. Не будем медлить.

Некоторое время Фродо с Сэмом пытались не отставать, но Арагорн шагал таким размашистым шагом, что скоро хоббиты тащились далеко позади. С самого утра во рту у них не было ни маковой росинки, ссадина у Сэма на щеке горела огнем, а голова кружилась. После теплого подземного мрака свежий ветер казался холодным. У Фродо болели грудь и бок. Ему не хватало воздуха.

Леголас обернулся и сказал что-то Арагорну. Арагорн остановил отряд, позвал Боромира и подбежал к хоббитам.

— Извини меня, Фродо! — с искренним участием воскликнул он. — Столько всего случилось сегодня! Я совсем забыл про ваши раны. Но потерпи еще немного. Недалеко есть одно место, там можно передохнуть, там я помогу вам. Боромир, давай-ка понесем их.

Вскоре путь пересек еще один ручей, впадавший в Серебрень. Русло раздалось вширь, а после порога из зеленого камня по берегам появились неказистые низкорослые пихты и заросли черники. Дойдя до галечного плеса, устроили привал.

Пока Гимли, призвав на помощь Мерри и Пиппина, занимался костром и обедом, Арагорн врачевал раненых. Царапина на щеке Сэма была неглубокой, но выглядела скверно. Арагорна она поначалу встревожила, но после тщательного осмотра он хлопнул Сэма по плечу и улыбнулся.

— Повезло тебе, братец, — проговорил он. — Многим первый убитый орк обходился куда дороже. Яда на ятагане не было, а, между прочим, часто бывает. Сейчас я ее обработаю, заживет, и не заметишь. Вот Гимли воду согреет...

Он достал из сумки на поясе уже знакомые хоббитам много увядшие листья.

— У меня еще остались листья *ацелас*. Брось один в воду, потом промоешь, и завяжем. А пока посмотрим Фродо.

— Со мной все в порядке, — поспешно заявил Фродо. Ему не хотелось раздеваться. — Поесть бы только немного да отдохнуть чуток...

— Нет уж, — сказал Арагорн. — Надо же взглянуть, на что похож хоббит после молота и наковальни. Я все еще диву даюсь, что ты живой.

С этими словами Арагорн бережно стащил с Фродо куртку, потом рубашку, потом присвистнул в удивлении, а потом расхохотался.

У него перед глазами свет мерцал и переливался на мириадах колечек. Следопыт осторожно снял кольчугу, расправил, и она зазвенела у него в руках, а жемчужины засияли, как крупные звезды.

— Посмотрите-ка, друзья! — позвал Арагорн. — Вот прелестная хоббичья шкурка. В пору эльфийских князей обряжать. Не ровен час, прознают охотники, какие шкурки у хоббитов в Шире, мигом со всего Среднеземья набегут.

— Только толку от их стрел не будет, — в изумлении уставясь на кольчугу, вымолвил Гимли. — Да ведь это же мифрил. Мне не то что видеть — и слышать про такое не приходилось. Подожди-ка, уж не про эту ли кольчужку Гэндальф вспоминал? Тогда я скажу, недооценил он ее. Вот уж поистине королевский дар!

— То-то я удивлялся, о чем вы там с Бильбо все шушукаетесь! — воскликнул Мерри. — Милый наш Бильбо! Я его теперь еще больше люблю и надеюсь найти случай сообщить ему об этом!

Но как ни хороша была кольчуга, а на груди у Фродо, ближе к правому боку, красовался огромный иссиня-черный синяк. Даже левый бок, которым его ударило о стену, был слегка ободран.

Арагорн быстро обработал раны, и острый запах *ацелас* придал бодрости всем, вдохнувшим парок над котелком. Скоро Фродо уже свободно мог дышать полной грудью, хотя еще несколько дней старался не спать на правом боку.

— Кольчуга на редкость легкая, — сказал Арагорн. — Надевай-ка ее и постарайся не снимать даже ночью. Мне будет спокойнее. Если уж попадешь в совсем безопасные места — тогда другое дело. Но боюсь, это еще не скоро будет.

После завтрака приготовились выступать. Костер погасили и постарались уничтожить все следы стоянки. Впрочем, до заката отряд не успел уйти далеко. С гор сползли длинные тени, а с низин начал подниматься туман. Дальние равнины на востоке растаяли в сумеречной дымке.

Фродо с Сэмом вполне оправились и больше не отставали. С одной короткой остановкой Арагорн вел отряд до темноты.

Ночь пришла звездная, но безлунная. Теперь ущербная луна появлялась лишь под утро. Фродо и Гимли молча шагали в конце растянувшейся цепочки, чутко прислушиваясь к звукам позади. Наконец Гимли заговорил:

— Только ветер вокруг. Либо у меня уши деревянные, либо поблизости ни одного гоблина нет. Может, им просто хотелось выгнать нас из Мории, а Кольцо вовсе ни при чем? Вообще-то они мстительные.

Фродо не отвечал. Он изредка поглядывал на Шершень — клинок оставался темным. Но ему не давали покоя звуки (или призраки звуков?) позади. С наступлением ночи он снова стал слышать знакомое пришлепывание. Несколько раз он специально резко оглядывался и однажды заметил вдалеке две крошечные светящиеся точки... или ему показалось? Во всяком случае, они тут же пропали, словно метнулись в сторону.

— Ты чего озираешься? — спросил Гимли.

— Знаешь, мне кажется, я шаги слышу, — решил признаться Фродо, — а иногда вижу глаза чьи-то сзади. Еще в Мории это началось.

Гимли лег на землю и прижался ухом к дороге.

— Ничего не слышу, только травы и камни разговаривают, — сказал он, поднимаясь. — Давай-ка поторапливаться, смотри, отстали мы.

Порыв ночного ветра пронесся по долине. Впереди смутно начала вырисовываться серая стена, временами оттуда наплывал волнами шелест.

— Лотлориен! — воскликнул Леголас. — Мы на опушке Золотого Леса. Как жаль, что сейчас зима!

Вскоре высокие деревья закрыли небо. Речка, верная проводница, нырнула под их своды. В звездном свете серели вокруг стволы, а в листве изредка просверкивали красновато-золотистые блики.

— Лотлориен! — удовлетворенно вздохнул Арагорн. — Как я рад снова услышать шелест этих деревьев! От Ворот нас отделяют только пять лиг, но дальше сегодня не пойдем. Понадеемся на эльфийские чары, да сохранят они нас этой ночью от напастей.

— Если эльфы еще остались здесь, — пробормотал Гимли. — Что им делать в темнеющем мире?

— Никто из нас не бывал здесь уже очень давно, — ответил Леголас. — Когда-то, много веков назад, мы бродили в этих лесах. Но я знаю, Лориен не заброшен. Тайная сила хранит здешние края от зла. Просто эльфы Лориена не показываются, наверное, ушли в глубь лесов, подальше от северного края.

— Да, они живут там, дальше, — махнул рукой Арагорн и вздохнул, словно припомнив что-то. — Сегодня ночью на их помощь рассчитывать не приходится. Давайте пройдем немного в лес, а там поищем место для ночлега.

Он шагнул вперед, но Боромир не тронулся с места.

— А другого пути нет? — напряженно спросил гондорец.

— Зачем же нам искать другие пути, когда перед нами светлейший из всех возможных? — удивился Арагорн.

— Я предпочел бы обычную дорогу, веди она хоть через все орочьи засады, — проговорил Боромир. — А мы все время выбираем какие-то чудные пути, и они то и дело приводят нас к злосчастьям и бедам. Я не хотел идти в Морию, и вот какой потерей обернулся наш выбор. А теперь ты хочешь вести нас в Золотой Лес. Мы в Гондоре слыхали об этих опасных местах. Говорят, из тех, кто вошел под сень Золотых Лесов, мало кто вышел обратно, а уж невредимым и вовсе никто.

— Лучше сказать «неизменным», так будет вернее, — поправил Арагорн. — Видно, Гондор теряет знания, если в Городе некогда мудрых Правителей стали бояться Лотлориена. Впрочем, можешь держаться своих слухов, другой дороги все равно нет. Можно, конечно, вернуться к Морийским Воротам и лезть через горы, но там нет перевалов.

— Ладно, веди, — с неохотой согласился Боромир. — Но я говорю: это опасно.

— Опасно, — согласился Арагорн, — очень опасно для любого Зла, какое есть в мире, или для того, кто несет Зло в себе. А для прочих — чудесно! Идите за мной!

Примерно через милю путникам повстречался еще один ручей, сбегавший с холмов на западе. Веселый голос плещущей воды слышен был издали, а потом меж корней деревьев замелькали темные, быстро бегущие водовороты.

— Это Нимродель, — с нежностью произнес Леголас. — У Сумеречных Эльфов о ней поют песни, там говорится о радуге на перекатах и золотых листьях, мелькающих в белой пене. Сейчас, когда в мире темнеет, мост через Нимродель разрушен. Я хочу омыть ноги в здешней воде, она снимает усталость.

Эльф шагнул в ручей.

— Идите ко мне! — позвал он. — Здесь неглубоко. Можно вброд перейти. На том берегу отдохнем. Может быть, голос этой нежной реки исцелит нас на время от нашей скорби.

Один за другим его спутники ступили в воду. Фродо постоял немножко у берега, прислушиваясь к ощущениям. Вода, темная в ночи, ласковой прохладой обняла его ноги, приникла к нему, чистая, звенящая, и уже через несколько шагов усталость от долгого пути растворилась в ней и уплыла куда-то вниз по течению.

На другом берегу, пока они ели и отдыхали, Леголас рассказывал о Лотлориене, о том краю, каким он остался в памяти Сумеречных Эльфов, об озаренных чистым солнечным и звездным светом лугах у Великой Реки, о ярком и юном мире, не знающем мрака. А когда голос эльфа замолкал, становился слышен похожий голос реки, звенящей на перекатах. Фродо даже начало казаться, что в звуках бегущей воды можно разобрать отдельные слова.

— Слышите, как говорит Нимродель? — спросил Леголас. — Хотите, я спою вам песню о девушке, жившей здесь давным-давно и оставившей реке свое имя? Песня эта очень красива на нашем лесном наречии, но для вас я спою ее на Вестроне, как поют иногда в Доме Элронда.

Тихим голосом, почти сливающимся с шелестом листьев и плеском воды, он начал:

То песнь о Деве, что жила
В далекие года,
Чиста, как полдень, и светла,
Как ранняя звезда.

Она несла эльфийский свет —
Так, солнцем залитой,
Волшебный Лориен одет
Зарею золотой;

Так бьется чистым серебром
Прозрачный звонкий ключ;
Так ветер в странствии своем
Свободен и летуч.

И озарял лучистый взгляд
Чертоги древних гор,
И песен светлый звездопад
Звенел о гладь озер...

Где нынче дивный этот свет,
Где лучезарный взор?
Утерян Нимродели след
Среди полночных гор.

Там, где клокочет пенный вал,
Без счета долгих дней
Ее корабль эльфийский ждал
И не гасил огней.

Но на серебряный причал
Из северных земель
Ворвался вихрь, и он умчал
Корабль от Нимродель.

Туда, где глух и мрачен путь,
Где ветер волны рвет,
Где взор слепят и режут грудь
Осколки черных вод.

И Амрот в сумрачном краю,
Где ночи торжество,
Послал проклятье кораблю,
Предавшему его.

Он был навеки разлучен
С любимою своей...
Где с той поры скитался он?
Среди каких теней?

Где нынче он? В каких мирах
Смешались сон и явь?
Вот он взлетает на волнах;
Вот он стремится вплавь;

Он в ветре чайкою парит,
Он пеною одет;
Он гордым лебедем царит
Над бездной вод... Но нет —

То лишь виденье. День за днем,
И, верно, навсегда,
Хранит молчание о нем
Пустынная вода.

Неожиданно Леголас замолчал.

— Я забыл дальше, — смущенно признался он. — Это долгая песня, печальная, ибо рассказывает о скорби, пришедшей в Цветущий Лориен, когда гномы пробудили горное Зло.

— Не они же его создали, — не удержался Гимли.

— Я и не говорю так, но Зло пришло, — печально сказал Леголас. — И многие эльфы из народа Нимродели ушли на Запад, и только она, заплутав в Белых Горах, не нашла дороги к кораблю, где ждал ее возлюбленный Амрот. По весне, в шуме молодой листвы, здесь, у реки с ее именем, все еще слышится голос Нимродели, и тогда с юга ветер приносит голос Амрота. Нимродель впадает в Серебрень, эльфы говорят — Келебрант, а Келебрант сливается с Андуином Великим, впадающим в залив Белфалас, откуда отплывали лориенские эльфы. Корабль так и не дождался ни Амрота, ни Нимродели.

Говорят, она жила здесь, возле порогов, в ветвях огромного дерева — это в обычае у лориенских эльфов. Их даже называют Галадримы, Древесный Народ. Дальше в лесу мы, наверное, встретим огромные деревья-дома. Древесный Народ не зарывался в землю, как Гномы, и не строил каменных укреплений, пока не пришла Тень.

— Я их понимаю, — неожиданно произнес Гимли. — Сейчас-то точно спокойней жить на дереве, чем сидеть на земле. — Он выразительно взглянул за реку, на дорогу, ведущую к Росному Долу, а потом поглядел на сплетение ветвей над головой.

— Ты подал дельный совет, друг Гимли, — поддержал его Арагорн. — Дом мы строить не будем, но сегодняшнюю ночь проведем, если получится, как Галадримы. Пойдемте, не стоит здесь засиживаться.

Отряд свернул с тропы и углубился в сумрак леса. Неподалеку от порогов уже начали встречаться деревья в несколько обхватов, кроны их терялись где-то высоко в ночной тьме.

— Я поднимусь наверх, — предложил Леголас. — В лесу я дома, хотя таких деревьев у нас нет. Я их знаю по песням. Это

меллорны, цветущие золотыми цветами. Наконец-то я посмотрю на них вблизи.

— Деревья, наверное, хорошие, — с сомнением проговорил Пиппин, — может, птицам удобно на них спать, но я-то не зяблик, я не могу спать на жердочке!

— Тогда вырой норку, — предложил Леголас. — Но если ты хочешь укрыться от орков, мой тебе совет: копай поглубже.

Эльф без разбега подпрыгнул, ухватился за высокую ветку и сильно качнулся, собираясь перебраться на следующую.

— *Даро*! — прозвучал сверху неожиданный приказ.

Растерявшийся Леголас выпустил ветку из рук и, с трудом удержавшись на ногах, приземлился рядом с товарищами.

— Стойте тихо! — шепнул он остальным. — Не говорите, не двигайтесь.

Вверху кто-то мелодично рассмеялся, и уже другой голос заговорил по-эльфийски. Фродо, к своему удивлению, мало понял из сказанного и пришел к выводу, что язык лориенских эльфов не похож на другие эльфийские[1]. Однако Леголас без труда ответил на том же языке.

— Кто это и что они говорят? — прошептал Мерри.

— Да эльфы это, неужто не слышно? — удивился Сэм.

— Да, это эльфы, — Леголас с улыбкой посмотрел на Сэма, — и они говорят: ты так пыхтишь, что в тебя с закрытыми глазами попасть можно.

Сэм в испуге прикрыл рот рукой.

— А еще они говорят, — продолжал Леголас, — что ты можешь не бояться. Они давно за нами наблюдают и слышали, как я пел о Нимродели. По голосу они поняли, кто я, и просят подняться наверх, кстати, и тебя, Фродо, тоже. Мне кажется, они предупреждены о нашем приходе. Остальных просят пока подождать немного.

Из сумрака ветвей над головами путников выпала веревочная лестница, слабо мерцавшая в темноте. Леголас легко взбежал по перекладинам, а Фродо медленно и осторожно начал карабкаться. Позади пыхтел потихоньку неотвязный Сэм.

Ветви меллорна сначала росли под прямым углом к стволу, а потом загибались вверх. Довольно высоко над землей ствол расходился на несколько мощных ветвей; там крепилась легкая деревянная платформа. Эльфы называют такие *талан*, но Фродо знал другое слово — *флет*, и не удивился. На флет попадали через круглый люк в центре.

Когда, довольно нескоро, Фродо наконец выбрался на флет, он застал Леголаса беседующим с тремя другими эльфами. Их с трудом можно было различить на фоне ветвей, настолько удачно была подобрана темно-зеленая одежда. Один из них

[1] См. примечание в Приложении VI «Эльфы».

достал из-под полы плаща небольшой фонарь и, направив узкий луч света на хоббитов, тут же убрал его снова, после чего обратился к Фродо со словами приветствия. Фродо, запинаясь, ответил.

— Добро пожаловать,— повторил эльф на Всеобщем языке с сильным акцентом. — Извините нас, мы редко пользуемся другими языками и еще реже говорим с пришельцами. Даже наши северные родичи отдалились от нас. Но разведчики помнят другие языки. Я и есть разведчик. Зовут меня Хэлдир. А это — мои братья, Румил и Орофин. Они плохо говорят по-вашему.

О вашем приходе нас предупредил Элронд. О хоббитах (эльф с трудом выговорил незнакомое слово), мы не слыхали много лет, даже не знали, что они еще есть в Среднеземье. На злодеев вы не похожи, а раз с вами пришел наш родич, мы вам рады. Чужестранцам нет дороги в нашу страну, но ручательство Элронда весомо, и для вас мы сделаем исключение. Сколько вас?

— Восемь,— ответил Леголас.— Я сам, четверо хоббитов, два человека, один из них — Друг Эльфов Арагорн.

— Арагорна, сына Арахорна, хорошо знают в Лориене,— улыбнулся Хэлдир.— Владычица благосклонна к нему. Но ты назвал пока только семерых.

— Восьмой — гном,— коротко сказал Леголас.

— Гном! — повторил Хэлдир. — Это плохо. Гномы после Темных Дней нам не друзья. Он не может войти в Лориен.

— Но это Гимли от Одинокой Горы, из народа Даина, дружественного Дольну,— заступился Фродо.— Элронд сам выбрал его.

Некоторое время эльфы тихо переговаривались между собой, изредка задавая вопросы Леголасу.

— Хорошо,— наконец произнес Хэлдир.— Это против правил, но, если Арагорн и Леголас поручатся за гнома, он пойдет с вами. Только через Лориен ему придется идти с завязанными глазами. Скажите остальным, чтобы поднимались. Эту ночь вам лучше провести на дереве. Река охраняется с тех пор, как много дней назад к Мории прошла большая ватага орков. Тогда же на краю Леса появились волки. Если вы и в самом деле пришли из Мории, значит, опасность близко. Завтра на рассвете мы уйдем в леса.

Хоббиты будут ночевать с нами. Остальные пусть спят на соседнем дереве, там есть такой же талан. Под твою ответственность, Леголас. Если что случится, сразу зови нас. И приглядывай за этим гномом.

Леголас отправился сообщить товарищам о словах Хэлдира, и вскоре Мерри с Пиппином вскарабкались на флет. Выглядели они запыхавшимися и испуганными.

— Вот, — Мерри с трудом перевел дух, — мы приволокли ваши одеяла. Остальное Колоброд спрятал внизу.

— Незачем было тащить наверх такую тяжесть, — заметил Хэлдир. — Зимой на талане, конечно, прохладно, но у нас найдутся для вас и еда, и питье, и теплые плащи.

Хоббиты без возражений поужинали еще раз. Потом закутались в меховые эльфийские плащи, а сверху завернулись в собственные одеяла и попытались уснуть. Однако, несмотря на усталость, сделать это с первой попытки удалось лишь Сэму. Хоббиты не любят высоты, в их жилищах, как правило, нет вторых этажей, а если и есть, там никогда не размещают спальни. Спать на флете оказалось очень неуютно. Там не было даже перил. Только плетеная циновка, защищавшая от ветра, которую переносили по мере надобности.

Пиппин все ворочался.

— Если я и засну на этой голубятне, — ворчал он, — как бы под деревом не проснуться.

— А я, — засыпая, буркнул Сэм, — даже и там не проснусь. Если мне, конечно, дадут уснуть некоторые разговорчивые.

Фродо долго лежал без сна, глядел на звезды, пробивающиеся кое-где сквозь листву, и сомкнул глаза нескоро. Сэм давно уже посапывал рядом с ним. Сквозь неплотно прикрытые веки Фродо различал неподвижных эльфов, изредка переговаривавшихся еле слышным шепотом. Их осталось двое. Третий спустился на нижние ветви. Наконец, убаюканный нежным шелестом листвы и тихим звоном Нимродели, хоббит уснул и во сне слышал песню Леголаса.

Проснулся Фродо глубокой ночью. Другие хоббиты спали. Эльфов не было. Сквозь листья тускло просвечивал серпик старой луны. В безветрии снизу до него донесся грубый смех и слитный топот. Несколько раз лязгнул металл. Звуки удалялись в глубь леса.

Неожиданно над люком флета появилась голова эльфа в капюшоне. Обеспокоенный Фродо сел.

— Что там? — спросил он.

— *Ирч*! — свистящим шепотом произнес эльф единственное слово, быстро втягивая на флет веревочную лестницу.

— Орки? — скорее догадался, чем понял Фродо. — Что они делают?

Но эльф, не ответив, исчез в ветвях.

Внизу было уже тихо. Даже пороги, казалось, звучали приглушенно. «Хороши бы мы были на земле, — подумал Фродо. — Но ведь у орков чутье хорошее, да и лазить они умеют». Он осторожно достал из ножен Шершень. Клинок горел синеватым огнем, на глазах остывая, и вскоре погас совсем. Однако ощущение близкой опасности почему-то не спешило уходить, скорее, наоборот, Фродо ощущал нарастающее беспокойство.

Он привстал, на четвереньках подобрался к отверстию и стал всматриваться вниз. У подножия дерева, далеко внизу, что-то происходило.

«Это не эльфы, — думал Фродо, — их не услышишь. А тут вроде как принюхивается кто». Теперь уже Фродо был уверен, что кто-то поднимается по стволу вверх. Незнакомец дышал тяжело, явно стараясь не шуметь. Фродо, свесившись вниз, вдруг увидел два бледных горящих глаза, устремленных на него. В этот же миг неясный серый силуэт метнулся вокруг ствола и исчез.

Через мгновение появился Хэлдир. Он просто пришел по ветвям.

— На дереве кто-то есть, — сообщил он. — Это не орк, он удрал слишком ловко, орки так не могут. Хоббиты, наверное, тоже? — полувопросительно добавил он. — Стрелять нельзя. Эта банда пока недалеко, не стоит поднимать шум. Орков много прошло. Они перешли Нимродель, чтоб у них лапы их грязные отсохли! Под деревом принюхивались. Нам втроем с сотней не справиться, вот мы и пошли перед ними, заманивая подальше. Орофин предупредит наш народ. Из Лориена до сих пор ни один орк не выходил. Завтра же северную границу закроют, а нам с рассветом идти на юг.

На рассвете хоббиты проснулись с ощущением ясного летнего утра. Голубое небо виднелось в просветах ветвей. На юге перед Фродо лежала долина Серебрени, вся в красноватом золоте мерно колышущихся лесов.

Рано утром отряд снова был в пути. Теперь вели Хэлдир и его брат Румил.

— Прощай, милая Нимродель! — певуче воскликнул Леголас.

Фродо оглянулся, и среди серых стволов ему блеснуло пятнышко белой пены.

— Прощай, — пробормотал и он, думая о том, что вряд ли есть на свете еще хоть одна река с таким чарующим голосом.

Тропа по-прежнему вела их вдоль берега Серебрени. На земле попадались отпечатки орочьих сапог. Но скоро Хэлдир срезал какой-то знакомый ему угол и остановился на берегу.

— Здесь нас ждут, — сказал он и позвал мелодичным птичьим посвистом.

На той стороне из зарослей вышел эльф в сером плаще, с сияющими на солнце золотыми кудрями. Хэлдир ловко перебросил ему конец веревки, моток которой носил на поясе. Заречный эльф поймал и закрепил конец.

— В этом месте, как видите, Келебрант уже серьезная река, — промолвил Хэлдир. — Здесь глубоко, течение быстрое, а вода холодная. Теперь мостов нет. Мы переходим вот так. — Эльф захлестнул свой конец веревки вокруг мощного ствола и

легко, словно в танце, перебежал на другую сторону. — Идите за мной! — позвал он.

— Я-то пройду, — ответил ему Леголас, — но остальным это вряд ли удастся. Им что, плыть?

— Нет! — рассмеялся Хэлдир. — Сейчас мы протянем еще две веревки, повыше и пониже, тогда чужеземцы смогут пройти.

Когда простой мост был готов, отряд принялся переправляться. Из хоббитов отличился Пиппин, быстро перешедший реку, придерживаясь одной рукой за перила. Он ни разу не взглянул под ноги. Сэма пришлось ждать долго. Он едва полз, подолгу не мог отпустить веревку, чтобы перехватиться руками, и, как завороженный, неотрывно смотрел на воду внизу.

Когда он оказался на другом берегу, все облегченно вздохнули.

— Век живи, век учись, — нетвердым голосом просипел Сэм, — как любил говаривать мой старик. Оно конечно, он при этом про садоводство думал, а не про то, чтобы, значит, на насесте спать или там по-паучьи ползать. Даже мой дядюшка Энди таких штуковин не выкидывал.

Наконец весь отряд оказался на восточном берегу. Эльфы смотали две веревки, а Румил, возвращавшийся на талан, вытащил третью, быстро свернул в бухту, повесил на плечо и, махнув рукой, скрылся в лесу.

— Теперь мы на внутренних землях Лориена, — сказал Хэлдир. — Чужеземцы здесь не бывают. Для вас сделано исключение, но гному я по уговору должен завязать глаза. Остальные пока могут идти так.

Гимли фыркнул:

— Я об этом не уговаривался. Я не пленник и не шпион. Мой народ никто не заподозрит в связях с Врагом. И с эльфами мы не враждовали. Если ты боишься раскрывать мне ваши тайны, так я не опаснее остальных.

— Я не подозреваю тебя ни в чем, — терпеливо сказал Хэлдир, — но таковы законы нашего края. Не я их создаю, не мне их и менять. Я и так сделал слишком много, позволив тебе ступить на землю за Келебрантом.

Но Гимли уперся:

— Я пойду свободно или уйду домой и сдержу слово, даже если сгину в глуши.

— Ты не можешь уйти, — вздохнул Хэлдир. — С того места, где ты стоишь, у тебя лишь один путь — предстать перед нашими владыками. Только они теперь вольны позволить тебе уйти или остаться. За рекой наши сторожевые посты. Ты даже не успеешь понять, почему умер.

Гимли потащил топор из-за пояса. Эльфы неторопливо, но все равно очень быстро натянули луки.

— Чтоб им пусто было, этим твердолобым гномам! — в сердцах воскликнул Леголас.

— Эй! — вмешался Арагорн. — По-моему, отряд веду я. Гному, конечно, нелегко снести такое отношение к себе. Я предлагаю завязать глаза всем, и Леголасу в том числе. Так будет справедливо, хотя и сделает наш путь скучноватым, да и времени он займет больше.

Гимли неожиданно расхохотался.

— Представляю, какими дураками мы будем выглядеть! — гоготал он. — А Хэлдир, значит, у нас поводырем будет? Ладно, не надо всем. Я согласен, если один Леголас разделит со мной компанию.

— Я эльф, я свой здесь! — с гордостью произнес разгневанный Леголас.

— Чтоб им всем пусто было, этим твердолобым эльфам! — тихонько произнес Арагорн. — Давай, Хэлдир, завязывай нам глаза.

— За каждый ущерб, будь то синяк или шишка, я потребую возмещения, — проговорил Гимли, покорно ожидая, пока эльфы завязывали ему глаза платком.

— Не придется, — усмехнулся Хэлдир. — Я аккуратно поведу вас, а тропы у нас мягкие, ровные, не споткнешься.

— До чего довели злосчастные времена! — восклицал Леголас. — Мы все здесь враги одного Врага, и вот меня ведут, словно слепца, когда вокруг солнце играет в золотых листьях.

— Враг уже добился немалого, — отвечал Хэлдир, — бросив тень отчуждения, разделившего его врагов. За пределами Лориена все реже встретишь честь и благородство; доверчивость может обернуться большой бедой, мы не имеем права рисковать. Наш край — словно остров посреди моря опасностей, и сегодня нашим рукам куда чаще приходится иметь дело с луком, чем с лютней. Раньше рубежи наши обороняли реки, сегодня на них слабая надежда. Тень вокруг. У нас поговаривают об уходе, а я думаю — не поздно ли? В Горах на западе день ото дня вырастает Зло, земли к востоку лежат в разоре и запустении, там полно Сауроновых тварей. Даже земли Рохана небезопасны, как говорят. За устьем Великой Реки следит Враг. Даже придя на побережье, мы не найдем там надежного убежища. Я слышал о Гаванях Высоких Эльфов где-то далеко на северо-западе, за страной полурослико в, но где это — о том знают разве что наши владыки.

— Так это ж недалеко от нас, считай сразу за Широм, — перебил Мерри.

— Счастлив твой народ, живущий возле побережья, — вздохнул Хэлдир. — Но из нас никто не бывал там очень давно. Мы поем песни о Море, но какое оно?.. Расскажи мне о Гаванях, пока мы идем! — внезапно загорелся эльф.

— Да я ведь не видал их никогда, — расстроился Мерри. — Я тоже в первый раз покинул Шир, а если бы знал, на что похож этот широкий мир, и вовсе сидел бы дома.

— Но зато ты увидишь прекрасный Лориен! — воскликнул Хэлдир. — Да, конечно, мир полон опасностей, в нем немало мрака, но много и прекрасного. Наверное, сейчас уже не найти земель, где к любви не примешивается скорбь, но сама любовь, на мой взгляд, стала выше.

У нас поют, что Тень уйдет и мир вернется к нам, но я не верю. Среднеземье не может вечно оставаться неизменным, даже свет солнца уже не тот, каков он был встарь. Может быть, для эльфов наступит передышка и они смогут беспрепятственно уйти к Морю, чтобы покинуть Среднеземье навсегда. Но тогда не станет Лориена, который я знаю и люблю. Мир обеднеет, если однажды из него уйдет последний меллорн. А есть ли они за Морем, я не знаю.

Так в разговорах отряд неторопливо пробирался по лесным тропам. Впереди — эльф, и позади — эльф. Путники ступали по ровной мягкой земле и вскоре освоились со своей временной слепотой. У Фродо, лишенного зрения, опять обострились слух и другие чувства. Он ощущал запахи деревьев и потревоженных трав, слышал множество оттенков в шелесте листвы, в сонном бормотании реки справа, в чистых голосах птиц. Солнце касалось его лица ласковой рукой, значит, они проходили поляной.

Ступив на восточный берег Серебрени, он словно прошел по мосту времени в заповедный уголок Древнейших Дней и теперь шел по стране, которой давно уже нет. В Дольне жила память о древнем, в Лориене обитала сама Древность. Да, здесь знали Зло, ведали скорбь, здешние эльфы опасались внешнего мира и не доверяли ему, и волки выли на его границах, но на самой земле Лориена не было ни единого пятнышка Тьмы.

Весь день прошел в дороге. Наступил вечер. Прохладный ветер громче зашелестел листвой. Путники уснули прямо на траве, а утром снова неспешно отправились дальше. Остановились в полдень. Фродо ощутил вокруг обширное свободное пространство, которое вдруг наполнилось звоном множества голосов. Это большой отряд эльфов торопился к северным рубежам. Предводитель отряда коротко обменялся с Хэлдиром новостями, а эльф пересказал их своим подопечным. Морийских орков уничтожили почти всех. Удрать удалось немногим, но за ними ушла погоня. У реки видели странную тварь, двуногую, но очень похожую на зверя. Словить ее не удалось, а без нужды эльфы не стреляют. Тварь удрала на юг.

— А еще, — значительно произнес Хэлдир, — мне передали слова Владыки и Владычицы Галадримов. Вы можете идти свободно, даже гном. Владычица знает вас. Может быть, приходили новые гонцы из Дольна.

Хэлдир в первую очередь освободил от повязки Гимли.

— Прости нас, почтенный гном, — низко поклонился он. — Не таи обиды. Смотри и радуйся, ибо со Дней Дарина ты первый из гномов узришь деревья Лориена!

Когда повязка спала с глаз Фродо и он огляделся, у него захолонуло в груди. Они действительно стояли на открытом месте. Слева высился огромный зеленый курган. На вершине двойным венцом росли два круга невиданных деревьев. Составлявшие внешний круг блистали белоснежной корой. Их обнаженные ветви поражали стройностью и благородством линий; внутри стояли меллорны, но такие громадные, что трудно было поверить глазам. Бледное золото крон мерцало и переливалось под ветром. В центре стоял одинокий исполин, вознося на немыслимую высоту большой белый флет. Трава на склонах кургана пестрела звездчатыми золотистыми цветами. Попадались и другие цветы, белые и бледно-зеленые; покачиваясь на тонких стеблях, они словно туманным облачком приглушали яркую зелень трав. Во всю ширь распахнулось синее небо, а послеполуденное солнце украсило курган длинными зелеными тенями.

— Глядите! Перед вами — Керин Амрот, — торжественно произнес Хэлдир, — сердце древнего королевства. На кургане стоял некогда дом Амрота. Теперь здесь вечно цветут золотой *элапор* и белый *нифредил*. Мы не станем торопиться и вступим в город на закате.

Со счастливыми вздохами все повалились в густую душистую траву, а Фродо так и остался стоять, пораженный здешней красотой в самое сердце. Он словно шагнул через окно в несуществующий мир, в котором свет и краски оказались неузнаваемо яркими, формы — четкими и гармоничными, словно их сначала задумал, а потом осуществил и закрепил навсегда гениальный ваятель. Золотой и белый, синий и зеленый — других цветов не замечали глаза хоббита, но зато какой первозданной свежестью дарили они зрение. Зимой никто не стал бы здесь толковать о весне или лете. Все, все вокруг казалось совершенным и безупречным. Да оно и было таковым.

Фродо повернулся. Рядом стоял Сэм и тер глаза.

— Так ведь солнце же, — растерянно произнес он, — а я-то думал, раз эльфы, значит, луна и звезды! Но здесь больше эльфийского, чем где-нибудь. У меня внутри песни щекотятся, если, конечно, понятно, про что я.

Хэлдир с улыбкой посмотрел на них:

— Ну вот, вы ощутили могущество Владычицы Галадримов. Не хотите ли подняться со мной на Керин Амрот?

И хоббиты, осторожно ступая, пошли за легко шагавшим эльфом. Все вокруг жило, дышало, двигалось, а Фродо никак не мог отрешиться от мысли об остановленном времени, и еще

одна странная убежденность мелькнула в его сознании: скоро он, Фродо, бедный странник из маленького Шира, снова уйдет в большой мир, но он же, Фродо из Шира, останется бродить среди цветов эланора в прекрасном Лориене.

Круг белых деревьев сомкнулся за ними. Ветер вздохнул в вышине. Фродо замер. Из непредставимого далека он услышал напев нездешних морей, где волны бьются о берега, которых нет давно, а над волнами кричат птицы, чьих имен не помнит ни один из живущих.

Хэлдир подвел их к стволу-гиганту. Фродо бестрепетно приготовился подняться на флет, положил руку на ствол, и вдруг его пронзило ощущение живой древесной плоти. Через ладонь он чувствовал буйную радость дерева и знал, что оно ощущает прикосновение его маленькой руки.

Когда, пройдя множество ступеней, он шагнул на поверхность флета, Хэлдир взял его за руку и повернул лицом на юг.

— Посмотри!

Фродо взглянул и увидел в отдалении еще один холм со многими... деревьями? зелеными башнями? — он не знал, зато ощутил исходящие оттуда силу и свет, под чьей защитой и опекой лежал весь этот край. Его потянуло туда, и он впервые позавидовал птичьей доле. Тогда он взглянул на восток — и перед ним предстали земли Лориена до самого лучистого блеска Великого Андуина. Он послал взгляд дальше и... выпал в обычный мир, знакомый, пустой, плоский, какой-то бесформенный, а еще дальше вставала темная и страшная стена. Солнце, осиявшее Лотлориен, словно утрачивало там силу, и ни единый луч не озарял мрака на далеком горизонте.

— Там Дол Гулдур,— коротко сказал Хэлдир.— Там только черные ели, там деревья насмерть борются друг с другом, а на земле гниют и сохнут их ветви. Там скрывался Враг, но теперь там другие хозяева, и сила мрачной крепости растет. В последнее время на ней часто лежит черное облако. Сейчас ты можешь видеть разом две противоборствующие силы. До сих пор в борьбе скрещивались мысли, и свет постиг самое сердце тьмы, не раскрыв ни одной из собственных тайн. Пока не раскрыв.

Эльф повернулся и заспешил вниз.

У подножия холма Фродо нашел Арагорна, неподвижного, как изваяние. В руках у него золотился цветок эланора, а в глазах сиял свет. Видно, какое-то давнее воспоминание, связанное с курганом, заставило его забыть обо всем. Не было на лице Арагорна следов суровых лет, перед Фродо стоял прекрасный стройный витязь и что-то тихо говорил по-эльфийски, обращаясь к той, которую Фродо видеть не мог:

— *Арвен ванимельда, намариэ!*

Арагорн не сразу заметил Фродо, а увидев, улыбнулся.

— Здесь сердце эльфийского народа, живущего в этом мире, — проговорил он. — И здесь останется мое сердце, если только за темными дорогами нам с тобой не удастся увидеть свет. Идем!

Арагорн повернулся и ушел от холма Керин Амрот, чтобы в этой жизни никогда больше не вернуться сюда.

Глава 7
ЗЕРКАЛО ГАЛАДРИЭЛЬ

Солнце садилось за горами; меж древесными стволами легли сумеречные тени. В эту пору Хэлдир и повел отряд дальше. Стемнело. Эльфы достали серебряные фонари. Но на этот раз путь не был долог. Тропа привела под открытое небо с несколькими ранними звездами. Впереди лежала широкая луговина, обрывающаяся глубоким рвом с ярко зеленевшими краями, а за ним вставала стена, ограждавшая холм, поросший царственными меллорнами. Таких величественных деревьев путники еще не видели в Лориене. Кроны их терялись где-то в вышине, сливаясь с потемневшим небом, создавая впечатление огромных живых башен, повсюду расцвеченных огнями.

Хэлдир повернулся к отряду:

— Добро пожаловать в Карас Галадон! Перед вами город Галадримов, здесь троны Владыки Келеберна и Владычицы Лориена Галадриэль. С северной стороны в город не войти. Ворота смотрят на юг. Путь еще неблизкий.

За рвом вышли на дорогу, мощенную белым камнем. Город зеленым облаком высился слева, и, по мере того как ночь вступала в права, все больше огоньков вспыхивало в вышине, переплетаясь со звездным небесным узором. Белый мост подводил к городским воротам, высоким и крепким, ярко освещенным и прикрытым спиралью городских стен.

Хэлдир положил руку на створы и произнес несколько слов. Ворота бесшумно распахнулись, но, к удивлению Фродо, никакой стражи за ними не оказалось. Войдя, путники попали в узкий коридор, образованный заходящими одна за другую стенами, и, только пройдя по нему около фарлонга, вступили в Древесный Город. Пока они никого не встречали, даже не видели никого, но со всех сторон раздавались голоса, а впереди с холма стекали вниз звуки музыки и песен, словно мягкий дождь, звенящий в молодой листве.

Дорожки, лестницы, переходы и снова лестницы вывели на поляну, посреди которой стоял облицованный камнем большой фонтан, из него брал начало белый в свете множества светильников ручей. За фонтаном вздымался огромный гладкий ствол меллорна, кора его мерцала, словно серый шелк, а первые вет-

ви отходили от ствола высоко вверху, окутанные облаком листвы. Легкая лестница вилась вокруг дерева. У ее подножия сидели три эльфа; при появлении чужих они встали, и под плащами сверкнули кольчуги.

— Это меллорн Владык, — сказал Хэлдир. — Они ждут вас, вы можете подняться.

Один из стражей поднес к губам маленький серебряный рожок и сыграл чистый короткий сигнал. Сверху ему ответили.

— Я пойду первым, — предупредил Хэлдир, — и прошу следовать за мной Фродо и Леголаса. Остальные — потом. Нам предстоит долгий подъем, но по пути можно будет отдохнуть.

Они неторопливо поднимались, минуя множество флетов, но лестница вела все выше, пока не исчезла в люке большого талана, размерами не уступавшего Каминному Залу Дольна. Фродо вошел вслед за Хэлдиром и действительно оказался в зале с одной центральной колонной, образованной все тем же стволом меллорна, все еще достаточно широким в обхвате. То ли настоящие, то ли лиственные, зеленые с серебром стены покрывал золотой потолок; в центре залы под пологом большой живой ветви в двух креслах чуть впереди ствола сидели Владыка Келеберн и Владычица Галадриэль. При появлении гостей хозяева встали по эльфийскому обычаю, и вслед за ними встали эльфы, находившиеся в зале. Высокие, все в белом, величественные и прекрасные предстали глазам пришедших легендарные правители Лотлориена. Волосы Владычицы Галадриэль отливали старым золотом, ярким серебром сияли длинные локоны Владыки Келеберна. Ничто не говорило об их возрасте, лишь в глубине глаз, пристальных, по-эльфийски лучистых, били родники мудрости и древней памяти.

Хэлдир подвел Фродо к креслам, и Владыка Келеберн приветствовал хоббита на родном языке. Ни слова не промолвила Владычица Галадриэль, но долгим взглядом задержалась на лице Фродо.

— Садись рядом, Фродо из Шира, — пригласил Владыка Келеберн. — Подождем остальных, а потом поговорим.

Каждого члена отряда, поднимавшегося на талан, он приветствовал учтиво на их языках, называя по именам.

— Добро пожаловать, Арагорн, сын Арахорна! — звучно разносился по залу голос Владыки. — Тридцать лет и еще восемь прошло в твоем мире с тех пор, как мы попрощались. Вижу, годы эти были нелегкими. Но теперь, плохой или добрый, конец близок. Расправь усталые плечи, забудь о бремени забот!

— Добро пожаловать, Леголас, сын Трандуила. Не забыли ли Северные Эльфы путь в наши края?

— Добро пожаловать и тебе, Гимли, сын Глоина! Давно, со времен Государя Дарина, не переступала порог Карас Галадона

нога гнома. Для тебя мы отступили от правил. Темно нынче в мире, но, может быть, твой приход послужит знаком возвращения лучших дней и возрождения дружбы между нашими народами.

Гимли низко поклонился.

Когда все гости расселись, Владыка еще раз оглядел их.

— Вас восемь, — с легким удивлением заметил он. — Гонцы сообщили нам о выходе девяти. Неужели Совет изменил решение? Дольн далек, между нами — тьма, вести запаздывают.

— Совет не менял решений, — впервые заговорила Владычица Галадриэль. Ее голос был удивительно мягок и музыкален, но не по-женски глубок. — С отрядом из Дольна вышел Гэндальф Серый, но границы Лориена он не пересекал. Я хотела бы поговорить с ним и прошу гостей рассказать, почему его нет. Мне не увидеть его издалека, вокруг Гэндальфа серый туман, его пути и мысли скрыты от меня.

— Гэндальфа Серого поглотила Тьма, — ответил Арагорн. — Он вступил в поединок во мраке Мории, его нет больше.

Множество горестных и изумленных возгласов послышалось в зале.

— Дурные вести, — покачал головой Владыка Келеберн. — Самые дурные за многие годы, обильные печальными известиями.

Он повернулся к Хэлдиру и спросил по-эльфийски:

— Почему о том не известили меня раньше?

— Хэлдир не знал о наших делах, Владыка, — ответил Леголас. — Поначалу мы слишком устали, а опасность шла по пятам; потом, на прекрасных тропах Лориена, печаль наша почти забылась...

— Но скорбь велика, а утрата невосполнима, — добавил Фродо. — Гэндальф вел отряд. Если бы не он, нам не пройти бы через Морию, а в конце он спас нас ценой своей жизни.

— Я прошу рассказать об этом полнее, — произнес Владыка Келеберн.

И Арагорн рассказал обо всем случившемся с отрядом после неудачной попытки у перевала Карадрас. Он говорил о Балине, упомянул о схватке в зале Мазарбул, о пламени и о поединке на мосту.

— Это было какое-то Зло из Древних Дней, я никогда не видел такого прежде, — закончил Арагорн. — Мрак и огонь, сильный и ужасный.

— Это Барлог Моргота, — сказал Леголас. — С древних времен — самый ужасный из всех наших врагов. Кроме хозяина Черной Крепости, конечно.

— Это Проклятие Дарина, — тихо сказал Гимли, и в его глазах плеснул недавний ужас.

— Мы опасались спящей под Карадрасом силы, — молвил Владыка Келеберн. — Но если бы я знал, что гномы снова раз-

будили морийское зло, я не открыл бы перед тобой, гном Гимли, и твоими спутниками границы Лориена. Похоже, мудрость изменила Гэндальфу. Он понапрасну сгинул в морийской ночи.

— Поспешные суждения редко бывают справедливы, — произнесла Владычица Галадриэль. — Гэндальф никогда не поступал опрометчиво, думаю, наши гости просто не знали обо всех его замыслах и планах. Впрочем, он сам выбирал пути, и на наших гостях нет вины. Нам не в чем упрекнуть и гнома. Если бы наш народ вынужден был надолго покинуть Лориен, неужели спустя годы кто-нибудь из Галадримов, будь то даже Келеберн Мудрый, не пожелал бы взглянуть на свой старый дом, стань он тем временем хоть обиталищем дракона?

Темны воды Келед Зарама, холодны ключи Кибил Налы и прекрасны многоколонные залы Казад Дума в памяти своего народа, — торжественно произнесла Владычица Галадриэль, взглянув на нахохлившегося от незаслуженной обиды Гимли.

Гном, услышав древние дорогие имена, поднял голову и встретился взглядом с Владычицей, ожидая увидеть суровый приговор, а вместо этого погрузился в океан любви и мудрого понимания. Растерянное изумление сменилось на его лице широкой улыбкой. Он встал, поклонился так, как это принято было во времена Дарина, и произнес:

— Но куда прекрасней живой край Лориена и его Владычица, превосходящая блеск всех самоцветов, хранимых землей!

После долгой паузы снова заговорил Владыка Келеберн:

— Я не знал, что ваше положение было столь отчаянным. Пусть Гимли, сын Глоина, простит опрометчивые слова, вызванные сердечной тревогой. Я постараюсь помочь каждому в его нужде, и тем более — Хранителю, принявшему столь тяжкое бремя.

— Мы знаем о вашей цели, — произнесла Владычица Галадриэль, взглянув на Фродо. — Не будем называть ее. Но думаю, Гэндальф не напрасно проложил путь отряда через Лориен. Владыка Галадримов — один из мудрейших эльфов Среднеземья, и дары его превыше могущества королей. Он встречал здесь зарю мира, а я пришла в Лориен до падения Нарготронда и Гондолина, и с тех пор бессчетные века мы не уставали бороться с Тьмой.

Я созвала первый Белый Совет. Если бы его возглавил, как хотелось мне, Гэндальф Серый, может статься, дела наши не были бы сейчас столь печальны. Но надежда жива. Не ждите от меня совета, как поступить и какой путь выбрать, моя сила — в знании прошлого и настоящего, а отчасти и будущего. Здесь я помогу вам. Но дорога ваша — по лезвию меча. Чуть оступись — погибнет все. Лишь чистота помыслов охранит ваш отряд.

Владычица замолчала и обвела взглядом гостей, подолгу задерживаясь на каждом. Только Леголас и Арагорн смогли выдержать ее взор. Сэм зарделся и потупился.

— Пусть тревога покинет ваши сердца,— улыбнувшись, произнесла она.— Сегодня ваш сон будет спокоен и светел.

Путники вздохнули и почувствовали вдруг навалившуюся усталость, как будто их долго расспрашивали о многом, хотя ни слова не было произнесено вслух.

— Отдыхайте! — посоветовал Владыка Келеберн.— После всех тревог и скорбей вам нужен отдых. Не думайте о предстоящей дороге, у нас еще будет время вернуться к этому.

Эту ночь, на радость хоббитам, отряд провел на земле. Неподалеку от фонтана эльфы разбили для них шатер, устроили мягкие ложа и с добрыми напутствиями оставили их. Друзья немного поговорили, вспомнив последние дни пути, но ни одним словом не обмолвившись о темных морийских переходах. Рана на сердце была еще слишком свежа.

— Интересно, а чего это ты закраснелся так, Сэм? — поинтересовался Пиппин.— Можно подумать, что у тебя совесть нечиста. Небось одеяло у меня стянуть задумал или чего похуже?

— Да ну вас! — отбивался не расположенный шутить Сэм.— Я просто понял вдруг, что на мне нет ничего; кому это понравится? Она будто заглянула мне в самое нутро и спросила, что я, дескать, буду делать, если она прямо сейчас вернет меня в Шир, в уютную норку с садиком, да еще собственным...

— Ну прямо как у меня,— покрутил головой Мерри.— Только у меня... нет, пожалуй, не стану я говорить об этом.

Видимо, каждый из путников испытал нечто схожее. Каждому предложили выбор между мраком неизвестности впереди и каким-нибудь соблазнительным затаенным желанием, ради осуществления которого достаточно свернуть с пути и отказаться от выполнения непосильной задачи.

— А мне еще показалось, что о выборе никто не узнает,— добавил Гимли.

— Все это странно,— сурово заговорил Боромир.— Она испытывала нас. Но если бы только так! Она соблазняла нас, обещая заманчивые выгоды! Конечно, я не стал слушать! Воины Минас Тирита верны своему слову!

Однако о том, что предлагалось ему, Боромир говорить не стал. Отмалчивался и Фродо, хотя гондорец донимал его расспросами.

— Да, мне был предложен выбор,— сдержанно сказал Фродо.— Но лучше пусть он останется при мне.

— Берегись! — предостерег хоббита Боромир.— Я не очень-то стал бы доверять этой эльфийской Владычице. Намерения ее темны.

— Ты не знаешь, о чем говоришь! — резко оборвал его Арагорн. — Ни в ней самой, ни в ее стране нет Зла, кроме того, которое каждый приносит в себе. Беречься надо тем, чьи помыслы нечисты. Здесь, в Лориене, я впервые после дольнских стен смогу уснуть спокойно. Я устал и духом, и телом.

Он действительно уснул, едва донеся голову до подушки. Уснули и остальные. Сон их был бестревожен в эту ночь. А проснувшись, они увидели солнце, сверкавшее в струях фонтана.

Никто после не мог сосчитать, сколько дней и ночей пробыли они в Лориене. Каждый день светило солнце, порой набегал и исчезал ласковый дождик, после него листья сверкали особенно свежо и чисто. Прохладный весенний воздух временами заставлял забыть о зиме, хотя ее задумчивая тишина ощущалась и в здешней земле. У них не было других дел, кроме еды, отдыха, неспешных прогулок, занимавших все время.

Владыки не показывались, а с местными эльфами говорить было трудно, слишком их язык отличался от знакомого эльфийского. Хэлдир вернулся на границу. Леголас пропадал где-то у Галадримов, даже спал у них, заходя в шатер поесть и поговорить. Странное дело: уходя на долгие прогулки, он теперь брал с собой Гимли.

Часто вспоминали Гэндальфа. Когда уже перестали болеть усталые ноги, когда все раны зажили, вернулась скорбь от потери, но теперь она ощущалась даже острее, чем вначале. Рядом звучали эльфийские голоса, и путники улавливали в песнях знакомое имя. Эльфы складывали плачи о гибели Гэндальфа Серого.

«Митрандир, о Серый Странник!» — пели эльфы (здесь Гэндальфа называли этим именем), мелодия была пронзительно грустной, но слова непонятны. Леголас отказывался переводить, говоря в оправдание, что для него тут впору плакать, а не петь.

Сложил плач и Фродо. Раньше стихосложение не очень привлекало его, даже в Дольне он только слушал, но сам никогда не пел, хотя помнил множество баллад и стихов. Но теперь, у лориенского фонтана, слова начали сами приходить к нему, складываясь в песню, показавшуюся красивой. Правда, когда он попробовал прочесть ее Сэму, вместо баллады остались какие-то разрозненные строки, больше всего похожие на горсть сухих листьев.

Его шаги в закатный час
Еще звучали на холме,
Но лишь последний луч угас —
Безмолвно в путь ушел во тьме.

Песчаный вихрь и пенный вал,
Драконий рев и горный гром
Он стойко преодолевал
И шел назначенным путем.

Ему был внятен шум лесов,
Звериный говор, птичий звон;
Он ведал тайны языков
Любых народов и племен.

В сражениях непобедим,
В целении неутомим,
Тяжелой думой изможден —
Усталый вечный пилигрим.

Мудрец, что многое постиг,
Равно на гнев и шутку скор —
Худой серебряный старик,
Идущий тьме наперекор

Один, над бездною, без сил,
Он бился с Сумрачным Огнем,
Но в тяжкой битве жезл разбил
И сгинул — следом за врагом.

— Ну, сударь, в следующий раз вы и старого Бильбо за пояс заткнете! — восхитился Сэм.

— Вряд ли, — вздохнул Фродо. — Лучше я пока не могу.

— Надо обязательно продолжать! — настаивал Сэм. — Если еще писать будете, замолвите про фейерверк словечко, ладно? Ну, что-нибудь вроде этого:

Струился в небесах ночных
Каскад невиданных шутих,
И с громом вспыхивал на миг
Горящий золотом цветник...

— Нет, Сэм, — покачал головой Фродо, — это я тебе оставлю. А может, Бильбо напишет. Не могу я больше про Гэндальфа говорить. Все думаю, как же я Бильбо скажу...

Как-то вечером Фродо с Сэмом бродили вдвоем по темным тропинкам. Целый день оба испытывали непонятное беспокойство. Фродо понимал: тень расставания расправила крылья. Видно, скоро придет время покидать цветущий Лориен.

— Ну, что ты теперь скажешь об эльфах, друг Сэм? Я у тебя уже спрашивал, но то было тысячу лет назад. С тех пор ты их всяких повидал.

— Это верно. И знаете, сударь, я вот что думаю: есть эльфы и есть эльфы. Все эльфийские, и все разные. Эти вот, здешние, так даже на нас похожи, сидят себе дома и никуда не рвутся, точь-в-точь ширские хоббиты. То ли они сделали эту страну, то ли она их, но здесь удивительно спокойно. Ничего не про-

исходит, да никто и не хочет, чтобы происходило. Если здесь и есть волшебство, то оно так глубоко упрятано, что рукой не достать, как говорят.

— Но оно же повсюду здесь, — вставил Фродо.

— Э-э, так ведь волшебников-то нет. Я не про фейерверки, до которых Гэндальф любитель был. Вот, разве Владычица... по-моему, она чудеса умеет делать, если захочет. Эх, кабы вы знали, сударь, до чего мне охота повидать настоящее эльфийское волшебство! Только не то что волшебства, мы и владык-то больше не видели...

— А меня на чудеса не тянет, — признался Фродо, — здесь всего достаточно. Не в фейерверках дело. А вот без его мохнатых бровей, без его голоса пусто на сердце.

— Это верно, — ответил Сэм. — Просто в старинных историях много волшебства этого самого, вот я и хотел поглядеть. А так, конечно, в этой земле всего в изобилии. Тут я как дома во время праздника, если понятно, про что я. И уходить не хочется. Но все-таки, если мы собираемся дальше идти, пожалуй, пора и честь знать. Мой старик ведь как говорил? «Неначатая работа долго тянется». По-моему, здешний народ ничем особенным нам не поможет, с магией там или без. Сейчас-то еще ничего, а вот уйдем мы, тогда и хватимся Гэндальфа по-настоящему.

— Наверное, ты прав, — как-то вяло отозвался Фродо. — Но мне бы все-таки очень хотелось перед уходом повидать Владычицу еще раз.

Фродо даже не закончил фразы, а им навстречу уже шла меж деревьев Владычица Галадриэль. Она лишь слегка повернула голову в сторону хоббитов, не сказала ни слова, но поманила за собой. Пройдя сквозь зеленую живую изгородь, они оказались в небольшом саду на южном склоне Карас Галадон. Деревьев здесь не было, только небо над головой и над западным окоемом — сияющая белым огнем яркая вечерняя звезда. Хоббиты вслед за Владычицей спустились в неглубокий зеленый лог и узнали в говорливом ручье, бегущем у ног, поток, бравший начало из фонтана возле их шатра. Здесь, на невысоком каменном постаменте, стояла большая чаша, а рядом — серебряный кувшин.

Водой из ручья Владычица наполнила чашу до краев, дохнула на воду и, подождав немного, заговорила:

— Это — мое Зеркало. Я привела вас сюда, чтобы вы могли заглянуть в него.

На дне ложка сумерки уже сгустились, и светлая фигура Владычицы неясно возвышалась над хоббитами.

— Зачем нам смотреть и что мы можем там увидеть? — холодея от неясных предчувствий, спросил Фродо.

— По моему слову Зеркало может открыть многое. Одним оно покажет их затаенные желания, другим — совсем неожи-

данные вещи. Впрочем, иногда это полезней того, что мы хотели бы увидеть. Если предоставите Зеркалу свободу, даже я не буду знать, что оно покажет. Это может быть видением прошлого, настоящего или будущего. Вы хотите взглянуть?

Фродо молчал.

— Ну а ты? — повернулась Владычица к Сэму. — По-моему, именно *это* твой народ называет настоящим волшебством. Хотя, мне кажется, тем же самым словом у вас именуют хитрости Врага. Вот, если угодно, волшебство Галадриэль. Не ты ли стремился посмотреть на него?

— Да-а, — неуверенно протянул Сэм, не решаясь выбрать между опасением и любопытством. — С вашего позволения, я гляну... Я ведь не про то, что там дома, — проговорил Сэм, просительно глядя на Фродо, — хотя как подумаешь, будто год назад ушли, давно, значит, но ведь я там, наверное, звезды какие-нибудь увижу, а то и вовсе не понятное что-нибудь.

— Это вполне может быть, — улыбнулась Владычица. — Подойди. Что сможешь, то и увидишь. Только не касайся воды.

Сэм взобрался на подножие и заглянул в чашу. Вода выглядела твердой. В ней отражались звезды.

— Так я и думал... — начал он было говорить, но замолчал, ибо звезды исчезли. В глубине чаши словно раздвигали кисейную занавесь, Зеркало стало сереть и внезапно прояснилось. Сэм увидел солнечный день и качающиеся под ветром кроны деревьев. Он еще не сообразил, что предстало перед ним, а картина уже изменилась. Теперь он видел мертвенно-бледного Фродо, лежащего у подножия темной скалы, а потом появился и он сам, Сэм Гэмджи, бредущий вверх по длинной винтовой лестнице и упорно высматривающий что-то, ведомое только тому Сэму в Зеркале. Видение сдвинулось, ушло, снова качались деревья, но уже сильнее, и стало понятно, что качаются они не от ветра, а под ударами топора, качаются и падают, падают...

— Эй! — закричал Сэм. — Это ж возле Тэда Песошкинса деревья! Их же нельзя рубить, от них же тень на дороге в Уводье. Ну, попадись мне этот Тэд!

Но вот уже нет Старой Мельницы, а на ее месте строится огромное уродливое здание из красного кирпича, рядом торчит высокая труба, из нее валит черный дым и заволакивает, заволакивает изображение в Зеркале!

— Там какие-то злодейские дела в Шире, — пробормотал Сэм. — Неспроста Элронд хотел Мерри обратно послать. — Он еще раз взглянул в Зеркало и вскрикнул, а потом решительно слез с подножия. — Мне домой надо, — насупившись, заговорил он. — Они там Тугосумы перекапывают, а старик мой бедный с Горки спускается со своим скарбом в тачке. Я должен домой идти.

— Ты не можешь уйти один, — мягко произнесла Владычица. — Пока ты не посмотрел в Зеркало, ты ведь не собирался

возвращаться. Но ты и раньше знал, что в Шире неладно. Картины, показанные Зеркалом, не обязательно уже произошли. Они могут и вовсе не произойти, — добавила она, — если смотрящий обладает непреклонной волей. Советы Зеркала опасны.

Сэм в отчаянии сел на землю и обхватил голову руками.

— Лучше бы мне никогда не приходить сюда, — забормотал он. — И никакого волшебства мне не надо. — Он замолчал надолго, а когда снова заговорил, в голосе слышались слезы: — Ладно, я вернусь долгой дорогой вместе с Фродо... или совсем не вернусь. Все ж таки надеюсь вернуться. И если увижу то, что видел, кое-кому не поздоровится!

— Ну а ты, Фродо, — сказала Владычица Галадриэль, — не хочешь ли взглянуть на эльфийское волшебство?

— Вы советуете мне? — спросил Фродо, глядя в глаза Владычице.

— Нет, — ответила она. — Я не даю советов. Ты можешь узнать кое-что, плохое или хорошее, оно может пригодиться тебе, а может, и нет. Знать — хорошо, но и опасно. Впрочем, у тебя достаточно мудрости и мужества, чтобы испытать Зеркало. Иначе я не привела бы тебя сюда. Решай сам.

— Я посмотрю, — неожиданно севшим голосом произнес Фродо и, подойдя, склонился над Зеркалом.

Темная глубь сразу прояснилась, и Фродо увидал сумеречную страну. Вдали темнели горы. Длинная серая дорога уходила за горизонт. Издали навстречу Фродо по ней двигалась маленькая фигурка. Она быстро приближалась и так напоминала Гэндальфа, что Фродо едва не окликнул мага, но вдруг обратил внимание на цвет одежд странника: они были вовсе не серыми, а белоснежными, и жезл в руках был белого цвета. Фродо никак не мог разглядеть низко опущенное лицо незнакомца, а тот повернул и пропал за краем чаши. Фродо не знал, что и подумать. Это мог быть и Гэндальф в одном из своих давних одиноких странствий, но это мог быть и Саруман.

А картина в Зеркале уже изменилась. Бильбо беспокойно шагает из угла в угол своей маленькой комнатки в Дольне. Стол завален бумагами, а в окно стучит дождь.

Вслед за коротким перерывом последовал целый калейдоскоп быстро сменяющих друг друга видений. Фродо не сразу понял, что перед ним проносятся эпизоды истории, в которой и он принимает немалое участие. Но вот все Зеркало заняла картина, никогда не виденная им раньше, но сразу узнанная: Море. В мглистом свете штормовые волны дыбились и беззвучно рушились, багровое солнце в разрывах туч на горизонте озаряло черный корабль с клочьями парусов. Потом воды хлынули на многолюдный город, потом — белая крепость с семью башнями, и снова корабль. На черном знамени можно различить изображение Белого Дерева. Дым... битва... закатное крас-

ное зарево, серый туман и уходящий маленький корабль, мерцающий огоньками. Он скрылся из глаз, и Фродо вздохнул, решив, что на этом все кончилось.

Но внезапно Зеркало потемнело, почернело даже, и Фродо заглянул в какую-то аспидную дыру. Там, в бездне, появилась багровая точка. Она стремительно росла и вдруг стала единственным Оком, занявшим всю поверхность Зеркала. Ужасное зрелище приковало хоббита к месту; не в силах вскрикнуть или отвести взор он следил за огненным веком, в котором шевелился по-кошачьи желтый глаз, пристальный, настойчивый, но какой-то тусклый, с черной щелью зрачка, похожей на провал в Ничто.

Глаз ворочался, вращался, он явно искал кого-то, и Фродо с ужасом понял: глаз ищет его! И тут же пришла твердая убежденность: Око не сможет увидеть его, пока он не захочет этого сам. Хоббит почувствовал, как наливается тяжестью Кольцо у него на шее, оно уже как мельничный жернов пригибает его голову вниз, к воде... Похоже, вода в Зеркале быстро нагревалась, от нее уже начал подниматься пар, а голова все клонилась, клонилась...

— Не коснись воды! — Мягкий голос, прозвучавший рядом, словно сдул видение. В холодной водяной глади отражались звезды.

Фродо отпрянул от Зеркала, весь дрожа.

— Я знаю твое последнее видение,— спокойно сказала Владычица Галадриэль. — Не бойся! Не только песни в лесах и эльфийские стрелы обороняют от Врага Лотлориен. Даже сейчас, когда я говорю с тобой, я знаю его намерения, по крайней мере те из них, которые касаются эльфов. Он тщится проникнуть в мои мысли, но пока дверь закрыта!

Она протянула руки ладонями к востоку в запрещающем жесте. Эарендил, любимая эльфами вечерняя звезда, сиял высоко в небе и был так ярок, что на траве Фродо заметил легкую тень Владычицы. Звездный свет вспыхнул в кольце на ее пальце, и белый камень замерцал, словно еще одна звезда, спустившаяся отдохнуть на руке Галадриэль. Фродо благоговейно глядел на кольцо. Он понял.

— Да,— кивнула Владычица, угадывая его мысли,— об этом нельзя говорить. Элронд ни за что не стал бы этого делать, но от Хранителя, видевшего Огненное Око, это не скроешь. Одно из Трех хранит земли Лориена. Это — Наин, Адамантовое Кольцо, порученное мне.

Враг догадывается, но пока не знает. Пока. Теперь ты понимаешь — твой приход для нас словно поступь Рока. Дашь победить себя — и мы беззащитны перед ним. А если ты победишь... тогда сила наша пойдет на убыль, Лориен увянет, волны времени смоют его. Мы уйдем на Запад или останемся здесь, постепенно становясь просто народом холмов и пещер, забывая и забываясь.

Фродо опустил голову. Он долго не решался, но потом все же задал вопрос:

— А что бы вы выбрали?

— Все будет так, как должно быть, — ответила Владычица Галадриэль. — Любовь эльфов к этому краю глубже морских бездн, в этом наше горе, и оно неутолимо. Но если предстоит выбор: Лориен или рабское служение Врагу, они уйдут бестрепетно, ибо знают Врага давно. Ты не в ответе за судьбу моих земель, на тебе лишь твоя собственная задача. Но лучше бы Единственному никогда не являться на свет или уж пропасть навсегда.

— Владычица! Ты мудра, бесстрашна и прекрасна! Если хочешь, я отдам тебе Единственное. Это великое дело не по мне.

Галадриэль рассмеялась:

— Мудрая Владычица Лориена встретила достойного собеседника. Я испытала твое сердце при нашей первой встрече, но ты сравнял счет уже при второй. Твоя ноша делает тебя прозорливым. Не стану скрывать, я хотела бы обладать тем, что ты предлагаешь. Долгие годы я думала, как бы я распорядилась Единственным, попади оно ко мне. И вот — свершилось! Его принесли прямо сюда, в Лориен! Древнее Зло живет в Кольце независимо от жизни или смерти Саурона. Наверное, такому Кольцу понравится, если его отнимут у гостя — силой, хитростью или страхом.

А ты готов подарить его мне, сменить Темного Властелина на Королеву. Нет, я не стану темной, я стану прекрасной и грозной! Прекрасной, как Море, как Солнце, как снег на горах! Грозной, как буря, как молния! Твердой, как корни земли. Все будут любить меня и бояться.

Она воздела руку, и адамант, вспыхнув, залил ее потоком света. Властная, невыносимо прекрасная и грозная стояла перед Фродо Владычица Галадриэль... но вот рука опустилась, погас свет камня, и в густых сумерках зазвенел мягкий смех. Высокая тонкая эльфийская женщина в простых белых одеждах... и голос печальный и тихий:

— Я прошла испытание. Я уйду на Запад и останусь Галадриэлью.

Долго длилось молчание. Наконец Владычица заговорила снова:

— Пора возвращаться, Фродо. Утром отряд выходит в путь. Сегодня мы с тобой сделали выбор, а волны Судьбы неотвратимы.

— Сейчас, — замешкался Фродо, — но... я хотел спросить... Я еще у Гэндальфа хотел спросить в Дольне, но как-то не успел. Я ношу Единственное, так почему же я не вижу остальных колец и не знаю мыслей их носителей?

— Ты просто не пробовал, — ответила Владычица. — С тех пор как ты узнал, чем владеешь, ты трижды надевал Кольцо.

Не пытайся сделать это в четвертый раз, ты погибнешь. Разве Гэндальф не объяснил тебе, что сила Кольца соответствует силе обладателя? Прежде чем распоряжаться Кольцом Всевластья, тебе надо было бы набрать собственную силу и употребить ее для порабощения других. Но и без того твое внутреннее зрение обострилось. Ты уже читаешь в сердцах Мудрых, ты видишь Око того, кто властвует над Семью и Девятью. Ты видел и узнал мое Кольцо. Сэм, ты видел мое Кольцо? — вдруг спросила она.

— Нет, Владычица,— ответил Сэм, вздрогнув.— Сказать по правде, я в толк не возьму, о чем вы толкуете. Я видел звезду у вас над головой, да вон она светит! Но если уж вы меня спросили, я скажу: прав мой хозяин. Заберите вы это проклятое Кольцо. Уж вы бы все сделали как надо. Вы бы не позволили всяким там издеваться над моим стариком и пускать его по миру. Вы бы заставили кое-кого расплатиться за свои грязные делишки!

— Заставила бы,— согласилась Галадриэль.— С этого бы и началось. Но этим бы не кончилось. Больше мы не будем говорить об этом. Пойдемте.

Глава 8
ПРОЩАНИЕ С ЛОРИЕНОМ

Этим же вечером отряд призвали Владыки. Когда все собрались в уже знакомой зале на талане и обменялись приветствиями, к гостям обратился Владыка Келеберн:

— Для тех, кто решил продолжать путь, настало время уходить. Лориен — не самое безопасное место в мире, но кто захочет, может остаться здесь. Все мы стоим на краю судьбы. В Лориене можно дождаться рассвета, и тогда дороги снова станут открыты, но, если вместо рассвета настанет глухая ночь, оставшихся ждет битва, а потом — либо возвращение в родные края, либо дорога в дальние дома павших.

В напряженной тишине Владычица Галадриэль снова обошла каждого внимательным взглядом.

— Они пойдут дальше,— сказала она Владыке Келеберну.

— Мне решать нечего,— произнес Боромир,— мой дом впереди.

— Но пойдет ли отряд с тобой в Минас Тирит? — быстро спросил Келеберн.

— Мы еще не решили, как нам идти,— ответил за всех Арагорн.— Гэндальф не говорил о своих планах после Лотлориена. А может быть, он и сам не знал.

— Возможно,— кивнул Келеберн,— но впереди у вас Река. Между Лориеном и Гондором нет ни одной переправы, мосты Осгилиата разрушены, пристани захвачены Врагом. Вам при-

дется выбирать берег. Для дороги в Минас Тирит вам лучше подойдет западный, но задача Хранителя — на восточном.

— Если бы мой совет услышали, — заговорил Боромир, — я предложил бы западный берег и путь в Минас Тирит. Но не я веду отряд.

Остальные промолчали. На лице Арагорна заметны были тревога и сомнение.

— Хорошо, решайте, — выждав некоторое время, сказал Келеберн. — Выбрать за вас я не могу, но помочь в силах. Среди вас есть такие, кто умеет управляться с лодками: Леголас, Боромир и Арагорн...

— И один хоббит! — выкрикнул Мерри. — Мы живем на берегу Брендидуина, и для нас лодка — не бешеная лошадь, как для других хоббитов.

— Прекрасно! — улыбнулся Келеберн. — У вас будут лодки, достаточно легкие, чтобы обносить пороги, если вы подойдете к Сарн Гебиру или даже к великим водопадам Рэроса. Путь по Реке не так утомителен. Конечно, всех проблем лодки не решат, рано или поздно вам придется оставить Реку и поворачивать — на запад или на восток.

Арагорн горячо поблагодарил Владыку Келеберна. Сообщение о лодках его обрадовало — может быть, потому, что выбор откладывался еще на несколько дней? Остальные тоже воспряли духом. Плыть налегке по течению, пусть даже навстречу опасности, все же лучше, чем тащиться к ней же пешком с тяжелым грузом. Только Сэм пребывал в растерянности; он еще не решил для себя, на самом ли деле лодка лучше бешеной лошади.

— Завтра до полудня все будет приготовлено к походу, — заверил Владыка Келеберн. — Утром вам помогут собраться. А сейчас — доброй ночи!

— Доброй ночи, друзья! — пожелала Владычица. — Спите спокойно, не думайте о предстоящем. Ваши тропы — у вас под ногами. Каждый увидит свою в должное время. Доброй ночи!

Отряд вернулся в шатер. Последнюю ночь в Лориене даже Леголас решил провести вместе со всеми. Перед сном устроили небольшой совет и долго решали, как поступить. Никто не отказывался сопровождать Хранителя, но все же большинство предпочитало идти сначала в Минас Тирит и хоть на время отсрочить поход в Страну Мрака. Фродо молчал, Арагорн по-прежнему не мог принять решение.

Пока отряд вел Гэндальф, Арагорн намеревался уйти из Лориена вместе с Боромиром и обнажить меч в боях за Гондор. Пророчество он принял за знак, за призыв Наследнику Элендила бросить вызов Саурону. Но после Мории ответственность за порученное дело целиком легла на плечи Арагорна, и он понимал: откажись Фродо идти в Минас Тирит, он, Арагорн,

должен будет сопровождать Кольцо. Но даже Следопыт не мог представить пока, чем он или любой другой член отряда поможет Хранителю — разве что сгинет вместе с ним во мраке.

— Я иду в Минас Тирит, даже если никто не последует за мной, — горячился Боромир. Но Фродо все еще молчал, и в конце концов гондорец умолк и теперь сидел, не сводя глаз с Хранителя, словно пытаясь отгадать его мысли. Только через несколько минут он заговорил, но уже совершенно другим тоном: — Конечно, если вы хотите уничтожить Кольцо, толку от Минас Тирита мало. Но если надо уничтожить военную мощь Врага, тогда глупо соваться в его владения без хорошей поддержки, глупо не воспользоваться... — Он вдруг замолчал, как человек, едва не разгласивший некую тайну. — Я имел в виду, глупо рисковать жизнью понапрасну, — закончил он. — Перед нами странный выбор: либо защитить то, что вполне можно защитить, либо просто шагнуть в пасть смерти. Во всяком случае, мне это видится так.

Фродо уловил какие-то новые нотки в голосе Боромира и пристально посмотрел на него. Нет, гондорец имел в виду нечто другое. Как он сказал? «Было бы глупо не воспользоваться...» Чем? Кольцом? А ведь он и на Совете говорил о том же, но тогда Элронд убедил его... или не убедил? Фродо взглянул на Арагорна, но тот сидел погруженный в собственные мысли, и нельзя было понять, обратил ли он внимание на слова гондорца. Так спор и кончился ничем. Мерри и Пиппин уже спали, Сэм вовсю клевал носом. Ночь давно опустилась на Лориен.

Утром, едва они начали собирать пожитки, пришли эльфы, владевшие Всеобщим языком, и принесли дары Владык: припасы и одежду. Из съестного были в основном лепешки, светло-коричневые снаружи и цвета заварного крема внутри. Гимли взял одну из них и критически осмотрел.

— Крам. — Он пренебрежительно фыркнул и откусил кусочек. Выражение лица у гнома мгновенно изменилось, и он моментально слопал остаток лепешки.

— Хватит, хватит! — смеясь, закричали эльфы. — Ты теперь и так наелся на целый день трудного пути.

— Да я ведь думал, это что-нибудь вроде крама, — сконфуженно оправдывался гном, — который в Дэйле выпекают в дорогу.

— Так и есть, — подтвердили эльфы. — Это — дорожный хлеб, *лембас* по-нашему, он легок и намного питательней любой другой еды. Ну и по вкусу, конечно, получше крама.

— Точно, — облизнулся Гимли. — Это даже вкуснее медовых лепешек Бьорнингов, а уж они-то пекари хоть куда! Только я не слыхал, чтобы Бьорнинги давали их кому-нибудь в дорогу. Вы — воистину добрые хозяева!

— Но вы все-таки берегите лембас, — посоветовали эльфы. — Это на крайний случай, когда остальные припасы кончатся. Лембас, если его не ломать, очень долго не черствеет, постарайтесь держать его в этих же листьях. Одной лепешки вполне хватит даже гондорскому воину на целый день.

Каждому путнику вручили по плащу из легкой, но теплой шелковистой ткани местной выделки. Странно было видеть, как материя плащей меняет цвет в зависимости от освещения. Плащи могли становиться серыми, как лесные сумерки, или зелеными, под цвет листвы на деревьях, или коричневыми, как осенние травы в лугах, или тускло-серебристыми, как озеро под звездами. Застежка в виде зеленого листа с серебряными прожилками скрепляла плащи у горла.

— Они волшебные? — спросил Пиппин, удивленно разглядывая диковинную одежду.

— Что ты имеешь в виду? — не понял эльф. — Это хорошая дорожная одежда, удобная и красивая. И ткань хорошая, здесь сделана. Одним словом, настоящие эльфийские плащи. Листья и ветви, воды и камни Лориена отдали им свои краски. У нас всегда так: о чем мы думаем, то и привносим в работу. Но это всего лишь плащи, а не доспехи, стрелу или копье они не отразят. В дороге это самая удобная одежда: в жару — прохладно, зимой — тепло, и маскировка хорошая. Это дар Владычицы Лориена, и дар, скажу вам, редкий. Во всяком случае, до вас ни один чужеземец такого не получал.

После завтрака пришла пора прощания с полюбившейся лужайкой у фонтана. Они чувствовали себя здесь как дома, только не знали, долго ли пробыли. Пока путники стояли, глядя в последний раз на игру солнечных лучей в звенящих струях, к ним подошел Хэлдир. Фродо ему обрадовался.

— Меня отозвали с границы, чтобы проводить вас, — сообщил эльф. — Росная Долина в дыму. В горах беспокойно, под землей стоит гул. Дороги на север нет больше. Но вам-то нужно на юг. Идем!

Тропинки возле Карас Галадона так и остались пусты, но из крон деревьев слышались голоса, долетала музыка, иногда — песня. Отряд молча шагал мимо. По южному склону холма, вслед за Хэлдиром, они подошли к воротам и вышли из города. Тропка, отделившись от дороги, нырнула в заросли и, все время спускаясь, повела их на юго-восток, к Реке.

Только около полудня, отшагав не меньше десяти миль, подошли к высокой зеленой стене. За ней кончались деревья и начинался луг, пестрящий золотыми цветами эланора. Путники оказались на полуострове у слияния Серебрени с Великим Андуином. Леса на противоположном берегу уходили на юг до горизонта, но деревья стояли голые и печальные. Ни одного меллорна не было видно за границей Лотлориена.

Неподалеку располагался причал, выложенный белым камнем. Возле качались легкие лодки. Среди них две или три были богато украшены, отделаны серебром и золотом, но большинство, по-видимому, предназначалось для каждодневной работы. Наших путешественников ожидали три маленькие серые лодочки. Эльфы помогли разместить в них поклажу и добавили от себя по три мотка веревки на каждую лодку. Сэм схватил один моток, лежавший на берегу:

— Это что?

— Простая веревка, — ответил эльф из лодки. — Никогда не отправляйся в путь без длинной крепкой веревки. А эта как раз из таких. Всегда пригодится.

— Хэ! Мне-то можешь не рассказывать, — ответил Сэм. — Я вот не взял из дома и просто места себе не находил. Но я не про это спрашиваю. Я в веревках разбираюсь, оно у нас семейное, так сказать. Из чего они сделаны?

— Из *хитлайна*, — сказал эльф. — Сейчас не время рассказать, как их плетут. Жаль, мы не знали, что ты мастер, мы бы могли тебя поучить. Ладно, если вернешься, покажем. А пока прими в подарок. Пусть послужит с пользой.

— Пора! — поторопил Хэлдир. — Все готово. Садитесь в лодки. Только осторожнее поначалу!

— Будьте внимательны! — поддержали другие эльфы. — Лодки легкие, нрав у них капризный. Груза они могут нести много, но управлять ими надо уметь. Пройдитесь взад-вперед возле причала, привыкните к ним, а потом уж выходите на стремнину.

Места в лодках распределили следующим образом: в одной устроились Арагорн и Фродо с Сэмом; в другой — Боромир с двумя хоббитами, а в третьей — неразлучные в последнее время Леголас и Гимли. К ним сложили большинство припасов. Грести надо было короткими веслами с лопастями в форме древесного листа. Когда все расселись, Арагорн уверенно повел свою лодку вверх по Серебрени.

Встречное течение было быстрым, но лодка продвигалась споро. Сэм сидел на носу, вцепившись в борта обеими руками, и с тоской глядел на берег. Солнечные блики заставляли его недовольно щуриться. Вскоре деревья подступили вплотную к воде. В воздухе кружились золотые листья, река подхватывала их и несла навстречу. В тишине ясного дня из поднебесья падали трели жаворонка.

Неожиданно из-за поворота выплыл огромный лебедь. Вода с журчанием разбегалась двумя полосами от его белой груди. Клюв на изящно изогнутой шее сиял, словно полированное золото, глаза блестели черными жемчужинами в оправе из янтаря. Огромные белые крылья невиданной птицы были слегка приподняты. Над рекой полилась музыка. Только тут путеше-

ственники поняли, что навстречу им движется ладья, формой бортов удивительно похожая на птицу. Два эльфа в белых плащах легко управлялись с черными веслами. На палубе лебедя сидел Владыка Келеборн, а рядом с ним, высокая, в белых одеждах, стояла Владычица Галадриэль. Венок из золотых цветов почти терялся в ее волосах, в руке она держала легкую арфу и пела. Печальной дивной мелодией наполнился воздух над рекой.

Я пела золоту листвы — и лес снял листвой;
Я пела ветру — он летел, ласкал убор лесной.
За царством Солнца и Луны, по берегам морским,
У Ильмарина льется свет над Древом Золотым.
Под звездной сенью Эльдамар тем светом озарен
У стен, хранящих от врага Эльфийский Тирион.
А здесь померк цветущий лес, и безнадежно ждет
Сияния златых ветвей скорбящий мой народ.
О Лориен! Грядет зима — печальных дней итог.
Уносит палую листву темнеющий поток.
О Лориен! В твоих краях минуло столько лет,
Что эланор в моем венце утратил прежний свет.
Когда спою о корабле — придет ли он на зов,
Умчит ли за Море народ угаснувших лесов?

Арагорн удерживал лодку на течении, пока ладья не подошла совсем близко. Песня кончилась, и Владычица приветствовала путешественников.

— Мы хотели пожелать вам доброго пути напоследок, — сказала она, — и благословить на дорогу.

— Вы гостили у нас, — промолвил Келеборн, — но нам ни разу не пришлось разделить трапезу. Теперь мы приглашаем вас на прощальный пир меж текучих вод, которые унесут вас далеко от Лориена.

Ладья величаво подошла к причалу, и лодки повернули за ней. Вскоре на зеленой траве Эгладила начался пир.

Фродо ел и пил мало, захваченный красотой Владычицы. Теперь она не казалась ему ни опасной, ни грозной, но, как и многие эльфы, встреченные им раньше, пребывала здесь, одновременно оставаясь живым видением по ту сторону струящейся Реки Времени.

В конце пира Келеборн вернулся к разговору о пути, поджидавшем уходящих.

— Когда будете плыть вниз, — говорил он, — леса скоро кончатся. За ними лежат пустынные края каменистых долин. Через много лиг вам встретится высокий остров Крутояр, мы зовем его Тол Брандир. Он делит Реку на два потока. За ним лежат водопады Рэроса, а ниже по течению — долина Нимдальф, Изветина на Всеобщем Языке. Там болота, Река течет медленно, разделяясь на множество рукавов. Примерно в этом

месте в Андуин впадает Энтова Купель, берущая начало в Лесу Фангорна на западе. За рекой лежит Рохан. Дальше — холмы Эмин Майл. Там всегда от Гиблых Болот дует восточный ветер, а дальше, за болотами, до Кирит Горгора и черных Ворот Мордора тянутся безлюдные выжженные земли.

Тем, кто решит повернуть к Минас Тириту, лучше оставить Реку до Рэроса и пересечь Энтову Купель в твердых берегах, а не в топях. Но и далеко по ее течению подниматься не следует. Лес Фангорна — странное место. Про него мало кто знает. Впрочем, Арагорн с Боромиром, конечно, наслышаны о нем.

— Да, у нас говорят о тех краях, — пренебрежительно ответил Боромир, — только все это бабушкины сказки. Северные области, лежащие за Роханом, так далеки теперь, что никто ничего не знает наверняка. Когда-то Лес Фангорна граничил с Гондором, но вот уже много поколений сменилось, а там никто не бывал, и некому опровергнуть выдумки, дожившие до наших дней.

Я бывал в Рохане, правда на севере. А когда шел в Дольн, тоже миновал Лес Фангорна, но, если придется, пройду и через него.

— Ну что ж, — грустная улыбка тронула лицо Владыки Келеберна, — тогда мне больше нечего сказать. Но может быть, не стоит так легко отворачиваться от бабушкиных сказок. В них иногда хранится знание из наследства Мудрых.

Владычица Галадриэль наполнила кубок и протянула Владыке.

— Пришла пора прощального кубка, — произнесла она. — Пей, Владыка Галадримов! Не думай о вечере, за которым торопится ночь. Встреть ее с беспечальным сердцем.

Каждому предложено было отпить из кубка на прощание. Кубок опустел, а Владычица все еще переводила внимательный взгляд от одного гостя к другому.

— Кубок выпит, — молвила она наконец. — Тень разлуки легла между нами. Но прежде чем мы расстанемся, Владыки Лориена просят вас принять дары в память о нашей стране.

Первым она назвала Арагорна:

— Вот наш дар тому, кто поведет отряд. — С этими словами Галадриэль протянула Арагорну ножны для меча. Серебряные и золотые цветы и листья образовывали на них сложный узор, переплетаясь с эльфийскими рунами, рассказывавшими историю Андрила. — Эти ножны сохранят меч от времени. Он больше не переломится в бою и не затупится. Мы расстаемся с тобой надолго, Арагорн, сын Арахорна. Твой путь — во тьме. Возможно, следующая встреча суждена нам лишь на дороге, с которой нет возврата. Может, у тебя есть какие-нибудь пожелания ко мне?

— Владычица, — ответил Арагорн, — тебе ведомы все мои желания. Ты давно хранишь единственное сокровище, бесценное для меня. Но не в твоей власти подарить его мне. Да, мой путь лежит через мрак, но, может статься, на нем обрету я желаемое.

— Тогда возьми пока вот это. Оно оставлено для тебя и долго ожидало твоего прихода. — Галадриэль подняла большой зеленый камень в оправе, изображающей орла с распахнутыми крыльями. Камень засиял на солнце, как сама весна в молодой листве. — Я отдала его Келебриэни, моей дочери, а она вручила его своей. Теперь он приходит к тебе как символ надежды. Прими вместе с ним и завещанное имя, Элессар! Пусть хранит тебя Эльфийский Камень из Дома Элендила!

Арагорн принял камень и укрепил на груди. Он словно впервые предстал перед ступниками, поразив их величавостью осанки и просветлевшим лицом, будто омытым от долгих трудных лет.

— Благодарю тебя, Владычица благословенного Лориена, за щедрые дары, — ответил он, — но еще более — за подаренных тобой миру Келебриэнь и Арвен, Вечернюю Звезду Эльфийского Народа.

Владычица склонила голову, а потом повернулась к Боромиру. Гондорцу достался редкой красоты золотой пояс. Мерри и Пиппину — маленькие серебряные пояса с пряжками в форме золотого цветка. Леголасу вручен был мощный лориенский лук и колчан стрел к нему.

— А для тебя, маленький садовник, — обратилась она к Сэму, — у меня нашелся лишь маленький подарок. — С этими словами Галадриэль достала действительно небольшую коробочку из простого серого дерева, украшенную единственной серебряной руной на крышке. — Это руна «Г». Можешь считать, что она означает мое имя или, если хочешь, грунт твоей родины. Здесь земля из моего сада и вся благодать, на которую способна Галадриэль из Лориена. Помощи от нее в пути никакой, от опасностей она не защитит, но, если ты сможешь сохранить ее и вернуться домой, она вознаградит тебя. Какие бы разор и запустение ни встретились тебе там, брось щепоть в землю и увидишь, как зацветет твой сад. Может, он напомнит тебе о далеком Лориене, который тебе довелось увидеть лишь зимой, ибо наши весна и лето давно миновали и живы лишь в нашей памяти.

Сэм, красный как маков цвет, подошел, бормоча что-то невразумительное, и, взяв подарок, неумело поклонился.

— А какой же дар мог бы пожелать гном в гостях у эльфов? — с легкой улыбкой спросила Владычица, поворачиваясь к Гимли.

— Никакого! — громко ответил гном. — Для меня более чем достаточно было видеть Владычицу Галадримов и слышать ее учтивые слова.

— О! Послушайте, эльфы! — обратилась Галадриэль к окружающим. — Да не назовет никто отныне гномов корыстными и неучтивыми. И все же, Гимли, сын Глоина, разреши мое затруднение, назови желанный для тебя подарок. Будет несправедливо отпустить тебя, единственного из всех, с пустыми руками.

— Я не прошу ничего, Владычица, — повторил гном, снова низко кланяясь. Однако голос его дрогнул, и Галадриэль улыбнулась ему ободряюще. — Разве что... если мне действительно дозволено просить, подари мне прядь твоих волос, превосходящих земное золото настолько, насколько звезды небесные превосходят драгоценности земных недр. Конечно, я не настаиваю. Просто ты просила назвать дар, и я повинуюсь.

Эльфы беспокойно зашевелились, перешептываясь, даже Владыка Келеборн взглянул удивленно, но Владычица рассмеялась:

— Говорят, гномы искусны руками, а не речами, но о нашем госте так не скажешь. Никто доныне не обращался ко мне с просьбой столь же дерзкой, сколь и учтивой. Как же могу я отказать, повелев прежде говорить? Но скажи мне, что бы ты стал делать с таким даром?

— Берег бы как величайшее сокровище, Владычица, — ответил Гимли, — в память о твоих словах, сказанных в нашу первую встречу. А если мне суждено вернуться домой, я помещу твой дар в самый прочный алмаз, и он станет нашей родовой драгоценностью как залог добрых чувств между Лесом и Горой до конца времен.

Владычица отрезала три золотые пряди и вручила Гимли.

— Я не предсказываю, — молвила она, — ибо напрасны предсказания в наши дни, когда на одной чаше весов лежит Тьма, а на другой — лишь надежда. Но если надежда наша не обманчива, я скажу тебе, Гимли, сын Глоина: золото будет само течь тебе в руки, но над сердцем твоим власти не будет иметь никогда.

Ну вот, теперь остался только Хранитель Кольца, — обратилась она к Фродо. — Ты последний ждешь моих слов, но не последний в моих мыслях. Для тебя у меня приготовлен особый дар. — Галадриэль подняла хрустальный фиал, и от ее руки брызнули лучи белого света. — Здесь пойман и сбережен свет Эарендила, отразившийся в моем Зеркале. Чем чернее ночь вокруг тебя, тем ярче будет он освещать твой путь. Ему гореть там, где погаснут все другие огни. Помни Галадриэль и ее Зеркало.

Фродо протянул руку, взял фиал и на миг снова увидел перед собой великую и прекрасную королеву. Однако в ее облике не было больше ничего грозного. Он поклонился и молча отступил назад.

Все встали, и Келеборн повел их к воде. Полдень окутал лесной край золотым мягким сиянием. Серебряно блестели

волны Реки. Отряд расселся по лодкам, эльфы с прощальными возгласами оттолкнули их от берега длинными шестами, и вот уже течение подхватило легкие суденышки и повлекло прочь. Путники сидели, не двигаясь и не разговаривая. На зеленом берегу, поодаль от всех, стояла Владычица Галадриэль. Казалось, она все быстрее удаляется от них и весь Лориен скользит назад, словно яркий корабль с высокими мачтами своих дивных деревьев и зелеными парусами их пышных крон, уплывает к забытым берегам, а они беспомощно и неподвижно сидят на сером унылом песке.

Они все смотрели назад, а воды Серебрени уже смешались с волнами Андуина, и лодки уносили отряд на юг. Скоро белая фигура Владычицы отдалилась, стала маленькой, словно оконце в доме на холме, поймавшее солнечный луч, словно хрусталь, упавший на колени этой земли. Фродо показалось, что Галадриэль подняла руку в прощальном жесте, и вдруг ветер совершенно явственно донес ее голос. Владычица пела на древнем языке Заморских Эльфов, слов было не понять, а в прекрасной мелодии слышалась тревога. Фродо и раньше хорошо запоминал эльфийские слова, вот и теперь песня врезалась в память, и много лет спустя он перевел ее, как умел, хотя говорилось в ней о вещах, малоизвестных в Среднеземье.

Аи! Лауриэ лантар ласси суринен!
Йэни унотимэ ве рамар альдарон,
йэни ве линтэ йулдар аваниер
ми оромарди лиссэ-мируворева
Андунэ пелла, Вардо теллумар
ну луини йассен тинтилар и элени
омарио айретари-лиринен.

Си ман и йулма нин энкуантува?

Ан си Тинталлэ Варда Ойолоссэо
Ве фаниар мариат Элентари ортанэ,
ар илиэ тиер ундулавэ лумбулэ,
ар синданориелло кайта морниэ
и фалмалиннар имбэ мет, ар хисиэ
уйтупа Калакирио мири ойалэ.
Си ванва на, Ромелло ванва, Валимар!

Намариэ! Нан хирувалиэ, Валимар.
Нан элиэ хирува. Намариэ!

[Ах! Как золото, падают листья под ветром!
Долгие годы бессчетны, как крылья деревьев,
долгие годы проходят, как быстрые глотки сладкого
меда в высоких залах на дальнем Западе
под синими сводами Варды,
где звезды подрагивают от песни,
которую поет ее царственный голос.
Кто нынче наполнит для меня кубок?

Варда, Королева Звезд с вечно белой горы
поднимает руки над миром, подобные облакам.
И тропы мира тонут в тени, а туман из серой страны лег
на пенистые волны меж нами,
скрыл туман навсегда Калакирии камни.
Ныне для тех, кто скорбит на Востоке, пропал Валимар!
Прощай! Может быть, ты еще найдешь Валимар.
Может быть, именно ты и найдешь Валимар. Прощай!]

На Заокраинном Западе имя Варда носит та, которую эльфы Среднеземья зовут Элберет.

Русло реки повернуло, берега поднялись по обе стороны и скрыли Лориен. Фродо никогда больше не видел этой дивной страны.

Солнце плыло в небе прямо у них по курсу и слепило глаза, и без того полные слез. Гимли плакал открыто.

— Я уже видел самое прекрасное в своей жизни, — сказал он другу Леголасу. — Что могу я назвать прекрасным теперь? Разве только ее дар? — Он приложил руку к груди. — Скажи мне, Леголас, ну зачем пошел я с отрядом? Я ведь не знал, где таится главная опасность! Прав был Элронд. Не дано нам предвидеть свою дорогу. Я боялся пыток во тьме и пересилил страх. Но клянусь тебе, я остался бы, коли б мог предвидеть боль этого расставания. Мне не станет хуже, попади я нынче же ночью прямиком к Темному Властелину. Горе, о горе Гимли, бедному сыну Глоина!

— Горе всем нам! — откликнулся Леголас. — Горе всем бредущим по тропам мира в эти последние дни! Их удел — находить и терять. Но твоя судьба осиянна, Гимли, сын Глоина, ибо ты выбрал, что терять, по доброй воле. Ты знал, что теряешь, но не оставил спутников, и наградой тебе будет чистая память сердца о дивном Лотлориене, и не потускнеет, и не иссякнет эта память!

— Может, и верно, — вытирая глаза, ответил Гимли. — Твои слова верны, но холодно от них на душе. Не успокоится сердце памятью. Память — лишь зеркало, холодное, как Келед Зарам. Но может, эльфы по-другому видят? Я слыхал, для них память — не греза, а мир на грани сна и яви. Увы! Мы не так чувствуем. Впрочем, довольно об этом. Взгляни на лодку! Не слишком ли мы нагрузили ее? Я не хотел бы топить свою скорбь в холодной воде.

Он взял весло и принялся помогать Леголасу, уводя лодку со стремнины под берег.

Так начался долгий путь на юг. Голые бесприютные леса стояли по берегам, мешая видеть окрестности. Ветра не было. Ни одной птицы не появлялось над Рекой. Солнце тускнело, склоняясь к земле, и кануло за горизонт; настал ранний вечер,

а вслед за ним — серая беззвездная ночь. Путники плыли и ночью, держась в тени западного берега. Огромные деревья призраками проплывали над головами, опустив извилистые жадные корни в туман. Было тревожно и холодно. Фродо прислушивался к плеску и журчанию вокруг лодки, и постепенно голова его склонилась на грудь, а беспокойный сон смежил глаза.

Глава 9
ВЕЛИКАЯ РЕКА

Фродо проснулся, разбуженный Сэмом. Оказалось, что он спал, заботливо укутанный, под деревьями, в тихом лесном уголке на западном берегу Андуина. Ночь прошла, и тусклое серое утро повисло на голых ветвях деревьев. Неподалеку Гимли хлопотал возле маленького костерка. Прежде чем окончательно рассвело, отряд снова был в пути. Не то чтобы они спешили; всех вполне устраивала отсрочка решения до Крутояра и водопадов Рэроса, а до них плыть предстояло еще несколько дней. Река несла их не быстро, не медленно — как могла, торопить ее никто не хотел. Независимо от выбора, впереди ждали только опасности, а они могли и подождать. Арагорн, сохраняя силы товарищей, не заставлял их грести, но неукоснительно следил за тем, чтобы на стоянках зря времени не терять. Отправлялись рано и плыли допоздна. Предводитель отряда хорошо понимал, что Темный Властелин не сидел без дела, пока они отдыхали в Лориене.

Но пока путешествие проходило вполне спокойно. Вереницей тянулись однообразные часы плавания, и только на третий день пути берега стали меняться. Деревья росли все реже, а потом и вовсе пропали. На восточном берегу их сменили не менее однообразные бурые увалы без единой травинки или кустика, словно выжженные зловредным палом. Начинались Бурые Земли; обширные и заброшенные, они тянулись между Южным Сумеречьем и холмами Эмин Майл. Даже Арагорн не знал, какое лихо привело все здесь в такое запустение.

На западном берегу леса уступили место равнине. Там зеленела трава, а вдоль берега тянулись тростниковые заросли, высокие, никогда не остававшиеся в покое. Темные сухие камыши, печально шелестя, клонились и вздрагивали под напором течения. Иногда в просветах мелькали пятна зелени прибрежных луговин, а за ними на горизонте синела линия Мглистых Гор.

Одиночество путников скрашивали только птицы. В тростнике, оставаясь невидимыми, перепархивали и посвистывали маленькие пичуги; однажды над головами с шумом протянулся на юг большой клин.

— Лебеди! — узнал Сэм. — Ого! Ну и здоровущие!

— И к тому же черные, — мрачно добавил Арагорн.

— Какой широкой, пустой и печальной выглядит эта земля, — сказал Фродо. — А я-то думал, если путешествуешь на юг, становится все теплее.

— Мы пока не на юге, — ответил Арагорн. — До моря далеко. В этих краях даже снег может пойти. Там, у впадения Андуина в залив Белфалас, теплее и веселее. Хотя что я говорю? Какое веселье? Те земли под Врагом теперь. А здесь мы всего лиг на семьдесят южнее вашей Южной Чети. Скоро подойдем к устью Светлимы, роханской реки, вытекающей из Леса Фангорна. По ней проходит северная граница Рохана. В старину всеми землями между течением Светлимы и Белыми Горами владели рохирримы. Земли изобильные, славятся отменными пастбищами, но в нынешние злые дни Люди ушли от Реки. Андуин широк, но орочьи стрелы перелетают с одного берега на другой, а в последнее время орки даже переправляются иногда и угоняют табуны.

Сэм тут же принялся беспокойно озираться. Совсем недавно он все высматривал засады меж деревьев, но теперь, среди открытых пространств, стало еще хуже: уж очень все на виду, и он с сожалением вспоминал об оставшихся позади лесах.

Впрочем, в последующие два дня это ощущение постепенно охватило всех в отряде. Теперь весла не лежали без дела, и берега быстрее скользили мимо. Река разливалась, стали появляться галечные отмели, и рулевым лучше было не зевать. По другую сторону начали встречаться болота.

Фродо, припомнив яркие лужайки, фонтаны, солнце и ласковые дожди Лотлориена, зябко передернул плечами. Из-за увалов с востока на Реку накатывали невидимые волны холодного воздуха. В лодках давно уже не смеялись, даже разговаривали мало; каждый был занят собственными мыслями. Память Леголаса уводила его в буковые рощи под крупными летними звездами; Гимли прикидывал мысленно, найдется ли в родовой сокровищнице подходящий алмаз для дара Владычицы; Мерри и Пиппин в средней лодке увлечены были подхваченным вчера насморком, а Боромир то бормотал неразборчиво, то вдруг принимался обкусывать ногти, как поступают иногда воины в сомнении и беспокойстве, а то вдруг хватал весло и догонял лодку Арагорна. В такие моменты Пиппин, сидевший на носу, улавливал странный блеск в глазах гондорца, устремленных на Фродо.

Сэм после долгих размышлений пришел к выводу, что хотя лодки и не так опасны, как он раньше представлял, но и удобств в них куда меньше, чем можно предположить, глядя со стороны. Он тягостно переживал плавание: делать нечего, сиди себе да пялься на ползущие мимо зимние снулые земли и серую воду в нескольких дюймах от бортов. Даже когда приходилось грести, весел ему не доверяли.

Вот так, на четвертый день пути, уже под вечер, он и развлекал себя: то посмотрит вправо, то вперед, а то через головы Арагорна и Фродо назад, на идущие следом лодки. Его уже клонило в сон, хотелось побыстрее вылезти, размять занемевшие ноги и почувствовать наконец твердую землю. И тут что-то привлекло его взгляд за кормой. К этому времени он уже с минуту бездумно смотрел назад, но теперь замотал головой и протер глаза. Однако, всмотревшись, ничего необычного не увидел.

Ночевали на маленьком островке под западным берегом. Сэм, завернувшись в одеяло, ворочался рядом с Фродо.

— Я тут было задремал в лодке, сударь,— неуверенно начал он,— и привиделась мне... а может, не привиделась... забавная штука.

— Ну, что ты там еще углядел? — проворчал Фродо. Он уже по опыту знал: Сэм не уймется, пока не расскажет свою байку.— Мне вот с самого Лотлориена не попадалось ничего забавного.

— Да не то чтобы забавно, а все ж таки странно,— оживился Сэм.— Но вы послушайте: я бревно с глазами видел!

— С бревном все точно,— улыбнулся Фродо,— их в Реке много, а глаза лучше убрать.

— Так ведь это ж самое главное! — подскочил Сэм.— Я от этих глаз так и сел. Ну, плывет себе коряга за Леголасовой лодкой и плывет, я сначала и внимания не обратил, а потом гляжу — догоняет! Это как же так, думаю, течение-то одно! Вот тогда я глаза и увидел: две такие бледные точки с переднего конца, а потом пригляделся, а у коряги-то — лапы! Ну прямо как у лебедя, и она гребет! Я сел, глаза тереть стал, крикнуть собрался, никакой дремоты у меня и в помине не осталось, а только смотрю — нету! Но я краешком-то глаза заметил, вроде под берег что-то темное — нырь! И все. Никаких глаз.

Я, значит, и говорю себе: дрыхнешь, стало быть, Сэм, вот и видишь невесть что. Но с тех пор все думаю: привиделось или нет?

Фродо на удивление долго молчал, а потом заговорил устало:

— Это Сэм, было бы проще всего: мол, сумерки, задремал. Да только они ведь не впервой появились, глаза эти. Я их еще до Лотлориена замечал. А ночью на границе на флет поднималось какое-то существо с такими глазами. Хэлдир его тоже видел. А эльфы, которые орков гоняли? Помнишь, они рассказывали?..

— А-а,— задумчиво протянул Сэм.— Теперь мне, пожалуй, многое припоминается. То, да се, да рассказы Бильбо — все одно к одному. Получается, сударь, мы с вами существо-то это знаем. Ведь это ж Горлум, наверное.

— Наверное, он,— с неохотой подтвердил Фродо.— Боюсь, что он. С той самой ночи на дереве и боюсь. Как я теперь

думаю, он в Мории прятался и там увязался за нами. Я надеялся, остановка в Лориене собьет его со следа, но эта дрянь, видно, пряталась на той стороне Серебрени и видела, как мы отплывали.

— Надо бы нам поосторожнее, — озабоченно сказал Сэм, — а то, не ровен час, однажды ночью передушит он нас как курей. Не надо Колоброда там беспокоить или кого. Я сам покараулю. А завтра в лодке отосплюсь, я ведь все равно там вроде как груз.

— Груз с глазами, — улыбнулся Фродо. — Ладно, карауль, но с полночи я тебя сменю. А если что — буди меня сразу.

Глухой ночью Фродо с трудом проснулся. Сэм тряс его за плечо.

— Жалко будить вас, сударь, — прошептал он, — но все так и есть, как мы говорили. Совсем недавно я тут плеск такой особый слыхал и сопение, значит. Хотя ночью-то у реки всегда всяких странных звуков хватает.

Сэм лег, а Фродо, борясь со сном, закутался в одеяло и сел, вглядываясь в темноту. Однако проходили минуты, часы, и ничего не случалось. Фродо уже подумывал, не прилечь ли ему, как вдруг заметил едва различимый силуэт в воде, возле самого берега. Вот поднялась слабо белевшая в ночи рука и ухватилась за планширь, следом высунулась голова и заглянула через борт, а потом прямо на Фродо уставились два знакомых слабо светящихся глаза. Не больше двух ярдов отделяло Фродо от них. Хоббит встал и, обнажив Шершень, взглянул прямо в глаза. Они мигнули, притухли, раздалось шипение, плеск, и по-лягушачьи раскоряченная фигурка рванулась вниз по течению.

Арагорн повернул голову, вскочил и подошел к Фродо.

— Что тут у тебя? — прошептал он. — Меня что-то разбудило. Ты почему с мечом?

— Горлум, — коротко ответил Фродо. — Или мне показалось, — добавил он.

— А-а! Так ты знаешь о нашем маленьком разбойнике? Он топал за нами, почитай, через всю Морию и проводил до Нимродели. А потом встретил на Серебрени, оседлал бревно и не отстает. Я уж тут на него ночами охоту устраивал, но он хитрей лисы и ловок, как рыба. Да и плавает не хуже. Ладно, завтра попробуем оторваться от него. Ты ложись, спи. Я покараулю. Да, хотелось бы мне словить этого мерзавца, он может пригодиться. На свободе он слишком опасен. Мало того, что убьет — не задумается, он ведь врагов может навести.

Ночь прошла, а никакого Горлума будто и не было. Теперь уж весь отряд смотрел в оба, но ничего не высмотрел. Если он и продолжал преследование, то очень осторожно. После этой ночи Арагорн не выпускал весла из рук, другие тоже гребли.

Скорость заметно возросла. Шли опять по ночам, а днем выбирали стоянки понезаметнее. Так без особых событий шли дни, пока не настал восьмой из них.

Седьмой день выдался облачным, но к ночи стало проясняться, и рожок молодой луны замелькал в разрывах туч. Сэм долго смотрел на нее, морща лоб и шевеля губами.

На следующий день характер берегов стал быстро меняться. Появились скалы, поросшие терном и ежевикой. Кое-где за камень цеплялись кривые от постоянных ветров пихты. Впереди лежало нагорье Эмин Майл.

На прибрежных утесах гнездилась масса птиц. Теперь в воздухе по целым дням кружились стаи. Арагорн с беспокойством посматривал на них, прикидывая, далеко ли разнеслись вести об их путешествии и не приложил ли к этому лапу Горлум.

На закате он заметил, очень высоко и далеко, огромную птицу, описывавшую медленные круги.

— Посмотри-ка, Леголас, похоже на орла?

Эльф прищурился:

— Орел. Он на охоте. Странно. Слишком далеко от гор.

— Подождем, пока стемнеет, — решил Арагорн. — Тогда и двинемся.

Восьмая ночь плавания выдалась тихой. Тонкий серпик луны рано растаял в светлой полосе заката, небо над головами было ясным, и только на юге громоздились тучи.

— Пора, — сказал Арагорн. — Рискнем сделать еще один переход. Я плохо знаю здешние берега, по воде здесь никогда не ходил, но, по-моему, до Сарн Гебира еще далеко. Нам могут попадаться маленькие островки. Они каменистые, смотрите в оба!

Сэма назначили впередсмотрящим. Он улегся на носу лодки, всматриваясь в ночь. Высыпали на редкость крупные звезды, поверхность воды слабо поблескивала. Около полуночи Сэм закричал. Впереди, всего в нескольких ярдах, вставали темные зубчатые контуры скал, вода изменила голос. Течение ускорилось, лодку отнесло влево, и она заплясала в пенных гребнях. Справа из воды торчали сплошные камни. Лодки подогнало друг к другу.

— Эй, Арагорн! — крикнул Боромир. — Это же безумие — лезть ночью на стремнину. Ни одна лодка не пройдет Сарн Гебир даже днем.

— Назад! — закричал Арагорн, изо всех сил удерживая лодку на месте. — Уходите под берег! Я, наверное, ошибся, — признался он Фродо. — Течение быстрее, чем я думал. Сарн Гебир совсем рядом.

Путешественникам стоило немалого труда развернуть лодки. Они медленно продвигались против течения, сносившего их к восточному берегу.

— Навались! — кричал Боромир. — Навались разом, иначе нас выбросит на камни.

Фродо почувствовал, как дно лодки задело за что-то. И тут, в довершение ко всему, на них посыпались стрелы. Одна так ударила Фродо в спину, что он едва не вылетел из лодки. Другая пронзила капюшон Арагорна, третья застряла в борту второй лодки под рукой Мерри. Сэму показалось, что он видит мечущиеся темные фигуры на низком восточном берегу. Они были близко.

— *Ирч!* — воскликнул Леголас, от волнения переходя на родной язык.

— Орки! — крикнул Гимли.

— Горлум! Его лап дело! — уверенно произнес Сэм. — И выбрали же место! Река-то нас прямо на них несет.

Все налегли на весла, даже Сэм. Каждый миг любой из путников ждал удара черной оперенной стрелы. Над головами посвистывало, стрелы вспарывали воду рядом с бортами, но пока никто не пострадал. Темнота не могла помешать целиться мордорским лучникам — орки обладали ночным зрением, но серые борта лодок и эльфийские плащи сбивали их с толку.

Во тьме нелегко было определить, насколько успешны усилия гребцов. Но вскоре напор воды уменьшился, течение стало поспокойнее, и уже не так трудно было отвести лодки в густую тень под западный берег. Только там, причалив, они позволили себе отдохнуть. Леголас тут же бросил весло и с луком в руках выпрыгнул на берег. Положив стрелу на тетиву, он обернулся, выискивая цель, но в темноте с той стороны доносились только грубые крики. Над головой эльфа в звездном свете поблескивали скалы, но по небу неслись уже невесть откуда взявшиеся рваные облака, быстро затягивающие звездные поля.

Внезапный страх почувствовали одновременно все.

— *О Элберет Гилтониэль!* — выдохнул эльф, взглянув наверх.

Огромная темная тень, только похожая на облако, но двигавшаяся куда быстрее, налетала с юга. Скоро уже можно было различить очертания невиданной крылатой твари. Ее появление, судя по крикам на том берегу, вызвало ликование среди орков.

Леденящий ужас сковал Фродо. Старая рана в плече отозвалась пульсирующей болью. Хоббит распластался по дну лодки, тщетно пытаясь спрятаться.

Громко зазвенела тетива большого лориенского лука. Фродо поднял голову. Крылатая тень дернулась и резко отвернула в сторону. Хриплый обиженный карк упал с неба, и все стихло. С того берега взорвались озлобленные, разочарованные крики, и больше — ни стрелы, ни звука.

Немного погодя Арагорн отвел лодки еще выше по Реке и остановился в маленьком мелком заливчике. Здесь, под низко-

рослыми деревцами, решили ждать рассвета, даже не выходя из лодок, а просто сведя их бортами и прижавшись друг к другу.

— Хвала и слава лориенскому луку и твердой руке, — сказал Гимли, закусывая эльфийскими лепешками. — Это был великолепный выстрел, друг мой.

— Только вот кто бы мне еще сказал, во что я попал? — пробормотал обескураженный эльф.

— Этого я не знаю, — степенно ответил Гимли, — но рад, что оно улетело. Мне оно не понравилось. Слишком Барлога напомнило, — закончил он шепотом.

— Это не Барлог, — пытаясь унять дрожь, возразил Фродо. — Оно совсем холодное, слишком холодное. Мне показалось... — Он не стал продолжать.

— Ну, что показалось? — настойчиво спросил Боромир; он даже перегнулся из своей лодки, пытаясь разглядеть лицо хоббита.

— Не стану я говорить, — пробормотал Фродо. — Чем бы оно ни было, а те, на берегу, струхнули, когда оно улетело.

— Мне тоже так показалось, — согласился Арагорн. — Но мы так и не знаем, сколько их там и что они намерены предпринять. Эту ночь спать не придется. Сейчас-то темно, а что день принесет? Держите оружие наготове.

Сэм сидел, барабаня пальцами по рукояти меча и все поглядывая на небо.

— Вот чудно, — бормотал он. — Луна ведь у нас одна, что в Шире, что еще где-нибудь. То ли она с пути сбилась, то ли я — со счета. Фродо, — обратился он к хозяину, — вы ведь помните, когда мы на флет влезли, луна как раз на убыль шла, этак с неделю после полнолуния. Неделю мы по Реке плывем. В прошлую ночь новая луна народилась. Это что же получается? Были мы в Лориене или не были?

Три ночи я помню, ну, может, их еще несколько было, но не целый же месяц! Или там время вообще не считано?

— Может, здесь дело вот в чем, — задумчиво проговорил Фродо. — В Лотлориене все еще пребывает время, которое во всех остальных местах давно прошло. А когда Серебрень вынесла нас в Андуин, мы вернулись в то время, которое властвует над всеми смертными землями. В Карас Галадоне я помню только солнце и звезды, а никакой луны не видел.

Леголас пошевелился в своей лодке.

— Нет, Фродо, время нигде не стоит на месте. Но в разных местах ход его неодинаков. Для эльфов мир тоже меняется, причем меняется и медленно, и быстро. Быстро потому, что сами эльфы почти неизменны, события и времена летят мимо, мало задевая их, — в этом печаль эльфийского народа. А медленно потому, что эльфы не считают уходящих лет.

Смена времен года — только рябь для них, вечно бегущая по поверхности реки времени. Но все под солнцем имеет свой конец.

— Только Лориен идет к концу очень неспешно, — проговорил Фродо. — На нем охрана Владычицы. Это власть ее Кольца делает часы и дни в Карас Галадоне насыщенными и незаметными.

— Молчи! — остановил его Арагорн. — За границей Лориена нельзя говорить об этом. Сэм просто сбился со счета. В эльфийской стране время пролетело мимо нас. Старая луна ушла, народилась новая и тоже ушла, а вчера вечером появилась опять. Зима кончается. Скоро весна, только надежды она в этот раз не принесет.

Ночь молчала. До самого рассвета из-за Реки не донеслось ни звука, ни крика. Съежившиеся в лодках путники чувствовали, как меняется погода. Потеплело. Воздух стал тихим и отсыревшим под огромными дождевыми тучами, пришедшими с юга, от далеких морей. Голос Сарн Гебира громче зазвучал под утро. С веток деревьев падали капли сгустившегося тумана.

Рассвет подкрался незаметно и потянул за собой грустный день, лишенный теней и настоящего света. Река тонула в белесом тумане, восточного берега как будто не было.

— Терпеть не могу туман, — ворчал Сэм, — а тут ладно уж, тут он кстати. Глядишь, эти проклятые гоблины нас и не заметят.

— Они-то не заметят, — откликнулся Арагорн, — но ведь и нам дороги не увидеть. Надо же обходить Сарн Гебир.

— А зачем? — неожиданно спросил Боромир. — Если впереди Эмин Майл, мы вполне можем бросить эти утлые скорлупки и свернуть на юго-запад. Потом переберемся через Энтову Купель и окажемся в моей стране.

— Возможно, этим путем мы бы и пошли, если бы стремились попасть в Минас Тирит, — возразил Арагорн. — Но такого решения никто не принимал. К тому же дорога, которую ты предлагаешь, не безопасна. Долина Энтовой Купели плоская и заболоченная. Если туман застанет там путников, им не позавидуешь. Лодки нам еще пригодятся. Река — это такая тропа, с которой по крайней мере не собьешься.

— Но ты же видел, на том берегу враги, — настаивал Боромир. — Хорошо, допустим, мы пройдем Ворота Аргоната и доберемся до Крутояра, дальше что? Прыгать с вершины Рэроса прямо в Гиблые Болота?

— Ну зачем же? — Чем больше горячился Боромир, тем спокойнее становился Арагорн. — Обнесем лодки по берегу и снова спустим на воду. Ты же не мог забыть о Северной Лестнице и сторожевом посту на Амон Хене. Я собирался обяза-

тельно заглянуть туда, осмотреться и принять решение в зависимости от того, что мы увидим.

Боромир долго еще настаивал и приводил аргументы, но, когда Фродо сказал, что идет с Арагорном, сразу сдался.

— Люди Минас Тирита не бросают друзей в беде, — совершенно другим тоном сказал он. — Вам без меня не справиться. Но дальше Крутояра я не пойду. Даже если мне не найдется спутников, я все равно должен идти домой.

Туман постепенно поднимался. Арагорн с Леголасом решили пройти вдоль берега, поискать дорогу, чтобы обойти пороги.

— Я вполне верю, что лориенские лодки не тонут, — заметил Арагорн. — Но живые не ходят через пороги Сарн Гебир. Гондорских дорог здесь нет, мы ведь на самой границе, а вот древний волок должен остаться. Надо только поискать его. Еще несколько лет назад легкие лодки спускались до Осгилиата, только с появлением орков путь по воде забросили.

— Что-то я не помню на своей памяти ни одной лодки с севера, — скептически произнес Боромир. — Чем дальше вперед, тем опасней.

— Любая дорога на юг опасна, — пожал плечами Арагорн. — Мы идем. Ждите нас до вечера. Если мы не вернемся, выбирайте нового проводника и уходите, как сможете.

Фродо, чувствуя тяжесть на сердце, проводил взглядом человека и эльфа, быстро исчезнувших в тумане. Но страхи оказались напрасны. Уже к полудню разведчики вернулись.

— Все в порядке, — спустившись с косогора, успокоил их Арагорн. — Там есть тропа, а ниже — хороший спуск к воде. Пороги начинаются неподалеку и тянутся не больше мили. Дальше русло спокойное. Сложно только дотащить лодки и груз до старого волока. До него не больше фарлонга, но подъем крутой. Наверное, выше по течению был причал, а мы проскочили его прошлой ночью. Но он, скорее всего, разрушен. Лучше идти к волоку прямо отсюда.

— Будь мы все Людьми, и то это непростое дело, — проворчал Боромир.

— Все же придется попытаться, — ответил Арагорн.

— Сделаем, — заверил Гимли. — Там, где люди спотыкаются, гном идет себе и еще несет вдвое больше своего веса, мастер Боромир!

Но задача и в самом деле оказалась нелегкой. Сначала разгрузили лодки и вынесли пожитки наверх. Потом подняли и перенесли лодки. Против ожидания, они оказались совсем легкими. Даже Леголас не мог сообразить, из какого дерева они сделаны, но двое хоббитов легко несли лодку по ровному месту. Однако тропа шла круто вверх по скалам, заросшим еже-

викой, а кое-где попадались неожиданные болотистые низинки.

Лодки перетаскивали Арагорн и Боромир, а остальные пыхтели за ними с вещами. Наконец все оказалось сложено у начала волока, дальше пошло легче. Туман все еще висел над Рекой, слышно было, как бьется и плещет вода в порогах. За два раза груз и лодки переправили к маленькому озерку, сообщающемуся с рекой ниже Сарн Гебира. Ложе озерка, видимо, выточила вода, завихряясь ниже последнего порога. Дальше дороги по берегу не было.

Полдень давно миновал, дело шло к вечеру, когда путники, отирая пот, сели возле воды, прислушиваясь к реву и грохоту стремнины. Все устали, и настроение было под стать уходящему сумрачному дню.

— Здесь придется заночевать, — сказал Боромир, — все устали, и вряд ли есть смысл пытаться пройти в темноте Ворота Аргоната. Хотя наш стойкий гном, несомненно, рвется вперед.

Гимли никак не реагировал. Он стал клевать носом, как только сел.

— Ладно, отдохнем, — согласился Арагорн. — Отчалим утром. Если туман продержится, может, удастся проскользнуть незаметно. Но дежурить будем по двое.

Ночь не принесла ничего хуже моросящего дождя под утро. На рассвете, по-прежнему в тумане, но уже не в таком плотном, как накануне, тронулись в путь, держась поближе к западному берегу. Утро кончалось, когда дождь полил сильнее. Лодки прикрыли кожаными фартуками, весла отложили и так сплавлялись по течению сквозь сплошную дождевую кисею.

Впрочем, дождь скоро прекратился. Постепенно развиднелось, а потом облака как-то вдруг разошлись и клочьями унеслись к верховьям Реки. Туман исчез. Река текла в огромном каньоне, и течение снова заметно ускорилось. Остановиться здесь вряд ли удалось бы. Впереди, против солнца, темнели высокие холмы Эмин Майл, и в них не заметно было ни единого просвета.

Фродо, вглядывавшийся вперед, наверное, первым заметил вдали две огромные скалы. Высокие, угрюмые, они с двух сторон стиснули Реку, и лодки несло как раз между ними.

— Это Аргонат, Столбы Королей! — воскликнул Арагорн. — Держитесь на середине потока и как можно дальше друг от друга.

Столбы вставали навстречу и все больше казались Фродо молчаливыми грозными фигурами гигантов. Но лишь через несколько минут он понял, что это не обман зрения. Камень был обработан. Мастерство и мощь древности сквозь зной и холод лет пронесли облики былого. Из быстрых вод вздыма-

лись каменные короли. Время, словно глубокими морщинами, избороздило трещинами их лица, обращенные на север. Левая рука каждого изваяния в предостерегающем жесте протянулась вперед, правая сжимала боевой топор. Величие и сила молчаливых стражей давно исчезнувшего королевства настолько поразили Фродо, что он в благоговейном ужасе опустился на дно лодки и закрыл глаза. Даже Боромир склонил голову, когда легкие серые скорлупки лодочек проносились в тени гигантов.

За Воротами Аргоната утесы по обе стороны Реки взметнулись высоко в небо. Река словно выгнула напряженную спину и несла лодки все быстрее, ветер тоскливо вскрикивал над ними. Фродо сидел, сжавшись в комок, и слушал, как бормочет за спиной Сэм: «Что за место! Что за жуткое место! Только дайте мне выбраться из этой проклятущей лодки, я не то что к реке, к луже-то больше в жизни не подойду!»

— Не надо бояться! — раздался зычный голос.

Фродо обернулся и увидел... Колоброда? нет, пожалуй, не его. Усталого, вечно озабоченного Следопыта из Пустоземья больше не было. На корме лодки, гордо выпрямившись, стоял Арагорн, сын Арахорна. Легкими точными движениями он направлял лодку. Темные волосы развевались по ветру, в глазах — свет: король, возвращающийся на родину из долгого изгнания.

— Не надо бояться! — повторил он. — Давно стремился я узреть образы моих далеких предков, Исилдура и Анариона. Под их тенью нечего опасаться Элессару Эльфиниту, Наследнику Элендила.

Постепенно свет в его глазах угас, и он проговорил уже про себя: «Ах, если бы Гэндальф был здесь! Как тоскует мое сердце по Минас Анору, по стенам моего города! Куда же теперь направлю я путь?»

Длинный и темный каньон, наполненный шумом ветра и гулом несущейся воды, постепенно изгибался к западу. Вскоре впереди показался и начал стремительно расти свет. Внезапно лодки вынесло на простор, и Фродо зажмурился.

Солнце сияло в ветреном небе. Вырвавшись из каньона, Река широко разливалась в холмах, поросших лесом. Вдали на юге среди вод вставал остров, и Андуин словно обнимал его двумя светлыми мерцающими руками. По берегам поднимались еще две вершины. Издалека ветер принес гулкий рокот.

— Тол Брандир, — сказал Арагорн. — Слева — Амон Лав, а справа — Амон Хен, сторожевые посты Чуткий и Зоркий. Там, на вершинах, во времена королей несли дозор. Но на вершину Тол Брандира никогда не ступал ни зверь, ни человек. Еще до заката мы будем там. Я уже слышу голос Рэроса.

Отряд немного передохнул; сцепив лодки, перекусили, потом взялись за весла. На западе холмы уже окунулись в ве-

чернюю тень, солнце висело на горизонте слегка сплюснутое, большое и красное. Скоро появились первые ранние звезды. Три вершины темнели впереди. Все громче ревел Рэрос.

Приставали уже в глубоких сумерках. На исходе десятого дня пути Бурые Земли остались позади. Предстояло наконец сделать выбор между западом и востоком и выполнить последнюю часть Задачи.

Глава 10
ОТРЯДА БОЛЬШЕ НЕТ

Арагорн привел их к началу правого рукава Реки. Здесь, у подножия Амон Хена, к воде спускалась зеленая приветливая лужайка с узким песчаным пляжем. Поодаль начинался лес, покрывавший склоны холма. Маленький родничок, весело кувыркаясь, петлял в траве.

— Вот здесь и заночуем, — сказал Арагорн. — Это Порт Гален, в старину — замечательное чистое место. Может быть, Зло еще не добралось сюда.

Лодки вытащили на берег и разбили лагерь. Дозорного, конечно, назначили, но никаких признаков врагов не ощущалось. Если Горлум и продолжал следить за отрядом, то научился делать это очень осторожно.

Арагорн спал беспокойно, метался во сне, часто просыпался. Перед рассветом он встал и подошел к дежурившему Фродо.

— Ты чего не спишь? — спросил хоббит. — Все ведь спокойно. Ложись, я дежурю.

— Не спится мне, — ответил Арагорн. — Видно, чувствую что-то. Достань-ка меч, давай поглядим.

Фродо с удивлением достал из ножен Шершень. Края клинка тускло светились в ночи.

— Орки! — в ужасе проговорил Фродо. — Не очень близко, но и недалеко ведь.

— Вот этого я и боюсь, — отозвался Арагорн. — Конечно, может, они на том берегу, клинок-то едва светится. А может, и не орки, а просто какие-нибудь вражьи шпионы на Амон Лав. Я никогда не слыхал об орках на Амон Хене. Правда, то было раньше. Минас Тирит больше не сдерживает врага у Реки. Завтра надо быть поосторожнее.

Утро раскрасило небо в красные и черные тона. Низко на востоке нависли мрачные тучи, словно дым огромного пожара. Восходящее солнце подсвечивало их снизу, но скоро выбралось в чистое небо, позолотив вершину Тол Брандира.

Фродо разглядывал высокий остров. Крутые стены обрывались в воду. Неприступные скалы штурмовали упорные оди-

нокие деревья, цеплявшиеся за каждую щель или трещину. Над вершиной острова, неправдоподобно высокой, кружились птицы. Действительно, никаких признаков других живых существ глаз не замечал.

После еды Арагорн собрал отряд на совет.

— Вот он и пришел, день выбора, — промолвил он. — Как ни откладывай, а надо решать. Что станет с нашим братством? Повернем ли мы на запад и уйдем вместе с Боромиром в сражающийся Гондор, уйдем ли на восток, к Страху и Тени, или вовсе разойдемся кто куда по своим дорогам? Какое бы решение мы ни приняли, принимать его надо быстро. Задерживаться здесь нельзя. На том берегу мы видели орков, но я опасаюсь, как бы они не переправились и на наш.

После его слов настало долгое молчание.

— Ну, Фродо, — заговорил наконец Арагорн, — боюсь, решать предстоит тебе. Ты — Хранитель, назначенный Советом, и выбор за тобой. Даже я ничего не могу предложить тебе. Я ведь не Гэндальф, хотя и пытался, насколько мог, делать его работу. Я не знаю, что у него было припасено для этого дня, да и было ли? Даже будь он с нами, решать все равно пришлось бы тебе. Это — твоя судьба.

Фродо долго молчал, а потом медленно, через силу заговорил:

— Я знаю, времени мало. Но я пока не могу выбрать. Тяжело мне. Я хотел бы побыть один. А через час скажу, ладно?

Арагорн тепло взглянул на него:

— Конечно, Фродо, сын Дрого. У тебя будет час, и ты будешь один. Мы останемся здесь. Только не отходи далеко, чтобы можно было позвать.

Фродо посидел еще минуту, опустив голову. Сэм, с беспокойством наблюдавший за ним, отвернулся, покачал головой и пробормотал: «Ясно как день! Только не след Сэму Гэмджи встревать сейчас».

Фродо встал и пошел прочь. Остальные сдержались и не стали мешать ему даже взглядами. Только Боромир (Сэм случайно заметил это) провожал Фродо глазами, пока он не скрылся за деревьями у подножия Амон Хена.

Фродо бесцельно бродил по лесу, но скоро набрел на тропу — жалкие остатки давней дороги — и начал подниматься по ней. Там, где становилось слишком круто, попадались вырубленные в скале ступени, выветренные и расколотые корнями деревьев. Скоро тропинка вывела его на плоскую, поросшую травой и рябинником поляну. Посредине торчал камень. Здесь было тихо, светило солнышко. Фродо повернулся к Реке, к Тол Брандиру, над которым все так же кружились птичьи стаи, и долго вслушивался в гневный голос Рэроса. Потом сел на камень и, уперев подбородок в ладони, невидящим взглядом

уставился на восток. Он перебирал в памяти все случившееся с тех пор, как Бильбо ушел из Шира, вспоминал слова Гэндальфа. Время шло, а выбор оставался все так же далек и труден.

Внезапно он очнулся от раздумий. Ощущение жесткого, неприятного взгляда в спину заставило его резко вскочить и обернуться. Но, к своему облегчению, он увидел только Боромира, с доброй улыбкой идущего к нему через поляну.

— Я беспокоился за тебя, Фродо, — подходя, проговорил гондорец. — Если прав Арагорн и орки близко, нельзя нам по одному ходить, а тебе в особенности. Слишком много от тебя зависит. У меня тоже тяжело на сердце. Можно я поговорю немножко, раз уж я нашел тебя? А то когда народу много, любой разговор в спор превращается, и конца этому не видно. А вдвоем, глядишь, мы и отыщем мудрое решение.

— Ты добрый, — сказал Фродо, — но вряд ли мне помогут слова. Я ведь уже решил, Боромир, только боюсь решиться.

Боромир напряженно слушал. Неумолчно ревел Рэрос. Ветер забормотал в ветвях деревьев. Фродо вздрогнул.

Воин подошел и решительно сел рядом на камень.

— А может, ты напрасно страдаешь? — участливо спросил он. — Я в самом деле хочу помочь тебе. В трудный час плохо без совета. Почему бы тебе не выслушать мой?

— Я, наверное, знаю, каков он будет, — со слабой улыбкой проговорил Фродо. — Да, он кажется мудрым, но сердце остерегает меня.

— Остерегает? От чего же? — не сдержавшись, воскликнул Боромир.

— От задержки. От пути, который кажется легче. От того, чтобы сложить мой груз. От... — он запнулся, — ладно, раз уж это должно быть сказано — от веры в силу и чистоту намерений людей.

— Но ты же слышал, именно эта сила долго охраняла твою далекую страну, хоть вы и не знали об этом.

— Да нет. Я не сомневаюсь в доблести твоего народа. Но в мире все так изменчиво. Да, в Минас Тирите крепкие стены, но если они падут, что тогда?

— Тогда и мы с честью падем в битве. Но пока есть надежда, что они выстоят.

— Нет такой надежды, — вздохнул Фродо, — пока есть в мире Кольцо.

— А! Кольцо! — Глаза Боромира сверкнули. — Вот оно что! Кольцо! Что за странная судьба! Столько страхов, столько сомнений из-за такой маленькой штучки. Я даже не рассмотрел его как следует там, на Совете. Может, дашь мне хоть взглянуть на это чудище еще разок?

Фродо поднял глаза и похолодел. На лице воина замерла дружелюбная улыбка, но взгляд...

— Мне кажется, не стоит этого делать, — как можно мягче произнес Фродо.

— Ну и ладно. Нет и не надо! — как-то суетливо воскликнул Боромир. — Но хоть говорить-то о нем можно? Мне кажется, ты все думаешь, сколько зла оно может натворить, попади оно к Врагу. Но ты же сам сказал: мир меняется. Конечно, Минас Тирит падет, если Кольцо останется. Но он падет, если Кольцо останется у Врага! А пока оно у нас!

— Ты что, не был на Совете? — удивился Фродо. — Мы не можем воспользоваться Кольцом. Все, сделанное его силой, обернется во Зло.

Боромир вскочил и нетерпеливо принялся расхаживать по поляне.

— Ну что ты заладил? — в раздражении заговорил он. — Это Гэндальф с Элрондом научили тебя. Может, они и правы... для себя. Все эти эльфы, эльфиниты, маги — для них, может, оно и будет злом. Но что-то мне сомнительна их мудрость. Не трусость ли скрывается за их осторожностью? Ладно, каждому свое. Людей с честными сердцами не испортишь. Мы в Минас Тирите доказали это в долгих испытаниях. Нам не нужна сила магов, защищающих только себя. Но мы в большой нужде. А тут — надо же! — случай приносит Кольцо Всевластья. Вот так подарок для Мордора! Это же сущее безумие — не воспользоваться против Врага его же оружием. Только бесстрашные, только безжалостные добьются победы! Многое в этот грозный час судьбы может сделать отважный воин, великий вождь. Например, Арагорн. Ах, он не хочет, он отказывается? Ладно. Тогда почему не Боромир? Кольцо дало бы мне силу власти! О, как бы я гнал орды Мордора! Под мои знамена сошлись бы все свободные народы Запада.

Боромир метался по поляне, срываясь на крик. Теперь он говорил о крепостях и стенах, об оружии и военном союзе людей и совсем, кажется, забыл о Фродо. Он рисовал планы великих побед, он уже расправился с Мордором, раздавил его и сам стал могучим королем, мудрым и великодушным. Внезапно он остановился и потряс сжатыми кулаками.

— А нам говорят: выбросить его! — завопил он. — Не уничтожить — любому ясно, что это невыполнимо, — нет, просто выбросить. Дескать, полуросли отправится в Мордор — и что? А ничего. Просто Враг отберет у него Кольцо — и все. Ведь это же глупость!

Воин повернулся к Фродо.

— Ты ведь и сам понимаешь это. Ты сказал, что боишься, и правильно. Это понятно. Конечно, твой здравый смысл протестует против вопиющей глупости.

— Да нет, — остановил его Фродо. — Я просто боюсь. Но я рад был выслушать тебя. У меня в голове прояснело.

— И ты идешь в Минас Тирит? — Лицо Боромира выражало крайнее нетерпение.

— Ты неправильно понял меня, — слегка смутясь, ответил Фродо.

— Но ты зайдешь? Хоть ненадолго? — настаивал Боромир. — Мой Город уже недалеко, а оттуда до Мордора почти столько же, сколько и отсюда. Узнаешь, что поделывает Враг. Мало ли что изменилось за это время. Раз уж ты непременно решил идти в Черную Страну, хоть отдохнешь перед походом. Ну, идем со мной, Фродо! — Он дружески положил руку на плечо хоббиту. Это выдало его: рука дрожала от едва сдерживаемого возбуждения.

Фродо отступил и с тревогой взглянул на высокого, сильного воина.

— Ну почему ты мне не доверяешь? — Боромир терял терпение. — Я честный человек и честно скажу тебе: да, мне нужно твое Кольцо, но только на время. Я испытаю свой план и верну тебе. Одолжи мне его, а?

— Нет, ни за что! — Фродо отшатнулся. — Совет доверил его мне!

— Вот из-за этих глупостей Враг и разобьет нас в конце концов! — выкрикнул Боромир. — Ну что ты за упрямый дурак! Сам лезешь Врагу в зубы, ведь сгинешь ни за грош и нас лишишь единственного шанса. Уж если кто из смертных и может владеть им по праву, так это мы, наследники Нуменора, а вовсе не какие-то там полурослики! Да это же несчастный случай, что оно к тебе попало! Оно должно быть моим, оно моим и будет! Отдай его мне!

Фродо, не отвечая, все отступал, пока между ними не оказался камень.

— Ну, что же ты? — сбавив тон, проговорил Боромир. — Неужели ты не хочешь разом избавиться от всех сомнений и страхов? Ведь твоей вины тут нет. Скажешь, что ты не справился со мной и я отнял его. Тебе ведь и в самом деле не справиться со мной. — Воин внезапно прыгнул через камень к Фродо. Открытое мужественное лицо гондорца разительно изменилось, в глазах бушевало алчное яростное пламя.

Фродо увернулся, и камень снова разделил их. Теперь оставалось только одно. Трясущимися руками Фродо вытянул цепочку и надел Кольцо. Он едва успел это сделать, как воин снова прыгнул на него. На миг Боромир остолбенел, а потом принялся метаться по поляне, растопырив руки.

— Жалкий пройдоха, — орал он, — фокусник! Ну погоди, дай мне до тебя добраться! Ага, я понял твою затею: ты хочешь отнести его Саурону и продать нас всех! Ты только случая искал подходящего. У-у, будь ты проклят, ты и все эти полурослики, сколько их есть на свете!

Потом он споткнулся о камень, упал ничком и затих, будто пораженный собственным проклятьем, а спустя минуту тихо заплакал. Еще через некоторое время он поднялся, с силой провел рукой по лицу и дико огляделся.

— Что я наговорил! — воскликнул Боромир. — Что я натворил! Фродо! Фродо! Я сошел с ума, но теперь все кончилось. Вернись, Фродо!

А Фродо был далеко и даже не слышал его криков. Ничего не замечая вокруг, он мчался по тропинке к вершине холма. Ужас смешивался в нем с жалостью. Перед глазами все еще стояло искаженное яростным безумием лицо Боромира.

Только на вершине Амон Хена Фродо остановился, с трудом переводя дыхание. Словно в тумане виделась ему широкая круглая площадка, вымощенная обтесанными плитами и окруженная невысокой зубчатой стеной. Посредине на четырех резных столбиках высилось каменное кресло. Несколько ступеней вели к нему. Чувствуя себя заблудившимся малышом, залезшим на трон горных королей, Фродо поднялся по ступеням и сел в древнее кресло.

Поначалу, забыв про Кольцо, он с удивлением взирал на туманный мир, наполненный неясными тенями. Однако уже через несколько мгновений туман стал редеть, и яркие четкие образы явились перед глазами хоббита. Но мир оставался погруженным в глубокую тишину. Фродо сидел на вершине Амон Хена, в Дозорном Кресле Людей Нуменора. Он взглянул на восток — там простирались неведомые земли, неизвестные равнины чередовались с безымянными лесами. Он взглянул на север — и лента Великой Реки развернулась перед ним во всю длину, а вдали, совсем невысокие, словно старые обломанные зубы, торчали Мглистые Горы. На запад обратил он взгляд — и посреди безбрежных пастбищ Рохана встал, подобный черному шипу, Ортханк — неприступная башня-крепость Изенгарда. Обернувшись на юг, он увидел сияющую радугу над рушащимися в бездну Рэроса водами Андуина. Дальше над причудливой излучистой дельтой кружились стаи морских птиц, как крупинки белой соли под солнцем, а еще дальше лежало Море. И везде, везде являлись ему знаки войны. Мглистые Горы шевелились, как разворошенный муравейник: орки выбирались наружу из тысяч щелей. Под кронами Сумеречья эльфы и люди насмерть бились с какими-то злобными тварями. Пламя металось над землей Бьорнингов; мрачная туча нависла над Морией, дым застилал границы Лориена. По ковыльным степям Рохана мчались всадники; волки серым ручьем текли из ворот Изенгарда; в гаванях Харада снимались с якорей боевые корабли; а с востока шли и шли войска. Темный Владыка привел в движение все свои силы. Фродо снова взглянул на юг. Белостенный, многобашенный, гордый Минас Тирит вздымал к небу яркие стяги. Сталью мерцали зубцы стен. Вид этой твердыни заронил в сердце хоббита луч надежды. Но уже различал он напротив Минас Тирита другую крепость, еще более грозную и мощную. К ней невольно тянулся

его взор. Вот разрушенные мосты Осгилиата, вот оскал ворот Минас Моргула, вот за горной цепью безжизненным пятном легла ужасная Горгоратская долина. Дым пеленой укрыл ее, а в дыму изредка полыхали багровые огни. Но нет, то был не дым, то изрыгала тучи пепла Роковая Гора. На ней задержался взгляд Фродо, на ней и нескончаемых укреплениях, черных, могучих, непреодолимых. Там, за железными, стальными, алмазными стенами, яростно вздыбился Барад Дур, Крепость Саурона. Остановив на ней взор, Фродо почувствовал, как всякая надежда покидает его.

И внезапно он ощутил Око. Там, в Черной Крепости, недреманное Око встревожилось, почуяв взгляд хоббита. Яростная решимость собралась в пучок, в один ищущий перст, и метнулась через разделяющее их пространство. Вот сейчас она найдет его, вот она стремительно обшарила скалы Чуткого, вот мельком скользнула по Тол Брандиру — хоббит скатился с каменного кресла и сжался в комочек у подножия, накрыв голову капюшоном плаща.

Кажется, он кричал: «Никогда!» — а может, это было: «Я приду к тебе»... А потом словно пронзительный луч прорвался сквозь давящую вражью волю, ворвался в сознание отчаянной мыслью: «Сними! Немедленно сними его! Сними Кольцо, дуралей!»

Две могучие силы, две воли скрестились в нем, словно два клинка. Мгновение Фродо казалось, что он не выдержит этой пытки, и вдруг все исчезло. Он, Фродо из Шира, снова был самим собой, свободным в выборе, помнившим о долге. В последний оставшийся для этого миг он снял Кольцо. Вокруг синел ясный солнечный день, над ним возвышалось древнее кресло, и черная тень, скользнув над рекой, оставила Амон Хен, убралась с запада, растаяла в туманной дали, а вокруг в ветвях деревьев беззаботно пели птицы.

Фродо поднялся на ноги. От усталости его пошатывало, но воля окрепла, а на сердце полегчало. Словно подводя итог, он сказал сам себе:

— Теперь я готов. Злая воля Кольца уже проникла в отряд. Нельзя позволить Кольцу оставаться здесь дольше, иначе жди горших бед. Идти придется одному. Некоторым я не доверяю, а другие слишком дороги для меня. Колоброд рвется в Минас Тирит, он нужен там, нужен вдвойне, раз Боромир уже склонился ко Злу. Я уйду один. Прямо сейчас.

Быстро спустившись по тропинке, он вернулся на злополучную лужайку и остановился, прислушиваясь. Кажется, на берегу кричали.

«Наверное, они ищут меня, — подумал Фродо. — Интересно, сколько же меня не было: час, два?» Он немного растерялся.

— Ну что я могу поделать? — пробормотал он. — Если я не уйду сейчас, то не уйду никогда. Другого случая не будет.

Очень не хочется бросать их вот так, тайком. Хотя они поймут, наверное. Сэм поймет. Ведь другого выхода нет...

Фродо медленно вытащил Кольцо, снова надел его и, невидимый, спустился с холма.

Отряд долго сидел на берегу Реки. Сначала все молчали, нервно озираясь по сторонам, а потом сошлись кружком и тихо разговаривали. Вспоминали о пройденных лигах, думали о тех, которые ждали их впереди, расспрашивали Арагорна о Гондоре.

Древняя история нуменорского королевства хранила множество удивительных событий, даже здесь, на пограничных землях Эмин Майл, встречались следы былого величия: каменные короли на Реке, посты на Чутком и Зорком, лестница в скалах у Рэроса. Но о чем бы они ни говорили, мысли неизбежно возвращались к Хранителю и Кольцу. Как решит Фродо? Почему он медлит?

— По-моему, — заговорил Арагорн, — он пытается понять, какой путь менее безнадежен. Горлум выследил нас, это понятно. Значит, идти на восток опасно. Путь нашего отряда — больше не тайна для врага. Но Минас Тирит не приблизит нас к Огненной Горе и к уничтожению Кольца. Правитель Денетор со всеми своими войсками не сможет сохранить в тайне пребывание Кольца в Городе, точно так же как не сможет сдержать полчищ Врага, когда он явится за Кольцом. Какой бы путь выбрали мы на месте Фродо? Не знаю. Вот когда нам особенно нужен был бы Гэндальф.

— Да, горестную потерю мы понесли, — кивнул Леголас. — Но что поделать: его нет, а решать надо. Если Фродо не может отважиться сделать выбор, мы должны помочь ему. Давайте позовем его и проголосуем. Лично я — за Минас Тирит.

— И я тоже, — проворчал Гимли. — Да, нас никто не заставлял искать Роковую Гору. С нас не взяли никакой клятвы. Тяжко было покидать Лотлориен. Но теперь мы зашли так далеко, что остается только сделать последний выбор. Я не оставлю Фродо. Да, я пошел бы в Минас Тирит, но, если он решит иначе, я пойду с ним.

— Ты прав, друг Гимли, — согласился Леголас. — Было бы бесчестным сказать ему «прощай» теперь. Я иду с ним, на восток или на запад.

— Пожалуй, это действительно выглядело бы предательством, — подтвердил Арагорн. — Но если он выберет путь на восток, всему отряду незачем идти с ним. Да все и не пойдут. На этом отчаянном пути риск одинаков и для восьмерых, и для двоих. Если бы вы позволили мне выбрать нашему Хранителю спутников, я бы назвал Сэма, он все равно не останется, Гимли и себя. Боромир хочет в Город, он и правда нужен отцу и своему народу. Остальным я посоветовал бы идти с ним. В особенности Мериадоку и Перегрину. Леголас решит сам.

— С чего это вдруг нам оставлять Фродо! — вскричал Мерри. — Да мы с Пиппином куда хочешь за ним пойдем. Ну и что, что мы не представляли там, дома, каково это будет? Зато сейчас-то понятно, что это безумие — идти в Мордор. Надо остановить Фродо, ведь это верная гибель.

— Конечно надо остановить, — поддержал его Пиппин. — Да только Фродо-то понимает, что мы будем его отговаривать, а просить кого-нибудь идти с ним он не захочет. Ему не позавидуешь: идти в Мордор, да еще в одиночку! — Пиппина передернуло. — Нет бы сообразить бедолаге, что не надо никаких просьб, просто если мы не отговорим его, то не отпустим, и все.

— Я, конечно, извиняюсь, — смущенно, но твердо вступил Сэм. — Плохо же вы моего хозяина знаете. Чего ему раздумывать? Чего он в этом Минас Тирите не видал? Прощения прошу, мастер Боромир... — Сэм обернулся, ища глазами гондорца, но того нигде не было. — Эй, а куда ж он подевался? — воскликнул Сэм с беспокойством. — Он странный какой-то в последнее время. Ну ладно, не об нем речь, раз он все равно до дому собрался. А Фродо точно нацелился к Горе этой самой идти. Только боится, конечно. А теперь, как до точки, значит, дошло, и подавно. Вот у него на душе кошки и скребутся. Это он еще в пути разного натерпелся, да все мы натерпелись, чего там! А то бы вообще забросил Кольцо в Реку да удрал бы. А так-то он все решил, только начать никак не осмелится. Про нас ему чего волноваться? Он знает, что один не останется. Тут другое: если он себя накрутит все ж таки, так ведь один уйдет. Попомните мои слова! Вот вернется, увидите. Потому как он себя наверняка накрутит, не будь он Сумникс!

— Да-а, — покряхтел Арагорн. — Сэм-то, пожалуй, поумнее всех нас судит. И как же быть, если он прав?

— Да чего там! Не пускать — и точка! — выкрикнул Пиппин.

— Как-то ты, Перегрин, не понимаешь, — терпеливо, но с укоризной промолвил Арагорн. — Ведь он — Хранитель. Он отвечает за Кольцо. Не нам заставлять его выбрать то или иное. Да и не пройдет с ним такое. Здесь другие силы действуют, не чета нашим.

— Ну и ладно, — махнул рукой Пиппин. — Пусть он там себя «накручивает», только бы все это побыстрее кончилось. Не могу я ждать больше! Час-то уж давно прошел, поди?

— А ведь верно. — Арагорн поднялся на ноги. — Час давно прошел. Надо позвать его.

В это время появился хмурый Боромир. Он вышел из-за деревьев, молча подошел к остальным, постоял, словно пересчитывая всех взглядом, и сел в сторонке, уставившись в землю.

— Где ты был? — спросил Арагорн. — Фродо не видел?

Боромир не сразу, но все же ответил:

— Да, я видел его. Там, на склоне. — Он неопределенно махнул рукой. — Мы говорили. Я уговаривал его идти в Минас Тирит и, боюсь, не сдержал себя. Он ушел... просто исчез, и все. Я думал, такое только в сказках бывает. Наверное, он Кольцо надел. Я искал его, но не нашел. Думал, он вернулся сюда...

— Это — все? — пристально глядя на Боромира, сурово спросил Арагорн.

— Да, — пряча глаза, ответил воин. — Мне нечего больше сказать.

— Это же плохо! — подскочил Сэм. — Я не знаю, что у этого человека на уме было, но не стал бы Фродо просто так эту штуку надевать! Ему же нельзя! Теперь же только Небеса знают, что случиться может!

— Ладно, подожди, — обеспокоенно произнес Мерри. — Может, он его и снял тут же. Удрал от неприятного разговора и снял. Бильбо так и делал.

— Когда это случилось, Боромир? — с тревогой спросил Арагорн.

— С полчаса, должно быть, — ответил гондорец, — а может, и с час. Я еще побродил немного... Ну, не знаю я, не знаю! — вдруг с мукой выкрикнул он и уронил голову на руки.

— Во! Уже час! — закричал Сэм. — Надо же искать его!

— Погоди, не мельтеши, — остановил его Арагорн. — Надо разделиться по двое...

Но его не слушали. Сэм первый сорвался с места. За ним помчались Мерри с Пиппином и с криками «Фродо! Фродо!» исчезли в лесу. Побежали Леголас с Гимли. Казалось, внезапное безумие обуяло отряд.

— Этак мы все растеряемся, — охнул Арагорн. — Боромир! Не знаю, какую злую роль сыграл ты в этой беде, но сейчас не время каяться. Помоги! Не оставляй младших хоббитов. Иди с ними. Если нападешь на след, возвращайся. Я скоро приду.

Арагорн поспешил за Сэмом и нагнал его как раз на маленькой поляне, в рябиннике. Сэм, пыхтя и отдуваясь, карабкался вверх, все время зовя Фродо.

— Пойдем вместе, Сэм, — коротко бросил Арагорн. — Нельзя сейчас ходить поодиночке. Кругом беда. Я ее чувствую. Хочу подняться на вершину Зоркого, посмотреть оттуда. О! Посмотри: следы! Я так и думал, что Фродо поднимался здесь. Не отставай! Иди за мной и смотри в оба!

Арагорн помчался вверх по склону.

Сэм принялся было поторапливаться, но где ему было угнаться за Следопытом! Арагорн уже скрылся из виду, и Сэм остановился.

— Стоп! — скомандовал он сам себе. — Раз уж ногами не вышел, так головой работай! Давай-ка сообразим. Боромир, похоже, не врет, не такой он человек; но и всего не говорит. Чем-то он допек нашего Фродо. Ну, и тот, конечно, разом себя накрутил. Уходить, значит, собрался. А куда? На восток, вестимо. И без Сэма, стало быть? А чего? И без Сэма уйдет. Ну это ж не по-хоббитски.

Сэм смахнул набежавшие слезы.

— Держись, держись, — забормотал он. — Думай, если сможешь. Через реку он не перелетит и с водопадов прыгать не станет. Он же с пустыми руками ушел, значит, что? К лодкам вернется. О! К лодкам! А ну-ка, Сэм, дуй на берег.

Он повернулся и кинулся вниз. Упал, ободрал колени, поднялся и побежал снова. Выскочив на поляну Порт Галена, он никого не застал там. Издалека слышались какие-то крики, но Сэм даже прислушиваться не стал. Он остолбенел от удивления, глядя, как одна из лодок сама по себе съезжает в воду. Сэм заорал и бросился к берегу.

— Фродо! Я тут! Я иду уже! — кричал он, с разбегу влетая в воду и стараясь ухватиться за борт отплывающей лодки. Но он промахнулся и рухнул в воду, подняв фонтан брызг. Его тут же подхватило течением и окунуло с головой.

Досадливый возглас прозвучал из пустой лодки, она остановилась и развернулась. Фродо ухватил всплывшего, захлебывающегося и отбивающегося Сэма за волосы.

— Ну-ка, поднимайся давай, — произнес голос Фродо. — Держись за руку!

— Спасите меня, Фродо! — заполошно выкрикнул Сэм, кашляя и отплевываясь. — Не вижу я руку-то вашу! Ой, тону!

— Да вот она. Не хватайся, парень, полегче! Не упущу я тебя. Не шарахайся так, лодку перевернешь. Держись за борт, дай мне веслом поработать.

В несколько гребков Фродо подогнал лодку к берегу, и Сэм наконец выкарабкался на песок, мокрый, как водяная крыса. Фродо снял Кольцо.

— Мало мне неприятностей, Сэм, так вот ты еще на мою голову.

— Ой, Фродо, ну так же нехорошо, — дрожа, плачущим голосом проговорил Сэм. — Ну куда это вы без меня собрались, и вообще... А если бы я не догадался, где бы вы были?

— Шел бы себе благополучно своей дорогой.

— Да-а! Благополучно! — всхлипнул Сэм. — И один вовсе, без меня даже. А я бы не вынес этого, я бы умер, может!

— Ты умер бы, если бы со мной пошел. Ну и как тогда мне это выносить?

— Да уж хуже-то не будет.

— Я в Мордор иду.

— Само собой, сударь. Конечно в Мордор, куда ж еще? И я с вами.

— Сэм, — проникновенно произнес Фродо, — ну не задерживай меня, а? Вот-вот остальные вернутся. Если я не успею уйти, придется объяснять, а у меня может духу не хватить. А надо. Это моя единственная возможность.

— Да я понимаю, сударь. Надо идти, а как же! Только со мной. Либо и я пойду, либо никто не пойдет. Я сейчас вот пробью все лодки!

Фродо расхохотался неожиданно. На сердце у него потеплело.

— Одну-то оставь! — посоветовал он. — Нам же понадобится. Хорошо, но не можешь же ты идти без всего. Ни еды, ни вещей.

— Вы подождите секундочку, а я мигом, только котомку притащу, — вскинулся Сэм. — У меня ведь готово все. Я ж думал, сегодня идем-то!

Он метнулся к стоянке, выудил из общей кучи свой мешок, сгреб запасное одеяло и тючок с едой.

— Весь мой план насмарку! — встретил его Фродо. — От тебя не отвяжешься. Но на самом деле я рад, Сэм, даже не могу тебе сказать, как рад. Идем. Раз уж суждено вместе — так вместе. Мы уйдем, тогда, может, и остальные отыщут безопасную дорогу. Колоброд за ними приглядит. Только, наверное, не увидимся мы с ними больше.

— Ну, это еще как знать, сударь. Может, и увидимся! — солидно ответил Сэм.

Так и случилось, что последнюю часть Задачи приняли на свои плечи Фродо с Сэмом. Фродо отгреб от берега; Река подхватила и понесла их по западному рукаву к неприветливым скалам Тол Брандира. Рев водопадов приближался. Даже подгоняемая двумя веслами, лодка с трудом продвигалась поперек течения к восточному берегу.

Наконец они высадились у подножия южного склона Амон Лав. Лодку вытащили и спрятали высоко над водой, за большим валуном, потом взвалили на плечи котомки и тронулись в путь, высматривая тропу. Скоро нашлась и тропа, она повела их через серые холмы Эмин Майл вниз, в Черную Страну.

Две Крепости

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1
СМЕРТЬ БОРОМИРА

Арагорн бежал вверх по склону, часто наклоняясь и внимательно осматривая землю. Шаг у хоббитов легкий, почти как у эльфов, и даже Следопыту нелегко было разглядеть их следы. Невдалеке от вершины тропу пересекал ручей, и на влажной земле Арагорн наконец заметил то, что искал.

— Я был прав, — сказал он себе. — Фродо поднимался на холм. Поднялся, что-то увидел и спустился почти тем же путем.

Он постоял в нерешительности: идти вверх к дозорной беседке или спускаться. Время подгоняло, и он устремился вперед, достиг вершины, сел в караульное кресло и огляделся вокруг. Но мир предстал перед ним не ясным и безграничным, а туманным и серым. Солнце словно потускнело. Арагорн внимательно осмотрел горизонт, но ничто не привлекло его внимания. Лишь очень далеко на севере медленными кругами парила большая птица, похожая на орла.

В этот миг чуткое ухо Следопыта уловило неясные крики внизу, на западном берегу Реки. К своему ужасу, он различил среди них хриплые голоса орков. Затем все покрыл громоподобный зов большого рога, эхом раскатившийся по окрестным холмам, перекрывший даже рокот водопада.

— Рог Боромира! — вскричал Арагорн и огромными прыжками помчался вниз с холма. «Что за несчастный день сегодня, — думал он на бегу, — что я ни делаю, все не так! Однако куда же подевался Сэм?»

Крики были слышны все громче, а рог, наоборот, все слабее и отчаяннее. Вопли орков перешли в яростный визг, звук рога вдруг оборвался. Сразу вслед за этим смолкли и голоса. Выхватив меч, Арагорн еще быстрее помчался сквозь лесную чащу.

Боромира он нашел почти в миле от Порт Галена, на поляне, недалеко от берега. Он сидел, прислонившись к дереву, и, казалось, отдыхал. Но увидев сломанный меч, разруб-

ленный рог, множество черных стрел в теле гондорца и трупы орков вокруг, Арагорн все понял. Когда он опустился на колени подле воина, Боромир открыл глаза и с трудом проговорил:

— Я хотел отнять Кольцо у Фродо. Я раскаиваюсь. Это — расплата. — Он словно пересчитал глазами трупы врагов. Их было не меньше двадцати. — Полурослико в нет. Орки схватили их, связали, но не убили. — Он устало прикрыл глаза и через минуту продолжал: — Прощай, Арагорн. Иди в Минас Тирит, защищай мой народ. Я побежден.

— Нет, — горячо ответил Следопыт, взяв воина за руки и поцеловав его в лоб, — ты победил. Немногим выпадала на долю такая победа. Будь спокоен. Минас Тирит не покорится врагу.

Тень улыбки промелькнула на бледном, без кровинки, лице Боромира.

— Куда ушли орки? Фродо с ними? — допытывался Арагорн, но Боромир не отвечал больше. Плечи Следопыта поникли. — Наследник Денетора умер, — произнес он, и странно прозвучал в тишине его голос. — Нет больше Стража Белой Башни. И нет нашего отряда. Это моя вина. Напрасно, Гэндальф, ты понадеялся на меня. Куда теперь идти? В Минас Тирит, как завещал этот воин и как говорит мое сердце? Но как же Кольцо и Хранитель? Как найти, как спасти его?

Таким, на коленях, склонившимся в слезах над Боромиром, застали его Леголас и Гимли. Они бесшумно спустились с западного склона горы. Гном сжимал топор, а эльф вытащил кинжал — стрел у него больше не было. На поляне они остановились в изумлении и скорби: обоим было ясно, что произошло.

Леголас подошел к Арагорну, опасаясь самого худшего.

— Мы гнали их по лесу и многих убили. Почему нас не было здесь?! — воскликнул он. — Рог позвал нас, но поздно. Вы ранены, друг мой?

— Боромир убит, — глухо ответил Арагорн, — а я не ранен, он принял бой один. Я был наверху, а он пал, защищая наших друзей.

— Где же хоббиты? Где Фродо? — спросил Гимли.

— Не знаю. Боромир, умирая, сказал, что орки схватили их, но не убили. Я послал его охранять Мерри и Пиппина, а о Фродо он уже ничего не успел сказать. Что бы я ни делал сегодня, все не так! — в сердцах воскликнул Следопыт. — А как поступать теперь, и вовсе не знаю.

— Сначала похороним павшего, — ответил Леголас. — Нельзя оставлять его рядом с гнусными орками.

— Нужно спешить, — добавил Гимли. — Если хоббиты живы, надо догнать орков и отбить наших друзей.

— Но мы не знаем, что с Фродо. Какой трудный выбор нам предстоит! Искать его или спешить на помощь Мерри и Пиппину?

— Сначала — самое главное, — ответил эльф. — Надо сделать хотя бы холм из камней над могилой храброго воина.

— Нет, — решительно возразил Арагорн, — здесь нет камней, и мы поступим иначе. Вверим тело Андуину. Великая Река сама позаботится о нем, и ни одна гнусная тварь не осквернит его праха.

Втроем они собрали мечи орков, разбитые шлемы и щиты. Получилась большая груда.

— Смотрите! — вскрикнул вдруг Арагорн и поднял с земли два коротких меча с красной и золотой насечкой, а потом еще черные, в мелких яхонтах, ножны. — Это оружие наших хоббитов. Орки не посмели тронуть нуменорские клинки — на них гибельные для Мордора чары. Значит, если хоббиты живы, то безоружны. Я возьму все это с собой и постараюсь вернуть владельцам.

— Мне нужны стрелы, — сказал Леголас, — у меня нет ни единой, а здесь их предостаточно.

Но первая же стрела, которую он поднял, заставила его задуматься, потому что обычно стрелы орков были короче и сделаны иначе.

Арагорн, приглядевшись к убитым, заметил:

— А ведь здесь не только воины Мордора. Насколько я знаю орков, эти пришли с севера, от Мглистых Гор, а вот эти до сих пор мне не попадались. И оружие у них совсем иное.

Среди убитых было четверо воинов, обличьем совсем не схожих с орками: высокие, с крупными чертами лица и раскосыми глазами. Мечи их были широкими и прямыми, тогда как орки признавали только кривые ятаганы. Самшитовые луки были такими же, как у людей. На щитах странный герб — белая рука на черном поле, а на шлемах — руническое «С» из белого металла.

— Что бы это могло значить? — пробормотал Арагорн. — Я никогда не видел таких знаков...

— Все понятно, «С» — это Саурон, — объяснил Гимли.

— Но Саурон не пользуется эльфийскими рунами, — возразил Леголас.

— Как и своим именем, — добавил Арагорн. — И он не терпит белого цвета. Орки Барад Дура носят знак Багрового Ока. — Он задумался. — «С» — это Саруман! Значит, Изенгард охвачен тьмой, и Западу грозит опасность. Этого и боялся Гэндальф. Значит, Саруман знает о нашем походе, а может, и о гибели Гэндальфа. Саруману служат даже птицы, ему

многое ведомо. А морийские орки, видно, обогнули Лориен и все время шли за нами, пока не повстречались с изенгардскими.

— Нам некогда разгадывать загадки,— прервал его Гимли.— Давайте отнесем Боромира.

— Если мы хотим сделать правильный выбор, то подумать над загадками все-таки придется.

— Может быть, правильного выбора и вовсе нет,— с горечью произнес гном.

Они срубили несколько жердей, связали их тетивами, сверху набросили плащи. Уложили на носилки тело Боромира и отнесли на берег Реки. Сюда же принесли принадлежащие ему трофеи. Арагорн остался у воды, а Леголас и Гимли поспешили к Порт Галену, где остались лодки, и спустя некоторое время подогнали их к стоянке.

— Чудеса какие-то! — еще с реки крикнул Леголас.— Третьей лодки нет.

— Орки там побывали?

— Да непохоже. Если бы они нашли лодки, то уничтожили бы и вещи.

— Надо будет внимательно все осмотреть, когда вернемся туда,— сказал Арагорн.

Они грудой свалили на дно лодки мечи и шлемы врагов и уложили Боромира на это боевое ложе, подложив ему под голову свернутый плащ. В ногах положили разрубленный рог и сломанный меч. Потом, ведя погребальную лодку на буксире, поплыли вдоль берега, пока не миновали зеленый луг Порт Галена, после чего перерезали веревку, связывавшую обе лодки.

С рассыпанными по плечам темными кудрями, сверкая золотым лориенским поясом, Боромир лежал спокойный и светлый, и Андуин уносил его, пока они удерживали свою лодку против течения. Отвесные скалы Тол Брандира сверкали в лучах полуденного солнца. Неумолчно шумел Рэрос. Золотая дымка водяных брызг стояла над ним. Лодка Боромира темной точкой мелькнула в этом сиянии и исчезла.

Река унесла сына Денетора, правителя Гондора, и больше уже никто и никогда не видел его стоящим на вершине Белой Башни. Но и много лет спустя в Гондоре рассказывали, как эльфийская лодка с телом Боромира спустилась по водопаду, миновала Осгилиат и мосты на Реке и ушла в Великое Море.

Все трое долго смотрели ей вслед. Первым нарушил молчание Арагорн:

— Стражи Белой Башни будут ждать его, но он не вернется ни с гор, ни с моря.

Он помолчал с минуту и негромко запел:

Из дальних пределов, с бескрайних равнин, с бездонных слепых болот
Приносится Западный Ветер, кружа, и в древние стены бьет.
О ветер кочующий! Что за весть летит на твоих крылах?
Где странствует ныне герой Боромир? в каких безвестных краях?
— Я видел: скакал он чрез семь стремнин бурлящей седой воды.
Я видел: в сыпучих песках пустынь остались его следы.
Он скрылся на север, и с этих пор я видеть его не мог.
Но Северный Ветер, быть может, слыхал героя стозвонный рог?
О Боромир! С высокой стены я взор устремляю вдаль.
Но ты не вернулся с пустынных земель, и в сердце моем печаль

Следопыта сменил высокий и чистый голос эльфа:

С горячих вспененных губ морских, от дюн, чей песок палящ,
Приносится Южный Ветер, и в нем — тоскующих чаек плач.
О стонущий ветер! Какая весть сегодня пришла с тобой?
Где странствует ныне герой Боромир? Вершит ли жестокий бой?
— Увы, мне неведом героя путь. Но горы недвижных тел
На белых и черных морских берегах я видел, пока летел:
Их много легло по пути на юг — искателей светлых вод...
Но Северный Ветер, быть может, тебе счастливую весть несет?
О Боромир! К дороге на юг я взором своим приник,
Но слышу лишь шелест печальных волн и чаек тревожный крик.

И снова пел Арагорн:

Из северных стран, где Врата Королей, где в бездне шумит поток,
Приносится Северный Ветер, трубя в холодный и чистый рог.
О ветер могучий! Какую весть сегодня принес ты мне?
Где странствует ныне герой Боромир? Быть может, в твоей стране?
— Я видел, как вел он неравный бой, я слышал призывный клич.
Я видел, как злая рука врага сумела его настичь...
И тело его приняла вода, умчав похоронный челн...
Героя укрыл Золотой Водопад в дыханье летящих волн.
О Боромир! Я смотрю туда, где ты погрузился в сон.
Я там, где поет Золотой Водопад — с тобой до конца времен...

Песня кончилась. Друзья повернули лодку против течения и вернулись к Порт Галену.

— Восточный ветер вы оставили мне, — нарушил молчание Гимли, — но что о нем скажешь?

— Все свершилось как должно, — ответил Арагорн. — В Минас Тирите терпят ветер с Востока, но о вестях не спрашивают. Что ж... путь Боромира завершен, а наш еще даже не выбран...

Выйдя на берег, Арагорн тщательно осмотрел зеленый луг.

— Орков здесь не было, — уверенно заявил он. — Много наших следов, но возвращался ли кто-нибудь из хоббитов, я не знаю.

Однако у самого берега, там, где в Андуин впадал ручеек, он оживился.

— Вот здесь один из наших друзей входил в воду, а потом вышел, вот только когда? — Он вернулся к стоянке и внимательно осмотрел поклажу.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Гимли.

— Двух сумок нет. Одна, побольше и потяжелее, Сэмова. Вот и ответ. Фродо ушел на лодке вместе с Сэмом. Думаю, что Фродо вернулся, когда никого из нас не было. Я велел Сэму идти за мной, но он, видно, не послушался, потому что догадался о намерениях Фродо. Да, от Сэма так просто не отделаешься.

— Но почему же он уплыл, не сказав ни слова? — недоумевал Гимли. — Это странный поступок!

— И очень отважный, — сказал Арагорн. — Фродо не захотел вести друзей на гибель, и Сэм это понял. Но самому ему нужно было идти. Видно, что-то заставило его преодолеть сомнения и страхи.

— Не орки ли? — предположил Леголас.

— Едва ли, — задумчиво ответил Арагорн. Он решил не говорить о последних словах Боромира, понимая, что именно они испугали Фродо и заставили уйти одного.

— Во всяком случае, Фродо больше нет на этом берегу, — подвел итог эльф. — Только он мог взять лодку. А свою сумку мог взять только Сэм, значит, они ушли вместе.

— Так не будем терять времени! — воскликнул Гимли. — Или надо плыть вдогонку за Фродо, или — в погоню за орками!

— Дайте мне подумать, — попросил Арагорн, — и принять, наконец, правильное решение.

Он молчал несколько минут, полностью уйдя в себя, после чего объявил:

— В погоню за орками! Если мы будем искать Фродо неизвестно где, то пленников ждет мучительная смерть. Мое сердце ясно говорит, что судьба Хранителя больше не зависит от нас. Отряд сделал для него все что мог. Но пока у нас есть силы, мы не бросим друзей в беде. Мы пойдем налегке и будем спешить.

Прежде чем покинуть Порт Гален, они вытащили из воды последнюю лодку и отнесли к деревьям, сложив под ней ненужные теперь вещи.

Вечерело, но отыскать след не составляло труда.

— Эти твари всегда так, — с отвращением заметил Леголас, разглядывая широкую вытоптанную тропу. — Трава здесь долго не поднимется, а сколько веток и кустов сломано без нужды...

— Но бегут быстро, — сказал Арагорн. — На камнях будет не так просто идти по следу.

— Ладно, — проворчал Гимли, — гномы тоже не ползают, да и в выносливости оркам до сих пор не уступали. Погоня будет долгой, а мы уже потеряли много времени.

— Выносливость понадобится нам всем, — отозвался Арагорн, — потому что по следу мы пойдем до конца, каким бы он ни был. И — горе врагам, если мы их настигнем! Пусть три народа — Эльфы, Гномы и Люди — сочтут наш поход подвигом. Вперед!

Три серые тени почти сразу затерялись в сумерках.

Глава 2
ВСАДНИКИ РОХАНА

Быстро смеркалось. Вскоре и лес, и Андуин скрылись в тумане. Только скалы впереди отбрасывали четкие черные тени в причудливом лунном свете. Нагорье Эмин Майл тянулось с севера на юг двумя хребтами, западные склоны которых были заметно круче восточных. Всю ночь друзья карабкались вверх по скалам, спускались в ущелья первого хребта, с трудом отыскивая следы меж голых камней. В тихий, холодный предрассветный час отдохнули немного, а с первыми проблесками зари снова были на ногах. Внезапно Арагорн остановился в замешательстве. Орочья тропа спускалась в долину между хребтами и там терялась.

— Куда они направляются? — спросил подошедший Леголас. — На север, к Изенгарду мимо Леса Фангорна, или на юг, через Энтову Купель?

— К реке они не пойдут, — ответил Арагорн. — Что бы ни происходило в Рохане, степи они наверняка постараются пройти напрямик. Идем на север.

Однако примерно с милю они прошли на север без видимых успехов. Справа высилась отвесная скалистая стена, слева более полого поднимались серые сумрачные склоны. Арагорн тщетно пытался отыскать след. Леголас шел чуть впереди.

— Смотрите! — вдруг закричал он. — Кое-кого мы уже настигли.

То, что они поначалу приняли за груду камней, оказалось жестоко изуродованными, обезглавленными трупами орков. Земля вокруг пропиталась темной кровью.

— Опять загадка! — заворчал гном. — Может, днем мы бы и разобрались, но не ждать же...

— Я бы сказал: враги орков — нам друзья, — заметил эльф. — Здесь кто-нибудь живет?

— Нет, — ответил Арагорн. — Всадники бывают здесь редко, до Минас Тирита отсюда далеко. Разве что случайные охотники... Только, по-моему, все гораздо проще.

— Как? — оживился гном.

— Орки передрались между собой. Все убитые — гоблины-северяне. Среди них нет больших орков с гербами Сарумана,

из тех, которых мы видели у реки... Должно быть, о дороге поспорили.

— Или о пленниках, — в тон ему вставил Гимли. — Не хочется думать, что они погибли здесь.

Арагорн тщательно осмотрел все вокруг, но ничего интересного не обнаружил. Они снова двинулись в путь.

Гасли ночные звезды, небо начинало светлеть. Глубокий узкий ручей прорезал долину. Берег порос травой и редким кустарником. Вверх по ручью вел четкий орочий след. Забыв про усталость, друзья, перепрыгивая с камня на камень, карабкались по уступам и наконец оказались на гребне горы. Холодный ветер обдал им лица.

Позади, за Рекой, над дальними холмами появилась красная полоска рассвета. Начинался день. Перед ними, на Западе, земли лежали еще сонные, серые, неясные; там постепенно таяли ночные тени, возвращая краски пробуждающейся равнине. Малахитовой зеленью наливались просторы Рохана; мерцали туманами речные поймы; а слева, лигах в тридцати, темно-синие и пурпурные, вставали Белые Горы. Пики заснеженных вершин горели теплым розовым светом.

— Гондор! — взволнованно заговорил Арагорн. — Я так надеялся на встречу! А пока — не судьба мне повидать твои сверкающие реки...

О Гондор, Гондор, мой светлый край!
От гор до прибрежных скал
Здесь Запада ветер веял в степях
и Белое Древо ласкал;
Ложился в сады Былых королей
серебряный свет росой...
О гордые башни! Крылатый венец!
Священный престол золотой!
О Гондор, Гондор! Ужель навек
твой светоч померк, увял?
Повеет ли Западный ветер вновь
от гор до прибрежных скал?

Он с трудом отвел взор, пора было возвращаться к насущным делам и заботам.

Гребень нагорья, на котором они стояли, резко уходил вниз. Фатомах в двадцати виднелась широкая неровная полка, обрывающаяся почти отвесной скалой. Эту часть Эмин Майл называли Восточной Стеной Рохана. За ней, насколько хватало глаз, тянулись зеленые равнины рохирримов.

— Взгляните! — Леголас указывал в бледное небо. — Снова орел. Похоже, возвращается на север. Как высоко он летит!

— Это не для моих глаз, — устало сощурился Арагорн. — Но если это та самая птица, хотел бы я знать, кто и зачем

послал ее? Посмотри-ка лучше вон туда, добрый эльф, что там за движение на равнине?

— Э-э, да там большой отряд! — отвечал Леголас. — Не поручусь, что это орки, но идут пешком, и до них лиг двенадцать. Правда, на ровном месте расстояние скрадывается...

— Вот и славно, — сказал Гимли. — Теперь бы побыстрее найти тропу и спуститься...

— Вряд ли орки выберут длинную дорогу, — заметил Арагорн, — лучше все-таки идти по их следу.

Тропа шла на север вдоль гребня, потом спускалась в расщелину, промытую горным ручьем, и крутыми ступенями выходила на равнину. По следам было видно, как торопятся орки. Иногда попадался изодранный черный плащ или разбитый на камнях сапог. Ущелье кончилось неожиданно.

Перед ними расстилались необозримые луга Рохана — волнующееся море густої высокої травы. Воздух был чистым и ароматным, словно в преддверии весны. Леголас вздохнул полной грудью, лицо его стало светлым и лучистым.

— Пахнет зеленью, — потеплевшим голосом произнес он. — Это лучше всякого отдыха. Я устал на камнях, но здесь силы снова возвращаются ко мне. Поспешим же!

Они мчались, словно гончие псы по горячему следу. И здесь к ним дошла первая весточка от пропавших друзей. В сторону от вытоптанной орками тропы отходил след маленьких босых ног, перекрытый тяжелыми отпечатками сапог погнавшегося за беглецом орка. Там, где первые следы исчезали, Арагорн поднял из травы зеленую с серебром пряжку в виде букового листа.

— Пряжка из Лориена! — одновременно воскликнули Леголас и Гимли.

— Да, — подтвердил Арагорн. — Не напрасно падают листья в Лориене. Это не потеря, это — знак для нас. Кто-то из хоббитов специально отбежал в сторону, чтобы оставить его. Наверное, Пиппин.

— Значит, он по крайней мере жив и способен шевелить ногами и головой, — заключил Гимли. — Это обнадеживает. По крайней мере, мы на верном пути.

— Будем надеяться, что он не слишком дорого заплатил за свою выдумку, — подал голос эльф. — Поспешим, друзья!

Солнце перевалило за полдень и медленно ползло к закату. С юга набежали легкие облачка, но ближе к вечеру от них не осталось и следа. Солнце село. Закатные тени протянули к друзьям длинные черные руки. Двенадцать лиг отделяли их от Восточной Стены, но теперь орков на плоской как стол равнине не видел даже зоркий эльф.

Когда темнота окончательно сомкнулась над ними, Арагорн остановился.

— Что будем делать? — обратился он к Леголасу и Гимли. — Будем продолжать погоню в темноте, пока с ног не свалимся, или все же отдохнем ночью?

— Если орки не станут останавливаться, то вряд ли мы их догоним после ночевки, — сказал Леголас.

— Оркам тоже, поди, нужен отдых, — заметил Гимли.

— Орки избегают солнца, а тут они мчались под ним целый день, — возразил Леголас. — Так что ночью они вряд ли устроят привал.

— В темноте мы и следов-то не найдем, — бессонная ночь гному явно не улыбалась.

— Насколько хватает моих глаз, тропа прямая, и захочешь — не собьешься, — упорствовал эльф.

— Может, мне и удастся выдержать направление в темноте, — заметил Арагорн, — но если мы собьемся или орки свернут, то утром мы можем потерять много времени и сил, пока не найдем тропу снова.

— И вот еще что, — добавил Гимли, — без света мы не увидим, не отходят ли где-нибудь следы в сторону. Вдруг кому-то из пленников удастся сбежать, или вдруг его поволокут — ну, скажем, на восток, к Великой Реке, — а мы проскочим след и не заметим.

— Возможно, — кивнул Арагорн. — Но по всем признакам выходит, что орки Белой Руки пока в большинстве, и вся стая направляется в Изенгард.

— С этими орками всего можно ожидать, — упорствовал Гимли. — А в темноте мы никаких знаков не найдем. Застежки, например, точно бы не нашли.

— Пленники с той поры устали еще сильнее, а орки стали еще бдительнее, — вздохнул Леголас. — Без нашей помощи из плена им не вырваться, а для этого нам надо хотя бы нагнать их.

— Но даже я, не самый слабый и привыкший к путешествиям гном, не в силах проделать весь путь до Изенгарда без единой остановки, — сказал Гимли. — Сердце торопит меня, и я хочу продолжать погоню — только отдохну немного, чтобы потом бежать быстрее. А если уж отдыхать, так лучше всего в слепую ночь.

— Так на чем порешим? — спросил Арагорн.

— Ты нас ведешь, тебе и решать, — заявил гном.

— Надо, не мешкая, идти дальше, — сказал эльф, — но и разлучаться нам никак нельзя. Пусть будет по-твоему.

— Плохого вы выбрали советчика, — вздохнул Арагорн. — После Аргоната я только и делал, что ошибался.

Он надолго умолк, словно пытаясь высмотреть в темноте что-то сначала на севере, потом на западе, и наконец объявил свое решение:

— Будем отдыхать. В таком мраке мне никаких следов не разобрать. Луна молодая, света от нее никакого, да и садится рано.

— И все время норовит спрятаться за тучу, — пробормотал Гимли. — Жаль, что Владычица не дала нам такой же светильник, как Фродо.

— Он там, где нужнее, — негромко сказал ему Арагорн. — Там, где решаются судьбы мира. А наша погоня — только незначительный, а то и бессмысленный, эпизод, и решения мои на самом деле ничего не решают.

Арагорн заснул, едва успев лечь: он не спал с самой высадки в Порт Галене. Гимли тоже уснул где сел. Только Леголас провел ночь без сна, глядя на звезды. Запахи трав и звездный свет были для эльфа лучшим отдыхом.

— Они уже далеко, — грустно сказал он утром Арагорну, — теперь разве что орел их догонит.

— Все равно надо идти, — ответил Арагорн и наклонился к гному. — Гимли, вставай, след простынет.

— Еще темно, — сонно запротестовал тот. — Пока солнце не встанет, даже Леголас их не увидит.

— Боюсь, мне уже не увидеть их ни при солнце, ни при луне, ни с холма, ни на равнине, — отвечал эльф.

— Где глаз не увидит, ухо поможет. — Арагорн припал к земле и долго слушал, а когда поднялся, вид у него был осунувшийся и встревоженный. — Орки далеко, их едва слышно. Куда громче топот копыт. Он чудился мне всю ночь, но тогда кони скакали на запад, а теперь повернули к северу. Там что-то случилось. Надо спешить.

Так начался третий день погони. Погода менялась; тучи то затягивали небо, то уступали неуверенному зимнему солнцу. Теперь Арагорн, Леголас и Гимли двигались цепью поодаль друг от друга. Эльфийские плащи потускнели, приняв цвет серо-зеленой травы, и даже в бесстрастном полуденном свете скрывали путников от любопытных глаз. Они бежали молча, не замечая усталости, не останавливаясь даже для еды, и благодарили в душе Владычицу Лориена за щедрый дар. Лембас прибавлял сил, и его можно было есть на бегу.

В конце дня далеко впереди показались невысокие холмы. Орочья тропа начала забирать к северу; на твердой, с редкой короткой травой земле следы читались уже не так отчетливо. Слева в отдалении серебряной нитью по изумрудной канве вилась Энтова Купель. И нигде — ни звука, ни шороха, ни живой души. Рохирримы жили дальше к югу, у лесистых отрогов Белых Гор, а здесь, на восточных пастбищах, даже зимой со стадами и табунами кочевали пастухи. Странное запустение все больше беспокоило Арагорна.

К вечеру за спиной осталось около двадцати четырех лиг, и нагорье Эмин Майл скрылось из глаз. Небо затягивалось, и

сам воздух вокруг помрачнел. Тонкий серп месяца пробивался сквозь легкую дымку, мерцали звезды.

— Эх, сколько времени мы потеряли зря, — с досадой сказал Леголас. — Орки бегут так, словно Саурон гонит их плетью. Боюсь, они уже в лесу.

Гимли скрипнул зубами.

— Горький конец всем трудам и надеждам, — сказал он.

— Труды не окончены, даже если надежда погасла, — проговорил Арагорн, прислушиваясь к чему-то. — Неладно в этом краю. Меня тишина тревожит. Я не доверяю даже этой блеклой луне и тусклым звездам. И я очень устал, хотя путь ясен, а других причин для беспокойства у Следопыта и быть не может, а вот поди ж ты... Видно, и вправду чья-то воля подгоняет наших врагов, а перед нами создает незримую преграду. Я чувствую это по тому, что усталость — не в теле, а давит на сердце.

— Так и есть, — подтвердил Леголас. — Я понял это, как только мы спустились с нагорья. Зло — оттуда, — и он махнул рукой на север.

— Саруман, — резко произнес Арагорн. — Но он не заставит нас отступить! Хотя остановиться все-таки придется. Вон, даже месяц скрылся. Утром двинемся на север.

На этот раз поспать удалось совсем немного. Их разбудил Леголас.

— Вставайте! Вставайте! — повторял он встревоженно. — Рассвет красен, что-то происходит на опушке леса. Нас зовут туда.

Они достигли холмов за час до полудня. Зеленые склоны постепенно превращались в скалистый гребень, уходивший почти точно на север. Левее, ближе к реке, миль на десять тянулись болота. Среди них, в зарослях тростника и рогозы, текла Энтова Купель. У южного склона холма обнаружился круг плотно утоптанной земли. Орочья тропа выходила из круга и вела на север, вдоль склона. Арагорн сосредоточенно вглядывался в следы.

— Орки побывали здесь позавчера, — сказал он наконец. — Если ничего не помешало им, то вчера вечером они должны были добраться до Леса Фангорна.

— Я не вижу никакого леса, а только травы до самого горизонта, что на севере, что на западе. Может, забраться на холм? — предложил Гимли.

— Отсюда до леса неблизко, — пояснил Арагорн. — Холмы тянутся к северу лиг на восемь, а от них до Леса Фангорна еще лиг пятнадцать вдоль Энтовой Купели.

— Ну, идти-то все равно надо, — заключил Гимли. — Эх, будь на сердце полегче, глядишь, и ноги шагали бы веселее.

К закату холмы почти остались позади. Теперь они двигались медленно. Надежда таяла, а вместе с ней таяли и силы

Гимли. Арагорн шагал рядом с ним, мрачный и молчаливый. Он то и дело наклонялся и рассматривал следы, тщетно надеясь на удачу. Только поступь эльфа была по-прежнему легка.

— Давайте-ка поднимемся на этот зеленый склон! — предложил он, и усталые друзья последовали за ним. Невысокий зеленый холм стоял на особицу, поодаль от основной гряды. Солнце село, и вечерние тени словно задернули все вокруг серыми занавесями. Мир разом утратил краски и четкость очертаний. Только на северо-западе мрак казался гуще: там, у подножия Мглистых Гор, лежал Лес Фангорна.

— Тьма такая, что шагу не ступить, — сказал Гимли. — Придется опять останавливаться и перетерпеть эту ночь. Холодает-то как!

— Ветер с севера, со снежных вершин, — пожал плечами Арагорн.

— К утру он сменится на восточный, — обнадежил эльф. — Отдохните пока. Не зря говорят: утро вечера мудренее.

— Мы уже три утра так встретили, а мудрости что-то не прибавилось, — вздохнул Гимли.

Ночь выдалась холодной. Человек и гном спали беспокойно, а эльф так и не прилег, пребывая в светлой грезе наяву, ведомой только этим чудесным существам. Иногда он принимался тихонько петь, и тогда в небе проглядывали звезды. Под утро восточный ветер разогнал туман, и, когда рассвело, с макушки невысокого холма преследователи увидели все те же необъятные луга, темный лес лигах в десяти к северо-востоку, а далеко на севере — пики Мглистых Гор над серыми тучами. Из леса вытекала река. Следы сворачивали к ее обрывистому берегу.

От зорких глаз Арагорна не укрылось какое-то движение вдали, на фоне зелени, между рекой и лесом. Леголас, стоявший рядом с ним, прикрывая глаза красивой рукой с длинными тонкими пальцами, разглядел гораздо больше.

Арагорн припал к земле.

— Всадники! Много! Очень быстрые кони.

— Да, — подтвердил Леголас. — Сто пять человек. Вооружены копьями. Светловолосые. Тот, кто ведет их, очень высокий. Лигах в пяти от нас.

— Пять лиг или одна, — сказал Гимли, — нам все равно негде укрыться на этой равнине. Будем ждать их или пойдем своей дорогой?

— Подождем, — ответил Арагорн. — Я устал, а конца нашей погоне не видно. Нас опередили. Всадники, мне кажется, возвращаются по следу орков. Может быть, мы услышим от них что-нибудь новое.

— А может быть, познакомимся с их копьями, — в тон ему добавил Гимли.

— Три коня, похоже, потеряли своих наездников, — проговорил Леголас. — А хоббитов я так и не вижу.

— Я не говорил, что новости будут хорошими, — вздохнул Арагорн.

Они спустились с вершины невысокого холма и сели на траву, закутавшись в плащи.

. Чувствуя тревогу гнома, незнакомого с людьми Рохана, Арагорн коротко рассказал ему о здешнем народе. По его словам, Всадники, хотя и отличаются вспыльчивым нравом, но великодушны и отважны, горды, но не жестоки, умны, и если не знают письменности, то помнят былины и слагают песни, как велось по всему Среднеземью до начала Темных Лет. Они в дружбе с Гондором и уж во всяком случае не любят орков. Говорили, что они платят дань Мордору, но Арагорн этому не верил.

Между тем всадники были уже совсем близко. Тропа, петлявшая вдоль берега реки, в этом месте резко сворачивала к холмам. Всадники вырвались из-за поворота с лязгом и грохотом и помчались вдоль западных склонов к югу. Они ехали стройными рядами по двое на красивых сильных конях. Короткая серая шерсть благородных животных блестела, хвосты развевались по ветру, заплетенные гривы подрагивали. Наездники были им под стать. Рослые, стройные, светловолосые воины в блестящих кольчугах держали длинные ясеневые копья, за спиной у них были расписные щиты, у пояса — длинные мечи. Они ехали мимо, не замечая путников. Отряд почти миновал их, когда вдруг Арагорн встал во весь рост и громко окликнул воинов:

— Что нового на Севере, Всадники Рохана?

Отряд мгновенно, без команды, развернулся в кольцо, сомкнувшееся вокруг троих друзей. Острия копий были направлены на них. Предводитель отряда приблизился к Арагорну и на Всеобщем языке потребовал назваться.

— Меня называют Колобродом, — с легкой усмешкой ответил Арагорн. — Я с Севера. Охочусь на орков.

Всадник соскочил с коня, передал копье подъехавшему товарищу и, положив руку на рукоять меча, стоял теперь лицом к лицу с Арагорном, с удивлением разглядывая его.

— Я чуть было вас самих за орков не принял, — признался он. — Да вижу — ошибся. Но кто же так охотится на орков? Доведись вам повстречать их, сами станете добычей. Однако в вас есть что-то загадочное... Почему мы вас не заметили? Вы эльфы?

— Нет, — спокойно ответил Арагорн. — Среди нас только один эльф, но мы прошли через Лотлориен, и с нами — дары и благословение его Владычицы.

Изумление Всадника возросло, но и взгляд заметно потяжелел.

— Так в Золотом Лесу и впрямь есть Владычица, — не то с опаской, не то с угрозой проговорил он. — В старых сказках говорится, как трудно избежать ее сетей. Вот странные дни! Но если вы в дружбе с ней, значит, и сами колдуны и волшебники! — Он недобро глянул на Леголаса и Гимли и резко спросил: — Вы почему не отвечаете?

Гимли так и вскинулся, схватившись за топор. Темные глаза его сверкали.

— Сначала назови себя, коневод, в ответ получишь мое имя и кое-что в придачу! — дерзко крикнул он.

Всадник помедлил с ответом, внимательно разглядывая гнома.

— На землях Рохана вопросы задаю я. Но для тебя, пришелец, пожалуй, сделаю исключение. Я — Йомер, сын Йомунда, правитель Остфолда. А теперь жду, что скажешь ты!

— Слушай же, Йомер, сын Йомунда! Я — гном Гимли, сын Глоина, и я запрещаю тебе непочтительно отзываться о правительнице Лориена. Только невежество может извинить тебя!

Взгляд Йомера грозно сверкнул.

— Будь ты повыше ростом, почтенный гном, я отрубил бы тебе голову вместе с бородой.

— Он не один, — вмешался Леголас, мгновенно натягивая лук, — ты умрешь раньше, чем возьмешься за меч!

Йомер все же потянулся к мечу, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Арагорн не встал между ними.

— Постой, Йомер! — воскликнул он. — Мы не хотим зла ни Рохану, ни его народу, ни людям, ни коням. Выслушай нас, прежде чем браться за меч. Может быть, тогда тебе станет понятен гнев моих спутников.

Помедлив, Йомер снял руку с клинка.

— Хорошо. Но чужеземцам стоило бы поумерить свой пыл в эти смутные дни. Для начала скажи свое настоящее имя.

— Только после того, как узнаю, кому вы служите, — отрезал Арагорн.

— Королю Рохана, Теодену, сыну Тенгеля, — был ответ. — Темный Владыка нам не указ, если ты это имеешь в виду. Но между нами нет и войны. Мы — свободный народ, всегда жили свободно и хотим сохранить свободу, а не прислуживать хозяевам, будь они злыми или добрыми. Но сейчас границы наши в опасности, и чужеземцам закрыт путь в пределы страны. А теперь я хочу знать, кто вы? — вновь спросил Йомер. — Кому служите? И по какому праву оказались на земле Рохана?

— Я никому не служу, — ответил Арагорн, — но слуг Врага преследую повсюду, где бы ни свела меня с ними судьба. Орки — мои враги. Я знаю о них куда больше многих, а сейчас преследую их отряд, захвативший двух наших друзей. У нас

нет коней, в погоне мы полагаемся лишь на свои ноги, а в подобных случаях надо ли спрашивать о праве? Врагов я считаю только мечом. Как видишь, я не безоружен.

Он откинул плащ и вынул из ножен Андрил, сверкнувший на солнце, как белое пламя.

— Ты хочешь знать, кто я? Перед тобой Арагорн, сын Арахорна, Элессар Эльфинит, наследник Исилдура, сына Элендила, Короля Гондора! Вот возрожденный меч Исилдура. Теперь ты знаешь, кто я, а я хочу знать: помощи или помехи ждать мне от вас? Решай быстро!

Леголас и Гимли в огромном изумлении смотрели на своего товарища. Они никогда не видели его таким. Следопыт словно вырос. В его властных чертах появился отблеск невиданной силы и величия, напомнивший о каменных королях Аргоната. Эльфу показалось, что над головой Арагорна сверкнул венец, о котором когда-то рассказывал Гэндальф.

Йомер невольно отступил на шаг.

— Воистину, странные времена настали, — пробормотал он. — Древние легенды вырастают прямо из травы. Но какие же заботы привели вас сюда с Севера? — От недавней гордости предводителя рохирримов и следа не осталось.

— Бремя выбора, — ответил Арагорн. — Передай Теодену, сыну Тенгеля: его ждет война. Либо он выступит на стороне Сарумана, либо против него. Отныне никто не сможет жить так, как жил, и вряд ли кто сохранит то, что считал своим... Но об этом позже. Скажи мне, что стало с орками?

— Они уничтожены, — последовал ответ.

— А наши друзья? Они совсем маленькие, для вас — как дети.

— Там не было ни детей, ни гномов. Мы сочли и обыскали убитых, потом сложили трупы и сожгли их, как велит обычай. Кострище еще дымится.

— Да при чем тут гномы! — не выдержал Гимли. — Речь о хоббитах.

— Хоббиты? — переспросил Йомер. — Впервые слышу это название.

— Согласен, прозвание странное, а вот народец весьма приятный, — разговорился Гимли. — Вы в своем Рохане наверняка слышали о пророческих словах, встревоживших Минас Тирит. В них говорилось о полурослике. Наши хоббиты — те самые полурослики и есть.

Ближайший к Йомеру всадник расхохотался.

— Да ведь полурослики бывают только в детских сказках! А мы-то здесь, при свете дня, на зеленой земле.

— Можно быть и там, и здесь, — отвечал Арагорн. — Не нам, а тем, кто придет потом, складывать предания о нашем времени. Из зеленой земли родились все легенды, хоть ты и топчешь ее при свете дня...

— Надо спешить, повелитель, — не дослушав Арагорна, обратился всадник к Йомеру. — Отпустим чужеземцев или возьмем с собой?

— Уймись, Йотэйн. — Йомер перешел на родной язык. — Оставьте нас одних. Собери *йоред* у тропы, скоро выступаем.

— Как ни странно то, что вы говорите, — обратился Йомер к Арагорну, — но это правда. Люди Рохана не лгут, поэтому их трудно обмануть. Но ведь вы сказали далеко не все. Мне нужно принять решение, а я знаю пока очень мало.

— Несколько недель назад я вышел из Имладриса, о котором говорилось в пророчестве, вместе с Боромиром, сыном Денетора, — ответил Арагорн. — Я шел помочь Минас Тириту в войне с Сауроном. У моих товарищей была другая задача. Сейчас говорить о ней ни к чему. А возглавлял отряд Гэндальф Серый.

Услышав это имя, Йомер помрачнел.

— Гэндальфа Серого знают у нас, — сказал он, — но наш правитель Теоден не хочет больше о нем слышать. Каждый раз вслед за его появлением происходили странные события. Кое-кто говорит, что Гэндальф — недобрый вестник. Да и то сказать: в прошлый раз после его прихода все пошло не так. До тех пор мы считали Сарумана другом, а Гэндальф предупредил, что в Изенгарде готовятся к войне. Он говорил, что сам еле спасся из Ортханка, и просил о помощи. Но Теоден не внял ему, только разрешил взять коня, и старик ушел. Король в гневе: Гэндальф выбрал самого лучшего коня во всей стране, это был наш драгоценный Сполох... Семь ночей назад конь вернулся, да только теперь он не признает ничьей руки.

— Значит, он нашел дорогу с Севера, — сказал Арагорн. — Там они расстались с Гэндальфом, и там вскоре Гэндальф погиб во мраке Мории.

— Это тяжелая утрата и для меня, и для многих других, — вздохнув, произнес Йомер. — Не для всех, правда...

— Боюсь, никому из вас не понять, что́ именно мы потеряли с его гибелью, — сказал Арагорн. — Но когда гибнут великие, малые приходят на их место. Я вел отряд через Лориен вниз по Великой Реке до водопадов Рэроса. Там пал Боромир. Убивших его орков уничтожили вы.

— Горестные вести! — воскликнул Йомер. — Великая потеря для Минас Тирита, да и для нас тоже. Достойный человек и отважный воин! Когда же это случилось?

— Сегодня четвертый день, как его нет, — ответил Арагорн.

— И вы с того самого дня преследуете орков пешком?

— Как видите, — ответил Арагорн.

— Вам больше подошло бы имя Странствующего Орла, — сказал Йомер. — Четвертый день еще не кончился, а вы уже прошли сорок пять лиг. Однако как же мне быть теперь? — помолчав, продолжал он. — Действительно, мы не воюем с Черной Страной,

правда и то, что король внимает дурным советам; так что война не за горами. Мы не нарушим союза с Гондором. Под моей рукой — Восточные пределы Рохана, и я говорю за весь Остфолд. Мои люди и кони ушли за реку, здесь остались лишь дозоры.

— Так вы не платите дань Саурону? — подозрительно спросил Гимли.

— Нет, и никогда не бывать этому! — отвечал Йомер, гневно сверкнув глазами. — Я знаю об этих наветах. Темный Владыка как-то пытался купить у нас коней, но мы ему отказали. Тогда его орки стали красть лошадей, и всегда только черных, сегодня в табунах они редкость. С орками мы рассчитаемся, но сейчас главная опасность — Саруман. Он хочет поработить мою страну; ему служат и орки, и оборотни, и даже дикари. Его отряды перекрыли Гриву Рохана, мы окружены с востока и с запада. К тому же Саруман — могучий маг, он принимает любые обличья. Последнее время его видят то там, то здесь в образе старика в плаще с капюшоном. Боюсь, у него есть сообщники не только в Изенгарде. Впрочем, сами увидите, когда придете в королевские палаты. Провидение послало вас мне в час нужды и сомнений.

— Я приду, как только смогу, — пообещал Арагорн.

— Прямо сейчас! Сыновья Йорла почтут за честь сражаться рядом с Наследником Элендила. Наши западные границы в огне, там война, я боюсь, что для нас она кончится плохо.

Я ушел в поход без ведома короля. Без моей дружины Эдорас не выстоит, но три ночи назад мне сообщили об отряде орков, спустившемся с нагорья. Там видели много щитов со знаком Сарумана. Я заподозрил самое плохое — союз Ортханка с Темной Крепостью, и сразу повел *йоред*, мою дружину. Два дня назад мы перехватили орков на подступах к Лесу Фангорна. Мы потеряли пятнадцать всадников и двенадцать коней — врагов оказалось куда больше, чем мы думали. К ним подошел на помощь отряд с востока — их тропа проходит чуть севернее, — а в лесу их ждали здоровенные орки со знаком Белой Руки. Мы сделали свое дело, но слишком задержались. Надо немедленно возвращаться... — Йомер помолчал и неуверенно добавил: — Идите с нами прямо сейчас. У меня есть свободные кони. Возрожденному мечу, эльфийскому луку и гномьему топору будет работа. Надеюсь, эльф и гном простят меня за необдуманные слова о Владычице Золотого Леса. Я ведь только повторил то, что говорят у нас...

— Спасибо на добром слове, — сказал Арагорн. — Я пошел бы с тобой, но обязан спасти друзей, пока еще есть надежда.

— На севере Рохана твоих друзей нет, — вздохнул Йомер.

— Их нет и на юге, — возразил Арагорн. — Недалеко от Стены Рохана один из них оставил нам знак, но до самых холмов ни один след не уходил от орочьей тропы. Я боялся, что их убили и сожгли вместе с орками; ты уверил меня, что

это невозможно. Быть может, их утащили в лес еще до сражения, пока вы не успели окружить врагов. Такое возможно?

— Разве что эльфийские чары помогли им скрыться, — с сомнением проговорил Йомер. — Впрочем, в чем можно быть уверенным среди стольких чудес! Весь мир меняется. Эльф бродит под руку с гномом, люди гостят у Владычицы Золотого Леса и остаются в живых, а меч, сломанный в прадедовские времена, снова в бою! Как быть теперь человеку? Как поступать?

— Как и всегда, — твердо ответил Арагорн. — Добро и Зло все те же. И эльфы, и гномы судят о них одинаково. В Золотом Лесу человек различает их так же, как в отчем доме.

— Истинно так, — кивнул Йомер. — Я верю вам и верю своему сердцу. Но как я могу следовать ему? Наш закон не позволяет чужеземцам бродить по стране без разрешения Короля, а в такое тревожное время он должен выполняться неукоснительно. Я просил вас отправиться со мной, вы отказались. Не сражаться же нам всем *йоредом* против троих!

— Вряд ли твой закон применим в нашем случае, — спокойно возразил Арагорн. — Да и я — не чужой здесь. Я бывал в Рохане, и не однажды, только звали меня иначе и выглядел я... получше. С тобой мы не встречались, но я знал твоего отца, Йомунда, знаю и Теодена, сына Тенгеля. В те дни мне не стали бы мешать спасать друзей. Я должен идти за ними. Решай же, Йомер, поможешь ты нам или поступишь по законам твоей страны?

Йомер задумался.

— Вы свободны, — произнес он наконец. — И вам, и нам надо спешить, поэтому я дам вам коней, но прошу потом вернуть их в Эдорас, Королю Теодену. Это докажет, что я не ошибся в вас. Честь и жизнь моя в ваших руках, — добавил он.

— Тебе не придется жалеть об этом, — ответил Арагорн. — Нам предстоит еще не раз биться бок о бок, я надеюсь не остаться в долгу.

Среди всадников поднялся ропот недовольства, когда Йомер приказал дать чужеземцам свободных коней. Йотэйн, оруженосец, высказал общее настроение:

— Ладно бы еще князю, он родня гондорцам, — проговорил он, — но кто слышал, чтобы роханский конь слушался гнома?

— Никто не слышал и не услышит, — отрезал гном. — Лучше пешком идти, чем лезть на спину к такому зверю!

— Ты сядешь со мной, друг Гимли, — успокоил его Леголас. — Избавим от мучений и тебя, и коня.

Йомер быстро восстановил порядок. Арагорну подвели рослого темно-серого коня. Со своего — легконогого и ретивого — Леголас попросил снять седло и уздечку. Мгновение спустя он был уже верхом и, к удивлению Всадников, строптивый конь под ним не шелохнулся. Гимли уцепился за товарища так же, как недавно цеплялся Сэм за борта лодки.

Они расстались друзьями. Прощаясь, Гимли не преминул напомнить Йомеру, что спор о прекрасной Владычице Лориена еще не закончен.

— Вы должны научиться говорить о ней подобающим образом, — заявил гном, — а я готов помочь вам в этом.

— Там видно будет, — с улыбкой махнул рукой Йомер.

Роханские кони недаром славились быстротой. Когда Гимли спустя несколько минут оглянулся, дружины Йомера уже не было видно. Арагорн, припав к шее коня, всматривался в траву. Вскоре они достигли места, о котором упоминал Йомер, — к основной тропе вела тропка с востока. Арагорн спешился и тщательно осмотрел все вокруг.

— Интересного мало, — сообщил он. — Всадники возвращались по орочьей тропе, и следы орков перекрыты копытами коней. Зато следы с востока просматриваются отчетливо, и ни один след не отходит назад, к Андуину. Вот здесь орки заметили Всадников. Они могли попытаться увести хоббитов прежде, чем их перехватят. Теперь придется ехать медленнее. Я хочу убедиться, что никто не сворачивал с основной тропы.

Новых троп действительно не было, но чем дальше, тем чаще то слева, то справа встречались цепочки следов, в конце каждой непременно лежал пронзенный се-рой стрелой орк.

Уже в сумерках на краю Леса Фангорна друзья нашли место, где закончилось сражение. Кострище еще дымилось. Рядом грудой лежали изрубленные шлемы, щиты и копья. Посредине на колу торчала голова огромного орка с белым знаком на помятом шлеме... Дальше, там, где из леса вытекала река, высился свежий курган. Из зеленого дерна в небо смотрели пятнадцать копий. В сгущающейся тьме друзья обошли поле битвы. Ни единого следа хоббитов не было видно.

— Вот и все, — понурившись, сказал Гимли. — Бесполезно искать кости наших друзей среди костей орков. Пожалуй, прав был Элронд, когда не хотел их отпускать.

— Но Гэндальф, помнится, был другого мнения, — возразил Леголас.

— Ну, здесь дар предвидения изменил ему. Он сам же первый и погиб.

— Гэндальф решил так не потому, что предвидел или не предвидел события, — сказал Арагорн. — Есть вещи, которые приходится делать, даже если знаешь, к чему это приведет. Я хочу осмотреться здесь при полном свете. Дождемся утра.

Они устроились подальше от кострища, под раскидистым деревом, похожим на каштан. Бурые прошлогодние листья напоминали высохшие старческие ладони с длинными ревматическими пальцами. Они жалобно шуршали от ночного ветра.

Гимли продрог под единственным на всех одеялом.

— Разведем костер! — взмолился он. — Мне уже не до опасностей. Пусть хоть все орки слетятся сюда, как мотыльки на свет!

— Если хоббиты уцелели и заблудились в лесу, они могут выйти на огонь, — поддержал его эльф.

— Огонь может приманить не только хоббитов или орков, — сказал Арагорн. — Отсюда уже недалеко до владений Сарумана, но они там, дальше, а Лес Фангорна — вот он, рядом. Здесь нельзя трогать деревья.

— А как же Всадники? — спросил Гимли.

— Их много, и они редко бывают здесь. Что им до гнева Фангорна! А нам, похоже, предстоит идти туда. Ладно, рискнем. Только не трогайте живые деревья.

— А зачем? — беспечно заметил Гимли. — Валежника достаточно.

Он занялся костром. Арагорн сидел, прислонившись спиной к дереву, погруженный в свои мысли. Леголас стоял чуть поодаль, вслушиваясь в невнятные лесные звуки. Пламя костра бросало отблески на ближние ветви. Эльф обернулся.

— Смотрите, — сказал он вдруг. — Дерево словно радо огню. — Может, это была лишь игра теней, но друзьям показалось, что ветви потянулись к огню, а бурые листья расправились и затихли. Леголас и Арагорн придвинулись к костру. Все смолкло. Огромный лес у них за спиной, темный и неведомый, казалось, жил своей тайной жизнью.

— Помните, Келеберн предостерегал нас против чащоб Фангорна, — нарушил молчание эльф. — Почему? И Боромир слышал, что об этих лесах ходит дурная молва...

— Я и сам слышал немало всякого, — отозвался Арагорн, — и, пожалуй, счел бы все это россказнями, если бы не слова Келеберна. Но если уж народ Сумеречья ничего не знает, что с человека спрашивать?

— Мой народ помнит песни об Онодримах. Люди зовут их энтами, — молвил Леголас. — Они жили здесь давно, даже по нашему счету.

— Элронд говорил, что этот Лес из Древнейших Времен. Он был, когда Люди еще не пробудились, а здесь бродили лишь Перворожденные. Но о тайнах Фангорна мало кто ведает.

— А я о них и знать не хочу, — подытожил Гимли. — Кто бы там ни жил, обо мне пусть не беспокоится.

Распределили дежурства, первое досталось Гимли. Арагорн заснул сразу же, едва успев невнятно пробормотать:

— Гимли, запомни! В Лесу Фангорна не поднимай топор на живое дерево. И за валежником далеко не ходи. Пусть лучше костер погаснет. Буди, если что.

Леголас по обыкновению пребывал в грезах между сном и явью. Гимли долго сидел у костра, задумчиво трогая пальцем лезвие топора. Тихонько шелестело дерево.

Внезапно что-то заставило гнома поднять голову. У самого края светового круга кто-то стоял. Прикрыв глаза от пламени костра, Гимли присмотрелся и увидел старика, закутанного в плащ и с посохом в руке. Слова Йомера о Сарумане молниеносно промелькнули в памяти гнома. Гимли вскрикнул и вскочил. Следопыт и эльф в то же мгновение оказались рядом. Старик не шевельнулся и не произнес ни слова.

— Тебе нужна помощь? — Арагорн шагнул к незнакомцу. — Садись, погрейся у нашего костра!

Но старик исчез, не оставив следов, как будто его и не было. Леголас горестно ахнул: кони пропали. Издали едва слышно донеслось их звонкое ржание.

Удрученные этим новым несчастьем, все трое молчали. Одни, в колдовском Лесу Фангорна, без Всадников, единственных союзников в этой стране, а теперь и без лошадей — было от чего прийти в отчаяние.

— Что же, — вздохнул Арагорн, — коней нам не найти. Придется обойтись без них. Пешими отправились мы на поиски, пешими и будем их продолжать.

— Пешком! — фыркнул Гимли. — Недалеко мы уйдем на пустой желудок!

— Совсем недавно ты и подойти-то к коню боялся, — расхохотался Леголас. — Так, глядишь, заправским наездником станешь.

— Теперь едва ли случай представится, — съязвил Гимли. Он долго молчал, прежде чем заговорить о том, что мучило всех троих. — Это был Саруман. Больше некому. Именно так описал его Йомер. Это он увел наших коней. Дальше будет хуже, попомните мои слова!

— Запомним, — пообещал Арагорн. — А еще я запомнил, что старик был в шляпе, а Йомер говорил о капюшоне. Как бы там ни было, опасность, видно, близка. — Он помолчал. — Утро вечера мудренее. Ложись спать, Гимли. Мне нужно подумать, я посижу у костра.

Ночь была долгой. Арагорна сменил Леголас, под утро снова дежурил Гимли. Но больше ничего не произошло. Старик не появлялся. Не вернулись и кони.

Глава 3
УРУК-ХАЙИ

Пиппин забылся тревожным сном. Во сне он отчаянно звал Фродо, но слабый голос терялся в черных переходах. Внезапно сотни оскаленных морд появились из темноты, сотни мерзких лап вцепилось в него. Куда же делся Мерри?..

Холодный ветер дохнул в лицо, и Пиппин очнулся. Он лежал на спине. Смеркалось, небо над головой постепенно тем-

нело. Он попробовал повернуться и понял, что действительность не лучше мучившего его кошмара. Ноги и руки были стянуты ремнями, все болело. Мерри лежал рядом, бледный, с головой, обмотанной грязной тряпкой. Вокруг расположилась большая стая орков.

Память постепенно возвращалась, отделяясь от видений. Пиппин вспомнил, как они с Мерри сломя голову бросились в лес. Что на них нашло? Почему они не послушались Арагорна? Они мчались куда-то и звали Фродо — и вдруг оказались посреди орочьей стаи. С деревьев на них посыпались десятки гоблинов. Хоббиты выхватили мечи, но орки старались лишь схватить их и избегали драки, даже когда Мерри отрубил несколько хищных лап. Добрый старый Мерри!

Боромир пробился к ним на выручку. Теперь-то оркам пришлось отступить! Но вернуться хоббиты не успели. Орки напали снова, теперь их было не меньше сотни. Град стрел обрушился на Боромира. Воин протрубил в рог, и лес загудел в ответ. Орки в ужасе подались было назад, но лишь эхо ответило рогу, и они атаковали снова, еще яростнее... Больше Пиппин ничего не помнил. Последнее, что он видел, — прислонившегося к дереву Боромира, вырывающего стрелу из плеча. Затем свет померк.

«Похоже, схлопотал по макушке, — сказал себе Пиппин. — Интересно, как там с головой у Мерри? И что сталось с Боромиром? Почему орки нас до сих пор не прикончили? А еще любопытно бы узнать, где мы оказались и куда нас тащат?» Ответов не было. Он замерз и устал.

«Пожалуй, не стоило Гэндальфу так усердно уговаривать Элронда отпустить нас, — пришла следующая мысль. — Проку от меня — как от мешка с костями. Теперь мешок украли и тащат орки. Одна надежда: придет Колоброд и спасет нас. Вдруг у него других дел не окажется... Как же все-таки выпутаться?»

Он немного повозился, — путы держали крепко. Орк, сидевший поблизости, ткнул в его сторону пальцем и с хохотом объяснил что-то приятелю на орочьем наречии.

— Отдыхай, пока можешь, дурачок! — бросил он Пиппину на Всеобщем языке, звучавшем у него не лучше орочьего. — Отлеживайся! Уж мы найдем занятие для твоих лап. Еще пожалеешь, что они у тебя есть, пока доберемся домой!

— Жаль, не вышло по-моему, — вставил другой. — Ты бы попищал у меня, крысеныш! — Он наклонился над хоббитом, приблизив желтые клыки к самому его лицу. В руке тускло блеснул длинный зазубренный черный нож. — Лежи тихо, а то я пощекочу тебя вот этим! — прошипел он. — Проклятые Саруманов прихвостни! *Углук а багрон ша пушдаг Саруман-глоб бабхош скэй...* — Ругань гоблина сменилась бессильным ворчанием. Пиппин, испуганный, ненадолго затих. Запястья и ло-

дыжки болели все сильнее, а острые камни врезались в спину. Постаравшись забыть про них, он стал прислушиваться, пытаясь понять, что происходит.

В стае явно назревала ссора. Голоса звучали все злее. Пиппин с удивлением обнаружил, что орки перешли на Всеобщий язык. Видимо, здесь собрались разные племена, которые с трудом понимали наречие соседа. Орки ссорились, решая, что делать с пленниками.

— Не убивать же их в такой спешке, — говорил один. — Ни развлечься тебе, ни побаловаться.

— Чего тянуть-то? — отвечал другой. — Прикончим их поскорее, прямо тут, и все дела.

— Приказ, — донесся третий голос, низкий и рокочущий. — У меня приказ. *Убивать всех, КРОМЕ полурослико́в, они должны быть доставлены ЖИВЫМИ, чем быстрее, тем лучше.*

— Еще чего, — заговорили несколько голосов разом, — почему живыми? Они там сами, что ли, решили развлечься?

— Нет! Я слышал, у одного из них что-то есть, какая-то эльфийская штучка, для Войны. Их всех будут допрашивать.

— Немного же ты знаешь! Может, обыщем их? Нам эта штучка тоже сгодится.

— Интересная мысль, — тихо и зловеще сказал новый голос, — я доложу о ней. НЕ обыскивать и НЕ грабить. *Мне* было так приказано.

— Мне тоже, — сказал низкий голос. — *Заживо и как есть; руки не распускать.*

— Мы шли от самых пещер, чтобы отомстить за своих, — послышался один из первых голосов, — мы убьем их и уйдем назад, на север.

— Еще чего, — рявкнул прежний голос. — Я Углук. Приказываю здесь я. Мы возвращаемся прямо в Изенгард.

— Давно ли Саруман начал распоряжаться? Может, он у нас — Багровое Око? — прошелестел зловещий голос. — Нам надо в Мордор. В Лагбур.

— А как переправляться через реку? Нас слишком мало, чтобы прорваться через мосты.

— Я же прошел, — сказал все тот же голос. — Крылатый назгул ждет нас на том берегу.

— Ах вот, значит, как! Вы улизнете с нашими пленниками, получите в Мордоре плату и почести, а нам тащиться через этот лошадиный край? Нет уж, надо держаться вместе.

— Вместе, вместе! — заворчал Углук. — Не верю я твоим свиньям. Для хорошей драки у вас кишка тонка! Без нас вы давно бы удрали. Мы — бойцы Урук-хайи! Мы сразили великого воина. Мы захватили пленников. Мы — слуги Сарумана Мудрого, Белой Руки. Эта Рука кормит нас человечиной. Мы пришли из Изенгарда и туда же вернемся. Мы привели вас сюда и поведем дальше. Я, Углук, так сказал.

— Не слишком ли ты разболтался, Углук? — вкрадчиво проговорил мордорский предводитель. — В Лагбуре это может не понравиться. Там могут решить, что твоей шее пора отдохнуть от болтливой головы. А может, захотят выяснить, где ты такого набрался. Не у Сарумана ли? Кем он себя считает и с какой стати раздает кое-кому свои белые бляхи? Я, Гришнак, скажу и за себя, и за тех, кто послал меня сюда: Саруман — глупец и грязный предатель. Но ему не скрыться от Багрового Ока. И мусорщики этого дрянного колдуна обзывают нас свиньями! Да он их орочьим мясом кормит, попомните мои слова!

Ответом ему были яростные вопли и лязг оружия. Пиппин осторожно повернулся, чтобы лучше видеть происходящее. Его стражи в ожидании потасовки присоединились к толпе. В сумерках он заметил огромного черного орка — наверное, это был Углук, — стоящего лицом к лицу с Гришнаком — приземистым, кривоногим, с руками почти до земли. Вокруг столпились гоблины поменьше — наверное, северяне. Они вытащили мечи и ножи, но нападать пока не решались.

Углук крикнул, и орки его стаи бросились к нему. Гришнак отступил назад и исчез в темноте. Подняв меч, Углук внезапно прыгнул вперед. Двое северян упали обезглавленные, остальные в страхе отпрянули. Один из них споткнулся о неподвижное тело Мерри, грязно выругался и упал, — это спасло ему жизнь. Преследователи, перескочив через него, прикончили другого. Убитый — охранник с желтыми клыками — рухнул подле Пиппина. Свой зазубренный нож он так и не выпустил.

— Убрать оружие! — крикнул Углук. — Хватит дурить! Идем на запад — до холмов, вдоль реки, потом к лесу — днем и ночью. Ясно?

«Так, — подумал Пиппин, — пока этот злыдень будет унимать своих головорезов, кое-что я могу успеть». Появилась слабая надежда. Лезвие ножа касалось его связанных рук. По ладоням стекала кровь убитого гоблина. Орки Углука разбирались с северянами, и хоббиты оказались без присмотра. Ремни крепко стягивали ноги Пиппина, но руки были связаны только в запястьях, к тому же спереди. Он придвинулся ближе и, почти не дыша, поднес связанные руки к лезвию ножа. Через несколько мгновений узел был перерезан. Пиппин снова накинул веревку на руки и затих.

— Возьмите-ка пленников! — крикнул Углук. — И без шуток! Если они не дотянут до конца, кое-кто отправится вслед за ними.

Один из орков взвалил Пиппина на спину и попрыгал, пристраивая груз поудобнее. Другой проделал то же самое с Мерри. Когтистые лапы сжали Пиппина как клещи, в глазах у хоббита помутилось, сознание покинуло его...

Очнулся он от удара о землю. Ночь только начиналась, но месяц уже клонился к западу. Они стояли на каменистом гребне, как на острове в море тумана. Неподалеку шумела вода.

— Разведчики вернулись,— донесся орочий голос,— все спокойно. Был один Всадник, и тот ускакал на запад.

— Пока спокойно,— буркнул Углук,— да надолго ли? Дурачье! Не могли пристрелить? Теперь коневоды узнают о нас к утру. Прибавим ходу.

Тень наклонилась над Пиппином. Это был Углук.

— Сядь! — сказал он.— Мои парни устали тащить тебя. Впереди спуск, и ты пойдешь сам. Не поднимай шума и не пытайся удрать. Будет больно.

Он разрезал веревки и, взяв Пиппина за волосы, поставил. Хоббит упал, и Углук поднял его снова. Орки загоготали. Углук сунул хоббиту фляжку в зубы и влил в рот какую-то гадость. Пиппина обожгло, как огнем, но дрожь в ногах пропала. Он мог стоять.

— Теперь другой! — Углук подошел к Мерри и пнул его. Мерри застонал. Углук придал хоббиту сидячее положение, размотал тряпку на голове и намазал рану темной мазью из деревянной коробочки. Мерри кричал и отчаянно отбивался. Орки ржали от восторга.

— Не нравится лекарство! Не понимает своей же пользы. Эй! Давай дальше!

Углук не обращал на них внимания. Нужно спешить, вот он и лечил хоббита по-своему, и лечение пошло впрок. Углук дал хлебнуть из фляжки и ему, разрезал веревки и вздернул на ноги. Мерри, немного бледный, но вполне живой, оглядывался сердито и вызывающе. Рана затянулась, остался лишь коричневый рубец, который ему предстояло носить до конца дней.

— Привет, Пиппин! — сказал он.— Так ты тоже путешествуешь с нами? А где же постель и завтрак?

— Заткнитесь! — гаркнул Углук.— Не разговаривать! Обо всем будет доложено Хозяину, он сам с вами разберется. Получите и постель, и завтрак — больше, чем в вас влезет.

Орки бежали по узкому оврагу, впадавшему в туманную низину. Мерри и Пиппин, разделенные не меньше чем дюжиной урук-хайев, спускались с ними. Внизу виднелась трава, и хоббиты воспряли духом.

— Теперь прямо! — крикнул Углук.— На запад, чуть севернее.

— А что мы будем делать, когда рассветет? — спросил один из северян.

— Драпать,— ответил Углук,— а вы хотели посидеть на травке и поболтать с белокожими?

— Мы не побежим при солнце.

— Я подгоню, — с ухмылкой пообещал Углук. — Двигайте ногами, авось еще раз увидите свои ненаглядные норы. Вперед, за Белую Руку! Никакого проку от этих недоделанных пещерных козявок. Вперед, проклятые! Вперед, пока еще темно!

Орки не придерживались никакого порядка, толкались, переругивались, но бежали быстро. Пиппин уже не выдерживал темпа и отставал: он с утра ничего не ел. Правда, орочье питье пока согревало его и голова была ясной. Снова и снова вставало перед ним лицо Колоброда, вглядывавшегося в темную тропу. Но даже Следопыт не нашел бы здесь ничего. Слабые следы хоббитов тут же затаптывались подбитыми железом башмаками.

Примерно через милю они оказались в широкой мелкой лощине. Почва под ногами стала сырой и мягкой. Туман слабо мерцал в последних лучах луны. Темные силуэты орков расплылись и исчезли в нем.

Внезапная мысль осенила Пиппина. Он круто бросился вправо, проскользнул мимо своего охранника, нырнул в туман — и тут споткнулся и растянулся на траве.

— Стой! — заревел Углук.

Пиппин вскочил и побежал. Несколько орков кинулись за ним.

«Не убежать, — понял Пиппин. — Остается только оставить знак и надеяться, что его не затопчут». Связанными руками он сорвал с плаща застежку и в тот момент, когда его уже схватили когтистые лапы, разжал пальцы.

«Тут она и останется, — мрачно подумал он, — сам не знаю, зачем я это сделал. Если остальные спаслись, они, наверное, ушли с Фродо».

Его ударили бичом по ногам, и он с трудом подавил крик.

— Хватит! — крикнул Углук. — Ему еще долго бежать. Но это только задаток, — рявкнул он на Пиппина, — остальное получишь потом. Вперед!

Пиппин и Мерри плохо помнили дальнейшее. Сон и явь слились в бесконечную череду кошмаров, а надежда гасла с каждым шагом. Они все бежали и бежали, стараясь держать темп, заданный орками; снова и снова их обжигали хлесткие удары бича, направляемые меткой рукой. Если они спотыкались или останавливались, орки подхватывали их и какое-то время тащили.

Действие питья давно прекратилось. Пиппин совсем обессилел. Он упал лицом вниз на землю, и крепкие руки с острыми когтями снова тащили его, как тюфяк. Свет померк: может, ночь настала, а может, потемнело в глазах — он не знал.

Смутно различались голоса. Похоже, орки требовали остановиться. Углук что-то кричал. Пиппина бросили на землю, и он тут же провалился в черное беспамятство. Безжалостные

лапы немедленно вцепились в него и принялись трясти. Тьма отступила, он пришел в себя. Было утро.

Пиппин боролся с отчаянием. Голова кружилась, но он согрелся — похоже, ему опять давали глотнуть из фляги. Орк наклонился над ним, протянул хлеб и полоску сушеного мяса. Пиппин жадно сжевал твердый серый хлеб, но к мясу не притронулся. Он был страшно голоден, но даже думать о происхождении этой пищи было противно.

Пиппин сел и осмотрелся. Мерри был неподалеку. Орки остановились на берегу узкой быстрой речки; впереди виднелись горы, лучи солнца уже коснулись далеких вершин. На склонах темнел лес.

Орки снова спорили, куда идти. Одни с тревогой показывали на юг, другие — на восток, каждый старался перекричать соседа.

— Так вы спасаете свои шкуры от белокожих и бросаете добычу псу под хвост! — говорил Углук. — Отлично! Я ее подберу. Урук-хайи обойдутся без вас. Проваливайте! Туда, в лес! Убирайтесь, быстро, а то снесу пару голов, чтобы добавить ума остальным.

Огрызаясь и отбиваясь, северяне побежали вдоль реки к горам. Хоббиты остались с изенгардскими орками. Их было не меньше восьмидесяти — дикая орда смуглых косоглазых громил с огромными луками и широкими короткими мечами.

— Теперь разберемся с Гришнаком, — сказал Углук. Но тут даже его стая стала с тревогой поглядывать на юг. — Знаю, — проворчал он. — Этим коневодам достанется от нас только ветер. Все из-за тебя, Снага. Уши вам пооборвать, разведчики... Но мы бойцы, и мы еще полакомимся кониной, а может, и чем-нибудь повкуснее!

Наконец Пиппин понял, почему часть орков показывала на восток. Оттуда доносились пронзительные вопли. Гришнак снова появился, ведя за собой десятка четыре длинноруких кривоногих гоблинов со знаком Багрового Ока на щитах.

Углук выступил вперед:

— Вернулся все же? Пораскинул мозгами, а?

— Я пришел проверить, хорошо ли выполняется приказ и не случилось ли чего с пленниками, — небрежно бросил Гришнак.

— Да что ты! Напрасно беспокоился. Я уж сам прослежу за своими приказами. Ну, что тебе еще? Ты так торопился уйти, может, забыл чего?

— Забыл, что доверил дело дураку, — проворчал Гришнак. — Оставил тут кое-что ценное, оно не должно пропасть.

— Превосходно, — захохотал Углук. — Только ты не с того начал. Приближаются белокожие. Где твой хваленый назгул? Под ним снова убили лошадь? Позвал бы хоть его, если у твоих хозяев нет ничего получше.

— Потише про назгулов, — заметно вздрогнув, проговорил Гришнак. — Тебе такое и в самом страшном сне не привидится. Скоро пожалеешь, что болтал о том, чего не понимаешь. Их питает Великое Око, но оно пока не позволяет им показываться за Рекой.

— Ты много знаешь, — сказал Углук, — пожалуй, чересчур много. В Мордоре наверняка полюбопытствуют откуда. Не распускай нюни! Урук-хайи сделают всю грязную работу. Собери своих и веди к лесу, а то можете и не вернуться к Реке живыми. Мы пойдем следом.

Саруманов орки снова тащили Мерри и Пиппина на себе. Проходили часы, а они все бежали, останавливаясь лишь затем, чтобы перегрузить хоббитов на новых носильщиков. Может, они были сильнее, а может, Гришнак что-то задумал, но мордорские орки пропустили изенгардских вперед и сомкнулись позади. Первыми мчались северяне. Лес медленно приближался.

Пиппин был весь в синяках и ссадинах. Перед глазами мелькали лишь согнутые спины и мощные ноги, двигавшиеся вверх и вниз, безостановочно, словно задавая ритм нескончаемого кошмара.

В полдень они догнали северян, обессилевших от бледного света зимнего солнца. Их головы поникли, языки болтались.

— Козявки! — ржали изенгардские. — Вы зажаритесь, а белокожие сожрут вас. Они уже близко!

Но вскоре стало не до шуток. Стремительные Всадники настигали орков, как мощный поток настигает путников, завязших в зыбком песке.

Саруманов орки рванулись вперед. Солнце опускалось за Мглистые Горы, тени увеличивались. Мордорцы встряхнулись и тоже прибавили шагу. Лес темнел совсем рядом. То тут, то там виднелись деревья. Начинался подъем, но орки не замедляли бега. Оба — Углук и Гришнак — криками подстегивали отставших на последний рывок.

«Еще могут уйти», — подумал Пиппин. Он с трудом оглянулся. На востоке скачущие по равнине Всадники уже поравнялись с орками. Солнце отражалось от копий и шлемов, золотило развевающиеся волосы. Они окружали орков и, не давая разбежаться, прижимали к реке. Пиппин не представлял, что это за народ. Как он жалел, что в доме Элронда пренебрегал книгами и картами! Но тогда казалось, что план путешествия в надежных руках, и он не мог бы представить себя без Гэндальфа и Колоброда, тем более — без Фродо. Пиппин вспомнил только, что Сполох, конь Гэндальфа, отсюда родом. Это немного обнадеживало.

«Интересно, знают ли всадники о хоббитах? — подумал вдруг Пиппин. — А то убьют нас, как орков, и даже не поймут, что ошиблись. Я, конечно, рад, что этим зверям приходит конец, но я не собираюсь сгинуть вместе с ними!»

Среди Всадников оказались искусные лучники. Они приближались на расстояние выстрела, на полном скаку стреляли по отставшим оркам и быстро уходили из-под ответных стрел. Орки, боясь остановиться, почти не поднимали луков.

До вечера Всадники так и не начали боя. Много орков погибло от стрел, но и осталось еще не менее сотни. В сумерках добрались до бугра. Последние полмили казались непреодолимыми. Всадники взяли их в кольцо. Группа орков, не послушав Углука, попыталась пробиться к лесу; вернулись лишь трое.

— Ну, вот и пришли, — усмехнулся Гришнак. — Надеюсь, Великий Углук выведет нас отсюда?

— Отпустите пленников! — приказал Углук, не обращая внимания на Гришнака. — Лугдуш, возьмешь еще двоих и будешь охранять их. Не убивать, пока белокожие не прорвутся. Покуда я жив, они мне нужны. Ясно? Но чтоб не орали и не сбежали! Свяжите им ноги!

Последнее было выполнено быстро и безжалостно. Правда, хоббитов уложили рядом. Пока орки кричали, шумели и брящали оружием, им удалось немного пошептаться.

— Я уже не думаю об этом, — говорил Мерри. — Мне не уйти далеко даже без веревок!

— *Лембас!* — шепнул Пиппин. — У меня немного есть. А у тебя? По-моему, у нас отобрали только мечи.

— Пакет был в кармане, — ответил Мерри, — но там, наверно, одни крошки остались. Да я все равно не смогу есть из кармана.

— Зато я... — Сильный удар напомнил Пиппину, что охрана начеку.

Ночь выдалась тихой и холодной. На выстрел от холма со всех сторон зажглись сторожевые костры. Всадники не показывались у огня, и орки извели впустую немало стрел, пока Углук не остановил их. От костров не доносилось ни звука. Позднее, когда взошла луна, туманные силуэты Всадников стали изредка мелькать в ее бледном свете.

— Они будут ждать солнца! — проворчал один из стражей. — Может, прорвемся сейчас? О чем только думает этот Углук?

— Может, скажешь, что он совсем не думает, а? — хмыкнул Углук, выступив из темноты. — Что он, стало быть, глупее мордорских обезьян и пещерных козявок? У коневодов хватит сил, чтобы смести нас на равнине. К тому же, как мне известно, они

видят в темноте лучше других. И не забывайте об их конях! Эти видят даже ночной ветер. Одного только никто из вас не знает: Мэйхур с парнями уже в лесу и может появиться в любую минуту.

Речь Углука, похоже, успокоила изенгардских орков, но остальные приуныли, а кое-кто начал ворчать... Назначили дозорных, но большинство из них легли отдохнуть в приятной темноте. Луна как раз зашла за тучу, и тьма стояла такая, что Пиппин в нескольких шагах ничего не видел. Свет костров не достигал холма. Всадники, однако, не собирались позволить врагам отдыхать до рассвета. Небольшой отряд прокрался к лагерю с восточной стороны и, перебив немало орков, исчез. Углук бросился туда навести порядок.

Пиппин и Мерри сели: их стражи, изенгардские орки, отправились с Углуком. Мысль о бегстве мелькнула, но тут же растаяла. Две длинные волосатые руки обхватили их за шеи. Уродливая морда Гришнака просунулась между ними, зловонное дыхание обдало лица. Орк начал их обыскивать. Пиппин вздрогнул, когда крепкие холодные пальцы забегали у него по спине.

— Как отдыхается, мои крошки? — шепотом произнес Гришнак. — Приятно? Или не очень? Не повезло вам: тут — мечи и кнуты, там — безжалостные копья! Маленькому народу не надо лезть в дела, которые для него слишком велики.

В глазах орка горел алчный огонь. Пиппин, словно прочитав мысли врага, внезапно понял, *что* тот ищет. Холодный страх пробрал хоббита. Гришнак знает о Кольце! Гришнак хочет завладеть им, пока нет Углука. Этим надо воспользоваться, вот только как?

— Так ты его вряд ли найдешь, — шепнул он.

— *Найдешь*? — Пальцы Гришнака впились Пиппину в плечо. — Что найдешь? Ты о чем, малыш?

Мгновенье тот молчал, потом тихонько заворчал в темноте:

— *Горлум, горлум*, — и добавил: — Ни о чем, моя прелесть.

Гришнак сжимал хоббита все сильнее.

— Ой-хой, — зашипел он, — вот мы о чем! Ой-хой! Это очень, оч-чень опасно, крошки!

— Возможно, — Мерри начал подыгрывать. — Но не только для нас. Да ты и сам все знаешь. Так нужно оно тебе или нет? Сколько дашь?

— Нужно? — переспросил, словно в замешательстве, Гришнак; его руки тряслись. — Сколько дам? Ты о чем?

— О том, — сказал Пиппин, осторожно подбирая слова, — что неприятно возиться в темноте. Развяжи нам ноги, тогда и поговорим.

— Мои маленькие дурачки, — прошипел Гришнак. — Все, что вы знаете, и все, что у вас есть, вы выложите в свое время.

Все! Еще и пожалеете, что не можете сказать больше. Так что спешить нам некуда. Подумайте-ка, почему вы до сих пор живы? Орки сжалились? Или Углук ошибся?

— Уже подумал, — отозвался Мерри. — И как ты собираешься тащить добычу домой? Если мы окажемся в Изенгарде, Великий Гришнак останется с носом. Саруман своего не упустит. Если ты что-то хочешь для себя, сейчас самое время этим заняться.

Гришнак начал терять терпение. Имя Сарумана, казалось, особенно взбесило его. Время шло, паника улеглась. Углук и изенгардцы могли вернуться в любой момент.

— Есть оно у вас? — оскалился он.

— Горлум, горлум! — произнес Пиппин.

— Разрежь веревки! — потребовал Мерри.

У орка тряслись руки.

— Проклятые крысята! — зашипел он. — Разрезать веревки? Да я вам все жилы перережу, до костей разделаю! Изрежу на куски! А унести вас отсюда я смогу и один.

Орк схватил хоббитов, и они ужаснулись силе его рук. Каждого хоббита он сунул под мышку и прижал к бокам. Две крепкие ладони зажали им рты. Пригнувшись, Гришнак бросился вперед, быстро и бесшумно добрался до края холма, тенью проскользнул мимо дозорных и заспешил вниз по западному склону к реке, вытекавшей из леса. На широкой равнине перед ним горел всего лишь один костер.

Пройдя десяток шагов, он остановился и прислушался. Все было спокойно, и орк двинулся дальше, пригибаясь к земле. Присел, снова прислушался. Затем, словно решившись на отчаянный рывок, выпрямился. В этот момент перед ним возникла темная фигура всадника. Конь всхрапнул и заржал. Человек крикнул. Гришнак бросился на землю, подминая под себя хоббитов и вытаскивая меч. Меч звякнул, отсвет далекого костра блеснул на нем. Из темноты просвистела стрела — то ли искусство воина направило ее, то ли провидение — и угодила в правую руку орка. Он выронил меч и вскрикнул. Послышался быстрый топот копыт, и в тот миг, когда Гришнак вскочил, пытаясь бежать, его настигло копье. С гортанным воплем он рухнул на землю и затих.

Второй всадник мчался на помощь товарищу. Конь легко перескочил через хоббитов, а наездник не заметил их, одетых в эльфийские плащи и не смевших шелохнуться.

Мерри зашевелился первым и прошептал:

— Пока неплохо. Как это мы уцелели?

Ответ последовал немедленно. Крик Гришнака слышали не только всадники. По воплям на холме хоббиты поняли, что Углук вернулся и их исчезновение обнаружено. Неожиданно ответные крики орков раздались со стороны леса, за кольцом

огней. Похоже, появился Мэйхур. Часть Всадников теснее сомкнула кольцо вокруг холма, подставив себя под орочьи стрелы и не давая стаям соединиться, пока остальные расправлялись с пришельцами. Пиппин и Мерри обнаружили, что оказались за кольцом окружения.

— Если бы не веревки, мы могли бы спастись, но эти узлы мне не по зубам, — заявил Мерри.

— Обойдемся и так, — Пиппин вытащил руки из веревочной петли и достал пакет. — Сначала подкрепись.

Лепешки, обернутые листьями, помялись, но и только. Хоббиты съели по два куска. Вкус *лембас* напомнил о друзьях, веселых вечеринках, песнях и смехе. Они задумчиво жевали, прислушиваясь к крикам и близкому шуму битвы. Пиппин первый вернулся к действительности.

— Пора удирать, — решил он. — Ну-ка, минутку!

Меч Гришнака валялся рядом, но был слишком громоздким для хоббита. Пиппин подполз к орку и вытащил из ножен длинный острый нож. Им они и перерезали путы.

— Теперь туда! — Пиппин махнул рукой в сторону берега. — Когда согреемся, наверное, сможем идти. Но пока лучше ползти.

И они поползли. Почва была мягкой, но способ передвижения не отличался быстротой. Хоббиты обогнули костер и добрались до реки, журчавшей в тени высокого берега. Только тогда они оглянулись. Похоже, с Мэйхуром и его «парнями» было покончено. Всадники продолжали молчаливый зловещий дозор. Ночь близилась к концу. Небо на востоке начинало светлеть.

— Надо спрятаться, — заявил Пиппин, — а то нас могут увидеть. Мало радости, если Всадники сначала убьют нас, а потом обнаружат, что ошиблись.

Он поднялся на ноги.

— Похоже, согреваются. Я могу идти. А ты как?

Мерри встал.

— Да, — удивился он, — и я тоже. Лембас согревает сердце! И на вкус поприятнее, чем орочье питье. Из чего только его делают? Впрочем, лучше не знать. Выпьем водички, смоем мысли об этой дряни!

— Здесь слишком круто, — сказал Пиппин, — пойдем дальше.

Они неторопливо пошли рядом вдоль реки. Небо впереди светлело. Они болтали, как умеют одни лишь хоббиты, обо всем, что с ними приключилось. Ни один невольный слушатель не поверил бы, что эти двое только что чудом избежали пыток и мучительной смерти; и даже сейчас, как они хорошо понимали, им вряд ли удастся встретить друзей или избежать новых опасностей.

— Вы неплохо держались, доблестный Тук, — говорил Мерри, — вам отведут целую главу в книге Бильбо, если когда-ни-

будь мне доведется ему обо всем рассказать. Здорово ты обставил этого волосатого Гришнака, да еще в игру, которую он сам и затеял... Однако я не уверен, что кто-нибудь пойдет по той тропе и наткнется на твою застежку. Я бы ни за что не расстался со своей, но твоя, кажется, пропала навсегда. Ладно, вот причешу пятки и сравняюсь с тобой, любезный Перегрин. Ручаюсь, ты плохо представляешь, где мы оказались. А я в Дольне даром времени не терял. Так вот: мы идем на запад, вдоль реки Энтов, а впереди — отроги Мглистых Гор и Лес Фангорна.

Лес темнел прямо перед ними. Казалось, ночь уползала в него от надвигающегося рассвета.

— Ведите, уважаемый Мериадок! — согласился Пиппин. — Туда... или обратно. Нас предупреждали насчет Фангорна. Но столь сведущий проводник, конечно, и сам помнит об этом.

— Я помню, — кивнул Мерри, — но в лесу, по-моему, лучше, чем на поле боя.

Хоббиты вошли в лес. Деревья вокруг казались очень древними. Мох покрывал огромные ветви и свисал клочьями, шевелясь от ветра. В тусклом свете утренних сумерек карабкающиеся по склону хоббиты походили на эльфийских детей из давно ушедших времен, встречающих на краю девственного леса свой первый рассвет.

Вдали, за Великой Рекой и Бурыми Землями, разгоралась заря, алая, как пламя. Приветствуя ее, запели боевые рога Всадников, и их звуки далеко разнеслись в чистом холодном воздухе. Пиппин и Мерри слышали ржание коней, перекличку рогов, а потом неожиданно — пение воинов. Огненный диск солнца показался из-за края земли. Тогда с грозным кличем Всадники ударили с востока. Красными искрами вспыхивали их кольчуги и копья. Орки с визгом выпускали по ним оставшиеся стрелы. Хоббиты видели, как упали несколько Всадников, но сомкнутый строй их прошел по вершине холма, обогнул ее и атаковал орков снова. Чудом уцелевшие враги бросились врассыпную, но смерть настигала их одного за другим. Лишь одна свора, сбившись черным клином, отчаянно пробивалась к лесу. Они бежали прямо на хоббитов и, казалось, могли пробиться — трех Всадников, преграждавших им путь, они просто смели.

— Мы слишком засмотрелись, — сказал Мерри, — это Углук! Я вовсе не хочу снова встретиться с ним.

Хоббиты повернулись и бросились в глубь леса.

Так случилось, что они не видели конца сражения. Углука настигли у самой опушки. Сам Йомер, спешившись, сразил его мечом. А на широкой равнине остроглазые Всадники уничтожили остальных.

С погребальными песнями воины возвели курган над павшими товарищами; затем, разложив огромный костер, развеяли по ветру пепел своих врагов.

Так кончился набег, слух о котором не достиг ни Изенгарда, ни Мордора. Но дым пожарища еще долго поднимался к небесам, и его видели многие внимательные глаза...

Глава 4
ФАНГОРН

Пиппин и Мерри пробирались невесть куда сквозь чащобу. Берег ручья вел их на запад, вверх по горным склонам, все дальше в Лес Фангорна. Постепенно страх перед орками отступил, они пошли медленнее и тут обратили внимание на странное удушье. Воздух как будто растаял и перестал питать легкие. Мерри остановился.

— Больше не могу, — пропыхтел он. — Я совсем задыхаюсь.

— Давай хотя бы попьем, — сказал Пиппин. — У меня во рту все пересохло.

Он вскарабкался на огромный древесный корень, спускавшийся в воду и, нагнувшись, зачерпнул сложенными ладонями. Вода была холодной и чистой, и он пил долго. Мерри последовал его примеру. Вода освежила их и, казалось, вселила бодрость в сердца. Хоббиты с удобством расположились на берегу ручья, опустив израненные ноги в поток и разглядывая деревья, сплошной стеной обступившие их со всех сторон. Между стволами стоял серый полумрак.

— Как ты думаешь, мы не заблудились? — спросил Пиппин, устраиваясь поудобнее у подножия огромного древесного ствола. — Я думаю, надо идти вдоль ручья, тогда хоть назад можно будет вернуться.

— Пойти-то можно, вот только ноги не идут, — вздохнул Мерри. — Ты чувствуешь, какой здесь воздух?

— Душно очень, и туман какой-то... — отозвался Пиппин. — Мне вспомнилась старая комната в Большой Усадьбе Туков: огромная, знаешь, такая усадьба, мебель там не меняли и не двигали много поколений. Говорят, Старый Тук жил очень долго, а комната старела и дряхлела вместе с ним. Потом он помер, лет сто назад, но там все равно ничего не изменилось. Ну, так это пустяки по сравнению с древностью этого леса. Посмотри, как ветки обросли лишайником! А на деревьях полно старой листвы, похоже, она никогда и не опадает. Странно. Не могу представить, как здесь будет весной — если она когда-нибудь сюда придет.

— Но солнце-то должно иногда появляться, — сказал Мерри. — Я помню, как у Бильбо описано Сумеречье. Там была сплошная темень, скрывавшая страшные вещи. А здесь просто

душно. Деревья, что ли, очень густо растут? По-моему, здесь никакой зверь долго не выживет.

— Да и хоббит, пожалуй, тоже, — проворчал Пиппин. — Как подумаю, что придется тащиться через этот лес, так тошно становится. К тому же едой здесь и не пахнет. Сколько у нас припасов?

— Маловато.

Они посмотрели, что осталось от эльфийских лепешек: раскрошенные кусочки, которых хватит не больше чем на четыре-пять полуголодных дней, вот и все.

— И у нас нет ни одного одеяла, — сказал Мерри. — Куда бы мы ни пошли, ночью все одно замерзнем.

— Насчет дороги лучше решать сейчас, — подумав, произнес Пиппин. — Должно быть, наступает утро.

В этот миг они заметили слабый желтоватый свет, проглядывающий сквозь деревья; казалось, солнечные стрелы там внезапно пробили крышу леса.

— Привет! — воскликнул Мерри. — Похоже, пока мы сидели здесь, солнце забежало за тучку, а теперь опять выбежало, а может, просто поднялось повыше, чтобы выглянуть сквозь какой-нибудь просвет. Он, должно быть, недалеко. Пойдем посмотрим.

Оказалось, это дальше, чем они предполагали. Местность постепенно поднималась и становилась более каменистой. Свет разливался все шире, и скоро они оказались у скальной стены: не то перед склоном холма, не то перед отрогом дальнего хребта. Здесь не росло ни одного деревца, и солнце ярко освещало вершину. Насколько запущенным и серым выглядело все раньше, настолько теперь лес светился коричневыми и темно-серыми оттенками коры, гладкой, как полированная кожа. Ветви подернулись зеленоватой дымкой — первый признак весны.

На крутом каменистом склоне обнаружилось нечто похожее на лестницу. Ее грубые и неровные ступени проточили, скорее всего, вода и ветер. Высоко, почти вровень с вершинами деревьев, виднелся уступ, над ним нависала отвесная стена. Уступ порос травой, его украшал огромный корявый пень с двумя изогнутыми ветвями; в неверном утреннем свете он напоминал фигуру какого-то старика.

— Айда наверх! — радостно воскликнул Мерри. — Подышим вволю и осмотримся!

Они полезли вверх. Если лестницу и делал кто-то, то явно рассчитывая на ноги побольше и подлиннее, чем у хоббитов. Они были слишком возбуждены, чтобы заметить и удивиться, как необыкновенно быстро зажили рубцы и язвы, оставшиеся после плена, как быстро вернулись силы. Они забрались на край уступа, почти у подножия старого пня; став спиной к холму и глубоко дыша, посмотрели на восток. Оказалось, что

в глубь леса они прошли всего три-четыре лиги. Вершины деревьев спускались по склонам к долине. Там, у самого края леса, очень далеко, поднимались клубящиеся столбы черного дыма, волнами плывшего по направлению к ним.

— Ветер меняется, — сказал Мерри, — и опять с востока... Чувствуешь, как холодает?

— Да. Боюсь, что солнце проглянуло ненадолго и скоро все опять затянет тучами. Как жаль! Этот старый запущенный лес при солнечном свете совсем другой. Я почти полюбил его!

— Почти полюбил лес! Вот это славно! Очень любезно с вашей стороны, — произнес странный голос. — Повернитесь-ка, дайте взглянуть на ваши лица. Похоже, вы мне не очень-то нравитесь, однако не будем спешить. Повернитесь!

Большие узловатые ладони легли на их плечи, и их повернули, мягко, но настойчиво; затем две огромные руки подняли их.

Перед хоббитами было совершенно необычное существо. Оно походило не то на человека, не то на тролля, футов четырнадцати ростом, с длинной головой и почти без шеи. Гладкая коричневая кожа рук мало походила на грубую серо-зеленую кору, покрывавшую остальное тело. На огромных ногах было по семь пальцев. Нижняя часть длинного лица заросла широкой седой бородой, кустистой, у основания напоминавшей тонкие прутья, а на концах похожей на мох. Но в первый момент хоббиты не заметили ничего, кроме глаз. Эти глубокие глаза теперь разглядывали их, сосредоточенно, очень проницательно. Они были коричневыми, в их глубине то и дело вспыхивал зеленый огонек. Потом Пиппин часто пытался рассказать о своем первом впечатлении от этих удивительных глаз. Казалось, их наполняет вековая память и долгие, медленные, размеренные размышления, а поверхность искрится настоящим: так бывает, когда солнце играет в кроне гигантского дерева или на волнах очень глубокого озера. «Не знаю, но мне почудилось, — говорил он, — будто что-то, что росло в земле — сонное вроде как — вдруг пробудилось и изучает нас так же медленно, как жило на протяжении бесконечных лет».

— *Грумм, хумм*, — пробормотал голос, низкий, как у какого-нибудь деревянного духового инструмента. — Очень странно! Не спешить — вот мое правило! Если бы я увидел вас прежде, чем услышал голоса, — а мне они понравились, приятные голоски, они напомнили мне что-то, но что, я не могу вспомнить, — если бы я увидел вас прежде, чем услышал, я бы попросту раздавил вас, приняв за маленьких орков, и лишь потом обнаружил бы ошибку. Очень вы странные, в самом деле. Корни и ветви! Очень странные!

Пиппин хотя и не оправился от удивления, но больше не боялся. Под взглядом этих глаз он чувствовал скорее любопытство, чем страх.

— Простите, — осведомился он, — вы кто? Или... что?

Подозрительность и настороженность промелькнула в старых глазах; глубина их как-то изменилась.

— Грумм... — ответил голос. — Ну, я — энт. Во всяком случае, так меня называют. Да, энт, вот это самое слово. Некоторые называют меня Фангорн, другие — Древобород. Пусть будет Фангорн.

— *Энт*? — переспросил Мерри. — Я такого и не слыхал. А вы-то сами как себя зовете? Как ваше настоящее имя?

— Ух! — вздохнул Фангорн. — Ух! Не надо спешить. Я и сам собираюсь задавать вопросы. Вы в моей стране. Кто вы такие, вот что интересно знать. Я не могу найти вам места. Похоже, вас нет в старых списках, которые я учил в молодости. Правда, это было так давно... Могли появиться новые списки. Посмотрим, посмотрим! Как это там...

Помни о всех обитателях мира!
Знай: есть четыре свободных народа:
Эльфы, пришедшие в древнее время;
Гномы, живущие в темных пещерах;
Энты, рожденные дикой землею;
Люди — им гордые кони послушны...

Хм, хм, хм...

Мощные лоси, коварные лисы,
Пчелы звенящие, совы ночные,
Зайцы пугливые, злобные волки...

Хм, хм...

Буйволы в поле, орлы в поднебесье,
Быстрые ястребы, юркие белки,
Белые чайки, холодные змеи...

Хум, хм, хум, хм, как там дальше? Трам-пам-пам, там-там, тарам-пам-пам, там-там... Длинный этот список. Но как бы там ни было, вы, похоже, в него все равно не вмещаетесь!

— Ох! Мы всегда не вмещаемся в старые списки и в старые истории, — вздохнул Мерри, — хотя и существуем уже довольно давно. Мы — хоббиты.

— Почему бы не придумать новую строку? — предложил Пиппин.

Хоббиты малые в норках уютных...

Помести нас среди тех четырех, следом за людьми — мы зовем их Верзилами, — и все будет в порядке.

— Хм! Неплохо, неплохо, — задумчиво произнес Фангорн, — сойдет. Так вы живете в норках, а? Звучит вполне правдоподобно. Кто же это вас так называет: «хоббиты»? На эльфийский непохоже. Все старые слова ведь эльфы придумали; с них все началось.

— Никто больше нас так не называет. Мы сами так себя зовем, — сказал Пиппин.

— Хум, хмм... Не торопиться! Никакой спешки! Вы, стало быть, называете себя хоббитами? Но об этом не стоит говорить каждому встречному. Так, чего доброго, свое настоящее имя выболтаешь, если вовремя не спохватишься.

— А чего спохватываться? — удивился Мерри. — Вот я, например, Брендискок, Мериадок Брендискок, хотя многие зовут меня просто Мерри.

— А я — Тук, Перегрин Тук, хотя вообще-то меня называют Пиппин.

— Хм. Ну, вы все-таки торопливый народ, как я погляжу, — сказал Фангорн. — Я польщен вашим доверием, но, пожалуй, не стоит предоставлять вам слишком много свободы сразу. Знаете ли, есть энты и есть энты; иными словами, есть энты, а есть кое-что похожее на энтов, как вы могли бы сказать. Я буду звать вас Мерри и Пиппин, если вы не возражаете, — славные имена. А я пока подожду говорить вам свое имя, да, пока подожду. — Странный, сочувственный и насмешливый огонек засветился в его глазах. — Да, ни в коем случае! Во-первых, это заняло бы слишком много времени: мое имя ведь росло вместе со мной, а я жил долго, очень долго; так что мое имя — это, считай, история. Настоящие имена рассказывают историю вещей, которым принадлежат, — так это в моем языке, старом энтском, как вы бы сказали. Это замечательный язык, но нужно очень много времени, чтобы сказать на нем что-нибудь. Поэтому мы не говорим на нем ничего, кроме достойных долгих речей для долгого слушания. А теперь, — и глаза стали яркими, «сегодняшними», казалось, они даже уменьшились и заострились, — расскажите-ка мне, что происходит? Что вы здесь делаете? Я многое вижу и чую с этого... с этого... с *этого а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-араме.* Да, вы уж извините меня, я не знаю нужного слова на внешних языках: знаете, та вещь, на которой мы находимся, где я стою, любуясь прекрасным утром, думаю о солнце, о лесной траве, о лошадях, облаках, о цветении мира... Да, что происходит? Что там замышляет Гэндальф? И эти — *барарум,* — он издал рокочущий звук, как большой расстроенный орган, — эти орки; и молодой Саруман в своем Изенгарде? Я люблю новости. Только помедленнее.

— Многое происходит, — сказал Мерри, — даже если быстро рассказывать — это надолго. Но вы велите не спешить. Может, тогда лучше ничего не рассказывать? Вам не покажется невежливым с нашей стороны, если мы спросим, что вы собираетесь с нами делать? На чьей вы стороне? И откуда знаете Гэндальфа?

— Да вот уж знаю. Он единственный мудрец, который заботится о деревьях, — ответил старый энт. — А вы его тоже знаете?

— Да, — печально произнес Пиппин. — Он был нашим самым большим другом и предводителем.

— О, тогда я могу ответить на ваши вопросы. Я ничего не собираюсь делать с вами. Но мы могли бы кое-что сделать вместе. Я ничего не знаю и знать не хочу ни о каких сторонах. Я иду своей дорогой и думаю, что ваш путь на некоторое время может совпасть с ней. Но вы говорите о Гэндальфе так, будто его история подошла к концу?

— Да, — вздохнул Пиппин. — История-то продолжается, а вот Гэндальфа в ней уже не будет.

Фангорн долго молчал, внимательно глядя на хоббитов.

— Хумм, о, не знаю, что и сказать, — молвил он наконец. — Продолжайте.

— Если вы хотите знать больше, — проникновенно сказал Мерри, — мы расскажем. Но это займет некоторое время. Вы не опустите нас? Мы бы посидели тут вместе на солнышке, пока оно еще есть... Вы, должно быть, устали держать нас на весу?..

— Хм, устал? Нет, я не устал. Я так быстро не устаю. И не сажусь. Я не очень, хм, гибкий. Но солнце уходит. Давайте уйдем с этого... как, вы сказали, оно называется?

— Холм? — предположил Мерри. — Уступ, ступенька?

Энт тщательно повторил слова, словно попробовал их на вкус.

— Холм. Да, это так. Но это слишком поспешное слово для вещи, которая стоит здесь с тех пор, как эта часть мира обрела свой вид. Ну, ничего. Пойдемте отсюда.

— А куда? — спросил Мерри.

— В мой дом или в один из моих домов, — степенно ответил Фангорн.

— Это далеко?

— Не знаю. Может — далеко, может — нет. Какая разница?

— Да в общем-то никакой. Но, понимаете, у нас почти ничего не осталось, мы все потеряли, — сказал Мерри. — И у нас очень мало еды.

— О! Хм! Об этом не надо беспокоиться. Я дам вам питья, от которого вы долго-долго будете зелеными и растущими. Но если вы решите отпочковаться, я могу высадить вас где угодно. Вперед!

Осторожно, но уверенно держа хоббитов на сгибах рук, Фангорн поднял одну большую ногу, затем другую и направился к краю уступа. Корнеподобные пальцы ног вцепились в скалы. Он торжественно спустился по ступеням и вошел в лес.

Там он сразу направился сквозь заросли, все глубже и глубже, не удаляясь от ручья и все время поднимаясь по горному склону. Многие деревья, казалось, спали или обращали на Фангорна не больше внимания, чем на любого другого случайного прохожего; иные вздрагивали, а некоторые поднимали ветви над его головой. Он шел и разговаривал сам с собой — как будто бежал долгий поток мелодичных низких звуков.

Некоторое время хоббиты молчали. Как ни странно, они чувствовали себя уютно и в безопасности, и у них было о чем подумать и чему поудивляться. Наконец Пиппин решился снова заговорить.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, — могу я спросить вас кое о чем? Почему Келеберн предупреждал нас против вашего леса? Он уговаривал нас не рисковать и говорил, что здесь кроется западня.

— Хм, он так и сказал? — пророкотал Фангорн. — И я мог бы сказать то же самое, если бы вы шли другим путем. Бойся попасть в западню в лесах *Лаурелиндоренана*! Так обычно его называли эльфы, но теперь они нашли более короткое имя: Лотлориен. Возможно, они правы: может быть, он увядает, а не растет. Земля долины Поющего Золота — вот что там было в древние времена. Теперь это Цветок Грез. О, это странное место, и не всякий рискнет появиться там. Я поражен, что вам удалось самим выбраться оттуда. Но меня еще больше удивляет, как вы туда попали. Путников там не бывало уже много лет. Да, странное место... Место печали и скорби. *Лаурелиндоренан линделорендор малинорнелион орнемалин,* — медленным речитативом проговорил он. — Только за пределами Лаурелиндоренана, по-моему, листья падают чаще... И эта страна, и все прочие, кроме Золотого Леса, стали иными с тех пор, когда Келеберн был молодым. Только... хум, хм, *Таурелиломеа-тумбалеморна Тумбалетаурея Ломеанор*[1] так они говорили. Конечно, многое изменилось, но не везде же, так что это верно.

— Что верно? — поинтересовался обескураженный Пиппин.

— Да про деревья и про энтов. Я не все понимаю из того, что происходит, так что не могу объяснить. Некоторые из нас все еще настоящие энты, но вот многие засыпают, деревенеют, как вы бы сказали. Большинство деревьев — деревья и есть, но некоторые наполовину пробудились, а некоторые пробудились уже совсем... а кое-кто становится энтами. Так всегда было.

Когда это случается с деревьями, оказывается, что у некоторых плохие сердца. Сердцевина здесь ни при чем, я не это имею в виду. О, я знавал несколько славных старых ив в нижнем течении Энтовой Купели; они были сплошь в дуплах, разваливались на куски, но были тихи и ласковы, как юный лист. А есть деревья в долинах, у подножия гор, они громогласны, как колокол, но насквозь испорчены. Такое теперь все чаще случается. Здесь появилось много опасных мест. Есть совсем черные пятна...

— Как Сумеречье на севере? — спросил Мерри.

— Вот, вот, что-то вроде этого, но гораздо хуже. Я знаю, что север затемнен, а на этой земле есть такие глубокие долины, где тьма никогда и не поднималась и где деревья еще стар-

[1] См. Приложение VI, «Энты».

ше меня. Мы делаем что можем, не пускаем безрассудных путников, воспитываем, учим, расчищаем.

Мы, старые энты, — пастыри деревьев. Нас теперь немного осталось. Говорят, что со временем овцы становятся похожи на пастухов, а пастухи — на овец. Это, конечно, не сразу, а потом, овцы — они недолговечны. У деревьев и у энтов все быстрее и ближе, они вместе идут сквозь века. Энты кое в чем похожи на эльфов: они меньше заняты собой, чем люди, лучше вникают в суть вещей. В то же время энты похожи и на людей: быстрее меняются, чем эльфы, и быстрее приспосабливаются, можно сказать. Энты лучше, чем те и другие, потому что они последовательны и дольше размышляют над тем, что происходит.

Кое-кто из моей семьи теперь совсем одеревенел и едва шепчет. Нужно что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы пробудить их. Зато некоторые из моих деревьев очень подвижны, многие могут говорить со мной. Конечно, начали все эльфы. Это они пробуждали деревья, учили их разговаривать и слушали их. Первые эльфы всегда хотели со всеми разговаривать. А потом наступила Великая Тьма, и они уплыли за море, разлетелись по дальним долинам и сложили песни о днях, которые никогда не вернутся. Никогда... Эх, эх, эх, в былое время отсюда и до Синих Гор тянулся один лес, и все это называлось Восточным Краем. То были просторные дни! Бывало, я мог идти и петь весь день и не слышать ничего, кроме эха в холмистых ущельях. Здешние леса были похожи на леса Лотлориена, только гуще, сильнее, моложе. А какой аромат! Бывало, я целые недели дышал и больше ничего не делал.

Фангорн умолк, бесшумно шагая на своих огромных ногах. Затем он опять захмыкал, хмыканье перешло в бормотанье. Хоббиты не сразу поняли, что старый энт поет какую-то древнюю песню...

К ивовым кущам Тазаринана я приходил по весне.
О краски, о ароматы весны в Нан-Тазарионе!
— Здесь хорошо! — говорил я.
У вязов Оссирианда скитался я летом.
О свет, о мелодии лета у Семиречья Оссира!
— Здесь лучше, — думалось мне.
По осени буки Нэлдорета принимали меня.
О алое золото, о шепоты осени в Таур-на-Нэлдор!
— Здесь лучше всего, — я думал.
К соснам в нагорьях Дортониона я приходил зимой.
О, белые ветры меж черных ветвей в Ород-на-Тоне!
И мой голос летел в небеса.
Ныне земли эти укрыты волнами,
А со мною остались — Амбарона, Тауреморна, Альдаломэ,
Да моя земля, Лес мой Фангорн,
Чьи корни ушли в глубины земли,
А лет миновало гуще, чем опало листвы
В Тауреморналомэ.

Потом их спутник замолчал и шествовал дальше в полной тишине. Во всем лесу не было ни звука.

День шел на убыль, и сумерки окутывали стволы деревьев. Наконец хоббиты увидели вздымающиеся перед ними неясные темные тени; они пришли к подножию гор. Навстречу, со склонов холма, каскадами сбегал поток — юная Энтова Купель. На правом берегу виднелся длинный склон, одетый травой, в сумерках казавшейся серой. Деревья там не росли, склон был открыт небу; звезды сияли в небесных озерах, окруженных берегами облаков.

Тем же размеренным шагом Фангорн направился вверх по склону. Внезапно хоббиты увидели впереди широкий вход. Два больших дерева стояли по сторонам, как живые столбы ворот, и переплетенные ветви поднялись при их приближении. То были вечнозеленые деревья, их гладкие и темные листья таинственно мерцали в полумраке. За ними открывалось широкое ровное пространство, как будто в склоне холма вырезали большой грот. По обе стороны на высоту более пятидесяти футов вздымались стены; вдоль каждой стены стояли деревья, и чем глубже, тем выше. Дальний конец грота замыкала отвесная скала, но у подножия была неглубокая ниша со сводчатым потолком — единственная крыша этого удивительного жилища, если не считать ветвей, заплетавших грот снизу доверху, оставляя лишь широкий проход в середине. Маленький поток падал сверху и, звеня, разбивался на серебряные брызги, образуя возле ниши подобие чудесного занавеса. Вода собиралась в каменный бассейн между деревьями и бежала оттуда вдоль тропы, чтобы присоединиться к Энтовой Купели в ее странствиях по лесу.

— Хм! Вот мы и тут! — сказал Фангорн, нарушая долгое молчание. — Мы прошли примерно семьдесят тысяч энтовых шагов, а сколько это по-вашему — не знаю. Как бы то ни было, мы теперь у подножия Последней Горы. Мне здесь нравится. Заночуем здесь.

Он опустил их на траву между деревьями, и они пошли за ним к большой арке. Хоббиты заметили теперь, что колени энта не сгибались при ходьбе, но ноги ступали широко, причем прежде всего в землю впивались пальцы ног, очень большие и широкие.

Минуту Фангорн потоптался под водопадом, сделал глубокий вдох, засмеялся и прошел внутрь. Там стоял большой каменный стол, но не видно было ни одного сиденья. В глубине ниши было уже темно. Энт поднял два больших сосуда и поставил их на стол. Казалось, что в них простая вода, однако он подержал над ними руки, и кувшины начали разгораться: первый — золотым, второй — ярко-зеленым светом. Будто летнее

солнце пробилось сквозь покров молодой листвы, освещая нишу. Обернувшись, хоббиты увидели, что деревья тоже засветились, сперва робко, а затем все ярче, пока каждый лист не оказался в кайме света, зеленого, золотого или красного, как медь; древесные стволы походили на колонны, выточенные из самоцветного камня.

— Ну вот, теперь можно и поговорить,— сказал Фангорн.— Полагаю, вы хотите пить, да и устали, наверное. Глотните-ка вот этого.

Он направился к задней стене ниши, где хоббиты увидели несколько высоких каменных кувшинов с тяжелыми крышками. Он сдвинул одну из них, зачерпнул из кувшина большим ковшом и наполнил три кубка — один очень большой и два поменьше.

— Это дом энтов,— объяснил он.— Здесь не на чем сидеть, но вы можете сесть на стол.

Он поднял хоббитов и посадил на огромную каменную плиту, на шесть футов возвышавшуюся над землей. Там они и сидели, болтая ногами и потягивая из кубков.

Питье было похоже на воду, по вкусу очень напоминавшую ту, что они пили из Энтовой Купели у опушки леса, однако имело какой-то привкус, которого они не могли описать; он был неотчетлив, но напоминал запах дальнего леса, который приносит прохладный ночной ветер. Действие напитка сказалось сначала в кончиках пальцев ног, потом постепенно поднялось до корней волос, наливая тело силой и бодростью. Хоббиты почувствовали, как волосы у них на головах встали дыбом, начали виться, волнообразно шевелиться и расти. Фангорн, опустив ноги в бассейн, осушил свой кубок одним глотком — одним длинным медленным глотком. Хоббиты думали, что он никогда не остановится.

Наконец он отставил кубок.

— Ах-ха, хум, хм, теперь легче будет разговаривать. Сидите, где сидите, а я лягу, тогда питье не ударит в голову, и я не усну.

С правой стороны ниши находилась большая кровать на низких ножках, густо покрытая травой и папоротником. Фангорн медленно на нее опустился — лишь с намеком на изгиб посередине — и вытянулся во весь рост, положив руки за голову, глядя в потолок, на котором мелькали отблески, как листья, играющие в солнечном свете. Мерри и Пиппин сели рядом на подушки из травы.

— Теперь рассказывайте вашу сказку, да только не торопясь! — попросил энт.

Хоббиты поведали о своих приключениях с того момента, как покинули Шир. Они говорили довольно беспорядочно, то и дело перебивая друг друга, и Фангорн часто останавливал

их, возвращал к более раннему моменту или начинал расспрашивать о событиях более поздних. Они ничего не сказали о Кольце и не объяснили, почему отправились в путь и куда шли, а сам он не спрашивал.

Энта интересовало все: Черные Всадники, Элронд, Древлепуща, Том Бомбадил, пещеры Мории, Лотлориен, Галадриэль. Он заставил их снова и снова описывать Шир. Потом подумал и спросил странно:

— Вы там, в окрестностях, никогда, хм, не видели жен энтов?

— Жен энтов? — опешил Пиппин. — А какие они с виду? Такие же, как вы?

— Да, хм, а может, и нет, я уж теперь и не знаю... — задумчиво произнес Фангорн. — Но им бы понравилась ваша страна, вот я и спросил.

Энт дотошно расспрашивал о Гэндальфе, но более всего его встревожили действия Сарумана. Хоббиты знали немного: рассказ Гэндальфа на Совете в изложении Сэма, да еще то, что Углук, взявший их в плен, был из Изенгарда и хозяином своим называл Сарумана.

— Хм, хум! — произнес Фангорн, когда их история наконец добралась до схватки между орками и Всадниками. — Ну и ну! Вы рассказали мне массу новостей и, насколько я могу судить, не сделали ни единой ошибки. Конечно, вы рассказали не все, но я не сомневаюсь, что вы действуете так, как хотел бы Гэндальф. Я чувствую, происходит нечто большое, и когда-нибудь, наверное, узнаю, что именно. Корни и ветви! Вот странное дело! Появляется маленький народец, которого нет в старинных списках, и — обратите внимание! — Девять Забытых возрождаются, чтобы охотиться за ними, и Гэндальф берет их в большое путешествие, и Галадриэль дает им приют, и орки преследуют их в дикой земле... Похоже, они попали в ураган! Надеюсь, они его выдержат!

— Ну а вы? — осторожно спросил Мерри.

— Хум, хм, меня не заботят Большие Войны, — сказал Фангорн. — Они касаются эльфов и людей. Пусть этим занимаются мудрецы: они думают о будущем. Чего мне лезть в это дело? Я не придерживаюсь никакой стороны, потому что никто не придерживается моей, если вы меня понимаете: никто не заботится о лесах так, как я, даже эльфы теперь... Хотя к эльфам я отношусь лучше, чем ко всем прочим: эльфы излечили нас от немоты в давние времена, а это дар, о котором нельзя забыть, хотя с тех пор наши пути и разошлись. Но зато есть кое-что, с чем я решительно не согласен, я целиком против этого. Это — *барарум*, — он издал глубокий рокот отвращения, — это орки и их хозяева.

Я тревожился, когда тень накрыла Сумеречье, но перестал беспокоиться, когда она переместилась в Мордор — Мордор

далеко. А теперь, кажется, ветер начинает дуть с востока, и он несет старость и увядание всем лесам. Старый энт не в силах сдержать эту бурю: он либо устоит, либо сломается.

Но вот Саруман! Саруман — сосед, я не имею права проглядеть его. Полагаю, я должен что-то сделать. Я часто размышлял, что мне делать с ним.

— А кто он такой? — спросил Пиппин. — Вы что-нибудь знаете о нем?

— Саруман — маг, мудрец, — ответил Фангорн. — Больше, пожалуй, и не скажешь. Я не знаю истории магов. Они появились после того, как из-за Моря пришли Большие Корабли; вот только не знаю, пришли маги с ними или нет. Саруман считался среди них самым сведущим. Некоторое время назад — очень долгое время на ваш счет — он бродил по земле и вмешивался в дела людей и эльфов, а потом осел в Ангреносте, или в Изенгарде, как его называют люди из Рохана. Он начинал незаметно, но слава его быстро росла. Говорят, он был избран главою Белого Совета, но добра это не принесло. Я теперь думаю, что Саруман уже тогда обратился ко злу. Но как бы там ни было, своим соседям он беспокойства не причинял. Мы часто с ним разговаривали. Было время, когда он постоянно бродил по моим лесам. Тогда он был вежлив, всегда спрашивал моего разрешения, по крайней мере при встречах со мной, и очень любил слушать. Я рассказал ему многое из того, чего он сам вовек не узнал бы, но он никогда не платил мне тем же. Я вообще не могу вспомнить, чтобы он мне что-нибудь рассказывал. И чем дальше, тем больше. Его лицо, насколько я помню, — я давно его не видел, — стало похоже на окно в каменной стене со ставнями изнутри.

Думаю, теперь я понимаю, чего он хочет. Он хочет власти. У него на уме металл и колеса, и он не заботится о том, что растет, — если только оно не нужно ему для чего-нибудь. Теперь ясно, что он — черный изменник. Он сошелся с дурным народом — орками. Брм, хум! Хуже того, он сделал с ними что-то опасное. Эти, из Изенгарда, больше похожи на плохих людей. Обычно все злое, пришедшее с Великой Тьмой, не выносит солнца, а вот орки Сарумана как-то притерпелись. Интересно, что он такое сделал? Может быть, они — разрушенные люди, или он скрестил орков и людей? Это было бы черное дело!

Некоторое время назад я заинтересовался, как это орки могут так свободно разгуливать у меня в лесу. И только недавно я понял, что в ответе за это Саруман и что много лет назад он только и делал, что выведывал тайные тропы и другие секреты. Теперь он и его злой народ творят здесь беззакония. На границах они валят деревья — хорошие деревья. Некоторые они срубают и оставляют гнить, но большинство уносят с собой и сжигают в кострах. И день за днем над Изенгардом поднимается дым.

Проклятье на них, корни и ветви! Многие деревья были моими друзьями, я знал их, когда они были еще орешками и желудями; у многих был свой собственный голос, который теперь смолк навсегда. Там, где когда-то пели леса, теперь пустоши с пнями и ежевикой. Я был ленив. Я пустил все на произвол судьбы. Это пора прекратить!

Фангорн поднялся с кровати и хватил рукой по столу. Светящиеся сосуды подпрыгнули и выбросили два языка пламени. В глазах энта трепетал зеленый огонь, борода взъерошилась, как огромная метла.

— Я прекращу это! — прогремел он. — И вы пойдете со мной. Возможно, вы сумеете мне помочь. Тем самым вы поможете и своим друзьям, потому что, если Саруману дать волю, Рохан и Гондор окажутся в кольце врагов. Наши дороги сошлись не случайно, и теперь нам по пути — на Изенгард!

— Мы пойдем с вами, — сказал Мерри, — и сделаем все, что можем.

— Хорошо! — одобрил энт. — Но я поторопился. Я слишком разгорячился. Мне надо остыть и подумать, потому что проще крикнуть: «Прекратить!», чем сделать это.

Некоторое время он постоял под водопадом, затем засмеялся и встряхнулся, и всюду, где на землю падали капли воды, они вспыхивали красными и зелеными искрами. Потом он вновь улегся на кровать и затих.

Через некоторое время хоббиты опять услышали его бормотанье. Казалось, он считал по пальцам.

— Фангорн, Финглас, Фладриф, эх, эх, — вздохнул он. — Беда в том, что нас мало осталось, — и, обернувшись к хоббитам, пояснил: — Только трое из первых энтов, пришедших до Темноты, только я, Финглас и Фладриф — если называть их эльфийскими именами. Из нас троих от них меньше всего пользы. Финглас совсем сонный, одеревеневший, как вы бы сказали. А Фладриф жил к западу от Изенгарда, где случилось худшее из наших несчастий. Он сам был сильно ранен, а многие из его древесных стад убиты. И сделали это орки. Он ушел высоко в горы и не спускается оттуда. Впрочем, я могу собрать неплохую компанию молодых, если сумею объяснить им, что нужно, если смогу пробудить их: мы ведь неторопливый народ. Как жаль, что нас так мало!

— А почему вас так мало, если вы так давно здесь живете? — полюбопытствовал Пиппин. — У вас многие умерли?

— О, нет! Никто не умер сам по себе, как вы могли бы сказать. Конечно, некоторых сгубили годы, а больше одеревенело. Нас никогда не было много, а хуже то, что нас не становилось больше. Уже много лет у нас не было детей. Знаете, мы потеряли наших жен.

— Как это печально! — воскликнул Пиппин. — Как случилось, что они все умерли?

— Они не умерли! — терпеливо объяснил Фангорн. — Я не говорил «умерли». Мы потеряли их и не можем найти, — он опять вздохнул. — Я думал, большинство народов знает об этом. Песни о нас пели эльфы и люди от Сумеречья до Гондора. Не может быть, чтобы их совсем забыли!

— Наверное, до нас они все-таки не дошли, — посетовал Мерри. — Может, вы расскажете или споете какую-нибудь из этих песен?

— Пожалуй, — произнес Фангорн, казалось, растроганный просьбой. — Но я буду краток: завтра мы должны собрать совет и, быть может, отправимся в путь.

— Это довольно странная и грустная история, — продолжал он после паузы. — Когда мир был молод, а леса просторны и дики, энты и жены энтов жили вместе. Ах, как прекрасна была легконогая Фимбретиль, подруга моей юности! Но сердца наши стремились к разному: энты любили большие деревья, дикие леса и склоны высоких холмов, они пили из горных потоков и ели лишь те плоды, которым деревья позволяли падать на тропу, и они знались с эльфами и разговаривали с деревьями. А жены энтов любили маленькие деревья и залитые солнцем луга у края лесов, и они видели ягоды в зарослях, и дикую яблоню и вишню, расцветающие по весне, и зеленые травы пойменных лугов летом, и колосящиеся травы в осенних полях. Они не желали разговаривать с тем, что росло, но хотели, чтобы все слушалось их и подчинялось им. Жены энтов приказывали растениям расти так, как они того хотели, и приносить плоды и листья по их желанию, потому что жены энтов хотели порядка и изобилия; они считали, что все в мире должно находиться на своем месте, а место это будут определять они. И вот они начали создавать сады и жить там. Мы же продолжали бродяжничать, а в сады заходили лишь изредка. Когда на север пришла Тьма, жены энтов пересекли Великую Реку, разбили там новые сады и взрастили новые поля. Мы виделись все реже. После победы над Тьмой сады наших жен богато расцвели, и поля были полны зерна. Многие люди тогда познали искусство жен энтов и глубоко чтили их, а мы оставались для людей только легендой, тайной в сердце леса. И вот мы эдесь, а сады наших жен разорены: люди называют их теперь Бурыми Землями.

Помню, давным-давно, еще во время войны Саурона с Людьми из-за Моря, я захотел повидать свою возлюбленную. Она была так прекрасна, когда я в последний раз видел ее, хотя и мало похожа на девушек-энтов прежних времен. Ибо труд сгибал их фигуры до времени, волосы выгорали на солнце до оттенков спелого зерна, а щеки становились похожи на красные

яблоки. Только глаза всегда оставались глазами моего народа. Мы перешли через Андуин, но за ним лежала пустыня. Все было сожжено и раскорчевано, потому что здесь прошла война. Жен энтов там больше не было. Мы долго звали их, долго искали, спрашивали все встречные народы, каким путем ушли наши жены. Некоторые говорили, что никогда их не встречали, кое-кто отвечал, что их видели идущими на запад, по словам других — на восток или на юг. Но мы нигде не могли найти их. Велика была наша печаль. Дикий лес звал нас, и мы вернулись к нему. Много лет мы уходили на поиски, далеко ходили, все звали наших жен, выкликая их прекрасные имена. Но время шло, и мы уходили все реже и уже не так далеко. А теперь жены энтов — только память для нас, и бороды наши длинны и седы. Эльфы сложили множество песен о наших поисках, некоторые из них дошли до людей. Но мы не сочиняли песен, потому что прекрасные имена наших жен звучали в нас, когда мы думали о них. Мы верим, что вновь увидимся с ними и, может быть, нам удастся найти землю, где мы заживем вместе, и все будут довольны. Предсказано, что это случится только тогда, когда и мы, и они потеряем все, что имеем теперь. Вполне может быть, что это время уже близко. Потому что, если когда-то давно Саурон разрушил сады, то сегодняшний Враг, похоже, изведет и леса.

Об этом была эльфийская песня — по крайней мере, я так ее понимаю. Ее распевали по всей Великой Реке. Она никогда не была песней энтов, заметьте: на нашем языке это была бы очень долгая песня. Но мы знаем ее сердцем и вспоминаем часто. Вот как она поется:

Когда весна придет в леса, зашелестит листвой
И недра сумрачных озер наполнит синевой,
И станет горный воздух чист и сладок, как елей, —
Приди ко мне и пой со мной:
Мой край всего милей!

Когда весна придет в сады, и зашумят поля,
И пряным запахом весны наполнится земля,
Когда раскроются цветы среди густых ветвей —
Я не приду к тебе, мой друг.
Мой край всего милей!

Когда настанет летний день, и грянет птичий звон,
И оживут лесные сны под сенью ясных крон,
Когда зальет чертог лесной златой полдневный свет —
Приди ко мне и пой со мной:
Прекрасней края нет!

Когда горячий летний день согреет юный плод
И в жарком улье у пчелы созреет светлый мед,
Когда зальет цветущий луг златой полдневный свет —
Я не приду к тебе, мой друг. Прекрасней края нет!

Когда обрушится зима, и землю скроет тень,
И ночь беззвездная убьет короткий серый день,
И лес умрет в туманной мгле — под снегом и дождем,
Найду тебя, приду к тебе, чтоб быть навек вдвоем.

Когда обрушится зима, и смолкнет птичья трель,
И сад в пустыню превратит свирепая метель —
Найду тебя, приду к тебе, чтоб быть навек вдвоем,
И мы пойдем — рука в руке — под снегом и дождем!

Мерри показалось, что окончание песни пропели два голоса: глубокий и низкий — Фангорна, и светлый и прекрасный — его возлюбленной.

И мы начнем — в руке рука — на Запад долгий путь,
И там, вдали, отыщем край, где можно отдохнуть.

Песня кончилась.

— Вот так, — сказал Фангорн. — Конечно, песня эльфийская — легкая, с быстрыми словами и скоро кончается. На мой вкус, она неплоха. Но энты могли бы сказать лучше, если бы у них было время! А теперь я собираюсь встать и поспать немножко. Вы где встанете?

— Мы обычно спим лежа,— смущенно признался Мерри. — Нам хорошо здесь.

— Спать лежа! — удивился Фангорн.— Да, разумеется! Хм, хум... Я забыл. Песня напомнила мне прежние времена, и я говорил с вами, как с молодыми энтами... Что ж, можете лечь на кровать. Я намерен стоять под дождем. Доброй ночи!

Мерри и Пиппин забрались на кровать и укутались мягкой травой и папоротником. Огни погасли, мерцание деревьев поблекло. Снаружи под аркой они видели старого Фангорна, неподвижно стоящего с поднятыми над головой руками. На небе показались яркие звезды, они освещали падающую воду, разбивавшуюся о его пальцы и голову и рассыпавшуюся у ног сотнями серебряных брызг. Под звон струй хоббиты уснули.

Когда они проснулись, Фангорна уже не было. Пока они плескались в бассейне под аркой, послышалось хмыканье и пение, старый энт показался на тропе меж деревьев.

— Хум, хм! Доброе утро, Мерри и Пиппин! — прогремел он.— Долго же вы спите. Я был за много сотен шагов отсюда. Теперь мы попьем и пойдем на сбор энтов.

Он подал им два кубка, наполненных из каменного кувшина — на этот раз из другого. И вкус был иным: более земляным, более подкрепляющим и, если так можно сказать, более похожим на пищу.

Когда хоббиты насытились напитком и кусочками эльфийских лепешек, Фангорн поднял их на руки, как накануне. У выхода он повернул направо, перешагнул через поток и на-

правился на юг вдоль разрушенных склонов, поросших скудной растительностью. Вскоре он повернул от холмов и углубился в лес, где деревья были больше, выше и гуще, чем хоббитам когда-либо доводилось видеть. Фангорн шел, что-то задумчиво бормоча про себя, но Мерри с Пиппином не могли разобрать ни одного знакомого слова: нечто вроде *бум, бум, рамбум, бурар, бум, бум, дахрар бум бум, дахрар гум* и так далее, с постоянно меняющимся ритмом. Иногда им казалось, что ему кто-то вторит, какие-то звуки доносились из земли, с ветвей над головами, из древесных стволов, но Фангорн не останавливался и не поворачивал головы.

Они ушли уже далеко — Пиппин пытался считать «энтовы шаги», но сбился после трехтысячного, когда Фангорн стал замедлять ход. Внезапно он остановился, спустил хоббитов на землю, поднес ко рту сложенные ладони и издал громкий клич, подобный звуку большого рога. Со всех сторон послышались ответные звуки, но это не было эхо.

Фангорн посадил Пиппина и Мерри на плечи и опять зашагал, поминутно издавая клич, и каждый раз ответ раздавался все ближе и громче. Наконец они подошли к необозримой стене из темных вечнозеленых деревьев, которых хоббиты никогда прежде не видели: ветви росли прямо из корней и были густо покрыты темными блестящими листьями. Множество крепких шипов, усеянных большими оливкового цвета почками, торчало во все стороны.

Свернув налево, Фангорн в несколько шагов достиг узкого прохода в этой живой изгороди. Отсюда начиналась тропа, сбегавшая вдоль ступенчатого склона. Хоббиты увидели, что спускаются в большую лощину, круглую, как чаша, широкую, увенчанную по краям высокими вечнозелеными зарослями. Дно лощины заросло ровной высокой травой. Кроме трех очень красивых серебряных берез, других деревьев здесь не было. Две дороги вели в лощину: одна с запада, другая с востока.

Энты уже собирались. Многие спускались по тропам, некоторые шли следом за Фангорном. Хоббиты смотрели на них во все глаза. Они ожидали увидеть существа, похожие на Фангорна так же, как один хоббит на другого, и были поражены, не обнаружив сходства. Энты отличались друг от друга, как деревья: некоторые — как деревья одной породы, но разного возраста; другие — как одна порода деревьев от другой — береза от бука, например, или дуб от сосны. Там было и несколько старых энтов, заросших бородами и сучковатых, как кряжистые крепкие деревья (хотя старше Фангорна не было никого), были и высокие сильные энты, с чистыми ветвями и гладкой кожей, как зрелые лесные деревья, но не было ни молодых, ни подростков. В лощине их собралось около двух дюжин, и столько же еще подходило.

Вначале хоббиты были ошеломлены разнообразием форм, цвета, высоты, длины конечностей; количество пальцев колебалось от трех до девяти. Некоторые энты казались более или менее сродни Фангорну, они походили на буки или дубы. Некоторые напоминали каштан: коричневокожие, с большими руками и неуклюжими пальцами, с короткими толстыми ногами. При виде других вспоминались ясени: высокие, стройные, с многопалыми руками и длинными ногами; были энты, похожие на сосны (они были выше всех), березы, рябины, липы. Но когда все они столпились вокруг Фангорна, слегка покачивая головами и бормоча что-то музыкальными голосами, посматривая на незнакомцев долгими внимательными взглядами, стало ясно, что это — одно племя: у всех были похожие глаза, не такие старые и глубокие, как у Фангорна, но с таким же вдумчивым выражением и с такими же зелеными огоньками.

Наконец все собрались, и началась любопытная и непонятная беседа. Энты медленно бормотали: начинал один, затем вступал другой, пока все не запели вместе в размеренном восходящем и нисходящем ритме. Пиппин, конечно, не различал и не понимал слов, но поначалу песня-беседа ему понравилась. Потом он начал думать, сколько времени на «неторопливом» языке энтов займут приветствия, и сколько дней Фангорн будет выпевать имена собравшихся. А песня тянулась все в том же ритме и все больше казалась нескончаемой. Пиппин зевнул. Фангорн немедленно прекратил петь и снял хоббитов с плеч.

— Слушать непонятно что — пустое занятие, — сказал он, — тем более для такого нетерпеливого народа, как вы. А слушать незнакомый язык тем более утомительно. Я уже рассказал, как вас зовут, и энты посмотрели на вас и согласились, что вы — не орки и что к старым спискам надо добавить еще две строки. Так что здесь вы пока не нужны. Побродите неподалеку. Я найду вас, когда понадобитесь, и сообщу, как идут дела.

Хоббиты поклонились собранию, чем немало удивили и озадачили энтов, и пошли по тропе, ведущей на запад. Со дна лощины поднимались поросшие деревьями склоны, а за ними, над вершинами сосен, вздымался острый и белый горный пик. К югу виднелся лес, постепенно исчезающий в серой дали. Оттуда разливалось бледно-зеленое сияние, и Мерри догадался, что это отблески бескрайних равнин Рохана.

— Интересно, где находится Изенгард? — спросил Пиппин.

— Если бы я точно знал, где мы теперь, — ответил Мерри. — Вот этот пик, по-видимому, Метедрас; насколько я помню, Изенгард лежит в глубокой расселине у края гор. Возможно, он за этим гребнем. Кажется, оттуда поднимается дымок — вон там, левее пика, да?

— А на что он похож, этот Изенгард? — спросил Пиппин. — Мне интересно, что с ним могут сделать энты?

— Мне тоже. Изенгард — он вообще вроде кольца из скал и холмов с ровной площадкой внутри и не то со скалистым островом, не то с каменной колонной в середине. Это и есть Ортханк, башня Сарумана. В кольце стен есть ворота, и не одни, наверное. Где-то рядом течет Изен. Он берет начало с гор и течет к Гриве Рохана. Вряд ли энтам удастся легко овладеть этой крепостью. Правда, мне думается, эти энты совсем не такие безобидные, как кажется. Они, конечно, медлительны, терпеливы, даже, я бы сказал, печальны, но, по-моему, их можно расшевелить. А если их расшевелить, не хотелось бы мне быть против них.

Они повернули обратно. Энты бормотали по-прежнему. Солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы заглянуть за край лощины; оно сияло на верхушках берез и освещало северную кромку круга прохладным желтоватым светом. Хоббиты разглядели в той стороне небольшой водопад и направились к нему. Под ноги мягко ложилась вечнозеленая трава, впервые за много дней не нужно было никуда спешить. Они добрались до воды, попили — вода оказалась чистейшей, холодной, обжигающей, — сели на заросший мхом камень и снова стали слушать голоса энтов. Казалось, этому странному месту не было никакого дела до их приключений. Хоббиты вдруг заскучали по друзьям. Им так хотелось увидеть Фродо, Сэма, Колоброда!

В бормотании энтов возникла пауза. К хоббитам вышел Фангорн в сопровождении еще одного энта.

— Хум, хм, вот и я. Пожалуй, вы устали или сгораете от любопытства? Ну, для нетерпения еще не время. Мы только начали: мне надо все объяснить тем, кто живет далеко и не знает о последних событиях, а уж потом мы решим, что делать дальше. Решиться-то энтам недолго, главное — обсудить все как следует. Не буду скрывать, дня два нам все-таки понадобится... Вот я вам привел товарища. Он живет неподалеку и утверждает, что уже все решил... Хм, хм, все-таки бывают и торопливые энты. Побродите вместе.

Фангорн ушел. Подошедший энт внимательно рассматривал хоббитов, а они пытались понять, в чем проявляется его «торопливость». Энт был молод, высок, с гладкой, глянцевитой кожей и серо-зелеными волосами, гибкий, как стройное дерево на ветру, а голос его, хоть и глубокий, был выше и звонче, чем у Фангорна.

— Что ж, друзья, прогуляемся. Я — Брегалад, или Скородум, это, конечно, прозвище. Как-то раз я ответил старшему «да» прежде, чем он кончил свой вопрос, вот меня и прозвали Скородумом. Ну, пойдемте. — И он протянул хоббитам тонкие руки с длинными пальцами.

Весь день они бродили по лесам, смеялись и пели. Скородум любил смеяться: то солнцу, выглянувшему из-за тучи, то ручью или роднику, то шелесту деревьев. На ночь он привел

их в свое жилище. Рябины окружали его, внутри были заросшие мхом камни и родник, как водится у энтов. Тихим печальным голосом рассказывал Брегалад:

— Рябины росли у меня в доме вместе со мной. Когда-то мы посадили их, чтобы порадовать наших жен. Но те лишь смеялись и говорили, что знают цветы белее, а плоды слаще. А мне они были милее всего. Осенью прилетали птицы и лакомились ягодами, я любил их, хотя они и ссорились иногда. Потом они стали жадничать, обижали деревья, бросали ягоды на землю... А потом... Меня не было дома... пришли орки и срубили мои рябины. Я вернулся, я звал их по именам, а они даже не шелохнулись, не вздохнули в ответ...

О, Орофарнэ, Лассемисто, Карнимириэ!
Рябина нежная моя, как ясен был твой взор,
И как светлел, прозрачно-бел, весенний твой убор!
Рябина гордая моя, как в кроне золотой
Пылал, играл, бездонно ал, венец осенний твой!
Моя рябина, ты ушла, а я, осиротев,
Еще живу, и вновь зову, и слышу твой напев...
О, Орофарнэ, Лассемисто, Карнимириэ!

Уже засыпая, хоббиты все еще слышали тихое пение Брегалада. Казалось, он на разных языках оплакивает своих погибших друзей.

Энты совещались два дня. На рассвете третьего их голоса достигли наивысшей силы, а потом разом смолкли. Наступил день, и солнце, уходя на запад, к горам, посылало из-за облаков длинные желтые лучи. Внезапно хоббиты поняли, что вокруг стоит абсолютная тишина. Лес молчал, напряженно вслушиваясь. Брегалад замер, глядя на север и пытаясь угадать, что решило собрание.

Сразу вслед за тем прокатился великий звучный крик: *рагумм-ра*! Деревья задрожали и согнулись, как под порывом ветра. Зазвучал ритм марша, как будто били в твердые и гулкие барабаны.

Идем, идем под бой и гром:
Та-рунда-рунда-рунда-ром!

Энты шли в их сторону; песня звучала все громче.

Под гром и бой спешим на бой —
Та-руна-руна-руна-ром!

Брегалад подхватил хоббитов на руки и поспешил навстречу.

Вскоре хоббиты увидели энтов, широкими шагами направлявшихся к ним. Во главе шел Фангорн. За ним попарно следовало около пятидесяти энтов, ритмично ударяя руками о

бока. Когда они подошли, стали видны огненные вспышки в их глазах.

— Хууум, хом! Мы идем, мы, наконец, идем! — воскликнул Фангорн, завидя хоббитов.— Мы идем! Мы идем на Изенгард!

— На Изенгард! — закричали энты на множество голосов.

— На Изенгард! — С этим кличем колонна энтов двинулась на юг.

На Изенгард! Его оплот
Могуч и холоден, как смерть!
На Изенгард! Вперед! Вперед!
Разрушим каменную твердь!
Идем, идем, идем на бой
Со злом, укрытым за стеной!
В ветвях клокочет сила сил,
Вскипает лиственный покров!
В сплетениях древесных жил
Пылает пламенная кровь!
На Изенгард! Да сгинет враг!
Мы смерть несем — за шагом шаг!

С сияющими глазами Брегалад встал в строй рядом с Фангорном. Тот опять посадил хоббитов себе на плечи, и теперь они, гордо задрав носы, с колотящимися сердцами, возглавляли колонну.

— Быстро энты решились, правда? — спросил Пиппин через некоторое время, когда голоса смолкли и были слышны лишь удары рук и ног.

— Быстро? — переспросил Фангорн. — Да, пожалуй. Быстрее, чем я ожидал. Я не видел их такими уже много веков. Мы, энты, не любим, когда нас будят, и мы никогда не поднимаемся, если только нашим деревьям и нашей жизни не грозит великая опасность. Такого не случалось в лесу со времен войны Саурона с Людьми из-за Моря.

— Вы действительно хотите сломать ворота Изенгарда? — спросил Мерри.

— Хо! Мы их обязательно сломаем! Вы, должно быть, не знаете, энты очень сильные. Слышали о троллях? Но тролли — лишь подделка под нас, созданная Врагом во время Великой Тьмы, как орки — подделка под эльфов. Мы сильнее, чем тролли. Мы — кости земли! Если наш разум пробужден, мы можем крошить камни, как крошат их древесные корни!

— Но ведь Саруман попытается остановить вас?..

— Хум, хм, а, да, это так. Я долго думал об этом. Но, видите ли, большинство энтов моложе меня на много древесных жизней. Теперь они пробуждены и думают только об одном: как бы разрушить Изенгард. Но они остынут, когда мы примем вечернее питье. А пока — пусть идут и поют! Перед нами долгий путь, а время для размышлений еще будет.

Фангорн шагал со всеми, и его голос присоединился к поющим. Но скоро он замолк, и Пиппин увидел печальный взгляд, печальный, но отнюдь не несчастный. В нем был свет, как будто зеленое пламя погружалось в глубины мыслей энта.

— Может быть, друзья мои,— медленно произнес он,— мы идем на смерть, быть может, это последний поход энтов, хум, хм. Но если бы мы остались дома и ничего не делали, смерть все равно нашла бы нас рано или поздно. Эта мысль давно зрела в наших сердцах, вот почему мы идем. Теперь хотя бы последний поход энтов будет достоин песни. Я бы хотел,— вздохнул он,— услышать песни о наших женах... Но песни как плоды, они поспевают в свой срок и своим чередом.

Энты шли на юг. Пиппин оглянулся. Ему показалось, что их становится все больше. Там, где должны были лежать пустынные склоны, были деревья — и они двигались! Могло ли быть так, что Лес Фангорна поднимался, шагая через холмы на войну? Пиппин протер глаза, думая, что спит или игра теней обманула его. Но серые очертания продолжали свое движение. Ветви шумели, как под ветром.

Пала ночь, и настала тишина, лишь земля шуршала под ногами энтов и шелестела листва. Наконец они остановились на вершине высокого холма и посмотрели вниз, в глубину ущелья: перед ними лежала долина Сарумана.

— Ночь лежит над Изенгардом,— звучно произнес Фангорн.

Глава 5
БЕЛЫЙ ВСАДНИК

— Я продрог до костей.— Гимли отчаянно тер руки и топал ногами.

Час перед рассветом оказался особенно холодным. Наконец стало светать. Трое друзей приободрились и готовы были продолжать поиски. Гимли пытался разыскать следы ночного гостя.

— Если он оставляет следы, значит, не привиделся нам, а был на самом деле. Трава, правда, тут высокая, но Следопыту и сломанной травинки хватит,— заявил он.— Только не верю я, что этот старик следы оставлял. Не иначе как Саруман призрака к нам отправил. А теперь следит за нами, поди, прямо из Леса Фангорна.

— Может, и призрак,— ответил Арагорн,— но кони-то наши были настоящие. Как ты думаешь, Леголас, их что-нибудь испугало?

— Я бы так не сказал,— задумчиво произнес эльф.— Ржание скорее было радостным, как при встрече с кем-то или чем-то хорошо знакомым.

— Так и мне показалось, — подтвердил Арагорн. — Но загадка пока не решается. Светает. Пора поискать следы. Если наши друзья живы, то могут скрываться только в лесу. Если же следов нет, — он помолчал и со вздохом закончил, — придется обыскать поле боя и пожарище. Но тут надежды мало: всадники Рохана сделали свое дело слишком хорошо.

Искать следы начали около собственной стоянки. Ближайшее дерево скорбно опустило ветви, сухие листья поникли под резким восточным ветром. Арагорн постепенно перемещался в сторону ручья, к остаткам сторожевого костра Всадников, потом свернул к месту боя, прошел немного, остановился, нагнулся чуть не до самой земли, потом поднял большой, уже начавший вянуть бледно-золотистый лист *меллорна.*

— Смотрите! — позвал Арагорн. — Лориенский меллорн, на нем и на земле вокруг — крошки лепешек. А вот и перерезанная веревка.

— А перерезали ее вот этим, — добавил Гимли, извлекая из травы втоптанный в землю нож с коротким зазубренным лезвием. Неподалеку лежали сломанные ножны. Гимли с отвращением разглядывал рукоять с изображением косоглазого лица, оскаленного в жуткой ухмылке.

— Теперь совсем ничего не понятно! — воскликнул Леголас. — Пленник ушел и от орков, и от Всадников и освободился орковым ножом. Это как же? Со связанными ногами ему бы не уйти, со связанными руками — не управиться с ножом. Если у него были свободны руки и ноги, зачем резать веревку? Но пусть он все это проделал. Так вместо того, чтобы удирать во все лопатки, он еще закусывает здесь же! Да не чем-нибудь, а эльфийскими лепешками. Значит, это мог быть только хоббит. А потом он защебетал и улетел, не иначе. Но у нас-то нет крыльев, чтобы искать его в небе.

— Колдовство, как есть колдовство, — твердо стоял на своем Гимли. — Все этот старик! А ты что думаешь, Арагорн? Может, еще что-нибудь найдешь?

— А я уже нашел, — улыбнулся Следопыт. — Здесь есть и другие следы. Леголас прав, конечно, это был хоббит, и, как мне думается, руки у него были свободны. Так решение получается проще. Ведь орк *притащил* его сюда. Вот орочья кровь и следы копыт вокруг. Всадники убили орка и отволокли труп в костер. А вот хоббита не заметили, на нем ведь эльфийский плащ, а ночь была темной. Что же до его трапезы, то это понятно. Он просто не в силах был идти, не отдохнув и не подкрепившись. Хорошо, что у него оставались лепешки. Но я все-таки думаю, что их было двое, хотя и не уверен пока.

— Но почему один был связан, а другой нет? — недоумевал Гимли.

— Вот этого не знаю, не скажу. И зачем орк тащил их сюда, тоже непонятно. Хотя постойте... Боромира орки убили, хоббитов взяли как пленников, а нас не тронули совсем. Так не за ними ли была охота? Следы ведут в Изенгард. Вряд ли Саруман рассказал им о Фродо и о Кольце, не стал бы он так рисковать. Значит, у них был просто приказ: схватить *хоббитов*, причем живыми. Они его выполнили и со всех ног бросились обратно. Когда их перехватили Всадники, кто-то из орков, из тех, кто понимал, как нужны пленники его хозяину, попытался их уберечь, да не сумел. Во всяком случае, теперь можно быть уверенным, что один-то хоббит точно жив. Кроме как в лес ему некуда было деваться. Он не побоялся, не побоимся и мы. Возвращаться в Эдорас рано.

— Да уж не знаю, — покряхтел Гимли, — что хуже: забираться в Лес Фангорна или являться в Эдорас пешком.

— Значит, в лес, — сказал Арагорн.

Новые следы обнаружились на берегу Энтовой Купели — слабые на твердой земле, но, несомненно, хоббичьи. Чуть дальше, на самой кромке леса, под огромным деревом, нашлось еще несколько отпечатков легких ног.

— По крайней мере один хоббит стоял здесь и осматривался, а потом направился в лес, — объяснил Арагорн.

— Придется и нам... — вздохнул Гимли. — Ох, как не нравится мне этот Фангорн!

— Мне лес вовсе не кажется злым, что бы там ни болтали. — Леголас был уже на опушке. Он весь подался вперед, вслушиваясь и всматриваясь в зеленоватый сумрак. — Я слышу только эхо растревоженных чащ. Что-то случилось в глубине леса или вот-вот случится. Чувствуете, как трудно дышать?

— Воздух густой, — согласился гном. — Как будто слежавшийся.

— Этот лес так древен, что я чувствую себя молодым в нем. Он полон воспоминаний. Да... — мечтательно проговорил эльф, — здесь я мог бы быть счастлив. Эх, разве вы, дети, можете это понять!

— Вот чудной народ, — фыркнул Гимли. — Ну ладно, идем. С тобой никакой лес не страшен. Только лук держи наготове. Топор у меня всегда под рукой. Не для деревьев, — торопливо прибавил он, поглядев на сплетение сучьев над головой. — Вдруг опять тот старик встретится, будет с чего начать разговор.

Дальнейшие поиски еще больше их ободрили. Арагорн старался не забираться в лес, полагая, что хоббиты будут держаться поближе к воде, и оказался прав. Они вышли как раз к тому месту, где останавливались Мерри и Пиппин. На влажной земле возле самого ручья явственно отпечатались две пары маленьких ног.

— Наконец-то! — воскликнул Арагорн. Он внимательно изучил следы. — Это было около двух дней назад. И, похоже, от ручья они углубились в лес.

— Как мы будем искать их? — спросил Гимли. — Еще немного, и самое большее, что мы сможем для них сделать, — это умереть от голода.

— Если ничего другого не останется, — ответил Арагорн, — сделаем это. Пошли дальше.

Друзья долго блуждали по лесу, пока не наткнулись на грубо высеченное подножие лестницы, поднимавшейся на холм. Леголас предложил осмотреться с вершины.

— Я почти убежден, что хоббиты здесь были. — Арагорн шел медленно, тщательно исследуя ступени. — А вот чьи еще здесь следы — не пойму, хоть убей.

Они поднялись наверх и огляделись. Поверх древесных вершин открывался вид на ту же степь, по которой они недавно бежали.

— Мы сделали круг, — спокойно проговорил Леголас. — Нам бы выйти на берег на второй или третий день плавания, а не плыть до самого Порт Галена, тогда бы мы давно были здесь.

— Но мы сюда и не собирались, — возразил Гимли.

— Не собирались, но попали, и теперь понятно — почему. Это ловушка, — ответил Леголас и показал на что-то рукой. — Посмотрите вон туда...

Сначала они ничего не увидели, но вдруг Гимли приглушенно вскрикнул:

— Вижу! Я же говорил, Арагорн! Это тот же старик. Он в сером, поэтому я сразу не заметил.

Теперь и Арагорн видел старика в сером плаще и широкополой шляпе, неторопливо пробиравшегося по лесу, опираясь на посох. На вершину холма путник не смотрел. Появление человека обрадовало бы их в любое другое время, но сейчас все трое застыли в напряженном ожидании, каждый чувствовал приближение могучей силы, может быть опасной...

Широко раскрытые глаза гнома неотрывно следили за приближавшейся фигурой. Вдруг он крикнул:

— Это Саруман! Стреляй, Леголас, не давай ему заговорить, он зачарует нас! Стреляй же!

Леголас неохотно поднял лук, медленно достал стрелу, но так и не вложил ее. Что-то мешало. Арагорн не двигался.

— Что же ты медлишь? — прошептал Гимли.

— Леголас прав, — сказал Арагорн, — кто бы это ни был, нельзя стрелять без повода, просто от страха. Подождем!

Тем временем старик добрался до подножия каменных ступеней и глянул вверх. Арагорн уловил блеск в глазах, но тень от полей шляпы скрывала лицо. Виднелись только кончик носа и край бороды.

— Добрая встреча, друзья мои, — услышали они. — Мне нужно поговорить с вами. Вы спуститесь или мне подняться? — И, не дожидаясь ответа, старик стал подниматься по ступеням.

— Да стреляй же, Леголас! — отчаянно крикнул Гимли.

— Разве я не сказал, что хочу говорить с вами? Опусти лук, доблестный эльф, — прозвучал властный голос. Рука Леголаса, державшая оружие, безвольно опустилась. — И ты, отважный гном, оставь топор. Он не понадобится.

Гимли стоял как статуя, не в силах шелохнуться, и смотрел, как легко перешагивал ступени загадочный старец. На миг ему показалось, что между складками плаща мелькнуло что-то ослепительно белое, но только на миг.

— Добрая встреча, — повторил старик. Теперь он стоял, опираясь на посох, в нескольких шагах перед ними, и глаза его из-под широких полей шляпы цепко всматривались в их лица. — Как это вас занесло сюда? Эльф, гном и человек, да еще в эльфийских плащах. В здешнем лесу такое не часто увидишь. За этим наверняка скрывается история, которую стоит послушать.

— Вы, похоже, хорошо знаете Лес Фангорна, — заметил Следопыт.

— Чтобы узнать его, одной жизни мало, — ответил старик. — Я бывал здесь.

— Может, вы все-таки назовете себя и скажете нам то, что собирались? — попросил Арагорн. — Скоро полдень, а нам надо спешить. У нас срочное дело.

— Я ведь уже сказал вам, что хотел: услышать, кто вы и куда так спешите. Что же до моего имени... — Тут пришелец негромко рассмеялся. Арагорн вздрогнул от неожиданности. Он мог бы поклясться, что слышал этот смех раньше. — Имя... — продолжал меж тем старик. — Вам приходилось слышать его и раньше, могли бы и вспомнить. А пока поведайте мне наконец, что привело вас сюда.

Видя, что они молчат, он заговорил снова.

— Похоже, вы сомневаетесь, стоит ли рассказывать каждому встречному-поперечному о поисках двух молодых хоббитов. Хоббитов, — повторил он, — я сказал именно так. Нечего делать вид, будто вы не слыхивали о такой диковинке. Они были здесь позавчера. У них тут произошла одна неожиданная встреча. Ну как? Наверное, хотите знать, где они сейчас? Пожалуй, я и об этом вам расскажу. Только что же мы стоим? Я вижу, вы уже не так спешите. Сядем, а то неудобно стоя разговаривать, — с этими словами он повернулся и сделал шаг к большим камням чуть в стороне. С троих друзей словно спало заклятие. Леголас схватился за лук, Арагорн выхватил меч, а Гимли — топор.

Не обращая на это никакого внимания, старик уселся на большой валун. Плащ слегка распахнулся, из-под него снова плеснулся белый цвет.

— Саруман! — вскричал Гимли, кидаясь к нему с занесенным топором. — Говори, где наши друзья? Что ты с ними сделал? Говори, не то я продырявлю твою шляпу так, что даже колдун ее не починит!

Старик легко увернулся, вскочил на ноги и одним махом оказался на огромном камне. Он вдруг оказался очень высоким. Серый плащ распахнулся, под ним словно полыхнул белый огонь. Старик поднял посох, и топор, вырвавшись из рук Гимли, со звоном ударился о камни. Андрил в руке Арагорна запылал, как пламя. Стрела Леголаса со звоном рванулась прямо в небо и исчезла в яркой вспышке.

— Митрандир! — ликующе завопил эльф, бросая лук. — Митрандир!

— И в третий раз скажу я, добрая встреча, Леголас, — ответил эльфу глубокий голос. Шляпа старика исчезла, снежно-белые кудри рассыпались по плечам. Плащ лежал у ног, одежда сверкала ослепительным серебром. Из-под мохнатых бровей на онемевших спутников смотрели такие знакомые, пронзительные и мудрые глаза с лукавинкой.

— Гэндальф... — несмело произнес Арагорн. — Гэндальф! Ты вернулся! Как раз тогда, когда мы начали терять последнюю надежду. Гэндальф... — Следопыт задохнулся от волнения. — Я не верил глазам, но это ты!

Гимли молча опустился на колени и обнял ноги старика.

— Гэндальф, — медленно повторил старик, словно вызывая из памяти давно забытое имя. — Да, меня звали так. Я был Гэндальф. — Он снова завернулся в серый плащ — сияние померкло, словно солнце зашло за тучу. — Что ж, зовите меня по-прежнему, — знакомым голосом сказал маг. — Встань, Гимли, ты ни в чем не виноват. Нет такого оружия, что причинило бы мне вред. Мы снова вместе, друзья! Впереди шторм, но сейчас отлив, надо радоваться. — Он положил руку на голову гнома, и Гимли счастливо рассмеялся.

— Гэндальф! — воскликнул он. — Но ты весь в белом теперь...

— Да, я стал белым, — просто ответил маг. — Таким должен был стать Саруман. Я прошел сквозь мрак, огонь и воды, многое забыл, многому научился заново. Мне ведомо дальнее, а вот ближнее иногда ускользает. Расскажите же, что было с вами.

— С чего начнем? — уточнил Арагорн. — Если с нашего расставания, то, боюсь, рассказ слишком затянется. Может, ты сначала расскажешь нам о хоббитах? Ты видел их?

— Нет, не видел, — покачал головой Гэндальф. — Над ущельями Эмин Майл висел мрак, так что о похищении я узнал от Повелителя Ветров.

— Точно! — вспомнил Леголас. — Я видел орла над Эмин Майл, как раз три дня назад.

— По моей просьбе он наблюдал за Рекой. Какие-то известия я получал от него, кое-что наблюдал сам. С нездешних высот я видел, что Враг едва не обнаружил Кольцо. Я померился силами с Темной Крепостью и отогнал Тень. Эта схватка оставила меня без сил, я долго восстанавливал их.

— Так ты знаешь, что с Фродо! — обрадовался Гимли.

— Совсем немного. Одной опасности он избежал, но сколько их еще впереди! Он решил идти в Мордор один и ушел. Вот, пожалуй, и все.

— С ним пошел Сэм, — уточнил Леголас, и это известие очень обрадовало Гэндальфа.

Они долго беседовали на вершине холма. Пока Арагорн рассказывал о том, что было с отрядом после Мории, Гэндальф внимательно слушал, прикрыв глаза и сложив руки на коленях, но ни разу не прервал рассказчика ни вопросом, ни замечанием. Только когда речь зашла о смерти Боромира, маг вздохнул.

— Кое о чем ты предпочел умолчать, друг мой, — тихо обратился он к Арагорну. — Бедный Боромир! Как трудно тебе было выдержать испытание: тебе, воину и вождю! Галадриэль говорила мне, что Боромир в опасности. Только благодаря младшим хоббитам он избежал ее. Погодите, наши хоббиты еще себя покажут! Их доставили к Фангорну, и они оказались теми камешками, с которых начинается горная лавина. Я и отсюда слышу, как гудит растревоженная земля. Лучше бы Саруману поостеречься!

— Ты все так же говоришь загадками, милый друг, — улыбнулся Арагорн.

— Загадками? — Гэндальф недоуменно посмотрел на него. — Я говорил сам с собой. Давняя привычка. Молодым так много нужно объяснять! — он засмеялся. — Так что ты хочешь узнать?

Он помедлил, собираясь с мыслями, и начал долгий рассказ.

— Вот как видится мне происходящее. Враг, конечно, давно знает о нашем отряде, о том, сколько нас и кто мы, знает и о том, что Кольцо у хоббита. А вот намерений наших пока не понимает. Сам он отправился бы в Минас Тирит, поэтому и нас ищет на путях туда. Он не знает, кто из сильных мира сего завладеет Кольцом и захочет занять его место. Ему и в кошмаре не приснится, что мы рискнем уничтожить Кольцо. В этой слепоте — наша удача и наша надежда. Враг ждет вой-

ны и поспешит развязать ее первым. Он давно усвоил, что тому, кто наносит первый удар, второй может и не понадобиться — хватило бы мощи. Он боится опоздать, поэтому начал передвижение войск раньше, чем намеревался. Премудрый глупец! Стоило ему бросить все силы на охрану Мордора, а волю — на поиски Кольца, и надеяться нам было бы не на что. А теперь его Око все чаще обращается к Минас Тириту. Совсем скоро он обрушит на город всю свою мощь.

А пока его планы рушатся. До сих пор он не получил ни Кольца, ни заложников-хоббитов, и все благодаря Саруману.

— Так он же предатель! — удивился Гимли.

— Даже дважды предатель, — кивнул Гэндальф. — Странно, не правда ли? Из всех бед эта казалась наихудшей. Но предательство — оружие обоюдоострое. Саруман для своих темных дел тоже решил заполучить Кольцо или хотя бы хоббитов. И вот их совместными с Врагом усилиями хоббиты попадают к Фангорну в самый подходящий момент, а двум злодеям достаются только новые сомнения, расстроившие все планы. Стараниями Всадников некому сообщить Саурону о недавнем сражении. Он знает только, что двух хоббитов, пойманных на Эмин Майл, тащили в Изенгард, а не в Мордор. Теперь Саурон боится Изенгарда не меньше, чем Минас Тирита.

Изенгард может победить Мордор только с помощью Кольца. А уж Кольца-то Саруману теперь точно не видать. Ему грозит опасность, о которой он и не подозревает. Впрочем, он теперь о многом не знает. Ему так хотелось поскорее получить добычу, что он отправился навстречу своим оркам и опоздал — все кончилось и без его участия. Он пробыл тут недолго. Я заглянул в его мысли, его гложут сомнения. Он сам видел костер на поле битвы. Он только не знает ни о том, что стало с хоббитами, ни о мордорских орках, ни о Крылатом Ужасе.

— Крылатый Ужас! — воскликнул Леголас. — На Сарн Гебире я стрелял в него и заставил убраться. Он источает страх. Что это за новая напасть?

— Эту напасть не сразить стрелой, — усмехнулся Гэндальф. — Ты убил только тварь, которая несла его. Этот Всадник скоро взлетит снова. Он — назгул, один из Девяти. Они теперь пересели на крылатых коней. Их оружие — ужас, и тень этого ужаса вот-вот захлестнет последние армии наших друзей. Правда, крылатые назгулы пока еще не пересекали Реку, и Саруман не знает об их новом обличье. Он может думать только о Кольце. Вдруг оно нашлось? Вдруг досталось Теодену? И он бросает на Рохан новые и новые войска, а вот о настоящей опасности — о Древобороде — забыл.

— А Гэндальф опять забыл о слушателях, — улыбнулся Арагорн. — Я впервые слышу о Древобороде. О двойном предательстве Сарумана я догадывался, но чем нам поможет встреча двух хоббитов с Фангорном, не понимаю.

— Погодите! — в смятении воскликнул Гимли. — Я вот что никак не пойму: тебя или Сарумана видели мы прошлой ночью?

Гэндальф рассмеялся.

— Не меня — это точно. Значит, Сарумана. Мы так похожи, что не мудрено ошибиться.

— Тогда ладно, — облегченно вздохнул Гимли. — Я рад, что это был не ты.

Гэндальф снова расхохотался.

— Приятно знать, что хоть в чем-то не ошибся. Я и не думал винить тебя за прохладную встречу, ведь это я, помнится, советовал друзьям не доверять никому и ничему, если имеешь дело с Врагом. Ты поступил правильно, Гимли, сын Глоина! Быть может, настанет день, когда ты увидишь нас рядом и сам во всем разберешься.

— А что с хоббитами? — спросил Леголас. — Где они теперь?

— С Древобородом и с энтами, — ответил Гэндальф.

Теперь даже Следопыт удивился.

— Так, значит, старые легенды об обитателях дремучих лесов и Пастырях Деревьев говорят правду? Но разве энты еще есть в мире? Я думал, они исчезли в давние времена, если вообще жили не только в песнях Рохана.

— Сумеречные Эльфы до сих пор поют об Онодримах и их печали! — воскликнул Леголас. — Но даже для нас они лишь воспоминание. Как бы я хотел встретить хоть одного и ощутить себя по-настоящему молодым! Но я что-то не понимаю. Древоборо́д — это переложение названия «Фангорн» на Всеобщий язык, однако ты говоришь о нем как о разумном существе. Кто это?

— Вопрос не маленький, — усмехнулся Гэндальф. — Я не много о нем знаю, но и на такой рассказ у нас нет времени. Древоборо́д — это и есть Фангорн, Пастырь Леса. Он — самый старый из энтов, он вообще старше всех в Среднеземье. Думаю, Леголас, ты еще увидишь его. Нашим хоббитам повезло. Они встретились с ним на этом самом месте. Он часто приходит на этот холм, когда у него на душе неспокойно. Четыре дня назад я видел, как он шагал по лесу. Он меня тоже заметил, но я не поздоровался — так устал, — и он, не окликнув меня, прошел мимо.

— Наверно, тоже за Сарумана принял, — вставил Гимли. — А почему ты считаешь его другом? Я-то думал, энты опасны.

— Еще бы не опасны! — воскликнул маг. — Как и я, между прочим. Сейчас опаснее меня, пожалуй, только Черный Властелин. Опасны энты, опасны Арагорн с Леголасом, о тебе уж и говорить не приходится, Гимли сын Глоина. Опасности на каждом шагу. Да возьми хотя бы Лес Фангорна — вот уж опасное место, особенно для тех, кто бродит по нему с топором. Энты опасны, но мудры и добры. Их трудно вывести из себя, но рассказ наших маленьких друзей разгневал их. Я знаю эн-

тов, они медленно закипают, но когда закипят, их никому не удержать. И тогда Саруману не позавидуешь.

— Но что они могут? — недоуменно спросил Леголас.

— Точно не скажу, да они и сами этого пока не знают. — Маг надолго умолк, задумавшись, потом поднял голову. — Солнце уже высоко, нам пора.

— К энтам? — спросил Арагорн.

— Нет. Тебя ждет иной путь. Над нами нависла война, и в этой войне только Кольцо может дать нам уверенность в победе. Скорбь и страх переполняют меня: многое будет разрушено, все может быть потеряно. Я — Гэндальф, названный Белым, но Тот, Черный, пока еще сильнее меня.

Маг прикрыл глаза рукой и долго глядел на восток, словно пытаясь разглядеть что-то за далью.

— Нет, — мягко сказал он. — Кольца нам уже не достать. Хорошо хоть от этого искушения мы свободны.

Что ж, Арагорн, сын Арахорна! Там, в долине Эмин Майл, ты выбрал верный путь. Мы с тобой встретились вовремя. Ты дал слово и должен прийти в Эдорас, в золотые палаты Теодена. Ты нужен там. В Рохане война, но хуже войны — немощь Теодена. Пусть Андрил покинет ножны и засверкает в битве, которой он так долго ждал.

— А я-то надеялся повидать наших веселых молодых хоббитов, — погрустнел Леголас.

— Потерпи, — сказал Гэндальф. — Делай, что должно, и не теряй надежды! В Эдорас!

— Пешком туда не скоро доберешься, — криво усмехнулся Арагорн.

— Там увидим, — отмахнулся маг. — Так вы идете со мной?

— Конечно, — ответил Арагорн, — с тобой или вслед за тобой, как тебе будет угодно.

Он поднялся и долго не отводил взгляда от лица мага. Леголас и Гимли переглянулись и не посмели нарушить воцарившуюся тишину. Арагорн, сын Арахорна, решительный и твердый, стоял, выпрямившись и положив руку на рукоять меча — словно Король, пришедший из-за Моря и впервые ступивший на земли смертных людей. А перед ним сутулился от тяжести прожитых лет старик в простых белых одеждах. Вот только лицо у старика сияло, словно освещенное внутренним огнем, а от фигуры исходила сила, несоизмеримая с властью любых королей.

— Я ведь прав, Гэндальф, — тихо проговорил Арагорн. — Любое расстояние для тебя — ничто. У Темного Владыки есть Девять Черных Всадников, у нас — только один Белый, но он стоит девятерых. Мы пойдем за тобой, куда бы ты нас ни повел.

— Конечно, пойдем, — кивнул Леголас, — вот только узнаем, что случилось в Мории. Расскажи нам, Гэндальф...

— Я и так слишком задержался, — сказал маг. — Время не ждет. Будь у нас даже целый год, я все равно не смог бы всего рассказать...

— Ну, хоть немного! — взмолился Гимли.— Что стало с Барлогом?

— Не упоминай его, — сказал Гэндальф, и на мгновение друзьям показалось, что облако боли пробежало по его лицу. Он как-то сразу постарел и осунулся.— Я долго падал, — медленно проговорил он наконец, как бы с трудом возвращаясь мыслью в прошлое. — Долго я падал, и он падал вместе со мной. Его огонь охватил меня, я горел. Затем мы упали в пропасть, заполненную черной ледяной водой. Смертный холод сковал мое тело, сердце почти замерзло.

— Глубока и никем не измерена пропасть под Мостом Дарина, — сказал Гимли.

— Но там есть дно. О нем никто не ведает, и туда никогда не проникал ни один луч света, — сказал Гэндальф. — Там, на дне, вода погасила багровый огонь, и Барлог стал скользким чешуйчатым гадом, едва не задушившим меня. Мы продолжали сражение там, где время нашего мира еще не родилось. Наконец он вырвался и скрылся в подземных лабиринтах. Нет, Гимли, эти лабиринты не были творением народа Дарина. Там, намного ниже самых глубоких пещер гномов, мир грызут существа, которым нет имени. Даже Саурон не знает про них. Они старше его и старше меня. Я прошел их дорогами, но, чтобы не омрачать света дня, не скажу о них ни слова. Я не знал пути и был в отчаянии; единственной надеждой был мой враг, и я следовал за ним по пятам. Наконец он привел меня на тайную тропу Казад Дума. Мы все время поднимались вверх, пока не оказались у Бесконечной Лестницы.

— Многие считают, что она существует только в легендах, — сказал Гимли.— А другие думают, что она была, но теперь разрушена.

— Она есть и ничуть не разрушена, — промолвил Гэндальф,— из глубочайшего подземелья до высочайшей вершины идет она, свиваясь в спираль длиною во много тысяч шагов, пока не приводит в Башню Дарина, высеченную в живой скале Зиракзигиль. Это и есть Келебдил — самая высокая вершина в Мглистых Горах. Там, над снегами, в скале пробито одинокое окно и под ним — узкая площадка, гнездо на головокружительной высоте над туманами мира. Все внизу было покрыто плотными облаками, а в небе пылало страшное, безжалостное на такой высоте солнце. Там мой враг вспыхнул снова, и пришлось опять биться с ним. Возможно, в грядущих веках сложат песни о нашем сражении... — Гэндальф усмехнулся, — хотя о чем можно поведать в песне?.. Если бы кто-то наблюдал со стороны за этим поединком, он увидел бы молнии, обрушивавшиеся на вершину, огненные сполохи, клубы дыма и пара от

таявших снегов. Лед плавился, шел горячий дождь. Полыхало пламя, рушились скалы. Наконец я одолел его и сбросил вниз. Он упал, разрушив горный склон, а я остался на вершине ни жив, ни мертв. Тьма была вокруг, мысли и время перестали существовать, и я бродил по дальним дорогам, о которых ничего не могу сказать... Но путь мой в этом мире не завершен, я был послан назад... Я лежал на вершине. Башня позади обратилась в прах, окно исчезло, лестница завалена обожженным битым камнем. Я был один, забыт всеми, и не было спасения с каменного рога земли. Я лежал навзничь, звезды катились надо мной, и каждый день был длиннее земной эпохи. Слабо доносились до меня звуки земли: рождение и смерть, песни и стоны и вечные вздохи камня. А потом прилетел Повелитель Ветров. «Видно, так уж мне на роду написано,— сказал я ему,— быть твоей ношей...»

— Какая ты теперь ноша! — ответила громадная птица.— Сейчас ты не тяжелей лебединого пера. Сквозь тебя просвечивает солнце. Пожалуй, если отпустить тебя, ты и сам полетишь по ветру.

— Нет уж! — запротестовал я, чувствуя, как жизнь возвращается ко мне.— Лучше отнеси меня в Лориен!

— О том же просила меня и Владычица Галадриэль, когда отправляла за тобой,— спокойно ответил орел.

Так Гэндальф попал в Золотые Леса Лориена. Там он возродился телесно и духовно, обрел новые силы и мудрость, и теперь уже Гэндальфом Белым отправился на поиски отряда, но нашел лишь троих.

— У меня для вас весточки из Лориена,— улыбнулся маг.— Арагорну велено передать:

> Элессар, Элессар! Где твой гордый народ
> Ныне бремя скитаний и скорби несет?
> Близок час, по дорогам копыта гремят —
> Это с Севера скачет твой Серый отряд.
> К Морю путь вам начертан; он мраком объят;
> Там незыблемо Мертвые Стражи стоят.

— А вот это для Леголаса,— голос мага изменился.

> Леголас, ты был счастлив в чертогах лесных,
> Словно лист меж зеленых собратьев своих...
> Но запомни: крик чайки над пенной волной
> Позовет за собой и отнимет покой.

Гэндальф умолк, прикрыв глаза. Гимли нахмурился.

— А мне, значит, ни слова?

— Темны ее слова,— покачал головой Леголас.— Словно предупреждение о смерти...

— Все лучше, чем ничего,— буркнул гном.

— Прости, Гимли, чуть не забыл! — словно очнулся от дремоты маг.— «Гимли, сыну Глоина,— заговорил он снова не-

здешним голосом, — привет от его госпожи. Думы мои пребудут с ним. Но пусть остерегается поднимать топор на живое дерево!»

— Эгей! Благословен час, когда ты вернулся к нам, Гэндальф! — вскричал Гимли, вскакивая и размахивая топором. — Вперед! Нечего терять время! Вперед, отыщем для моего топора подходящую голову!

— Думаю, долго искать не придется, — заметил Гэндальф, поднимаясь.

Маг снова накинул старый потрепанный плащ, спустился с холма и берегом реки вышел на опушку. Арагорн, Леголас и Гимли молча шли за ним. На краю леса эльф окинул взглядом равнину.

— Они так и не вернулись, — грустно вздохнул он. — Придется идти пешком.

— Нам некогда, — ответил Гэндальф и переливчато свистнул трижды. Издали, казалось, с самого края земли, ему ответило конское ржание. Арагорн приник ухом к земле и некоторое время слушал.

— Это не один конь, — сказал он, поднимаясь.

— Одному нас всех не вывезти, — усмехнулся маг.

— Там мой Эрод, — узнал Леголас, — рядом с ним — Хазуфель. Самый первый — просто огромный! Я никогда не видел таких.

— Таких больше и нет, — заметил Гэндальф. — Это Сполох. Все кони Рохана повинуются его зову.

Из леса вынесся статный, белый как серебро конь с развевающейся гривой. Возле мага он круто осадил, громко заржал и остановился, положив голову ему на плечо. Гэндальф оглаживал коня, приговаривая:

— Неблизкий путь пришлось тебе проделать, умный мой, быстрый друг, но в самый нужный час ты примчался ко мне. В этом мире мы не расстанемся с тобой больше!

Снова послышался топот и, к большой радости друзей, из леса появились кони Йомера и почтительно остановились чуть поодаль.

Гэндальф обратился к коням с просьбой помочь как можно быстрее попасть в Эдорас, и животные кивнули головами, словно соглашаясь.

— Хорошо, что наши кони встретили Сполоха, — Леголас легко вскочил на спину Эрода. — Гэндальф, как ты узнал, что он здесь?

— Позвал, — улыбнулся маг. — Позвал, и он примчался ко мне через весь Рохан.

Гэндальф взял к себе в седло Гимли, Арагорн и Леголас вскочили на коней, и они помчались.

Временами трава доходила всадникам до колен, и тогда казалось, что они плывут по серо-зеленому морю. На пути попадалось много озер и болот, но белый конь уверенно находил дорогу, и остальные не отставали от него. Через несколько часов пути впереди встала скалистая гряда. За ней садилось солнце, и будто от его жара над горами стелился дым.

— Это ущелье — Грива Рохана, — сказал Гэндальф. — За ним Изенгард.

— Но почему дым? — спросил Леголас.

— Война, — коротко ответил Гэндальф. — Скорее!

Глава 6
ТЕОДЕН

Маленький отряд скакал без остановки до позднего вечера. Когда совсем стемнело, Гэндальф позволил только короткую передышку. Леголас и Гимли заснули, Арагорн лежал без сна и глядел в небо, а сам маг до восхода луны простоял, вглядываясь во мрак. Ветер гнал по небу длинные перистые облака, но ночь оказалась тихой — ни движения, ни шороха на бескрайних равнинах. В холодном лунном свете они продолжали путь. Гимли клевал носом и норовил свалиться с коня, Гэндальф то придерживал его, то принимался трясти.

Сполох ночью скакал так же уверенно, как и днем. Усталым коням Йомера отставать не позволяла только гордость.

Перед рассветом похолодало. Постепенно темнота на востоке таяла, ночной мир обретал формы и краски. Далеко слева над черными стенами Эмин Майл вспыхнули снопы алого света. Утро выдалось свежее и ясное. Ветер трепал склонившееся от росы разнотравье.

Внезапно Сполох остановился, мотнул головой, звонко заржал.

— Взгляните! — обратился Гэндальф к спутникам.

Впереди, на горизонте, вставали горы. Темные скалы тянулись к небу, заснеженные вершины искрились на солнце. Глубокие извилистые долины с нерастаявшей ночной мглой постепенно переходили в равнину, поросшую высокими травами. На вершине ближайшего горного кряжа, опоясанного серебристой лентой реки, глаз уже мог различить золотые блики на крыше королевского замка.

Леголас разглядел защитный вал и ряды крыш внутри него, огромные, сияющие золотом палаты на зеленой вершине и стражников у ворот в ярких кольчугах.

— Это Эдорас, столица Рохана,— пояснил Гэндальф.— А золотые палаты Короля Теодена, сына Тенгеля, здесь называют Медусельд. Еще до полудня мы будем там. Но должен предупредить: здесь война, а рохирримы и в мирное время не отлича-

лись добродушием. Не хватайтесь за оружие и придержите языки, по крайней мере пока мы не окажемся у трона Теодена.

Мелкий речной брод обернулся широкой наезженной дорогой, по обеим сторонам которой высились курганы. Арагорн насчитал семь с одной стороны и девять — с другой. Склоны казались заснеженными — настолько густо покрывали их маленькие звездочки цветущего симбелина.

— Этот цветок называют Вечной Памятью, — объяснил Гэндальф. — Он цветет круглый год и растет лишь там, где покоится прах погибших.

— Немало правителей сменилось в Золотых Палатах с тех пор, как юный Йорл привел сюда с севера свой народ, — заметил Арагорн.

— С тех пор багряные листья у моего дома осыпались только пятьсот раз, — пожал плечами эльф.

— Но для людей это немало. Они забыли, откуда пришли сюда, да и о самом походе Йорла память осталась только в песнях. Подожди-ка, дай вспомнить... — И Арагорн тихонько запел:

Где ныне всадник, где конь боевой, где звонкого рога пенье?
Где шлем и копье, меча острие, волос золотых плетенье?
Где твердость руки, сжимающей сталь, где алых огней свеченье?
И где по весне над тучной землей высоких хлебов цветенье?
Исчезли, ушли, как ветер с равнин уходит, устав скитаться;
На Запад, на Запад уходят дни, чтоб там навсегда остаться.
Кто властен сдержать бесконечный дым, летящий над пепелищами?
И годы, спешащие за моря, — удержим ли их? Отыщем ли?

— Много веков назад роханский поэт сложил эти строки, чтобы потомки помнили о Юном Йорле и о крылатом коне Феларофе. — Арагон вздохнул. — И вот имя певца уже забылось, а песня жива.

Дорога миновала курганы, попетляла по зеленому склону и вывела их к городским воротам. Стражи в блестящих кольчугах на языке Рохана потребовали назвать себя. Дружелюбия в их взглядах действительно было маловато. Гэндальф ответил им:

— Я понимаю вашу речь, но почему вы не говорите на Всеобщем языке, если хотите получить ответ?

— По воле Теодена, нашего правителя, никто не должен входить в Эдорас, кроме друзей, знающих наш язык, — сказал один из стражей. — Но кто вы такие, что так беспечно мчитесь по нашим лугам? Одежда у вас нездешняя, а кони похожи на наших. Мы ведь давно вас заметили. Должен сказать, впервые вижу таких странных всадников. И такого великолепного коня, — не удержался стражник, посмотрев на Сполоха. — Он, должно быть, *меарас*, если только вы не отводите нам глаза. Вы — колдуны? Или шпионы Сарумана? Отвечайте быстро!

— Мы не шпионы, — ответил Арагорн, — а кони действительно ваши. Думаю, ты узнал Хазуфела и Эрода еще до того, как спросил. Два дня назад мы получили их от Йомера, вашего военачальника, а теперь возвращаем, как обещали. Разве Йомер не вернулся и не предупредил о нашем прибытии?

Страж явно смутился.

— Может быть, ваше прибытие и не совсем неожиданность, — сказал он. — Но как раз позавчера Грима Червослов приказал нам не пускать чужестранцев в город.

— Грима Червослов? — гневно воскликнул Гэндальф. — Но у меня дело не к Гриме Червослову, а к правителю Теодену. Я спешу. Ступай или пошли кого-нибудь доложить о нашем прибытии!

— Хорошо, — согласился страж, все еще пребывая в сомнении. — Я пойду. Как вас представить Теодену? Мне видится, не простые путники стоят у наших ворот.

— Правильно видится, — кивнул маг. — Я — Гэндальф. Я вернулся, как обещал, и вместе со мной вернулся Сполох, краса и гордость Рохана. Со мной мои друзья: Арагорн, сын Арахорна, эльф Леголас из Сумеречья и гном Гимли, сын Глоина. Передай правителю, что мы хотим говорить с ним.

Страж покачал головой.

— Я передам, но не надейтесь на добрый ответ, слишком тревожное время...

Он быстро ушел, оставив пришельцев под бдительной охраной товарищей, но вскоре вернулся и торжественно возвестил:

— Теоден разрешил вам войти. Следуйте за мной!

Темные деревянные ворота с лязгом открылись. Путники направились за проводником по длинной, вымощенной камнем дороге. По обеим сторонам тянулись добротные деревянные дома с крепкими воротами. Вдоль дороги в каменном русле журчал ручей. Наконец они оказались на вершине холма. Ручей вытекал из небольшого фонтана, изображавшего конскую голову. Широкая каменная лестница вела на террасу дворца правителя. На самом верху стояла стража в блестящих кольчугах с обнаженными мечами в руках.

Проводник вернулся к воротам, а друзья поднялись по лестнице. Воины наверху учтиво приветствовали их, и один выступил вперед.

— Я хранитель покоев Теодена, — сказал он на Всеобщем языке, — меня зовут Хама. Прошу вас оставить оружие здесь.

Леголас подал ему кинжал с серебряной рукоятью, лук и колчан.

— Сохраните их, — попросил он, — это дар правительницы Лориена, я дорожу им.

Стражи сложили его оружие у стены, обещая, что никто не прикоснется к нему.

Арагорну очень не хотелось отдавать Андрил.

— Не подобает мне снимать этот меч или позволить прикоснуться к нему чужой руке.

— Такова воля Теодена, — напомнил Хама.

— Я не уверен, что Теоден, сын Тенгеля, будь он даже правитель Рохана, может приказывать Арагорну, сыну Арахорна, Наследнику Элендила.

— В этом доме распоряжается Теоден, а не Арагорн, будь он хоть коронованный Король Гондора, — Хама отступил к дверям, мечом преграждая путь.

— Пустые разговоры, — мягко сказал Гэндальф. — Неразумно требование Теодена, еще более неразумно неподчинение ему. Всякий хозяин волен приказывать в своем доме.

— Я подчинился бы даже углежогу в его хижине, будь у меня в руках другой меч, а не этот, — настаивал Арагорн.

— Каким бы он ни был, — возразил Хама, — вы должны отдать его, если не хотите сражаться в одиночку со всеми воинами Эдораса.

— Так уж и в одиночку! — проворчал Гимли, многозначительно пробуя пальцем лезвие своего топора и поглядывая на стража так, словно тот был молодым деревцем, которое надлежало срубить.

— Но, но! — тихонько прикрикнул Гэндальф. — Все мы здесь друзья или должны быть друзьями, иначе только порадуем Врага. Я отдаю меч, раз таков здешний обычай. Между прочим, его имя — Гламдринг, и делали его эльфы. Отдайте и вы оружие.

Арагорн сам поставил у стены Андрил, запретив прикасаться к нему кому бы то ни было.

— В этих ножнах спит до поры Возрожденный Меч Элендила, сработанный некогда мастером Телкаром, — пояснил он. — Смерть грозит любому, кто прикоснется к нему, если он — не из рода Элендила.

Стражи невольно отступили на шаг.

— Князь, тебя принесли к нам песни из дали времен, — сказал Хама. — Мы не нарушим приказа.

Тогда и Гимли пристроил рядом свой топор.

— Ему не стыдно будет постоять с мечом Исилдура, — сказал он. — Ну, теперь-то мы наконец можем пройти к вашему правителю?

Но Хама колебался.

— Ваш посох, — обратился он к Гэндальфу. — Простите, но вы должны оставить здесь и его.

— Глупости, — отрезал Гэндальф. — Осторожность — это одно, а неучтивость — совсем другое. Я старик. Если мне нельзя идти, опираясь на посох, то я сяду здесь, и пусть Теоден сам придет ко мне.

— Посох в руках мага — это не только опора, — с сомнением сказал Хама. — Но я считаю, что вам и вашим друзьям можно довериться. Войдите.

Стражи подняли тяжелые засовы, медленно, со скрипом приоткрыли створки дверей на огромных петлях. Путники вошли. Просторный зал казался темным. Стены и столбы, поддерживающие крышу, тонули в полумраке. Солнечные лучи едва пробивались сквозь узкие окна под самой крышей. Когда глаза привыкли к скудному освещению, путники заметили, что пол выложен разноцветными плитами. Причудливые руны вились под ногами, складываясь в непонятные девизы. Столбы оказались покрыты богатой резьбой, тускло отсвечивала позолота. По стенам во множестве висели старинные гобелены. Время и сумрак делали рисунки на них едва различимыми, и только одно изображение оказалось ярко освещенным: молодой воин на белом коне. Воин держал рог возле губ, его золотистые волосы разметались по ветру. Конь, стоя по колени в пенистом речном потоке, раздувал чуткие ноздри, предчувствуя близкую битву.

— Это Юный Йорл перед сражением у Келебранта, — негромко сказал Арагорн.

Путники миновали открытый очаг в середине зала и остановились. В дальнем конце на трехступенчатом возвышении сидел в золоченом кресле Теоден — король Рохана. Подле его кресла стояла молодая женщина в белом, золотоволосая, гордая и холодная, а на ступеньках у его ног сидел, полузакрыв глаза, тщедушный бледный человек, одетый в черное.

Теоден показался вошедшим глубоким стариком: седовласый, седобородый и такой сгорбленный, что походил на карлика. Борода снежным комом ложилась ему на колени. Тонкий золотой обруч с единственным крупным бриллиантом охватывал лоб. На лице выделялись неожиданно яркие живые глаза. Когда гости приблизились, старик сжал пальцами подлокотники кресла, но не шевельнулся и не сказал ни слова.

Первым заговорил Гэндальф:

— Привет тебе, Теоден, сын Тенгеля! Я вернулся, как и обещал тебе. Надвигается буря. В такой час друзьям следует держаться вместе, никому не выстоять в одиночку.

Старик медленно встал, тяжело опираясь на посох из черного дерева с белой костяной рукоятью, и пришедшие поняли, что, несмотря на согбенную фигуру, роста король высокого, и горделивой осанки с годами не утратил.

— Привет тебе, Гэндальф Серый, — произнес он. — Не могу сказать, что рад твоему приходу. Не скрою, когда Сполох вернулся один, возвращение коня обрадовало меня не меньше, чем отсутствие всадника. И когда Йомер принес весть о твоей гибели, я не стал печалиться. Но ты вновь здесь, значит, пришли

еще худшие беды. Нет, Гэндальф Буревестник, я не рад тебе. — Он тяжело сел снова.

— Справедливы твои слова, повелитель, — сказал бесцветный человечек. — Всего пять дней назад пришла горькая весть: сын твой, правая рука твоя, Теодред, погиб у западных рубежей. Йомер не заслуживает доверия. Получи он власть — некому будет охранять город. Только что из Гондора нам сообщили, что Темный Властелин готовится к войне. Вот когда решил вернуться этот бродяга. За что нам привечать тебя, Гэндальф — Вестник Зла? Дурные вести — плохие гости, так у нас говорят.

— Ты достойно и мудро помогаешь своему хозяину, дружище Грима, — мягко произнес Гэндальф. — Только забываешь, что виновен в дурных вестях тот, кто сеет зло, а не тот, кто пришел предупредить и помочь в трудный час.

— Э-э, — скривился человек. — Слишком много развелось таких, кто питается падалью и наживается на чужой беде. Прошлый раз ты сам искал помощи у нас. Повелитель мой сжалился и позволил тебе взять коня, ты же бесстыдно выбрал самого лучшего и сбежал. Господин мой гневается на тебя. Кое-кто, правда, считает, что конь, пусть и самый лучший, — недорогая плата за твое отсутствие. С чем пожаловал на этот раз? Есть у тебя войско? Кони, мечи, копья? Вот что нам нужно. А я вижу четверых бродяг в лохмотьях, и ты из них самый оборванный.

— Об учтивости начали забывать в твоем доме, Теоден, сын Тенгеля, — сдержанно произнес Гэндальф. — Разве тебе не сообщили имена моих спутников? Редко случалось правителям Рохана принимать таких гостей, и ни один могучий вождь не отказался бы от оружия, оставленного у твоего порога. Одежду свою они получили от лориенских эльфов и в ней прошли через великие опасности, чтобы предстать перед тобой.

— Значит, Йомер сказал правду, и вы в сговоре с Колдуньей из Золотого Леса? — прошипел Червослов. — Тогда неудивительно: там всегда плетутся сети коварства.

Гимли шагнул было вперед, но замер, ощутив на плече неожиданно тяжелую руку Гэндальфа.

— О Двиморден, о Лориен... —

мягко и полно разнесся по залу голос мага.

О Двиморден, о Лориен,
Где вечен свет, бессилен тлен!..
Сколь редко видел смертный взгляд
Лесной немеркнущий наряд...
Галадриэль! Галадриэль!
Ясна, чиста твоя купель,
Бела в руке твоей звезда...
Прекрасный край, пребудь всегда,
О Двиморден, о Лориен,
Нездешний сон, желанный плен...

Маг выпрямился, не опираясь больше на свой жезл, серый плащ распахнулся, но теперь голос его прозвучал холодно и резко.

— Разумный говорит только о том, что знает, Грима, сын Гальмода! — сказал он. — А тебе, неразумному червяку, лучше бы держать свой ядовитый язык за зубами! Я не для того прошел сквозь огонь и мрак, чтобы слушать коварные речи раба, разрази его молния!

Он поднял жезл. Небо на востоке вдруг потемнело, раздался раскат грома, и огонь в очаге поник. В полумраке светилась высокая белая фигура мага.

Грима прошипел в темноте:

— Не советовал ли я вам, повелитель, отнять у него жезл? Хама, глупец, предал нас! — Но тут над самой крышей сверкнула такая яркая молния, что он упал ничком.

Гэндальф снова заговорил с Теоденом.

— Будешь ли ты слушать меня, Теоден, сын Тенгеля? Примешь ли мою помощь? — Он поднял посох и указал на одно из окон. Гроза, похоже, рассеялась, высоко над их головами сиял кусочек голубого неба. — Посмотри — не все еще покрыто мраком. Укрепись сердцем — лучшей помощи не будет у того, кто отчаялся. Выйди вместе со мной за порог и оглядись. Ты слишком долго сидел в полутьме, слушая дурные советы и лживые посулы.

Теоден медленно встал. Молодая женщина поддержала его под руку. Он спустился по ступеням, не глядя на неподвижно распростертого Гриму, и прошел через зал. Гэндальф громко ударил в дверь.

— Отворите! — крикнул он. — Правитель идет!

Двери открылись, и в зал со свистом ворвался свежий ветер.

— Отошлите стражей к подножию лестницы, — повелел маг. — И вы, прекрасная дама, оставьте нас. Я сам позабочусь о правителе.

— Ступай, Йовин, — ласково произнес Теоден. — Время страха миновало.

Молодая женщина неохотно вернулась в зал. У самых дверей она помедлила, обернулась и взглянула на короля с затаенной жалостью. Она была очень хороша собой: высокая, стройная, в белой одежде с серебряным поясом, но казалась холодной и твердой, как сталь. Она перевела взгляд на Арагорна, и он невольно сравнил ее с ранним утром, ясным и льдистым, когда до солнца еще далеко. С минуту она глядела на него, словно зачарованная, потом быстро скрылась в покоях.

Опираясь на свой черный посох, Теоден огляделся. С высокой террасы были видны обширные луга Рохана. Из туч над ними свисал косыми полосами дождь. Ветер сносил его на вос-

ток. На западе тучи были черными, и над вершинами далеких холмов сверкали молнии, но гроза уже уходила в сторону. Над Эдорасом проглянуло яркое солнце. Струи дождя сверкали серебром, и река вдали заблестела, как зеркало.

— Здесь светло! — удивленно воскликнул Теоден.

— Да, — ответил Гэндальф, — и годы совсем не так давят тебе на плечи, как кое-кто заставляет думать. Брось посох!

Черный посох со стуком упал на каменные плиты. Теоден выпрямился, медленно, как человек, долгое время сидевший над неприятной работой, и сразу оказался высоким и статным, а когда он взглянул в небо, глаза у него поголубели.

— Мрачные сны я видел, — тяжело произнес он, — но теперь чувствую, что пробудился. Жаль, что ты не пришел раньше. Сейчас ты увидишь только гибель моего дома. Недолго стоять этим древним стенам: скоро огонь пожрет их. Что мне делать, Гэндальф?

— Многое надо сделать, — ответил маг. — Но прежде всего послать за Йомером. Я уверен, что он схвачен по злому навету. Это Червослов?

— Да, — несколько смущенно ответил Теоден, — Йомер не выполнил моих приказаний и угрожал Гриме смертью у меня на глазах.

— Тем, кто любит тебя, вряд ли придется по нраву Грима со своими советами, — сказал Гэндальф.

— Пожалуй, — согласился Теоден. — И я сделаю так, как ты говоришь. Пусть Хама приведет его. Страж из него ненадежный, проверим, каков посыльный, — голос у правителя был суровый, но, взглянув на Гэндальфа, он улыбнулся, и в этот миг немало морщин исчезли с его лица бесследно.

Теоден сел в каменное кресло у самой лестницы, а Гэндальф — на верхнюю ступеньку. Они беседовали так тихо, что Арагорн и его друзья, молча стоявшие рядом, ничего не слышали. Теоден слушал мага, глаза у него блестели. Он встал и вместе с Гэндальфом обернулся на восток.

— Именно там, рядом с величайшим страхом, — наша величайшая надежда. — Маг говорил теперь в полный голос. — Судьба мира висит на волоске. Нам надо продержаться еще немного.

Друзья взглянули в ту же сторону. Мысли о Хранителе вызвали в их сердцах страх и надежду. Где он? Что с ним? Какие опасности ему угрожают и сможет ли он преодолеть их? Зоркие глаза эльфа уловили далеко за краем земли мелькнувшую белую искру: словно солнце блеснуло на шпиле Белой Башни. А еще дальше, как недремлющая угроза, мигнул крошечный багровый язычок пламени.

Теоден медленно опустился в кресло: усталость побеждала его, несмотря на волю Гэндальфа.

— Увы! — проговорил он. — Злые дни настигли меня на закате жизни, лишили покоя, которого только и жаждет моя душа. Молодые гибнут, а старики влачат бессильное существование. — Морщинистые руки короля тяжело и праздно легли на колени.

— Пальцы вспомнят былую силу, если возьмутся за рукоять меча, — тихонько подсказал Гэндальф.

Старый правитель поднес руку к бедру, но меча там не было.

— Куда же Грима упрятал его? — пробормотал он растерянно.

— Возьмите мой, повелитель, — раздался вдруг ясный и твердый голос.

На лестнице стоял Йомер. Он был без шлема и кольчуги, а в руке сжимал обнаженный меч и, преклонив колено, протягивал его рукоятью вперед повелителю. Позади стоял Хама.

— Что это значит? — сурово произнес Теоден, поворачиваясь к Йомеру. Немощного старца больше не было. Воины не верили глазам и не могли отвести их от гордого, властного вождя.

— Простите меня, повелитель, если я поступил неправильно, — потупился Хама, — но Йомер — военачальник, и я сам вернул ему меч, думая, что он свободен.

— А я кладу его к вашим ногам, повелитель, — добавил Йомер.

Теоден стоял неподвижно, глядя на него сверху вниз. Потом, по знаку Гэндальфа, медленно протянул руку, и, когда его пальцы сомкнулись на рукояти, всем показалось, что прежняя сила вернулась к нему. Он взмахнул сверкнувшим клинком и издал боевой клич Рохана. Воины на лестнице дружно ответили ему.

— Слава Теодену! — вскричал Йомер. — Как радостно видеть, что вы возвращаетесь! Никто не скажет теперь, что Гэндальф приносит только дурные вести.

— Возьми свой меч, Йомер, — произнес старый правитель, — а ты, Хама, принеси мне мой: он должен быть где-то у Гримы. Пусть Грима тоже придет сюда! Ну, Гэндальф, ты обещал добрый совет. Что теперь делать?

— Все, что нужно, уже сделано, — ответил Гэндальф. — Справедливость восстановлена. Но отбросить страх и выйти из тени — это лишь начало.

Он посоветовал Теодену собрать всех, способных носить оружие, и выступить против Сарумана, пока не поздно. Женщины, дети и старики должны укрыться в неприступных горных убежищах, но не брать с собой никакого имущества. Речь идет о спасении жизни.

Теоден предложил гостям отдохнуть, но Арагорн, поблагодарив, отказался. Он попросил Теодена позволить им присо-

единиться к войскам, потому что обещал Йомеру сражаться рядом с ним.

— Тогда мы обязательно победим! — воскликнул Йомер.

— Да, надежда есть, — сдержал его Гэндальф, — но Изенгард могуч, а есть еще и другие опасности. Не медли, Теоден. Как только мы выступим, уводи народ в горы.

— Нет уж, — возразил тот, — ты исцелил меня. Теперь я сам поведу войска в бой! — И воины вокруг ответили ему громкими ликующими криками.

— Но народ нельзя оставлять без управления, — забеспокоился Гэндальф. — Нужен человек, которому все доверяли бы и соглашались повиноваться.

— Я приму решение до того, как мы выступим, — пообещал король.

Двое воинов ввели Гриму Червослова. Он был очень бледен и щурился от солнечного света. С ним пришел Хама. Преклонив колено, он подал Теодену меч в окованных золотом и отделанных яхонтами ножнах.

— Меч был в сундуке у Червослова, — сказал воин, — он не хотел отдавать нам ключи. Там нашлось много других вещей, которые считались потерянными.

— Лжешь! — прохрипел Грима. — Твой господин сам отдал мне меч на хранение.

— Теперь он требует его обратно, — властно произнес Теоден. — Или тебе это не по нраву?

— Конечно нет, повелитель, — отвечал тот, — я ведь забочусь о вас и вашем благе по мере сил. Не утомляйтесь, прошу вас, и берегите себя. Пусть кто-нибудь еще займется этими докучливыми гостями. Стол накрыт. Прикажете подавать кушанье?

— Да, подавай, — ответил король. — Я приглашаю гостей отобедать со мной. Сегодня мы выступаем. Пошли герольдов. Пусть все способные сражаться, люди и кони, соберутся у ворот к двум часам пополудни, чтобы выступить сегодня же.

— Ох! — вскричал Грима. — Вот чего я боялся! Этот старец околдовал вас! И вы никого не оставляете охранять Золотые Палаты и их сокровища? Никого, чтобы охранять вас?

— Если это колдовство, — возразил Теоден, — то оно мне больше по нраву, чем твои нашептывания. Еще немного, и я бы встал на четвереньки, как животное. Нет, я не оставлю здесь никого, даже рачительного Гриму. Он тоже идет с войском. Ступай! У тебя есть еще время почистить свой меч от ржавчины.

Грима упал перед ним на колени.

— Сжальтесь, повелитель! — простонал он. — Не отсылайте от себя верного Гриму! Пожалейте того, кто так долго служил вам.

— Могу и пожалеть, — ответил Теоден, — ты останешься со мной. Я сам поведу войско, а ты будешь сопровождать меня и тем докажешь свою верность.

Червослов встал, озираясь, как затравленный зверь.

— Так я и знал, — сказал он. — Если бы они любили вас, то пожалели бы вашу старость. Выслушайте хотя бы мой совет: оставьте в Эдорасе того, кто знает и чтит вашу волю. Назначьте наместником того, кому вы доверяете. Верный Грима сохранит все в целости до вашего возвращения.

Йомер рассмеялся.

— На меньшее ты не согласен, доблестный Грима? Например, нести в горы мешок с провизией, если кто-нибудь доверит его тебе?

— Нет, Йомер, ты еще не понимаешь, что задумал наш благородный Грима, — вмешался Гэндальф, обратив на Червослова пронизывающий взгляд. — Он хитер и дерзок. Даже сейчас он играет с огнем и надеется выиграть. На колени, змей! — прогремел он вдруг. — Признавайся, давно ли Саруман купил тебя и за сколько? И не обещал ли он тебе, что, когда все воины погибнут, сокровища Эдораса достанутся тебе, включая женщину, которой ты домогаешься? Ты ведь давно ее преследуешь!

Йомер схватился за меч.

— Я знал это и раньше! — воскликнул он. — Поэтому и хотел тогда убить негодяя на глазах у правителя... — Он шагнул вперед, но Гэндальф удержал его.

— Подожди, Йовин больше ничто не угрожает. Ты, Червослов, хорошо служил своему настоящему господину и заслужил награду. Но Саруман любит забывать о своих договорах. Советую тебе поскорее вернуться к нему и напомнить условия, а то он забудет и о твоей верной службе.

— Ты лжешь! — став совершенно серым, прошипел Грима.

— Слишком легко и слишком часто ты бросаешься этим обвинением, — спокойно ответил Гэндальф. — Я никогда не лгу. Ты пригрел змею, Теоден. Брать его с собой — небезопасно, оставлять здесь — тем более. По справедливости его следовало бы убить. Но когда-то он был человеком и, как мог, служил тебе. Дай ему коня, пусть едет, куда хочет, а ты посмотришь, что он выберет.

— Слышишь, Червослов? — сказал Теоден. — Выбор за тобой. Либо докажи в бою свою преданность мне, либо убирайся на все четыре стороны, но тогда уж не рассчитывай больше на мое снисхождение.

Грима с трудом встал на ноги. Во всем его облике была такая злоба, что стоявшие рядом с ним воины невольно отпрянули. Оскалив зубы, он зашипел, как змея, плюнул на ступени и, метнувшись в сторону, сбежал по ступенькам. Теоден приказал проследить, чтобы ему не чинили препятствий и дали коня.

— Если какой-нибудь конь согласится нести его, — добавил Йомер.

Один из стражей сбежал следом за Гримой по ступенькам. Другой спустился к источнику у края террасы, зачерпнул шлемом воды и смыл плевок.

— Я приглашаю вас к столу, — обратился Теоден к гостям. — Вам надо передохнуть и поесть, пока позволяет время.

Они вернулись в королевские палаты. Внизу, в городе, уже кричали герольды и трубили трубы. Король решил выступить, как только будет готова дружина и подойдет ополчение из окрестностей.

За столом Теоден беседовал с Гэндальфом, остальные ели, почтительно прислушиваясь.

— Кому ведомо, как далеко простирается измена Сарумана? — говорил маг. — Были времена, когда он по праву считался истинным другом Рохана. Но даже когда они прошли, вы все еще были нужны ему. Но и после, когда он думал уже только о погибели Рохана, ты продолжал видеть дружелюбную маску. В те годы Гриме жилось легко, и все твои планы немедленно становились известны в Изенгарде. Земли ваши были открыты, и чужеземцы свободно бродили по ним. А нашептывания Гримы постепенно отравляли твои думы, выстуживали сердце, и в конце концов он настолько завладел твоей волей, что твоим приближенным, с болью смотревшим на все это, до тебя было уже не докричаться.

Когда я вернулся и предупредил тебя, маски были сорваны. Началась отчаянная игра. Теперь Грима пытался не дать тебе собрать силы. Он искусен — умеет играть на людской осторожности, на страхах. Помнишь, как он убедил всех не отправлять отряды на север, раз основная опасность исходит с запада? Ведь это он вынудил тебя запретить Йомеру преследовать изенгардских орков. Если бы Йомер послушался, сейчас орки уже доставили бы в Изенгард драгоценную добычу. Правда, не совсем ту, которую жаждал заполучить Саруман, но все же двое из моего отряда, знающие о тайной нашей надежде — о ней я даже тебе пока не могу сказать открыто, — это немало. Подумай, что мог бы выпытать у них Саруман!

— Я многим обязан Йомеру, — сказал король. — Я забыл, что верному сердцу далеко не всегда сопутствует учтивая речь.

— Лучше сказать, — усмехнулся Гэндальф, — что кривому глазу и правда кажется кривдой.

— Да, ты прав, — согласился Теоден. — И тебе я обязан больше других. Ты снова приходишь вовремя. Выбери же дар, какой пожелаешь, а мне теперь дорог только мой меч!

— Вовремя или нет — это мы еще увидим, — отвечал Гэндальф, — а от дара я не откажусь. Сейчас нужнее всего быстрота и верность. Подари мне Сполоха! Мы друзья с ним. Сереб-

ристым лучом в любой ночи он пойдет со мной сквозь все опасности, но я не могу рисковать тем, что мне не принадлежит.

— Достойный выбор, — одобрил Теоден, — и дар королевский. В этом прекрасном животном словно возродились могучие кони былых времен. А остальным гостям я предложу выбрать себе что-нибудь из моей оружейной. Там есть шлемы и кольчуги прекрасной гондорской работы. Пусть они послужат вам добром.

Слуги принесли доспехи. Арагорн и Леголас выбрали сияющие кольчуги, шлемы и круглые щиты, украшенные золотом и драгоценными камнями, а Гимли нашел себе необычный остроконечный шлем и небольшой щит с гербом дома Йорлов: белым бегущим конем на зеленом поле.

— Пусть он хранит тебя, — сказал ему Теоден, передавая щит, — я носил его в детстве.

— Это высокая честь, — поклонился Гимли и потряс щитом. — Лучше я буду носить коня, чем он меня. Ногам я както больше доверяю. Глядишь, все-таки дойдет дело до рукопашной...

— В бою все может быть, — ответил Теоден и поднялся, а вперед выступила Йовин, неся заздравную чашу.

Король пригубил, и девушка пошла обносить гостей, но задержалась возле Арагорна, остановив на нем сияющий взгляд. Он улыбнулся, принимая чару, и вдруг заметил, как она вздрогнула от случайного прикосновения. Эта незначительная деталь стерла улыбку с лица Арагорна и заставила вглядеться в глаза юной воительницы. Меж тем король говорил:

— Я отправляюсь в свой последний поход. Теодред, мой единственный сын, убит. Значит, наследником быть Йомеру, моему племяннику. Но он будет сопровождать меня. Кому же доверить правление?

Вельможи и военачальники смолкли.

— Йовин из дома Йорла, — раздался голос Хамы в полной тишине. — Она отважна и не знает страха. Все любят ее.

— Да будет так, — согласился Теоден. — Прощай, племянница! Мы расстаемся в недобрый час, но, может, еще вернемся в Золотые Палаты. Веди народ в Дунхарг. Те, кто останется в живых, придут туда.

— Каждый день до вашего возвращения будет казаться мне годом, — отвечала дева и снова взглянула на Арагорна.

— Король вернется, — негромко ответил он ей. — На востоке, а не на западе свершится наша судьба.

Присутствующие шумно вставали, разбирали оружие и спускались к воротам. Лишь Йовин в мерцающей кольчуге осталась наверху, глядя им вслед, скрестив руки на рукояти меча.

Гимли с топором на плече шагал рядом с Леголасом и бурчал себе под нос:

— Собрались наконец. Людям дай только поговорить, а дело пусть ждет. Топор мой и тот заскучал. Рохирримы эти, похоже, славные воины, да только их война не по мне. Опять трястись, как в сумке, с Гэндальфом. На войну ходят ногами!

— На коне, конечно, безопаснее, — поддразнил эльф. — Не бойся, как дойдет до дела, Гэндальф тебя мигом на землю ссадит. Топор — не оружие для всадника.

— Да и гном — не всадник, — отпарировал Гимли, нежно поглаживая рукоять топора. — На орочьи шеи рассчитано, не на человечьи головы.

Войско было готово к походу. У ворот собралось более тысячи воинов, их копья напоминали густой молодой лес. Они радостными возгласами приветствовали Теодена. Двое воинов подвели королю его коня, Белогривого, и Теоден вскочил в седло. Арагорн и Леголас были уже верхом, но Гимли стоял в нерешительности и хмурился, когда к нему подошел Йомер с конем в поводу.

— Приветствую Гимли, сына Глоина! — сказал он. — Я еще не научился сладким речам, как обещал, но больше не буду отзываться плохо о Волшебнице из Золотого Леса. Не отложить ли нам нашу ссору?

— Я на время позабуду о ней, сын Йомунда, — согласился гном, — но, если вы увидите прекрасную Галадриэль собственными глазами, вам придется признать ее прекраснейшей в мире, или нашей дружбе конец.

— Согласен, — рассмеялся Йомер. — А до тех пор — простите меня и, в знак примирения, не откажитесь ехать со мною.

— Буду рад, — отвечал Гимли, — но с условием, что рядом поедет мой друг, Леголас.

— Леголас слева, Арагорн справа, тогда никто не устоит перед нами!

— А где же Сполох? — полюбопытствовал Гэндальф.

— Вон, серая тень за рекой, — показали ему. — Никого к себе не подпустил, умчался.

Гэндальф свистом позвал коня. Сполох издали ответил ему, примчался и положил голову на плечо.

— Дар, похоже, уже вручен, — засмеялся Теоден. — Слушайте, люди и кони! — Его зычный голос легко покрыл шум строящегося войска. — Гэндальф Серый, наш мудрейший советник, странник, которому всегда рады в наших палатах, будет и останется князем и военачальником Йорлингов, пока наш народ живет на земле. В дар от нас он получает Сполоха.

— Благодарю тебя, король Теоден. — Маг, сбросив серый плащ и шляпу, вскочил в седло. Ни шлема, ни кольчуги на нем не было; седые кудри и белая одежда ослепительно сверкали на солнце.

— Белый Всадник! — промолвил Арагорн, и все подхватили его слова.

Запели боевые трубы, кони встрепенулись, копья ударили о щиты. Король поднял руку, и всадники вихрем сорвались с места.

А от дверей непривычно тихого, обезлюдевшего дворца долго смотрела им вслед прекрасная Йовин.

Глава 7
ХЕЛЬМОВА ПАДЬ

Солнце начало клониться к закату, когда войска покинули Эдорас и, щурясь от мягкого золотого света, спешным маршем двинулись вдоль отрогов Белых Гор. Зеленые всхолмья перемежались долинами, почти по каждой бежал ручей или речушка. Далеко впереди, справа, медленно росли хребты Мглистых Гор. Там, у Бродов Изена, Всадники из последних сил сдерживали орды Сарумана. Боязнь опоздать придавала сил. От Эдораса до Изена больше сорока лиг. Уже к ночи двадцать из них остались позади. Только тогда, после пяти часов скачки, остановились на ночлег, выставив вокруг стоянки кольцо конных дозоров и разослав разведчиков. Ночь прошла спокойно. На рассвете запели горны, и меньше чем через час войска снова двинулись в путь.

Утро выдалось ясным, но вслед за солнцем с востока начала подниматься какая-то темная завеса. Воздух был неподвижный и душный, как перед грозой. А с северо-запада, от подножий Мглистых Гор, из долины Изена, медленно расползалась черная мгла.

Гэндальф приблизился к Леголасу, ехавшему рядом с Йомером.

— Нет глаз зорче, чем у эльфов,— сказал он.— Они за целую лигу отличают воробья от зяблика. А ну-ка, скажи, что происходит под Изенгардом?

— Далековато, — прищурился эльф, прикрывая глаза от солнца изящной рукой. — Там — тьма, а по берегу реки движутся какие-то смутные тени... Я не понимаю, что это... Не облако и не туман. Словно сумрак выполз из дремучей чащи и потек с холмов вниз, к реке...

— А позади идет гроза из Мордора,— мрачно закончил Гэндальф.— Черна будет эта ночь.

К вечеру тяжесть в воздухе увеличилась. В сером клубящемся мареве солнце казалось кровавым. Всадники повернули к северу, огибая последний из отрогов Белых Гор, и блестящие наконечники копий вспыхнули пламенем в закатном свете. Наперерез им черной точкой в быстро темнеющей степи мчался

всадник. Теоден дал знак остановиться. Наконец изможденный воин в измятом шлеме, с изрубленным щитом подскакал к голове колонны, спешился, с трудом перевел дух и заговорил:

— Йомер с вами? Вы все-таки пришли, но пришли поздно. После гибели Теодреда нас оттеснили за Изен. Многие не смогли переправиться. А ночью нас атаковали снова. Саруман вооружил и бросил против нас диких дунгарских пастухов и, должно быть, всех своих орков. Они просто смели наш оборонительный вал. Эркенбранд из Вестфолда отступает к Хельмовой Пади, и с ним все, кто остался в живых. Надеяться больше не на что. Где Йомер? Пусть скорее возвращается в Эдорас, надо опередить Саруманових псов...

Теоден, молча слушавший за спинами рослых Всадников, выступил вперед.

— Я веду последнюю дружину Йорлингов, веду сражаться, — сказал он просто. — Возвращаться незачем.

Вестник, смущенный и одновременно обрадованный, преклонил колено.

— Веди нас, повелитель! — вскричал он, вскинув свой зазубренный меч. — И прости меня, я думал...

— Ты думал, что я остался во дворце, согбенный, как старое дерево под тяжестью снега, — молвил Теоден. — Так оно и было, когда вы уходили на битву. Но ветер с запада отряхнул мои ветви. — Он обернулся к своим воинам. — Дайте ему свежего коня, и пусть он ведет нас на помощь Эркенбранду!

Гэндальф тем временем, чуть отъехав вперед, напряженно всматривался вдаль и, видимо, высмотрел-таки что-то, невидимое для других.

— Веди воинов к Хельмовой Пади, Теоден, — повернулся он к королю. — Не мешкай на равнине. Я вынужден покинуть тебя. До встречи у Ворот Хельма!

Он шепнул что-то коню, тот рванулся вперед и исчез — как стрела, как погасший закатный отблеск, как порыв ветра в поле, как мелькнувшая тень...

— Как это понимать? — ни к кому особо не обращаясь, проговорил воин из королевской свиты.

— Гэндальфу Серому надо спешить, — назидательно произнес Хама. — Он приходит и уходит нежданным, когда сочтет нужным.

— Червослов назвал бы это по-другому, — заметил кто-то.

— Верно, — согласился Хама. — А я предпочту подождать, когда Гэндальф вернется.

— Можешь и не дождаться, — донеслось в ответ.

Хельмовой Падью называлось извилистое скалистое ущелье на северных склонах Белых Гор. Говорили, что еще в дни расцвета Гондора нуменорцы выстроили здесь башню-крепость.

Ее называли Хорне — Башня Поющего Рога. Люди верили, что боевой сигнал Хорне, умноженный горным эхом, способен поднять войско короля Хельма, некогда державшего здесь оборону. От башни через Хельмову Падь тянулась каменная стена двадцати футов высотой. Поверху шла галерея, позволявшая четырем воинам в ряд обходить стену дозором. По ущелью, плавной дугой охватывая Хорне, текла река. Замок этот был надежным оплотом Западных областей Рохана, отсюда Эркенбранд правил Вестфолдом.

Войско Теодена не успело добраться до Хельмовой Пади. Орки встретили их на широкой речной пойме. Внезапно в темноте послышались крики высланных вперед разведчиков, засвистели стрелы.

— Нас опередили, — доложил вернувшийся разведчик. — Орки и дикари верхом на волках уже в долине. Похоже, они преследуют Эркенбранда от самых Бродов Изена. Много погибших, а уцелевших оказалось некому возглавить. Никто не знает, что сталось с Эркенбрандом. Даже если он жив, теперь ему уже не пробиться к Хельмовой Пади.

— Видел ли кто-нибудь Гэндальфа? — тяжело спросил Теоден.

— Многие видели старика в белом на огромном коне, повелитель. Он промчался по равнине, обгоняя ветер, в сторону Изенгарда. А незадолго до этого люди видели Червослова в компании орков. Он тоже направлялся на север.

— Червослову не поздоровится, если Гэндальф до него доберется, — усмехнулся Теоден. — Выходит, я разом лишился обоих советников, и прежнего, и нового. Выбирать, впрочем, не из чего. Нам надо пробиваться к Хельмовой Пади, есть там Эркенбранд или нет. Много ли орков у нас на хвосте?

— Намного больше, чем нас, повелитель, — сказал разведчик. — Я знаю, у страха глаза велики, но я говорил со старыми воинами. Силы врага в несколько раз превосходят наши.

— Надо успеть пробиться до подхода основных сил, — заметил Йомер. — В Хельмовой Пади есть пещеры, в которых смогут укрыться сотни людей; тайные тропы ведут из них в горы.

— Не доверяйте тайным тропам, — предостерег Теоден. — Саруман давно следит за этим краем. Однако в крепости мы сможем держать оборону. Вперед!

Арагорн и Леголас шли теперь в авангарде рядом с Йомером. Быстро смеркалось, тропа становилась все круче, все осторожнее приходилось ступать. Поначалу встречавшиеся стаи орков отступали без боя.

— Это везение ненадолго, — заметил Йомер. — Все изменится, как только их военачальники узнают, что здесь — все войско Теодена.

Шум схватки позади постепенно нарастал. Они уже слышали за спиной нестройное пение и поднялись достаточно высоко по ущелью, чтобы охватить взглядом бессчетную вереницу факелов — красными соцветьями там, где дорога пошире, узкой лентой — на крутых подъемах.

Вскоре запылали костры — это Саруманова рать поджигала скирды, загоны для скота и одинокие усадьбы. С болью смотрел Теоден, как гибнет еще вчера изобильный край.

— Мы отступаем, — горько проговорил Арагорн, — а будь сейчас день и будь у нас сил побольше, мы смели бы их, как горный поток солому.

— Отступать уже некуда, — отозвался Йомер. — До вала рукой подать, а от него — два фарлонга до Ворот Хельма.

— У вала нам оборону не удержать, — вздохнул Теоден. — Нас слишком мало, а ущелье там около мили шириной, и пролом в нем слишком широк.

— Там необходимо оставить заслон, — сказал Йомер.

В кромешной тьме дружина добралась до реки и втянулась внутрь оборонительного вала. Отсюда вдоль берега шла дорога к крепости, и здесь их наконец приветствовал крепостной дозор. Гамлинг, начальник стражи, неторопливо изложил королю положение дел.

— В крепости сейчас около тысячи воинов, способных держать оружие, — говорил он, — правда, все больше старики вроде меня или мальчишки, как вот этот мой внук. Что слышно от Эркенбранда? Вчера нам сообщили, что он отступает в Хельмову Падь, но сюда он не возвращался...

— Боюсь, ему уже не пробиться, — вздохнул Йомер. — Враг идет за нами по пятам.

— Остается только пожелать Эркенбранду удачи. Мы должны уйти за крепостные стены, — сказал Теоден. — А вот сколько мы там продержимся? Мы выехали налегке, рассчитывая принять бой, а не держать оборону.

— В пещерах, выше по ущелью, укрылись наши старики, дети и женщины, — объяснил Гамлинг. — Там же — припасы, пожитки, кони. Все, что удалось спасти.

Всадники Теодена миновали крепостной вал, у навесного моста спешились и вошли в крепость Хорне. Здесь их приветствовали с радостью; теперь воинов хватало для охраны и замка, и крепостной стены.

Гарнизон Хорне и королевскую рать Йомер послал в замок, свою дружину отправил на защиту Стены, коней отвели выше по ущелью.

Крепостная стена Хорне имела около двадцати футов в высоту; парапет с бойницами высотой с рослого воина защищал широкий проход по верху стены. Попасть на стену можно было

по единственной лестнице, шедшей из замка; три пролета ступеней выводили наружу, вверх по ущелью. Огромные камни стены были пригнаны и обтесаны так, что между ними не осталось ни единой щели, а верхние небольшим козырьком нависали над нижними.

Медленно тянулось время. Медленно тянулись по ущелью цепочки факелов. Леголас сидел на парапете, задумчиво трогая тетиву. Гном стоял рядом, прислонившись к зубцу стены.

— Мне здесь по нраву, — беззаботно говорил он, постукивая ногой о камень. — Добрая порода. Крепкие кости у этой земли. Сюда бы на годик сотню моих родичей...

— Странный вы все же народ, — отозвался Леголас. — Мне здесь неуютно — что днем, что ночью. Но я рад, что твой топор будет рядом. Да, гномов здесь не хватает, но и от сотни эльфийских лучников я бы не отказался. Здешним стрелкам, похоже, можно доверять, только уж очень их мало...

— Темновато для стрельбы, — заметил Гимли. — Самое время вздремнуть. Езда верхом — утомительное занятие! Сейчас бы топором помахать, весь сон как рукой снимет.

Внезапно ущелье со стороны вала взорвалось орочьими воплями, боевыми криками, воем дикарей. Вал и проем в нем заполнили пылающие факелы — и снова стало гемно. Отряд Гамлинга, выпустив все стрелы, вынужден был отступить под защиту крепостной стены. Вскоре Гамлинг уже докладывал:

— Орки лезли и лезли, как муравьи. Мы завалили весь проем их трупами, но, боюсь, это ненадолго их остановит. Зато красоваться с факелами мы их отучили.

Полночь миновала. Ущелье окутала тьма, воздух потяжелел. Все замерло, словно предчувствуя грозу. Ослепительно белая вспышка молнии выхватила кипящее между стеною и валом пространство. Черные тени — иные кряжистые и приземистые, иные высокие, в остроконечных шлемах, с черными щитами — вливались сквозь проем и, как прибой, разбивались о скалы. С первым раскатом грома хлынул ливень. Орки пошли на приступ. Хельмова Падь ответила молчанием... Казалось, безмолвная ярость самих скал и стен остановила нападающих. Все чаще сверкали молнии. Словно очнувшись, орки и дунгарские дикари кинулись к воротам, потрясая копьями и выпустив тучу стрел. На каждом щите, на каждом шлеме нападавших виднелась призрачная длань Изенгарда.

Сверху их встретили камнями и стрелами. Раз за разом орда отступала и вновь бросалась на приступ, каждый раз взбираясь все выше. Они достигли ворот, и теперь дюжины две дикарей, прикрывшись щитами, пытались наскоро сделанным тараном разбить их.

Арагорн и Йомер заметили опасность одновременно. С десяток воинов ринулись вместе с ними вдоль стены, вверх, во внешнюю галерею, вниз, по внутренним переходам и через боковую дверцу — к Воротам. Стремительный натиск увенчался успехом. Андрил взлетал и падал, сияя полосой белого пламени. Радостным кличем отозвались со стены и из башни:

— Хей! Сломанный Меч снова в бою!

Дикари пытались обороняться, но вскоре были сметены и отброшены. Орки бежали, беспорядочно отстреливаясь.

Арагорн и Йомер помедлили около ворот. Гром рокотал в отдалении. Зарницы сверкали на юге, над хребтами Белых Гор. Резкие порывы северного ветра разметали пелену туч, в разрывах проглядывали звезды; ниже по ущелью, над холмами, желтоватым пятном плыла луна.

— Чуть не опоздали, — заметил Арагорн, озабоченно осматривая поврежденные Ворота. Мощные петли и железные засовы были покорежены или сорваны, деревянные накладки — разбиты.

— Пора уходить, — напомнил ему Йомер. — Взгляни! — показал он в сторону подвесного моста. По ту сторону горного потока орки и дикари готовились к новому штурму.

— Идем! — крикнул Йомер. — Надо завалить ворота!

На мостовую с глухим стуком посыпались стрелы. Они повернули обратно, и в этот миг с десяток орков, затаившихся среди трупов, навалились на Йомера. Но тут из темноты с жутким воплем: «*Барук Казад! Казад аи-мену!*» — налетел Гимли. Свистнул топор, и сразу два орка рухнули обезглавленными. Остальные бежали. Йомер, пошатываясь, поднялся на ноги.

Боковую дверь в воротах удалось закрыть, сами ворота подперли балками и завалили камнями. Воспользовавшись передышкой, Йомер учтиво обратился к гному:

— Я ваш должник, Гимли, сын Глоина! Недаром говорят: нежданный гость — нечаянная радость. Я и не знал, что вы решили не оставлять нас в одиночестве.

— Встряхнуться захотелось, — улыбнулся Гимли. — Дикари оказались для меня великоваты, и я праздно любовался вашими играми с мечами. Рад был услужить — мой топор с самой Мории не пробовал ничего, кроме дерева.

— Два! — вернувшись на стену и обтирая лезвие топора, объявил Гимли Леголасу.

— Только-то? — отозвался эльф. — У меня не меньше десяти. Жаль, стрел маловато.

Грозовые тучи быстро уходили, заходящая луна светила в полную силу. Вот только надежды Всадникам ее свет не при-

бавил. Казалось, орда множилась на глазах. Скоро она снова бросилась на Ворота. У стен Хельма, словно штормовое море, ярились Сарумановы полчища. Канаты с крючьями летели на стену, защитники едва успевали перерубать их. Сотни приставных лестниц тянулись вверх, орки висели на них, как обезьяны в южных джунглях. Подобно гальке, остающейся на берегу после шторма, громоздились у стены убитые и покалеченные, жуткий курган все рос, а враги все прибывали.

Трижды поднимали в бой усталых воинов Йомер и Арагорн; трижды сиял Андрил, трижды отчаянным натиском удавалось отбросить врагов от стен.

Новую опасность первым заметил Гимли. Десятка два орков вплавь по реке подобрались к стене, нашли какую-то щель и теперь намеревались двинуться в глубь ущелья. От пронзительного вопля *«Казад!»* вздрогнули скалы. Гимли скатился со стены в самую гущу врагов.

— Ой-ей,— вопил он,— ой-ей, Леголас! Одному тут не управиться, иди, поделюсь!

Старый Гамлинг с отрядом поспешил на помощь.

— Двадцать один! — крикнул ему Гимли, орудуя топором, как сноровистый дровосек.— Я опередил-таки этого эльфа!

— Прервись ненадолго, мастер гном,— попросил старый воин.— Никто лучше тебя не умеет обращаться с камнем. Помоги нам заделать проем.

Они завалили щель камнями, оставив лишь узкий проход для воды. Река, взбухшая после дождя, с клокотанием протискивалась сквозь него и разливалась у обеих стен.

— Наверху-то посуше будет. Пойдем, Гамлинг, посмотрим, как без нас на стене управляются.

Наверху рядом с Леголасом стояли Арагорн и Йомер.

— Двадцать один! — доложил Гимли.

— Неплохо,— отозвался эльф.— У меня две дюжины. Пришлось поработать кинжалом.

Арагорн устало опирался на меч. Слева снова доносились лязг и грохот — очередной штурм набирал силу. Крепость Хорне казалась островком в бушующем море. Ворота были разбиты, но завал из камней и бревен не одолел еще ни один враг.

Звезды едва начали бледнеть, луна неторопливо продвигалась по предначертанному пути к горизонту.

— Эта ночь длинна, как год,— сказал Арагорн.— Когда же рассвет?

— Скоро,— отозвался Гамлинг.— Да чем он поможет?

— День всегда приносит людям надежду,— ответил Арагорн.

— Приносил, — поправил Гамлинг. — Вот только эти Саруманы твари — не то люди, не то гоблины — тьфу! — не боятся солнца. А уж про дикарей с холмов и говорить нечего. Слышите, как кричат?

— Как птицы или звери, — сказал Йомер.

— Они кричат по-дунгарски, — поправил Гамлинг. — Давным-давно на этом языке говорили и в западных долинах Рохана. Кое-что я могу разобрать. Требуют короля, жаждут смерти белоголовых воров с Севера. Нас, стало быть. Полтыщи лет прошло, а они все не могут забыть, как Йорл стал союзником Гондора и получил в дар эти земли. Саруман только подлил масла в огонь древней вражды, а народ этот свиреп и неукротим. Им все равно: рассвет или сумерки — они будут стоять насмерть.

— И все-таки я верю в день, — Арагорн оставался спокойным. — Говорят, Хорне никогда не уступал силе, если его защищали люди?

— Так поют менестрели, — криво улыбнулся Йомер.

— Значит, остается сражаться и надеяться!

С грохотом рухнула часть стены. Дым, сноп пламени, клубы пара, рев реки — все смешалось. В зияющий пролом хлынули орки.

— Саруманова нечисть! Они принесли ползучий огонь из Ортханка! — крикнул Арагорн и прыгнул в пролом.

В тот же миг не меньше сотни лестниц появилось у стены. Орки обрушились на стену, как штормовая волна на песчаный замок. Защитников стены теснили в глубь ущелья, к пещерам. Остальные пробивались к крепости. Там, у подножия широкой лестницы, ведущей к цитадели, стоял Арагорн. Казалось, грозное сияние Андрила сдерживало врагов, пока уцелевшие Всадники поднимались к Воротам. На верхней ступеньке, прикрывая Арагорна, застыл эльф с луком наизготовку. Стрела у него на тетиве была последней.

— Все, кто мог, уже здесь, — крикнул он Арагорну. — Поднимайся!

Арагорн повернулся и поспешил наверх, но споткнулся от усталости. Орки, словно очнувшись, бросились к нему, но первый же упал со стрелой в горле, а остальных смел валун, метко сброшенный со Стены. Ворота крепости с лязгом захлопнулись за Арагорном.

— Плохо дело, — проговорил он, вытирая пот со лба.

— Пока ты с нами, можно надеяться, — отозвался Леголас. — А где мой Гимли? У меня уже тридцать девять.

Но гнома в замке не оказалось. Оставалось надеяться, что он сумел добраться до пещер.

— Ну тогда, — устало усмехнулся Арагорн, — он все же опередит тебя. В жизни не встречал столь свирепого дровосека.

— Тогда я отправляюсь за стрелами, — сказал Леголас. — Когда-нибудь эта ночь все же кончится, и я смогу как следует прицелиться.

В цитадели Арагорн узнал, что Йомер не вернулся.

— Когда его видели последний раз, он с небольшим отрядом пробивался выше по ущелью, — сообщили ему. — С ним были Гамлинг и гном.

Арагорн пересек внутренний двор и по витой лестнице поднялся наверх. Сквозь узкое оконце башни король Теоден смотрел на долину.

— Что нового, Арагорн? — спросил он, не оборачиваясь. — Где Йомер?

— Хельмова Стена пала, повелитель. Те, кто не успел войти в крепость, отошли к пещерам. Говорят, что их вел Йомер.

— Там можно долго держаться, — задумчиво проговорил король.

— Орки раздобыли ползучий огонь и взорвали Стену, а пещеры могут просто замуровать снаружи...

— Мне тошно в этой тюрьме, — вдруг страстно воскликнул Теоден. — Вдохнуть свежий ветер, поднять копье и повести Всадников, снова вкусить радость битвы — так пристало принимать смерть. Что толку от этих каменных стен? Говорят, Хорне никогда не сдавался врагу... Но времена меняются. Кто или что устоит против такого моря ярости и гнева? Если бы я знал, как силен Изенгард, даже чары Гэндальфа не заставили бы меня выступить. Сейчас его советы уже не кажутся мне такими мудрыми, как утром.

— Не спеши раньше времени судить Гэндальфа и его советы, повелитель, — негромко заметил Арагорн.

— Нам осталось недолго, — возразил Теоден. — Но я не хочу погибать здесь, как старый барсук в ловушке. Мой Белогривый и кони королевской свиты — здесь, на внутреннем дворе. На рассвете подаст голос Рог Хельма, и я приму открытый бой. Ты поддержишь меня, Арагорн, сын Арахорна? Мы прорвемся или погибнем так, что о нас сложат песни — если только будет кому их петь.

— Я иду с тобой, — просто сказал Арагорн.

Коротко простившись, он вернулся на стены. Вместе с Леголасом они то подбадривали воинов, то помогали отбивать атаки. Снизу рвались языки пламени, дрожали камни, летели на стены крючья и тянулись лестницы. Из последних сил Всадники обороняли крепость.

Арагорн стоял на стене над воротами. В него стреляли, но словно неведомая сила хранила его. Небо на востоке медленно начало светлеть. Он поднял правую руку с открытой ладонью, показывая, что желает говорить. Орки и дикари бесновались внизу.

— Спускайся, поговорим! — визжали они. — Да прихвати с собой короля. Мы — Урук-хайи, мы все равно выкурим вас отсюда. Что ты там высматриваешь? Смотри не смотри, кроме нашей рати ничего не увидишь! Тащи сюда своего трусоватого вожака!

— Король сам решает, что ему делать, — возразил Арагорн.

— Тогда зачем ты туда влез? Чего высматриваешь? Нашу непобедимую армию?

— Я жду рассвета, — зычно отвечал Арагорн.

— Что тебе в нем? — кричали снизу. — Мы — Урук-хайи, мы бьем без промаха и днем и ночью! Убирайся со стены, пока цел! Долой! Тебе нечего сказать нам!

— Нет, есть, — спокойно ответил он. — Слушайте меня! Этот замок никому не взять силой. Если вы не уйдете, с рассветом никого из вас не останется в живых. Некому будет даже сообщить о вашей гибели. Вы еще не поняли, что грозит вам!

Одинокая фигура над разрушенными воротами дышала такой силой и величием, что дикари оробели и начали озираться по сторонам, а иные даже поглядывали в небо, словно высматривая там угрозу, о которой говорил Арагорн. Но орки завизжали и загоготали еще громче. Град стрел взметнулся снизу, и снова ни одна из них не попала в цель.

Арагорн вернулся к Теодену. Арка Ворот, на которой он только что стоял, рухнула в дыму и пыли. Орки с воем ринулись в пролом. В тот же миг глухой ропот пробежал по рядам Саруманових орд, словно рассветный ветер принес странную тревогу. Наступающие дрогнули, качнулись назад. Это в вышине неожиданно и грозно зазвучал Великий Рог Хельма.

Ущелье откликнулось многозвонным эхом. Звук все набирал силу. Орки в ужасе зажимали лапами уши, бросались ничком наземь, а люди на стенах вслушивались с радостным изумлением. Все ближе и ближе, вольно и яростно пели трубы.

— Хельм! Сам Хельм поднялся! — кричали Всадники. — Вперед, Йорлинги!

Через разрушенные Ворота ударила на врагов королевская конница. Это было последнее, что оставалось у защитников. На могучем коне, с вызолоченным щитом и копьем в руках, мчался впереди Теоден. Арагорн прикрывал его справа, князья из рода Йорла — слева. Из пещер ринулись напролом уцелевшие воины. Ни орки, ни дикари не успели организовать сопротивление. И все звонче пели боевые рога и трубы.

Грозным ураганом отряд Теодена пронесся от Ворот Хельма до бывшего оборонительного вала и здесь замер в изумлении. Долина неузнаваемо преобразилась. Там, где вчера зеленели травянистые склоны, теперь темнел могучий лес. Вековые деревья, хмурые, молчаливые, стояли непроходимой чащей;

под кронами клубилась мгла. Корни деревьев скрывались в высокой траве. Два фарлонга, не больше, оставалось между валом и этим невесть откуда взявшимся лесом. На небольшом пространстве сгрудилось теперь все воинство Изенгарда. Отступать ему было некуда: на востоке вздымались отвесные склоны ущелья, а на близкой вершине западного гребня появился и замер в молчании величественный всадник в сияющих под утренним солнцем белоснежных одеждах. Из-за его спины выплескивался и переливался через гребень огромный, не меньше тысячи ратников, отряд. Их вел рослый воин с красным щитом. На перевале он поднял черный витой рог и сыграл короткий, переливчатый сигнал.

— Эркенбранд! — прокатилось по рядам Всадников. — Это Эркенбранд!

— Белый Всадник! — вскричал Арагорн. — Гэндальф вернулся!

— Митрандир! — ликующе подхватил эльф. — Это он привел очарованный лес!

Саруманову рати охватила паника. В крепости снова зазвучал рог, и через проем в стене вала ударила королевская конница. С перевала подходил отряд Эркенбранда, правителя Вестфолда. Серебристой молнией промчался по горным кручам Сполох. При появлении Белого Всадника дикарей обуял ужас. Они в страхе бросали оружие и падали ничком. Орки заметались между отрядом Эркенбранда и Всадниками Теодена. Выбрав, как им казалось, наименьшее из зол, они кинулись под своды таинственного леса. Оттуда не вышел ни один...

Глава 8
НА ИЗЕНГАРД

На рассвете на зеленом берегу реки повстречались король Теоден и Гэндальф Белый. Арагорн, Леголас, Эркенбранд, свита Теодена, Всадники, забыв о радости победы, с безмерным удивлением взирали на загадочный лес, выросший в одночасье на склонах.

Тут с шумом и криками со склона спустились воины, которых ночью оттеснили от оборонявших крепость. Вел их Йомер, а рядом с ним широко шагал Гимли. Голову его охватывала окровавленная повязка, но голос был бодр и громок.

— Сорок два, Леголас! — крикнул он еще издали. — Топор вот притупился... А как у тебя?

— На одного меньше, — ответил Леголас, — но какие тут счеты! Главное, ты вернулся, и я счастлив.

— Йомер, дорогой мой племянник! — воскликнул Теоден. — Я рад, что ты невредим.

— Хей, государь! Ночь прошла, день сияет вновь! Ну и диковинные же вести пришли с рассветом! — Он обернулся и широко раскрытыми глазами поглядел сначала на лес, потом на Гэндальфа. — Ты снова пришел неожиданно и снова в самый нужный час.

— Почему неожиданно? — удивился Гэндальф. — Я же обещал вернуться и встретить вас здесь.

— Но ты же не сказал, когда вернешься, а главное, как. Кто бы мог подумать, что с тобой подоспеет такая подмога. Ты великий маг, Гэндальф Белый!

— Не буду спорить, хотя пока и не доказал ничем своего величия. Добрый совет вовремя да скорость Сполоха — вот все мои заслуги. Куда больше сделали ваша доблесть и воины Эркенбранда, шедшие сюда всю ночь.

Все, кто слышал мага, в великом удивлении воззрились на него. Люди переводили взгляд на деревья и терли глаза, словно увидели привидение.

Гэндальф расхохотался и долго не мог успокоиться.

— Да, — проговорил он наконец. — Я тоже вижу этот лес. Только я здесь ни при чем. Это дело мне не по силам. На такое я и надеяться не мог.

— Но если это не ты, — удивленно произнес Теоден, — то кто же? Ведь не Саруманових же рук это дело! Может быть, в мире объявился могучий кудесник, о котором мы не знаем?

— Нет, магия здесь ни при чем, — Гэндальф, прищурившись, взглянул на темную чащу леса. — Это древнейшая из сил Среднеземья. Она была здесь прежде эльфийских песен и молотов гномов.

— Так что же оно такое? — недоуменно спросил Теоден.

— За ответом нам придется прогуляться в Изенгард, — с недоброй усмешкой отвечал маг.

— В Изенгард?

— Да. Я еду туда и приглашаю вас с собой. Думаю, результаты этой прогулки будут неожиданными.

— Но даже если я соберу всех воинов, здоровых и отдохнувших, нам не хватит сил для штурма твердыни Сарумана. — В голосе короля звучала растерянность.

Гэндальф, казалось, не обратил внимания на его слова.

— Я еду в Изенгард, — повторил он. — Ненадолго. Мне пора на восток. Ждите меня в Эдорасе не позже полнолуния.

— Ну нет! — воскликнул Теоден. — Прости мне мои сомнения, в них повинны предрассветная мгла и усталость. Я не расстанусь с тобой и последую любому твоему совету.

— Мне нужно срочно поговорить с Саруманом, — молвил Гэндальф, — а поскольку он принес твоим владениям великий вред, я думаю, и тебе хорошо бы повидаться с ним. Когда ты сможешь выступить?

— Мои воины только что из боя. Я и сам много времени провел в седле и мало спал, — устало ответил Теоден. — К сожалению, моя старость не выдумана Гримой, и излечить эту болезнь даже тебе не под силу.

Гэндальф задумался, прикидывая.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Пусть все, кто пойдет со мной, сейчас отдыхают. Мы выступим вечером. Так будет лучше, меньше глаз... Большой отряд не понадобится, нам предстоит не сражение, а переговоры.

Король разослал во все концы страны гонцов с вестью о победе и приказом ополчению прибыть в Эдорас не позже второго дня после полнолуния. Для похода в Изенгард Теоден выбрал Йомера и двадцать Всадников из его отряда. Мага сопровождали Арагорн, Леголас и Гимли.

Пока король отдыхал в Хорне, под стенами крепости воины были заняты скорбным трудом. Многие пали в битве, и тела их усеивали поле сражения. В живых не осталось ни одного орка, но многие дунгарцы сдались в плен и теперь молили о пощаде. Всадники обезоружили их и приставили к делу.

— Павших в битве по вашей вине не вернуть, — обратился к ним Эркенбранд. — Помогите предать их земле, дайте клятву не переходить больше Изен с оружием в руках и отправляйтесь восвояси. Саруман обманул вас. Для многих наградой за службу стала смерть, но, если бы вы и победили, едва ли вас ждала бы лучшая участь.

Воинов с южных равнин поразили его слова. Саруман внушал им, что в обычае Всадников сжигать пленников живьем.

Вскоре посреди поля появились два кургана. Под одним из них погребли Всадников, под другим — воинов Вестфолда. Под стенами крепости с почестями был похоронен начальник стражи Хама, павший у самых ворот. Трупы орков собрали в огромные кучи неподалеку от кромки загадочного леса. Их было столько, что для погребальных костров понадобилось бы слишком много дров. А о том, чтобы подойти с топором к темной стене деревьев, не могло быть и речи. К тому же и Гэндальф запретил трогать лес под страхом смерти. Обратились к магу. Он долго смотрел на горы трупов, а потом сказал:

— Оставьте все как есть. Утро вечера мудренее.

К полудню отряд готов был тронуться в путь. Сам король бросил на могилу Хамы горсть земли.

— Велико горе, причиненное Саруманом нашим землям, — сказал он. — Когда мы встретимся, я об этом не забуду.

Отряд провожало множество воинов. К ним присоединились женщины и дети, скрывавшиеся во время битвы в пещерах Агларонда. Они выходили из-под земли с песней победы,

но смолкали в испуге и удивлении при виде дивно поднявшегося на склоне леса.

Возле первых деревьев всадники невольно остановились. И людьми и конями овладело одинаковое чувство робости. Лес стоял темной угрожающей стеной. Меж деревьями клубился плотный туман. Длинные кривые ветви шарили по земле, корни выступали узловатыми жилами, под ними приоткрывались черные провалы. Но Гэндальф во главе отряда спокойно ехал вперед, и, присмотревшись, все увидели под сводами леса словно коридор, в который уходила дорога из Хорне. Сполох, не дрогнув, вступил в этот проход. Всадники последовали за ним. К своему удивлению, они обнаружили, что дорога свободно идет по лесу, а вдоль нее струится говорливый ручей. Они ожидали мрака, а над головами раскинулось чистое небо. Но в глубине леса, по обеим сторонам дороги, деревья стояли словно окутанные плотным сумраком, оттуда доносились стоны и скрипы ветвей, шум неясных голосов, зловещий ропот, приглушенные далекие крики. Ни одного живого существа видно не было.

Гимли снова ехал вместе с Леголасом. Рядом был Гэндальф, но гном недоверчиво косился по сторонам. Лес ему не нравился.

— Здесь жарко, — сказал Леголас магу, — все вокруг пропитано гневом. Чувствуешь, как вибрирует воздух?

Гэндальф молча кивнул.

— Что стало с орками? — размышлял вслух эльф.

— Думаю, этого никто никогда не узнает, — промолвил маг.

Некоторое время они ехали молча. Леголасу очень хотелось остановиться, послушать голоса леса, но он жалел Гимли.

— Странные деревья! Самые странные из всех виденных мною! — воскликнул эльф. — Я знавал не один дуб от желудевой поры до полного одряхления, но таких не встречал. Будь у меня время, я бы с удовольствием побродил здесь. Деревья разговаривают, думаю, со временем я понял бы их.

— Нет, нет, не надо! — вскричал Гимли. — Поедем поскорее. Знаю я их мысли и разговоры знаю. Они ненавидят всех двуногих, а говорят только об убийстве.

— Ты не совсем прав, друг Гимли, — возразил Леголас. — Ненавидят они орков. Они нездешние, их родные долины далеко отсюда, и ни с людьми, ни с эльфами они не знакомы. Я думаю, они пришли из Леса Фангорна, из самых чащоб.

— Тогда это вдвойне опасно, — проворчал Гимли. — Конечно, спасибо им, поработали они славно, но я их не люблю. Может, они и чудо, но то чудо, которое видел здесь я, прекраснее любых рощ и полян. Люди — странные существа, Леголас! Здесь у них под боком одно из самых дивных мест Среднеземья, и что же они говорят о нем? Пещеры! Укрытия на время

войны! Склады продовольствия! Леголас, милый, ты не представляешь, как прекрасны пещеры Агларонда! Если бы весть о них дошла до гномов, сюда началось бы паломничество. Гномы платили бы золотом за короткую прогулку по ним!

— А я бы немало заплатил, лишь бы не попадать туда вовсе! — откликнулся Леголас.

— Неразумны твои слова, но это потому, что ты там не был. Тебе ведь нравятся подгорные чертоги твоего владыки в Сумеречье? Их когда-то помогали строить гномы. Так вот, это жалкие лачуги по сравнению со здешними пещерами. До сих пор у меня перед глазами стоят эти громадные залы, полные музыки звенящей воды. Их подземные озера прекрасны, как Келед Зарам под звездами!

Когда вспыхнули факелы и я вступил под гулкие своды, ах, Леголас, тьма ожила, все вокруг заискрилось и замерцало: камни, кристаллы, древние руды, извивы полупрозрачного мрамора... они светятся, как руки Владычицы Благословенного Края. Там, в глубине залов, стоят колонны, розовые, как заря. Они вздымаются из многоцветного каменного пола к сверкающим сводам. А там!.. Занавесы, прекраснее облаков на закате, копья кристаллов, знамена, башни висячих дворцов. Это великолепие отражается в тишайших водах. Мерцающий мир скрыт в их прозрачных глубинах. Такие залы, такие анфилады не снились и Владыке Дарину. Факелы освещают диковинные палаты, свет проходит через них, сияние меркнет, чтобы вспыхнуть еще большим великолепием в следующем гроте. И так без конца, друг Леголас! Коридоры, штреки, ступени, они уходят в самое сердце гор. Сказочно прекрасны пещеры Агларонда. Я благодарен судьбе, подарившей мне этот дивный сон! Я плакал, когда пришло время уходить.

Леголас давно уже с изумлением глядел на друга. Наконец он тихо и торжественно произнес:

— Да не коснется тебя лихо войны, Гимли. Я желаю тебе снова вернуться сюда. Только не говори о них своему народу. Знаешь, в Рохане есть поговорка: «Семейка гномов с долотом просеет гору решетом».

— Ты плохо знаешь гномов, друг Леголас. Такая красота ни одного из них не оставит равнодушным. Никто из народа Дарина не тронет этих пещер, пусть даже в них найдутся и золото и алмазы. Ты же не станешь рубить для костра цветущее дерево? Мы заботились бы об этих каменных кущах. Осторожно, легкими резцами, по маленькому участочку в день работали бы мы. Несколько лет — и миру явилось бы новое чудо, доселе невиданное. И свет, Леголас! Здесь нужно установить светильники, которые сияли когда-то в Казад Думе. Мы прогнали бы ночь и только изредка позволяли бы ей вернуться.

Леголас покачал головой.

— Друг Гимли, я никогда еще не слышал от тебя подобных речей. Пожалуй, действительно жаль, что мне не довелось повидать этих чудес. Ладно, давай договоримся. Если нам не суждено сгинуть в горниле войны, то после пространствуем вместе. Ты навестишь со мной Лес Фангорна, а я буду сопровождать тебя в пещерах Агларонда.

— Решено, — проворчал Гимли, но было видно, что он доволен. — Я вытерплю даже Лес Фангорна, лишь бы ты смог насладиться красотой этих подземных чертогов.

— Договорились, — подытожил Леголас. — Но сейчас мы покидаем и лес, и пещеры. Смотри, деревья кончаются. Далеко ли до Изенгарда, Гэндальф?

— Для воронов Сарумана — пятнадцать лиг полета. Пять до Бродов и еще десять оттуда до Ворот. За ночь не успеем.

— Что нас ждет там? — не утерпел Гимли. — Ты ведь, наверное, догадываешься?

— В общих чертах, — неопределенно ответил маг. — Вчера на закате я был там, но с тех пор многое могло случиться. Не расстраивайся. Хотя пещеры Агларонда и остались позади, наш поход не будет напрасным.

Отряд вышел из леса. Отсюда одна дорога вела в Эдорас, другая — на север, к Изену. Леголас с сожалением оглянулся и вдруг громко вскрикнул:

— Смотрите! Глаза! Там глаза среди ветвей!

Всадники остановились, удивленные. Эльф повернул коня.

— Ой, только не это! — вскрикнул Гимли. — Сначала спусти меня на землю! Я не хочу к этим глазам!

— Стой, Леголас! — приказал Гэндальф. — Не время тебе возвращаться.

Будто в ответ на его слова из-под полога деревьев выступили три престранные фигуры: высокие, как тролли, сильные, стройные тела-стволы, не то облегающие накидки, не то гладкая серо-коричневая кожа, на длинных руках множество пальцев, волосы густые и жесткие, как молодые ветви, моховые бороды. Смотрели они не на всадников, их глаза были обращены на север. Внезапно единым движением они поднесли руки ко рту, и по долине раскатился чистый, как звук рога, певучий зов. Через мгновение прозвучал ответ, всадники повернули головы и увидели еще несколько подобных существ. Они быстро приближались с севера, их ноги двигались с поразительной быстротой. Многие воины вскрикнули от изумления и схватились за оружие.

— Не надо оружия! — спокойно и звучно произнес Гэндальф. — Это лесные пастухи. Им до нас нет никакого дела.

Пока он говорил, странные существа поравнялись с отрядом, даже не взглянув на него, вошли под своды леса и исчезли.

— Пастухи? — растерянно переспросил Теоден. — Какое же стадо они пасут? Что они такое, Гэндальф? Я вижу, ты знаком с ними?

— Они — Пастыри Деревьев, — ответил Гэндальф, трогая коня. — Ты забыл сказки, которые в детстве слушал у камина. Дети Рохана узнали бы их. Сейчас ты видел энтов, энтов из Леса Фангорна. Ты думаешь, имя Фангорн — позабытая легенда? Ошибаешься, король, все наоборот: это мы для них — мимолетное виденье. Века между Йорлом Юным и Теоденом Старым — мгновение для энтов, а все дела твоей страны — летящий по ветру песок.

Король долго молчал.

— Энты... — промолвил он наконец. — Теперь я и впрямь припоминаю древние сказания. Воистину, я дожил до странных времен. Мы возделывали поля, строили дома, возводили дворцы, холили коней, сражались, а рядом с нами таилось древнее диво. Мы пели о нем детям и не задумывались, о чем поем. А теперь песни и легенды ожили и разгуливают по лугам и долам.

— Тебя это должно радовать, — заметил Гэндальф. — Сейчас угроза нависла не только над хрупкими человеческими жизнями, но и над этими существами из легенд. У тебя есть могучие союзники, король, а ты даже не знал о них.

— Это скорее грустно, — задумчиво произнес Теоден. — Ты не боишься, что после этой войны все чудесное может навеки покинуть Среднеземье?

— Да, так может случиться, — в тон ему ответил маг. — Зло, причиненное Саруманом, не избыть. Но бояться тут нечего. Что бы ни ждало нас впереди — это наша судьба, и нам от нее не уйти.

Отряд скакал к Изенским Бродам. Леголас ехал позади. Солнце садилось за край мира, и когда всадники вглядывались в сторону Гривы Рохана, то видели пылавшее закатными красками небо. Множество зловещих птиц парило под облаками.

— Стервятники слетаются к полю битвы, — нахмурившись, заметил Йомер.

Они скакали легкой рысью; обгоняя их, ночь накрывала степь. Медленно взошла почти полная луна. В ее холодном неверном свете степные просторы напоминали волнующуюся морскую гладь. Глубокой ночью отряд достиг Бродов. Здесь их ждала новая неожиданность. Обычно при приближении к Бродам задолго слышался шум и плеск воды на перекатах. Сейчас над Бродами стояла тишина, нарушаемая лишь волчьим воем. Русло реки было сухим.

— Печальным стало это место, — промолвил Йомер. — Неужели Саруман погубил и ключи, питающие Изен?

— Похоже на то, — мрачно отозвался Гэндальф.

— Много доблестных всадников пало здесь, — вздохнул Теоден. — Нам обязательно идти этим путем? — спросил он у мага.

— Да, — коротко произнес Гэндальф. — Едем.

Отряд спустился к руслу реки. При их приближении заунывный вой оборвался, и стая волков метнулась врассыпную. Сиявшие в лунном свете Белый Всадник и белый конь привели их в ужас. Посреди бывшей реки возвышался островок.

— Смотрите, — показал рукой маг, — здесь потрудились друзья.

В центре острова был насыпан свежий курган, огражденный частоколом из копий.

— Здесь покоятся воины, защищавшие Броды, — торжественно произнес Гэндальф.

— Да будет спокоен их сон! — эхом откликнулся Йомер. — Этот курган охранит Броды Изена, даже когда мечи и копья рассыплются в прах.

— Курган вырос твоими заботами? — спросил Теоден мага. — Много же ты успел совершить за один вечер и ночь.

— Мне помогли Сполох и другие. Я ездил далеко и быстро. Здесь, у кургана, я хочу сказать тебе, король: у Бродов погибли многие, но слухи и страхи без нужды умножили их число. Я собрал здесь большой отряд воинов и направил их к Эркенбранду. Повел их Гримбольт. Те, кто не мог сражаться, остались здесь и насыпали курган. Сейчас Эльфхельм ведет их в Эдорас. Саруман бросил в сражение при Хорне все свои силы, так что огромные пространства можно считать полностью очищенными от орков и волколаков. Поначалу я опасался за Эдорас, но теперь угроза миновала. Можешь спокойно возвращаться.

— Я с удовольствием вернусь, но уверен, жить там мне осталось недолго, — кивнул Теоден.

Отряд отсалютовал мечами кургану, пересек сухое русло и поднялся на противоположный берег. На том берегу снова завыли волки.

От Бродов к Изенгарду вел древний тракт. Сначала он следовал за руслом реки, изгибаясь к востоку и к северу, а перед Изенгардом забирал влево, к западному склону ущелья, и выходил точно к Воротам. Всадники держались обочины — твердая ровная земля, покрытая жесткой короткой травой, была приятнее, чем древние камни тракта. К полуночи от Бродов их отделяло около пяти лиг. У подножия Мглистых Гор встали лагерем. Луна скрылась за хребтом Нан Каранира, и долина перед ними тонула во мраке. Над ней висела плотная пелена дыма и пара.

— Что это значит, Гэндальф? — спросил Арагорн.

— Последнее время здесь постоянно висел дым, — сказал Йомер, — но сейчас здесь больше пара. Не иначе, Саруман варит

колдовское зелье к нашему приходу. Я не удивлюсь, если это он вскипятил весь Изен.

— Может быть, — согласился Гэндальф. — Завтра узнаем, что он там варит. А сейчас — спать.

Воины устроили ночлег на берегу бывшей реки. Вокруг было тихо и пусто.

В самый черный предрассветный час караульные подняли тревогу. По обоим берегам быстро двигалась на север какая-то неразличимая во тьме грозная черная тень.

— Не шевелиться! — приказал Гэндальф. — Оно нас не тронет.

Мгла сгустилась вокруг. С обеих сторон вздымались стены мрака. Воины оказались как бы в узком коридоре. Воздух наполнился гулом неясных голосов, шепотом, бесконечным шелестящим шорохом. Земля дрожала. Отряд долго напряженно всматривался в темноту, но в конце концов что-то, чем бы оно ни было, прошло и скрылось в тени гор.

Незадолго до этого далеко на юге, под стенами Хорне, люди услышали в полночь великий шум. Земля затряслась. По долине словно пронесся ураган. Страх охватил всех. Однако утром никаких следов стихии не оказалось, если не считать исчезновения таинственного леса. Трупы орков тоже исчезли. Трава в долине была совершенно вытоптана, а лигой выше крепостного вала над свежевырытой ямой громоздилась гора камней. Позже место это прозвали Мертвым Холмом. Он так и остался голым и безжизненным. Загадочные деревья больше никогда не появлялись в долине. Они вернулись в темные долы Леса Фангорна, отомстив оркам за все прошлые обиды.

Никто в отряде короля не сомкнул глаз до утра. Однако больше ничего тревожного не произошло. Только перед самым рассветом Изен неожиданно вернулся в свое старое русло.

На рассвете отряд был уже в пути. Перед ними лежала Колдовская Долина, со всех сторон окруженная кольцом скал. Только с юга оставался широкий свободный проход. Когда-то долина была зеленой и прекрасной, а полноводный Изен щедро орошал тучные земли. Теперь все изменилось. Под самыми стенами Изенгарда еще зеленели поля, но обширное пространство превратились в пустыню, поросшую сорняками и колючками. Заросли куманики давали приют каким-то мелким юрким тварям. Не было видно ни одного деревца, зато тут и там чернело множество пней — все, что осталось от знаменитых древних рощ. Печальное это было зрелище. Всадники молча вглядывались в унылый пейзаж.

Еще через несколько миль дорога превратилась в широкую мостовую. Каменные плиты были уложены с величайшим тщанием; ни травинки не пробивалось между ними. По обеим сто-

ронам в каменных желобах журчала вода. Внезапно за поворотом дороги перед ними открылся высокий черный столб. Вершину его венчало изваяние Белой Руки, указательный перст ее был направлен на север. Всем стало ясно, что до Ворот недалеко. Дорогу впереди скрывали плотные клубы тумана. Многие всадники приближались к логову Сарумана с тяжелым сердцем.

В тени отрога Мглистых Гор, внутри Колдовской Долины издревле стоял город-крепость Изенгард. Когда-то он был воздвигнут людьми с Запада, но Саруман, живший здесь с давних пор, тоже вложил немало труда в укрепление и без того неприступной цитадели.

Высокая стена кругом обегала укрепление, оставляя лишь с юга арку-проход, прорубленную в скалах. Проход закрывали огромные кованые двери. Петли были замурованы глубоко в камень и вывешены так искусно, что створки распахивались от легкого толчка изнутри. За дверьми лежала равнина, прочерченная прекрасными дорогами, вдоль них высились мраморные, гранитные, железные столбы, соединенные тяжелыми цепями. Многочисленные жилища были вырублены в скалах, там жили мастера, слуги, рабы и воины, размещались склады оружия и продовольствия. В глубоких логовах жили и кормились волколаки. Равнина была изрыта шахтами и штольнями. Глубоко под землей таились сокровищница и секретные мастерские Сарумана. Всюду вращались большие колеса, стучали молоты. Ночами султаны пара, подсвеченные багровым или ядовито-зеленым светом, вырывались на поверхность из отдушин.

Дороги в ограждениях из цепей сбегались к центру долины. Там высоко вздымалась удивительная башня. Это было творение древних зодчих: черный, глубокого блеска пик, составленный четырьмя, сведенными наверху в один, многогранными каменными столбами. У вершины они расходились четырьмя клювами с неправдоподобно острыми концами и заточенными гранями. На них опиралась небольшая площадка, исчерченная таинственными письменами. Высота площадки над основанием башни составляла пятьсот футов. Башня была цитаделью Сарумана и называлась Ортханк, что означало на эльфийском языке Горный Клык, а на древнем наречии Рохана, волею случая, — Коварный Разум.

Удивительной крепостью был Изенгард, великие властители жили здесь в древности: западные стражи Гондора и мудрецы, следившие ход звезд. Постепенно Саруман приспособил Изенгард для своих целей. В ослеплении ему казалось, что он улучшил планировку, на самом же деле все его хитроумные переделки лишь исказили мудрую простоту древних строителей до неузнаваемости, ведь подсказаны они были Мордором. Так что теперь зоркий глаз уловил бы сходство Изенгарда с

Барад Дуром, но это было сходство детской модели с грозным Черным Замком, в своей неисчислимой мощи усмехавшимся над таким соперничеством.

Такой была крепость Сарумана, как гласила о ней молва, ибо на памяти людей Рохана никто не входил в ее ворота, кроме таких, как Грима, но они ничего не рассказывали.

Гэндальф миновал столб с Белой Рукой как ни в чем не бывало. В рядах всадников послышался глухой ропот: многие заметили, что Рука вдруг покрылась бурыми пятнами, а ногти на ней словно запятнаны кровью. Но Гэндальф ехал дальше, и люди с опаской последовали за ним. Дорогу, как после наводнения, сплошь покрывали неглубокие лужи и маленькие ручейки, пробиравшиеся среди камней.

Около полудня Гэндальф остановился. Туман у него за спиной рассеялся, сквозь легкую дымку светило неяркое солнце. Они добрались до Ворот Изенгарда.

Собственно, самих Ворот не было. Сорванные с петель, искореженные до неузнаваемости обломки валялись на земле. Каменное крошево покрывало все вокруг. Вместо арки зиял огромный пролом, привратные башни были разбиты вдребезги. Если бы даже Великое Море обрушило на Ворота ярость своих валов, это бы не причинило больших разрушений. Вся равнина впереди была залита водой. Над ней клубился пар. Кое-где вода кипела, в водоворотах крутились обломки балок, бочки, части каких-то сложных механизмов. Там и сям торчали сломанные или согнутые столбы. Цепи были оборваны. Только Ортханк, высокий и темный, нетронутым вздымался над этим хаосом разрушений. У его подножия плескались волны.

Всадники в полном оцепенении созерцали разгром, царящий во владениях Сарумана. Ясно было, что над его властью возобладала какая-то другая, более мощная сила, но какая и как — этого нельзя было представить. В растерянности они перевели взгляд на развалины Ворот и у самой стены обнаружили две маленькие фигурки. В серых плащах, почти незаметные между камней, они вальяжно развалились в тени стен в окружении блюд, бутылок и чаш. Похоже было, что они только что плотно отобедали и теперь вкушают заслуженный отдых. Одна из фигурок казалась спящей, другая, закинув руки за голову, выпускала изо рта маленькие колечки голубоватого дыма.

Теоден, Йомер и всадники в немом изумлении наблюдали за неведомыми существами. Посреди развалин могучей крепости зрелище было фантастичным. Король привстал на стременах, в это время маленький курильщик заметил их и живо вскочил на ноги. На первый взгляд это был юноша невысокого роста с вьющейся густой каштановой шевелюрой. Теперь, когда он стоял, король и всадники обратили внимание на его

плащ: в таких же плащах неуловимо меняющегося цвета прибыли в Эдорас спутники Гэндальфа.

Между тем незнакомец учтиво поклонился королю, приложив руку к груди. Ни на Гэндальфа, ни на его друзей он подчеркнуто не обращал никакого внимания.

— Добро пожаловать в Изенгард, повелитель, — приятным голосом произнес он. — Мы охраняем Ворота. Меня зовут Мериадок Брендискок, а мой товарищ (прошу прощения, он очень устал) — Перегрин Тук. Мы с Севера. К сожалению, многомудрый Саруман с неким Гримой Червословом заняты неотложными делами в Ортханке и не могут покинуть его, а то бы они, конечно, не преминули сами приветствовать столь почетных гостей.

— А как же! — рассмеялся Гэндальф. — Уж не Саруман ли поручил тебе встречать за него гостей?

— Нет, сударь, он был очень занят, — серьезно отвечал Мерри. — В настоящее время Изенгардом управляет Фангорн. Его поручение мы и выполняем. Он дал нам точные инструкции: встретить короля Рохана и приветствовать его подобающим образом. Я сделал все, что мог.

— А я, а Леголас?! — взорвался Гимли. — Мошенники вы, лентяи шерстолапые! Мы носимся сломя голову по полям и лесам, сражаемся и скачем, лишь бы выручить вас из беды, а вы тут пируете себе! А табак?! Где вы взяли табак? Молот и клещи! Я сейчас лопну либо от злости, либо от радости, я сам не знаю, чего во мне больше!

— Ты сказал и за меня, друг Гимли, — усмехнулся Леголас. — Посмотри-ка, у них здесь и вино есть. Где они его нашли?

В этом месте Пиппин приоткрыл один глаз и проворчал:

— Мы много чего нашли. А вот вам бы еще поискать ясности мышления. Любому зрячему видно, что мы находимся на поле брани среди военных трофеев и, как подобает победителям, заслуженно пользуемся кое-какими из них.

— Заслуженно? — недоверчиво переспросил Гимли. — Не верится что-то.

Всадники, слушая эту перепалку, хохотали до слез.

— Так, — промолвил Теоден. — Я полагаю, твоя пропажа нашлась, Гэндальф? Воистину удивительный сегодня день. С тех пор как я покинул Золотой Дворец, мне повстречалось уже несколько легенд, а теперь вот еще одна... Ведь это полуросли ки? У нас их когда-то называли холбитлане...

— Хоббиты, с вашего позволения, правитель, — поклонился поднявшийся на ноги Пиппин.

— Хоббиты? — переспросил Теоден. — Язык ваш странно изменился, впрочем, это название ничуть не хуже. Я вижу, наши старые предания не очень-то точно описывали вас.

Мерри и Пиппин разом поклонились.

— Вы очень добры, повелитель, — с достоинством произнес Пиппин. — Но вот уж чудо так чудо! Мне пришлось побывать во многих землях, но я впервые встречаю народ, сохранивший о хоббитах предания.

— Ну, это-то неудивительно, — с улыбкой отвечал Теоден. — Когда-то мой народ пришел с севера. Правда, я неточно выразился. У нас нет преданий о хоббитах. Нам известно лишь, что в древности далеко-далеко отсюда, за горами и реками жил маленький народец, обитавший в норах. Но сказаний об их подвигах нет. Говорят, это потому, что дела их невелики, людей они избегают и могут пропадать из виду прямо на глазах да еще щебетать, как птицы. Но теперь я вижу, характеристику эту надо бы дополнить.

— Воистину так, государь, — согласился Мерри.

— Вот, например, — Теоден заинтересованно наклонился с седла, — я никогда не слышал об их способности выпускать дым изо рта. Может быть, хоббиты ведут свой род от драконов?

— Вот уж нет! — фыркнул Мерри. — Искусством курения мы владеем не так уж давно. Тобольд Дудкинс из Долгой Долины вырастил первый настоящий табак году эдак в 1070-м по нашему счету. Вот где старый Тоби взял рассаду...

— Ты не знаешь, что тебе грозит, правитель, — прервал хоббита Гэндальф, пряча улыбку в бороду. — Хоббиты могут запросто, сидя на развалинах завоеванных ими крепостей, рассуждать о маленьких свершениях своих предков до двенадцатого колена включительно, было бы кому слушать. Об истории курения мы поговорим в другой раз... Где Фангорн, Мерри?

— Поищи его с северной стороны, — с едва заметным неудовольствием от того, что его прервали, посоветовал Мерри. — Он пошел попить чистой воды. Другие энты все еще работают, вон там, — Мерри махнул рукой в сторону дымного озера, и все услышали дальний треск и грохот. Ветер донес оттуда торжествующее *хуум-хом*.

— А Ортханк остался без охраны? — быстро спросил Гэндальф.

— Там кругом вода, — беспечно отмахнулся Мерри. — Да ты не беспокойся, Скородум и другие присматривают за ним. Видишь столбы на равнине? Так вот, не все они поставлены Саруманом.

— Да, — подтвердил Леголас, — я вижу. Там стоит высокий энт. Он действительно похож на придорожный столб.

— Ладно. Уже полдень. — Гэндальф взглянул на небо. — Мы последний раз ели перед рассветом... Но мне надо повидать Фангорна. Он ничего не велел передать? — обратился маг к хоббитам. — Или тарелки и бутылки отшибли вам память?

— Скажешь тоже, тарелки... — обиженно засопел Мерри. — Я как раз собирался сказать, да меня отвлекли. Я должен был

передать, что Фангорн рад будет приветствовать короля Рохана и Гэндальфа Белого, если они подъедут к северной стене Изенгарда. Там их, кстати, ждет угощение, приготовленное не без помощи ваших покорных слуг, — он поклонился.

Гэндальф рассмеялся.

— Вот это другое дело! — воскликнул он и обернулся к королю. — Ну, Теоден, едем к Фангорну? Это недалеко. Познакомившись с ним, ты многое поймешь. Фангорн — старейшина и управитель энтов, кроме того, это один из самых древних жителей Среднеземья.

— Конечно, поедем, — кивнул Теоден. — Прощайте, любезные хоббиты. Мы обязательно должны встретиться у меня во дворце. Там нам никто не помешает, и мы славно побеседуем у камина о ваших подвигах и о делах ваших предков. К тому же мне интересно узнать конец истории о Старом Тобольде и его увлечении ботаникой. Прощайте!

Хоббиты низко поклонились.

— Вот он какой, король Рохана! — пробормотал себе под нос Пиппин. — Славный старикан! И такой любезный...

Глава 9
НА РУИНАХ

Гэндальф и Теоден со свитой направились вдоль разрушенных стен Изенгарда туда, где их ждал старейшина энтов, но Арагорн, Леголас и Гимли остались с хоббитами.

— Ну вот, — сказал Арагорн, — охота кончилась, и мы снова вместе, причем там, где никто из нас и не думал оказаться.

— И пока великие мира сего заняты высокими материями, — добавил Леголас, — охотники наконец смогут получить ответы на маленькие загадки, с которыми они встретились. Мы проследили ваш путь до леса, но многого пока не понимаем.

— Нам тоже интересно, — ворчливо отозвался Мерри. — Фангорн рассказывал кое-что, но мало.

— Всему свое время, — сказал Леголас. — Ведь это мы охотились за вами, вот вы и рассказывайте.

— Нет, сначала мы должны позавтракать, — вмешался Гимли. — У меня рана ноет, да и солнце уже высоко. Ладно, я готов забыть половину наших мытарств из-за вас, если вы, бездельники шерстолапые, добудете и нам чего-нибудь пожевать.

— Что предпочитаете? — тут же откликнулся Пиппин. — Завтрак на травке или под крышей, там поуютнее? Вон под той аркой у Сарумана была привратницкая. Мы-то выбрались сюда, чтобы приглядывать за дорогой.

— Да уж видели мы, как вы приглядывали! — фыркнул Гимли. — Только в орочью нору я не полезу и к орочьей еде не притронусь.

— А никто и не предлагает, — вмешался Мерри. — Хватит с нас орков. Саруман ведь тоже не очень на них полагался. Ворота у него люди охраняли, и кормил он их, между прочим, вполне прилично.

— И трубочным зельем снабжал? — уточнил Гимли.

— Много чести, — засмеялся Мерри. — Трубочным зельем мы после завтрака займемся, тогда и расскажем, что и как.

Хоббиты прошли под аркой, уверенно свернули влево, поднялись по ступенькам и открыли широкую дверь. В главной комнате полуразрушенной привратной башни горел камин, а через проломленную крышу падал свет.

— Это я разжег огонь, — пояснил Пиппин. — Туман тут стоял такой, что все отсырело. Хорошо, что дымоход уцелел, тянет так, что любое сырье разгорается мигом. Сейчас я вам хлеб поджарю, а то он немножко зачерствел.

Пока все рассаживались за длинным столом, хоббиты быстро натаскали множество посуды и всякой снеди.

— Нам повезло, кладовая рядом и ее не залило, — продолжал объяснения Пиппин.

— Ты зря морщишься, Гимли, — сказал Мерри. — Это не орочье хлебово, а «человечья еда», как говорит Фангорн. Вам вина или пива? Рекомендую. И солонина отменная. А хотите, поджарю ветчинки? Вот с зеленью туговато — три дня назад подвоз неожиданно прекратился. На сладкое только масло и мед. Пойдет?

— Вполне, — степенно ответствовал Гимли, и гости приступили к трапезе. Хоббиты присоединились к ним. «За компанию», — сказали они.

— Экие вы сегодня учтивые! — засмеялся Леголас. — Ручаюсь, не появись мы, вы бы опять составили компанию друг другу.

— Почему бы и нет? У орков кормили плохо, а до них — мало, — сказал Пиппин. — Давно не случалось нам душевно подзакусить.

— Ну, на вас плохая кормежка не очень отразилась, — сказал Арагорн. — Вид у вас цветущий.

— Точно, — подтвердил Гимли, разглядывая их поверх кубка. — Волосы закудрявились, и сами вроде бы подросли — это в вашем-то возрасте! Не похоже, чтобы Фангорн морил вас голодом.

— Энты только пьют, — объяснил Мерри, — ничего не скажешь — питательно, но маловато. А потом, даже *лембас* приедается.

— Так вы пили из Реки Энтов? — переспросил Леголас. — Тогда Гимли прав. Много странного поют про питье Фангорна.

— Расскажите же, что вы видели, — попросил Арагорн. — Я никогда не бывал на землях энтов.

— Энты, — с готовностью начал Пиппин, — энты, они... разные. А глаза у них... глаза, как у... — Он запнулся, перебирая слова, и умолк. — Да вы их сами видели, — сказал он наконец, — они вас, во всяком случае, видели, они нам и сказали, что вы сюда направляетесь. Вот посмотрите на них вблизи и сами все поймете.

— Нет уж, — запротестовал Гимли, — начни-ка с начала, с того дня, как мы расстались.

— Сначала предлагаю набить трубки, — сказал Мерри, — тогда можно будет представить, что мы опять в Брыле или у Элронда. Мы с Пиппином славно потрудились с утра. Столько всякого добра тут плавало! Пиппин добыл два бочонка с трубочным зельем. Из личных запасов Сарумана, не иначе. И ничуть не подмок.

Гимли размял щепоть табака между пальцами.

— Пахнет неплохо и на ощупь приятный.

— Да лучшего и желать нельзя! — ответил хоббит. — Милый Гимли, это же «Лист Долгой Долины»! На бочонках есть личная торговая марка Дудкинса. Вот уж не думал встретить ее так далеко!

— Эх, трубка моя потерялась, — вздохнул гном, — то ли в Мории, то ли еще раньше. Не найдется ли чего среди трофеев?

— Ни единой, — ответил Мерри. — Это удовольствие Саруман приберегал для себя. Я думаю, не стоит сейчас ломиться в Ортханк с такой просьбой. Покурим по очереди, как подобает друзьям.

— Стоп! — сказал Пиппин и вытащил глубоко запрятанный кисет, а из него две трубки. — Вот, хранил, как Кольцо, можно сказать. Эта — моя любимая, вересковая, а эту, совсем новую, вишневую, могу тебе предложить. Уладит ли она наши счеты?

— Достойнейший хоббит! — вскричал Гимли. — Да я у тебя в неоплатном долгу!

— Давайте-ка выйдем, поглядим на небо, — предложил Арагорн.

Они выбрались из сторожки и расположились на обломках ворот. Отсюда хорошо просматривалась долина. Ветер потихоньку разгонял густые испарения.

— Приятно беседовать с друзьями на развалинах взятых ими крепостей, как верно заметил наш вечно занятый Гэндальф. — Арагорн завернулся в плащ, вытянул ноги и откинулся на спину, с наслаждением затягиваясь.

— Гляньте-ка! — сказал Пиппин. — Наш Колоброд вернулся.

— А он и не исчезал, — ответил Арагорн. — Я — Колоброд, я же и Дунадан. Я равно принадлежу и Северу и Гондору.

Они помолчали. Леголас, не мигая, смотрел на солнце и принялся было тихонько напевать что-то, но оборвал себя и воскликнул:

— Да рассказывайте же! Время уходит, туман рассеивается — во всей долине только дым от ваших корешков и остался!

— Рассказ начнется с того, как я проснулся ночью в орочьем лагере, связанный по рукам и ногам, — начал Пиппин. — Подскажите-ка, какое сегодня число?

— Пятое марта по счету Шира[1], — подсказал Арагорн, и Пиппин начал по пальцам высчитывать, когда они расстались.

— Всего-то девять дней?! А мне казалось — не меньше года. Это было как в кошмаре! Дня три я могу припомнить, а если забуду что-нибудь важное, Мерри поправит. А прочую мерзость и помнить незачем.

И Пиппин стал рассказывать о гибели Боромира, о бегстве с орками и от них, а «охотники» кивали, когда их прежние догадки подтверждались.

— Вот, кстати, ваши сокровища, — Арагорн снял с пояса мечи и протянул хоббитам.

— О! А я уж и не ждал его увидеть, — обрадовался мечу Мерри. — Им таки пришлось побывать в деле. Углук отнял. Ух, и рассвирепел же он! Я думал — убьет на месте, а он только отшвырнул их прочь, как будто обжегся.

— А вот твоя застежка, Перегрин, — продолжал Арагорн. — Это ценная вещь, не стоит ею бросаться.

— Знаю, — ответил Пиппин. — Но что оставалось делать?

— Ты молодец, — одобрил Арагорн. — Несвободен тот, кто не может расстаться с сокровищем в час нужды.

— Тебе повезло, что удалось перерезать веревки, а уж свою удачу ты из рук не выпустил, — одобрил Гимли.

— Чем немало меня озадачил, — сказал эльф. — Я думал, у тебя крылья выросли.

— Увы, — вздохнул Пиппин. — Я еще про Гришнака не рассказал...

Он вздрогнул и решительно умолк, предоставив эту часть рассказа Мерри.

— Меня здорово беспокоит то, что вы сказали об орках из Барад Дура, Лагбура, как они его называют, — Колоброд потер лоб. — Темный Владыка и так знает слишком много, а этот Гришнак наверняка сообщил ему о сваре с саруманoвыми орками. Значит, теперь Око следит за Изенгардом... А Саруман сидит в клетке, которую сам же себе и выстроил.

— Да, ему не позавидуешь, — сказал Мерри. — С Роханом и энтами ему крупно не повезло.

— Пять дней назад мы встретились с Саруманом на краю леса, — вспомнил Гимли.

— Дайте-ка сообразить, — наморщил лоб Мерри. — Наутро после битвы мы встретили Древобородa и в тот же день ночевали у него. На следующее утро было собрание у энтов —

[1] По календарю Шира в каждом месяце 30 дней.

в жизни не видел ничего чуднее! Энты совещались два дня, а мы были со Скородумом. На третий день к вечеру энты выступили. Больше всего это было похоже на грозу.

— Они шли и пели, и если бы Саруман услышал их — удрал бы за сотню миль, даже пешком, — вставил Пиппин.

На Изенгард! Трубят рога! На замок подлого врага!

Там было еще много, а вместо слов — словно трубы и барабаны. Очень возбуждает. Но я-то думал, пока не попал сюда, что это только песня...

— А потом ночь настала. Мы как раз спустились в Нан Каранир, — продолжал Мерри, — и тут я почувствовал, что за нами лес идет. Я уж подумал было, что вижу энтийский сон, но тогда и Пиппину снилось то же самое. Мы оба испугались — ведь непонятно же! А это были *хуорны*. Так энты зовут их на «кратком наречии». Древобород о них не очень-то распространялся, но, как я понял, это энты, которые уже почти одеревенели. Знаете, бывают такие могучие деревья на опушке, как часовые... А в чащобах их, должно быть, целые сотни.

В них скрыта великая сила, и они умеют облекаться в сумрак, поэтому трудно увидеть, как они ходят. А если их разозлить, то ходят они быстро. Вы стоите себе, глядите в небо или там слушаете птичек и вдруг оказываетесь в середине дремучего леса! Они еще могут говорить с энтами, но уже здорово одичали и поэтому очень опасны. Не будь рядом настоящих энтов, я не рискнул бы встретиться с ними.

Так вот, мы спустились в Колдовскую Долину — все энты и хуорны. Луна из-за облаков не показывалась, в темноте только и слышен был шум да скрип, как при сильном ветре в чаще. Вскоре после полуночи вековой лес вырос у северных стен Изенгарда. Удивительно, но орков было не видать. Только высоко в башне светилось окно.

Древобород и еще несколько энтов двинулись на разведку к воротам. Мы сидели у Древобороду на плечах и чувствовали, как он дрожит от возбуждения. Но даже взволнованные, энты терпеливы и осторожны. Они могут замирать, как статуи.

И вдруг — переполох! Затрубили трубы, со стен начали трубить в ответ. Мы уж решили, что нас обнаружили и начинается битва. Ничуть не бывало! Просто армия Сарумана двинулась на Рохан. Я не знаю, что там стряслось, он, верно, решил покончить с королем одним махом. Изенгард опустел. Мимо шли и шли просто орки, орки верхом на волках, люди с факелами, все больше высокие, темноволосые, и косоглазые смуглые люди с орочьими мордами. Они напомнили мне того южанина из Брыля, только он все-таки больше походил на человека.

— Я тоже его вспоминал, — задумчиво произнес Арагорн. — Мы насмотрелись на этих полуорков в Хельмовой Пади. Тот-

то, из Брыля, пожалуй, и вправду служил Саруману, но вот ему ли одному — не знаю. Они ведь по натуре предатели...

— Их было тысяч десять, — продолжал Мерри. — Целый час они шли через ворота. Одни направились к Бродам, другие — на восток, через мост. Шумели они ужасно. Я уж решил, что дела Рохана совсем плохи. Но Древобород не шелохнулся, лишь сказал: «Нынче ночью я занимаюсь только камнями и скалами».

Точно не знаю, но, по-моему, хуорны все же пошли вслед за орками. Поутру я видел непроницаемый сумрак внизу, в долине.

Войска ушли, и вот тогда настал наш черед. Фангорн опустил нас на землю, начал стучать в ворота и звать Сарумана. Ему ответили залпом стрел. Но стрелы для энта — это комары для нас. Они не вредят, а только раздражают. Фангорн рассердился и начал «поторапливаться», как он говорит. Он протрубил — знаете, так: «*Ху-ум-хум*», и подозвал нескольких энтов. Друзья мои! Разгневанный энт — это, я вам скажу, что-то ужасное! Я никогда не видел ничего подобного. Руками и ногами он впивается в скалу и раздирает ее, как краюху хлеба. В несколько минут он проделывает то, для чего корням дерева нужны сотни лет. Они мигом превратили ворота в груду мусора и принялись за стены. Я не знаю, ведал ли Саруман, что происходит, но сделать-то все равно ничего бы не смог. Магия его могла, конечно, и поуменьшиться. Только я думаю, у него просто не хватит мужества остаться вот так, одному, без рабов, без всяких там устройств, приспособлений и других штуковин. Не то что старина Гэндальф. Может, и вся-то слава Сарумана лишь оттого, что он ухитрился поселиться в Изенгарде.

— Ну, это ты зря, — задумчиво сказал Арагорн. — Когда-то он был велик. Глубочайшие знания, проницательный ум, искуснейшие руки. Он и сейчас еще могуч. Много знает и умеет. У него есть власть над душами. Мудрого он убедит, слабого запугает. Даже теперь, когда он потерпел поражение, едва ли в этом мире кто-нибудь может говорить с ним без опаски. Разве что Гэндальф, Элронд и Галадриэль, других я не знаю.

— С энтами ему не справиться, — пренебрежительно ответил Пиппин. — Однажды ему удалось их обмануть, но больше они не попадутся. Он никогда не понимал их, да и в расчет не принимал, а теперь поздно. Как только энты напали, Саруманы крысы начали удирать из всех щелей. Людей энты допрашивали и отпускали, только с этой стороны их десятка три набралось. Из орков не ушел никто. Хуорны окружили Изенгард.

Когда энты пообломали южные стены, а слуги предали и удрали, Саруман струхнул.

Он как раз стоял у ворот, должно быть смотрел, как марширует его изумительная армия. А когда энты быстренько раз-

валили ворота, ему пришлось удирать. Тут проглянули звезды, Скородум углядел его и закричал: «Древоубийца! Древоубийца!» Скородум вообще-то очень чувствительный, но Сарумана ненавидит люто. Его народ жестоко пострадал от орочьих топоров. И, надо сказать, Саруман едва успел захлопнуть за собой двери Ортханка.

Он привел в действие свои подземные машины, у него их тут много, обжег и поранил многих энтов. Это их окончательно разъярило, и они устроили целое землетрясение. Мы с Мерри спрятались, но что толку? Энты обстреливали башню каменными глыбами и обломками столбов, даже сами кидались на нее, только напрасно. Один Древобород не потерял хладнокровия. Он опасался, что энты в ярости поранят себя, и боялся, что Саруман выскользнет через какую-нибудь щель.

Так что Древобород вышел в круг и заговорил, и его голос легко перекрыл весь шум и грохот. Вдруг стало тихо, только из верхнего окна башни доносился пронзительный смех. Настроение у энтов сразу изменилось. До этого они прямо кипели от гнева, а тут разом смолкли и посуровели. Фангорн о чем-то поговорил с ними — посвятил в свой план, который наверняка придумал заранее, — и все исчезли, просто растаяли в предутреннем сумраке.

У башни остались стражи, хоть их и не было видно. Остальные ушли на север, и там весь день шла работа. Мы остались одни, и так страшно было — казалось, окна Ортханка смотрят прямо на нас. А энты и хуорны копали ямы и канавы, строили запруды, ворочали скалы и в конце концов собрали в один поток не только Изен, но и все родники и притоки.

В сумерках вернулся довольный Древобород. «Ух, запыхался, — сказал он. — Сейчас бы глоток воды из Энтовой Купели. Давненько мы так славно не трудились! Ночью придет вода, поберегитесь. Поначалу она будет довольно грязной, пока не смоет всю здешнюю мерзость. Тогда Изен опять станет чистым». И он еще немножко поломал стены, так просто, для удовольствия.

Мы уже присматривали спокойное местечко, где бы поспать, когда случилось самое удивительное. Примчался всадник, весь в белом и на огромном коне, отливающем серебром. Я смотрел и не верил своим глазам, крикнуть не мог, только стоял и шептал. А он? Может, думаете, он сказал: «Привет, Пиппин, вот так приятная встреча»? Ничего подобного! Он крикнул: «Эй, Пиппин, где Фангорн? Он мне срочно нужен!» Фангорн был рядом. Они вовсе и не удивились друг другу — как будто знали, что должны здесь встретиться. Я-то все гадал, почему Фангорн так странно на меня посмотрел, когда мы рассказывали ему про Морию. Энты никогда «не спешат», он и не сказал нам ни словечка. Зато Гэндальф всегда спешит так, что за ним и эльфу не уследить!

«Хуум! Гэндальф! — сказал Древобород. — Я рад, что ты пришел. Камни, вода, колеса, леса — это по моей части. Но здесь нужен маг, чтобы заправлять всем». «Древобород, — сказал тот, — я за помощью к тебе. Вы сделали много, но надо еще больше. Надо управиться с десятком тысяч орков».

Они посовещались в сторонке. Должно быть, Фангорну разговор показался слишком поспешным, и то правда, Гэндальф очень спешил. Они вернулись, и вот тут-то Гэндальф наконец сказал, что рад нас видеть. «Где же ты был? — сунулся было я. — И где остальные?» — «Где был, там меня уже нет, — отвечал он в своей неподражаемой манере. — Кое-кого видел, об остальном — потом, я спешу. Ночь темна, может, к утру просветлеет. Тогда и свидимся. Держитесь подальше от Ортханка. Привет!»

Он умчался, а Древобород долго перебирал в уме то, что услышал. «Не такой уж вы торопливый народец, как я погляжу, — сказал он нам. — Вы выложили куда меньше того, что знали, и не больше того, что следовало. Что ж, вязанка вестей и новая забота!»

Он рассказал немножко о битве, которая вот-вот начнется или уже идет, позвал хуорнов и исчез до утра. А мы все думали про вас, и про Фродо с Сэмом, и про Боромира — и опять про вас, и так боялись, что вы не вернетесь из этой битвы.

Была уже глухая ночь. Мы лежали на какой-то груде камней и в двух шагах ничего не видели. То ли тень, то ли туман накрыли все вокруг, как одеялом. Воздух стал горячим и душным. Вокруг был шелест, скрипы, гул голосов. Наверно, другие хуорны тоже отправились сражаться. Потом на юге началась гроза. Молнии сверкали над всем Роханом. Мы даже отсюда видели горные пики — вспыхнут, белые на черном, и опять исчезнут. А за спиной у нас шумело, как от грома в горах, и гул шел по всему ущелью.

Наверно, после полуночи энты сломали дамбу и впустили всю собранную воду через пролом в северной стене Изенгарда. Хуорны ушли, тьма рассеялась, гром укатился на юг, а на небе даже появилась луна.

Изенгард вдруг стал набухать черными извивающимися ручьями и лужами, блестевшими в лунном свете. Вода находила все новые щели, просачивалась под землю. Шипел пар. Дым поднимался столбами. То и дело что-нибудь взрывалось. Наконец Изенгард стал походить на огромную кастрюлю, в которой все кипело и булькало.

— Прошлой ночью мы видели клубы дыма и пара, — сказал Арагорн, — и решили, что Саруман готовит какую-нибудь новую пакость.

— Куда ему! — махнул рукой Пиппин. — Поди, сидит и трясется. Вчера утром вода залила все дырки. Стоял жуткий

туман. Мы заняли было комнату стражи и порядком перепугались, когда вода стала быстро подниматься. К счастью, мы нашли лестницу и выбрались наверх, на арку ворот. Мы сидели там и смотрели, как тонет Изенгард. Вода прибывала, пока не погас последний огонь. Туман, наверное, в милю толщиной, накрыл крепость, как зонтиком. А какая была радуга на восточных склонах! Потом настала тишина. Только волки выли вдали. А под утро энты вернули Изен в прежнее русло. Это и был конец.

С тех пор вода спадает. Наверное, через пещеры уходит. Нам было жутко, сыро, холодно, одиноко. Казалось, что-то вот-вот случится. Саруман-то все еще в башне. Ночью поднялся шум — будто ветер пробежал по ущелью. Должно быть, энты с хуорнами вернулись. Только куда они все потом подевались, я не знаю. Настало промозглое утро, мы спустились, огляделись — никого нет. Вот, больше и рассказывать нечего. Теперь-то здесь почти уютно. Да и безопасно, раз Гэндальф вернулся. Впору вздремнуть!

Все помолчали. Гимли снова набил трубку, раскурил ее и заговорил:

— Одного я не понимаю. Вы сказали, что здесь был Грима. Это имя нам знакомо. Как он попал сюда?

— Про него-то я и забыл,— повинился Пиппин.— Он прискакал сегодня утром. Мы как раз развели огонь и завтракали, и тут Древобород пришел и позвал нас.

«Зашел проведать, как вы тут,— прогудел он,— а заодно сказать, что все хорошо. Хуорны вернулись, и все идет замечательно! Нет больше орков в Изенгарде, нет больше орочьих топоров! Уже сегодня с юга придут те, кого вы будете рады увидеть».

Он едва успел договорить, как на дороге послышался топот копыт. Мы выскочили за ворота, я во все глаза глядел: думал, Гэндальф или Колоброд к нам торопятся. А из тумана выскочил такой скрюченный человечишка на старой кобыле, посмотрел на весь этот разор, позеленел с лица и рот разинул. Нас он увидел не сразу, а когда заметил, то вскрикнул и кинулся обратно. Но тут Фангорн в два шага догнал его и снял с седла. Лошадь убежала, и он висел, как мышь у кошки в лапах. Фангорн расспросил его, и тот ответил, что его зовут Грима, что он друг и советник Теодена, послан от него к Саруману с важными вестями.

«Никто не рискнул ехать ночью по равнине, кишмя кишащей орками,— заявил он,— пришлось мне. Путь был тяжел и опасен, я устал. Волки всю дорогу преследовали меня».

Я увидел, как он косится на Древоборода, и решил про себя: «врет». А Древобород долго разглядывал его, пока он не

растекся по полу, и наконец сказал: «Давненько я тебя жду, Червослов». Тот аж вздрогнул. «Гэндальф рассказал мне, кто ты и что с тобой делать. Сажай всех крыс в один капкан, так он мне велел. Я теперь хозяин Изенгарда, а Саруман сидит в своей башне, так что отправляйся к нему и передавай свои важные известия».

Грима только глянул за ворота и отскочил, хотел немедленно возвращаться в Эдорас, но Фангорн не пустил. Стой, говорит, со мной, и жди, пока придет Гэндальф или твой хозяин, или иди к башне вброд. Он предпочел второе. Вода доходила ему до ушей, но Фангорн провожал его, пока в башне не открылась дверь и этого Гриму не втащили внутрь.

«Думаю, там ему понравится, — сказал Фангорн, когда вернулся к нам. — А теперь я должен пойти и смыть с себя эту слизь. Если я кому понадоблюсь, пусть ищут с северной стороны. Здесь не осталось чистой воды. Энту ни попить, ни выкупаться. Так что мне вас придется попросить приглядеть пока за воротами. Сам король степей Рохана должен приехать, не кто-нибудь! Его люди только что разбили орков. Поприветствуйте его, как там у вас положено. Много этих королей я видел на зеленых равнинах, да так и не удосужился узнать их имена и языки. Наверно, им нужна человечья еда. Поищите пока, чем можно покормить короля». Вот теперь действительно все. А кто такой этот Червослов? Неужели такая крыса действительно была советником правителя?

— Да, — ответил Арагорн, — но он был еще слугой и шпионом Сарумана. Он получил по заслугам. Увидеть гибель Изенгарда, который он всегда считал непобедимым, — для него это в самый раз. Но мне сдается, его ждет кое-что похуже.

— Я тоже так думаю, — отозвался Мерри. — Насколько я понял, старик Фангорн отправил его в башню не потому, что пожалел. Очень уж он ехидно посмеивался, когда вернулся. Он ушел купаться и пить воду, а мы все обшарили — и что водой прибило, и две-три кладовки нетронутые нашли. «Нам нужна человечья еда душ на двадцать пять», — сказали нам энты, когда пришли за припасами, так что вас уже успели сосчитать. Энты, правда, думали, что вы отправитесь с великими мира сего, но, — Мерри подмигнул, — вы не прогадали. Здесь ничуть не хуже, чем там, клянусь. Даже лучше, потому что там выпивки нет. «Вода Изена хороша и энтам и людям», — сказал Фангорн, но мы подумали, что вы сильно устали и проголодались. А лучший наш трофей — это бочонки из Долгой Долины. Вот так все и складывалось.

— Теперь наконец мне все ясно, — сказал Гимли.

— Кроме одного, — заметил Арагорн. — Похоже, Саруман нашел себе прислужников среди хоббитов, иначе откуда бы здесь взяться трубочному зелью? Я слишком хорошо знаю, какие дикие земли лежат между Брылем и Роханом. Какого года

бочонки? Позапрошлого? Что ж, будем надеяться, что плохое уже позади. Сделать-то мы все равно пока ничего не можем. Но надо будет сказать Гэндальфу...

— Уже за полдень, а его все нет, — сказал Мерри. — Пойдем поищем его. А ты, Колоброд, поглядишь на Изенгард. Зрелище, правда, не из приятных.

Глава 10
ГОЛОС САРУМАНА

Арагорн и его друзья миновали разрушенный туннель и, стоя на груде камней, смотрели на темную башню со множеством окон, возвышавшуюся среди хаоса разрушения. Злоба затаилась в ней. Вода уже почти сошла, лишь кое-где оставались большие мутные лужи, а между ними тянулись обширные пространства, вымощенные осклизлыми каменными плитами и усеянные валявшимися в беспорядке обломками. Сквозь проломы в стенах виднелись свежие отвалы, холмы и канавы, а за чертой разрушений зеленая извилистая долина льнула к протянутым рукам гор. С северной стороны к башне приближались несколько всадников.

— Это Гэндальф и Теоден со своими людьми, — присмотревшись, сказал Леголас. — Пойдемте им навстречу.

— Будьте осторожны, — предупредил Мерри. — Некоторые плиты здесь качаются, можно свалиться в подземелье.

Они медленно двигались по разбитым и скользким плитам. Всадники, заметив их, остановились. Гэндальф выехал навстречу друзьям.

— Мы славно поговорили с Древобородом и кое-что придумали, — сказал он. — Заодно и отдохнули. Пора выступать. А вы тут как?

— Начали с дыма, им же и кончили, — ответил Мерри. — И даже Саруман уже не кажется таким мерзким.

— Неужто? — отозвался Гэндальф. — Впрочем, это твое дело, а мне надо нанести ему прощальный визит. Это опасно, может быть, бесполезно, но необходимо. Если хотите, можете сопровождать меня. Но будьте начеку. Сейчас не время для шуток.

— Я пойду, — сказал Гимли. — Интересно узнать, правда ли он похож на тебя.

— Это не так просто, — возразил Гэндальф. — Если Саруман сочтет нужным, он будет похожим на меня. Я не очень уверен, хватит ли у тебя мудрости разобраться во всех его личинах. Ну ладно, там видно будет. Может, он еще и не явится, когда увидит, что нас много. Я на всякий случай попросил энтов пока не показываться.

— А что он может нам сделать? — спросил Пиппин. — Обольет из окна жидкой смолой или заколдует издали?

— Скорее последнее, — спокойно ответил Гэндальф. — Особенно если без толку шастать у него под окнами. Знаешь, милый, если зверя загнать в угол, он на все готов. У Сарумана есть способности, о которых ты не подозреваешь. Главное — остерегайтесь его голоса!

Они подошли к подножию Ортханка. Башня была сложена из черного блестящего камня. Все углы и грани были такими четкими, словно только что из-под резца. Ярость энтов не оставила на башне никаких следов, кроме нескольких крошечных сколов у основания.

С восточной стороны между двумя массивными контрфорсами виднелась большая дверь, а над нею — закрытое ставнями окно с решетчатым балконом. Дверь была высоко над землей, и к ней вела лестница из двадцати семи широких ступеней. Это был единственный вход. Множество окон-глаз, упрятанных в глубоких амбразурах, щурились с отвесных стен на пришельцев.

У подножия лестницы Гэндальф и Теоден спешились.

— Я поднимусь, — сказал маг. — Я бывал в Ортханке и знаю, чего нужно опасаться.

— Я пойду с тобой, — ответил Теоден. — Я стар и больше не ведаю страха. Мне хочется поговорить с врагом, причинившим Рохану столько бед. Со мною будет Йомер; он поддержит меня, если я ослабею.

— Как хотите, — сказал Гэндальф. — Арагорн, мне хотелось, чтобы ты был с нами. Остальные пусть подождут внизу.

— Нет уж, — живо отозвался Гимли, — мы с Леголасом тоже пойдем. Мы здесь единственные представители наших племен и не хотим пропустить самое интересное.

— Ну что ж, идемте, — Гэндальф улыбнулся и вместе с Теоденом начал подниматься по ступеням.

Всадники оставались в седлах и ждали по обеим сторонам лестницы, с тревогой озирая мрачную башню. Мерри и Пиппин сели на нижней ступеньке, чувствуя себя бесполезными и беззащитными.

— До ворот полмили, да еще грязь, — пробормотал Пиппин. — Лучше бы нам туда потихоньку вернуться. И зачем только мы пришли? Кто нас сюда звал?

Гэндальф остановился перед дверью Ортханка и ударил в нее жезлом. Она глухо зазвенела.

— Саруман! Саруман! — громко и повелительно крикнул он. — Выходи, Саруман!

Окно над дверью отворилось, но не сразу. В темном проеме никого не было видно.

— Кто там? — послышался оттуда голос. — Что вам нужно?

Теоден вздрогнул.

— Я знаю этот голос, — сказал он, — и проклинаю день, когда впервые внял ему.

— А ну-ка, Грима, позови своего хозяина! — крикнул Гэндальф. — И не заставляй нас ждать.

Окно захлопнулось. Прошла минута. Вдруг зазвучал другой голос, негромкий и мелодичный. В нем было непередаваемое очарование. Слышавшие этот голос редко потом вспоминали сами слова, а если все же вспоминали, то удивлялись, ибо в словах этих не было никакой силы. Но голос доставлял наслаждение. Все произносимое им казалось мудрым, со всем хотелось согласиться. Любой другой голос по сравнению с этим казался хриплым, всякие другие речи неразумными; а если кто-то осмеливался возражать, в сердцах у зачарованных слушателей вспыхивал гнев. Одного звучания этого голоса было достаточно, чтобы стать его рабом, и это колдовство жило в слушателях, даже когда они были уже далеко. Голос все шептал, приказывал, и они повиновались. Никто не мог слушать его без волнения, никто не мог противостоять его чарам. Устоять могла только твердейшая воля и устремленная мысль.

— В чем дело? — кротко спросил голос. — Почему вы нарушаете мой покой? Неужели вы не оставите меня ни днем, ни ночью? — В этом тоне был ласковый упрек мягкого сердца, огорченного незаслуженной обидой.

Все в изумлении смотрели наверх. Не слышно было, чтобы кто-нибудь выходил. Но обитатель башни уже стоял на балконе, глядя на них сверху вниз: старик в свободном плаще, цвет которого изменялся при каждом его движении. Лицо продолговатое, лоб высокий, глаза глубокие и темные, совершенно непроницаемые, но взгляд благосклонный и несколько усталый. Волосы и борода седые, с темными прядями на висках.

— Похож-то он похож, — прошептал Гимли, — да все-таки другой.

— Ну подойдите же, — продолжал медоточивый голос. — Гэндальфа я знаю слишком хорошо и не надеюсь, что он пришел за помощью и советом. Но ты, Теоден Могучий, Король Рохана, достойный сын Тенгеля Прославленного! Почему ты не пришел ко мне раньше, почему не пришел как друг? Я хотел видеть тебя, самого могучего из правителей Запада, чтобы предостеречь от чужих советов, злобных и неразумных. Но и сейчас не поздно. Я готов забыть обиды, нанесенные мне воинами Рохана, потому что хочу спасти тебя от гибели на неверном пути, выбранном тобой. Ибо только я могу спасти тебя.

Теоден хотел что-то сказать, но не решался. Он посмотрел на Сарумана, потом на Гэндальфа, было видно, что он колеблется. Но Гэндальф не шевелился, словно ожидая ему одному ведомого знака. Всадники перешептывались, одобряя слова Сарумана, но потом притихли и слушали как зачарованные. Им

казалось, что Гэндальф никогда не говорил так хорошо с их правителем, наоборот, он всегда был груб и надменен. В их сердца тенью прокрался великий страх: они словно воочию видели гибель Рохана, к которой Гэндальф толкал их, тогда как Саруман открывал путь к спасению.

Неожиданно Гимли нарушил молчание.

— Этот колдун ставит все вверх тормашками, — проворчал он, положив руку на рукоять топора. — На языке Ортханка помощь — это гибель, а спасение — убийство. Но мы пришли сюда не как просители.

— Тихо! — оборвал его Саруман, в глазах у него мелькнул красный огонь. — Я не с тобой говорю, Гимли, сын Глоина. Ты нездешний, нечего тебе соваться в дела этой страны! — Голос его опять потеплел. — Но я не стану корить тебя за твои, разумеется, весьма доблестные деянья. Только прошу, дай мне договорить с Королем, моим старым соседом и другом... когда-то.

Он снова обратился к Теодену со сладкой речью, предлагая совет и помощь, обещая простить взаимные обиды и рука об руку идти в светлое будущее.

— Скажи, Теоден, разве ты не хочешь мира между нами? — вопрошал он.

Старый правитель молчал. Видно было, как в нем боролись гнев и сомнение. Вместо него заговорил Йомер.

— Послушайте меня, повелитель! — воскликнул он. — Вот опасность, против которой нас предостерегали. Неужели мы одержали победу лишь для того, чтобы нас опутал своими чарами старый лжец, источающий мед змеиным языком? Если бы собаки загнали волка, он именно так говорил бы с ними. О какой помощи идет речь? Злодей стремится уйти от расплаты, вот и все! Но неужели вы вступите в переговоры с этим предателем и убийцей? Неужели забудете Теодреда, свежий курган у Бродов, могилу Хамы в Хельмовой Пади?

— Если у кого и ядовитый язык, так это у тебя! — произнес Саруман с гневом, который услышали теперь все. — Каждому свое, Йомер, сын Йомунда! Твое дело — отвага в бою. Вот и убивай тех, кого велит твой господин, но не вмешивайся в дела, которые выше твоего разумения. Если когда-нибудь тебе суждено будет стать правителем, ты поймешь, что дружбой Сарумана и силой Ортханка не пренебрегают из-за детских обид. Вы выиграли битву, но не войну, и выиграли ее с помощью, на которую нельзя рассчитывать дважды. В следующий раз Тень Леса может появиться у твоей собственной двери: она капризна, лишена разума и не любит людей.

Я снова обращаюсь к тебе, повелитель Рохана! Подумай, можно ли называть меня убийцей, если отважные воины гибнут в бою? Не я хотел войны. Это вы начали ее. И если я — убийца, то и правители из рода Йорла таковы, ибо много войн

они вели и многих врагов побеждали. А потом заключали мир. Подумай, Теоден Могучий, будет ли между нами мир и дружба? Только ты можешь решать это.

— Мы хотим мира, — медленно и хрипло заговорил Теоден после долгого молчания. Всадники при этих словах радостно вскрикнули. — Да, у нас будет мир, — твердо повторил король, — когда не станет ни тебя, ни твоих дел, ни дел твоего Темного Владыки, которому ты хотел предать нас. Ты — лжец, Саруман, лжец и совратитель! Ты протягиваешь мне руку, а я вижу на ней холодный и острый коготь Мордора. Будь ты хоть в десять раз мудрее, у тебя нет права вмешиваться в дела Рохана и зариться на его богатства. Ты ведь о них думаешь сейчас! Говоришь, ты не хотел войны? А кто сжигал деревни? Кто убивал детей? Кто глумился над трупами? Когда тебя вздернут на твоем балконе на радость воронам, вот тогда я помирюсь с Ортханком! Не раньше. Я не так велик, как мои предки, но лизать руки никому не стану. Вот тебе мой ответ. Боюсь, твой голос утратил чары.

Всадники смотрели на Теодена, как люди, которых неожиданно разбудили. Грубым и резким карканьем старого ворона казался голос правителя после речей Сарумана. Но Саруман был вне себя от ярости; перегнувшись через перила балкона, он пожирал Теодена глазами, горящими гневом. Он стал похож на змею, готовую ужалить.

— Виселица и вороны! — зашипел он. И все вздрогнули, услыхав, как внезапно изменился его голос. — Старый глупец! Твой дворец — притон разбойников и пьяниц! Слишком долго они избегали виселицы. Но петля уже близко, неотвратимая и безжалостная. Тебе придется в ней болтаться! — Тут он овладел собой, и голос его вновь переменился. — Не знаю, зачем я говорю с тобой, лошадиный пастух! Мне не нужен ни ты, ни твои всадники, они только удирают проворно. Я предлагал тебе власть, которой ты не заслужил ни доблестью, ни разумом, а ты ответил мне бранью. Пусть будет так! Возвращайся в свою конюшню!

Но ты, Гэндальф! — Голос опять полился сладкой музыкой. — Ты меня огорчаешь. Мне стыдно видеть тебя в таком обществе. Ты так же горд, как и мудр, ты почти всевидящий. Так неужели даже сейчас ты не последуешь моему совету?

Гэндальф шевельнулся и взглянул вверх.

— Тебе есть что добавить к сказанному при нашем последнем свидании? — спросил он. — А может, ты хочешь взять какие-нибудь слова обратно?

Саруман озадаченно помолчал.

— Взять обратно? — повторил он. — Я желал тебе блага, но ты не послушал меня. Да и что тебе чужие советы при твоей мудрости. Может, ты неправильно понял меня в прошлый раз? Может, я немного погорячился? Прости меня, как я прощаю

твоих дерзких и неразумных спутников. Мы оба с тобой принадлежим к древнему Ордену, самому высокому в этом мире. Наша дружба нам обоим пойдет только на пользу. Постараемся же понять друг друга и забудем на время об остальных, низкородных. Пусть они подождут наших решений. Давай подумаем вместе о вещах важных для всех, в том числе и для них. Поднимись ко мне, обсудим все сообща, мы обязательно придем к разумному решению.

Такую силу вложил Саруман в этот последний призыв, что никто из слушателей не мог оставаться безучастным. Теперь впечатление было совершенно иное. Они слышали ласковый упрек кроткого короля, обращенный к заблуждающемуся, но любимому вассалу. Однако самих их при этом как бы выставили за дверь, и теперь они лишь подслушивали слова, для них не предназначенные. Словно дурно воспитанные дети или нерадивые слуги, слушали они непонятные речи старших и не знали, как эти слова скажутся на их собственной судьбе. Эти двое были совсем из другой породы — возвышенной и мудрой. Они непременно заключат союз между собой. Сейчас Гэндальф поднимется на башню, дабы обсуждать там дела, недоступные их пониманию. Дверь закроется, и они останутся за порогом, ожидая решения великих. Даже у Теодена мелькнула мысль: «Он изменит нам, он пойдет туда, и тогда мы погибли!»

Но Гэндальф рассмеялся, и морок развеялся без следа.

— Саруман! — воскликнул он. Голос мага не был таким мелодичным, но казалось, заполнил собой всю долину. — Ты выбрал не то поприще! Тебе бы стать придворным шутом и передразнивать сановников. Глядишь, и кинут корку... могут, правда, и плеткой угостить, — обидно засмеялся маг, а потом продолжал уже обычным голосом. — Ты говоришь, нам нужно понять друг друга? Я тебя вполне понимаю, а вот тебе меня уже не понять. Я ничего не забыл. Когда мы виделись в последний раз, я был твоим пленником, а ты — тюремщиком на службе Мордора и как раз собирался послать меня туда. Нет, я и не подумаю подниматься к тебе: кто убежал через крышу, тот не будет входить в дверь. А теперь послушай меня, Саруман! Послушай в последний раз! Не спустишься ли ты ко мне? Твои надежды на мощь Изенгарда не оправдались. Как бы тебя не постигли и другие разочарования. Так не разумнее ли отказаться от сомнительных упований ради более достойных? Подумай, Саруман!

Тень пробежала по лицу Сарумана. Он побледнел, как мертвец. На мгновение он не совладал с собой, и все увидели, как терзают его сомнения, как он не может решиться: то ли покинуть свое убежище, то ли оставаться в нем и дальше. Саруман колебался, и все затаили дыхание. Потом он заговорил, голос у него был теперь ледяным и резким. Гордость и ненависть взяли в нем верх.

— Сойти? Мне? — насмешливо переспросил он. — Разве сойдет безоружный человек, чтобы говорить с разбойниками у своего порога? Мне и отсюда все хорошо слышно. Я не так глуп, Гэндальф Серый, чтобы доверять тебе. Лесных демонов, правда, не видно, но я знаю, где они притаились по твоему приказу.

— Предатели всегда недоверчивы, — устало махнул рукой Гэндальф. — Но ты напрасно опасаешься за свою жизнь, тебе ничто не грозит. Пойми, я хочу спасти тебя, и это твоя последняя возможность. Ты можешь свободно покинуть Ортханк, если захочешь.

— Приятно слышать! — насмешливо фыркнул Саруман. — Очень похоже на Гэндальфа Серого: так снисходительно, так великодушно. Не сомневаюсь, что Ортханк нравится тебе и мой уход был бы для тебя желательным. Но зачем мне уходить? Что ты понимаешь под словом «свободно»? У тебя ведь, конечно, есть условия?

— Ну, причин для ухода у тебя немало, — ответил Гэндальф. — Оглядись вокруг. Своих слуг ты не найдешь, они истреблены или рассеяны, своих соседей ты сделал своими врагами, своего нового господина обманул или пытался обмануть. Если его Око обратится сюда, оно будет гневным. Так вот, когда я говорю «свободно», это и означает свободу: свободу идти, куда захочешь, да, Саруман, даже в Мордор, если это тебе по душе. Только сперва придется отдать ключ от Ортханка и жезл. Я обещаю сохранить их и вернуть тебе, когда ты заслужишь их вновь.

Лицо Сарумана исказилось от бешенства, в глазах загорелся красный огонь. Он злобно рассмеялся.

— Да, конечно, ты вернешь их мне! Только ведь сначала тебе понадобятся еще ключи от Барад Дура, короны Семи Королей и жезлы Пяти магов. Ну что ж, ты не так уж много и хочешь и, наверное, управишься без моей помощи. Мне недосуг. Если хочешь договориться со мной, уходи и возвращайся трезвым. И пожалуйста, без этих головорезов и без недомерков, что цепляются за твой подол. Прощай! — Он повернулся и собрался уйти с балкона.

— Вернись, Саруман, — негромко, но повелительно окликнул его Гэндальф.

Ко всеобщему изумлению, Саруман медленно, словно против своей воли, повернулся, прислонившись к ограде балкона. Лицо его осунулось и постарело, а пальцы вцепились в черный жезл, как когти.

— Я еще не отпустил тебя, — сурово продолжал Гэндальф. — Ты поглупел, Саруман, и достоин жалости. Ты еще мог бы отвернуться от зла и безумия, мог бы принести пользу. Но ты упорствуешь. Что ж, твое право. Но предупреждаю тебя: выйти тебе будет нелегко. Ты не выйдешь до тех пор, пока рука с

Востока не протянется и не схватит тебя! — Голос мага, теперь мощный и грозный, гремел. — Саруман! Открой глаза! Я больше не Гэндальф Серый, которого ты предавал. Я — Гэндальф Белый, вернувшийся из Мрака. А ты — ты стал бесцветным, и я своей властью исключаю тебя из Совета и из Ордена!

Он поднял руку и произнес медленно, холодным и отчетливым голосом:

— Саруман, я ломаю твой жезл!

Жезл в руке Сарумана с треском сломался, и обломки упали к ногам Гэндальфа.

— Ступай! — приказал Гэндальф. Саруман со стоном пал на колени и уполз внутрь.

В этот момент что-то тяжелое и блестящее, брошенное с силой, вылетело сверху. Оно отскочило от железной ограды балкона, на которую только что опирался Саруман, и, едва не задев Гэндальфа, упало на ступеньки у его ног. Ограда зазвенела и сломалась, ступенька треснула, и от нее во все стороны брызнули осколки. Но брошенный предмет остался целым и покатился вниз по лестнице. Это был хрустальный шар, темный, но с огнем внутри. Он катился к большой глубокой луже, Пиппин догнал и схватил его.

— Подлый убийца! — вскричал Йомер, но Гэндальф остановил его.

— Нет, это не Саруман, — сказал он. — Это из верхнего окна — прощальный подарок Гримы Червослова, только бросок неважный.

— Это оттого, что он не мог решить, кого ненавидит больше, тебя или Сарумана, — заметил Арагорн.

— Может, и так, — согласился Гэндальф. — Мало им будет радости друг от друга: оба полны яда и злобы. Но это только справедливо. Если Грима выйдет из Ортханка живым, это будет больше, чем он заслуживает. Эй, подожди-ка, милый! — воскликнул он вдруг, обернувшись и увидев Пиппина, который медленно поднимался по лестнице, словно неся тяжелый груз. — Никто не просил тебя его трогать!

С этими словами маг поспешно спустился навстречу хоббиту и, отобрав у него темный шар, завернул в полу своего плаща.

— Я сам позабочусь о нем. Саруман ни за что бы не выбросил такую вещь.

— Но он может бросить что-нибудь другое, — заметил Гимли. — Раз мы уже побеседовали, то, может, нам отойти подальше?

— Да, — ответил Гэндальф, — больше здесь говорить не о чем.

Они спустились с лестницы. Всадники приветствовали их радостными криками. Чары Сарумана исчезли: все видели, что он вернулся, когда ему было приказано, и уполз, когда был отпущен.

— Ну вот и все, — произнес Гэндальф. — Теперь мне нужно только найти старика Фангорна и сказать ему, чем кончилось дело.

— Наверное, он и сам догадался, — предположил Мерри. — Разве могло быть иначе?

— Могло, — устало вздохнул Гэндальф, — потому что висело на волоске. Но у меня были причины рискнуть. Прежде всего нужно было показать Саруману, что колдовская сила его голоса исчезает. Нельзя быть одновременно и тираном, и мудрецом, а ему казалось, что он сможет совместить несовместимое. Раз замысел созрел, он рано или поздно себя обнаружит. Но он попал в ловушку и заметался. Поэтому-то я и предложил ему честный выбор: порвать с Мордором, забыть о своих кознях и помочь нам. Никто лучше его не знает наших трудностей, и он мог бы оказать нам неоценимую помощь. Но вы видели, что он выбрал. Он хочет не служить, а приказывать. Он живет в страхе перед рукой Мордора и все еще надеется совладать с нею. Жалкий глупец! Он будет уничтожен, если Темный Владыка дотянется до Изенгарда. Ортханк нам не по зубам, но у Саурона зубы гораздо крепче!

— А когда мы победим, что ты с ним сделаешь? — спросил Пиппин.

— Я? Ничего, — пожал плечами Гэндальф. — Я не стремлюсь к власти. А что будет с ним — не знаю. Жаль, что столько доброй силы обратилось во зло и гниет теперь в стенах башни. Но для нас все сложилось к лучшему. Ненависть часто оборачивается против себя. Думаю, если бы даже нам удалось войти в Ортханк, немного бы в нем нашлось сокровищ более дорогих, чем то, которым швырнул в нас Грима.

В этот момент из окна сверху донесся пронзительный крик, тотчас же оборвавшийся.

— Кажется, Саруман тоже так думает, — заметил Гэндальф. — Пойдемте отсюда.

Они вернулись к развалинам ворот и не успели миновать арку, как из тени вышел Фангорн, а с ним еще несколько энтов. Арагорн, Гимли и Леголас изумленно глядели на них.

— Это мои друзья, Древобород, — сказал Гэндальф. — Я говорил тебе о них, но ты их еще не видел. — И он назвал по именам одного за другим.

Старый энт долго и пытливо разглядывал всех по очереди и каждому сказал несколько слов. Под конец он обратился к Леголасу:

— Так вы пришли из самого Сумеречья, добрый эльф? Когда-то это был очень большой лес.

— Он и сейчас большой, — ответил Леголас, — но, конечно, не такой большой, как прежде. Мне бы очень хотелось побродить по вашему лесу. Я побывал только на опушке и рад был бы вернуться туда.

Глаза у Фангорна заблестели от удовольствия.

— Надеюсь, ваше желание исполнится раньше, чем холмы успеют состариться, — сказал он.

— Я приду, если мне удастся, — ответил Леголас, — и, с вашего разрешения, мы придем вдвоем с другом.

— Я буду рад всякому эльфу, который придет с вами, — сказал Фангорн.

— Это не эльф, — возразил Леголас, — это Гимли, сын Глоина, вот он.

Гимли низко поклонился, топор при этом выскользнул у него из-за пояса и звякнул о камни.

— Гм-гм! Кха! — покашлял Фангорн, мрачно поглядев на него. — Гном, да еще с топором! Я люблю эльфов, но вы хотите от меня слишком многого. Эльф и гном — вот странная дружба!

— Пусть странная! — пылко воскликнул Леголас. — Но пока Гимли жив, я без него не приду. Его топор не для деревьев, а для орков, и в недавнем бою он срубил их с полсотни!

— Вот как? — удивился старый энт. — Ну, это уже лучше. Что ж, пусть все будет как есть. Нам незачем торопиться. Вы придете в мой лес, когда захотите, придете оба. Но теперь пора расставаться. День близится к концу, а Гэндальф говорил, что вам нужно уехать до вечера.

— Да, нам пора двигаться в путь, и немедленно, — кивнул маг. — Боюсь, мне придется забрать и ваших привратников, по-моему, они вам больше не понадобятся.

— Наверное, ты прав, — ответил Фангорн, — но мне без них будет скучно. Мы подружились так быстро, что я, кажется, тоже начинаю спешить, как все в вашем сумасшедшем мире, а может, впадаю в детство. Я очень давно не встречал столь необычных существ, они поразили меня. Впервые за долгие годы под солнцем и луной я встретил то, чего не видел раньше. Я не забуду их. Они теперь в Долгом Свитке... хм-хум...

Энты, рожденные дикой землею,
Ровесники гор, пьющие воду.
И вечно голодные хоббиты-крошки,
Неунывающий малый народец...

Энты будут их помнить. И до тех пор, пока молодые листья не перестанут появляться на ветвях, они — наши друзья. Прощайте! И если в вашем милом краю услышите вдруг что-нибудь о наших женах, дайте мне знать! Возвращайтесь, если сможете!

— Мы вернемся! — ответили в один голос Мерри и Пиппин и поспешно отвернулись, чтобы скрыть волнение.

Фангорн молча глядел на них, покачивая головой, потом обратился к Гэндальфу:

— Так Саруман не захотел выйти? Я так и думал. Сердцевина у него черная, как у хуорна. Но если бы, как он сейчас,

я потерял все свои деревья и у меня осталась бы только нора, чтобы спрятаться, я бы тоже не стал из нее вылезать.

— Да, — усмехнулся маг. — Но ты ведь не собирался покрывать всю землю своими деревьями и душить все остальное. Теперь Саруману делать нечего, кроме как ненавидеть нас да строить посильные козни. Правда, Ключ Ортханка остался у него. Так что упускать его нельзя ни в коем случае!

— Еще чего, — пробурчал Древобород. — Энты приглядят за ним. Он и шагу за порог не ступит без моего ведома.

— На это я и надеялся, — ответил Гэндальф. — Вы уж возьмите эту заботу на себя, а я займусь другими делами. Но будьте внимательны! Вода спала, а вокруг башни могут быть тайные ходы. Раз уж взялись за эту работу, так доведите ее до конца: залейте Изенгард снова. Вода затопит подземелья, а вы заделаете все выходы, и здесь будет спокойное озеро. Тогда Саруману останется только сидеть наверху и глядеть в окошко.

— Предоставь это нам, — пророкотал Фангорн. — Мы обыщем долину, заглянем под каждый камешек. Здесь вырастет лес, настоящий дикий лес, и мы назовем его Сторожевым. Не то что Саруман — ни одна белка не прошмыгнет без моего ведома. Пока не пройдет всемеро больше лет, чем он мучил нас, мы не устанем стеречь его!

Глава 11
ПАЛАНТИР

Солнце садилось за длинную цепь холмов на западе, когда Гэндальф, Теоден и их спутники покидали Изенгард. Мерри ехал с Гэндальфом, а Пиппин — с Арагорном. Правитель Рохана выслал вперед дозорных, остальной отряд двигался неспешно.

У ворот молчаливыми изваяниями застыл строй энтов. Фангорн держался чуть поодаль и больше всего напоминал старое дерево с обломанными ветвями. Хоббитам невольно припомнилась их первая встреча на солнечном холме. Небо было еще светлое, но на развалины Изенгарда уже ложились длинные тени.

Когда отряд поравнялся со стелой с изображением Белой Руки, все заметили, что рука сброшена вниз и разбита вдребезги. Один палец валялся посреди дороги, и красный ноготь на нем почернел.

— Энты ничего не упустили, — сказал Гэндальф.

Они миновали столб, торопясь уйти из разгромленной долины до наступления темноты.

Мерри молчал, молчал и наконец не выдержал:

— Мы что, так и будем ехать всю ночь? Я, может, и недомерок, но только и недомеркам изредка нужно прилечь и отдохнуть!

— А, слыхал, значит, как вас величают! — усмехнулся маг. — Не стоит обижаться. Ваше счастье, что он не стал заговаривать вас. Зато смотрел во все глаза. Можешь гордиться, вы с Перегрином интересовали его больше, чем все остальные: кто вы, откуда, зачем прибыли, что знаете, как вам удалось сбежать, если все орки погибли. Вот какими мелкими загадками смущен сейчас великий ум Сарумана. Так что насмешка с его стороны — это честь для тебя, любезный Мериадок.

— Вот уж спасибо, — скептически отозвался Мерри. — Чести хоть отбавляй. Один мудрый обзывается, другой того и гляди всю душу вытряхнет. Только и остается, что во второй раз спросить: долго ли нам еще трястись.

Гэндальф засмеялся.

— Вот прилип! Эти хоббиты любого мага научат не бросаться словами. Ладно, не ворчи. Обо всем я подумал, и об отдыхе тоже. Пересечем долину и устроим привал. Но уж завтра придется поспешить. По дороге сюда мы думали, что вернемся в Эдорас напрямик, через равнину, но потом посовещались и решили сделать по-другому. В Хельмову Падь уже отправились гонцы, они предупредят, что король прибудет завтра. А оттуда с большим отрядом он пойдет через холмы. Сейчас не стоит рисковать и выходить с дружиной на открытое место.

— У тебя всегда так: или мало, или много. Теперь мне уже не до сна. Где эта Хельмова Падь, что она такое и что вообще все это значит? Я тут ничего не знаю.

— Да узнаешь ты все, узнаешь. Только не сию минуту и не у меня. Мне надо серьезно подумать.

— Ладно, вот остановимся, спрошу у Колоброда, он не такой скрытный. Но мы же победили, чего таиться теперь?

— Победить-то победили, — задумчиво ответил маг, — но это наша первая победа, и опасность меньше не стала. Между Изенгардом и Мордором есть какая-то связь. Как они обменивались вестями, не знаю, но обменивались, это точно. Око Барад Дура сейчас обращено к Изенгарду и к Рохану. Чем меньше оно увидит, тем лучше.

Дорога шла вдоль Изена. Поднявшийся было ночной туман разогнало холодным ветром. Почти полная луна заливала долину золотистым сиянием. Наконец холмы кончились, перед всадниками открылась обширная серая равнина.

Здесь они остановились, найдя защищенную от ветра лощину, заросшую вереском, густыми кустами терновника и боярышника. Под ними и развели костер.

Выставили двоих дозорных. Остальные, поев, завернулись в плащи и одеяла и уснули. Хоббиты расположились на куче папоротника. Мерри уже засыпал, а у Пиппина сон вдруг как рукой сняло. Он вертелся и ворочался, папоротник под ним шуршал и хрустел.

— Что случилось? — недовольно спросил Мерри. — Ты что, в муравейник угодил?

— Да нет. Неуютно как-то. Интересно, когда мы в последний раз спали в постели?

Мерри зевнул.

— Ну, посчитай по пальцам, когда ушли из Лориена.

— Да нет, — сказал Пиппин, — я про настоящую кровать, в спальне.

— Тогда у Элронда, — отозвался Мерри, — но сегодня я готов уснуть где угодно.

Пиппин помолчал, потом тихо-тихо заговорил:

— Везет тебе, Мерри. Ты ведь с Гэндальфом едешь.

— Ну и что?

— А он рассказывает тебе что-нибудь?

— Чуть больше, чем раньше, — усмехнулся в темноте Мерри. — Да ты ведь и сам все это слышишь, едешь же рядом, а у нас секретов никаких нет. Хочешь, поезжай с ним завтра сам, если он согласится...

— Правда? Вот здорово! Но он ведь все такой же скрытный? Ни чуточки не изменился?

— Еще как изменился! — Мерри наконец стряхнул сон, удивляясь, какая муха укусила его дружка. — Он вырос... или как там говорят... Он стал и мягче, и резче, и веселее, и значительнее. Конечно, изменился! Только мы еще не видели насколько. Вспомни, что произошло с Саруманом. Ведь раньше он был поважнее Гэндальфа: глава Совета и все такое... Он был Саруман Белый, а Гэндальф сейчас Белый. Он велел — и Саруман вернулся, а ушел, когда ему позволили! А жезл? Помнишь: раз — и на куски!

— А по-моему, — упорствовал Пиппин, — из него теперь вовсе ничего не вытянешь. Взять хоть этот стеклянный шар. Ведь он рад ему. Он знает, что это, или догадывается. А нам ни словечка. А ведь я же поймал его, спас, можно сказать. А он? «Эй, дружок, дай-ка сюда». И все. Что бы это могло быть? Он такой тяжелый... — Хоббит говорил уже совсем тихо, точно сам с собой.

— Вот оно что, — протянул Мерри, — вот что тебе покоя не дает! Ты бы вспомнил присловье Гилдора, то, что Сэм любил повторять: «Не лезь в дела Мудрых, понять — не поймешь, а хлопот не оберешься».

— Но мы в последнее время только этим и занимаемся, — возразил Пиппин. — Я первым увидел этот шарик. Знаешь, как хочется еще раз на него посмотреть!

— Спи лучше, — посоветовал Мерри. — Надо будет — все узнаешь, ну не ко времени ты со своим любопытством.

— А что такое? Я всего лишь сказал, что хочу посмотреть на шарик. Я и сам знаю, что не получится. Гэндальф уселся на нем, как наседка на яйцах!.. А ты мне: «Спи спокойно — все узнаешь»!

— А чего ты ждешь? — сонно спросил Мерри. — Сочувствую, но придется потерпеть до утра. После завтрака я, может, тоже стану любопытным, тут-то мы все и выпытаем. А сейчас спать хочу, если я еще раз зевну, у меня рот лопнет. Доброй ночи! — И он мгновенно заснул.

Пиппин долго лежал молча. Мысль о шаре не давала ему покоя. Он словно чувствовал в руках его тяжесть, видел в глубине таинственный красный огонь и тщетно пытался заставить себя думать о чем-нибудь другом. Наконец, не в силах больше бороться с собой, он тихонько встал и огляделся. Было холодно. Ярко светила луна, тени были черными как уголь. Кругом все спали; дозорных не было видно: либо они ушли на ту сторону холма, либо затаились среди кустов. Пиппин осторожно подошел к спящему Гэндальфу и пригляделся. Маг лежал спокойно, но Пиппин уловил блеск его глаз из-под неплотно сомкнутых ресниц и поспешно отступил. Гэндальф не шевелился, и хоббит медленно, словно против воли, снова подкрался к нему. Маг лежал на боку, укрывшись плащом, и одной рукой обнимал что-то круглое, завернутое в черную ткань. Другая рука, казалось, только что соскользнула с этого свертка.

Чуть дыша, Пиппин подкрался еще ближе, потом, став на колени, протянул руку, дотронулся до свертка и поднял его. Сверток оказался не таким тяжелым, как он ожидал. «Наверное, это что-то другое», — подумал он со странным чувством облегчения, но обратно сверток не положил. Оглядевшись, он заметил поблизости круглый булыжник, с трудом дотянулся до него и поднял.

Быстро и осторожно он стянул со свертка темную ткань, завернул в нее булыжник и положил подле спящего. Теперь наконец он мог взглянуть на свою добычу. Вот он, этот шар, тусклый и гладкий, лежал у него на коленях. Пиппин торопливо завернул его в плащ и уже хотел вернуться к своему месту, но тут Гэндальф зашевелился во сне, пробормотал что-то, нащупал камень рядом с собой и, вздохнув, успокоился снова.

— Ох и дурак же ты, Пиппин, — шепотом обругал себя хоббит. — Тебе что, неприятностей мало? Положи шар обратно! — Ноги у него тряслись, и он чувствовал, что не посмеет больше приблизиться к спящему. — Не смогу я положить это обратно и не разбудить его. И что плохого, если я загляну в шар? Только не здесь, — он отполз в сторону и присел на кочку.

Положив шар на колени, хоббит склонился над ним, как ребенок над унесенным в свой уголок лакомством. Потом осторожно приоткрыл полу плаща и взглянул. Сначала шар был черным как смоль, только блики лунного света скользили по его поверхности. Потом внутри что-то засветилось и стало двигаться. Пиппин уже не мог оторваться. Вскоре вся внутрен-

ность шара запылала, в нем перемещались какие-то огни. Потом они разом погасли. Пиппин отчаянно пытался отвести взгляд, но вдруг ахнул и начал клониться все ниже и ниже и, наконец, оцепенел. Губы у него беззвучно шевелились. Так прошло несколько минут. Неожиданно хоббит пронзительно вскрикнул и замертво упал на землю. На крик выбежали часовые, спящие проснулись, и всю стоянку охватило смятение.

— Так вот кто оказался вором! — воскликнул Гэндальф, поспешно закрывая шар плащом. — Это плохо!

Пиппин лежал навзничь, оцепенев, глядя в небо невидящими глазами.

— Хотел бы я знать, какая беда с ним приключилась и только ли с ним?

Гэндальф был встревожен не на шутку. Он взял руку Пиппина, прислушался к его дыханию, потом приложил ладонь ко лбу. Хоббит затрепетал и закрыл глаза. Потом всхлипнул и сел, заслоняясь от чего-то руками.

— Это не для тебя, Саруман! — закричал он странным голосом, сдавленным и пронзительным, и рванулся прочь от склонившегося над ним Гэндальфа. — Я пошлю за ним сейчас же. Ты понял? Скажи только это! — Он забился, пытаясь вскочить, но Гэндальф крепко и осторожно держал его.

— Перегрин! — властно и мягко позвал он. — Вернись, Перегрин!

Хоббит обмяк и, падая, вцепился в руку мага. Потом открыл глаза. Взгляд у него был измученный и жалкий.

— Гэндальф! — вскрикнул он. — Гэндальф, прости меня!

— Простить? — переспросил маг. — Скажи-ка сначала, что ты наделал?

— Я... я взял шар... и смотрел в него, — жалобно залепетал Пиппин, — там было так страшно! Я хотел уйти, но не мог. А потом пришел Он, и Он спрашивал, и смотрел на меня, и... я больше ничего не помню...

— Этого мало, — сурово произнес Гэндальф. — Что ты видел, что ты сказал Ему?

Пиппин закрыл глаза и не отвечал. Все смотрели на него, только Мерри отвернулся. Лицо Гэндальфа заострилось, стало суровым и властным.

— Говори! — потребовал он.

Пиппин заговорил снова, тихим, дрожащим голосом, но постепенно его речь делалась все яснее и тверже.

— Сначала я видел темное небо и высокие башни, звезды... они были далеко. Потом звезды начали исчезать и появляться, их заслоняло что-то большое, крылатое. Мне показалось, что вокруг башни вьются летучие мыши. Кажется, их было девять. Одна полетела прямо ко мне. Это был ужасный... нет! Я не могу сказать! Я боялся, что оно вылетит, и хотел все бросить,

но оно закрыло весь шар, а потом вдруг исчезло, и появился Он. Он не говорил со мною, только смотрел, а я понимал все. Он спрашивал: «Почему ты не сообщал о себе так долго?» Я промолчал, и тогда Он опять спросил: «Кто ты?» Я опять не ответил, но мне стало очень больно, а Он все спрашивал, и тогда я ответил: «Я — хоббит». Тут он словно увидел меня и засмеялся. О-о! Это был такой страшный смех, словно тебя режут на части. Я хотел вырваться. Но Он сказал: «Погоди. Мы с тобою скоро увидимся. Передай Саруману, что этот орешек не по нему. Я сейчас же пошлю за тобой. Ты понял? Скажи только это!» Он так и впился в меня взглядом. Я чувствовал, что разваливаюсь на части... Нет, нет! Я не сказал больше ничего! Ничего больше не помню!

— Посмотри на меня! — приказал Гэндальф.

Пиппин взглянул ему прямо в глаза. Некоторое время Гэндальф молча пронизывал его взглядом. Потом лицо мага смягчилось, и в глазах появилась тень улыбки. Он ласково потрепал Пиппина по голове.

— Хорошо! С тобой все в порядке. Ты не врешь, а это главное. Он, к счастью, недолго говорил с тобой. Ты дурачок, Перегрин. Будь ты поумнее, все могло бы кончиться куда хуже. Запомни теперь: твоя жизнь и жизнь твоих друзей спасена только благодаря счастливому случаю. Второй раз так не получится. Если бы Он допрашивал тебя подольше, ты выложил бы ему все, что знаешь, на погибель всем нам. Он поторопился. Он решил, что ты в руках Сарумана, и собрался, не торопясь, побеседовать с тобою в Черной Крепости. Нечего вздрагивать! Коли ты ввязался в дела мудрых, привыкай. Ну, хватит. Я прощаю тебя. Успокойся! Все обошлось не так уж плохо. Могло бы быть хуже.

Он осторожно поднял Пиппина и отнес его на ложе. Мерри подошел и сел рядом. Гэндальф постоял над ними, улыбаясь, но когда заговорил, голос у него был серьезным.

— Если у тебя опять станут чесаться руки, ты уж скажи мне сразу. От этого можно вылечить. Только никогда больше не суй мне булыжники под бок. Ну, отдыхайте теперь, если сможете.

Гэндальф вернулся к остальным, в тревоге стоявшим вокруг таинственного шара.

— Опасность пришла откуда не ждали, — ворчливо сказал он. — Мы были на волосок от гибели.

— Что будет с Пиппином? — спросил Арагорн.

— Думаю, все обойдется, — ответил маг. — Его держали недолго, а хоббиты — народ крепкий. Он быстро все позабудет. Пожалуй, даже слишком быстро. Может, ты возьмешь Камень, Арагорн? Это опасное сокровище.

— Опасное, конечно, — промолвил Арагорн. — Но мне думается, я могу его взять по праву. Ведь это — Палантир Орт-

ханка, когда-то хранившийся в Гондоре? Мой срок близок. Я возьму его.

Гэндальф пристально взглянул на Следопыта, взял закутанный шар и почтительно подал ему.

— Возьми, — сказал он, — но позволь дать тебе совет: не пользуйся им пока. Будь осторожен!

— А когда я был неосторожен за эти долгие годы? — горько спросил Арагорн.

— Да, пожалуй, не был. Тем обиднее оступиться в конце пути. Но прошу тебя, — маг положил руку на плечо Следопыту, — сохрани это в тайне. Прошу об этом и остальных. Ни в коем случае не говорите ничего Пиппину, а то он опять не выдержит. Ему нельзя было прикасаться к Камню даже там, в Изенгарде, или мне нужно было быть попроворнее. Но я был занят Саруманом и не сразу догадался, что это за штука. Зато теперь все прояснилось.

— Да, сомнений больше нет, — кивнул Арагорн. — Теперь мы знаем наконец, какая связь была между Мордором и Изенгардом. Многое стало ясным.

— Странными силами владеют наши враги, и странные слабости им присущи, — заметил Теоден. — Испокон веков говорится: «Зло часто побеждает самое себя».

— Так бывает, — согласился Гэндальф. — На этот раз нам невероятно повезло. Я даже думаю, что хоббит спас меня от страшной ошибки. Я готов был сам заглянуть в Камень, надо же было узнать, как он действует. Если бы я это сделал, я бы открылся Врагу. А я не готов к такому испытанию и не знаю, буду ли готов когда-нибудь. Но если бы даже у меня и хватило сил, в открытую выступать еще рано.

— А может быть, пора? — тихо спросил Арагорн.

— Нет, — так же тихо ответил маг. — У нас есть немного времени, его нельзя упускать. Враг, конечно, думает, что Камень в Ортханке: с чего бы ему думать иначе? Значит, он считает, что хоббит в плену у Сарумана. Пока еще он поймет, что ошибся... Этим-то временем мы и должны воспользоваться. Мы и так слишком медлили. Окрестности Изенгарда не такое место, чтобы здесь задерживаться. Я сейчас уеду и возьму с собой Перегрина. Это будет для него полезнее, чем воровать волшебные Камни.

— А мы выступим на рассвете, — сказал Теоден.

— Это уж как решите, — ответил Гэндальф. — Только доберитесь до Хельмовой Пади побыстрее.

В этот миг яркий свет луны закрыла огромная тень. Некоторые из Всадников вскрикнули, закрывая головы руками. Слепой ужас и смертельный холод охватили их. Низко над ними промчалась огромная крылатая тень. Она описала широкий круг и быстрее ветра умчалась на север.

Всадники, бледные от ужаса, медленно приходили в себя. Гэндальф погрозил вслед тени кулаком.

— Назгул! — вскричал он.— Посланец Мордора! Они пересекли Реку, значит, буря близка! Советую не медлить и выступать, не дожидаясь рассвета.

Он подхватил на руки Пиппина и позвал коня. Сполох тотчас примчался. Через секунду маг был уже верхом и кричал Арагорну:

— Прощай! Торопись! Вперед, Сполох!

Конь тряхнул гривой, распустил хвост, заблестевший в лунном свете, и, сделав скачок, от которого зазвенела земля, исчез.

— Это надо же, какая спокойная ночь! — ворчал Мерри.— Везет же некоторым. То им не спится, и они таскают волшебные шары у магов, а те, вместо того чтобы превратить их в пень, берут наглецов с собой в путешествие...

Арагорн осадил его:

— Я не ручаюсь, что было бы лучше, если бы в Камень заглянул доблестный Мериадок. Что теперь говорить! Во всяком случае, если Гэндальф взял с собой Пиппина, тебе придется ехать со мной, и немедленно. Собирайся и захвати его вещи. Да поскорее!

Сполох летел по равнине. Казалось, его копыта совсем не касаются земли. Пиппин постепенно приходил в себя. Ему было тепло, а в лицо дул прохладный свежий ветер. Он был с Гэндальфом. Ужас перед Камнем и тенью, заслонившей луну, постепенно исчезал, таял, как туман или страшный сон. Он застенчиво подергал мага за плащ.

— Я и не знал, что ты ездишь без седла и поводьев,— сказал он.

— Это же не простой конь,— ответил маг.— Не ты едешь на нем, это он решает, везти тебя или нет. И уж если решил везти, так сам присмотрит, чтобы ты не свалился.

— Он быстрый как ветер, да? — спросил Пиппин.— А как легко и мягко стучат копыта!

— Начался подъем, земля неровная. Но видишь, как приблизились Белые Горы? Вон там, у трех черных вершин, лежит ущелье, где позапрошлой ночью был бой,— объяснил маг.

Пиппин притих. Гэндальф что-то мурлыкал себе под нос на разных языках, какие-то короткие рифмованные строчки, а мили незаметно проносились мимо. В шуме ветра Пиппин смог разобрать слова:

Из погибшей земли, через дали морей
Те короли пронесли
Белое Древо, Семь Звезд, Семь Камней...

— Ты о чем? — спросил Пиппин.

— Вспоминаю Скрижали Знания... Хоббиты, поди, давно о них позабыли, если вообще знали...

— Вовсе нет, — ответил Пиппин. — Мы и свои составляем, хоть кое-кому, может, они и неинтересны. Но о таком я не слышал. Какие Семь Звезд? Какие Семь Камней?

— *Палантиры* королей древности, — ответил маг.

— А что это значит?

Гэндальф ответил не сразу.

— Название это означает «видящий сквозь даль». Камень из Ортханка — один из них.

— Значит, его сделал не... не Враг?

— Нет. Не он. И не Саруман. Им это не по силам. Палантиры появились на Заокраинном Западе, в Эльдамаре, у Нолдоров. Быть может, их сделал сам Феанор, и было это так давно, что не нашими годами мерить. Но Саурон все способен обратить во зло. Один из этих Камней и соблазнил Сарумана. Опасны творения, если сила их создателя больше нашей собственной. Он сам виноват, конечно. Глупец! Он хранил его для себя одного, ни слова не говорил даже на Совете... Мы-то считали, что все Палантиры погибли. А нынешние эльфы и люди даже не знали о таких чудесах. Только среди дунаданов Севера еще помнят древнее знание...

— А что с ними делали в древности? — обрадованный разговорчивостью мага, спросил Пиппин. Он боялся, что такое настроение долго не продержится.

— Камни Феанора давали возможность устанавливать мысленную связь и видеть через расстояния, — ответил Гэндальф. — Они долго объединяли земли Гондора. Такие Камни были в Минас Аноре, и в Минас Итиле, и в Ортханке. А самый главный из них находился в Звездной Башне в Осгилиате. В доме Элронда говорят, что остальные три были в Ануминосе, на Амон Сул и в Серебристой Гавани. Все Камни были связаны между собой, а тот, что хранился в Осгилиате, был связан со всеми. Выходит, палантир Ортханка уцелел... Вот только один, сам по себе, он показывает или очень дальние, или очень давние дела. Саруман погружал взгляд все дальше и дальше, пока однажды не заглянул в Барад Дур. И тут же был пойман! У Саурона в руках оказался, по-видимому, Камень из Минас Итиля. Жадность Сарумана оказалась очень удобным ушком, Саурон зацепил его, и с тех пор Камень Ортханка был настроен на Барад Дур. Он сразу переносит туда разум и взгляд всякого, кто в него посмотрит, если его воля не тверже алмаза. А как он влечет к себе! Разве я сам не чувствовал этого? Даже сейчас мне хочется испытать на нем волю, посмотреть, не смогу ли я вырвать его из-под власти Врага и повернуть куда захочу. Заглянуть через глубины времени и пространства и увидеть чудные руки и несравненный ум Феанора за работой, в те дни, когда Белое и Золотое Деревья стояли в цвету! — Он вздохнул и умолк.

— Если бы я знал это раньше, — жалобно протянул Пиппин. — Я ведь понятия не имел о том, что делаю.

— Нет, понятия у тебя хватало, — возразил Гэндальф. — Ты знал, что поступаешь глупо и плохо. Но ты не послушал себя. Ну, что сделано, то сделано. Я и сам восстановил всю картину только сейчас, а расскажи тебе об этом раньше, тебя бы разобрало еще сильнее, и ты бы не устоял. А теперь, обжегшись, будешь умнее.

— Да уж, — содрогнулся Пиппин. — Будь тут все Камни сразу, я бы даже не посмотрел на них.

— Вот и хорошо, — одобрил Гэндальф, — на это я и рассчитывал.

— Но я хотел бы знать... — снова начал Пиппин.

— Пощади! — вскричал маг в притворном ужасе. — Чтобы насытить твое любопытство, мне до конца дней придется только и делать, что отвечать на твои вопросы. Ну ладно, выкладывай, — сжалился он, — что там у тебя еще?

— Мне хотелось бы знать имена звезд и всего живого и еще про землю, небо и море! — засмеялся Пиппин. — На меньшее я не согласен. Но так и быть, не обязательно сегодня. А пока скажи мне только, что это за черная тень? Зачем она летела в Изенгард? И почему она тебя так встревожила?

— Это крылатый Черный Всадник, назгул, — ответил маг. — Он собирался отнести тебя в Черную Крепость.

— Но он же не за мной летел? — жалобно пролепетал Пиппин. — То есть он не знал, что я...

— Конечно нет, — успокоил его Гэндальф. — От Барад Дура до Ортханка двести лиг по прямой, а то и больше. Даже назгулу нужно время, чтобы преодолеть их. Саруман ждал вестей от своего отряда и уж, наверное, смотрел в Камень, а Враг тем временем свободно читал его мысли. Теперь Враг отправил гонца проверить, что делает Саруман. А после сегодняшних событий будет отправлен и другой. Тогда Саруман окончательно попадет в ловушку. У него нет пленника, чтобы отослать в Мордор, у него нет и Камня. Но Саурон решит только, что он держит пленника у себя и не хочет подходить к Камню. Саруману не оправдаться. Хотя Изенгард разрушен, но сам Саруман жив и Ортханк цел. Значит, Саурон неминуемо определит его в мятежники. Саруман именно этого боялся, потому и отверг наши предложения. Что он будет делать теперь — неизвестно. Пока он сидит в Ортханке, он достаточно силен, чтобы выстоять даже против Девятерых Кольценосцев. Он может попытаться заманить посланца в ловушку или убить его крылатого коня. Хорошо ли это для нас, я тоже не знаю. Может быть, гнев на Сарумана спутает планы Врага. А может, Враг узнает, что я там был, что я стоял на ступенях Ортханка и со мною были хоббиты. Или что Наследник Элендила жив и стоял рядом со мной. Грима мог узнать его и в роханских доспехах. Вот этого я боюсь! И поэтому мы спешим не прочь от опасности, а навстречу ей. Каждый шаг Сполоха приближает нас к Стране Мрака, Перегрин!

Пиппин ничего не сказал, но задрожал так, что вынужден был вцепиться в плащ мага. Серая равнина мелькала под ними.

— Смотри! Показались долины Вестфолда. Вот развилка дорог. Вон то темное ущелье — Хельмова Падь. А там — Агларонд и Сверкающие Чертоги. Но о них ты лучше спроси у Гимли, если вы еще свидитесь. Самому тебе их не увидеть, зато Гимли может кого хочешь заговорить своими восторгами.

— Я думал, мы остановимся в Пади, — сказал Пиппин. — Куда же мы теперь скачем?

— В Минас Тирит, пока война не захлестнула его.

— Ох! И далеко это?

— В три раза дальше, чем до дворца Теодена, — промолвил Гэндальф, — а по прямой до Эдораса сто миль. Но по прямой летают только посланцы Мордора. Сполоху предстоит более длинный путь. Кто окажется быстрее? На рассвете мы сделаем привал в какой-нибудь долине меж холмами. Надо отдохнуть. Надеюсь, что это будет в Эдорасе. Спи пока. Быть может, ты увидишь, как в первых лучах рассвета сияют золотые палаты Дома Йорла. А еще через два дня под тенью Миндоллуина тебе откроются белые стены Минас Тирита.

Вперед, Сполох! Лети, мой прекрасный конь, лети, как не летал еще никогда в жизни. Это твоя страна, здесь тебе знаком каждый камень. Лети же! Вся надежда на скорость!

Сполох тряхнул гривой и звонко заржал, словно отвечая призыву боевой трубы. Искры летели у него из-под копыт, а ночь струилась вокруг, как поток.

Пиппин постепенно засыпал, и ему казалось, что они с Гэндальфом сидят неподвижно на статуе мчащегося коня, а весь мир проносится мимо и сильный ветер шумит в ушах, как река.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1
УКРОЩЕНИЕ СМЕАГОРЛА

— Вот мы и в ловушке, — горестно вздохнул Сэм. Понурив голову, он стоял рядом с Фродо, вглядываясь в сгущавшиеся сумерки. Это был, наверное, третий вечер их одинокого пути. Они потеряли счет времени на этих голых каменистых склонах. Приходилось карабкаться, оступаясь и падая, возвращаться назад, снова искать дорогу и опять попадать в те же самые места. Но все-таки, хотя и очень медленно, они продвигались на восток. Временами они видели с отрогов хребта унылую равнину внизу, покрытую гиблыми болотами. Там не было заметно никаких признаков жизни.

Хоббиты стояли на краю высокого мрачного обрыва. Ущелье под ними скрывал туман, вершины утесов за спиной прятались в облаках. С востока налетал порывами холодный ветер. День кончался. Равнину впереди уже затопили густые тени. Островки зелени на ней потускнели и стали бурыми. Далеко справа погасли блики на волнах Андуина. В той стороне был Гондор, там остались друзья, но Фродо и Сэм смотрели на юго-восток, туда, где на самом краю надвигающейся ночи смутно виднелась неровная стена — то ли неподвижные тучи, то ли далекие горы. Там, на границе земли и неба, мерцали красные сполохи.

— Вот, — сказал Сэм, — единственное место в мире, в которое я совсем не хотел бы попасть, а как раз туда-то нам и надо. Мало того, что нам надо туда, куда не надо, так мы еще никак не можем туда попасть. Мы плутаем и плутаем и никак не спустимся. Да и куда спускаться-то? Видно же, что на равнине сплошное болото. Даже здесь пахнет тиной.

— Да, — коротко ответил Фродо.

Он не шевелился, не в силах отвести глаз от темной стены на горизонте, только прошептал устало:

— Мордор! Если уж суждено попасть туда, то пусть это будет скорее. — Он вздрогнул от ледяного ветра, пропитанного гнилостным болотным запахом. — Ладно, не стоять же здесь всю ночь. Поищем укрытие для ночлега, а завтра видно будет.

— А может, послезавтра или послепослезавтра, — проворчал Сэм, — а может, и никогда. Наверное, мы сбились с пути.

— Это неважно, — странно ответил Фродо. — Я должен попасть в Страну Мрака, значит, и путь должен найтись, только бы не слишком поздно. Нас могла спасти лишь быстрота, а мы все плутаем в горах. Я уж думаю, не ведет ли нас злая воля Минас Моргула? Нужно было раньше расстаться с отрядом, обойти и хребет, и болота и выйти к мордорским перевалам. А теперь поздно. Позади орки, а мы теряем драгоценное время. Я устал, Сэм, и просто не знаю, что делать. Послушай, сколько у нас осталось припасов? — обеспокоенно спросил он.

— Только лориенские лепешки, но их достаточно. Вот уж не думал, что эльфийская еда может приесться, но сейчас за кусок простого хлебца да с кружкой пива все бы, кажется, отдал. Ну пусть не кружку, хоть полкружечки! У меня ведь и посуда с собой, да что от нее толку! Ни хвороста, ни дичи.

Быстро темнело. Они устроились во впадине между камнями. Спать было холодно, но камни все же защищали от пронизывающего восточного ветра.

Рано утром они уже сидели, дрожа, и утоляли голод эльфийскими лепешками. Сэм спросил:

— Ну что, появлялись ночью глаза?

— Нет, — ответил Фродо, — уже две ночи как их нет.

— Вот не жалко! От этих глаз у меня мороз по коже. Может, он наконец потерял нас, проклятый лиходейщик! Попался бы мне этот Горлум, я бы поговорил с ним по-своему.

— Надеюсь, случая у тебя не будет, — произнес Фродо. — Не знаю, как ему удалось нас выследить, но здесь, на камнях, нет ни следов, ни запаха, так что, может, он и потерял нас. Но я сейчас не о нем думаю, а о том, как бы нам выбраться из этого лабиринта. Хочется закрыться хоть чем-нибудь с востока. Плохо, когда только мертвые равнины отделяют нас от Тени. Она словно смотрит на нас! Идем. Надо искать спуск.

Но день снова прошел в бесконечных блужданиях по краю плоскогорья. Кроме тоненького свиста ветра, тишину здесь не нарушало ничто, но временами им чудились то отзвуки шлепающих шагов, то стук потревоженного камня. Стоило остановиться и прислушаться, как все замолкало.

Они пробирались по внешнему хребту Эмин Майл, вслед за ним забирая все больше к северу. Здесь было много раскрошенных временем каменных глыб, глубоких рытвин и трещин. Обходя их, путники уклонялись то влево, то вправо и поэтому не сразу заметили, что нагорье медленно, но неуклонно понижается, спускаясь к равнине.

Наконец хребет резко свернул к северу, и глубокий провал преградил им путь. По ту сторону ущелья вздымалась огром-

ная скала — серая, неприступная и ровная, словно обрезанная ножом. Надо было поворачивать: либо на запад, в середину нагорья, либо идти вниз, на восток.

— Придется спускаться в ущелье, — сказал Фродо. — Посмотрим, куда оно нас приведет.

— К обрыву, могу об заклад биться, — буркнул Сэм.

Ущелье вело и вело их по краю, временами на дне виднелись то чахлые березки, то кривые жалкие ели, убитые ледяным ветром. Видно, когда-то давно дно ущелья густо зеленело, но потом пришли стужа и мрак, и теперь лишь пни напоминали о прежнем.

Дойдя почти до конца ущелья, Фродо заглянул вниз и удивленно присвистнул.

— Смотри-ка, Сэм, похоже, мы здорово спустились. Дно-то не глубоко и не так круто, как раньше.

Сэм тоже посмотрел вниз.

— Оно конечно, — проворчал он, — если кто умеет летать, к примеру, то и правда не глубоко. А если кто только ползает и прыгает — тому достаточно.

Фродо на глаз прикинул расстояние и решительно сказал:

— Все равно. Тут не больше восемнадцати фатомов. Надо попробовать.

— Нам хватит, — мрачно отозвался Сэм. — Я и смотреть-то с такой высоты боюсь, куда уж тут лезть...

— Посмотри, — не обращая на него внимания, говорил Фродо, — здесь не так круто и склон в трещинах и выступах. Знаешь, если пробовать, то лучше сейчас. Кажется, гроза будет.

Туманную гряду гор на востоке накрыли черные тучи, от них к западу протянулись грязные перья. Поднявшийся ветер донес дальний раскат грома. В тучах сверкнула молния. Тревожно взглянув на небо, Фродо стянул поясом плащ, поправил сумку и направился к краю обрыва.

— Попробую, — сказал он.

— Ладно, — мрачно отозвался Сэм, — только сначала я.

— Почему ты? — удивился Фродо. — Ты ведь не хотел...

— Да я и сейчас не хочу, но лучше все-таки мне. Ведь если я свалюсь сверху, нам обоим не поздоровится. А вам нельзя... — Сэм не договорил, сел на край обрыва, повернулся и приготовился спускаться. Вряд ли ему раньше доводилось отваживаться на столь отчаянно-безрассудный поступок.

— Стой, Сэм! Вот осел упрямый... — остановил его Фродо. — Ты же наверняка убьешься, даже под ноги не глядишь! — Он подхватил Сэма под мышки и вытащил наверх. — Подожди-ка здесь, потерпи немного.

Фродо растянулся на краю обрыва и, свесив голову, начал высматривать дорогу. Свет быстро мерк, хотя солнце еще не село.

— Рискнем, — наконец произнес он. — Я пройду здесь, да и ты сможешь, если не потеряешь голову.

— Попробуй тут не потерять, — проворчал Сэм. — Дна-то не видно, вон как стемнело. А если там не за что будет зацепиться?..

— Вернусь обратно, — коротко ответил Фродо.

— Легко сказать, — гнул свое Сэм. — Давайте уж до утра подождем.

— Нет! — В голосе Фродо слышалось непонятное упорство. — Мне дорог каждый час, каждая минута. Я попробую спуститься. А ты не ходи за мной, пока не позову!

Он уцепился за выступ и легко соскользнул вниз, нащупывая ногами опору.

Быстро темнело. Грозовая туча с востока уже накрыла небо.

— Шаг первый, — сказал Фродо, — здесь уступ расширяется вправо. Я уже могу стоять, и я... — Фродо замолчал, и в тот же миг прямо у них над головами небо раскололось и ослепительная прямая молния ударила в камни неподалеку. Вслед за ужасным раскатом грома в мгновенной тишине сверху упал протяжный пронзительный вопль. Если в лесах Шира он заставил хоббитов оцепенеть, то здесь, в этой каменистой пустыне, Сэму показалось, что он сейчас умрет от невыразимого ужаса. Он упал ничком, стараясь закрыться от всего, не видеть и не слышать.

Пытаясь зажать руками уши, Фродо невольно выпустил опору, пошатнулся, вскрикнул и сорвался вниз.

Сэм заставил себя подползти к краю и окликнуть Фродо. Ответа не было. Пересиливая нарастающую дрожь, он с трудом крикнул снова, но порыв ветра затолкал крик обратно в горло.

Фродо не упал в ущелье, а скользнул вдоль стены и угодил на другой карниз пятнадцатью футами ниже. К счастью, край выступа поднимался, а порыв ветра вжал хоббита в скалу; падение ему не грозило. Он распластался, прижавшись лицом к холодному камню, чувствуя, как колотится сердце, и попытался взять себя в руки. Вокруг был непроницаемый мрак — то ли сгущалась мгла, то ли он ослеп от вспышки. Он услышал, как Сэм зовет его, и слабо ответил:

— Я не могу... Здесь не за что ухватиться... и не видно ничего.

— Как мне вам помочь? — в отчаянии крикнул Сэм, перегнувшись через край и начисто забыв о своей боязни высоты. Почему Фродо ничего не видит? Темно, конечно, но не настолько же... Он-то видит Фродо: вон маленькая серая фигурка прижалась к скале... Но рукой до него не дотянуться...

С новым раскатом грома хлынул ливень. Дождь с градом обрушился слепящей стеной, глухо застучал по камням, обжигая холодом.

— Я спущусь к вам! — крикнул Сэм. Что это даст, он и сам не знал.

— Нет, нет, подожди! — Голос Фродо прозвучал тверже и увереннее. — Мне уже лучше. Подожди! Тут нужна веревка...

— Веревка! — радостно завопил Сэм. — Да такого дурака, как я, стоит на ней повесить другим в назидание! Старик мой всегда повторял: «Олух ты, Сэм, и больше никто!» Веревка-то...

— Хватит причитать! — прикрикнул Фродо. Он немного пришел в себя, и вопли Сэма одновременно смешили и раздражали его. — Слышал я про твоего старика! Ты хочешь сказать, что в твоих карманах и веревка завалялась? Так доставай ее!

— Да в сумке она у меня! — никак не мог успокоиться Сэм. — Таскал-таскал и вдруг забыл, надо же!

— Займись делом и дай мне конец!

Сэм торопливо вытряхнул сумку. Веревка лежала на самом дне. Серебристо-серая, мягкая, шелковистая веревка из Лориена! Размотав ее, он бросил конец Фродо.

Фродо заметил тонкую, слово светящуюся нить. Окружавший его мрак поредел. Он задержал взгляд на веревке, и ему стало спокойнее... Дотянувшись до нее, Фродо обвязался и с помощью упиравшегося изо всех сил Сэма вскарабкался наверх.

Гром грохотал в отдалении, а холодный ливень хлестал по-прежнему. Меж валунов вспухли пенистые потоки, а с каменных карнизов лило, словно с крыш.

Отыскав щель в скале, чтобы хоть как-то укрыться от разбушевавшейся стихии, они сели, прижавшись друг к другу.

— Меня бы сейчас там смыло, — дрожа, проговорил Фродо. — Как здорово, что ты вспомнил о веревке!

— Здорово было бы, если бы я вспомнил о ней пораньше, — виновато вздохнул Сэм. — Я своими глазами видел, как эльфы клали ее в лодку, и взял один моток, уж очень она мне понравилась. Хэлдир еще сказал тогда: «Она на все годится». Вот и пригодилась!

— Надо и мне было взять, — с сожалением произнес Фродо. — Но я слишком торопился уйти от отряда. Интересно, а хватит ли ее, чтобы спуститься?

Сэм измерил веревку на руке.

— Тридцать локтей, — сообщил он. — С виду тонкая, но выдержит много. А мягкая, легкая какая! Одно слово — эльфийская.

— Тридцать локтей, — задумчиво повторил Фродо, — думаю, хватит. Надо попробовать.

— Дождь почти кончился, — ответил Сэм, — но впотьмах лучше не рисковать. Я как вспомню этот вопль... — Он содрогнулся. — Вроде как Черный Всадник, только сверху. Это что же, они уже и летать научились? Лучше дождемся утра.

Фродо поднялся на ноги.

— Знаешь, Сэм, мне больше невмоготу сидеть здесь, на виду у Темной Страны.

Гроза стихала. Небо на востоке расчистилось. Мрачная мысль Саурона ненадолго задержалась на этой местности и сосредоточилась на долине Андуина. Теперь там бушевала настоящая буря, и воды Великой Реки хлестал ливень. Минас Тирит померк под тучами. Гроза накрыла Гондор, дотянулась до границ Рохана, и Всадники, спешившие на запад, видели позади тонущее в мрачных клубах солнце. Но здесь, над каменистой пустыней, над гнилыми болотами, вечернее небо в тишине стало глубоким темно-синим озером, и в нем проглядывали первые бледные звезды.

— Как хорошо опять видеть — сказал Фродо, полной грудью вдыхая посвежевший воздух. — Я ведь думал, что ослеп — от молнии или от чего похуже... Совсем ничего не видел, пока не спустилась эта веревка. Она словно светилась...

— Как серебро в ночи,— подтвердил Сэм.— Раньше я этого не замечал. Правда, и не вспоминал ее с самого Лориена...— Он помолчал, а потом спросил: — А как мы по ней спускаться будем?

Фродо с минуту подумал.

— Вот что, Сэм. Привяжи-ка ее к этому пню. Будь по-твоему, иди первым. Я стану потихоньку отпускать веревку, тебе придется лишь отталкиваться, чтобы не ушибиться о скалу. Правда, если найдешь опору и дашь мне передохнуть, это будет очень кстати. А когда спустишься, пойду я. Со мной уже все в порядке.

Спускаться оказалось вовсе не так трудно, как Сэм думал. С веревкой было не страшно, хотя иногда он все же зажмуривался, чтобы не смотреть вниз. В одном месте скала вдруг стала отвесной, а потом подалась вглубь; несколько раз он срывался и повисал, как паук на паутине, но Фродо наверху страховал его, и Сэм благополучно добрался до подножия обрыва. Веревки хватило с запасом.

— Готово! — крикнул он наверх. Фродо хорошо слышал его голос, но как ни вглядывался — серый плащ Сэма совершенно сливался с камнями внизу.

Самому Фродо спускаться было труднее. Наверху теперь никого не было. Сначала он не очень-то доверял веревке, но, сорвавшись и повиснув дважды, успокоился и так же благополучно оказался на дне.

— Ну вот,— воскликнул он,— вот мы и вырвались! — Но тут же приуныл.— А дальше что? Как бы не пришлось скоро пожалеть, что у нас под ногами не твердый надежный камень.

Не отвечая, Сэм смотрел наверх.

— Вот это да! — сказал он.— Веревка там, а мы здесь. Во-первых, жалко, а во-вторых, мы как будто специально оставили ее для этого поганца Горлума.

— Уж что-нибудь одно,— засмеялся Фродо,— или спускаться, или оставаться с веревкой наверху.

— Жалко, — покачал головой Сэм. — Веревка все-таки не простая, эльфийская. Может быть, сама Владычица своими руками ее свила... Галадриэль! — прошептал он и слегка дернул веревку на прощанье.

К их несказанному удивлению, веревка соскользнула с обрыва и мягкими петлями упала Сэму на голову.

— Так, — Фродо с трудом сдержал улыбку. — А я-то доверил жизнь твоему умению вязать узлы! Как это она еще раньше не развязалась!

Сэму было не до смеха. Он обиженно ответил:

— Может, я и не мастак лазать по горам, но в узлах разбираюсь. Это у нас в роду, еще от прадедушки. Такой узел никогда сам не развяжется...

— Значит, о камень перетерлась, — предположил Фродо. — Давай посмотрим.

Веревка оказалась совершенно целой. Сэм долго ее осматривал, ощупывал, даже обнюхал, хмурясь и качая головой, а потом сказал:

— Как хотите, сударь, а вязал я ее крепко. Она сама вернулась, когда я вспомнил Владычицу Лориена.

Он свернул веревку и бережно уложил ее в сумку.

— Ладно, главное — она вернулась, — согласился Фродо. — Давай подумаем, что делать дальше. Скоро ночь. Ох, как чудесны звезды!

— Душа радуется, — подтвердил Сэм, глянув вверх. — В них есть что-то эльфийское. А месяц уже подрос, свету прибавилось.

— Все же по болотам лучше идти в полнолуние, — проговорил Фродо.

В наступивших сумерках они продолжали путь. Вскоре место недавнего спуска уже не разглядеть было на фоне темной скалы.

— Хорошо, что веревку мы прихватили, — сказал Сэм, оглядываясь назад. — Пусть его поломает голову, как мы спустились, пусть пошлепает своими лапами по острым скалам.

Идти было трудно. Во-первых, склон был довольно крут, а во-вторых, полно камней, мокрых и скользких после прошедшего дождя. Уже через несколько минут путь им преградила новая широкая расщелина. Дна не было видно, только слышалось слабое журчание: внизу тек ручей. Нечего было и думать найти обход в темноте.

Как Фродо ни хотелось поскорее выбраться отсюда, пришлось искать место для ночлега. Они долго бродили у подножия утесов, пока не свалились от усталости с подветренной стороны огромного валуна. Луна стояла уже высоко, и застывший каменный мир вокруг был залит неверным серебристо-серым светом.

— Возьми мое одеяло, Сэм, и спи, а я покараулю. Мне плохо спится последние дни. Я... — Фродо замолчал и схватил Сэма за руку. — Смотри! Что это там, наверху?

Сэм взглянул и чуть слышно свистнул сквозь зубы.

— Это Горлум, — сказал он. — Все-таки выследил нас. Ну и мерзкая тварь! Точно паук на стене.

Отвесная каменная стена неподалеку выглядела совершенно гладкой в лунном свете. По ней, растопырив тонкие лапы, медленно спускалось что-то и впрямь похожее на огромного паука. Издали на скале было не различить ни щелей, ни выступов, поэтому казалось, что Горлум ползет, как муха, да еще вниз головой! Голова иногда приподнималась, словно принюхиваясь, тогда в лунном свете поблескивали большие глаза.

— Интересно, видит он нас? — прошептал Сэм.

— Не знаю, — так же тихо ответил Фродо. — Вряд ли. Мы в плащах. Я тебя-то еле вижу. Странно: он же никакого света не любит, ни солнечного, ни лунного. Видеть не видит, а вот услышать или учуять может. И слух и чутье у него очень хорошие. А мы с тобой недавно такой шум подняли. Да и сейчас разговаривали слишком громко.

— Ну все, — сказал Сэм. — Он мне надоел, и на этот раз я его не упущу. — Надвинув капюшон на лицо, Сэм начал потихоньку красться к подножию скалы.

— Осторожно! — прошептал Фродо, следуя за ним. — Он опаснее, чем кажется.

Горлум был уже футах в пятидесяти от подножия утеса. Хоббиты наблюдали, притаившись за большим камнем. Видно, скалолазу попалось сложное место, некоторое время он принюхивался и сердито шипел. Потом пополз дальше, и Фродо с Сэмом расслышали:

— Ссс! Осторожнее, моя прелесть! Тишше едешь — дальше будешшь. Не сспеши, не сломай себе шшею! — Он поднял голову, взглянул на луну и тут же зажмурился. — Гадкий, гадкий свет! — зашипел он. — Он сследит за нами! У нас болят от него глаза, горлум, горлум!

Продолжая спускаться, Горлум шипел все громче:

— Где наша прелесть? Оно нашше, нашше, мы хотим его! Ссс! Мерзкие воры! Куда они подевали нашу прелесть? Мы иххх ненавидим!

— Что это за «прелесть»? — шепнул Сэм. — Неужели он...

— Тихо! — остановил его Фродо. — Он близко, может услышать.

Горлум и в самом деле остановился и завертел головой, прислушиваясь и прикрыв огромные глаза. Сэм, едва сдерживая себя, с гневом и отвращением рассматривал это странное существо.

Наконец Горлум оказался футах в десяти от земли, прямо у них над головами. Дальше шла совершенно отвесная стена, никакой опоры на ней не было. Горлум попытался развернуться ногами вперед, но не удержался и с визгом рухнул вниз, поджав, как паук, лапы.

Сэм выскочил из-за камня и в два прыжка оказался возле упавшего. Но даже в эту минуту, ошеломленный ударом о землю, Горлум успел схватить и обвить Сэма руками и ногами, как спрут. Липкие пальцы нащупывали Сэмово горло, а в плечо впились острые зубы. Сэм растерялся и боднул Горлума головой в лицо. В ответ раздалось яростное шипение, но хватка не ослабла.

Будь Сэм один, ему пришлось бы туго. Но Фродо с Шершнем в руках схватил Горлума за волосы и запрокинул его голову.

— А ну, отпусти, — сурово приказал он. — Смотри! Ты уже видел Шершень, а теперь можешь попробовать.

Глаза Горлума, еще секунду назад горевшие злобным огнем, погасли, руки разжались, и он упал на землю, как старая тряпка. Сэм вскочил на ноги, держась за плечо, и, наверное, пришиб бы Горлума, но его враг, поскуливая, елозил перед ним по камням.

— Не трогай нассс! Не трогай! Они ведь не тронут насс, такие славные хоббиты! Нам так плохо, горлум! Мы никого не трогали, а они прыгают на насс, как на мышшь... Пусть они нас пожалеют, а мы будем хорошшие, хорошшие...

— Что с ним делать? — свирепо спросил Сэм. — Связать и бросить здесь, чтобы больше не шпионил за нами!

— Не надо! — взмолился Горлум пуще прежнего. — Это ссмерть для нассс! Нельзя нассс связывать, нельзя, горлум, горлум! Мы можем умереть здессь!

Отчаянно рыдая, он подполз к ногам Фродо.

— Нет, убивать его мы не вправе, — неожиданно произнес Фродо. — Этот несчастный... он ничего не сделал нам.

— Не сделал? — Сэм потирал плечо. — Но хотел сделать, да и сейчас хочет. Задушить нас во сне задумал, поганец!

— Может быть, — задумчиво ответил Фродо, — но это другое дело...

Горлум притих и жалобно поглядывал на него, а в памяти Фродо звучали давние слова: «Какая жалость, что Бильбо не убил тогда эту подлую тварь! — Жалость? Именно Жалость и остановила его. Жалость и Милосердие: нельзя убивать без нужды. — Вот уж кого мне ничуть не жаль. Он заслуживает смерти! — Верно. Заслуживает. И не только он. Многие из живущих заслуживают смерти, а многие из умерших — жизни. Ты можешь вернуть им жизнь? То-то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть. Никому, даже мудрейшим из мудрых, не дано видеть все хитросплетения судьбы».

— Да, — сказал Фродо. Сэм с удивлением посмотрел на него. — Вы видите, — продолжал Фродо, глядя на запад. — Я боюсь, но мне жаль его. Он жалкий. Я не хочу убивать.

Горлум поднял голову.

— Да, бедные мы, жжалкие, — проскулил он, — хоббиты хорошшие, они не будут нас убивать.

— Нет, не будем, — произнес Фродо, — но и не отпустим, не надейся. Слишком ты хитер и злобен, поэтому пойдешь с нами, а мы уж за тобой присмотрим. Только услуга за услугу. От тебя потребуется кое-какая помощь.

Горлум опасливо встал на ноги.

— Да, да, мы сссоглассны. Мы пойдем вместе с добрыми хоббитами, найдем для них тропы в темноте, ссе сделаем. Только вот куда они идут в этихх гиблыхх холодных местах, мы хотим знать. — В его бледных часто мигающих глазах промелькнула злобная искорка.

Сэм хотел было ответить, но сдержался. По тону Фродо он понял, что происходит нечто важное, и решил не вмешиваться. И все-таки слова Фродо поразили его.

Глядя прямо в бегающие глаза Горлума, Фродо раздельно произнес:

— Ты уже догадался, Смеагорл, куда мы идем. И ты знаешь туда дорогу. Мы идем в Мордор.

При этих страшных словах Горлум рухнул как подкошенный, зажимая уши руками.

Сэм с трудом разобрал его шипение.

— Ссс! Да, догадались, мы догадались, — шептал он. — Не надо, не надо ходить туда! Там только пепел, пепел и жажда, там ямы, сстрашные орки, тысячи орчищев! Не надо ходить туда, добрые хоббиты не пойдут, нет, они пожалеют бедных нассс!

— Значит, ты был там? — сурово спросил Фродо. — И тебя опять тянет туда?

— Нет! — вскричал Горлум и сник. — Да, был, один раз, только один раз, случайно, разве не так? Но мы не хотим, мы не вернемся туда больше, нет, нет!

Вдруг голос у него изменился, и Сэм с Фродо не сразу поняли, что он, жалобно всхлипывая, разговаривает не с ними, а с кем-то другим.

— Отпустите, отпустите меня, горлум! Мне больно, не надо так больно! О, мои бедные руки! Я не хочу, мы не хотим. Я устал. Его нигде нет, нигде, горлум, горлум! О-о, они там не спят, гномы, и люди, и страшные эльфы с такими яркими глазами! Я не могу...

Он вскочил, сжал длинные костлявые пальцы в кулак и погрозил востоку.

— Мы не хотим! — крикнул он. Лицо его исказила судорога. — Мы не можем дать тебе... — И снова, упав на колени,

взмолился: — Не смотри на нас, горлум, горлум, не ссмотри так, не надо! Уйди, закрой глаза, усни!

— Нет, Смеагорл, — прервал его Фродо, — тебе не уговорить его уйти, и не заснет он, как бы ты ни просил. Но если хочешь избавиться от него навсегда, помоги мне, покажи дорогу в его страну. Обещаю, что не поведу тебя дальше.

Горлум сел, исподлобья оглядел хоббитов и прохрипел:

— Дорогу? Он там, он всегда там. Спросите у орков, они знают, они покажут вам дорогу, а Смеагорла не просите. Бедного Смеагорла нет, он давно ушел, пропал. У него отняли Сокровище, и он пропал.

— Но если ты пойдешь с нами, мы найдем его, — сказал Фродо.

— Нет, никогда! Он потерял Сокровище, — стонал Горлум.

— Встань! — резко приказал Фродо. Сэм снова удивленно взглянул на него.

Горлум встал и попятился, пока не уперся спиной в скалу.

— Вот так лучше, — сказал Фродо. — Ты понял? Мы договорились. Когда тебе лучше идти, днем или ночью? Хоть мы и устали, но, если тебе удобней ночью, мы отправимся сейчас же.

— От света у нас болят глаза, — проскулил Горлум, — не надо идти под Белым Ликом, не надо. Пусть он опустится за холмы. Пусть добрые хоббиты пока отдохнут.

— Тогда садись, — приказал Фродо, — сиди и не двигайся.

Сами хоббиты сели по обе стороны от Горлума, опершись спиной о камни и вытянув усталые ноги. И не говоря друг другу ни слова, оба знали, что спать не придется.

Луна медленно клонилась к закату. Потемнело. В небе разгорелись звезды. Текли минуты, никто из троих не шевелился. Горлум сидел в странной позе: подбородок на согнутых коленях, руки расслабленно распластаны по земле. Но по напряженной спине видно было, что он не спит. Из-под полуприкрытых век Фродо взглянул на Сэма. Сэм понял его. Они поудобней облокотились на камни и закрыли глаза, вернее, притворились, что закрыли. Вскоре послышалось их ровное дыхание. Через несколько минут руки Горлума слегка пошевелились, голова чуть заметно повернулась вправо, потом влево, приоткрылся один глаз, за ним — другой. Хоббиты будто ничего не замечали.

Внезапно Горлум, как кузнечик, прыгнул вперед. Именно этого от него и ждали. Не успел он сделать и шагу после прыжка, как Сэм бросился ему на плечи, а Фродо дернул за ноги.

— Давай веревку, Сэм!

Сэм достал веревку и ехидно осведомился:

— Куда это вы собрались, дражайший Горлум, в этих гиблых, холодных местах? Мы хотим знать, да! Уж не к приятелям ли оркам? У-у, гнусная тварь! — замахнулся он на Горлума. — Сейчас вот надену веревку на твою тощую шею, да затяну покрепче, поди, перестанешь прыгать!

Горлум даже не пытался вырваться. Он только метнул на Сэма быстрый злобный взгляд.

— Постой, Сэм, — остановил друга Фродо. — Не надо его вязать. Ему же придется идти. Привяжи его за ногу, чтобы не мог сбежать, и все.

Он не сводил глаз с Горлума, пока Сэм затягивал хитрый узел на тощей, но жилистой ноге пленника. Но ни он, ни Сэм не могли представить, к чему это приведет. Едва лишь узел охватил лодыжку, как Горлум пронзительно и противно заверещал, а потом начал корчиться, пытаясь достать веревку зубами. И визжал при этом не умолкая.

Приглядевшись, Фродо понял, что ему действительно больно. Но узел не мог быть причиной. Веревка охватывала ногу совсем слабо. Сэм только грозился затянуть ее покрепче.

— А ну, замолчи! — прикрикнул Фродо. — Никто тебе больно не делал. Если бы ты не думал удирать, не надо было бы и привязывать тебя.

Горлум, не слушая его, верещал пуще прежнего.

— Жжется, кусается! — вопил он. — Это эльфы, это они ее сделали, погибель на них! Злые хоббиты, они знаются с эльфами, эльфы страшные, страшные! Снимите, снимите ее! — Он совсем зашелся от крика.

— Ах, вот оно что, — понял Фродо и призадумался. — Ладно, мы ее снимем. Но ты пообещаешь — и пообещаешь так, что я поверю тебе...

— Обещаю! Все, что хотите! — заорал Горлум. — Все обещаю! Больно!

— Простого обещания мало, поклянись, — приказал Фродо.

Горлум разом смолк. Его широко раскрытые глаза вспыхнули и остановились на Фродо.

— Смеагорл, — вдруг отчетливо произнес он, — Смеагорл поклянется на Сокровище.

Фродо резко выпрямился, и Сэма снова поразил его строгий властный тон.

— Ты осмеливаешься клясться на Сокровище? Подумай! «...И единою черною волей сковать...» Этим ты клянешься? Оно извратит твою клятву и вовек не отпустит тебя. Остерегись!

Горлум припал к земле.

— На Сокровище, на Сокровище, — твердил он.

— Ну и в чем ты клянешься? — спросил Фродо.

— Быть очень-очень хорошим, — быстро проговорил Горлум.

Он проворно подполз и обнял ноги Фродо. Его трясло от собственных слов, когда он говорил:

— Смеагорл клянется, что никогда-никогда не отдаст Сокровище Тому, который там... — В глазах его снова плеснулся ужас. — Смеагорл убережет Сокровище. Но пусть ему покажут Сокровище, он будет клясться.

— Нет, — сурово произнес Фродо, глядя на него сверху вниз. Но в голосе его звучало и сострадание. — Ты хочешь увидеть свою Прелесть, хочешь прикоснуться к ней, но ты же знаешь: Оно отнимет у тебя разум, Оно подчинит тебя своей воле. Нет, ты не будешь клясться на Нем. Ты ведь знаешь, где Оно? Знаешь, Смеагорл. Так вот, поклянись Им, Оно здесь, перед тобой!

На миг Сэму почудилось, что Горлум съежился, а его друг, наоборот, вырос и принял облик могучего Владыки, укрывшегося серым облаком, чтобы скрыть свое величие. Возле его ног повизгивал маленький щенок. Но тем не менее что-то сближало их.

Горлум приподнялся и начал ластиться к Фродо, поглаживая его колени.

— Довольно! — раздался властный голос, и Сэм уже не удивился. — Клянись!

— Мы клянемся, — униженно забормотал Горлум, — нет, я, я клянусь служить хозяину Сокровища. Добрый хозяин, добрый Смеагорл, — тут он заплакал и снова начал хвататься за лодыжку.

— Сними веревку, Сэм, — распорядился Фродо.

Сэм неохотно повиновался. Тотчас же Горлум вскочил и начал носиться кругами, как собачонка, которую наказали, а потом опять погладили. Теперь он почти не шипел, не скулил и обращался уже не к себе, а к своим спутникам. Когда они приближались, он еще вздрагивал, съеживался и всячески старался не касаться эльфийских плащей, но казался дружелюбным и даже трогательным в попытках понравиться. Он хрипло хохотал, подпрыгивал при всякой шутке и просто ласковом слове Фродо и плакал, если Фродо отталкивал его. Однако Сэм по-прежнему был настороже. Этот новый Горлум-Смеагорл нравился ему еще меньше.

— Ладно, Горлум, или как тебя там, — проворчал он, — хватит! Луна зашла, ночь проходит. Пора идти.

Горлум с восторгом увивался вокруг.

— Идемте, идемте, — приговаривал он. — Я знаю, знаю дорогу. Орки там не ходят, орки не знают, они не любят болот, они обходят их. А мы пойдем там, там хорошо, я знаю. Идите за Смеагорлом. — Он припустился вперед, встал, оглянулся, как пес, приглашающий на прогулку.

— Стой, погоди! — крикнул Сэм. — Не так быстро. Я пойду сзади, и веревка будет у меня наготове.

— Нет, — неожиданно серьезно и даже чуть торжественно ответил Горлум, — Смеагорл обещал.

Некоторое время они шли на север, потом круто повернули вслед за Горлумом и начали спускаться прочь от обрывов и круч к болотам внизу. Через несколько минут все трое растаяли в темноте.

На обширной пустынной местности, простирающейся до самых Ворот Мордора, лежало черное безмолвие.

Глава 2
ЧЕРЕЗ БОЛОТА

Горлум двигался полусогнувшись, вытянув шею и то и дело опускаясь на четвереньки, но двигался быстро. Хоббиты не могли за ним угнаться, но, похоже, он больше не помышлял о бегстве. Когда Фродо с Сэмом отставали, он останавливался и поджидал их. Довольно скоро путь опять преградила та самая расщелина, с которой они сражались накануне, только теперь они были заметно ниже.

— Вот, — сказал Горлум, — здесь мы спустимся. И пойдем все дальше, дальше, туда, — он махнул рукой в сторону болот на юго-востоке. Болотный запах, дурманящий и тяжелый даже в холодном ночном воздухе, тут же с новой силой напомнил о себе.

Горлум порыскал вдоль края расщелины, остановился и подозвал хоббитов.

— Нам сюда! Смеагорл уже ходил здесь, я ходил здесь, я прятался от орков.

Один за другим — Горлум впереди — они спустились на дно. Это было нетрудно — глубина не превышала пятнадцати футов. Внизу струился ручеек. Множество таких маленьких потоков бежало с нагорья и терялось в стоячих озерцах и болотах внизу. Горлум свернул вправо — теперь они шли на юг — и с удовольствием зашлепал по воде. Он даже принялся напевать что-то, хихикал и подмигивал, толкуя о «сладких рыбках».

Каменюки и колючки
Так кусают наши ручки
И терзают ножки,
Скалы дыбятся, как гвозди,
Как обглоданные кости,
Где мясца ни крошки.
Но бежит ручей прохладный,
Нашим ноженькам приятный...
Что бы мы хотели?

— Что бы мы хотели? — И он бросил на хоббитов долгий взгляд. — Сейчас скажем. Тот-то, прежний, давно догадался... — В глазах Горлума вспыхнул огонек, очень не понравившийся Сэму.

В промозглой тьме живет она,
Как смерть, скользка и холодна,
Одета в панцирь из монет,
Но если тронешь — звона нет,
Она всегда в воде живет,
Но в рот ни капли не берет.

Ты так прохладна, так нежна!
Ты так приятна, так нужна!
И встреча будет так сладка,
Когда кусну тебя слегка!
Чудесно думать о еде!
Рыбешка! Рыбонька! Ты где?

Последние слова лишь усилили тревогу Сэма. С того момента, как он понял, что Фродо собирается взять Горлума в проводники, его мучил вопрос: как некоторые из них будут питаться? Может, Фродо думать об этом и ни к чему, но Горлум-то должен был добывать себе пропитание, иначе как бы он вынес свое одинокое путешествие? «Впрочем, плохо вынес, — решил Сэм. — Вон ведь: кожа да кости. И не привередa — не откажется закусить хоббитом, если рыбки не будет. Ну, хоббит ведь не рыбка, его так просто не словишь. Уж Сэма-то ему во всяком случае не достать».

Они ковыляли по извилистой расщелине очень долго, а может, так казалось усталым ногам хоббитов. Горлум, наоборот, не выказывал признаков усталости, но, как только небо посветлело, остановился и сел.

— День близко, — прошептал он так, словно день сидел за соседним камнем и мог подслушать его. — Смеагорл подождет... я подожду здесь, здесь можно укрыться от страшного Желтого Лика.

— Я бы не прочь увидеть солнце, — признался Фродо, — но мы будем ждать вместе с тобой. Я так устал, что все равно не могу идти.

— Нет, нет, не надо Желтого Лика, — всполошился Горлум. — Он покажет нас оркам. Их много кругом, они далеко видят. Славные хоббиты спрячутся вместе с нами, а потом, когда не будет Желтого Лика, мы пойдем дальше.

Они долго сидели на камнях, разбросанных по берегу ручья. Горлум бродил по воде, плескался и фыркал.

— Надо поесть, — сказал Фродо, — а то так мы недалеко уйдем. Эй, Смеагорл! — позвал он. — Иди сюда, поешь с нами.

При упоминании о еде в глазах Горлума зажегся яркий зеленый огонь. Он мгновенно вернулся к прежней горлумовой манере.

— Да, мы совсем отощали, наша прелесть, — завел он. — А что они будут кушать? Рыбешку? — Он облизнулся. Бесцветные губы приоткрылись, обнажив острые желтые зубы.

— У нас есть только вот это, — Фродо вынул эльфийскую лепешку, — да вода, если здешнюю можно пить.

— Ссславная водичка, — ответил Горлум, — пейте, пейте, пока можно. А что там такое, хрустящее, сладкое?

Фродо отломил кусок и протянул ему вместе с листьями. Горлум обнюхал обертку.

— Смеагорл чует! — прошипел он с отвращением и злобой. — Вонючие эльфийские листья, да! Он лазил по этим деревьям, а потом славные мои ладошки нельзя было отмыть от проклятого запаха!

Он отшвырнул листья, откусил кусок лембас, закашлялся и стал плеваться.

— Нет, — хрипел он с натугой, — пыль, пепел! Они нас задушат! Бедный Смеагорл может умереть.

Понемногу он затих и только жалобно причитал:

— Не надо такую еду. Хоббиты хорошие, но еда у них плохая, злая. Смеагорл не сердится. Он обещал и лучше умрет от голода. Бедный голодный Смеагорл!

— Жаль, — сказал Фродо, — ничего другого у нас нет. Если бы ты попробовал, может, эта еда и помогла бы тебе, но, видно, ты даже попытаться не способен. Может быть, потом...

Пока они ели, Горлум голодными глазами провожал каждый кусок лепешки. Убедившись, что никакой другой пищи не будет, он отошел в сторону и уселся с мрачным видом, что-то бормоча под нос. Сэм подозрительно посмотрел на него и шепнул Фродо:

— Нам обоим надо бы поспать, но я не доверяю этой голодной бестии. По мне, что Горлум, что Смеагорл — все одно, не может он сразу стать другим. Я посторожу пока, а когда уж невмоготу будет, разбужу вас, сударь.

— Хорошо, — отозвался Фродо в полный голос. — Он и правда стал другим, вот только каким именно и насколько другим — пока не ясно. Бояться-то нечего, по крайней мере сейчас, но посторожи, если хочешь, я посплю часа два, мне хватит, — и уснул, едва успев договорить.

Горлум свернулся клубком и тоже заснул. Сэм сидел, прислонившись к камню, слушал их ровное дыхание и чувствовал, что засыпает. Он встал и тихонько тронул Горлума. Тот, не просыпаясь, разжал кулак и опять свернулся в клубок. Сэм шепнул ему прямо в ухо: «Рыбка!» — но веки Горлума не дрогнули и дыхание не изменилось.

Сэм почесал в затылке. «Может, и вправду спит. Будь он на моем месте — не раздумывал бы». Сэм отогнал мелькнувшую было мысль о мече и веревке и опять устроился рядом с Фродо.

Проснулся он как от толчка. Вокруг было совсем темно. Сэм вскочил, чувствуя себя отдохнувшим и голодным, и понял,

что проспал весь день, а сейчас уже наступила ночь. Фродо еще спал, а Горлума нигде не было видно. Сэм горестно ахнул, но тут же сообразил, что раз они живы, значит, ничего страшного не произошло.

— Где же этот... несчастный? — спросил он сам у себя.

— Рядышшком! — прошипел голос сверху, и на фоне сумеречного неба Сэм увидел уродливую голову с оттопыренными ушами.

— Эй, ты куда? — встревожился Сэм. Все его страхи разом вернулись.

— Смеагорл голоден, — был ответ, — скоро вернется.

— А ну, вернись сейчас же! — Но Горлум уже исчез.

Проснулся Фродо. Он сел, протирая глаза и сонно оглядываясь.

— Который час, Сэм?

— Не знаю. Солнце уже зашло, а Горлум удрал. Сказал, что проголодался.

— Вернется, никуда не денется. Клятва удержит его, он не захочет расставаться с Сокровищем.

Фродо легко, даже легкомысленно отнесся к тому, что они столько часов проспали рядом с Горлумом — с очень голодным Горлумом.

— Да перестань ты казниться, — сказал он Сэму. — Устал, вот и заснул, оно и к лучшему, зато отдохнули. Путь нам предстоит нелегкий. Впереди самое трудное.

— Да я больше насчет еды, — признался Сэм. — Когда мы еще покончим с нашим делом! А потом как? Мы ведь волочим ноги только благодаря лепешкам, но они в сумках-то не растут. Хватит их, я думаю, недели на три, а потом туго придется. Может, нам нужно быть поэкономнее?

— Сэм, милый мой! — проникновенно начал Фродо. — Драгоценный мой хоббит, лучший мой друг! Не стоит ломать голову над тем, что будет дальше. Самое большее, на что мы можем надеяться, — это сделать свое дело. Никто тебе не скажет, что будет потом. Когда Единственное упадет в огонь, что станет с нами? Мы ведь будем совсем рядом. Думаю, еда нам тогда не понадобится. Нам бы только суметь дотащить себя до Огненной Горы. Но я даже не знаю, дойдем ли мы. Ородруин далеко, а силы мои на исходе.

Сэм хотел сказать что-то, но только порывисто схватил Фродо за руку и склонил голову. Фродо почувствовал на руке горячую слезу. Впрочем, Сэм тут же выпрямился, отвернувшись, и пробормотал:

— Ну где носит этого проклятого лиходейщика!

Горлум появился через несколько минут. Лицо и руки у него были в грязи, он что-то жевал, поминутно облизываясь. Друзья даже не решились спрашивать, чем ему удалось разжиться. Горлум шумно напился из ручья, смыл с себя грязь и только потом подошел к ним.

— Сславные хоббиты! — довольно прошипел он. — Так хорошо спали! Верят они Смеагорлу теперь? Вот и хорошо.

Всю следующую ночь они шли по ущелью, склоны которого становились все ниже, а под ногами все чаще вместо твердого камня попадалась мягкая земля. Небо, укрытое облаками, начало светлеть, обещая утро, когда ручей разлился, начал петлять в торфяниках, между поросшими мхом невысокими берегами, потом с плеском перелился через последний каменистый порожек в бочажок с бурой водой — и пропал. Высохшие камыши странно шелестели в неподвижном воздухе.

Вокруг, насколько хватало глаз, раскинулись темные бездонные провалы, заполненные угольно-черной водой. Над болотами висели клочья серого, с неприятным запахом тумана. Временами в тишине что-то громко булькало, и запах усиливался. У южного края равнины черным рифом над морем тумана вздымались стены Мордора.

Теперь путники полностью зависели от своего проводника. Без него они не смогли бы сделать в этих гиблых топях ни шагу.

Хоббиты не знали, а в тусклом свете и предположить не могли, что находятся у самого северного края болот, протянувшихся далеко на юг. Знай они местность, можно было бы попробовать обогнуть болота с севера, по каменистой пустыне Дагорлад. Впрочем, особой надежды на этом пути не было. Даже эльфийские плащи не укрыли бы их на голых равнинах от орков и прочих вражьих воинств, марширующих по дорогам.

— Мы что же, так и пойдем прямо через болото, Смеагорл? — спросил Фродо.

— Через болото, через болото, — бормотал Горлум. — Может, хоббиты хотят поскорее увидеться с Ним? Тогда вон там, — он махнул рукой на северо-восток, — есть хорошие твердые дороги. Они ведут прямо к Нему. На дорогах много Его слуг, они помогут, отведут прямо к Нему. Там Он и поймал Смеагорла. — Горлум содрогнулся. — С тех пор Смеагорл осторожный. Он знает другие пути, не такие хорошие и твердые, но подальше от Него. Это пути через болота, да! Над ними такие сславные, такие густые туманы! Надо идти осторожно, тогда мы уйдем далеко и будем идти еще долго-долго, пока Он не схватит вас...

Рассвело, но в таком густом тумане Горлум мог идти и при свете. Очень скоро хоббитам стало казаться, что они навсегда затерялись в мглистом липком безмолвии. Не было уже ни холмов позади, ни гор впереди, только болота. Фродо, похоже, уставал сильнее всех. Как ни медленно они шли, он отставал все чаще.

Вблизи болота оказались бесконечным лабиринтом лужиц, топей, извилистых ручейков. Даже Горлум с трудом находил здесь дорогу. Его огромная голова на длинной шее поворачивалась, вытягивалась, принюхивалась, бормотала что-то себе под нос. Иногда Горлум поднимал руку, и хоббиты останавливались, а он, согнувшись, пробирался вперед, трогал почву или слушал что-то, опустившись к самой воде. Настроение у путников упало. Холод, пронизывающая сырость, зеленая пузырящаяся поверхность мутной воды с редкими купами гниющих камышей навевали уныние.

Когда к середине дня туман чуть поднялся и стало проглядывать солнце, Горлум решительно остановился. Все трое притаились, как кролики, у края сухих бурых зарослей осоки. Тишину нарушал только чуть слышный заунывный посвист ветра в сухих стеблях.

— Даже птиц нету, — взгрустнул Сэм.

— Нету, — с готовностью подтвердил Горлум. — Сславные птицы! — Он плотоядно облизнулся. — Змеи есть, черви, гады всякие, много, а птиц нету, — добавил он с сожалением.

Сэма передернуло, но он промолчал.

На третий день идти стало еще труднее. Теперь они часто останавливались, поджидая Горлума, который то и дело уходил вперед, иногда надолго. Они были в самом сердце Гиблых Болот. В плотном тумане сумерки наступили рано.

Горлум тщательно выбирал, куда поставить ногу, и Сэм с Фродо старались ступать за ним след в след. Бочажки слились в широкие озера без берегов. Твердой земли оставалось все меньше, ноги то и дело уходили в липкую грязь. О расплате за малейшую неосторожность хоббиты старались не думать.

Скоро совсем стемнело, казалось, самый воздух почернел и потяжелел. Сэм начал тереть глаза: во мраке замелькали светлые пятнышки. Свет становился ярче, и вдруг то там, то здесь над болотами стали загораться трепетные огоньки, словно незримые руки зажигали свечу за свечой. Они двигались, перепархивая с места на место.

Сэм, забыв о своей неприязни, схватил Горлума за руку.

— Что это, Горлум? — шепотом воскликнул он. — Что это за огоньки? Смотри, они окружают нас!

— Да, да, — свистящим шепотом ответил Горлум, останавливаясь. — Призрачные огни, огни мертвецов. Не смотреть на них, не ходить за ними! Где хозяин?

Сэм обернулся и понял, что Фродо опять отстал. Темнота вокруг казалась еще чернее. Сэм наугад шагнул обратно, боясь подать голос, и наткнулся на Фродо. Он стоял, заглядевшись на пляску бледных огней, бессильно опустив руки, с которых капала болотная жижа.

— Идемте скорей! — одними губами торопливо заговорил Сэм. — Горлум говорит, нельзя на это смотреть. Только бы выбраться нам из этого проклятого места.

— Хорошо, — словно очнувшись от сна, выговорил Фродо. — Иди вперед.

Сэм повернулся и поспешил обратно, но на втором же шаге поскользнулся и упал. Руки его по локоть ушли в трясину, и темная поверхность гнилой воды оказалась прямо перед глазами. Послышалось слабое шипение, зловоние ударило в ноздри, огоньки замерцали и закружились в причудливом танце. Сэму почудилось, что он смотрит сквозь грязное стекло. Он громко вскрикнул и судорожно начал выбираться из болота.

— Там! — кричал он, измазанными в тине руками показывая вниз. — Там лица! Мертвые!

Горлум хрипло рассмеялся.

— Это Гиблые Болота. Нельзя смотреть в воду, когда пляшут огоньки.

— Я тоже видел, — тихо, словно во сне, произнес Фродо, подходя к ним. — В озерках, когда засветились огоньки... В каждом, в каждом бочажке — бледные лица, глубоко-глубоко под темной водой. Гордые лица и злобные, мрачные и печальные. Но все тронуты тлением, все давно мертвы, и на всех застыла ярость... — Фродо закрыл лицо ладонями. — Не знаю, кто они. Мне виделись люди, и эльфы, и орки рядом с ними.

— Да, — спокойно отозвался Горлум, — все мертвые, все подпорченные. Люди, эльфы и орки. Это — Гиблые Болота, — повторил он. — Давно, очень давно, еще когда Смеагорл был молодым, я слышал — здесь была большая битва, очень большая. Рослые Люди с длинными мечами, грозные Эльфы и визжащие орки... Недели и месяцы бились они у Черных Ворот. Потом стало болото и теперь все растет и растет...

— Так это ж когда было, — с сомнением проговорил Сэм. — От мертвых ничего бы уже не осталось. Это что — колдовство Темной Страны?

— Откуда мне знать! — огрызнулся Горлум. — До них не достать, не дотронуться. Мы хотели разочек, но нельзя, никак не достать.

Сэм вздрогнул, догадавшись, зачем Горлуму понадобилось доставать лица мертвецов.

— Век бы их не видать! — в сердцах сказал он. — Ну идем, что ли?

— Потихонечку, полегонечку, — подхватил Горлум. — А то и хоббиты булькнут к Мертвым и засветят по огоньку. Держитесь за Смеагорлом и не смотрите по сторонам.

Горлум начал забирать вправо, выискивая путь в обход трясины. Часто останавливаясь, иногда на четвереньках, они продолжали идти. Теперь и Фродо и Сэм мало чем отличались от

Горлума, такие же перемазанные липкой, жутко пахнущей болотной грязью.

Наконец, глубокой ночью, они поняли, что миновали сердце болот. Все чаще попадались островки твердой земли, и Горлум прибавил шагу. Видно было, что он узнает дорогу и идет уверенно.

— Вот и выбрались! — объявил он. — Славные хоббиты! Храбрые хоббиты! Очень-очень усталые хоббиты, да, моя прелесть, мы все очень-очень устали. Только хозяина мы должны увести подальше от гадких огоньков, да, должны.

Он припустил чуть не трусцой по еле заметной тропке. Высокие камыши с шелестом выпрямлялись у него за спиной. Внезапно он остановился и стал беспокойно принюхиваться, вытянув шею и вертя большой головой.

— Чем ты опять недоволен? — буркнул Сэм. — Воняет от нас, это верно; и от тебя, и от Фродо, и от всего этого проклятого места.

— И от Сэма не меньше, — подтвердил Горлум. — Смеагорлу другое не нравится. Воздух шевелится. Смеагорл чует, что-то происходит. Ему непонятно. Ему неуютно.

Тревога Горлума, казалось, росла с каждым шагом. Он все чаще выпрямлялся в полный рост, вытягивая шею, ловил ветер с юго-востока. Хоббиты долго не ощущали ничего необычного, и вдруг застыли на месте одновременно с Горлумом. Издалека донесся пронзительный, долгий, свирепый вопль. Пахнуло холодом, туман заколыхался, и разом погасли болотные огни.

Горлум дрожал, бормоча что-то невнятное. Послышался странный мертвящий свист, и над болотами промчался порыв ледяного ветра. Он мгновенно сдернул туманный покров. Над головами хоббитов в разрывах клубящихся туч выглянула яркая луна. Сэм вскрикнул было от радости, но Горлум рухнул ничком, посылая проклятья Белому Лику. В тот же миг Фродо заметил, что со стороны Мордора по небу несется темное облачко. Не успел он удивиться, как оно разрослось в черную тень, крылатую и зловещую. На миг закрыв луну, тень с воплем промчалась на запад. Хоббиты тоже упали, пытаясь врасти, вжаться в холодную землю. Страшная тень сделала круг, вернулась и снова пронеслась у них над головами так низко, что всколыхнула камыши. Вслед за ней, уже в обратном направлении, рванул порыв ветра, окончательно разгоняя туман над равниной. Теперь все необъятное пространство Гиблых Болот было залито ярким лунным светом.

Фродо и Сэм встали, а Горлум не шевелился. Им с трудом удалось поднять его, но он снова упал, закрывая голову руками.

— Призраки! — скулил он. — Это крылатые призраки! Они служат Сокровищу. Они все видят, от них не спрячешься. Они

расскажут Ему, и Он увидит, узнает... — Дальше все потонуло в рыданиях и сплошных «горлум, горлум, горлум». Только на заходе луны он успокоился и двинулся вперед.

С той минуты Сэму начало казаться, что Горлум снова переменился. Он стал еще льстивее и подобострастнее прежнего, но в глазах все чаще появлялся странный блеск, особенно когда он глядел на Фродо, и возвращалась прежняя манера говорить.

Были у Сэма и другие тревоги. Фродо все сильнее уставал. Он не жаловался, он вообще теперь почти не говорил, но вид у него был такой, словно он нес на плечах тяжесть, возрастающую с каждым шагом. Он двигался так медленно, что Сэму часто приходилось останавливать Горлума, поджидая друга...

С каждым шагом, приближавшим его к Воротам Мордора, Фродо чувствовал, как Кольцо у него на шее становится все тяжелее и тянет вниз. Но еще мучительнее было Око — нарастающее ощущение злобной воли, стремящейся заглянуть ему прямо в душу и овладеть ею. Фродо ясно чувствовал, где средоточие этой воли: так человек даже с закрытыми глазами знает, с какой стороны светит солнце. Он шел навстречу этой силе, и она ослепляла его.

Горлум тоже испытывал нечто похожее, но что творилось в его жалкой душонке, где сталкивалась воля Темного Владыки, желание вернуть Кольцо и власть клятвы, вырванной у него под угрозой, — этого хоббиты даже не пытались представить. Каждому хватало своих мрачных мыслей. Теперь Сэм шел последним, следя за каждым движением Фродо, готовый в любой миг подхватить и поддержать друга.

Рассвело, и хоббиты с удивлением увидели, как приблизились зловещие горы. Воздух стал холоднее и прозрачнее; стены Мордора уже не казались далекой туманной угрозой. Они вздымались черными башнями над мрачной пустыней. Болота кончились безжизненными торфяниками и растрескавшимся высохшим илом. Дальше, до самых Сауроновых ворот, лежала голая каменистая пустошь.

Хоббиты скорчились под большим камнем, пережидая серый дневной свет и крылатый ужас. Дальнейший путь запомнился плохо — растущий страх застил память. Еще две ночи пробирались они по этим землям. Воздух стал горьким, от него, как от дыма, першило в горле и перехватывало дыхание.

Занимался пятый день с тех пор, как они повстречались с Горлумом. Прямо перед ними встала черная гора. Вершина ее, окутанная клубами дыма, достигала низких туч. До ближайшего гребня оставалось миль двенадцать, не больше. Фродо озирался в тревоге. Даже на Гиблых Болотах была какая-то зелень, чувствовалась болезненная тень весны; здесь не росло

ничего — ни лишайников, ни плесени. Воронки и впадины были заполнены лишь пеплом да зыбучими песками. Тут и там высились груды шлака и камней, опаленных огнем и покрытых ядовитыми пятнами. Они походили на какие-то отвратительные надгробья, на вечный памятник мрачным трудам рабов Мордора. Эта осквернённая, изуродованная земля никогда не залечит раны — разве что Великое Море омоет ее живой водой.

— Мне плохо, — пожаловался Сэм. Фродо не шевельнулся. Происходящее походило на кошмарный сон, из которого никак не удается выбраться.

Утренний свет все шире разливался по зловещей пустыне, а они все не могли набраться храбрости пересечь ее. Даже свет казался враждебным, он открывал их глазам Мордора, словно подчеркивая полную беспомощность.

Не в силах двинуться дальше, все трое спустились в большую яму с покатыми склонами и какой-то маслянистой радужной лужей на дне. Они решили переждать здесь до сумерек, надеясь только, что яма защитит их от взгляда Врага.

Медленно проходил день. Мучила жажда. Пришлось сделать по глотку из фляжек, наполненных в последний раз еще в расщелине. Какой же мирной и уютной казалась она отсюда!

Хоббиты решили дежурить по очереди. Но усталость была так велика, что сон не шел. Лишь к вечеру Сэм задремал. Смеагорл уснул сразу же. Фродо не смыкал глаз. Тяжесть давила по-прежнему. Безуспешно пытаясь облегчить ее, он лег навзничь и долго смотрел в небо. Струи дыма складывались в видения темных мчащихся фигур и лиц из прошлого. Скоро он потерял счет времени в своих блужданиях между сном и явью и наконец забылся.

Вдруг проснулся Сэм. Ему показалось, что кто-то зовет его. Был вечер. Фродо спал, скатившись почти на дно ямы. Горлум сидел над ним на корточках и разговаривал сам с собою, вернее, в нем спорили вслух Смеагорл и Горлум. Голос у него был то внятный, то шипел, и глаза вспыхивали то бледным, то ярко-зеленым блеском.

Сэм прислушался, глядя из-под полуопущенных век. Шипящий голос — Горлум — требовал отнять Сокровище у спящего, голос Смеагорла возражал ему, но с каждым разом слабее.

— Смеагорл обещал, — говорил он.

— Да, моя прелесть, — шипел Горлум, — мы обещали. Мы обещали, что спасем Сокровище, что Он не тронет его никогда. Но оно все ближе к Нему, с каждым шагом, да. Интересно, что сделают хоббиты с Сокровищем, да, да, интересно.

— Я не знаю. Это не мое дело. Смеагорл обещал служить хозяину.

— Да, служить хозяину, Хозяину Сокровища! Возьмем его и будем служить сами себе!

— Но Смеагорл обещал! Славный хоббит, он снял с меня злую веревку, он говорил со мной ласково. Смеагорл будет хорошим.

— Будет хорошим? Ну и пусть будет. Мы же не собираемся трогать славного хоббита.

— Но мы поклялись хозяину Сокровищем, — возражал Смеагорл.

— Так возьмем Сокровище, — настаивал, шипя, Горлум, — и будем хозяином сами, горлум! Вот тогда тот, другой хоббит, очень недоверчивый хоббит, поползает перед нами, горлум!

— Но мы не тронем хорошего хоббита?

— Не тронем, пока не захотим. Он тоже Сумникс, моя прелесть, да, Сумникс. Сумникс отнял у нас Сокровище, мы ненавидим Сумниксов!

— Но не этого!

— Нет, и этого! Всех, кто прячет наше Сокровище. Мы возьмем Сокровище себе!

— Но Он увидит, Он отнимет его!

— Он видит. Он знает. Он слышал, как мы глупо клялись — против Его приказа, да. Надо отнять Сокровище! Призраки уже ищут. Надо скорее отнять!

— Не для Него?

— Нет, мой сладкий. Сам посуди, моя прелесть. Мы скроемся, если Оно будет у нас, скроемся от Него, а? Может, мы станем сильными, сильнее Призраков? Властелин Смеагорл? Или лучше — Великий Горлум. Будем есть свежую сладкую рыбу трижды в день! Драгоценнейший Горлум! Мы жаждем его, жаждем его, жаждем!

— Но их двое, — с отчаянием возразил Смеагорл. — Он проснется и убьет нас. Не надо сейчас.

— Не сейчас? — Горлум помолчал, словно раздумывая. — Хорошо, не сейчас. Она поможет нам. Да, она поможет!

— Нет, нет, не надо! — простонал Смеагорл.

— Надо! Мы хотим его!

Длинные руки несчастного то тянулись к Фродо, когда говорил Горлум, то отдергивались, когда вступал Смеагорл. Наконец оба замолчали, и рука с шевелящимися пальцами потянулась к горлу Фродо.

В простоте душевной Сэм больше всего опасался, как бы вечно голодный Горлум не сожрал их, но теперь он понял, что Горлума влечет Кольцо. «Он» — это, конечно, Владыка Мордора, но кто такая «Она»? Впрочем, Сэм не стал долго раздумывать над этим. Сам не зная почему, он решил не подавать вида, что все слышал. Он медленно сел, широко зевнул и потянулся.

— Который час? — спросил он заспанным голосом.

Горлум замер на месте, потом вдруг упал на четвереньки и пополз вверх по склону.

— Сславные хоббиты, — шипел он, — хороший Сэм! Спали долго, оставили Смеагорла сторожить. Уже вечер. Темно. Пора идти.

«И пора бы с тобой расстаться, — подумал Сэм. — А лучше всего было бы прогнать тебя с самого начала, а не тащить с собой». И тут же сообразил, что Горлум, болтающийся на глазах, не так опасен, как Горлум, предоставленный сам себе. «Вот проклятущее создание», — ругнулся Сэм, спускаясь на дно ямы, чтобы разбудить Фродо. Как ни странно, Фродо чувствовал себя гораздо лучше. Ему снилось что-то прекрасное и сияющее, что именно, он не помнил, но оно придало ему сил. Он встал. Горлум кинулся к нему, как обрадованная собака, ластясь и увиваясь у ног. Фродо улыбнулся ему.

— Ну вот, — сказал он. — Ты хорошо вел нас и был нам верен. Приведи нас к Воротам, и я больше ничего не потребую от тебя. Приведи нас к Воротам, а тогда иди, куда хочешь, лишь бы не к врагам.

— К Воротам? — испуганно повторил Горлум. — Хозяин сказал — к Воротам? Да, да; так. Добрый Смеагорл сделает все, как велит хозяин. Но когда мы придем... там посмотрим. Там будет нехорошо, да, да.

— Идем,— нетерпеливо позвал Сэм,— хватит тебе причитать.

Едва успев отойти от ямы, они ощутили вдруг волну ужаса, такую же, как на Болотах при появлении крылатой тени. Они пали на пересохшую землю, но в небе ничего не увидели. Когда угроза миновала, двинулись снова. Около полуночи ужас опять охватил их, на этот раз — слабее, и скоро все прошло. Горлум очень напугался. Он так трясся и скулил, что не мог идти.

— Третий раз! — подвывал он.— Трижды — быть беде. Они чуют нас, чуют Сокровище. Мы не пройдем здесь, нет, нет. Все напрасно, все попусту...

Уговоры не помогали. Только когда Фродо гневно прикрикнул на него и схватился за меч, Горлум с ворчанием поднялся и побрел впереди, как побитый пес.

Глава 3
ЗАКРЫТЫЕ ВОРОТА

Еще до рассвета следующего дня они достигли Мордора. Пустошь и топи остались позади. Прямо перед ними, на фоне бледного неба, зловеще темнела громада гор.

С запада Мордор ограждали Хмурые Горы, а с севера высились серые иззубренные и обломанные пики Пепельных Гор. Горные цепи гигантской стеной окружали безотрадное плоско-

горье Горгорат с огромным тусклым, безжизненным глазом моря Нурнон посредине. За ним хребты, смыкаясь, образовывали глубокую теснину Кирит Горгор, Теснину Духов на Всеобщем языке, — вход в страну Врага, а по обе стороны на скалистых вершинах громоздились две мрачные черные башни — Зубы Мордора. Когда-то, после бегства Саурона, их выстроили гондорцы, чтобы закрыть Врагу дорогу назад, в свои прежние владения. Но мощь Гондора таяла, заставы слабели, а потом башни и вовсе опустели на долгие годы. Тогда-то Саурон и вернулся. С тех пор в башнях помещалась зоркая, бессонная стража, и они смотрели на север, восток и запад множеством неутомимых глаз.

Поперек теснины от утеса к утесу тянулась каменная стена, понизу изрытая сотнями ходов, нор, укрывищ; там размещались войска орков, готовые по первому сигналу своего Владыки двинуться в бой. В стене были только одни ворота, всегда запертые, всегда охраняемые сотнями воинов; открывались они лишь для тех, кого призывал к себе Саурон или кто знал пароль. Ворота назывались Моранноп.

Хоббиты в отчаянии взирали на эту жуткую преграду. Даже издали видны были воины на стенах и стражи у ворот. Путники притаились в каменной ложбинке, скрытой в тени северного отрога Хмурых Гор. Отсюда до ближайшей башни оставалось меньше фарлонга.

Настал день, и бледное солнце поднялось над голыми скалами Пепельных Гор. Вдруг раздался звук медных труб: начавшись на сторожевых башнях, он был подхвачен множеством других труб и рожков, и наконец издали мощно откликнулись трубы и барабаны в самом Барад Дуре, Черной Крепости. Для Мордора начался еще один день страха и тяжкого труда; дневная стража, сверкая оружием, сменила ночную, скрывшуюся в своих подземельях.

— Ну вот, — сказал Сэм, налюбовавшись этой картиной. — Вот Ворота, вот мы, но, по-моему, все так и останется, помяните мое слово. Ох, видел бы меня сейчас мой старик! Сколько раз он мне выговаривал: «Смотри, Сэм, куда идешь, не то плохо кончишь». Эх, увидать бы его еще хоть разок! Я уж готов до самой смерти выслушивать его «эх, Сэм, сколько тебе твердить»... Только сперва умыться надо, а то он меня и не признает. А насчет «куда дальше?» можно не спрашивать — дальше, по-моему, некуда. Разве что орки пригласят нас войти.

— Нет, нет, нет, — всполошился Горлум. — Не надо. Мы не можем идти дальше. Смеагорл знал это, он так и говорил хоббитам: «Дойдем до Ворот — там поглядим». Он знал, что им не войти, да, да!

— Так что ж ты, на погибель нас притащил сюда? — закричал Сэм, совершенно упустив из виду, что именно этого они и требовали от своего проводника.

— Хозяин велел, — оправдывался Горлум. — Хозяин сказал: привести к Воротам. Добрый Смеагорл привел. Хозяин велел так, умный хозяин!

— Да, я велел, — произнес Фродо. Он был весь в грязи, осунулся от усталости, но взгляд был решителен и ясен. Он не прятался больше. — Я велел так, ибо я намерен войти в Мордор. Другого пути я не знаю, так что войду вот этим. Я не зову с собой никого из вас.

— Нет, нет, хозяин! — застонал Горлум, цепляясь за него в отчаянии. — Не надо так! Не надо. Не бери Сокровище к Нему! Он съест нас, если получит его, съест весь мир! Сохрани Сокровище, добрый хозяин, не обижай Смеагорла. Не отдавай Ему! Или уходи обратно, вернись в хорошие места, а Сокровище отдай Смеагорлу. Да, да, хозяин, отдай! Смеагорл сбережет его, он сделает много добра всем, особенно славным хоббитам. Пусть они идут себе домой! Только не надо в Ворота!

— Я должен войти в Мордор, и я войду, — ответил Фродо. — Если это единственный путь, я пойду здесь, и будь что будет!

Сэм молчал. Ему довольно было одного взгляда на своего друга, чтобы понять всю бесполезность возражений. Правда, он с самого начала не очень-то верил в успех предприятия, но, как всякий хоббит, не задумывался, как оно там сложится, пока не было нужды. Однако конец рано или поздно должен был наступить. Фродо собирается в Мордор, Сэм отнюдь не собирается отпускать его одного. Там-то они во всяком случае отделаются от Горлума. Но, как выяснилось, Горлум вовсе не рвался от них избавиться. Он упал к ногам Фродо, ломая свои тощие руки и стеная.

— Не сюда, не сюда, хозяин! — умолял он. — Есть другой путь. О да, есть! Другой, темный, скрытый, потайной. Но Смеагорл знает, Смеагорл покажет.

— Другой путь? — переспросил Фродо, испытующе глядя на него.

— Да. Другой путь. Есть. Или был. Смеагорл нашел его. Пойдем и посмотрим, есть ли он там.

— До сих пор ты не говорил о нем.

— Нет. Хозяин не спрашивал. Хозяин не говорил, чего он хочет. Он не сказал бедному Смеагорлу. Он сказал: Смеагорл, приведи нас к Воротам, а тогда — прощай! Смеагорл может уйти, он хороший. А теперь он говорит — я хочу войти в Мордор, прямо здесь. И Смеагорл очень боится, он не хочет терять доброго хозяина, он обещал сберечь Сокровище.

Но если хозяин войдет здесь, то оно попадет прямо в Черную Руку. Смеагорл спасет всех. Он помнит другой путь. Славный хозяин! Смеагорл всегда помогает, Смеагорл хороший.

Сэм хмуро разглядывал Горлума. Его грызли сомнения. Похоже, что Горлум действительно был в отчаянии и в самом деле хотел помочь Фродо. Но, вспоминая подслушанный спор, Сэм никак не мог поверить в победу Смеагорла над Горлумом: он помнил, за кем осталось последнее слово. Сэму казалось, что обе половины — Смеагорл и Горлум (мысленно он называл их — Липучка и Вонючка) — помирились только временно, чтобы спасти Кольцо и Хранителя от рук Врага, а потом, улучив момент, овладеть Сокровищем.

«Хорошо еще, что ни тот, ни другой не знают, как Фродо намерен поступить с Кольцом, — размышлял он. — Судя по всему, Вонючка боится Врага настолько, что сразу выдаст нас, если попадется. Фродо надо быть с ним поосторожнее. Он, конечно, умный, умнее любого другого, только слишком мягок, вот в чем беда».

Фродо ответил Горлуму не сразу. Он долго глядел на темные утесы Теснины Духов. Лощина, в которой они укрывались, находилась на склоне холма, немного выше равнины: между нею и верхними бастионами Моранноном шла узкая, глубокая впадина. В утреннем свете были ясно видны сходившиеся у Ворот Мордора дороги. Одна — с запада, другая — с востока, третья шла с юга между мордорскими нагорьями и Великой Рекой и сворачивала в долину у самого холма, где притаились хоббиты. На равнине заметно было движение, словно там шли большие войска; в дыму и тумане блестели копья и шлемы, по дороге скакали всадники. Это напомнило Фродо картину, виденную несколько дней назад — или несколько лет? — с вершины Амон Хена. На мгновение сердце у него дрогнуло от безумной надежды, но она тут же развеялась: не армии Гондора шли против Врага, а отряды вастаков стекались под знамя своего владыки. Внезапно осознав опасность своего положения: днем, на свету, так близко от неприятеля, Фродо поспешно надвинул серый капюшон на голову и спустился ниже в лощину. Потом подошел к Горлуму.

— Слушай, Смеагорл, — сказал он. — Я поверю тебе еще раз. Мне кажется, так уж суждено: тебе — помогать мне, когда, казалось бы, помощи ждать неоткуда, а мне — пользоваться твоей помощью. До сих пор ты оправдывал мое доверие и не нарушил клятву. Я говорю это от сердца, — тут он бросил на Сэма быстрый взгляд. — Дважды мы были в твоей власти, и ты не воспользовался ею, не пытался отнять у меня то, что искал так долго. Надеюсь, так будет и впредь. Но предупреждаю, Смеагорл, ты в опасности!

— Да, да,— проскулил Горлум,— в великой опасности! Смеагорл весь дрожит при одной мысли о ней, но не убежит. Он поможет доброму хозяину!

— Я не о том,— возразил Фродо.— Опасность грозит тебе одному. Ты поклялся Сокровищем. Помни это! Оно может извратить твою клятву тебе на погибель. Оно уже извратило ее. Ты только что проговорился. «Отдай его Смеагорлу», — ты сказал, не говори так больше, не давай этой мысли укрепиться в тебе. Ты никогда не получишь его, но даже стремление к нему может погубить тебя. В крайнем случае, Смеагорл, я надену его, понимаешь? Надену — и ты, раб Сокровища, выполнишь любое мое приказание, хоть бы я велел тебе броситься в огонь.

Сэм глядел на друга одобрительно, но и слегка удивленно, не узнавая ни лица, ни голоса. Он всегда считал Фродо самым мудрым на свете, ну разве кроме Бильбо и Гэндальфа, но, как это ни странно, расценивал его всегдашнюю мягкость как своего рода слепоту. Горлум, верно, тоже принимал кротость за глупость, но ему это было простительно, он недавно познакомился с Фродо, и эта суровая речь совершенно сокрушила его. Он упал ничком, и от него уже ничего нельзя было добиться, кроме «добрый хозяин» и «бедный Смеагорл».

Фродо подождал немного, потом заговорил уже мягче:

— Ну, Горлум, или Смеагорл, расскажи-ка мне о другом пути. Стоит ли мне ради него сворачивать с прямой дороги? Я тороплюсь.

Но Горлум был так потрясен угрозой, что только скулил и бормотал, умоляя всех сжалиться «над бедным маленьким Смеагорлом». Постепенно он успокоился, и Фродо узнал, что дорога вдоль хребта ведет к Перекрестку, обсаженному большими деревьями. Оттуда правая дорога уходит к Осгилиату и к мостам на Андуине, а средняя — на юг, все дальше и дальше, до самых Великих, вечно беспокойных Вод. Там уйма рыбы, и большие птицы едят ее... «Сславные птицы... но мы никогда не бывали там, нет, никогда не приходилось. А дальше, говорят, лежат другие земли, и Желтый Лик там жжется, и небо всегда ясное, а Люди свирепые и смуглые. Мы не хотим туда...»

— Мы тоже,— оборвал Фродо.— Ну, а левая дорога?

— Да, да, левая,— поспешно ответил Горлум,— она ведет наверх, все выше и выше, прямо в Тень. Потом, за черным утесом, вы увидите... увидите эту... это... вы увидите, и вам захочется спрятаться...

— Что увидим?

— Старую крепость, очень старую, очень страшную. Мы слышали рассказы о ней, давно-давно, когда Смеагорл был молод. Да, мы рассказывали много сказок вечерами, под ветлами, на берегу Великой Реки, она тоже тогда была молодая, горлум,

горлум! — Он заплакал, бормоча и причитая. Хоббиты терпеливо ждали. — Сказки приходили с юга, — продолжал Горлум, немного успокоившись, — в них говорилось о могучих ясноглазых Людях, об их домах, прочных, как горы, о серебряном венце короля и о Белом Дереве — чудесные такие истории. Люди строили высокие башни, и вот они выстроили одну серебристо-белую, а в ней хранился сияющий и круглый, как луна, камень, а вокруг — высокие белые стены. Да, много рассказывали сказок о Лунной Башне...

— Должно быть, это Минас Итиль. Его выстроил Исилдур, сын Элендила, тот Исилдур, который отрубил Врагу палец... — объяснил Фродо.

— Да, у Черной Руки лишь четыре пальца, но и их довольно, — Горлума передернуло. — И Он ненавидел эту Лунную крепость.

— А что он не ненавидит? — вздохнул Фродо. — Ладно, нам-то что толку с этой крепости?

— Она стоит по-прежнему, — пояснил Горлум, — и гордые башни, и белые дома, и стены, но они теперь ужасные. Путники дрожат, когда видят их, они обходят их далеко-далеко. Но хозяин пойдет туда. Тот, второй путь — он как раз проходит мимо крепости. Горы там ниже, дорога все вверх, вверх, а потом вниз, вниз... в Горгорат, — добавил он шепотом и сильно вздрогнул.

— Ну и чем это лучше? — спросил Сэм. — Враг-то свои дороги знает, значит, и ту охраняет. Крепость-то не пустая, верно?

— Нет, не пусстая, — прошипел Горлум. — Она только кажется пустой, но там орки, да, орки, и другие, еще страшнее... Дорога идет в тени и входит в Ворота, а там — Безмолвные Стражи, и от них ничего не скроется.

— Так, так, так, — сказал Сэм, — значит, ты предлагаешь нам прогуляться на юг, чтобы в конце концов снова попасть в такой же тупик?

— Нет! — зашептал Горлум. — Хоббиты должны увидеть, должны понять. Он никого не ждет оттуда. Его Око смотрит повсюду, но не везде одинаково. Он не может видеть все сразу, пока не может. Он захватил всю страну, до самой Реки, Он стережет мосты, Он думает, что никто не подойдет к Лунной Башне, если не прорвется через мосты, а тогда Он будет знать...

— Я смотрю, тебе неплохо известно, что Он думает и что делает, — заметил Сэм. — Может, ты повидался с Ним недавно? Или только поболтал с орками?

— Злой Сэм, злой, нехороший! — прошипел Горлум, метнув на него злобный взгляд. Потом он обратился к Фродо: — Смеагорл говорил с орками, да, еще до того, как встретил хозяина. И с другими тоже. Он ходил очень далеко. Так все го-

ворят: самая большая опасность для Него здесь, на севере. Он скоро выйдет из Черных Ворот, только оттуда может выйти большое войско. Но на западе Он ничего не боится, потому что там стоят Безмолвные Стражи.

— Вот как? — насмешливо произнес Сэм. — А мы, значит, должны подойти, постучаться и спросить этих самых Стражей, как пройти в Мордор? А они такие безмолвные, что ничего нам не скажут, а проводят туда молча? Ну нет. Это можно и здесь сделать, незачем тащиться так далеко.

— Не ссметь шутить с этим! — прошипел Горлум. — Это не смешно, нет! Никому не надо ходить в Мордор. Но если хозяин говорит: «Я хочу», надо попробовать. А в страшную крепость не ходить, конечно, нет. Смеагорл поможет, славный Смеагорл. Ему никто не говорит, зачем это все, но он поможет. Он нашел. Он знает.

— Что ты нашел? — спросил Фродо.

Горлум опять припал к земле и зашептал:

— Тропинку в горах. Все вверх, вверх, а потом — лестница, да, очень длинная, узкая, а потом еще одна, а потом... потом подземный ход, очень темный, очень длинный, и тропа выходит высоко над дорогой. Так Смеагорл уходил из Мрака. Давно, очень давно. Может, тропы уже и нет, а может, и есть.

— Мне это не нравится, — категорически заявил Сэм. — Слишком просто. Если есть тропа, должна же она охраняться. Стерегут ее, Горлум? — ему показалось, что в глазах Горлума мелькнул зеленый огонек. Горлум не ответил, только пробормотал что-то.

— Так ее не охраняют? — сурово спросил Фродо. — И ты убежал от Мрака, Смеагорл? А может, тебя выпустили? Интересно, зачем? По крайней мере так думал Арагорн, когда словил тебя на Гиблых Болотах, несколько лет назад.

— Это ложжь! — прошипел Горлум, злобно сверкнув глазами при имени Арагорна. — Я убежал, убежал сам! Мне было велено искать Сокровище, да, и я искал, но не для Черного. Оно было наше, мое. Я убежал!

Фродо почувствовал, что сейчас Горлум говорит правду: он действительно нашел какой-то путь, чтобы уйти из Мордора, и верил, что нашел его сам. Фродо заметил, что Горлум говорит «я», а это было признаком тех редких моментов, когда прежняя честная натура брала в нем верх. Но, веря сейчас Горлуму, Фродо помнил и о коварстве Врага. «Бегство» могло быть подстроено, в Черной Крепости не могли не знать о нем. Ясно было, что Горлум чего-то не договаривает.

— Я тебя спрашиваю, — повторил он, — охраняют ее?

Но Горлум обиделся. Не так уж часто он говорил правду, и вот, когда он сказал ее наконец, ему не поверили! Он упрямо продолжал молчать.

— Стерегут ее? — повысил голос Фродо.

— Да, может быть, — угрюмо отозвался Горлум. — Безопасных мест там нету. Но хозяин должен попробовать или возвращаться домой. Других путей нет.

Горлум не назвал крепость на перевале, а называлась она Кирит Унгол. Это было зловещее имя. Арагорн объяснил бы его смысл, Гэндальф предостерег бы против нее. Но Арагорн был далеко, а Гэндальф погиб на глазах у Фродо, который и представить не мог, что именно в этот миг Гэндальф в Ортханке спорит с Саруманом, а мысли мага сосредоточены на помощи хоббитам.

Может быть, Фродо, сам того не зная, ощутил их... Во всяком случае, он долго сидел, опустив голову, стараясь припомнить все, что Гэндальф говорил ему, но не нашел в памяти никакого совета. Гэндальф покинул их слишком рано, когда Страна Мрака была еще далеко, и они никогда не говорили, как войти туда. Может, и Гэндальф не знал этого. Он побывал однажды в Дол Гулдуре, твердыне Врага на севере, но бывал ли он в Мордоре с тех пор, как там укрепился Саурон, приближался ли к Ородруину или к Барад Дуру? Фродо чувствовал, что нет. И вот теперь он, простой хоббит, должен попасть туда, куда не сумел или не посмел попасть ни один мудрый и сильный. Что ж, значит, такова его судьба. Он ведь сам принял на себя это бремя, сидя в своем домике, у камина, в далекий весенний день... Это было так давно и странно, как будто в давней повести из времен юности мира, когда два благих дерева еще стояли в цвету... И вот он на распутье. Какую дорогу выбрать? А если впереди на всех дорогах только ужас и смерть, то зачем выбирать?

Время шло. Над лощиной лежала почти осязаемая тишина. Бледное небо казалось далеким-далеким, по нему плыли клочья дыма, похожие на чьи-то мрачные мысли.

Даже орел не разглядел бы хоббитов против солнца — неподвижных, согнувшихся под тяжким бременем, закутанных в тонкие серые плащи. Разве что Горлума он мог бы заметить — да и то принял бы за остов ребенка, лежащий среди камней и едва прикрытый истлевшими лохмотьями.

Голова Фродо склонилась почти до колен, Сэм же, напротив, сидел закинув руки за голову, глядя из-под капюшона в пустое небо. И вдруг в бледной голубизне появилось что-то живое, движущееся, потом еще и еще... Это были крылатые существа, каких Сэм никогда не видел. Однако он сразу почувствовал, несмотря на расстояние, какие они огромные, с широченными крыльями... Он зажмурился, сжался в комок, охваченный тем вещим ужасом, какой испытал недавно на болотах, услышав голос Черного Всадника. На этот раз угроза была очень далекой, но Фродо тоже ощутил ее: он вздрогнул и шевельнулся, но не поднял головы. Горлум сжался под камнем,

как испуганный паук. Крылатые тени сделали круг и умчались, снижаясь, обратно в Мордор.

Сэм перевел дух.

— Там, вверху, Всадники, — хрипло прошептал он. — Я их видел. Как вы думаете, заметили они нас? Далеко ведь было, а? И потом, если это те же Всадники, что и раньше, то они плохо видят днем, да?

— Кажется, да, — ответил Фродо. — Но их кони видят, а эти, крылатые, на которых они летают теперь, могут быть зорче всех остальных. Они словно разыскивают что-то. Боюсь, Враг настороже.

Ощущение угрозы исчезло, и невидимая завеса, отделявшая их от мира, поднялась. Сразу вернулось сознание опасности. Но Фродо все еще молчал. Он сидел, закрыв глаза, словно в дремоте, наверное советовался со своим сердцем. Наконец встал. Они думали услышать его решение, но он только прошептал:

— Тсс! Что это?

Снова накатил страх. Они услышали хриплые голоса, крики и пение, сначала издали, потом все ближе. Им вдруг пришло в голову, что Черные Крылья выследили их и теперь наслали полчища воинов, идущих за ними; любая скорость казалась доступной этим исчадиям Врага. Припав к земле, хоббиты прислушивались. Голоса и лязг оружия раздавались совсем близко. Фродо и Сэм привстали и обнажили мечи, готовясь к схватке. О бегстве нечего было и думать.

Горлум медленно приподнялся и пополз к краю лощины. Он полз осторожно, дюйм за дюймом, потом выглянул между камней и сам стал неотличим от них. Голоса начали отдаляться, постепенно затихая. Далеко, у бастионов Моранноиа, прозвучала труба. Горлум тихонько соскользнул обратно.

— Люди идут в Мордор, — прошептал он. — Чернолицые. Мы еще не видели таких, нет, Смеагорл не видел. Они страшные. Черные глаза, и черные волосы, и золотые кольца в ушах — да, много золота! И на щеках красная краска, и красные плащи, и кончики копий тоже красные, и круглые щиты, желтые и черные, с большими шипами. Очень страшные люди, очень свирепые. Такие же, как орки. Смеагорл думает — они с юга, с далекого юга. Все время приходят люди в Мордор. Когда-нибудь там соберутся все племена.

— С юга? — спросил Сэм, от любопытства забывая о своих страхах. — А елефантов с ними нет?

— Кого-кого? — опешил Горлум. Потом потряс головой и решительно заявил: — Нету. А кто это?

Сэм встал прямо, по привычке заложил руки за спину (так он всегда делал перед тем, как «рассказывать стих») и начал:

Я сер, как мышь,
Я выше крыш,
А нос мой как змея.
Мой лоб как стол,
Нога как ствол,
Иду — дрожит земля.
Хожу, брожу,
Кружу, крушу,
Впечатываю шаг.
Могуч мой стан,
И ураган
Живет в моих ушах.
Когда поесть
Желаю всласть —
Беда невелика,
Поскольку есть
Большая пасть,
А в ней торчат рога.
И тот, кто вдруг,
Попав на юг,
Увидится со мной,
Решит, что он
Увидел сон,
Навеянный жарой.

— Вот, — сказал он, кончив декламировать, — такой у нас в Шире стишок есть. Чепуха, может, а может, и нет. К нам ведь тоже вести с юга доходят. В давние дни хоббиты и туда и обратно путешествовали. Не то чтобы все вернулись и не то чтобы стоило всему верить, что рассказывали... «Вести из Брыля, — как говорится, — не шире, чем слухи в Шире». Но я сам слышал про Большой Народ из Полуденных Стран. Мы их Смугляками звали. Говорят, они воюют на елефантах. И дома, и башни у елефантов на спинах, и всякое такое, будто они скалы ворочают и деревья ломают. Вот ты сказал: «Люди с юга, в красном и золотом», я сразу и спросил: «А елефанты есть?» Если б были, я хоть бы одним глазком глянул. Эх, да что теперь. Видать, не судьба мне елефантов увидеть. Может, их и вовсе нет, — он тяжко вздохнул.

— Нет, нету таких, — сердито заворчал Горлум. — Смеагорл о таких не слышал. Смеагорл не хочет их видеть. Он не хочет, чтобы они были. Он хочет уйти отсюда. Он хочет, чтобы хозяин ушел. Славный хозяин пойдет со Смеагорлом?

Фродо встал. Его рассмешила старая детская песенка, и смех помог ему решиться.

— Нам бы тысячу твоих елефантов, и чтоб впереди, на самом большом и белом — Гэндальф, — сказал он. — Тогда бы мы, может, и прорвались в эту треклятую страну. Ничего не поделаешь, придется обойтись парой усталых ног. Ну что же, Смеагорл, пусть третий раз будет решающим. Я пойду с тобой.

— Умный хозяин, добрый хозяин, славный хозяин! — восторженно вскричал Горлум, ластясь к коленям Фродо. — Добрый, умный! Теперь отдохните, мои славные, ложитесь в тени, у самых камней. Отдыхайте, пока Желтый Лик не скроется. А тогда мы пойдем, быстро-быстро, как тени!

Глава 4
О ТРАВАХ И КРОЛИКАХ

Когда лощину заполнили сумерки, они поели и выпили немного воды. Горлум ничего не ел, но воды попил.

— Скоро будет больше, — сказал он, облизываясь. — Много хорошей воды в ручейках, много ручьев там, куда мы идем. Там и Смеагорлу найдется еда. Он очень голодный, да! — Он прижал большие плоские ладони к тощему животу, и глаза у него загорелись бледным зеленоватым огнем.

Было уже темно, когда они осторожно двинулись в путь по западному краю лощины, прячась среди камней и рытвин. Луна была на ущербе и всходила не раньше полуночи. Высоко в одной из башен крепости горел красноватый огонек, но других признаков жизни не было. Моранноп казался спящим.

Этот красный глаз словно следил за ними. Они не смели выйти на дорогу, но и боялись потерять ее из виду. Наконец, уже после полуночи, огонек на башне превратился в красную точку и исчез: они обогнули северный отрог хребта и шли теперь прямо на юг.

Отдыхали недолго. Горлум все время торопил их. По его счету, от Моранпона до Перекрестка над Осгилиатом было лиг тридцать, и он надеялся покрыть это расстояние за четыре перехода. Когда в небе начал разливаться сероватый рассвет, пришлось остановиться. Почти восемь лиг осталось позади. Хоббиты не могли больше сделать ни шагу от усталости.

Светало, и они все яснее видели, что местность вокруг уже не такая пустынная и голая. Слева все так же мрачно вздымались горы, но дорога на юг шла среди зеленых холмов. Выше по склонам росли высокие темные деревья, а ниже расстилались холмистые просторы, заросшие ракитником, вереском, кизилом и каким-то еще незнакомым кустарником. Кое-где островками высились стройные сосны. Несмотря на усталость, на душе у хоббитов полегчало. Воздух здесь был свежий, душистый и напоминал о родном далеком Шире. Так отрадно было получить передышку, идя по стране, лишь несколько лет назад подпавшей под власть Врага и не успевшей погибнуть

окончательно. Но они не забывали об опасности. Моранноп миновали совсем недавно. Надо было искать укрытие до вечера.

День, проведенный в чаще кустарника, прошел беспокойно — по крайней мере, для Сэма. Фродо иногда крепко засыпал. То ли он доверял Горлуму, то ли просто слишком уставал. Сэму не спалось, даже когда спал Горлум. Ему не давала покоя не столько подозрительность, сколько голод: давно уже хотелось пожевать «чего-нибудь горяченького».

В сумерках они двинулись снова и шли теперь по дороге. Это было быстрее, хотя и опаснее. Приходилось напрягать слух, чтобы вовремя различить шаги или цоканье копыт, но ночь шла, а им никто не встречался.

Дорога была древняя. Чем дальше на юг, тем она становилась заброшеннее. В том, как прямо и ровно она шла, угадывалось мастерство древних строителей: она то прорезала склоны холмов, то перекидывалась через речки широкой каменной аркой моста, но в конце концов всякие следы каменной кладки исчезли в разливе трав и мхов. Вереск, хвощ, папоротник теснили ее со всех сторон и перехлестывали через края. Дорога сужалась, пока не превратилась в тропинку, но по-прежнему шла все так же прямо.

Путники вступили в северную часть страны, которую люди называли Итилиеном, — в прекрасную страну горных лесов и быстрых светлых речек. Ночь была ясная и звездная, и хоббитам определенно казалось, что воздух становится все ароматнее. По фырканью и бормотанью Горлума видно было, что хотя он тоже замечает это, но вовсе не одобряет. Как только забрезжил рассвет, пришлось остановиться в конце длинной глубокой расщелины, прорезанной дорогой в каменистом гребне. Они поднялись на западный склон и огляделись.

Быстро светлело. Горы здесь отступали далеко на восток, теряясь в легкой дымке. На западе холмы спускались отлогими скатами все ниже, к долине Андуина. Здесь островками росли ели, кедры, кипарисы, а между ними простирался сплошной ковер душистых трав и мелкого кустарника. Долгое путешествие увело хоббитов далеко от родного дома, но только здесь, в этой долине, они ощутили, как давно находятся в пути. Здесь весна уже началась: сквозь мох и прошлогодние листья пробивались молодые побеги папоротника, ветви одевались новой листвой, в кронах деревьев пели птицы. Итилиен, сад Гондора, хотя и заброшенный ныне, еще сохранял небрежную прелесть беспечной дриады.

На юго-западе его встречали теплые низовья Андуина, с востока защищали Хмурые Горы, с севера — Пепельные, так что сюда свободно попадали только теплые и влажные морские

ветра. Здесь рос уже настоящий лес, некогда обихоженый нуменорцами и заброшенный их потомками.

Огромные деревья, отжив свой век, тихо ложились на землю среди буйной беззаботной поросли; в зарослях тамариска и горького ореха, оливы и лавра попадались можжевельник, мирт и то вьющийся по ветвям деревьев, то оплетающий валуны узорным покровом тимьян. Тут и там в траве вспыхивали фиолетовые, малиновые, желтые метелки шалфея. Сэм углядел майоран и петрушку, но сколько же вокруг было всяких чудных пряных трав, о которых в Шире и не слыхивали! В гротах и галечных долинах уже засветились звездочки камнеломки. Анемоны и примулы проснулись в сырых низинах. Асфодели и лилии кивали полуоткрытыми головками по бережкам крохотных озерец, гасивших звонкие струи ручейков, отдыхавших в прохладных лощинах на своем пути к Андуину.

Путники сошли с дороги и стали спускаться вниз по склону. От потревоженной травы поднимались волны чудного аромата. Горлум кашлял и отплевывался, а хоббиты дышали полной грудью, и вот уже Сэм засмеялся — просто так, от радости.

Вдоль быстрого светлого ручейка они вышли к небольшому прозрачному озеру. Некогда берега его были вымощены камнем, но кладка почти вся рассыпалась и давно пропала под покровом мха и вьющихся диких роз. Вокруг озера, словно охраняя его, стояли высокие ирисы, на темной поверхности лежали круглые листья кувшинок; оно было глубокое и свежее и с неумолчным журчанием переливалось через нижний край.

Хоббиты вдоволь напились из ручейка и всласть выкупались. Потом стали искать место, чтобы отдохнуть и спрятаться: как бы ни была прекрасна эта страна, над ней простиралась рука Врага. Чуть в стороне от дороги виднелись шрамы старых битв и свежие раны, нанесенные орками или другими гнусными слугами Врага: кучи грязи и отбросов, бесцельно срубленные, умирающие деревья со злыми рунами, грубо вырезанными на коре.

Сэм, начисто забыв о Мордоре, спускался по ручейку, ощупывая и обнюхивая незнакомые травы и деревья, и вдруг наткнулся на выжженный в траве круг — след костра, — посреди которого возвышалась груда обгорелых, разбитых костей и черепов. Вереск, шиповник и ломонос, разрастаясь, уже накинули зеленый покров на следы ужасного пиршества, но видно было, что с тех пор прошло совсем немного времени. Сэм поспешно вернулся к месту стоянки, но ничего не стал говорить: пусть лучше кости покоятся в мире, не потревоженные и не осквернённые Горлумом.

— Надо искать лежку, — только и сказал он. — По-моему, лучше будет подняться повыше.

Над озером они нашли толстый бурый слой прошлогоднего папоротника. За ним круто поднимался склон, густо заросший

темнолистыми лаврами и увенчанный группой старых кедров. Здесь они решили укрыться и провести день, обещавший быть ясным и теплым. В такой день приятно было бы идти по холмам и рощам Итилиена, но хотя орки и не любят солнечного света, здесь хватало тени для засады. А ведь Саурону служат не только орки... Горлум решительно не хотел идти под Желтым Ликом. Он не выносил дневной свет и тепло.

Сэма не оставляла мысль о еде. Теперь, когда страх перед неприступными Воротами Мордора остался позади, он всерьез задумался, чем же они будут питаться, когда выполнят свою миссию. Ему хотелось приберечь эльфийские лепешки на черный день.

После длительного перехода, после питья и купанья, голод давал знать о себе пуще прежнего. Сэм повернулся к Горлуму, который по обыкновению собирался юркнуть на четвереньках в папоротник и исчезнуть по своим делам.

— Эй, Горлум! Ты куда? На охоту? Слушай, тебе наша пища не нравится, да я и сам не прочь бы отведать чего другого. Ты всегда рвешься помогать, так, может, найдешь что-нибудь для нас?

— Да, может быть, — неохотно ответил Горлум. — Смеагорл всегда помогает, если его попросят, если попросят ласково.

— Правильно, — сказал Сэм. — Вот я тебя и прошу. А если тебе кажется, что не очень ласково, то извини уж, я по-другому не умею.

Горлум исчез. Фродо пожевал лепешку, зарылся в папоротники и уснул. Утренний свет только начал пробираться под сень деревьев, но Сэм ясно различал лицо и руки друга. Ему вспомнилось, как спал Фродо в Дольне, когда его принесли туда чуть живого. Тогда, сидя над ним, Сэм замечал, что он временами начинает будто светиться изнутри. Сейчас это свечение стало явственнее. Лицо у Фродо было спокойное и казалось древним, древним и прекрасным, словно мудрость прожитых лет отразилась в чистых, доселе незаметных линиях, хотя сами черты лица вроде бы и не изменились.

Сэм долго смотрел на него, потом покачал головой и прошептал:

— Я люблю его. Светится он или нет, мне все равно, я его люблю.

Вернулся Горлум. Тихонько подкравшись, он заглянул Сэму через плечо, но тут же зажмурился и бесшумно отполз прочь. Через минуту он уже что-то жевал, бормоча по обыкновению под нос, а рядом с ним на земле лежала пара убитых кроликов.

— Смеагорл всегда поможет, — сказал он. — Смеагорл принес кроликов, славных кроликов. Но хозяин спит. Может, Сэм тоже хочет спать? Так нужны ему кролики? Смеагорл помогает, но кроликов так вдруг не поймаешь...

Сэм ничего не имел против кроликов, особенно против тушеных. Стряпать умеют все хоббиты, но Сэм слыл в этом деле мастером даже по хоббитскому счету. В пути ему не раз случалось демонстрировать свое искусство, все необходимое всегда было под рукой: маленькая трутница, две неглубокие кастрюльки, деревянная ложка и короткая двузубая вилка, пара вертелов, а на самом дне мешка, в плоской деревянной коробочке упрятана величайшая драгоценность — соль. Всего и дел-то было — развести огонь и раздобыть приправу. Он немного подумал, достал нож, поточил его и начал разделывать кроликов. Ему не хотелось даже на минуту оставлять спящего Фродо одного.

— Горлум, — позвал он, — принеси-ка мне воды вот в этих кастрюлях.

— Смеагорл принесет. Но зачем вода? — удивился Горлум. — Все уже умылись и попили.

— Не твоя забота, — отрезал Сэм. — Чем скорее принесешь, тем скорее узнаешь. Смотри, береги кастрюли, а то я тебя самого разделаю, как кролика.

Когда Горлум исчез, Сэм снова взглянул на Фродо и пробормотал:

— Не годится хоббиту так худеть. Сготовлю кроликов, тогда разбужу.

Он набрал сухого валежника, вырезал несколько пластин дерна около ручья, сделал неглубокую ямку и развел в ней костер. Дыма почти не было, только приятный смолистый запах. Когда вернулся Горлум, Сэм хлопотал над огнем. Горлум, увидев костер, поставил кастрюли и зашипел сердито и испуганно:

— Аххх! Сссс! Нет! Глупые хоббиты! Не надо этого, не надо!

— Чего не надо? — удивился Сэм.

— Этих красных яззыков! — прошипел Горлум. — Огонь, огонь, он опасный, да! Жжется, убивает! Он приведет врагов, да, да!

— А, брось, — пренебрежительно отмахнулся Сэм. — Он не будет дымить. Надо же мне как-то приготовить этих кроликов.

— Приготовить? — в отчаянии повторил Горлум. — Испортить такое хорошее мясо! Зачем? Они молодые, они мягкие. Съесть их, съесть! — он протянул жадные пальцы к кролику, уже ободранному и лежащему у огня.

— Но, но! — прикрикнул на него Сэм. — У каждого свой вкус. Тебе не нравятся наши лепешки, а мне — сырое мясо. Раз уж ты подарил мне кроликов, я могу делать с ними все, что хочу, даже сварить их. Поймай себе другого и ешь по-своему, только так, чтобы я не видел. А если тебя беспокоит костер, то я за ним послежу, дыма не будет.

Горлум отполз, ворча, и скрылся в папоротнике. Сэм хлопотал над кастрюлями, приговаривая себе под нос: «...по-хоб-

битски к кролику главное что? Приправа и коренья, и картошечки бы, да и хлебца не помешает... А приправа-то вроде есть...»

— Эй, Горлум, — ласково позвал он. — Услужи уж и в третий раз. Поищи травки.

Голова Горлума показалась над папоротниками, но взгляд был явно не дружелюбный.

— Мне бы лаврушечки, тмина и шалфея, пока вода не вскипела, — продолжал Сэм.

— Нет! — отказался Горлум. — Смеагорлу не нравится. Он не любит пахучих листьев. Он не ест травы и корни, нет, наша прелесть, разве что заболеет или оголодает, бедный Смеагорл.

— Смеагорл окажется прямо в настоящей горячей воде, прямо в кипятке, если не сделает, что его просят, — рявкнул Сэм. — Я сам макну тебя туда, сокровище ты наше! Кабы репка да морковка созрели, Смеагорл бы точно сходил за ними. Сдается мне, растут они здесь, сами по себе. Картошечки бы еще. Много бы я отдал за полдюжины картошек.

— Смеагорл не желает идти, нет, моя прелесть, в другой раз, — зашипел Горлум. — Смеагорла напугал нехороший хоббит. Смеагорл не хочет рыть корни и эти... картошки. Что еще за картошки, какие картошки?

— Кар-то-фель, — объяснил Сэм. — Экий ты, братец, непонятливый. Это ж для пустого желудка первое дело! Но рановато для картошки, не созрела еще, и искать незачем. Ну ладно, будь умницей, принеси травки, и я буду думать о тебе лучше. А картошечкой я тебя как-нибудь потом угощу. Уж от жареной рыбы с хрустящей картошечкой по-сэмовски ты не откажешься.

— Нет, откажешься, — сварливо возразил Горлум. — Жаришь сладкую рыбу, портишь ее. Дай лучше рыбу нам, а себе оставь всю остальную гадость!

— Ты неисправим, — сдался Сэм, — иди лучше спать.

В конце концов Сэм нашел что хотел. Но в поисках он не упускал из виду ни костер, ни спящего Фродо. Солнце поднималось все выше. Воздух теплел, и роса на траве высохла. Мясо и травы потихоньку доходили в кастрюлях. Сэм пробовал то одно, то другое, поддерживал огонь и чувствовал, что вот-вот заснет. Наконец кролик, по мнению Сэма, был готов. Он снял кастрюли с огня и тихонько разбудил Фродо. Тому, видно, опять приснилось что-то приятное, и опять он не помнил, что именно.

— А, Сэм... Ты не спишь? Который час?

— Солнце уже два часа как взошло. По-нашему где-нибудь полдевятого. Все в порядке. Только у меня нет ни луку, ни репы, ни картофеля. Я тут состряпал кое-что, это вам полезно.

Можно прямо из кастрюли, когда немного остынет. Мисок-то нет.

Фродо зевнул и потянулся.

— Тебе нужно было отдыхать, Сэм, — сказал он. — А разводить костер здесь опасно. Но я действительно проголодался. Гм! Чем это пахнет? Что ты приготовил?

— Подарочек от Смеагорла, — ответил Сэм. — Пара молодых кроликов, хотя, кажется, Горлум уже жалеет о них. Но заправить было нечем, так только, травки кое-какие...

Ели из кастрюли, пользуясь по очереди одной старой ложкой и одной вилкой на двоих. К кролику Сэм подал по половине эльфийской лепешки. Это был настоящий пир.

— Эй, Горлум! — негромко позвал Сэм. — Иди-ка сюда! Отведай тушеного кролика, тут и для тебя осталось. — Но никто ему не ответил. — Должно быть, опять отправился ловить что-нибудь, — решил Сэм. — Ну что ж, мы и сами все подъедим.

— Ладно, отдохнул бы ты теперь.

— Хорошо. Только не засыпайте, пока я подремлю. Я не очень-то ему доверяю. В нем еще очень много от Вонючки, то есть от Горлума, я хотел сказать, и, по-моему, Вонючка становится все сильнее. Он давно уже задушил бы меня, да что-то мешает. Я вижу, Сэм ему не по нраву.

Сэм встал и спустился к воде помыть посуду. Обернувшись, он увидел, что солнце уже поднялось над мраком и дымом, вечно лежащим на востоке, и пронизывает древесные кущи золотистыми лучами. В этом свете ясно различалась тонкая синевато-серая струйка, вьющаяся над папоротником. Сэм не сразу понял, что это — дымок костра, который он забыл погасить.

Он тихонько ахнул и заспешил назад, но вдруг остановился. Ему послышался не то свист, не то голос какой-то птицы. Если это был свист, то свистел не Фродо, а птиц что-то до сих пор не было слышно. Свист раздался снова, но теперь уже с другой стороны! Сэм со всех ног кинулся вверх по склону.

От случайно сдвинувшейся головешки затлел папоротник у костра. Торопливо сбив огонь, Сэм расшвырял угли и закрыл ямку дерном, потом подполз к Фродо.

— Вы слышали, кто-то пересвистывается? — прошептал он. — Вот только что. Я сначала подумал: не птица ли? Но, скорее, кто-то подражает птице. Боюсь, что костер у меня дымил все-таки. Никогда не прощу себе...

— Тсс! — прошептал Фродо. — Кажется, я слышу голоса.

Они быстро увязали сумки, вскинули на спину и, забравшись глубже в чащу кустарника, притаились там, вслушиваясь.

Сомнений не было. Тихие осторожные голоса приближались. И вдруг один из них раздался совсем близко.

— Вот откуда шел дым! — сказал он. — Оно где-то здесь, поблизости. Наверное, в кустах. Теперь мы поймаем его, как кролика, и тогда узнаем, что оно такое.

— И что ему известно, — добавил другой голос.

На поляну вышли одновременно с четырех сторон четыре человека. Ни бежать, ни прятаться больше было нельзя. Фродо с Сэмом выскочили на свободное место и встали спина к спине, обнажив мечи.

Если ими владело удивление, то люди на поляне удивились еще больше. Их было четверо: высокие, статные; двое вооружены копьями с широкими лезвиями, двое — большими, почти в рост, луками. За спиной висели колчаны, полные оперенных зеленых стрел. У каждого на поясе был меч. Здесь, в рощах Итилиена, зеленая с коричневым одежда делала воинов почти невидимыми. Руки в зеленых перчатках, на лицах зеленые маски и капюшоны, в прорезях блестели зоркие, внимательные глаза.

Фродо невольно вспомнился Боромир: эти люди были похожи на него и ростом, и осанкой, и манерой говорить.

— Нашли-то нашли, да не то, что искали, — растерянно протянул один из них. — Но что же мы все-таки нашли?

— Это не орки, — сказал другой, отпуская рукоять меча, за который он было схватился, увидев оружие в руках хоббитов.

— Эльфы? — неуверенно предположил третий.

— Нет, не эльфы, — ответил четвертый. Выше всех ростом, он, видно, был у них предводителем. — Эльфы больше не бывают в Итилиене, а потом, говорят, они очень хороши собою.

— А мы, значит, нет? — обиделся Сэм. — Вот спасибо. Когда вы кончите обмениваться впечатлениями, то, может, скажете, кто вы такие и почему мешаете отдыхать усталым путникам?

Высокий зеленый человек угрюмо усмехнулся.

— Я — Фарамир, начальник воинов Гондора, — сказал он. — В этой стране не бывает путников, здесь могут быть только слуги крепости: Черной или Белой.

— Мы не от той и не от другой, — подал голос Фродо. — Мы просто путники, что бы вы ни говорили.

— Тогда вам придется рассказать, и побыстрее, кто вы и куда идете! — приказал Фарамир. — Мы заняты, и сейчас не время для болтовни и загадок. Да! — спохватился он, — а где же третий?

— Третий?

— Да, третий. Мы видели его у озера, вон там. Вид у него подозрительный. Это, должно быть, какая-то порода орков-лазутчиков или их прислужник. Он ускользнул от нас.

— Я не знаю, где он, — произнес Фродо. — Это наш спутник, встреченный нами случайно, и я за него не отвечаю. Если вы его разыщете, то не убивайте, а приведите или пришлите к нам. Это жалкое бродячее существо, и я временно забочусь о нем. А что до нас, то мы — хоббиты из Шира. Это — страна, там, далеко на северо-западе, за многими реками. Я — Фродо, сын Дрого, а со мною Сэмиус, сын Хэмфаста, мой достойный друг. Мы пришли издалека, из Дольна, или Имладриса, как называют его некоторые,

При этих словах Фарамир вздрогнул и стал слушать внимательнее. Это не укрылось от Фродо.

— У нас было семеро спутников, — продолжал он. — Одного мы потеряли в Мории, а с остальными расстались в Порт Галене, повыше Рэроса: двое были мои земляки, один гном, один эльф и двое людей, — Фродо помолчал, словно раздумывая, говорить дальше или нет, — один из них звался Арагорном, другой — Боромиром. Он говорил, что пришел из Минас Тирита, города на юге...

— Боромир! — воскликнули все четверо.

— Боромир, сын правителя Гондора? — произнес Фарамир, и глаза его сверкнули. — Вы были с ним? Вот это новость так новость, если это правда. Знайте, чужеземцы, что Боромир, сын Денетора, был Стражем Белой Башни и нашим главным военачальником. Нам очень не хватает его! Но кто же вы и что у вас общего с ним? Говорите скорее, солнце уже высоко!

— Вы помните предсказание, из-за которого Боромир отправился в Дольн? — спросил Фродо. — То, где говорилось о сломанном мече и об Имладрисе?

— Конечно, помню, — ответил изумленный Фарамир. — Если вы знаете об этом, значит, говорите правду.

— Так вот, сломанный меч принадлежит Арагорну, нашему спутнику, — сказал Фродо. — А мы — полурослики, о которых сказал тогда голос.

— Да, похоже, что так, — задумчиво произнес Фарамир. — А что это за «проклятье Исилдура»?

— Пока это тайна, — ответил Фродо. — Но думаю, в свое время она откроется.

— Это же очень важно, — настаивал Фарамир. — И то, что привело вас так далеко на восток, в тень этого... — Он указал в сторону горного хребта, не называя его. — Ладно, не сейчас. У нас важное дело. Вы в опасности и сегодня все равно не ушли бы далеко, по дороге или без нее. Впереди у вас битва, а там — либо смерть, либо бегство к Андуину. С вами останутся двое моих людей для охраны, ради вашего же спокойствия, и моего тоже. Разумный не станет доверять случайным встречам на дорогах в этой стране. Если я вернусь, мы еще поговорим.

— Прощайте, — произнес Фродо, низко кланяясь. — Думайте как хотите, но я — друг всех врагов одного Врага. Мы по-

шли бы с вами, но не хоббитам равняться с такими могучими воинами, как вы. Да сияет солнце на ваших мечах.

— Хоббиты — учтивый народ, кем бы они ни были, — заметил Фарамир. — Всего доброго!

Хоббиты сели, ничего не говоря друг другу о своих тревогах и опасениях. Двое стражей остались поблизости, в тени лавровых деревьев. Было жарко, воины время от времени снимали маски, тогда Фродо видел красивые, гордые и печальные лица. Они тихо беседовали между собой, сначала на Всеобщем языке, потом на языке своего племени, и Фродо заметил, что их язык очень похож на эльфийский; он в изумлении смотрел на них, догадываясь, что видит потомков легендарного Нуменора.

Он заговорил с ними, они осторожно отвечали. Их звали Маблунг и Дамрот. Их предки жили в этой стране еще до того, как она была завоевана Врагом. Из таких правитель Денетор выбирал людей, которые тайно переправлялись через Андуин и сражались с орками между Рекой и Хмурыми Горами. Так далеко на восток, как сегодня, они редко заходили, но в этот день был получен приказ выследить и уничтожить отряд, идущий с юга.

— Когда-то между Гондором и Харадом, страной на юге, был договор о дружбе, — рассказывал Дамрот, — но настоящей дружбы не было, в те дни границы наши проходили южнее, за устьем Андуина, и Умбар, ближайшее харадское поселение, искал нашего покровительства. Но все это давно минуло. С тех пор сменилось несколько поколений, и никто из Гондора не бывал там. А оттуда и подавно никто не приходил. Поэтому мы слишком поздно узнали, что в Хараде побывали посланцы Врага, и харадримы перешли на сторону Мордора, а может, просто вернулись к нему. Нам ведома мощь Мордора, и мы не строим иллюзий насчет будущего Минас Тирита...

— Но и не сидим сложа руки, — вставил Маблунг. — Проклятые чужаки идут в Темную Крепость по древним дорогам, выстроенным руками Гондора. Они совсем обнаглели; видно, думают, что даже тень Его мощи защитит их. Ну, мы их проучим. Большой отряд должен пройти сегодня здесь после полудня. Так они не пройдут! Недаром вождем у нас Фарамир! Он бросается в самую гущу боя, как будто защищен чарами, а может, судьба хранит его для какого-то другого конца...

Они замолчали и стали прислушиваться. Сэм, не выдержав, осторожно выглянул из папоротника и увидел, что повсюду среди деревьев пробираются люди — в одиночку или группами, крадучись или ползком, едва видимые среди стволов и зелени в своих зеленых и коричневых одеждах. На них были такие же перчатки и маски и вооружение, как у Фарамира и

его спутников. Они быстро миновали поляну и исчезли. Солнце стояло уже высоко, и тени укоротились.

«Интересно, где эта тварь Горлум? — подумал Сэм, заползая глубже в тень деревьев. — Либо его поймают, приняв за орка, либо он изжарится на солнце. Ну да пусть сам о себе заботится». Он лег рядом с Фродо и задремал.

Разбудили его звуки рога и громкие крики поблизости. Лязгала сталь, слышался глухой стук клинков о щиты; крики и вопли раздавались совсем рядом, и один голос, громче и отчетливее всех, восклицал:

— Гондор!

— Во дела! — сказал Сэм. — Как будто сто кузнецов гремят по наковальням. И, по-моему, они к нам слишком близко.

Шум боя приближался.

— Смотрите! — вскричал Дамрот. — Смотрите, южане бегут сюда. Вон они! А наши — за ними, и Фарамир впереди!

Любопытство одолело Сэма, он присоединился к воинам и даже влез на невысокое дерево. Ему удалось разглядеть, как бегут вниз по склону рослые люди в красном, а за ними гонятся зеленые воины. Сверкали мечи, свистели стрелы. Вдруг, чуть ли не прямо на них, ломая молодую поросль, рухнул человек в красном. Он остался лежать в папоротнике ничком, из шеи у него, пониже золотого ожерелья, торчала стрела с зеленым оперением. Алая одежда была изодрана в клочья, панцирь из бронзовых пластинок изрублен, темные, переплетенные золотыми шнурами волосы напитались кровью, а в смуглой руке был зажат меч с обломанным клинком.

Впервые Сэм видел схватку людей с людьми, и это зрелище ему не понравилось. Хорошо хоть лица убитого не видно. Ему захотелось узнать, как зовут этого человека, откуда он родом, был ли он на самом деле злым и жестоким, и какими угрозами или какой ложью его завлекли умирать так далеко от дома, и не лучше ли было ему прийти сюда с миром — все эти мысли взвихрились у него в мозгу и исчезли. Новые звуки отвлекли его. Крики и вопли перекрыл трубный рев, а потом послышался тяжелый топот и глухие удары, словно неподалеку забивали сваи.

— Берегись! — крикнул Маблунг, шагнувший было из укрытия к убитому южаку. — Пусть Валары повернут его в сторону! Это мумак!

С замиранием сердца Сэм увидел огромную тушу, продирающуюся сквозь деревья вниз по склону. Выше крыши — куда выше крыши — показался ему этот серый живой холм. Харадский мумак был гигантом, а страх и изумление Сэма сделали его еще больше. Таких зверей в Средиземье уже не осталось. За нескольких ярдов от стражей мумак вдруг свернул в сторону, и Сэм смог по-настоящему разглядеть диковину:

ноги как стволы деревьев, огромные паруса-уши, хобот изогнулся, как змея для удара, маленькие красные глазки горят яростью, украшенные золотом бивни в крови. Алая с золотом упряжь съехала набок. Остатки боевой башенки на спине цеплялись за деревья и разваливались на глазах. А высоко-высоко, на шее зверя, отчаянно пытался удержаться казавшийся отсюда маленьким могучий южанин.

Ослепленное яростью чудище рвалось вперед, топча кусты и расплескивая болота. Стрелы, похоже, только злили его, не причиняя заметного вреда. Люди бежали, и мумак давил отставших и раненых. Вскоре он исчез из виду, только топот слышался еще долго.

Сэм так и не узнал, что с ним сталось; он перевел дух, слез с дерева и ошеломленно выговорил:

— Это ж елефант был! Так они по правде есть! И я таки углядел одного. Ну, дела! Вот только дома мне все равно никто не поверит, — он еще долго крутил головой, потом прислушался. — Похоже, все кончилось. Теперь я бы не прочь соснуть...

— Спите, пока можете, — ответил Маблунг. — Но если Фарамир цел, он скоро вернется, и тогда мы быстро снимемся с места. Как только Враг узнает об этой битве, за нами пошлют погоню.

— Тогда уходите потише, — сказал Сэм. — Не мешайте спать. Мы всю ночь шли без отдыха.

Маблунг рассмеялся.

— Вряд ли наш начальник позволит вам остаться здесь, — заметил он. — Ну, там посмотрим.

Глава 5
ОКНО ЗАКАТА

Сэму показалось, что он дремал всего несколько минут, но было уже далеко за полдень. Фарамир вернулся. С ним пришли человек двести воинов. Они расположились широким полукругом, Фарамир сидел посредине, а Фродо стоял перед ним. Это до странности походило на допрос пленного.

Сэм, никем не замеченный, потихоньку выполз из зарослей и уселся в конце одного из рядов, отсюда все было видно и слышно. Он готов был броситься к Фродо на помощь в любой момент. Фарамир сидел без маски, и Сэм видел его лицо — суровое и властное, с пытливым взглядом пристальных серых глаз. В этих глазах, не отрывавшихся от Фродо, явственно читалось сомнение.

Сэм очень быстро понял, что гондорец не удовлетворен ответами Фродо на многие вопросы: об отряде, вышедшем из Дольна, почему и где он покинул Боромира, куда идет теперь,

а главное, какая связь между ним и «проклятьем», упомянутым в предсказании. Фарамир видел: Фродо скрывает что-то важное.

— Но ведь именно полурослики должны знать о «проклятии», — настаивал он, — если вы и есть те самые полурослики, то, чем бы оно ни было, вы должны были принести его на Совет, о котором рассказывали мне, и Боромир видел его. Вы не будете этого отрицать?

Фродо молчал.

— Так! — произнес Фарамир. — Я хотел бы узнать о нем больше. То, что касается Боромира, касается и меня. В хрониках сказано, что Исилдур погиб от стрелы орка. Но стрела — дело обычное, вряд ли ее можно назвать проклятьем... Это — вещь, может быть, она у вас? Это тайна, сказали вы, так не потому ли, что вы предпочли скрыть ее?

— Нет, не потому, — ответил Фродо. — Это не принадлежит мне. Это не может принадлежать никому из смертных. Но уж если кто и имеет на нее права, так это Арагорн, сын Арахорна, о котором я говорил вам: он вел наш отряд от Мории до Рэроса.

— Почему он, а не Боромир, сын правителя города, построенного сыновьями Элендила?

— Потому что Арагорн — прямой потомок Исилдура, сына Элендила, и меч, который он носит, принадлежал его великом предку.

По рядам воинов пронесся шепот: «Меч Элендила! Меч Элендила придет в Минас Тирит!» — но лицо Фарамира оставалось бесстрастным.

— Возможно, — произнес он. — Но если этот Арагорн когда-нибудь придет в Минас Тирит, ему придется доказать свои права. Когда я выходил из Гондора неделю назад, там не было ни его, ни кого-нибудь из его отряда.

— Боромир признал его права, — сдержанно сказал Фродо. — Конечно, будь Боромир здесь, он ответил бы на все ваши вопросы. Но мы расстались уже давно. От Порт Галена он намеревался двинуться прямо в Минас Тирит. Думаю, что, вернувшись туда, вы узнаете ответы на свои вопросы. Моя роль в отряде известна Боромиру, как и другим участникам похода, она возложена на меня Элрондом в Имладрисе в присутствии всего Совета. Я пришел в эту страну не по своей прихоти, но о моей задаче не буду говорить ни с кем, кроме назначенных Советом. Все, кто считает себя врагами Врага, хорошо сделают, если не будут мешать мне.

Неизвестно, что Фродо при этом чувствовал, но говорил он гордо, и Сэму это понравилось. Однако Фарамира его ответ не удовлетворил.

— Вот как! — улыбнулся он. — Вы предлагаете мне заняться своими делами и вернуться домой, а вас оставить в покое?

Боромир, значит, расскажет все, когда придет, говорите вы. Когда придет... Скажите, вы были другом Боромиру?

У Фродо перед глазами встало искаженное яростью лицо Боромира на полянке, на склоне Зоркого. Он помедлил с ответом. Пристальный взгляд Фарамира, следившего за ним, сделался жестким и неприязненным.

— Боромир был отважным спутником, — сказал наконец Фродо. — Да, если говорить обо мне, я был его другом.

Фарамир мрачно усмехнулся.

— Значит, вы огорчитесь, если узнаете, что Боромир убит?

— Конечно, — ответил Фродо и вздрогнул, увидев, как сверкнули глаза гондорца. — Убит? — повторил он. — Вы хотите сказать, что он действительно мертв и что вы знали об этом с самого начала? Вы хотели поймать меня на слове, играли со мной! Или это сейчас вы пытаетесь расставить мне ловушку?

— Обманом я не стану завлекать даже орка, — сдержанно ответил Фарамир.

— Но как же тогда вы узнали о смерти Боромира? Вы сказали, что никто из нашего отряда не появлялся в Гондоре до вашего ухода...

— О том, как он умер, я надеялся узнать от его друга и спутника, — значительно сказал Фарамир.

— Но он был жив и здоров, когда мы расстались! — в отчаянии воскликнул Фродо. — И он должен быть в живых... хотя этот мир полон опасностей...

— Конечно, — сурово произнес Фарамир, — и предательство — не последняя из них.

Сэм слушал этот разговор с возрастающим негодованием. Последних слов он уже не мог снести и, вскочив, в два прыжка очутился рядом со своим другом.

— Вы уж меня простите, — сказал он Фродо, — больно далеко это заходит. Не имеет он права так с вами разговаривать после всего, что вы испытали.

— Послушайте, вы, начальник! — вскричал он, остановившись прямо перед Фарамиром и уперев руки в бока. Взгляд его не предвещал ничего хорошего. Любой молодой хоббит, застигнутый во фруктовом саду, понял бы это вмиг. Воины кругом зашептались; на лицах некоторых появились улыбки. — Послушайте, к чему вы гнете? Давайте договоримся, пока на нас не накинулись все орки Мордора. Если вы думаете, что мой друг убил вашего Боромира и убежал, то так и скажите, хоть это и полная чушь! Что вы намерены делать с нами? Плохо, когда люди много говорят о борьбе с Врагом, а сами мешают другим это делать. Он бы очень порадовался, посмотрев на то, что здесь происходит. Подумал бы, что приобрел нового друга, уж это точно!

— Хватит! — остановил его Фарамир строго, но без гнева.— Ваш друг, думаю, не глупее вас, так что предоставьте ему говорить за себя. И не надо напоминать об опасности. Даже сейчас я медлю, чтобы не поступить опрометчиво. Будь я так же поспешен, как и вы, вас бы давно уже в живых не было, потому что мне приказано убивать всякого, оказавшегося в этой стране без пропуска, выданного правителем Денетором. Но я не убиваю без нужды ни человека, ни зверя и, даже когда приходится, делаю это без удовольствия. А за свои слова я отвечаю, так что успокойтесь, посидите рядом и помолчите.

Сэм покраснел до ушей и повиновался. Фарамир снова обратился к Фродо.

— Вы спросили, как я узнал о том, что сын Денетора умер? Весть о смерти крылата, а родич о родиче узнает сразу. Боромир был моим братом,— скорбная тень прошла по его лицу.— Помните ли вы какую-нибудь особую примету у Боромира? Что-нибудь из его оружия или снаряжения?

Фродо задумался на минуту, опасаясь ловушки и стараясь догадаться, к чему может привести этот разговор. Он едва успел спасти Кольцо от алчных рук Боромира и не знал, сможет ли уберечь его сейчас, окруженный таким множеством могучих, воинственных людей. Но ему все время казалось, что Фарамир, хотя и очень похожий на своего брата, менее себялюбив, более рассудителен и строг.

— Я помню, у Боромира был рог,— сказал он наконец,— большой рог, оправленный в серебро, с непонятными надписями.

— Правильно,— подтвердил Фарамир.— Значит, вы действительно видели его. Это рог дикого тура с востока, надписи на нем сделаны в глубокой древности. Много поколений он передавался в нашем роду от отца к старшему сыну. Говорят, что если в час нужды затрубить в него в любом месте в древних пределах Гондора, то его звук будет услышан.

За пять дней до того, как мне выйти из Города, значит, одиннадцать дней назад, я слышал звук этого рога: он очень слабо донесся с севера. Мы сочли это дурным знаком, ибо никто ничего не знал о Боромире с тех пор, как он уехал. Известно, что границ княжества он не пересекал. На третью ночь после того я держал стражу на Реке близ Осгилиата — враги часто появляются там,— и около полуночи увидел плывущую по Реке маленькую серую лодку странного вида с высоким носом. В ней никого не было.

Мне стало страшно, потому что вокруг лодки стояло слабое сияние. Я зашел далеко в воду, меня словно тянуло к ней; лодка меж тем повернулась и медленно прошла мимо. Я мог бы дотронуться до борта. Мне показалось, что она до краев наполнена светящейся водой, а на дне лежал Боромир, мой брат — мертвый! Его меч был сломан и положен, как полага-

ется, поперек колен. Я узнал все его оружие, не было только рога. И еще на нем был незнакомый мне пояс, красивый пояс из кованых золотых листьев. Я окликнул брата по имени, но он был мертв... Лодка снова повернулась и скоро исчезла из виду. Это было как сон, но я не проснулся, потому что не спал. Вот так я узнал, что Боромир умер и уплыл по Великой Реке в Великое Море.

— Увы! — произнес Фродо. — Да, это был Боромир, такой, каким я знал его при жизни. Золотой пояс он получил в Лориене из рук Владычицы, прекрасной Галадриэль. От нее же мы получили вот эти эльфийские плащи и вот эту пряжку, — он прикоснулся к зеленому с серебром листу, скреплявшему его плащ у горла.

Фарамир присмотрелся к пряжке.

— Да, это та же работа, — сказал он. — Так, значит, вы прошли через Лориен? Лаурелиндоринен звался он прежде, но люди давно забыли о нем. — Голос воина смягчился, теперь он смотрел на Фродо с изумлением. — Пожалуй, я начинаю кое-что понимать. Не расскажете ли вы о себе побольше? И о других. Мне горько сознавать, что Боромир погиб так далеко от дома.

— Мне почти нечего прибавить, — ответил Фродо, — ваш рассказ внушает мне серьезные опасения. Мне кажется, ваше видение показало то, что случилось или может случиться, если только это не происки Врага. На Гиблых Болотах я тоже видел лица под водой. Это были лица давно погибших древних воинов...

— Нет, — вздохнул Фарамир, — дела Врага наполняют душу ненавистью, а у меня в душе была только скорбь.

— Ни одну лодку не удалось бы перетащить по скалам Тол Брандира, — задумался Фродо. — И Боромир хотел возвращаться домой через степи Рохана. А уж о том, чтобы нагруженная лодка сама по себе прошла водопады, и думать нечего.

— Так лодка знакома вам? Откуда она?

— Из Лориена, — ответил Фродо. — На трех таких лодках мы шли по Реке. Это эльфийские лодки.

Фарамир покачал головой.

— Вы были в Скрытой Стране, — тихо сказал он, — но, кажется, плохо знаете ее силы. Те, кто встречался с Великой Волшебницей, живущей в Золотых Лесах, должны быть готовы к странному и удивительному. Опасно смертным переходить грань между мирами. Никто не выходит оттуда таким же, каким вошел. — Он стиснул руки и воскликнул: — О, Боромир, что Бессмертная Владычица сказала тебе? Что прочла в твоем взгляде? Что пробудилось тогда у тебя в сердце? Почему ты пошел через Лаурелиндоринен, а не вернулся дорогами людей?

Роханский конь примчал бы тебя поутру к родному порогу! — Взяв себя в руки, он снова обратился к Фродо. — Мне кажется, вы многое могли бы рассказать, Фродо, сын Дрого. Но, может быть, не здесь и не сейчас. А если вы думаете, что лодка только привиделась мне, то вот что я скажу еще. Рог Боромира явился наяву. Он вернулся разрубленным надвое ударом топора или меча. Одну его половину нашли в камышах близ устья реки энтов, другую выловил в Андуине человек, переправлявшийся по своим делам. Это странно, но говорят, убийство всегда о себе скажет.

Сейчас этот рог лежит на коленях Денетора. Правитель ждет вестей. А вы ничего не хотите сказать о том, как он был разрублен.

— Я ничего не знаю об этом, — терпеливо отвечал Фродо. — Но если мои расчеты верны, то вы слышали его в тот самый день, когда мы покинули отряд. Ваши слова внушают мне тревогу. Если Боромир был убит в тот день, то боюсь, что с ним погибли и все мои спутники. А это были мои родичи и друзья. Отпустите меня, Фарамир. Ваши сомнения рассеются. Я устал, меня томят скорбь и страх. Но у меня есть задача, я должен ее выполнить или хотя бы попытаться выполнить. Если из всего отряда уцелели только мы двое, мне тем более нужно спешить. Возвращайтесь в Минас Тирит, доблестный Фарамир, и защищайте его, пока можете, а мне предоставьте идти туда, куда велит мой долг.

— Нельзя сказать, что я удовлетворен нашей беседой, — произнес Фарамир, — но кажется, ваши страхи чрезмерны. Кто-то ведь обрядил Боромира для погребения? Не орки и никто из рабов Врага, значит, кто-то из вашего отряда остался в живых. Но, как бы то ни было, в вас, Фродо, я не сомневаюсь больше. Тяжелое время научило меня разбираться в людях, думаю, что разберусь и в полурослики. Хотя, — он улыбнулся, — хотя в вас, Фродо, есть что-то странное, эльфийское, я бы сказал. В ваших словах я услышал намного больше, чем рассчитывал. По долгу мне нужно доставить вас в Минас Тирит, чтобы сам Денетор мог расспросить вас. Но от моего решения, как я вижу, зависит слишком многое и для моего города тоже. Поэтому я не буду торопиться с решением. Но уходить отсюда нужно немедленно.

Он встал и отдал приказания. Тотчас же воины, окружавшие его, разбились на небольшие группы и разошлись в разные стороны, исчезая среди скал и деревьев. Остались только Маблунг и Дамрот.

— Вам придется пойти с нами, — обратился Фарамир к хоббитам. — Дорога на юг для вас теперь закрыта. Она слишком опасна после сегодняшней битвы. Всем нужен отдых, нам тоже. Милях в десяти отсюда у нас есть тайное укрытие. Орки и лазутчики Врага еще не обнаружили его, а если и обнаружат,

мы сможем долго держаться там, даже против многих. Там мы и отдохнем с вами вместе. А решение отложим до завтра.

Фродо пришлось подчиниться. Дорога действительно была опасна, и он даже радовался, что они пойдут с воинами Фарамира.

Они двинулись в путь немедленно: оба зеленых воина немного впереди, а за ними — Фарамир, Фродо и Сэм. Обогнув озеро, в котором хоббиты еще недавно купались, они перешли ручей, поднялись по склону и вступили в чащу деревьев. И люди, и хоббиты шли быстро и бесшумно, тихо разговаривая на ходу.

— Я прервал наш разговор, — обратился Фарамир к Фродо, — не только потому, что надо было спешить, как любезно напомнил мне Сэмиус, но и потому, что кое о чем лучше не говорить при всех. Поэтому я и говорил больше о гибели брата, чем о «проклятье». Вы были со мной не совсем откровенны, а, Фродо?

— Я не лгал вам и сказал все, что мог, — устало ответил Фродо.

— Я и не упрекаю вас. В трудный момент вы говорили искусно и разумно. Но я узнал и понял из ваших слов гораздо больше, чем вы сказали. Вы не очень-то были дружны с Боромиром или расстались не в дружбе с ним. Мне кажется, он чем-то обидел вас... Я любил брата и с радостью отомстил бы за его смерть, но я хорошо знал его. «Проклятье» — это оно стало между вами и было причиной раздоров в отряде. Видно, это великая драгоценность, а такие вещи не способствуют миру между союзниками, если верить старым преданиям. Метко ли я попал?

— Не совсем, — нехотя ответил Фродо. — В нашем отряде не было раздоров, хотя мы и не могли сразу решить, какой путь избрать после Порт Галена. — Он помолчал, потом добавил: — К тому же старые предания предупреждают, что опрометчивые речи о драгоценностях тоже опасны.

— Ну что ж, я так и думал. Вы не поладили только с Боромиром. Он, должно быть, хотел принести эту вещь в Минас Тирит. Увы! Злой рок заставляет вас молчать. Вы последний, кто видел его, и вот я не могу узнать, что было у него на сердце в последний час. Ошибался он или нет, я не знаю, но умер он доблестно, в этом нет сомнения. Мертвый он был еще прекраснее, чем живой.

Простите меня, Фродо, я не должен был так настойчиво расспрашивать о проклятье Исилдура. В такое время и в таком месте это было неразумно, но на раздумья у меня не было времени. Мы выдержали жаркую битву, и пришлось думать о многом сразу. Уже тогда я знал, что приближаюсь к цели, и намеренно уклонился в сторону. Правители Гондора еще хра-

нят древнее знание. Да, род наш не восходит прямо к Элендилу, но и в наших жилах течет нуменорская кровь. Нашим предком был Мардил, а он принял правление от короля Эарнура, когда тот ушел на войну. Это был последний король из рода Анариона; детей у него не было и он не вернулся назад. С тех пор Правители сменяют друг друга в Городе, из поколения в поколение. Вместе с Боромиром учили мы в детстве историю нашего рода и нашего Города, и всегда его задевало, что отец наш не мог быть королем. «Сколько же должно пройти веков,— спрашивал он, — чтобы правитель смог называться законным королем? Ведь король-то не вернется...» — А отец отвечал ему: «Может быть, в других владениях для этого достаточно нескольких лет, а в Гондоре и десяти тысячелетий будет мало». Бедный Боромир! Говорит это вам что-нибудь о нем?

— Говорит, — ответил Фродо. — Но к Арагорну он всегда относился с уважением.

— Не сомневаюсь, — сказал Фарамир. — Ведь, по вашим словам, он признал права Арагорна. Но они еще не сталкивались. Они еще не достигли Минас Тирита и не соперничали за власть. Однако я отвлекся. Мы, сыновья Денетора, знаем много древних преданий, и в наших сокровищницах хранится много древних записей: и на пергаменте, и на камнях, и на листах золота и серебра. Некоторые уже никто не может прочесть, другие прочтет не всякий. Я читаю немного, потому что меня учили. Именно ради этих записей и приходил к нам Серый Странник. Я был еще ребенком, когда впервые увидел его. С тех пор он бывал у нас еще два или три раза.

— Серый Странник? — переспросил Фродо.— У него было другое имя?

— Мы звали его Митрандиром, как эльфы, — ответил Фарамир. — Его это устраивало. «У меня много имен в разных странах,— говорил он,— я Митрандир для эльфов, Таркун для гномов, а в юности, на забытом ныне Западе, меня звали Олорин... на юге мое имя Инканус, на севере — Гэндальф, ну а на востоке я не бываю».

— Гэндальф! — ахнул Фродо. — Я так и думал. Гэндальф Серый, лучший и мудрейший из всех, кого я знаю. Это он вел нас. И погиб в Мории,— добавил он, поникнув.

— Митрандир погиб! — поразился Фарамир.— Видно, злая судьба преследовала ваш отряд. Но право, трудно поверить, чтобы мог погибнуть мудрец, обладавший такой силой! Много чудесного совершил он среди нас, и чтобы столько мудрости было отнято у мира! Вы уверены в этом, или он просто покинул вас и пошел своими путями?

— Увы! — ответил Фродо.— Я видел, как он упал в огонь.

— За вашими словами какая-то ужасная повесть,— молвил Фарамир.— Быть может, вы поведаете мне вечером о том, что произошло. Митрандир, как я думаю теперь, был не только

собирателем знаний, он был вдохновителем многих славных дел нашего времени. Будь он с нами, когда явилось пророчество, он все объяснил бы. А может, и нет. Наверное, Боромиру суждено было отправиться в Имладрис. Митрандир никогда не говорил о своих целях и замыслах. Денетор разрешал ему работать в наших хранилищах — весьма редкий случай! Я немного учился у него, когда у Митрандира было к тому желание (к слову сказать, это случалось редко). Он разыскивал малейшие следы Великой Битвы в Дагорладе, Битвы, в которой был повержен Неназываемый. Он часто расспрашивал об Исилдуре и о его гибели, хотя о ней мы знаем очень мало, и почти ничего — наверняка.

Фарамир понизил голос до шепота.

— Но вот что я узнал и с тех пор храню в тайне: до того, как Исилдур навсегда покинул Гондор, он что-то отнял у Врага. Это, похоже, и нужно было Митрандиру. Я-то в ту пору думал, что Гэндальф — просто собиратель древностей. Даже когда мы с братом спорили, каков смысл загадочного пророчества, я не задумывался, при чем тут Проклятье Исилдура. Наши легенды говорили, что Исилдур погиб от орочьей стрелы, а из Митрандира слова нельзя было вытянуть. Я и сейчас не могу предложить, что это такое, но то, что Оно могучее и опасное — не сомневаюсь. Может быть — гибельное оружие Темного Владыки... Если оно могло давать перевес в битве, то вполне понятно, что Боромиру, отважному и гордому, часто безрассудному, но всегда жаждавшему только двух вещей: победы Минас Тирита и собственной славы, захотелось завладеть этим сокровищем. Зачем только он поехал к Элронду! Мой отец и его советники хотели послать меня, но он вызвался сам, как старший и более сильный. Удержать его было невозможно.

Оставьте тревогу, Фродо. Я не взял бы этой вещи, даже если бы нашел на дороге. Если бы пробил час Минас Тирита, а я мог бы спасти его, я и тогда не воспользовался бы оружием Врага. Ни ради спасения Гондора, ни ради собственной славы.

— Так говорили и на Совете, — вспомнил Фродо. — Теперь и я так говорю, хотя лучше бы мне вообще ничего не знать об этих делах.

— Что до меня, — продолжал Фарамир, — мне бы только увидеть, как снова цветет при дворе королей Белое Древо, увидеть Серебряный Венец, дождаться мира и вернуть Минас Тириту древнее имя — Минас Анор — прекрасный и светлый город, гордый, как князь среди равных князей, а не господин среди рабов. Война неизбежна, если мы защищаем свою жизнь от супостата, но я люблю меч не за то, что он острый, и стрелу — не за ее полет, а воина не за силу. Я люблю их за то, что они защищают родину: ее красоту, древность и мудрость. Вот это я чту и люблю, и ни страха, ни поклонения нет в моих чувствах.

Я не настаиваю, чтобы вы сказали мне больше. Я даже не спрошу, правильно ли угадываю сейчас. Но теперь мне хотелось бы знать о ваших делах, чтобы помочь хотя бы советом.

Фродо молчал. Его тянуло довериться этому благородному человеку — он так хорошо и разумно говорил, — открыть ему душу и попросить совета и помощи. Но что-то удерживало. Мысль о том, что из всего отряда могли уцелеть только они с Сэмом, наполняла его сердце страхом и горем. Если так, то он — единственный хранитель тайны, и тогда пусть лучше незаслуженное недоверие, чем опрометчивые слова. Из памяти не шло лицо Боромира, изуродованное желанием обладать Кольцом. Братья были такими разными, но все же они были братьями. Фродо не пережил бы другого лица Фарамира.

Некоторое время они шли молча, серо-зелеными тенями скользя среди деревьев. Беспечно пели птицы. Вечнозеленые кроны лесов Итилиена купались в солнечном свете.

Сэм не участвовал в разговоре, хотя слушал внимательно. В то же время он чутко ловил лесные звуки вокруг. Он заметил, что Горлума в разговоре не упомянули ни разу. Они шли одни, но Сэм видел, что между деревьями мелькают и другие воины отряда; все они спешили к какому-то хорошо известному им месту.

Раз или два он быстро обернулся, чувствуя на себе чей-то взгляд, однажды ему даже показалось что-то маленькое, черное, мелькнувшее за деревьями. Он хотел было окликнуть спутников, но раздумал.

— Не очень-то я уверен, — пробормотал он, — да и зачем напоминать им об этой твари, раз они предпочитают забыть о нем? Я бы тоже с удовольствием забыл, да не могу.

Постепенно деревья становились все реже, а склон — все круче. За очередным поворотом открылась речка в узком ущелье: это был тот самый ручеек, что вытекал из озера; теперь он стал быстрым потоком, прыгавшим по камням в глубоком русле. Берега его густо заросли остролистом и можжевельником. На западе, в сияющей дымке, раскинулись обширные луга, а еще дальше — отсвечивающие под вечерним солнцем воды широкого Андуина.

Фарамир остановился.

— Здесь мне придется выполнить приказ. Ни один чужеземец, будь он даже союзником Гондора, не должен знать дороги, по которой я сейчас поведу вас. Вам придется завязать глаза.

— Как вам угодно, — ответил Фродо. — При необходимости так поступают даже эльфы. Так мы входили в пределы Лориена. Гимли, помнится, все это не понравилось, но мы не возражали.

— Место, куда я веду вас, не так прекрасно, — вздохнул Фарамир, — но я рад, что вы понимаете меня.

Он позвал Маблунга и Дамрота.

— Завяжите глаза нашим гостям. Плотно, но осторожно. Руки связывать не надо. Они дадут слово не подсматривать. Достаточно было бы и простого обещания зажмуриться, но глаза могут открыться сами, если споткнешься вдруг. Помогите им идти.

Хоббитам завязали глаза зелеными шарфами, опустили на лица капюшоны плащей, потом, взяв за руки, повели вперед. Фродо и Сэм могли только догадываться о дороге. Тропинка начала круто спускаться, а склоны вокруг сблизились так, что им пришлось идти гуськом. Зеленые воины шли позади, положив руки им на плечи. Иногда их приподнимали в воздух и проносили — вероятно, через наиболее крутые и опасные места. Шум бегущей воды слышался все время справа, с каждым шагом все ближе и громче. Наконец они остановились, и воины несколько раз быстро повернули их кругом так, чтобы они вовсе потеряли направление. Потом тропа поднялась немного вверх. Стало холодно, и шум воды отдалился. Потом их опять подняли и понесли вниз по ступеням. Шум воды раздался вдруг совсем близко и громко; вода плескалась и журчала словно вокруг них, на лицах они ощутили мелкие брызги. Теперь их поставили на землю, и они стояли, не видя ничего, оробев от полной неизвестности.

Вокруг все молчали. Сзади послышались шаги, и голос Фарамира распорядился:

— Снимите повязки!

Шарфы сняли, капюшоны откинули, они огляделись и ахнули от изумления.

Под ногами был мокрый каменный пол, позади темнело узкое устье пещеры, уходившей в недра скалы. А впереди висела тонкая водяная завеса — так близко, что Фродо мог бы прикоснуться к ней. Она была с западной стороны. Лучи низкого солнца дробились в воде на множество разноцветных искр. Это было словно окно заколдованного замка, с занавесом из золотых и серебряных нитей, рубинов, сапфиров и аметистов, искрящихся яркими цветными огнями.

— К счастью, мы пришли сюда как раз вовремя, чтобы наградить вас за терпение, — сказал Фарамир. — Это — Окно Заката, прекраснейший из водопадов Итилиена. Никто из чужеземцев не видел его. К сожалению, дворца под стать этой двери нет. Входите.

Пока он говорил, солнце зашло, и струящееся великолепие погасло. Они повернулись и прошли в темную арку. За ней оказалась пещера: большой зал с неровными сводами, освещенный несколькими факелами. Здесь уже собралось много зеле-

ных воинов, и они продолжали входить по двое или по трое. Когда глаза хоббитов привыкли к тусклому освещению, они увидели, что пещера очень велика. В разных углах были сложены оружие и припасы.

— Вот и наше убежище, — весело сказал Фарамир. — Оно не очень-то роскошно, но здесь вы переночуете в полной безопасности. Сухо, тепло, еда есть, а вот огня нет. Раньше пещера служила руслом для потока, но руки наших мастеров пустили его поверху и теперь здесь нет других путей, кроме тропы, по которой мы пришли, да еще тропы сквозь водопад к глубокому омуту с острыми камнями на дне. Теперь отдыхайте, ужин еще не готов.

Хоббитов отвели в один из закутков пещеры, где было устроено подобие постели. Тем временем воины в пещере хлопотали, сноровисто расставляя разборные столы и посуду. Утварь была простая, без украшений, но изящная и добротная: тарелки, чаши, блюда из обливной глины или из самшитового дерева. Перед скамьей Фарамира стоял на столе серебряный кубок.

Фарамир обходил своих людей, негромко расспрашивая входящих. Некоторые возвращались после преследования южан, другие, осматривавшие дорогу, вернулись позже. Они не видели врагов, не видели даже орков-лазутчиков.

— Что скажешь, Анборн? — обратился Фарамир к тому, кто вошел последним.

— Орков не видел, — ответил тот. — Но кое-что заметил. Было это уже в сумерки, я мог, конечно, и ошибиться, может, это была и белка.

Сэм навострил уши. Анборн продолжал:

— Но белка большая, черная и без хвоста. Я ее заметил издали, а когда подошел, она взлетела на дерево не хуже любой другой белки. Вы не велите убивать зверей без нужды, так что я не стал стрелять. Да и темно было, а оно пряталось в ветвях. Я бы подождал немного, чем-то оно показалось мне странным, но пора было возвращаться. Оно еще зашипело на меня сверху, когда я обернулся. Должно быть, большая белка. Я думаю, под тенью Неназываемого сюда пробрались кое-какие звери из Сумеречья. Говорят, черные белки там есть.

— Может, и есть, — задумчиво произнес Фарамир, — но это дурное предзнаменование. Нам в Итилиене ни к чему гости из Сумеречья, — Сэму показалось, что он бросил быстрый взгляд в сторону хоббитов.

Некоторое время они с Фродо лежали молча, глядя на пламя факелов и на хлопочущих людей. Потом Фродо как-то сразу уснул.

Сэм боролся с собой, на все лады обдумывая услышанное. «Оно конечно, можно бы и поспать... Но, с другой стороны, и покараулить не мешает. Хотя что тут поделаешь? Вон они

какие здоровенные! А мечи такие, что нам и вдвоем не поднять. Но все-таки, Сэм, лучше бы тебе не дремать...» Некоторое время ему удавалось держать глаза открытыми. Светлое пятно входа потемнело, и водяная завеса слилась со сгущающимися сумерками. Шум воды не умолкал. Водопад шептал, журчал, нагонял сон. Сэм начал тереть глаза кулаками.

Но тут запылали новые факелы. Люди вскрывали бочки с вином, ящики с провизией, носили воду из водопада. Фарамиру принесли большую чашу с водой и полотенце. Он умылся.

— Разбудите наших гостей,— сказал он,— и дайте им умыться. Пора ужинать.

Фродо сел, зевая и потягиваясь. Им принесли воды для умывания. Сэм, не привыкший, чтобы ему прислуживали, недоуменно взглянул на высоких воинов, державших перед ним таз с водой, и посоветовал:

— Поставьте на землю: и вам легче, да и мне удобней,— а потом, к веселому изумлению собравшихся, сунул голову в холодную воду.

— Разве в вашей стране принято мыть голову перед ужином? — спросил один из воинов.

— Нет, обычно — перед завтраком! — съязвил Сэм.— Но если хочется спать, то лучше средства, чем холодная вода, не придумаешь. Ну вот! Теперь я достаточно проснулся, чтобы поесть.

Фарамир усадил их рядом с собой. Но прежде чем сесть, он сам и все его воины в молчании повернулись на минуту лицом на запад. По его знаку Фродо и Сэм сделали то же.

— Мы делаем так всегда,— тихо сказал Фарамир, садясь.— Там, на западе, когда-то был Нуменор, а за ним — родина Эльфов, вечная и прекрасная страна. А у вас на родине не так?

— Нет,— ответил Фродо, чувствуя себя странно неловким и невоспитанным.— Но когда мы в гостях, то кланяемся хозяину, а после трапезы встаем и благодарим его.

— Мы тоже,— улыбнулся Фарамир.

После долгого утомительного путешествия, после стольких дней среди скал и болот ужин показался хоббитам роскошным: они пили холодное ароматное вино, ели хлеб, масло, солонину, сушеные фрукты и вкусный сыр,— ели чистыми руками, из чистых тарелок. Ни Фродо, ни Сэм не отказывались, что бы им ни предлагали, даже во второй и в третий раз. Вино согрело кровь, им стало так легко и весело, как бывало только в Лориене. После ужина Фарамир увел их в угол в глубине пещеры, отделенный занавесом. Там стояли кресло и две табуретки, а в нише в стене горел глиняный светильник.

— Наверное, вы хотите спать,— сказал он,— а уж отважный Сэм во всяком случае. Он ведь так и не решился уснуть

до ужина. Не знаю, то ли стерег свой доблестный голод, то ли меня боялся. Но не годится засыпать так скоро после еды, да еще после долгого воздержания. Побеседуем немного. На пути от Дольна вы, должно быть, немало повидали. А я мог бы рассказать вам о нашей стране. Расскажите мне еще о моем брате и о старом Митрандире, ну и, если можно, о Лориене.

Фродо и в самом деле больше не хотелось спать. Хотя его и разморило слегка от еды и вина, бдительности он не потерял. Сэм после ужина сиял, как начищенный медный таз, и даже мурлыкал что-то себе под нос.

Фродо рассказывал о многом, но ни о своей миссии, ни о Кольце не упоминал, больше распространяясь о доблестном поведении Боромира в приключении с волками и в снегах Карадраса, а также в подземельях Мории, где погиб Гэндальф. Фарамира больше всего взволновало описание битвы на мосту через Морийский ров.

— Наверное, Боромиру досадно было отступать перед орками, — сказал он, — да и перед Барлогом тоже. Он не любил отступать.

— Он всегда шел последним, — ответил Фродо. — После Мории отряд возглавил Арагорн, только он, кроме Гэндальфа, знал дорогу. Если бы не мы, ни он, ни Арагорн не отступили бы.

— Кто знает, не лучше ли Боромиру было пасть на мосту,— сказал Фарамир, — чем идти дальше и встретить свою судьбу у Рэроса...

— Может быть, — согласился Фродо. — Но расскажите о себе. Мне хотелось бы узнать побольше о Минас Тирите, об Осгилиате и Минас Итиле. На что вы надеетесь в этой долгой войне?

— Надеемся? — переспросил Фарамир. — Надеяться мы давно перестали. Меч Элендила, даже если он действительно вернулся, в лучшем случае способен отсрочить наш последний день. Разве что от эльфов вдруг придет неожиданная помощь... Враг крепнет, а мы слабеем. Мы — люди осени, которым уже не дождаться весны.

Когда-то нуменорцы широко расселились по Великим Землям — и на материке, и на побережьях, но уже тогда сердца многих из них были устремлены ко Злу. Одних влекло Черное мастерство, другие предались праздности и лени, третьи сражались друг с другом, пока не ослабели настолько, что стали легкой добычей дикарей. В Гондоре этого не было. Там, в землях сыновей Элендила Светлого, древняя мудрость и красота, принесенные с Запада, хранились веками, да и сейчас еще не совсем забыты. Но все равно — Гондор сам обрек себя на погибель, он слишком гордился собой, он думал, что Враг уснул...

Гондорцам не давала покоя Смерть. Видно, мы переняли жажду вечной жизни от наших предков-нуменорцев. Даже ги-

бель Нуменора не остановила королей Гондора, возводивших, по примеру предков, усыпальницы, величием и роскошью превосходившие дворцы, дороживших делами предков больше, чем славой сыновей. Знатные, но бездетные вельможи занимались в древних замках геральдикой; в тайных мастерских иссохшие ученые мужи составляли чудотворные эликсиры или с вершин высоких башен искали среди звезд начертания судеб... И вот последний король из рода Анариона не оставил наследника.

Правители, принявшие власть, сумели распорядиться ею с пользой. Остывавшую кровь дряхлеющего народа оживили поморы и горцы, принятые вскоре в состав королевства. Правители заключили мир и с жителями степей; они хоть и были сродни нам — не в пример диким вастакам или злобным харадримам, — но раньше часто тревожили наши границы. А во дни Кириона, Двенадцатого Правителя (отец мой — Двадцать шестой), мы вместе с ними разгромили на полях Келебранта врагов, разорявших наши северные провинции. После этого сражения Всадники — мы зовем их рохирримы — пришли на безлюдные прежде земли Каленардона и стали нашими верными союзниками, взяв на себя охрану северных границ. Они многому научились у нас, но не забыли своих обычаев и заветов предков. Они нам нравятся: рослые воины и легкие девы, одинаково отважные, золотоволосые, ясноглазые, сильные. Они напоминают нам о юности человечества, о Древних Днях. Мудрецы наши говорят даже, что они родом из тех же Трех Домов Людей, что и нуменорцы — если не от самого Хадора Золотоволосого, Друга Эльфов, то от его потомков, оставшихся в Среднеземье, когда другие ушли за Море.

Теперь Всадники почти не уступают нам в мастерстве и культуре, а мы все больше становимся похожи на них. Мы потеряли право зваться Высокими Нуменорцами, нам больше подходит имя Среднего Народа, Людей Сумерек, правда, не все еще растерявших из былого величия. Мы полюбили войну и воинское искусство ради них самих, но еще помним, что стремление и умение убивать не могут быть целью. Впрочем, не все... Искусные воины все больше в чести, видно, время такое... Ну а уж самым доблестным воином в Гондоре был Боромир. Никто не мог лучше протрубить в рог предков, и в битве равных ему не было... — Фарамир вздохнул и умолк, глубоко задумавшись.

— Но вы почти ничего не сказали об эльфах, — произнес вдруг Сэм, набравшись храбрости. Он заметил, что Фарамир упоминал о дивном народе с уважением, и это больше расположило к нему Сэма, чем вся его учтивость и даже угощение.

— Я мало знаю об эльфах, Сэмиус, — ответил Фарамир, — не намного больше других жителей Среднеземья. Раз Митран-

дир был вашим проводником, раз вы знакомы с Элрондом, то, наверное, знаете, что Аданы, предки нуменорцев, бились вместе с Эльфами в первых войнах и получили в дар Землю среди Моря, недалеко от родины эльфов. А в Среднеземье в Темные Годы пути Людей и Эльфов разошлись — виной тому не только козни Врага, просто у каждого народа свой путь. Сейчас люди избегают и боятся эльфов, хоть и не знают о них ничего. И в Гондоре то же. Даже те, кто борется против Темного Властелина, остерегаются эльфов и со страхом говорят о Златолиственных Лесах. Но и сейчас попадаются среди нас такие, которые тайно уходят в Лориен, и никто не возвращается. Что до меня, то я не пойду туда: я считаю опасным для смертного самовольно искать встречи со Старшим Народом. Но вам завидую: вы видели Великую Волшебницу и говорили с ней.

— Галадриэль! — воскликнул Сэм. — Вам нужно было повидать ее, Фарамир, право! Я простой хоббит, дома был садовником и в поэзии не силен, так что не могу сказать всего, что чувствую. О ней нужно петь. Вот Колоброд или старый Бильбо — те бы сумели. Но и мне хотелось бы сочинить о ней песню. Она прекрасна — это выше слов! Она похожа то на большое дерево, то на легкий одуванчик. То она твердая, как алмаз, то мягкая, как лунный свет. Теплая, как луч солнца, и холодная, как иней под звездами. Гордая и далекая, как снежная вершина, и веселая, как девушка весной, с маргаритками в косах. Но все это — пустые слова, совсем неподходящие для нее. Так что не знаю, что тут опасного. Это люди приносят опасность с собой в Лориен, а потом удивляются, что нашли ее там. Может, Галадриэль и опасна, потому что могущество ее велико. Вы можете разбиться о нее, как лодка о скалу, или утонуть в ней, как мальчишка в реке. Но ведь ни скала, ни река не виноваты. А Боромир... — Он осекся и покраснел.

— Так что же Боромир? Что вы хотели сказать? Он тоже принес опасность с собой?

— Да, не в обиду вам будь сказано, и вашему брату тоже. — Сэма понесло. — Он доблестный воин, с этим никто не спорит. Я наблюдал за ним с самого Дольна, из-за Фродо, конечно, и, по-моему, он именно в Лориене понял то, о чем я раньше догадывался: понял, чего он хочет. Таков уж Лориен! Да, с первого момента, как он увидел его у Фродо, он хотел завладеть Кольцом Врага!

— Сэм! — вскрикнул Фродо, помертвев. Он слишком глубоко задумался, а когда очнулся, было уже поздно.

— Ох! — горестно воскликнул Сэм; он побледнел, потом опять покраснел. — Вот опять сорвался! Говорил мне мой старик, чтобы я свой язык прикусывал. Какой же я болван! Ну вот что, — обратился он к Фарамиру, собрав все свое мужество. — Если я оказался таким дураком, то Фродо за это не в ответе. Вы очень хорошо говорили, отвлекли меня своими раз-

говорами об эльфах и обо всем прочем. Но у нас говорят: «Не словом хорош, а делом пригож». Это для вас случай показать, какой вы на самом деле.

— Да, кажется, так,— медленно и очень мягко произнес Фарамир со странной улыбкой.— Вот решение всех загадок! Значит, речь о Кольце... вот что такое «проклятие Исилдура»! А мы считали, что оно исчезло из мира. И Боромир хотел отнять его? А вы убежали? И прибежали прямо сюда, ко мне? Вот вы и попались мне здесь, в глуши: два полуросли ка с Кольцом Всевластья, и мне стоит только позвать воинов. Вот так удача! Вот случай для Фарамира Гондорского показать себя на деле! Ха! — Он встал, высокий и грозный, серые глаза его засверкали.

Хоббиты тоже вскочили, прижались друг к другу, нащупывая рукояти мечей. Наступило молчание. Воины в пещере смолкли и удивленно глядели на них. Но Фарамир снова опустился в кресло с тихим смехом. Впрочем, он быстро посерьезнел.

— Увы, Боромир, испытание было слишком тяжелым для тебя! — произнес он.— Как же вы увеличили мою скорбь, пришельцы из далеких стран, носители великой опасности! Но вы хуже знаете людей, чем я — хоббитов. Мы, люди Гондора, всегда говорим правду. Мы редко хвастаемся, но тогда либо делаем то, чем хвастались, либо умираем, пытаясь сделать. «Я не взял бы этой вещи, даже если бы нашел на дороге»,— сказал я. Пусть я не знал тогда, о чем говорю, все равно слова сказаны, и я их сдержу. Я сдержал бы слово, даже если бы пожелал обладать этой драгоценностью. Но я не хочу ее. Я знаю, что есть опасности, от которых можно только бежать, и это не будет трусостью. Сядьте, Фродо, и успокойтесь. И вы тоже, Сэм. Наверное, нужно было, чтобы вы совершили эту ошибку. Сердце у вас лучше, чем глаза, зорче по крайней мере. Думайте, что хотите, но как раз в этом деле мне можно было открыться. Вашему другу, к которому вы так привязаны, это только на пользу. Я сделаю для него все, что в моих силах. Так что успокойтесь. Не называйте Его больше. Хватит одного раза.

Хоббиты снова сели, чувствуя противную слабость в ногах. Воины в пещере вернулись к трапезе и разговорам, думая, что их начальник пошутил с гостями, но все кончилось благополучно.

— Ну вот, Фродо, наконец-то нам нечего скрывать друг от друга,— сказал Фарамир.— Если вы взвалили на себя эту ношу не по собственному желанию, а по чьей-то просьбе, то я могу только уважать и жалеть вас. И еще я удивлен: Оно у вас, и вы им не пользуетесь. Вы для меня новый народ и новый мир. Все ли ваши сородичи похожи на вас? Ваша страна должна пребывать в мире и довольстве, и садовники там, верно, в большом почете.

— Может, и не все там хорошо,— ответил Фродо,— но садовников уважают.

— Но даже и в ваших садах они, наверное, устают, как все остальные смертные. А вы далеко от дома и очень устали. На сегодня довольно. Спите оба, спите спокойно. Не бойтесь! Я не хочу ни видеть Его, ни касаться, ни знать о нем больше, чем знаю, а то как бы мне не оказаться слабее Фродо, сына Дрого. Идите и отдыхайте, но сначала скажите мне — куда же вы пойдете дальше и что намерены делать? А я подумаю, как вам помочь. Время уходит. Утром каждый из нас пойдет своей дорогой.

Теперь, когда минута потрясения прошла, Фродо чувствовал, что весь дрожит. Огромная усталость окутывала его, как облако, и у него не было больше сил спорить и противиться.

— Я должен найти путь в Мордор, — прошептал он. — Мне нужно в Горгорат. Гэндальф велел бросить Его в Огненную Пропасть Ородруина. Только вряд ли мне это удастся...

Фарамир почтительно и с удивлением посмотрел на него. Фродо покачнулся, и воин подхватил хоббита, бережно поднял на руки, отнес в постель и тепло укутал. Фродо тотчас же погрузился в глубокий сон. Рядом была приготовлена постель для его спутника. Сэм поколебался немного, потом сказал, низко кланяясь:

— Доброй ночи, благородный начальник. Вы не упустили свой случай.

— Вот как?

— Да, начальник. Вы показали, какой вы на самом деле. Вы лучше всех.

Фарамир улыбнулся.

— Вы хитрец, Сэм. Хоть похвала из достойных уст — лучшая похвала, но меня хвалить не за что. Мне не пришлось бороться с собой. У меня не было ни соблазна, ни желания поступить иначе.

— Вы говорили, что в моем друге есть что-то от эльфов, — сказал Сэм, — это совершенно верно. Но я могу сказать только — в вас тоже есть что-то, напоминающее мне... Гэндальфа, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Возможно, — задумался Фарамир. — Может быть, вам видна моя кровь недостойного потомка Нуменора. Доброй ночи.

Глава 6
ЗАПОВЕДНОЕ ОЗЕРО

Фродо открыл глаза и увидел склонившегося над ним Фарамира. На мгновение прежние страхи воскресли в нем, он вскочил и отодвинулся.

— Не надо бояться, — тихо сказал Фарамир.

— Что, уже утро?

— Нет еще, ночь кончается, луна заходит. Мне нужно кое о чем посоветоваться с вами. Лучше выйти наружу.

— Пойдемте, — ответил Фродо, слегка дрожа после теплых мехов и одеял. В темной пещере было прохладно, и шум воды в тишине казался громче. Фродо надел плащ и последовал за Фарамиром.

Уже через несколько секунд проснулся Сэм, нащупал пустую постель и тут же вскочил. Он увидел два темных силуэта — один из них был Фродо — в арке прохода, на светлом фоне, и кинулся к ним мимо воинов, спавших на циновках вдоль стен. Перед восходом водопад превратился в мерцающую завесу из шелка и серебра, жемчуга и льдинок, тающих в лунном свете. Но Сэм, даже не задержавшись перед этим чудом, свернул за угол вслед за Фродо.

Они прошли по темному коридору в скале, поднялись по мокрым ступенькам и очутились на маленькой площадке, похожей на дно глубокого колодца. Отсюда шли две лестницы: одна прямо вверх, другая — влево. Они свернули на нее, вышли наконец из каменного мрака и огляделись.

Они оказались на большой, ничем не огороженной площадке среди утесов. Справа низвергался множеством каскадов водопад. Он наполнял внизу узкое, гладко обточенное русло темной пенистой водой и, крутясь и клокоча почти у их ног, ниспадал с обрыва, зияющего слева. Там, у самого края, молча стоял воин и глядел вниз.

Фродо долго смотрел на бурлящую воду, потом перевел взгляд вдаль. Все кругом казалось спокойным и холодным. Рассвет уже близился. Далеко на западе опускалась за горизонт круглая белая луна. В долине, над широким спящим Андуином, мерцали белые туманы. Еще дальше виднелись холодные острые вершины Белых Гор, одетые вечными снегами.

Фродо подумал о друзьях, рассеянных на этом необозримом пространстве, спящих или бодрствующих, живых или мертвых, и его пробрала дрожь. Зачем только Фарамир оторвал его от сна, во сне хоть не помнишь ни о чем.

То же, по-видимому, хотелось узнать и Сэму, и он не мог удержаться, чтобы не пробормотать, думая, что его услышит только Фродо:

— Вид отсюда, конечно, красивый, но даже на сердце становится холодно, не говоря уж о костях. Зачем мы сюда пришли? Что такое приключилось?

Фарамир услышал его и ответил:

— Луна заходит над Гондором. Пресветлый Итиль уходит из Среднеземья и гладит, прощаясь, снежные плечи Миндоллуина. Ради этого зрелища стоит и подрожать немного. Но я не для этого привел вас сюда, а уж вас-то, уважаемый Сэм, и вовсе никто не звал. Придется вам поплатиться за своеволие. В наказание вот вам глоток вина. Но взгляните!

Он подошел к часовому у края обрыва, и Фродо последовал за ним. Сэм остался на месте: ему и так уже было страшновато на этой высоте. Фарамир и Фродо заглянули вниз. Там, на большой глубине, водопад обрушивался белой струей в пенящуюся чашу, и его воды, потемнев, кружились в глубоком овальном озерке среди скал, пока не впадали в более ровное и спокойное русло.

Лунный свет играл на волнах озера. Вскоре Фродо различил на ближнем берегу что-то маленькое и черное, но оно тотчас же нырнуло и исчезло у самого кипения водопада, быстро рассекая темную воду. Фарамир обратился к воину, стоявшему рядом:

— Ну, что ты скажешь теперь, Анборн? Белка это или зимородок? Водятся ли черные зимородки в Сумеречье?

— Это не птица,— ответил Анборн.— У него четыре лапы, и оно ныряет, как человек, и плавает здорово. Чего ему нужно? Может, он хочет пробраться сюда, наверх? Кажется, нас все-таки обнаружили. Я расставил по берегам самых лучших лучников. Мы ждем только вашей команды, чтобы пристрелить его.

— Дать им команду? — спросил Фарамир, быстро обернувшись к Фродо.

Сэм едва сдержался, так ему хотелось крикнуть: «Да!» — но Фродо ответил не сразу:

— Нет, прошу вас, не делайте этого.

— Значит, вы знаете, что это такое? — спросил Фарамир.— Ну, тогда объясните и мне, почему его нужно щадить. В нашей беседе вы ни словом не обмолвились о вашем спутнике, и я на время оставил его в покое. С ним можно подождать, его все равно поймают и приведут ко мне. Я послал за ним своих лучших охотников, но он ускользнул, с тех пор его никто не видел, кроме Анборна, да и то в сумерках. Но сейчас его вина куда серьезнее, чем охота на кроликов у реки, он посмел приблизиться к заповедному озеру, и его жизнь под угрозой. Я изумляюсь этому существу: каким хитрым и дерзким оно должно быть, чтобы купаться в озере под самым нашим окном! Или оно думает, что мои люди спят всю ночь, не выставив постов? Что ему нужно?

— Ответов здесь два, по-моему,— сказал Фродо.— Во-первых, он, скорее всего, и не подозревает о вашем убежище, да и людей знает плохо. Во-вторых, я думаю, он не в силах противиться своему главному желанию, более сильному, чем любая осторожность.

— Ах вот как...— тихо произнес Фарамир.— Значит, он знает... о том, что вы несете?

— Конечно. Он и сам носил это много лет подряд.

— Он? — Фарамир даже задохнулся от удивления.— Сплошные загадки! Так он гонится за этим?

— Возможно. Оно для него драгоценно. Но я не о том сейчас.

— Так что же он ищет здесь?

— Рыбу, — ответил Фродо. — Смотрите!

Они снова заглянули вниз. В дальнем конце озера, у самого края скал, из воды появилась черная голова. Мелькнуло что-то серебристое, побежали мелкие волны. Голова заскользила в сторону, и маленькая, похожая на лягушку фигурка с поразительной ловкостью выкарабкалась из воды на берег. Она присела на корточки и принялась пожирать трепещущую серебристую добычу.

Фарамир тихонько засмеялся.

— Рыба! — сказал он. — Так он голоден. Однако рыба из Хеннет Аннун может обойтись ему куда дороже, чем он думает.

— Он у меня на прицеле, — сказал Анборн. — Застрелить его? Смерть тому, кто придет сюда непрошеным, таков наш закон.

— Погоди, Анборн, — остановил его Фарамир. — Это дело сложнее, чем кажется. Что вы можете сказать теперь, Фродо? Почему мы должны щадить его?

— Это жалкое голодное существо, — ответил Фродо, — оно не сознает опасности. И Гэндальф, которого вы называете Митрандиром, уже по одной этой причине попросил бы вас не убивать его, да и по другим тоже. Он и эльфам не позволил убить его. Я не знаю в точности почему, а о чем догадываюсь, не хотел бы говорить вслух. Но это существо каким-то образом связано с моей задачей. До того, как вы захватили нас, он был нашим проводником.

— Вашим проводником? — повторил Фарамир. — Еще того непонятнее. Я хотел бы сделать для вас многое, но не могу только одного: не могу позволить этому проныре уйти отсюда свободно. Если он попадется оркам, то под пыткой расскажет все, что знает. Его нужно убить или поймать. Если нельзя поймать быстро, то все-таки убить. А чем его поймаешь, если не стрелой?

— Позвольте мне спуститься к нему, — сказал Фродо. — Вы можете держать луки наготове и застрелить хотя бы меня, если мне не удастся. Я не убегу.

— Так идите, и поскорее. Если ему суждено выйти отсюда, то только вашим верным слугой до конца своей жалкой жизни. Сведи Фродо на берег, Анборн. Только тише, эта тварь очень чуткая. Дай-ка мне свой лук.

Анборн проворчал что-то, но повел Фродо вниз по винтовой лестнице, пока они не достигли узкой расселины, скрытой густыми кустами. Пройдя ее, Фродо очутился на южном берегу озера. Оно уже потемнело, и только водопад слабо светился, отражая последние лучи луны, скрывающейся на западе. Гор-

лума не было видно. Фродо сделал еще несколько шагов вперед, за ним бесшумно двигался Анборн. Они остановились.

— Идите! — шепнул ему на ухо Анборн. — Осторожнее справа. Если свалитесь в озеро, кроме вашего приятеля-рыбоеда помочь будет некому. И не забудьте, лучники стоят наготове, хоть их и не видно.

Фродо пополз вперед на четвереньках, как Горлум, чтобы лучше нащупывать дорогу. Камни были ровные и гладкие, но скользкие. Он остановился, прислушиваясь. Сначала слышался только неумолчный плеск и рокот водопада, но потом, неподалеку, он различил знакомое шипение.

— Рыба, ссладкая рыба. Наконец-то Белый Лик скрылся, да. Теперь мы можем поесть рыбы спокойно. Нет, не спокойно, нет, нет! Сокровище пропало, да, пропало. Злые хоббиты, гадкие! Ушли и бросили нас, горлум! И Сокровище ушло. Бедный Смеагорл совсем один. Сокровища нет. Гадкие люди, они знали, они украли наше Сокровище. Воры. Мы их ненавидим. Рыба, ссладкая рыба, она дает нам ссилу. Задушить их, задушить их всеххх. Сссвежая рыба, вкуссная!

Он продолжал бормотать, почти так же неумолчно, как водопад, прерывая себя только чавканьем и пыхтеньем. Фродо задрожал: в нем боролись жалость и отвращение. Ему хотелось, чтобы этот голос умолк, хотелось никогда больше не слышать его. Анборн недалеко. Можно отползти обратно и попросить, чтобы он приказал лучникам стрелять. Наверное, они близко. Один меткий выстрел — и Фродо навсегда избавится от этого мерзкого спутника... Но нет, у Горлума теперь есть права на него. У слуги всегда есть права на хозяина, даже если он служит только из страха. Без Горлума они погибли бы на Болотах, к тому же Фродо был твердо убежден: Гэндальф не одобрил бы его колебаний.

— Смеагорл! — негромко окликнул он.

— Рыба, вкуссная рыба! — неуверенно повторил голос и смолк.

— Смеагорл! — окликнул он громче. — Смеагорл, хозяин пришел за тобой. Хозяин здесь. Иди сюда, Смеагорл! — Ответа не было, только свистящий вздох сквозь зубы. — Иди сюда, Смеагорл, — повторил Фродо. — Ты в опасности. Люди убьют тебя, если найдут здесь. Иди скорее, если хочешь избежать смерти. Иди к хозяину!

— Нет! — наконец ответил голос.— Хозяин нехороший. Бросил бедного Смеагорла и ушел с новыми друзьями. Хозяин подождет. Смеагорл еще не кончил.

— Некогда ждать! Иди вместе с рыбой. Иди сейчас же!

— Нет. Сначала доесть рыбу,— Горлум капризничал, не чувствуя нависшей над ним опасности.

— Смеагорл! — в отчаянии Фродо решил прибегнуть к последнему аргументу. — Сокровище рассердится. Я возьму Со-

кровище и скажу: «Пусть он проглотит кость и подавится». Тогда ты никогда больше не попробуешь рыбы. Иди сюда! Сокровище ждет.

Раздалось громкое шипенье, и Горлум на четвереньках выполз из темноты, как пес, которого хозяин подозвал к ноге. Одна рыба была у него во рту, другая зажата в кулаке. Он подполз к Фродо вплотную и обнюхал его; большие бледные глаза заблестели. Потом он вынул изо рта рыбу и встал.

— Сславный хозяин! — прошипел он. — Славный хозяин вернулся к бедному Смеагорлу. Добрый Смеагорл пришел. А теперь пойдем, пойдем быстро, да! Под деревьями, пока ликов нет. Да, да, пойдем!

— Да, пойдем, — отвечал Фродо, — но не сейчас. Я пойду с тобой, как обещал. Я обещаю снова. Но не сейчас. Ты еще в опасности, я спасу тебя, но ты должен мне довериться.

— Довериться хозяину? — с сомнением переспросил Горлум. — Почему? Почему не уйти сейчас? А где другой, злой, нехороший? Где он?

— Вон там, наверху, — сказал Фродо, указывая на водопад. — Я не пойду без него. Мы должны вернуться к нему. — Сердце у него сжалось. То, что он делал сейчас, было очень похоже на обман. Он не боялся, что Фарамир прикажет убить Горлума, но он велит схватить и связать его; и конечно, действия Фродо должны показаться верхом коварства этому жалкому, но тоже очень коварному существу. Бесполезно было доказывать, что Фродо спасает его от неизбежной смерти и что есть только один способ спасения. Что еще оставалось ему делать? Только сохранять по возможности верность обеим сторонам.

— Идем! — повторил он. — Иначе Сокровище рассердится. Мы должны вернуться наверх. Иди первым.

Горлум пополз, держась ближе к краю, подозрительно принюхиваясь. Потом он остановился и поднял голову.

— Кто-то здесь есть! — сказал он. — Не хоббиты! — Потом вдруг обернулся с зеленым блеском в глазах. — Хозяин, ххххозззяин! — прошипел он. — Злой! Он лжет! — И зафырчав, потянулся к Фродо длинными руками с белыми шевелящимися пальцами.

Но позади него уже вырос огромной тенью Анборн и схватил за шиворот. Горлум вывернулся, извиваясь, словно угорь, кусаясь и царапаясь, как кошка. Из тени вынырнули еще двое зеленых воинов.

— А ну, тихо! — приказал один из них. — А то мы враз утыкаем тебя стрелами, как ежа. Тихо!

Горлум обмяк и начал скулить и плакать. Они связали его и не очень-то церемонились при этом.

— Осторожнее, — попросил Фродо. — Не ему бороться с вами. Не делайте ему больно, если можете, тогда он будет спо-

койнее. Смеагорл! Они не обидят тебя. Я пойду с тобой, и тебя никто не обидит, никто, пока я жив. Доверься хозяину.

Горлум повернулся и плюнул в него. Воины подняли пленника, накинули ему на голову мешок и понесли.

Фродо тащился за ними, и на душе у него было тяжело. Они прошли сквозь расселину, вниз по лестнице, по переходам в пещеру. Там горело несколько факелов, спящие уже начали просыпаться. Сэм внимательно посмотрел на тюк, принесенный воинами.

— Поймали? — только и спросил он.

— Да, — смущенно ответил Фродо, — хотя нет, я не ловил. Он сам пришел, потому что доверял мне. Я не хотел, чтобы его связывали. Надеюсь, все кончится хорошо, но, как бы ни кончилось, мне это дело не нравится.

— Мне тоже, — подтвердил Сэм. — Там, где появляется эта Вонючка, ничего хорошего не жди.

Подошел один из воинов, жестом позвал хоббитов за собой и привел их в знакомый угол пещеры. Там сидел в кресле Фарамир, в нише у него над головой горел светильник. Он кивнул на стулья рядом с собой и распорядился:

— Принесите вина для гостей. И приведите пленника.

Принесли вино. А потом Анборн принес Горлума. Он снял с головы пленника мешок и поставил его на ноги, а сам встал чуть позади. Горлум щурился, прикрывая злобные глаза тяжелыми веками. Он выглядел очень жалким и мокрым, рыбу все еще сжимал в руке, и от него сильно пахло чешуей и сыростью. Жидкие пряди волос прилипли ко лбу, словно мокрые водоросли, а нос настороженно шевелился.

— Ссснять веревку! — сразу захныкал он. — Сснять! Нам больно, да, очень больно, а мы ничего не сделали.

— Ничего? — повторил Фарамир, пристально разглядывая злополучное существо. В его лице не было ни гнева, ни жалости, ни удивления. — Ничего? Ты никогда не делал ничего такого, за что тебя стоило бы связать? Об этом, к счастью, не мне судить. Но сегодня ты пришел туда, куда приходить нельзя под страхом смерти. Рыба из этого озера стоит дорого.

Горлум выронил свою рыбу.

— Не хочу ее, — быстро сказал он.

— Дело не в рыбе, — значительно произнес Фарамир. — Смерти заслуживает всякий, кто только подойдет к озеру и поглядит в него. Я пощадил тебя по просьбе Фродо, его ты поблагодаришь потом, а сейчас отвечай: кто ты? Откуда? Куда идешь? По какому делу?

— Мы пропали, пропали! — жалобно захныкал Горлум. — Ни имени, ни дела, ни Сокровища, ничего! Только пустота! Только голод. Мы голодны, да. Несколько рыбок, гадких, костлявых рыбок, а они говорят — смерть. Такие они мудрые, такие справедливые, да!

— Не тебе судить о нашей мудрости, — оборвал его Фарамир, — а насчет справедливости — посмотрим. Освободите его, Фродо. — Он снял с пояса маленький кинжал и подал хоббиту. Но Горлум, не поняв этого жеста, с визгом повалился на землю.

— Ну, ну, Смеагорл, — успокоил его Фродо, — ты должен мне верить. Я тебя не покину. Отвечай правдиво, если можешь. Тебе это не повредит.

Он перерезал веревки и поднял Горлума на ноги.

— Подойди сюда! — приказал Фарамир. — Смотри мне в глаза! Знаешь ли ты, как называется это место? Был ли ты здесь когда-нибудь?

Горлум медленно поднял голову и нехотя встретился взглядом с Фарамиром. Погасшие, холодные и тусклые глаза несчастного встретились с ясными, твердыми глазами гондорского воина. Наступило короткое молчание. Потом Горлум поник и начал дрожать крупной дрожью.

— Мы не знаем и не хотим знать, — жалобно прошептал он. — Никогда здесь не были, никогда не будем.

— В душе у тебя есть закрытые окна и запертые двери, а за ними — темные комнаты, — задумчиво проговорил Фарамир. — Но сейчас, я думаю, ты сказал правду. Это хорошо. Чем ты можешь поклясться, что никогда не вернешься сюда, что никогда ни словом, ни знаком не укажешь сюда путь никому живому?

— Хозяин знает, — сказал Горлум, быстро искоса взглянув на Фродо. — Да, он знает. Мы поклянемся ему, пусть он спасет нас. Мы поклянемся. Им. Да! — Он подполз к ногам Фродо. — Спаси нас, добрый хозяин! — проскулил он. — Смеагорл клянется Сокровищем, клянется по-настоящему! Никогда не придет, никогда не скажет, нет, никогда! Нет, нет!

— Этого довольно? — спросил у Фродо Фарамир.

— Да, — ответил Фродо. — Вам придется либо поверить его клятве, либо соблюсти закон. Больше ничего не остается. Но я обещал, что ему не будет вреда, если он пойдет со мной. Я не хотел бы нарушать свое обещание.

Фарамир с минуту подумал.

— Хорошо, — сказал он. — Я отдаю тебя твоему хозяину, Фродо, сыну Дрого. Пусть он решает, что делать с тобою.

— Но, благородный Фарамир, — возразил Фродо с поклоном, — вы еще не решили, что делать с упомянутым Фродо, а без этого мне трудно что-нибудь решать самому. Ваш суд был отложен до утра, оно уже близко.

— Тогда я вынесу свое решение, — сказал Фарамир. — Что касается вас, Фродо, то, насколько это зависит от моей власти, объявляю вас свободным в Гондоре до самых дальних и древних его пределов; но ни вам, ни вашим спутникам не разрешается без зова приходить туда, где мы сейчас находимся. Мое

решение будет действительно один год и один день, а затем отменено, если за это время вы не явитесь в Минас Тирит, чтобы представиться правителю Города. Тогда я буду просить его утвердить мое решение и сделать его пожизненным. Пока же всякий, кого вы возьмете под свое покровительство, будет пользоваться моим покровительством и защитой законов Гондора. Довольны ли вы решением?

Фродо низко поклонился.

— Я доволен, — заявил он, — и прошу вас располагать мною, если я достоин высокой чести служить вам.

— Вы вполне достойны, — кивнул в ответ Фарамир. — Итак, принимаете ли вы это существо — Смеагорла — под свое покровительство?

— Да, я принимаю Смеагорла под свое покровительство.

Сэм только шумно вздохнул; но причиной тому был отнюдь не обмен учтивостями, которыми он, как всякий хоббит, был вполне доволен. Правда, в Шире для подобного случая понадобилось бы куда больше речей и поклонов.

— Теперь о тебе, — обратился Фарамир к Горлуму. — Ты приговорен к смерти, но, пока ты идешь с Фродо, приговор не вступит в силу. Если же кто-то в Гондоре найдет тебя одного, без Фродо, приговор будет немедленно исполнен. И пусть тебя настигнет быстрая смерть, в Гондоре или за его пределами, если ты не будешь служить своему хозяину хорошо! А теперь отвечай мне: куда вы шли? Ты был его проводником. Куда ты его вел?

Горлум молчал.

— Не запирайся, — настаивал Фарамир. — Отвечай, или я отменю свое решение, — но Горлум продолжал молчать.

— Отвечу за него я, — сказал Фродо. — По моей просьбе он привел меня к Черным Воротам, но они были закрыты.

— В Неназываемую Страну открытого пути нет, — заметил Фарамир.

— Тогда мы пошли по дороге на юг, — продолжал Фродо, — потому что, по его словам, есть другой путь, около Минас Итиля...

— Это — Минас Моргул! — прервал Фарамир.

— Да, наверное, — кивнул Фродо. — По-моему, путь ведет в горы, по северному склону того ущелья, где стоит древний город, там есть перевал, а потом — вниз и... словом, дальше.

— А вы знаете, как называется этот перевал? — спросил Фарамир.

— Нет, он не говорил мне.

— Имя этого места — Кирит Унгол! — Тут Горлум громко зашипел и забормотал что-то. — Разве не так? — обратился к нему Фарамир.

— Нет! — крикнул Горлум и вздрогнул, словно что-то укололо его. — Да, мы слышали разочек. Но что нам до названия! Хозяин сказал: он должен войти. А мы должны попытаться найти вход. Других путей нет.

— Нет? — переспросил Фарамир. — А ты откуда знаешь? Ты что, так хорошо изучил Мрачную Страну? — Он долго смотрел на Горлума, размышляя, потом сказал: — Уведи его, Анборн. Обращаться мягко, но стеречь хорошо. А ты, Смеагорл, не вздумай нырнуть в водопад. У камней на дне зубы такие острые, что как бы тебе не умереть раньше времени. Уходи и забирай свою рыбу.

Анборн вышел, ведя понурого Горлума. За ними задернулся занавес.

— Фродо, я думаю, вы поступаете неразумно, — мягко сказал Фарамир. — По-моему, вы не должны доверять этому существу. Оно злое и испорченное.

— Не совсем же, — пробормотал Фродо.

— Возможно. Но злоба разъедает его, как болезнь, и все, что в нем есть дурного, усиливается. Ни к чему хорошему такой проводник не приведет. Если вы расстанетесь с ним, я дам ему пропуск и провожатого к любому месту на границах Гондора, какое он укажет.

— Он не пойдет. Он пойдет только со мной. Я ведь обещал, что он пойдет со мной, а я — с ним. Не хотите же вы, чтобы я нарушил свое обещание?

— Нет. Умом я не хочу, а сердцем очень хотел бы. Конечно, легче советовать другому нарушить слово, чем нарушать самому. Но тяжело видеть друга, связанного необдуманным словом себе на беду. Что ж, если этот Смеагорл пойдет с вами, вам придется терпеть его. Но послушайте меня, не ходите в Кирит Унгол. Он говорит о нем гораздо меньше, чем знает. Это ясно видно в его мыслях. Не ходите туда!

— А куда же идти? — растерянно спросил Фродо. — Обратно, к Черным Воротам, чтобы сдаться страже? Что это за место такое, Фарамир, если вы даже называть его не хотите? Что вы о нем знаете?

— Ничего достоверного. Люди Гондора не ходят теперь на восток, а в Хмурых Горах из молодых и подавно никто не бывал. Но известно, что в горах, выше Минас Моргула, обитает какой-то темный ужас. При одном названии Кирит Унгола старики бледнеют и умолкают.

В долинах Минас Моргула давным-давно поселилось зло. Даже когда Враг был изгнан, а Итилиен относился к гондорским владениям, там царили ужас и ненависть. А ведь когда-то гордый и прекрасный Минас Итиль был двойником нашей столицы... Потом его захватили те, кто служил Врагу. После его изгнания они остались и без хозяина, и без пристанища. Говорят, они были из Высоких Нуменорцев, соблазнившихся черным мастерством. Враг дал им кольца власти и поработил навеки: они превратились в живых призраков, в жуткую и злобную нежить. Они захватили Минас Итиль, и теперь его не узнать.

Крепость кажется пустой, но это не так. Безликий страх живет за разрушенными стенами. Девять вождей правят там, теперь они стали Девятью Всадниками, и мы не можем устоять перед ними. Не приближайтесь к этой крепости! Там живет бессонная злоба, у нее тысячи глаз, она выследит вас. Не ходите туда!

— Но какой же другой путь мне выбрать? — беспомощно спросил Фродо. — Вы сами сказали, что не можете вести меня в горы. Но я дал Совету обещание либо найти путь, либо умереть, ища его. А если я вернусь, отказавшись выполнить мою задачу, мне не будет места ни на родине, ни среди людей, ни среди эльфов. Или вы хотите, чтобы я пришел в Гондор с тем самым, из-за чего ваш брат лишился разума? Кто знает, сколько и какого зла Оно может наделать в Минас Тирите? Не увидим ли мы вскоре две крепости, скалящиеся друг на друга через долину, полную смерти?

— Я бы не хотел этого, — произнес Фарамир.

— Чего же тогда вы хотите от меня?

— Не знаю, право. Но мне тяжело отпускать вас навстречу мукам и смерти. И мне кажется, что и Митрандир не потребовал бы этого от вас.

— Но его нет, и мне придется идти теми путями, которые найдутся. И времени на выбор тоже нет.

— Тяжела ваша судьба, и безнадежна задача. Но по крайней мере запомните мое предостережение: опасайтесь этой твари, Смеагорла. У него на совести уже есть одно убийство, можете мне поверить, — он вздохнул. — Итак, мы встретились и уже расстаемся. Вряд ли мы еще увидимся под этим солнцем. Но вы уйдете с моим благословением вам и вашему народу. Отдохните, пока вам приготовят кое-что в дорогу.

Мне бы очень хотелось узнать, как этот скользкий Смеагорл стал обладателем Сокровища, о котором мы говорили, и как он его потерял, но уж ладно. Если, паче чаяния, вы вернетесь и у нас будет возможность посидеть у стены на солнце, вы расскажете мне об этом. До той поры или до другой — прощайте! — Он встал и низко поклонился Фродо, а затем, отдернув занавес, ушел в пещеру.

Глава 7
ПЕРЕКРЕСТОК

Фродо и Сэм вернулись в свой угол и снова легли, слушая, как для воинов в пещере начинается новый день. Скоро им принесли умыться, а потом проводили к столу, накрытому на троих. Фарамир завтракал вместе с ними. После вчерашней битвы он еще не ложился, но усталым не выглядел.

— Пусть голод не тревожит вас в пути, — сказал он. — Еды у нас мало, но я приказал собрать для вас кое-что, удобное в

дороге. Пока вы идете по Итилиену, воды у вас будет вдоволь, но не пейте из ручьев, вытекающих из Имлад Моргул, Долины Нежити. И вот еще что. Вернулись мои разведчики. Они подходили к самому Мораннону и обнаружили странные вещи: местность опустела, дороги словно вымерли. Страна Неназываемого затаилась и молчит. Не знаю, что предвещает это молчание, но думаю, что близятся какие-то важные события. Надвигается буря. Вам надо торопиться. Если вы готовы, идемте. Солнце скоро поднимется.

Хоббитам принесли их котомки. Они существенно потяжелели. Вместе с ними принесли два прочных посоха из полированного дерева, окованных железом, с плетеными кожаными ремнями, продетыми сквозь резные головки.

— У меня нет достойных прощальных даров для вас, — сказал Фарамир. — Примите эти посохи. Они пригодятся вам. Это любимое мастерами Гондора дерево *лебетрон*. Их заново оковали для вас. Посохи не потеряются, на них чары. Да сохранят эти чары свою силу под тенью, в которую вы идете.

— Любезнейший из всех хозяев, — сказал Фродо, — Элронд в Дольне говорил мне, что в пути я встречу друга, тайного и неожиданного. Ваша дружба способна обратить великое зло в великое благо.

Медлить было нечего. Из какого-то дальнего угла привели Горлума, теперь он выглядел гораздо спокойнее, хотя жался поближе к Фродо и избегал взгляда Фарамира.

— Вашему проводнику нужно завязать глаза, — сказал Фарамир, — но вас и вашего друга я освобождаю от этого.

Но Горлум заскулил и начал цепляться за Фродо, когда к нему подошли с повязкой. Фродо сказал:

— Завяжите глаза нам всем, и мне первому — тогда, может быть, он увидит, что ему не хотят причинить зла.

Так и было сделано. После долгих переходов и ступенек они ощутили вокруг ароматный свежий воздух. Еще некоторое время они шли вверх, потом вниз, наконец остановились, и голос Фарамира приказал снять с них повязки.

Вокруг снова был лес. Шума водопада не было слышно. Между ними и потоком находился длинный склон. С запада между деревьями светлело, словно мир там обрывался, а за его краем было только небо.

— Здесь нам предстоит проститься в последний раз, — сказал Фарамир. — Примите мой последний совет: не сворачивайте пока на восток. Идите прямо, тогда лес еще на много лиг прикроет вас. Держитесь ближе к склонам. В начале пути можно, я думаю, идти днем. Страна дремлет в обманчивом покое, зло временно отступило от нее. Прощайте, доброго вам пути.

Он простился с ними по обычаю своего народа: кладя руки на плечи и целуя в лоб.

— Да пребудут с вами мысли всех людей доброй воли!

Они поклонились ему очень низко. Фарамир повернулся и, не оглядываясь больше, отошел к своим стражам, безмолвно ожидавшим неподалеку. Хоббитов опять удивило, как быстро и бесшумно двигаются эти зеленые люди — они исчезли из виду почти мгновенно. Лес, где только что стоял Фарамир, был теперь пуст и безлюден.

Фродо вздохнул и повернул на юг. Пока они прощались с Фарамиром, Горлум демонстративно рылся в земле у подножия дерева. «Опять он голоден, — подумал Сэм, — и опять все начинается сначала».

— Ушли они? — спросил Горлум, понимая голову. — Ззлые, нехорошие люди! Шея у Смеагорла еще болит от них, да! Пойдемте.

— Идем, — согласился Фродо. — Но если у тебя не нашлось доброго слова для тех, кто подарил тебе жизнь, уж лучше помалкивай.

— Славный хозяин! — поспешно отозвался Горлум. — Смеагорл шутит. Смеагорл все прощает, да, все, даже славные шуточки доброго хозяина. Славный хозяин, славный Смеагорл!

Хоббиты промолчали, взвалили котомки на плечи, взяли посохи и двинулись в путь по лесам Итилиена.

Дважды они останавливались подкрепиться сушеными фруктами, солониной, хлебом — дарами Фарамира. Горлум есть не стал.

Вокруг царил зеленоватый сумрак. Солнце успело пройти свой дневной путь и склониться к закату — лишь тогда, по золотистым переливам в зеленой листве, они поняли, где оно. Было прохладно и тихо. Птицы не то разлетелись, не то враз онемели. Рано стемнело, и, не помня себя от усталости, хоббиты остановились. Заповедное Озеро осталось в семи лигах позади. Фродо пристроился в выемке меж корней древнего дерева и крепко уснул. Сэм спал тревожно, то и дело просыпаясь, и высматривал Горлума. Тот улизнул еще вечером, да так и не показывался — может, залез в какую-нибудь нору, может, рыскал вокруг, но с первыми проблесками утра объявился.

— Вссставать пора, давно пора, — разбудил их знакомый голос. — Идти еще долго. На восток, а потом — южнее... Надо поспешить!

И снова Фродо со спутниками шагал по странному молчаливому лесу. Было душно, словно перед грозой. Горлум часто останавливался, принюхиваясь и что-то бормоча, потом начал поторапливать хоббитов.

К концу второго дня лес изменился, деревья стали крупнее и реже: раскидистые вязы, огромные остролисты, гигантские

дубы, на которых уже начали распускаться почки. Меж деревьев попадались лужайки, поросшие белыми и голубыми анемонами и лесным гиацинтом. Не видно было ни птицы, ни зверя, но открытых мест Горлум боялся, и они шли осторожно, крадучись, от одного пятна тени к другому.

Но вот лес кончился. Они сели под старым кряжистым дубом с огромными узловатыми корнями. На юг уходила глубокая туманная долина. Справа, далеко на западе, темнели на фоне заката гордые хребты Гондора. Слева стеной поднимался мрак: то были пределы Мордора, и оттуда к Реке спускалась все расширявшаяся долина. По ней протекал большой ручей. Дорога бледной лентой вилась по его берегу и исчезала вдали в холодном белом тумане, в котором Фродо чудились выступающие вершины каких-то старых, полуразрушенных шпилей и башен.

— Где мы? — повернулся он к Горлуму.

— В опасссных месстах, хозяин. Дорога ведет от Лунной Крепости прямо к разрушенному городу у Реки. Ужасное место, там все плохие, ззлые. И мы не будем слушать людских советов. Не нужны дороги. Шли без дорог и дальше пойдем. На восток, прямиком туда, — он махнул тощей ладонью в сторону мрачного черного хребта. — Нам нельзя идти по этой дороге. Тут ходят ззлые люди из крепости.

Фродо глянул на пустынную дорогу. Просто давно не хоженная дорога — и все. Но что-то заставило его содрогнуться. В воздухе словно чувствовалось чье-то незримое враждебное присутствие, а ручей в долине был тот самый Моргулдуин — отравленный поток, берущий начало из Долины Нежити; именно о нем предупреждал их Фарамир.

— Что делать будем? — спросил Фродо у остальных. — Мы уже давно идем, может, стоит укрыться в лесу?

— Не нужно прятаться ночью, — заговорил Горлум. — Днем надо прятаться, днем, да!

— Уймись, — буркнул Сэм. — Нам все равно надо отдохнуть, хотя бы до полуночи. Потом мы пойдем, времени хватит, если ты, конечно, знаешь, куда идти.

Горлум долго ворчал, но в конце концов согласился и повернул к опушке, забирая все дальше к востоку. Он не хотел больше ночевать на земле, дорога, по его мнению, была слишком близко, поэтому они взобрались на старый дуб и нашли среди ветвей удобную развилку. Горлум свернулся клубком и уснул. Хоббиты перекусили, попили воды, но глаз сомкнуть так и не смогли.

После полуночи Горлум проснулся. В кромешной мгле тускло фосфоресцировали бледные немигающие глаза. Он прислушался и принюхался — хоббиты уже знали, что так он определяет время в темноте.

— Отдохнули ли мы? Сславно ли вздремнули? — поинтересовался он скорее у себя. — Вот и ссславно. Пора в путь!

— Не отдохнули и не вздремнули, — проворчал Сэм, — но раз пора, значит, идем.

Горлум мигом соскользнул с дерева. Хоббиты сползли следом.

До самого рассвета он вел их на восток. Тьма стояла такая, что деревья можно было различить, только наткнувшись на них. Идти по неровной, сплошь изрытой корнями земле стало труднее, но Горлума, похоже, это не тревожило. Продираясь через колючки, путаясь во впадинах, заросших густым кустарником, они неуклонно поднимались. Однажды, оглянувшись, Сэм увидел далеко внизу покинутый ими лес. Заходящую луну окружало болезненное желтоватое кольцо.

Горлум все поторапливал, и скоро они выбрались на гребень, густо заросший кизилом и барбарисом. На кустах уже начали распускаться желтые, сладко пахнущие цветы. В этой колючей чаще они нашли пещеру, вход в нее закрывали зеленевшие ветви. От усталости даже есть не хотелось, хоббиты просто лежали, ожидая наступления дня. На востоке разливалось тускло-красное сияние, но это была не заря... Грозно темнели Хмурые Горы, у их подножья залегла густая тьма, а острые зубчатые вершины чернели на фоне багрового зарева.

— Куда же нам идти теперь? — спросил Фродо. — И что это за долина вон там, не долина ли Моргула?

— А не все ли равно? — устало возразил Сэм. — День ведь, идти-то нельзя...

— Может быть, может быть, — пробормотал Горлум, — но нам нужно скорей идти к Перекрестку. Да, к Перекрестку. Да, хозяин, это и есть дорога к нему, да, да!

Красное зарево над Мордором угасло, спустились сумерки. С востока наползал не то дым, не то пар. Фродо и Сэм перекусили и теперь отдыхали, а Горлум не находил себе места: он ползал вокруг, обнюхивая кусты, бормотал без конца, а потом вдруг исчез.

— Опять промышляет, — зевнул Сэм и провалился в сон.

Он снова был дома, в саду, и что-то разыскивал — вот только тяжелый мешок за спиной мешал. «Позаросло-то все как, — подумал он, заметив терновник и папоротник у ограды, — работенки будь здоров сколько! А я так устал». И тут он вспомнил, что ищет: «Трубка!» — и открыл глаза. «Вот дурень, — выругал он себя, — так она ж в мешке». Вдруг до него дошло, что табака все равно нет, а до дома сотни миль. Тогда он сел, окончательно проснувшись. Уже темно, зачем Фродо позволил ему спать до вечера?

— Который час? — спросил он.

— Около полудня, — ответил Фродо, — ты спал всего часа три. Просто становится все темнее и темнее.

— Гроза, что ли, собирается? — тревожно спросил Сэм. — Вот уж ни к чему сейчас. — Он прислушался. — Что это? Гром или барабаны?

— Не знаю, — ответил Фродо, — я давно уже это слышу. Только не мог понять: под землей или в воздухе?

— А где Горлум? Не вернулся еще?

— Нет. Не видать и не слыхать.

— Вот уж от этой потери я бы не заплакал. Толку от него все равно мало, а без него куда спокойнее.

— Ты несправедлив к нему, — укорил Сэма Фродо. — Вспомни о Болотах... Я надеюсь, что с ним ничего не случилось.

— А я надеюсь, что он не сыграет с нами какую-нибудь шутку. А если он попадет в лапы... — Сэм прикусил язык, — словом, в другие лапы, попомните мое слово — у нас будут неприятности.

В этот момент снова раздался грохот, теперь громче и ближе прежнего, земля под ногами задрожала.

— Неприятности у нас и так уже есть, — испуганно проговорил Фродо. — Чем дальше, тем больше. Боюсь, наш путь подходит к концу.

— Может быть, — ответил Сэм, — но, пока живешь, надеешься, как говорил мой старик, и хочешь кушать. Может быть, съедите еще кусочек? А потом вздремнете...

Они не знали, сколько времени прошло в этом тусклом бесформенном сумраке. Сэм решил, что полдень уже миновал, но, сколько ни выглядывал из-под ветвей, видел только блеклый, лишенный теней мир, медленно погружавшийся в бесцветный мрак. Фродо дремал неспокойно, ворочался, что-то бормотал во сне. Пару раз Сэму почудилось, что он зовет Гэндальфа. Время словно остановилось. Вдруг позади раздалось громкое шипение, он обернулся и увидел Горлума. Тот стоял на четвереньках, и глаза его полыхали фосфорическим светом.

— Проснитесь, проснитесь! — шипел он. — Не терять времени! Уходить, уходить сейчас же! — Он был очень испуган.

— Что за спешка? — нахмурился Сэм. — Еще рано. Время-то к обеду в тех приличных краях, где бывает обед.

— Чушшшь! — шипел Горлум. — До приличных мест далеко. Время мчится, да, бежит быстро, нельзя его терять. Вставай, хозяин, вставай! — Он потянулся к Фродо. Вырванный из сна, хоббит внезапно сел и схватил Горлума за руку. Горлум вырвался и отскочил подальше.

— Не надо хватать, — шипел он, — надо спешить. Время уходит.

От него ничего нельзя было добиться. Где он был, в чем причина спешки — так и не выяснилось. Сэм был очень недоволен, но Фродо лишь вздохнул, увязывая котомку.

С большими предосторожностями Горлум повел их вниз по склону, стараясь держаться укрытий и перебегая открытые места на четвереньках. Но света было так мало, что вряд ли кто-нибудь мог увидеть хоббитов, закутанных в эльфийские плащи, а ходили они всегда бесшумно.

Так они шли почти час гуськом, в густом сумраке и полной тишине, изредка нарушаемой далекими раскатами грома. За спуском последовал очередной подъем по длинному неровному склону, где только Горлум мог находить нужное направление. Наконец впереди они заметили круг огромных, очень старых деревьев. Вблизи обнаружилось, что вершины у них обломаны или срезаны, словно ударом молнии, но мощные стволы и корни по-прежнему живы.

— Перекресток! — прошипел Горлум. Это было его первое слово с той минуты, как они покинули пещеру. — Нам туда.

Они пробежали по склону и внезапно увидели Южную Дорогу, исчезавшую в кольце гигантских деревьев.

— Другого пути нет, — шептал Горлум. — Никаких тропинок нет больше. Идем к развилку. Скорее и тише.

Они пробрались к дороге, осторожно, как лазутчики во вражьем стане, прошмыгнули по ней, затаив дыхание, прокрались между деревьями и очутились словно в зале без крыши. Могучие стволы стояли ровным кругом, как исполинская колоннада, из центра этого круга расходились четыре дороги. Дорога назад вела к Мораннону, та, что впереди, уходила к далеким южным землям, справа поднималась извилистая дорога из Осгилиата и уходила за Перекрестком на восток, исчезая во мгле, — это и была та дорога, по которой им предстояло идти.

Фродо испуганно оглядывался по сторонам и тут понял, что света прибавилось. Мягкий солнечный луч лег на лицо Сэма. Фродо повернулся навстречу лучу и за аркой ветвей различил дорогу на Осгилиат, ровной лентой бегущую на запад. Там, за Гондором, накрытым тенью, закатное солнце нашло последнюю прореху в пелене туч и недобрым огненным колесом опускалось теперь за неосквернённое пока Море. Солнечный луч зловеще блеснул на огромной каменной статуе. Фигура на троне была величественна и горда, как каменные короли Аргоната. Она была изъедена временем, обезображена чьими-то злобными руками. Вместо отбитой головы лежал круглый булыжник с грубо намалеванным ухмыляющимся лицом с единственным глазом посередине. Пьедестал и ноги каменного великана были покрыты злобными мордорскими рунами. Отбитая голо-

ва валялась у обочины. Ее оплели ползучие растения, и их белые цветы серебряной короной венчали благородный лоб изваяния.

— Смотри, Сэм, — произнес Фродо, — вот знак для нас: не могут они совсем победить, — но тут солнце зашло, и тьма, как черный занавес, упала на Перекресток.

Глава 8
ПО ЛЕСТНИЦАМ В СКАЛАХ

Горлум тянул Фродо за плащ, шипя от страха и нетерпения.

— Уходить отссюда, — повторял он. — Не мешшкать! Сскорее!

Фродо заставил себя повернуться и двинуться дальше, на восток, во мглу.

Сначала дорога шла прямо, затем повернула к югу, огибая зловеще нависший скалистый выступ, и вновь устремилась к востоку, взбираясь круто вверх. Хоббиты с тяжелым сердцем плелись за своим проводником. Фродо опять начал чувствовать гнет Кольца, о котором почти забыл в Итилиене. Он шагал понурившись, глядя себе под ноги. Подъем сделался круче, и хоббит устало взглянул вверх. И тогда, как и предсказывал Горлум, он увидел Крепость Рабов Кольца. В ужасе он припал к каменистому откосу.

В этом месте глубокая, наполненная тьмой долина далеко врезалась в горный массив. Здесь, на скалистом отроге Хмурых Гор, вздымались стены и башни Минас Моргула. Мрак вокруг был еще плотнее, но сама крепость светилась. Не тем лунным сиянием, которое лилось когда-то сквозь мраморные стены Минас Итиля, теперь свет был тусклым, как от ущербной луны, и этот мертвый свет ничего не освещал. Бесчисленные окна в стенах и башнях казались погасшими глазами, глядящими внутрь, в пустоту, а самый верхний ярус башни поворачивался то в одну, то в другую сторону, словно голова чудовищного призрака, вглядывающегося во тьму. Некоторое время все трое стояли, сжавшись от страха, не в силах отвести глаз от мрачной крепости. Горлум опомнился первым и начал дергать своих спутников за плащи, увлекая вперед. Каждый шаг давался теперь с трудом, само время словно остановилось, и на то, чтобы оторвать ногу от земли и снова поставить ее, уходила, казалось, целая вечность.

От моста дорога, слабо мерцая, множеством извивов поднималась к воротам крепости — к черному провалу, зиявшему в северной стене. По обоим берегам ручья тянулись луга, заросшие предсмертниками — бледными, слабо светящимися цветами, ужасными, как порождение кошмара. Они издавали сладковатый запах тления. По концам моста стояли искусно изваянные статуи, изображавшие людей и животных, все — уродливые и злобные. Ручей струился в полной тишине, над водой подни-

мались легкие струйки пара, но пар этот был смертельно холодным. Фродо почувствовал вдруг, как голова у него закружилась и сознание померкло. Чья-то чужая воля заставила его протянуть в сторону моста дрожащие руки. Спотыкаясь, низко наклонив голову, он пошел вперед. Сэм догнал его уже у самого моста.

— Не сюда! Нет, нет, не сюда! — прошипел Горлум, но тут же, испугавшись собственного голоса в этой мертвой тишине, зажал рот руками и припал к земле.

— Держитесь, Фродо,— прошептал Сэм на ухо другу.— Горлум говорит, не надо туда идти, и на этот раз я с ним согласен.

Фродо провел рукой по лбу и с трудом оторвал взгляд от крепости на холме. Светящаяся башня притягивала его, и приходилось бороться с желанием броситься к ней со всех ног. Наконец он с усилием отвернулся, чувствуя, как сопротивляется Кольцо, стараясь повернуть его шею обратно, а перед глазами опускается непроницаемый мрак.

Горлум уже уполз во тьму. Сэм, поддерживая друга, поспешил за ним следом. Невдалеке от берега ручья в каменной стене был пролом. Протиснувшись в него, Сэм увидел узкую тропинку, сначала мерцающую, как и дорога внизу, а потом темную, уходящую петлями по северным склонам.

Хоббиты побрели по этой тропе. Горлума они видели, только когда он оборачивался, знаками поторапливая их. Тогда в глазах у него вспыхивало зеленоватое сияние, словно отражение жуткого света башни. Фродо и Сэм невольно часто оглядывались и каждый раз отводили глаза с усилием. Идти было трудно. Правда, когда они поднялись над ядовитыми испарениями ручья, дышать стало легче, но зато навалилось такое изнеможение, словно всю ночь пришлось плыть против сильного течения.

В конце концов Фродо споткнулся и тяжело опустился на камень. Теперь они были у края большого скального выступа. Впереди виднелась излучина долины, тропинка огибала ее по узкому карнизу над пропастью, а потом поднималась по крутому склону, исчезая во тьме наверху.

— Мне нужно отдохнуть, Сэм,— прошептал Фродо.— Мне тяжело, друг мой, очень тяжело. Далеко я с этой ношей не уйду. Я должен отдохнуть...

— Тсс! Тсс! — зашипел Горлум, подбегая к ним.— Тсс! — Он прижал палец к губам, потряс головой, потом потянул Фродо за рукав и указал на тропу. Но Фродо не шевельнулся.

— Не сейчас,— прошептал он.— Не сейчас.— Тяжелая усталость придавила его к земле, казалось, злые чары одолели Хранителя вконец.— Нужно отдохнуть,— пробормотал он снова.

Горлум от страха и волнения снова заговорил свистящим шепотом, прикрывая рот ладонью:

— Не здесь, нет! Нельзя здесь отдыхать! Глупые! Они увидят нас с моста. Идемте! Вверх, вверх! Идемте скорее.

— Идемте, Фродо, — присоединился к нему и Сэм. — Он опять прав.

— Хорошо,— ответил Фродо странно далеким голосом, словно в полусне.— Я попытаюсь.— Он устало поднялся на ноги.

Но было уже поздно. Скала под ними содрогнулась, под землей прокатился долгий гул, и в горах отозвалось эхо. Потом внезапно вспыхнуло ослепительное красное зарево, оно взметнулось высоко в небо, заливая багрянцем низко нависшие тучи. В этой долине мрака и холодного мертвенного свечения оно казалось нестерпимо ярким. Потом раздался оглушительный грохот.

И Минас Моргул ответил! Из башни к небу рванулись мертвенно-синие молнии. Земля загудела, из крепости донесся стонущий скрип. Потом, покрывая все другие звуки, на них обрушился душераздирающий вопль. Хоббиты рванулись было бежать, но рухнули как подкошенные, зажимая уши руками.

Когда страшный крик смолк, окончившись протяжным стоном, Фродо медленно поднял голову. Стены крепости по ту сторону узкой долины были теперь вровень с его глазами, и ворота, похожие на огромную пасть с блестящими зубами, были широко распахнуты. Из них выходили войска.

Воины были одеты сплошь в черное, мрачные, как ночь. На фоне бледно светящихся стен и мерцающей дороги Фродо ясно видел их: ряд за рядом они шли быстро и беззвучно, бесконечным потоком. Впереди двигался большой конный отряд, вел его Черный Всадник с короной на шлеме, отсвечивающей бледными сполохами. Он уже приближался к мосту снизу, а Фродо никак не мог отвести глаз. Вот и вернулся на землю предводитель Черных Всадников и ведет в битву свое грозное войско. Вот он наяву — Король-Призрак, чей мертвенный кинжал когда-то поразил Хранителя. Рана мгновенно запульсировала болью, и от нее к сердцу пополз ледяной холод.

Мысль о Короле-Кольценосце пронзила Фродо ужасом, сковала точно заклятьем, и в тот же миг у самого моста Всадник вдруг остановился. Отряд тоже замер. Над дорогой повисло молчание. Возможно, Король-Призрак услышал знакомый зов Кольца и теперь медленно поворачивал увенчанную мраком голову. Фродо притих, как птица, зачарованная змеей, и вдруг ощутил могучее желание надеть Кольцо. Никогда еще это желание не было столь сильным, но сейчас он не спешил подчиниться, потому что ясно понимал: Кольцо может только выдать его, и тогда встреча с предводителем назгулов станет последней. Сам по себе момент был ужасен, но внутри Фродо оставался спокойным. Ничто в нем не отзывалось на настоятельный приказ извне. Тем временем эта внешняя сила понемногу завладела его рукой. Он с отрешенным интересом следил за тем, как его собственная рука дюйм за дюймом ползет к цепочке на шее. Но в этот момент, тоже не сразу, пробуди-

лась его собственная воля, она медленно отвела руку от цепочки и заставила нащупать на груди что-то другое, холодное и твердое. Пальцы хоббита крепко стиснули фиал Галадриэль, о котором он совсем забыл в последние дни. В тот же миг всякая мысль о Кольце исчезла. Он перевел дух и опустил голову.

Король-Призрак словно только этого и ждал. Он пришпорил коня и поскакал по мосту, а за ним следовало его черное войско. Эльфийские ли плащи укрыли хоббитов от его всевидящих глаз, или мысль Фродо, укрепившись, отразила черную мысль, но только он не останавливался больше. Час настал, и по приказу своего Владыки он вел войска на запад.

Передовой отряд уже промчался по извилистой дороге внизу, а войска все шли и шли по мосту. Никогда еще со времен отважного Исилдура не выходила из долины столь многочисленная армия, никогда еще столь грозные силы не двигались к мостам Андуина, а ведь это была только одна, и не самая могучая, рать Темного Владыки.

Фродо шевельнулся. Ему вспомнился Фарамир. «Буря пришла наконец, — подумал он. — Все эти мечи и копья направляются к Осгилиату. Успеет ли Фарамир переправиться? Он догадывался, что будет так, но разве он знал, что так скоро? Кто может удержать мосты, если придет вождь назгулов? Да ведь ему на подмогу придут и другие. Я опоздал. Все погибло. Слишком долго мы шли. Даже если я выполню свою задачу, не останется никого, кому я смог бы сказать об этом. Все будет напрасно...» Отчаяние овладело им, и он заплакал. А войска Моргула все шли и шли по мосту.

Потом, откуда-то издали, словно из прежней жизни, он услышал голос Сэма, звавший его: «Фродо, Фродо, проснитесь!» Если бы этот голос добавил: «Завтрак готов» — это не удивило бы его. Но Сэм все звал: «Проснитесь, Фродо, они ушли».

С глухим лязгом ворота Минас Моргула захлопнулись. Прошли последние ряды копейщиков. Башня еще скалилась через долину, но свет в ней угасал. Крепость возвращалась к мраку и молчанию, оставаясь зоркой и выжидающей.

— Очнитесь, Фродо, они ушли, и нам тоже лучше бы уйти. Здесь что-то есть, живое... Оно высматривает... Как бы беды не было, если вы понимаете, про что я толкую. Нельзя оставаться на этом месте, а то оно нас увидит. Идемте!

Фродо поднял голову, потом встал. Отчаяние не ослабело в нем, но немощь отпустила. Он даже мрачно улыбнулся при мысли о том, что все равно должен выполнить свою задачу и ему безразлично, узнают ли об этом Арагорн, Элронд, Галадриэль, Гэндальф или кто-нибудь еще. Он взял посох и тут заметил, что сквозь пальцы другой руки пробивается сияние. Тогда он бережно спрятал фиал на груди, прижав к сердцу. Отвернувшись от чуть светящегося во тьме Минас Моргула, он приготовился идти дальше.

Когда ворота крепости открылись, Горлум, видно, уполз куда-то в темноту. Теперь он вернулся, стуча зубами и щелкая пальцами.

— Глупые, глупые, — повторял он как заведенный. — Скорее! Опасность не прошла, нет. Скорее!

Они молча двинулись вслед за ним по узкому карнизу. Обоим был не по душе этот путь, но он был недолог. Тропа обогнула еще один скальный выступ и неожиданно нырнула в какую-то щель. Это была первая лестница, о которой говорил Горлум. В полной темноте несколькими футами выше светились только его глаза.

— Осторожно! — прошептал он. — Ступеньки. Много ступенек. Осторожно!

Фродо с Сэмом сначала обрадовались, чувствуя стены справа и слева, но лестница была крутая, почти отвесная, и, карабкаясь по ней все выше и выше, они ощущали позади гибельную глубину. Ступеньки были узкие, разной высоты, стершиеся и скользкие по краям, а то и вовсе полуразрушенные. Хоббитам приходилось хвататься руками за верхние из них и через силу переставлять болевшие ноги. А лестница уходила все глубже в толщу отвесной скалы.

Наконец сверху сверкнули глаза Горлума.

— Готово! — прошептал он. — Первая лестница вся. Славные хоббиты, поднялись так высоко, очень славные. Еще несколько ступенек — и конец, да!

Хоббиты с трудом взобрались на последнюю ступеньку, чувствуя, как головы кружатся от усталости. Темный коридор впереди продолжал подниматься, хотя и не так круто. Ступенек больше не было.

Однако Горлум не дал им особенно рассиживаться.

— Есть еще одна лестница, — сказал он. — Очень длинная. Отдохнем, когда дойдем до верха. Не здесь.

Сэм ахнул.

— Как ты говоришь? Еще длиннее этой?

— Длиннее, да. Но не такая трудная. Это была Прямая лестница, теперь будет Витая.

— А потом?

— Увидим, — тихо ответил Горлум. — Да, да, посмотрим...

— Кажется, ты что-то говорил о подземном ходе, — продолжал допытываться Сэм. — Нужно пройти подземный ход или что-то там такое?

— Да, да, подземный ход, — поспешно ответил Горлум, — но вы отдохнете, перед тем как войти. А когда выйдете, то будете у вершины. Очень близко, если пройти, да!

Фродо вздрогнул. Пот заливал глаза, а из темного прохода тянуло ледяным ветерком, долетавшим сюда словно с каких-то невидимых снежных вершин.

— Ну, пойдемте, — сказал он, вставая. — Нечего нам сидеть здесь.

Коридор был и вправду очень длинным. Навстречу все время дуло. Горы словно пытались остановить их мертвенным дыханием, сдуть во мрак внизу. Вдруг стена справа кончилась. Они вышли из прохода. В темноте едва угадывались черные бесформенные громады и глубокие серые тени, но под нависшими тучами иногда вспыхивали тускло-красные отблески, и в их неверном свете они различали впереди, справа и слева высокие утесы, упиравшиеся в низкое небо. Они стояли на широком карнизе, очень высоко, слева был утес, справа — пропасть.

Горлум вел их вплотную к утесу. Тропа больше не поднималась, но стала очень неровной. Идти приходилось медленно. Сколько часов прошло с тех пор, как они вступили в долину Моргула, ни Сэм, ни Фродо не могли сказать. Ночь казалась бесконечной.

Потом впереди встала новая стена и открылась новая лестница, и опять начался мучительный подъем. Теперь лестница вилась снаружи по склону горы. В одном месте она прижималась к самому краю пропасти, и Фродо, взглянув туда, увидел далеко внизу долину Моргула. Там, во мраке, червяком извивалась светящаяся дорога от мертвой крепости к безымянному перевалу. Он поспешно отвернулся.

Бесконечные повороты наконец вывели их на новый уровень. Теперь они находились на седловине, между вершинами Хмурых Гор. Хоббиты смутно различали вздымающиеся вершины, а под ними — проломы и провалы чернее самой ночи. Снега прошлых зим таились меж не знающих солнца камней, точили и грызли их. Красный отсвет в небе усилился; но непонятно было, рассвет ли настает в этой юдоли теней, или становится ярче зарево над Горгоратской равниной. Фродо взглянул вверх. Далеко впереди, словно венчая этот жуткий путь, на багровом небе четко выделялись два черных утеса. На каждом высилось по каменному рогу.

Он остановился, чтобы присмотреться внимательнее. Левый рог был высокий и тонкий, в нем горел красный огонек, а может, дальнее зарево просвечивало сквозь какое-то отверстие. Теперь он различил, что это не просто утес, а черная башня. Он тронул Сэма за рукав:

— Смотри!

— Мне это не нравится, — немедленно отозвался Сэм. — Так, значит, твой тайный вход все-таки охраняется? — гневно обратился он к Горлуму. — И ты знал об этом все время?

— Все дороги здесь охраняются, да, — равнодушно ответил Горлум. — Надо попробовать. Может, здесь охраны меньше. Может, они все ушли на войну, все может быть!

— Да, может быть, — проворчал Сэм, — но это же так далеко! И еще подземный ход... Нет, на сегодня хватит, надо отдыхать, Фродо. Не знаю, день сейчас или ночь, но мы идем уже много часов.

— Да, нужно отдохнуть, — тотчас согласился Фродо. — Найдем какой-нибудь закуток потише. Следующий переход будет трудным. — Он чувствовал, что самое главное сейчас — преодолеть это последнее препятствие, и тогда он сможет совершить задуманное. По крайней мере так ему казалось в этот мрачный час усталости у ворот страшной крепости Кирит Унгол.

Они нашли расщелину, защищенную от ветра, и устроились там. Фродо с Сэмом поглубже, Горлум поближе к выходу. Надо было поесть. Они понимали, что это последняя трапеза перед спуском в Неназываемую Страну, может быть вообще последняя совместная трапеза. Угощение было очень скудным. Кое-что еще оставалось от припасов Фарамира, ну и, конечно, лепешки. Пить не стали, только смочили пересохший рот.

— С водой-то плохо, — сказал Сэм. — Но ведь кто-то живет там, так, поди, и пьют они, а?

— Пьют, конечно, — ответил Фродо. — Но, что бы они ни пили, нам оно не подходит.

— Тогда хорошо бы наполнить фляжку. Но здесь воды нет, а Фарамир, помнится, говорил, что воду из Моргула пить нельзя.

— Он сказал: «Не пить воды, что течет из Долины Нежити», — возразил Фродо, — а мы сейчас не в долине, здесь любая вода будет течь туда, а не оттуда.

— Все равно я ей не доверяю, — пробурчал Сэм, — разве что буду помирать от жажды. Здесь везде что-то не так, — он принюхался. — А запах! Чуете? Странный запах, душный, мне он не нравится.

— Мне здесь ничего не нравится, — отозвался Фродо, — ни ветер, ни камни. И земля, и вода, и воздух — все здесь проклятое. Да только другого-то пути нет.

— Это верно, — согласился Сэм. — Мы бы, коли заранее знали, никогда сюда бы не сунулись. А что? — оживился он. — Наверное, так часто бывает в старых сказках о всяких подвигах и приключениях. Я думал — герои в сказках ищут подвигов и совершают их потому, что хотят, что им это интересно, — ну для развлечения, если вы понимаете, про что я толкую. Но в настоящих сказках, в тех, которые запоминаются, дело вовсе не в этом. Там герои просто попадают куда-нибудь, потому что таков их путь. Они ведь могут вернуться, как и мы, например, да только не возвращаются. Про тех, кто вернулся, сказок не складывают и песен не поют. Которые до конца шли, те — другое дело. А конец-то, знаете, не всегда бывает хорошим, для героев-то. Когда сказку слушаешь, может, по-другому кажется... Хотя можно все-таки и домой вернуться. Пусть даже там

все будет по-старому, ан нет, все по-другому, потому что ты уже другой. Вот так было со старым Бильбо: после своих приключений он переменился. Сказки, в которых все благополучно, — не самые интересные, хотя, конечно, попасть в них лучше всего. Интересно бы знать, наша сказка какая?

— Интересно, — согласился Фродо. — Только я не знаю. В настоящих сказках всегда так. Ты можешь знать или догадываться, как она кончится — хорошо или плохо, но те, кто в ней, не знают. И ты даже не хотел бы, чтобы знали.

— Конечно нет! Вот хотя бы Берен: он и не думал, что добудет Сильмарилл, и все-таки добыл, а ему приходилось гораздо хуже, чем нам сейчас. Это, конечно, длинная сказка, в ней есть и горе, и радость, и многое другое. Сверкающий Камень, помните, попал к Эарендилу, а потом превратился в Вечернюю Звезду. И — ох, как это я до сих пор не подумал! У нас... то есть у вас тоже есть немножко от его света, ну, в той склянке, которую дала Галадриэль. Выходит, наша сказка похожа на ту! Неужели старые-то сказки не кончаются никогда?

— Кончаются не сказки, — задумчиво сказал Фродо, — это герои появляются и уходят, когда их дело сделано. Когда-нибудь и наша роль придет к концу.

— Вот уж тогда выспимся! — невесело рассмеялся Сэм. — Мне этого больше всего хочется. Просто отдохнуть: спать, а потом проснуться и поработать в саду. Все эти важные замыслы не для меня. Но все-таки интересно, попадем ли мы когда-нибудь в песню или сказку? То есть, конечно, попасть-то мы в нее уже попали, но я хочу сказать, будет ли кто-нибудь через много-много лет рассказывать ее вечером у очага или читать в большой книге с черными и красными буквами? И чтобы дети говорили: «Расскажите нам о Фродо и о Кольце», и чтобы сказали: «Да, эта сказка — моя самая любимая. Фродо был очень отважный, правда, отец?» «Да, сынок, он был самым отважным из хоббитов, а это немало значит».

— Это даже, пожалуй, слишком много значит, — от души рассмеялся Фродо.

Странно прозвучал этот смех. С тех пор как Саурон захватил эту страну, здесь не слышали такого звука. Сэму показалось, что камни кругом прислушиваются, а высокие утесы нагнули вершины. Но Фродо ничего не замечал, он смеялся.

— Ну, Сэм, — сказал он, — послушать тебя, так сказка уже написана. Ты, правда, забыл еще одного героя — Стойкого Сэма. «Папа, — произнес он детским голосом, — мне хочется послушать про Сэма еще. Почему ты не придумал о нем побольше? Они такие забавные! А Фродо не ушел бы без Сэма далеко, правда, папа?»

— Да чего уж смеяться-то, — смутился Сэм, — я серьезно говорил.

— Я тоже, — ответил Фродо. — Говорил и говорю. Только рановато об этом разговаривать. Мы с тобою застряли в таком

скверном месте, что, похоже, читая эту страницу, кто-нибудь скажет: «Хватит, папа, мы не хотим больше».

— Может быть, — уныло согласился Сэм, — но я-то так не скажу. В сказке оно, конечно, все по-другому. Даже Горлум может оказаться в сказке хорошим, лучше, чем на самом деле. Он ведь говорил, что когда-то тоже любил сказки. Интересно, а кем он себя считает: героем или злодеем? Горлум! — позвал он. — Хотел бы ты быть героем? Ну, куда он опять задевался?

Горлума и след простыл. Когда они ели, он, как всегда, отказался от пищи, но выпил глоток воды, потом свернулся в клубок и вроде бы уснул. Теперь его не было.

— Не нравится мне, что он исчезает, не сказавшись, — ворчал Сэм. — Особенно сейчас: здесь ни воды, ни еды. Что ж он, камни ищет себе по вкусу? Тут даже мох не растет.

— Что толку тревожиться, — сказал Фродо. — Мы не можем уйти без него, приходится мириться.

— Все равно, лучше бы присматривать за ним, — не унимался Сэм. — А если он лжет, то уж тем более. Он, злодей такой, так и не сказал, охраняется перевал или нет. А теперь — башня! Может, там и нет никого, а может, и есть. Не удрал ли он кликнуть орков или кого там еще?

— Нет, не думаю, — успокоил его Фродо. — Даже если он сбежал с какой-то дурной целью — а это вполне возможно, — он не позовет ни орков, ни других слуг Врага. Незачем было ждать так долго, лезть так высоко и подходить так близко к стране, которую он сам боится. Он мог бы давно нас выдать. Нет, мне кажется, у него на уме какой-нибудь фокус, который он считает секретом.

— Ох, надеюсь, что так, — вздохнул Сэм, — но только вы меня не очень-то успокоили. Я ни капельки не сомневаюсь, что меня бы он выдал с огромным удовольствием. Правда, есть еще Сокровище. По-моему, он все время играет в «Сокровище для бедного Смеагорла». Все его выдумки вокруг этого вертятся. Но я никак в толк не возьму, какая ему польза от того, что мы здесь?

— Может, он и сам не понимает, — вслух подумал Фродо. — Вряд ли в его путаной голове есть хоть какой-нибудь четкий план. Мне кажется, что он просто спасает Сокровище от Врага как может. Ведь если оно достанется Врагу — ему конец. Может, тянет время и ждет удобного случая...

— Вот я и говорю: Липучка и Вонючка. И чем ближе мы к Врагу, тем больше Липучка становится Вонючкой. Вот попомните мои слова, Фродо: если мы минуем крепость, то через перевал свое Сокровище он просто так не отпустит.

— Мы еще не попали туда, — напомнил Фродо.

— Ну так лучше поберечься, пока не попадем. Если мы оба будем клевать носами, то Вонючка живо возьмет верх. Подремали бы вы сейчас, Фродо. Ложитесь поближе ко мне. Я посторожу. Дайте-ка я обниму вас, тогда уж без моего ведома никому до вас не добраться.

— Спать,— вздохнул Фродо.— Мне уже все равно где, лишь бы лечь.

— Ну вот и спите себе. Положите голову ко мне на колени.

Так Горлум и нашел их через несколько часов, когда выполз на четвереньках из тени впереди. Сэм сидел, прислонившись к камню, свесив голову набок. На коленях у него покоилась голова крепко спящего Фродо, одна загорелая рука Сэма лежала на его белом лбу, другая — на груди. Лица обоих были умиротворенными.

Горлум долго глядел на них. По его худому лицу прошла судорога. Глаза погасли и были теперь тусклыми, старыми и усталыми. Он содрогнулся, словно от резкой боли, и повернул было в сторону перевала, покачивая головой, словно прислушиваясь к каким-то внутренним голосам. Но что-то снова заставило его повернуться к спящим. Он медленно протянул дрожащую руку и очень осторожно прикоснулся к колену Фродо; это прикосновение было почти лаской. На одно короткое мгновение он преобразился. Если бы спящие увидели его сейчас, то приняли бы за очень старого и усталого хоббита, иссушенного годами, унесенного далеко от друзей и дома, от полей и ручьев юности, превращенного в жалкую, дряхлую, голодную развалину. Но от его прикосновения Фродо шевельнулся и всхлипнул во сне. Сэм тотчас же проснулся. Первое, что он увидел, был Горлум, трогавший его друга.

— Эй, ты! — сердито прикрикнул он.— Что ты тут делаешь?

— Ничего,— тихо ответил Горлум.— Славный хозяин.

— Ну конечно, — сказал Сэм. — А где ты был? Шнырял туда-сюда, старый негодяй?

Горлум отшатнулся, словно его ударили. Глаза снова вспыхнули зеленым светом. Сейчас он очень напоминал паука: сидел пригнувшись, высоко подняв тощие коленки, вытаращив глаза. Короткое мгновение исчезло бесследно, безвозвратно.

— Шшшнырял? — прошипел он.— Они всегда такие вежливые, да! Славные хоббиты! Смеагорл ведет их путями, которых никто не знает. Он устал, страдает от жажды, да, от жажды, а он ведет их и ищет дорогу, а они говорят — шнырял! Очень хорошие друзья, да, очень!

Сэм устыдился своих слов, хотя его недоверие не уменьшилось.

— Ну прости,— сказал он.— Извини. Ты разбудил меня и испугал. Я не должен был спать, вот и нагрубил тебе. Фродо устал, я уговорил его подремать, и... Ну, в общем, я извинился. Но все-таки где ты был?

— Шнырял,— мстительно ответил Горлум с прежним зеленым блеском в глазах.

— Ну ладно, ладно,— примирительно проговорил Сэм.— Не хочешь говорить, не надо. Только теперь нам лучше шнырять вместе. Который час? И какой день? Сегодня или завтра?

— Завтра, — ответил Горлум, — или завтра было, когда хоббиты уснули. Очень глупо, очень опасно — если бы бедный Смеагорл не шнырял и не сторожил их.

— Я вижу, скоро это шныряние у меня поперек горла встанет, — проворчал Сэм про себя. — Я разбужу Фродо. — Он осторожно отвел волосы со лба своего друга и, наклонившись, тихонько окликнул его: — Проснитесь, Фродо, проснитесь!

Фродо зашевелился, открыл глаза и улыбнулся при виде склонившегося Сэма.

— Ты не рано меня разбудил, Сэм? Темно же еще...

— А здесь всегда темно, — с досадой ответил Сэм. — Вот Горлум вернулся и говорит, что уже завтра. Так что нужно идти. Немного осталось.

Фродо глубоко вздохнул, сел и тут заметил Горлума.

— А, это ты, Смеагорл! Нашел чего поесть? Отдохнул?

— Ни еды, ни отдыха, ничего для Смеагорла, — сварливо ответил Горлум. — Он негодяй, он шныряет.

Сэм прищелкнул пальцами, но сдержался. Фродо удивленно посмотрел на Горлума.

— Это не так, Смеагорл. Тебя так никто на называл. Не принимай этого близко к сердцу.

— Смеагорл должен принимать все, что дают, — ответил Горлум, — а такое прозвание дал ему добрый Сэм, который все знает.

Фродо с упреком посмотрел на Сэма.

— Да, — досадливо признался тот, — обозвал я его так, когда проснулся, а он был рядом. Я извинился, но скоро, кажется, пожалею об этом.

— Ладно, забудем, — предложил Фродо. — Слушай, Смеагорл, скажи-ка мне, найдем ли мы дальше дорогу сами? Перевал рядом, если дальше дорога простая, то наш договор подошел к концу. Ты сделал, что обещал, и теперь свободен. Можешь идти, куда хочешь, только бы не к Врагу. Ты заслужил награду. Когда-нибудь либо я, либо те, кто будет обо мне помнить, сумеют вознаградить тебя.

— Нет, нет, еще нет! — заскулил Горлум. — Нет! Они не найдут дорогу, нет, нет! Есть еще подземный ход. Смеагорл должен идти впереди. Ему нет отдыха, еды тоже нет, но он все равно пойдет.

Глава 9
В ЛОГОВЕ ШЕЛОБ

Может быть, был и день. Да только он почти не отличался от ночи. Разве что непроглядный ночной мрак сменился серым мутным сумраком. В мертвенной тишине хоббиты поднимались вслед за Горлумом. Сильно выветренные каменные глыбы вокруг были похожи на огромные изваяния. Примерно в лиге впереди смутно угадывалась огромная серая стена: сплошная

масса вздыбившегося камня, последний предстоящий им горный склон. Грозно темнел он и рос по мере их приближения и в конце концов заслонил собой все. У его подножия лежал глубокий мрак. Сэм принюхался.

— Фу! Ну и запах! — фыркнул он. — И надо сказать, пахнет все сильнее.

Они вступили в тень и сразу увидели черный проем пещеры.

— Сюда, — тихо произнес Горлум. — Это — вход. — О том, что эта пещера называется логовом Шелоб, он не упомянул. Из пещеры тянуло отвратительным зловонием.

— Это единственный путь, Смеагорл? — спросил Фродо.

— Да, да, единственный, — поспешно ответил Горлум. — Теперь мы должны идти здесь, да, да.

— А ты, значит, уже бывал в этой норе? — спросил Сэм. Ему очень не хотелось лезть в пещеру. — Тебе-то эта вонь, поди, нипочем.

Глаза у Горлума замерцали.

— Нипочем? Да, нипочем. Нам все нипочем. И голод нипочем, и вонь тоже. Смеагорл может вытерпеть. Да, он бывал здесь, прошел насквозь. Это единственный путь.

— А чем же это так воняет, интересно знать? — спросил Сэм. — Похоже... Нет, уж я лучше промолчу. Наверно, это какая-нибудь оркова берлога, и там всякой дряни за сотни лет скопилось немерено.

— Ладно, — сказал Фродо, — орки там или кто, если другого пути нет, пойдем этим.

Глубоко вздохнув напоследок, они вошли. Уже через несколько шагов тьма вокруг стала непроницаемой. После мрачных подземелий Мории им нигде не было так темно, а здесь тьма была еще плотнее и гуще. В Мории было пространство, сквозняки, эхо, а здесь, в застойном воздухе, всякий звук умирал, едва родившись. Они шли, словно окутанные черным дымом, ослеплявшим не только глаза, но и душу — мраком, в котором гасло всякое воспоминание о свете, цвете и форме. Это была ночь, кромешная и вечная.

Казалось, из всех чувств осталось только два: осязание и обоняние. Однако последнее не радовало. Лучше бы уж и его не было. К их изумлению, стены были гладкие, а пол — ровный. Лишь время от времени попадались ступеньки. Ход все время поднимался, и притом довольно круто. Хоббиты шли рядом, вытянув руки вперед и в стороны, но пальцы не всегда касались стен, таким широким был этот коридор.

Горлум шел первым и был, им казалось, всего в нескольких шагах. Какое-то время они слышали его шипящее захлебывающееся дыхание. Но вскоре и этот звук исчез, и они шли все вперед и вперед на ощупь. У них осталось только одно желание — выбраться отсюда как можно скорее.

Очень быстро исчезло ощущение времени и расстояния. Вдруг Сэм, шедший справа, ощутил со своей стороны отверстие в стене: оттуда потянуло менее спертым воздухом, но они уже прошли мимо.

— Здесь не один ход,— прошептал он. Дышать было трудно. Слова выговаривались с трудом.— Если и похоже на что-нибудь, то только на оркову берлогу, вот и все!

Потом ему справа, а Фродо слева попалось еще три-четыре таких отверстия, но главный туннель по-прежнему вел прямо, никуда не сворачивая, сбиться было нельзя. Однако сколько же еще идти, сколько же еще предстоит вынести, сколько они смогут вытерпеть?

Чем выше поднимался ход, тем труднее становилось дышать. И что-то еще мешало, настораживало; казалось, они ощущали чье-то присутствие в кромешной мгле. Что-то легко касалось волос и рук, не то длинные щупальца, не то какие-то свисающие отростки. И все усиливался запах. Из всех чувств осталось лишь обоняние, и ощущения, приносимые им, превращались в пытку. Сколько они уже бредут во мраке? Часы? А может, дни, недели? Сэм не мог больше идти вдоль стены один. Он прижался к Фродо, и так, взявшись за руки, они продолжали путь.

Еще через несколько шагов Фродо, ощупывая стену слева, чуть не провалился в пустоту. Отверстие было большое, и оттуда исходило столь мерзкое зловоние и столь сильное ощущение притаившейся злобы, что голова у Фродо закружилась. Сэм в этот момент тоже пошатнулся и упал. Фродо нашел его и потянул за руку.

— Вставай,— сказал он хриплым шепотом.— Идем скорее! И запах, и опасность — все отсюда.

Собрав остаток сил, он заставил Сэма подняться. Спотыкаясь, они побрели дальше. Одна ступенька, две, три, наконец, шесть. И вдруг им стало легче, словно чья-то враждебная сила отпустила их. Но тут же на пути возникло новое затруднение: туннель раздваивался. Как выбрать нужный коридор? Ни Фродо, ни Сэм не сомневались, что ошибка грозит гибелью.

— Куда же подевался Горлум? — недоумевал Сэм.— Почему он не подождал нас?

— Смеагорл! — попытался окликнуть Фродо.— Смеагорл!

Голос был хриплый, и зов утих, едва сорвавшись с губ. Ответа не было, ни отголоска, ни малейшей дрожи в воздухе.

— Кажется, он сбежал по-настоящему, этот лиходейщик,— пробормотал Сэм.— Может, он для того и завел нас сюда, чтобы бросить. Ну, Горлум, попадись ты мне, плохо тебе будет!

Медленно, на ощупь, они двинулись в левый коридор и очень скоро уперлись в стену.

— Здесь нет дороги,— прохрипел Фродо.— Надо возвращаться, пойдем другим коридором.

— И поскорее,— отозвался шепотом Сэм.— Здесь есть что-то похуже Горлума. Я чувствую чей-то взгляд.

Не успели они пройти и двадцати ярдов, как их пригвоздил к полу неожиданный и пугающий в этой душной тишине звук: какое-то захлебывающееся бульканье и ядовитое шипение надвигалось на них.

— Это ловушка! — выдохнул Сэм, нащупывая рукоять меча. Сразу вспомнилось, откуда у него этот меч. Такая же темень древнего кургана... и старый Том. «Был бы он здесь!» — промелькнула мысль. Тьма наваливалась со всех сторон, мрак отчаянья и гнева заливал сердце, но именно в этот момент перед его внутренним взором вспыхнул луч света. Он был нестерпимо ярким, как свет солнца для того, кто долго пробыл под землей. А потом пришло ощущение золотого, зеленого, серебряного, белого. Из этого света соткалось видение прекрасной Владычицы Лориена: она стояла в свежей высокой траве, протягивая вперед руку. Сэму даже показалось, что он слышит ее голос: «Для тебя, Хранитель, у меня приготовлен особый дар....»

Булькающее шипение приближалось. Оно сопровождалось непонятным скрипом, словно во мраке медленно двигалось что-то большое, суставчатое.

— Фродо, Фродо! — закричал Сэм, и голос у него опять стал живым и звонким.— Подарок! Подарок, чтобы светить во мраке, она так говорила! Скорее, звездную склянку!

— Звездную склянку? — растерянно повторил Фродо.— Ну конечно! Как я мог забыть? «Ему гореть там, где погаснут все другие огни!» — лихорадочно прошептал он.

Медленнее, чем ему хотелось бы, его рука поднялась к груди и достала фиал Галадриэли. В первый момент он едва мерцал, как звезда сквозь густой туман, а потом свет усилился и засиял, как серебряное пламя, словно сам Эарендил с последним Сильмариллом во лбу спустился с небесных троп. Мрак отпрянул, воздух вокруг превратился в светящийся хрусталь, и рука, держащая фиал, засветилась белым огнем.

Пораженный Фродо смотрел на этот чудесный светоч. Он и не подозревал, какая сила скрыта в нем. После отплытия из Лориена он ни разу не доставал подарок Галадриэли, боясь обнаружить себя.

— *Айа Эарендил Эленион Анкалима*! — прозвучало в тишине, и Фродо сам удивился непонятным, но, несомненно, им произнесенным словам. Казалось, кто-то другой говорил через него, говорил ясным голосом, совершенно не ощущая зловония этой ямы.

Но здесь, в этом душном мраке, были и другие силы, могучие и древние. Эльфийский призыв не испугал то, что надвигалось из темноты. В глубинах времен ей уже приходилось слышать

этот клич. Она и тогда не обратила на него внимания, не смутил он ее и сейчас. Отзвуки голоса Фродо еще раздавались под сводами, а он уже ощутил сгущающуюся вокруг себя злобу и почувствовал гибельный взгляд. Из тьмы позади медленно проступили два огромных фасетчатых глаза. Сияние звездного фиала преломлялось и отражалось в тысячах их граней, но они и сами наливались каким-то мертвенным светом. В них не было ни тени мысли, одно только тупое упрямство и кровожадное вожделение. Они видели добычу и были уверены, что она никуда не денется.

От ужаса волосы у Фродо и Сэма встали дыбом, они попятились. Глаза приближались. Рука Фродо, державшая фиал, дрогнула и опустилась. Не сговариваясь, они кинулись бежать. Фродо обернулся и, холодея, увидел, что глаза скачками приближаются. Запах смерти окутал его, словно облако.

— Стой, стой! — в отчаянии закричал он. — Бежать бесполезно.

Глаза приближались.

— Галадриэль! — вскричал он, собирая все свое мужество, и снова поднял фиал.

Глаза остановились, в них мелькнуло сомнение. А в сердце Фродо забилось пламя. Не задумываясь больше, он перехватил склянку в левую руку, а правой выхватил меч. Клинок, выкованный эльфами, засверкал серебряным блеском, а по его краям вспыхнули голубые искры. Тогда, держа звездную склянку над головой, изготовив к бою сверкающий меч, Фродо, маленький хоббит из Шира, твердо пошел навстречу страшным глазам.

Они замигали. Чем ближе надвигался на них свет, тем явственнее проступал страх. Наконец они не выдержали, потускнели и медленно отступили. Никогда еще столь губительный свет не ослеплял их. В этих подземельях от века не было ни солнечного, ни звездного света, но эта звезда сама спустилась теперь в недра. Она все приближалась, и глазам стало больно. Они погасли, потом повернули вспять, и что-то большое и темное уползло во тьму, за пределы света.

— Фродо, Фродо! — в восторге выкрикивал Сэм, следуя за другом с мечом наготове. — Звезды! Блеск! Эльфы сложили бы песню об этом, если бы видели! О, мне бы только дожить и рассказать им об этом! Стойте, стойте, Фродо, хватит! Не надо туда ходить! Дорога свободна, идем отсюда!

Они повернули обратно. Сначала шли, потом бежали, ибо туннель становился все круче, и с каждым шагом они поднимались все выше над зловонной берлогой, и силы возвращались к ним. Позади затаилась злоба, слепая, непобежденная, грозящая смертью. Однако навстречу уже веяло холодным све-

жим воздухом: они приближались к выходу. Задыхаясь, стремясь вырваться из каменного гнета, они бросились вперед и вдруг зашатались, отброшенные невидимой силой. Преграда оказалась мягкой, податливой, но совершенно непроходимой, хотя ветерок дул сквозь нее свободно. Они снова кинулись вперед, и снова безрезультатно.

Подняв над головой светящийся сосуд, Фродо всмотрелся. Перед ним серело нечто; даже чудный свет не мог выявить его очертаний. Так могла выглядеть тень, рожденная раньше света, чуждая и противостоящая ему. Выход из туннеля был затянут паутиной, сотканной гигантским пауком: она была огромная и густая, и каждая нить толщиной в палец.

Сэм злорадно рассмеялся.

— Паутина! — воскликнул он. — Только и всего! Паутина, хоть и толстая. Долой ее!

Он яростно ударил в самый центр мечом, но нить, по которой он попал, не порвалась. Упруго, как тетива лука, она отбросила меч, едва не выбив его их рук Сэма. Трижды он бил наотмашь, пока одна нить не лопнула, концом хлестнув Сэма по руке. Он вскрикнул от боли и отскочил.

— Эдак мы и за неделю не пробьемся, — озадаченно проговорил он. — Что же делать-то? Эй, а глаз этих не видать?

— Нет, не видно, — успокоил его Фродо. — Но, ты знаешь, я их все-таки чувствую. Если погаснет светильник, они живо вернутся.

— Вот влипли так влипли! — в сердцах воскликнул Сэм. — Ну чисто мухи в паутину! Фарамир как в воду глядел. Пусть его проклятье поразит, этого Горлума, да поскорее!

— Проклятья не помогут, — задумчиво возразил Фродо. — Пропусти-ка меня, посмотрим, что можно сделать Шершнем. Он выкован эльфами, и в нем чары против зла. Ты посторожи, на случай если глаза появятся. Вот, возьми светильник. Держи повыше и смотри внимательно.

Передав Сэму сосуд, Фродо подступил к паутине, ударил сплеча и тотчас отскочил назад. Сверкающий клинок рассек серые нити, как хорошая коса подсекает траву. Паутина, извиваясь, лопнула, повиснув рваными лохмотьями. Фродо продолжал наносить удар за ударом, пока не расчистил достаточный проход. Путь был открыт.

— Идем! — задыхаясь, вскричал Фродо. — Вперед! — Чудесное спасение из самой пасти смерти лишило его обычной осмотрительности. С громким криком он выбежал из туннеля.

После непроглядной черноты подземной ночи Страна Мрака показалась ему светлой. День кончался. Красные отсветы угасали в угрюмом сумраке. Но для Фродо этот сумрак стал утром надежды. Осталось совсем немного. Перевал Кирит Унгол был вот он, прямо перед ним, справа и слева чернели в

небе каменные рога. Осталось пробежать еще чуть-чуть, и они окажутся по ту сторону хребта.

— К перевалу, Сэм! — крикнул он, забыв, что голос, не заглушаемый больше душным воздухом подземелья, звучит высоко и звонко. — К перевалу! Бежим!

Сэм со всех ног кинулся вслед за ним, но головы при этом не потерял и часто оглядывался на черное устье туннеля. Однако ни он, ни Фродо не знали всего коварства Шелоб. Из ее логова было много выходов.

Несчетное множество веков она обитала там — чудовище в образе паука, подобное древнему монстру, с которым в незапамятные времена сразился Берен в Дориате, прежде чем повстречал Лучиэнь на зеленой лужайке под лунным светом. О том, как Шелоб попала сюда, молчат предания. Да и не осталось их — преданий о Темных Годах. Но преданий нет, а Шелоб была — она была здесь прежде Саурона и прежде первого камня Барад Дура; и все это время занималась только одним делом: ублажала себя, высасывая кровь Людей и Эльфов, жирея и разбухая, непрестанно вожделея, свивая вокруг паутину мрака; все живое было ей пищей, а тьма — продуктом пищеварения. По горным теснинам множились ее мерзкие отродья — от Хмурых Гор до восточных нагорий, до Дол Гулдура и Сумеречья. Но куда им было равняться с великой Шелоб — последней из тревоживших этот несчастный мир отпрысков древней Унголианты, порождения Довременного Мрака.

Много лет назад ей повстречался Горлум, тоже любивший тьму, повстречался и поклонился, признав ее владычество. Ее злая воля легко завладела им, отрезав от света, от надежды и раскаянья. Горлум обещал доставлять ей пищу. Ничего она не знала и знать не хотела ни о башнях, ни о кольцах, ни о каких других творениях рук и мысли. Она жаждала только смерти для всего живого, а для себя — удовольствия пожирать чужую жизнь и расти, расти безмерно, чтобы горы не могли вместить ее.

Но желание это было не так-то просто исполнить, и сейчас она давно уже была голодна и сидела, притаившись в своем логове. Сила Саурона росла, все живое бежало из пределов его страны. Город в долине давно опустел, ни эльфы, ни люди больше не попадались, только орки. Скверная добыча, к тому же слишком осторожная. Она все равно добывала их. Но все время хотелось чего-нибудь повкуснее. И Горлум привел вкусную пищу.

— Посмотрим, посмотрим, — часто бормотал он себе под нос, пока вел хоббитов к долине Моргула, — посмотрим... Может быть, да, да, может быть... Она выбросит кости и пустые одежды, а мы найдем их, мы найдем Сокровище, награду для бедного Смеагорла, который привел такую вкусную еду. И мы

спасем Сокровище, как обещали, да! А когда Оно будет у нас, она узнает об этом. О да, мы посчитаемся с ней! Мы со всеми посчитаемся, да, да!

Такие мысли бродили в том дальнем закоулке его черной души, которую он тщательно скрывал. С этими мыслями он и пришел на поклон к Шелоб, пока его спутники спали.

Саурон всегда знал, кто скрывается в недрах горы. Ему нравилась эта кровожадная и бдительная стража, охраняющая древний путь в его страну лучше любого войска. Орков у него было полно. Если время от времени Шелоб отлавливала одного-другого, то — в добрый час, он обойдется. Иногда он сам бросал своей «кошке», как он ее называл, лакомый кусочек, отправляя к ней ненужных пленников. Он приказывал загонять их к ней в логово, а потом с интересом слушал, как она с ними забавлялась. Это было удовольствие для обоих, оба привыкли чувствовать себя совершенно безнаказанно.

До сих пор ни одна добыча не уходила от Шелоб, поэтому теперь она пришла в ярость и от голода готова была сожрать саму себя.

Сэму и невдомек было, какие жуткие силы точили на него зубы. Зато он чувствовал, как растет вокруг опасность. Не понимая, откуда она исходит, он едва передвигал ноги. Ужас был вокруг него, впереди, на перевале — враги, а Фродо, словно лишившись рассудка, стремглав бежал прямо туда. Сэм взглянул на него и ахнул. Обнаженный меч в руке Фродо пылал голубым огнем. И еще он увидел ровный багровый свет в окне башни, вздымавшейся над перевалом.

— Орки! — пробормотал он. — Да как же мы тут прорвемся? А может, там кто и похуже орков... — Обычная осторожность заставила его заслонить рукой эльфийский сосуд. На мгновение рука его засияла, просвечивая живой кровью, но он поскорее сунул фиал в карман и прикрыл полой плаща. Фродо был уже шагах в двадцати впереди, еще немного — и он потеряется в серых тенях среди камней.

Стоило Сэму спрятать звездную склянку, как появилась Шелоб. У Сэма волосы встали дыбом, когда чуть впереди, слева, из черного провала под скалой, начало выползать такое, что не привидится и в бреду. Больше всего оно походило на гигантского паука. Гроздья глаз, потухшие было, опять светились злобой, свободно вращаясь вместе с головой, украшенной парой рогов, на короткой тонкой шее. Дальше покачивалось на согнутых лапах огромное, вздутое туловище — чудовищный черный мешок с мертвенно-синими пятнами и слабо светящимся брюхом. Коленчатые паучьи лапы с высоко торчащими над спиной узловатыми суставами были покрыты жесткой щетиной, а каждая лапа заканчивалась острым кривым когтем.

Как только ее мерзкое мягкое тело протиснулось из дыры в скале, она помчалась необыкновенно быстро. Сэма она либо не видела, либо остерегалась, чутьем распознав, где прячется ненавистный свет, и все внимание сосредоточила на Фродо, который бежал, не оглядываясь и не чуя опасности. Как ни быстро он бежал, ясно было, что Шелоб в несколько прыжков нагонит его.

Сэм собрал все силы, чтобы крикнуть, но в этот момент длинная мягкая рука зажала ему рот, другая рука вцепилась в горло и что-то обвилось вокруг ног.

— Поймали! — прошипел Горлум Сэму в самое ухо. — Наконец-то мы поймали его, да, злого хоббита! Мы — этого, а она — того. Смеагорл обещал не вредить хозяину, он и не будет. Зато он поймал тебя, злой, мерзкий негодяй! — И он плюнул Сэму на шею.

Ярость из-за помехи в такой отчаянный момент, ненависть к предателю вспыхнула в душе Сэма ярче десяти чудесных светильников. Горлум едва ли ожидал такой силы и ловкости от неторопливого обычно хоббита. Сэм вывернулся из-под руки, зажимавшей ему рот, но хватка на горле не ослабла. В правой руке у него был меч, на левой висел на ременной петле посох Фарамира. Сэм хотел ткнуть врага мечом, но Горлум перехватил его кисть, сжал как тисками и медленно выворачивал, пока, вскрикнув от боли, Сэм не выронил оружие. И все это время рука Горлума сжималась у него на горле.

Тогда Сэм пустился на последнюю хитрость. Он изо всех сил оттолкнулся ногами и опрокинулся навзничь.

Не ожидавший от Сэма этой простой уловки, Горлум упал, а Сэм обрушился на него сверху всей тяжестью. Горлум громко зашипел и выпустил Сэмово горло, но все еще продолжал сжимать его правую руку. Сэм напряг руку, стремглав вскочил, повернувшись, и, взмахнув левой рукой, хватил Горлума посохом. Он попал удачно. Горлум взвизгнул и выпустил его. Сэм шагнул вперед и, не меняя руки, нанес еще один сокрушительный удар. Быстро, как змея, Горлум уклонился, и удар, нацеленный ему в голову, пришелся по спине. Посох треснул и сломался. Однако Горлуму было вполне достаточно. Раньше он всегда хватал добычу сзади, и сразу за горло двумя руками, но теперь, от переполнявшей его злобы, сделал ошибку: начал разговаривать и хвататься, не придушив жертву как следует. Его замыслы перестали удаваться с тех пор, как во мраке неожиданно появился этот ослепительный свет. А теперь он очутился лицом к лицу с разъяренным врагом, не уступающим ему в силе и ловкости, хотя этого врага он всегда считал тупым и медлительным.

Сэм схватил с земли свой меч и замахнулся. Горлум пронзительно вскрикнул и, как был, на четвереньках, сиганул в сторону, а потом с поразительной быстротой помчался к туннелю.

Сэм гнался за ним, размахивая мечом. Он забыл обо всем, кроме клокотавшей в душе ярости, кроме жажды мщения. Но Горлум уже юркнул в дыру. И тогда, при виде черного зловонного провала, Сэма как громом поразила мысль о Фродо и чудовище. Мгновенно он повернулся и бросился назад, в ужасе зовя друга. Но он опоздал и здесь. В этом замысел Горлума удался.

Глава 10
СЭМ НА РАСПУТЬЕ

Фродо лежал на земле, и чудовище нависало над ним. Оно так сосредоточилось на своей жертве, что не заметило Сэма, покуда он не очутился совсем близко. Когда он, запыхавшись, подбежал к страшному месту, Фродо был уже весь опутан паутиной, и чудовище приподнимало его передними лапами, намереваясь тащить в нору.

Шершень лежал рядом. Сэм не стал долго раздумывать, отвага, гнев или дружба движет им. Вскрикнув, он прыгнул вперед и, схватив Шершень левой рукой, ринулся в атаку. Никакая волчица не дралась бы яростней за своих детенышей, чем Сэм за тело своего друга. Крик его оторвал Шелоб от кровожадных мыслей, и на Сэма устремился тупой, свирепый взгляд. Несчетные годы ей не встречался такой противник. Не успела она удивиться, как сверкающий меч, ударив по лапе, отсек коготь. Сэм кинулся прямо в арку ее согнутых лап, одновременно вонзив меч в глаз чудовища. Голова вздернулась, а глаз потускнел и залился противной слизью.

Теперь маленький враг был прямо под нею, его не достать было ни челюстями, ни когтями. Огромное брюхо нависало над Сэмом, он видел его мертвенное свечение и чувствовал удушливую вонь. Но у него еще хватило отваги нанести новый удар: прежде чем Шелоб догадалась, что может раздавить его, он с отчаянной силой полоснул ее эльфийским клинком по брюху.

Однако Шелоб происходила не из породы драконов, и на ее теле не было других уязвимых мест, кроме глаз. Долгие века только закалили ее шкуру, нараставшую изнутри слой за слоем. Клинок сделал на ней длинный надрез, но прорубить ее насквозь не хватило бы человеческих сил, даже если бы эльф или гном закалили сталь, а удар нанесла рука Берена или Турина. Шелоб вздрогнула, почувствовав острую сталь, и огромный мешок ее брюха закачался у Сэма над головой, а рана тут же начала сочиться ядовитой пеной. Растопырив лапы, она стала опускаться, чтобы раздавить врага, но опоздала. Сэм, обеими руками держа рукоять Шершня, опер ее о землю, и Шелоб всей мощью своей злобной воли, всей своей силой, более могучей, чем рука любого воителя, сама напоролась на острый

клинок. И чем сильнее старалась она прижать врага к земле, тем глубже проникал меч в ее мерзкую плоть.

Никогда еще за свою долгую кровавую жизнь Шелоб не испытывала ничего подобного. Ни один самый отважный воин Гондора, ни один самый дикий орк не вонзал оружия в тело, которое она так любила и берегла. Шелоб содрогнулась, привстала, стремясь избавиться от жуткой боли, подогнула свои огромные вдруг ослабевшие лапы и судорожно отпрянула назад.

Сэм упал на колени рядом с Фродо; голова у него кружилась от зловония, но руки не выпускали меча. Как сквозь туман он видел лицо друга и силился овладеть собой и унять дурноту. Он медленно поднял голову и увидел в нескольких шагах чудовище. Оно смотрело на него, капая ядом с челюстей и зеленой слизью из раненого глаза. Потом оно присело, распластавшись брюхом по земле, и приготовилось к новому прыжку — убить, растерзать непокорную тварь, причинившую ей такую боль!

Сэм тоже пригнулся, глядя прямо в свирепые глаза и даже не помышляя об отступлении. И тут внутри его снова прозвучал отдаленный голос, он понял незнакомые слова и левой рукой нашарил на груди холодный и твердый, истинно настоящий в этом мире страшных призраков звездный фиал Галадриэль.

— Галадриэль! — шепнул он и услышал голоса эльфов, странствующих под звездами в его родном Шире, и музыку эльфов, слышанную в замке Элронда.

— Гилтониэль! О Элберет!

А потом язык его словно обрел свободу, и зазвучали слова, о смысле которых он мог только догадываться.

А Элберет Гилтониэль
о менель-палан дириэль,
ле нэллон си ди'нгурутос!
А тиро нин, Фануилос!

Он поднялся на ноги — маленький хоббит из Шира, садовник Сэм, сын Хэмфаста.

— Ну, иди сюда, скотина! — процедил он сквозь зубы. — Иди, иди, я рассчитаюсь с тобой за моего друга! Потом мы пойдем дальше, но сначала я разделаюсь с тобой. Иди сюда, я опять угощу тебя.

И, словно черпая силу в неукротимости его духа, светильник запылал в его руке белым пламенем. Он сиял, как звезда, упавшая с неба, озаряя мрак нестерпимым блеском. Никогда еще Шелоб не видела ничего ужаснее. Свет невыносимой болью обжигал глаза. Она отпрянула, беспорядочно размахивая передними лапами, потом, плохо соображая, с трудом повернулась и поползла в свою темную нору.

Сэм продолжал наступать на нее, хотя его шатало, как пьяного. И Шелоб перепугалась не на шутку: она вся сжалась и

вздрагивала, торопясь уйти. Она достигла норы и втиснулась в нее, оставляя за собой след из темно-зеленой слизи. Сэм успел еще ударить по отставшей лапе и упал ничком.

Шелоб исчезла. Погибла она в своем логове или медленно залечила раны — больше о ней никто никогда не слышал. Сэм остался один. Изнемогая от усталости, в сумерках, спускающихся над Неназываемой Страной, он подполз к своему другу.

— Фродо, Фродо! — позвал он, но тот не отвечал.

Когда, вырвавшись из подземелья и радуясь свободе, Фродо бежал по тропе, Шелоб нагнала его и ужалила в шею. Теперь он лежал бледный, не шевелясь, ничего не видя и не слыша.

— Фродо, милый Фродо, — повторял Сэм и долго прислушивался, но не слышал ни звука в ответ. Тогда он торопливо разрезал паутину, опутывавшую Фродо, и прижался ухом к груди. Там не было ни трепета жизни, ни биения сердца. Долго растирал он руки друга, часто дотрагивался до его лба, но они оставались холодными.

— Фродо, друг мой! — всхлипнул он. — Не оставляйте меня одного здесь! Это я, Сэм. Не уходите от меня! Очнитесь, Фродо, дорогой мой! Очнитесь же!

Потом его охватил гнев, и он заметался вокруг, размахивая мечом и выкрикивая бессвязные угрозы. Но силы быстро иссякли, и он очнулся. Наклонившись, он снова вгляделся в лицо Фродо, и вдруг понял: он видел эту картину в зеркале Галадриэли, в Лориене — бледного Фродо, лежащего среди скал.

— Умер! — прошептал он. — Не спит, а умер!

Эти слова словно усилили действие яда. Ему показалось, что на бледном лице друга проступил зеленоватый оттенок.

Волна отчаяния захлестнула его. Обхватив голову руками, он вскрикнул и потерял сознание.

Когда он очнулся, было темно. Минуты или часы прошли в беспамятстве — неизвестно. Он был на том же месте, и Фродо все так же лежал рядом с ним — мертвый. И горы не обрушились, и земля не разверзлась под ним.

— Что мне делать, что делать? — простонал он. — Неужели все было напрасно?

Вспомнились вдруг его собственные слова, сказанные очень давно, в самом начале пути, — тогда он не понимал их смысла: «До самого конца мне найдется что делать. Я должен приглядеть за всем этим, ну, вы понимаете, что я хочу сказать».

— Что мне делать теперь? Оставить Фродо вот так и идти домой? Или идти дальше? Идти дальше? — повторил он медленно, весь дрожа от раздиравших его сомнений и страха. — Выходит, я должен идти? А Фродо? — И тогда, наконец, он заплакал, и плакал долго. Потом уложил Фродо, как должно,

сложил ему руки на груди и завернул тело в серый плащ; справа положил свой меч, слева — посох, подарок Фарамира.

— Мне ведь надо идти, Фродо, — словно извиняясь, сказал он, — так я, с вашего разрешения, возьму ваш меч, а вам оставляю свой, и ваша прекрасная кольчуга пусть будет на вас. А светильник вы отдали мне, пусть будет у меня, я ведь иду туда, где всегда темно. Оно конечно, это ваш подарок, он слишком хорош для меня, но, может, Галадриэль простит меня и вы тоже поймете, правда? Я должен идти.

Но оставалось еще самое главное. Он встал на колени и долго держал Фродо за руку. Время шло, а он никак не мог побороть смятение в сердце. В какую-то минуту ему хотелось только одного — мести. Если он уйдет отсюда, то гнев проведет его по всем дорогам мира и поможет отыскать Горлума. И тогда Горлум умрет. Но не для этого же они когда-то отправились в путь. Это не вернет Фродо. Ничто не вернет. Лучше бы им умереть обоим. Взгляд его остановился на блестящем клинке меча. Он отрешенно подумал о быстрой смерти. Но и это не было выходом. Это значило бы не сделать ничего.

— Но что же тогда? — в муке вскричал он, и на этот раз ему послышался твердый ответ: «Делай свое дело. У тебя один путь, самый одинокий из всех». — Как я найду эту проклятую огненную пропасть? — снова выкрикнул он. — Как? Я же не могу взять Кольцо! Оно дано ему Советом...

Ответ пришел немедленно: «Совет дал ему спутников, чтобы исполнить миссию. Ты — последний из отряда. Миссия должна быть исполнена».

— Я не хочу быть последним! — простонал он. — Хоть бы Гэндальф со мною был или еще кто-нибудь. Зачем я остался один? Зачем я должен решать? Я же не Мудрый, я ошибусь. И не годится мне брать Кольцо и выставляться перед всеми.

«А ты и так не выставляешься, — ответили ему. — Ты выставлен. Так же, как Фродо, как старик Бильбо. Они не сами выбирали себя».

— Ну хорошо, ладно, я должен решить сам. Я и решу. Только в одном я уверен: все равно ошибусь! Чего еще и ждать от Сэма?

«Что ж, посмотрим. Если они найдут Фродо и Кольцо будет с ним, то Враг возьмет его. А это будет конец для всех: для Лориена, для Дольна, для Шира, для всего Среднеземья. И медлить нельзя. Иначе все равно будет конец. Война уже началась».

Сэм вздохнул. «Ну и что? — подумал он. — Я же не могу взять Кольцо без спросу. Буду сидеть здесь и ждать, пусть приходят и убивают меня над телом Фродо, и берут Кольцо. Но ведь так же нельзя, — возразил он сам себе. — Значит, надо его взять».

Он наклонился. Осторожно и нежно отстегнул застежку у ворота Фродо и просунул руку под куртку; потом, приподняв

голову друга, он поцеловал его в холодный лоб, осторожно снял цепочку и тихонько уложил его голову обратно. Ничто не дрогнуло в спокойном бледном лице, и это яснее всяких других признаков сказало Сэму, что Фродо мертв и что его путь окончен.

— Прощайте, дорогой друг! — прошептал Сэм. — Простите меня. Я вернусь, когда сделаю свое дело, если смогу. И тогда уже не покину вас. Если бы я мог попросить Галадриэль, я хотел бы вернуться сюда и найти вас. Прощайте!

Он надел цепочку себе на шею, и тотчас же тяжесть Кольца пригнула его голову к земле, словно на шее повис большой камень. Но либо тяжесть уменьшилась, либо в нем родилась новая сила: он медленно поднял голову, потом с усилием встал и увидел, что может идти со своей ношей. И снова он поднял эльфийский светильник и взглянул на своего друга. Теперь свет был мягкий и спокойно озарял бледное и прекрасное, как у эльфа, лицо Фродо. Сэм отвернулся, спрятал фиал и побрел, спотыкаясь, в сгущающемся мраке.

Идти предстояло недалеко. Туннель был позади, перевал — в сотне ярдов впереди, и тропа хорошо видна в сумерках — глубокая колея, выбитая в камне ногами орков за многие годы. Вдруг она резко сузилась, сменившись длинной лестницей с широкими плоскими ступенями. Башня была прямо над Сэмом, светясь красным глазом окна.

— Я решился, — повторял себе Сэм, но на самом деле решимости в нем не было. Хотя он и старался действовать разумно, но сейчас все шло как-то не так. — Может, я ошибся? — пробормотал он. — Но что же мне еще оставалось делать?

Крутые скалы смыкались вокруг него. Прежде чем перевалить седловину, прежде чем сделать шаг по земле Мордора, он обернулся и взглянул назад. Вдалеке еще виднелось черное пятнышко туннеля, он видел или угадывал место, где оставил тело Фродо. Ему даже показалось, что там различается какое-то мерцание, а может, это были слезы в глазах...

— Если бы только мне вернуться и найти его, — вздохнул он. Потом, наконец, тряхнул головой и сделал несколько шагов, самых тяжелых в своей жизни.

Только несколько шагов он и сделал. И тут же замер на месте. Спереди, со стороны перевала, донеслись голоса орков. В то же время послышались топот и возгласы сзади. Сэм обернулся и увидел красные огоньки факелов, появившиеся из туннеля. Значит, за ним охотятся. Значит, красный глаз башни был зрячим! Колеблющийся свет факелов и лязг оружия были совсем рядом. Через минуту орки будут на вершине и увидят его. Он слишком долго раздумывал! Еще не отдавая себе отчета, он нащупал цепочку на шее. В тот момент,

когда первые враги появились на перевале, прямо перед ним, он надел Кольцо.

Мир изменился, и в один короткий миг вместилось множество мыслей. Сэм сразу же ощутил, что слух у него обострился, а зрение, наоборот, затуманилось. Все вокруг сделалось смутным, а сам он стоял в этом туманном мире, как плотная черная скала, и Кольцо, оттягивавшее руку, было словно жернов из раскаленного золота. Не невидимым он чувствовал себя, а, наоборот, единственно видимым. И еще он знал: где-то пробудилось Око и ищет его.

Он слышал ропот ручья далеко внизу, в долине Моргула, он слышал жалобное бульканье Шелоб, с трудом пробирающейся в подземных переходах, слышал оглушительный топот и пронзительные крики орков впереди. Он отшатнулся, прижался к утесу. Они прошли мимо, как отряд призраков, как туманные серые фигуры страшного сна, и в руках у них были бледные язычки пламени. Сэм весь обратился в слух. Отряды увидели друг друга и с криками бежали навстречу. Он ясно слышал и тех и других, а благодаря Кольцу понимал их речь. Похоже, сила Кольца возрастала по мере приближения к месту своего рождения. Но Сэм тут же убедился, что смелости оно ему не прибавило. Он стоял, думая только о том, где бы спрятаться, стоял и слушал.

— Эй, Горбаг! Ты что тут делаешь? Надоело воевать, да?

— У меня приказ. А вот ты что тут делаешь, Шаграт? Надоело ждать наверху? Хочешь спуститься и подраться?

— У меня тоже приказ. Я стерегу этот проход. Так что говори со мною повежливее. Ну, что скажешь?

Его собеседник не успел ответить.

— Хай! Хай! Хай! — послышались громкие вопли. Орки внизу увидели что-то. Они побежали туда, остальные за ними. — Хай! Гей! Тут что-то есть! Лежит прямо на дороге! Лазутчик! Лазутчик! — Все покрыл гнусавый звук рога и хриплый галдеж.

Сэм резко вздрогнул. Он больше не думал о том, где бы спрятаться. Орки нашли Фродо. Что они с ним сделают? Он слыхал рассказы, от которых кровь стыла в жилах. Все сомнения и страхи разом исчезли. Он знал теперь, где его место, и по лестнице, а потом по тропе поспешил обратно.

— Сколько их там? — спросил он себя. — Из башни — никак не меньше сорока, а снизу, кажется, и того больше. Интересно, скольких я смогу уложить, прежде чем меня убьют? Стоит вытащить меч — его же издали видно! — и рано или поздно они меня прикончат. Интересно, сложат ли когда-нибудь песню о том, как пал Сэм на тропе в Мордор, окружив мертвого друга грудой вражеских трупов? Нет, песен не будет, ведь если они

найдут Кольцо, песен вообще больше не будет. Но мое место все равно там. Они должны понять — Элронд, Совет и все мудрецы со своей мудростью. Их замыслам не суждено сбыться. Не могу я нести Кольцо. Не могу, если со мною нет Фродо!

Орки были уже далеко. От изнеможения Сэм едва шагал. Куда они подевались в этом тумане? А-а, вот они, далеко впереди, склонились над чем-то лежащим на земле, а другие шныряют туда-сюда, словно собаки, ищущие след. Он попытался прибавить ходу. «Иди, Сэм, — уговаривал он себя, — иди, а то опять опоздаешь».

Он проверил, легко ли вынимается из ножен Шершень. Сейчас он выхватит его, и тогда...

Но тут раздались громкие вопли, гиканье и хохот.

— Я-хой! Э-хей! Живо! Коротким путем! Обратно, в Нижний Ход! Сегодня ее нечего бояться! — Толпа орков зашевелилась. Последние четверо несли на плечах чье-то тело. — Я-хой! Живей! Живей!

Они уносили труп Фродо. Они ушли. Они уже достигли туннеля и вошли в него. Те, что несли тело, вошли первыми, а позади началась суматоха и свалка. Сэм кое-как ковылял вслед. Он обнажил меч, голубовато сиявший в его дрожащей руке, но, пока он добежал, последний орк исчез в черной дыре.

На мгновение Сэм остановился, задыхаясь, хватаясь за грудь. Потом провел рукой по лицу, стирая грязь, пот и слезы.

— У-у, гнусная мразь! — крикнул он и прыгнул в темноту.

Туннель больше не казался ему темным: скорее было похоже, что из редкого тумана он вступил в густой. Несмотря на огромную усталость, воля его крепла. Сэму казалось, что он видит факелы далеко впереди, но, как он ни спешил, расстояние между ними сокращалось медленно. Орки ходят в темноте быстро, почти бегом, к тому же они прекрасно знали этот туннель. Несмотря на Шелоб, этим кратчайшим путем между горами и мертвой крепостью часто пользовались. Чьи руки и в какие незапамятные времена проделали столь огромный труд, они не задумывались, но сами прорыли множество обходных путей с обеих сторон, лишь бы обогнуть главное логово. В эту ночь орки не собирались далеко обходить убежище Шелоб. Они спешили к своей сторожевой башне на утесе. На ходу они галдели и перекликались по обычаю своего племени. Сэм слышал их грубые голоса, резкие и хриплые в мертвом воздухе, и мог различить среди них два самых громких и самых близких к нему. Начальники обоих отрядов шли позади всех, ворчливо беседуя.

— Прикажи своим ребятам не орать так, Шаграт, — говорил один. — Нам совсем ни к чему встречаться с Шелоб.

— Заткнись, Горбаг, твои шумят ничуть не меньше, — ответил другой. — Пусть забавляются! А о Шелоб не беспокойся. Похоже, она села на гвоздь, но мы об этом плакать не станем! Разве ты не видел следы? Так что пусть посмеются. Нам повезло. Наконец-то мы раздобыли кое-что нужное там, наверху.

— Так эта дохлятина нужна там? А что оно такое, по-твоему? Похоже на эльфа, но мелковат. Оно что, опасное?

— Не знаю и знать не хочу! — отрезал его собеседник.

— Ого! Значит, тебе не сказали, в чем дело? Нам ничего не говорят, но они тоже иногда ошибаются. Даже самые Верхние.

— А ну тихо, Горбаг! — Шаграт понизил голос настолько, что даже странно обострившийся слух Сэма едва улавливал его. — У них глаза и уши повсюду, даже среди моих, я уверен. Я знаю только одно: они чем-то встревожены. И назгулы внизу, и те, наверху, тоже. Что-то чуть не сорвалось!

— Чуть не сорвалось, ты говоришь? — переспросил Горбаг.

— Да. Только давай-ка отложим разговор, — сказал Шаграт. — Подожди, вот выйдем на Нижний Путь, там есть где поболтать.

Неожиданно Сэм перестал видеть свет факелов. Раздался рокот и вслед за ним — глухой стук. Похоже было, что орки свернули в тот самый тупик, где были и они с Фродо. Это и сейчас был тупик.

Дорогу перекрывал огромный камень, но орки каким-то образом миновали его, Сэм слышал их голоса по ту сторону. Они продолжали углубляться в толщу горы. Сэма охватило отчаяние. Тело его друга уносили с какими-то черными замыслами, а он не мог этому помешать. Он тянул и толкал камень, бросался на него всем телом, но камень не шелохнулся. Потом, словно совсем рядом, он услышал голоса обоих предводителей. Сэм припал ухом к камню, надеясь узнать хоть что-нибудь полезное для себя.

— Нет, не знаю, — послышался голос Горбага. — Приказы доходят быстрее, чем можно было бы долететь. А мне наплевать, как это делается! Лучше не соваться. Грр! От этих назгулов у меня мороз по коже. Они враз сдерут с тебя шкуру и бросят в темноте, как падаль. Но Ему они нравятся. Они сейчас Его любимцы, так что ворчать бесполезно. Говорю тебе, не дело служить внизу.

— Попробовал бы ты наверху, — заметил Шаграт, — вдвоем с Шелоб.

— А по мне, лучше бы ни там, ни там. Война началась. Когда она кончится, будет полегче.

— Говорят, все идет успешно...

— Посмотрим, — проворчал Горбаг, — посмотрим. Если она пойдет хорошо, то места будет больше. Что ты скажешь, если нам с тобой податься куда-нибудь с надежными ребятами, куда-нибудь, где добычи много и нет никаких начальников?

— Ха! — сказал Шаграт. — Как в старые времена...

— Ага,— ответил Горбаг.— Только вряд ли... Мне почему-то тревожно. Я уже сказал, Верхние...— голос у него понизился до шепота,— да, и даже самый Верхний, они могут ошибаться... Ты говоришь, что-то чуть не сорвалось? А я говорю — сорвалось-таки! И нам велено смотреть в оба. Всегда так: кто-то прохлопал, а исправлять бедным Урукам, и благодарности не дождешься. А враги, между прочим, ненавидят нас ничуть не меньше, чем Его, и, если Он проиграет, нам тоже конец... Да, кстати, когда вам приказали выступать?

— С час назад примерно. Мы получили известие: назгулы встревожены, на Лестницах лазутчики, удвоить охрану. Мы сразу же вышли.

— Плохо дело,— сказал Горбаг.— Наши Безмолвные Стражи тоже забеспокоились, только дня два-три тому назад. Но мне никто ничего не приказывал. Сказали: это оттого, что Верховный назгул отправился на войну. А теперь наверху не обращают на нас внимания.

— Должно быть, Око было занято,— предположил Шаграт.— Говорят, на Западе происходит что-то важное.

— Говорят! — прорычал Горбаг.— А тем временем враги разгуливают по Лестницам! А ты где был? Тебе полагается охранять их, верно? А ты что делал?

— Не учи меня! Мы все время следили и знали: началось что-то забавное.

— Куда уж забавнее!

— Да. Свет, крики и все такое. Но Шелоб была настороже. Мои ребята видели ее. Видели и ее Проныру.

— Ее Проныру? А это еще что такое?

— Ты, должно быть, тоже видел его: черный такой, тощий, похож на лягушку. Он уже бывал здесь. Несколько лет назад он вышел из Лагбура, сверху, и нам было высочайше велено пропустить его. С тех пор он приходил еще один или два раза, но мы его не трогали, кажется, у него есть какое-то соглашение с Ее Милостью. Должно быть, он невкусный, а то бы никакие приказы сверху Ей не помешали. И он побывал здесь за день до того, как начался весь этот шум, а ваша стража в долине его не заметила. Мы видели его прошлой ночью. Ребята сообщили, что Ее Милость забавляется, и я был спокоен, пока не пришло это известие. Я думал — Проныра принес ей игрушку, или ты прислал пленника в подарок, или что-то еще в этом роде. Я никогда не мешаю ей забавляться. Если Шелоб вышла на охоту, от нее ничто не ускользнет.

— Ничто, ты говоришь? Да разве у тебя глаз нету? Говорят тебе, то, что поднялось по лестнице, ускользнуло-таки. Оно порвало паутину и вышло из норы. Ты об этом подумай!

— Но она же поймала его в конце концов!

— Поймала? Кого? Эту кроху? Но если бы он был один, она давно бы уже утащила его в нору и висел бы он сейчас у

нее в кладовой. А если бы он понадобился наверху, принести его пришлось бы тебе. Хорошенькое для тебя было бы дело, а? Но он был не один!

Тут Сэм стал слушать внимательнее.

— Кто разрезал нить, которой она опутала его? Тот же, кто прорезал паутину. Разве ты не видишь этого, Шаграт? А кто воткнул гвоздь в Ее Милость? Он же, конечно. А где он? Где, Шаграт?

Шаграт не ответил.

— Подумай хорошенько, если умеешь. Это не шутки. Никто, слышишь ты, никто и никогда не втыкал ничего в Шелоб, и тебе это хорошо известно. Ее болячки — ее дело. Но подумай: здесь бродит на свободе кто-то опаснее всякого мятежника в недоброе старое время Великой Осады. Что-то проскользнуло-таки!

— Так что же это такое? — прорычал Шаграт.

— Судя по всему, доблестный Шаграт, это какой-то могучий воин, скорее всего — эльф, во всяком случае — с эльфийским мечом, а то и с топором в придачу. И он разгуливает здесь свободно, а ты так и не заметил его. Смешно, право! — Горбаг сплюнул, а Сэм мрачно усмехнулся, услышав, как его расписывают.

— Э, да что там! Ты просто боишься, — беспечно ответил Шаграт. — Ты, конечно, умеешь читать всякие там знаки, но толковать их можно по-разному. Как бы то ни было, я расставил повсюду стражей и намерен заниматься только одним делом зараз. Когда я разберусь, что мы такое поймали, тогда и начну думать о чем-нибудь другом.

— По-моему, тебе с этого пленника мало толку, — сказал Горбаг. — Может, он и вовсе ни при чем во всей этой суматохе. Тому, большому, с мечом, он был вообще без надобности, вот он его и бросил на дороге. Обычное дело для эльфов. А что вы с этим хотите делать? Ты только не забудь: я его первым увидел. Если забава, то в ней должны участвовать и мои ребята.

— Грр! — прорычал Шаграт. — Но, но! У меня приказ! Если он будет нарушен, ни твоей, ни моей шкуры не хватит расплатиться. Всякого, кто будет пойман стражей, надлежит отправить в башню. Все с пленника снять, ничего не оставлять. Сделать полную опись всех вещей: одежды, оружия, писем, колец, украшений — и отправить в Лагбур, и только в Лагбур. Самого пленника сохранить живым и невредимым — под страхом смерти для любого из стражей, — пока Он не пришлет за ним или не явится сам. Таков приказ, и я намерен его выполнять.

— Ничего не оставить, да? — усмехнулся Горбаг. — Ни зубов, ни ногтей, ни волос?

— Да нет же, говорят тебе! Он нужен в Лагбуре целый и невредимый.

— Трудновато же это будет сделать! — рассмеялся Горбаг. — Он сейчас просто падаль, вот и все. Не знаю, зачем он наверху, а вот для котла он в самый раз.

— Дурак! — взвизгнул Шаграт. — Говоришь ты складно, а ничего не соображаешь. Смотри, как бы тебе самому не угодить в котел или к Шелоб. «Падаль»! Сказал тоже! Разве ты не знаешь привычек Ее Милости? Если она связала добычу, значит, это мясо. Живое мясо! Она не ест падали и не пьет холодной крови. Пленник жив.

Сэм зашатался. Ему показалось, что своды рухнули. Потрясение было так велико, что он чуть не потерял сознание и грохнулся бы в обморок, если бы не внутренний голос, отчетливо произнесший: «Дурак! Он жив, и твое сердце знало об этом. Не полагайся на голову, Сэм, это в тебе не самое сильное. Просто ты не умеешь надеяться по-настоящему — вот в чем дело. А что теперь?» Но Сэм ничего не мог поделать сейчас, оставалось только припасть к холодному камню и слушать, слушать ненавистные голоса.

— Грр! — продолжал меж тем Шаграт. — У нее много разных ядов. Когда она на охоте, она только куснет их в шею, и они станут мягкими, как рыба без костей, и она может делать с ними все, что угодно. Ты помнишь старого Уфтака? Он пропал, а через несколько дней мы нашли его в углу: он висел вниз головой, был в полном сознании и страшно злился. Ох, как мы смеялись тогда! Она, наверное, забыла про него. Мы, конечно, не стали его трогать, нельзя ей мешать. Ну, вот и этот пленник скоро очнется. Пожалуй, ему будет немного не по себе, но и только. С ним ничего не случится, во всяком случае пока его не потребуют наверх.

— А что с ним будет дальше — не наша забота! — подхватил Горбаг. — Но уж если забавы не будет, мы хоть расскажем ему кое-что. Он ведь не бывал наверху, вот и пусть полежит, подумает, что его там ждет. Так будет еще смешнее. Пойдем!

— Никаких забав, говорят тебе! — разозлился Шаграт. — Его нужно беречь, иначе нам всем несдобровать.

— Ладно уж. Но на твоем месте я бы сначала изловил того, большого, что бегает на свободе, а тогда уж посылал сообщение. Вряд ли тебя похвалят, если узнают, что котенка ты поймал, а кота выпустил.

Голоса начали отдаляться, они уходили. Сэм оправился от потрясения. Теперь в нем кипел гнев.

— Я ошибся! — вскрикнул он. — Я так и знал, что ошибусь. А теперь они забрали его, гнусные твари! Никогда не расставаться с Фродо, никогда, никогда — вот мое правильное правило, и сердце мое это знало. Эх, только бы мне поправить эту ошибку! Я должен вернуться к нему. Не знаю как, но должен.

Он снова выхватил меч и заколотил рукояткой по камню. Это было совершенно бесполезно, но меч светился так ярко,

что Сэм волей-неволей разглядел преграду. К своему изумлению, он увидел, что камень грубо обтесан в виде двери, примерно на высоту полутора ростов. Между верхним его краем и сводом оставался широкий промежуток. Наверное, дверь эту поставили, чтобы закрыть туннель от Шелоб. Собрав остаток сил, Сэм подпрыгнул, ухватился за верхний край двери, взобрался на нее и спрыгнул по ту сторону. Он сильно ударился, но тут же вскочил на ноги и с пылающим мечом в руке стремглав кинулся по извилистому, ведущему вверх коридору.

Известие о том, что Фродо жив, вселило в него новую надежду. Он ничего не видел впереди, но, похоже, нагонял обоих орков. Их голоса слышались все ближе.

— Именно так я и сделаю, — сердито говорил Шаграт. — Посажу его в самую верхнюю камеру.

— Почему? — прорычал Горбаг. — Разве мало у тебя подземелий?

— Его нельзя трогать, говорю тебе! — огрызнулся Шаграт. — Это драгоценность. Я и своим-то ребятам не всем доверяю, а уж твоим и подавно. Да и тебе тоже, коль у тебя одни забавы на уме. Будет сидеть там, куда я его посажу и где ты его не достанешь, если не уймешься. На самый верх, понял? Там он целее будет!

«Будет ли? — ухмыльнулся про себя Сэм. — Вы забыли о могучем эльфе, оставшемся на свободе». Он обогнул последний поворот и увидел, что Кольцо, обострив слух, сильно подвело его.

Фигуры обоих орков были далеко впереди. Он видел их на фоне красного отсвета. Коридор поднимался теперь прямо, а в конце его виднелись широко раскрытые двухстворчатые ворота в нижний ярус башни, рог которой они с Фродо видели высоко вверху. Передние орки уже вошли туда со своей ношей. Горбаг и Шаграт тоже подходили.

До Сэма донеслись взрывы хриплого пения, звуки рогов, звон гонга — целая какофония звуков. Горбаг и Шаграт были уже на пороге. Тогда он закричал, размахивая мечом, но в жутком шуме его никто не услышал. Огромные ворота захлопнулись с глухим стуком. Лязгнули железные засовы. Ворота были заперты.

Сэм кинулся на них, ударился о тяжелые кованые створы и без чувств упал на землю.

Он был во мраке — снаружи. Фродо был внутри, живой, но в плену.

Возвращение Короля

КНИГА ПЯТАЯ

Глава 1
МИНАС ТИРИТ

Пиппин выглянул из-под плаща Гэндальфа. Он никак не мог понять, во сне или наяву свистит в ушах черный ночной ветер, медленно плывет зубчатая тень гор далеко справа, во сне или наяву качается у него над головой звездное небо. Он пытался вспомнить, что с ним и где он, но мысли путались, отдельные картины сменяли друг друга.

Помнится, они мчались без остановок, летели все вперед и вперед, и там, впереди, вставал на рассвете золотистый мягкий блеск и был город, затопленный тишиной, и гулкая пустота большого дворца на холме. Они ворвались под его своды в тот самый момент, когда вверху пронеслась огромная крылатая тень, и ужас выбелил лица людей вокруг. Пиппин вспомнил, как и его сердце сжала ледяная рука. Но рядом был Гэндальф, и ужас ушел, осталась только усталость. Пиппин спал, но сон был тревожным, в нем ходили и разговаривали незнакомые люди, что-то приказывал Гэндальф. И дальше, без перехода, снова бешеная скачка сквозь ночь. С тех пор как он заглянул в Палантир, прошло двое, нет, трое суток. Палантир! Это было ужасно! С этим воспоминанием он проснулся окончательно. Вокруг шумел и бормотал все тот же ветер.

Яркий желтый огонь в темном небе заставил Пиппина съежиться от страха. Зачем Гэндальф везет его в это страшное, там, впереди? Он протер глаза. На востоке всходила луна. Значит, они будут скакать и скакать, мчаться сквозь ночь бесконечно долго.

— Где мы, Гэндальф?

— На землях Гондора. Это — Анориен.

Пиппин притих, но тут же прижался к магу.

— Что там? Смотри! Красный огонь! Как драконий глаз. А вон еще один!

Гэндальф только крикнул коню:

— Вперед, Сполох, вперед! Спеши, друг! — и, наклонившись к Пиппину, сказал: — Смотри. Это зовут на помощь огни Гондора. Война началась. Вот огонь на Амон Дине, пламя на

Эленахе, и дальше огни, Нардол, Эрелас, Мин Риммон, Каленхад и Халифириен у границ Рохана. Вперед, Сполох!

Но конь вдруг пошел рысью, потом шагом и, подняв голову, заржал. Из темноты послышалось ответное ржание, и мимо них на запад промчались трое всадников. Пиппин едва разглядел их во тьме. Белый конь подобрался, рванулся вперед, и снова ночь зашумела вокруг ветром.

Сквозь дрему Пиппин слышал, как Гэндальф рассказывает ему о гондорских Правителях, о сигнальных огнях, быстро передающих важные вести через всю страну, о подставах на границах, где всегда ждали гонцов свежие кони.

— Давно уж не загорались северные огни, — говорил маг. — В прежние времена ими почти не пользовались... Семь Палантиров было в то время в Гондоре.

Пиппин, услышав о страшном камне, который и так не шел у него из головы, беспокойно пошевелился.

— Спи, — сказал маг, — спи не бойся. Мы ведь с тобой идем не в Мордор, как Фродо с Сэмом, а в Минас Тирит. Там сейчас так же безопасно, как у вас в Шире. Пока, — значительно добавил он, — потому что если Кольцо вернется к Врагу, если падет Гондор, то тебя и Шир не спасет.

«Вот уж утешил», — подумал Пиппин, засыпая снова. Последнее, что он помнил, был блеск луны на снежных вершинах гор. Он еще успел подумать о том, где сейчас Фродо, жив ли он, добрался ли до Мордора.

Фродо в Итилиене смотрел на ту же луну, незадолго до рассвета заходящую над Гондором.

Пиппина разбудили голоса незадолго до рассвета.

Прошел еще один день, который хоббит с магом переждали в укрытии, и еще одна ночь пролетела в скачке. В тумане занимались холодные предрассветные сумерки. Сполох стоял, высоко вскинув голову, от его тела валил пар. Прямо перед собой Пиппин увидел рослых людей в плащах. Позади смутно вырисовывалась полуразрушенная стена. Там стучали молотки, скрипели колеса, скрежетало железо, в тумане тускло светились факелы. Гэндальф говорил с людьми в плащах, и Пиппин понял, что речь шла о нем.

— Конечно, Митрандир, — говорил один из тех, что стояли рядом, — ты можешь ехать свободно. Мы знаем тебя, и тебе известны пароли для всех семи ворот. Но твоего спутника мы не знаем. Кто он? Гном с северных гор? Чужеземцам закрыт вход в Гондор. Разве что они могучие воины, чья верность и отвага очень нужны нам сейчас.

— Я поручусь за своего спутника перед Денетором, — отвечал маг. — А что до его доблести, не суди о ней по росту, Ингольд. У него на счету битв и опасностей больше, чем у тебя, хотя ростом он невелик. Мы возвращаемся из сражения под

Изенгардом. Он устал. Я не хочу его будить. Зовут его Перегрин, и человек он отважный.

— Человек? — недоверчиво переспросил Ингольд, а остальные засмеялись.

Пиппин окончательно проснулся.

— Вот еще! Человек! Я — хоббит! А отважным бываю, когда деваться уже некуда.

— Ответ достойный, — заметил Ингольд и переспросил: — Хоббит?

— Полурослик, — негромко подсказал маг, — но не тот, о котором говорит пророчество. Это его родич.

— Родич, друг и спутник, — добавил Пиппин. — И если это Минас Тирит, то отважный Боромир, спасший мне жизнь в снегах севера, из вашей страны. Он защищал меня и пал...

— Молчи! — прервал его Гэндальф. — Эту печальную весть первым должен узнать его отец, Денетор.

— Мы догадывались, — грустно сказал Ингольд. — Странные знамения были недавно... Что ж, поезжайте. Правитель Минас Тирита обязательно захочет видеть того, кто принесет ему вести о сыне, будь то человек или...

— Или хоббит, — докончил Пиппин. — Я мало что могу рассказать, но в память об отважном Боромире расскажу все, что знаю.

— Поезжайте, — повторил Ингольд, и его люди посторонились, пропуская белого коня. — Нам нужны и твой совет, и твоя помощь, Митрандир. Жаль, что ты всегда приходишь с дурными вестями.

— Это потому, что я прихожу туда, где нуждаются в помощи, — ответил Гэндальф. — Могу дать и совет. Бросьте стену. Ее поздно чинить. Не стена вас спасет, а мужество и та надежда, которую я несу. Да, я приношу не только худые вести. Отложите мастерки и точите мечи!

— Мы управимся до вечера, — рассудительно сказал Ингольд. — Стена тоже пригодится. С этой стороны вообще некому нападать. Там — Рохан, — он махнул рукой в степь, — там у нас друзья. Ты не слыхал, что там у них? Помогут они нам?

— Помогут. Но за вашей спиной им пришлось выдержать уже не одну битву. Это дорога, как и все остальные, отныне небезопасна. Будьте бдительны! Если бы не Гэндальф-Буревестник, вместо Всадников Рохана вы могли бы встретить с этой стороны орду врагов. А может, еще и встретите. Удачи вам! Не зевайте здесь!

Они миновали Раммас Эхор. Так люди Гондора называли внешнюю стену, выстроенную с великим трудом после потери Итилиена. Стена тянулась лиг на десять от подножия гор, опоясывая поля Пелленора и возвращаясь к горам. Прекрасные плодородные угодья длинными отлогими склонами спускались

к долине Андуина. На северо-востоке от Великих Ворот Минас Тирита до стены было четыре лиги; там за ней раскинулись приречные равнины. В этом месте стена была особенно высокой и крепкой. Она защищала дорогу, идущую от Бродов, и Мосты Осгилиата. На юго-востоке между стеной и Городом оставалось пространство меньше лиги шириной. Там Андуин, огибая холмы Эмин Арнен в Южном Итилиене, резко забирал к западу и стена шла по самому берегу, а ниже лежали набережные и грузовые пристани Харлонда.

По сторонам дороги тянулись богатые предместья с обширными пашнями, садами, навесами для сушки хмеля, амбарами и загонами для скота. Среди зелени струились ручьи, спешившие с нагорий к Андуину, но людей встречалось немного. Основная часть жителей селилась в семи кругах Города, или в Лоссарнахе, у подножия гор, или еще дальше к югу, в Лебеннине, орошаемом пятью быстрыми реками. Там, между горами и морем, жил крепкий народ. Они называли себя гондорцами, но в жилах их текла кровь местного низкорослого и смуглого народа, чьи предки обитали здесь еще до прихода королей. А дальше, на берегу огромного залива Белфалас, стоял Дол Амрот, замок князя Имрахиля. Этот рыцарь высокого рода правил гордым сероглазым народом воинов.

На восходе Гэндальф со своим спутником приблизились к Минас Тириту. Пиппин окончательно проснулся и с любопытством вертел головой во все стороны. Слева от них лежало море тумана, а справа вздымались вершины огромных гор, обрывавшихся неожиданно, словно во дни творения Река разбила преграду, образовав просторную долину, место множества последующих битв. Как и обещал Гэндальф, там, где кончались Белые Горы, Пиппин увидел темную громаду Миндоллуина, глубокие пурпурные тени высоких ущелий и вершину, белеющую в свете занимающегося дня. На выдвинутом вперед плече горы стоял Город, окруженный семью каменными стенами, крепкими и древними, словно вырезанными великаном из костей земли.

Пиппин вскрикнул от восторга, когда на его глазах стены крепости окрасились розовым в свете зари, а Белая Башня засверкала серебром под первыми лучами солнца. Белоснежные знамена развевались на стенах, высоко и чисто пели трубы.

Железные ворота откатились перед ними. Люди вокруг закричали:

— Митрандир! Смотрите, это Митрандир! Видно, гроза близко!

— Да, она приближается,— ответил Гэндальф.— Меня принесли ее крылья. У нас дело к Денетору, покуда он еще Правитель Гондора. Что бы ни произошло дальше, стране уже не бывать прежней,— проворчал он себе под нос.— Пропустите меня!

Люди расступились, дивясь на коня и на спутника мага. Коней в Городе видели редко, но все признали в благородном животном посланца Рохана, и это наполнило надеждой многие сердца.

Сполох звонко ступал по каменным мостовым, поднимаясь из одного яруса Города в другой. Они шли ступенями к вершине горы, каждый ярус был обнесен стеной. Великие Ворота располагались в восточной части стены, следующие были на половину круга сдвинуты к югу, третьи — на половину круга к северу, и так все выше и выше, к центру Города. Мостовая, ведущая к Цитадели, часто поворачивала, и каждый раз, пересекая ось Ворот, уходила в арочный туннель в скале, делившей надвое все круги города, кроме первого. Древние строители искусно воспользовались творением природы, оставив за Воротами часть скалы, образовавшей бастион, словно форштевень корабля, устремленный на восток. Он вздымался до самого верхнего круга Города, неся на себе могучую Цитадель, расположенную в семистах футах выше Первых Ворот. Вход в Цитадель также смотрел на восток. Он был врезан в коренную скалу и вел к Седьмым Воротам. По освещенному туннелю идущий попадал в Верхнее Подворье, к Фонтану у подножия Белой Башни. Высота ее составляла не менее пятидесяти фатомов, а на вершине, в тысяче футов над равниной, развевалось Знамя Правителей.

Мощь цитадели делала ее неприступной до тех пор, пока внутри оставалось хотя бы несколько воинов. Напасть на Цитадель можно было лишь со Сторожевого Холма, но отрог, на котором был выстроен пост, перегораживали крепостные валы. Здесь, между Городом и Башней, располагались усыпальницы Королей и Правителей.

Пиппин не мог опомниться от изумления и восторга при виде этого могучего, великолепного каменного города. Величием, мощью и красотой он превосходил Изенгард. Но глаз всюду встречал и признаки упадка: двери домов были заперты, окна пусты, улицы немы.

В седьмом ярусе солнце, освещавшее в это же время дорогу Фродо на прогалинах Итилиена, озарило гладкие стены, резные колонны и большую арку ворот. Коням вход в Цитадель был запрещен, и Гэндальф спешился. Сполох с тревогой переступил копытами, но маг шепнул ему что-то, и он позволил увести себя.

Воины, охранявшие вход в Звездную Цитадель, были одеты в черное. На груди у них сияло вышитое серебром цветущее дерево под серебряным венцом и многолучевыми звездами, на головах — высокие шлемы с крыльями морской чайки по бокам. Шлемы пламенели серебром, ибо были сработаны из миф-

рила — малая часть былой славы, уцелевшая в веках. Никто во всем Городе не носил больше подобных одежд — это была привилегия Стражей Цитадели, помнившей Элендила и цветущее Белое Дерево.

Вести, похоже, опередили путников. Стражи пропустили Гэндальфа, не задав ни единого вопроса. За аркой был двор, вымощенный белым камнем, и фонтан, искрящийся на солнце веселыми бликами. Вокруг росла яркая зеленая трава, но рядом, склонившись над чашей фонтана, стояло мертвое, засохшее дерево, и капли воды стекали с его голых ветвей, как слезы.

Пиппин хотел было удивиться, но вспомнил, как однажды Гэндальф пел о семи звездах и белом дереве. Он открыл рот, чтобы спросить мага, но тут Гэндальф заговорил сам.

— Поосторожнее в словах, добрый Перегрин. Здесь не Шир, и хоббитское нахальство некстати. Теоден был добр и кроток, но совсем не таков Денетор. Он человек гордый и проницательный и гораздо более сильный и властный, чем Теоден, хотя он и не король, а только Правитель. Говорить он будет в основном с тобой. Он любил Боромира, может быть, даже слишком. Но сын не был похож на отца. Денетор безутешный наверняка попробует вытянуть из тебя то, чего не надеется узнать от меня. Не болтай лишнего, не называй даже имени Фродо, не упоминай о его задаче. Когда придет время, я сам скажу об этом. И еще, — маг помедлил, — об Арагорне тоже лучше бы помолчать... пока.

— Но почему? Разве с Колобродом что-нибудь не так? — испуганно спросил Пиппин. — Он ведь сам хотел идти в Гондор. Он же должен скоро прийти... или нет?

— Все может быть, — озабоченно ответил Гэндальф. — Но Арагорна здесь не ждут. Его приход будет неожиданностью и для Денетора. И так, мне кажется, будет лучше. Я, во всяком случае, не собираюсь никого предупреждать о его приходе.

Они уже подошли к высокой двери из полированного металла. Гэндальф остановился.

— Сейчас не время заниматься историей Гондора, хотя лучше бы тебе ее знать. Послушай меня и сделай, как я говорю. Не очень-то мудро сообщать могучему Правителю о смерти наследника и одновременно о прибытии претендента на трон. Это ты, надеюсь, понимаешь?

— Как претендента? — ошеломленно переспросил Пиппин.

— Вот именно, — ответил маг. — Если ты топал столько дней, заткнув уши и не слишком обременяя голову, очнись хоть сейчас! — и он постучал в дверь, которая тотчас же распахнулась.

Они вошли в зал, своды которого покоились на огромных колоннах черного мрамора. Вершины колонн украшали извая-

ния неведомых животных, ветвей и листьев, по потолку шла цветная роспись по зеленому полю. Ни гобеленов, ни занавесей, ни дерева не было в этом длинном торжественном зале. Между двумя рядами колонн застыли мраморные фигуры. Пиппин вздрогнул, заметив в чертах их лиц сходство с Каменными Стражами на Андуине.

В дальнем конце зала, на ступенчатом возвышении стоял пустой мраморный трон; позади него на стене мерцало драгоценными камнями изображение цветущего дерева.

У подножия трона на широкой ступени в простом кресле из черного камня сидел старик с коротким белым жезлом в руках. Он не поднял глаз на вошедших, продолжая рассматривать что-то у себя на коленях.

Гэндальф остановился в трех шагах от кресла.

— Приветствую Денетора, сына Эктелиона! — звучно сказал он. — В этот мрачный час я пришел с вестями и советом.

Старик поднял голову. Пиппин ждал в нем сходства с Боромиром, но резкие и гордые черты лица Правителя, глубокие, темные глаза напомнили ему Колоброда.

— Да, ты прав, час мрачен, — медленно произнес Денетор, — но мы привыкли видеть Митрандира именно в такие часы. — Он надолго замолчал. — Знаки предвещают близкую гибель Гондора. Горько думать о том, что впереди, но еще горше уже случившееся. Мне сказали, что с тобой придет тот, кто видел гибель моего сына. Это он?

— Да, — ответил маг. — Их было двое. Его товарищ остался с Теоденом Роханским и прибудет позже. Они оба — полурослики, но предсказание говорит не о них.

— Полурослики, — мрачно повторил Денетор. — Это они внесли смуту в наши дела, из-за них погиб мой сын. О Боромир! — простонал он. — Как ты нужен сейчас! Почему тебе выпал этот жребий, почему не брату твоему?

— Скорбь лишает тебя справедливости, Правитель, — сурово заметил Гэндальф. — Боромир сам выбрал свой жребий и не уступил его никому. Он был сильным человеком и умел настоять на своем. Я хорошо узнал его за долгий путь, пройденный вместе. Но скажи, откуда в Минас Тирите известно о его гибели? Кто сообщил о ней?

— Я получил вот это, — произнес Денетор. Гэндальф и Пиппин увидели на коленях Правителя две половины разрубленного большого рога, окованного серебром.

— Рог Боромира! — не удержавшись, вскрикнул Пиппин.

— Да, — ответил Денетор. — А раньше им владел я, а еще раньше — каждый старший в нашем роду с самых дальних времен, еще при Королях, когда Ворондил, отец Мардила, охотился на диких быков в далеких полях Руна. Тринадцать дней назад я слышал звук этого рога с севера. Он никогда не зазвучит снова, но Река принесла мне обломки. — Он помолчал. Его

темные глаза остановились на лице Пиппина. — Что скажет об этом полуросли к?

— Тринадцать дней... — подумал вслух Пиппин, — да, пожалуй, так оно и есть. Да, я помню, Боромир затрубил в рог, но помощь не пришла, только орки...

— Значит, ты в самом деле был там? — глаза Денетора так и впились в Пиппина. — Ну, говори! Почему не пришла помощь? Почему ты жив, а могучий воин пал, хотя против него были только орки?

Пиппин вспыхнул.

— И для самого могучего довольно бывает одной стрелы, а Боромиру досталась туча. Когда я видел его в последний раз, он привалился к дереву, чтобы выдернуть из раны арбалетную стрелу с черными перьями. А потом орки оглушили меня и схватили. С тех пор я не видел твоего сына, повелитель, но я не забуду его, — закончил он. — Боромир был доблестным воином и погиб, спасая нас от прислужников Врага. Мертвый — он так же дорог мне, как был дорог живой.

Пиппин поднял голову и посмотрел в глаза Денетору. Незнакомая прежде гордость проснулась в нем, уязвленная насмешливым и недоверчивым тоном Правителя. Неожиданно для самого себя хоббит откинул полу плаща, обнажил меч и положил его к ногам Денетора.

— Не равная это замена, повелитель, — сказал он, — но я отдаю вам свою жизнь и тем немного хочу уплатить долг отважному Боромиру.

Слабая улыбка, похожая на луч холодного солнца в зимний день, озарила лицо старика. Он наклонил голову и, отложив в сторону обломки рога, протянул руку.

— Дай мне оружие, — приказал он.

Пиппин поднял меч и протянул рукоятью вперед.

— Откуда он у тебя? — с легким удивлением проговорил Денетор. — Похоже, этот клинок выкован нашим народом на Севере в далеком прошлом?

— Он из курганов возле границ моей страны, — сказал Пиппин. — Там теперь водится только Нежить... Мне бы не хотелось сейчас говорить об этом, — помолчав, добавил он.

— Вижу, странные истории оплетают тебя, — молвил Денетор. — Это лишний раз доказывает, как легко обмануться с первого взгляда в человеке... или в полуросли ке. Я принимаю твою службу. Тебя не смутить словами, и сам ты горазд говорить, хоть и непривычна твоя речь для нас, южан. Ну, готовься к присяге!

— Положи руку на меч, — подсказал Гэндальф, — и повторяй за Правителем, если решился.

— Я готов, — сказал Пиппин и начал медленно повторять за Денетором: — «Здесь и сейчас приношу я клятву верности и служения Гондору и Правителю — Наместнику королевства.

Обещаю говорить и молчать, делать и способствовать, идти и стоять непреклонно в нужде или изобилии, в мире или в войне, в жизни или в смерти — только на благо Гондора! Отныне освободить меня от клятвы может лишь мой Правитель, смерть или конец мира. Так говорю я, полурослик Перегрин, сын Паладина из Шира».

— А я, Денетор, сын Эктелиона, Правитель Гондора, Наместник Высокого Короля, слышу и принимаю твою клятву, не забуду ее и не откажусь вознаградить верность — любовью, доблесть — честью, а измену — мщением!

Пиппин получил назад свой меч и убрал его в ножны.

— Вот тебе мое первое повеление, — сказал Денетор, снова садясь в кресло. — Расскажи мне все, что сумеешь вспомнить о моем сыне. Садись и говори.

Ударив жезлом о серебряный круг возле кресла, он приказал подать гостям сиденья.

— У меня только час времени, — сказал он, обращаясь к магу, — но, может быть, вечером мы увидимся снова.

— А может, и того раньше, — ответил Гэндальф. — Не затем я мчался сюда, как ветер, за сто пятьдесят лиг из самого Изенгарда, чтобы доставить нового воина, как бы учтив и отважен он ни был. Разве тебе все равно, Денетор, что Теоден одержал большую победу, Изенгард разрушен, а Саруман лишился своего магического жезла?

— Нет, не все равно, Митрандир. Но мне известно об этом достаточно. — Он взглянул на Гэндальфа в упор, и Пиппин на миг почувствовал словно огненную струну, напряженно натянувшуюся между ними.

Денетор куда больше походил на великого мага, чем Гэндальф. Правитель казался величественнее, могущественнее и старше. Но не зрением, а каким-то другим чувством Пиппин постиг, что сила Гэндальфа выше, а мудрость — глубже, только величие его скрыто. На самом деле маг был старше Правителя, гораздо старше. «На сколько?» — задумался Пиппин и подивился тому, что раньше никогда об этом не думал. Древобород говорил что-то о магах, но тогда Пиппин не связал это с Гэндальфом. Кто такой Гэндальф? Из какого отдаленного времени и места пришел он в мир и когда должен покинуть его? Но непривычные мысли не удержались в голове, хоббит поднял глаза и увидел, что Денетор и Гэндальф все еще меряются взглядами, словно стремясь прочесть мысли друг друга. Денетор первым отвел глаза.

— Да... — неопределенно произнес он, — говорят, что Палантиров больше нет. Но Правители Гондора видят и знают больше многих.

Слуги принесли сиденья, столик, вино в серебряном кувшине, кубки, печенье. Пиппин чувствовал себя очень неуютно;

ему показалось, что, говоря о Камнях, Денетор быстро и странно посмотрел на него.

— Что ж, повелеваю тебе начать рассказ, — сказал Правитель не то ласково, не то насмешливо. — Я воистину рад выслушать друга моего сына.

Они говорили ровно час, и Пиппин никогда потом не мог забыть ни пронзительного взгляда Правителя Гондора, ни его внезапных ошеломляющих вопросов, ни внимательного, осторожного Гэндальфа рядом. Когда час кончился, Пиппин совсем обессилел. «Наконец-то — подумал он, — теперь бы я позавтракал за троих».

— Проводите почтенного Митрандира в его покои, — распорядился Денетор. — Пусть наш новый воин живет пока вместе с ним. Имя ему — Перегрин, сын Паладина. Доверить пароли малого круга. Передать военачальникам, пусть ждут меня здесь в три часа. И ты, Митрандир, приходи тоже, когда тебе угодно. Тебя никто не остановит, разве что в краткие часы моего сна. Не надо сердиться на старика. К старости ум слабеет.

— Ну нет, благородный Денетор, — отвечал маг. — Разум покинет это тело только вместе с жизнью. Я ведь понял, почему ты расспрашиваешь того, кто знает меньше всех, когда я здесь.

— Тем лучше, — слабо усмехнулся Денетор. — Глупо отказываться от совета и помощи в такой час, но у тебя свои цели, и я их не знаю. А Правитель Гондора никогда не станет орудием в чужих руках. В нынешнем мире у Правителя лишь одна цель — благо Гондора. Дела Гондора — мои дела, и больше ничьи, во всяком случае до тех пор, пока Король не вернется.

— Пока Король не вернется? — задумчиво повторил за ним Гэндальф. — Ладно, благородный правитель, храни страну, покуда не настанет этот невероятный миг. В этом я помогу тебе всеми силами. И вот что я скажу еще, Денетор. Я никого не стану делать своим орудием ни в Гондоре, ни в какой другой стране, будь она велика или мала. Но когда возникает угроза всему светлому, что есть в этом мире, — это мое дело. И если хоть что-нибудь переживет надвигающийся мрак и сможет цвести и приносить плоды — это будет моя победа, даже если Гондор падет. Ты носишь имя Хранителя Цитадели, но разве ты забыл, что я тоже Хранитель?

Всю дорогу из дворца Гэндальф молчал и ни разу не взглянул на Пиппина. Провожатый привел их к дому у северной стены Цитадели. Там для них была приготовлена большая, светлая комната с окнами на Реку. Тяжелые, поблескивающие золотым шитьем портьеры были раздвинуты. Из обстановки в комнате оказались лишь стол, пара стульев и скамья; в боль-

ших стенных нишах пологи скрывали альковы с солидными, пожалуй, немножко слишком широкими постелями. На скамье ожидали кувшины и тазы для умывания. Пиппину пришлось взобраться на стул, чтобы посмотреть в одно из трех высоких узких окон.

— Ты не сердишься на меня? — спросил он мага, как только провожатый вышел и прикрыл за собой дверь. — Я сделал все, что мог...

— Это точно! — неожиданно расхохотался Гэндальф.

Он подошел к Пиппину, положил руку ему на плечо и выглянул в окно. Пиппин, воспользовавшись случаем, взглянул ему в лицо. Сначала он заметил лишь морщины, но, приглядевшись, понял, что маг действительно весел, дай ему волю — рассмешит все королевство.

— Конечно, ты сделал все, что мог, — повторил Гэндальф. — Надеюсь, не скоро тебя опять будут загонять в угол два грозных старца. И все-таки Денетор узнал больше, чем ты думаешь. От него не укрылось, что предводителем отряда после Мории был не Боромир, а кто-то более высокого рода и этот кто-то со своим прославленным мечом намеревается прийти в Минас Тирит. Люди Гондора часто обращаются к преданиям прежних дней. Вот и Правителя после отъезда Боромира не оставляли мысли о Проклятии Исилдура и словах предсказания.

Денетор не похож на других, Пиппин. Какова бы ни была его родословная, в нем говорит чистая кровь нуменорцев. В нем и в Фарамире, его втором сыне, но не в первом, которого он любил больше.

Денетор прозорлив. Воля и мудрость позволяют ему читать в мыслях людей даже на расстоянии. Обмануть его трудно, а пытаться сделать это опасно. Для тебя полезно помнить об этом — ведь ты принес ему клятву. Уж не знаю, что тебя надоумило, но сделано было от души и, по-моему, тронуло Денетора и, кажется, позабавило. Я не вмешивался, ибо великодушные порывы не нуждаются в холодных советах. Во всяком случае, теперь после дежурств ты свободно можешь разгуливать по всему Минас Тириту. Но отныне ты всецело подчиняешься Правителю, и он об этом не забудет. Так что держи ухо востро!

Гэндальф помолчал и вздохнул.

— Ладно. Не стоит пытаться узнать будущее. Теперь каждое новое «завтра» будет хуже «сегодня». И от меня помощи больше не жди. Фигуры расставлены, игра идет. Я только одной фигуры не вижу пока — Фарамира. Он ведь теперь наследник Денетора. Кажется, его нет в Городе, а Денетор совсем не оставил мне времени. Я должен идти, Перегрин. Постараюсь узнать что-нибудь на совете у Правителя. Враг не сидит сложа руки, он вот-вот откроет свою игру. И тогда пешкам достанет-

ся не меньше, чем прочим, Перегрин, сын Паладина, воин Гондора. Точи меч!

У двери Гэндальф обернулся.

— Я действительно тороплюсь, Пиппин. Не откажи в любезности, сходи поищи Сполоха, узнай, как его устроили. Здешний народ хорошо относится к животным, но о конях, боюсь, знает маловато.

Не успела закрыться за магом дверь, как на башне колокол отбил три удара — третий час после восхода солнца, время совета.

Посидев немного в одиночестве, Пиппин вышел на улицу. Солнце стояло невысоко. Дома и башни бросали длинные, резкие тени. В синеве неба сверкал белый шлем и снежный плащ Миндоллуина. Несмотря на ранний час, на улицах было много вооруженных людей.

— Девять часов по-нашему,— сказал Пиппин себе под нос.— Самое бы время позавтракать, да на травке, да весной!.. Эх, где уж тут травка! Но все-таки интересно: вот эти воины, например, уже завтракали? А если завтракали, то когда и где собираются обедать?

В этот момент к нему подошел воин в черном с серебряным шитьем на груди.

— Ты — Перегрин, полурослик,— скорее утвердительно, чем вопросительно сказал он и протянул руку.— Ты на службе у нашего правителя, и мне велено помочь тебе освоиться здесь. Я — Берегонд, сын Баранора. Я сегодня свободен, и мне поручили сообщить тебе пароли и вообще все, что ты захочешь узнать. А я был бы рад узнать кое-что о тебе. Мы никогда раньше не встречали полурослико в, а в легендах о вас почти ничего не говорится. А ведь ты еще и друг Митрандира. Это вдвойне интересно. Ты давно его знаешь?

— Ну,— протянул Пиппин,— можно сказать, всю мою недолгую жизнь. А потом мы с ним много путешествовали. Но Гэндальф — это целая книга, а я в ней и видел-то всего пару страниц. Вот Арагорн из нашего отряда знал его по-настоящему.

— Арагорн? — переспросил Берегонд.— А кто он?

Пиппин замялся.

— Человек, который шел с нами. Сейчас он, по-моему, в Рохане.

— О, ты и в Рохане был? Расскажи, а? Мы ведь только на рохирримов и надеемся. Ох! — воскликнул он.— Я забыл о своем поручении. Ведь это я должен отвечать на твои вопросы, а сам... Что ты хотел бы узнать прежде всего?

Пиппин заколебался.

— Э-э... если можно, у меня один вопрос: насчет завтрака... Ну о времени трапезы то есть. И где трапезная, если она есть,

конечно. Или харчевня? Я что-то ни одной здесь не видел, пока мы ехали, и всю дорогу надеялся на глоточек эля, как только доберусь до ваших краев.

Берегонд поглядел на него с уважением.

— Бывалого воина сразу видать, — сказал он. — И у нас воины, которые ходят в походы, всегда прежде всего о еде и питье беспокоятся. Сам-то я, правда, не ходил, — добавил он смущенно. — Так ты ничего не ел сегодня?

— Честно говоря, ел, — ответил правдивый Пиппин. — Правитель угощал нас вином и печеньем, но зато целый час изводил вопросами, а отвечать ему — дело нелегкое!

Берегонд рассмеялся.

— У нас говорят: и маленький человек за столом может творить большие дела. А ты, я вижу, склонен к воздержанию не больше любого воина Цитадели. Здесь — крепость и Башня Стражи, а город на военном положении. Трапезы по этому случаю редки.

Пиппин сник, но Берегонд утешил его, сказав, что за тяжелую работу положено усиленное питание и в кладовой можно что-нибудь раздобыть.

— Пойдем! — позвал он. — Здесь недалеко, а потом выйдем на стену, там можно закусывать и любоваться чудесным утром.

— Подожди! — вдруг покраснел Пиппин. — Разговоры про еду совсем отшибли мне память. Ведь Гэндальф, Митрандир по-вашему, попросил меня приглядеть за его Сполохом — это великий роханский конь. Сам ихний король берег его как сокровище, хоть и отдал в услужение Митрандиру. По-моему, новый хозяин любит его даже больше, чем людей, и если Митрандира уважают в этом Городе, Сполоху тоже положен почет и всяческое внимание, уж не меньше, чем достается хоббиту.

— Хоббиту? — переспросил Берегонд.

— Это мы так себя называем, — пояснил Пиппин.

— Рад слышать, — поклонился Берегонд. — Должен сказать, странный акцент не портит учтивой речи, а хоббиты — народ учтивый. Пойдем. Ты познакомишь меня с этим добрым конем. Я люблю животных, но мы редко видим их в своем каменном Городе. Мой род жил раньше в горных долинах, а до этого — в Итилиене. Заглянем в конюшню, а уж оттуда — в кладовые. Не унывай, не велика задержка!

Пиппин нашел коня хорошо устроенным и обихоженным. В шестом ярусе за стенами Цитадели, по соседству с домами гонцов Правителя, располагались стойла. Но сейчас, кроме Сполоха, там не было ни одного коня.

Когда они вошли, Сполох заржал и потянулся мордой к Пиппину.

— Доброе утро! — приветствовал его хоббит. — Гэндальф придет, как только освободится. Он шлет тебе привет, а я должен приглядеть, чтобы у тебя все было в порядке и ты мог спокойно отдохнуть после трудов.

Сполох вскинул голову и стукнул копытом, но все-таки позволил Берегонду легонько погладить себя по холке.

— Хоть сейчас на скачки! — восхищенно произнес Берегонд. — По нему не скажешь, что путь был труден. Вот это сила! А где же сбруя? Богатая небось...

— Упряжи под стать не смогли найти, — объяснил Пиппин. — Он так обходится. Если согласится нести тебя, донесет и без сбруи, а нет, так ни шпоры, ни кнут, ни уздечка не помогут. До свиданья, Сполох, потерпи немного. Гэндальф мне меч точить велел. Битва скоро.

Сполох поднял голову и заржал так, что стойло затряслось. На этом они и расстались, убедившись, что овса в яслях достаточно.

— А теперь поспешим к нашей кормушке, — предложил Берегонд, и они по длинной прохладной лестнице спустились в широко освещенный коридор.

В стенах по обе стороны тянулись запертые двери, но одна была открыта.

— Вот кладовая для моего отряда Стражи, — сказал Берегонд и крикнул в дверь: — Привет тебе, Таргон! Знаю, еще не время, но со мной новый воин. Он только прибыл и принят Правителем на службу. Ему пришлось немало проскакать, затянув пояс, а с утра еще и потрудиться. Он проголодался. Дай нам что-нибудь!

Им достались хлеб, масло, сыр и яблоки, последние из зимних запасов, сморщенные, но еще сочные и сладкие, и кожаная бутыль свежего эля, и пара деревянных тарелок с парой кубков, и корзина для всего этого в придачу. С ней они и выбрались на солнышко.

Берегонд привел Пиппина к бойнице восточного бастиона. Отсюда открывался прекрасный вид на утренний мир.

Они ели, пили, разговаривали то о Гондоре и его обычаях, то о Шире и странных землях, которые повидал Пиппин. Изумление Берегонда все росло, он то и дело бросал на хоббита восхищенные взгляды. А тот, сидя на каменной скамье, беспечно болтал ногами и время от времени приподнимался на цыпочки, заглядывая через парапет.

— Не стану скрывать, мастер Перегрин, — сказал наконец гондорский воин, — ты, на наш взгляд, — так, парнишка лет десяти, и, однако, на твою долю выпали опасности и чудеса, о которых вряд ли слыхали даже наши ветераны. Я-то думал, наш Правитель из прихоти приобрел себе благородного пажа, но теперь вижу, что это не так, и прошу прощения за глупость!

— Прощаю! — махнул рукой Пиппин. — Ты ведь недалек от истины. По нашему счету, я чуть старше мальчишки, и до «вхождения в возраст», как говорят у нас в Шире, мне еще четыре года. Ладно, хватит обо мне. Расскажи-ка, что это за земли перед нами?

Солнце поднялось уже высоко, и туманы в долине растаяли. Крепнущий восточный ветер нес белые клочковатые облака, хлопал флагами и знаменами на Цитадели. На краю долины, лигах в пяти, виднелась Великая Река — серая, мерцающая лента, теряющаяся на юго-западе, а дальше, лигах в пятидесяти, лежало Море.

Весь Пеленнор открылся глазам Пиппина. Вдали виднелись пятнышки усадеб, хлева, амбары, но нигде — ни коровы, ни другой живности. Дороги и тропинки во множестве пересекали зеленые поля, и они не пустовали. Одни повозки въезжали в Великие Ворота, другие выезжали им навстречу. То и дело появлялись всадники. Но самой оживленной была главная дорога, которая, сворачивая к югу, огибала отроги гор. Вдоль широкой мощеной мостовой по восточному краю тянулась полоса для верховых, там было попросторнее, а по самой мостовой ползла сплошная масса груженых повозок. Но, приглядевшись, Пиппин понял, что на дороге царит строгий порядок. Подводы двигались тремя потоками: первый — быстрые конные повозки, второй, помедленнее, составляли огромные, запряженные быками телеги, нагруженные пестрым скарбом, а по западному краю дороги шли люди, катившие перед собой ручные тележки.

— Эта дорога ведет к долинам Тумладена и Лоссарнаха, а потом, через горные деревни, в Лебеннин, — сказал Берегонд. — Туда мы отправляем последние повозки — на них старики и женщины с малыми детьми. К полудню в Городе и на лигу вокруг не должно оставаться никого лишнего. Таков приказ. Печальная необходимость, — он вздохнул. — Немногие из них вновь свидятся с родными. В Городе и всегда-то было мало детей, а теперь почти совсем нет. Только ребята постарше, которые сами не захотели уехать. Они могут понадобиться здесь. Мой сын тоже остался.

Пиппин с тревогой посмотрел на восток.

— Что это там? Еще один город?

— Это руины Осгилиата. Когда-то это была наша столица. Враг сжег его, потом Врага выбили и восстановили мост — Денетор, тогда еще молодой, хотел устроить там форпост, а потом из Минас Моргула появились Жуткие Всадники...

— Черные Всадники? — переспросил Пиппин, и глаза его заполонил пережитый страх.

— Они и вправду черные, — кивнул Берегонд. — А ты, похоже, о них знаешь?

— Да. Только говорить не хочу так близко от... — Он запнулся, взглянув за Реку. Ему показалось, что над равниной нависла призрачная угрожающая тень. Может, это зубчатые пики гор темнели вдали, может, всего лишь стена облаков, но за ними чувствовался глубокий мрак. Хоббиту почудилось, что тень растет и сгущается, медленно, очень медленно, но все-таки поднимаясь и закрывая ясные земли.

— Близко от Мордора? — закончил за него Берегонд. — Да, это он. У нас тоже не любят произносить это название, но его тень давно нависла над нами. Иногда она слабее и дальше, иногда — гуще и ближе. Сейчас она растет, растут и наши тревоги. Меньше года назад Жуткие Всадники отбили переправы. Там полегло много наших лучших воинов. Боромир в конце концов выбил врагов с западного берега, и мы пока еще удерживаем половину Осгилиата. Боюсь, ненадолго. Похоже, там скоро начнется еще одна битва, может, самая главная в грядущей войне.

— А когда, как ты думаешь? — спросил Пиппин. — Я прошлой ночью видел гонцов и сигнальные огни; Гэндальф сказал — это знак, что война началась. Он спешил отчаянно. А сейчас все словно опять притихло.

— Просто все наготове, — сказал Берегонд. — Знаешь, бывает затишье перед бурей...

— А почему тогда огни жгли прошлой ночью?

— Слишком поздно посылать за помощью, когда ты уже в осаде. Я, конечно, не знаю, что думают Денетор и его советники. Вести доходят разными способами. Правитель Денетор прозорлив. Говорят, по ночам, в высоком покое Башни, он силой мысли прозревает грядущее, временами он даже мысленно бьется с Врагом. Поэтому он и состарился до времени. Сейчас все ждут вестей от моего начальника, Фарамира. Он ушел за Реку с опасным поручением.

А вчера вечером были получены вести из Лебеннина. К устью Андуина идет флот умбарских пиратов. Они долго не решались испытать мощь Гондора, а теперь заключили союз с Врагом и готовы нанести удар. Это нападение отвлечет тех, на чью помощь мы рассчитывали в Лебеннине и в Белфаласе, так что нам остается только надежда из Рохан. Хорошо, что ты принес весть об их победе.

И все же, — он помолчал, — события в Изенгарде дают понять: мы опутаны хитростью Врага. Потасовки у Бродов, вылазки в Итилиене и в Анориене — пустяки. Началась настоящая, давно задуманная война, и мы в ней — не самая главная цель, как до сих пор казалось гордому Гондору. На востоке, за внутренним морем, началось движение, и на севере, в Сумеречье, и на юге, в Хараде. Теперь все страны ждет испытание — устоят они или падут... под Тень.

Но все-таки, мастер Перегрин, нам выпала честь вызвать главную ненависть Темного Властелина, ибо ненависть эта

идет из глубины времен. Сюда будет направлен самый тяжелый удар. Потому и Митрандир примчался в такой спешке. Если падем мы, кто устоит? Скажи, благородный Перегрин, ты веришь, что мы выстоим? — неожиданно спросил Берегонд.

Пиппин не ответил. Он поглядел на огромные стены, на башни и знамена, на солнце высоко в небе, а потом — на сгущающуюся на востоке тьму и подумал о том, какие длинные руки у этой Тени, подумал об орках в лесах и горах, о предательстве Изенгарда, о птицах с недобрым взглядом и о Черных Всадниках на тропинках Шира, и о крылатом ужасе — о назгулах. Это последняя мысль погасила надежду. И тотчас солнце на миг померкло, словно его закрыло темное крыло. Почти на пределе слуха с небесной вышины донесся крик: слабый, но леденящий сердце, жестокий и холодный. Пиппин, мгновенно побледнев, прижался к стене.

— Что это? — тревожно спросил Берегонд.

— Это гибель, — дрожа, отвечал Пиппин. — Это — тень рока. Черный Всадник, получивший крылья.

— И правда, тень рока, — поежился Берегонд. — Боюсь, что Минас Тирит падет. Я вдруг заледенел весь.

Но с высоты уже снова светило солнце, и постепенно они успокоились.

— Рано отчаиваться, — встряхнулся Пиппин. — Гэндальф вон тоже погиб, но вернулся же. Может, и мы устоим, хоть на одной ноге.

— Верно сказано! — Берегонд вскочил и заходил взад-вперед. — Хоть бы все рухнуло разом, Гондор так сразу не возьмешь. Пусть стены захватят, так есть другие, есть и еще крепости и тайные тропы, что ведут в горы. Надежда и память все равно будут жить в какой-нибудь неприметной долине с зеленой травой.

— По мне, чем бы оно ни кончилось, лишь бы побыстрее, — сказал Пиппин. — Я совсем не воин и не люблю даже думать о битвах, но сидеть и ждать, когда от тебя ничего не зависит, — хуже всего! Какой сегодня долгий день! Это затишье мучает меня. Невыносимо стоять и ждать. Я думаю, если бы не Гэндальф, в Рохане до сих пор все еще выжидали бы.

— Ты верно заметил, — сказал Берегонд. — Это многие чувствуют. Но подожди, вот вернется Фарамир, и все пойдет по-другому. Он храбрый, куда отважнее, чем думают многие. Просто теперь люди почему-то не верят, что вождь может одновременно и разбираться в свитках знания, и понимать в музыке, как он, а при этом быть еще и отважным, решительным воином. Но Фарамир именно таков. Не столь безрассудный, как Боромир, но и не менее решительный. Хотя, — засомневался Берегонд, — что же сделает Фарамир? У нас нет сил ударить

первыми. Мы можем только ответить ударом на удар. Но наш удар будет тяжелым! — Он воинственно пристукнул ножнами о каменные плиты.

Пиппин поглядел на него: высокий, благородный, как все люди, встреченные им в этой стране, а теперь, при мысли о сражении, глаза гондорца воинственно сверкнули.

«А мои руки слабее слабого, — подумал Пиппин. — Как там Гэндальф говорил? Пешка? Да еще не на своем поле!»

В полдень ударил колокол, сзывая воинов на обед.

— Пойдем к нам, — пригласил Пиппина Берегонд. — Еще неизвестно, в каком отряде ты будешь. А может, и вовсе останешься при Правителе. Но у нас в отряде тебе будут рады, а друзья еще никому не мешали.

— Спасибо, — поблагодарил Пиппин. — По правде сказать, мне пока одиноко здесь. Мой лучший друг остался в Рохане. Ни поговорить, ни посмеяться не с кем. А может, я останусь в твоем отряде? — с надеждой спросил он. — Возьми меня к себе, а?

— Я же не начальник, — рассмеялся Берегонд, — простой воин третьего отряда Цитадели. Правда, и это немало. Воинов Цитадели в Городе уважают.

— Значит, это тоже не для меня, — вздохнул Пиппин. — Зайдем сначала ко мне и, если Гэндальф еще не вернулся, я пойду с тобой... как гость.

Однако Гэндальф не возвращался, и Берегонд повел хоббита в свой отряд. Пиппина приняли с большим почетом. Все уже знали о его длительной беседе с Денетором. В отряде ходили слухи о князе, прибывшем с далекого севера с пятитысячным войском и предложением военного союза. А некоторые говорили, что на подходе войска Рохана, и каждый из Всадников везет в седле по отважному и свирепому в бою полурослику.

Пиппин, хоть и с сожалением, опроверг эти россказни. Но от княжеского титула ему избавиться не удалось. «В самом деле, — рассуждали многие, — другу Боромира и личному гостю Правителя приличествует титул никак не меньше князя». Пиппина благодарили за приезд, а его рассказы о дальних странах и удивительных приключениях слушали так, что он едва не забыл совет Гэндальфа попридержать язык. Гэндальф хорошо знал хоббитов.

Уходя на пост, Берегонд посоветовал Пиппину найти в Нижнем ярусе его сына, Бергиля.

— Он покажет тебе Город. Сходите с ним к Большим Воротам, пока они не закрылись, — посоветовал он.

Берегонд ушел. Вскоре разошлись и остальные.

Денек был хорош, разве что жарче, чем обычно в марте на юге. Пиппина потянуло в сон, но возвращаться в пустую комнату не хотелось, и он решил спуститься вниз, навестить коня. Он прихватил немножко сахару, прибереженного для Сполоха, и тот принял угощение с радостью, а до этого стоял, понурив голову. Потом извилистыми улочками Пиппин двинулся вниз.

На него глазели. Встречные воины были торжественно учтивы, приветствуя его, по обычаю Гондора, поклоном и особым жестом. Позади он слышал возгласы: гондорцы звали других взглянуть на Князя Полурослико в, спутника Митрандира. Говорили не только на Всеобщем языке, но Пиппин быстро усвоил, что означает *Эрнил и Перианнат*, и понял, что от этого титула в Городе он уже не отделается.

Наконец он спустился переходами и мостовыми в нижний, самый широкий ярус, и там ему указали улицу Фонарщиков. На ней он отыскал старый Гостиный Двор, о котором говорил Берегонд, — огромное строение из серого выветренного камня, а за ним — еще один дом с множеством окон. По всему фасаду тянулось крыльцо с колоннами. Между ними играли мальчишки — первые дети, которых Пиппин увидел в Минас Тирите. Он остановился, разглядывая их. Один из мальчишек заметил его взгляд, бросил игру и выбежал на улицу. Теперь он стоял перед Пиппином, рассматривая его как диковинку.

— Привет! — сказал парнишка. — Ты откуда? Ты в Городе чужой.

— Был, — ответил Пиппин. — Говорят, я теперь воин Гондора.

— Да ладно, — неуверенно улыбнулся паренек. — Тогда мы все тут воины. А лет тебе сколько и звать как? Мне вот уже десять, и скоро во мне будет пять футов. Я выше тебя. У меня отец в Страже, он там выше всех. А твой отец кто?

— С чего начинать? — улыбнулся Пиппин. — Мой отец возделывает землю вокруг Белых Ключей около Тукборо в Шире. Лет мне двадцать девять, тут я тебя обогнал, а вот росту во мне всего четыре фута, и больше, пожалуй, не вырасти, разве что в ширину.

— Двадцать девять! — присвистнул его собеседник. — Так ты взрослый совсем. Как мой дядя. А спорим, я смогу тебя на уши поставить или на лопатки положить.

— Может, и сможешь, — рассмеялся Пиппин, — если я разрешу. А может и наоборот оказаться. Знаешь, в моей маленькой стране есть всякие хитрые приемы. А там, сказать по правде, я считаюсь большим и сильным; и я сроду не позволял никому ставить себя на уши. Вот станешь постарше — узнаешь, что по виду да росту не всегда можно судить. Ты принял меня за рохлю-чужеземца, а я — полурослик, сильный, отчаянный и свирепый!

Пиппин скорчил такую рожу, что мальчишка невольно отступил на шаг, но тут же сжал кулаки.

— Да нет! — расхохотался Пиппин. — Мало ли что чужестранцы про себя наплетут! Я не боец. Но во всяком случае, нападающему не мешало бы представиться.

Мальчик гордо выпрямился.

— Я — Бергиль, сын Стража Берегонда!

— Так я и думал, — кивнул Пиппин. — Ты похож на отца. Это он послал меня, чтобы тебя разыскать.

— Что ж ты сразу не сказал! — воскликнул Бергиль и вдруг схватил хоббита за руку. — Только не говори, что он передумал и отправляет меня с женщинами! Да нет, последние повозки ушли ведь.

— Мои вести не настолько плохи, — успокоил его Пиппин. — Отец просил тебя показать мне Город и скрасить мое одиночество, вместо того чтобы ставить на уши. А я бы взамен рассказал тебе о дальних странах.

Бергиль захлопал в ладоши и рассмеялся.

— Конечно! — вскричал он. — Пойдем! Мы все равно собирались к Воротам, поглядеть. Пойдем сейчас.

— А что там?

— До заката по Южной дороге должны подойти вожди окрестных земель. Пошли с нами, увидишь.

Бергиль оказался хорошим товарищем, и скоро они уже бродили по улицам, болтая и смеясь, не обращая внимания на удивленные взгляды. У Больших Ворот авторитет Пиппина в глазах Бергиля вырос необыкновенно. Пиппин назвал пароль, а потом назвался сам. Страж почтительно приветствовал его и не только пропустил самого Пиппина, но и позволил пройти и товарищу знатного чужеземца.

— Вот здорово! — восхитился Бергиль. — Мальчишкам ведь не разрешают больше выходить за Ворота без старших. Теперь мы все увидим.

Перед Воротами собралась толпа. Как только хоббит с мальчиком протолкались в первые ряды, послышались звуки труб и крики:

— Форлонг! Друг Форлонг!

— О ком они? — спросил Пиппин.

— Форлонг пришел, — объяснил Бергиль, — старый Форлонг Толстяк, правитель Лоссарнаха. Я оттуда родом. Вот он, старина Форлонг!

Во главе отряда неторопливо вышагивал мохнатый битюг, на нем восседал человек (о таких говорят: поперек себя шире), старый, седой, но в кольчуге, черном шлеме и с длинным тяжелым копьем. За ним стройными рядами шли запыленные воины в полном вооружении, с огромными боевыми топорами, суровые и коренастые. Они были смуглее гондорцев.

Среди приветственных криков слышались горькие голоса: «Их так мало! Всего двести воинов! А мы ждали никак не меньше двух тысяч. Это из-за пиратов! Одно название осталось от мощи Лоссарнаха. Ну, да нам каждая кроха ценна!»

Отряд Форлонга вошел в Город, а к Воротам уже подходили новые войска. Южные провинции шли на помощь Городу в грозный час, но слишком малы были их отряды, меньше, чем ждали и чем требовалось в нужде. Людей из долины Рингло возглавлял сын предводителя, Дерворин. Три сотни пеших. Из верховий Мортонда, Долины Черных Корней, высокий Дуинхир с сыновьями, Дуилином и Деруфином, привел пять сотен лучников. Из Анфаласа, с дальнего взморья, пришел разношерстный народ: охотники, пастухи, крестьяне из маленьких деревушек, кое-как вооруженные, и дружина их правителя Голасгила. Из Ламедона — всего несколько угрюмых горцев без вожака. Шли рыбаки Этира — несколько сотен. Хирлуин Прекрасный с зеленых холмов Пиннат Гелина ехал во главе трех сотен благородных воинов в зеленом. Последним явился самый достойный из всех — Имрахиль, князь Дол Амрота, родич Денетора. На позолоченных знаменах красовался знак Корабля и Серебряного Лебедя; за ним следовал отряд рыцарей в полном вооружении на серых конях и семь сотен воинов, высоких, сероглазых и темноволосых. Они шли и пели.

Вот и все. Меньше трех тысяч в общей сложности. Больше ждать было некого.

Топот, пение, боевые кличи, звуки рогов постепенно затихали. Любопытные постояли еще немного. В неподвижном воздухе висела кисея пыли. Солнце склонялось за Белые Горы, и на Город ложились вечерние тени. Близилось время закрытия Ворот.

Пиппин взглянул в небо. Закатные лучи с трудом пробивались сквозь дымный, пепельно-серый воздух. Краски были багровы и угрюмы.

— Какое гневное небо! — пробормотал хоббит, забыв о своем спутнике.

— Точно. Если я не приду вовремя, гнева будет хоть отбавляй, — отозвался Бергиль. — Идем. Ворота уже закрывают.

Они последними вошли в Город, когда в окнах уже зажигались огни, а на башнях печально звонили колокола.

— До свиданья, — попрощался Бергиль. — Увидишь отца — поблагодари его от меня за нового друга. И приходи завтра опять. Мне уже почти хочется, чтобы не было войны, вот бы мы тогда весело зажили! Сходили бы в Лоссарнах, к моим родичам — там хорошо весной! А может, мы туда еще и попадем. Не победить им нашего Правителя, и отец у меня отважный! До свиданья! Обязательно завтра приходи.

Они расстались в Нижнем Городе, и Пиппин поспешил в Цитадель. Быстро темнело. Идти было далеко, он устал и проголодался и вдобавок опоздал к ужину. Берегонд обрадовался его приходу, поделился своим пайком и стал расспрашивать о сыне, но Пиппин торопился домой. На сердце у него было неспокойно. Хотелось повидаться с Гэндальфом, который все знает и рядом с которым ничего не страшно.

Они вышли на улицу. В небе не было ни звездочки, и Город затопила темень.

— Ты найдешь дорогу? — забеспокоился Берегонд.— Нам приказано не зажигать огня в домах и на стенах. Да, чуть не забыл! Утром тебя призывает Денетор. Похоже, в третий отряд ты не попадешь. Ну, да как-нибудь увидимся. Прощай, друг! Доброй ночи!

В комнате, куда наконец добрался Пиппин, было темно, но на столе горел маленький светильник. Гэндальфа опять не было, и от этого тревога и грусть Пиппина только возросли. Он выглянул в окно — все равно что в чернильницу заглянул. Тогда ему пришло в голову закрыть ставни. Стало немного уютней, он лег и долго прислушивался — не идет ли Гэндальф, да так и уснул. А среди ночи проснулся и увидел мага, меряющего шагами комнату. На столе, среди свитков пергамента, горели свечи. Пиппина разбудило бормотание, но он услышал только, как Гэндальф, тоскливо вздохнув, сказал:

— Когда же вернется Фарамир?

— Ты пришел! — радостно воскликнул хоббит, поднимаясь. — Это хорошо, а то я думал, не забыл ли ты про меня. Такой длинный день был...

— Зато ночь будет короткой,— проворчал Гэндальф.— Я пришел подумать в тишине. Спи, пока еще спишь в постели. На рассвете мы идем к Денетору. Хотя что я говорю! Рассвета не будет. Наступил Великий Мрак!

Глава 2
ВЫБОР АРАГОРНА

Когда стих топот копыт Сполоха, уносящего Гэндальфа и Пиппина, Мерри вернулся к Арагорну. Сумку свою он потерял еще в Порт Галене, собирать было нечего — так, кое-какие полезные мелочи с развалин Изенгарда. Леголас и Гимли ожидали только сигнала тронуться в путь.

— Нас осталось четверо, — сказал Арагорн. — Мы будем вместе, но пойдем не одни. После этого крылатого ужаса король решил выступать немедля и возвращаться к холмам под прикрытием ночи.

— А потом куда? — спросил Леголас.

— Еще не знаю. Правитель отдал приказ войскам собраться в Эдорасе на четвертую ночь после этой. Там, я думаю, его

ждут вести о войне, и Всадники Рохана двинутся к Минас Тириту. Но у меня другая дорога.

— Я с тобой, — тут же сказал Леголас.

— И я тоже, — отозвался Гимли.

— Мой путь еще темен для меня, — задумчиво ответил Арагорн. — Кажется, наступает час, к которому я готовился всю жизнь. Нам тоже нужно попасть в Минас Тирит, но каким путем мы придем туда, я еще не решил.

— А я? — подал голос Мерри. — До сих пор от меня было немного толку, но я все-таки не какая-нибудь безделушка. Всадникам не до меня, хотя их Правитель и обещал, что мы поговорим с ним о Шире после возвращения.

— Мне видится, что ты должен идти с ним, Мерри, — сказал Арагорн. — И не рассчитывай на веселую прогулку! Теодену долго еще не сидеть в покое Золотых Палат. Немало надежд иссякнет этой горькой весной!

Они отправились затемно. Теоден, с ним двадцать два Всадника, Леголас с Гимли и Арагорн с Мерри. Уже переправившись через Изен, они услышали за спиной топот. Их нагнал Всадник из арьергарда.

— Повелитель, — доложил он. — Нас настигает конный отряд. Мы слышали их от самой переправы, скоро они будут здесь.

Теоден приказал остановиться. Всадники развернулись и взялись за копья. Арагорн тотчас спрыгнул с коня и с мечом в руках встал у стремени правителя. Йомер со своим оруженосцем быстро выдвинулись вперед. Мерри опять остался не у дел и острее прежнего ощутил свою никчемность. Держа в поводу коня Арагорна, он думал, как быть, если на них нападут.

— Будь что будет, — решил он, обнажил меч и поправил пояс.

Заходящую луну заслонило большое облако, а когда снова просветлело, все явственно услышали топот коней и различили темные фигуры, быстро приближавшиеся по тропе от Бродов. Лунный свет поблескивал на копьях. Их было, во всяком случае, не меньше, чем в королевском отряде.

До них оставалось шагов тридцать, когда Йомер властно прокричал:

— Кто вы и что вам нужно в Рохане?

Чужой отряд остановился. Наступила тишина. Один из всадников спешился и медленно двинулся вперед. Он протянул руку ладонью вверх — это был знак мира. Не доходя шагов десяти, человек остановился. Он был высок ростом, и голос его звучал ясно.

— Рохан? Так вы сказали? Приятно слышать! Сюда и торопились мы издалека.

— Вы вступили на земли Рохана, когда пересекли Броды, — сказал Йомер. — Но здесь правит король Теоден, и воины пере-

двигаются только с его позволения. Кто вы и почему торопитесь?

— Я — Хальбарад, Следопыт с севера, — ответил человек. — Нам нужен Арагорн, сын Арахорна. Я знаю, что он должен быть в Рохане.

— Хальбарад! — вскричал Арагорн и, бросившись к предводителю отряда, крепко обнял его. — Хальбарад! Из всех неожиданностей ты — самая приятная!

Мерри перевел дух. Отдавать жизнь, защищая Теодена, можно было подождать. Он вложил меч в ножны.

— Все в порядке. — Арагорн повернулся к отряду Короля. — Это мои люди. Но сколько их и почему они пришли, лучше расскажет мой верный друг Хальбарад.

— Со мною тридцать человек. Столько, сколько удалось собрать, — ответил Хальбарад. — С нами Элладан и Элрохир, сыновья Элронда. Мы выступили, как только узнали, что тебе нужна помощь.

— Но я не просил помощи, — удивился Арагорн, — хотя в мыслях я часто обращался к вам, друзья, но вестей не посылал. Однако вы здесь, и я очень этому рад. Сейчас мы спешим, нам угрожает опасность. Правитель, — обратился он к Теодену, — позвольте им ехать с нами.

— Хорошо, — сказал Теоден, и было видно, что он доволен. — Если ваши люди хоть немного похожи на вас, благородный Арагорн, то тридцать таких витязей — это не просто тридцать человек. В путь!

Теперь они скакали вместе. Арагорн расспрашивал вновь прибывших о новостях. Элрохир сказал:

— Отец велел передать тебе: «Срок близок. Если придется спешить, вспомни о Тропах Мертвых».

— Я никогда не медлил, — ответил, помрачнев, Арагорн. — Но как же надо спешить, чтобы отважиться на этот путь!

— Об этом предстоит подумать, — отозвался Элрохир, — но не сейчас, посреди дороги.

— Да, — кивнул Арагорн и после некоторого молчания спросил: — Хальбарад, что это у тебя? Для копья велико...

— Подарок тебе от Девы Имладриса, — ответил Хальбарад. — Долго и втайне от всех трудилась она над ним и передает со словами: «Сроки истекают. Теперь или никогда. Возьми то, что принадлежит тебе. Добрый путь, Эльфинит!»

— Да, — опять сказал Арагорн, — я знаю, что это. Пусть будет у тебя.

Дальше он скакал молча, неотрывно глядя на север, где в ночном небе горели крупные звезды.

На рассвете они прибыли в крепость Хорне. После отдыха было решено собрать совет.

Гимли и Леголас с трудом разбудили Мерри.

— Солнце высоко, — тормошил хоббита эльф. — Вставай, лежебока, все давно на ногах, оглядись вокруг!

— Три ночи назад здесь была битва, — сказал Гимли. — Мы с Леголасом состязались, и я отыграл у него одного орка. Иди, глянь, как все было! А пещеры тут, Мерри, диво что за пещеры! Леголас, может, прямо сейчас и сходим туда?

— Времени нет, — отозвался эльф. — На чудеса второпях не смотрят. Я же обещал тебе вернуться, если снова настанут мирные дни. А сейчас дело к полудню. Надо успеть поесть. Мы скоро выступаем.

Мерри неохотно поднялся, зевая во весь рот. Он не выспался. Пиппина не было, не с кем было отвести душу, и он снова почувствовал себя обузой. Чтобы как-то сменить настроение, он поинтересовался, где Арагорн.

— Он наверху, в башне, — ответил Леголас. — Всю ночь не спал, думает, — озабоченно добавил он. — С ним его родич, Хальбарад. Что-то заботит нашего Колоброда.

— Удивительные они люди, эти дунаданы, — заметил Гимли. — Угрюмые. Слова лишнего не скажут. Роханские Всадники рядом с ними кажутся беспечными мальчишками.

— Но говорят учтиво, — сказал Леголас. — Жаль только — мало. А вы обратили внимание на Элладана и Элрохира? Они не так мрачно выглядят. Красота, изящество — настоящие эльфийские князья. Сразу видно сыновей Элронда из Дольна.

— А почему они приехали, я так и не понял, — признался Мерри. Он уже оделся, накинул плащ, и теперь они втроем направлялись к разбитым воротам.

— Ты же слышал, их позвали на помощь, — сказал Гимли. — Они говорили: в Дольне узнали, что Арагорну нужна помощь, вот дунаданы и отправились к нему в Рохан. А как узнали — неведомо. Должно быть, от Гэндальфа.

— Нет, это — Галадриэль, — заявил Леголас. — Помните? Она ведь сообщила через Гэндальфа о Сером Отряде с севера.

— Так и есть, — важно кивнул Гимли. — Владычица Леса! Она читает в сердцах и в мыслях. Может, и нам пожелать на подмогу наших родичей, а, Леголас?

Эльф стоял в воротах и смотрел на северо-восток. Лицо его было встревожено.

— Им нет нужды идти на войну, — ответил он. — Она сама пришла к ним.

Друзья прошлись по крепости, вспоминая недавние события, спустились к разбитым воротам, прошли мимо свежих курганов у дороги и помянули павших, потом остановились у вала, разглядывая следы, оставленные хуорнами, и высокий, засыпанный черными камнями Холм Смерти. В полях и на

разрушенном валу кипела работа: там были и дунгарцы, и воины из Хорне.

Побродив некоторое время в долине, странно тихой после недавних событий, друзья вернулись в крепость. Теоден, узнав об их приходе, тут же призвал Мерри, усадил его рядом и сказал:

— Конечно, это не дворец, который я обещал вам. Но до Эдораса далеко, и мы не скоро вернемся туда. Значит, с пирами придется подождать. Сейчас есть время, вот угощение, поговорим же, а потом — в путь!

— И я с вами? — воскликнул обрадованный Мерри. Он был очень благодарен Правителю за ласковые слова. — Я только мешаю всем, — удрученно добавил он, — но буду стараться сделать все, что могу.

— Я не сомневаюсь в этом, любезный Мериадок, — ответил старый Правитель, — я даже велел приготовить для вас подходящую лошадку. Она хоть и невелика ростом, но на том пути, которым мы пойдем, не уступит другим коням. Мы вернемся в Эдорас по горным дорогам, через Дунхарг, где меня ждет Йовин. Я предлагаю вам сопровождать меня в качестве личного оруженосца. Вы согласны?

Мерри только взволнованно кивнул.

Правитель, обращаясь к Йомеру, спросил:

— Найдется ли у нас подобающее вооружение?

— Конечно, больших складов здесь нет, — отвечал Йомер, — но легкий шлем можно подобрать. А вот с мечом и кольчугой вряд ли что получится.

— Меч у меня есть, — сказал Мерри, обнажая свой нуменорский клинок. Повинуясь внезапному порыву, он опустился на колено и взволнованно сказал: — Великий Теоден! Прошу тебя, прими под свои знамена меч Мериадока из Шира вместе с его жизнью!

— Принимаю охотно, — ответил старый Правитель, кладя руку на голову хоббита. — Встань, Мериадок, щитоносец Рохана! Пусть твоему мечу сопутствует удача!

Мерри встал и, сдерживая слезы в голосе, проговорил:

— Вы для меня стали отцом, Правитель!

— Жаль только, ненадолго, — грустно ответил Теоден.

Их беседу прервал Йомер.

— Пора ехать, Правитель. Я прикажу подать сигнал к походу. Только где же Арагорн? Я не видел его за столом.

— Да, пора ехать, — поднимаясь, сказал Теоден. — Найдите благородного Арагорна и напомните ему об отъезде.

Сопровождаемый свитой, он вышел вместе с Мерри из крепости. Правителя уже ждал многочисленный отряд Всадников. В крепости оставался только небольшой гарнизон. Около тысячи копейщиков выступили ночью. К месту сбора в Эдорасе

Теодена сопровождало еще пятьсот воинов, по большей части — жители долин и предгорий Вестфолда.

Поодаль, небольшой группой, молчаливые, хорошо вооруженные, располагались люди Хальбарада. Их оружие и одежда были попроще, чем у Всадников, и одеты они были в простые темно-серые дорожные плащи. Лишь на плече у каждого тускло мерцала пряжка в виде серебряной многолучевой звезды.

Теоден сел на коня, и в это время из ворот вышли Йомер, Арагорн и Хальбарад с древком в черном чехле. За ними, неразличимо похожие, шли сыновья Элронда: высокие, темноволосые, сероглазые, в блестящих кольчугах и серебристых плащах. Следом шагали Леголас и Гимли.

Мерри, сидевший на низкорослой лошадке рядом с Правителем, не мог отвести удивленного взгляда от Арагорна. За одну ночь Колоброд словно постарел на много лет. Он выглядел мрачным и измученным.

— Я смущен духом, благородный Теоден,— произнес он, подойдя к Королю.— Странные слова слышал я и грозные опасности видел. Мои планы приходится менять. Скажите, когда вы будете в Дунхарге?

— Сейчас полдень,— ответил за Правителя Йомер,— если мы выступим без промедления, то к вечеру третьего дня будем там. Сбор отрядов назначен на следующий день. Нам нужно собрать все силы, быстрее этого не сделать.

— Через три дня войска начнут собираться... и быстрее этого не сделать...— пробормотал Следопыт.— Повелитель,— обратился он к Теодену, видимо, приняв какое-то решение,— я прошу позволить моему отряду выбрать свой путь. Мы не будем больше скрываться и пойдем на восток кратчайшей дорогой — Путем Мертвых.

При этих словах Теоден вздрогнул. Видно было, что они поразили и Йомера, а Мерри показалось, что Всадники, стоявшие поблизости, побледнели.

— Насколько я знаю,— медленно проговорил Теоден,— никому из смертных не удавалось воспользоваться этой «кратчайшей» дорогой...

— Ах, Арагорн,— горестно вздохнул Йомер,— я думал, что в бою мы будем биться плечом к плечу. Но если ты выбрал Путь Мертвых, значит, пришел час прощания. Едва ли мы встретимся снова под солнцем.

— Не только встретимся, благородный Йомер,— твердо ответил Следопыт,— но и будем вместе в битве, пусть хоть все силы Мордора встанут между нами. Выбор сделан, и время не ждет.

— Вы вольны в своих поступках,— печально произнес Теоден.— Может быть, такова ваша судьба — проходить там, где не пройдет никто. Разлука огорчает меня, а в предстоящей битве вы и ваш Андрил умножили бы наши силы... Но, видно, не суждено. Теперь я тем более должен спешить. Прощайте!

— Прощайте, повелитель,— ответил Арагорн.— Да приведет ваш путь к славе! Прощай, Мерри, ты остаешься в надежных руках, я не беспокоюсь за тебя больше. Гимли и Леголас идут со мной, но мы не забудем о тебе. Не забывай и ты нас. Прощай!

Мерри едва сумел вымолвить ответное «прощай!». Ему было нестерпимо жаль расставаться с Колобродом, но слова «Путь Мертвых» словно придавили его к земле, он снова почувствовал себя маленьким и остро пожалел, что рядом нет веселого, неунывающего Пиппина. Кони под всадниками нетерпеливо перебирали ногами, и Мерри хотелось, чтобы поход начался, лишь бы не длить тяжести прощания.

Наконец, после короткого приказа Теодена, Йомер взмахнул рукой, и отряд всадников двинулся вперед. Вскоре они уже скрылись за поворотом. Арагорн со стены вала долго глядел им вслед. Спустившись, он подошел к Хальбараду.

— Я проводил троих очень близких друзей, Хальбарад, и меньшего из них я люблю ничуть не меньше других. Он не догадывается даже, к какой судьбе скачет, но если бы и догадался, то все равно не повернул бы коня.

— Насколько я успел узнать хоббитов,— отозвался Хальбарад,— они отважны и слово «долг» им знакомо. Мне не жаль сил, потраченных на охрану границ Шира, хотя хоббиты и не знают о наших трудах.

— Мы сроднились с ними,— задумчиво проговорил Арагорн,— но вот, пришлось расстаться. Пора и нам. Сначала — обед, а потом — в путь! Леголас, Гимли, нам нужно поговорить.

Однако за столом Арагорн долго молчал.

— Успокойся,— участливо сказал Леголас,— к чему печалиться? Что такое стряслось со времени нашего прибытия?

— Мне пришлось выдержать битву пострашнее недавней,— хмуро ответил Арагорн.— Я воспользовался Камнем Ортханка, друзья.

— Ты смотрел в этот проклятый камень?! — ужаснулся Гимли.— Но ведь даже Гэндальф опасался этого! И ты... ты сказал что-нибудь Врагу?

— Ты забываешь, с кем говоришь! — глаза Арагорна сверкнули.— Что, по-твоему, я должен был сказать ему? Что охотно обменял бы одного дерзкого гнома на смирного орка? — Лицо его стало мягче, и на нем еще отчетливее проступили следы усталости.— Нет, добрый Гимли, я ничего не сказал Врагу. Камень мой по праву, и у меня достаточно сил, чтобы пользоваться им,— так я думал, во всяком случае. Но если право мое бесспорно, то вот сил едва хватило.— По лицу Следопыта прошла судорога.— Борьба была страшной, но я не только не сказал ему ничего, но и вырвал Палантир из-под его власти. Это удар для него, и сильный удар. А еще — Враг видел меня. Да, достойный Гимли, он видел меня, но не в том обличье, в котором я знаком вам... До сих пор он не знал о моем существо-

вании, и это — второй удар. Саруман в Ортханке видел просто человека в роханских доспехах, но Саурон не забыл ни Исилдура, ни его Нарсил, и вот теперь, в трудный для него час, он узрел потомка Исилдура, увидел Андрил и узнал этот меч. Как ни велико его могущество, но и ему знаком страх, и его вечно снедают тревоги.

— Но он очень силен, — сказал Гимли, — и теперь не замедлит с ударом.

— Кто спешит, тот рискует промахнуться, — ответил Арагорн. — Мы не будем ждать, пока он начнет, мы ударим сами. — Следопыт помолчал и сказал уже спокойнее: — Подчинив Камень Ортханка своей воле, я узнал немало. Я видел, что Гондору угрожает с юга новая опасность. Если не предотвратить ее, Гондор не выстоит и десяти дней.

— Значит, он падет, — скорбно произнес Гимли. — Кого послать на помощь и как она успеет?

— Послать некого, это верно. Значит, придется идти самому. А что до времени, то к побережью ведет короткий путь, и воспользоваться им не поздно. Это — Путь Мертвых.

— Путь Мертвых... — вздрогнув, повторил Гимли. — Я уже слышал сегодня эти слова и видел, что Всадникам они не по душе. Похоже, эта дорога не для простого смертного. Но если даже ты пройдешь по ней, что может сделать горстка воинов против мощи Мордора?

— Смертные не пользовались этой дорогой после прихода рохирримов, — промолвил Арагорн, — она закрыта для них. Но в темный час судьбы наследник Исилдура, если осмелится, сможет одолеть ее. Слушайте, что передает мне Элронд через сыновей: «Пусть Арагорн помнит о словах прорицателя и Пути Мертвых».

— А ты знаешь, что это за слова? — спросил Леголас.

— Да. Мальбет Прорицатель во дни Арведуи, последнего короля Форноста, сказал:

Тень покрывает великие земли
Крыльями мрака от края до края.
Тьма у могил... Содрогается замок...
Близится время подняться умершим:
Клятвопреступников час наступает.
Эреха камень опять соберет их
Вместе по звуку звенящего рога.
Кто обладатель священного рога?
Кто созовет их у Черного Камня?
Тот, чьему предку служили неверно
Люди, забытые в сумерках серых,
Тот, кто откроет забытые двери,
Тот, кто проследует Тропами Мертвых...

— О темных вещах ты говоришь, — сказал Гимли, — только эти слова для меня еще темнее.

— Если хочешь разобраться, приглашаю тебя с собой, — сказал Арагорн, — ибо я выбираю именно этот путь, выбираю без всякой радости, а только потому, что так должно. Тяжкий труд и великий страх, а может быть, и что-нибудь похуже сулит он, поэтому я не прошу вас идти со мной...

— Я пойду с тобой даже Тропами Мертвых! — пылко воскликнул Гимли.

— Я тоже, — поддержал его Леголас. — Я не боюсь мертвых.

Гимли уже овладел собой.

— Надеюсь, забытые люди не забыли, как сражаться, — проворчал он. — Иначе я не вижу, чего ради их беспокоить!

— Об этом мы узнаем, если придем к Эреху, — сказал Следопыт. — Когда-то эти люди поклялись сражаться против Саурона, и им придется сдержать обещание. На вершине Эреха стоит Черный Камень. Исилдур принес его из Нуменора. На этом камне Король горцев поклялся в преданности моему предку, когда создавалось княжество Гондор. Саурон вернулся, мощь его начала расти, и тогда Исилдур напомнил горцам о данном обещании. Но Тьма уже делала свое дело, и горцы отказались выступить против Врага. Тогда и сказал Исилдур Королю горцев слова, которые помнят у нас на Севере: «Ты будешь последним Королем этого народа. Запад сильнее твоего Черного Владыки. Я проклинаю тебя и твой народ: да не будет вам в мире покоя, покуда не исполните своей клятвы. Ибо несчетные годы будет длиться эта война, и однажды вас призовут снова». Гнев Исилдура не позволил горцам принять сторону Саурона, но и страх перед Врагом был силен. Тогда они ушли в тайные места в горах и медленно угасали в бесплодных холмах. Никто из живых больше не видит их. Но Проклятие Исилдура действовало, и с тех пор ужас Бессонных Мертвецов лежит на холме Эреха, там, где обитало раньше это гордое племя. Этим путем я и пойду, даже если останусь один.

Леголас и Гимли молча встали. У ворот крепости их ждал отряд Хальбарада. Арагорн вскочил в седло. Хальбарад огляделся, поднял большой рог и громко протрубил. Вскоре отряд исчез в облаке пыли, поднятом копытами коней.

Пока Теоден неспешно пробирался предгорьями, Серый Отряд вихрем пронесся по равнине. К полудню следующего дня они спешились в Эдорасе. После недолгого отдыха Арагорн повел своих людей к Дунхаргу.

Йовин с радостью приветствовала дунаданов и сыновей Элронда, но прибытие Арагорна вызвало у нее совсем особые чувства. За ужином он поведал ей о том, что произошло после отъезда Короля Теодена, а рассказ о сражении в Хельмовой Пади заставил заблестеть глаза прекрасной воительницы.

Выслушав, Йовин сказала:

— Вы устали, но сегодня я не ждала вас, вам придется отдыхать в наспех приготовленных покоях, зато завтра мы устроим вам настоящий прием.

— Нет, милая Йовин, — ответил Арагорн. — Завтра на рассвете нас уже не будет здесь. Ночлег и легкий завтрак на дорогу — вот все, что нам нужно. Мы спешим.

Йовин с трудом улыбнулась:

— Спасибо, что ты приехал издалека поразвлечь меня новостями.

— Чтобы развлечь тебя, любой приехал бы хоть с края света. Но меня привела сюда моя дорога.

— Должно быть, ты сбился с пути. Из этой долины нет дорог ни на восток, ни на юг.

— Следопыта трудно сбить с дороги, — устало улыбнулся Арагорн. — Я бродил по этим землям еще до того, как на них пал отсвет твоей красоты. Одна дорога есть. Моя. Меня ждет Путь Мертвых.

Йовин вздрогнула, побледнела и долго молча смотрела на Арагорна. Наконец она сказала:

— Но почему ты непременно должен искать смерти? Кроме нее, на этом пути ничего нет. «Мрак не пропустит никого из живых», — я слышала это много раз.

— Может быть, меня все-таки пропустит. Я должен попытаться. Других путей для меня нет.

— Но это же безумие, — проговорила она. — С тобой доблестные и отважные люди; лучше бы ты повел их в битву, а не во мрак. Я прошу тебя, дождись моего брата и отправляйся с ним, светлее будет у всех на сердце и ярче надежда.

— Это не безумие, госпожа, — отозвался Арагорн. — Я выбрал предназначенный мне путь. А те, что со мной, идут по доброй воле. Они могут остаться здесь и идти с рохирримами. А я пойду Тропами Мертвых, даже если придется идти одному.

Наступило долгое молчание. Йовин не сводила глаз с Арагорна. Мучительные минуты переживала она. Наконец гости поднялись, поблагодарив за заботу, и отправились в отведенные покои. Йовин окликнула Арагорна. Он обернулся. Ее белое платье мерцало в ночи, глаза блестели.

— Арагорн, ну зачем тебе этот страшный путь?

— Я ведь не по своей воле выбираю пути, Йовин. Только так я смогу совершить, что должен, в нашей борьбе с Врагом. Если бы я следовал только зову сердца, то бродил бы сейчас в прекрасных садах Дольна.

Девушка задумалась над этим ответом, потом, положив руку ему на плечо, сказала:

— Ты отважен и решителен. К таким приходит слава. Позволь мне сопровождать вас. Я не хочу больше прятаться среди холмов, меня влекут сражения и опасности.

— Долг повелевает тебе остаться с твоим народом, — ответил Следопыт.

— Слишком часто я слышу о долге! — воскликнула она. — Разве я не из рода Йорлов? Я воин, а не сиделка. Я и так долго просидела у старческих ног. Теперь Король снова в седле, так разве я не могу устраивать собственную жизнь по своей воле?

— Даже собственную жизнь надо устраивать достойно, — произнес Арагорн. — А твоему попечению король вверил людей. Если бы его выбор пал на другого, если бы на твоем месте оказался любой военачальник, что бы ты сказала, брось он людей, доверенных ему?

— Выбор и дальше будет падать на меня, — горько сказала Йовин. — И я всегда буду оставаться, когда уходят Всадники, и присматривать за домом, пока они добывают славу, и готовить еду, и стелить постели к их возвращению...

— А если они не вернутся однажды? Тогда понадобится доблесть без славы, ибо некому помнить подвиги тех последних, кто будет биться у порога дома. Но и безвестный подвиг остается подвигом.

— Опять я слышу те же слова: «Ты — женщина, твой удел — дом». А когда воины с честью гибнут в битве, тебя оставляют гореть вместе с домом, потому что мужчинам он больше не нужен. Я из дома Йорла, и я не служанка, а вот должна сидеть у очага, хотя не боюсь ни ран, ни смерти. Я с детства езжу верхом и владею оружием не хуже любого другого.

Арагорн внимательно посмотрел на нее и осторожно спросил:

— Но что же тогда страшит тебя?

— Клетка! — порывисто ответила она. — Не хочу сидеть в клетке всю жизнь, пока старость не отнимет у меня всякую надежду совершить подвиг!

— Ты рвешься к подвигам, а меня отговариваешь от них, — с шутливым упреком заметил Следопыт.

— Я не отговариваю, — горько ответила Йовин, — я хочу, чтобы твой меч принес победу и славу, и не только тебе. Доблесть нужна, но...

— Я тоже так думаю, — прервал ее Арагорн. — Оставайся здесь. Тебе нечего делать на юге.

— Как и твоим спутникам, — сказала она. — Они идут только потому, что не хотят расставаться с тобой, потому что тоже любят тебя! — С этими словами Йовин повернулась и исчезла в темноте.

На рассвете, еще до восхода солнца, Серый Отряд был готов выступить. Арагорн уже вдел ногу в стремя, но в этот момент к ним подошла Йовин. На ней была одежда Всадника, на поясе — меч, в руках — кубок. По обычаю, она отпила глоток,

желая им удачи в пути, и передала кубок Арагорну. Он тоже отпил и пожелал счастья ей и ее народу.

Леголас и Гимли, знавшие Йовин гордой и холодной наместницей Короля, с удивлением увидели слезы на ее прекрасном лице. Она смотрела только на Арагорна.

— Ты не выполнишь мою просьбу? Не возьмешь меня с собой?

— Нет, — покачал головой Следопыт. — Без согласия Правителя и твоего брата — нет. Они придут только завтра, а мне дорог каждый час. Прощай, Йовин!

Тогда неожиданно она упала на колени.

— Прошу тебя!

— Нет, — еще раз ответил он, бережно поднимая ее и целуя ей руку. Потом он вскочил в седло и не оглядывался больше. Те, кто знал его близко, видели, как тяжело у него на сердце.

Отряд скрылся. Йовин долго стояла неподвижно, глядя ему вслед, а потом, нетвердо ступая, вернулась в свой шатер. В лагере никто не видел этого прощания, все еще спали, а когда проснулись и узнали, что пришельцы уехали, с облегчением говорили друг другу:

— Вот и хорошо! Ни эльфов, ни их родичей нам не надо. И без того времена смутные.

Отряд скакал в серых сумерках, потому что солнце скрывалось за гребнями Обжитой Горы, вздымавшейся впереди. Первые волны страха захлестнули их уже в тени древних скал, на подходах к Димхольту. Там, где уступы поросли деревьями с густой черной хвоей, перед ними открылась расселина; вход в нее запирал могучий одинокий утес, вздымавшийся, словно перст судьбы.

— Кровь стынет в жилах, — пробормотал Гимли. В полной тишине голос его прозвучал мертво, как шорох хвои, покрывавшей здесь всю землю. Кони упирались и храпели. Пришлось спешиться и вести их в поводу мимо мрачного утеса. Миновав его, они оказались в узкой долине, противоположный край которой перегораживала отвесная скальная стена. Посреди нее, словно разверстая пасть, зияла Темная дверь. Широкую арку венчали смутно видимые, глубоко высеченные в скале знаки. От них на путников волнами накатывал ужас. Отряд остановился, с трепетом взирая на страшную преграду. Один только эльф был спокоен. Призрачный мир людских страхов не пугал его.

— Это дверь зла, — промолвил Хальбарад. — Я чую за ней свою смерть. И все-таки я войду. Но лошади не пойдут, я в этом уверен.

— Мы войдем все, и лошади пойдут с нами, — твердо произнес Арагорн. — Если мы преодолеем тьму за этими воротами,

нам еще скакать и скакать. Каждый потерянный час приближает победу врага. За мной!

Он двинулся вперед, и такова была в этот час его сила, что и дунаданы, и их кони последовали за ним. Только Эрод, конь из Рохана, отказался идти и стоял, дрожа от невыносимого ужаса. Тогда Леголас закрыл ему глаза руками и спел на ухо несколько слов, мягко и мелодично прозвучавших в мрачной тишине. Конь перестал дрожать и медленно пошел вперед.

Позади остался только Гимли. Колени гнома мелко тряслись и ноги не шли.

— Неслыханно! — воскликнул он в гневе на себя. — Когда это было, чтобы эльф шел в подземелье, а гном не осмеливался! — С этими словами он бросился вперед, как в омут.

С первым шагом на Гимли, сына Глоина, бестрепетно бродившего во многих глубинах мира, обрушилась, словно обвал, кромешная пещерная тьма.

Арагорн с зажженным факелом шагал впереди; последним, тоже с факелом в руке, шел Элладан. Гимли отстал и теперь старался нагнать отряд. Он видел перед собой только тусклый свет факелов, а когда путники останавливались, со всех сторон наползал невнятный беспрерывный гул, как будто странные нездешние голоса нашептывали слова, звуки которых не походили ни на один известный гному язык.

Никто не спешил нападать на них, ничто не преграждало путь, однако страх гнома все возрастал. Он отчетливо понимал, что обратного пути нет. Он чувствовал, как позади, на дороге, возникают незримые толпы, следующие за ними во тьме.

Гном не знал, сколько времени прошло, прежде чем однообразие пути было нарушено. Широкая дорога вдруг еще больше расширилась, стены отступили, но на Гимли навалился такой ужас, что он с трудом переставлял ноги. В это время в свете факела Арагорна слева что-то тускло блеснуло. Арагорн остановился, а потом решительно свернул с дороги.

— И как это он не боится? — пробормотал гном. — Будь это любая другая пещера, Гимли первым бы посмотрел, что это там за штука с таким золотым блеском. Но только не здесь! Пусть себе лежит, где лежит, что бы оно там ни было!

Тем не менее он подошел и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а рядом Элладан держит оба факела. Перед ними лежали останки могучего человека. Его кольчуга и доспехи были в полной сохранности: воздух подземелья был сух, а металл вооружения вызолочен. Кольчугу охватывал золотой, отделанный гранатами пояс, богатый шлем прикрывал голову фигуры, лежащей лицом вниз. Гимли огляделся и увидел, что воин упал возле стены пещеры; прямо перед ним была запертая каменная дверь. Тут же лежал сломанный меч. Клинок был весь в зазубринах, словно им в отчаянии рубили скалу.

Арагорн долго смотрел на останки, словно силился по ним прочесть драму, разыгравшуюся здесь когда-то. Потом он встал. Те, кто стоял рядом, услышали, как он непонятно молвил про себя:

— Никогда до конца времен не придут сюда цветы симбелина. Девять и семь курганов покрылись ныне зеленой травой, а он все эти долгие годы лежит у запертой двери. Куда ведет она? К чему он стремился? Никто никогда не узнает. — Арагорн тряхнул головой, повернулся к шепчущей позади тишине и крикнул: — Я не затем пришел сюда! Храните и дальше ваши сокровища, упрятанные в Ненавистные Годы! Мне нужна только быстрота. Освободите путь и следуйте за мной! Я созываю вас к Камню Эреха!

Тишина, ответившая ему, была еще ужаснее прежнего шепота. Потом налетел порыв холодного ветра; факелы затрепетали и погасли, зажечь их снова не удалось. Дальнейший путь Гимли почти не запомнил. Проходили часы или дни — он не знал. Только ужас сжимал его сердце все сильнее и сильнее. Раз он споткнулся и дальше полз на четвереньках, как зверь, ощущая, что все меньше и меньше остается в нем от Гимли, сына Глоина, и пробуждается что-то дремучее, с чем уже невозможно совладать. Он чувствовал, что еще немного, и он бросится назад, во тьму, в страх, идущий по пятам...

И вдруг впереди забрезжил свет. Журчанье ручья встретило путников, миновавших еще одни, широкие ворота. Вокруг высоко в небо вонзались островерхие изломанные утесы, а прямо перед ними по уступам спускалась дорога. Они находились в ущелье, таком глубоком и узком, что, несмотря на дневное время, в темно-фиолетовом небе светились маленькие колючие звезды. Потом Гимли узнал, что до заката того же самого дня, когда они вышли из Дунхарга, оставалось еще два часа; для него же это были сумерки, может быть, прошлого года, а может быть, и другого мира.

Здесь отряд снова сел на коней. Гимли со слезами облегчения занял место позади Леголаса. Они скакали до самого вечера, но, даже когда на землю спустились синие сумерки, страх все еще не отпустил их.

Леголас обернулся на скаку, всматриваясь во что-то позади.

— Мертвые следуют за нами, — спокойно промолвил он. — Я вижу силуэты людей на конях, бледные стяги, как клочья тумана, и лес призрачных копий. Мертвые следуют за нами.

— Да, Мертвые скачут позади, — подтвердил Элладан. — Они вняли призыву.

Вдруг ущелье кончилось, и перед ними раскинулась долина. Ручей, долгое время сопровождавший их, сбегал вниз, холодно звеня среди камней.

— Что это за земли? — спросил Гимли, и Элладан ответил:

— Перед нами Мортонд, большая, холодная река, впадающая в Море неподалеку от Дол Амрота. Люди зовут ее Черный Корень.

Ступенчатые склоны долины Мортонда заросли травой, но в послезакатный час все вокруг казалось серым. Далеко внизу светились огни в домах людей. Плодородной и густонаселенной была эта долина.

Арагорн привстал на стременах, и его голос раскатился над долиной Мортонда.

— Друзья! Забудьте усталость! Вперед! Нам нужно попасть к Камню Эреха до ночи, а путь еще долог.

Отряд промчался по горным лугам, проскакал через мост над стремниной и начал спускаться в долину. По мере их приближения паника охватывала селение. Двери домов захлопывались, люди бросали работу и, крича от страха, разбегались, как лани от охотников. Раздался крик, который сразу же подхватило множество голосов: «Король Мертвых! Король Мертвых идет!»

Заполошно звонили колокола, все живое бежало перед отрядом Арагорна. Но всадники стремительно пронеслись мимо и еще до полуночи, во мраке, который был непроглядней подгорного, достигли Холма Эреха.

Ужас, рожденный призрачным воинством, словно саван, накрыл все вокруг. На вершине холма чернел большой камень, круглый, в человеческий рост высотой, наполовину вросший в землю. Странным и нездешним выглядел он. Многие верили, что когда-то он упал с неба, но те, кто не забыл преданья Заокраинного Запада, говорили, что его принес и установил здесь славный Исилдур. Родиной камня был Нуменор. Как бы там ни было, но к камню подходить боялись. Люди верили, что здесь встречаются тени Мертвых. Тогда над холмом можно слышать странный неумолчный шепот.

Отряд остановился на вершине холма. Элрохир передал Арагорну тяжелый, отделанный серебром рог. Арагорн громко протрубил в него и прислушался. Следопытам показалось, что где-то далеко прозвучали ответные рога, а может, это было только эхо. Хотя над холмами нависла тягостная тишина, все были уверены, что вокруг собралось огромное незримое воинство. Холодный ветер, словно дыхание призраков, подул с гор.

Арагорн спешился и, встав возле камня, вскричал:

— Клятвопреступники! Зачем вы пришли?

И в ночи послышался одинокий глухой голос, ответивший словно издалека:

— Исполнить клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн молвил:

— Час настал. Мой путь лежит к Пеларгиру на Андуине. Когда во всех этих землях не останется ни следа слуг Саурона, я сочту старую клятву исполненной и отпущу вас с миром. Я — Элессар, наследник Исилдура и Король Гондора, повелеваю — следуйте за мной!

По его знаку Хальбарад развернул знамя, до тех пор скрытое в чехле. Во мраке было не разглядеть символов, вышитых на нем, и полотнище казалось черным. Еще более полная тишина легла на холмы. Ни шороха, ни шепота, ни вздоха не было слышно в стылом воздухе. До рассвета никто из отряда не сомкнул глаз. Удушливый страх, исходивший от теней, окруживших холмы, клубился над камнем Эреха.

Холодный и бледный рассвет только еще занимался, а Арагорн уже вел отряд по пути, труднее которого не изведал никто из смертных. Дунаданы-северяне, гном Гимли и эльф Леголас преодолели эту дорогу, ведомые его стальной волей, не знающей преград.

Они миновали перевал Тарланг, пересекли Ламедон и вышли к Келембелу на Кириле, когда багровое солнце уже опускалось за отроги Пиннат Гелин у них за спиной. Огромное призрачное войско неотступно шло следом, а впереди мчался крылатый страх. Город и поселения на Кириле лежали перед ними опустошенные, немногие оставшиеся в живых бежали в холмы, едва пронесся слух о приближении Короля Мертвых и его воинства.

На другой день не рассвело. Серый отряд ушел во Мрак, насланный Мордором, и скрылся с глаз живых. Войско Мертвых последовало за ним.

Глава 3
РОХАН СОБИРАЕТ ВОЙСКА

Отныне все дороги вели на восток, навстречу Тьме. В тот самый час, когда Пиппин, стоя перед воротами Города, смотрел на входящие войска, король Рохана во главе большого отряда Всадников спускался с гор.

Вечерело. Длинные тени, перегоняя лошадей, бежали впереди по долине. На лесистых склонах было уже темно. После дня пути Король ехал медленно. Тропа, огибая огромный скальный уступ, нырнула под своды тихо шепчущих елей. Все ниже и ниже спускался отряд в долину. Блеск водопадов приглушали сумерки.

Весь этот день воины спускались вниз вдоль ручья; теперь вместе с ними он устремился в широкую долину, поглотил небольшой приток и, взбивая пену, помчался по камням к Эдорасу. В верховьях долины, словно запирая ее, высился могучий горный пик с вершиной, укрытой вечными снегами. На вос-

точных его склонах густо голубели тени, западные склоны пылали в огне заката.

Мерри с изумлением озирался по сторонам. Ему было интересно в незнакомой стране. Это был край без неба; в туманной дымке глаз различал только горы, каменная стена вставала за стеной, меж ними разверзались пропасти, заполненные туманом. От могучих водопадов воздух тихо звенел, шумели деревья, стучали по камням копыта. Раньше Мерри любил слушать о горах, думать о них, но теперь, когда горные хребты вздымались вокруг под самые небеса, он чувствовал себя неуютно, живо ощущая исполинскую тяжесть, гнетущую грудь Среднеземья. Слишком они были большие; глядя на них, хотелось оказаться в маленькой комнатке возле камина.

Отряд был в пути уже третий день. Шли почти без отдыха, и Мерри не на шутку устал. Когда дорога позволяла, он ехал рядом с правителем, не замечая улыбок Всадников. Пожалуй, выглядели они действительно забавно: хоббит на косматой, коренастой серой лошадке и Король Рохана на могучем белом коне. Мерри рассказывал о Шире или слушал легенды Рохана. Но чаще он следовал позади Теодена, прислушиваясь к медленной, звучной речи Всадников. Иногда слова их языка напоминали ему родной говор, но смысл ускользал. Зато песни Всадников ему очень нравились.

В этот вечер Мерри особенно остро чувствовал одиночество. В голове теснились мысли о любезном друге Пиппине, о Гимли, Леголасе, Арагорне, и вдруг резануло по сердцу воспоминание о Фродо и Сэме. «Я начал забывать о них, — упрекнул он сам себя. — А ведь все, что мы делаем, делается ради них. Представляю, каково им там одним, и на сотни лиг вокруг ни одного друга. Живы ли они?» Он вздохнул.

— Вот и Харрог, — сказал Йомер. — Мы почти на месте.

Словно через высокое окно смотрели они на огромную долину внизу. Там уже стемнело. Лишь один огонек мигал у реки.

— Это место недолго пробудет нашим пристанищем, — промолвил Теоден. — До цели не близко. Прошлой ночью луна была полной, и утром я должен быть в Эдорасе. Там ждут войска.

— Государь, — понизил голос Йомер, — не пренебрегайте моим советом. Напутствуйте воинов и возвращайтесь сюда. А когда кончится война...

Теоден с улыбкой остановил его:

— Нет, сын мой. Отныне я буду называть тебя так. Твоим устам не подобает изрекать, а моим слушать коварные речи Червослова. — Король выпрямился и обернулся, оглядывая сдвоенный ряд Всадников. — Мне кажется, что прошли не дни, а годы, с тех пор, как я выступил в этот поход, но я не хочу

больше опираться на посох. Если война будет проиграна, чего мне ждать, хоронясь среди гор? А если нас ждет победа, гибель моя не будет чрезмерной ценой. Оставим пока этот разговор. Нынче ночью я отдыхаю в крепости Дунхарг. Хоть один мирный вечер у нас остался. Вперед!

Поздним вечером они спустились в долину. Речка Снежица текла по западному ее краю, и вскоре тропа вывела их к броду. При появлении отряда из тени под скалами выступили воины и приветствовали Короля. Один из них протрубил в рог. Сигналу ответили другие рога, и за рекой начали зажигаться огни.

Внезапно откуда-то сверху грянул целый хор труб. Звонкое эхо заметалось меж каменных стен.

Так Король Рохана вернулся с победой к подножию Белых Гор. Его ожидали. Как только дозорные известили о приближении отряда, военачальники поспешили навстречу Королю. Дунхир не замедлил выложить новости, полученные от Гэндальфа.

— Правитель! — сказал он. — Три дня назад, на рассвете, Сполох вихрем примчался в Эдорас, и Гэндальф обрадовал наши сердца вестью о победе. Он передал твой приказ на сбор войскам. А потом... появилась крылатая тень!

— Так она и здесь побывала? — спросил Теоден и в ответ на недоуменный взгляд пояснил: — Мы видели ее еще до отъезда Гэндальфа.

— Может быть, это и та же, — ответил Дунхир, — а может, другая, но она пролетела утром над самой крышей дворца и, веришь ли, Правитель, но мы не могли пошевелиться от ужаса. Вот тогда Гэндальф и посоветовал нам не собираться на открытом месте, а встретить вас здесь, в ущелье, в тени гор. И он велел не зажигать огней, кроме самых необходимых. Старец распоряжался от твоего имени, мы все исполнили, как он требовал.

— Хорошо, — коротко одобрил Теоден. — Я направляюсь в крепость и через час жду всех военачальников на совет.

Дорога теперь вела точно на восток, к устью долины. Впереди Мерри с трудом различал горные кряжи и рассеченную пополам речной долиной вершину Стылого Рога. Теперь им попадалось все больше людей. Они толпились вдоль дороги, приветствуя Короля и Всадников. Ряды шатров, коновязи, островки копий, по обычаю поотрядно вонзенных в землю, сложенные рядом щиты — близкое дыхание войны неузнаваемо изменило пейзаж. С вершин тянуло холодным ветром, но на равнине не было заметно ни одного огня. Взад-вперед расхаживали закутанные в теплые плащи часовые.

Мерри гадал, сколько здесь Всадников. В темноте было не разобрать, но в любом случае численность войск превышала

несколько тысяч. Пока он глазел по сторонам, отряд приблизился к восточному краю долины и тропа круто пошла вверх. Мерри присвистнул. Такого он, пожалуй, еще не видел. Уже не тропа, а настоящая дорога — творение древних каменотесов — причудливым зигзагом взбиралась по крутому склону утеса. По ней могли подняться и кони, и повозки, но для врага все эти повороты и острые углы становились непреодолимым препятствием. На каждом повороте торчали изваяния огромных неуклюжих людей, сидевших на корточках, скрестив ноги и сложив на толстых животах короткие ручки. Время стерло их лица, оставив лишь дыры глазниц, печально взирающих на проходящих. Всадники не обращали на идолов внимания, а Мерри разглядывал скорбные силуэты статуй с любопытством и почти с жалостью.

Когда отряд поднялся над долиной на несколько сот футов, хоббит оглянулся и различил далеко внизу цепочку Всадников, пересекающих брод и растекающихся по приготовленным для них бивакам. Только Король со свитой поднимался в крепость. Наконец дорога, нырнув в проем, вышла на плато, поросшее травой и вереском, высоко над ущельем Снежицы. Между Стылым Рогом на юге и зубастым хребтом Йерензага на севере вставала стена Обжитой Горы. Посреди плато тянулся двойной ряд огромных каменных глыб. Этот коридор уводил к черному Димхольту, к страшному каменному столбу и разверстой пасти Запретной двери.

Таким был Дунхарг, древняя крепость, строителей которой не помнили уже ни песни, ни легенды. Зачем возвели они эту твердыню, тайный храм или усыпальницу — никто не знал. Было это в Темные Годы, когда ни один парус не показывался у западного побережья, а дунаданский Гондор еще не начинал строиться. Неведомые зодчие исчезли, оставив после себя только странных придорожных идолов.

Камни на плато выветрились и почернели, одни наклонились, другие и вовсе упали, треснули или рассыпались. Теперь они напоминали челюсть дряхлого старика. Мерри призадумался: зачем они здесь, и вздрогнул, надеясь, что Король не поведет отряд этим мрачным коридором. Потом он разглядел по обе стороны дороги шатры и палатки, лепившиеся по самому краю плато. Справа, где было просторнее, их было больше, слева виднелся небольшой лагерь с высоким шатром в центре. От шатра навстречу им поскакал всадник. Мерри ужасно удивился, разглядев молодую женщину редкой красоты; длинные волосы ее были убраны в косы, а одежду дополняла кольчуга и меч на поясе.

— Приветствую повелителя! — звонко крикнула она еще издали. — Сердце радуется вашему возвращению.

— И я рад тебе, Йовин, — отвечал Король. — Все ли в порядке здесь?

— Все хорошо, повелитель! — Ответ был бодрым, но Мерри показалось, что голос женщины дрогнул, он даже решил бы, что она недавно плакала, хоть в это с трудом верилось. — Все хорошо. Поначалу пришлось нелегко. Людей сорвали с места. Ворчали многие, но обошлось без злых дел. Твой народ успел отвыкнуть от войны, повелитель. Но сейчас все уже устроено. Я ждала вас именно сегодня.

— Значит, Арагорн здесь? — спросил Йомер.

— Нет. — Йовин повернулась и долгим взглядом окинула горы на юго-востоке. — Он прибыл вчера ночью, но на рассвете уже уехал.

— Ты опечалена, дочь моя? — участливо произнес Теоден. — Что случилось? Скажи, он говорил тебе, куда направляется?

— Да, — ответил Йовин. — Он ушел в тень, из которой не возвращаются. Его нет больше. Тропы Мертвых поглотили его.

— Наши дороги разошлись, — с горечью сказал Йомер, — и наши надежды гаснут.

Правитель и сопровождающие удалились в приготовленные шатры. Оказалось, что для Мерри рядом с шатром Теодена тоже поставлена палатка. Там он и сидел один, наблюдая за суетой в лагере и раздумывая о том, что слышал. Настала ночь, и над едва видимыми силуэтами гор на западе замерцали звезды. Небо на востоке оставалось темным и пустым.

— Тропы Мертвых... — бормотал он. — Что бы это могло быть? Все друзья разбрелись кто куда. Гэндальф с Пиппином сражаются на востоке, Фродо с Сэмом — в Мордоре, а теперь вот и Колоброда с Гимли и Леголасом понесло на эту самую Тропу Мертвых. Видно, скоро и моя очередь...

Но додумать ему не дали, потому что труба позвала на обед; тут же пришел посланный и пригласил Мерри к столу Правителя.

Теоден встретил его ласково, и, вместо того чтобы, как подобало оруженосцу, прислуживать за столом, Мерри был усажен на особое место. Слева от Короля он увидел за столом Йомера, Йовин и Дунхира. Трапеза проходила в молчании, и Мерри не сразу собрался с духом, чтобы задать мучавший его вопрос.

— Повелитель, — произнес он наконец, справившись со смущением, — здесь говорили о Тропах Мертвых. Что это за путь? И куда ушел Колоброд, ну то есть князь Арагорн?

Король лишь вздохнул. Вместо него ответил Йомер.

— Оттого и тяжесть у нас на сердце, что мы не знаем, где теперь Арагорн. Тропы Мертвых... — Он помолчал. — Ты и сам прошел по ним несколько шагов. Нет, я не о дурных предзнаменованиях! Дорога, по которой мы пришли, ведет че-

рез Димхольт к Двери. А что за ней — не знает никто из живущих.

— Не знают, не помнят или не хотят помнить, — проговорил Теоден, — но есть одна древняя легенда... Ее долго передавали от отца к сыну в роду Йорлов. В легенде говорится, что за Дверью начинается тайная тропа, она идет под горами... куда? О том не помнят уже. С тех пор, как Балдор, сын Брего, вошел в Дверь и навеки пропал для мира живых, никто не отважился последовать за ним. Однажды на пиру в только что построенном Золотом Дворце Балдор, осушив до дна рог, дал опрометчивую клятву... и трон Эдораса, который он должен был унаследовать, так и остался пуст.

Люди говорят, что Мертвые Темных Лет стерегут этот путь, и живым не войти в их тайные залы. Временами их тени видят по эту сторону Двери на каменной дороге. Тогда в Харроге запирают дома и дрожат от страха. Но Мертвые показываются редко, только перед большими бедами.

— В Харроге говорят, — тихо добавила Йовин, — что в последнее новолуние целая призрачная армия маршем прошла по дороге и исчезла в горе. Они спешили, словно войска на место сбора.

— А зачем же все-таки Арагорн пошел туда? — так и не понял Мерри.

— Ты, его друг, не знаешь, — покачал головой Йомер, — не знаем и мы. Арагорн из тех, кто сам выбирает пути, а нынешний его выбор неведом для живых.

— Он сильно изменился с тех пор, как я впервые увидела его в королевском дворце, — сказала Йовин. — Он стал непреклоннее... Может быть, его призвали Мертвые... тогда он обречен.

— Может, он и призван, — согласился Теоден. — Сердцем чувствую, что не увижусь с ним больше. Но он — благородный человек высокой судьбы. Я вижу, дочь моя, ты беспокоишься о нашем госте, но вспомни предание и утешься. Когда Йорлинги пришли с севера и поднялись по Снежице, подыскивая места для укреплений, Брего с сыном Балдором взобрались по Лестнице и вышли к Двери. На пороге сидел старик по виду старше самого времени. Наверное, некогда был он высок и знатен, а теперь иссох, как древний камень. Сначала они и приняли его за камень, но когда попытались войти, словно из-под земли донесся до них его голос, на западном наречии произнесший: «Здесь нет пути».

Они остановились, разглядывая его, и поняли, что он еще живой, но их не видит. «Здесь нет пути, — снова повторил старец. — Это путь Мертвых, и Мертвые хранят его до срока. Для живых путь закрыт». «А когда настанет срок?» — спросил Балдор, но ответа так и не получил. Ибо старик умер в тот же миг и упал ничком. Так наш народ и не узнал ничего больше

о древних жителях гор. Быть может, срок настал, и Арагорну удастся пройти.

— Но как узнать человеку, пришел час или нет, не входя в Дверь? — сказал Йомер. — Окажись я один против всех полчищ Мордора, и то я не выбрал бы этот путь. Жаль потерять столь отважного воина в такой нужный час! Мало разве зла на земле, чтобы искать его еще и под землей? До войны рукой подать...

Он умолк. Снаружи послышался шум, кто-то выкликал имя Теодена.

В шатер вошел начальник караула и доложил:

— Правитель, прибыл гонец из Гондора и просит принять его немедленно.

— Пусть войдет, — распорядился Теоден.

Гонец вошел, и Мерри чуть не вскрикнул от неожиданности — так этот гонец был похож на Боромира. Поверх серебряной кольчуги у воина был накинут зеленый плащ, на шлеме поблескивала серебряная звездочка. Преклонив колено, он протянул Теодену стрелу с черным оперением и красным наконечником.

— Приветствую повелителя рохирримов и друга Гондора, — сказал посланец. — Я — Хиргон, гонец Денетора. Правитель шлет тебе этот знак войны. Гондор в великой опасности. Часто помогали нам рохирримы, но сейчас Денетор призывает тебя отдать ему все и как можно быстрее. Иначе Гондор падет.

— Красная Стрела! — воскликнул Теоден, и рука его дрогнула. — На моей памяти она не появлялась в Рохане. Какой же помощи ждет от меня могучий Денетор?

— Вам о том лучше знать, повелитель, — ответил Хиргон. — Минас Тирит может быть окружен. Может, у вас и хватит сил прорвать осаду, но Правитель Денетор просил передать, что, на его взгляд, войска рохирримов принесут больше пользы внутри, чем снаружи.

— Но он же знает, что наш народ привык сражаться верхом и на равнине! А потом, нам нужно время, чтобы собрать Всадников. К тому же Правителю Минас Тирита известно наше положение. Мы уже ведем войну, как видишь, и ты не застал нас врасплох. С нами был Гэндальф Серый, по его совету мы начали готовиться к битве на востоке.

— Мне неизвестны мысли благородного Денетора, — ответил воин, — но он просит вспомнить прежнюю дружбу и старые клятвы. Война идет на нас отовсюду. Положение отчаянное. По нашим сведениям, многие восточные короли перешли на службу Мордору. Война везде. С юга движутся харадримы, наши побережья в огне, оттуда нечего ждать помощи. У стен Города решается судьба нашего времени. Денетор просит тебя торопиться, правитель. Если мы не остановим врага под Горо-

дом, Рохан тоже не устоит. Заклинаю тебя внять просьбе Денетора.

— Мрачные вести, — промолвил Теоден, — хоть и не совсем неожиданные. Передай Денетору: мы придем к нему на помощь. Но мы понесли большие потери в битве с изменником Саруманом, и теперь, после твоих вестей, нам надо подумать о защите своих владений на севере и на востоке. Сил Темного Властелина вполне хватит, чтобы осадить Город и одновременно ударить через Реку на Врата Королей.

Но мы не будем больше обмениваться благоразумными советами. Мы придем. Сбор войск назначен на завтра. Мы выступим, как только будем готовы. Десять тысяч копий под моей рукой, но четыре придется оставить в Эдорасе. Шесть тысяч приведу я. Передай Денетору, что в этот грозный час сам Король Рохана идет в Гондор, хоть и не надеется вернуться назад. Но путь неблизок. Раньше чем через неделю вам не услышать боевой призыв Всадников.

— Неделя! — горестно воскликнул Хиргон. — Через неделю вы можете найти одни разрушенные стены, если не подоспеет неожиданная помощь. Разве что спугнете орков и не дадите южакам пировать в Белой Башне.

— Если не останется ничего другого, сделаем хотя бы это, — сдержанно отозвался Теоден. — У нас за спиной сражение и долгий путь, мы нуждаемся в отдыхе. Нет пользы в усталых воинах. Отдохни и ты. Завтра увидишь сбор войск, и твой обратный путь будет не так уж мрачен. Утро вечера мудренее.

С этими словами Король поднялся.

— Всем отдыхать! — приказал он. — И ты, добрый Мериадок, свободен сегодня, но завтра с восходом солнца будь наготове.

— Я буду готов, — ответил Мерри, — даже если вы позовете меня на Тропы Мертвых.

— Надеюсь, этого не случится, — слабо улыбнулся Король. — Но теперь и простые дороги могут оказаться Путями Мертвых. Впрочем, о твоих дорогах мы подумаем завтра. Доброй ночи!

Мерри засыпал в своей палатке с радостной мыслью, что он тоже нужен, что его не оставят здесь одного. Ему показалось, что не успел он закрыть глаза, а его уже будят.

— Но еще же совсем темно, — возмутился он, — солнце же не взошло еще!

— И не взойдет, — сурово ответил будивший его Всадник. — Время не терпит, подымайся скорее. А солнце... может быть, не взойдет никогда.

Мерри поспешно оделся и вышел. Мир потемнел. Сам воздух казался бурым, а все вокруг — тусклым и бесформенным.

В темном небе не разглядеть было облаков, только далеко на закате, куда не дотянулись еще цепкие лапы мрака, пробивался слабый свет. Небо нависло тяжелым сводом, угрюмым и однообразным. Люди вокруг тревожно переговаривались. Многие выглядели испуганными.

В шатре Теодена Мерри застал Хиргона и еще одного гонца из Гондора. Он заканчивал рассказ:

— Эта напасть пришла из Мордора прошлым вечером на закате, повелитель,— говорил он.— Я был у восточных холмов твоего королевства, когда увидел, как она медленно ползет по небу и пожирает звезды. Тьма накрыла уже всю землю от Хмурых Гор до полей Рохана и продолжает сгущаться. Война началась.

Король долго молчал.

— Вот она и пришла наконец,— медленно проговорил он,— величайшая из битв нашего времени. Теперь нам незачем больше скрываться. Мы выступим открыто и как можно быстрее. Мы не будем ждать тех, кто замешкался. Хватит ли запасов в Минас Тирите? — обратился он к гонцу.— Если нужна скорость, мы выступим налегке.

— Запасов хватает,— ответил Хиргон.— Не берите лишнего. Скачите быстрее!

— Тогда зови герольдов, Йомер,— сказал Теоден.— Пусть войска строятся.

Йомер вышел, и сейчас же затрубили трубы. В неподвижно-мрачном воздухе звуки были хриплыми и дребезжащими.

Правитель положил руку на плечо Мерри.

— Ну вот, добрый Мериадок, я иду в бой. Ты свободен от своих обязанностей, но не от моего дружеского расположения. Мне бы хотелось, чтобы, оставшись здесь, ты служил Йовин. Она будет замещать меня.

— Повелитель,— дрожащим голосом, со слезами на глазах проговорил Мерри,— я хочу только одного: быть рядом с вами. Все мои друзья отправились на войну, а я должен остаться в стороне?

— Но наши кони слишком велики для тебя. Тебе не справиться с ними.

— Тогда привяжите меня к седлу, но не оставляйте здесь! — взмолился Мерри.— А если нельзя ехать верхом, позвольте бежать за вами. Пусть я сотру ноги до колен, но не отстану!

Теоден улыбнулся.

— Ну, зачем же так! Лучше я возьму тебя к себе на седло. Хорошо,— решил он,— будешь сопровождать меня в Эдорас. Войска выступят оттуда.

Мерри отошел, сильно опечаленный, но тут его крепко взяли под руку, и он увидел Йовин.

— Идем со мной, доблестный Мериадок, — сказала она без улыбки. — Арагорн просил меня подобрать тебе подобающее вооружение, и я обещала выполнить его поручение. Сердце подсказывает мне, что доспехи тебе еще понадобятся.

Она привела его в шатер свиты Теодена. Там оружейник вручил Мерри шлем, круглый щит с белым конем на зеленом поле и другое необходимое снаряжение по росту.

— Ни кольчуги, ни панциря для тебя не нашлось, — сказала Йовин, — а сейчас ковать их уже поздно. Но вот тебе от меня кожаная куртка и пояс для твоего меча. Пусть они принесут тебе удачу. Прощай, добрый Мериадок, может, мы еще свидимся.

Мерри в ответ молча низко поклонился ей.

Так в сгущающемся мраке Король Рохана готовился выступить по восточной дороге. С тяжелым сердцем отправлялись всадники в бой, но это были суровые люди, верные своему Королю; никто не роптал, даже в лагере, где размещались женщины, старики и дети, не заметно было ни слез, ни жалоб. Рок навис над страной, но рохирримы принимали судьбу молча.

Быстро пролетели два часа. Король, высокий и величавый, на белом коне, который, казалось, мерцал в полумраке, объезжал строй. Люди дивились и радовались, видя его исполненным решимости.

На широком поле вдоль берега реки выстроились Всадники в полном вооружении — пятьдесят пять сотен — и несколько сотен воинов резерва с запасными, легко нагруженными конями. Прозвучал единственный рог. Король поднял руку, и войска двинулись.

Во главе шли двенадцать военачальников, все ветераны, покрытые славой. Справа от Короля ехал Йомер. Он распрощался с Йовин еще в крепости и теперь гнал от себя печаль расставания, стараясь думать лишь о предстоящем пути. За ними трусил Мерри на своей лошадке, потом следовали гондорские гонцы, а еще дальше — снова двенадцать королевских рыцарей. Они проехали вдоль длинного ряда людей, ожидавших сигнала с суровыми, неподвижными лицами. Эскорт миновал левый фланг строя, и вдруг Мерри поймал взгляд одного из Всадников. «Молодой воин, — подумал хоббит, возвращая взгляд, — полегче и погибче остальных». Он уловил блеск ясных серых глаз и вздрогнул — так смотрят те, кто оставил надежду и ищет лишь смерти.

Вниз по дороге вдоль Снежицы спускались они. Женщины, стоя в темных проемах дверей, провожали воинов печальными возгласами. Так, без песен, без музыки, без звуков рогов на-

чался великий поход на восток, о котором и много поколений спустя пели в Рохане.

Из Дунхарга утром ненастного дня
Сын Тенгеля выехал с верною свитой,
И в Эдорас прибыл. Златые чертоги,
Сиявшие некогда пламенным светом,
Наполнены были тяжелою мглой,
Высокие рощи — одеты туманом.
Недолгим и тягостным было прощанье
С местами святыми и верным народом,
Со всеми, кто помнил счастливые годы,
Царившие до наступления тьмы.
Отринув сомненья, навстречу судьбе
Король поспешил, верный данным обетам.
Путь Йорлингов длился пять дней и ночей,
Их видели Фолд, и Фириен, и Финмарх:
И к Мундбургу вышли шесть тысяч бойцов —
Могучему граду властителей Моря.
Он был осажден многотысячным войском,
И черный огонь воздымался, неистов,
Вкруг стен крепостных. И в великом сраженье
Всех смерть приняла. Уходили во мрак
И всадник, и конь. И в тени угасали
Удары копыт... Так поведали песни.

В полдень они были в Эдорасе. Тьма по-прежнему окутывала все кругом стылым саваном. Казалось, что наступил поздний вечер. Теоден отдавал приказания вновь прибывшим отрядам, а потом, отпустив военачальников, ласково, но твердо простился с Мерри.

— Твоей лошадке не выдержать этого пути, — сказал правитель. — На полях Гондора нам предстоит такая битва, в которой падут многие могучие воины. Для тебя там не найдется ничего, кроме гибели.

— Кто может это знать? — пылко возразил Мерри. — Я ваш оруженосец, и мое место рядом с вами. Я не хочу, чтобы обо мне потом говорили как о ненужной вещи, от которой всем хочется избавиться.

— А я хочу спасти тебя, — грустно ответил Теоден. — Не забывай, ты обещал повиноваться мне. Если бы битва шла у стен Эдораса, я не сомневаюсь, что о твоих подвигах сложили бы песни. Но до Гондора сто двадцать лиг. Никто из Всадников не может взять тебя с собой. Это мой приказ, Мериадок, и больше мы не будем говорить об этом.

Донельзя огорченный, Мерри смотрел, как строились войска. Воины поправляли снаряжение и сбрую, оглаживали коней, с беспокойством поглядывая на небо. Почувствовав рядом чье-то присутствие, хоббит обернулся и увидел того самого Всадника, который так странно посмотрел на него сегодня утром.

— «Для твердой воли нет преград», — шепнул Всадник, — так говорят у нас в Рохане. Мне кажется, ты хотел бы быть вместе с правителем в этом походе?

— Да, очень хотел, — ответил Мерри, — но...

— Так можешь ехать со мной, — неожиданно сказал воин и подмигнул ошеломленному хоббиту. — Сядешь впереди, я прикрою тебя плащом, в этом сумраке никто не заметит. — И добавил с затаенной скорбью: — Нельзя отказывать тому, кто так стремится помочь. Но — никому ни слова! Идем, пора собираться.

— Очень благодарен вам! — радостно ответил Мерри. — Но я не знаю даже вашего имени.

— Разве? — усмехнулся Всадник. — Зови меня Дернхельм.

Вот так и случилось, что, когда войска Рохана выступили, Мерри сидел в седле впереди Дернхельма, а серый конь даже не замечал этого, потому что молодой воин хотя и был силен и ловок, но все-таки и ростом и статью уступал другим Всадникам.

Они двинулись навстречу сумраку. Первый ночлег устроили в ивовых зарослях, где Снежица впадает в Энтову Купель, в двенадцати лигах от Эдораса. А наутро — снова вперед, через Фолд и Финмарх, где по правую руку Священные Дубравы взбирались по отрогам к рубежам Гондора, а по левую руку лежали туманы над болотами в устье Энтовой Купели. Они скакали, а навстречу неслась молва о войне на севере. Растерянные, испуганные люди говорили о врагах, напавших на восточные границы, об орочьих ордах, бесчинствующих в степях Рохана.

— Вперед! — командовал Йомер. — Теперь поздно поворачивать. Топи Энтовой Купели прикроют нас слева. Надо спешить. Вперед!

Король Теоден покинул пределы Рохана. Перед его войском лежал долгий путь. Сигнальные Холмы вставали по сторонам один за другим: Каленхад, Мин Риммон, Эрелас, Нардол. Но не было огней на их вершинах. Серые, молчащие земли простирались вокруг, все темнее становилось под небом, все слабее грела сердца надежда.

Глава 4
ОСАДА ГОРОДА

Гэндальф разбудил Пиппина. За окнами по-прежнему было темно, в комнате горели свечи. Духота стояла, как перед грозой.

— Который час? — спросил Пиппин, зевая.

— Начало третьего, — ответил маг. — Одевайся, тебя призывает Правитель. Надеюсь, ты не забыл, что служишь ему?

— А он даст нам позавтракать?

— Нет. Завтрак готов, — Гэндальф кивнул на стол, — и до обеда больше ничего не будет. В Городе экономят провизию.

Пиппин угрюмо разглядывал небольшую краюху хлеба, очень маленькую (на его взгляд) порцию масла и чашку молока.

— И зачем ты меня привез сюда? — проворчал он.

— Чтобы помешать тебе делать глупости, — в тон ему ответил маг. — Если тебе здесь не по нраву, то кроме себя винить некого.

Пиппин насупился и замолчал.

Когда Гэндальф снова привел его в зал со статуями и колоннами, Денетор сидел на том же самом месте. «Как старый, терпеливый паук, — подумалось Пиппину, — он что, так со вчера и сидит тут?» Правитель предложил Гэндальфу сесть, не обращая внимания на стоящего Пиппина, но потом живо обернулся к хоббиту.

— Ну что, добрый мой Перегрин, надеюсь, ты провел вчерашний день с пользой и приятством. Вот только угощение могло показаться тебе скудноватым. Но — война. — Он слегка развел руками.

Пиппин покраснел. Ему показалось, что Правителю известны не только его слова, но и мысли.

— Что же ты намереваешься делать у меня на службе? — спросил Денетор.

— Я думаю, что повелитель укажет мои обязанности.

— Укажу. Когда узнаю, что ты можешь. А для этого лучше всего оставить тебя при себе. Будешь выполнять мои поручения, беседовать со мной, когда будет время. Петь умеешь?

— Умею, — обрадовано кивнул Пиппин. — Пою я хорошо. — Он немного смутился. — Так у нас говорили. Но наши песни не очень-то годятся для дворцовых покоев, да и для тяжелых времен тоже. Самое страшное, о чем поют в Шире, — это ветер или дождь, а так все больше о смешном, о пирушках, например.... — Тут он совсем смешался и умолк.

— Так почему бы не спеть об этом в моем дворце? — усмехнулся Денетор. — Над Гондором давно сгущается мрак, наоборот, приятно было бы услышать, что есть еще незатемненные земли. Нам бы тогда казалось, что труды наши не пропали даром.

Однако Пиппина эти слова не разуверили. Как-то не мог он представить себе незатейливые песенки Шира, звучащие в этом великолепном зале. Но Денетор уже обратился к Гэндальфу. Они заговорили о Рохане, о намерениях Теодена, о Йомере, племяннике Правителя. Пиппин только дивился, как много из-

вестно Денетору о тамошних делах, к тому же из разговора он понял, что Правитель много лет не покидал пределов Гондора. Он уж решил было, что о нем забыли, но тут Денетор обратился и к нему.

— Отправляйся в арсенал, — сказал он, — там приготовлена для тебя одежда и вооружение. Прими подобающий вид и возвращайся.

В арсенале Цитадели Пиппин облачился во все черное с серебром. Теперь на нем была черная кольчуга, черный же шлем с крыльями по бокам и серебряной звездочкой в налобье. Кольчугу спереди прикрывал шитый серебром нагрудник с изображением цветущего дерева. Длинный широкий плащ дополнял одеяние. Прежнюю его одежду убрали, позволили оставить только серый лориенский плащ, но с условием не носить его на службе. Новый наряд был роскошен, но Пиппин стеснялся его. В довершение к этому ему так надоел постоянный сумрак, что настроение совсем испортилось.

А сумрак сгущался. С востока, из Страны Мрака, ветер пригнал тяжелую тучу. Она словно придавила Город. Воздух на улицах был душным и неподвижным, как вода в болоте. Вся долина Андуина замерла в ожидании бури.

Пиппин освободился только к вечеру. Желудок повлек его на поиски обеда. По счастью, в столовой он встретил Берегонда, только что вернувшегося с Пеленнорских полей. Они вместе поели и отправились на стены, туда, где проводили время вчера.

Был час заката, но солнце не могло пробить плотный заслон туч. Только в последний миг над Морем сверкнул его прощальный луч. Именно в этот миг Фродо стоял на Перекрестке над поверженной головой каменного Короля. Но на полях Пеленнора не было никакого проблеска. Холодными и темными оставались они.

Пиппину казалось, что вчерашний и сегодняшний день разделяют годы. Вчера он был еще простым беспечным хоббитом, на котором перенесенные опасности не оставили заметного следа, а сегодня... Сегодня он — воин в Городе, который готовится к жестокой битве. Он носит пышную, мрачную одежду; в другое время это была бы восхитительная игра, но теперь все было всерьез. Он, Пиппин, на службе у настоящего, гордого и могущественного Правителя, и опасность, нависшая над Городом, — самая настоящая. Кольчуга, шлем, плащ — все казалось тяжелым, все угнетало. Он длинно вздохнул.

— Что, устал сегодня? — участливо спросил Берегонд.

— Устал, — согласился Пиппин. — Устанешь, когда ждешь и больше ничего. Я несколько часов простоял у дверей, пока у Денетора шел военный совет. Конечно, я понимаю, это высокая честь, да только что от нее пользы натощак... По правде

сказать, и от еды в этом мраке пользы тоже не чувствуешь. И не туман, и не облака, сам воздух какой-то бурый. У вас так всегда при восточном ветре?

— Нет, — ответил Берегонд. — Это ведь не простой сумрак, это — чары Врага. Мрак рожден в недрах Огненной Горы. Он смущает ум и сердце. Хорошо бы, Фарамир возвращался побыстрее. Его долго нет. Успел ли он пересечь Реку до прихода Тьмы?

— Да. Вот и Гэндальф тоже беспокоится, — заметил Пиппин. — Он сегодня ушел с совета очень недовольный. Похоже, ждет дурных вестей...

Вдруг оба они, и Берегонд, и Пиппин, разом задохнулись. Давешний ужас сковал их члены. Пиппин медленно, как во сне, согнулся, зажимая уши ладонями. Берегонд, как раз решивший взглянуть на равнину через бойницу, застыл с широко раскрытыми глазами. С неба налетел знакомый уже леденящий вопль. Только теперь он был намного сильнее, и слышалась в нем такая злоба, что сердце готово было разорваться от страха.

Берегонд с трудом пошевелил губами. Только со второго раза ему удалось выговорить:

— Смотри! Смотри же, там, внизу, на равнине, видишь?

Пиппин без всякой охоты взглянул.

Внизу лежал туманный Пеленнор. Хотя и неясно, но равнина была видна отсюда почти до самого Андуина. На полпути от берега к Городу что-то происходило. Огромные страшные тени, намного больше орла, но по виду напоминавшие коршунов, реяли там в воздухе. Полет их был быстр и грозен. Иногда они приближались к стенам на расстояние выстрела, взмывали вверх и камнем падали к земле.

Пиппин в ужасе прошептал:

— Черные Всадники! — и тут же закричал: — Назгулы в воздухе! Смотри, Берегонд, они охотятся на что-то! Посмотри, ведь это люди там, на равнине, люди на лошадях! Назгулы бросаются на них. Их там... четверо, нет, пятеро... Это ужасно! — воскликнул он в отчаянии и закричал: — Гэндальф! Гэндальф, помоги!

Из поднебесья хлестнул еще один вопль, а сквозь него, едва слышно, донесся звук рога, оборвавшийся на высокой протяжной ноте.

— Фарамир! — вскричал Берегонд. — Это его рог! Отважное сердце! Но как же он пробьется к воротам? А вдруг у этих тварей есть что-нибудь еще кроме страха? Гляди! Держится. Пробиваются к Воротам. Нет! Лошади понесли. Вот, седоков сбросили, только один еще в седле. Он пытается собрать своих! Да, это Фарамир. Он умеет приказывать и коням и людям. Смотри! Эта тварь летит прямо на него! Да что же никто не

поможет им! — С этими словами воин сбежал со стены и бросился к Воротам.

Спрятавшийся было под каким-то выступам Пиппин устыдился и выглянул снова.

По равнине, навстречу четверым воинам, спешащим к Городу, быстро мчалась серебряная звезда. Вокруг нее разливалось слабое сияние. Она словно распарывала тьму, и та раздергивалась в стороны на ее пути.

— Гэндальф! — засмеялся и заплакал Пиппин. — Гэндальф! Ну конечно, где самое пекло, там и он. Вперед! — воскликнул он, словно на скачках размахивая руками. — Вперед!

Мрачные тени, реявшие в воздухе, тоже заметили мага. Одна из них рванулась к нему с высоты, но от поднятой руки Гэндальфа ей навстречу сверкнул ослепительно-белый тонкий луч. Тень отпрянула с жалобным криком. Это заставило остальных приостановиться в полете, а потом они, все вместе, рванулись на восток и исчезли в нависших тучах.

Над Пеленнорской равниной чуть посветлело.

Оба всадника, маг и спасенный им, стоя рядом, поджидали пеших воинов. Навстречу им из Ворот выбежала целая толпа. Вместе с ней они вошли в Город. Пиппин заторопился к Цитадели, проталкиваясь среди тех, кто, как и он, наблюдали со стен за происходившим.

Скоро впереди послышались крики. Там повторяли имена Фарамира и Митрандира. Замелькали факелы, и в окружении многих людей появились два всадника. Гэндальф больше не излучал серебряный свет. На лице его залегли суровые тени, а белая одежда помутнела, словно опаленная жаром. Его спутник в зеленом плаще с трудом держался в седле. Слуги приняли коней, всадники спешились и пошли к воротам Цитадели. Маг шагал твердо и слегка поддерживал Фарамира, пошатывавшегося на ходу от боли и усталости.

Пиппин, протиснувшись вперед, заглянул в лицо гондорцу и отшатнулся. Было похоже, что пережитый ужас навсегда наложил печать на эти гордые и прекрасные черты. В первый момент Пиппина поразило его сходство с братом, но, вглядевшись, хоббит вздрогнул — ему показалось, что перед ним Арагорн. То же величие, отблеск древней и мудрой расы, но не столь явный и высокий, как у Арагорна, озарял это лицо. Пиппин вспомнил, с какой преданностью говорил о своем начальнике Берегонд; Фарамир был прирожденный вождь, за которым любой пошел бы в огонь и в воду.

Пиппин закричал вместе с остальными:

— Фарамир! — И Фарамир, уловив среди других голосов незнакомый по тембру, отыскал его глазами. На лице воина отразилось огромное изумление. Он шагнул к Пиппину и спросил:

— Откуда вы? Полурослик — воин Цитадели?

Гэндальф слегка потянул его за рукав.

— Он приехал со мной. Не будем терять времени, нас ждут. А ты, любезный Перегрин, должен через час занять свое место при правителе. Так что следуй за нами.

Через несколько минут они входили в покои Правителя. Слуги поставили три кресла вокруг жаровни с углями, принесли вино. Пиппин, стоя за креслом Денетора, забыл об усталости, жадно слушая рассказ Фарамира. Гэндальф поначалу, казалось, задремал. Его не интересовали ни передвижения войск Врага, за которыми следил отряд Фарамира, ни стычка с харадримами, ни другие мелочи пограничной войны. Все это не имело значения в сравнении с событиями важнейшими.

— А теперь я должен рассказать кое-что странное, — сказал Фарамир и неожиданно посмотрел в глаза Пиппину. — Этот полурослик — не первый, которого я встречаю.

Гэндальф резко выпрямился, от его сонливости не осталось и следа. Длинные пальцы крепко оплели подлокотники кресла. Он не проронил ни звука, но бросил на Пиппина такой взгляд, что у того застрял в горле готовый сорваться возглас. Денетор же, напротив, не проявил к словам сына никакого интереса и задумчиво кивнул, словно знал обо всем наперед.

В полной тишине, изредка поглядывая на Гэндальфа и Пиппина, Фарамир рассказывал о встрече с Фродо и Сэмом в Хеннет Аннун. А Пиппин, холодея от страха, смотрел на руки мага, вцепившегося в резное дерево кресла. Они мелко дрожали. Гэндальф, Гэндальф Белый был встревожен, испуган даже!

Между тем Фарамир продолжал говорить о том, как он простился с путниками, и об их решении идти к Кирит Унголу. Тут голос у него сорвался, он горестно вздохнул. Гэндальф не выдержал и вскочил.

— Кирит Унгол? — переспросил он. — Так это долина Моргула... Время, Фарамир, время! Когда ты расстался с ними? Когда они должны достичь этой проклятой долины?

— Я простился с ними два дня назад, — слегка удивленный, ответил Фарамир. — Оттуда по прямой до Моргулдуина лиг пятнадцать, значит, к крепости им не попасть раньше сегодняшнего дня. Я понимаю, чего ты боишься, Митрандир. Но темнота не связана с этими событиями. Мрак пришел позавчера, и уже прошлой ночью весь Итилиен был затемнен. Видно, Враг давно задумал наслать на нас Тьму, и час для этого был назначен задолго перед тем, как я расстался с ними.

Гэндальф, совершенно забывшись, широким шагом расхаживал взад и вперед.

— Позавчера утром, — бормотал он. — Три дня пути... Где ты с ними расстался?

— Отсюда до того места лиг двадцать пять по прямой, — прикинул Фарамир. — Но я еще заходил на остров Кеир Анд-

рос. Наши кони оставались на том берегу. Когда пришел Мрак, я с тремя всадниками поскакал галопом к Городу, а остальных послал усилить охрану бродов в Осгилиате. — Он взглянул на отца. — Я правильно поступил?

— Ты спрашиваешь?! — неожиданно вскричал Денетор, сверкая глазами. — Зачем спрашивать? Ты командовал отрядом, а спрашиваешь меня? Тогда почему ты не спросил моего мнения о других твоих делах? Мои советы для тебя — ничто. Я же видел, как ты смотрел на Митрандира! Вот кто давно завладел твоим сердцем, вот от кого ты ждешь одобрения или нареканий своим поступкам! Да, я стар, но из ума еще не выжил. Слух и зрение еще не подводят меня, так что ты напрасно старался умолчать кое о чем. Мне ведомо и это. О, как не хватает мне Боромира сейчас!

— Но если тебе не нравятся мои действия, отец, — сдержанно отвечал Фарамир, — я хотел бы услышать, что в них не так? И почему ты не сказал мне, чего хочешь, перед моим уходом в разведку?

— Разве это что-нибудь изменило бы? — Денетор почти кричал. — Я знаю тебя, знаю, что ты всегда хотел быть благородным и великодушным, как древние короли. Но что хорошо для мира, не всегда годится для войны. А на войне за доброту можно поплатиться жизнью!

— Да будет так! — вскинув голову, твердо ответил Фарамир.

— Я знаю, — продолжал Денетор, — что ради своей совести ты пойдешь на смерть. Но речь не только о тебе, речь идет о жизни твоего отца и твоего народа. Ты должен думать о нем теперь, когда нет твоего брата.

— Значит, ты хотел бы видеть его на моем месте?

— Да, хотел бы. Он был верен мне, а не своему учителю-магу. Он не забыл бы о нуждах своего народа и его Правителя. И уж если судьба дала бы ему в руки могучий дар, он привез бы его мне.

Фарамир нахмурился.

— Отец, именно ты тогда убедил совет послать в Имладрис не меня, а брата. Он отправился в путь с поручением Правителя Гондора.

— Я не забыл, — скорбно произнес Денетор, — и от этой ошибки чаша моя еще горше. Если бы Оно попало ко мне! — воскликнул он, почти не владея собой.

— Полно, Правитель, — сказал Гэндальф. — Боромир погиб, и погиб доблестно, да почиет он в мире! Но не обольщайся, он не привез бы тебе того, о чем ты сетуешь. Он оставил бы Его себе, и по возвращении ты не узнал бы собственного сына.

Лицо Денетора стало холодным.

— Так, значит, Боромир оказался не настолько покорен твоей Воле? — вкрадчиво спросил он. — Так вот, он принес бы Его

мне! Ты мудр, Митрандир, но твоя мудрость — еще не все. И я говорю тебе: есть решение, свободное от глупой суеты и ухищрений чародеев.

— В чем же оно состоит? — осведомился Гэндальф.

— В том, чтобы избегать крайностей. Если нельзя Им воспользоваться, то уж вовсе глупо отправлять такое бесценное сокровище в лапы Врага, да еще поручать Его неразумному полурослику, как это сделал ты и вот этот мой сын. Это не мудрость, это безумие!

Гэндальф был само смирение. И голос его прозвучал почтительно и удрученно:

— Как же поступил бы на нашем месте могучий и мудрый Денетор?

— Прежде всего, не стал бы делать глупости! — резко ответил Правитель. — Я никогда не поставил бы судьбы народов в зависимость от Этой Вещи. Нет. Я сохранил бы Его, надежно укрыв от любых глаз. И воспользовался бы Им только в самом крайнем случае для полной и окончательной победы, после которой уже неважно, что будет дальше.

— Но кроме Гондора есть другие люди, другие страны, другие времена, — осторожно заметил Гэндальф.

— Если Гондор падет, — отчеканил Денетор, — ничего другого не будет! Лежи Оно сейчас в подземельях Цитадели, мы не тряслись бы от страха в этом Мраке. Если ты думаешь, что это искушение не по мне, значит, плохо меня знаешь!

Гэндальф опять был самим собой: спокойным, насмешливым и уверенным.

— Нет, Денетор, я не доверяю тебе. А после твоих слов — и подавно. Если бы доверял, Оно давно хранилось бы в Гондоре, и множества забот удалось бы избежать. Нет, Правитель, я не доверяю и себе, поэтому мне пришлось отказаться от Него даже как от подарка. Твоей силы еще хватает, чтобы владеть собой, но будь Оно здесь, будь Оно даже погребено под все толщей Белых Гор, — Оно подчинило бы тебя, выжгло бы твой разум, и тогда... тогда будущее наше было бы еще страшнее, чем сейчас.

Глаза Денетора пылали гневом, когда встретились со взглядом мага. Пиппин снова ощутил напряжение двух могучих воль. Казалось, что воздух между ними потрескивает и из него сыплются искры. Пиппин затрясся в ожидании смертельного удара, но Денетор, как и в первый раз, отвел глаза и взял себя в руки.

— Если бы, если бы... — проворчал он. — Слова! Что в них толку! Оно ушло во Мрак, и мы можем только ждать, и теперь уже недолго. А пока все враги одного Врага должны быть вместе. Надежда и твердость еще нужны нам, хотя бы для того, чтобы умереть достойно, когда надежды больше не будет. — Он повернулся к Фарамиру и как ни в чем не бывало спросил: — Что ты думаешь об обороне Осгилиата?

— Она слаба, — отвечал Фарамир. — Я послал туда отряд из Итилиена.

— Этого мало, — веско сказал Денетор. — Первый удар придется именно туда, и там нужен талантливый военачальник.

— Как и во всех других местах, — отозвался Фарамир и встал. Если бы он не ухватился за спинку кресла, то упал бы.— Разреши мне удалиться, отец.

— Да, я вижу, ты устал. Скакал долго и быстро, как я слышал, да еще злые тени с неба....

— Не будем говорить об этом, — сказал Фарамир.

— Хорошо, не будем, — согласился Денетор. — Иди, отдыхай, пока можно. Но завтра тебе понадобится вся твоя сила.

Гэндальф и Пиппин с факелом в руке шли домой. Только когда за ними закрылись двери комнаты, Пиппин спросил:

— Как ты думаешь, надежда еще есть? Я про Фродо, ну и про остальных тоже...

Гэндальф ласково погладил его по голове.

— Особенно большой надежды и раньше не было, разве только на чудо. А теперь еще Кирит Унгол... — Маг замолчал и, подойдя к окну, долго вглядывался в темноту. — Хотел бы я знать, почему именно туда? Откровенно говоря, Пиппин, когда я услышал про Кирит Унгол, сердце у меня упало. Но все-таки в том, что рассказал Фарамир, кроется какая-то надежда. Особенно если враг начал войну, когда Фродо был еще в пути. Теперь Око Врага будет шарить где угодно, но не в своих владениях, там ему нечего высматривать. Я даже отсюда чувствую, как он спешит. Ему пришлось начать раньше, чем он предполагал. Что-то поторопило его. Но что? — Он надолго задумался, а потом сказал с усмешкой: — Может быть, это было твое любопытство, несмышленыш. Смотри, пять дней назад был низложен Саруман, и нам достался его камень. Да, — возразил он сам себе, — но мы же не можем использовать Палантир...

Вдруг Гэндальф резко выпрямился и вскинул голову.

— Ах, вот оно что! Как же я сразу не подумал! Арагорн! Его срок приближается. Силы и твердости ему не занимать. Смел, решителен, может рискнуть, если надо. Да, конечно!

Пиппин во все глаза, ничего не понимая, смотрел, как необычайно оживленный Гэндальф шагает из угла в угол. А маг между тем продолжал:

— Арагорн смотрел в Палантир и показал себя Врагу. Он сделал это не случайно, ему нужно было... — Маг посмотрел на Пиппина, словно очнувшись. — Ладно, — он устало махнул рукой, — мы узнаем обо всем от Всадников Рохана. Если они не опоздают, — добавил он. — Тяжелые дни нам предстоят. Давай спать, Пиппин, пока можно.

— Но... — начал было Пиппин.

Глаза мага под густыми бровями сверкнули.

— Что «но»? — спросил он. — Хватит на сегодня. Давай спрашивай, но только один вопрос.

— Я про Горлума, — сказал Пиппин. — Почему они вместе, почему он ведет их? И почему и Фарамиру и тебе так не нравится место, куда он их ведет?

— Наверное не знаю, — покачал головой маг, — но я был уверен, что Фродо и Горлуму предстоит встретиться, чем бы их встреча ни кончилась. О крепости Кирит Унгол ты лучше молчи. Страшна не крепость, страшно предательство. А эта жалкая тварь словно создана для него. Правда, иногда бывает, что зло творит добро, само того не желая. Будь что будет. Доброй ночи, малыш!

Утро было хмурым и темным. Оживление, связанное с прибытием Фарамира, покинуло людей, и лица снова стали тревожными и подавленными.

Крылатых теней больше не видели, но из поднебесья снова и снова доносился их вой. Слышавшие его застывали в ужасе, а те, кто был послабее духом, тряслись и плакали.

Фарамир снова уходил. «Уж отдохнуть не дадут, — перешептывались люди. — Правитель слишком суров с сыном, тому достается теперь за двоих». Люди все чаще поглядывали на север — не покажутся ли Всадники Рохана.

Фарамир действительно уходил не по своей воле. Но Правитель Города еще и глава совета. В этот день у него не было настроения внимать остальным. Совет собрался ранним утром. Речь на нем шла об угрозе с юга. Сил для встречного боя не было. Оставалось ждать прихода Всадников, а пока их нет, еще раз проверить оборону стен.

— Но мы не должны оставлять внешние оборонительные линии, — сказал Денетор. — Раммас недешево обошелся нам, было бы только справедливо, чтобы и Враг дорого заплатил за переправу через Реку. На севере, у Кеир Андроса, болота, там ему не пройти, южнее Лебеннина Андуин слишком широк, потребуется целый флот лодок. Если Враг решится переходить Реку, то только у Осгилиата. Так бывало и раньше, когда броды защищал Боромир.

Фарамир, глядя прямо в глаза отцу, ответил:

— Раньше — да. Но при таких огромных силах Враг может позволить себе потерять у переправы целое войско, а для нас недопустима потеря даже небольшого отряда... Если он все-таки перейдет Реку, защитникам Осгилиата уже не пробиться к Городу.

— Обороняя Осгилиат, надо удерживать и Кеир Андрос, — поддержал Фарамира Имрахиль. — Нельзя оставить без прикрытия левый фланг обороны. Рохирримы ведь могут и не прийти. А Фарамир доложил, что к Черным Воротам стягива-

ются огромные силы. Враг может ударить одновременно в разных местах.

— Войны без риска не бывает, — проворчал Денетор. — На Кеир Андросе хватит небольшого гарнизона. Но я не отдам без боя ни Пеленнор, ни Осгилиат, если только найдется кто-то, способный выполнить мою волю.

Фарамир встал.

— Боромира нет, отец. Если таков твой приказ, то вместо него пойду я.

— Да, это приказ, — подчеркнуто сухо ответил Денетор.

— Прощайте, — произнес Фарамир. — Если мне суждено вернуться, думайте обо мне лучше, отец.

— Это зависит от того, как ты вернешься, — резко сказал Денетор.

Последним, перед самым отъездом, с Фарамиром говорил Гэндальф.

— Береги себя, — посоветовал маг напоследок. — Ты еще будешь нужен здесь, и не только как воин. А отец тебя любит, это я тебе говорю. И он еще вспомнит об этом. Ну, прощай!

Так и получилось, что Фарамир ушел с небольшим отрядом. Воины со стен тщетно пытались разглядеть, что происходит в развалинах Осгилиата. Другие, в ожидании Всадников Теодена, не отрывали взгляда от севера. Придут ли? Вспомнят ли старый союз?

— Придут! — успокаивал Гэндальф. — Придут обязательно, разве что немного запоздают. Теоден получил Красную Стрелу дня два назад, а путь от Эдораса неблизкий.

Уже под вечер со стороны Андуина примчался гонец. Нерадостные вести привез он. Из Минас Моргула выступило большое войско, оно приближается к Осгилиату. К нему примкнули отряды харадримов.

— Ведет войско Король-Призрак, — в глазах гонца бился страх. — Ужас переправился через Реку раньше, чем его войска.

Этими словами закончился для Пиппина третий день пребывания в Городе. Мало кто спал в Минас Тирите в эту ночь. Надежда оставляла сердца. Люди понимали, что даже Фарамиру не удастся долго удерживать броды.

Следующий день начался хуже, чем кончился предыдущий. Гонцы сообщили, что войска Врага перешли Реку и Фарамир отступает к стенам Пеленнора перед силами, вдесятеро превосходящими его отряд.

— Враги идут по пятам, — сказал вестник, — они дорого заплатили за переправу, но все же меньше, чем мы надеялись. У них были готовы плоты и лодки, и они шли, как туча. Но страшнее всего — Король-Призрак. При его приближении ма-

ло кто устоит. Даже собственные воины стонут под его рукой, но, выполняя приказ, готовы загрызть друг друга.

— Значит, пришло мое время, — сказал Гэндальф и тут же ускакал на восток. Пиппин всю ночь простоял на стене, кутаясь в плащ и не сводя глаз с темного горизонта.

Колокола едва начали вызванивать утро (хотя тьма оставалась такой же непроглядной), когда со стороны Пеленнора послышался глухой рокот и стали видны багровые вспышки. Тревожный сигнал трубы призвал воинов Города к оружию.

— Стена взята! — кричали где-то. — Они идут!

С горстью всадников появился Гэндальф. Он сопровождал целую вереницу повозок с ранеными. Маг сразу же поднялся к Денетору в верхнюю комнату Белой Башни. С Правителем был только Пиппин. Денетор всматривался сквозь тусклые окна то на север, то на юг, то на восток, как будто пытаясь проникнуть взором сквозь роковую тьму, окутавшую его Город. Но, конечно, основное внимание Правителя было обращено на север; глаза не помогали, и он напрягал слух, словно благодаря какому-нибудь древнему искусству мог расслышать топот копыт на дальних равнинах.

— Фарамир вернулся? — вместо приветствия спросил Денетор.

— Нет, — ответил маг, — но он жив. Во всяком случае, был жив, когда мы расстались. Он сдерживает людей, чтобы отступление не превратилось в бегство. Это не просто, потому что пришел тот, кого я боялся.

— Враг? — вскричал Пиппин, забывший от страха свое место.

Денетор громко рассмеялся.

— Нет еще, добрый Перегрин. Враг появится только в миг последней победы. До тех пор он воюет руками других. Так делают все великие Правители, если они мудры. Вот и я сижу в своей башне, думаю, наблюдаю и не щажу даже своих сыновей, хотя сила еще не покинула Правителя Гондора.

Он выпрямился, откинув черный плащ, — под ним была кольчуга, опоясанная длинным мечом в черных с серебром ножнах.

— Долгие годы не снимаю я боевой одежды даже во сне, — промолвил он. — Нельзя позволять телу разнеживаться.

— Однако самый грозный вождь из тех, что служит Черной Крепости, уже взял ваши дальние укрепления, — сказал Гэндальф, внимательно глядя на Денетора. — Это бывший король Ангмара, великий чародей, ныне — предводитель назгулов и меч ужаса в руке Саурона.

— Вот достойный противник для тебя, Митрандир, — слабо усмехнулся Денетор. — Я давно знал, кто ведет войска. И это все, что ты принес оттуда? — насмешливо спросил он.

Пиппину стало страшно. Он никогда не видел Гэндальфа в гневе, и ему казалось, что момент для этого настал. Но он ошибся. Голос мага звучал так же ровно.

— Еще не время испытывать нашу силу, — говорил Гэндальф. — Если правдиво старинное предсказание, то этот вождь найдет гибель не от руки воина. Даже мудрейший из Мудрых не знает, что его ждет. Впрочем, этот верховный назгул пока не рвется вперед. Видно, и он владеет мудростью, о которой ты только что говорил. А теперь к делу. Я прибыл с ранеными, которых еще можно исцелить. Стены Пеленнора разбиты, к ним подходят полчища Мордора. Но я прибыл не за тем. В полях скоро грянет битва. Я хотел предложить тебе использовать всадников. У Врага нет конницы, значит, можно надеяться хоть на короткий успех.

— У нас тоже не так много конных, — недовольно отозвался Денетор. — Рохирримы были бы сейчас очень кстати.

— Сначала появятся другие, — сказал Гэндальф. — Пал Кеир Андрос, беженцы оттуда стекаются к Городу. Из Моранноно вышло еще одно войско, оно переходит сейчас Реку на северо-востоке.

— Говорят, Митрандир, что тебе приятно приносить дурные вести. Но для меня и это — не новость. Я знаю то, что знаю. Идем вниз, посмотрим, что можно сделать для обороны Города.

Время шло. Дозорные со стен видели отступающие отряды. Маленькие группки усталых, зачастую раненых людей отступали в беспорядке; кое-кто просто бежал, словно спасаясь от преследования. Далеко на востоке появились огоньки, теперь они медленно расползались по равнине. Горели дома и амбары. Потом из разных мест ручейки красного пламени потекли сквозь мрак, направляясь к широкой дороге, ведущей от Ворот Города к Осгилиату.

— Враг идет, — глухо переговаривались люди, — стена пала. Вон они, лезут через бреши! И похоже, с факелами. Где же наши-то?

По времени был вечер, но в тусклом сумраке даже зоркие воины Цитадели не могли разглядеть, как обстоят дела на равнине. Пожарищ становилось все больше. Ручейки факелов сливались в реки. Между ними и Городом остался лишь один отряд. Он тоже отступал, но при этом сохранял порядок, воины держали строй и, кажется, даже не очень торопились. Дозорные затаили дыхание.

— Это, должно быть, Фарамир, — говорили они. — Он может приказывать и людям, и коням. Он еще пытается...

До Ворот оставалось не больше двух фарлонгов, когда отступавших нагнал арьергард, сдерживавший врага. Всего не-

сколько всадников! Вот они снова развернулись, встречая преследователей. Перед ними волновалось настоящее огненное море! Ряд за рядом шли орки с факелами, оглушительно орали дикие южане, размахивавшие красными знаменами. Враги вот-вот могли отрезать и окружить отступавших гондорцев, и в довершение ко всему, с темного неба с душераздирающими воплями обрушились крылатые назгулы.

Организованное отступление сменилось паническим бегством. Люди бросали оружие, крича от страха. Но в этот момент со стен Цитадели запела труба, и вылетевший из ворот отряд всадников с громким кличем атаковал врагов. Со стен им ответил другой клич, а потом — радостные крики. В бой вступили рыцари Дол Амрота, предводительствуемые Имрахилем. Но впереди всех стремительно летел белый сияющий всадник. Луч ослепительного света порой вырывался из его воздетой руки.

Назгулы с воплями, похожими на обиженное карканье, взмыли вверх и улетели. Их предводитель не спешил вступать в открытый бой. Захваченное врасплох войско Моргула не выдержало натиска и обратилось в бегство. Преследователи стали преследуемыми. Рыцари рубили и кололи с ожесточением, и скоро поле покрылось трупами орков и людей, а факелы шипели и гасли в крови.

Но Денетор не позволил им зайти далеко. Хоть враг и был отброшен, но с востока подходили новые полчища. Снова запела труба. Всадники Дол Амрота остановились и перестроились, прикрывая отступавшие отряды. Так, в боевом порядке, они и вошли в Город. Люди приветствовали их, но крики сами собой стихли, когда все увидели, что от отряда Фарамира осталась едва одна треть. Самого его не было видно.

Вслед за всадниками ехал Имрахиль. Он прижимал к груди безжизненное тело своего родича Фарамира, сына Денетора, подобранного на поле боя.

— Фарамир! Фарамир! — горестно восклицали люди, но он не отвечал, и его несли все выше по извилистой дороге, в Цитадель, к отцу. В тот миг, когда назгул отвернул в сторону перед Белым Всадником, случайное копье сразило Фарамира, сдерживавшего неистовых харадримов. Только удар рыцарей Дол Амрота спас его от мечей, готовых изрубить славного воина.

Имрахиль принес Фарамира в Белую Башню и положил к ногам Денетора.

— Ваш сын вернулся, Правитель, — негромко сказал он, — вернулся, покрыв себя славой.

Денетор встал и долго всматривался в бледное лицо, обрамленное мягкими кудрями. Потом он приказал устроить ложе здесь же и уложить на него Фарамира, а сам поднялся в верхнюю комнату Башни. Многие видели, что в эту ночь в окнах

ее долго мелькали бледные огни, потом погасли. Когда Денетор спустился и сел у изголовья ложа, лицо его было столь же мертвенно-бледным, как у раненого.

Вокруг Города сомкнулось кольцо осады. Раммас был разрушен, и весь Пеленнор захвачен врагом. Последними в Город вошли уцелевшие воины северного гарнизона, охранявшие перевалы на анориенской дороге. Привел их Ингольд, тот самый, который говорил с Гэндальфом и Пиппином всего пять дней назад — когда еще светило солнце, а утро дарило надежду.

— Рохирримов все нет, — сказал он, — и теперь уже, наверное, не будет. Если они и придут, нам это вряд ли поможет. Их опередит другое войско. Говорят, оно уже переправляется через реку возле Андроса. Там тьма мордорских орков и бессчетные рати людей. Таких мы еще не видели. Они коренастые, бородатые, как гномы, и с топорами. Наверное, это восточные дикари. Они захватили северную дорогу и вошли в Анориен. Теперь рохирримам не пройти.

Ворота были закрыты. Всю ночь караульные на стенах слушали гул вражеских толп, бурлящих снаружи, видели горящие поля и деревни. В темноте не понять было, сколько врагов перешли Реку, но поутру, когда мрак немного посерел, подтвердились самые худшие опасения. Равнина была черна от марширующих отрядов и повсюду, как поганые грибы, вырастали черные и багровые шатры.

Орки, словно муравьи, суетливо рыли щели, огромным кольцом окружая Город на расстоянии полета стрелы. Готовые щели немедленно заполнялись текучим огнем — питался он не иначе как вражьими колдовскими кознями. Воины на стенах могли только бессильно наблюдать за этими зловещими приготовлениями. Как только отрывалась очередная щель, возле нее устанавливали катапульту. Защитники ничем не могли помешать этой работе. Поначалу в Минас Тирите орочью суету не принимали всерьез. Стены Города вздымались на огромную высоту. Их возводили в давние времена, до того, как угасло древнее мастерство нуменорцев. Со стороны равнины стены были неуязвимы ни для железа, ни для огня. Казалось, они будут стоять, пока цела земля, держащая их.

— Да нет, — успокаивали себя люди, — даже Неназываемому не войти в Город, пока мы живы, — и тут же спрашивали себя: — А сколько мы еще продержимся? Ведь у него есть оружие, перед которым от начала мира пало много крепостей. Это оружие — голод. Дороги перекрыты. Рохан не сможет нам помочь.

Но катапульты и не пытались сокрушить непобедимые стены. План нападения на Город разрабатывал не какой-ни-

будь орк или дикарь с востока. Над ним потрудился мощный и злобный разум. С громкими воплями, под протяжный скрип блоков, орки стали посылать снаряды непривычно высоко в небо. Снаряды падали в нижних ярусах Города. Многие взрывались, и из них во все стороны летел огонь. Начались пожары. Но не огонь был самым страшным. Следом из катапульт полетели головы воинов, павших у Осгилиата и у стен Пеленнора. Все они были заклеймены нечистым знаком Ока, многие изуродованы, лица искажены предсмертными муками. Город наполнился плачем. Люди проклинали гнусных врагов, тщетно сжимая кулаки.

Но осаждавшие были глухи к проклятьям, они не знали даже Всеобщего языка, обходясь своим грубым, не то лающим, не то каркающим наречием.

А у Темного Властелина было и еще более страшное, а главное, более действенное оружие, чем голод — отчаяние. Над осажденной крепостью снова закружились назгулы. Их вопли заставляли самых отважных падать наземь. Если же кому удавалось устоять, то руки их не держали оружие, мысли путались, и желали они только бегства и смерти.

Весь этот страшный день Фарамир лежал в тех покоях Белой Башни, куда его принесли. Он весь горел, бредил, и видно было, что жить ему осталось недолго. Денетор молча сидел рядом и смотрел на сына, словно никакой осады не было и Городу не угрожала смертельная опасность.

Даже в плену у орков Пиппину не приходилось так круто. Правитель не отпускал его, и Пиппин, подавляя страх, видел, как час за часом менялось, старея, лицо Денетора. Что-то сломило его гордую волю, и Пиппин не мог сказать, что терзает его сильнее: скорбь или раскаяние.

Когда на глазах Денетора выступили слезы, Пиппин не выдержал.

— Не плачьте, повелитель, — прошептал он, запинаясь. — Может быть, он еще поднимется. Надо посоветоваться с Гэндальфом.

— Я не хочу больше слышать о колдунах, — мрачно ответил Денетор. — Наша безумная надежда обманула нас, она попала к Врагу и умножила его силу. Ему ведомы наши помыслы; что бы мы ни предпринимали, все оборачивается против нас. Посмотри, вот я послал сына без слов прощания, без напутствия навстречу гибели, и вот он передо мной. С ним угасает мой род. Как бы ни закончилась война, кровь Денетора иссякла, и это конец всему.

В это время из-за дверей послышались голоса, звавшие Правителя. Денетор встал и громко сказал:

— Оставьте меня. Я должен быть здесь, рядом с сыном. Может, перед смертью он скажет что-нибудь. Пусть обороной

руководит кто-нибудь другой. Хотя бы этот Серый Безумец с его безумной надеждой. Я останусь здесь.

Так во главе защитников Города встал Гэндальф. Там, где он появлялся, к людям возвращалась надежда, страх перед крылатыми тенями исчезал. Он появлялся и у Цитадели, и у Ворот, и на стенах. Его повсюду сопровождал Имрахиль в сверкающей кольчуге. Видя рыцарей Дол Амрота, люди говорили: «Да, старые истории похожи на правду; в жилах этого народа течет эльфийская кровь, ведь здесь жили когда-то родичи Нимродели». И кто-нибудь принимался напевать строфы из баллады о Нимродель или из другой песни давно ушедших лет.

Но едва проходили рыцари, как тени снова смыкались над людьми, сердца холодели, и доблесть Гондора обращалась в дым. Город медленно тонул во тьме подступающего ночного отчаяния. Пожары теперь бесновались, никем не сдерживаемые, в первом круге уже никто не тушил огонь. Кое-где воины на внешней стене оказались отрезанными от подкреплений. Немногие на постах остались верны присяге, большинство укрылось за вторыми воротами.

Захватив равнину, Враг быстро навел мосты через Реку, весь день по ним переправлялись войска, а в середине ночи начался штурм. Орды нападающих миновали заполненные огнем щели по специально оставленным перемычкам и быстро двинулись вперед, не обращая внимания на редкие стрелы со стен. Для знаменитых гондорских лучников вполне доставало света, да и в целях недостатка не ощущалось. Но стрелков явно не хватало, чтобы нанести врагу серьезный урон. И тогда, решив, что доблесть защитников Города уже сломлена, по незримому знаку вперед медленно двинулись огромные осадные башни, спешно построенные в Осгилиате.

К дверям Правителя снова пришли гонцы. Они были так настойчивы, что Пиппину пришлось впустить их. Денетор молча повернулся к ним.

Один из воинов выступил вперед и сказал:

— Мы ждем ваших приказаний, Правитель. Нижний ярус Города в огне. Люди покидают стены, не все хотят повиноваться Митрандиру.

— Каких приказаний вы ждете от меня? — медленно проговорил Денетор. — Не все ли равно, где сгореть? Возвращайтесь в свой костер, а у меня впереди — свой. У Денетора и его сына не будет могил, их заменит огонь. Так было до того, как с Запада пришел первый корабль, так будет и теперь, когда Запад гибнет. Возвращайтесь в костер!

Воины вышли без поклона и нахмурившись.

Денетор отпустил руку Фарамира, встал и долго смотрел на сына. Пиппин с трудом разобрал его слова:

— Он горит! Он уже горит! Рушится дом его души!

Потом он подошел к хоббиту и, положив руку на плечо, взглянул в глаза.

— Прощай! — произнес он размеренно. — Прощай, Перегрин, сын Паладина. Недолго служил ты мне, сегодня твоя служба кончилась. Ступай и умри как хочешь. Можешь идти к своему неразумному приятелю, это он привел тебя к гибели. Пришли сюда моих слуг. Прощай!

Пиппин склонил колено.

— А я не прощаюсь с вами, повелитель! — дерзко сказал он, потом вскочил на ноги и посмотрел прямо в глаза Денетору. — Вы правы, мне нужно повидать Гэндальфа. Напрасно вы считаете его неразумным. Разума ему хватит на весь этот Город и еще останется. И пока он не потерял надежды, я тоже не буду думать о смерти. Хоть вы и освобождаете меня от службы, я-то не хочу быть свободным от своей клятвы. Если врагам суждено ворваться в Цитадель, я надеюсь быть рядом с вами до конца и заслужить оружие, полученное из ваших рук.

В начале его слов в глазах Денетора мелькнуло легкое удивление, но тут же погасло и сменилось усталым равнодушием.

— Поступай как хочешь, Перегрин, — тихо ответил он. — Моя жизнь окончена. Иди теперь и позови слуг. — Он слабо махнул рукой и снова сел у ложа Фарамира.

В покои вошли шестеро рослых слуг. Денетор удивил их, кротким голосом попросив укрыть Фарамира и поднять его вместе с ложем. Они безмолвно повиновались и, стараясь как можно меньше беспокоить метавшегося в бреду больного, осторожно понесли его. Тяжко опираясь на посох, сильно сутулясь, вышел за ними Денетор. Последним пристроился Пиппин.

Медленно, как на похоронах, они покинули Белую Башню и окунулись во мрак, озаряемый багровыми отсветами пожаров; медленно пересекли двор и постояли перед засохшим деревом. Тихо было здесь. Едва доносились со стен звуки сражения, да печально капала вода с засохших ветвей в темное озерко. Скорбная процессия миновала ворота Цитадели и, провожаемая изумленными и испуганными взглядами часовых, повернула на запад. В стене шестого яруса темнела запертая дверь. Ее открывали только во время погребений. Никто, кроме Правителя и служителей Дома Мертвых, не пользовался ею. От двери неширокая дорога вела к усыпальницам Королей и Правителей Гондора. От Города скорбное место отделялось ущельем.

Из маленького домика у дороги навстречу им выбежал напуганный служитель с фонарем. Денетор приказал отпереть дверь, и она бесшумно распахнулась. Теперь процессия поднималась по дороге между древних стен. В мечущемся свете фонаря из мрака выступали ряды колонн. Медленные шаги слуг гулко отдавались под сводами. Улица-туннель, где стены сплошь покрывали барельефы давно умерших людей, привела к Дому Предков, и здесь слуги опустили свой груз.

Пиппин с беспокойством осматривал просторный сводчатый зал. Слабый свет фонаря не достигал стен, освещая лишь ряды невысоких мраморных постаментов. На каждом из них покоилась фигура со сложенными на груди руками. Ближайший ко входу постамент был пуст. На него по знаку Правителя слуги опустили Фарамира. Денетор лег рядом с сыном. Слуги накрыли их одним покрывалом и склонили головы, как перед смертным ложем.

— Здесь мы будем ждать, — тихо прошелестел голос Правителя. — Бальзамирования не будет. Вот мой последний приказ: принесите побольше сухих дров и сложите вокруг. Это все. Прощайте.

Пиппин не мог больше выносить этого ужасного зрелища и выбежал из обители смерти.

— Бедный Фарамир! — твердил он. — Его лечить нужно, а не оплакивать. Бедный Фарамир! — Внезапно он остановился и хлопнул себя по лбу. — Нечего причитать! — прикрикнул он сам на себя. — Надо найти Гэндальфа.

Пиппин обернулся к слугам, закрывавшим двери.

— Слушайте, — торопливо сказал он, — не спешите выполнять приказы Правителя. Он не в себе. Пока Фарамир жив, не делайте ничего. Подождите Гэндальфа.

— Разве в Минас Тирите приказывает не Правитель Денетор, а Серый Странник? — угрюмо спросил старший из слуг.

— Или Серый Странник, или никто! — отрезал Пиппин и помчался в Город, назад, вверх по извилистой дороге, мимо изумленного привратника, через дверь и дальше, к воротам Цитадели.

— Куда спешишь, любезный Перегрин? — окликнул его страж, и Пиппин скорее по голосу узнал Берегонда.

— Митрандира ищу, — ответил хоббит.

— Раз Правитель послал, дело спешное, — уважительно произнес Берегонд, — но ты все-таки скажи мне быстренько: что происходит? Я недавно заступил, а мне говорят: Правитель отправился к Запертой Двери, а перед ним несли Фарамира.

— Несли, — подтвердил Пиппин, — к Дому Предков.

Берегонд низко опустил голову, скрывая слезы.

— Говорили, что он умирает, — пробормотал воин, — а он уже умер...

— Да нет, — с досадой воскликнул Пиппин, — он жив, и его можно спасти. Но ваш Правитель пал раньше своего города. Он лишился рассудка, понимаешь? — И хоббит вкратце рассказал о странных словах и поступках Денетора. — Вот мне и нужен Гэндальф. Как найти его?

— Он там, на стенах. Ищи его в самой гуще.

— Ладно. Я сейчас побегу за ним, но прошу тебя, Берегонд, останови Правителя, если можешь. Иначе он убьет Фарамира.

— Но я не могу покинуть пост без приказа, — растерялся Берегонд.

Пиппин чуть не плюнул с досады.

— Выбирай: или приказ, или жизнь Фарамира! Я же сказал: Правитель сошел с ума! Я ухожу, мне некогда. Если смогу, вернусь. — И он побежал к Воротам.

Встречные, увидев его плащ воина Цитадели, окликали его, чтобы расспросить о здоровье Фарамира, но он, не отвечая, пробегал мимо. Вот уже стали видны языки пламени, пылавшего за Воротами. Но Пиппина поразила тишина. Все словно замерло. В этой тишине вдруг послышался ужасный вопль, и вслед за ним — тяжелый глухой удар. От страха и неожиданности у Пиппина подкосились ноги, но он все же обогнул последний угол и тут остановился как вкопанный. Перед ним лежала привратная площадь. Гэндальф был здесь, но вместо того, чтобы окликнуть его, Пиппин молча отступил и притаился в тени.

Штурм Города продолжался. Гремели барабаны. Из темноты появлялась орда за ордой. Все больше врагов скапливалось под стенами. Огромные звери, словно движущиеся дома в красном неровном свете, — мумаки из Харада — волокли среди огненных рвов осадные башни и стенобитные орудия. Но тот, кто направлял их, похоже, не очень интересовался ходом сражения или счетом потерь. Первый натиск должен был испытать крепость обороны в разных местах и растянуть защитников по стенам. Главный удар предназначался Воротам. Окованные сталью, охраняемые неприступными башнями и бастионами, они казались незыблемыми, и все же именно здесь находилось слабейшее место.

Вот барабаны загрохотали громче. Взметнулись языки огня во рвах. Из темноты выползло диковинное устройство. Мощными цепями к нему был подвешен огромный таран, размером со стофутовое дерево. Долго ковался он в кузницах Мордора. Передний торец из вороненой стали в форме головы скалящегося волка был заговорен рушительными чарами. В память о Молоте Преисподней стародавних времен, таран назывался Гронд. Его волокло целое стадо мумаков, вокруг сновали орки, а позади шагали горные тролли.

Но к Воротам подойти было непросто. Их обороняли рыцари Дол Амрота и лучшие воины Города. Там воздух свистел от стрел и копий, осадные башни рушились или внезапно вспыхивали, землю покрывали обломки вперемешку с трупами дикарей и орков. А неслышимые приказы гнали к Воротам все новые и новые орды.

Гронд полз вперед. Огонь не брал его. То один, то другой из мумаков, обезумев от боли, причиняемой стрелами, начинал метаться, давя суетившихся вокруг орков, но на место затоптанных тут же вставали другие.

Гронд полз вперед. Дико гремели барабаны, и вот на поле боя показалась новая ужасная фигура: высокий всадник в черном, с капюшоном, надвинутым на лицо. Медленно ехал он прямо по трупам, не обращая внимания на стрелы. Вот он остановился, и над головой его тускло блеснул длинный меч. Волна ужаса накрыла и нападавших, и защитников. Руки людей безвольно опустились. На миг все стихло. Снова грохнули барабаны. Гронд рывком двинулся. Огромные руки троллей качнули его, и на Ворота обрушился первый удар. Казалось, содрогнулся весь Город, но дерево и сталь выдержали.

Черный Предводитель привстал на стременах, и над равниной троекратно прозвучало древнее заклинание. Ни камни, ни люди не в силах были противостоять ему. Трижды ударил в Ворота таран; пространство между землей и небом пронизала молния, и с третьим ударом Ворота рухнули грудой обломков.

Король-Призрак двинулся вперед — бескрайняя черная злоба среди зажженного им пожара. Король-Призрак миновал арку ворот и вошел в город, никогда не видевший врага за своими стенами, и все живое бежало от него.

Посреди площади Короля-Призрака ждал Гэндальф. Сполох под ним был похож на мраморное изваяние.

— Тебе не дано войти сюда, — сказал Гэндальф, и неторопливо ехавший Черный Всадник остановился. — Возвращайся в бездну, откуда пришел. У тебя и твоего хозяина нет будущего в этом мире. Уходи!

Черный Всадник откинул капюшон плаща. Багровые отсветы заиграли на его стальной короне. Но корона венчала пустоту! Невидимый рот разразился мертвым смехом.

— Старый глупец! — раздался вслед за тем низкий голос. — Это *мой* час! Ты не узнаешь смерть, даже когда она перед тобой. Ты умрешь напрасно! — Всадник взмахнул мечом; по лезвию клинка струились волны холодного пламени.

Однако Гэндальф не шевельнулся. В этот самый миг где-то далеко, в центре Города, звонким и ясным голосом запел петух.

Для него не существовало ни войны, ни древней магии; он чувствовал там, высоко в небесах, утро, встающее над тенью смерти.

Крик его не успел замереть в воздухе, как издали ему стройно и грозно отозвались боевые рога, и темные склоны Миндоллуина эхом отразили их звуки. Рохан все-таки пришел.

Глава 5
ПОХОД ТЕОДЕНА

Мерри лежал, завернувшись в одеяло, и тщетно вглядывался в темноту. Ночь была тихой, безветренной, только деревья чуть слышно вздыхали вокруг. Он поднял голову и снова услышал настороживший его звук. Где-то вдали глухо били барабаны. Замолкая в одном месте, удары тут же возникали в другом. Интересно, слышат ли их часовые?

Невидимые в темноте, расположились на отдых войска рохирримов. Пахло лошадьми. Мерри слышал, как они пофыркивают и мягко переступают копытами по усыпанной хвоей земле. На ночь Теоден остановился в глухом сосновом бору у подножия сигнального холма Эленах, поднимавшегося высоко над вершинами Друаданского Леса.

От усталости Мерри не мог заснуть. Шли пятые сутки похода. Мрак, становившийся все плотнее, приводил воинов в уныние. Мерри уже не понимал, зачем так рвался в этот поход, ведь ясный приказ Короля позволял ему остаться. Хоббит уже не раз принимался гадать, знает ли Король о его самоуправстве. А если знает, то что думает? Наверное, Дернхельм както договорился с Эльфхельмом, командиром их «йореда» (так Всадники называли отряды). Во всяком случае, воины старались не замечать лишнего новобранца. С ним никто не заговаривал, а если смотрели, то как на лишнюю переметную суму за спиной Дернхельма. Да и сам молодой Всадник за всю дорогу не проронил ни слова. Тут поневоле начнешь ощущать себя никому не нужной обузой.

Войска Теодена все ближе подходили к опасным местам. До внешних укреплений Минас Тирита оставалось меньше дня пути. Разведчики, которым удалось вернуться, доложили, что дорога впереди захвачена врагом. В трех милях западнее Амон Дина стоит целая орда, а большой отряд орков идет навстречу. Они уже в трех-четырех лигах от Друаданского Леса.

Король и Йомер собрали ночной совет. Мерри с удовольствием перемолвился бы словом хоть с кем-нибудь. Он вспомнил Пиппина и еще больше расстроился. Любезный друг Пиппин, тоже один, брошен где-то там, в Каменном Городе, на произвол судьбы... Мерри отчаянно захотелось стать большим и сильным Всадником, таким как Йомер, например, чтобы тру-

бить в рог и, не разбирая дороги, мчаться кому-нибудь на выручку. Он снова прислушался. Барабаны били теперь намного ближе. Внезапно послышались негромкие голоса, и меж деревьев замелькали затененные фонари. Мерри встревоженно привстал, и в ту же секунду о него споткнулись. Голос Эльфхельма проклял древесные корни. Это было уже слишком!

— Я не корень, — всхлипнул Мерри. — Я — хоббит, Мериадок. Что случилось?

— Да в такой тьме все может случиться, — отозвался Эльфхельм. — Приготовься, мы ждем приказа выступить немедля.

— Враги? — ахнул Мерри. — Я слышал барабаны...

— Враги не решатся покинуть дорогу, а барабаны — это речь лесных людей из Леса Друадан. Их немного, они осторожны, а прятаться умеют, как никто. Стрелки хоть куда, стреляют отравленными стрелами. Я рад, что они нам не враги, хотя и союзниками никому никогда не были. Но они боятся пришедшей тьмы и сейчас предложили Правителю союз и помощь. Они вон там, где фонари. — Он махнул рукой и исчез.

Сообщение о Лесных Людях с отравленными стрелами отнюдь не обрадовало Мерри. Наоборот, прежние страхи лишь усилились. Дальше ждать в неведении было невыносимо, поэтому он вскочил и направился вслед за мелькавшими между деревьями фонарями. Шел он осторожно, по-хоббитски, и вскоре достиг поляны.

На ветке большого дерева висел фонарь. Под ним было посветлее. Мерри увидел сидящих рядом Правителя и Йомера, а перед ними — странное существо, больше всего походившее на корявый пень. Короткие узловатые руки и ноги, клочковатая борода, а может, просто сухой мох, травяная юбка. Чем-то его вид показался Мерри знакомым, и вдруг ему припомнились идолы из Дунхарга. Было в лесном человеке что-то от оживших древних изваяний. Вполне возможно, что он приходился потомком тем, кого изобразили безвестные мастера на каменной дороге. Этот лешак говорил низким гортанным голосом, но, к изумлению Мерри, говорил на Всеобщем языке, хоть и с трудом подбирая слова и временами сбиваясь на родное наречие.

— Нет, Отец Конных Людей, — объяснял он Теодену, — мы не воюем. Мы только охотимся. Убиваем горганов в лесах, ненавидим орочий народ. Вам они тоже враги, и мы вам поможем. У Лесных Людей длинные уши, а глаза видят далеко. Мы знаем здесь все тропы. Это наша земля. Она была нашей еще до Каменных Домов, еще до прихода из-за Вод Высоких Людей.

— Но нам нужна помощь в бою, — настаивал Йомер. — Чем вы можете помочь?

— Принесем вести, — быстро сказал дикарь. — Мы глядим с холмов. Каменный Город закрыт. Там снаружи пожары, а теперь и внутри. Вы хотите туда попасть? Тогда вам надо спешить. Но горганы и люди издалека, — он махнул короткой узловатой рукой на восток, — ждут на конной дороге. Очень много их, больше, чем Конных Людей.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Йомер. Плоское лицо и темные глаза старика остались бесстрастными, но в голосе прозвучала обида.

— Я назвал мой народ Лесными Людьми, а не детьми. Я — великий вождь Гхан-бури-Гхан. Я могу сосчитать звезды в небе, листья на деревьях, людей в темноте. У вас — двадцать двадцаток, считанных десять раз и еще пять. У них больше. И еще много бродит вокруг стен Каменного Города.

— Он говорит истинную правду, — вздохнул Теоден. — Наши разведчики видели рвы на дороге и воткнутые колья. Такое препятствие не одолеешь с налету.

— Но мы же должны спешить! — воскликнул Йомер. — Город горит!

— Выслушайте Гхан-бури-Гхана, — напомнил о себе дикарь. — Он знает не одну дорогу. Он проведет вас там, где нет никаких ям, где не ходят горганы — только Лесной Народ и звери. Много дорог проложил здесь некогда Народ Каменных Домов. Они резали холмы, как охотник режет дичь. Лесной Народ думал, что они едят камень. Они ходили через Друадан к Риммону с огромными повозками. Они не ходят больше. Дорога забыта, но Лесной Народ помнит. Там, за холмом, под травой и деревьями, она идет от Риммона вниз, к Дину, а потом к старой конной дороге. Лесные Люди покажут. Вы убьете горганов и разгоните плохую тьму ярким железом, и Лесные Люди смогут спокойно спать в своих лесах.

Король посовещался с Йомером и обратился к дикарю:

— Мы принимаем твое предложение. Правда, у нас за спиной останется вражья рать, но если падет Каменный Город, нам незачем возвращаться. А если Минас Тирит выстоит, орки сами окажутся отрезанными. Если ты верен нам, Гхан-бури-Гхан, мы щедро вознаградим тебя и заключим союз на вечные времена.

— Мертвые не дружат с живыми и не подносят им даров, — сказал дикарь. — Если ты переживешь Тьму, оставь Лесных Людей в покое в их лесах и больше не трави, как зверей. Гхан-бури-Гхан сам пойдет с Отцом Конных Людей. Ты убьешь его, если попадешь в ловушку.

— Быть по сему! — решил Теоден.

— Сколько времени мы потратим на обход? — спросил Йомер. — Дорога, наверное, узкая, верхом не пройдешь?

— Лесной Народ ходит быстро, — ответил Гхан, — а там, в долине, по дороге пройдут четыре лошади в ряд, она только

в начале и в конце узкая. Лесные Люди добираются отсюда до Дина между восходом и полуднем.

— Семь часов... — задумчиво промолвил Йомер, — это для передовых отрядов, и часов десять для остальных. Когда войска растянутся цепью, ими трудно управлять. Мало ли что может случиться... Который час?

— Кто знает? — ответил Теоден. — Теперь есть только ночь.

— Когда темно, не всегда ночь, — поправил Гхан. — Лесные Люди чуют солнце даже во мраке. Оно уже поднялось над восточными горами. В небесных полях начинается день.

— Тогда надо выступать немедля! — воскликнул Йомер. — Иначе нам не успеть сегодня на помощь Гондору.

Мерри предпочел убраться незамеченным. Вот-вот должен был прозвучать сигнал к выступлению. Теперь от сражения их отделял один переход. Хоббиту пришлось собрать все свое мужество, да вдобавок вспомнить о Пиппине там, в осажденном пылающем Городе, чтобы страх отпустил его.

В этот день все обошлось благополучно. Враги не показывались. Лесной Народ разослал своих разведчиков следить за орками. Надо было обеспечить полную скрытность продвижения войск. Ближе к осажденному Городу мрак густел, и Всадники шли друг за другом вплотную. Каждый отряд вел проводник; старый Гхан широко шагал рядом с Королем. Поначалу Всадники замешкались, путаясь в густом кустарнике, и только далеко за полдень первые отряды вышли на восточные склоны Амон Дина к устью потаенной долины. По ней проходил заброшенный тракт, сливавшийся с конным путем из Города через Анориен. Но уже многие поколения гондорцев не подозревали о его существовании. Деревья, травы и кустарник надежно скрывали древнюю мостовую. Но заросли давали Всадникам возможность пройти незамеченными до самой равнины Андуина.

Передовой отряд остановился. Пока остальные подтягивались, Король призвал военачальников на совет. Йомер хотел было послать к дороге разведчиков, но старый Гхан покачал головой.

— Не надо посылать Конных Людей, — сказал он. — Лесные Люди уже увидели все, что можно увидеть в темноте. Они скоро вернутся и расскажут.

Действительно, вскоре Мерри заметил нескольких «идолов», промелькнувших во мраке. Они переговорили с Гханом, и старый лесовик повернулся к Королю.

— Лесные Люди много всего говорят, — сказал он. — Впереди опасность. По эту сторону Дина, в часе ходьбы стоят лагерем много людей. — Он махнул рукой на запад, в сторону сигнального холма. — Но отсюда до самых новых стен Камен-

ного Народа никого нет. Все заняты: стены рушат. У горганов земные грома и дубины из черного железа. Они так увлеклись, что не глядят вокруг! Они все думают, что орки стерегут дороги! — Тут старый Гхан издал чудной булькающий звук — надо полагать, смеялся.

— Прекрасно! — вскричал Йомер. — Даже в этом мраке снова блеснула надежда. Хитрости Врага иногда и нам на руку. Пока они разносят стены, которые могли бы нам помешать, мы в темноте подойдем поближе.

— Благодарю тебя, Гхан-бури-Гхан, — молвил Теоден. — Да пребудет с тобой удача за добрые вести и за твое водительство!

— Убейте горганов! Убейте орочий народ! Вот что нужно Лесным Людям, — ответил Гхан. — Прогоните плохой воздух и темноту ярким железом!

— Затем мы и пришли, — сказал Король, — к этому и стремимся. А чего добьемся — покажет завтра.

Гхан-бури-Гхан припал к земле и коснулся ее лбом в знак прощания, потом поднялся, собираясь уйти. И вдруг замер, принюхиваясь, точно встревоженный лесной зверь, учуявший подозрительный запах. Глаза его заблестели.

— Ветер меняется! — воскликнул он, и с этими словами мгновенно исчез во мраке вместе со своими родичами, и ни один из Всадников Рохана не встречал его больше. Вскоре далеко с востока снова донесся слабый барабанный бой. Никому из Всадников в голову не пришло усомниться в искренности Лесных Людей, хоть их повадки показались рохирримам странными и непонятными.

— Дальше нам не понадобятся проводники, — сказал Эльфхельм. — Среди нас есть воины, бывавшие в Городе. Да я и сам туда ездил. Когда выйдем к дороге, они возьмут к югу, а там уже предместья, и до стены — семь лиг. По обеим сторонам дороги почти всегда густая трава. Гондорские гонцы считают этот кусок пути самым легким. Мы сможем ехать быстро и без особого шума.

— Тогда неплохо бы сейчас отдохнуть перед жестокой битвой, — предложил Йомер. — Ночью двинемся дальше и к рассвету вырвемся в луга.

На том и порешили. Военачальники разошлись, но Эльфхельм вскоре вернулся.

— Все спокойно, повелитель, — сказал он королю, — но разведчики обнаружили на краю леса трупы двух людей и мертвых коней. Это — гондорские гонцы. Один, надо думать, Хиргон. В руке у него все еще зажата Красная Стрела, а голова отрублена. Похоже, они были убиты, когда скакали на запад. Я думаю, на обратной дороге они наткнулись на врага у внешних стен и повернули назад, так и не добравшись до Города.

— Худо! — нахмурился Теоден. — Значит, Денетор не знает о нашем походе.

— «Нужда не терпит, но лучше поздно, чем никогда»,— проговорил Йомер.— Кажется, сейчас эта старая пословица как нельзя кстати.

Ночью войска снова двинулись. Дорога обогнула отрог Миндоллуина и повернула к югу. Вдали затрепетали красные сполохи.

Йоред Эльфхельма шел вслед за правителем и его свитой. Мерри с удивлением заметил, что Дернхельм старается незаметно продвинуться вперед, пока наконец они не оказались среди воинов передового отряда, и для всех это осталось незамеченным.

Потом вышла задержка. Мерри услышал впереди приглушенные голоса. Разведчики, вернувшиеся почти от самой стены, говорили с Королем.

— Там огромные пожары, повелитель,— докладывал один.— Город окружен пламенем, а на равнине полно врагов. Они наступают. У внешней стены почти никого нет. Даже дозоры не выставлены.

— Помнишь слова дикаря, повелитель? — спросил другой.— Я жил в степях в мирные дни, меня звать Видраф, и я тоже умею читать в воздухе. Ветер меняется. Потягивает с юга, слегка морем пахнет. Утром над этой темнотищей будет рассвет.

— За добрую весть я желаю тебе дожить до мирных дней, Видраф,— сказал Теоден. Потом повернулся к своим приближенным и в полный голос обратился к Всадникам.

— Час настал, Всадники Рохана, сыны Йорла! Впереди — враг и огонь, позади — наши дома. Нас ждет бой на чужих полях, но слава навек останется с вами! Вы клялись Королю, земле и союзу дружбы! Время исполнить клятвы!

Воины ударили копьями в щиты.

— Йомер, сын мой! Ты поведешь первый йоред,— повелел Теоден,— и пойдешь в центре, за королевским знаменем. Эльфхельм, возьми вправо сразу за стеной, а Гримбольт поведет своих левее. Остальным — поддерживать головные йореды. Других планов не будет. Вперед же, не страшась мрака!

Кони почти с места взяли в галоп. Дернхельм, держась в последних рядах головного отряда, горячил коня. Мерри изо всех сил ухватился за воина левой рукой, а правой старался достать клинок из ножен. Ему отчетливо вспомнились слова Теодена о том, что для хоббита не найдется дела в этой битве, кроме гибели. «Действительно,— подумал он,— что я буду делать? Что я могу? Мешать Всаднику и надеяться, что не слечу с седла под копыта коней?»

Они домчались до стены быстрее, чем хотелось бы Мерри. Несколько возгласов, лязг оружия — и от небольшого отряда орков не осталось ничего. Всадники просто смели заслон.

Уже за стеной правитель остановил отряд. Мерри повертел головой и увидел, что люди Эльфхельма идут далеко справа,

а они с Дернхельмом вроде бы влились в отряд Теодена. Милях в десяти впереди разливалось зарево большого пожара, но еще ближе, не далее чем в лиге, виднелись пылающие узкие линии огня. Равнина тонула в темноте. Не было заметно ни малейших признаков рассвета или перемены ветра.

Теперь войска двигались медленно и бесшумно. Так вода просачивается через щели плотины, которую считают целой. Но разум и воля Черного Вождя в этот час полностью сосредоточились на гибнущем Городе. Враг и не подозревал, что в его планы уже вкралась ошибка.

Король Рохана приближался к первой линии осады. Их все еще не обнаружили, и Теоден медлил подавать сигнал к бою. Через некоторое время по знаку повелителя Всадники остановились. До Города было рукой подать. В воздухе пахло гарью. Кони беспокойно переступали ногами.

Теоден неподвижно сидел в седле, глядя на гибнущий Город. Казалось, бремя бедствий согнуло его гордую спину и заставило поникнуть плечи. Мерри, с безотчетной тревогой наблюдавший за ним, вдруг и сам почувствовал страшную тоску. Неясные сомнения и предчувствия неотвратимой беды, невозможность любого действия захлестнули хоббита, и он перестал осознавать себя. Время словно застыло на месте. Все поздно, все тщетно! Казалось, сейчас Теоден горестно покачает головой и повернет обратно к холмам...

Но вдруг что-то изменилось вокруг. Поднимался ветер! Едва заметно просветлело. Далеко на юге, над горизонтом, стали видны нависшие тучи, а за ними занималось утро!

В тот же миг над Городом сверкнула пронзительная молния, соединившая небо и землю. Белая Башня Звездной Цитадели выступила из тьмы, словно мрак отпрянул от нее. В воздухе пророкотал раскат грома, и всем воинам показалось, что исчезла давящая на плечи тяжесть. Тьма над Городом сомкнулась вновь, но Теоден уже сбросил оцепенение, выпрямился, и над войсками пролетел боевой клич Рохана:

Вставайте все! Беда! Беда!
Огонь и смерть! Щиты крепите!
Вздымайте копья! День меча,
Кровавый день — во имя света!
Летите вскачь! Вас Гондор ждет!

Правитель выхватил у оруженосца большой рог и протрубил с такой силой, что рог лопнул. На звук дружно и грозно откликнулись другие рога.

Летите вскачь! Вас Гондор ждет!

Теоден что-то крикнул своему коню, и он с места рванулся вперед. Позади билось на ветру знамя — белый конь мчался

по зеленому полю. За ним лавиной двинулся передовой отряд. Но Король Рохана летел впереди всех, его никто не мог догнать. Словно древнее божество, словно сам Великий Оромэ в битве Валаров на заре мира, неудержимо мчался Король Рохана. Он поднял щит, сверкнувший золотом в первых лучах солнца; трава под копытами его коня вспыхнула изумрудным ковром, потому что настало утро! Ветер с далекого Моря и солнце взяли верх, тьма отступила, полчища Мордора дрогнули в ужасе перед лавиной Всадников, катящейся на них, и побежали! А Всадники Рохана пели боевую песнь, пели и убивали врагов. И эта песнь, прекрасная и грозная, была слышна за стенами Минас Тирита.

Глава 6
ПЕЛЕННОРСКАЯ БИТВА

Атакой на Гондор руководил не простой предводитель орков. Тьма исчезла слишком рано, до срока, назначенного Темным Владыкой. Удача изменила Предводителю в тот самый миг, когда он уже протянул за ней руку. Но рука была длинной и сильной. Под его началом собралось огромное войско. Это был Король, Слуга Кольца, Верховный Назгул. Да, он покинул Ворота, исчез, но для него это не было поражением, а для защитников — победой.

Теоден свернул к Городу, от которого его отделяло не больше мили, и придержал коня. Рыцари собирались позади него, с ними был и юный Дернхельм. Впереди, ближе к стенам Города, отряд Эльфхельма громил осадные машины и истреблял врагов, загоняя их в огненные ямы. Вся северная часть Пеленнора была захвачена Всадниками, шатры орков пылали, а сами они бежали, спасаясь, к Реке. Но осада еще не была снята, Ворота не освобождены и в южной части поля стояли свежие силы врага. По ту сторону дороги собрались войска харадримов. Их предводитель заметил Теодена, вырвавшегося далеко вперед с несколькими воинами; он поднял знамя с черным змеем на красном поле и кинулся на Правителя Рохана.

Теоден тоже заметил его и рванулся навстречу. Северные и южные всадники сшиблись в яростной схватке, но северяне, хоть и не столь многочисленные, были более искусны в битве и быстро уничтожили отряд из Харада, а Теоден одним взмахом меча рассек их предводителя и его змеиное знамя. Уцелевшие южане повернули вспять и бежали.

Но вдруг блеск золотого щита Теодена потускнел. Небо померкло, на землю упала тень. Кони начали храпеть и взвиваться на дыбы, сбрасывая всадников.

— Ко мне! Ко мне! — вскричал Теоден — Не бойтесь тени! — Но его конь, словно обезумев, поднялся на дыбы, забил в воздухе копытами и, захрапев, грянулся оземь: в груди благородного животного торчало тяжелое черное копье. Падая, он с размаху придавил собою Теодена.

Огромная тень, подобная туче, опускалась на землю. Это было крылатое чудовище, похожее на исполинскую птицу без перьев. Кожистые крылья, растянутые между длинными когтистыми лапами, издавали ужасный смрад. Над полем нависло порождение древнего мира, тварь из последнего, забытого Временем выводка, появившегося на свет где-то в затерянных горных дебрях. Темный Владыка разыскал этот выводок и кормил падалью, пока детеныши не стали крупнее любого другого летучего создания. Потом он дал их вместо коней своим слугам.

Страшное существо спускалось кругами все ниже, потом, растопырив лапы, выгнув длинную голую шею и разевая усаженный острыми зубами клюв. Наконец чудовище село и, качнувшись, угнездилось на трупе коня Теодена.

На спине монстра сидел всадник, огромный и грозный, закутанный в черный плащ. Железная корона венчала его, но между короной и плащом были только мрак и мертвенный блеск призрачных глаз. Это был Предводитель назгулов. Исчезнув от Ворот, он вернулся по воздуху, а теперь спустился, неся гибель, превращая надежду в отчаяние, победу в смерть. В руке он держал железную палицу.

Все рыцари, сопровождавшие Теодена, были либо убиты, либо унесены обезумевшими конями. Только Дернхельм, чья верность превышала страх, остался на месте. Все это время Мерри безопасно сидел позади него, но когда на землю пала тень, конь сбросил обоих и умчался в ужасе. Мерри упал и быстро отполз на карачках в сторону, оглушенный и ослепленный страхом.

— Встань! Встань! — твердил он себе. — Ты же должен быть при Теодене. «Как отец будете вы для меня», — ты же сам это сказал.

Но воля была бессильна. Он не осмеливался даже открыть глаза и оглядеться.

Потом ему послышался голос Дернхельма, странно похожий на другой, тоже очень знакомый.

— Прочь, нечистый сын мрака, пожиратель падали! Оставь мертвых в покое!

И другой голос, полный холодной злобы, ответил:

— Не становись между назгулом и его добычей. Он не станет убивать тебя. Он унесет тебя в обитель скорби, дальше любой тьмы, где твою плоть сожрут, а трепещущую душу отдадут во власть Бессонного Ока.

Лязгнул меч, выхваченный из ножен.

— Что ж, попробуй, если сможешь! А я, если смогу, помешаю тебе!

— Помешаешь? Мне? Глупец! Ни один воин не может помешать мне!

И тут Дернхельм засмеялся, и в его голосе был звон стали.

— Но я не воин. Перед тобой женщина! Я Йовин, дочь Йомунда. Не становись между мной и моим родичем и повелителем! Будь ты живой или только оживший, прикоснись к нему — и погибнешь.

Крылатое чудовище неожиданно тонким и противным голосом закричало на нее, но Черный Всадник молчал, охваченный внезапным сомнением. От изумления Мерри забыл страх и открыл глаза. В нескольких шагах от него сидело чудовище, распространяя вокруг себя мрак, над ним грозной тенью высился назгул. Немного левее, обратясь лицом к нему, стоял тот, которого Мерри звал Дернхельмом, но теперь шлем упал с головы воина, освободив золото волос, рассыпанных по плечам. Серые, как море, глаза смотрели твердо и гневно. В одной руке воин сжимал меч, в другой — щит, которым заслонялся от взгляда страшного врага.

Да, это была Йовин. Мерри вспомнил взгляд молодого воина, когда они покидали Дунхарг, — взгляд без надежды, взгляд человека, готового встретить гибель. Сердце хоббита наполнилось жалостью и восхищением, и в нем проснулась медленно разгоравшаяся отвага его племени. Он приподнялся и, стиснув руки, прошептал:

— Она не умрет! Такая прекрасная, такая печальная... По крайней мере, она умрет не одна!

Черный Всадник не замечал его, а Мерри все не решался двинуться, боясь привлечь к себе губительный взгляд. Потом, очень медленно, начал отползать в сторону. Но Вождь-Призрак все думал о женщине, стоявшей перед ним, и о древнем предсказании.

Вдруг крылатое чудовище взмахнуло своими зловонными крыльями, прянуло в воздух и ринулось на Йовин, крича и стараясь ударить ее клювом.

Йовин не дрогнула: она была истинной дочерью Рохана, тонкой, как стальной клинок, и такой же гибкой. Ее удар был молниеносным и смертельным: он обрушился на вытянутую шею, и голова упала, как камень. Йовин отскочила назад, и обезглавленное чудовище, растянув огромные крылья, рухнуло на землю. В тот же миг мрак исчез и волосы Йовин заблестели на солнце.

Но Черный Всадник уже стоял перед нею, огромный и грозный. Со злобным криком, нестерпимым для слуха, он нанес удар палицей. Щит Йовин разлетелся, рука, державшая его, переломилась, а сама она зашаталась и упала на колени. Тогда Всадник навис над ней, как туча, и вновь взмахнул палицей, чтобы нанести последний удар...

Но вдруг он отпрянул, вскрикнув от страшной боли, и удар палицы, не повредив Йовин, обрушился на землю. Это Мерри вонзил в него сзади свой клинок из Упокоища, пробив черный плащ и невидимое тело ниже панциря. В тот же миг Йовин, привстав, последним усилием вонзила меч в пустоту между плащом и короной. Меч разлетелся вдребезги. Корона покатилась со звоном. Йовин упала на поверженного врага. Но плащ и панцирь были пусты и лежали на земле, смятые и бесформенные, а в воздухе пронесся, замирая, бесплотный жалобный голос и навеки затих в поднебесье.

Мерри стоял среди тел, мигая как сова днем, слезы ослепляли его. Словно в тумане видел он золотые волосы Йовин, распростертой неподвижно, и лицо Теодена, погибшего в час своей славы. Хоббит наклонился и взял его руку, чтобы поцеловать. Глаза Теодена открылись.

— Прощай, мой добрый Мериадок, — с трудом произнес старый Правитель. — Я весь разбит. Иду к предкам. Но даже среди них, могучих, мне теперь можно не стыдиться. Я убил змею. Утро было мрачное, день будет радостным, а вечер — золотым.

Мерри не мог говорить и только плакал.

— Простите меня, повелитель, — всхлипнул он наконец. — Я ослушался вас, и вся моя служба была в том, что я плакал, прощаясь с вами.

Теоден слабо улыбнулся.

— Не печалься! Я простил тебя. Нельзя запретить доблесть. Живи и будь счастлив, и не забывай меня. Никогда уже не придется мне сидеть с кубком и слушать твои рассказы. — Он закрыл глаза и умолк, потом заговорил снова: — Где Йомер? Мне хотелось бы видеть его, пока зрение не угасло. Он будет Правителем после меня. И пусть известит Йовин. Она не хотела отпускать меня, и я никогда больше не увижу ее.

— Но, повелитель... — запинаясь, проговорил Мерри, — она... — Только тут он услышал кругом шум, возгласы и звуки рогов. Оглядевшись, он вспомнил, что находится на поле битвы. Ему казалось, что с тех пор, как Теоден упал, прошло много времени, хотя в действительности это было всего несколько минут назад. На них, как волна прибоя, надвигалась новая схватка, и она вот-вот должна была захлестнуть их. Новые вражьи орды спешили от Реки. От стен поворачивали рати Моргула, а с юга подходили воины Харада. Пеших прикрывала конница, а позади качались огромные спины мумаков с башенками наверху.

Йомер быстро перестраивал рохирримов, посматривая в сторону Ворот. Там реял серебряный лебедь Дол Амрота, и рыцари Имрахиля теснили врага от большого пролома.

На мгновение у Мерри мелькнула мысль: «Где Гэндальф? Разве он не с ними? Может, он спасет Короля и Йовин?» Всадники были уже рядом. Сам Йомер первым подскакал

сюда, увидел убитое чудовище и поверженного Теодена. Соскочив с коня, он скорбно остановился над Правителем. Один из его рыцарей взял знамя Рохана из рук убитого знаменосца и поднял его. Теоден медленно открыл глаза, увидел знамя и жестом попросил приподнять себя.

— Ты — мой преемник, — сказал он. — Веди войска к победе! И простись за меня с Йовин. — Он закрыл глаза и умер, так и не узнав, что Йовин была рядом с ним до конца. Всадники заплакали о Теодене. Все они любили его.

Тогда повысил голос Йомер.

Горе умерьте! Велик был погибший,
Умер в сраженье. Его над курганом
Жены оплачут. Битва зовет нас!

Но и у него самого лились слезы, пока он говорил.

— Унесем тело с поля битвы, чтобы кони не затоптали его. Тела рыцарей тоже надо унести. — Он оглядел убитых, называя их по именам, и вдруг узнал среди них сестру. Пошатнувшись, словно ему в сердце вонзилась стрела, он побледнел от гнева и скорби, а глаза вспыхнули яростью. — Йовин! — вскричал он. — Как ты оказалась здесь? Безумие или колдовство тому виной? Смерть, смерть всем им! — И он затрубил в рог, и снова закричал своим воинам:

— Смерть! Бейте врагов! Пусть ни один из них не уйдет отсюда!

Крик его подхватили отряды. «Смерть, смерть!» — грозно прокатилось по рядам, и воины помчались за предводителем. Они не пели больше, но ударили на врага с такой яростью, что сразу смяли и расстроили его порядки.

Мерри стоял в стороне и плакал; никто его не замечал. Потом он вытер слезы и, подобрав щит, который дала ему Йовин, забросил его за спину. Потом начал искать свой меч. В тот миг, когда он нанес удар Королю-Призраку, правая рука его отнялась и оружие выпало, теперь он мог действовать только левой. Вскоре он увидел меч, но клинок дымился, как ветка, брошенная в костер, и пока Мерри изумленно смотрел, он съежился, истлел и исчез.

Так ушло оружие из Упокоищ, созданное руками мастеров Северного Княжества. Тот, кто неторопливо ковал его много веков назад, остался бы доволен судьбой меча. Ведь в ту пору главным врагом молодого Арнора был Король-Чародей из Ангмара. Ни один другой меч, даже в самой могучей руке, не смог бы нанести вождю назгулов смертельной раны, не смог бы разрубить узы, скреплявшие незримое тело с черной душой.

Воины подняли тело Правителя и на носилках из копий и плащей понесли в Город. Другие на таких же носилках несли

Йовин. Тела рыцарей из свиты Теодена сложили подальше от убитого чудовища и обнесли оградой из копий. Когда бой окончился, чудовище сожгли, а коня Теодена похоронили там, где он пал, и воздвигли на могиле камень с эпитафией на языках Гондора и Рохана.

На этой могиле трава всегда была зеленой и пышной, а место, где сожгли чудовище, всегда оставалось черным и безжизненным.

В глубокой печали шел Мерри рядом с носилками, не думая больше о войне. Он устал, все тело болело, и его бил озноб. Ветер с моря принес тучу с дождем, и казалось, что само небо оплакивает смерть Теодена Роханского и отважной Йовин.

Как в тумане, Мерри видел движущийся навстречу отряд из Города. Его вел Имрахиль. Приблизившись, он спросил:

— Какую ношу несут воины Рохана?

— Короля Теодена, — был ответ. — Он мертв. Король Йомер ныне ведет Всадников в битву.

Имрахиль спешился и, преклонив колено, почтил павшего вождя. Поднимаясь, он заметил Йовин и проговорил изумленно:

— Откуда здесь женщины? Выходит, и жены рохирримов пришли к нам на выручку?

— Она — единственная, — ответили ему. — Это — госпожа Йовин, сестра нового Короля. Никто не знал, что она ушла в поход. Мы скорбим о ней.

Князь снова взглянул на Йовин и был поражен ее красотой. Он прикоснулся к маленькой, но твердой руке, вгляделся в лицо и спросил:

— Есть ли лечители в Городе? Она ранена, быть может, смертельно, но еще жива. — С этими словами он поднес к губам Йовин свою блестящую латную рукавицу, и полированный металл чуть затуманился от слабого дыхания.

Яростная битва снова разгорелась на полях Пеленнора. Лязг оружия, крики людей, конское ржание перекрывали звуки рогов и грохот барабанов, звенели колокольцами мумаки, подстрекаемые к бою. Под южной стеной пехота Гондора отражала натиск моргульских легионов. Хурин Высокий, Страж Ключей, и Правитель Лоссарнаха, Хирлуин с Зеленых Холмов, и князь Имрахиль со своими витязями пробивались на восток, к Йомеру.

Не сразу смогли они прийти на помощь рохирримам. Удача отвернулась от Йомера, гнев подвел его. Первым ударом Всадники опрокинули врага и огромным клином врубились в ряды южан. Но когда появились мумаки, кони начали храпеть и пятиться, а громадные гороподобные чудовища словно крепости высились на поле, и харадримы скапливались вокруг них. Если в начале боя на каждого Всадника приходилось по три харад-

рима, то вскоре положение ухудшилось: к южанам от Осгилиата подошло подкрепление. Моргульский военачальник Готмог гнал в бой народ с топорами из восточных провинций, варайгов из Кханда, южан, одетых в алое, и черных полулюдей-полутроллей, белоглазых и с красными языками, из Дальнего Харада. Теперь они обходили рохирримов, а часть сдерживала войска Гондора, не давая соединиться с Роханом.

Казалось, ход боя складывался не в пользу Гондора. Вспыхнувшая было надежда начала гаснуть. А тут еще со стен Города донесся новый крик. Время близилось к полудню, поднялся ветер, дождевые тучи отнесло на север, и теперь с ясного неба сияло солнце. В чистом воздухе дозорные издалека разглядели устрашающую картину, покончившую со всеми надеждами.

Немного ниже Города Андуин делал два изгиба, и с городских стен русло Реки просматривалось на несколько лиг. Все увидели, как с юга, подгоняемый ветром и веслами, приближается большой флот под черными парусами.

— Умбарские пираты! — кричали на стенах. — Умбарские пираты идут! Значит, Белфалас взят, и Дельта тоже, и Лебеннин пал. Это конец!

В Городе кто-то ударил в колокол, трубы стали призывать воинов к возвращению, потому что новая грозная опасность пришла со стороны Реки. Но зов не был услышан, ветер, надувавший паруса кораблей, относил звуки.

Впрочем, Всадники не хуже дозорных на стенах видели черные паруса. Йомер в пылу боя увел их слишком далеко от Города к пристаням Харлона. Йомер увидел армаду и проклял тот самый ветер, который благословлял утром. А рати Мордора воспряли духом и с новой яростью ринулись в атаку.

Йомер не колебался больше. Зазвучали рога, собирая всех, кто мог пробиться под королевское знамя. Он принял решение стоять насмерть и совершить на полях Пеленнора подвиг, достойный песен, даже если на всем Западе не останется ни одного певца, чтобы спеть о последнем короле Рохана. Он поднялся на зеленый холм, и Белый Конь взвился у него над головой.

Без сомнений, без печали,
в полыхающем рассвете
Я скакал навстречу Солнцу
с песней звонкой на устах;
Но погибшая надежда
и надорванное сердце
Пробудили гнев священный,
дух сражений и смертей!

Смеясь, произнес он эти слова. Азарт битвы снова наполнил сердце Йомера. До сих пор он не получил ни одной раны. Он был молод, новый Король Рохана, и он правил отважным народом воинов. Он смеялся, глядя на черные корабли, и грозил им мечом. Но это был смех отчаяния.

И вдруг ликующий крик вырвался у него из груди. Он высоко подбросил меч, поймал его и запел. На переднем корабле развевалось большое знамя с Белым Древом — знаком Гондора, но его венчали семь звезд и корона — герб Элендила, бессчетные годы не появлявшийся в Средиземье. Звезды вспыхнули на солнце, ибо драгоценными камнями выложила их на стяге Арвен, дочь Элронда, а венец, вышитый мифрилом и золотом, ослепительно блистал в утреннем свете.

Так возвращался в мир живых Арагорн Элессар, Наследник Исилдура, прошедший Тропами Мертвых. Ветер с моря пригнал в Гондор его корабли. Всадники узнали его, ликующие возгласы прокатились над равниной, а в Городе им вторили трубы и колокола. Войска Мордора, напротив, сковали изумление и ужас. Судьба обернулась против них, обрекая на верную гибель.

Гондорцы ударили на восток, тесня троллей и орков, Йомер — на юг, а встречь ему в бой вступили войска, пришедшие на кораблях и только что высадившиеся на берег. Здесь были воины из южных областей Гондора, из Ламедона, из Лебеннина, Леголас и Гимли, Элладан и Элрохир, и Следопыты. Их вел Арагорн, в руке у него сверкал нестерпимо Андрил, а на челе горела Звезда Элендила.

Прошло немного времени, и Йомер с Арагорном встретились посреди битвы. Опершись на мечи, они взглянули друг на друга и улыбнулись.

— Вот мы и встретились снова, хотя все силы Мордора разделяли нас, — сказал Арагорн. — Не так ли говорил я в Хорне?

— Так, — ответил Йомер, — но тогда я еще не знал всей вашей силы. Дважды благословенна помощь, которой не ждали, и никогда еще друг не радовался так, встретив друга. — Их руки сомкнулись в крепком пожатии. — Вы пришли вовремя, мой друг. Великие беды обрушились на нас сегодня!

— Так отомстим за них! — воскликнул Арагорн, и они плечом к плечу бросились в самую гущу боя.

Битва продолжалась до вечера. Южане были сильными воинами, закаленными в боях, они не просили и не давали пощады; харадримы были отважны и свирепы, и пользовались каждой передышкой и каждым укрытием, чтобы собирать силы и снова кидаться в атаку.

Но солнце наконец зашло, и небо окрасилось закатным пурпуром: холмы и горы казались окровавленными, Река пылала, и трава на Пеленнорской равнине стала красной от крови. Великая Пеленнорская битва кончилась. В Мордор ушли единицы, а в Харад вернулись только рассказы о гневе и ярости Гондора.

Трое вождей — Арагорн, Йомер и Имрахиль — шли к Городу, от усталости не ощущая ни скорби, ни радости. Никто

из них не был ранен, может быть, их хранила судьба, может, воинское искусство или сила оружия. Но многие другие получили тяжкие раны, увечья или пали в бою. Удар топора сразил Форлонга, бившегося в пешем строю; Дуилин из Мортона вместе с братом подвели своих лучников вплотную к мумакам, приказав стрелять по глазам чудовищ, и были затоптаны обезумевшими зверями. Не вернулся домой прекрасный Хирлуин, пали Гримбольт и Хальбарад, суровый Следопыт-северянин. Рядовые и вожди, в славе или среди прочих, без числа и счета пали в великой Пеленнорской битве. Роханский менестрель сложил песню о курганах под Минас Тиритом.

Так было. Пропели тревожные горны,
И пламя клинков полыхнуло на юге,
И кони промчались, как утренний ветер,
К неведомой смерти. Война пробудилась.
Там Теоден пал, повелитель могучий;
Отныне пусты золотые чертоги,
И в северных землях на пастбищах щедрых
Его никогда не увидят отныне.
И Хардинг, и Гутлаф, и доблестный Гримбольт,
Эрфара и Деорвин, Дунхир и Фастред
И Эрубранд пали в жестоком сраженье;
Их ложе — в высоких священных курганах,
Где об руку спят боевые собратья.
Ни Хирлуин Светлый со всхолмий приморских,
Ни Форлонг из края цветущей долины
В родные края не вернулись с победой...
И меткие лучники Мортонда — Дерфин
И Дуилин — больше вовеки не ступят
На берег озер, что у горных подножий...
И воин простой, и высокий властитель
Покоятся вместе под вечным покровом;
На ранней заре и под сенью заката
Им Андуин пел погребальные песни.
Кипящую ало-кровавую пену
Несли его воды, в лучах пламенея,
И горькие ало-кровавые росы
Ложились на землю великих сражений...

Глава 7
КОСТЕР ДЕНЕТОРА

Король-Призрак исчез, а Гэндальф все еще стоял неподвижно перед Воротами. Пиппин поднялся на ноги, словно с него спала огромная тяжесть, и стоял, слушая звуки рогов. Ему казалось, что сердце сейчас разорвется от радости.

Никогда больше до конца своих дней он не мог слышать дальнего пения рога без слез.

Но вдруг он вспомнил о своем деле и кинулся к магу, уже тронувшему коня.

— Гэндальф! Гэндальф! — закричал он, и белый конь остановился.

— Что ты здесь делаешь? — сурово спросил Гэндальф. — Разве ты не знаешь, что воинам Цитадели нельзя покидать крепость без разрешения Правителя?

— Он разрешил, — ответил Пиппин. — Он отослал меня. Но я боюсь. Там может случиться что-то страшное. Кажется, мой Правитель лишился рассудка. Я боюсь, что он убьет и себя и Фарамира. Гэндальф! Сделай что-нибудь.

Маг взглянул в зияющий проем Ворот, прислушался к шуму битвы на равнине.

— Мое место там, — сказал он. — Черный Всадник на свободе, мне некогда.

— Но Фарамир! — вскричал Пиппин, чуть не плача. — Он же еще жив, а они сожгут его. Надо остановить их!

— Сожгут? — переспросил Гэндальф. — В чем дело? Говори скорее!

— Денетор ушел к усыпальницам, — зачастил Пиппин, — и забрал Фарамира. Он сказал: мы все сгорим, и он не намерен ждать. Они готовят погребальный костер для Правителя и Фарамира. Денетор послал слуг за дровами и маслом. Я сказал Берегонду, но боюсь, он не осмелится бросить пост. Да и что может сделать простой воин стражи? — закончил он, дотрагиваясь дрожащей рукой до колена Гэндальфа. — Спаси Фарамира!

— Может быть, я и мог бы спасти его, — ответил маг, — но боюсь, тогда погибнут другие. Хорошо, — вдруг решился он, — я пойду. Другого спасения для него нет. Я вижу — даже в сердце этой крепости Враг сумел посеять смуту. Я чувствую здесь его волю. — Он подхватил Пиппина, посадил впереди себя, и они помчались по крутым улицам Минас Тирита к Цитадели. Повсюду они видели воинов, стряхнувших с себя страх и отчаяние, разбиравших оружие, строившихся в ряды. Военачальники вели к Воротам все новые отряды.

Им встретился Имрахиль, окликнувший их:

— Куда вы, Митрандир? Рохирримы вступили в бой, нам нужно собрать все силы.

— Собирайте всех, кого найдете! — крикнул на скаку Гэндальф. — И поскорее. Я приду, как только смогу, но сейчас спешу по делу Денетора. Принимайте командование, пока его нет!

Ветер дул им в лицо. Высоко в небе занимался слабый отблеск утра. Но теперь и это не внушало надежды. Подступило новое горе, и было страшно опоздать.

— Тьма уходит, — сказал Гэндальф. — но над Городом она еще держится.

У ворот Цитадели никого не было.

— Значит, Берегонд все-таки ушел, — с надеждой проговорил Пиппин.

Они повернули обратно и поспешили ко входу в усыпальницу. Обычно он был закрыт, но сейчас дверь оказалась распахнутой настежь, и на пороге лежал мертвый привратник. Ключей у него на поясе не было.

— Дело рук Врага, — сокрушенно произнес Гэндальф. — Он любит, когда друг восстает на друга, когда верность сменяется предательством.

Маг спешился, помог сойти Пиппину и попросил Сполоха вернуться на конюшню.

— Наше с тобой место на поле битвы, — сказал он коню, — но мне предстоят здесь другие дела. Жди меня и поспеши, когда я позову.

Они вышли и стали спускаться по длинному извилистому коридору. Мрак рассеивался, по сторонам, как серые призраки, проступали высокие колонны и каменные изваяния. И вдруг впереди послышались возгласы и лязг мечей: таких звуков не слышали здесь от века. Они ускорили шаги, почти бегом достигли усыпальницы, купол которой черной тенью возвышался в сумерках.

— Стойте! — вскричал Гэндальф, взбегая по ступенькам. — Остановитесь, безумцы!

На пороге перед дверью Берегонд бился со слугами Денетора. Двое уже пали, обагрив ступени кровью, но остальные, с мечами и факелами в руках, теснили его и проклинали, называя предателем и отступником. А изнутри, из-за двери усыпальницы, раздавался голос Денетора:

— Скорее! Делайте, как я велю! Убейте этого изменника! Неужели и это я должен делать сам!

Дверь, которую Берегонд держал левой рукой, распахнулась, и за спиной у него возник Правитель Города с мечом в руке. Глаза его горели диким огнем.

Но Гэндальф был уже на ступенях. Слуги попятились от него, закрывая глаза руками, потому, что в гневе маг был похож на белую молнию. Он поднял руку, и занесенный меч вырвался у Денетора и упал куда-то назад, во тьму, а сам Правитель невольно отступил перед магом.

— Что это значит, повелитель? — грозно вопросил Гэндальф. — Обитель мертвых — не место для живых. И почему твои люди бьются здесь, когда враги подступают к Воротам Города? Или Враг уже в ограде успокоения?

— С каких пор Правитель Города должен отчитываться перед тобой? — злобно возразил Денетор. — Разве я не могу приказывать собственным слугам?

— Можешь, но другие могут не признавать твоей воли, если она обратилась к безумию и злу. Где твой сын?

— Он там, внутри, — сказал Денетор. — Он горит, уже горит! Огонь в его теле. Скоро сгорит все. Запад пал. Он весь сгорит, и останется только пепел, а пепел развеет ветер!

Видя, что он безумен, Гэндальф отстранил его и бросился внутрь, за ним — Пиппин и Берегонд. Они увидели Фарамира, лежащего в забытьи на каменном пьедестале, вокруг были навалены дрова, пропитанные маслом, так же, как одежда и покрывало Фарамира, но огня еще не было. И тут Гэндальф показал, что под белым плащом его скрыта не только сила знания. Он легко взбежал на груду дров, как ребенка поднял раненого на руки и понес к дверям. Фарамир застонал и сквозь забытье позвал отца.

Денетор вздрогнул, словно пробуждаясь. Пламя в его глазах погасло, он со слезами взмолился:

— Не забирай моего сына! Он зовет меня!

— Да, зовет, — ответил Гэндальф, — но ты не подойдешь к нему. Пока не поздно, его нужно лечить. А твой долг, Правитель, вести войска и защищать Город, хотя бы и ценой собственной жизни! Не мне напоминать тебе об этом!

— Он не проснется больше! — застонал Денетор. — Все напрасно. Зачем нам жить! Зачем ты разлучаешь нас перед смертью?

— Ни тебе, ни кому другому не дано приблизить час своей смерти, — сурово ответил Гэндальф. — Только побежденные силой Мрака в гордости и отчаянии убивали себя. — С этими словами он вынес Фарамира из усыпальницы и опустил на те самые носилки, на которых раненого принесли сюда. Денетор, не сводя глаз с лица своего сына, шел за ним, но перед порогом остановился. — Идем! — обернулся к нему Гэндальф. — Тебя ждут великие дела!

Но Денетор вдруг засмеялся, отступил к столу и выхватил что-то из-под подушки, на которой недавно покоилась его голова. Вернувшись к порогу, он поднял этот предмет — шар темного хрусталя с красным огнем внутри. Палантир в руке Правителя запылал, озаряя его лицо красным светом. Оно казалось высеченным из гранита — жесткое, гордое и страшное.

— Гордость и отчаяние! — вскричал Денетор. — Не думаешь ли ты, что Белая Башня ослепла? Нет, Серый Безумец, я видел больше, чем тебе кажется! Твоя надежда — от неведения! Ступай исцелять кого хочешь, бейся с кем хочешь — все будет напрасно. Вы можете даже победить на Пеленнорских полях, но Силу, которая поднялась ныне, победить нельзя. К этому Городу протянулась только одна ее рука, а надежда уже оставляет нас. Даже ветер твоей надежды обманул тебя. Он гонит по Андуину армаду под черными парусами! Запад пал, и нам пора уйти, если мы не хотим стать рабами!

— Такие речи на пользу Врагу! — воскликнул Гэндальф.

Денетор в ответ гневно рассмеялся:

— Разве я не видел, чего ты добивался, Митрандир? Ты хотел править вместо меня, править на севере, на юге и на западе. Разве не ты приказал этому полурослику молчать или говорить, когда нужно? Разве не ты подослал его ко мне? Но я знаю, о чем ты думаешь. Одной рукой ты держишь меня, как щит против Мордора, а другой ведешь на мое место Бродягу с Севера. Но знай, хитроумный Митрандир, я не буду твоим орудием! Я — Наместник Дома Анариона! Не жди, ты не увидишь меня выжившим из ума камердинером у этого выскочки. Можешь не трудиться, доказывая его права, я знаю, что он из рода Исилдура. Но я не склонюсь перед ним, последышем нищего Дома, давно утратившего и власть, и величие.

— А как бы ты поступил? — сдержанно спросил Гэндальф, словно не замечая упреков.

— Я бы оставил все, как было всегда. Я правил бы Гондором и передал бы власть сыну. Он стал бы Правителем, а не учеником чародея. Но судьба решила иначе, и теперь я не хочу ничего: ни жизни, ни любви, ни чести.

— Ни честь, ни любовь не страдают, если Наместник возвращает данные ему права, — возразил Гэндальф. — А что до твоего сына — дай ему возможность выбирать самому.

При этих словах глаза Денетора снова вспыхнули. Он сжал Камень одной рукой, а другой выхватил из-за пояса кинжал и бросился к носилкам, но Берегонд успел заслонить их собою.

— Вот как! — воскликнул Денетор. — Ты похитил у меня любовь сына, а теперь похищаешь верность моих воинов? Но одного ты не похитишь у меня: права распоряжаться своей судьбой. — И, обратясь к своим слугам, он крикнул: — Сюда, если вы еще верны мне!

Двое из них подбежали к нему. Он схватил факел из рук ближайшего и кинулся к костру. Не успел Гэндальф помешать ему, как он ткнул факел в сухие дрова, и они мгновенно вспыхнули.

Тогда Денетор вскочил на стол, схватил лежащий там жезл Правителя и, сломав о колено, бросил в огонь. Потом он прижал Палантир к груди обеими руками и лег.

Говорят, что с тех пор всякий, взглянувший в этот Камень, если его воля недостаточна, чтобы направить взгляд к другой цели, видел в нем только две старческие обугленные руки.

Скорбно отвернулся Гэндальф и закрыл дверь. Некоторое время оттуда слышался только треск и шум огня, потом раздался громкий вопль, и все смолкло.

— Вот конец Денетора, сына Эктелиона, — произнес Гэндальф. — И это конец прежнего Гондора. Злые дела совершились здесь. Забудь о междоусобной вражде, — обратился он к Берегонду, — она рождена Врагом, и все вы попали в его сети. А вы... — Он тяжело взглянул на слуг Правителя. — Вы, слепые

в своем повиновении, запомните, что только «измена» Берегонда спасла жизнь Фарамиру, Стражу Белой Башни. Унесите своих павших товарищей, им не место здесь. Мы отнесем Фарамира. Отныне он — Правитель Гондора. Жить ему или умереть — это уже не нам решать.

Вдвоем с Берегондом они подняли носилки, а Пиппин, понурив голову, пошел следом. Слуги Правителя замерли, обернувшись к Домам Мертвых. Гэндальф был уже в конце улицы, когда послышался гул. Крыша Дома расселась, из трещины повалил дым, с шумом вырвалось пламя, и огонь заплясал на развалинах. Слуги в ужасе бросились догонять Гэндальфа.

У распахнутой двери Берегонд бросил взгляд на убитого привратника.

— Вот в чем я всю жизнь буду раскаиваться, — сказал он. — Но я спешил, а он не хотел слушать и обнажил меч... — Он закрыл и запер дверь. — Эти ключи нужно отдать теперь Фарамиру.

— Сейчас командует Имрахиль, князь Дол Амрота, — сказал Гэндальф, — но его нет здесь. Придется распорядиться мне. Пусть ключи остаются у тебя, пока в Городе не установится порядок.

Они были уже в верхних ярусах и шли к госпиталю. Его светлые здания располагались поодаль и предназначались для заболевших, а сейчас готовились принять раненых. Госпиталь располагался недалеко от Цитадели, в шестом ярусе, с южной стороны. Вокруг зеленели огороды, сады и цветники. Во всем Городе это было единственное зеленое место. Сейчас там хозяйничали женщины, умевшие ухаживать за ранеными.

В тот самый миг, когда Гэндальф и его спутники вступали на порог, с поля за Воротами раздался жуткий вопль, высоко и пронзительно пронесся в небесах и замер. Так страшен он был, что на мгновение все оцепенели. Но на смену ему пришла тишина, принесшая такую радость и надежду, каких они не помнили со дня прихода Мрака с востока, и им показалось, что вокруг стало светлее и солнце выглянуло из-за туч.

Печаль и тревога не оставили Гэндальфа. Поручив Берегонду и Пиппину устраивать Фарамира, он поднялся на стену. Глазами мага он увидел и понял, что произошло в поле; и когда Йомер выехал вперед и остановился перед павшими, он вздохнул и, закутавшись в плащ, спустился со стены. Когда Берегонд с Пиппином вышли из госпиталя, Гэндальф уже ждал их у дверей. После долгого молчания голос мага прозвучал глухо и показался Пиппину старческим:

— Друзья мои, великие и печальные дела свершились сейчас. Плакать нам или радоваться? Короля-Призрака больше нет. Вы слышали его предсмертный вопль. Но эта победа оплачена

дорогой ценой. Я не допустил бы этого, но безумие Денетора отвлекло меня. Вот как далеко протянулась Вражья рука!

И теперь я понимаю, как это могло случиться. Правители Города считали, что тайна эта известна только им, но я давно подозревал, что в Белой Башне хранится по крайней мере один из семи Видящих Камней. Когда-то Денетор славился мудростью. Он не подходил к Камню и не тщился бросать вызов Саурону, зная пределы своей силы. Но когда над княжеством нависла опасность, он заглянул в Камень и тут же был обманут, а после отъезда Боромира он уже не мог не смотреть в него. Денетор был достаточно силен, чтобы не подчиниться воле Саурона, но Темный Владыка позволял ему видеть только то, что ослабляло волю и подтачивало отвагу.

— Теперь я понимаю, — вздрогнув, проговорил Пиппин. — Правитель вышел из комнаты, в которой лежал Фарамир, а когда вернулся, я поразился перемене: он как-то сразу постарел и выглядел совсем разбитым.

— В тот самый час, когда Фарамира принесли в Башню, многие из нас видели странный свет в ее окнах, — сказал Берегонд. — Но так бывало и раньше. В Городе давно уже говорили, что наш Правитель силой мысли борется с Врагом.

Гэндальф покачал головой.

— Значит, я прав, — произнес он. — Вот каким путем воля Саурона проникла в Город, и вот почему я должен был задержаться здесь. А теперь придется задержаться еще, потому что скоро не только Фарамиру понадобится моя забота. Я иду встречать воинов. Я видел сражение, и сердце мое скорбит, но не было бы худшей беды. Идем со мной, Пиппин! А ты, Берегонд, возвращайся в Цитадель и доложи обо всем Начальнику Стражи. Боюсь, Стражем теперь тебе уже не быть, но передай ему мой совет: пусть направит тебя в госпиталь. Ты спас Фарамира от огня, служи ему и дальше. Охраняй его и будь при нем, когда он очнется, если только очнется когда-нибудь, — вздохнул маг. — Ступай! Я скоро вернусь.

С этими словами он повернулся и вместе с Пиппином отправился в нижние ярусы Города. Пока они шли, ветер принес тучу с дождем, огни погасли, и от пожарищ поднялся густой дым.

Глава 8
В ГОСПИТАЛЕ

Когда печальная процессия входила в разрушенные Ворота Города, Мерри от слез и усталости ничего не видел вокруг. Воздух был наполнен дымом и чадом: много осадных машин было сожжено и сброшено в огненные ямы, повсюду валялись трупы орков, троллей и южных чудовищ. Дождь перестал, сквозь тучи проглянуло солнце, но Нижний Город тонул в едком дыму.

Люди уже трудились, убирая обломки. Появились носилки. На одни бережно уложили Йовин, на других, под тяжелым золотым покрывалом, покоилось тело Короля. Рядом шагали рохирримы с факелами. Бледное при солнечном свете пламя билось и трепетало на ветру.

Так вошли в Город Теоден и Йовин.

Все встречные склоняли головы в скорбном поклоне. Шествие медленно поднималось по каменным улицам. Мерри казалось, что этому пути, как в кошмарном сне, не будет конца.

Постепенно огни факелов то ли исчезали, то ли гасли, стало темно, и он вдруг подумал: «Мы идем к могиле и, наверное, останемся там навсегда». Но тут сквозь бред до него дошел живой голос:

— А, Мерри! Ну, наконец-то я нашел тебя!

Он с трудом огляделся, и туман перед глазами немного рассеялся. Справа в узком переулке стоял Пиппин. Вокруг больше никого не было.

Мерри протер глаза.

— Где Король? — спросил он. — Где Йовин? — Но тут же пошатнулся, сел на камень и заплакал.

— Они уже в Цитадели, — с тревогой ответил Пиппин. — Ты, верно, заснул на ходу и свернул не туда, куда нужно. Когда мы увидели, что тебя нет, Гэндальф сразу послал меня за тобой. Бедняжка Мерри! Но до чего же я рад, что снова вижу тебя! Ты, конечно, устал, а я мучаю тебя разговорами. Скажи только: ты не ранен?

— Нет, — ответил Мерри, — то есть мне кажется, что нет. Но правая рука у меня не действует, отнялась, когда я ударил его. А мой меч сгорел, как деревянный.

Пиппин решил, что он бредит, и еще больше встревожился.

— Идем, идем-ка со мной. Я бы понес тебя, да не сдюжу. Что же это они оставили тебя? Но ты уж извини их. Знаешь, в Городе было так страшно, такое творилось, что немудрено было потерять одного бедного хоббита, идущего с поля боя.

— Это не так уж плохо, когда тебя не замечают, — отозвался Мерри, едва ворочая языком. — Вот недавно меня тоже не заметили и... Нет, не могу говорить об этом. Помоги мне, Пиппин! Опять темно и холодно...

— Обопрись на меня, друг Мерри. Идем. Давай-ка, раз, два. Здесь недалеко.

— Ты ведешь меня, чтобы похоронить? — покорно спросил Мерри.

— Да что ты! Нет, конечно! — ужаснувшись, воскликнул Пиппин. Сердце у него сжалось от страха и жалости. — Нет, мы с тобой идем в госпиталь.

Они вышли из переулка на главную улицу, ведущую к Цитадели, и теперь медленно поднимались по ней. Мерри шатался и бормотал что-то в бреду.

«Так мне никогда не довести его, — подумал Пиппин. — И помочь некому! Не могу же я бросить его здесь!» Но тут их догнал какой-то мальчик, и Пиппин очень обрадовался, узнав Бергиля, сына Берегонда.

— Бергиль, — воскликнул он. — Рад видеть тебя живым! Куда ты?

— Бегу с поручением от целителей, — ответил Бергиль. — Прости, но мне некогда!

— Беги, беги, только передай, что тут со мной раненый полурослик и что он не может сам идти. Скажи о нем Гэндальфу, он обрадуется.

Бергиль убежал. «Подожду здесь», — подумал Пиппин. Он осторожно уложил Мерри на землю, сел и взял голову друга к себе на колени. Правая рука Мерри была холодна как лед.

Через несколько минут их нашел Гэндальф. Он склонился к Мерри, погладил его по лбу и бережно поднял на руки.

— Его нужно было бы внести в Город с почестями, — сказал он. — Этот малыш полностью оправдал мои надежды. Не уступи тогда Элронд и не отпусти он вас с отрядом, этот день мог бы стать куда печальнее. — Он вздохнул. — Идем, у меня еще много дел, а исход битвы до сих пор не решен.

Так Фарамир, Йовин и Мериадок оказались в госпитале. Уход за ними был очень хорошим. Хотя немало знаний со времен расцвета Гондора было потеряно, все же здешние целители хорошо справлялись со многими ранами и болезнями, которым были подвержены смертные к востоку от Моря. Только от старости они не знали средства. Люди в Гондоре жили немного дольше остальных, и мало кому удавалось миновать столетний рубеж, сохранив силы. Но сейчас ни искусство целителей, ни их знания не помогали, ибо людей поражала болезнь, от которой не было исцеления. Ее называли порождением мрака, потому что причиной этой болезни были назгулы. Те, кого она поражала, впадали во все более глубокий сон, их сковывало молчание и смертный холод, и они умирали. Целители сразу поняли, что полурослика и воительницу из Рохана тяжело поразила именно эта болезнь. Сначала они еще пытались разговаривать, что-то шептали сквозь сон, и целители прислушивались к их словам, надеясь отыскать в них ключ к болезни. Но больные все дальше уходили во тьму беспамятства, и когда солнце начало клониться к закату, лица Мерри и Йовин стали землистого цвета. Фарамира же, напротив, снедал лихорадочный жар, и его ничем нельзя было унять.

Гэндальф озабоченно переходил от одного к другому, а целители рассказывали ему все, что слышали. День уходил, великая битва продолжалась с переменным успехом, а маг все выжидал и не мог покинуть больных. Когда в небе разлились краски заката, стоявшим рядом показалось, что лица больных

порозовели. Можно было подумать, что болезнь отпускает, но это была обманчивая надежда.

Тогда Иорет, старшая из служительниц госпиталя, со слезами посмотрела на Фарамира и сказала:

— Горе, если он умрет. Когда-то в Гондоре были Короли, о которых сказано в Книгах Знаний: «Руки Короля — руки целителя». Так ведь и узнавали настоящего Короля...

Гэндальф прервал ее.

— Люди надолго запомнят твои слова, Иорет. В них есть надежда. Может быть, такой вождь уже здесь, в Гондоре. Разве ты не слышала, что говорят в Городе?

— Мне было не до слухов, — сварливо ответила Иорет. — Для меня самое важное, чтобы больных не тревожили.

Гэндальф поспешно вышел. Закат угасал, и серый, как зола, вечер спускался на холмы и равнины.

В это время Арагорн, Йомер и Имрахиль в окружении своих воинов приближались к Городу. У Ворот Арагорн сказал:

— Посмотрите, как полыхает закат! В эти дни все обретает особый смысл. Старое уходит, приходит новое. Может быть, мы стоим на рубеже двух Эпох. Страной и Городом долго и славно правили мудрые и сильные люди, и, хотя мои права вам известны, я не хочу входить непрошеным. Война не кончена, нельзя давать повод смутам. Я отказываюсь предъявлять какие бы то ни было права до победы. Если Правитель захочет видеть меня, мой шатер будет стоять здесь.

Йомер пылко возразил ему:

— Вы уже подняли знамя древних вождей. Все видели Звезду Исилдура. Вас ждут. Неужели вы хотите обидеть людей пренебрежением?

— Нет, — ответил Арагорн. — Но я считаю, что время еще не пришло, и не хочу ссориться ни с кем, кроме Врага и его слуг.

Имрахиль согласился с ним:

— Ваши слова разумны. Правитель Денетор мой родич. Мне хорошо знакомы его упорство и гордость, а после потери сына характер у него стал еще тяжелее. Но все же мне не хотелось бы оставлять вас перед дверью, как просителя.

— Ну, какой я проситель? — улыбнулся Арагорн. — Я веду отряд Следопытов. Они не привыкли к городам и каменным домам. — С этими словами он приказал свернуть знамя, снял со шлема Звезду Северного Княжества и передал сыновьям Элронда.

Имрахиль и Йомер отправились в Цитадель к Правителю. Но в тронном зале его не было. Там на возвышении покоился Теоден, Король Рохана. Двенадцать факелов горели вокруг, двенадцать роханских и гондорских рыцарей несли почетный

караул. Справа от Короля, укрытого по грудь золотым покрывалом, лежал на бело-зеленом ложе меч, в ногах — щит. Отблески света плясали на сединах Короля, лицо было молодо и прекрасно. Казалось, он спит.

Отдав низкий поклон памяти правителя, Имрахиль спросил:

— Где же Денетор? И где Митрандир?

Тогда вперед выступил один из стражей.

— Правитель Гондора находится в госпитале.

Йомер растерянно оглядел зал.

— А где Йовин? Она должна покоиться вместе с Королем, и с не меньшими почестями. Где ее положили?

Имрахиль участливо опустил руку ему на плечо.

— Прекрасная Йовин была еще жива, когда ее принесли сюда. Разве вы не знали этого?

Глаза Йомера вспыхнули надеждой. Он не сказал больше ни слова, быстро повернулся и вышел. Имрахиль последовал за ним.

На улице стемнело. Когда они подходили к госпиталю, в небе появились звезды. У дверей им встретился Гэндальф. Рядом с ним стоял кто-то в сером плаще.

— Митрандир, — обратился Имрахиль к магу, — мы ищем Правителя. Нам сказали, что он здесь. Но почему? Разве он ранен? И что случилось с прекрасной Йовин? Где она?

— Здесь, — ответил Гэндальф, — она еще жива, но смерть стоит рядом. Правителем Гондора стал Фарамир, Денетор погиб в пламени. — Он коротко рассказал им о недавних событиях. — Фарамир ранен, судя по всему, отравленной стрелой, — озабоченно добавил маг, — он тоже здесь, и его сжигает лихорадка.

— Дорого обошлась наша победа, — произнес Имрахиль. — В один день и Гондор, и Рохан лишились своих Правителей. Но если у рохирримов есть Йомер, то кто же будет править Гондором? А между тем властитель здесь, у ворот. Надо призвать Арагорна, — твердо закончил он.

Тогда человек в плаще откинул капюшон и вышел в свет фонаря над дверью.

— Я здесь, — сказал он.

Это был Арагорн. Кольчугу его прикрывал эльфийский плащ, скрепленный на шее зеленым камнем, тем самым, что подарила ему Галадриэль.

— Я пришел по просьбе Гэндальфа, — продолжал он, — и не как Правитель, а как простой воин. Городом до выздоровления Фарамира должен править вождь Дол Амрота. Но я хочу, чтобы в битве с Врагом все наши силы подчинялись одному начальнику. В этой войне одной воинской доблести недостаточно. Нужна еще и мудрость. Поэтому пусть Гэндальф руководит нами.

Имрахиль и Йомер согласились с ним. Тогда Гэндальф взял их под руки.

— Идемте, время дорого. Единственная надежда тех, кто лежит здесь, — это Арагорн. В словах целительницы из этого дома мне открылось предначертание. «Руки Короля — руки целителя, — сказала она, — вот так и узнают настоящего Короля».

Арагорн вошел первым, за ним — остальные. У двери они увидели двоих воинов в форме защитников Цитадели: один был рослый, другой по виду совсем подросток. Как только открылась дверь, он вскрикнул от радости:

— Колоброд! Вот здорово! Знаешь, я первым угадал, что на черных кораблях идешь ты. Но все кругом кричали о пиратах, и никто не хотел меня слушать. Как же это так получилось?

Арагорн засмеялся и взял хоббита за руку.

— Вот добрая встреча! — сказал он. — Но сейчас не время для рассказов.

Имрахиль шепнул Йомеру:

— Подобает ли так обращаться к Королю? Может, он примет корону под каким-нибудь другим именем?

Арагорн расслышал его слова и обернулся.

— Вполне возможно. У меня есть из чего выбирать. На древнем высоком наречии я зовусь Эллесар Эльфинит. — Он приподнял висевший у него на груди зеленый камень. — Есть и другое имя — Энвиниатар, Возрождающий. А свое ширское имя я оставлю как титул моего дома, если он когда-нибудь будет основан. На высоком наречии слово «Колоброд» звучит не так уж плохо: «Телконтар» — так будут звать меня и моих наследников.

Они пошли дальше, и по пути Гэндальф поведал им о подвигах Йовин и Мериадока.

— Я слежу за ними уже много часов, — сказал он. — Сначала они еще говорили, но сейчас уходят во мрак смерти все дальше и дальше.

Арагорн подошел сначала к Фарамиру, потом к Йовин, а напоследок к Мерри. Он вгляделся в их лица и вздохнул.

— Всех моих сил и способностей может оказаться недостаточно, — проговорил он. — Ах, если бы здесь был Элронд! Он самый старший из нас, у него куда больше сил. Но я сделаю все, что смогу.

Йомер предложил сначала отдохнуть и подкрепиться, но Следопыт отказался.

— Для этих троих, — сказал он, — особенно для Фарамира, время истекает, я должен спешить.

Он велел позвать Иорет и спросил, есть ли в доме целебные травы.

— Да, господин, — охотно пустилась она в объяснения, — но, по моим подсчетам, запасов не хватит. А где взять, я и не знаю. В эти жуткие дни все горит, все рушится, послать некого,

да и куда посылать-то? Все дороги перекрыты. Я уже и не упомню, когда на рынок в последний раз приходили торговцы из Лоссарнаха! Но мы пока обходимся, чем можем, а дальше, может быть, господин решит, что делать...

— Об этом поговорим после,— остановил ее Арагорн.— Сейчас не до разговоров. Дорога каждая минута. Есть у вас *ацелас*?

— Что-то я про такое и не слыхала, господин,— призналась Иорет.— Я, конечно, могу пойти спросить травника, но, может, вы знаете другое название?

— В народе эту траву называют Королевским Листом,— нетерпеливо сказал Арагорн.

— А, эта! — пренебрежительно махнула рукой Иорет.— Ну, если бы ваша светлость так сразу и сказали, я бы сразу и ответила: нету у нас такой, это точно. Да что в ней проку? Я и сестрам своим, когда мы в лесу на нее натыкались, говорила: вот чудное название! Да какой же Король на такое польстится? Запах, правда, если растереть, духовитый. Но ведь запах — это больше для удовольствия, верно ведь?

— Верно, верно.— Арагорн жестом запретил Иорет продолжать.— А теперь, сударыня, если тебе дорог Фарамир, хорошо бы твоим ногам поучиться прыти у языка и добыть мне хотя бы три-четыре королевских листочка, если они найдутся в Городе.

— А если не найдутся,— добавил Гэндальф,— придется нам с этой почтенной дамой прогуляться в леса Лоссарнаха. А Сполох покажет ей, что значит спешить.

Когда Иорет ушла, Арагорн велел женщинам согреть воды. Потом взял Фарамира за руку и прикоснулся ко лбу. Фарамир не шевельнулся. Похоже, он едва дышал.

— Совсем обессилел,— повернулся Арагорн к Гэндальфу.— Но это не от раны. Добрый знак! Если бы его поразила стрела назгула, он был бы уже мертв. Я думаю, его ранили южане. Кто вытащил стрелу? Она сохранилась?

— Вытащил я,— выступил вперед Имрахиль,— но не сохранил. Там было не до этого. Но, помнится, это была не стрела, а дротик, и он действительно походил на те, которыми пользуются южане. Рана неглубокая, и меня удивило, что у Фарамира от нее такая лихорадка. Поэтому я и подумал про крылатый ужас. Какова же, по-вашему, причина?

— Причин много,— покачал головой Арагорн.— Это и усталость, и огорчение, нанесенное отцом, и рана, а самое главное — Дыхание Мрака. Он человек сильной воли, но еще до битвы долго пробыл под Тенью. Мрак медленно овладевал им, но пока его не ранили, он держался. Мне нужно было прийти раньше!

В это время появился травник.

— Ваша светлость спрашивали о Королевском Листе, так его простолюдины называют,— важно сказал он.— На благо-

родном наречии имя сему растению ацелас, или если кто по-валинорски понимает...

— Я, например,— оборвал его Арагорн.— И мне все равно, будешь ли ты говорить «асеа аранион» или «Королевский Лист», лишь бы он у тебя был.

— Примите мои извинения,— поклонился травник.— Я вижу, вы сведущи в древнем знании. Но увы, сударь, мы не держим такого в госпитале, ведь здесь у нас только тяжелобольные. Насколько мне известно, в ацеласе нет особых лечебных свойств, разве что запах свежий, ну усталость снимает... Может, правда, вы заинтересовались старинным стишком, его иногда повторяют, не понимая...

Когда дохнет слепая тьма
И с нею смерть придет сама,
Истает луч, нахлынет боль —
Явись, Король!
Явись Король!
Верни ушедшее дыханье
Своей целительною дланью!

Так старухи запомнили, ни складу, ни ладу... Настой из этой травы принимают от головной боли.

— Тогда, именем Короля, найдите старуху, у которой поменьше знаний, зато побольше мудрости и у которой в доме найдется то, чего нет у тебя! — воскликнул Гэндальф.

Арагорн опустился на колени у ложа Фарамира, снова положил ему руку на лоб и застыл. Так прошло несколько минут. Воздух над ложем словно накалился и звенел. Все почувствовали, как Следопыт, напрягая волю, борется с чем-то; лицо у него осунулось, глаза запали. Время от времени он повторял имя Фарамира, но с каждым разом все тише и слабее, как будто и сам он уходил все дальше, окликая затерявшегося во мраке.

В этот момент в залу вбежал Бергиль. Он принес шесть листьев, завернутых в чистую тряпицу.

— Я нашел ацелас! Правда, он немного подвял: его сорвали недели две назад. Годится? — Мальчик взглянул на Фарамира и неожиданно заплакал.

Но Арагорн встал и улыбнулся.

— Годится,— сказал он.— Самое плохое уже позади. Успокойся! — Он взял два листка травы, подышал на них, потом размял в пальцах. Комната тотчас же наполнилась таким свежим ароматом, словно воздух проснулся и заискрился радостью. Потом он бросил листья в чашу с кипящей водой, и сердца тех, кто был в зале, возрадовались, когда они вдохнули запах: каждому припомнилось росистое утро в стране его юности. Арагорн выпрямился, словно ощутив прилив новых сил, и, когда он поднес чашу к лицу Фарамира, глаза его улыбались.

— Ну кто бы мог подумать! — сказала Иорет стоявшей подле нее женщине.— Трава-то, пожалуй, лучше, чем я думала. Она напомнила мне розы Имлот Мелуи, когда я была девушкой...

Прошло еще несколько мгновений, и Фарамир шевельнулся, открыл глаза и увидел Арагорна. Взгляд у него просиял, и он сказал едва слышно:

— Вы звали меня, и я пришел. Приказывайте мне!

— Вот мой приказ,— ответил Арагорн.— Вернись из страны теней, пробудись к жизни! Сейчас ты устал. Отдыхай, пей, ешь и жди меня.

— Я буду готов, повелитель,— сказал Фарамир.— Кто же будет лежать праздно, когда вернулся подлинный вождь?

— Пока прощай,— промолвил Арагорн.— Я нужен другим.— И он вышел из комнаты, сопровождаемый Гэндальфом, Имрахилем, Йомером и Пиппином.

Берегонд с сыном остались у ложа Правителя. Уже закрывая дверь, Пиппин услышал восклицание Иорет:

— Король! Вы слышали, я же говорила: руки целителя! — И вскоре все в госпитале узнали, что явился Король, дарующий исцеление. И эта весть распространилась по всему Городу.

Арагорн осмотрел Йовин и сказал:

— Вот кто принял тяжелый удар! Сломанная рука — не беда, она срастется, если жизнь возьмет свое. А вот с правой рукой куда хуже. Через нее прошло такое зло, что хотя она и цела, но жизни в ней нет.

Девушка подняла меч на такого врага, который не по силам многим витязям. Нужно быть тверже стали, чтобы выстоять в таком поединке. Злая судьба скрестила их пути. Могучий род вождей взрастил это прекрасное юное деревце для жизни и счастья, а ей выпала другая доля. Глядя на нее, я вспомнил цветы, выкованные древними эльфийскими мастерами. Они были прекрасны, но это был металл. Какой-то холод остановил движение токов жизни в этом чудесном создании. Ее болезнь началась задолго до этого дня, верно, Йомер?

Йомер поднял на него страдальческий взор.

— Что спрашивать меня? Вы и сами все знаете. До встречи с вами сестра была полна жизни. У нее были и страхи и тревоги, она делила их со мной, пока Червослов был советником Короля, но не здесь причина ее печали.

— Друг мой,— участливо вступил Гэндальф,— у вас есть кони, боевые подвиги, вольные поля, а ее дух, отвагой равный вашему, заключен в теле женщины. Она любила Правителя, как отца, и ухаживала за ним, страдая от того, что морок и дряхлость на глазах одолевали его. Она была чем-то вроде посоха, на который он опирался. А у Червослова яду хватало не только для ушей Теодена. «Старый дурак! Весь дом Йорла — просто большая конюшня, крытая соломой, где разбойники

пьянствуют среди вони и объедков, а их отродья валяются на полу вместе с собаками!» Вы не слыхали раньше таких слов? Так говорил Саруман, наставник Червослова. Хотя, не сомневаюсь, дома Червослов находил слова помягче. Дорогой мой! Ваша сестра старалась не внимать хуле, но кто знает, о чем говорила она, оставаясь по ночам наедине с собой, когда вся ее жизнь сжималась в маленький комочек, а стены дома смыкались вокруг, словно ловушка?

Все молчали, молчал и Йомер, глядя на сестру, словно заново обдумывая прошлое.

Тишину нарушил Арагорн.

— Нет на свете печальнее безответной любви прекрасной и отважной девы. С тех пор, как я простился с ней в Дунхарге и вступил на Тропы Мертвых, у меня не было большего страха, чем за судьбу Йовин. Но вот что скажу я, Йомер. Вас она любит и знает, а во мне любит только свою мечту о славе и подвигах, мечту о новых незнакомых странах. — Арагорн говорил, а глаза его темнели; видно было, что он собирает силы для борьбы со смертью. — Я могу исцелить ее тело и вернуть из страны теней. Но если, проснувшись, она не сможет преодолеть своего отчаяния, то умрет, разве что найдется другое лекарство, от меня не зависящее... Подвиги ее равны делам славнейших вождей, нельзя отдавать ее смерти.

Арагорн наклонился и долго вглядывался в белое, как лилия, но застывшее, как могильный камень, лицо. Он поцеловал ее в лоб и негромко позвал:

— Йовин, дочь Йомунда, проснись! Твоего врага нет больше.

Она не пошевелилась, но стала дышать спокойнее и глубже. Арагорн размял в пальцах еще два листка ацеласа и бросил их в кипящую воду. Этой водой он омыл ей лоб и правую руку, холодную и безжизненную, недвижно лежавшую на одеяле.

И тогда — потому ли, что Арагорн действительно обладал забытыми силами Нуменора, или то было действие его слов — всем присутствующим показалось, что в окно ворвался свежий и юный ветер, такой, каким он рождается на вершинах гор, высоко под звездами, или на побережье, над серебряной пеной моря.

— Проснись, Йовин! — повторил Арагорн и взял ее правую руку. — Проснись! Тень исчезла, мрак ушел! — Он вложил ее руку в ладонь Йомера и отступил. — Позовите ее, — посоветовал он и тихонько вышел из комнаты.

— Йовин, Йовин! — вскричал со слезами Йомер.

Внезапно девушка открыла глаза и промолвила:

— Йомер! О, какая радость! А они говорили мне, что ты убит. Нет. Это были темные голоса в моем сне. Долго ли я спала?

— Нет, сестра, не долго. Не думай больше об этом.

— Как я устала, — медленно проговорила она, — мне нужно отдохнуть. Скажи только, что с Правителем?

Йомер опустил глаза.

— Хорошо, не говори. Я знаю сама. Он умер, как и предчувствовал.

— Он умер, — подтвердил Йомер, — но перед смертью завещал мне проститься с тобой. Он любил тебя больше, чем дочь. Теперь его тело с почестями покоится в Цитадели Города.

— Как горько... — произнесла Йовин, — но это и лучше. Теперь все видят, что честь королевского дома Рохана не погибла. А что с оруженосцем Теодена, с полурослико́м? — встрепенулась она. — Вот кто настоящий рыцарь, брат! Немного найдется людей отважнее его.

— Мериадок здесь, в госпитале, — поспешил ответить Гэндальф. — Выздоравливайте, я буду возле него. Я счастлив, что столь доблестная воительница возвращается к жизни.

— К жизни? — повторила Йовин. — Может быть. По крайней мере, пока я нужна здесь... Но потом...

Гэндальф и Пиппин вошли в комнату к Мерри и увидели склонившегося над ним Арагорна.

— Мерри! Бедный мой друг! — воскликнул Пиппин, бросаясь к нему. Мерри был настолько неподвижен, что Пиппин испугался.

— Не бойся, — успокоил его Арагорн. — Здесь я успел вовремя и уже позвал его. Сейчас он слишком устал. Трудная работа у него позади. Вдвоем с Йовин они изгнали из мира страшную тень. Но как бы ни был ужасен этот бой, дух его остался веселым и сильным, хотя и скорбь теперь не забудется. Но она не омрачит его сердце, а только научит мудрости.

Он положил руку на голову Мерри и, проведя по темным кудрям, прикоснулся к векам и снова позвал по имени. Снова запах ацеласа разлился по комнате, как аромат цветущих садов и ульев, полных меда. Мерри открыл глаза и внятно произнес:

— Хочу есть. Который час?

— Ужин уже прошел, — растерялся Пиппин, — но я принесу тебе чего-нибудь, если мне позволят.

— Конечно, позволят, — подбодрил его Гэндальф. — Позволят все, чего будет угодно пожелать отважному Всаднику, все, что только найдется в Минас Тирите, где его имя окружено почетом.

— Ладно, — согласился Мерри. — Тогда, значит, поужинать и трубочку... — Тут лицо у него затуманилось. — Нет, не надо трубки. Кажется, я никогда не буду больше курить.

— Почему? — недоуменно спросил Пиппин.

— Видишь ли, — медленно произнес Мерри, — мой господин умер. А курево напомнит мне о нем. Он сказал, что никогда не придется ему сидеть и слушать мои рассказы о травах. Это были его почти что последние слова. Я никогда больше не смогу курить, не вспомнив о нем и о нашей встрече в Изенгарде. И о том, как он погиб...

— Так дыми и вспоминай! — воскликнул Арагорн. — Он был великим вождем и всегда держал слово. Он сумел подняться из тени к последнему своему яркому утру. Хоть ты недолго служил ему, но, думаю, более почетной службы у тебя больше не будет. Вспоминай о нем с радостью.

Мерри улыбнулся:

— Согласен. Если Колоброд достанет мой табачок с трубкой, я, пожалуй, покурю, подумаю. Там у меня в сумке была заначка из Саруманових запасов, но что с ней сталось в бою — честное слово, не знаю.

— Ну, Мериадок! — притворно рассердился Арагорн. — Если ты думаешь, что я прошел через горы и реки с огнем и мечом только для того, чтобы вернуть нерадивому воину потерянную сумку, то ошибаешься. Совет могу дать. Если не отыщешь сумку, пошли за здешним травником. Он сообщит тебе, что, по его мнению, табачный лист — вещь бесполезная, но называется он в просторечии «травой людей Запада», а по-благородному — «галенас», и сообщит еще много других названий на различных ученых языках, а потом добавит несколько полузабытых строчек, которых сам не понимает, а потом, наконец, сообщит, что травы такой, к сожалению, в доме нет, и оставит тебя размышлять об истории Средиземья и населяющих его народов. И я сделаю сейчас то же самое. Я не спал в такой постели, как твоя, с тех пор, как выехал из Дунхарга, а не ел со вчерашнего вечера.

Мерри поймал его руку и поцеловал.

— Прости меня, — сказал он, — иди, конечно; с тех пор, помнишь, в Брыле, мы только мешаем тебе. Но что с нами поделаешь! Когда приходит высокая минута, как вот сейчас, мы говорим пустяки, потому что боимся сказать слишком много, а то и вовсе не находим нужных слов.

— Да знаю я вас, знаю, — отмахнулся Арагорн. — Пусть Шир никогда не изведает Тени! — С этими словами он поцеловал Мерри в лоб и вышел, а Гэндальф последовал за ним.

Пиппин остался со своим другом.

— Ну что? Где найдешь другого такого, как наш Колоброд? — спросил он. — Кроме Гэндальфа, конечно. Ты знаешь, по-моему, они в родстве. Кстати, дорогой ты мой ослик, твоя сумка лежит возле кровати, а когда я тебя встретил, была у тебя за спиной. Колоброд ее, конечно, видел. Да что там! У меня ведь тоже есть запасец. Тот самый «Лист Долгой Долины». Вот, возьми, а я побегу, поищу тебе чего-нибудь поесть. А потом уж мы с тобой отдохнем. Мы, хоббиты, такой народ, что не можем долго оставаться на вершинах.

— Да, — подтвердил Мерри, — я вот не могу. По крайней мере сейчас. Но мы можем, Пиппин, хотя бы видеть и чтить их. Конечно, мы любим свою землю, но наверное, есть что-то еще

повыше этого. А если бы не так, то ни один садовник не смог бы мирно трудиться в своем садике. Все равно — знаем мы об этом высшем или нет. Я рад, что теперь хотя бы догадываюсь о нем. Что это вдруг на меня нашло? — помолчав, спросил он сам себя. — Достань-ка мою трубочку из сумки. Не сломалась ли?

Арагорн с Гэндальфом нашли смотрителя госпиталя и дали ему указания относительно Фарамира и Йовин.

— Йовин должна пролежать еще дней десять, — сказал ему Арагорн. — Не позволяйте ей вставать, даже если она захочет.

А Гэндальф добавил, что Фарамиру можно сообщить о смерти Денетора, но нельзя ни слова говорить о поразившем Правителя безумии.

— Проследите, чтобы и Берегонд с хоббитом молчали, они тоже были при этом, — сказал он.

Смотритель спросил, что делать с Мерри, если он захочет встать, и Арагорн ответил, что это можно.

— Он может даже погулять с друзьями, когда захочет, — добавил он.

— Замечательный народ! — сказал смотритель, покачав головой. — Хрупкий с виду, но внутри — очень крепкий.

У дверей госпиталя собралась целая толпа. Все хотели видеть Арагорна, чтобы он исцелил их родичей и друзей, больных, или раненых, или пораженных Дыханием Мрака. Арагорн послал за сыновьями Элронда, и втроем они трудились до глубокой ночи. И все в Городе говорили: «Вот пришел подлинный Король», и называли его Эльфинитом — из-за зеленого камня на груди. Так имя, предреченное ему при рождении, было повторено его народом.

К утру Следопыт почувствовал, что силы покидают его. Тогда он закутался в серый плащ и выскользнул из Города, вернувшись к себе в шатер. А утром перед Цитаделью развевалось знамя Дол Амрота с белым кораблем-лебедем на голубых волнах. Люди смотрели на него и гадали, не приснилось ли им возвращение Короля.

Глава 9
СОВЕТ ПЕРЕД ПОХОДОМ

После битвы настало свежее и ясное утро. Ветер заходил с запада, по небу бежали легкие облачка. Леголас и Гимли с зарей были на ногах и просили разрешения пойти в Город; им хотелось повидать Мерри и Пиппина.

— Приятно узнать, что они живы, — сказал Гимли. — Это же скольких трудов они нам стоили! Вот было бы обидно, окажись все хлопоты напрасными.

Эльф и гном вместе вошли в Минас Тирит, с любопытством озираясь по сторонам и не обращая внимания на удивленные взгляды встречных.

— Здесь неплохая каменная кладка, — степенно говорил Гимли, поглаживая бороду, — но не везде, а вот улицы можно бы устроить и получше. Если Арагорн станет править здесь, я предложу ему пригласить наших лучших мастеров, и мы сделаем город таким, что им будут гордиться.

— И хорошо бы побольше садов, — мечтательно добавил Леголас. — Дома здесь мертвы; мало зелени — мало радости. Если Арагорн станет Правителем, то сумеречные эльфы пришлют ему певчих птиц, цветов и вечнозеленых деревьев.

Они повстречали Имрахиля, и Леголас, признав в нем родича эльфов, низко поклонился.

— Приветствую великого вождя! — сказал он. — Народ Нимродели давно покинул лориенские леса, но, как я вижу, не все избрали путь на Запад через Великие Воды.

— Память об этом жива в преданиях моего народа, — кивнул князь. — Но как же давно Дивный Народ посещал наши земли в последний раз! Я не ждал встретить эльфа здесь, среди войны и горя. Что привело вас сюда?

— Я — один из Девяти, ушедших с Митрандиром из Имладриса, — ответил Леголас, — а сюда мы с моим другом гномом пришли вместе с Королем Арагорном. Вот, собрались навестить наших товарищей по походу, Мериадока и Перегрина. Нам сказали, что они на вашем попечении.

— Вы найдете их в госпитале. Позвольте, я провожу вас, — учтиво предложил Имрахиль.

— О, нам бы вполне хватило простого провожатого, князь, — с поклоном ответил Леголас. — А вас и Йомера Роханского Арагорн просит пожаловать в его шатер на совет. Он просил передать, что не считает для себя возможным войти сейчас в Город и останется под стеной. Митрандир уже там, — добавил он.

— Мы скоро придем, — заверил Имрахиль и любезно простился с ними.

— Достойный Правитель и великий вождь, — глядя ему вслед, сказал Леголас. — Если и в дни заката в Гондоре можно встретить таких Людей, каков же был расцвет великого княжества!

— И каменная кладка здесь лучше всего старая, — гнул свое гном. — У Людей, между прочим, всегда так, то им весенний заморозок помешает, то летняя засуха, глядь — обещали много, а построили мало.

— Но семена, посеянные ими, сколько бы ни лежали во прахе или каменистой почве, однажды обязательно прорастут, даже когда их и не ждут уже. Деяния Людей, Гимли, переживут наши с тобой.

— А все-таки, я думаю, так ничем и не кончатся, — упрямо сказал Гимли.

— Про то эльфам неведомо, — задумчиво отозвался Леголас.

Вскоре пришел слуга и проводил их до госпиталя. Там, в саду, они нашли друзей; встреча была радостной. Хороша была эта короткая минута покоя и отдыха, но Мерри быстро устал. Тогда они сели отдохнуть на стене. Позади был сад, а далеко впереди — сверкающий на солнце Андуин. Даже зоркие глаза эльфа не видели далекого устья, затерянного среди зеленотравных равнин Лебеннина и Южного Итилиена.

Они беспечно болтали, как вдруг Леголас умолк, разглядывая против солнца большую стаю белых морских птиц, летевших со стороны Дельты.

— Глядите! — воскликнул он. — Чайки! Далеко же они залетают. Вот чудо для глаз и печаль для сердца, я ведь никогда не видел их, пока не побывал в Пеларгире. Под их крики неслись мы во весь опор на корабли пиратов у причала. Я тогда, помню, остановился, и вся война разом вылетела у меня из головы. В их плачущих голосах слышалось Море. Море! Увы! Мне так и не довелось увидеть его. В сердцах нашего народа тоска по Морю живет всегда, лучше ее не трогать. Ах, эти чайки! Теперь не будет мне покоя ни под буком, ни под вязом.

— Не говори так! — остановил друга Гимли. — Неужто в Среднеземье не на что больше посмотреть и не над чем потрудиться? Конечно, если однажды весь Дивный Народ уйдет в Гавани, для оставшихся мир станет скучнее...

— Это точно, — поддержал его Мерри. — Не уходи в Гавани, Леголас. Всегда найдется народец, большой или маленький, а то и какие-нибудь разумные гномы, вроде Гимли, которым ты будешь нужен, уверяю тебя. Правда, худшее в этой войне еще впереди, наверное, но мне так хочется, чтобы все кончилось, и кончилось хорошо!

— Тьфу на вас! Экие вы мрачные сегодня, — вскричал Пиппин. — Посмотрите: солнышко светит, мы опять вместе собрались хоть на пару деньков, и никто еще толком не рассказал ничего. Ну-ка, давай, начинай, Гимли! Вы с Леголасом только за сегодняшнее утро уже раз десять помянули про ваши с Колобродом странствия, а мне толком до сих пор ничего не рассказали!

— Да, солнышко-то светит, — покряхтел Гимли, — при нем мне тем более не хочется вспоминать весь этот мрак и ужас. Знай я, куда мы идем, да никакая дружба не заманила бы меня на проклятые Тропы Мертвых!

— Тропы Мертвых? — вздрогнув, переспросил Пиппин. — Да, помню, Арагорн говорил так, а я все не мог понять, про что это он толкует. Расскажи, а, Гимли?

— Нет уж, уволь,— замотал бородой гном.— Мне есть чего стыдиться. Гимли, сын Глоина, считал себя куда крепче любого человека, а уж под землей мне и вовсе бояться нечего, не то что эльфу, например, и вот, поди ж ты, перетрусил самым отчаянным образом. Если бы не Арагорн, не его воля, я бы не выдержал.

— Не только его воля, но и любовь к нему, — добавил эльф.— Кто его узнал, тот и полюбил, каждый по-своему, конечно. Даже эта холодная дева из Рохана. Мы уехали из Дунхарга днем раньше, чем туда прибыли Всадники и наш Мерри и нагнали на всех такого страху, что проводить нас вышла только Йовин. Грустное это было расставание, мне не хочется вспоминать о нем.

— А меня и вовсе на рассказы не тянет,— буркнул Гимли, и больше хоббитам не удалось вытянуть из него ни словечка. Наконец Леголас поддался на их уговоры.

— Ладно, расскажу по порядку. Я-то не чувствую никакого ужаса и не боюсь призраков. По мне — силы в них никакой!

И он кратко и деловито рассказал хоббитам о дороге, по которой ходят призрачные войска, и о мрачном свидании возле Камня Эреха.

— Четыре дня и три ночи скакали мы от Черного Камня,— говорил он.— И вот на пятый день — поверите ли? — несмотря на мрак, во мне снова затеплилась надежда, ибо чем дальше мы продвигались по затемненным землям, тем сильней и грознее выглядела Армия Теней у нас за спиной. Я видел, что под знаменами Короля мертвых идут и всадники, и пешие, но и те и другие двигались с одинаковой быстротой, в полном молчании, и глаза их горели мрачным огнем битвы. На скалах Ламедона они было обогнали нас, но по команде Арагорна снова заняли свое место. Даже тени были послушны его воле.

В один из дней мы так и не дождались рассвета, и в мглистых сумерках миновали Кирил, потом Рингло и наконец прибыли к устью Джилрейна. Местный гарнизон из последних сил удерживал переправу от натиска умбарских пиратов и харадримов, поднимавшихся по Реке. С нашим приходом сражение окончилось, потому что и защитники и нападавшие побросали оружие и бежали, завывая от страха, перед войском Короля Мертвых. Только у Энгбора, Правителя Ламедона, достало мужества встретить нас. Арагорн приказал ему собрать свой народ, пропустить призраков и следовать за ними. «В Пеларгире вы можете понадобиться Наследнику Исилдура»,— сказал Арагорн, и Энгбор только молча поклонился, безоговорочно признав его власть.

За Джилрейном мы немного отдохнули, но Арагорн торопил, потому что Минас Тирит был в осаде. Ночь еще не миновала, а мы уже мчались по равнинам Лебеннина.

Леголас помолчал, потом вздохнул, глядя на юг, и тихонько запел:

Прозрачны, светлы серебристые воды
В изумрудных полях Лебеннина!
Густы и высоки зеленые травы;
Там ласковый ветер цветами колышет,
И слышится звон золотых колокольцев
В зеленых полях Лебеннина,
В ласковом ветре Моря!

Зелеными звал в песнях мой народ эти поля, а теперь они темны и угрюмы... Враги бежали перед нами, — продолжил он рассказ, — и у них на плечах мы вырвались наконец к Великой Реке.

В первый момент, при виде бескрайних вод, под пронзительные крики чаек я подумал, что мы вышли к Морю. Ах, этот чаячий плач! Не зря, видно, предостерегала меня Владычица. Теперь мне его не забыть...

— А я на него и внимания не обратил, — проворчал Гимли и, не выдержав, пустился в объяснения. — Мы как раз добрались наконец-то до настоящего боя. Здесь, в Пеларгире, стоял основной флот Умбара — пятьдесят больших кораблей и бессчетное число лодок и баркасов. Вместе с толпами бегущих в гавань ворвался страх. Несколько кораблей успели уйти вниз по Реке или к другому берегу, но это не спасло их. Корабли и лодки горели! Харадримы, прижатые к воде, приготовились к обороне. Они все еще представляли собой сильное, хорошо обученное войско.

Но Арагорн вскричал: «Вперед, клятвопреступники! Черным Камнем заклинаю вас, вперед, в бой!» — и призраки серыми волнами хлынули в гавань. Глухой ропот голосов заполнил берег, словно из-под земли звучали боевые рога. Над Рекой будто восстали из прошлого звуки какого-то забытого сражения Темных Времен. Повсюду мерцали бледные клинки, но надежнее мечей врагов разил слепой ужас. Никто и ничто не могло остановить войска Мертвых.

Они прошли по всем кораблям, стоявшим у причалов, и по тем, которые успели отплыть, — вода не остановила призрачных воинов. Пираты на кораблях сходили с ума и бросались за борт. Остались только прикованные к веслам рабы. Мы проскакали через весь Пеларгир, и враги вокруг падали, словно листья с деревьев. К концу дня не осталось никого, кто мог бы сопротивляться. Одни были убиты, другие утонули, третьи бежали на юг. На каждый из захваченных кораблей Арагорн послал человека из отряда Следопытов. Они освободили пленников и расковали рабов.

Я еще подумал тогда — как странно, что слуги Мордора оказались побеждены силами мрака и смерти — собственным оружием Темного Владыки.

Странно и символично, — задумчиво сказал эльф. — Помню, я взглянул на нашего Колоброда и вздрогнул. Каким великим и ужасным властителем мог бы он стать с помощью Кольца! Мордор страшится не напрасно. Но благородство духа Арагорна выше разумения Саурона. Темному Владыке никогда не понять потомка Лучиэнь из Дориата. А роду ее не дано иссякнуть, пока существует Время.

— Глаза гномов так далеко не видят, — вступил Гимли, — но в тот день я смотрел на Арагорна Могучего. Ты бы, друг Мерри, и глазом моргнуть не успел, а уже весь черный флот был у него в руках. Арагорн поднялся на палубу самого большого корабля. Запели трубы, отнятые у врага. Призрачное войско, безмолвное и почти невидимое, выстроилось на берегу. Только изредка в глазах воинов багрово вспыхивали отсветы пламени: то догорали на воде несколько пиратских кораблей.

«Слушайте Наследника Исилдура! — громко произнес Арагорн. — Ваша клятва исполнена. Вы свободны. Уходите и не тревожьте больше живых. Я даю вам вечный покой».

Тогда вперед выступил Король Мертвых. Он переломил свое копье, и обломки упали на землю, тут же вспыхнув бледными огоньками. Потом он низко поклонился и пошел прочь, а за ним — все его воинство. Они исчезли, как ночной туман под порывом утреннего ветра. Их не стало, и люди будто очнулись ото сна.

В ту ночь в порту кипела работа. Среди рабов было множество гондорцев, людей из Лебеннина, жителей Дельты Андуина. Вместе с отрядом Энгбора набралось большое войско. Узнав, что Арагорн идет освобождать Минас Тирит, все они просили взять их с собой. Имя Наследника Исилдура стало для них маяком во мраке ночи. Корабли за ночь подготовили к походу, и утром мы отплыли на север.

Мы покинули Дунхарг всего шесть дней назад, хотя многим из нас казалось, что мы уже месяц в пути. Но Арагорн не дал нам потерять и минуты.

«От Пеларгира до гаваней Харлонда сорок две лиги, — повторял он, — но мы должны во что бы то ни стало оказаться там завтра, иначе идти будет незачем».

За веслами сидели теперь свободные люди, они выбивались из сил, но ветер и течение были против нас. Хоть мы и победили, радости я не ощущал. И тут вдруг Леголас засмеялся. «Выше бороду, сын Глоина! — сказал он. — Не зря говорят: надежда часто рождается, когда ее уже не ждешь». Но какую надежду он высмотрел — так и не сказал. Настала ночь, мрак сделался еще непроглядней, и тогда на севере проступило зарево. Арагорн сказал: «Это горит Минас Тирит». Но в полночь и правда родилась надежда. Моряки с Дельты сказали, что ветер меняется. Он в самом деле стал попутным, мы смогли поднять паруса, и к утру знамя Арагорна уже рея-

ло на Пеленнорской равнине над нашими войсками, идущими в бой.

Это был великий день и великий час, что бы ни приготовила мне судьба в оставшейся жизни.

— Как бы ни менялся мир, подвиг — пройти Тропами Мертвых, подвигом он и останется, пусть даже во всем Гондоре некому будет спеть о нем.

— Может ведь и такое случиться, — вздохнул Гимли. — Уж очень Арагорн с Гэндальфом мрачные ходят. Хотел бы я знать, о чем они там совещаются. Конечно, я, как и все, хочу, чтобы мы победили и чтобы война кончилась. Но, ради чести всего народа Дарина, и я хотел бы приложить к этому руку.

— И я готов сражаться за честь моего народа, — поддержал друга Леголас, — и... за Короля под Белым Древом.

Оба задумались и замолчали, а внизу, под стеной, военачальники никак не могли прийти к общему решению.

Едва расставшись с Леголасом и Гимли, Имрахиль послал за Йомером, и они вместе вошли в шатер Арагорна. Там уже были Гэндальф и сыновья Элронда.

— Знаете, что сказал перед смертью Правитель Города? — спросил Гэндальф. — Он сказал: «Вы можете даже победить на Пеленнорских полях, но Силу, которая поднимается ныне, победить нельзя». Правитель Денетор отчаялся. Не будем следовать его примеру, но в его словах есть над чем подумать.

Палантиры не лгут. Даже владыка Барад Дура не может заставить их показать то, чего нет. Возможно, ему удается отобрать для слабодушного, смотрящего в Камень, именно такие картины, увидев которые легко ошибиться или впасть в отчаяние. Но бессчетные полчища Мордора, готовые обрушить на Гондор страшный удар, Денетору не привиделись, они есть на самом деле.

Мы с трудом и дорогой ценой отразили первые атаки. Следующие будут куда сильней. В такой войне, как и предвидел Денетор, нет надежды на победу. Силой оружия с Врагом не совладать, и неважно, будем ли мы сидеть за городскими стенами или выступим навстречу и потерпим поражение за Рекой. Выбирать предстоит всего лишь из двух зол. Благоразумие подсказывает заняться укреплением стен и ждать нового штурма или осады. Так можно отсрочить падение.

— Значит, ты предлагаешь отступить в Минас Тирит, или в Дол Амрот, или в Дунхарг и укрыться там, как дети прячутся в песочных замках от надвигающегося прилива? — спросил Имрахиль.

— Ты считаешь это новым предложением? — поднял бровь Гэндальф. — А разве не этим занимались вы при Денеторе? Я ведь сказал: благоразумие подсказывает. Но я не призывал вас внимать его подсказкам. Я также не убеждал вас, что по-

беды не может быть. Наоборот, я надеюсь на победу, но не военную, ибо в центре этой войны стоит Кольцо Всевластья — опора Черной Крепости и надежда Саурона. Если оно вернется к нему, то вся наша доблесть будет напрасной, Враг победит — быстро и навсегда. Но если оно будет уничтожено, то он падет, падет тоже навсегда, падет так низко, что вряд ли поднимется снова. С потерей Кольца он лишится большей части той силы, которой владел изначально, а все созданное или начатое Врагом с помощью Кольца будет разрушено, и он станет развоплощенной тенью до конца этого мира.

Только так можно избыть величайшее из зол. Конечно, есть и другие злые силы, ведь и сам Саурон — всего лишь прислужник другого, давнего Врага. Но мы не в ответе за все Эпохи, мы призваны защитить нашу Эпоху, наши годы, без устали выкорчевывая знакомые нам злые побеги на знакомых полях, дабы оставить идущим за нами добрую пажить для сева. А будет ли орошать ее ласковый дождик или сечь суровый град — решать не нам.

Саурон знает, что его драгоценность нашлась, не знает только, где она. Из-за этого он пребывает в сомненьях. Если Кольцо у нас, он знает — здесь найдутся такие, кому по силам совладать с ним.

— Арагорн, Враг и в самом деле видел тебя в Палантире Ортханка? — неожиданно спросил маг.

— Да, перед самым выходом из Хорне, — ответил Арагорн. — Я решил, что Палантир пришел ко мне именно для этого. Десять день прошло после Рэроса. Десять дней Хранитель был в пути. Я хотел отвлечь Око от его собственной страны. Правда, я никак не предполагал, что Саурон ответит на мой вызов так быстро и сильно. Мне едва хватило времени, чтобы успеть сюда.

— Я не понимаю, — заговорил Йомер, — значит, если Враг получит Кольцо — все погибло. Но если он считает, что Кольцо у нас, то как он надеется победить?

— В том-то и дело, что он не знает наверняка, — досадливо поморщился Гэндальф, — и хочет проверить свои догадки. Он обязательно должен напасть, чтобы заставить нас обнаружить силу Кольца. Он нападет и будет внимательно следить, кто из нас присвоит Кольцо и уберет остальных претендентов.

А сейчас он выжидает. Он видит и слышит многое. Назгулы все еще здесь. Сегодня перед восходом они появились над полем, правда, люди спали, и почти никто этого не заметил. Он все примечает: вот снова явился меч, слишком памятный ему; вот удача оказалась к нам благосклонна, и первый натиск закончился для него плачевно, а Король-Призрак, его правая рука, ушел в небытие.

Он сомневается. Его Око приковано к Минас Тириту, оно равнодушно ко всему остальному. Надо и дальше не давать

Врагу отвести от нас взор. В этом вся наша надежда. Вот что я предлагаю. Кольца у нас нет. Мудро это было или глупо, но его отослали прочь. Теперь либо оно будет уничтожено, либо мы. Без Кольца силой Врага не одолеть, но мы должны любой ценой отвлечь Око от главной опасности. И вот тут сила может пригодиться, надо дать Хранителю возможность использовать свой шанс, каким бы ничтожным он ни был.

Арагорн начал, мы продолжим. Попробуем вынудить Саурона нанести решительный удар. Пусть он бросит в бой все свои силы, пусть уведет их из Мордора. Мы должны выступить немедленно, сейчас же. Я предлагаю стать приманкой, в которую Саурон вцепится мертвой хваткой, потому что будет искать среди нас нового обладателя Кольца. Может статься, всем нам суждена гибель в этой битве, может статься, никто из нас не узнает, чем кончилось дело: уничтожено ли Кольцо, пал ли Саурон, но, по-моему, именно в этом наш долг. Лучше уж погибнуть на этом пути, чем погибнуть все равно и знать, что никакой новой Эпохи не будет.

Все долго молчали. Наконец заговорил Арагорн.

— Я начал, мне и продолжать. Мы стоим на самом краю, здесь все смешалось — и надежда, и отчаяние. Колебание — гибель. Я прошу вас внять совету Гэндальфа, пришло время узнать, чем завершатся его труды. Если бы не Гэндальф, Средиземье давно уже лежало бы во Мраке. Но я не могу приказывать, я могу лишь просить вас сделать выбор.

Тогда заговорил Элрохир.

— Мы за тем и пришли с Севера. То же самое советует отец наш Элронд. Мы не намерены отступать.

— Я мало смыслю в этих сложных материях, — честно признался Йомер, — да мне это и не нужно. С меня вполне хватает того, что мой друг Арагорн пришел на помощь мне и моему народу, и я должен помочь ему, когда он позовет. Я иду.

— Что до меня, — промолвил Имрахиль, — я считаю себя вассалом Короля Арагорна, требует он того или нет. Его воля — для меня приказ, поэтому я иду. Но на мне лежат сейчас обязанности Наместника Гондора, и я должен позаботиться о народе страны. Надо подготовиться к любым неожиданностям, худым или добрым. А вдруг мы победим? Пока существует надежда, Гондор необходимо защищать. Я не хочу, чтобы мы вернулись с победой к руинам Города, в разграбленный край. Вот рохирримы сообщают о новых ратях Врага у нас на фланге...

— Я вовсе не призываю бросать Город на произвол судьбы, — ответил Гэндальф. — Мы не собираемся действительно штурмовать Мордор, но наших сил должно хватить, чтобы завязать бой. И времени — в обрез. Мне нужно знать, какие силы можно собрать и двинуть вперед в ближайшие два дня. Но учтите, я не собираюсь скрывать от воинов, что их ждет.

— Все устали, очень много раненых, — задумчиво проговорил Йомер. — Погибло много коней, а их недостачу тяжело восполнить. Если предстоит выступить немедленно, то я не наберу и двух тысяч, а еще столько же придется оставить для обороны Города.

— Из южных областей скоро подойдут подкрепления, — сказал Арагорн. — Побережья теперь свободны. Два дня назад я отправил из Пеларгира через Лоссарнах четыре тысячи; ведет их Энгбор Бесстрашный. Они как раз успеют подойти. Многие отправились вслед за мной по Реке, с таким ветром и они скоро прибудут. Первые корабли уже в Харлонде. Полагаю, семь тысяч конных и пеших мы соберем, и при этом Город будет защищен лучше, чем до начала штурма.

— В Городе нет Ворот, — напомнил Имрахиль. — Где найти мастеров, чтобы отстроить и укрепить их заново?

— В Эреборе, в Доме Даина, — не задумываясь, ответил Арагорн. — И если надежды наши не иссякнут, я попрошу Гимли, сына Глоина, пригласить в Гондор Подгорных мастеров. А пока... Люди крепче любых ворот, никакие ворота не защитят от Врага, если дрогнут люди.

На этом совет закончился. Выступить решили послезавтра с семью тысячами войска. Большую его часть составят пешие воины. Арагорн поведет две тысячи из тех, кто пришел с ним по Реке; Имрахиль обещал выставить около трех с половиной тысяч; а Йомер — пять сотен пеших рохирримов, потерявших коней, и пять сотен лучших своих Всадников. Будет и еще один конный отряд в пять сотен вместе с сыновьями Элронда, дунаданами и рыцарями Дол Амрота: всего шесть тысяч пеших и тысяча конных. А основные силы рохирримов — около трех тысяч под командованием Эльфхельма — перекроют западную дорогу из Анориена.

Сразу после совета разослали разведчиков на север и на восток, через Осгилиат, к дороге на Минас Моргул.

Когда наконец силы были подсчитаны и намечен предстоящий путь, Имрахиль вдруг расхохотался.

— Да уж, — воскликнул он, — большей шутки я не припомню за всю историю Гондора! Мы двинемся с семитысячной армией — это меньше, чем его передовые отряды, — на штурм Черной Страны! Вроде как мальчишка прицелился из ивового лука с веревочной тетивой и стрелой из тростинки в рыцаря, облаченного в полный доспех. Если Черный Владыка действительно знает так много, как ты говоришь, Митрандир, то не посмеется ли он над нами вместо того, чтобы пугаться, и не придавит ли нас одним мизинцем, как пчелу, что пытается ужалить его?

— Нет. Он попытается поймать пчелу и выдернуть жало, — без улыбки ответил Гэндальф. — Одни имена некоторых на-

ших воинов стоят тысячи ратников. Нет. Ему будет не до смеха.

— Впрочем, и нам тоже, — вздохнул Арагорн. — Если это и шутка, то слишком горькая. Нет, это наш последний, отчаянный ход, и чем бы он ни кончился — после него игре конец.

Потом он вытащил Андрил и поймал лезвием солнце.

— До конца последней битвы я больше не вложу тебя в ножны, — поклялся он.

Глава 10
ЧЕРНЫЕ ВОРОТА ОТКРЫЛИСЬ

Через два дня войска собрались на Пеленнорской равнине, готовые выступить. Орды орков и вастаков надвигались из Анориена, но рохирримы измотали и рассеяли противника, вынудив бежать к Кеир Андросу. С уничтожением этой угрозы и приходом подкреплений с юга Город оставался под надежной защитой. Разведка докладывала, что дороги на восток свободны до самого Перекрестка Павших Королей. Все было готово к последнему походу.

Леголас и Гимли должны были идти в отряде Арагорна, вместе с дунаданами, Гэндальфом и сыновьями Элронда. Мерри, к его великому огорчению, пришлось остаться в Городе.

— Пойми, — увещевал его Арагорн, — тебе рано отправляться в такой поход. Не горюй. Даже если до конца войны, каким бы он ни был, ты не сделаешь больше ни шагу, славу ты заслужил великую. А Шир в походе будет представлять Перегрин. Надо дать ему возможность сравняться с тобой в подвигах. А что до опасности, то она одинакова и для тех, кто идет в Мордор, и для тех, кто остается здесь. Прощай!

Итак, Мерри уныло стоял на стене и смотрел, как собираются войска. Рядом с ним сидел печальный Бергиль: его отец не был больше воином Цитадели и теперь уходил в поход с войсками вождей Запада в одном отряде с Пиппином. Маленький рост не мешал хоббиту держаться с достоинством среди рослых людей Минас Тирита.

Под звуки труб войска двинулись. Мерри провожал их взглядом, пока они не скрылись вдали. Последний раз блеснуло утреннее солнце на копьях и шлемах, а он все стоял, склонив голову, чувствуя себя одиноким и покинутым. Все, кого он любил, уходили навстречу Мраку, вряд ли придется свидеться с ними еще раз.

То ли оттого, что он очень переживал, то ли по какой другой причине, боль в руке усилилась. Мерри ощутил слабость, и свет у него перед глазами померк. Но тут Бергиль осторожно тронул его за плечо.

— Пойдемте, добрый друг, — сказал он. — Вам опять плохо. Давайте я провожу вас до Цитадели. Не грустите! Они вернутся. Людей из Минас Тирита одолеть очень трудно. А с ними идут сейчас и доблестный Арагорн, и мой отец, и ваш друг.

К полудню войска достигли Осгилиата. Там уже вовсю шли работы по наведению паромов и понтонных мостов. Построены они были врагом и в панике бегства только повреждены наспех, но не уничтожены. Собирали припасы для марша, сносили недавно построенные оборонительные сооружения, повернутые против Города. Перейдя Андуин, войска двинулись по широкой прямой дороге, некогда соединявшей Крепость Заходящего Солнца с Крепостью Восходящей Луны — теперь это был Минас Моргул. Первую стоянку объявили милях в пяти за Осгилиатом.

Всадники же продолжали идти вперед и еще до вечера достигли Перекрестка. Вокруг все словно вымерло, и гнетущая тишина лежала под деревьями-великанами. Ни одна стрела не вылетела из чащи, но с каждым шагом напряжение нарастало. Деревья и камни, травы и листья — все словно затаилось и прислушивалось. Вдали за Андуином садилось солнце, и белые вершины гор розовели в лазури неба, но в Хмурых Горах клубилась тьма.

Арагорн выслал трубачей на каждую из четырех дорог, в тишине чисто протрубили трубы, и герольды возгласили на все стороны света о возвращении этих земель Правителю Гондора. По приказу Арагорна уродливую одноглазую голову сбросили с плеч каменного стража и разбили на части, а оплетенную белыми и желтыми цветами водрузили на место, предварительно стерев с нее злобные руны. Среди гондорцев раздались голоса, призывавшие разрушить Минас Моргул и через него ворваться в Страну Мрака.

— Может быть, — размышлял Имрахиль, — напасть на Черного Властелина легче через здешний перевал, чем через северные ворота?

Но Гэндальф остудил горячие головы. По его словам, в этой долине обитает незримое зло, наполняющее души живых людей безумием и ужасом.

— Кроме того, — напомнил он, — Фарамир говорил, что Хранитель выбрал именно эту дорогу, значит, к ней ни в коем случае нельзя привлекать внимание Черной Крепости.

Когда на следующий день на Перекрестке собрались все войска, решено было оставить здесь небольшой заслон на случай, если подойдут войска из Моргула или с юга. Состоял он в основном из лучников, хорошо знавших итилиенские тропы. Они словно растворились в лесах и на склонах вокруг Перекрестка. Гэндальф и Арагорн с передовым отрядом прошли

вперед к Моргульской долине и теперь стояли молча, глядя на злобный Город.

Крепость была темна и безжизненна: орков истребили, назгулы улетели. Но самый воздух долины дышал страхом и злобой. Имрахиль приказал разрушить мост через отравленный ручей и выжечь ядовитые луга по берегам. Войска двинулись дальше.

Весь следующий день, третий после выхода из Минас Тирита, войска двигались по дороге на север. От Перекрестка до Моранноном было около двух сотен миль, и никто не мог предугадать, что ждет их на этом пути... Шли открыто, но осторожно, выдвинув далеко вперед авангард конных разведчиков. Фланги прикрывали усиленные линии пехоты. Погода благоприятствовала кампании, с запада дул ровный ветер, но тоскливые туманы ему сопротивлялись. Какая-то противная хмарь повисла над предгорьями Хмурых Гор. За их близкими отрогами порой вставали огромные дымы и долго клубились в воздухе, не разлетаясь по ветру.

Время от времени по знаку Гэндальфа звучали трубы и герольды возглашали:

— Слушайте Правителей Гондора! Слушайте и покоряйтесь! Непокорные должны покинуть страну!

Имрахиль посоветовал изменить слова и вместо «Правителей» говорить «Король Элессар».

— Это на самом деле так, — объяснил он, — а имя «Элессар» заставит Врага задуматься. — И с этого момента трижды в день герольды возглашали имя Короля Элессара. Но никто не отвечал им.

Вроде бы все вокруг было спокойно, но тревога не уходила. Все, даже самые храбрые, испытывали подавленность, и с каждой пройденной на север милей предчувствие опасности становилось все сильнее. Кончался второй день пути от Перекрестка, когда случилась первая стычка.

Большая ватага орков и вастаков попыталась устроить засаду в том самом месте, где Фарамир разбил харадримов. Но разведчики, искусные воины с Хеннет Аннун, которых вел Маблунг, оказались начеку, и нападавшие сами попали в ловушку. Всадники обогнули их с запада и, опрокинув одновременной атакой с фланга и с тыла, заставили искать спасения на скалах.

Но маленький успех никого не обманул.

— Это ложный выпад, — сказал Арагорн. — Нас заманивают подальше, прикидываясь неготовыми к бою.

С этого вечера снова появились назгулы и уже не оставляли войска, внимательно наблюдая за всеми маневрами. Они были высоко, разглядеть их удавалось только Леголасу, зато присутствие их ощущали все. Глубже становились тени, солнце

тускнело. Призраки Кольца пока не подавали голоса, но липкий страх, вызванный их постоянным кружением в небе, никак не удавалось стряхнуть.

Время шло, и неспешно подвигался к концу безнадежный поход. На четвертый день пути от Перекрестка (и на шестой — от Минас Тирита) обжитые земли кончились. Дальше, до самого ущелья, ведущего к перевалу Кирит Горгор, простиралась пустыня. На северо-западе легли болота. Местность была так безотрадна, такая тоска брала за душу, что многие воины, для которых Мордор раньше был только страшной сказкой, не смогли идти дальше. Труднее всех приходилось молодым рохирримам из дальнего Вестфолда и мирным земледельцам Лоссарнаха. Один вид Страны Мрака, раскинувшейся перед ними, наполнял неопытные сердца трепетом.

Арагорн глядел на них скорее с жалостью, чем с гневом.

— Идите, — сказал он им, — но сохраняйте честь и достоинство воинов. Не бегите! И, чтобы не стыдно было перед самими собой, попытайтесь отбить у врага и удержать Кеир Андрос. Этим вы защитите и Рохан, и Гондор.

Кое-кто сумел преодолеть страх и отважился продолжать поход, но многие ушли, радуясь, что могут принести посильную пользу. После их ухода, не считая отряда, оставленного у Перекрестка, войска насчитывали едва ли шесть тысяч человек. Слишком мало, чтобы бросить вызов Черным Воротам и всей мощи Мордора.

Отсутствие врагов настораживало. Арагорн неспешным маршем вел войска вперед, следя, чтобы отдельные отряды не отставали. На исходе пятого дня пути от долины Моргула они разбили лагерь, окружив стоянку кострами. Но мало кому удалось заснуть в эту ночь. Повсюду чудились какие-то блуждающие тени. Во мраке завывали волки. Ветер утих, воздух стал абсолютно неподвижным. Молодой месяц на ясном небе временами окутывал не то туман, не то дым, сочащийся из ям и трещин в земле.

К утру резко похолодало. Поднялся северный ветер. Его порывы постепенно усиливались. Ночные призраки исчезли, местность совсем опустела. К северу тянулись опаленные холмы и дымящиеся провалы; с юга, и теперь уже совсем близко, высились Черные Ворота с высокими темными башнями по сторонам. На последнем переходе войска Запада, покинув старую дорогу, свернули на восток и теперь приближались к Мораннону с северо-запада, как когда-то приближался и Фродо.

Огромные створы Черных Ворот были плотно закрыты. На бастионах — никакого движения. Кругом царило выжидающее молчание. Люди понимали, что достигли конца своего отчаян-

ного пути. Отряды, стоявшие в холодном предрассветном сумраке перед огромными стенами и башнями Мораннона, казались особенно жалкими и одинокими. Все ясно видели, что воинам Запада никогда не взять эти стены и башни, даже если бы они привели с собой могучие осадные машины, а у Врага не было бы других войск, кроме охранявших Ворота. А другие войска у него, конечно же, были. В холмах и скалах вокруг Мораннона ощущалась затаившаяся злоба, темное ущелье дышало ненавистью. В довершение ко всему над башнями, словно коршуны, поднялись и собрались в стаю назгулы. Недосягаемые для стрел, с высоты они внимательно следили за всем, что происходило внизу. Враг все еще выжидал.

Оставалось довести задуманное до конца. Арагорн расположил войска на двух больших холмах, между ними и Мораннoном тянулось обширное зловонное болото. Потом вожди Запада выехали к Воротам. С ними были знаменосцы, трубачи и герольды. Впереди ехал Гэндальф, за ним Арагорн с сыновьями Элронда, Йомер и Имрахиль. Их сопровождали Леголас, Гимли и Перегрин. Маг хотел, чтобы у Ворот собрались представители всех врагов Мордора.

Они приблизились к Мораннону на расстояние голоса. Знамена развернулись, затрубили трубы, а когда они смолкли, вперед выступили герольды.

— Выходите! — вскричали они. — Пусть Темный Властелин выйдет к нам. Мы призываем его к ответу! Он незаконно шел войной на Гондор и занял его земли. Король Гондора требует, чтобы он исправил содеянное им зло и ушел навсегда. Пусть он выйдет!

Но крепость никак не отвечала на эти призывы. Саурон хотел сначала поиграть со своей добычей и только потом нанести смертельный удар. Всадники уже решили повернуть обратно, но в этот миг раздался рокот барабанов, оглушительно взревели трубы. Средние створы Ворот распахнулись и выпустили посольство Черной Крепости.

Впереди выступал черный конь (да конь ли, в самом деле?), огромный и страшный, с мордой, походившей скорее на оскаленный череп, еще и огнедышащий в придачу. Под стать коню был и всадник, с головы до ног одетый в черное. Но это был не Призрак Кольца, а вполне живой человек. Давний Наместник Барад Дура забыл даже свое имя и сам себя называл Голосом Саурона. Рассказывали, что родом он был из Нуменора, из тех Людей, что возлюбили темное знание и добровольно подчинились Саурону. Жестокостью он превосходил любого орка.

Его сопровождал небольшой отряд воинов под черным знаменем с изображением Багрового Ока. Не доезжая нескольких шагов до всадников, предводитель остановился, окинул их презрительным взглядом и рассмеялся.

— Ну, кто тут из вас достаточно знатен, чтобы говорить со мной? — спросил он. — Или хотя бы достаточно умен, чтобы понять меня? Уж не ты, конечно! — насмешливо кивнул он на Арагорна. — Чтобы стать настоящим вождем, мало куска эльфийского стекла, а такой сброд вместо войска способен набрать любой бродяга!

Арагорн не сказал ни слова, но поймал его взгляд и некоторое время удерживал. Прошла минута, Арагорн не шевельнулся и не притронулся к оружию, но посланец Мордора вдруг вскрикнул и отшатнулся, словно от удара.

— Я глашатай и посол, на меня нельзя нападать! — закричал он.

— Там, где этот закон соблюдается, — медленно проговорил Гэндальф, — послы не ведут себя так нагло. Но никто не угрожает тебе. Делай свое дело и не бойся нас. Однако если твой господин не стал умнее, то тебе, как и всем его рабам, грозит большая опасность.

— Ах, вот оно что! — воскликнул посланец. — Значит, говорить будешь ты, старик? Мы и раньше слыхали о тебе, знаем, что ты бродишь вокруг и строишь козни. Но на этот раз ты сунул нос слишком далеко, почтенный Гэндальф, и сейчас увидишь, что бывает с теми, кто плетет интриги против Саурона Великого. У меня есть кое-что показать вам, особенно тебе, раз ты посмел явиться. — Он кивнул одному из воинов, и тот подал ему какой-то сверток из черной ткани.

Посланец Мордора сдернул ткань и показал им сначала короткий Сэмов меч, потом серый плащ с эльфийской пряжкой и, наконец, кольчугу из мифрила. При виде этих предметов у многих, стоявших перед Воротами, потемнело в глазах, и последний луч надежды погас. Пиппин, до сих пор прятавшийся за спиной Имрахиля, отчаянно вскрикнул и рванулся вперед.

— Молчи! — сурово приказал Гэндальф, оттаскивая его, но черный посланец громко рассмеялся.

— Так у вас есть и еще один такой! — вскричал он. — Не знаю, зачем они вам, но послать их шпионами в Мордор мог только безумец. Ну хоть на одно он сгодился. Теперь ясно, что все это он видел и раньше, так что теперь не отвертитесь. Вам эти вещи тоже знакомы.

— Конечно, — спокойно произнес Гэндальф, — я-то знаю их историю, а вот ты, я вижу, с ней не знаком. Зачем ты принес их сюда?

— Кольчуга гномов, эльфийский плащ, меч павшего Запада и шпион из ничтожного Шира... ага, вздрогнули! — мы хорошо знаем их, — вот признаки заговора! Может, вам и не нужна та маленькая тварь, которой принадлежат эти вещи, а может, наоборот, она дорога вам? Если так, поразмыслите, коли способны на это! Саурон не любит шпионов, и судьба этой твари будет зависеть от вашего выбора.

Ему никто не ответил, но бледность лиц и ужас в глазах были красноречивей слов. Снова послышался его скрежещущий смех.

— Так, так! А малыш был вам дорог, как я вижу. Да и дело у него было серьезное, а? Но сорвалось. Теперь его ждут годы медленных мучений. Мы уж постараемся, чтобы они не скоро кончились. Вы его больше не увидите, разве что его сломают и переделают, а тогда уж я не забуду отправить его к вам. И это обязательно будет, если вы не примете условий моего Повелителя.

— Назови условия. — Голос у Гэндальфа был твердый, но стоявшие поблизости видели в глазах мага тревогу и вдруг заметили, что он стар, потрясен и разбит. Они не сомневались: маг согласится, что бы ему ни предложили.

А условия были тяжелыми. Войскам Гондора и его союзникам предлагалось немедленно отойти за Андуин, предварительно поклявшись не выступать против Саурона ни явно, ни тайно. Весь Итилиен навсегда отходил к Саурону, а все страны западнее Реки до Мглистых Гор и до Гривы Рохана обязывались сложить оружие и платить Мордору тяжелую дань. Они обязывались восстановить также разрушенный Изенгард.

— Он станет владениями наместника Саурона, — сказал посланец, — но это будет не Саруман — он оказался недостойным, — а другой, кому Владыка доверяет больше. — И все поняли, что этим наместником будет он сам. И они поняли также, что условия Саурона означают рабство для Запада на вечные времена. В этот момент неожиданно прозвучал ответ мага:

— Слишком много вы хотите в обмен на одного пленника! Столько твой господин мог бы получить только ценою долгой войны. Или на полях Гондора он потерял надежду на победу? А если ценить этого пленника так высоко, то где залог, что Саурон, великий обманщик и предатель, выполнит свои обязательства? Где пленник? Приведи его и отдай нам, тогда и обсудим условия.

И тут Гэндальфу, не сводившему глаз с посланца, показалось, что на одно мгновение тот растерялся и смехом попытался скрыть это.

— Остерегайся говорить дерзко с Голосом Саурона! — вскричал он. — Ты требуешь залога? Саурон не дает их. Если ты ищешь его милостей, выполняй его требования. Условия вам известны. Поступайте теперь как хотите!

— Вот как мы поступим, — произнес вдруг Гэндальф. Он распахнул плащ, и яркая белизна одежд сверкнула в этом мрачном месте подобно обнаженному мечу. От его воздетой руки посланец попятился, а маг подошел и просто отобрал у него кольчугу, меч и плащ. — Это мы возьмем в память о нашем друге, — просто сказал он. — А ваши условия отвергаем

бесповоротно. Уходи, твое посольство окончено, и смерть теперь ближе к тебе, чем когда-либо. Мы пришли сюда не для того, чтобы пререкаться с подлым Сауроном, а тем более — с его рабами. Уходи!

Посланец Мордора не смеялся больше. От гнева и изумления лицо его исказилось и стало похоже на морду дикого зверя, у которого из-под носа увели добычу. От ярости он издавал странные сдавленные звуки. Но страх в нем был сильнее гнева. Вскрикнув, он повернул коня и помчался обратно. Его воины тоже повернули коней и затрубили условный сигнал. Они еще не достигли Ворот, а ловушка Саурона уже захлопнулась.

Оглушительный грохот барабанов обрушился на равнину. Ворота Мораннона распахнулись настежь, исторгнув огромное войско, хлынувшее волной. Вожди Запада поспешно вернулись к войскам. Пыль тучей поднялась в воздух, когда с востока кинулись толпы, до этого скрывавшиеся в тени Пепельных Гор. Со склонов по обе стороны Мораннона стекали бесчисленные потоки орков. Армия Запада оказалась окруженной, враги превосходили их численностью в десятки раз. Саурон схватил приманку мертвой хваткой.

Арагорн едва успевал отдавать приказы. Он стоял с Гэндальфом на одном из холмов, и над ними развевалось знамя с Древом и Звездами, на другом холме рядом плескались знамена Рохана и Дол Амрота: Белый Конь и Серебряный Лебедь. Каждый из холмов ощетинился во все стороны мечами и копьями. Впереди, лицом к Мораннону, стояли сыновья Элронда, слева от них — дунаданы Арагорна, а справа — Имрахиль со своими воинами.

Подул ветер, и звуки труб слились со свистом стрел. Солнце окуталось дымом и покраснело, словно перед закатом, а из мрака вверху слетали, злобно рыча, назгулы, и гибельные взмахи их крыльев гасили последнюю надежду в сердцах.

Когда Гэндальф отверг условия Мордора и тем самым обрек Фродо на несказанные муки, Пиппин содрогнулся от ужаса, но потом овладел собой и теперь, стоя рядом с Берегондом в первом ряду воинов Гондора, хотел только умереть, раз уж все погибло.

— Хорошо бы, Мерри был здесь, — бормотал он, глядя, как на них надвигаются вражеские полчища. — Теперь я понимаю несчастного Денетора. Мы с Мерри могли бы умереть вместе. Но раз нет, значит, нет. Надеюсь, что его смерть будет легче. А я сделаю, что смогу, пусть даже это будет и не так много.

Он обнажил меч и всмотрелся в красные с золотом руны, начертанные на клинке. «Эх, — подумалось ему, — вот для кого он выкован — для этой образины, что похвалялась тут. Кабы

я мог убить его, тогда, глядишь, и сравнялся бы с Мерри. Ну что ж... видно, не судьба мне прославиться. Не пропадать же даром такому клинку. Хоть пару этих вражин я свалю. Хотелось бы мне еще разок увидеть солнышко и травку в Шире!»

В этот миг на них обрушилась первая волна атакующих. Правда, передовые орки приостановились, влетев в болото перед холмами, и только осыпали осажденных градом стрел. Но за ними спешили, рыча как звери, горные тролли — огромные, покрытые твердой чешуйчатой шкурой, — они держали в руках круглые черные щиты и тяжелые молоты. Болото не задержало их. Как буря налетели они на воинов Гондора и схватились с ними врукопашную. Берегонд от страшного удара зашатался и упал, а тролль, сваливший его, наклонился, протягивая жадные лапы. У этих гнусных созданий в обычае было перегрызать горло поверженным врагам.

Пиппин завизжал и изо всех сил ударил тролля мечом снизу вверх. Украшенный нуменорскими рунами клинок неожиданно легко пронзил грубую шкуру и глубоко вошел в огромное тело, отворив целый фонтан черной крови. Тролль покачнулся и рухнул, как утес, прямо на Берегонда и Пиппина. Мрак и боль захлестнули хоббита, и он ощутил, что проваливается в бездонную тьму.

«Значит, это и есть конец?» — успел подумать он и засмеялся, радуясь, что страхи и тревоги кончились. Но перед тем, как окончательно кануть в забытье, он еще услышал, словно из далекого прошлого, чей-то знакомый голос, кричавший: «Орлы! Орлы летят!»

На мгновение Пиппин словно задержался на пороге беспамятства. «Бильбо! — мелькнула мысль. — Это из его сказки. Хотя нет, из моей. И она кончилась. Прощайте все!» И мир для него исчез.

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава 1
КРЕПОСТЬ КИРИТ УНГОЛ

Сэм с трудом поднялся. В первую минуту он не мог вспомнить, где находится, а потом весь ужас и отчаяние разом нахлынули на него. Прямо перед ним в глубокой тени высились закрытые ворота крепости орков. Он помнил, как в отчаянии и ярости бросился на них, но что было дальше и сколько он пролежал здесь? Дрожа от холода, он подполз к воротам и приник к ним ухом.

Где-то за стенами ему послышались голоса орков, но вскоре они отдалились или стихли. Превозмогая головную боль и радужные искры в глазах, Сэм заставил себя успокоиться и подумать. Не было времени ждать, пока ворота снова откроются. Надо спасти друга, даже если для этого придется погибнуть.

— Погибнуть — это скорее всего, да и легче гораздо, — мрачно сказал он себе, вкладывая в ножны Шершень. Медленно, почти ощупью, он вернулся в подземный ход, не решаясь достать подарок Галадриэли. Он шел и пытался обдумать все то, что произошло с ним после Перекрестка. Интересно, какое время дня сейчас?.. и какой день? Скорее всего, завтра уже наступило, а может, и послезавтра... Он потерял счет дням в Стране Мрака, где время течет иначе, а всякий, переступивший ее границы, перестает существовать для оставшихся в мире.

— Интересно, что у них там делается? — Он неопределенно махнул рукой перед собой. Но здесь, в подземельях Шелоб, он стоял теперь лицом на юг, а не на запад.

На западе же, в широком мире, приближался к полудню четырнадцатый день марта. Там Арагорн вел черный флот от Пеларгира, Мерри скакал по древней дороге с рохирримами, в Минас Тирите вздымалось пламя, и Пиппин видел растущее безумие в глазах Денетора. Но среди всех этих тревог мысли друзей непрестанно обращались к Фродо и Сэму. О них не забывали, но друзья были слишком далеко, и мысли их не могли помочь Сэму. Он был совсем один.

Медленно вернулся он к каменной двери орочьего туннеля, так и не найдя запоров, снова перелез через нее и спрыгнул на

землю, а потом доплелся до устья пещеры, где все еще шевелились и развевались под холодным ветром лохмотья страшной паутины Шелоб. После душного мрака, оставшегося позади, Сэма прохватила дрожь, но дыхание ветра было живительным. Хоббит осторожно выполз наружу. Кругом стояла зловещая тишина. Сумеречный свет ненастного дня приглушали тучи, летевшие из Мордора на запад.

Сэм смотрел на крепость. Внезапный огонь, промелькнувший в окнах башни, сделал их похожими на страшные красные глаза. Может быть, это был сигнал... Недавнее возбуждение спало, и вернулся страх перед орками. Но сколько ни раздумывай, путь был один-единственный: надо искать вход в ужасную башню. Ноги у хоббита подкашивались, но все же, настороженно прислушиваясь и вглядываясь в густые тени утесов у тропы, он миновал место, где упал Фродо и еще чувствовался мерзкий запах Шелоб, и там, где ему повстречался отряд Шаграта и пришлось надеть Кольцо, остановился и сел. Казалось, двигаться дальше нет сил. За перевалом начиналась земля Мордора, и Сэм чувствовал, что оттуда уже не будет возврата.

Бездумно он достал Кольцо и снова надел его. Оно было тяжелым, и все сильнее и настойчивей чувствовал Сэм злобный взгляд. Око Мордора искало его, силясь проникнуть сквозь мглу, созданную для своей же защиты, а сейчас ставшую помехой, источником тревог и сомнений.

Как и прежде, слух мгновенно обострился, но мир словно выцвел и подернулся дымкой. Издали доносились стенания раненой Шелоб, но их заглушали крики и лязг металла. Сэм вскочил на ноги и прижался к утесу у края тропы. Ему показалось, что на подходе еще один отряд орков, но слух, усиленный Кольцом, обманул его: крики доносились из башни, левый зубец которой был теперь прямо у него над головой. Там творилось что-то недоброе. Может быть, несмотря на приказ, жестокость орков взяла верх, и они мучают Фродо или даже рвут его на части! Но чем дальше он вслушивался, тем сильнее разгоралась в нем искра надежды. В башне, несомненно, шла драка, орки ссорились между собой. Видно, отряды Шаграта и Горбага что-то не поделили. Сэм больше не колебался и с криком: «Я иду, Фродо!» побежал к вершине перевала. Тропа сразу же свернула влево и пошла круто вниз. Сэм вступил на землю Мордора.

Ощущая смутную опасность, он снял Кольцо.

— Лучше уж видеть, пусть хоть самое худшее, чем спотыкаться в тумане, — пробормотал он.

Суровая, мрачная и безотрадная страна простиралась перед ним. У самых ног хоббита гребень Хмурых Гор круто обрывался в темное ущелье, по другую его сторону вставал хребет Моргэй, страшное внутреннее кольцо, ограждающее страну, —

хребет, скалящийся черными утесами на фоне багровых отсветов. Далеко впереди, за обширным озером мрака, словно пылал гигантский костер. Над ним стояли столбы дыма, тускло-красные у основания и угольно-черные вверху, там, где они сливались с клубящимся покровом, нависшим над всей проклятой страной. Это был Ородруин, Огненная Гора. По временам пламя в глубинах ее пепельного конуса разгоралось ярче, и из трещин в склонах выплескивались огненные реки. Горящие потоки текли к Барад Дуру, извивались по каменной равнине, застывая, становились похожими на огромных скрюченных драконов, извергнутых измученной землей.

Роковая Гора трудилась вовсю. Огонь, рвавшийся из земных недр, окрашивал угольно-черные скалы в цвет запекшейся крови.

В этих угрюмых сполохах Сэм стоял, окаменев от ужаса, потому что только теперь охватил взглядом всю могучую крепость Кирит Унгол. Рог, возвышавшийся над перевалом, был только самой высокой из ее башен. С востока крепость вздымалась тремя большими террасами, с запада приникала к огромному утесу, облепив его ярусами бастионов. Футах в двухстах внизу зубчатая стена окружала темное пространство. Юго-восточные ворота выходили на широкую дорогу. Она петлями спускалась вниз по краю пропасти, а потом сворачивала на юг и соединялась с дорогой на Моргульский перевал. Потом, через ущелье Моргэй, уходила к Горгоратской равнине и дальше к крепости Барад Дур. Тропа, на которой стоял Сэм, крутыми уступами падала вниз, к хмурым воротам крепости.

Сэм разглядывал грозную крепость и неожиданно понял, что она не столько преграждает дорогу в Мордор, сколько закрывает выход оттуда. Он вспомнил, что это одно из древних гондорских укреплений, восточный форпост обороны Итилиена времен Последнего Союза, когда Люди Запада стерегли страну Саурона, не давая злу вырваться в мир. Но внимание стражей ослабело, и Темный Властелин коварством овладел крепостью. Когда Саурон снова обосновался в Мордоре, крепость понадобилась ему, чтобы не дать своим рабам вырваться на свободу. Она же вставала на пути тех, кому удалось бы ускользнуть от бдительности Ока и алчных лап Шелоб.

Сэм ясно понимал, как мало у него шансов миновать ворота. А если даже он и пройдет, дорога внизу наверняка охраняется; черные тени утесов не скроют от орков, видящих в темноте. Но как ни страшна дорога, его задача еще страшнее — не избежать ворот, а войти в них, да еще одному.

Кольцо не помогало, а только усиливало тревогу. На виду у Ородруина, возле великого пламени, в котором Оно родилось, сила и власть Кольца росли. Только могучая воля могла укротить Его. Чувствуя тяжесть на шее, Сэм ощущал себя

словно одетым в собственную огромную искаженную тень, зловещей угрозой нависшую над Мордором. Либо терпеть Кольцо, как бы Оно ни терзало его, либо объявить своим и бросить вызов силе в мрачной крепости по ту сторону долины теней. Кольцо искушало его, подтачивая волю и разум, рождало безумные фантазии. Вот он, Сэмиус Могучий, Герой Всего Мира, скачет с пламенным мечом в руке, собирает войска и ведет их на Барад Дур, вот уже разошлись тучи, засияло солнце, и по велению Сэма Горгоратская долина зазеленела и оделась садами. Надо только надеть Кольцо, объявить себя Его хозяином, и все сбудется!

В этот роковой час Сэма спасла не только преданность другу и ответственность за судьбы Среднеземья. Простой здравый смысл говорил, что он не годится для таких свершений, даже если бы они оказались не только приманкой Врага. Маленький садик вольного садовника, а не сад величиной с королевство — вот что ему нужно. Ему достаточно своих рук, он не привык полагаться на других.

— Эти мечты — один обман, — ворчал он. — Если я надену Кольцо здесь, в Мордоре, Он увидит и прикончит меня. Не стоит и пробовать. Может, и хорошо быть невидимым, да только уж лучше так... Хватит рассуждать, идти надо, — прикрикнул он на себя, передернул плечами, словно стряхивая искушавшие его видения и тени, и медленно пошел вниз. С каждым шагом он словно становился меньше, и уже через несколько минут на тропе остался просто испуганный маленький хоббит. Теперь и без помощи Кольца он слышал за стеной крепости крики и шум сражения.

Сэм был уже на полпути между тропой и воротами крепости, когда оттуда выскочили два орка. Даже не взглянув по сторонам, они бросились к главной дороге, но, не сделав и десяти шагов, споткнулись, упали и остались лежать неподвижно. Сэм не видел стрел, но понял, что они могли вылететь только из ворот крепости. В тени стены он не особенно боялся, что его заметят, его смущало другое. В каменной кладке, поднимавшейся перед ним футах в тридцати, не было видно ни трещинки, ни выступа. Нечего было и думать перелезть через нее. К тому же заканчивалась она выступающим широким карнизом. Оставались только ворота.

Потихоньку приближаясь к ним, Сэм прикидывал, сколько же орков может быть в крепости. В отряде Шаграта было около сорока, вдвое меньше, чем у Горбага. Но отряд Шаграта был частью гарнизона. Непонятно, из-за чего они могли сцепиться между собой. Как ни гнал Сэм от себя эту мысль, но никакой другой причины, кроме имущества своего хозяина и самого Фродо, он придумать не мог. Сэм стал вспоминать, что у Фродо было с собой, и вдруг его прошиб холодный пот. «Да

ведь на Фродо кольчуга из мифрила!» — вспомнил он. А уж это ли не ценность для орков! Конечно, кто-то из них попытался завладеть ею, а другим это не понравилось. Перед таким искушением эти лиходеи забудут даже приказы Черной крепости, а они одни только и охраняли жизнь Фродо до сих пор.

— Ну же, не трусь! — прикрикнул на себя Сэм. — Давай, надо идти. — С этими словами он выхватил из ножен Шершень и кинулся к открытым воротам. Но, миновав высокую арку, он с размаху натолкнулся на невидимое препятствие. Что-то, куда сильнее его, преграждало путь. Сэм беспомощно оглянулся по сторонам и только тут заметил в тени ворот Стражей. Это были огромные каменные истуканы: три сросшихся тела, три головы с лицами, обращенными на дорогу, внутрь крепости и на ворота. Стражи сидели на каменных тронах, их когтистые руки были сложены на коленях, каменные лица, напоминавшие хищных птиц, были озарены внутренней жизнью злобного бдительного духа. Стражи знали, кто их враг. Зримый или незримый, он не смог бы ни войти, ни выйти.

Сэм собрал все силы и рванулся вперед, но не продвинулся ни на дюйм. Тогда с мрачным отчаянием он медленно достал из-за пазухи фиал Галадриэли и поднял его вверх. Жемчужно-белый свет засиял, разгоняя тени под сводами, и ярко осветил уродливые лица и фигуры Стражей. Сэм успел уловить в их глазах злобное выражение и похолодел от страха, но тут же почувствовал, что злая воля, преграждавшая путь, тает и обращается в ничто. И тогда он снова ринулся вперед.

Миновав ворота и спрятав чудесный дар Владычицы Лориена на груди, он сразу почувствовал выросшую за спиной незримую стену. В тот же миг изваяния испустили короткий пронзительный вопль, эхом отдавшийся в каменных стенах. В ответ, высоко вверху, прозвучал одинокий дребезжащий удар колокола. Сэм был внутри крепости Кирит Унгол.

— Ну вот, — проворчал он, — я и позвонил у дверей. Эй вы, там! — закричал он, с трудом заставляя голос не дрожать. — Скажите Шаграту, что явился великий воин, эльф с волшебным мечом!

Но ему не ответили. Сэм шагнул вперед, сжимая в руке полыхавший синим огнем Шершень, и споткнулся обо что-то мягкое. Свету было мало, и он не сразу заметил, что весь внутренний двор крепости усеян трупами орков. Возле самых его ног валялись двое орков-стрелков, в спинах у обоих торчали ножи. Дальше лежали кто в одиночку, там, где свалил его меч или стрела, кто по двое, еще вцепившись друг в друга... Все погибли в яростной схватке, до последнего вздоха рубя, душа, кусая. Камни были скользкими от черной крови.

Сэм заметил, что орки были одеты по-разному: у одних на одежде был знак Багрового Ока, у других — Лунного Лика, но

он не стал останавливаться и присматриваться. По ту сторону двора, у подножья башни, была большая полуоткрытая дверь, оттуда исходило красноватое свечение. На пороге валялся мертвый орк. Сэм перешагнул через него и вошел, растерянно оглядываясь.

Широкий, гулкий коридор вел от двери внутрь. Он был тускло освещен факелами, горевшими в канделябрах по стенам, но дальний конец коридора тонул во мраке. По обеим сторонам располагалось множество дверей и проемов, но, кроме двух-трех валявшихся на полу трупов, там было пусто. Из того, что Сэм подслушал в разговоре предводителей отрядов, он знал, что Фродо, живого или мертвого, нужно искать где-то на самом верху башни, но где именно?

— Наверное, ближе к задней стене, — пробормотал Сэм. — Вся крепость карабкается чем дальше от входа, тем выше. И уж во всяком случае надо придерживаться факелов.

Он двинулся по коридору. Шаги гулко отдавались в тишине, напоминая шлепанье огромных ладоней по камню. Одиночество, трупы, сырые черные стены, словно окровавленные в отсветах факелов, страх подстерегающей в тени или за дверью смерти, а в глубине души — ощущение зоркой злобы, поджидающей у ворот, — это было слишком для Сэмовых сил. Он предпочел бы открытую схватку, лишь бы врагов было не очень много сразу. Он заставил себя думать о Фродо, лежащем где-то здесь, о Фродо, связанном, раненом или мертвом. Миновав освещенное факелами пространство, он приблизился к большой сводчатой двери в конце коридора — как он правильно догадался, это была внутренняя сторона нижних ворот, — и тут вдруг наверху раздался ужасающий хриплый вопль. Сэм так и застыл на месте. Потом он услышал приближающиеся шаги. Кто-то торопливо сбегал по гулкой лестнице сверху.

Воля Сэма не смогла остановить его руку, потянувшуюся к цепочке Кольца. Но он не успел надеть Его: в тот самый миг, когда пальцы охватили цепь, по лестнице с лязгом и стуком скатился орк. Выскочив из темной ниши справа, он бежал прямо на Сэма и заметил его, только когда был шагах в шести. Не маленького испуганного хоббита увидел он перед собой, а высокую, темную, безмолвную тень со сверкающим длинным мечом в одной руке; в другой, прижатой к груди, скрывалась могучая и страшная угроза, для которой не было названия.

Орк, согнувшись от ужаса, с пронзительным воплем повернулся и бросился обратно. Сэм, донельзя обрадованный своей неожиданной победой, заорал и погнался за врагом.

— Ага! Что, видели эльфа-воина! — кричал он. — Я иду! А ну, покажи мне дорогу наверх, или я изрублю тебя в куски!

Но орк был у себя дома, сытый и бодрый, а Сэм, голодный и утомленный, едва добрался сюда. Крутая лестница вилась нескончаемо, и Сэм начал задыхаться. Орк исчез из виду, лишь сла-

бый топот слышался все дальше и дальше. Орк вопил от страха, и стены отзывались эхом. Но постепенно все звуки затихли.

Сэм не останавливался. Он чувствовал, что идет верным путем, и это очень его подбадривало. Спрятав Кольцо и затянув пояс, он сказал себе:

— Ну-ну, если они все так боятся нас с Шершнем, то дело-то, может, еще и выгорит. Сдается мне, что Шаграт и Горбаг сделали за меня почти всю работу. Кроме этой испуганной крысы, никого живого не видать.

И тут он резко остановился, словно стукнувшись о каменную стену. До него дошел смысл собственных слов: никого живого! Чей же это вопль он слышал?

— Фродо! Фродо, друг мой! — вскричал Сэм, почти рыдая. — Если тебя убили, что я буду делать? Я здесь, я пришел наконец! — И он бросился наверх, как на крыльях.

Лестница все поднималась и поднималась. Было темно, только изредка на повороте или на площадке встречались одинокие факелы. Сэм пытался считать ступеньки, но после двухсотой сбился. Теперь он шел тихо; ему казалось, что он слышит голоса где-то выше. Видно, в живых осталась не одна крыса. И вдруг, когда силы уже совсем покидали его, лестница кончилась. Он остановился. Голоса раздавались теперь близко и отчетливо. Сэм огляделся. Он стоял на плоской крыше третьего, самого высокого яруса башни. Это была открытая площадка ярдов двадцати в диаметре, обнесенная низким парапетом. Лестница оканчивалась в маленькой сводчатой камере с низкими дверями на восток и на запад. На востоке Сэм увидел темную равнину Мордора и огненную Гору вдали. Из ее мрачных недр снова изливались багровые реки, пылавшие столь ярко, что даже на таком расстоянии по стенам башни трепетали блики. Вид на запад закрывало основание башни, вершина которой поднималась над гребнями окружающих гор. В узкое окошко проникал свет. В десяти ярдах от себя Сэм увидел другую дверь, поменьше. Именно оттуда и доносились голоса. Но Сэм не сразу их услышал, пораженный зрелищем, которое открылось внизу. Весь двор был усеян трупами орков, отрубленными головами, руками, ногами. Запах смерти стоял в воздухе. Яростное рычание, удары и крики заставили Сэма снова отскочить в укрытие. Раздался гневный голос, который он узнал сразу: это мог быть только Шаграт, начальник крепости.

— Так ты говоришь, что больше не пойдешь туда, а? Будь ты проклят, Снага, гнусный червяк! Ты думаешь, раз я ранен, можно меня не слушать? Так ты ошибаешься! Подойди, я тебе глаза вырву, как сейчас Радбугу. А когда придет смена, уж я с тобой посчитаюсь. Отправлю к Шелоб, так и знай!

— Смена не придет, а если придет, то ты ее не дождешься,— огрызнулся Снага. — Я же говорил тебе, что Горбаговы скоты

подошли первыми к воротам, а из наших никто не успел выйти. Выбежали только Лагдуф и Музгаш, и их застрелили. Я видел из окна.

— Значит, теперь твоя очередь, а я останусь, потому что ранен. Погибель на этого гнусного изменника Горбага! — Шаграт забормотал сплошные проклятья. — Я угостил его лучше, чем он меня, но, пока я душил его, он успел ударить кинжалом, скотина! Иди! Иди, или я тебя съем! Нужно немедленно дать знать в Лагбур, иначе мы оба попадем в Черную Яму. Да, да, и ты тоже. Не надейся отсидеться здесь!

— Я не пойду вниз! — прорычал Снага. — Мне плевать — начальник ты или нет! А ну, брось кинжал, а то получишь стрелу в бок! Тебе недолго осталось командовать. Как только Они услышат обо всем, что здесь случилось, тебе конец. Я защищал башню от этих моргульских крыс, а вы, двое начальников, все испортили, подравшись из-за добычи!

— Хватит! — резко оборвал его Шаграт. — У меня был приказ. Начал Горбаг, когда хотел стащить эту красивую рубашку.

— Да. А ты свалил его! Хоть ты и сильнее, а он был умнее тебя. Он же говорил тебе, что самый опасный из них еще на свободе, а ты не хотел слушать. И сейчас не хочешь. Горбаг был прав, говорю тебе! Тут, в крепости, могучий воин, один из этих кровожадных эльфов, а может, даже — *тарк*[1]. Он здесь, говорю тебе! Ты слышал колокол? Он прошел мимо Стражей, а кто, кроме тарка, мог это сделать? Сейчас он на лестнице. И пока он не уйдет, я не спущусь, будь ты хоть назгулом!

— А, вот ты как! — зашелся от гнева Шаграт. — Это ты будешь делать, а то — нет? А когда он придет, сбежишь и бросишь меня? Ну уж нет!

Из двери башни выскочил давешний орк. За ним гнался Шаграт, огромный, с такими длинными руками, что на бегу они задевали пол. Но одна рука висела бессильно, из нее текла кровь; другой он прижимал к себе большой сверток. В красном отсвете Сэм, притаившийся за дверью, на мгновение увидел его свирепое лицо: оно было изодрано, словно острыми когтями, и вымазано кровью. С торчащих клыков капала пена, и он рычал, как дикий зверь. Сэм наблюдал, как Шаграт гонялся за Снагой по всему дворику, пока тот не кинулся обратно в башню и не скрылся там. Тогда Шаграт остановился. Сэм хорошо видел, как он стоит у парапета, тяжело дыша, сжимая и разжимая раненую лапу. Он положил свой сверток на пол, вытащил длинный кинжал и зачем-то поплевал на него. Потом перегнулся через парапет и дважды крикнул, но ответа не было.

И вдруг, пока Шаграт смотрел вниз, повернувшись спиной к площадке, Сэм с изумлением увидел, как одно из распростертых тел пошевелилось, а потом поползло. Оно протянуло когтистую

[1] См. Приложение VI

лапу и вцепилось в сверток; шатаясь, поднялось. В другой руке у него был обломок копья с широким лезвием. Орк замахнулся для удара. Но в этот миг у него сквозь сжатые зубы вырвалось шипение не то от боли, не то от злобы. Шаграт мгновенно, как змея, отпрянул, обернулся и всадил кинжал в горло врагу.

— Вот тебе, Горбаг! — вскричал он. — Ты живой еще, да? Ну, я тебя прикончу!

Горбаг рухнул как подкошенный. Удостоверившись, что тот мертв, Шаграт запрокинул голову и разразился хриплым, торжествующим воплем. Потом облизал кинжал, взял его в зубы и, подхватив сверток, заковылял к ближайшей двери на лестницу вниз.

У Сэма не оставалось времени на раздумья. С этим орком нельзя было долго играть в прятки, и Сэм совершил, наверное, самый удачный поступок в жизни: закричал и прыгнул навстречу Шаграту. Кольцо, пусть даже ненадетое, ужасало всех рабов Мордора, в руке Сэм сжимал меч, поражавший орков нестерпимым блеском: так блестят безжалостные звезды в ужасной стране эльфов — сама мысль о них была кошмаром для всего проклятого племени. У Шаграта оставалась лишь одна рука и для защиты, и чтобы охранять свое сокровище. Он остановился и зарычал, оскалив клыки, потом, отскочив в сторону, как всегда делают орки, он сильно ткнул хоббита в лицо свертком, использовав его и как щит, и как оружие. Сэм зашатался. Он еще не успел восстановить равновесие, а Шаграт уже метнулся мимо и поскакал вниз по лестнице.

Вскрикнув, Сэм кинулся было в погоню, но мысль о Фродо остановила его. Он вспомнил, что другой орк убежал в башню. Снова приходилось выбирать, а времени не было. Если Шаграт бежал, он вскоре вернется с подмогой. Но если гнаться за ним, другой орк может совершить в башне жуткое дело. К тому же Шаграта уже не догнать. Сэм повернулся и побежал наверх.

— Опять не так, наверное, — сказал он себе. — Но уж пусть я сначала поднимусь на самый верх, а там — будь что будет!

Далеко внизу Шаграт загремел, сбегая по лестнице, выбежал во двор и кинулся к воротам, не выпуская своей драгоценной добычи. Если бы Сэм знал, сколько горя принесет это бегство, он бы заплакал. Но он мог думать только о цели своих поисков. Осторожно приблизившись к дверям, он шагнул через порог. Внутри было темно, но справа мерцал тусклый свет. Это светилось окно, выходящее на другую лестницу, такую же темную и узкую; она поднималась спиралью, и где-то наверху горел огонь.

Сэм осторожно начал подниматься. Он достиг капающего смолой факела, укрепленного над дверью напротив узкого окна на запад; это и был один из тех красных глаз, которые они с Фродо видели снизу, от начала подземного хода. Сэм быстро миновал дверь и поспешил на второй ярус, все время боясь, что сзади кто-нибудь накинется. Но вот лестница кончилась.

Сэм прокрался в коридор. С обеих сторон здесь было по низкой двери, но обе — запертые. И нигде ни звука!

— Карабкался, карабкался, — пробормотал Сэм, — и забрался в тупик. Но это — не вершина башни. Что-то же должно быть дальше?

Он спустился на один ярус и попробовал дверь. Она не поддавалась. Тогда он снова взбежал наверх, весь в поту. Минуты уходили одна за другой, а он ничего не мог сделать. Сэм не думал больше ни о Шаграте, ни о Снаге. Ему нужен был только Фродо: хоть один его взгляд или прикосновение.

Наконец, усталый, окончательно обескураженный, он сел на ступеньку и уронил голову на руки. Было тихо, странно тихо. Факел затрепетал и погас. Сэм почувствовал, что волны тьмы накрывают его с головой.

И тут, после всех напрасных поисков, во мраке отчаяния, Сэм, к собственному удивлению, начал тихонько петь. Голос у него был тонкий и дрожащий — голос одинокого, усталого, отчаявшегося хоббита, который ни один случайный орк не спутал бы с пением эльфийского воина. Он мурлыкал старые детские песенки, отрывки из песен, сочиненных Бильбо, мелькавшие у него в мыслях, как мимолетные видения родной страны. А потом в нем вдруг пробудились какие-то новые силы, голос окреп и неожиданно родились свои собственные слова, слившиеся с незатейливой мелодией.

Быть может, в Западной Стране
Теперь цветет весна,
Поют ручьи и в вышине
Трель зяблика слышна.
А ночь роняет звездный звон,
И чистый небосклон
Алмазной россыпью вплетен
В убор полночных крон...

Мой путь угас в Стране Теней,
Но знаю: с давних пор
Превыше черных крепостей,
Превыше черных гор
Лучится свет; бессмертен край,
Цветущий по весне,
И я не говорю «прощай»
Ни солнцу, ни звезде.

Ему почудился чей-то слабый ответный голос. Он прислушался. Все стихло. Нет, что-то слышно опять, но это не голос, это приближающиеся шаги.

Скрипнув, открылась дверь в коридоре наверху. Сэм затаился. Дверь закрылась, глухо стукнув, а потом раздался визгливый голос орка:

— Эй, ты! Заткнись, грязная крыса! Брось пищать, а то я поднимусь и покажу тебе! Понятно?

Ответа не было.

— Ладно,— продолжал Снага (а это был, несомненно, он),— все равно я поднимусь поглядеть, что ты там делаешь.

Петли скрипнули снова, и Сэм, выглянув из-за угла, увидел свет, мелькнувший в открытой двери, и темный силуэт орка, несущего лестницу. Сэм вдруг догадался: в самую верхнюю комнату вел люк в потолке коридора. Снага поставил лестницу, укрепил ее и, поднявшись, исчез из виду. Сэм услышал стук отодвигаемого засова. Потом противный голос заговорил опять:

— Лежи смирно, иначе наплачешься! Думаю, тебе недолго придется жить тут спокойно. А чтобы ты не очень скучал, вот тебе задаток! — Послышался звук, похожий на удар бича.

Сэма охватила бешеная ярость. Он мигом подбежал к лестнице, как кошка, вскарабкался наверх и оказался посреди большой круглой камеры. С потолка свисала красная лампа; проем выходившего на запад окна был высоким и темным. На полу под окном кто-то лежал, над ним нависла черная фигура орка. Бич поднялся снова, но удара не последовало.

Сэм с криком прыгнул вперед и взмахнул Шершнем. Орк быстро обернулся, но не успел и двинуться, как Сэм отрубил ему лапу с бичом. Взвыв от боли и страха, орк стремглав кинулся на него. Второй удар Сэма не достиг цели, и, потеряв равновесие, он упал вместе с налетевшим на него орком. Еще не успев подняться, он услышал вопль и глухой стук: орк зацепился за выступающий конец лестницы и рухнул в открытый люк. Сэм тут же забыл о нем. Он бросился к лежащему под окном. Это был Фродо.

Он был без сознания. Голый, на груде грязного тряпья, рука прикрывала голову, а на боку виднелся красный рубец от удара бичом.

— Фродо! Фродо, милый друг! — вскричал Сэм, обливаясь слезами.— Это я, Сэм! Я пришел! — Он приподнял тело и прижал к груди. Фродо открыл глаза.

— Опять сон? — чуть слышно пробормотал он.— Но другие сны были страшные...

— Нет, не сон! — всхлипывал Сэм. — Это я, настоящий. Я пришел!

— Мне не верится, — прошептал Фродо, крепко ухватившись за него.— Только что был орк с бичом, а вдруг он превратился в Сэма... Значит, мне не приснилось, когда я слышал твое пение внизу и хотел ответить? Это был ты?

— Конечно, я. Я уже потерял надежду. Я никак не мог найти вход сюда.

— Ну вот, теперь нашел, Сэм, милый,— произнес Фродо и улегся поудобнее в заботливых объятиях Сэма, закрыв глаза, как ребенок, ночные страхи которого развеяны любимым голосом или прикосновением.

Сэм чувствовал, что может так сидеть бесконечно, в полном блаженстве, но это было невозможно. Найти друга мало, нужно еще спасти его. Он поцеловал Фродо в лоб.

— Очнитесь, Фродо! — прошептал он, стараясь говорить так же весело, как бывало на Сумкиной Горке, когда он распахивал окно летним утром.

Фродо вздохнул, открыл глаза и сел.

— Где мы? Как я попал сюда?

— Некогда рассказывать, надо уходить скорее, — волнуясь, сказал Сэм. — Мы на вершине Башни, той самой, которую видели от подземного хода. Потом орки схватили вас... я не знаю, когда? Может, вчера, а может, позавчера...

— Вчера? — переспросил Фродо. — А мне кажется, прошли уже недели. Что-то ранило меня, верно? И я спал, и видел страшные сны, а потом проснулся, — а действительность еще страшнее. Везде орки. Кажется, они лили мне в горло какое-то отвратительное питье. Я был слабый, и было больно... Они разделили меня, а потом два огромных, страшных, стали допрашивать, и допрашивали, пока я не почувствовал, что схожу с ума. Они стояли надо мной и рычали, и хватались за кинжалы. Никогда не забуду их когтей!

— Не забудете, если будете вспоминать, — сказал Сэм. — Но если мы не хотим снова увидеться с ними, надо уходить. Можете вы идти?

— Да, могу, — ответил Фродо, медленно вставая. — Я не ранен, Сэм. Только очень устал, и вот здесь больно. — Он прикоснулся к шее сзади, у левого плеча. Сэму показалось, что Фродо одет в пламя: лампа, свисавшая сверху, заливала его обнаженное тело алым светом.

— Вот так лучше, — сказал Фродо, неуверенно пройдясь по камере. — Я боялся двигаться, пока был один. А потом начались крики, драка. Кажется, они перессорились из-за меня и моих вещей. Я испугался и лежал совсем тихо. А когда все кончилось, стало еще страшнее.

— Да, похоже, они передрались; их было здесь сотни две, этих мерзких тварей. Пожалуй, многовато для меня одного! Но они сами управились. Это, конечно, хорошо, но уходить все-таки надо, и побыстрее. Только не нагишом же вам идти...

— Они все отняли у меня, Сэм, — с отчаянием произнес Фродо. — Все, ты понимаешь? Все! — Он снова опустился на пол, поникнув, словно только сейчас понял всю глубину постигшего его несчастья. — Мы разбиты, Сэм. Даже если мы выйдем отсюда, нам не спастись. Да и незачем спасаться. Может, эльфам еще удастся уйти за Море...

— Нет, Фродо, нет, мы еще не разбиты! Я взял Его у вас, простите меня. Но я Его сберег. Вот Оно, здесь, на шее, и Оно ужасно тяжелое. — Сэм нащупал на груди цепочку Кольца. — Но теперь, я думаю, вы возьмете Его обратно.

— Оно у тебя?! — вскричал Фродо. — У тебя, здесь? Сэм, ты — чудо! — Но вдруг его тон мгновенно и страшно изменился. — Отдай! — крикнул он, вскочив, и протянул дрожащую руку. — Отдай сейчас же! Тебе нельзя Его трогать!

— Хорошо, Фродо, — ответил удивленный и испуганный Сэм. — Вот Оно. — Он медленно достал Кольцо и снял с шеи цепочку. — Мы теперь в Мордоре. Когда вы выйдете отсюда, то увидите — Ородруин совсем близко. Кольцо стало трижды опасным и очень тяжелым. Если вам будет слишком трудно с Ним, может, я помогу... то есть я ведь могу... если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Нет, нет! — вскричал Фродо, выхватывая у Сэма из рук Кольцо. — Нельзя! Ты — вор! — Он задыхался, не сводя с Сэма испуганных и злобных глаз. Потом вдруг стиснул Кольцо в кулаке и побледнел. Взгляд у него прояснился, и он провел рукой по лбу. Опять он принял страшное видение за действительность: у него на глазах Сэм превратился в орка, в гнусное существо с алчным взглядом и истекающим пеной ртом, протягивающее лапы к его сокровищу. Но видение тут же исчезло. Перед ним на коленях стоял Сэм с глазами, полными слез, с такой мукой на лице, словно его смертельно ранили.

— О, Сэм! Что я сказал? Что я сделал? Прости меня! После всего, что ты совершил... Это Кольцо! Оно виновато! Лучше бы Его никто никогда не находил! Ладно, не бойся за меня, Сэм! Я должен нести свое бремя до конца, мне нельзя делить его ни с кем. Не надо становиться между мной и моей судьбой.

— Хорошо, Фродо, — всхлипнул Сэм, утирая глаза рукавом. — Я понимаю, но ведь я все-таки могу помочь, правда? Могу вывести вас отсюда... прямо сейчас же. Только сначала нужно достать одежду, оружие и еду. С одеждой — это просто. Раз мы в Мордоре, то и одеваться должны по-мордорски, все равно другого выбора нет. Боюсь, вам придется переодеться орком. Да и мне тоже. Если мы пойдем вместе, то и выглядеть должны одинаково. А пока наденьте вот это.

Он расстегнул свой серый плащ и накинул его на плечи Фродо. Потом снял сумку и положил на пол, достал из ножен Шершень: лезвие по краям слабо отсвечивало.

— Я и забыл, Фродо. Нет, они не все отняли у вас. Вот и Шершень, вы сами мне его отдали, если помните, и склянка из Лориена. Но пусть побудут у меня еще некоторое время. Я пойду, поищу, что смогу. А вы оставайтесь здесь. Походите немного, чтобы размяться. Я скоро вернусь.

— Ты поосторожнее, Сэм, — заботливо предупредил Фродо, — и недолго. Здесь могут быть еще и живые орки...

— Придется рискнуть, — ответил Сэм. Он шагнул к открытой двери и мигом спустился по лестнице. Однако через минуту его голова появилась снова и он бросил на пол длинный кинжал.

— Пригодится, — сказал он. — Это — того орка, что ударил вас; он сломал себе шею. И вот что, втащите-ка лестницу наверх и не опускайте, пока не услышите моего пароля «Элберет». Ни одному орку такого не выговорить.

Некоторое время Фродо сидел дрожа, и в душе у него одни страхи сменялись другими. Потом он встал, закутался в эльфийский плащ и начал расхаживать взад и вперед по своей темнице.

Прошло немного времени, хотя Фродо показалось — не меньше часа, и голос Сэма тихонько окликнул снизу:

— Элберет!

Фродо спустил лестницу, и Сэм, отдуваясь, поднялся наверх, неся на голове тяжелый тюк.

— Теперь быстро, Фродо, — произнес он. — Это должно подойти нам. Я не встретил никого живого, но мне что-то беспокойно. Такое чувство, что за этим местом следят. Не могу объяснить вам, ну вроде как тут летает один из этих Черных Всадников, высоко летает, нам его не видать, а все-таки он тут.

Сэм развернул тюк. Фродо посмотрел на вещи с отвращением, но выбора не было: либо одеваться, либо оставаться голым. Он надел лохматые штаны из какого-то грязного меха и грязную кожаную рубашку, поверх натянул плотную кольчугу и подпоясал ее поясом с коротким широким мечом. Сэм принес несколько шлемов, и Фродо выбрал один — черный колпак с железным, обшитым кожей ободком. На клювоподобном забрале был изображен знак Ока.

— У моргульских орков, которые с Горбагом пришли, одежда и сшита лучше, и сидит удобнее, — заметил Сэм, — но кажется, их знаки в Мордоре не годятся, особенно после здешней стычки. Ну вот, Фродо, прекрасный невысокий орк из вас получился! Если бы еще закрыть лицо и вытянуть руки подлиннее да ходить на кривых ногах — было бы совсем хорошо. Вот это прикроет недостатки. — Он накинул Фродо на плечи длинный черный плащ. — Готово! А щиты возьмем, когда выйдем отсюда.

— А ты, Сэм? — спросил Фродо. — Мы же должны выглядеть одинаково.

— Хорошо бы, коли так, — отозвался Сэм. — Но мне лучше не оставлять здесь ничего из своих вещей, а как их уничтожишь? Орочью кольчугу поверх всей моей одежды не надеть. Остается только прикрыть ее.

Он опустился на колени и тщательно свернул свой серый плащ. Получился на удивление маленький сверток, который он спрятал в сумку. Поднявшись, он надел шлем, а на плечи накинул другой черный плащ.

— Вот так! Теперь мы с вами достаточно похожи. Можно идти.

— Только знаешь, Сэм, не очень быстро, хорошо? — слабо улыбнулся Фродо. — Неплохо бы еще разузнать насчет попут-

ных трактиров. Ты, видно, забыл, но есть-пить изредка надо, верно?

— Да, признаться, забыл! — Сэм огорченно вздохнул. — Честное слово, Фродо, с тех пор, как вы исчезли, у меня во рту маковой росинки не было. Я забыл обо всем, пока вас искал. Но дайте подумать! Когда я смотрел в последний раз, от припасов Фарамира оставалось еще кое-что. При экономном расходе с неделю продержаться можно. А вот воды у меня во фляжке на глоток, не больше. На двоих не хватит, конечно. Да что, разве орки не едят, не пьют? Или они питаются только дымом да ядом?

— Нет, Сэм, и едят, и пьют. Мрак, из которого они вышли, не может создать ничего поистине нового. Он не породил орков, он только изуродовал тела и души. Если они живут, то и питаться должны, как всякие живые твари. Они не откажутся от гнилой пищи и тухлой воды, но дым все-таки не едят. Они ведь кормили меня. Здесь где-то должна найтись и вода, и пища.

— Но искать их некогда, — торопился Сэм.

— Ладно, сейчас идем. Пока тебя не было, мне тоже повезло кое в чем. Они действительно взяли не все. Я нашел свою сумку с провизией. Они, конечно, рылись в ней, но, видно, эльфийские лепешки понравились им еще меньше, чем Горлуму. Они только расшвыряли их, но пропало не так уж много. А вот фляжку пробили, и припасы Фарамира забрали.

— Ну, так и говорить не о чем. Пока нам хватит, вот только с водой трудно придется. Идемте, Фродо! Уйдем отсюда, иначе и целое озеро нам не понадобится.

— Пока ты не съешь хоть кусочек, Сэм, — твердо сказал Фродо, — я не сделаю ни шагу. Вот, съешь эту лепешку и допей все из своей фляжки. Наши дела так плохи, что нет смысла беспокоиться о завтрашнем дне, он, может, и вовсе не наступит.

Наконец они собрались в путь. Лестницу Сэм убрал и положил в коридоре рядом с трупом орка. На ступенях в башне было темно, но, выйдя на плоскую крышу, они могли еще видеть отсвет Горы, хотя и сильно потускневший. На площадке крыши беглецы выбрали себе по щиту и двинулись дальше.

Они спустились по большой лестнице. Оставшаяся позади камера в башне казалась им почти уютной. Теперь скрыться было негде, а стены вокруг дышали ужасом. Быть может, в крепости Кирит Унгол и не было больше никого живого, но и сама она была — воплощенное зло.

Достигнув двери, ведущей во внешний дворик, они остановились. Здесь уже ощущалась злобная воля безмолвных Стражей Ворот. Беглецы пробирались между трупами орков, и каждый шаг давался им со все большим трудом. Пришлось остановиться, не доходя до Ворот. Продвинуться дальше хоть на дюйм было свыше всяких сил.

Фродо слишком ослабел для подобной борьбы. Он сел.

— Я не могу больше, Сэм. Мне очень плохо. Не знаю, что со мной.

— Зато я знаю, Фродо. Вставайте. Это Ворота, а на них — злые чары. Но я вошел, значит и выйти можно. Хуже, чем было, не будет. Ну, идемте!

Сэм снова достал звездный фиал. Словно воздавая честь его отваге, светильник увенчал своим великолепием верную загорелую руку, совершившую столько подвигов. Яркий небесный свет разлился по двору. Все вокруг стало четким и ясным, как при свете затянувшейся молнии.

— *А Элберет Гилтониэль!* — вскричал Сэм, неожиданно вспомнив встреченных еще в Шире эльфов, отогнавших тогда Черных Всадников.

— *Айа эленион анклима!* — воскликнул и Фродо, шаг в шаг идя за Сэмом.

Воля Стражей исчезла на этот раз так внезапно, словно лопнула струна, и Фродо с Сэмом чуть не повалились на землю. Потом они стремглав ринулись в Ворота мимо огромных сидящих изваяний со сверкающими глазами. Раздался треск. Верхний замковый камень свода обрушился им почти на пятки, и стена рухнула, рассыпаясь обломками. Они чудом ускользнули от гибели. Зазвонил колокол, и Стражи разразились пронзительным, жалобным криком. Высоко вверху из мрака послышался ответный крик. С черного неба, как молния, упала крылатая тень, разрывая тучи леденящим душу воплем.

Глава 2
В СТРАНЕ МРАКА

Выбежав из крепости, Сэм снова спрятал склянку у себя на груди.

— Бегом, Фродо! — крикнул он. — Нет, не туда, там обрыв. Сюда, за мной!

Они бежали по дороге, спускавшейся от ворот. Шагов через пятьдесят она круто свернула за один из бастионов, заслонив их от крепости. На время они были спасены. Прислонившись к каменной стене, они переводили дыхание, и вдруг оба схватились за сердце: на развалинах ворот, словно огромный гриф, сидел назгул. Его вопль повторило эхо.

Беглецы в ужасе поспешили дальше. Вскоре дорога снова круто свернула к востоку, и на один страшный миг опять стала видна крепость. Метнувшись в сторону, они успели увидеть на стенах огромную черную тень, потом спрыгнули между утесов на тропинку, круто спускавшуюся к Моргульской дороге. Орков не было видно, никто не отвечал на крики назгула; но, конечно, тишина не могла длиться долго, и погони было не миновать.

— Так не годится, Сэм,— задыхаясь, сказал Фродо.— Будь мы настоящими орками, нам нужно было бы спешить в крепость, а не прочь от нее. Первый же встречный опознает нас. Нужно уходить с этой дороги.

— Но мы не можем,— чуть не плача отозвался Сэм.— У нас ведь нет крыльев.

Восточные склоны Хмурых Гор обрывались отвесными утесами в темную лощину между хребтами. Недалеко от слияния дорог, после нового крутого спуска, путь преградила пропасть. Через нее перекинулась каменная арка моста. За ним дорога уходила в сплошной лабиринт утесов и пропастей. Из последних сил Фродо и Сэм кинулись к мосту, но не успели перебежать его, как позади раздались крики и шум. Крепость была уже далеко, ее тускло светившиеся окна чуть виднелись. Там снова ударил хриплый колокол и раскатился оглушительным трезвоном. Затрубили рога. Далеко за мостом им ответили крики. В темной лощине, отрезанные от гаснущих огней Ородруина, Фродо и Сэм ничего не видели впереди, но уже слышали топот железных башмаков, а по дороге дробно щелкали подковы.

— Живо, Сэм, прыгаем! — крикнул Фродо.

Они вскочили на низкий парапет моста. Темнота мешала определить глубину.

— Была не была! — крикнул Сэм.— Прощайте, сударь!

Он прыгнул, Фродо тут же прыгнул за ним. Еще во время прыжка они слышали топот всадников по мосту и бегущих за ними орков. Приземлившись, Сэм едва не расхохотался. Хоббиты прыгали в бездонную пропасть, полную острых камней на дне, но, пролетев не больше десяти футов, угодили в то, чего никак не могли ожидать: в густой колючий кустарник. Сэм боялся шевельнуться и сидел тихо, зализывая исцарапанную руку.

Когда шум наверху смолк, он отважился на шепот:

— Честное слово, Фродо, я и не знал, что в Мордоре что-нибудь растет. Но уж если что и должно расти, то именно такая гадость. Это не колючки, а копья, они прокололи насквозь и плащ и куртку! Жалко, что я без кольчуги!

— Кольчуга тоже не спасает,— пожаловался Фродо,— и кожаная рубашка...

С большим трудом они выдрались из зарослей. Колючки и ветви были крепкими, как проволока, и цепкими, как когти. Беглецы изодрали плащи, пока освободились.

— Теперь вниз, Сэм,— прошептал Фродо.— Скорее вниз, в долину, а там свернем на север, как только сможем.

Во внешнем мире снова начинался день, и далеко за пределами Мордора на востоке всходило солнце, но здесь было по-прежнему темно, как ночью. Гора погасла. Восточный ветер,

дувший с тех пор, как они покинули Итилиен, утих. Медленно, на ощупь, они спускались среди камней и кустов, в кромешной тьме, все ниже и ниже, пока усталость не заставила их остановиться. Тогда они сели рядом, прислонившись спиной к большой каменной глыбе. Сэм вытер пот и сказал:

— Если бы сам Шаграт принес мне стакан воды, я пожал бы ему лапу.

— Не говори так, — остановил его Фродо, — от этого только хуже. — У него закружилась от усталости голова, он лег и некоторое время молчал. Потом с трудом приподнялся и с изумлением увидел, что Сэм спит.

— Проснись, Сэм, — позвал он, — вставай! Нам нужно сделать еще одно усилие.

Сэм с трудом поднялся.

— Ну вот, — пробормотал он, — я, кажется, задремал. Давно уже не спал по-настоящему, вот глаза и закрываются сами собою.

Теперь Фродо шел впереди, пробираясь среди камней и валунов, густо усеивавших дно долины, и пытался не потерять направление на север. Но вдруг он остановился.

— Это бесполезно, Сэм, — произнес он, с трудом переводя дух. — Я не выдержу. Эта кольчуга меня доконает. Даже моя, из мифрила, казалась тяжелой, когда я уставал. А эта гораздо тяжелее. И какая от нее польза? С боем мы к цели не прорвемся.

— С боем или без боя, — возразил Сэм, — но есть еще кинжалы и случайные стрелы. И Горлум еще жив. Нельзя, чтобы между вами и ударом из темноты не было ничего, кроме кожаной рубашки.

— Послушай, Сэм, милый, — сказал Фродо, — я устал и больше ни на что не надеюсь. Но все равно буду идти к Горе, пока могу двигаться. С меня хватит одного Кольца. Лишний груз меня доконает. Я знаю, чего тебе стоило найти для меня кольчугу и все остальное, но я не могу больше...

— Ладно, Фродо, не надо. Я бы понес вас... Ладно, бросим эту тяжесть.

Фродо снял плащ, потом кольчугу и отбросил ее подальше. Он дрожал.

— Хорошо бы что-нибудь теплое... Становится холодно, или меня знобит.

— Возьмите мой плащ, Фродо, — предложил Сэм. Он развязал сумку и достал оттуда серый эльфийский плащ.

— Подойдет? — спросил он. — А снаружи можно что-нибудь орочье надеть и поясом прихватить. Вполне сойдет. Не совсем по здешней моде, но вам потеплее будет, да и надежнее, ну от вреда всякого — это ж от самой Владычицы плащ.

Фродо оделся.

— Вот это лучше! Теперь я могу идти. Но этот мрак проникает мне в самое сердце! Когда я лежал в темнице, Сэм, то

пытался вспомнить Брендидуин, и Залесье, и Водью возле мельницы в Хоббитоне. Но сейчас я их не вижу!

— Ну вот, Фродо, теперь и вы заговорили о воде, — грустно улыбнулся Сэм. — Если бы Галадриэль могла нас слышать, я бы сказал: «С вашего позволения, нам нужны только свет и вода, они лучше всяких драгоценностей». Но до Лориена далеко. — Он вздохнул и махнул рукой в сторону Хмурых Гор, чьи вершины едва угадывались на стылой черноте небес.

Они снова двинулись в путь, но не успели пройти и нескольких шагов, как Фродо остановился.

— Над нами Черный Всадник, — прошептал он. — Я его чувствую. Лучше переждать.

Притаившись за большим камнем, они настороженно посматривали на запад. Потом Фродо облегченно вздохнул:

— Улетел!

Они встали и ахнули. Далеко на юге небо серело, черные вершины горного хребта начали проступать все явственнее. Там, позади, разгорался свет, растекаясь к северу. Было похоже, что где-то высоко в небесах шло сражение. Клубящиеся тучи Мордора отступали, их края лохматились и рвались, и ветер из живого мира гнал их назад к мрачному логову. Из-под складок темного полога в Мордор проник слабый свет, словно бледное утро сквозь пыльное окошко тюрьмы.

— Смотрите, Фродо, — вскричал Сэм, — смотрите! Ветер переменился. Что-то происходит! Не все идет так, как Ему хочется! Его мрак отступает. Хотел бы я знать, в чем тут дело!

Это было утро пятнадцатого дня марта. Над долиной Андуина вставало солнце, дул юго-западный ветер. На Пеленнорской равнине умирал Теоден.

Пока Фродо и Сэм смотрели, светлая полоса распространилась вдоль всех Хмурых Гор, и на ее фоне они увидели черную точку, быстро приближавшуюся с запада. Она росла, как молния, влетела под мрачный полог туч и пронеслась высоко у них над головами. В небе раздался пронзительный крик назгула. Но этот крик уже не внушал ужаса: в нем были скорбь и отчаяние. Предводитель Рабов Кольца встретил свою судьбу.

— Не говорил ли я? Там что-то происходит, — встревоженно пробормотал Сэм. — «Война идет хорошо», — говорил Шаграт, но Горбаг сомневался. И пожалуй, был прав. По-моему, все не так уж плохо, а, Фродо? Может быть, надежда все-таки есть...

— Вряд ли, Сэм, — вздохнул Фродо. — Это за горами, далеко. К тому же мы идем на восток, а не на запад. Я устал, я так устал! И Кольцо все тяжелее, Сэм. Я все время вижу Его мысленно, Оно как огромное огненное колесо.

Оживление Сэма пропало. Он обеспокоенно взглянул на друга и взял его за руку.

— Смелее, Фродо! — сказал он. — Я вот уже получил что хотел: немного света. Этого довольно, чтобы помочь нам, вот только не было бы это опасно! Давайте пройдем еще немного, а потом устроим привал. Но сейчас съешьте хоть что-нибудь, ну хоть кусочек лепешки, это вас подкрепит.

Поделив лепешку и стараясь помедленнее жевать ее, они пошли дальше. Хотя света было не больше, чем в серые сумерки, его все же хватало, чтобы видеть глубокую лощину, по которой они брели. Она отлого поднималась к северу, и ее дно было руслом высохшего потока. За ним виднелась тропа, извивавшаяся вдоль подножья западных утесов. Знай они про нее, давно могли бы идти по ровной земле. Отделившись от главной моргульской дороги у западного края моста, тропа длинной лестницей спускалась ко дну ущелья. Дозорные и гонцы пользовались этим удобным путем, проходя от лагерей Кирит Унгол до Изенмоута, железных челюстей Карах Ангрена.

Для хоббитов тропа была опасна, но выбора не было. Нужно было спешить, а Фродо чувствовал, что не сможет больше карабкаться между каменными глыбами по бездорожью. Он считал, что именно в северном направлении преследователи меньше всего будут искать их. На дороге к востоку, на равнине или на перевале, на западе — вот где их будут искать. Только уйдя далеко на север от крепости, он рассчитывал свернуть и искать дорогу на восток, к последнему страшному этапу пути. Итак, они перешли каменистое русло, вышли на тропу и некоторое время шли по ней. Утесы слева нависали у них над головой, прикрывая от взгляда сверху, но тропа делала множество поворотов, и за каждым могла поджидать опасность.

Света не прибавлялось, потому что Ородруин продолжал извергать тучи дыма. Уносимый ветрами, дым поднимался все выше, пока не достигал спокойного воздуха и не растекался огромным шатром. Они брели уже больше часа, когда услышали звук, заставивший их остановиться. Невероятно, но где-то рядом журчала вода! Из расщелины слева текла струйка — последние остатки какого-то сладостного дождя, рожденного озаренными солнцем морями, но обреченного пролиться над Черной Страной и теперь бесплодно стекающего в придорожную пыль. Вода сочилась из скалы, пересекала тропу и быстро исчезала среди мертвых камней.

Сэм кинулся к ней.

— Если я увижу Галадриэль снова, я скажу ей! — вскричал он. — Свет, а теперь и вода! — Тут он остановился. — Дайте мне попить первому, Фродо.

— Пей. Но ведь здесь хватит обоим...

— Да я не о том, — возразил Сэм. — Я думал, если она ядовитая или еще что-нибудь такое, то лучше пусть буду я, если вы понимаете, про что я говорю.

— Понимаю,— как-то задумчиво кивнул Фродо.— Но, знаешь, Сэм, по-моему, нам вполне можно положиться на удачу или благословение.

Вода была холодная, но не ледяная, и вкус у нее был неприятный, горький и маслянистый одновременно. Сэм обязательно так и сказал бы, будь он дома. Но здесь это была прекрасная вода. Они напились вдоволь, и Сэм еще наполнил фляжку. После этого Фродо почувствовал себя лучше, и они прошли еще несколько миль, пока дорога не стала шире. По краям появилась грубая ограда, значит, неподалеку была еще одна крепость.

— Вот здесь мы свернем, Сэм,— сказал Фродо,— и свернем на восток.— Он вздохнул, глядя на мрачный гребень по ту сторону долины.— Я очень устал. Надо поискать укрытие.

Ручей был теперь ниже тропы. Переходя его, они с удивлением увидели множество мелких прудов, питаемых откуда-то сверху. По внешнему краю, вдоль западных гор, Мордор был умирающей страной, но он еще не умер. Здесь попадались даже кое-какие растения, жесткие, искривленные, горькие, отчаянно боровшиеся за жизнь. На склонах Моргэй, по ту сторону долины, цеплялись за камни низкорослые, похожие на кустарник деревья, между камней пробивались пучки жесткой травы, по камням стлался тощий мох, и повсюду, где только можно, извивались колючие спутанные лозы. Одни были вооружены длинными острыми колючками, другие — зазубренными шипами, резавшими как ножи. На них висели выцветшие сморщенные прошлогодние листья, изъеденные гусеницами почки только-только раскрывались. Жужжали и кусались мухи, бурые, серые и черные. У них было красное, наподобие глаза, пятно на крыльях, как на плащах у орков. Над зарослями колючек висели тучи голодных комаров.

— Одежды орков мало,— ворчал, отмахиваясь, Сэм.— Лучше бы у меня была их шкура.

Наконец Фродо остановился, так и не дойдя до седловины хребта.

— Мне надо отдохнуть, Сэм,— еле выговорил он,— и поспать, если смогу.— Он огляделся, но никакой зверь не посмел бы забраться в эту унылую местность. Усталые донельзя, они заползли под куст колючих лоз, свисавших с выступа камня, словно циновка.

Надо было поесть. Сберегая драгоценные лепешки на черный день, они съели половину оставшихся фарамировых припасов: несколько сушеных плодов и кусочек вяленого мяса, и выпили немного воды. По пути они пили из черных луж в долине, но сейчас жажда опять мучила их. В воздухе Мордора стояла какая-то горечь, она иссушала рот. Сэму даже думать о воде было страшно, потому что впереди их ждала еще ужасная Горгоратская равнина.

— Спите вы, Фродо, — сказал он. — Темнеет опять. Кажется, день уже кончается.

Фродо вздохнул и уснул, едва дослушав эти слова. Сэм с трудом боролся с усталостью. Он взял Фродо за руку и тихо сидел так до глубокой темноты, а тогда, чтобы не уснуть, выполз из укрытия и огляделся.

Вокруг что-то трещало, шуршало и шелестело, но ни голосов, ни шагов не было слышно. Далеко на западе над Хмурыми Горами ночное небо казалось тусклым и бледным. Потом в разрыве туч над темной горной цепью Сэм увидел мерцающую белую звезду. Ее красота пронзила его, и в этой проклятой стране он почувствовал крепнущую в сердце надежду. Ибо подобно молнии сверкнула в нем мысль о том, что Мрак, в конце концов, не вечен и что есть в мире свет и красота, до которых никакому Мраку не добраться. В крепости он пел от отчаяния, потому что думал о себе, а в этот миг собственная судьба и даже судьба Фродо перестали его тревожить. Он заполз обратно в укрытие, улегся рядом со своим другом и, забыв о ночных страхах, погрузился в глубокий сон.

Они проснулись вместе, держась за руки. Сэм чувствовал себя бодрым и готовым к новому дню, но Фродо был печален. Спал он неспокойно, сном, полным огненных видений, и пробуждение не радовало его, но все же Фродо чувствовал себя сильнее и мог дальше нести свое бремя. Они не знали, сколько времени проспали и где сейчас солнце, но, подкрепившись и выпив воды, полезли вверх по склону. Вскоре он кончился каменистой осыпью. Тут последние живые создания отказались бороться, вершины вокруг были бесплодными и сухими, как черепица.

После долгих блужданий и поисков они отыскали путь наверх и последнюю сотню футов ползли на четвереньках. Пройдя по расщелине меж двух черных утесов, они оказались на самом краю последней ограды Мордора. Внизу, у подножья обрыва метров в полтораста, широко раскинулась Горгоратская равнина, терявшаяся в сумрачной дали. Ветер теперь дул с запада и нес тучи на восток. По земле стлался дым, скапливался во впадинах, курился из трещин в почве.

Еще дальше, милях в сорока, вздымался Ородруин — с подножием, утонувшим в пепле, с вершиной, окутанной тучами. Страшная Гора дремала, грозная и опасная, как спящее чудовище. Позади ее клубилась зловещая тень, и в этой тени укрылся Барад Дур, вросший в отрог Пепельных Гор. Темная Сила глубоко задумалась, и ее Око обратилось вовнутрь, созерцая видения, гнетущие сомнениями и страхом. Ей виделся сверкающий меч и суровый, царственный лик, все остальное на некоторое время стало неважным. Твердыня Зла со всеми своими башнями и воротами окуталась угрюмым сумраком.

Фродо и Сэм смотрели на эту проклятую страну со смешанным чувством ненависти и удивления. Между ними и дымящейся Горой простиралась выжженная голая пустыня. Было совершенно непонятно, как Владыка этой страны кормит и одевает свои войска и рабов. А войска у него были. Насколько хватало глаз, по склонам и дальше к югу виднелись лагеря, то палаточные, то похожие на маленькие крепости. Один из самых крупных был прямо под ними — огромный муравейник с прямыми рядами хижин и длинных, низких, унылых домов. Лагерь и его окрестности кишели народом; широкая дорога отходила на юго-восток, сливаясь с дорогой на Моргул, и по ней сновало множество крошечных черных фигурок.

— Мне этот вид совсем не нравится, — проворчал Сэм. — Довольно безнадежно, если не считать, что там, где так много народу, должна быть и вода, не говоря уже о пище. И это все люди, а не орки, если меня глаза не обманывают.

Ни он, ни Фродо ничего не знали об обширных, возделываемых рабами полях на юге страны, за пределами дымов Ородруина, у темных, печальных вод озера Нурнон, не знали они и о больших дорогах, идущих на восток и на юг, в подчиненные страны. По этим дорогам воины гнали длинные караваны с припасами, добычей и новыми рабами. Здесь, в северных областях, были рудники и кузницы, здесь скапливались запасы для давно задуманной войны, и здесь Темный Владыка, двигая свои армии, как пешки на доске, собирал и стягивал их для предстоящих ударов. Его первые ходы, первые пробы его мощи были отбиты на западной границе, сейчас он созывал новые силы, стягивая их к крепости Кирит Горгор для нового удара. Если бы ему даже пришла на ум мысль защищать Гору от кого бы то ни было, едва ли он смог бы сделать больше.

— Ну вот, — продолжал Сэм, — если у них там и есть запасы, вряд ли они с нами поделятся. Спуска здесь нет, насколько я вижу. Да и зачем спускаться? Все равно нам не перейти равнину, разве что по головам этих татей.

— Попытаться все-таки нужно, — ответил Фродо. — Это не самое худшее. Я никогда не надеялся, что мне удастся пересечь равнину, не вижу никакой надежды и сейчас, но сделаю все, что смогу. Главное — не дать больше захватить себя. Пойдем дальше на север, посмотрим, не сужается ли равнина где-нибудь.

— Я догадываюсь, на что это будет похоже, — заметил Сэм. — Где она поуже, там и людей и орков будет еще больше. Вот увидите!

— Увижу, если доберусь туда, — ответил Фродо и отвернулся.

Идти по самому гребню было невозможно. Им пришлось спуститься и искать путь понизу. Через некоторое время в котловине открылся лагерь орков: стена и несколько каменных

сараев, а рядом — пещера. Не было заметно никакого движения, но хоббиты пробирались осторожно, укрываясь в колючем кустарнике, густо разросшемся здесь по берегам сухого потока.

Они прошли так еще три или четыре мили, и лагерь уже скрылся из вида, но не успели они вздохнуть свободнее, как услышали громкие резкие голоса. Беглецы быстро нырнули за бурый раскоряченный куст и притаились там. Голоса приблизились, и хоббиты увидели двух орков. Один был одет в коричневые лохмотья и вооружен луком; он был мал ростом, темнокож, с широкими, шумно дышащими ноздрями, наверное, из проводников-разведчиков. Другой — огромный воин, вроде тех, какие были в отряде Шаграта. На шлеме он носил знак Красного Ока, за плечами тоже имел лук, в руке — короткое копье с широким лезвием. Как обычно, орки ссорились. Будучи разноплеменными, они говорили на Всеобщем языке, каждый со своим акцентом.

Не доходя шагов двадцати до спрятавшихся хоббитов, меньший из орков остановился.

— Арр, — прорычал он. — Я иду домой. Хватит обдирать нос о камни. Никаких следов не осталось. Говорю тебе, они ушли в холмы, а не в долину.

— Никакой пользы от вас, ищеек, — сказал большой орк. — Я больше поверю своим глазам, чем твоему грязному носу.

— Ну и много ты ими увидел? — проворчал первый. — Гарр! Ты даже не знаешь, что искать!

— А кто виноват? Только не я. Так мне сказали сверху. Сначала сказали, что это великий эльф в блестящих доспехах, потом — что какой-то маленький человечек, потом скажут, что стадо бешеных урук-хайев, а может, все вместе.

— Аррр! — насмешливо фыркнул Следопыт. — Они там потеряли головы, вот что! А кое-кто может поплатиться своей шкурой, если верить слухам: крепость разгромлена, сотни ваших перебиты, а пленник бежал. Если так идут дела у вас, воинов, то неудивительно, что о битвах приходят дурные вести.

— Кто сказал «дурные вести»? — возмутился воин.

— Аррр! А кто сказал, что нет?

— Твои слова — подлая измена, я тебя задушу, если ты не закроешь пасть, понял?

— Ладно, ладно. Я не скажу больше ни слова, но думать-то ты мне не запретишь. Слушай, а при чем тут эта черная тварь, этот болтун с длинными руками?

— Почем я знаю? Может, и ни при чем. От него одна морока, только разнюхивает везде, чтоб он сдох! Когда он крутился здесь, то только мешал всем, а как пропал — сразу понадобился, живым и срочно.

— Я бы с ним расправился по-своему, — проворчал разведчик. — Он только запутал следы и истоптал всю землю кругом, когда нашел кольчугу. Я пришел уже после.

— Кольчуга спасла ему жизнь, — заметил воин. — Я еще не знал, что его ищут, и пустил в него стрелу с полусотни шагов, прямо в спину, но он убежал.

— Гарр! Промахнулся! — обидно ощерился маленький. — Сначала ты стреляешь не туда, потом бежишь слишком медленно, а потом посылаешь за нами. Надоел ты мне! — Он заковылял в сторону лагеря.

— А ну вернись! — крикнул воин. — Вернись, или я донесу на тебя!

— Кому? Твоему драгоценному Шаграту? Он больше не начальник.

— Я сообщу твое имя и номер назгулу! — прошипел воин. — Начальником в крепости сейчас один из них.

Маленький орк остановился, в голосе его послышались страх и злоба.

— У, проклятый разбойник! — вскричал он. — Сам толком ничего не умеешь и еще грозишься! Убирайся к своим грязным крикунам, и пусть они сдерут тебе мясо с костей, если только враги не расправятся раньше с ними! С главным-то они уже покончили, как я слышал. Надеюсь, что это правда!

Огромный орк прыгнул к нему, замахнувшись копьем. Но разведчик, припав на колено, пустил стрелу ему прямо в глаз, и воин с шумом рухнул. Стрелок кинулся бежать и вскоре исчез.

Некоторое время хоббиты сидели молча. Потом Сэм шевельнулся.

— Ну, что хорошо, то хорошо, — сказал он. — Если бы такие мир да любовь были по всему Мордору, почитай, полдела сделано.

— Тише, Сэм, — прошептал Фродо. — Тут могут быть и другие. Мы едва ускользнули, видно, за нами гонятся усерднее, чем я думал. Да, Сэм, таков дух Мордора, и, думаю, таков он везде. Говорят, что орки всегда грызутся между собой. Но надеяться только на это нечего. Нас они ненавидят гораздо сильнее, чем друг друга. Если бы эти двое увидели нас, то сразу поладили бы.

Они помолчали. Потом Сэм прошептал:

— Вы слышали, что они говорили об «этом болтуне»? Помните, я говорил вам, что Горлум жив?

— Да, помню. Мне кажется, нам лучше не двигаться отсюда, пока хорошенько не стемнеет. Расскажи-ка, с чего ты взял, что Горлум жив? Только говори, пожалуйста, потише.

— Попробую, — сказал Сэм, — но когда я думаю об этой вонючке, мне трудно не кричать.

Хоббиты просидели под колючим кустом, пока бледный свет Мордора медленно тускнел и превращался в темную беззвездную ночь, и Сэм рассказывал своему другу на ухо все, что

мог уложить в слова: о предательстве Горлума, об ужасной Шелоб, о своих приключениях среди орков. Когда он кончил, Фродо только молча взял его руку и крепко пожал. Потом он расправил затекшие ноги.

— Кажется, теперь можно идти дальше, — сказал он. — Интересно, далеко ли мы убредем, пока нас поймают по-настоящему и все наши труды и мучения пойдут прахом? — Он встал. — Уже темно. Я уж тебя попрошу, Сэм, побереги для меня подарок Галадриэль и дальше, а то мне и положить-то его некуда, не в руках же держать. А вот Шершень я дарю тебе. У меня есть орковский меч, но он вряд ли мне понадобится.

Это был трудный и опасный путь, во тьме и без дороги, но час за часом оба хоббита медленно, спотыкаясь, брели по каменной лощине к северу. Когда над западными вершинами забрезжил серый свет, уже после того, как во всем мире наступил день, они снова нашли укрытие и поспали по очереди. В часы дежурства Сэма мучила мысль о еде. Наконец, когда и Фродо, проснувшись, заговорил о том же, Сэм не выдержал:

— Далеко нам еще, Фродо?

— Понятия не имею, Сэм. Я смотрел карту Мордора перед выходом из Дольна, но она была составлена еще до возвращения Врага, да к тому же я ее плохо помню. Где-то на севере есть место, где отроги смыкаются. Это примерно лигах в двадцати от моста у крепости. Но когда мы туда попадем, то будем от Горы дальше, чем сейчас, милях в шестидесяти, я думаю. От моста мы прошли лиг двенадцать. Если так пойдет дальше, к Ородруину мы доберемся через неделю. Кольцо становится все тяжелее, боюсь, у самой Горы я буду еле ползти.

Сэм вздохнул.

— Неделя... Этого я и боялся. Не говоря уж о воде, нам придется или есть меньше, или двигаться побыстрее. Еще один привал — и останутся только эльфийские лепешки.

— Я постараюсь побыстрее, Сэм, — проникновенно сказал Фродо. — Ну, вставай, пойдем.

Было еще не совсем темно. Они побрели дальше. Много часов они шли, спотыкаясь, с несколькими короткими передышками. Когда на краю мрачного небосвода появились первые признаки рассвета, они снова забрались в темную впадину под выступом утеса.

Светлело, и светлело не в пример предыдущим дням быстро. Сильный западный ветер высоко вверху разгонял мордорские тучи. Вскоре хоббиты уже могли видеть местность на несколько миль вперед.

Лощина все время сужалась, пока не превратилась в выступ вдоль крутого склона Хмурых Гор, но к востоку она обрыва-

лась к Горгоратской равнине все так же отвесно. Ручеек пропадал спереди среди каменных уступов: здесь от главного хребта отходил каменистый гребень, тянувшийся на восток как стена. От туманно-серого северного хребта Пепельных Гор навстречу ему выходил другой, длинный и зубчатый, а между их концами оставался узкий промежуток — теснина Карах Ангрен, за которой лежала глубокая долина Удун. В этой впадине за Моранноном находились подземные ходы и глубокие арсеналы, устроенные слугами Мордора для обороны Черных Ворот, и здесь теперь их Владыка поспешно собирал крупные силы для отражения удара Вождей Запада. На горных отрогах высились угрюмые башни и горели сигнальные огни, а теснину перегораживал высокий земляной вал с единственным узким проходом.

В нескольких милях севернее, там, где от главного хребта отходил западный отрог, стоял старинный замок Дуртанг, ныне одна из множества крепостей орков вокруг Удунской долины. От него уже ясно видимая дорога сворачивала к востоку и по карнизу на склоне отрога спускалась на равнину к Изенмоуту.

Чем яснее виделись окрестности хоббитам, тем быстрее угасала надежда в их сердцах. Все усилия были напрасны. Мрачная и дымная равнина казалась безжизненной, но вся она находилась под неослабным наблюдением крепостей Карах Ангрена.

— Это тупик, Сэм, — прошептал Фродо. — Ты видишь, дорога к крепости единственная. И обойти ее никак нельзя.

— Значит, пойдем по дороге, — просто ответил Сэм. — Попытаем счастья, если только оно водится в Мордоре. Вы же сами говорили, сударь, все равно — сдадимся ли мы сейчас, или побродим еще немного, или и вовсе вернемся обратно. Припасов-то нам, все одно, не хватит. Значит, придется их добывать.

— Хорошо, Сэм, — с трудом произнес Фродо. — Если у тебя еще осталась надежда, веди меня. Я больше не могу. Буду плестись вслед за тобою.

— Прежде чем плестись, вам нужно поесть и отдохнуть, пока можно.

Сэм дал другу одну эльфийскую лепешку и воды, а потом подложил ему под голову свернутый плащ. Фродо тут же уснул. Сэм не стал говорить, что вода была последней, он просто сидел, прислушиваясь к дыханию спящего. У него прихватило горло от жалости — так исхудал Фродо. Во сне недавно появившиеся морщины разгладились, лицо стало спокойным и мужественным.

— Вы уж простите, сударь, — прошептал Сэм, — но мне придется уйти. Без воды нам с вами здесь делать и вовсе нечего.

С необычайной даже для хоббита осторожностью переползая от камня к камню, он спустился к сухому руслу и некоторое время шел по нему вверх, пока не достиг каменистых уступов, где некогда ручей сбегал маленьким водопадом. Теперь все было высохшим и безмолвным, но Сэм не хотел сдаваться. Он припал к земле, прислушался и с восторгом уловил журчащий звук. Поднявшись еще выше, он разыскал тонкую струйку темной воды: вытекая между камней, она наполняла небольшую впадинку, переливалась через край и вскоре снова исчезала среди каменной осыпи.

Сэм попробовал воду, она оказалась хорошей. Тогда он напился вволю, наполнил фляжку и начал было обратный путь, но тут же замер. Между камней, в той стороне, где было их убежище, он уловил мелькнувшую черную тень. Хотя движение он заметил только так, краем глаза, у него уже не оставалось сомнений. Он слишком хорошо знал эту воровскую повадку.

— Мне пока еще везет, — пробормотал Сэм, — но не так, чтобы очень. Мало нам тысяч орков, так тут еще шныряет эта подлая тварь. А я-то надеялся, что его пристукнули.

Остаток дня он просидел рядом с Фродо, не смея задремать даже на минуту. Только почувствовав, что глаза у него совсем слипаются, он осторожно разбудил друга.

— Горлум опять здесь, Фродо, — сказал он. — А если не Горлум, так, значит, их двое. Я уходил искать воду и увидел, как он шныряет тут. Нам нельзя спать вдвоем, но у меня уже глаза не открываются.

— Спасибо, Сэм, — ответил Фродо, — ложись и спи. Но по-моему, уж лучше Горлум, чем орки. Во всяком случае, он нас не выдаст; не выдаст, пока его не поймают.

— Но он и сам умеет убивать и грабить, — проворчал Сэм. — Надо быть осторожным. Фляжка полна. Пейте, не надо жалеть, по дороге еще наберем. — С этими словами Сэм уснул.

Когда он проснулся, день угасал. Фродо сидел, прислонившись спиной к утесу, и спал. Фляжка была пуста. Горлума и духу не было.

В мордорских сумерках сторожевые посты на горах пылали ярким красным пламенем. Для хоббитов началась самая опасная часть пути. Они достигли источника, а потом, осторожно пробравшись наверх, подошли к дороге там, где она сворачивала на восток к Изенмоуту. До него оставалось миль двадцать. Дорога была неширокая, и чем дальше, тем глубже становился обрыв у ее края. Хоббиты прислушались, не услышали ничего подозрительного и направились на восток.

Пройдя миль двенадцать, они остановились. Незадолго до этого места дорога сделала небольшой изгиб, и пройденный ими участок уже скрылся из виду. Это оказалось роковым.

После нескольких минут отдыха они двинулись дальше, но почти тотчас же услышали звук, который все время боялись услышать: топот множества шаркающих ног. Он был еще довольно далеко, но, обернувшись, они увидели за поворотом отблеск факелов — движущихся слишком быстро, чтобы убежать от них вперед по дороге.

— Я этого и боялся, Сэм, — сказал Фродо. — Мы доверились удаче, и она обманула нас. Мы сами залезли в ловушку.— Он с отчаянием взглянул на отвесную стену, обтесанную древними строителями до высоты тридцать фатомов, потом перебежал дорогу и заглянул в черную пропасть. — Это конец, — выдохнул он и, опустившись наземь возле скалистой стены, поник головой.

— Похоже на то, — отозвался Сэм. — Ну что ж, поживем — увидим, как говаривал мой старик. — С этими словами он сел на землю рядом с Фродо.

Ждать пришлось недолго. Орки шли быстро. В передних рядах несли факелы. Сэм тоже наклонил голову, надеясь скрыть лицо, когда факелы поравняются с ними, а щиты поставил перед коленями, прикрывая ноги.

«Хорошо бы, они спешили и оставили двух усталых воинов в покое, да и шли бы себе дальше», — подумал он. Какое-то время казалось, что им повезет и на этот раз. Передние ряды прошли мимо, спотыкаясь, тяжело дыша, не поднимая голов. Это были низкорослые племена, против воли согнанные в войска Владыки; они хотели только одного — закончить переход и не попасть под бич. Вдоль колонны сновали два огромных свирепых урука, щелкая бичами и криком подгоняя отряд. Ряд за рядом проходила колонна, и зловещие факелы ушли уже далеко вперед. Сэм затаил дыхание. Уже больше половины колонны прошло. Но тут один из надсмотрщиков заметил две тени у края дороги. Он щелкнул бичом и крикнул им: «Эй вы, встать!» Они не ответили, и он приказал отряду остановиться.

— Эй вы, трусы, сюда! — взвизгнул он. — Что, спрятаться решили? — Он шагнул к ним и даже в темноте разглядел знаки у них на щитах.

— А-а, сбежать задумали? — прорычал он. — Вы знаете приказ? Все должны быть в Удуне завтра до ночи. Встать в строй!

Хоббитам ничего не оставалось делать. Они с трудом поднялись на ноги и, ссутулившись, хромая, как утомленные пехотинцы, заковыляли к хвосту колонны.

— Не туда! — загремел надсмотрщик. — В четвертый ряд от конца! И оставайтесь там, а то пожалеете, когда я буду делать обход! — Он щелкнул у них над головами своим длинным бичом, а потом резким возгласом снова пустил отряд быстрым шагом по дороге.

Идти оказалось трудно даже бедному Сэму, хотя он просто устал, но для Фродо это стало пыткой, а потом кошмаром. Он стиснул зубы и попытался двигаться совершенно бездумно. Смрад от потных орков душил его, а вскоре он начал задыхаться и от жажды. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы дышать и не давать ногам остановиться. Он гнал мысль о том, к какому страшному концу стремится с таким трудом и мукой. Отстать было невозможно. Надсмотрщик то и дело подбегал к ним и издевался.

— Ну, вот вам! — смеялся он и слегка подхлестывал их по ногам. — Где бич, там и лад, трусы. Держитесь! Сейчас я вас только подбадриваю, а вот придем в лагерь, там вас выдерут так, что шкура затрещит. Так вам и надо! Сейчас война, и отсидеться никому не удастся!

Они прошли еще несколько миль, и дорога уже стала спускаться отлого к равнине, когда силы окончательно оставили Фродо. Он зашатался. Сэм в отчаянии попытался помочь хозяину и поддержать его, но почувствовал, что и сам едва успевает за остальными. Теперь он знал, что конец может наступить каждую минуту: его друг потеряет сознание и упадет, все откроется, и все их отчаянные усилия окажутся тщетными. «Ну, я хоть посчитаюсь с этим скотом-надсмотрщиком!» — подумал он, нащупывая рукоять меча.

Но именно в этот момент пришло неожиданное спасение. Они были уже на равнине и приближались к Удунскому проходу. Немного впереди, перед воротами, дорога с запада сливалась с другими, идущими с юга и из Барад Дура. По всем этим дорогам шли войска. Вожди Запада наступали, и Темный Владыка стягивал свои силы к северу. Так получилось, что к перекрестку подошли сразу несколько отрядов, и это произошло в темноте, куда не достигал свет костров со стен. Тотчас же началась суматоха и перебранка, ибо каждый отряд хотел первым пройти в ворота и отдохнуть наконец. Надсмотрщики кричали, свистели бичи, но свалка быстро увеличивалась, кое-где уже засверкали мечи. Врезавшийся в колонну отряд тяжело вооруженных уруков из Барад Дура превратил неразбериху в полный хаос.

Как ни был Сэм оглушен болью и усталостью, он сумел оценить положение и бросился на землю, увлекая за собой Фродо. Орки спотыкались о них и падали, рыча и ругаясь. Хоббиты на четвереньках незаметно выползли из свалки и скрылись на другой стороне дороги. Там был высокий вал, по которому начальники отрядов находили дорогу в темноте или в тумане, он возвышался над равниной на несколько футов.

Некоторое время они лежали ни живы ни мертвы. В темноте искать укрытие было бесполезно, но Сэм понимал, что

нужно отойти хотя бы подальше от дороги и от света факелов.

— Держитесь, Фродо, — шепнул он, — проползем еще немного, а тогда отдохнем.

Последним отчаянным усилием Фродо приподнялся и пополз еще ярдов двадцать. Потом он скатился в какую-то неглубокую ямку и лежал там не шевелясь.

Глава 3
ОГНЕННАЯ ГОРА

Сэм подложил под голову своему другу сумку, лег рядом и накрылся эльфийским плащом. Мысли его тут же обратились к благословенной стране, и он от души понадеялся, что чудесная ткань укроет их в этом страшном месте.

Он слышал, как стихают крики и шум по мере того, как войска проходили через Изенмоут. До сих пор в толкотне разноплеменных отрядов их бегство не обнаружилось.

Отпив глоток воды, Сэм напоил Фродо, а потом даже уговорил его съесть целую лепешку. Усталость превозмогла страх, и они уснули. Но спали недолго и неспокойно. Было холодно, жесткие камни впивались в тело, и никак не удавалось устроиться поудобнее. С севера, от Черных Ворот, через Кирит Горгор потягивал знобкий ветерок.

Утренний рассвет заменяла унылая серая хмарь. В высокогорьях воздух был относительно свежим, а здесь, за оградой Черной Страны, где не чувствовалось ни единого дуновения, лежала стылая затхлость.

Сэм из-за бровки лощины оглядывал мрачный, плоский и бесцветный пейзаж. Дороги опустели; правда, всего в одном фарлонге на север тянулась стена Изенмоута, а на ней могли стоять часовые... На юго-востоке мрачным темным контуром вставала гора. Вершина скрывалась в клубах дыма, дымный столб упирался в низкие тучи, дым растекался по равнине у подножья. В нескольких милях к северо-востоку из дыма угрюмыми серыми призраками проступали кряжи Пепельных Гор, а за ними едва виднелись туманные северные отроги, почти сливавшиеся с северным небом.

Сэм прикинул на глаз расстояние.

— Миль пятьдесят, не меньше, — мрачно пробормотал он, не сводя взгляда с грозной Горы. — Дорога неделю займет, а Фродо-то — хорошо, коли на день хватит. — Он горестно покачал головой. Надежда никогда не оставляла надолго его отважное сердце, и до сих пор он умел возвращать ее. Однако сейчас, как ни крути, становилось ясно: припасов достанет в лучшем случае только на дорогу туда. Если даже им удастся выполнить задуманное, они останутся посреди ужасной равнины, одинокие, без пищи и крова.

«Значит, обратной дороги не будет, — подумал он. — Ну что ж, примерно так я себе и представлял с самого начала: помогу Фродо дойти, а потом умру с ним вместе. Если это моя дорога, надо ее пройти. Ужасно хотелось бы еще разок повидать Уводье, и Рози, дочку Недоселков, и моего старика с тетушкой Лютик, да и всех прочих. Стоп, — остановил он грустные мысли. — А все-таки, кажется, не стал бы Гэндальф посылать Фродо на вовсе уж безнадежное дело. Не такой это был волшебник. Эх, кабы не погибнуть ему в этой треклятой Мории, глядишь, и выкрутились бы».

Казалось, надежда уже умерла в его душе, ан нет, она вдруг возгорелась с новой неожиданной силой. Лицо Сэма стало строгим, почти суровым, воля окрепла, а по телу пробежала дрожь, словно он превращался сейчас в какое-то существо из стали и камня, неподвластное ни отчаянию, ни усталости, ни бесконечным дорогам.

С новым чувством ответственности он оторвал взгляд от Горы и огляделся, обдумывая следующий шаг. Когда стало чуть светлее, он увидел бесчисленные трещины и рытвины на казавшейся ровной гладью земле. И впрямь, вся Горгоратская равнина была усеяна большими и малыми воронками. Самые крупные из них были окружены валами щебня, от них во все стороны разбегались широкие трещины. С такими укрытиями даже самым зорким глазам не просто будет их обнаружить. Вот только удастся ли победить голод и усталость?

Обдумав все это, Сэм повернулся у другу. Фродо лежал навзничь с открытыми глазами, глядя в облачное небо.

— Значит, сударь, — преувеличенно бодро сказал Сэм, — я тут осмотрелся и скажу, что не так уж все плохо. На дорогах никого, да только лучше бы убраться отсюда подобру-поздорову. Сможете вы идти?

— Смогу, — равнодушно ответил Фродо, — должен.

Снова потянулись мучительные часы. Переползая из воронки в воронку, используя всякое укрытие, они медленно продвигались к холмам на севере. При этом восточная дорога все время шла рядом с ними, потом начала отдаляться и, наконец, ушла в черную тень далеко впереди. На ней не было видно ни людей, ни орков, ибо Темный Властелин уже заканчивал передвижение армий. Даже в собственной стране Саурон предпочитал покров ночи, боясь ветров внешнего мира. В последнее время они вели с ним словно самостоятельную войну, разрывая мрак, где бы он ни начинал сгущаться. Тревожила его и мысль о двух отчаянных лазутчиках, до сих пор не обнаруженных его разведчиками.

Хоббиты с трудом прошли несколько миль и остановились. Фродо совсем обессилел. Он то медленно ковылял, то кидался вперед спотыкающимся шагом.

— Вернемся на дорогу, Фродо, пока светло, — предложил Сэм. — Доверимся снова удаче! В последний раз она едва нам не изменила, ну так не изменила же! Быстро пройдем еще несколько миль, а там — привал.

Конечно, они рисковали. Но Фродо был слишком занят своим бременем и внутренней борьбой, чтобы спорить, и слишком отчаялся, чтобы бороться. Они взобрались на насыпь и пошли по жесткой, безжалостно открытой дороге, ведущей прямо к Черной Крепости. Счастье было на их стороне, и до конца дня они не встретили никого живого, а наступившая ночь надежно укрыла их мраком. Вся страна нахмурилась, словно перед великой бурей: Вожди Запада уже миновали Перекресток и в этот момент предавали огню мертвые луга Моргульской долины. Отчаянный поход продолжался; Кольцо двигалось на юг, а знамена Вождей — на север. Силы хоббитов таяли, каждая новая миля давалась труднее, чем предыдущая. Днем окрестности были пустынны, зато по ночам они часто слышали крики и топот множества ног. Но это было не страшно. Другая, куда более весомая угроза становилась все ощутимее. Сосредоточенная злобная сила, бессонное коварство чудовищных замыслов рождалось во мраке впереди. И чем ближе они подходили, тем чернее становилась стена мрака, словно наступила последняя ночь мира.

Вечер этого дня казался наихудшим. Именно в этот час армия Запада приблизилась к границам живых стран, а бедные путники дошли до полного изнеможения. Четыре дня назад они ускользнули от орков: эти дни были сплошным кошмаром. Фродо не говорил ни слова. Он шел, сгорбившись, часто спотыкаясь, как будто не видел земли перед собой. Сэм догадывался, что сильнее всего донимает друга растущий гнет Кольца. Он с беспокойством наблюдал, как часто поднимается левая рука Фродо, словно для того, чтобы отвести удар или заслонить глаза от страшного взгляда Ока, силящегося разглядеть их. Иногда, непроизвольно, правая рука начинала тянуться к груди, зажимала в кулак ткань плаща и медленно разжималась, когда воля Хранителя крепла.

Сейчас, в густом вечернем сумраке, Фродо сидел, свесив голову почти до колен, устало уронив руки со слабо подергивающимися пальцами. Сэм с болью смотрел на друга, пока тьма не разделила их. Нечего было сказать, и нечем было подбодрить его, и постепенно сознание Сэма заполнили мрачные мысли. Усталость и постоянный страх отступили. Зато с новой силой вернулись мысли о еде. Лепешки не утоляли голода, только поддерживали силы. Но была у них и еще одна особенность, которая проявлялась тем ярче, чем меньше оставалось другой пищи. Они укрепляли волю, давали силы терпеть.

Нужно было принимать новое решение. Дорога, которая так выручала их, шла дальше на восток, уходя в великую тень.

Гора же вздымалась теперь справа, почти прямо на юге, и нужно было поворачивать к ней. Отныне и до конца — никаких дорог, только голая, покрытая дымящимся шлаком равнина.

— Воды бы, — пробормотал Сэм. Он давно запрещал себе пить. Пересохший язык распух и теперь едва шевелился. Воды оставалось не больше половины фляги — и это на несколько дней пути. Их мучения давно бы прекратила смерть от жажды, но по счастью, они выбрали орочью дорогу, а на ней через каждые несколько миль были устроены колодцы для отрядов, проходивших безводными местами. В одном из них Сэм и нашел немного затхлой и мутной воды, но в их положении привередничать не приходилось. Правда, воду они нашли позавчера, и Сэм понимал, что впереди может не встретиться ни капли.

Наконец, устав от этих тревог, он задремал. Во сне ему виделись огни, похожие на горящие глаза, и слышались странные звуки: не то дальние отчаянные вопли, не то близкие опасные шорохи. Несколько раз он вскакивал, но вокруг была только непроглядная темень. Под утро, когда он в очередной раз вскочил, тревожно озираясь, ему почудились какие-то бледные огни поодаль, похожие на глаза, но вскоре они мигнули и погасли.

Страшная ночь уходила медленно и неохотно. Здесь, вблизи Горы, и воздух был какой-то мутный. От Черной Крепости наползали облака мрака, который Саурон ткал вокруг себя. Фродо неподвижно лежал на спине. Сэм долго стоял над ним в раздумье. Он понимал, что должен побудить волю друга к новому усилию. Наконец, наклонившись, он погладил Фродо по голове.

— Проснитесь, друг мой, — шепнул он ему на ухо. — Пора идти.

Фродо вскочил, прежде всего поглядел на юг, но увидел Гору и сник.

— Я не могу, Сэм, — прошептал он. — Это такая тяжесть, такая тяжесть...

Сэм вздохнул. То, что он собирался сказать, наверное, ни к чему не приведет, а то и хуже будет, но другого выхода не находилось.

— Дайте я понесу Его, — сказал он. — Я могу, пока силы есть, даже с радостью...

Глаза Фродо дико блеснули.

— Прочь! Не трогай меня! — закричал он. — Оно мое, мое! Прочь! — Его рука потянулась к рукоятке меча. Но тут же голос изменился. — Нет, нет, Сэм, — как-то безнадежно произнес он, — пойми! Это мое бремя, я никому не могу его доверить. Поздно, Сэм, милый, мне уже не помочь. Оно меня держит. Я не могу отдать Его, а если ты попытаешься отнять, сойду с ума.

Сэм кивнул.

— Понимаю. — И после некоторого молчания словно вспомнил: — Слушайте, сударь, а не выбросить ли нам кое-что? — Он посмотрел в сторону Горы. — Незачем тащить туда ненужные вещи.

Фродо тоже поглядел на Гору.

— Да, — проговорил он, — на этом пути нам немного понадобится. А в конце — и вовсе ничего.

Он отстегнул и бросил сначала щит, потом шлем. Снял тяжелый пояс вместе с мечом в ножнах, черный плащ изорвал в клочья и разбросал по ветру.

— Вот! Больше не буду орком! — вскричал он. — И не возьму никакого оружия, ни светлого, ни темного. Пусть они берут меня, если хотят!

Сэм тоже снял доспехи, потом вынул кое-что из своей сумки. Каждый предмет был ему дорог, хотя бы потому, что он нес их так далеко и с таким трудом. До слез жаль было расставаться с кастрюлями и сковородками.

— Помните кролика, сударь? — спросил он. — А нашу встречу с Фарамиром в тот день, когда я елефанта увидел?

— Нет, — покачал головой Фродо. — Я, конечно, знаю, что все это было, но как-то не так. У меня не осталось ничего: ни вкуса пищи, ни памяти о деревьях и траве, ни воспоминаний о луне и звездах. Я словно голый оказался, Сэм. И между мной и этим огненным колесом — ничего нет. Я начинаю видеть его даже наяву, а все остальное гаснет.

Сэм взял его руку, крепко сжал и приложил к груди.

— Тогда, чем скорее мы избавимся от него, тем скорее отдохнем, — не найдя ничего лучшего, сказал он. — То есть я хочу сказать... Эх, слова все равно не помогут, — махнул он рукой и начал собирать раскиданные вещи. Ему не хотелось оставлять все это на виду. — Даже если эта тварь нашла кольчугу, — рассуждал он, — то уж меч-то ему совсем ни к чему. Руки у него и без того не слабые, даже когда пустые. И незачем ему трогать мои кастрюли! — С этими словами он снес все вещи к одной из зияющих трещин и сбросил их туда. Лязг драгоценных кастрюль, падающих во мрак, прозвучал для хоббита похоронным звоном.

Он вернулся к Фродо, подпоясал его куском эльфийской веревки, а остаток свернул и убрал в сумку. Только сумка теперь и осталась у Сэма, да еще фляга, да Шершень на поясе, а в кармане куртки на груди — светоносный фиал и коробочка, которую Галадриэль подарила ему самому.

И вот наконец от Горы их отделяло только расстояние, которое надо пройти. Путники не думали больше об укрытиях, одна мысль владела ими — дойти. В мглистом сумраке тусклого дня не было никого, кто мог бы увидеть их, разве что столк-

нувшись нос к носу. Некому было предупредить Саурона, что прямо к сердцу его страны неуклонно пробираются маленькие воины. Только назгулы могли бы заметить их. Но они были далеко. Их черные крылья сеяли мрак на пути войск Запада, туда же обращены были мысли Черной Крепости.

В этот день Фродо словно обрел новые силы, и дело здесь было не только в облегчении поклажи. Местность была суровая и трудная, но они ушли далеко, и Гора все приближалась. Однако уже к вечеру Фродо снова сгорбился и стал спотыкаться. Сэм с тревогой подумал, что это напряжение стоило ему слишком дорого.

На последнем привале Фродо не сел, а просто упал, и только через некоторое время с трудом проговорил:

— Я хочу пить, Сэм, — и тут же умолк.

Сэм дал ему глоток воды, во фляге оставался еще один. Сам он не пил ни капли, и теперь, когда непроглядная темь Мордора снова окутала их, мог думать только о воде. Перед его мысленным взглядом струились и журчали все ручейки, когда-либо виденные в жизни. Солнечный свет дробился на маленьких волнах, и сверкающие блики мучили глаза даже под закрытыми веками. Сэм ощутил чудесный прохладный ил под босыми ногами, как в детстве, на зеленых отмелях Уводья, где они шлепали вместе с Джолли, Томом, Нибсом и их сестричкой Рози. Он не мог уснуть, продолжая спорить сам с собой.

— Что ж, дело идет лучше, чем я ожидал, — упрямо говорил Сэм. — Ну, хоть началось лучше. Полпути мы уже прошли, еще один такой день — и готово. — Тут он запнулся.

«Не будь дураком, Сэм Гэмджи, — ответил ему противный внутренний голос. — Он не может больше идти так быстро. Скоро он вообще не сможет идти. Ты и сам долго не протянешь, если будешь все время отдавать свою воду».

— Неправда, — возразил Сэм, — я смогу идти и пойду.

«Куда?»

— К Горе.

«А что потом, Сэм Гэмджи, что потом? Ну доберетесь вы туда, и что ты там делать будешь? Он-то уже ни на что не способен».

Сэм растерялся. До сих пор они с Фродо как-то не говорили о том, что нужно сделать, придя к Ородруину. Сэм слышал когда-то — он уже не помнил, где и когда, — что Кольцо надо бросить в огонь.

— Должна быть какая-то Роковая Щель, — бормотал он, с трудом вспоминая где-то слышанное название. — Но если Фродо и знает, где ее искать, то я — нет.

«Ну, вот видишь! — немедленно встрял голос. — Зря все это. Он ведь и сам так говорил. Только ты один и надеешься еще. Вы уж давно могли бы отдохнуть, кабы не ваше упрямство. Все равно же умрете, если не хуже. Почему бы вот прямо сейчас и не остановиться? Все равно до вершины вам не добраться».

— Нет, я дойду, — не соглашался Сэм, — дойду, пусть от меня, кроме собственных костей, ничего не останется. И Фродо понесу, пока сердце не лопнет или спина не сломается. Так что заткнись, хватит споров!

В тот момент он почувствовал, что земля под ним закачалась, и услышал глубокий отдаленный гул, словно рокот подземного грома. Красный отблеск мелькнул за тучами и погас. Гора тоже спала неспокойно.

Сэм даже не мог представить, каким мучительным будет последний день пути к Ородруину. У него болело все, а рот так пересох, что, будь у них даже еда, он не смог бы проглотить ни кусочка.

Похоже, собиралась гроза; далеко на юго-востоке в черном небе вспыхивали молнии. Но больше всего донимал дым от Горы. Он не давал дышать, в висках ломило, голова кружилась, заставляя спотыкаться и падать. И все-таки они шли.

Гора подползала все ближе; теперь она заслоняла полнеба и вздымалась над ними, огромная и страшная: вершина ее острым конусом поднималась из груды пепла, шлака и обожженных камней. К ночи они уже доползли до самого подножья.

Задыхаясь, Фродо упал на землю, Сэм сразу сел возле него, с удивлением ощущая, как усталость сменилась какой-то странной легкостью, голова прояснилась. Никакие споры больше не смущали его. Он принял решение, и теперь только смерть заставила бы его отступить. Осталась только одна мысль: завтра они или победят, или погибнут. Но когда оно настанет, это завтра?

Ночь тянулась и тянулась без конца. Сэм стал думать, что опять пришла тьма и рассвета больше не будет. Взяв Фродо за руку, он почувствовал, что Хранителя бьет холодный озноб.

— Эх, зря мы выбросили одеяла, — пожалел он. Обняв Фродо и пытаясь согреть его своим телом, Сэм незаметно уснул. Рассвет последнего дня их странствий нашел хоббитов лежащими, тесно прижавшись друг к другу. Ветер переменился. Теперь он все сильнее дул с севера.

— Пора, — приказал сам себе Сэм. — Еще одно усилие! — Он с трудом встал. Фродо тоже было поднялся со стоном, но тут же снова упал на колени. Потом он долго смотрел на темные склоны Ородруина и наконец пополз вперед на четвереньках. Сердце у Сэма облилось кровью при виде этого зрелища, но на воспаленных глазах не появилось ни слезинки.

— Я говорил, что понесу его, пусть хоть спина сломается, — пробормотал он, — и понесу! Послушайте, Фродо! — воскликнул он. — Пусть мне нельзя нести Его вместо вас, ну так я понесу Его вместе с вами. Вставайте! Залезайте-ка мне на плечи. Только скажите, куда идти?

Фродо с трудом забрался ему на спину. Сэм крепко прихватил его ноги локтями и тяжело поднялся, но тут же с изум-

лением почувствовал, как легка его ноша. Он боялся, что не сможет даже поднять тело друга, и приготовился ощутить гнет проклятого Кольца. Но ничего этого не было. То ли из-за того, что Фродо так исхудал, то ли потому, что Сэму была дарована некая новая сила, — но только он поднял Фродо так легко, словно нес, играя, на закорках хоббитенка где-нибудь в полях Шира. Он глубоко перевел дух и двинулся вперед.

Они подошли к Горе с севера и взяли чуть правее, к пологим, сильно разрушенным склонам. Фродо молчал, и Сэму ничего не оставалось, как просто подниматься и подниматься. Он карабкался все выше, сначала выбирая более удобный путь, а под конец уже не разбирая дороги. Только когда ноги подломились, он остановился и осторожно опустил своего друга на землю.

Фродо открыл глаза. Они уже поднялись над дымом, который так мучил их внизу. Дышать стало легче.

— Спасибо, Сэм,— хрипло прошептал он.— Далеко нам еще?

— Понятия не имею,— ответил Сэм.— Я же не знаю, куда мы идем.

Он обернулся назад и поразился, как далеко увело его последнее усилие. Снизу Гора казалось куда выше, чем была в действительности. Уж во всяком случае, не выше перевалов Хмурых Гор, а ведь они с Фродо прошли там. Сильно изрезанные склоны поднимались над равниной тысячи на три футов, а над ними, примерно на половину этой высоты, возносился узкий центральный конус, как огромная дымовая труба, заканчиваясь иззубренными краями кратера. Теперь хоббиты были примерно на половине Горы, и Горгоратская равнина лежала далеко внизу, окутанная дымом и тенями. Едва взглянув вверх, Сэм ясно различил среди каменных глыб и обрывов тропу. Она круто поднималась с запада и петлями охватывала Гору. Они просто не попали на нее, но теперь, стоит лишь обогнуть вот этот выступ, и они будут там. Надежда возвращалась. На Гору все-таки можно взойти.

— Она словно нарочно тут появилась,— пробормотал Сэм.— Не будь ее — не видать бы нам вершины.

Конечно, тропу проложили не для них. Сэм и не подозревал, что смотрит на Сауронову дорогу из Барад Дура к Саммат Наур, Роковой Щели. От самых западных ворот Черной Крепости, через равнину, по мосту через пропасть, меж двух дымящихся провалов и дальше по склонам она поднималась высоко и уходила в темное отверстие, обращенное на восток, прямо против окна в окутанный мраком твердыне Саурона, откуда смотрело его Око. Огненные бури в недрах Горы часто засыпали или разрушали дорогу, но руками несчетного множества орков она всегда поддерживалась в порядке.

Дорога была, но до нее еще предстояло добраться. Сэм понимал, что нужен отдых. Он опустился рядом с Фродо, и не-

которое время оба лежали молча. Заметно светлело. Вдруг Сэма охватило неведомое дотоле чувство, настойчивый зов словно окликнул его: «Скорее, скорее, не то будет поздно!» Он превозмог себя и встал. Фродо как будто тоже услышал зов и с трудом поднялся на колени.

— Я поползу, Сэм, — произнес он, задыхаясь.

Фут за футом, как маленькие серые букашки, они достигли тропы. То, что снизу казалось тропой, на деле было широкой, вымощенной плотно утрамбованным щебнем и пеплом дорогой. Фродо выбрался на нее, а потом, словно подчиняясь какому-то приказу, медленно обратился лицом на восток. Вдали плотной завесой висел мрак, но в этот миг порыв ветра из внешнего мира раздвинул тучи, и Фродо увидел черные — чернее мордорской ночи — острые шпили и железный венец самой верхней из башен Барад Дура. Только на мгновение показалась она, а потом, словно из какого-то окна в неизмеримой вышине, ударила на север красная молния — блеск всевидящего Ока. Тучи снова сомкнулись, и страшное видение исчезло. Око смотрело на север, где стояли, выжидая, Вожди Запада. Туда обратилась вся злоба Темного Властелина, там Сила намеревалась нанести последний удар. Ужасный взгляд заставил Фродо рухнуть на дорогу. Рука его сама потянулась к цепочке на шее.

Сэм опустился перед ним на колени. Он услышал слабый, почти беззвучный шепот Фродо:

— Помоги, Сэм! Помоги! Держи мою руку! Я не могу остановить ее.

Сэм взял его руки, сложил их ладонь к ладони и поцеловал, потом ласково сжал между своими. Ему в голову вдруг пришла мысль: «Если Он нас заметил — все кончено!»

Он снова поднял Фродо на спину, стараясь прижать его руку к своей груди, потом нагнул голову и пошел вверх по дороге. Это было не так легко. К счастью, извержение, которое Сэм видел с Кирит Унгола, пришлось в основном на западные и южные склоны, и с этой стороны камни почти не падали, зато во многих местах на дороге зияли широкие трещины. Она поднималась, поднималась, а потом резко сворачивала на запад. Задыхаясь под своей ношей, Сэм как раз собирался миновать поворот, когда его глаза уловили какое-то движение вверху.

В тот же миг что-то тяжелое обрушилось на него, и он упал ничком, ободрав тыльные стороны рук. Только услышав ненавистный голос, он понял, что произошло.

— Зззлой хозззяин! Ззлой, он лжжет нам, лжжет Ссмеагорлу, горлум, горлум! Нельзззя так! Нельзззя обижжать Сссокровищщще! Отдай его Ссмеагорлу, отдай нам. Пусть он отдасст!

Одним движением Сэм вскочил и выхватил меч, но сделать ничего не мог. Горлум и Фродо тесно сцепились. Горлум рвал плащ на груди у Фродо, силясь завладеть цепочкой и Кольцом. Наверное, только это и могло разбудить гаснущую волю и отвагу

Фродо: нападение, попытка силой отнять у него Кольцо. Ни Сэм, ни тем более Горлум не ждали от него такого яростного сопротивления. Да и Горлум был уже не тот. Какими бы ужасными путями одиночества, голода и жажды он ни шел, гонимый алчным желанием и беспощадным страхом,— пути эти оставили на нем тяжелый след. Он превратился в тощее, высохшее существо, почти в скелет, туго обтянутый потемневшей кожей. Дикое пламя еще пылало у него в глазах, но прежняя цепкая и злобная сила изменила ему. Фродо отшвырнул его и выпрямился, весь дрожа.

— Прочь, прочь! — произнес он, тяжело дыша, ощупывая Кольцо сквозь кожаную рубашку. — Прочь, ползучая тварь, уйди с моего пути! Твое время кончилось. Ты уже не можешь ни предать, ни убить меня.

И тут вдруг, как раньше на Эмин Майл, Сэм увидел обоих соперников другим зрением. Во прахе лежало нечто, едва ли большее, чем тень живого существа, нечто побежденное, разбитое, но еще исполненное алчности и бешенства; а над ним высилась суровая, недоступная больше для жалости фигура, облаченная в белое, с огромным огненным колесом на груди. И из этого огня звучал властный голос:

— Уходи и не смущай меня больше! Если ты еще раз коснешься меня, то будешь брошен в Огненную Пропасть!

Распростертое существо съежилось, в его пылающих глазах был ужас, но было и неутолимое желание.

Тут видение исчезло, и Сэм увидел обычного Фродо, стоявшего, задыхаясь, с прижатой к груди рукой, а у его ног — Горлума, упавшего на колени.

— Берегись! — закричал Сэм.— Он прыгнет! — Подняв меч, он шагнул вперед.— Скорее, Фродо! — крикнул он.— Я задержу его. Не теряйте времени! Идите!

Фродо взглянул на него словно издалека.

— Да, я должен идти, — произнес он отчужденным голосом.— Прощай, Сэм. Это — конец. Пусть на Гору Рока падет рок. Прощай! — Он повернулся и пошел по дороге, медленно, но не сгибаясь.

— Ну вот! — сказал Сэм.— Наконец-то я могу посчитаться с тобой за все.— Он шагнул вперед, сжимая в руке меч. Но Горлум не прыгнул. Он рухнул Сэму в ноги и заскулил.

— Не убивай насс! Не делай нам больно осстрой сталью! Мы хотим жить, да, дай нам пожить еще немного! Пропало! Мы пропали! Без Сокровища мы умрем, да мы обратимся в прах! — Он скреб шлак на дороге длинными костлявыми пальцами.— В праххх,— прошипел он еще раз.

Рука у Сэма дрогнула. В душе его клокотал гнев. Было бы только справедливо убить это злобное, коварное существо, это казалось единственно верным поступком. Но он уже не мог ударить. То, что лежало перед ним в пыли, раздавленное, по-

терявшее все, вызывало лишь сострадание. Он сам, хотя и недолго, был обладателем Кольца и теперь догадывался о муках иссохшего тела и черной души Горлума, порабощенного Кольцом, неспособного больше найти покой в жизни.

Вряд ли Сэм смог бы выразить свои чувства, он только плюнул в сердцах.

— Ох, будь ты проклят, вонючая тварь! — сказал он. — Убирайся! Прочь отсюда! Я тебе не доверяю, так что уходи, а не то я обязательно сделаю тебе больно вот этой острой сталью!

Горлум поднялся на четвереньки, попятился, повернулся и, не успел Сэм дать ему пинка напоследок, ускакал по дороге вниз. Сэм не стал больше думать о нем. Он вдруг вспомнил о Фродо. Впереди его не было видно. Тогда изо всех сил Сэм заковылял вверх. Если бы он посмотрел назад, то мог бы увидеть, что Горлум повернул обратно и с безумным блеском в глазах крадется за ним следом.

Дорога все шла вверх. Вскоре, за очередным поворотом, открылся прямой, как стрела, отрезок ее, упиравшийся в темное отверстие в склоне Горы — вход в Огненную Пещеру Саммат Наур. Поднималось тускло-красное солнце, но вокруг Горы все было мертво. Мордор замер, ожидая рокового удара.

Сэм подошел к зияющему устью и заглянул внутрь. Там было темно, жарко, и воздух сотрясался от какого-то глухого рокота.

— Фродо, Фродо! — позвал Сэм. Ответа не было. Некоторое время он стоял, и сердце у него колотилось от безумного страха, потом кинулся внутрь. За ним бесшумно, как тень, проскользнул Горлум.

Сначала Сэм ничего не увидел. Тогда он торопливо извлек звездный фиал, но и он был бледен и холоден, и ничуть не осветил душного мрака. Здесь, в самом сердце владений Саурона, у истоков его древней мощи, все другие силы подчинялись ему. Сэм неуверенно сделал в темноте несколько шагов, и тут вдруг впереди вспыхнуло красное пламя, взметнулось вверх и лизнуло высокий темный свод.

Тогда Сэм увидел, что стоит в длинной пещере, уходящей глубоко в дымящийся конус Горы. Неподалеку от входа стены и пол рассекала глубокая трещина, из которой исходил багровый свет. Снизу все время слышался рокот и пыхтенье, словно там работали огромные мехи.

Свет снова усилился, и на краю трещины, у самой Пропасти Рока, Сэм увидел Фродо — черный силуэт на красном фоне — неподвижного, словно окаменевшего.

— Фродо! — крикнул Сэм.

Фродо пошевелился и вдруг заговорил. Такого звучного и мощного голоса Сэм никак не ожидал от него услышать. Этот голос легко заглушал рокот Горы и отразился эхом от стен и сводов.

— Я пришел,— произнес он.— Но теперь я передумал. Кольцо мое! — Он надел Кольцо на палец и исчез. Сэм ахнул, но не успел и двинуться, как одновременно случилось сразу множество событий.

Что-то сильно толкнуло Сэма в спину, и он отлетел в сторону, ударившись головой о каменную стену так, что потемнело в глазах. Но все же успел заметить метнувшуюся мимо тень.

А далеко отсюда, в тот момент, когда Фродо надел Кольцо и объявил себя его властелином, Темный Владыка в Барад Дуре вздрогнул, и вместе с ним вздрогнула от основания до вершин своих башен Черная Крепость. Око Врага, пронзая мрак, узрело случившееся в Огненной Пещере. Саурон в одной мгновенной вспышке наития понял все: и план врагов, и свою собственную роковую оплошность. Гнев и страх в равной мере овладели им. Ибо он увидел, какая смертельная опасность грозит ему и сколь тонка нить, удерживающая его судьбу.

Все хитрости, все паутины измен и коварства, все замыслы и планы — все это вдруг рухнуло в его черном сознании. По всему темному царству прошел трепет, его рабы дрогнули, войска остановились, а их предводители, вдруг лишенные разума и воли, заколебались и пришли в смятение. Враг забыл о них. Разум и воля Силы, управлявшей ими, всей своей мощью обратились теперь к Горе. Прозвучал немой приказ, и назгулы, Рабы Кольца, стремительно понеслись на юг, к Роковой Горе.

Сэм встал. Его слегка оглушило, и кровь из ссадины на голове заливала глаза. Он с трудом шагнул вперед и увидел странное и страшное зрелище. На краю бездны Горлум бешено боролся с невидимым соперником, он качался взад и вперед, чуть не падая в пропасть, отступал, падал на колени, поднимался и снова падал. И он все время шипел, но без слов.

Огонь снизу теперь ревел, вся пещера наполнилась блеском и жаром. Сэм видел, как Горлум вдруг подпрыгнул, блеснули и лязгнули острые зубы, и сразу вслед за тем раздался крик Фродо. Этот крик словно выбросил его из невидимости, он упал на колени на краю пропасти. А Горлум плясал, как сумасшедший, высоко держа Кольцо с торчащим в нем откушенным пальцем. Кольцо сияло, словно действительно было выковано из живого огня.

— Сокровище, Сокровище, Сокровище! — выкрикивал Горлум.— Мое Сокровище! О, мое Сокровище! — И тут, не сводя алчных глаз со своей добычи, он оступился, покачнулся, на мгновение застыл на краю пропасти и с воплем рухнул вниз. Из глубины навстречу ему взметнулся огромный язык пламени, еще раз долетел жалобный крик «Сокровище!» — и замер.

Долгий грохот родился в недрах Горы. Пламя вымахнуло из расселины и лизнуло своды. Грохот перешел в рев, Гора содрогнулась. Сэм подбежал к Фродо, поднял его и вынес наружу. И тут, на пороге Саммат Наур, высоко над равнинами Мордора,

его сковало такое изумление, что он стоял, позабыв обо всем на свете, и только смотрел, чувствуя, что каменеет от страха. Его глазам открылась гигантская бурлящая туча. В ее недрах проглядывали невиданные башни и бастионы, высокие, как горы над бездонными пропастями, глухие темницы подземелий, огромные стальные ворота — все это разом исчезло. Башни рухнули, и горы обвалились, стены распались, огромные столбы дыма и пара росли все выше и выше, их вершины изогнулись, как гребень колоссальной волны, этот гребень вскипел и пал на равнину. Все покрыли оглушительные раскаты грома: земля вздрогнула, равнина всколыхнулась и растрескалась, Ородруин бешено встряхнуло. Из его разверзшейся вершины ударило пламя. Небеса взорвались в громе, иссеченном молниями. Из туч исполинскими бичами хлестали потоки черного ливня. И в самое сердце страшной грозы с заунывными воплями неслись назгулы. Они были подобны молниям, впивающимся в пучину и гаснущим в ней.

— Ну, вот и конец, Сэм, — произнес чей-то ясный голос рядом с ним. Это был Фродо, бледный, измученный, но снова ставший самим собой. В глазах его больше не было ни напряжения воли, ни безумия, ни страха, только мир. Бремя спало. Это был прежний любимый друг, как в давние, казавшиеся невероятными, мирные дни.

— Фродо! — вскричал Сэм, падая на колени. В этот час крушения мира его захлестнула радость, великая радость освобождения. Гнет исчез, его друг спасен; он опять стал самим собой, он опять свободен. И тут Сэм заметил его искалеченную руку.

— Бедная рука! — всхлипнул он. — А мне даже нечем перевязать ее, нечем успокоить боль. Лучше бы он откусил руку мне, пусть бы хоть целиком съел. Но его нет, он исчез наконец, навсегда исчез!

— Да, — ответил Фродо. — Ты помнишь, как Гэндальф сказал тогда: «Роль свою он сыграл не до конца». Так оно и получилось. Сэм, я ведь не уничтожил бы Кольцо. Наши труды в последнюю минуту едва не стали напрасными. Так что простим ему. Задача выполнена, и все завершено. Я рад, что ты здесь, со мной. Вдвоем не страшно, даже в конце.

Глава 4
КОРМАЛЛЕНСКОЕ ПОЛЕ

Вокруг холмов кишели полчища Мордора. Их надвигающееся море готово было поглотить войска Запада. Солнце покраснело. Крылья назгулов отбрасывали на землю черную тень смерти. Арагорн стоял у знамени, безмолвный и суровый; казалось, мысли его сосредоточены на давнем или дальнем, но глаза сверкали, как звезды, сияющие тем ярче, чем темнее ночь.

На вершине холма застыл Гэндальф, холодный и белый. Тени не касались его. Полчища Мордора кидались на обреченные холмы, как волны. Их гомон поднимался, как шум прилива, над стуком и лязгом оружия.

Вдруг Гэндальф обернулся и взглянул на север, где небеса были бледными и чистыми. Потом он воздел руки и вскричал громовым голосом:

— Орлы летят!

Этот крик покрыл шум битвы, и множество голосов подхватили:

— Орлы! Орлы летят!

Войска Мордора взглянули вверх, недоумевая, что означает этот клич.

Высоко в небе несся Гваихир, Повелитель Ветров, за ним спешил его брат Ландроваль — великие Орлы Севера, самые могучие из потомков старого Торондора, который строил гнезда на недосягаемых пиках Криссаэгримских Гор в пору молодости Среднеземья. Подгоняемые северным ветром, летели ровными рядами все их сородичи. Прямо на назгулов неслись они, круто спускаясь с высоты, и ветер смерчами завивался вокруг их могучих крыльев.

Но назгулы не приняли боя. Они повернули вспять и исчезли во мраке Мордора, услышав внезапный отчаянный призыв Черной Крепости. В тот же миг войска Мордора дрогнули, торжествующие крики смолкли, руки опустились и ноги отказались служить. Сила, наполнявшая их ненавистью и яростью, оставила их; и вот, взглянув в глаза врагам, они прочли свой приговор и испугались.

Тогда раздался громкий клич Вождей Запада. Их сердца наполнились новой надеждой. С осажденных холмов двинулись тесными рядами рыцари Гондора, Всадники Рохана, дунаданы Севера, ударили на затрепетавших врагов, смяли их и обратили в бегство. Но Гэндальф поднял руку и снова громко крикнул:

— Стойте, Люди Запада! Остановитесь и ждите. Час настал!

Не успел он договорить, как земля содрогнулась у всех под ногами. Потом, далеко за Черными Воротами, высоко над горами в небо рванулся исполинский смерч, пронизанный молниями. Земля застонала и затряслась. Черные Ворота рухнули, а издали, то утихая, то нарастая, то поднимаясь до облаков, примчался рокочущий гул, грохот, длительный раскатистый гром разрушения.

— Царство Саурона погибло, — произнес Гэндальф. — Хранитель выполнил свою миссию.

Когда Вожди Запада взглянули в сторону Мордора, им показалось, что оттуда вырастает огромная, угольно-черная на фоне облачного покрова, увенчанная молниями и закрываю-

щая все небо тень. Все выше возносилась она над миром, простирая к ним огромную, угрожающую руку, ужасную, но бессильную; ибо в то время, когда она уже опускалась над равниной, сильный ветер подхватил ее, развеял, и она исчезла. И стало тихо.

Тогда люди снова взглянули на равнину. Их враги бежали. Мощь Мордора таяла, как пыль, уносимая ветром. Как муравьи, лишенные своей царицы, начинают бессмысленно суетиться и, обессилев, умирают, так рабы Саурона — орки, тролли, звери, не чувствуя больше управляющей ими силы злых чар, носились в беспамятстве по равнине, набрасывались друг на друга, пытались укрыться в темных щелях и норах.

Иначе вели себя харадримы, вастаки и южане. Они так давно подпали под власть Тьмы, так пропитались черной злобой и так ненавидели все то, что олицетворяли силы Запада, что теперь даже крушение их Властелина не сломило этих гордых и сильных воинов. Многие все же бежали, но часть сумела организовать отчаянную оборону. Впрочем, и они были обречены.

Гэндальф, предоставив заканчивать битву Арагорну и другим вождям, быстро поднялся на вершину холма и издал призывный клич. Очень скоро к нему осторожно подлетел могучий Повелитель Ветров.

— Дважды ты выручал меня, друг мой, — обратился к нему маг, — не откажи и в третий раз, надеюсь, в последний. Ноша будет не тяжелее, чем в нашу последнюю встречу на вершине Зирак Зигиля, где сгорела моя прежняя жизнь.

— Я отнесу тебя, куда пожелаешь, будь ты хоть из камня,— промолвил в ответ Гваихир.

— Тогда — в путь! Только, пожалуйста, возьми с собой двоих самых быстрых своих сородичей. Мы должны обогнать ветер.

Орел повернул голову, немигающими глазами долго смотрел в сторону гибнущей Страны Мрака, а потом сказал:

— Ветер с севера, но мы обгоним его.

Он поднял Гэндальфа и направился на юг, а за ним летели Ландроваль и молодой Менельдор. Под их крыльями проплыл Удун, потом Горгорат, сплошь в развалинах, заполненные обезумевшими, мечущимися толпами орков, а впереди ярилась, изрыгая огонь, Роковая Гора.

— Я рад, что все-таки, в конце всего, мы вместе с тобой, — сказал Фродо Сэму.

— Конечно, вместе, сударь, — ответил Сэм, нежно прижимая к груди раненую руку Фродо. — И путешествие наше кончилось. Но столько тащиться ради того, чтобы сгинуть здесь, — как-то мне не хочется. Ну не по мне это, если вы понимаете, про что я говорю.

— Понимаю, — вздохнул Фродо. — Но так уж мир устроен. Надежды умирают, и приходит конец. Нам недолго осталось ждать. Этот мир гибнет, а мы — в самом сердце его, и нам не спастись.

— Но хоть убраться-то подальше мы можем? Чего торчать у этой Роковой Дыры, или как ее там зовут... Идемте, Фродо, хоть по тропе спустимся.

— Хорошо, Сэм, пойдем, если хочешь, — покорно произнес Фродо.

Они встали и начали медленно спускаться к подножию Горы. Вдруг с громовым ударом из Саммат Наур вырвались дым и огонь, одна из сторон конуса расселась, и яростная, слепящая лава, выплеснувшись на восточный склон, с грохотом поползла вниз.

Последние силы быстро покидали хоббитов. Идти было некуда. Они добрались до невысокого шлакового холма у подножия и оказались словно на острове, охваченном гибелью, посреди стремительно плавящейся земли. Ородруин хрипел. Вокруг Горы земля лопалась трещинами и целыми пропастями, в крутящихся клубах дыма мелькал огонь. Судорожно вздрагивала Гора, на склонах появились неожиданные прорехи. Вниз устремились медленные реки пламени. Несмотря на обманчивую неторопливость, очень скоро они достигнут равнины. Сверху непрестанно валили хлопья горячего пепла.

Сэм все еще бережно держал руку Фродо.

— Надо же, в какую мы с вами сказку попали! — с деланным оживлением начал он и вздохнул. — Хотелось бы мне послушать ее. Как вы думаете, сударь, скажут ли когда-нибудь: «Вот повесть о Фродо Девятипалом и о Кольце Всевластья»? И все примолкнут, как мы тогда, в Дольне, помните, когда слушали сказание о Берене и Сверкающем Камне... А еще мне интересно, что будет потом, после нас... — Он говорил, пытаясь словами прогнать страх, говорил и все поглядывал на север. Не хотел смотреть, а все-таки смотрел с мольбой и надеждой. С севера дул ветер. Он разогнал мрак и тучи, открыл холодное, ясное небо.

Зоркие глаза Гваихира заметили две крошечные темные фигурки, окруженные со всех сторон лавой. Вот они упали от очередного подземного толчка, а от островка, приютившего их, откололся большой кусок. Вокруг содрогались и рушились скалы, из-под земли выплескивались все новые потоки огня. Презрев страшную опасность, птица-гигант ринулась вниз. За ним устремились Ландроваль и Менельдор. Ничего этого хоббиты не видели. Их маленький холмик трясся как в лихорадке, все вокруг плавилось от страшного жара. Они закрыли глаза руками, чтобы не видеть смерти.

Когда орлы подхватили их, они были без сознания. Птицам так было даже удобнее. Их ноша безвольно висела в громадных

когтях, бережно державших маленькие тела. Орлы взмыли над огнем и дымом и скоро растаяли высоко в небе.

Очнувшись, Сэм обнаружил, что лежит на чем-то мягком. Над ним плавно покачивались ветки буков, их молоденькие листья просвечивали на солнце золотым и зеленым. В воздухе разливался нежный аромат весны. Он вспомнил: так пахло в Итилиене.

— Ох! — пробормотал он. — Интересно, долго ли я спал? — Запах перенес его к тем дням, когда он развел свой маленький костерок на солнечном берегу. Что было после? Он не помнил. — Ох, — повторил он, — ну и сон мне снился! Как я рад, что проснулся. — Сэм сел и увидел рядом спокойно спящего Фродо. Одну руку он положил под голову, другая лежала на одеяле. Это была правая рука, и на ней недоставало третьего пальца!

Воспоминания разом нахлынули на Сэма, и он вскричал:

— Так это был не сон? Где же мы?

Чей-то голос ласково произнес позади него:

— В Итилиене. Вы в гостях у Короля, и он ожидает вас.

Сэм обернулся, как ужаленный. Перед ним стоял Гэндальф, одетый в белое, с белоснежной бородой, сверкающей на солнце.

— Ну, Сэмиус, как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Сэм, не в силах вымолвить ни слова, смотрел на мага, открыв рот. Наконец он сказал сиплым от волнения голосом:

— Гэндальф! Я думал — ты мертвый! Я думал — я и сам мертвый. Значит, все грустное, что было, — это неправда? Гэндальф! Что такое с миром стало?

— Великий Мрак исчез, — ответил Гэндальф и засмеялся, и этот смех был как музыка, или как вода в знойный полдень. Сэм подумал, что очень давно не слышал смеха. В глазах его вспыхнула радость, но неожиданно для самого себя он заплакал. Впрочем, слезы высохли так же быстро, как появились, он счастливо рассмеялся и вскочил с ложа.

— Как я себя чувствую? — вскричал он. — Я даже не знаю, как сказать! Я чувствую... — Он взмахнул руками. — Чувствую, как весна после зимы, как солнце на листьях, как трубы и арфы, и все песни, какие только есть на свете! — Он спохватился и обернулся к другу. — Слушай, Гэндальф, посмотри, как досталось его руке! Ему столько пришлось вынести! Ну хоть в остальном-то он здоров?

— Да здоров я, здоров, — сказал Фродо, садясь на постели и тоже улыбаясь. — Я уснул, ожидая тебя, Сэм, лентяй ты эдакий! Проснулся-то я рано утром, а сейчас уже полдень.

— Полдень? — растерянно переспросил Сэм. — А какого дня?

— Сегодня четырнадцатый день Новой Эпохи, — ответил Гэндальф, — восьмое апреля по Ширскому счету, вы ведь в марте считаете тридцать дней. Но в Гондоре Новый Год теперь всегда будет отмечаться двадцать пятого марта, в день падения

Саурона, в день, когда вас вынесли из огня. Король исцелил вас и ждет теперь. На сегодня назначен большой пир. Когда вы будете готовы, мы пойдем к нему.

— Пойдем к Королю? — спросил Сэм. — А кто он?

— Король Гондора и Правитель Западных Стран, — важно ответил Гэндальф. — Под его рукой снова все исконные владения. Скоро он отправится на коронацию, он ждал только вас.

— А что же мы наденем? — забеспокоился Сэм. Рядом с постелями лежали только их старые, изношенные одежды, в которых они проделали весь путь.

— То, в чем шли в Мордор, — ответил маг. — Даже ваши орочьи лохмотья надо сохранить. Никакие шелка, ни полотно, ни доспехи, ни гербы не могут быть почетнее. А потом — посмотрим.

Маг протянул им руки. Одна из них странно светилась.

— Что там? — вскрикнул Фродо. — Неужели...

— Да, это ваши сокровища. Они были у Сэма, когда вас спасли. Дары Владычицы Галадриэль: твой фиал, Фродо, и твоя коробочка, Сэм. Все цело, вам на радость.

Хоббиты умылись, оделись и, конечно, слегка перекусили, а тогда уж последовали за Гэндальфом. Из буковой рощицы они вышли на большой зеленый луг, окруженный высокими деревьями с пышной листвой и большими алыми цветами. Позади шумел водопад, а впереди, по краю луга, струился поток, весело журчал, пел и искрился на солнце.

На лугу собралось множество рыцарей в великолепных доспехах и статных воинов, одетых в черное с серебром. Все почтительно приветствовали хоббитов и кланялись. Пройдя под деревьями вдоль ручья, они вышли на обширное поле. Дальше в серебристой дымке текла широкая река и виднелся остров. Там стояли корабли. Все поле заполнили войска. Они выстроились блестящими рядами в строгом порядке. При приближении хоббитов над рядами взметнулись разом выхваченные из ножен мечи, прокатилась волна склоняемых копий, запели рога и трубы, а люди закричали на многих языках:

Долгая жизнь полуросликам!
Славьтесь великою славою!
Куйо и Периайн ананн! Аглар ни Перианнат!
Славьтесь великою славой, Фродо и Сэмиус!
Даур а Бераэль, Конин эн Аннун! Эглерио!
Славьтесь!
Эглерио!
А лайта те, лайта те! Андаве лайтувалмет!
Славьтесь!
Кормаколиндор, а лайта тиерианна!
Славьтесь, Хранители, славьтесь великою славой!

Позабыв себя от восторга и изумления, Фродо и Сэм прошли вперед и увидели три возвышения, сложенные из зеленого

дерна посреди поля. Над правым из них развевалось знамя, на котором по зеленому полю мчался неоседланный белый конь, над левым было знамя с изображением серебристого корабля на синем фоне, разрезающего волны форштевнем в виде лебедя, а над средним, самым высоким из трех, реяло по ветру большое черное знамя с белым цветущим деревом, семью звездами и сияющим венцом. Под знаменем сидел человек с мечом, лежащим на коленях, в кольчуге, но без шлема. При их приближении он встал, высокий, статный, темноволосый и сероглазый. И тогда они узнали его, хоть он и сильно изменился.

Фродо бросился ему навстречу, Сэм за ним по пятам.

— Ну, вот, теперь еще и это! — кричал он. — Это же Колоброд, или я сплю!

— Я рад, что ты признал Колоброда, — ответил Арагорн. — Далековато отсюда до Брыля, где я так тебе не понравился. Долго пришлось идти к сегодняшнему дню, но ваш путь был самым мрачным.

И тут, к изумлению и крайнему смущению Сэма, Арагорн преклонил перед ними колено, затем взял обоих за руки, подвел к трону и посадил на него, а потом, повернувшись к войскам, крикнул громко:

— Славьте их, славьте героев!

А когда отзвучал радостный гул приветственных криков, то, к окончательному и полному удовольствию Сэма, вперед вышел менестрель из Гондора и, поклонившись низко, попросил разрешения спеть.

— Вожди и рыцари, доблестные воины, короли и князья, славные Люди Гондора, и Всадники Рохана, сыновья Элронда и Дунаданы Севера, Эльф и Гном, великие герои Шира и весь свободный народ Запада! — обратился он к собравшимся. — Слушайте меня! Я спою вам о Фродо Девятипалом и о Кольце Всевластия.

От этих слов Сэм счастливо рассмеялся, вскочил и воскликнул:

— Вот это да! Исполняются все мои желания! — И снова заплакал.

Смеялись многие, но кое-кто и плакал тоже, а светлый голос менестреля звучал как серебро, и все затихли, слушая. Он пел то на эльфийском, то на Всеобщем, и сердца слушателей переполнялись страданием высочайшего наслаждения; песня увела их за собой в страну, где горе и счастье сливаются вместе и где слезы скорби превращаются в чистое вино блаженства.

Песня кончилась. Арагорн, а вслед за ним и все остальные, встали и перешли в приготовленные шатры, чтобы пить, есть и веселиться до конца дня.

Но Фродо с Сэмом задержались. Их отвели в палатку и переодели в чистое полотно. Прежние одежды аккуратно свер-

нули и уложили с почетом. Пришел Гэндальф и, к удивлению Фродо, принес его меч, эльфийский плащ и кольчугу из мифрила, а для Сэма — вызолоченную кольчугу и серый лориенский плащ, вычищенный и аккуратно починенный. Потом маг положил перед ними два меча.

— Не надо никаких мечей, — помотал головой Фродо.

— Сегодня тебе придется взять хоть один, — мягко, но настойчиво проговорил Гэндальф.

Фродо выбрал тот, который поменьше, Сэмов.

— А Шершень я тебе отдал, Сэм.

— Нет уж, сударь! Бильбо вам его подарил вместе с кольчугой, ему не понравилось бы, попади он в другие руки.

Фродо подчинился. Гэндальф опустился на колени, точно оруженосец, и застегнул перевязи мечей, потом, поднявшись, возложил им на головы легкие серебряные обручи и повел в шатер; там ожидали хоббитов почетные места рядом с Арагорном, Йомером и Имрахилем. Вокруг сидели другие военачальники, Гимли и Леголас.

Когда пришло время наполнить кубки, в шатер вошли два оруженосца, как решил Фродо. На одном была черная с серебром одежда воинов Минас Тирита, а на другом — цвета Рохана. Сэм в первый момент удивился, что делать этим мальчишкам в армии, но тут же узнал их.

— Смотрите, Фродо, смотрите! Да ведь это Пиппин! Это наш друг Перегрин! И Мериадок! Но как они выросли! Вот так история! Интересно бы послушать.

— А как же, — степенно ответил Пиппин. — Обязательно услышишь, сразу после пира. А пока, вон, Гэндальфа порасспросите. Он теперь важный стал, хоть и смеется все время. Мы с Мерри сейчас заняты, так вы уж подождите. Мы теперь рыцари Гондора и Рохана, как вы, надеюсь, заметили.

Пир кончился поздно вечером. Круглая луна медленно плыла над одевшимся в туман Андуином, мерцая среди шелестящих листьев. Фродо и Сэм не могли наговориться с Мерри, Пиппином и Гэндальфом, а потом к ним присоединились еще Леголас и Гимли. Постепенно герои дня узнали историю Отряда после того, как они расстались у водопада Рэрос. И все-таки еще о многом оставалось расспросить и на многие вопросы ответить.

Орки, говорящие деревья, травянистые равнины, скачущие всадники, мерцающие пещеры, золотые палаты, белые башни, битвы и большие корабли — все это проходило у Сэма перед глазами, пока он не почувствовал, что засыпает. Однако больше других чудес его все-таки поражал рост Мерри и Пиппина. Он несколько раз заставлял их мериться с собой и Фродо.

— Вот чего не могу понять, — проговорил он. — На целых три дюйма выше, чем полагается, или я гном!

— Вот уж нет, — усмехнулся Гимли. — Они же пили напиток энтов, а это для простого смертного даром не проходит.

— Напиток энтов? — переспросил Сэм. — Тогда расскажите мне о них еще раз. Я так и не понял, что они такое. Это ж сколько времени надо, чтобы во всем разобраться!

— Пару месяцев, не меньше, — отозвался Пиппин. — Надо бы нам запереть Фродо в какой-нибудь башне в Минас Тирите, пусть запишет все это. Иначе он забудет половину, и старый Бильбо будет очень огорчен.

Наконец Гэндальф встал.

— Арагорн — великий целитель, — сказал он, — но вы вернулись от самых дальних пределов смерти. И хоть вы спали потом долго и крепко, сейчас вам снова пора в постель.

— Это и к тебе относится, Пиппин, — напомнил Гимли. — Я люблю тебя, хотя бы за те мытарства, которых ты мне стоил и которых я никогда не забуду. Но только я не забуду и другого: как нашел тебя на поле боя. Если бы не Гимли, ты бы так там и остался. Хорошо, я хоть знаю, как выглядят хоббичьи лапы, даже когда они торчат из-под груды тел. Когда я поднял твой так подросший труп, я был уверен, что ты мертвей мертвого. Я тогда чуть бороду себе не вырвал. — Он важно погладил свою ухоженную бороду. — А сегодня — первый день, как встал, и уже скачешь, как кузнечик. Ложись-ка, давай. Я тоже лягу.

— А я, — мечтательно проговорил Леголас, — буду бродить по рощам этой прекрасной страны, это лучший отдых. Когда-нибудь кое-кто из нашего народа обязательно переселится сюда, и этот край на время станет благословенным. Может, на месяц, может, на жизнь, а может, на сто человеческих жизней. Но Андуин близок, и Андуин ведет к Морю. К Морю!

К Морю! К Морю! Там чайки печальные плачут!
Белопенные гребни играют и пляшут...
Ветер, яростный ветер — о чем ты просвищешь?
Серебристый корабль — ты слышишь ли, слышишь? —

То зовут голоса на Последнем Причале...
Я покину леса, что меня осеняли,
Где прекрасные годы опали листвою...
Одинокий, уйду я дорогой морскою
По высокой волне к Всеэльфийскому Дому,
Недоступному смертному взгляду земному...
О Эрессэа, край вековечно цветущий,
Бесконечно манящий, навечно зовущий...

Так напевая, Леголас спускался с холма.

Остальные тоже разошлись. Фродо с Сэмом сразу уснули. А утром их снова ждал радостный мир Итилиена. Они провели

здесь много дней. Кормалленское поле, где стояли войска, соседствовало с Хеннет Аннун, и река, звенящая на перекатах, делала легкими их сны. А по утрам они умывались в чистых водах, спешащих цветущими лугами к Андуину. Хоббиты бродили то там, то здесь, навещая места, где побывали недавно, и Сэм все надеялся в каком-нибудь глухом уголке леса или на скрытой полянке встретить елефанта. А когда узнал, что при осаде Гондора их поубивали великое множество, то сильно пожалел об этом.

— Ну, нельзя же все сразу, — утешал он сам себя. — И все-таки я много потерял.

Войска готовились к возвращению в Минас Тирит. Усталые отдохнули, раненые выздоровели. Пришлось еще сражаться с недобитыми остатками армий Востока и Юга, но и они в конце концов покорились. Настал день, когда вернулись даже те, кто ходил разрушать крепости на севере Мордора.

Приближался май, когда вожди Запада тронулись в путь. Войска сели на корабли и спустились до Осгилиата: там отдохнули день, а на следующий были уже на зеленых полях Пеленнора и снова увидели высокие белые башни под высоким Миндоллуином — последнюю память о Заокраинном Западе, Город Людей Гондора, сквозь мрак и огонь встающий к новой жизни.

В канун Майского дня на полях Пеленнора запестрели шатры. Назавтра с восходом солнца Король должен был вступить в Город.

Глава 5
КОРОЛЬ И ПРАВИТЕЛЬ

Весь Минас Тирит пребывал в страхе и сомнениях. Их не могли развеять ни хорошая погода, ни яркое весеннее солнце. Слишком мало надежды осталось у тех, кто от каждого нового утра ожидал удара судьбы. Их Правитель умер, даже его праха собрать не удалось; в Цитадели спал вечным сном государь Рохана, а долгожданный и неожиданно обретенный Король Гондора снова ушел, бросив вызов таким грозным силам, с которыми одной доблестью не справиться. И от него не было никаких вестей. С тех пор, как войска миновали Моргульскую долину, в Городе не появлялся ни один гонец, никто не знал, что происходит на Востоке.

Спустя два дня после ухода войск Йовин обратилась к сиделкам госпиталя с просьбой вернуть ей одежду. Не слушая никаких уговоров, с рукой на перевязи, она отправилась к старшему Целителю.

— Это невыносимо, — обратилась к нему Йовин, праздно лежать в постели в такое беспокойное время.

— Но вы еще не здоровы, сударыня. Мне поручено присматривать за вами с особым тщанием. Я прошу вас вернуться в палату и еще несколько дней побыть в покое.

— Я здорова,— досадливо отмахнулась Йовин,— во всяком случае, телом. Рука не слушается — это пустяк! Но от безделья я снова заболею. Мне никто ничего не говорит. Какие вести о войне?

— Никаких, — ответил Целитель. — Военачальники миновали Моргульскую долину. Командование принял северянин. О нем говорят, что это великий воитель и целитель в придачу. Странно, что рука врачующего еще и мечом владеет, В Гондоре давно нет таких, а раньше были, говорят. Я-то всю жизнь только и делал, что латал дыры, оставленные мечами. Можно подумать, что в мире без этих железяк мало болезней! — фыркнул он.

— Начать войну — хватит и одного врага,— сверкнула глазами Йовин.— Те, кто не обзавелся своими мечами, падут под ударами чужих. По-твоему, народ Гондора должен был собирать лечебные травки, пока Темный Властелин собирает армии? Здоровое тело — это еще не все, а гибель на поле боя — не обязательно беда. Если бы у меня был выбор, в этот темный час я без колебаний выбрала бы последнее.

Старший Целитель с удивлением взглянул на девушку. Она стояла перед ним, прямая, как стрела; на побледневшем лице лихорадочно блестели серые глаза. Йовин порывисто повернулась и подошла к окну, выходившему на восток. Целитель вздохнул и покачал головой.

— Разве в Городе нечего делать? — спросила от окна Йовин.— Кто сейчас управляет всем?

— Я точно не знаю, — пожал плечами Целитель. — Меня эти вопросы мало касаются. Кажется, у рохирримов свой начальник, а людьми Гондора управляет Хурин. Но законный-то Правитель — Фарамир...

— Где мне найти его?

— В этом же доме, сударыня. Он был ранен, а сейчас пошел уже на поправку. Вот только не знаю...

— Ни к чему гадать! — прервала его Йовин. — Проводите меня к нему, тогда и узнаете!

Правитель Фарамир задумчиво бродил по госпитальному саду, разбитому почти вровень со стеной. Солнышко пригревало, и он с удовольствием ощущал, как в тело возвращается былая сила, вот только на сердце лежала тяжесть. С высокой стены он то и дело почти непроизвольно поглядывал на восток. Заслышав шаги, он обернулся и увидел старшего Целителя и незнакомую девушку. При виде ее руки на перевязи Фарамир испытал острую жалость, и тут же ему передалось снедающее юную воительницу беспокойство.

— Правитель, — обратился к нему лекарь, — вот Йовин из Рохана. В бою она была вместе с Королем и приняла жестокий удар. Теперь находится на моем попечении, но не желает лечиться, а требует беседы с вами.

— Я не жалуюсь на лечение, — горячо заговорила Йовин, — оно прекрасно... для тех, кто хочет вылечиться. Но я не могу лежать взаперти, без дела. В битве я искала гибели, но осталась жива. Так ведь война не закончена...

Фарамир знаком отослал Целителя.

— Что же вы хотите от меня? — участливо спросил он. — Тем более что я и сам пленник этих мудрых врачевателей.

Говоря, Фарамир внимательно вглядывался в черты ее благородного лица, все больше проникаясь жалостью к этому прекрасному и печальному воину степей.

А Йовин смотрела на Правителя, теряясь от нежности в его глазах, совершенно несвойственной Всадникам Рохана, и вместе с тем прекрасно видела, что ни одному из рохирримов не выстоять в поединке с этим благородным рыцарем.

— Что же вы хотите от меня? — повторил Фарамир. — Скажите, и, если это в моей власти, я исполню ваше желание.

— Прикажите Целителю отпустить меня, — гордо произнесла Йовин, но в душе у нее уверенности не было. Пожалуй, впервые в жизни она усомнилась в себе. Она испугалась, как бы этот рослый воин, суровый и нежный одновременно, не счел ее просто капризной девицей, которая сама не знает, чего хочет.

— Я не могу приказывать Целителю, — улыбнулся Фарамир. — Да и правление Городом я еще не принял. Но даже обладай я всей полнотой власти Правителя, и тогда не стал бы перечить ему в делах, в которых сам понимаю мало.

— Но мне не нужно исцеление, — настаивала Йовин. — Я хочу идти с войсками, как мой брат Йомер, а еще лучше — как король Теоден. Он пал, обретя славу и покой.

— Даже будь у вас силы, поздно спешить вслед вождям. Гибель в битве — удел воина, не зависящий от его желания. Смерть подстерегает его везде, и, сдается мне, наш долг — встретить ее достойно, а пока — подчиняться Целителям и терпеливо копить силы.

Фарамир не услышал ответа и, взглянув в лицо девушки, почувствовал, как разжалась у нее внутри сжатая дотоле пружина. Так самые трескучие морозы отступают перед первым же слабым дыханием весны. Маленькая слезинка прочертила дорожку на бледной щеке. Чуть склонилась ее гордая голова. Тихо, скорее себе, чем Правителю, Йовин пожаловалась:

— Но Целители снова уложат меня в постель, а в моей комнате нет ни одного окна, выходящего на восток. — Теперь голос, произнесший эти слова, был обычным голосом совсем юной, печальной девушки.

Фарамир улыбнулся:

— А вот это поправимо. Такому горю я смогу помочь. Если вы останетесь в госпитале, то сможете гулять в саду и сколько угодно смотреть на восток. А я буду поджидать вас здесь, тоже посматривая в ту сторону. Может быть, нам будет легче, если мы вместе будем думать и разговаривать о наших ушедших надеждах.

Йовин подняла голову и взглянула прямо в глаза Фарамиру. Щеки ее слегка порозовели.

— Едва ли вам будет легче со мной, Правитель. И о чем мне говорить с живыми?

— Хотели бы вы услышать прямой ответ? — пристально глядя на девушку, спросил Фарамир.

— Да, — с едва заметным колебанием ответила она.

— Тогда — вот он. Послушайте меня, Йовин из Рохана. В лугах Гондора немало прекрасных цветов, в селениях Гондора немало прекрасных девушек, но никогда еще не доводилось мне встретить цветок или девушку столь прекрасную и столь печальную, как вы. Может быть, светлому миру осталось жить всего несколько дней, но я надеюсь бестрепетно встретить приход Тьмы, а если при этом в последний солнечный день смогу видеть вас, то встречу любые беды с легким сердцем. Мы с вами далеко уходили под крылья Тьмы, и вернула нас из царства теней одна и та же рука.

— Увы, Правитель, эта рука вернула лишь мое тело. Напрасно ждать моего исцеления. Я — щитоносец Рохана, моя рука — рука воина, я не гожусь для нежных разговоров. Но признательна вам за разрешение покидать время от времени мою тюрьму. Я воспользуюсь предложением Правителя Гондора.

Учтиво попрощавшись, Йовин вернулась в дом. А Фарамир долго еще бродил по саду, только теперь взгляд его чаще обращался к окнам госпиталя, чем к восточным стенам.

Вернувшись в свою комнату, Фарамир вызвал Целителя и подробно расспросил о девушке из Рохана.

— Я думаю, Правитель, — заключил свой рассказ лекарь, — что знать о ней больше должен полурослик. Он тоже у нас на попечении. Это — оруженосец Короля Рохана, он был с ним и с девушкой, как говорят, до самого конца.

Так Мерри предстал перед Фарамиром, и они проговорили весь день. Из разговора Правитель узнал намного больше, чем мог сообщить Мерри. Во всяком случае, он уяснил причины тоски и тревоги, мучивших прекрасную воительницу.

Следующим вечером Правитель и Мерри долго гуляли по саду, но Йовин не дождались. Фарамир встретил ее лишь утром. В белых одеждах, пронизанных солнцем, она стояла на стене и спустилась, когда Фарамир окликнул ее.

Весь этот день они провели вместе, то прогуливаясь по саду, то сидя на скамеечке под раскидистым деревом, то молча,

то за разговором. А назавтра встретились снова. Старший Целитель смотрел на них из окна и радовался в душе — одной, нет, даже двумя заботами у него стало меньше. Среди страхов и дурных предчувствий, тяготивших жителей Города, эти двое расцветали на глазах и с каждым днем набирались сил.

На пятый день после знакомства с Правителем Йовин снова стояла на стене рядом с ним. Вестей по-прежнему не было. Лица горожан стали совсем угрюмыми. И, как нарочно, испортилась погода. Похолодало, а северный ветер с дождем заставил потускнеть весенние краски окрестных земель.

Фарамир и Йовин кутались в плащи, а на плечах девушки синела накидка цвета летнего вечера с серебряными звездами по краю. Когда-то ее носила Финдуилас из Амрота, мать Фарамира, и теперь Правителю казалось, что эта одежда удивительно подходит печальной красоте Йовин, придавая ее грусти величавый оттенок.

Но девушка зябко вздрагивала даже под этим звездным одеянием. Она неотрывно смотрела на север, туда, где небо было ясным и словно твердым, и откуда порывами налетал ветер.

— Что вы надеетесь увидеть там, Йовин? — спросил Фарамир.

— В той стороне Черные Ворота? Он ведь оттуда должен вернуться? Уже семь дней прошло...

— Семь дней, — задумчиво повторил Фарамир. — Конечно, велика наша тревога за ушедших, но мне эти дни даровали радость и боль, которых я не ждал совсем. Мне радостно видеть вас, и больно от близости Тьмы, вот-вот грозящей оправдать своим приходом наши худшие опасения. Потому что именно теперь я, как никогда, страшусь конца этого мира, страшусь слишком скоро утратить то, что едва обрел.

— Что же вы обрели, Правитель? — Девушка в упор взглянула на Фарамира, и он впервые заметил в ее глазах промелькнувшую затаенную нежность. — Что можно найти, находясь все в тех же стенах, и о потере чего стоило бы сожалеть? Давайте уйдем отсюда. Мне холодно. Я только не знаю, откуда этот холод. Я словно снова стою на краю пропасти и, не смея обернуться, ожидаю решения своей судьбы.

— Все мы думаем сейчас о судьбе, — осторожно ответил Фарамир.

Им казалось, что ветер притих, а солнце в небе умерило свой блеск. Словно ранние сумерки среди дня пришли в Город, и глуше стали звуки на улицах, и птицы замолчали в лугах, и молодая листва замерла на деревьях; не стало слышно даже их собственного дыхания, даже биения сердец, словно замерло время. Их руки встретились и сплелись, но они не заметили и этого, застыв в напряженном ожидании неведомо чего. Им казалось, что над гребнями далеких гор медленно вырастает и встает над миром змеящаяся молниями по верхнему краю волна Тьмы. Стены Города вдруг мелко задрожали, а земли

вокруг слювно вздохнули судорожно, и только тогда Йовин с Фарамиром снова почувствовали стук сердец в груди.

— Это напоминает мне Нуменор,— произнес Фарамир и подивился звукам собственного голоса.

— Нуменор? — как-то растерянно переспросила Йовин.

— Да, Нуменор, прекрасную Эленну, поглощенную морем. Огромная волна поднялась тогда над холмами и зелеными равнинами, а перед ней катилась Тьма, и не было спасения. Мне часто снится конец Нуменора,— объяснил он.

— Ты думаешь, Тьма наступает снова? Тьма, Которой не Избежать? — Йовин внезапно приникла к плечу Фарамира.

— Нет, ведь это лишь образ, пришедший из сновидений,— мягко сказал Фарамир, заглядывая ей в лицо.— Я не знаю, как будет. Рассудок кричит мне о великом бедствии, о том, что мы стоим у конца времен, а сердце твердит — нет, и тело верит сердцу, ему легко, в нем надежда и радость вопреки всяким доводам. Йовин, Йовин, белый цветок Рохана! В этот час я не верю, что придет Тьма!

Он наклонился и поцеловал ее. Снова поднялся ветер. Он взвихрил и переплел их волосы, черные кудри Фарамира с золотыми локонами Йовин. Никакой тени не было и в помине, солнце сияло, освещая ясный мир и серебрясь в волнах Андуина. В домах люди запели от нечаянной радости, посетившей сердца, удивляясь самим себе и не находя причины.

После полудня с востока прилетел исполин-орел. Он принес наконец долгожданные вести. С неба несся громовой орлиный клекот.

Пойте, о люди Анорской твердыни,
Мир Саурона низвергнут навеки,
В прах обратилась Черная Башня!

Пойте же, люди Крепости — Стража,
Бдение ваше победе служило;
Сорваны, сломаны черные двери,
И воцарился на троне исконном
Победоносный Король!

Пойте, ликуйте, о Запада дети,
С вами Король ваш пребудет вовеки,
Мудрый, могучий и великодушный.

Мертвое дерево к жизни вернется,
И засияет возвышенным светом
Благословенный ваш край!

Пойте, о люди!

И люди пели на всех городских улицах.

А потом настали золотые дни. Весна в веселии передавала лету гондорские поля. От Кеир Андроса прискакали гонцы, и Город готовился к встрече Короля.

Мерри, не только выздоровевший, но и изрядно поздоровевший, отбыл с обозом к Осгилиату, а оттуда водой — к Кеир Андросу. Фарамир принял правление; хотя и недолгим ожидалось оно, но Правитель должен был подготовить страну к приходу Короля.

Йовин осталась в городе, чем немало удивила брата, звавшего ее на Кормалленское поле. Она по-прежнему жила в госпитале, снова побледнела и, единственная во всем Городе, имела вид печальный и недужный. Здесь и отыскал ее Фарамир.

— Йовин! Почему ты не в Кормаллене? Ведь Йомер присылал за тобой!

— Разве ты не догадываешься? — тихо спросила она.

— По крайней мере две причины могу я назвать, но какая верна, не знаю. Тебя позвал только брат, а ты ждала другого приглашения — это раз; другая причина в том, что я не поехал в Кормаллен, и ты решила остаться вместе со мной. Впрочем, допускаю, что виновны обе причины, и ты сама не знаешь, какая важнее. Йовин, ты не любишь меня или не хочешь любить?

— Я хотела бы, чтобы меня любил другой, — тихо, но твердо ответила она, — а жалости мне не нужно.

— Знаю, — кивнул Фарамир, — ты хотела бы любви Арагорна. Он велик и знатен, а ты стремишься к славе и презираешь обычные земные дела. Ты в восторге от него, как новобранец от ветерана с маршальским жезлом. Да, он великий вождь, величайший из ныне живущих. Тебе достались от него понимание и жалость, и тогда ты в обиде отправилась искать смерть в бою. Теперь посмотри на меня, Йовин!

Она подняла взор и долго смотрела в глаза Правителю.

— Не презирай жалости, подаренной благородным сердцем, Йовин! — воскликнул Фарамир. — Я не о своей жалости говорю. Ты, отважная, знатная Всадница, уже заслужила великую славу, и ты прекрасна так, что даже эльфийский язык не в силах описать твою красоту. Я люблю тебя, Йовин. Да, сначала при виде твоей скорби жалость пронзила мне сердце, но теперь в нем только любовь. И будь ты хоть Королевой Гондора, моя любовь не стала бы слабее. Любишь ли ты меня, Йовин?

И тогда сердце гордой девушки-воина дрогнуло и сбросило сковывавший его льдистый панцирь, словно пригретое летним солнцем.

— Я по своей воле осталась в Минас Аноре, Крепости Солнца, — звонко произнесла она, — и вот Тьма отступает! Я не хочу больше зваться щитоносцем Рохана и оспаривать боевую славу у великих Всадников. Я не хочу больше искать радости в боях и походах. Отныне я стану целительницей и буду любить все, что растет и плодоносит. — Она снова взглянула на Фарамира и тихо добавила: — И я не хочу быть Королевой Гондора.

Фарамир счастливо рассмеялся:

— Вот и прекрасно! Ведь я-то — не Король! Но, думаю, это не помешает мне взять в жены прекрасную дочь Рохана, если она того пожелает. За рекой, на цветущих землях Итилиена разобьем мы наш сад, и под твоими руками станет он пышно цвести и плодоносить.

— Значит, мне оставить народ мой ради знатного гондорца? — В глазах Йовин промелькнуло прежнее гордое выражение. — А о тебе станут говорить: «Вот, бывший Правитель укротил строптивую степную воительницу вместо того, чтобы выбрать среди дочерей Гондора»?

— Пусть говорят, что хотят, — беспечно ответил Фарамир. Он обнял девушку и поцеловал, нимало не заботясь о том, что стоят они на городской стене, на глазах всего Города. Действительно, многие видели их и дивились свету их лиц, когда они спускались рука об руку со стены.

Войдя к старшему Целителю, Фарамир сказал:

— Вот Йовин из Рохана. Она здорова.

— Тогда она больше не нуждается в нашей заботе, — ответил Целитель. — Я передаю ее на ваше попечение и желаю никогда не знать ран и болезней.

Но тут сама Йовин выступила вперед со словами:

— Теперь, когда мне можно уйти, я хотела бы остаться. В этом доме ко мне пришло счастье.

Она так и оставалась в госпитале до возвращения брата.

Город приготовился к торжеству. Отовсюду сходился и съезжался народ, ибо весть о победе и возвращении Короля прокатилась от Мин Риммона до Пиннат Гелина и дальних побережий. Женщины и дети вернулись домой с охапками цветов, из Дол Амрота прибыли самые искусные в стране арфисты, а из Лебеннинских долин — звонкоголосые певцы, флейтисты, трубачи.

И вот настал вечер, когда со стен можно было увидеть шатры, раскинутые по всему полю. Люди возле костров ждали рассвета.

Ясное утреннее солнце вставало над восточными горами, свободными от мрака. В Городе звонили колокола, реяли знамена. На Белой Башне в последний раз был поднят стяг Правителей, белый, как снег на солнце, без гербов и девизов.

Войска шли к городу, и народ смотрел, как они идут, колонна за колонной, блестя на солнце вооружением. Они подошли к Воротам и остановились в фарлонге от них. В проеме стояли воины в черных с серебром доспехах, с обнаженными длинными мечами. Возглавляли почетную стражу Фарамир Правитель, Хурин Хранитель Ключей и с ним другие вожди Гондора. Здесь же были Йовин, Эльфхельм и Всадники Рохана, а по обе стороны Ворот теснились толпы народа в разноцветных одеждах, с гирляндами цветов.

Перед Воротами оставалось большое свободное пространство, со всех сторон окруженное рыцарями и воинами Гондора, Рохана, горожанами и людьми, съехавшимися со всех концов страны. Все смолкло, когда из рядов подошедшей армии выступили Следопыты-северяне, одетые в серое с серебром. Их отряд возглавлял Арагорн. На нем была черная кольчуга с серебряным поясом и длинный белоснежный плащ, скрепленный у горла пряжкой с большим сияющим зеленым камнем. Он шел с непокрытой головой. Волосы охватывал легкий серебряный обруч, поддерживавший лучистую звезду. Рядом шагали Йомер из Рохана, князь Имрахиль, Гэндальф и четверо низкорослых воинов. Многие из собравшихся с удивлением рассматривали их.

— Нет, сестра моя, это не мальчики, — говорила стоявшая в толпе целительница Иорет своей родственнице, — это периане, они из далекой страны Полурослико в. Говорят, они были там прославленными вождями. Это точно. Я ходила за одним из них в госпитале. Ты не смотри, что они ростом не вышли, других таких воинов поискать. У нас говорят, что двое из них побывали в Стране Мрака, сражались там с Темным Властелином и — поверишь ли! — разрушили Черную Крепость. Они большие друзья с нашим Эльфинитом. А уж он-то как хорош! В обращении не очень ласков, знаешь ли, но сердце у него золотое. И он исцеляет одним прикосновением! «Руки Короля — руки целителя», сказала я, и с этого все началось. А Митрандир сказал тогда: «Иорет, люди долго будут помнить твои слова...»

Но ей не пришлось больше поучать свою приезжую родственницу. Над полем запела труба, и настало мертвое молчание. Тогда от Ворот двинулся Фарамир, его сопровождал Хурин Хранитель Ключей, а за ними следовали четверо воинов в высоких шлемах и вооружении Цитадели. Они несли большой окованный серебром ларец из черного дерева лебетрен.

Фарамир встретился с Арагорном, преклонил колено и произнес:

— Последний Правитель Гондора просит соизволения сложить с себя права. — Он протянул белый жезл.

Арагорн принял жезл и тут же вернул со словами:

— Служба твоя не кончена. Она остается на тебе и на твоих наследниках, пока длится мой род. Делай как должно!

Фарамир поднялся и звучно произнес:

— Люди Гондора! Слушайте Правителя! Пришел человек, предъявляющий права на титул Короля. Вот он, перед вами. Это Арагорн, сын Арахорна, князь дунаданов Арнора, предводитель войск Стран Запада, носитель Звезды Севера, обладатель Возрожденного Меча, непобедимый в битве, исцеляющий прикосновением, Эльфинит, Элессар из рода Валендила, сына Исилдура и внука Элендила из Нуменора. Быть ли ему Королем над вами, войти ли в Город, править ли на древнем престоле?

И весь народ, и все войска хором вскричали: «Да!» А Иорет сказала своей родственнице:

— Это, сестрица, просто обряд такой. Он ведь уже был в Городе-то, и сказал мне... — Тут ей снова не дали договорить. Фарамир продолжал:

— Люди Гондора! По древним обычаям, сын принимает венец из рук отца. Я вынужден нарушить обычай. Я, законный Правитель Гондора, сам принес из Рат Динен Венец Эарнура, последнего Короля, ушедшего еще при наших прадедах!

И тут воины выступили вперед. Фарамир открыл ларец и достал оттуда Венец Королей Гондора. Видом он был похож на шлемы стражей Цитадели, но выше, и он был весь белый, а серебряные и жемчужные крылья по обе стороны походили на крылья морской птицы — древний символ Королей, Пришедших из-за Моря. В его обруче сверкали семь алмазов, а на вершине — один камень, горевший, словно пламя.

Арагорн взял Венец, высоко его поднял и внятно произнес:

— *Эт Эарелло Эндоренна утулиен. Синоме маруван ар Хилдиниар тенн Эмбар-метта!*

Это были те самые слова, с которыми Элендил пришел из-за Моря на крыльях ветра: «Из Великого Моря пришел я в Средиземье. Здесь буду жить я и мои наследники до скончания мира».

Но, к изумлению собравшихся, Арагорн не стал надевать Венец, а вернул его Фарамиру со словами:

— Трудами и отвагой многих пришел я к этой минуте. Я прошу Хранителя взять Венец и отдать Митрандиру. Пусть самый мудрый из нас, кому по праву принадлежит честь победы над Врагом, решит, как поступить с этим символом власти.

Фродо, невольно затрепетав, принял Венец из рук Фарамира и подал Гэндальфу, а потом Арагорн преклонил колено, и Гэндальф увенчал его со словами:

— Настали дни Короля, да будут они благословенны, пока стоят троны Валаров!

Общий вздох пронесся по толпе. Арагорн встал. Собравшиеся глядели на него в молчании, ибо им показалось, что сейчас они видят его впервые. Он был высок ростом, как древние вожди, — выше всех окружающих, и одновременно казался и древним и юным, мудрым, светлым и могущественным. Фарамир вскричал:

— Вот подлинный Король!

Снова запели трубы. Король Элессар подошел к Воротам, и Хранитель Ключей с поклоном пропустил его. Новый правитель под звуки арф, виол и флейт, под звонкоголосое пение шел по усыпанным цветами улицам к Цитадели, и, когда он вступил на порог, на самой верхней башне было поднято знамя с Древом и Звездами.

Так началось правление Элессара, о котором сложено множество легенд и песен. При нем Город расцвел, как никогда.

Улицы украсились деревьями и фонтанами, Ворота из мифрила тускло сверкали, тротуары замостили белым мрамором. В Городе работали гномы, часто наведывались эльфы. Все были здоровы и в достатке, в домах зазвенел детский смех, и не было больше ни слепых окон, ни пустых подворий. А когда эта Эпоха миновала и началась следующая, то и в ней сохранилась память о славе и блеске минувших дней.

Во дни, последовавшие за коронацией, Король сидел на троне в Зале Королей и вершил дела страны. От многих народов прибыли послы — с Востока и с Юга, от границ Сумеречья и из Дунгарского края на западе. Король простил покорившихся вастаков и отпустил их с миром, он заключил мир с народом Харада; он освободил рабов Мордора и отдал им все земли вокруг озера Нурнон. Тогда же предстали перед ним многие, доблестью своей заслужившие хвалу и награду, а последним начальник Стражи привел на суд Берегонда.

И Король сказал:

— Берегонд, твой меч запятнал кровью древнее Святилище. Ты покинул пост без разрешения Правителя или начальника Стражи. В древности за эти поступки расплатой была смерть. Сейчас я решаю твою судьбу.

Ты искупил вину доблестью в битве, искупил с лихвой, потому что вела тебя любовь к Правителю Фарамиру. Но Стражем тебе не быть и в Минас Тирите не жить больше...

Кровь отхлынула от лица Берегонда. Пораженный до глубины души, он низко опустил голову, а Король меж тем продолжал:

— ...потому что ты входишь отныне в состав Белого Отряда, личной гвардии Фарамира, Князя Итилиена. Ты назначаешься начальником Стражи и будешь жить на Эмин Арнен в чести и мире, служа тому, ради кого рисковал всем.

Берегонд, снова потрясенный, но теперь уже великодушием и справедливостью Короля, опустившись на колени, поцеловал ему руку и ушел радостный. Арагорн даровал Фарамиру во владение Итилиен и просил стать защитой Городу.

— Ибо, — сказал он, — Минас Итиль в Моргульской долине должен быть разрушен до основания. Когда-нибудь очистится и этот край, но еще долгие годы ни один человек не сможет жить там.

Последним из всех Арагорн призвал Йомера, обнял его и сказал:

— Нам ли говорить о дарах и наградах, ведь мы братья отныне. В счастливый час пришел Йорл с Севера, и не было среди народов более благословенного союза. Ни один из наших народов ни разу не подвел другого. Теоден Прославленный покоится в усыпальнице в нашем святилище. Оставишь ли ты его в покое или решишь перенести тело в Рохан, к его народу?

И Йомер ответил:

— С того дня, как ты вырос передо мной из зеленой травы, я люблю тебя, и любовь эта не кончится никогда. Но сейчас я должен вернуться к себе, страна моя нуждается в присмотре и уходе. Что же до павшего короля — мы вернемся за ним, когда все будет готово. Пока же пусть покоится здесь.

И Йовин сказал Фарамиру:

— Отпусти и меня с братом, мой повелитель. Я хочу еще раз повидать свою страну и помочь в трудах Йомеру. Но когда тот, кто был мне вместо отца, обретет вечный покой, я вернусь.

Так шли дни. В восьмой день мая Всадники Рохана собрались и уехали, вместе с ними ушли и сыновья Элронда. Вдоль всей дороги от самых городских Ворот до Пеленнорских стен стояли люди, воздавая им почести и провозглашая хвалу. Потом отправились по домам и те, кто пришел издалека. А в Городе трудолюбивые руки строили, возрождали, убирали следы войны и стирали память о Тьме.

Хоббиты вместе с Леголасом и Гимли все еще гостили в Минас Тирите. Арагорн не хотел, чтобы Братство Кольца распалось так сразу.

— Конечно, когда-нибудь все кончается,— говорил он,— но я просил бы вас задержаться здесь еще ненадолго. Не настал еще конец событиям, в которых все вы приняли участие. Близится день, которого я ждал долгие годы, и встретить его мне хотелось бы в окружении друзей.

Однако он так и не сказал, чего именно надо ожидать.

Все это время члены Братства Кольца жили вместе с Гэндальфом в прекрасном доме и бродили где вздумается. Однажды Фродо спросил Гэндальфа:

— Как ты думаешь, какого именно дня ждет Арагорн? Нам здесь хорошо, и уходить не хочется, но дни бегут, а там Бильбо ждет, и потом, дом-то мой — в Шире.

— Что до Бильбо,— степенно произнес Гэндальф,— он ждет того же дня и знает, что тебя держит здесь. Конечно, дни бегут, но сейчас только май, лето еще не наступило, и, хоть многое переменилось, будто целая Эпоха ушла в прошлое, для листьев и травы не прошло и года с тех пор, как ты ушел из дома.

— Пиппин,— сказал Фродо,— не ты ли говорил, что Гэндальф теперь не такой скрытный, как раньше? Это он, видно, притомился на время, а сейчас отдохнул и снова за свое принялся.

Гэндальф усмехнулся:

— Многим хочется знать заранее, что подадут к столу; а тем, кто готовил пир, хочется сохранить блюда в секрете. Удивление радости не помеха. Арагорн и сам ожидает знака.

Вскоре Гэндальф куда-то запропал. Хоббиты удивлялись, а маг, не сказав никому ни слова, вместе с Арагорном ночью

ушел из Города. Он привел Короля к южному подножию Миндоллуина. Отсюда начиналась тропа, проложенная в давние времена, теперь мало кто осмеливался ходить по ней. Она вела через перевал в заповедное ущелье, куда дорога простым смертным заказана. Путники долго пробирались по крутизне, пока не вышли на высокогорное плато у самой кромки снегов. Здесь они остановились и огляделись. Наступало утро. Далеко внизу, как белые столбики, тронутые солнцем, виднелись башни Города; похожая на предрассветный сад, лежала перед ними вся долина Андуина, а Хмурые Горы окутывала золотистая дымка. За серыми скалами Эмин Майл далекой звездочкой блеснул Рэрос, а с другой стороны к Пеларгиру протянулась лента реки. На самом краю земли разливался бледный свет — там было море.

Гэндальф негромко произнес:

— Вот твое королевство. Оно станет сердцем Западного Мира. Третья Эпоха кончается, на смену ей приходит новая. Твоя задача — положить ей начало и сохранить то, что удастся. Да, спасено многое, но многое и ушло, а многое еще уйдет. Кончается сила Трех Колец. И все эти земли, — маг широко повел рукой, — станут Домом Людей. Наступает их время, а Старшему Народу предстоит уйти.

— Я давно знаю это, мой друг, — сказал Арагорн, — и хотел с тобой посоветоваться...

— Я уже не даю советов, — остановил его Гэндальф. — Я принадлежу Третьей Эпохе. У меня был враг — Саурон Темный. Теперь конец моим трудам. Я скоро уйду, и бремя ляжет на твои плечи.

— Но ведь и мне предстоит умереть, — сказал Арагорн. — Я смертный, хоть и принадлежу к расе Запада. Да, я проживу дольше многих, и все же — так недолго! Мне придется встретить старость вместе с теми, кто только собирается сегодня появиться на свет. Кто тогда будет править Гондором? Кому передам я власть, если Дерево во дворе у фонтана все еще мертво? Увижу ли я знак перемены моей судьбы?

— Увидишь, если отвратишь взор от зелени мира и обратишься к чистому холоду снегов! — торжественно произнес Гэндальф.

Арагорн обернулся. Позади, выше того места, где они стояли, у самой кромки вечных снегов что-то зеленело на белом фоне. Арагорн быстро вскарабкался по склону и увидел стволик молодого деревца не выше трех футов. На нем уже распустились длинные изящные листья, темные сверху и серебристые снизу, а в небольшой кроне снежно белела единственная гроздь цветов.

— *Ие! Утувениес!* — вскричал Арагорн. — Я нашел его! Вот побег Древнейшего из Деревьев! Но как он оказался здесь? Ему не больше семи лет от роду.

Подошел Гэндальф, посмотрел и сказал:

— Поистине, это продолжение прекрасного рода Нимлот, берущего начало из семени Галатилиона, чей предок — Телперион, Древнейшее из Дерев. Кто знает, почему оказался этот росток именно здесь и сейчас? Мы с тобой стоим на месте древнего святилища. Прежде чем прервался род Королей и Дерево при дворе засохло, здесь, должно быть, оставили плод. Говорят, они редко вызревают, но жизненные силы могут долго спать внутри плода, и никому не предсказать миг их пробуждения. Помни это. Ибо если плод созреет, он должен быть посажен, иначе это дерево навсегда исчезнет из мира. Долго лежал он здесь, в горах, втайне ото всех, подобно роду Элендила, таившемуся в запустении севера, с той лишь разницей, что род Нимлот куда древнее твоего, Король Элессар.

Арагорн осторожно взял росток. Он, казалось, едва держался за землю и легко отделился от тонкого слоя почвы. Арагорн перенес его в Цитадель. Потом выкопали засохшее Дерево, но не сожгли, а с почетом положили ствол отдыхать в тиши Рат Динен. И Арагорн посадил новое дерево во дворе у фонтана, оно быстро и радостно пошло в рост, а к началу июня уже покрылось цветами.

— Вот я и получил знак, — сказал тогда Арагорн, — близится мой день. — И он послал дозорных на стены Цитадели.

В канун Дня Середины Лета в Город прибыли гонцы из Амон Дина, они рассказали, что видели отряд благородных всадников, приближающийся с севера к Пеленнору.

Арагорн воскликнул:

— Наконец-то! Пусть Город готовится к встрече!

Вечером того же дня, когда небо стало синим, как сапфир, когда на востоке зажглись первые звезды, а запад еще оставался золотым, всадники подъехали к Воротам Минас Тирита. Впереди скакали Элладан и Элрохир с серебряным знаменем, за ними — Глорфиндейл, Эрестор и эльфы Дольна, а следом, на белых конях, — прекрасная Галадриэль и Келеберн, Владыки Лотлориена, и с ними многие лориенские эльфы в серых плащах, с сияющими самоцветами в волосах. Последним ехал мудрый Элронд — славнейший среди людей и эльфов. Рядом с ним на сером иноходце скакала Арвен, его дочь, Вечерняя Звезда своего народа.

Когда Фродо увидел ее, мерцающую в сумерках, со звездами на челе, он долго молчал, а потом сказал Гэндальфу:

— Теперь я понимаю, почему мы медлили здесь и чего ждали! Вот завершение всему. Теперь не только дни будут прекрасными, но и ночи — благословенными, и все ночные страхи исчезнут.

Король приветствовал своих гостей, и они спешились. Элронд подвел Арвен и вложил руку дочери в руку Арагорна. Все вместе они вошли в Цитадель, и звезды проступили в небе над Гондором.

Так Арагорн, Король Элессар, взял в жены Арвен Ундомиэль, и случилось это в городе Королей, в канун Середины Лета. Так завершилась история многотрудного ожидания Короля.

Глава 6
ВСТРЕЧИ. РАЗЛУКИ

Дни ликования кончились, и Фродо все чаще бывал задумчив. Однажды он встретил Короля и прекрасную Арвен у фонтана под цветущим деревом; они встали, чтобы приветствовать его, и Арагорн сказал:

— Я знаю, ты думаешь о возвращении домой. Что ж, дорогой друг, дерево растет лучше всего на родине. Я не стану удерживать тебя, но хочу, чтобы ты помнил: во всех странах Запада ты — всегда желанный гость.

— Да, мне пора возвращаться, — кивнул Фродо, — только по дороге я хотел бы заехать в Дольн. Очень хочется повидать Бильбо. Я думал, он приедет вместе с Элрондом, но его нет.

— Не удивляйтесь этому, Хранитель. — Голос Арвен прозвучал подобно музыке. — Вам знакома сила того, что теперь уничтожено. Ныне все, что было сделано с помощью этой силы, исчезает. Ваш родич долго прожил под его властью. Теперь он уже очень стар, и ему предстоит только одно путешествие...

— Тогда, — запинаясь, сказал Фродо, — я прошу разрешения покинуть страну как можно скорее.

— Мы отправимся через неделю, — сказал Арагорн. — Я провожу тебя до границ Рохана. Через три дня приедет Йомер, он собирается перевезти на родину прах Теодена, и мы вместе будем сопровождать его. Да, и еще, пока ты не ушел, — я утвердил решение Фарамира. Твое право свободно посещать любые области Гондора в любое время остается за тобой. И за твоими друзьями тоже. — Он помолчал, потом положил руку на плечо Фродо и сказал: — Мне нечем одарить тебя по достоинству, но что бы ты ни попросил, я все постараюсь сделать. И поедешь ты с почестями, как пристало великому герою.

Арвен добавила:

— А вот у меня есть для вас кое-что. Вы знаете: я — дочь Элронда. Когда настанет его час отправляться в Серебристую Гавань, я не буду сопровождать его. Мой выбор сделан. Я остаюсь с людьми, на радость или горе, как некогда осталась Лучиэнь. Так вот, я дарю вам мое право отправиться в Серебристую Гавань вместо меня, конечно, если таково будет ваше желание, славный Хранитель.

Если вас еще тревожат раны и память о тяжком бремени давит на сердце, уходите на Запад. Там излечатся раны и растает усталость. Вот, возьмите в память об Эльфините и Вечерней Звезде, с судьбами которых переплелась ваша судьба. — Она сняла с шеи сияющий звездным светом камень на серебряной цепочке и протянула хоббиту. — Он поможет вам выдержать воспоминания о страхах и тьме.

Через три дня в Город прибыл Йомер, Правитель Рохана, со свитой из лучших Всадников. Ему был оказан торжественный прием, и на пиршестве во Дворце Королей его поразила красота Галадриэль и Арвен. Перед тем, как уйти в опочивальню, он разыскал Гимли и обратился к нему со словами:

— Позвольте узнать, благородный Гимли, при вас ли ваш топор?

— Нет, благородный вождь, — ответил Гимли, — но за ним недолго сбегать, если понадобится.

— Судите сами, — сказал Йомер. — Между нами еще лежат кое-какие поспешные слова, касающиеся Волшебницы из Золотого Леса. Теперь я видел ее собственными глазами.

— И что же вы скажете? — спросил Гимли.

— Увы! — вздохнул Йомер. — Я не скажу, что она — самая прекрасная в мире.

— Ну, так я сбегаю за топором, — невозмутимо откликнулся гном.

— Простите, я еще не кончил, — остановил его Йомер. — Если бы я встретил Владычицу Лориена в другом окружении, то согласился бы с вами мгновенно. Но когда рядом с ней прекрасная Арвен, я готов биться со всяким, кто не признает ее превосходства! Вот теперь я кончил. Ну что идти за мечом?

Гимли низко поклонился.

— Не надо мечей. Я прощаю ваши слова, доблестный Йомер. Вам по душе Вечер, а мое сердце отдано Утру. Жаль только, что Утро уходит и скоро уйдет навсегда.

И вот настал наконец день отъезда. Правители Гондора и Рохана вместе вынесли останки Теодена из усыпальницы и, положив на золотые носилки, в молчании пронесли по Городу. У Ворот носилки поставили на колесницу, окруженную Всадниками. На колеснице, с мечом и щитом павшего Правителя, сидел Мерри. Оруженосец Теодена провожал своего повелителя в последний путь.

В свите Арагорна были Фродо, Сэм и Гэндальф. Пиппин ехал вместе с рыцарями Гондора, а Леголас, как всегда, взял с собой на седло Гимли.

С ними отправилась и Королева Арвен, и Келеберн, и Галадриэль с галадримами, и Элронд с сыновьями; уходили также князья Дол Амрота и Итилиена, ведя свои дружины.

Ни одного Короля Рохана не сопровождал столь почетный эскорт, как Теодена, сына Тенгеля, возвращавшегося на родину.

Неспешно достигла процессия Анориена, а когда приблизилась к Лесу Друадан, до слуха донесся гул барабанов, хотя никого живого кругом не было видно. Тогда Арагорн велел трубачам протрубить в трубы, и герольды возгласили:

— Король Элессар отдает Лес Друадан в вечное владение Лесным Людям. Отныне никто не властен войти в этот лес без их дозволения!

И тогда барабаны загремели, как гром, а потом разом смолкли.

После пятнадцатидневного пути погребальный поезд прибыл в Эдорас. Их встретили Золотые Палаты, украшенные прекрасными гобеленами, и там состоялся пир, пышнее которого не помнила столица Рохана. Три дня готовились рохиррим к погребению Короля. Его положили в склеп вместе с оружием и множеством других ценных вещей, а над ним насыпали курган, быстро поросший зеленой травой и белыми звездочками Вечной Памяти. Теперь с восточной стороны дороги высились восемь курганов.

Всадники из королевского дома на белых конях скакали вокруг кургана и пели песню о Теодене, сыне Тенгеля. Менестрель Глеовайн сложил ее, и с тех пор он не складывал больше песен. Даже те, кто не знал языка страны, были взволнованы медленным торжественным напевом, а рохиррим слушали песню с горящими глазами, и словно воочию гремели вдалеке на севере копыта, и голос Йорла разносился над полем битвы при Келебранте; а предание о королях уводило все дальше, и рог Хельма звучал в горах, и вот пришла Тьма, и восстал Король Теоден, и сквозь Тень поскакал в огонь, и умер в величии, когда утреннее солнце осветило склоны Миндоллуина.

Без сомнений, без печали, в пламенеющем рассвете
Он скакал навстречу солнцу с песней звонкой на устах;
Мчался, меч не обнажая, с возрожденною надеждой,
И с надеждою ушел он, — чтобы на века остаться
В скорбной песне, гордой славе, долгой памяти людской...

Мерри плакал, стоя у подножия кургана.

— Прощайте, Теоден, — прошептал он, когда песнь кончилась. — Вы были для меня отцом, хоть и недолго. Прощайте!

Когда церемония завершилась, и стих женский плач, и Теоден наконец обрел покой, люди собрались в Золотых Палатах на тризну. Теоден дожил до старости и погиб, стяжав славу, равную ратной славе великих предков. И когда, по обычаю Рохана, настало время выпить в память королей, вперед высту-

пила Йовин, золотая, как солнце, и белая как снег, и протянула Йомеру наполненную чашу.

Тогда встал менестрель и мудрец. Он назвал поименно всех королей Рохана: Йорла Юного, и Брего, строителя дворца, и Элдора, брата несчастного Балдора, и Фрея, и Фревайна, Толдвайна, Дйорга, и Грэма, и Хельма, укрепившегося в Хельмовой Пади в темные дни Рохана; так поднялись на западной стороне дороги девять курганов, ибо в эту пору пресекся род, и после курганы насыпали уже напротив; Фреалаф, сын сестры Хельма, покоился там, и Леоф, и Вальд, и Фолк, и Фолквайн, и Фенгель, и Тенгель, а последний из них — Теоден. И когда прозвучало имя Теодена, Йомер выпил чашу. Йовин попросила слуг наполнить все кубки, и собравшиеся стоя пили за нового Короля под возгласы:

— Привет тебе, Йомер, Король Рохана!

В конце пира Йомер поднялся и сказал:

— На тризне Короля Теодена я хочу сообщить вам радостную весть. Знаю, это против обычая, но уверен: Король Теоден не осудил бы меня, потому что всегда был для сестры моей Йовин вместо отца. Слушайте же, высокие гости, благородный народ из разных стран, никогда прежде не собиравшийся в этом дворце! Фарамир, Правитель Гондора и Князь Итилиена, просит руки Йовин с ее согласия. Молодые готовы предстать перед вами.

Фарамир и Йовин выступили вперед. Соединив их руки, Йомер сказал:

— Пусть это будет залогом еще более тесной дружбы между Роханом и Гондором!

Арагорн первым поздравил их и обернулся к Йомеру.

— Вы щедры, Король Йомер, коли отдаете Гондору лучшее сокровище Рохана.

Йовин взглянула ему прямо в глаза:

— Пожелай мне счастья, мой вождь и исцелитель.

— Я пожелал тебе счастья в тот миг, когда увидел тебя, — ответил он. — Твоя радость — радость и для меня.

После празднества отъезжавшие простились с остающимися. Арагорн со своими рыцарями, хоббиты и эльфы из Лориена и Дольна были уже готовы к отъезду. Фарамир и Имрахиль оставались в Эдорасе. Оставалась и Арвен. Она простилась с отцом и братьями, но никто не видел этого прощания. Горьким было оно, так как расставались отец и дочь до конца времен.

Йомер с сестрой сердечно простились с Мерри, желая ему всяческого счастья и приглашая к себе как друга. Они предлагали ему богатые подарки, но он не захотел взять ничего, кроме оружия, которое получил в Рохане. От Йовин он все же принял серебряный на зеленой перевязи рог, украшенный изображениями скачущих коней.

— Рог сделан в древности руками мастеров из Подгорного Царства, — сказала она, — издавна он передавался по наследству в нашем Доме. Когда-то им владел Йорл Юный. Звуки этого рога вселяют страх во врагов, а в сердца друзей — радость и силу. Пусть этот подарок напоминает тебе о Дернхельме и пении других рогов, звучавших на рассвете на Пеленнорской равнине.

Мерри принял подарок и поцеловал ей руку, а они обняли его. На том он и расстался с ними.

Из Эдораса Арагорн и его спутники отправились в Хельмову Падь и пробыли там два дня. Леголас исполнил обещание, данное Гимли, и они вместе побывали в Мерцающих Пещерах; но когда они вышли оттуда, эльф был молчалив и на все вопросы ответил только, что он не может найти слов и передать увиденное.

— Слыханное ли дело, чтобы у эльфа не нашлось слов, — добавил он, качая головой. — Но посмотрим, что будет, когда мы побываем в Лесу Фангорна.

На пути отряд Арагорна сделал остановку и Изенгарде, чтобы полюбоваться делами энтов. От кольца стен вокруг Ортханка не осталось ни следа; все пространство внутри было превращено в сад, а вокруг башни стояло чистое, спокойное озеро, в котором она отражалась, как в зеркале. С того места, где были когда-то ворота, они любовались садом и озером с башней. Здесь их и нашел старый Фангорн.

— Добро пожаловать! — пророкотал он. — Я знал, что вы идете, но заработался в верховьях ущелья, там еще много дел. А вы даром времени не теряли. Я слыхал кое-что, кхм, кхм, и все, что я слышал, хорошо, весьма хорошо.

Некоторое время (не очень маленькое) Древобород посвятил восхвалению их подвигов, о которых знал, похоже, все. Наконец он остановился и задумчиво поглядел на Гэндальфа.

— Ну, выкладывай! — потребовал он. — Могуч ты оказался, и труды твои завершились успешно. Куда путь держишь? Зачем к нам пожаловал?

— Посмотреть на твои труды, старый друг, — усмехнувшись в бороду, ответил Гэндальф, — и поблагодарить за помощь во всех наших делах.

— Хуум, ну, так оно и есть, — несколько смущенный, сказал Древобород. — Это точно. Энты внесли свою лепту. Мы не только разобрались с этим — хуум! — этим проклятым древоубийцей. Было великое нашествие этих — барарум! — этих злобноглядящих-чернопуких-кривоногих-жестокосердных-загребущих-смердящих кровопийц, моримайте-синкахонда — хуум! — ну, вы-то — торопливый народ, а их полное имя длинно, как годы мучений, в общем, этих тварей — орков. Они перешли Реку, спустились с севера, окружив лес Лаурелиндоринен. Войти в

него они, конечно, не смогли благодаря Великим, живущим там. — Старый энт с достоинством поклонился Владыкам Лориена. — Эти самые мерзкие твари сильно удивились, когда встретили нас в степях, они ведь и не слыхали о нас раньше, как, впрочем, и более достойные народы, хум, хм. Да, так вот, они о нас не знали, да и впредь помнить не будут, потому что мало кому из них удалось уцелеть. Но для вас это было хорошо, потому что если бы не мы, то Король травяной страны не ушел бы далеко, а если бы и ушел, у него могло бы не оказаться дома, куда можно вернуться.

— Мы знаем, — сказал Арагорн, — и ни в Минас Тирите, ни в Эдорасе никогда не забудут об этом.

— «Никогда» — слишком долгое слово даже для меня, — проворчал Фангорн. — «Пока живут ваши королевства», ты это хотел сказать; впрочем, они будут жить достаточно долго даже для энтов.

— Начинается Новая Эпоха, — негромко сказал Гэндальф, — может статься, королевства людей переживут тебя, друг мой Фангорн. Но скажи-ка мне: как вы справились с вашей задачей? Что поделывает Саруман? Ему еще не надоел Ортханк? Вряд ли он в восторге от нового вида из окон, созданного твоими стараниями.

Древобород кинул на Гэндальфа долгий взгляд — очень хитрый взгляд, подумал Мерри.

— А! — сказал он. — Я так и думал, что ты до этого доберешься. Надоел Ортханк? Под конец очень надоел. Не столько башня, сколько мой голос. Хуум! Я тут подолгу с ним беседовал, по-вашему «подолгу», конечно.

— А он слушал? Ты ходил в Ортханк? — быстро спросил Гэндальф.

— Ху-ум, нет, не в Ортханк! Это он подходил к окну и слушал, откуда еще новостей-то набраться... Правда, сами новости ему не нравились, но он был рад, что хоть какие-то есть. К новостям я еще много чего добавлял, о чем ему стоило бы подумать и раньше. Да, он очень устал. Он весь такой торопливый... Это было его слабым местом.

— Я примечаю, друг мой, — сказал Гэндальф, — твои старания подчеркнуть «жил», «был», «устал». А как сейчас? Он что, умер?

— Нет, живой, насколько я знаю, — преувеличенно бодро ответил Древобород. — Но он... ушел. Да, ушел, дней семь назад. Я отпустил его. От него мало что осталось, когда он выполз наружу, а от этого червя при нем осталась лишь бледная тень. Не напоминай мне, Гэндальф, что я обещал стеречь его, я и сам знаю. Но с тех пор многое изменилось. Я и стерег. Он никому не смог причинить вреда. Но тебе известно, как ненавистно мне держать в клетке живые создания, даже таких злодеев можно сажать туда только в самом крайнем случае. Змея без зубов может ползти куда хочет.

— Может, ты и прав, — не очень уверенно произнес Гэндальф, — но один зуб у этой змеи, похоже, остался. В его голосе — яд, и сдается мне, он сумел заговорить даже тебя, Древобород, сыграв на твоем мягкосердечии. Ну, раз ушел, так и говорить больше не о чем. Значит, Ортханк возвращается к Королю. Может быть, правда, он ему не понадобится...

— Там видно будет, — сказал Арагорн. — Отныне эта долина принадлежит энтам, пусть поступают с ней, как знают, лишь бы никто не входил в Ортханк без моего позволения.

— Ортханк заперт, — заметил Древобород. — Я заставил Сарумана запереть башню и отдать ключи. Они у Скородума.

Скородум, стоявший рядом, склонился, как дерево под ветром, и протянул Арагорну два больших черных ключа замысловатой формы, соединенных стальным кольцом.

— Примите мою благодарность, — поклонился в ответ Арагорн. — А теперь я прощаюсь с вами. Пусть лес ваш снова растет в мире. Когда он заполнит эту долину, можно будет перебраться и на запад от гор, вы ведь некогда бродили там...

Лицо Древобородa стало печальным.

— Может, леса и разрастутся, — проскрипел немножко деревянный голос, — но не энты. У нас нет детей.

— Продолжайте поиски, — посоветовал Король. — Теперь земли на востоке снова открыты для вас.

Но Древобород покачал головой.

— Далеко идти. Там теперь слишком много Людей. Но я забыл о приличиях! Не остановитесь ли вы отдохнуть у нас? А может быть, кому-нибудь было бы приятно пройтись Лесом Фангорна и сократить путь домой? — И он взглянул на Келеберна и Галадриэль.

Но все, кроме Леголаса, поблагодарив, отказались. У каждого была своя дорога.

— Идем со мной, Гимли, — позвал Леголас. — Ты увидишь в Лесу Энтов такие деревья, каких больше нет в Среднеземье. Вот тебе случай сдержать обещание, а заодно и скрасить мне путь до Сумеречья.

Гимли согласился, хотя, кажется, без особого энтузиазма.

— Ну, вот и расходится наш отряд, — вздохнул Арагорн. — Но я надеюсь, что скоро вы вернетесь ко мне с помощью, которую обещали.

— Придем, если позволят наши Правители, — степенно ответил Гимли. — Ну, прощайте, мои добрые хоббиты! Теперь вы благополучно вернетесь домой, и мне больше не придется не спать по ночам из-за вас. Мы будем посылать вести друг другу, но боюсь, нам уже никогда больше не собраться вместе, вот как сейчас. Прощайте!

Древобород распрощался с каждым по очереди и трижды низко, с глубоким почтением, поклонился Келеберну и Галадриэль.

— Давно, очень давно не встречались мы ни у корня, ни у камня. *А ванимар, ванималион ностари!* — сказал он. — Печальна наша встреча на закате, ибо мир меняется. Я чувствую это по воде, я чувствую это в земле, я чую это в воздухе. Вряд ли нам суждено встретиться снова.

— Не знаю, Старейший, — только и ответил Келеберн.

А Галадриэль сказала:

— Не в Среднеземье, и не раньше той поры, когда земли, что сейчас лежат под волнами, поднимутся к солнцу. Тогда по весне в ивовых рощах Тазаринана мы сможем встретиться вновь. Прощай!

Последними прощались со старым энтом Мерри и Пиппин. Древобород повеселел, взглянув на них.

— Ну, веселый мой народец, — промолвил он, — не хотите ли выпить со мной еще по глоточку на дорожку?

— Не откажемся, — храбро ответили хоббиты, и тогда Фангорн отвел их в тень одного из деревьев. Там стоял большой каменный кувшин. Энт наполнил три кубка, и они пили и видели лукавый глаз, поглядывающий на них поверх края.

— Осторожнее, осторожнее, — посоветовал энт. — Вы и так уже подросли за это время, что мы не виделись.

Они рассмеялись и осушили кубки.

— Ну, до свидания! — сказал Фангорн. — И не забудьте: если где услышите новости о женах энтов, дайте мне знать.

Он помахал им вслед руками и скрылся за деревьями.

Дальше всадники направились к Гриве Рохана. Там, где Пиппин смотрел когда-то в Камень Ортханка, Арагорн простился с ними. Хоббитам тяжело было расставаться с таким другом. Они столько прошли вместе...

— Я постараюсь приглядывать за вами, — пообещал Арагорн.

— Хотелось бы и мне иметь такой камень, — вздохнул Пиппин.

— Вряд ли тебе захочется заглядывать в Палантир Минас Тирита, — усмехнулся Арагорн, — но Палантир Ортханка — у меня, а ты, как мне помнится, рыцарь Гондора. Никто не освобождал тебя от этой службы. Сейчас ты в отпуске, но можешь снова понадобиться мне. А вас, дорогие друзья, — добавил он, улыбаясь, — я прошу помнить, что мой народ живет на севере, и когда-нибудь я побываю там.

Потом Арагорн простился с Келеберном и Галадриэль. Владычица пожелала ему счастья и мудрости, а Келеберн сказал:

— Прощайте, Эльфинит. Пусть ваша судьба будет лучше моей и пусть ваше сокровище навсегда останется с вами!

На этом они расстались. Был час заката, и когда хоббиты обернулись, то увидели Короля Запада, стоявшего на холме в окружении своих рыцарей. В закатном огне доспехи сияли золотом, а белый плащ Арагорна бился на ветру, как пламя. Про-

щаясь, Арагорн поднял над головой руку с зеленым камнем, и в сумерках над ним просияла яркая зеленая звезда.

Вскоре изрядно поредевший отряд свернул на запад и через Гриву выбрался в Пустоземье, потом повернул к северу, пересекая Дунгарский край. Дунгары бежали, страшась эльфов, и путников не беспокоили. Двигались не спеша, останавливаясь на ночлег в приглянувшихся местах.

На шестой день после прощания с Королем они пробирались через лес, спускавшийся с отрогов Мглистых Гор, и на закате вышли на равнину. Здесь их ждала встреча с двумя странниками. Вид у обоих был жалкий. Впереди, опираясь на посох, шагал старик, облаченный в бывшие когда-то белыми лохмотья. Следом тащился, с хныканьем и бессвязным бормотанием, сгорбленный тщедушный нищий.

— Куда путь держишь, Саруман? — негромко окликнул Гэндальф.

Саруман, а это был именно он, злобно ощерился.

— А тебе что за дело? Мало тебе моего падения, ты теперь будешь еще указывать, куда мне идти?

— Нет, Саруман. Мой труд завершен. Теперь все заботы принял на свои плечи Король. Жаль, что ты не дождался его в Ортханке. Ты бы ощутил на себе его мудрость и милосердие.

— Тем больше было причин уйти, — живо возразил Саруман, — я не нуждаюсь ни в том ни в другом. А на твой вопрос, так и быть, отвечу. Мой путь лежит прочь из его королевства.

— Опять ты сбился с дороги, — вздохнул Гэндальф, — и твое путешествие — напрасная трата времени. Послушай, мы могли бы помочь тебе...

— Вы? Мне? — прервал его Саруман. — Не надо смеяться. Уж лучше продолжайте ненавидеть меня. Я вам не доверяю, особенно вот этой владычице эльфов. — Он кивнул в сторону Галадриэль. — Я уверен, что ее козни свели наши дороги, это она хотела порадовать вас моим унижением. Надо мне было раньше сообразить, уж я бы лишил вас этого удовольствия!

— Саруман! — молвила Галадриэль. — Ты и вправду думаешь, что у Мудрых только и дела, что преследовать тебя? Пойми, что тебе представился случай, счастливый шанс, но этот шанс — последний. Другого не будет.

— Ну, если последний, тогда все в порядке, — язвительно отозвался Саруман. — По крайней мере, не придется больше отказываться от ваших милостей. Пускай мои надежды не оправдались, но и вашими я жить не намерен. Если они, конечно, остались у вас! — злобно добавил он.

На миг глаза его вспыхнули.

— Вперед! Хватит болтать! — воскликнул он. — Вы сами погубили себя, безумцы, и знаете это не хуже меня. Где бы я ни скитался, мысль о том, что, разрушая мой дом, вы разрушили и

свой, будет доставлять мне удовольствие. На чем вы отправитесь за Море? На сером корабле, полном призраков? — Он расхохотался хриплым, жутким смехом и пнул прикорнувшего было прямо в придорожной пыли своего спутника. — А ну, ты, идиот, вставай! Шевелись! Если этим господам по нраву наша дорога, мы поищем себе другую! Поворачивайся, а то не получишь на ужин ни корки!

Нищий засуетился и запричитал:

— Бедный старый Грима! Бедный старый Грима! Всегда его бьют, всегда обижают... Ох как я его ненавижу! Как бы мне хотелось избавиться от него!

— Ну так оставь его, — посоветовал Гэндальф.

Однако Грима только со страхом взглянул на него и быстро засеменил вслед за Саруманом.

Возле хоббитов Саруман остановился. Они смотрели на него с жалостью.

— А-а, пострелята! И вам любопытно поглядеть на унижение старика? Вам ведь нет дела до его надобностей, так? У вас-то ни в чем нет нужды, как я вижу! И еда, и одежда, всего вдоволь. Поди, и табачок имеется... Знаю, знаю, откуда он... Так не пожалуете ли на трубочку нищему страннику?

— Я бы дал, так нету у меня, — с сожалением сказал Фродо.

— Постой-ка. — Мерри спешился и стал шарить в седельной сумке. — У меня где-то был. Да вот он! Возьми что есть. — Он протянул Саруману кисет. — Это из запасов, которые мы нашли в Изенгарде.

— Мой табачок, мой, и дорого куплен! — хрипло вскрикнул Саруман, хватая кисет. Он поклонился с издевкой. — Ограбленному выбирать не приходится. Если грабители хоть что-то вернут — и то хорошо. Тебе не пойдет на пользу добро Изенгарда. Дома-то у тебя дела не так хороши, как хотелось бы. Долго не видать вам листьев из Южной Чети!

— Вот тебе и раз! — удивился Мерри. — Это ты вместо спасибо, значит. Давай-ка кисет назад, он-то мой собственный. Пересыпь табак куда-нибудь к себе.

— Свои люди — сочтемся, — подмигнул Саруман, сунул кисет за пазуху, еще раз пнул Гриму и быстро зашагал к лесу.

— Вот уж грабитель, так грабитель, — присвистнул Пиппин.

— Да ладно вам, — озабоченно отозвался Сэм. — Ишь, «куплен», говорит. Как это, хотел бы я знать? Ладно. А вот что это он про наш дом говорил? Надо бы нам поскорей туда...

— Конечно, — согласился Фродо, — только сначала надо все-таки Бильбо повидать. Что бы там ни было, а я иду в Дольн.

— Правильно, — поддержал его Гэндальф и сокрушенно покачал головой. — Бедняга Саруман! Боюсь, что тут уже ничего не поделаешь. Он совсем завял. Только я все равно не уверен, что Фангорн прав. На какую-нибудь мелкую пакость его еще вполне хватит.

Стоял сентябрь, пора золотых дней и серебряных ночей. Дунгарский Край давно остался позади, перед путниками теперь лежали земли Эрегиона. В одно ясное холодное утро со стоянки на вершине холма путники увидели далеко на востоке три снежные вершины, поднимавшиеся под самые облака. Это были Фануидол, Келебдил и Карадрас. Значит, они достигли Ворот Мории.

Здесь отряд задержался на неделю. Близилось еще одно расставание. Келеберну и Галадриэль с эльфами предстояло повернуть на восток, пройти перевалом у Красного Рога и спуститься Росной Долиной к Серебрени, в свою страну. Они ушли так далеко на запад потому, что им о многом еще нужно было поговорить с Элрондом и Гэндальфом, и они медлили расставаться. Когда хоббиты засыпали, мудрые часто просиживали ночи напролет, обсуждая судьбы Среднеземья. Но случайный путник, взглянув на них ненароком, увидел бы только серые неподвижные фигуры, похожие на древние каменные изваяния. Он не расслышал бы ничего, ибо они не говорили вслух, только глаза светились и вспыхивали, когда они обменивались мыслями.

В конце концов час разлуки наступил. Келеберн и Галадриэль со своими спутниками отправились в Лориен. Их серые плащи быстро исчезли среди камней. Оставшиеся стояли на холме и смотрели им вслед до тех пор, пока в сгущающихся сумерках не сверкнула в последний раз белая искра. Фродо понял, что это кольцо на руке Галадриэли, поднятой в последнем прощании.

Сэм отвернулся и вздохнул:

— Эх, хотелось бы мне еще разок вернуться в Лориен!

Пришел вечер, когда путники увидели огни Дольна. Они миновали мост, и скоро огромный замок наполнился светом, радостью, песнями.

Едва спешившись, даже не сбросив плащей, хоббиты кинулись искать Бильбо и нашли его перед камином в комнате, заваленной бумагами, перьями, карандашами. Он выглядел очень дряхлым, но спокойным и сонным.

Когда они вошли, старый хоббит открыл глаза.

— Привет, привет! — слабым голосом произнес он. — Вернулись? А завтра еще и мой день рождения к тому же. Как удачно подоспели! Знаете, мне ведь будет сто двадцать девять. Если еще год протяну, сравняюсь со Старым Туком. Хотелось бы его перещеголять, ну да там посмотрим.

Отпраздновали и день рождения Бильбо. Теперь хоббиты часто сидели со своим старым другом. Он редко покидал комнату, разве что выходил в трапезную, но ее уж посещал аккуратно, не отлынивая.

Итак, они сидели у камина, по очереди рассказывая обо всех своих похождениях и приключениях. Поначалу Бильбо

еще пытался делать вид, будто записывает, но частенько задремывал, а встряхнувшись, говорил: «Превосходно! Просто удивительно! О чем это мы?» — и они снова возвращались к тому месту, где он начал клевать носом. По-настоящему Бильбо заинтересовал только рассказ о коронации и свадьбе Арагорна.

— Меня, конечно, звали, — сказал он, — я ведь давно этого ждал. Но здесь столько дел, а собираться да ехать потом — так утомительно...

Спустя две недели Фродо как-то выглянул из окна и приметил на траве следы ночного заморозка. И внезапно он понял, что пора идти, пора прощаться с Бильбо. По-прежнему тихой и ясной была погода, но кончалось самое доброе на людской памяти лето, и близился октябрь. Еще чуть-чуть, и зарядят дожди с ветрами, а путь впереди неблизкий. Но не только погода тревожила его. Он просто чувствовал, что пора возвращаться в Шир. И Сэм чувствовал так же. Прошлой ночью он как раз сказал:

— Ну, сударь, были мы с вами далеко и видели много, а все ж лучше этого места нигде не найти. Здесь есть что-то от всех мест, если вам понятно, про что я: и от Шира, и от Золотого Леса, и от Гондора, и от королевских покоев, и от трактира тоже, и луга, и горы — все намешано. Да только чую я — идти пора. О старике моем тревожусь, по правде сказать.

— Да, все есть, — задумчиво ответил Фродо, — только Моря не хватает.

И он тихонько повторил про себя: «Только Моря».

В тот же день Фродо говорил с Элрондом, и было решено выходить следующим утром. К их радости, Гэндальф сказал:

— Пойду-ка и я с вами. До Брыля, во всяком случае. Хочу Маслютика повидать.

Вечером прощались с Бильбо.

— Надо так надо, — вздохнул он. — Жалко, я с вами не могу. Хорошо, конечно, когда вы рядышком, но мне все больше спать хочется.

Он попытался подарить Фродо мифриловую кольчугу и Шершень, забыв, что уже сделал это однажды, и дал три книги в красных переплетах, написанные в разное время и озаглавленные «Переводы с эльфийского. Б. С.».

Сэму достался маленький кошель с золотом.

— Последние, почитай, крохи от Смога, — сказал старик. — Может, пригодится, ты вроде жениться задумал...

Сэм покраснел.

— А вам, молодежь, могу преподнести только пару добрых советов, — сказал старик Мерри и Пиппину. — Берегите головы. Если они у вас и дальше так расти будут, то никакая шляпа не налезет. И вообще, кончайте расти, а то одежи не напасешься.

— Раз уж ты собрался перещеголять Старого Тука, — отшутился Пиппин, — почему бы нам не обогнать Бандобраса?

Бильбо рассмеялся и достал из кармана две прекрасные трубки с перламутровыми мундштуками, изящно отделанные серебром.

— Вспоминайте меня, когда курить будете! Эльфы для меня сделали, да я-то уж не курю больше.

Он вдруг опустил голову и задремал, а когда проснулся, спросил:

— Так. Где это мы? А, конечно, подарки дарим. Да, Фродо, а что стало с тем колечком, которое ты унес?

— Нет его, милый Бильбо. Избавился я от него, ты же знаешь.

— Экая жалость! — покряхтел Бильбо. — Хотелось бы мне на него взглянуть. Да нет, что за глупость! Ты же за этим и шел, не так ли? — избавиться от него, да? Э-э, все так запуталось, столько всего перемешалось: и Арагорновы дела, и Белый Совет, и Гондор, и Всадники, и южане, и елефанты... Сэм, ты правда видал их? И пещеры, и башни, и золотые деревья, и кто его знает, что еще... Мое путешествие, пожалуй, поспокойнее было. Гэндальф, правда, хотел показать мне кое-что, но я бы тогда к торгам не поспел... А теперь уж слишком поздно, да и то сказать: куда приятнее сидеть здесь и слушать обо всем. Камин уютный, а еда — *очень* хорошая, и эльфы есть, коли поговорить захочется. Чего еще желать?

Бежит дорога все вперед,
Куда она зовет?
Какой готовит поворот?
Какой узор совьет?
Вперед по тысяче дорог
Теперь другим шагать,
А мне б — свернуть на огонек
Да чуточку поспать.

Бильбо пробормотал последние слова, голова его склонилась на грудь, и он начал посапывать.

Сумрак сгущался в комнате, все ярче падал свет из камина; хоббиты смотрели, как Бильбо улыбается во сне. Они сидели молча, потом Сэм оглядел комнату, тени, пляшущие на стенах, и тихонько произнес:

— По-моему, Фродо, не так много он написал, пока нас не было. Этак нашу историю никогда не допишешь.

Бильбо открыл глаза, потянулся и встал.

— Эк меня сон одолевает, — сказал он. — А когда есть время писать, хочется писать только стихи. Фродо, дорогой ты мой, может, займешься моими записями? Забери бумаги и дневник тоже, если хочешь. У меня, понимаешь, никак времени не находится оформить все честь по чести. Возьми Сэма в

помощь, а как доведешь до ума, привези мне показать. Я не стану слишком придираться.

— Давай, сделаю, конечно,— согласился Фродо.— А потом вернусь. Теперь это не опасно. Раз есть настоящий Король, он быстро приведет в порядок дороги.

— Спасибо, дорогой мой! — слабо обрадовался Бильбо.— Это для меня — большое облегчение.— И он тут же заснул снова.

На следующий день Гэндальф и хоббиты простились со стариком в его комнате — за дверью было холодно,— а потом распрощались с Элрондом и эльфами.

Фродо обернулся на пороге. Элронд благословил его, пожелал счастливого пути, а потом добавил:

— Я думаю, Фродо, вам не стоит возвращаться сюда. Когда-нибудь осенью, когда деревья будут стоять в багрянце и золоте, поищите-ка лучше Бильбо в ваших лесах. Я тоже буду с ним.

Никто больше не слышал этих слов, и Фродо никому не стал о них говорить.

Глава 7
ДОРОГА К ДОМУ

Покинув Дольн, хоббиты в сопровождении Гэндальфа повернули наконец в сторону Шира. Им очень хотелось поскорее вернуться домой, но Фродо вдруг приболел. Когда им пришлось переправляться вброд через Гремячую, он с трудом на это решился. Казалось, он плохо понимал, что происходит вокруг, и после переправы промолчал весь день. Это было шестое октября.

— Больно, Фродо? — тихонько спросил Гэндальф, подъехав к хоббиту.

— Да,— так же тихо отозвался Фродо.— В плече. Рана ноет, и... как вспомню, так тяжело делается. Сегодня как раз год.

— Увы! — вздохнул маг.— Не все раны удается излечить насовсем.

— Моя, боюсь, из таких,— ответил Фродо.— Мое возвращение — ненастоящее. Может, я и приду в Шир, но ни страна, ни я прежними уже не станем. Кинжал, потом Шелоб, а потом еще и зубы этого несчастного — так много всего. А самое главное — моя ноша, она все еще давит на сердце. Где я найду покой?

Гэндальф не ответил.

В конце следующего дня недомогание прошло, и Фродо снова был весел, словно и не помнил о черной тоске накануне. Все складывалось удачно, и дни летели быстро. Путешественники

неспешно проезжали лесами, горевшими под осенним солнцем багряными и золотыми красками. Так добрались до Заветери.

Вечерело, и тень от холма лежала на дороге. Фродо попросил поторопиться и целую милю ехал, не глядя на холм, низко опустив голову и кутаясь в плащ. Этой ночью погода переменилась, западный ветер принес с собой дождь и громко гудел в кронах, а желтые листья птицами реяли в воздухе. Когда они добрались до Чагрого Бора, деревья стояли уже голые, а глухая завеса дождя скрывала Брыльский Холм.

Промозглым вечером в конце октября пятеро путников поднялись по дороге к южным воротам Брыля. Ворота оказались крепко заперты. Дождь сыпал в лицо, по темнеющему небу спешили низкие тучи, и путешественники слегка приуныли — они рассчитывали на большее радушие.

Кричать пришлось долго. Наконец явился привратник со здоровенной дубиной. Он долго и подозрительно разглядывал странников через окошечко, но, признав Гэндальфа, а потом и хоббитов, повеселел и радушно приветствовал их, словно не замечая невиданных одеяний.

— А-а, входите, входите, — приговаривал он, отпирая ворота. — Здесь-то в сырости да холоде что за разговор. Мерзкая погода. Но старый Суслень рад будет. Там в «Пони» и услышите все, что слышать стоит.

— А ты там потом услышишь все, что мы расскажем, и даже больше, — рассмеялся Гэндальф. — А где же Гарри?

Привратник нахмурился.

— Ушел, — сказал он. — Но лучше спросите Маслютика. Доброго вам вечера.

— И тебе тоже, — ответили они.

Сразу за воротами обнаружилась длинная низкая хижина. Оттуда тотчас высыпали люди и уставились на них через забор. Дом Хвоща за поломанным плетнем стоял с заколоченными окнами.

— Как думаешь, Сэм, не убил ты его своим яблоком? — поинтересовался Пиппин.

— Вряд ли, — отозвался Сэм. — Да плевать мне на Хвоща. Вот что стало с бедным пони, я хотел бы узнать. Он у меня долго из головы не шел; и как волки воют, и прочее...

Наконец добрались до «Резвого Пони». Хорошо, хоть трактир не изменился, во всяком случае снаружи. В нижних окнах за красными занавесками горел свет. На звяканье колокольца явился Ноб, приоткрыл дверь, выглянул и, увидав их под фонарем, вскрикнул от удивления.

— Господин Маслютик! Хозяин! — заорал он. — Они вернулись!

— Да неужто? Ну, я их проучу, — донесся голос Маслютика, и тут же появился он сам с дубинкой в руках. При виде

хоббитов и мага непривычно мрачное лицо хозяина вытянулось от удивления, а потом расплылось от радости.

— Ноб! Дурень шерстоногий! — загремел он. — Ты что, по именам старых друзей не мог назвать? Не пугай ты меня так больше, сам знаешь, какие времена. И откуда же вы? Я уж не чаял вас увидеть больше. Ведь это же надо: уйти в Пустоземье, да с Колобродом с этим, а вокруг — еще Черные! Истинная правда — радуюсь, а уж Гэндальфу — больше всех! Входите, входите! Комнаты те же что и раньше прикажете? Свободны, свободны. Эх, чего скрывать, теперь почти все комнаты свободны, да вы и сами скоро увидите. Побегу присмотрю за ужином, все ведь сам теперь, рук не хватает. Эй, Ноб, кляча мохноногая! Кликни Боба! Ах да, нет же Боба-то, домой нынче на ночь отправился. Ладно, Ноб, отведи пони на конюшню. А своего коня Гэндальф, конечно, сам отведет. Прекрасное животное, я это сразу сказал, едва увидел. Ну, входите! Будьте как дома!

Какие бы времена ни были, болтливость Маслютика оставалась при нем. Можно было подумать, что он и впрямь закрутился ужасно, но в доме было тихо, из общей залы доносился негромкий разговор: голоса два-три, не больше. Когда хозяин зажег свечи, гости увидели, что морщин от забот на его лице заметно прибавилось.

Они спустились коридором в ту самую комнату, в которой провели ночь больше года назад. Старина Маслютик доблестно пытался скрыть какие-то неприятности. Что-то в «Резвом Пони» было не так. Это настораживало.

Как они и предполагали, Маслютик зашел после ужина узнать, не надо ли чего. Но ни в пиве, ни в ужине перемен к худшему никто не заметил.

— Теперь уж я не отважусь приглашать вас в общую залу,— сказал Маслютик. — Вы устали, а там, почитай, все равно никого нету. Но если бы вы уделили мне полчасика перед сном, я был бы рад поговорить с вами без посторонних.

— Можешь начинать хоть сейчас,— предложил Гэндальф. — Мы не устали. Промокли, замерзли, проголодались — это да, но ты уже нас вылечил. Присаживайся. А если у тебя еще и табак есть, совсем нас ублажишь.

— Может, чего другого пожелаете? — смущенно предложил Маслютик. — С табаком как раз туго сейчас, обходимся тем, что сами выращиваем, да какой в Брыле табак! Ширского-то теперь нет. Эх, ладно, ради такой встречи поищу.

Он умчался и вскоре вернулся с кисетом, в котором хоббиты обнаружили крупные, плохо порезанные листья.

— Ничего лучше нет, — вздохнул хозяин. — С листом из Южной Чети, конечно, не сравнить. Само собой, во всем остальном Брыль первый, вы уж извините, но по части табака нам с Широм не тягаться.

Маслютика усадили в огромное кресло у камина, Гэндальф сел напротив, а хоббиты расположились кто где. Они проговорили много раз по полчаса. Многое из того, о чем рассказали путешественники, повергло Маслютика в полное остолбенение, никак не укладываясь в его бедной голове. Он только вскрикивал, охал, ахал да всплескивал руками.

— Да не говорите, господин Сумникс! Или Норохолм? Я совсем запутался. Да не говорите, Мастер Гэндальф! Ну уж никогда! Кто бы мог подумать! И это в наши-то времена!

Но он и сам порассказал немало. По его словам получалось, что и все-то идет кое-как, а уж дела — из рук вон плохо.

— Из чужих мало кто теперь мимо Брыля ходит, — жаловался он. — А что до своих, так все больше по домам сидят запершись. Началось все с этих приблудных, которые в прошлом году по Зеленопутью пришли, если помните; а потом их столько понабежало! Некоторые — просто бедолаги, а большинство — дрянные людишки. Они тебе и украсть, и обмануть — запросто! Тут у нас даже потасовка была, и некоторых убили, до смерти убили! Можете в такое поверить?

— Можем, — сказал Гэндальф. — Сколько убили-то?

— Троих и двоих, — сказал Маслютик, имея в виду большой народ и малый. — Бедного Мэта Верескуна, и Роли Дичка, и маленького Тома Шиповника из-за Холма, и еще Вилли Скруча, да одного Норохолма из Дворищ. Все славные ребята. А Гарри Каприфоль, привратник, значит, с Биллом Хвощом к пришлым переметнулись да вместе с ними и ушли. Я так думаю, они их и впустили, это когда стычка была, стало быть. Мы-то их выставили. А драка потом случилась, после первого снегопада. Ну, они и подались разбойничать. Прячутся в Чагром Бору и дальше к северу, в глуши. Как будто старые дурные времена вернулись. На дорогах неспокойно, никто далеко не ездит, и запирают рано. Караульных приходится держать по всей ограде, а по ночам к воротам еще и дозоры ставить.

— Чудно! — покрутил головой Пиппин. — Ехали мы не торопясь, дозоров не выставляли, однако никто нас не тронул. Мы-то думали, все тревоги уже позади.

— Да нет, так-то не получается, — посетовал Маслютик. — А что вас не тронули — это понятно. С теми, у которых мечи, да шлемы, да щиты всякие, они не связываются. Я сам-то опешил, когда вас увидел.

Тут только хоббиты начали понимать, что само их возвращение никого особенно не удивляет. Другое дело — оружие и одежда. Они успели привыкнуть ко всему этому и думать не думали о том, как выглядят в Шире кольчуги, поблескивающие из-под плащей, шлемы и щиты с яркими гербами Гондора и Рохана. Пожалуй, и Гэндальф на своем дивном коне, весь в белом, с длинным Гламдрингом на боку, мог поразить воображение брыльчан.

Маг рассмеялся.

— Ну-ну,— сказал он,— коли они пятерых испугались, можно на них наплевать. Мы видали врагов пострашнее. Ладно, пока мы здесь, они вас, надеюсь, в покое оставят.

— Эх, надолго ли? — вздохнул Маслютик.— Что скрывать? Задержись вы у нас подольше, только рады будем. Мы ведь к такому не привыкли, а Скитальцы все запропастились куда-то. Наверное, зря мы их не ценили до сих пор. Так ведь не понимали! Что с нас возьмешь? Разбойники эти еще не самое худшее. Прошлой вот зимой волки выли вокруг ограды. А в лесах всякие... — Маслютик пошевелил пальцами в воздухе.— В общем, жуткие твари, аж кровь стынет, как подумаешь. Очень беспокойно было, вы мне поверьте.

— Верим, верим,— кивнул Гэндальф.— Почти во всех землях беспокойно было в те дни, очень беспокойно. Но радуйся, Суслень! Тебя эти великие тревоги только краем задели, и я рад, что не глубже. Придут еще лучшие времена, да такие, что ты и представить себе не можешь. Скитальцы вернулись. Мы с ними ехали. А самое главное — теперь снова Король есть, Суслень! Он скоро и вашими бедами займется. Снова откроется Зеленопутье, его гонцы полетят на север, на дорогах людно станет, и тварей твоих злых из Пустоземья прогонит. Да и Пустоземья-то самого не останется. В глуши люди поселятся, поля зазеленеют.

Маслютик покачал головой:

— Оно конечно, десяток приличных зажиточных путников нам не повредит. А вот всякого сброда и головорезов не надо. И не хотим мы чужаков ни в Брыле, ни около. Только бы нас в покое оставили. Если сюда опять толпа привалит на жительство — чего хорошего? Разорят только все...

— Вас оставят в покое, Маслютик,— пообещал Гэндальф.— Между Изеном и Седонной места хватит. Селиться станут прежде всего на побережьях, а оттуда до Брыля не вдруг дойдешь. Многие ведь живут и к северу, миль за сто отсюда, у дальнего конца Зеленопутья: на Северных Увалах, возле озера Дрема, мешают они тебе?

— Да кто же в этих проклятых местах жить может? — не поверил Маслютик.— Да туда никто, кроме разбойников, не пойдет.

— Следопыты пойдут,— улыбнулся Гэндальф.— Это проклятое место зовется, между прочим, Форност Эрайн, Северин Королевский. И Король как-нибудь заглянет туда, вот уж тогда будут у тебя гости так гости!

— Звучит заманчиво,— почесал в затылке Маслютик.— Делу на пользу пойдет, само собой. Ну, все ж таки оставит ваш Король Брыль-то в покое или нет?

— Оставит,— успокоил его Гэндальф.— Брыль он знает и любит.

— Это откуда же? — Маслютик был явно озадачен.— Он же сидит, поди, на большом троне в огромном замке за сотни

миль отсюда... И вино пьет небось не из моих кружек. Что ему до «Пони» с нашим простецким пивом? Нет, пиво-то у меня неплохое, прямо скажем, хорошее пиво... с прошлой осени, — с запинкой добавил он, быстро взглянув на Гэндальфа. — Вот с тех самых пор, как заговорил ты мне его. Только и радости-то посреди печалей всяких.

— Точно! Он всегда здешнее пиво хвалил, — вспомнил Сэм.

— Кто хвалил? — не понял Маслютик.

— Да Колоброд, кто ж еще! Ну, вождь Следопытов. До тебя что, не дошло еще?

Когда наконец дошло, Маслютик так растерялся, что его стало жалко.

— Колоброд! — Он с трудом перевел дух. — Это он-то — с короной да с золотым кубком? Куда ж это мы катимся?

— К лучшим временам, любезный, к самым наилучшим, для Брыля по крайней мере, — заверил его Гэндальф.

— Ну ладно, будем надеяться, — решил согласиться Маслютик. — Может, и впрямь получше будет... Я вот такой приятной беседы уж и не упомню. Нынче хоть спать с легким сердцем лягу. Тут еще всякой всячины полно, но до завтра подождет вполне. Я — спать, да и вы, поди, тоже. Эй, Ноб! — позвал он, подходя к двери. — Ноб, увалень! Так! — хлопнул он вдруг себя по лбу. — Что-то мне все это напоминает!

— Надеюсь, не еще одно забытое письмо? — осведомился Мерри.

— Эх, эх, господин Брендискок, и не напоминайте мне об этом! Вот, мысль спугнули! О чем бишь я? Ноб, стойла, корм, — забормотал он. — А! Вот! У меня тут кое-что ваше есть. Помните, как коней ваших свели? А вы еще у Хвоща пони купили. Так вот, здесь он. Сам пришел. А где был — про то вам лучше знать. Драный явился, что твой пес старый, понурый, как вешалка, но живой. Ноб за ним ухаживал.

— Как? Мой Билл? — вскочил Сэм. — Эх, везет мне все-таки, что бы там старик мой ни говорил. Еще одно желание сбылось! Где он? — Сэм так и не пошел спать, пока не навестил Билла в конюшне.

Путники оставались в Брыле весь следующий день, и уже под вечер господин Маслютик не мог пожаловаться на безлюдье. Любопытство пересилило все страхи, трактир был полон. Хоббиты посидели с гостями и ответили на множество вопросов. В Брыле долгая память, и Фродо не раз спросили, написал ли он свою книгу.

— Нет еще, — говорил он, — вот, домой возвращаюсь, буду бумаги в порядок приводить.

Он обещал описать поразительные события в Брыле и тем хоть немного привлечь внимание к «далеким и наверняка неважным делам где-то на юге».

Кто-то из молодежи попросил спеть. На него зашикали. Здесь больше не хотели никаких происшествий.

На следующее утро хоббиты и маг поднялись спозаранок. Моросило по-прежнему. К ночи хотелось добраться до Шира. Собрались провожающие, и лица у них были повеселее, чем в прошлом году. Те, кто еще не видели путников в полном вооружении, разинули рты от изумления: они дивились на белобородого Гэндальфа, от которого словно исходил свет, слегка приглушенный синим плащом, и на четверых хоббитов, больше всего походивших на храбрых рыцарей из почти забытых сказок. Даже те, кто смеялся над разговорами о Короле, призадумались: а нет ли здесь доли правды?

— Удачи вам и в пути, и дома, — пожелал на прощание Маслютик. — Если верить слухам, так и в Шире у вас не все ладно. Чудные там дела, говорят. Но уж тут одно к одному, как говорится. Осмелюсь заметить только — вы в своих странствиях здорово изменились, так что со своими заботами запросто разберетесь. Наведите там порядок. Удачи вам! И чем чаще вам придется по делам или просто так заглядывать в Брыль, тем мне приятнее будет.

Они попрощались с хозяином и тронулись в путь. Пони Билл отправился с ними. Его снова нагрузили, но он, похоже, был не против и трусил рядом с Сэмом вполне довольный.

— Интересно, на что это Маслютик намекал, — задумчиво проговорил Фродо.

— Кое о чем я догадываюсь, — мрачно изрек Сэм. — Это он про то, что я в Зеркале видал: деревья рубят, и все такое, а еще старика моего небось из Тугосумов выгнали. Эх, надо бы мне пораньше вернуться.

— И в Южной Чети что-то не так, — сказал Мерри. — Отродясь такого не помню, чтобы у них с табаком плохо было.

— Табак там или деревья, а то, что во всем этом Лотто замешан, можете мне поверить, — заявил Пиппин.

— Может, и замешан, да не он причина, — сказал Гэндальф. — Не забывайте о Сарумане. Он Широм начал интересоваться раньше Мордора.

— Ну раз ты с нами, — беспечно ответил Мерри, — скоро все разъяснится.

— Пока-то я с вами, — проворчал Гэндальф, — да скоро меня не будет. Я не пойду в Шир. Свои дела сами устраивайте. За этим ведь и едете. Разве вы еще не поняли? Мое время кончилось; отныне я не устраиваю ничьих дел и даже не помогаю их устраивать. Да на что вам моя помощь? Вы выросли. А заодно вышли в первые герои Среднеземья. Я больше не боюсь за вас. Вот так, дорогие мои. Скоро мне поворачивать. Собираюсь Бомбадила навестить. За все мое время мы с ним так и не поговорили толком. Он сиднем сидит, мхом обрастает,

а я — как камень перекатный. Но, похоже, кончились мои катанья. Вот и посидим с ним, побеседуем по душам.

Подъезжая к развилке, возле которой хоббиты расстались с Бомбадилом, они приподнялись на стременах, надеясь увидеть знакомую коренастую фигуру в шляпе с пером, но на дороге никого не было. Над Упокоищами висел серый туман, и Древлепуща вдали скрылась под его покровом.

Они остановились, и Фродо с тоской поглядел на юг.

— Как бы мне хотелось повидать его снова, — сказал он. — Как он там поживает?

— Хорошо по-прежнему, будь уверен, — заверил Гэндальф. — Он нашими делами не очень интересуется, разве что — энтами... Может, ты еще и повидаешь его... попозже. А сейчас я бы на вашем месте поспешил к дому, а то закроют ворота у Брендидуинского моста, что делать будете?

— Нет там никаких ворот, — усмехнулся Мерри, — и ты это лучше меня знаешь. А в Заскочье меня в любое время пустят.

— Ты прав. Там *не было* ворот. — Гэндальф сверкнул из-под шляпы хитрым глазом. — А теперь могли и появиться. Даже у ворот в Заскочье хлопот может оказаться больше, чем ты думаешь. Но вы справитесь. До свидания, милые мои, пока еще — до свидания!

Маг наклонился к уху Сполоха. Огромный конь легким прыжком перемахнул ров у обочины и исчез в тумане, словно порыв северного ветра.

— Вот мы и остались вчетвером, как когда-то, — сказал Мерри. — Мне кажется, мы спали и видели сон, и только теперь просыпаемся.

— А мне, — отозвался Фродо, — кажется, что мы, наоборот, опять засыпаем...

Глава 8
СНОВА ДОМА

Глубокой ночью, продрогшие и усталые, путники добрались наконец до Брендидуинского Моста. Здесь их встретила первая неожиданность. Поперек моста из конца в конец высились крепкие ворота, утыканные металлическими шипами. На том берегу реки виднелись несколько новых домов — двухэтажных, с узкими прямоугольными окнами, без всяких украшений. Вид у домов был мрачный. Совсем не хоббитский вид.

Друзья долго стучали в ворота, и непонятно было, то ли их не слышат, то ли и слышать некому. Но потом неожиданно где-то близко протрубил рог, в домах кое-где появился свет, и чей-то голос прокричал из темноты:

— Эй, кто там? Уходите отсюда! Не видите что ли, там же написано: «От заката до восхода вход воспрещен»!

— Да что ж тут разглядишь в такой темноте! — крикнул в ответ Сэм.— Что за дела? Из-за какой-то надписи хоббитам из Шира всю ночь торчать на мосту! Уж если я ее разгляжу, надпись вашу, первым делом порву в клочья!

Не успел он сказать это, как из дверей левого дома высыпала толпа хоббитов с фонарями. Кое-кто из них ступил было на мост, но, увидев путешественников, остановился.

— Ну, что встали? — крикнул Мерри, признав одного из них.— Эй, Хоб Сеновал, ты что же, не узнал меня, что ли? Это я, Мерри Брендискок. А ты что здесь делаешь, и вообще, что тут у вас творится?

— Батюшки! Мастер Мерри! Вырос-то как! — удивился старый Хоб.— И одет ровно для битвы... А говорили: не то вы умерли, не то сгинули в Древлепуще! Ну, да я рад, что живы, значит.

— Вот и хорошо, что рад,— крикнул Мерри.— Открывай поживее, видишь ведь, что мы с дороги!

— Прошу прощения, мастер Мерри,— осторожно, но твердо ответил Хоб,— но у нас приказ.

— Чего-чего? Какой такой приказ? Чей?

— Предводителя.

— Это кого же ты имеешь в виду? — спросил озадаченный Фродо и вдруг догадался: — Не Лотто ли?

— Да выходит, что так, господин Сумникс,— покряхтел Хоб.— Только теперь нам велено говорить «Предводитель», и все тут.

— Ну и ну! — развел руками Фродо.— Что-то родственнички совсем от рук отбились, пора на место ставить.

Голоса за воротами как обрезало.

— Не след говорить так, добра не будет,— промолвил наконец один из хоббитов,— как бы Предводитель о том не прослышал. А будете шуметь — верзилу разбудите.

— Да уж разбудим, будь уверен,— сказал Мерри.— Это что же, Предводитель ваш набрал себе чужаков из дальних земель и злодействует тут? Тогда мы в самый раз подоспели.— Он соскочил с коня, содрал с ворот злополучную надпись, порвал и клочки бросил через ворота.

Хоббиты отступили, и видно было, что открывать не собираются.

— А ну, Пиппин, вперед! — воскликнул Мерри.— Вдвоем справимся.— И он мигом перемахнул через ворота. Хоббитов как ветром сдуло.

Снова зазвучал рог. В дверном проеме правого дома показалась высокая грузная фигура.

— Это что еще? — ворчал незнакомец, подходя.— Ворота ломать? Вот я вам сейчас шеи посворачиваю! — Но тут он заметил мечи в руках хоббитов и остановился.

— А-а, вот оно что, — презрительно процедил Мерри, — Билл Хвощ, старый знакомый. Ну, тем лучше. Открывай живо, а то мне придется тебя поторопить. А как откроешь, иди и не останавливайся. Я тебя хорошо знаю, так что лучше не возвращайся, подлец ты эдакий!

Поколебавшись, Хвощ открыл ворота.

— Давай ключи! — приказал Мерри.

Но тут Хвощ ловко шмыгнул мимо него в ворота и сразу исчез в темноте. Больше о нем в Шире не слыхали.

— Ладно, — проворчал Мерри, — с Предводителем увидимся попозже. Эй, Хоб, где ты там? Я смотрю, «Золотой Пескарь» снесли, чтобы эти уродины построить... Ну, сами виноваты. Придется вам размещать нас где хотите.

— Прошу прощения, мастер Мерри, — сказал Хоб почтительно, — только не можно это.

— Что «не можно»?

— Гостей принимать, пищу тратить, и вообще...

— Да что же это такое? — изумился Мерри. — Год, что ли, был неурожайный?

— Да нет. Год был что надо. И пищи много выросло. Вот только не знаем, что с ней потом стало. Это все «сборщики» и «раздельщики». Собирать-то они собирают, а вот насчет того чтобы делить — не очень... Так что большую часть собранного мы так и не видели.

— Ладно, — прервал его Пиппин. — Это ты нам потом расскажешь. Спать же хочется, сил нет! Еда у нас своя есть. Давайте комнату любую, а там разберемся.

Хоббиты у ворот явно растерялись. Но никто не осмелился противоречить вооруженным до зубов рослым и властным путешественникам.

Фродо велел вновь запереть ворота. Поблизости, судя по всему, могли оказаться разные злодеи, так что стража-то нужна все равно. Затем четверо друзей направились в дом ширрифов и, несмотря на безрадостное внутреннее убранство, постарались расположиться с возможным удобством. Стены внутри были увешаны всевозможными запрещающими надписями и Правилами. Пиппин первым делом оборвал их все. Пива не оказалось, еды было кот наплакал, но у путников имелись свои запасы, и Пиппин сразу нарушил Правило № 4, изведя на готовку двухдневный запас дров. Местных хоббитов тоже угостили.

— Вот теперь, — потянулся Пиппин, когда друзья утолили голод, — хорошо бы трубочку, и можно послушать про ваши дела.

— Нет теперь табака, — сокрушенно покачал головой Хоб Сеновал. — Только для людей Предводителя. Запасы словно испарились. Говорят, наш табак возами вывозили по Южной

дороге, куда-то за Сарнский брод. В конце прошлого года это было, аккурат как вы ушли. По-тихому все обстряпали, а Лотто...

— Молчи, молчи, Хоб! — закричало сразу несколько голосов. — Ты же знаешь, что бывает за такие разговоры! Дойдет до Предводителя — неприятностей не оберешься!

— Да не дойдет, если среди нас нет предателей! — горячо воскликнул Хоб.

— Ох, надоело! — стукнул кулаком по столу Сэм. — Ни тебе «добро пожаловать», ни пива, ни табачку, все только «Предводитель» да «Предводитель». Разговоры прямо как у орков. Я-то думал отдохнуть после всего, а тут работы полно, да еще такой противной! Давайте спать, утро вечера мудренее.

Однако утро готовило им новые неожиданности. Видно, у Предводителя были свои способы узнавать новости. От Заскочья до Хоббитона добрых миль тридцать, да и то по прямой, но кто-то не поленился проделать этот путь среди ночи...

Никаких определенных планов у наших друзей не было. Они собирались завернуть сначала в Брендинорье, передохнуть, но, встретив такие дела в Заскочье, решили двигаться прямо в Хоббитон. Так что с утра пораньше они были уже в дороге.

Ветра не было, день выдался серенький и грустный, места вокруг выглядели заброшенными, кое-где виднелись даже следы пожаров.

Одолев за день миль двадцать, они к вечеру добрались до Дрягвы, небольшой деревушки у дороги. Чуть дальше должен был располагаться придорожный трактир «Плавучее бревно». В нем и решили заночевать. Однако не тут-то было. Подъехав к восточному краю деревни, они увидели, что дорога перегорожена, а на большой доске выведена корявая надпись: «Прохода нет». По ту сторону загородки их поджидала большая группа ширрифов, с перьями на шляпах и с дубинками в руках. Здесь их собралось больше, чем было за всю историю страны. Вид у них был важный и грозный, но чрезвычайно нелепый.

— Это еще что за новости? — громко спросил Фродо, испытывая сильное желание расхохотаться.

— Это значит, что вы арестованы, господин Сумникс! — торжественно произнес начальник ширрифов, отличавшийся от остальных двумя перьями на шляпе... — Вы обвиняетесь во взломе ворот, в нарушении Правил, в нападении на привратников, спанье в неположенном месте и подкупе стражи посредством пищи.

— А еще в чем? — спросил Фродо.

— Этого вполне достаточно, — сказал начальник отряда.

— Вы еще кое-что упустили, — фыркнул Сэм. — Можете добавить желание набить Предводителю его прыщавую физио-

номию и еще мысль о том, что ширрифы похожи на стадо идиотов.

— Ладно, это мы тоже учтем. По приказу Предводителя я должен передать вас его людям в Уводье. Когда он разберет ваше дело, можете высказаться. Но если не хотите загреметь в Садок надолго, придержите языки!

Фродо и компания дружно расхохотались.

— Не городите ерунды! — отрезал Фродо, отсмеявшись. — Я хоббит и у себя в стране иду куда захочу. Сейчас мне надо по делам в Засумки. Если и вы туда же, это ваше дело.

— Очень хорошо, господин Сумникс, — сказал начальник ширрифов, отодвигая перегородку. — Только не забудьте, что я вас арестовал.

— Этого я не забуду, — ответил Фродо, — никогда. Но, может быть, когда-нибудь прощу вас. Пока что я намерен остановиться в «Плавучем бревне», так не составите ли мне компанию?

— Это невозможно, господин Сумникс. Гостиница закрыта. Здесь неподалеку есть дом ширрифов, могу пригласить вас туда.

— Хорошо, — согласился Фродо. — Идите вперед, а мы за вами.

Сэм, внимательно разглядывавший отряд, вдруг крикнул:

— Эй, Робин Норкинс! Поди-ка сюда, хочу с тобой парой слов перекинуться.

Один из ширрифов, робко взглянув на начальника, который хоть и был очень недоволен, но вмешаться не посмел, боком приблизился к Сэму, сошедшему с седла.

— Слушай-ка, Робин, — обратился он к хоббиту, — ты ведь из Хоббитона. Что тут происходит? Почему «Бревно» закрыли?

— Они все позакрывали, — тихо ответил Норкинс. — Предводитель не одобряет пива. С этого все и началось. Я так думаю, что все пиво просто идет его людям. И еще, он терпеть не может всяких чужаков и странников, все они должны являться в дом ширрифов и объяснять, зачем пожаловали.

— Стыдно тебе должно быть, Робин, заниматься такой ерундой, — укорил его Сэм. — Ты же, я помню, был большой охотник до пива, да и с приезжими любил поболтать в трактирчике, а?

— Да ведь я таким и остался, Сэм. Только ты уж не суди строго, что я могу поделать? Я и в ширрифы-то пошел семь лет назад, чтобы побродить по стране, повидать новые места, да разузнать, где какое пивко варят. А теперь-то все по-другому.

— Ну так брось это дело, если оно тебе больше не по нраву.

— Нельзя ведь...

— Да... Если я еще раз услышу «нельзя», то рассержусь, пожалуй, — набычился Сэм.

— Я тебе сказать не могу, — совсем перешел на шепот Робин, — как мне все это опротивело. Может, если бы мы все

рассердились, что-нибудь и вышло бы. Но, знаешь, Сэм, вся беда в Людях, в Людях Предводителя. Они повсюду шныряют, и чуть только кто-нибудь против, сразу хватают. Нашего старого Вилли — мэра Белонога то есть — первым взяли, а потом и еще многих. А недавно еще хуже стало. Бить начали.

— Так за каким же рожном ты на них работаешь? — взорвался Сэм. — Кто тебя послал в Дрягву?

— Никто не посылал, — оробел Норкинс. — Мы тут, в доме ширрифов... Первый Восточный Отряд называемся. Ширрифов-то теперь много, хотя большинство и не по своей воле. Правда, не все. А кое-кто даже шпионит для Предводителя и его Людей. Так вот и о вашем приходе узнали. Нас-то с вестями не посылают, не велено, у них на то специальные гонцы есть. Один такой и принес вчера ночью послание, другой у него принял и дальше понес, а обратно приказ пришел — арестовать, мол, и точка. Предводитель желает вас видеть.

— Ладно, — проворчал Сэм. — Вот хозяин с ним поговорит, желанья-то у него поубавится.

Дом ширрифов в Дрягве не сильно отличался от того, у моста. Всего один этаж, окна узкие, а стены выложены из противного грязно-серого кирпича. Внутри было уныло и безрадостно, ужинали за длинным непокрытым столом. Последний раз его протирали не меньше недели назад, но здешняя еда лучшего и не заслуживала. Путники не стали здесь задерживаться. До Уводья оставалось восемнадцать миль, но вышли только в десять утра. Нельзя было отказать себе в удовольствии потянуть время, глядя, как суетится и волнуется начальник ширрифов.

Забавная процессия покидала деревню. Вот только редкие жители, вышедшие поглядеть на «арестованных», не знали, можно им смеяться или нет. Друзей сопровождали двенадцать ширрифов. Мерри заставил их идти впереди, а Фродо и остальные ехали следом. Мерри, Пиппин и Сэм болтали, пели и веселились от души, наблюдая, как ширрифы из сил выбивались, пытаясь сохранить важный вид. Только Фродо оставался печальным и задумчивым.

— Эй, кто кого арестовал? — спросил какой-то старик, чинивший забор у дороги. Двое ширрифов тут же направились к нему.

— Начальник! — окликнул Мерри. — Прикажи своим ребятам вернуться. А то им придется иметь дело со мной.

Ширрифы вернулись к отряду.

Пони хоббитов хотя и не очень спешили, а все-таки ширрифы упарились, пытаясь не отстать от них. Около трех часов пополудни друзья сжалились над ними и остановились. Их конвоиры от голода и усталости едва держались на ногах.

— Ладно уж, — сказал им Мерри, — идите как можете. Нам недосуг, мы едем дальше.

— До встречи, Робин! — крикнул Сэм. — Жду тебя в «Зеленом драконе», если ты еще не забыл дорогу туда. Не задерживайся слишком!

— Что же вы делаете? — уныло сказал начальник отряда. — Разве так можно? Вы нарушаете порядок ареста. Мне же отвечать придется...

— Мы еще много чего здесь нарушим, — пообещал Пиппин. — Счастливо оставаться!

Путники пустили пони рысью, и на закате были уже на окраине Уводья. До дома — рукой подать. Вот тут-то Фродо и Сэму стало совсем не до смеха. Только теперь они осознали, что любят этот клочок земли больше всего на свете. Сердце болезненно сжалось, когда они увидели, как много домов снесено или сожжено. Аккуратные ряды хоббичьих норок на северных склонах Заводи были разорены, а славные маленькие садики, спускавшиеся к самой кромке воды, совсем задушили сорняки. Вдоль дороги, ведущей в Хоббитон, выросли уродливые дома. От чудесной Подъездной аллеи не осталось и следа. С тревогой посмотрев в сторону Засумок, они увидели высокую кирпичную трубу; из нее в вечернее небо валил гнусный черный дым.

Сэм был просто вне себя.

— Я вперед пойду, сударь. Надо моего старика отыскать!

— Подожди-ка, — остановил его Мерри. — Лучше узнать сперва, что нас ждет. Думаю, этот проклятый «предводитель» держит здесь шайку своих громил. Поищем кого-нибудь, расспросим.

Однако в Уводье все дома и норы были на запоре, никто не вышел их встречать. Причину они поняли, добравшись до «Зеленого дракона», безжизненного, с выломанными окнами. Возле трактира слонялась дюжина рослых косоглазых чужаков.

— Прям как тот брыльский приятель Билла Хвоща, — отметил Сэм.

— Навидался я на таких в Изенгарде, — пробормотал Мерри.

Злодеи были вооружены дубинками, на поясе у каждого болтался рог, но никакого серьезного оружия не наблюдалось. Завидев путников, они вышли на дорогу и встали, перегородив ее. Самый большой и злобный на вид вышел вперед.

— И далеко ли вы намерены ехать? — хрипло осведомился он. — Все, приехали. А куда подевались эти разгильдяи ширрифы?

— Идут себе потихоньку. Мы обещали подождать их тут.

— Ну, что я говорил? — обернулся вожак к приятелям. — Не надо было доверять это дело придуркам. Послали бы наших парней...

— Думаешь, было бы лучше? — усмехнулся Мерри. — Мы, правда, в Шире редко видим бандитов, но что с ними делать — знаем.

— Бандиты! Во как! — удивился вожак. — Что-то мне ваш тон не нравится, мелюзга. Много воображаете. Небось думаете разжалобить Предводителя? — Он захохотал. — Не, Предводитель теперь без Аспида шагу не ступит. Будет как Аспид захочет.

— Ну и чего же он хочет? — спокойно спросил Фродо.

— Надо приводить эту дыру в порядок, — значительно ответил злодей. — Будьте спокойны, Аспид это сделает. К концу года никаких проблем не останется, так-то, крысята!

— Спасибо, что сообщили о ваших планах, — поблагодарил Фродо. — Пожалуй, надо бы узнать, что о них думает господин Лотто...

Теперь смеялись все негодяи.

— Лотто! Ха! Он в курсе дела, не беспокойся. Как Аспид скажет, так он и сделает. А потом, если Предводитель становится неудобным, его ведь и поменять можно. А если кто сует нос не в свое дело, как бы он этого носа не лишился. Правильно я говорю, ребята?

— Может, и так, — ответил Фродо, — да только, сдается мне, вы тут совсем отстали от жизни. С тех пор, как вы с юга ушли, многое переменилось. Черная Крепость разрушена, в Гондоре правит Король. И от Изенгарда ничего не осталось, а ваш разлюбезный хозяин, мы тут встретили его по дороге, бродит, как нищий. И по трактам теперь скачут гонцы Короля Гондорского, а не хозяина Изенгарда.

Злодей недоверчиво посмотрел на него и ухмыльнулся.

— Нищий? — переспросил он. — Ну, ну, пой, петушок, пой, только не заливай. Да хоть бы и так. Нам-то что за дело! Тут, в вашей жирненькой, ленивой стране нам нравится. А что до посланцев Короля, — он прищелкнул пальцами перед лицом Фродо, — если увижу кого, возьму на заметку.

Это было уже слишком. Пиппин почувствовал себя словно на поле боя. Этот косоглазый мошенник посмел назвать Носителя Кольца петушком! Он скинул плащ и выхватил меч. Серебро и соболя гондорского воина заискрились на нем, когда он двинул коня вперед.

— Считай, что уже увидел! — процедил он. — Перед тобой посланец и друг Короля, известный во всех землях Запада. Ты мерзавец и дурак! На колени, и моли о пощаде!

В лучах закатного солнца меч в руке Пиппина грозно сверкнул. Мерри и Сэм обнажили свои клинки, готовые к любым неожиданностям. Только Фродо не шелохнулся.

Громилы отпрянули. Они привыкли пугать мелких хуторян из Брыля или задирать мирных хоббитов, а тут перед ними оказались вдруг воины с яркими мечами и мрачными лицами. Да и в голосах пришельцев звучали такие властные нотки, ко-

торых они отродясь не слыхивали. Мало-помалу растерянность на их лицах сменилась страхом.

— А ну, катитесь отсюда! — приказал Мерри. — Еще раз тронете эту деревню — пожалеете.

Хоббиты двинули коней вперед, и бандиты не выдержали. Они повернулись и побежали прочь, теряя дубинки.

— Да, в самый раз мы пришли, — протянул Мерри, глядя им вслед.

— Может, даже поздновато. Надо Лотто спасать. Жаль мне этого бедного дурачка, — задумчиво проговорил Фродо.

— Спасать Лотто? Ты в своем уме? — удивился Пиппин. — Повесить подлеца, ты хотел сказать?

— Ты еще не понял разве, Пиппин? — Фродо говорил задумчиво, глядя поверх их голов. — Лотто, конечно, глупец и трус, но даже он не допустил бы такого безобразия. Он оказался в ловушке, а эти негодяи творят что хотят от его имени. Думаю, он пленник в Засумках. Надо попытаться освободить его.

— Вот это да! — покрутил головой Пиппин. — Ну никак не ожидал, что дома придется драться с полуорками, чтобы спасти Лотто Прыща.

— Драться? — рассеянно переспросил Фродо. — Может, и до этого дойдет. Запомните только, хоббиты не виноваты, даже если перекинулись на сторону злодеев по своей воле. Нельзя их за это преследовать. В Шире ни один хоббит не убил другого, и не надо подавать пример. И вообще, если можно будет, постарайтесь обойтись без убийств, хватит их уже. Держите себя в руках!

Мерри с изумлением слушал-слушал Фродо и не выдержал:

— Если бандитов много, схватки не избежать. Одними только печалями и состраданием ни Лотто, ни Ширу не поможешь. Так-то, друг мой!

— Вряд ли они в другой раз так просто испугаются, — поддержал его Пиппин. — Сегодня-то они от удивления растерялись. Слышите — рог? Собирают своих, это точно. А будет их побольше, и храбрости прибавится. Надо искать надежный ночлег. Мы хоть и вооружены, но нас только четверо.

— У меня идея! — воскликнул Сэм. — Идем к старому Тому Недоселку. Он всегда был крепким хоббитом. И детей у него куча — все мои друзья. У него и укроемся.

— Нет, Сэм, укрываться не годится, — ответил Мерри. — Как раз этого-то от нас и ждут бандиты. Мы не должны давать загнать себя в угол. А в доме легче легкого в западню попасть. Подожгут, и изжаришься. Нет, надо срочно делать что-то.

— Так что же делать-то? — спросил Пиппин.

— А вот что. Поднимать Шир! Сейчас же! Народ будить. Видите же, никому не нравится то, что происходит. Разве что двум-трем дуракам, да и те не понимают, что творят. Хоббиты слишком долго жили в покое, вот и растерялись. Но кинь спич-

ку — вспыхнет! И люди Предводителя это знают, потому и постараются вывести нас из игры. Так что времени у нас совсем нет. Ты, Сэм, если хочешь, сходи, конечно, к Недоселку. Его здесь уважают, он может помочь. А я возьмусь-ка за роханский рог, сыграю музыку, которой здесь еще не слыхали.

Они вернулись назад, к середине деревни. Сэм поскакал к дому Недоселка и не успел отъехать далеко, как услышал чистый звук рога, взлетающий к небу. Он эхом перекатывался в холмах и в полях, и в нем слышался такой призыв, что Сэм едва не повернул назад. Его пони встал на дыбы и заржал.

— Ну, ну, дружище, вперед. — Сэм похлопал его по шее. — Мы скоро вернемся!

Мерри тем временем трубил уже старинный сигнал Заскочья.

ПРОСНИСЬ! ПРОСНИСЬ! ОГОНЬ! ВРАГИ!
ВСТАВАЙ! НАПАСТЬ! ПОЖАР! ГОРИМ!

Позади Сэм различал шум голосов, хлопанье дверей, впереди тоже зажигались огни, залаяли псы, и навстречу выскочили с топорами в руках сам Недоселок и трое его сыновей — Молодой Том, Джолли и Ник.

— Стоп! Это не бандит, — сказал фермер. — По размеру судя — хоббит, хоть и одет не по-нашему. Эй! — крикнул он. — Кто такой? Что надо?

— Сэм я, Сэм Гэмджи. Я вернулся!

— Вот так да! — воскликнул Недоселок, всмотревшись.— И верно — Сэм. Голос тот же, да и похож. А мы боялись — ты умер.

— Еще чего! — счастливо рассмеялся Сэм. — Живы мы, и я, и господин Фродо. Они там с друзьями решили поднять Шир и повычистить всю ту мерзость, которую вы здесь развели. Вот, начинаем теперь.

— Отлично! — вскричал фермер. — Наконец-то началось! Я весь год только об этом и думаю, да ведь помочь-то некому. Сам понимаешь, жена и Рози... А эти злыдни так и шныряют вокруг. Ко мне, ребята, дело начинается!

— А как же Рози? — спросил Сэм, слишком живо вспомнивший пригожую дочку фермера.

— Там Нибс с ними. Хочешь, можешь подсобить ему, — с улыбкой предложил фермер и вместе с сыновьями помчался к деревне.

Сэм подскакал к дому и спрыгнул с седла прямо на крыльцо, чуть не столкнувшись с женой Недоселка, его дочерью и Нибсом с вилами в руках.

— Стой, Нибс! Не надо в меня вилами тыкать. На мне все равно кольчуга. Это я, Сэм Гэмджи, добрый вечер!

— Ох! Здравствуй, Сэм, — сказала Рози. — А говорили, что ты умер. Только я все равно ждала тебя к весне. Не очень-то ты спешил, а?

— Может, и так, — признал Сэм, — зато теперь вот спешу. Мы тут затеяли восстание, так что я тороплюсь к Фродо. Хотел только взглянуть, как вы, госпожа Недоселок, и ты, Рози.

— Хорошо, хорошо, спасибо, Сэм, — ответила фермерша. — Было бы совсем хорошо, если бы не эти злыдни вокруг.

— Приди-ка в себя! — прикрикнула Рози. — Раз уж ты все это время глядел за господином Фродо, так чего же ты его сейчас оставил, когда и в самом деле стало опасно?

Для Сэма это было уже слишком. Но не объясняться же с дерзкой девицей! Он повернулся и тронул пони. Рози сбежала по ступенькам.

— Ты такой видный стал, Сэм, — совсем другим голосом сказала она. — Ладно, иди уж! Только береги себя и возвращайся поскорее, хорошо?

Когда Сэм прискакал на площадь, деревня уже поднялась. Не считая юнцов, там было больше сотни хоббитов, вооруженных топорами, молотками, кольями, у некоторых в руках были даже охотничьи луки. Начали уже подходить с окрестных ферм.

На деревенской площади разожгли большой костер, во-первых, чтобы поднять настроение, а во-вторых, потому что это было запрещено Предводителем. Мерри руководил строительством баррикад на обоих концах деревни.

Подошли ширрифы, посмотрели, как поворачивается дело, сняли свои перья и присоединились к восстанию. Кое-кто, правда, улизнул.

Сэм нашел Фродо и всю компанию у костра. Они беседовали со старым Томом, а толпа из Уводья с восхищением глазела на них.

— Куда потом двинемся? — спрашивал Недоселок.

— Не знаю, — честно ответил Фродо. — Сколько здесь бандитов всего?

— Трудно сказать. — Фермер почесал в затылке. — Они ж туда-сюда шастают. Здесь человек пятьдесят наберется. Разбоем промышляют, «сбором» по-ихнему, да еще дюжины две в Засумках, в охране Предводителя. Правда, его самого уже дней десять как не видно, и к нему никого не допускают.

— А в других местах?

— На юге их, говорят, много. В Долгой Долине, у Сарнского Брода, в Залесье тоже. А у Росстани — целые толпы. Еще ведь эти Садки, как они их зовут: старые кладовки в Микорытах, которые они под тюрьму приспособили. Думаю, всего сотни три наберется. Если ударить дружно, должны справиться.

— Что у них за оружие?

— Ножи, кнуты да дубинки. Другого не видно. Хотя, если до драки дойдет, может, и еще кое-что найдется. У некоторых луки есть. Двоих наших они подстрелили.

— Видишь, Фродо, — сказал Мерри. — Я же говорил, без схватки не обойтись. Это они начали убивать.

— Не совсем так, — поправил его Недоселок, — по части стрельбы хотя бы. Стрелять-то первыми Туки начали. Это все ваш отец, мастер Перегрин. Когда Лотто объявил себя Предводителем, старый Тук заявил, что знать его не желает, что ежели сейчас и быть кому Предводителем, так Тану Ширскому, а не какому-то выскочке. Лотто послал своих верзил, да толку-то! Тукам везет, у них норы глубокие на Зеленых Холмах, Смеалища и все такое. Так и не пустили разбойников к себе. Стреляли, если кто сунется, и троих застрелили-таки. И теперь дозор держат, никто больше в Туково хозяйство не суется.

— Отлично! — вскричал Пиппин. — Сейчас же еду к ним. Тут полями всего миль четырнадцать. Кто со мной? К утру приведу сюда войско Туков! — И в сопровождении полудюжины всадников Пиппин исчез.

— И все-таки, — обратился Фродо к оставшимся, — я не хотел бы убийств, даже если это громилы. Разве что ради спасения хоббита...

— Ладно, ладно, — поторопил его Мерри, — мы все поняли. Я вот думаю, что гостей надо ждать когда угодно, и придут они не для разговоров. Конечно, мы попытаемся обойтись без крови, но готовы должны быть к худшему. У меня есть план!

— Вот и хорошо, — устало произнес Фродо, — организуй все.

В этот момент несколько хоббитов, посланных на разведку, подбежали к костру.

— Идут! — закричали они. — Десятка два или больше, а двое ушли на запад.

— Это они к Росстани, своих собирать, — сказал Недоселок. — Дотуда в один конец миль пятнадцать, можно пока не беспокоиться.

Мерри быстро отдавал приказания. Улицу очистили, безоружных укрыли в домах.

Долго ждать не пришлось; вскоре послышались громкие голоса и топот. Большой отряд громил двигался по дороге. Увидев заграждение, они расхохотались. Им даже в голову не приходило, что здесь, в мирной, ленивой стране они могут с чем-нибудь не справиться.

Хоббиты открыли проход в заграждении и молча встали по сторонам.

— Вот спасибо, услужили! — послышались издевательские выкрики. — А теперь живо, марш по домам, пока вас не выпороли! — И они громко затопали вдоль улицы, покрикивая беззлобно: — Погасить огни! Все по домам! А ну, живо, а то на год в тюрьму засадим!»

Бандиты даже не сразу поняли, что их приказы остаются без исполнения. Пропустив их, хоббиты тихо сомкнулись позади и пошли следом.

На площади, возле костра, одиноко стоял, грея руки, Том Недоселок.

— Кто таков? Чем занимаешься? — гаркнул на него главарь.

Фермер медленно поднял голову и внимательно посмотрел на него.

— Да вот, ждал тебя, чтобы спросить о том же. Это не ваша страна, и вас сюда не звали.

— Зато мы тебя сейчас позовем, — ухмыльнулся главарь. — Взять его, ребята!

Трое громил шагнули вперед, но тут же остановились. Вокруг послышались голоса, и люди вдруг поняли, что фермер не один. Они были на свету и окружены плотным кольцом хоббитов, с трудом различимых в темноте. Все хоббиты были вооружены, и не понять было — сколько их.

В освещенный круг вошел Мерри.

— Мы ведь уже встречались, — обратился он к главарю, — и я предупреждал тебя, чтобы ты не возвращался. Могу еще раз предупредить: ты сейчас на свету, и на тебя смотрит не одна и даже не две стрелы. Тронешь этого фермера хоть пальцем — пеняй на себя. Давай-ка, разоружайся.

Главарь огляделся. Он был в явном замешательстве, но ничуть не испуган. Хоббитов он знал совсем плохо, поэтому не понимал всей серьезности своего положения. Народец был такой хлипкий на вид... И он решил, что вырваться из кольца будет нетрудно.

— А ну, ребята, — заорал он, — зададим им перцу! — и бросился на прорыв. На дороге у него стоял Мерри, и громила замахнулся на него ножом, но тут же рухнул, пронзенный четырьмя стрелами.

На остальных это произвело сильное впечатление. Они без сопротивления дали себя обезоружить, связать и поместить под стражу. Тело главаря унесли.

— Все оказалось не так уже сложно, — сказал Том Недоселок, — нам нужен был только сигнал. В самое времечко вы пришли, мастер Мерри.

— Это только начало, — озабоченно ответил Мерри, — если их и правда так много, как вы говорите, то это лишь малая часть... Впрочем, сейчас темно. Думаю, следующего нападения надо к утру ждать. Тогда и потребуем ответа у Предводителя.

— А почему не сейчас? — нетерпеливо спросил Сэм. — Время-то к семи только. Я хочу своего старика повидать. Господин Недоселок, не знаете, что с ним?

— Не то чтобы хорошо, но и не очень плохо, Сэм, — ответил фермер. — Тугосумы все перерыли. Для него это удар был. Он теперь в одном из новых домов, которые верзилы понастроили, пока еще хоть чем-то кроме грабежей занимались. От конца Уводья дотуда не больше мили. Он приходил ко мне раза два-три, я его подкармливал и совсем бы у себя оставил, да не велено.

— Спасибо вам, сударь, я никогда этого не забуду, — волнуясь, проговорил Сэм. — Все-таки я его повидать хочу. Предводитель этот и Аспид, они ведь и до утра чего-нибудь натворить могут.

— Сходи, конечно, — сказал Недоселок, — только прихвати с собой пару парней и отведи старика ко мне в дом. Эй! Через Водью не ходи! Джолли мой дорогу покажет.

Сэм убежал. Мерри выставил посты, а потом вместе с Фродо отправился к Недоселкам.

Они сидели в удобных креслах, Недоселки задавали вежливые вопросы о путешествии, но видно было, что ответы не слушали. Слишком их волновали здешние ширские дела.

— Все началось с Прыща, — начал рассказывать фермер. — И началось, как только вы уехали, Фродо. Чудные у него были идеи, у этого Прыща. Уж очень он рвался командовать, да и жаден был без меры. Вот он и стал скупать все, что можно, хотя откуда деньги брал — непонятно. Скупал и мельницы, и гостиницы, и пивоварни. Еще до того, как в Засумках поселиться, он у Песошникса мельницу купил. Конечно, богатство его началось еще с Южной Чети, от отца осталось, и похоже, лучший-то лист он уже года два на сторону продавал! А в конце прошлого года уже чем только не торговал! Появилось множество верзил, настоящих головорезов, с телегами. Одни потом ушли с товарами на юг, другие остались здесь. Мы и глазом моргнуть не успели, а они уже расселились по всему Ширу, начали лес валить, дома строить и скоро хозяйничали, где хотели и как хотели.

Но это бы еще полбеды. Старый мэр отправился в Засумки с протестом, а его схватили и посадили под замок. Вскоре после этого Прыщ стал называть себя Предводителем ширрифов, или просто Предводителем, и уж тут на него удержу совсем не стало. Если кто начинал «воображать о себе», как они это называют, сразу отправлялся вслед за Вилли. Становилось все хуже. Курево только для людей, пиво тоже, трактиры позакрывались. Не хватало всего, кроме Правил, этих было вдосталь. Если кто припрятывал что-то, громилы все отбирали — для «справедливого распределения», как они говорили, а это значит — для них, да еще ширрифам перепадало. И так плохо было, а с приходом Аспида началась полная разруха.

— Кто он такой, этот Аспид? — спросил Мерри. — Мы слышали, как один из громил говорил о нем.

— Похоже, это у них самый главный. Впервые мы о нем прослышали еще в прошлую жатву. Никто из нас никогда его не видел, но засел он в Засумках. Думаю, он и есть настоящий Предводитель. Громилы слушаются только его и делают все, что он велит. А велит он обычно ломать, крушить, жечь. Теперь вот убийства начались. Или возьми, например, Песошниксову мельницу. Прыщ разломал ее, почитай, сразу, как в За-

сумки переехал. Потом понагнал верзил немытых новую строить, побольше, напихали они туда колес всяких чужеземных. Тэд, дурачок, радовался и колеса для верзил начищал там, где отец его сам себе хозяин был. Прыщ все норовил побольше и побыстрее. Он и другие мельницы так обустраивать начал. Да только «что потопаешь, то и полопаешь», и новым мельницам работы было не больше, чем старым. А с тех пор, как пришел Аспид, они вообще перестали зерно молоть. Стук да дым, и даже ночью в Хоббитоне покоя не стало. Всю нижнюю Водью запакостили, а она ведь в Брендидуин течет. Если б они нарочно хотели Шир в пустыню превратить, и то лучше б не придумали. Не верю я, что тут только Прыщова глупость. Попомните — это все Аспидовы дела.

— А то как же! — ввернул Том-младший. — Они даже матушку Прыща забрали, Лобелию, значит. Она как-то раз спускались со своим старым зонтиком по тропинке, а навстречу ей верзилы с повозкой. Она им: «Куда это вы?», а они ей: «В Засумки». Она: «Это еще зачем?», а ей: «Сараи строить для Аспида». «Да кто ж это вам позволил?» — Лобелия, значит, говорит, а они ей: «Аспид приказал. А ну, кыш с дороги, старая карга!» Лобелия так и взвилась: «Я вот покажу вам Аспида, грязные воры!» — да как треснет вожака зонтиком, а тот здоровенный такой. Ну схватили ее, в Садок отволокли, в ее-то возрасте! И других позабирали. Некоторых и совсем уж ни за что. Лобелию-то недолюбливали, а она, вишь, боевая оказалась.

Посреди разговора вернулся Сэм и привел отца. Старичина Хэм не то чтобы сильно постарел, но на ухо туговат стал заметно.

— Добрый вечер, господин Сумникс! — обрадовался он Фродо и тут же нахмурился. — Оно, конечно, хорошо, что вернулись, но зуб у меня на вас, если позволите. Я всегда говорил: не след вам Засумки продавать. С этого все и пошло. Пока вы там в чужедальних краях шлялись да Черных Верзил по горам гоняли, как мне тут Сэм говорит (я, правда, не понял, зачем это вам понадобилось), они сюда все сбежались, Тугосумы перерыли! Ни сада, ни огорода не осталось!

— Весьма сожалею, господин Гэмджи, — ответил Фродо. — Но теперь я вернулся, и я с ними разберусь.

— А, ну и хорошо. Лучшего и желать нельзя, — покивал старик. — Господин Фродо Сумникс — истинный благородный хоббит, я всегда это говорил, какими бы там прочие Сумниксы ни были. Надеюсь, Сэм мой прилично себя вел? Все делал как надо?

— Даже больше, господин Гэмджи, — заверил его Фродо. — Вы не поверите, но сына вашего теперь во всех землях знают. Про его подвиги песни поют отсюда и до Моря, и за Великой Рекой тоже.

Сэм, зардевшись, с признательностью поглядел на Фродо. Рози, стоявшая рядом, просияла и улыбнулась ему.

— Конечно, с трудом верится, — покряхтел старик, — хотя я и сам вижу: среди странного народа он замешался. Ты откуда такую одежду взял? — ворчливо спросил он у сына. — Не след хоббиту со всякими железяками связываться, хоть, может, они ему и к лицу.

И домочадцы, и гости Недоселков уже с раннего утра были на ногах. Ночь прошла тихо, но день сулил неприятности.

— В Засумках, похоже, никого из верзил не осталось, — сказал Недоселок, — а с Росстаней вот-вот подойдут.

Сразу после завтрака явился гонец от Туков.

— Вся страна поднимается, — сказал он. — Вести летят, как пожар, во все стороны. Верзилы, которые были у нас, удрали на юг. За ними сам Тан отправился. А мастер Перегрин сейчас подойдет с другим отрядом.

Следующая весть оказалась похуже. Около десяти часов прискакал Мерри, всю ночь проведший в дозоре.

— Милях в четырех отсюда большая банда, — сообщил он. — Идут от Росстаней, и к ним присоединяются все новые и новые.

— Да, эти разговаривать не будут, — проворчал Недоселок. — Если Туки задержатся, придется стрелять. Без драки это дело не уладишь, мастер Фродо.

Однако Туки все же успели. Сотню крепких хоббитов из Тукборо вел Пиппин. Теперь у Мерри оказалось достаточно сил для обороны.

Верзилы, решив подавить восстание, не очень-то задумывались, как это сделать. Да и в военном деле никто из них ничего не смыслил. Мерри, умело воспользовавшись рельефом местности, начал осуществлять свой план.

Бандиты двигались без разведки и, когда свернули с Западной Дороги к Уводью, оказались в ложбине между двумя рядами холмов. Они не прошагали и фарлонга, как дорогу им преградила высокая баррикада из перевернутых фермерских повозок. Это их слегка озадачило, а когда они обнаружили, что дорога позади тоже перекрыта телегами, они просто растерялись. Кругом на склонах холмов мелькали перебегавшие хоббиты. В этот момент сверху раздался голос.

— Эй, вы! Слушайте меня. Вы в ловушке. Ваши приятели тоже угодили в засаду. Один убит, другие взяты в плен. Складывайте оружие, отходите на двадцать шагов и садитесь на землю. При малейшем сопротивлении прикажу стрелять.

Видимо, громилы полностью полагались на свое превосходство в силе. Поэтому они и не подумали сдаваться. Десятка два из них ринулись назад и раскидали телеги. Шестеро при этом были убиты, но остальным удалось прорваться в направ-

лении Залесья. Мерри протрубил сигнал, и вдали прозвучал ответный рог.

— Далеко не уйдут, — сказал Пиппин. — Там полно наших охотников.

Остальные громилы, а их было еще около восьмидесяти, бросились штурмовать баррикаду и склоны холмов. Тут-то и разыгралось настоящее сражение. Бандиты рвались вперед, не думая об опасности. Натиск был так силен, что хоббиты заколебались и готовы были отступить, тем более что некоторые были убиты, но тут с востока в полном порядке в бой вступили отряды под командой Мерри и Пиппина. Мерри сразил вожака нападавших, огромного, косоглазого человека, очень похожего на орка. После этого бой скоро кончился. Около семидесяти захватчиков полегло, дюжину взяли в плен. Были потери и среди хоббитов: девятнадцать убитых и около тридцати раненых.

Тела громил закопали в песчаной яме — позднее ее стали называть Бранной Ямой, — а павших хоббитов похоронили на вершине холма, установили над могилой огромный камень, а потом там разбили сад. Так закончилась Битва при Уводье 1419 года, последняя битва в Шире, где ничего подобного не происходило со времен сражения на Зеленых Полях, триста лет назад.

В Алой Книге событиям этим посвящена целая глава, а имена участников занесены в Памятный Свиток. Историки Шира знают их наизусть.

Слава Недоселков после этого еще более возросла, но открывается Свиток именами вождей Мериадока и Перегрина.

Фродо за весь бой так и не обнажил меч. Он только удержал хоббитов от расправы над пленными.

К вечеру друзья собрались вместе у Недоселков за поздним обедом. Фродо сказал:

— Что ж, теперь самое время, пожалуй, повидаться с Предводителем.

— Да уж, с этим лучше не откладывать, — согласился Мерри. — И знаешь, не нежничай с ним особо. В конце концов, все беды начались с него. Он должен ответить за то зло, которое причинил.

Отправились сразу после обеда. Том Недоселок собрал отряд из двух десятков хоббитов, особо отличившихся в бою. «Это ведь мы так думаем, что громил больше нет, — говорил он, — а как там на самом деле — неизвестно».

Фродо, Сэм, Мерри и Пиппин шагали во главе отряда. Наверное, когда они подходили к разоренным Засумкам, это был самый печальный момент в их жизни. Огромная труба поднималась над дорогой. Пройдя мимо каких-то бараков, они вышли к новой мельнице — большому и грязному кирпичному

строению. По трубе, выходившей из нее, в реку текла какая-то дрянь. Деревья вдоль всей дороги были свалены.

Перейдя через мост, они взглянули на Горку и ахнули. Сэму не помогло даже то, что он видел в Зеркале Галадриэли, в Лориене. Старое имение было в полном запустении, а вокруг понатыканы обмазанные дегтем сараи. Каштаны исчезли, изгороди повалены. Огромные телеги в беспорядке стояли тут и там. Тугосумы зияли песчаными и гравийными карьерами. Самих Засумок не было видно за скопищем бараков и хижин.

— Они срубили его! — вдруг завопил Сэм. — Они срубили Праздничное Дерево! — Он смотрел на то место, где раньше росло дерево, под которым Бильбо произносил свою Прощальную Речь. Сейчас оно лежало неподалеку мертвое, с обрубленными ветвями. Сэм расплакался.

Его прервал неприятный смех. Через низкую стену мельничного двора на них смотрел рослый, грубого вида хоббит. Лицо у него было недоброе, а руки совсем черные.

— Что, Сэмчик, не по вкусу? Я помню, ты всегда был такой чувствительный. Думали, ты сгинул уж давно на тех кораблях, которые все уплывают, уплывают... Ну, зачем вернулся? Работа, правда, для тебя найдется. Мы теперь большие дела делаем.

— Оно и видно, — едва сдерживаясь, ответил Сэм. — Весь в делах, руки отмыть некогда. Ну, слушай, Песошникс. Мне здесь кое с кого должок получить надо. Гляди, чтобы и тебе счет не прислали, да такой, что не расплатишься!

Песошникс сплюнул через стену.

— Та-та-та, — презрительно сказал он. — Я друг Аспида, меня нельзя трогать. А если еще что от тебя услышу, так и знай, он вас так тронет, что не обрадуешься.

— Хватит с дураком разговаривать, Сэм, — остановил друга Фродо. — Надеюсь, немного хоббитов найдется таких, как этот. Вот настоящее зло, а все остальное поправимо.

— Слушай, ты, грязный, наглый Песошникс! — сказал Мерри. — Мы как раз и пришли повидать твоего Аспида, а заодно передать ему, что своих верзил он больше не увидит.

У Тэда рот открылся от изумления, когда он заметил отряд вооруженных хоббитов, входящих на мост. Он бросился к мельнице, выскочил назад с рогом в руках и громко затрубил.

— Эй, не надорвись! — засмеялся Мерри. — У меня получше получается! — Он поднял рог, и чистый серебряный звук разлился над Горкой. Из окрестных нор и домишек стал выходить народ, многие с радостными возгласами присоединились к отряду.

Наконец они подошли к усадьбе. Дом выглядел снаружи совсем заброшенным. Входная дверь перекосилась, колоколь-

чик не звонил. На стук никто не отозвался, тогда они толкнули дверь и вошли. Внутри был полный кавардак; видно, домом давно не пользовались.

— Куда же подевался этот несчастный Лотто? — удивлялся Мерри.

Они обшарили весь дом, но, кроме мышей и крыс, никого не встретили.

— Здесь хуже, чем в Мордоре, — сказал Сэм, со злобой дав пинка какой-то зазевавшейся крысе. — Хуже потому, что это наш дом и мы помним, какой он был раньше.

— Да, это дело Мордора, — вздохнул Фродо. — И дело сделано руками Сарумана. Он хоть и думал, что он сам по себе, а на деле выполнял черную волю, как и те, кого он обманул, вроде Лотто, например.

Мерри озирался с гадливым выражением.

— Пошли на воздух, — решительно сказал он. — Знай я, что все оно так будет, затолкал бы свой кисет Саруману в глотку!

— Может, и так, может, и так... Да ведь вы не сделали этого, и теперь я могу приветствовать вас! — В дверях стоял Саруман. В глазах его явно читались злоба, насмешка и самодовольство.

На Фродо словно озарение снизошло.

— Аспид! — закричал он.

Саруман довольно рассмеялся:

— Вижу, слыхали обо мне, а? Так меня звали в Изенгарде. В знак признательности, полагаю. А вы, похоже, не ожидали меня здесь увидеть.

— Нет, — просто признался Фродо. — Хотя мог бы и догадаться. Гэндальф предупреждал, что ты способен на мелкие пакости.

— Способен, способен, — покивал Саруман. — Вы насмешили меня, недомерки, когда такие довольные собой, такие беспечные, скакали мимо в компании Мудрых. Вы были уверены, что все плохое уже кончилось, и собирались славно отдохнуть в своей маленькой, уютной стране. Ишь вы, дом Сарумана разрушен, а ваш, значит, никто не может тронуть! Думали, Гэндальф об этом позаботится? А вот и нет! Вы свое дело сделали и больше ему не нужны. Ну и дурачки, думал я. Надо бы проучить их. И уж я бы проучил, будьте уверены, если бы мне побольше людей и времени. Но я и так сделал немало, всего вам в жизнь не поправить. Я рад, что посчитался с вами!

— Если это доставляет тебе удовольствие, — холодно ответил Фродо, — мне жаль тебя. Но это — твое дело. Хочешь радоваться — радуйся. А теперь иди и не возвращайся.

Фродо только сейчас заметил, что вокруг Засумок собралось множество хоббитов. При его последних словах отовсюду послышались крики:

— Нельзя отпускать его! Он убийца! Не отпускайте! Убить его!

Саруман медленно обвел взглядом толпу и усмехнулся.

— Убейте, убейте! — передразнил он. — Ну, попробуйте, убейте, если силенок хватит! — Он выпрямился во весь рост, и взгляд его стал тяжелым. — Я потерял только свое добро, но не силу. Тот, кто посмеет прикоснуться ко мне, будет навеки проклят! И если здесь прольется хоть капля моей крови, Шир ваш зачахнет и зарастет бурьяном.

Видно было, что на многих хоббитов его слова произвели впечатление.

— Не верьте ему, — спокойно сказал Фродо, — нет у него никакой силы. Только разговоры и остались. Голосом, впрочем, он еще может зачаровать — тех, кто станет его слушать. Но убить его я не позволю. Отвечая местью на месть, ничего не поправишь. Поэтому пусть уходит. — Хоббит повернулся к бывшему магу. — Уходи, Саруман, уходи поскорее, мы не хотим больше видеть тебя.

Некоторое время Саруман угрюмо озирался, потом крикнул:

— Эй, Червяк!

Из ближайшей хижины на четвереньках вылез Грима.

— Идем, Червяк, — бросил ему Саруман. — Эти славные полурослики снова гонят нас в путь. Идем! — Саруман повернулся и пошел прочь. Но проходя мимо Фродо, он сделал молниеносный, как удар змеи, выпад, и длинный нож лязгнул о кольчугу из мифрила, которую Фродо все еще носил под курткой. Тут же не менее десятка рук схватили злодея, вырвали нож и бросили на землю. Сэм выхватил меч.

— Стой, Сэм, — остановил его Фродо. — Не убивай его даже теперь. Он ничего мне не сделал. Я не хочу, чтобы он погибал в таком ужасном состоянии духа, как сейчас. Когда-то он был по-настоящему велик. Тогда ничья рука не поднялась бы на него. Теперь он пал, и мы не в силах помочь ему. Но, может быть, он сам сможет найти путь к свету. Я прошу пощадить его.

Саруман медленно поднялся на ноги и посмотрел на Фродо. Странный это был взгляд. В нем смешались и ненависть, и изумление, и уважение.

— Ты вырос, полуросли к, — тихо сказал он. — Ты стал мудрым и жестоким. Теперь ты лишил мою месть сладости, и я ухожу в долгу перед твоим милосердием. Но я ненавижу и его, и тебя! Хорошо, я уйду и не буду больше вредить тебе. Но не надейся услышать от меня на прощание пожеланий здоровья и долгих лет жизни. У тебя не будет ни того ни другого, хотя и не по моей воле; я только предсказываю.

Он пошел прочь, и хоббиты расступились, давая ему дорогу. Грима чуть заметно помедлил и поплелся за хозяином.

— Грима! — окликнул его Фродо. — Ты можешь остаться. Ты ни в чем не виноват перед нами. Отдохни здесь, наберись сил, а потом можешь идти своей дорогой.

Грима остановился и растерянно посмотрел на Фродо. Видно было, что он готов принять предложение, хотя никак не ожидал его.

Остановился и Саруман.

— Не виноват, говоришь? — воскликнул он. — Нет, конечно, нет! Когда он выползал по ночам наружу, он просто любовался на звездочки! Тут кто-то из вас интересовался, куда подевался бедный Лотто? Эй, Червяк, тебе ведь известно, что с ним приключилось, а? Скажи-ка им!

Эти слова словно подкосили Гриму. Он рухнул на землю, захлебываясь от визга: «Нет! Нет!»

— Не хочешь говорить? — продолжал Саруман. — Но им же интересно. Надо рассказать им. Я расскажу, пожалуй. Так вот, бедняжки, вашего Предводителя зарезал Червяк. Во сне, я полагаю. И закопал, надеюсь... Хотя в последнем и не уверен. Он ведь все время голоден. А, Червяк? Ну, это ты дурно поступил. И мне ничего не оставил.

Красные глаза Гримы сверкнули дикой ненавистью.

— Это ты! Ты меня заставил! — зашипел он.

Саруман засмеялся.

— А ты всегда слушаешься Аспида, разве не так? Ну, так вот, теперь он говорит: «За мной!» — Он снова пнул Гриму, повернулся и пошел прочь.

Дальнейшее произошло так быстро, что никто не успел пошевельнуться. Грима схватил валявшийся в пыли нож и с глухим рычанием прыгнул на спину Саруману. Мгновенным движением он откинул его голову назад и перерезал магу горло. Затем отшвырнул нож и с визгом бросился бежать. Прежде чем Фродо успел вмешаться, в воздухе свистнули три стрелы, и Гримы Червослова не стало.

К ужасу собравшихся хоббитов, вокруг тела Сарумана сгустился плотный серый туман. Медленно поднявшись над Горкой, он образовал зыбкую серую фигуру. Мгновение она колебалась, обратившись на запад, но оттуда налетел порыв холодного ветра и обратил ее в ничто. Над холмами прошелестел и замер чуть слышный вздох.

Фродо с жалостью смотрел на лежащее тело. Всем показалось вдруг, что с момента гибели Сарумана пролетели столетия, — так страшно изменилось лицо мертвого: кожа истлела и повисла сухими лохмотьями на ужасно проступившем черепе. Фродо приподнял край грязного капюшона, накрыл им лицо мага и пошел прочь.

— Ну, вот все и кончилось, — содрогнувшись, проговорил Сэм. — Оно конечно, противный был конец, что и говорить. Лучше бы его не видеть. Но главное — кончилось.

— Надеюсь, что кончилась и Война, — сказал Мерри.

— Хорошо бы так, — вздохнул, повернувшись, Фродо. — Самый последний удар! И, подумать только, он пришелся как раз сюда, в самые двери Засумок. Я даже во сне не мог такого представить!

— Кончилось, кончилось... — проворчал Сэм. — Какой же это конец? Вот вычистим здесь все да приберемся, тогда и поговорим о конце. Так ведь это еще когда будет!

Глава 9
СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ

Чистить действительно пришлось многое. Но времени на это ушло все-таки меньше, чем опасался Сэм.

На другой же день друзья отправились в Микорыто и освободили всех пленников. Среди них одним из первых отыскался Фредегар Пузикс, изрядно похудевший теперь. Он с кучкой охотников скрывался в холмах, и верзилам пришлось повозиться, прежде чем они выкурили сопротивлявшихся хоббитов из нор.

— Право слово, лучше бы ты с нами пошел, бедолага! — сказал Пиппин, вынося его наружу, — тот был слишком слаб, чтобы идти самому. Фредегар только открыл глаз и попытался улыбнуться.

— Что это за великан с громовым голосом? — прошептал он. — Уж не маленький ли Пиппин? И какой у тебя теперь размер шляпы?

За ним подошла очередь Лобелии. Несчастная выглядела совсем дряхлой. Ее вытащили из темной, узкой камеры, но когда она появилась на пороге, опираясь на руку Фродо и сжимая неизменный зонтик, ее встретили такими приветственными криками и гулом восторга, что она расплакалась. К ней в жизни не относились с таким радушием. Однако весть о гибели Лотто сокрушила старуху. В Засумки она уже не вернулась, а ушла жить к родне, оставив усадьбу Фродо. Впрочем, следующей весной Лобелия умерла, дожив до ста с лишним лет и завещав все свое состояние на помощь хоббитам, оставшимся без крова. Фродо был смущен и тронут таким окончанием давней семейной вражды.

Старый Вилли Белоног отсидел самый большой срок. Здоровье у него совсем расстроилось, и обязанности мэра пришлось взять на себя все тому же Фродо — пока старый Вилли не обретет прежнюю форму. Первым (и последним) делом новый мэр сократил количество ширрифов до прежней величины, а остальных отправил заниматься делом. Покончить с верзилами поручили Мерри и Пиппину. Еще до конца года они с этой задачей справились. Прослышав о битве в Уводье, верзилы, почти не оказывая сопротивления, бежали из страны. Прочим околотням тоже объяснили, где начинается Шир.

Хоббиты — была бы нужда да охота — могут работать, как пчелки. Тысячи рук от мала до велика, жаждущих привести страну в порядок, взялись за дело. Уже к июлю «дома ширрифов» и бараки, выстроенные «аспидовым племенем», разобрали по кирпичику. Кирпичики пошли на починку самых старых и бедных нор — в них стало намного чище и суше. В ямах, амбарах, норах, а особенно — в дальних ходах Садка в Микорытах нашлись огромные запасы провизии, пива и всякой всячины; так что дела сразу оказались не так плохи, как представлялось поначалу.

В Хоббитоне работы начались не с мельницы, а с Сумкиной Горки — приводили в порядок усадьбу, восстанавливали Тугосумы. Прежние норы сровняли с землей и на их месте разбили огромный крытый сад, а новые жилища, выложенные кирпичом, расположились на южном склоне холма. Старичина Хэм снова занял норку под номером три.

— Нет худа без добра, — веско заявлял он теперь и непременно добавлял: — Все хорошо, что хорошо кончается.

Название нового поселения обсуждалось долго и со вкусом. «Сад победы» был отвергнут, как и «Самолучшие Смеалы». Победили простые и понятные «Новосумы». Впрочем, шутники из Уводья величали поселок не иначе как «Аспидов Конец».

Хуже всего пришлось деревьям — разбойники повырубили их по всему Ширу. Эта беда больше всего печалила Сэма. Он думал, что теперь только внуки его, если они будут, увидят Шир зеленым.

Но в один прекрасный день у него выдалась свободная минутка (так-то он неделями был занят работой), он начал вспоминать о своих приключениях и тут же вспомнил о подарке Владычицы Благословенного Края. Он достал коробочку и показал друзьям.

— Я и то думал, — сказал Фродо, — когда ты о ней вспомнишь? Ну, открой!

Коробка доверху была наполнена серой, мягкой и нежной вроде бы пыльцой, а посреди лежало зернышко серебристого цвета.

— А что же мне с этим делать? — растерянно спросил Сэм.

— Выбери ветреный день, брось в воздух, пусть само делается! — предложил неунывающий Пиппин.

— И пропадет попусту! — возразил Сэм.

— Тогда выбери участок земли на пробу, да вот хоть Засумки, и посмотри что будет, — посоветовал Мерри.

— Нет, — упрямо помотал головой Сэм. — Я уверен, Владычице не по нраву пришлось бы, потрать я все на свой сад. Смотрите, сколько народу вокруг страдает!

Фродо же сказал ему так:

— Ты умелый садовник, Сэм. Сделай все, что можешь сделать сам. А для того, что сам сделать не сможешь, используй подарок Галадриэли. Там ведь немного, каждая пылинка на счету.

Сэм начал сажать саженцы. Сначала там, где раньше росли самые красивые деревья, а потом и там, где ничего не росло. И возле каждого посаженного кустика он клал в землю частичку благословенной почвы. С этой работой он ходил по всему Ширу, но особое внимание уделял все-таки Хоббитону и Тугосумам. Когда в коробочке осталась маленькая щепотка, он поднялся на вершину самого высокого холма почти в центре страны и, прошептав благословение, бросил остатки в воздух. Серебристое зернышко он посадил посреди Праздничной Поляны и долго размышлял, что же из него вырастет. Всю зиму он едва сдерживал себя, чтобы не бегать каждый новый день смотреть — не случилось ли чего?

Весной даже видавшие виды старые хоббиты не верили своим глазам. Деревья росли с такой быстротой, словно время для них сжалось, и год проходил за неделю. На Праздничной Поляне творилось и вовсе не виданное. Серебристое семечко дало чудесный побег, и теперь он рвался вверх к небу, не по дням, а по часам. У деревца был серебряный ствол и большие длинные листья золотистого оттенка. В апреле в кроне зажглись большие красно-золотые цветы.

Уже через несколько лет молва о чудесном дереве распространилась далеко за пределы Шира. Многие приходили издалека специально взглянуть на диковинное диво. Это был единственный в тех краях мэллорн, и надо сказать, один из прекраснейших в мире.

Вообще тот год, 1420-й, был замечательным для Шира. Не только из-за мягкого солнца и дождей, которые сменяли друг друга именно тогда, когда надо, и было их столько, сколько надо. Не это было главное. Куда важнее был осенивший всю страну дух благости, красоты и жизни. Дети, рожденные в этот год, были сильны и прекрасны. У многих из них были золотые волосы, что прежде среди хоббитов встречалось только изредка. Ягод и фруктов поспело столько, что хоббитята едва не купались в клубнике со сливками, а на лужайках под сливовыми деревьями их стараниями вырастали пирамиды и курганы из косточек. Совсем не было болезней, и все были довольны, разве что кроме косарей. Траву приходилось косить так часто и она была такой густой и высокой, что они выбивались из сил.

В Южной Чети клонилась к земле лоза, табак вымахал на редкость рослый и духовитый, зерна уродилось столько, что амбары ломились. В Северной Чети эль из ячменя урожая 1420 года вошел в поговорку. Еще и поколение спустя можно было услышать

от какого-нибудь старика в трактире, со вздохом заглядывавшего в опустевшую кружку: «Эх, вот в 1420-м эль был так эль!»

Первое время и Фродо, и Сэм жили у Недоселков. Лесничьи дела часто уводили Сэма из дому, и, случалось, надолго. Он был как раз в одной из своих поездок, когда в начале марта Фродо неожиданно заболел. Тринадцатого числа старик Недоселок нашел его лежащим поперек кровати в забытьи. В руке Фродо сжимал белый камень, который всегда носил на шее. Губы его шевелились. Старый Том нагнулся и едва расслышал чудные слова: «Оно ушло, ушло навсегда. Без него так темно и пусто...» Но приступ скоро прошел, и когда двадцать пятого вернулся Сэм, Фродо был в полном порядке и ничего ему не сказал. Тут как раз закончились работы в Засумках, Мерри с Пиппином разыскали в Кривражках старую мебель, и скоро усадьба выглядела не хуже, чем раньше.

Фродо как-то раз спросил Сэма:

— Ну, Сэм, когда переезжать будем?

Сэм неожиданно смутился и ничего не ответил.

— Если не хочешь, подождем пока, — сказал Фродо. — Я, правда, думал, что в Засумках тебе будет лучше... И старик твой рядом, и вдова Встряскин за ним присматривала бы...

— Оно, конечно, так, сударь,— пробормотал Сэм и покраснел.

— Так в чем же дело? — недоумевал Фродо.

— Да вот, сударь, Рози... Рози Недоселок... Похоже, ей, бедняжке, не очень-то по нраву был наш отъезд тогда. Ну, я, как собрался, ничего говорить не стал, и она не сказала. А потом я не говорил, потому что работы невпроворот навалилось. А теперь я сказал, а она и говорит: «Мы и так целый год потеряли! Чего еще ждать-то?» «Ничего себе, думаю, потеряли!», но вообще-то она права. Так что я уж и не знаю, прямо хоть пополам рвись... — Он совсем смешался и замолчал.

— Ну вот, теперь до меня дошло, — облегченно вздохнул Фродо. — Тебе и со мной расставаться не хочется, и жениться пора. Милый ты мой, но ведь это же так просто! Женись поскорее и переезжайте ко мне всей семьей! Какая бы она у тебя ни была, в Засумках места не занимать!

Так оно и сталось. Сэм и Рози поженились весной 1420 года (свадьба их запомнилась надолго) и поселились в Засумках. Сэм был счастлив, а Фродо и того счастливее. Ибо не было во всей стране хоббита, за которым ухаживали бы так внимательно, как за ним. Теперь время его текло размеренно и спокойно; он много писал и перечитывал свои записи. Летом, на Вольной Ярмарке, он сложил с себя полномочия мэра, и теперь доброму старому Вилли Белоногу предстояло еще семь лет возглавлять все празднества.

Мерри и Пиппин поселились в Кривражках. Между Сумкиной Горкой и Заскочьем много было хождений туда-сюда. Оба молодых хоббита стали теперь самыми известными граж-

данами. Жили они широко, открыто. Песни, рассказы о своих походах, красивые невиданные наряды — все это влекло к ним многих. Любо-дорого было посмотреть, как они несутся во весь опор по тракту, и красивые плащи развеваются за спиной. И характер у них остался такой, как был: ровный да мягкий, совсем не заносчивый, разве что еще веселей стали.

Фродо с Сэмом, напротив, жили тихо. А уж длинные серые плащи с драгоценными застежками надевались у них только по большим праздникам. Но камень со звездным блеском Фродо носил постоянно.

Одним словом, все шло хорошо, и обещало стать еще лучше. Сэм был всем доволен.

Не нравилось ему только, что Фродо как-то все больше выпадал из жизни Шира, и никаких особых почестей не имел, да видно, и не стремился к ним. Немногие ведь знали об их походе, да и те не все; так что все восторги, все уважение достались в основном Мерри, и Пиппину, и, кстати, ему, Сэму, хоть он и вовсе этого не желал.

Но вот осенью их коснулась тень прежних забот.

Как-то вечером Сэм нашел Фродо в странном состоянии. Хозяин был бледен, как мел, а глаза невидяще смотрели куда-то вдаль.

— Что с вами, сударь? — обеспокоился Сэм.

— Я ранен, — неожиданно ответил Фродо, — ранен глубоко и никогда не оправлюсь от этой раны.

Сэм не на шутку разволновался, но уже на следующий день Фродо выглядел по прежнему и, судя по всему, был вполне здоров. Тогда Сэму пришло в голову взглянуть на календарь. Было 6 октября. Ровно два года назад на Заветери Король-Призрак ранил его хозяина.

Шло время. В марте Фродо заболел снова. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы не привлекать внимания. У Сэма были другие заботы. Двадцать пятого марта у них с Рози родилась дочка. Сэм зашел к Фродо. Он выглядел глубоко озабоченным.

— Ума не приложу, сударь, что делать. Мы-то ждали мальчика и решили, что назовем его в вашу честь — Фродо, а тут дочка... Такая хорошенькая девочка, лучше и не бывает, в ней от Рози больше даже, чем от меня. Так что делать-то?

— А чем тебе плох старинный обычай? — спросил Фродо. — Выбери цветочное имя, ну хоть бы — Роза. Так в Шире половину девочек зовут. Что может быть лучше?

— Оно конечно, сударь, — протянул Сэм. — Да я в наших странствиях много красивых имен встречал, только они слишком велики на каждый день, для всяких домашних забот и хлопот, значит. Вот и старик мой говорит: «Назови покороче, чтоб потом сокращать не пришлось». А если цветочное, так надо же цветок подобрать. Она же красивая у меня, а будет еще краше.

Фродо чуть помедлил.

— Пусть зовется Эланор. Помнишь, в Лориене мы видели такой солнечный цветок?

— Ага. Вот это самое мне и нужно было, — просиял Сэм. — Так тому и быть, значит.

Наступала осень. Маленькой Эланор исполнилось уже полгодика, когда однажды Фродо позвал Сэма в свою рабочую комнату.

— Слушай, Сэм, в четверг день рождения Бильбо, — сказал он. — Сто тридцать один год! Надо бы нам навестить его. Я хочу, чтобы мы съездили вместе. Рози, верно, расстроится, но ты пообещай, что скоро вернешься. Передай ей, что это моя большая просьба.

— Эх, сударь, я и сам бы с превеликой радостью съездил в Дольн, и старого Бильбо мне тоже повидать охота, но вот... — Сэм замялся. — Нет, правда, сударь, мне хочется поехать с вами... но и остаться здесь мне хочется больше всего на свете!

— Бедняга Сэм, — улыбнулся Фродо. — Тебе еще предстоит помучиться с этим. Ну, не беда. Все пройдет со временем. Тебе еще суждено стать твердым — таким ты и станешь.

На следующий день Фродо отдал Сэму ключи и показал, где лежат его бумаги и рукопись. Теперь это была большая книга в добротном красном кожаном переплете, и она была дописана почти до конца. В начале множество страниц были исписаны тонким, неровным почерком Бильбо, но большая часть записей была сделана твердой рукой Фродо. Книга была поделена на главы, однако последняя, под номером 80, была не закончена, и там оставалось еще несколько чистых страниц. На титульном листе стояло много заглавий:

МОЙ ДНЕВНИК.

МОЕ НЕОЖИДАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

ТУДА И ОБРАТНО, И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЯТИ ХОББИТОВ.

ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ КОЛЬЦЕ,
СОСТАВЛЕННАЯ БИЛЬБО СУМНИКСОМ
ИЗ СОБСТВЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЙ
И РАССКАЗОВ ДРУЗЕЙ.

ЧТО МЫ ДЕЛАЛИ В ВОЙНЕ КОЛЕЦ.

Здесь кончалась рука Бильбо. Дальше писал Фродо:

ПАДЕНИЕ ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ
И
ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

(с точки зрения малого народа;
воспоминания Бильбо и Фродо из Шира,
дополненные сообщениями их друзей
и поучениями Мудрых,
вместе с выдержками из Книги Знаний,
переведенными Бильбо в Дольне)

Прочитав это, Сэм воскликнул:

— Да вы почти завершили ее, Фродо!

— Я совсем завершил ее, Сэм. Последние страницы допишешь ты.

Двадцать первого сентября они отправились в путь. Фродо выбрал того же пони, на котором возвращался из Минас Тирита. Он теперь звался Колобродом. А Сэм оседлал своего ненаглядного Билла. Стояло прекрасное золотое утро. Сэм не спрашивал, куда они едут, ему казалось, что угадать не трудно.

Хоббиты без спешки выбрались на дорогу к Крепи и заночевали в Зеленых Холмах. Двадцать второго сентября к полудню добрались до леса.

— Уж не за тем ли деревом вы прятались, сударь, когда мы впервые Черного Всадника встретили? — спросил Сэм. — Мне теперь кажется, что все это во сне было.

Вечерело. На востоке проглянули звезды. Хоббиты миновали дуплистый дуб, свернули и стали спускаться с холма через заросли орешника. Сэм молчал. На него нахлынули воспоминания. Вдруг он услышал, как Фродо тихонько напевает про себя, напевает старую прогулочную песню, вот только слова были немножко другие.

За поворот! Меня там ждет
Забытый лаз, секретный ход;
Я миновал его вчера —
Но знаю, что придет пора
Найти ту тропку в глубине,
Что мчится к Солнцу и Луне!

И словно в ответ, откуда-то издалека, с дороги, идущей по долине, донеслись голоса.

А! Элберет Гилтониэль!
Силиврен пенна мириэль
О менел аглар эленат,

Гилтониэль! О Элберет!
Очей твоих бессмертный свет!
Тебе поет лесной народ
В иной земле, за далью вод.

Фродо и Сэм остановились и молча ждали в мягких сумерках, пока из-за поворота не показались странствующие эльфы.

К ним подошел Гилдор, а за ним... Сэм с восторгом и изумлением увидел приближающихся Элронда и Галадриэль. Элронд ехал в серой мерцающей мантии, во лбу его сияла звезда, а на пальце — большое золотое кольцо с голубым камнем. Это был Вэйал — самое могущественное из трех эльфийских колец. Следом на белом коне ехала Галадриэль. О ее одежде можно было сказать только, что она походила на легкие облака, закрывшие луну и горящие ее серебряным светом. Мягкий свет струился и переливался вокруг Владычицы Благословенного Края. На пальце ее сверкал Нэин — кольцо из мифрила с белым камнем, сиявшим, как холодная звезда. Позади мудрейших, на маленьком ушастом пони ехал, покачиваясь в дреме, Бильбо.

Элронд приветливо поздоровался с хоббитами, а Галадриэль улыбнулась им.

— Ну, мастер Сэмиус, — сказала она, — я слышала, что ты сумел распорядиться моим подарком наилучшим образом. Теперь Шир навеки станет цветущим и благословенным краем.

Сэм только низко поклонился. За эти годы прекрасный образ Владычицы потускнел в его памяти, и теперь он был снова потрясен ее величественной красотой.

Тут проснулся Бильбо.

— А, привет, Фродо! — сказал он слабым голосом. — Видишь, отправляюсь в новое путешествие. Ты тоже?

— Да, и я тоже, — просто ответил Фродо. — Хранители Кольца должны быть вместе.

Сэм только сейчас понял, что происходит. Он подскочил в седле и закричал:

— Куда же это мы едем, сударь?!

— В Серебристую Гавань, — спокойно ответил Фродо.

— Но я же не могу!

— Конечно, нет. Пока, во всяком случае. Ты только проводишь нас. Правда, твоя судьба тоже вплетена в историю Кольца, и твое время может еще настать. Да не печалься ты, Сэм, — видя его смятение, улыбнулся Фродо. — Не можешь же ты вечно разрываться надвое. У тебя впереди еще очень много дел и много радостей.

— Но... — Сэм чуть не плакал, — я думал, после всего вам понравится Шир, и я так хотел...

— Я тоже так думал, Сэм. Раньше. Но теперь я знаю, что рана моя слишком глубока. Я хотел спасти Шир, и теперь он спасен, но не для меня. Так часто бывает, когда нужно что-то спасти: кто-то должен отказаться от него, потерять для себя, чтобы сохранить для других. Но не горюй, ты ведь мой наследник. Все, что я имел, теперь твое. А у тебя еще и Рози, и Эланор, и еще будут мальчишки: и Фродо, и Мерри, и Пиппин, и

еще дочка — Злата, или даже больше, чем я могу предвидеть. Твои славные руки и голова понадобятся везде. Ты станешь мэром, и будешь им столько, сколько захочешь. А лучшим садовником в истории Шира так и останешься до конца времен. И ты будешь читать Алую Книгу, и будешь следить, чтобы не умерла память об уходящей Эпохе, чтобы никто не забывал о Великой Опасности и еще больше любил свою землю. И так будет, пока продолжается твоя глава в Алой Книге! А сейчас — вперед, за мной!

Уходила Третья Эпоха. Уходили Элронд и Галадриэль, минули дни Колец, и к концу подходит песнь о тех временах. Эльфы покидали Среднеземье, и среди них, и вместе с ними, полные светлой печали ехали Бильбо, Фродо и Сэм.

За вечер и ночь они пересекли весь Шир, однако никто, кроме лесных зверюшек, не видел их. Разве что случайный ночной прохожий приметил удивительные лунные блики на траве.

Вскоре они оставили на юге Белые Увалы и достигли Башен на Дальних Холмах. Отсюда им впервые открылось Море. Здесь был конец их пути, ибо они достигли Митлонда, Серебристой Гавани; и здесь встретил их Кирдэн Корабел. Он был очень высок ростом, сед и стар, но глаза его лучились и сияли, как звезды. Он низко поклонился прибывшим и сказал только: «Все готово».

Они пошли за ним в Гавань, где у причала стоял большой белый корабль. Здесь их ждала радостная встреча. Неподалеку от воды, верхом на великолепном белом скакуне, сидел в длинной мантии Гэндальф Белый. Завидя их, он спешился и неторопливо пошел навстречу. Фродо увидел у него на пальце Третье Кольцо — Наир Великий, с алым, как пламя, камнем. Отплывающие были рады, узнав, что маг уходит с ними.

Последние эльфы уже поднимались на корабль, готовый к отплытию, когда на взмыленных конях примчались Пиппин и Мерри.

— Ну вот, опять ты пытался удрать тайком, друг Фродо, и опять не удалось,— проговорил Пиппин, улыбаясь сквозь слезы.— На этот раз тебя Гэндальф выдал.

— Да,— сказал Гэндальф,— потому что втроем возвращаться лучше, чем одному. Что ж, друзья, на этом берегу кончается история о самой замечательной в Среднеземье дружбе. Идите с миром! Я не буду уговаривать вас не плакать, потому что слезы — это не всегда плохо.

Фродо поцеловал Мерри и Пиппина, а затем — Сэма. Как только он взошел на палубу, мачты оделись парусами, поднялся ветер, и корабль плавно заскользил к выходу из залива. Фиал Галадриэль на груди Фродо блеснул слабой звездочкой и исчез. И корабль вышел в Верхнее Море, и шел, и шел на

Запад, пока наконец в ночи, наполненной теплым дождем и ветром, Фродо не ощутил томительное благоухание, разлитое в воздухе, и не услышал звуки нежного напева, летящие над водой.

Потом, как во сне, который снился ему в доме Бомбадила, серая завеса дождя стала стеклянно-серебристой, медленно раздвинулась, и перед ним открылась далекая зеленая страна в мягком свете восходящего солнца.

А для Сэма на берегу вечер переходил в ночь. Он долго всматривался в морской простор, но едва заметное серое пятнышко давно пропало в сгущающихся сумерках на западе. Волны мерно шелестели о берег, и этот звук надолго запал в сердце Сэма. Пиппин и Мерри сидели рядом в полном молчании.

Наконец трое друзей повернули домой, и теперь скакали уже не оглядываясь. До самого Шира не было сказано ни слова, но каждый радовался, что на этом долгом, грустном пути рядом были друзья.

На Западной Дороге они разделились. Вскоре Пиппин и Мерри уже распевали песни по пути в Заскочье, а Сэм свернул к Уводью.

У самой Горки Сэм спешился, отпустил пони и дальше пошел пешком.

День подходил к концу. Перед ним был его дом. Там горел огонь в камине, там готовили ужин и ждали его. Рози встретила Сэма на пороге, провела в дом, усадила в кресло и принесла маленькую Эланор. Сэм устало улыбнулся и глубоко вздохнул.

— Ну, вот я и дома, — сказал он.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ХРОНИКИ КОРОЛЕЙ И ПРАВИТЕЛЕЙ

Источники сведений, включенных в Приложения, весьма различны. Так, например, третий раздел данного приложения («Народ Дарина») исходит, возможно, от гнома Гимли, который поддерживал дружбу с Перегрином и Мериадоком и часто встречался с ними в Гондоре и в Рохане.

Легенды, истории и сведения, почерпнутые из разных источников, чрезвычайно обширны. Здесь представлены только их фрагменты в пересказах, к тому же во многих местах сокращенные. Главная их задача — проиллюстрировать Войну Кольца и заполнить некоторые пробелы в основной Летописи. Древние легенды Первой Эпохи, которыми очень интересовался Бильбо, изложены кратко — только в той части, где повествуется о предках Элронда, Королях и Вождях Нуменора.

Все даты, не отмеченные В. Э. (Вторая Эпоха) и Ч. Э. (Четвертая Эпоха), относятся к Эпохе Третьей. Она закончилась в сентябре 3021 года с уходом Трех Колец, но для удобства исчисления первым днем Четвертой Эпохи считается в Гондоре 25 марта 3021 года.

В списках даты, следующие за именами Королей и Правителей, — даты их смерти, если приведена только одна дата. Знак «†» означает преждевременную смерть в битве или при иных обстоятельствах, хотя рассказ об этом событии приводится не всегда.

I
КОРОЛИ НУМЕНОРА

(i)
Нуменор

Среди Эльдаров наиболее умелым и знающим, несомненно, был Феанор, но гордость и своеволие отмечали его в не меньшей степени. Это Феанор создал три чудесных камня — Сильмариллы — и наполнил их сиянием Светоносных Дерев, Телпериона и Лаурелина, освещавших земли Валаров. Моргот решил присвоить камни.

Он убил Деревья, похитил Сильмариллы, унес в Среднеземье и там сокрыл их в подземельях могучей крепости Тонгородрим. Феанор против воли Валаров покинул Благословенный Край и увел свой народ в Среднеземье, рассчитывая силой вернуть Сильмариллы. Так началась война Эльдаров и Аданов против Тонгородрима. Аданы — собирательное название трех народов Людей, первыми пришедших на запад Среднеземья к берегам Великого Моря и заключивших союз с Эльдарами против Врага.

Трижды заключались между Людьми и Эльдарами Союзы Крови: Берен и Лучиэнь, Идриль и Туор, Арвен и Арагорн. Последний союз воссоединил давно разделенные ветви Эльфинитов и восстановил их род.

Лучиэнь Тинувиэль была дочерью Владыки Тингола, Короля Сребромanta из Дориата, ее матерью была Мелиан, Майя из Валинора. Берен был сыном Барахира из Первого Дома Аданов. Вместе с Лучиэнь они добыли Сильмарилл из Железной Короны Моргота. Лучиэнь избрала удел смертных и покинула Эльфов. У нее был сын Диор, к дочери которого, Эльвинг, и перешел по наследству Сильмарилл.

Идриль Келебриндель была дочерью Тургона, Владыки тайного поселения Гондолин. Туор был сыном Хадора из Третьего Дома Аданов — наиболее прославившегося в войнах с Морготом. Сына Идриль и Туора звали Эарендил Мореход.

Эарендил взял в жены Эльвинг. Он сумел с помощью Сильмарилла проникнуть за завесу Тьмы и пришел на Заокраинный Запад. Там от имени Людей и Эльфов он просил помощи, получил ее, и Моргот был низвергнут. Эарендил не вернулся к смертным.

Его корабль со сверкающим Сильмариллом ушел в небесные моря и там стал звездой и надеждой для Среднеземья, порабощенного прислужниками Врага. После гибели Дерев первозданный свет Валинора хранили только Сильмариллы, но два оставшихся камня пропали бесследно в конце Первой Эпохи. Подробнее об этом и о других событиях повествует «Сильмариллион».

У Эарендила были сыновья Эльфиниты — Элрос и Элронд. Они несли в себе дух доблестных вождей Аданов, а после гибели Гил-Гэлада род Перворожденных Эльфов в Среднеземье был представлен только их наследниками.

В конце Первой Эпохи Владыки Валинора поставили Эльфинитов перед выбором: к какому из двух народов они будут принадлежать. Тогда Элронд выбрал Эльфов и стал со временем мудрейшим среди них. Право Перворожденных давало ему возможность, устав от жизни в землях Смертных, уйти на Заокраинный Запад. Что бы ни происходило в мире, право это было неотъемлемым. Но уже дети Элронда должны были снова решать, какую участь выбрать: уйти из кругов мира на Запад или, став смертными, умереть в Среднеземье. Поэтому чем бы ни кончилась Война Кольца, конец ее для Элронда был все равно печален.

Элрос избрал участь Аданов, хотя жизнь ему была дарована очень долгая.

За страдания, выпавшие на долю Аданов в борьбе с Морготом, Стражи Мира даровали Аданам земли, удаленные от опасностей Среднеземья. Аданы вышли в море и, ведомые Звездой Эарендила, достигли великого острова Эленна, лежавшего далеко к западу от берегов Смертных. Там было основано Королевство Нуменор.

В центре острова возвышалась огромная гора Менельтарма, с вершины которой в ясную погоду зоркие глаза могли различить белые стены гавани Эрессэа. Оттуда приходили Эльдары, обогащая Людей дарами и знаниями. Сами нуменорцы по воле Валаров лишены были возможности достичь Неумирающих Земель. Они оставались смертными, хотя срок их жизни не меньше чем втрое превышал продолжительность жизни Людей Среднеземья. Даже Владыки Валинора не могли нарушить волю Илуватара и лишить Людей Его дара — Смерти. Позже этот Дар Люди стали называть Проклятьем.

Элрос стал первым Королем Нуменора. Эльфийское его имя было Тар-Миниатар. Его наследники были долговечны, но тоже смертны. Они возвысились, стали могучи и тогда пожалели о своей смертной доле и захотели для себя удела Эльдаров. И тогда по наущению Саурона начался мятеж, который привел к падению Нуменора и разрушению древнего мира.

Далее перечислены Короли и Королевы Нуменора.

Элрос Тар-Миниатар; Вардамир; Тар-Амандил; Тар-Элендил; Тар-Менельдар; Тар-Альдарион; Тар-Анкалимэ (Первая Королева-Правительница); Тар-Анарион; Тар-Сурион; Тар-Телпериэнь (Вторая Королева-Правительница); Тар-Минастир; Тар-Кириатан; Тар-Атанамир Великий; Тар-Анкалимон; Тар-Телемайтэ, Тар-Ванимельдэ (Третья Королева); Тар-Алькарин; Тар-Кальмасил.

После Тар-Кальмасила Короли стали брать нуменорские имена: Ар-Адунакор; Ар-Симратон; Ар-Сакалтор; Ар-Гимилзор; Ар-Инсиладан. Инсиладан раскаялся и сменил имя на Тар-Палантир — «Провидец». Его дочь должна была стать Четвертой Королевой Тар-Мириэль, но племянник Короля отнял у нее престол и нарек себя Ар-Паразон Золотоликий. Он стал последним Королем Нуменора.

У Тар-Элендила были дочь Сильмариэнь и сын Валендил, ставший впоследствии первым князем Андуниэ — Западного края, связанного тесной дружбой с Эльдарами. Наследником Валендила был Амандил, отец Элендила Высокого, последний Правитель Андуниэ.

Единственная дочь шестого Короля стала первой в истории Нуменора Королевой. Тогда же вступил в силу закон, по которому скипетр наследовал старший из детей Короля, будь то сын или дочь.

До конца Второй Эпохи мощь и красота Нуменора непрерывно росли. Мудрый народ обитал в Нуменоре. Но во времена Тар-Минастира, одиннадцатого Короля, благополучие острова омрачили

первые признаки зловещей тени. Тар-Минастир снарядил огромное войско на помощь Гил-Гэладу, но к его преданности Эльдарам примешивалась зависть. Отменными мореплавателями были нуменорцы, они изучили все восточные моря и стремились на запад, в запретные воды, и чем радостнее становилась их жизнь, тем больше желали они бессмертия Эльдаров. К тому же после Минастира в нуменорских Королях все чаще возникало стремление к богатству и власти. Если незадолго до этого нуменорцы приходили в Среднеземье, как учителя и защитники обездоленных Сауроном, то теперь их гавани превратились в грозные крепости, державшие в подчинении обширные прибрежные земли. Атанамир и его наследники взимали тяжкую дань, и корабли нуменорцев возвращались, нагруженные добычей.

Именно Тар-Атанамир впервые открыто возроптал против Запрета Валаров и заявил о своем праве на бессмертие. Так сгустилась тень, и мысль о смерти ожесточила сердца людей. Нуменорцы разделились на отрекшихся от Эльдаров и Валаров и немногих Верных.

Мало-помалу Короли и их последователи отказались от языка Эльдаров, и наконец двадцатый Король при восшествии на престол принял нуменорское имя Ар-Андунакор, Владыка Запада. Верные сочли это предвестием большой беды, ибо в прошлом так звали только главнейшего из Валаров или Старейшего Владыку. Ар-Андунакор стал преследовать Верных и карать говоривших по-эльфийски. С тех пор Эльдары перестали посещать Нуменор.

А сила Нуменора все росла. Но жизнь становилась короче, и рос страх смерти, а радость покидала сердца. Тар-Палантир пытался отвести зло, но было уже поздно, и в Нуменоре вспыхнуло восстание. Возглавил мятеж племянник Короля, он же захватил власть и стал Королем Ар-Паразоном. Это был самый гордый и властный из всех Королей. Он желал править всем миром.

Ар-Паразон не побоялся бросить вызов самому Саурону. Собрав огромный флот, он высадился в Умбаре. Величие и мощь нуменорского войска устрашили приспешников Саурона, слуги покинули его, он сдался и смиренно просил Короля о пощаде. Ар-Паразон был настолько горд и глуп, что привез пленника в Нуменор. Конечно, вскоре Саурон обольстил Короля и возглавил его Совет; а спустя недолгое время души всех нуменорцев, кроме немногих Верных, склонились ко злу.

Саурон лгал Королю, обещая ему вечную жизнь, если только он вступит на берега Неувядающей Земли. Он говорил, что единственной целью Запрета было помещать Королям Людей превзойти Валаров. «Но истинно великие сами берут то, на что имеют право», — говорил он.

Ар-Паразон, чувствуя близкий конец и совсем потеряв разум от страха смерти, внял его советам. Он собрал величайшую рать из всех, какие видел мир, протрубил в трубы и отплыл на запад. Он вознамерился силой отнять у Владык вечную жизнь. Но едва Ар-Паразон вступил на Благословенный Берег, Стражи воззвали к Изначальному,

и мир изменился. Нуменор был затоплен, а Неувядающие Земли навеки ушли из Кругов Мира. Так окончилась слава Нуменора.

Элендил с сыновьями и с ними немногие из Верных спаслись от гибели. Девять кораблей сумело выйти в море. На борту одного из них были саженцы Нимлота и Семь Всевидящих Камней, подаренные Дому Элендила Эльдарами. Буря подхватила корабли и выбросила на берег Среднеземья. Так были основаны княжества нуменорцев-изгнанников: Арнор и Гондор.

Элендил стал Королем и жил на севере, в Ануминосе, югом правили его сыновья Исилдур и Анарион. Неподалеку от рубежей Мордора ими были выстроены Осгилиат, Минас Анор и Минас Итиль. Бояться им было нечего, ведь Саурон сгинул.

Да, Саурон и в самом деле был захвачен распадом Нуменора, тело его погибло, но дух, дух ненависти, летящий на черном ветре, вернулся в Среднеземье. Новое его обличье было черно и ужасно, отныне сила его заключалась только в страхе. Тайно проник он в Мордор и укрылся там до времени. Когда же он узнал, что ненавистный ему Элендил основал княжество у самых его границ, гневу его не было предела.

Изгнанники еще не успели укрепить свои новые владения, как Саурон уже пошел на них войной. Ородруин вновь изрыгал пламя, за что и получил название Амон Амарх, Роковая Гора. Однако Враг поторопился, ему явно недоставало сил, в то время как мощь Гил-Гэлада неуклонно росла. И вот, во Дни Последнего Союза, Саурон был низвергнут и лишен Кольца Всевластья. Так окончилась Вторая Эпоха.

(ii)
Владения изгнанников

СЕВЕРНАЯ ВЕТВЬ
НАСЛЕДНИКИ ИСИЛДУРА

АРНОР

Имя правителя	**Год кончины**
Элендил	† В. Э. 3441
Исилдур	† 2
Валендил[1]	249
Эльдакар	339
Арантар	435
Тарсил	515

[1] Он был четвертым сыном Исилдура. Родился в Имладриэе. Его братья были убиты в Оболони. — *Прим. авт.*

Имя правителя	Год кончины
Торондор	602
Валандар	652
Элендар	777
Эарендур	861

АРХЕДАН

Имя правителя	Год кончины
Амлаих Форностский[1] (старший сын Эарендура)	946
Белег	1029
Мэллор	1110
Келефарн	1191
Келебриндор	1272
Мальвегил[2]	1349
Аргелеб I	† 1356
Арвелег I	1409
Арафор	1589
Аргелеб II	1670
Арвегил	1743
Арвелег II	1813
Аравал	1891
Арафант	1946
Арведуи Последний Князь	† 1975

Конец Северного Княжества.

ВОЖДИ

Имя вождя	Год кончины
Аранарх (старший сын Арведуи)	2106
Арахаэл	2177
Арануир	2247
Аравир	2319
Арагорн I	† 2327
Араглас	2455
Арахад I	2523
Арагост	2588

[1] После Эарендура Короли не брали имен на Высоком Эльфийском наречии

[2] После Мальвегила Короли Форноста снова начали требовать власти над всем Арнором и в знак этого брали имена с приставкой Ар(а) — *Прим. авт.*

Имя вождя	Год кончины
Араворн	2654
Арахад II	2719
Арассуил	2784
Арахорн I	† 2848
Аргонуи	2912
Арадор	† 2930
Арахорн II	† 2933
Арагорн II	Ч. Э. 120

ЮЖНАЯ ВЕТВЬ
НАСЛЕДНИКИ АНАРИОНА

КОРОЛИ ГОНДОРА

Имя короля	Год кончины	Примечания
Элендил Анарион	† В. Э. 3440	
Менельдил, сын Анариона	158	
Кемендур	238	
Эарендил	324	
Анардил	411	
Остогер	492	
Ромендакил I (Таростар)	† 541	
Турамбар	667	
Атанатар I	748	
Сириондил	830	За ним следуют четыре «Морских Короля».
Тараннон Фаластур	913	Он был первым бездетным Королем, и ему наследовал сын его брата Таркириана.
Эарнил I	† 936	
Кириандил	† 1015	
Хиармендакил I (Кириагер)	1149	Гондор достигает вершины своего могущества.
Атанатар II Алькарин (Великолепный)	1226	
Нармакил I	1294	Он был вторым бездетным Королем, и ему наследовал младший брат.
Кальмакил	1304	

Имя короля	Год кончины	Примечания
Миналькар (регент, 1240—1304)	1366	Коронован в 1304 году под именем Ромендакила II.
Валакар		При нем в Гондоре разразилась междоусобица.
Эльдакар	1490	Сын Валакара (сначала звавшийся Винитариа). Был свергнут в 1437, затем вернулся на престол.
Кастамир Узурпатор	† 1447	
Альдамир	† 1540	(Второй сын Эльдакара).
Хиармендакил II (Виниарион)	1621	
Минардил	† 1634	
Телемнар	† 1636	Телемнар и его дети умерли от Черного Недуга; ему наследовал племянник, сын Минастана, второго сына Минардила.
Тарондор	1798	
Телумехтар Умбардакил	1850	
Нармакил II	† 1856	
Калимехтар	1936	
Ондогер	1944	Ондогер и двое его сыновей пали в битве. Через год, в 1945-м корону получил не знавший поражений полководец Эарнил, наследник Телумехтара Умбардакила.
Эарнил II	2043	
Эарнур	† 2050	

На этом ветвь Королей прерывается до 3019 года, когда на престол вступил Элессар Телконтар.

Королевством правят наместники.

НАМЕСТНИКИ ГОНДОРА

Имя наместника	Год кончины	Примечания
Пелендур	1998	Дом Хурина. Он правил год по смерти Короля Ондогера и посоветовал Гондору отвергнуть притязания Арведуи на корону.
Ворондил Охотник	2029	
Мардил Воронвэ «Стойкий»		Первый из наместников-правителей. Его наследники перестали пользоваться именами Заморских Эльфов.

НАМЕСТНИКИ-ПРАВИТЕЛИ

Имя наместника	Год кончины
Мардил	2080
Эрадан	2116
Герион	2148
Белегорн	2204
Хурин I	2244
Турин I	2278
Хадор	2395
Барахир	2412
Диор	2435
Денетор I	2477
Боромир	2489

Имя наместника	Год кончины	Примечания
Кирион	2567	В его дни рохирримы пришли в Каленардон.
Халлас	2605	
Хурин II	2628	
Белектор I	2655	
Ородреф	2685	
Эктелион I	2698	
Эгалмот	2743	
Берен	2763	
Берегонд	2811	
Белектор II	2872	
Торондир	2882	
Турин II	2914	
Таргон	2953	
Эктелион II	2984	
Денетор II	3019	Он был последним из правящих наместников, и ему наследовал его второй сын.
Фарамир, Князь Эмин Арнена, Наместник Короля Элессара	Ч. Э. 82	

(iii)
Эриадор, Арнор и наследники Исилдура

Эриадором в древности звались все земли между Мглистыми и Синими Горами. На юге граница проходила по рекам Седонне и Гландуину, сливавшимся возле Тарбада.

Во дни своего расцвета Арнор включал в себя весь Эриадор, кроме Линдона и земель восточнее Седонны и Гремячей, где лежали Имладрис и Эрегион. Линдон был страной Эльфов, зеленой и спокойной. Люди не заходили туда, а Гномы жили и по сей день живут на восточной стороне Синих Гор, особенно на южном хребте, там у них копи. Поэтому для Гномов Западная Дорога — привычный путь. Они пользовались им задолго до того, как мы пришли в Шир.

В Серебристой Гавани жил Кирдэн Корабел. Говорят, он и сейчас там живет и будет жить до тех пор, пока Последний Корабль не уйдет на Запад. Во дни Королей Высокие Эльфы, что задержались в Среднеземье, жили или в Серебристой Гавани, или в приморском краю Линдон. Если теперь кто из них и остался, так их можно пересчитать по пальцам.

СЕВЕРНОЕ КНЯЖЕСТВО И ДУНАДАНЫ

После Элендила и Исилдура в Арноре сменилось восемь Высоких Князей. Когда ушел Эарендур, между его сыновьями началась распря, и княжество распалось на три: Архедан, Рудаур и Кардолан. Архедан был расположен на северо-западе и включал земли между Брендидуином и Синими Горами, а также земли к северу от Западной Дороги и до Заветери. Рудаур находился на северо-востоке между Троллиным Нагорьем, Заветерью и Мглистыми Горами; в него входили еще и земли между Седонной и Гремячей. Кардолан располагался на юге, границы его очерчивали Брендидуин, Седонна и Западная Дорога.

В Архедане род Исилдура не прерывался, а в Кардолане и Рудауре вскоре угас. Способствовали этому частые междуусобицы из-за Заветери и земель к востоку от Брыля. И Рудаур, и Кардолан стремились владеть Амон Сулом, расположенным на самой границе их земель. В башне Амон Сула хранился главный Палантир Севера, а два других находились в Архедане.

В начале княжения Мальвегила Археданского в Арнор пришла беда. На севере, за Троллиным Нагорьем, набирало силу королевство Ангмар. Там скопилось множество орков и прочих тварей. Правил Ангмаром Король-Чародей, как потом выяснилось — Предводитель Кольценосцев, явившийся на север, чтобы уничтожить дунаданов Арнора, воспользовавшись их распрями, а заодно переждать время могущества Гондора.

Во дни Аргелеба, сына Мальвегила, князья Архедана вновь заявили о правах на весь Арнор, ведь наследников Исилдура в других княжествах уже не было. Однако их право оспорил Рудаур. Дунаданов в Рудауре почти не осталось, правил там Вождь Народа Холмов, находившийся в тайном сговоре с Ангмаром. Аргелеб начал укреплять Заветерь, но вскоре погиб в битве с войсками Рудаура и Ангмара.

Сын Аргелеба, Арвелег, с помощью Линдона и Кардолана сумел вытеснить врага от Заветери, долгие годы границы удерживались по Западной Дороге и низовьям Седонны. Говорят, что именно в те времена был осажден Дольн.

В 1409 году из Ангмара вышло огромное войско. Перейдя реку, оно вторглось в Кардолан и осадило Заветерь. Дунаданы были разбиты, Арвелег пал. Башня Амон Сул была сожжена и разрушена до основания, но Палантир удалось спасти и тайно переправить в Форност. Рудаур и Кардолан были опустошены. Арафор, не достигший еще совершеннолетия сын Арвелега, обратился за помощью к Кирдэну, и вместе они отбросили врага от Форноста и Северных Увалов. Остатки Верных из дунаданов Кардолана некоторое время держались в Тирн Гортаде (позже названном Упокоищами) и в Пуще.

Говорят, что на какое-то время Ангмар был покорен эльфами Линдона и Дольна, после того как Элронд получил помощь из Лориена. Тогда-то Хваты бежали на юго-запад, подальше от войн и напастей Ангмара, а еще и потому, что климат Эриадора окончательно испортился. Некоторые вернулись в Дикие Земли и занимались рыбной ловлей в Оболони.

Во дни правления Аргелеба II в Эриадор с юго-востока пришла черная хворь и унесла большинство жителей Кардолана. Хоббиты и другие народы тоже сильно пострадали, но ближе к северу болезнь слабела, и северная часть Арведана почти не была задета. О дунаданах Кардолана больше никто не слыхал, и нежить из Ангмара и Рудаура вползла в опустевшие курганы и укоренилась там.

Говорят, курганы Тирн Гортада были насыпаны еще в Первую Эпоху пращурами Аданов, до того как они перешли Синие Горы и заселили Белерианд. Вернувшиеся дунаданы почитали курганы, там погребены многие их князья и властители. (Есть мнение, что курган, в который попал Хранитель Кольца, был могилой последнего принца Кардолана, павшего в войне 1409 года.)

В 1974 году Ангмар поднялся вновь, и Король-Чародей напал на Арведан до окончания зимы. Он захватил Форност и оттеснил уцелевших дунаданов к Синим Горам. Князь Арведуи удерживал Северные Увалы до последней возможности, а потом с остатками свиты бежал на север; их спасли только быстрые кони. Потом Арведуи скрывался в старых копях гномов, но голод вынудил его обратиться за помощью к Снежным Людям Форохела.

Этот странный хмурый народ, мало изменившийся с Предначальной Эпохи, жил в стойбищах по берегам моря. Он привык к жестоким холодам владений Моргота, до сих пор сковывающим север, в то время как на сто лиг южнее, в Шире, о морозах и не подозревают. Народ этот зовет себя Лоссохи, дома строит из снега и, по слухам, может бегать по льду с удивительной скоростью,

привязав к ногам кости, а повозки у них и вовсе без колес. Место их обитания, Великий Форохельский Мыс, замыкающий на северо-западе Льдистый Залив, практически недосягаемо для врагов, но иногда лоссохи откочевывают в глубь материка и доходят до подножия Гор.

Вот у этих людей Арведуи и просил пропитания для себя и своего малочисленного отряда. Лоссохи помогли князю, но очень неохотно. Во-первых, дунаданам нечего было предложить взамен. У них было несколько алмазов, но лоссохи не видели в них никакого проку. Во-вторых, они боялись Короля-Чародея, как бы он не напустил на них мороз и буран. Однако, видя бедственное положение князя и его воинов, косясь на незнакомое грозное оружие, лоссохи дали еду и помогли выстроить снежные жилища. Кони беглецов пали, и Арведуи надеялся теперь только на помощь с юга.

Сын Арведуи, Аранарх, успевший прорваться на юг, просил Кирдэна помочь князю. Кирдэн сразу же снарядил корабль и отправил его в Форохел на поиски. Встречные ветра мешали плаванию, но в конце концов моряки заметили маленький костер на берегу, поддерживаемый беглецами. В этот год зима долго не ослабляла хватку, и даже в марте лед покрывал широкую прибрежную полосу.

Вид корабля удивил и испугал Снежный Народ, такого они еще не видели. Устрашившись, они отвезли князя и тех, кто выжил из его отряда, к самой кромке льдов. Сюда могла подойти лодка с корабля. Но недаром говорят, что у Снежного Народа обостренное чутье на опасность. Вождь лоссохов предупредил Арведуи: «Не садись на это морское чудовище! Пусть Люди Моря принесут еду и одежду, в которых ты нуждаешься, а ты сам оставайся здесь, пока Король-Чародей не уйдет. Весной сила его идет на убыль, а сейчас дыхание его смертельно, а руки длинны».

Арведуи не внял совету. Он поблагодарил вождя и подарил ему на прощание перстень. «Вся ценность этой вещи, — сказал он, — в ее древности. Сила перстня не в чарах, а в том уважении, которое питают к нему мои друзья и сородичи. Если когда-нибудь тебя постигнет нужда, мои родичи заплатят за него столько, сколько ты пожелаешь».

Так был спасен перстень Исилдура. Позже дунаданы выкупили его. Говорят, это был тот самый перстень, который Фелагунд из Нарготронда дал Барахиру, а Берен вернул с великим риском.

Лоссохи дали дельный совет. Как только корабль вышел в море, с севера налетел ураган со слепящим снегом. Буря загнала корабль назад, к самой кромке льдов, вокруг него вздыбились огромные торосы. Даже моряки Кирдэна оказались бессильны. Ночью лед раздавил корпус, и корабль затонул. Так погиб Последний Князь Арведуи, и вместе с ним пучина погребла Палантиры. То были камни Ануминоса и Амон Сула. Теперь на Севере оставался только камень Башни Эмин Бераиды, смотрящей на Се-

ребристую Гавань. Его сохраняли эльфы, и, хоть мы никогда не знали этого, он оставался там, покуда Кирдэн не перенес его на борт корабля Элронда, уходящего на Запад. Но нам поведали, что этот Камень не был похож на другие и с ними не сообщался, он смотрит только на море. Элендил так разместил его, что Камень обозревает Эрессэа на Заокраинном Западе. Но с тех пор, как Нуменор скрылся за Очарованными Морями, Камню уже нечего обозревать.

О кораблекрушении у Форохела стало известно не скоро. Вести о нем принесли люди из Народа Снегов.

Хоббиты уцелели в войне, прокатившейся через их страну. Многие бежали, остальные попрятались. На помощь князю они послали нескольких лучников — те так и не вернулись. Некоторые ушли на битву, в которой был низвергнут Ангмар (об этом сказано кое-что в Южных Хрониках).

Настал мир. Хоббиты правили сами собой и процветали. Они выбрали Тана, он должен был представлять власть князя, удовлетворились этим и долго, без особых надежд, ожидали возвращения Короля. В конце концов ждать перестали. Осталось только присловье «когда Король вернется» — так говорили о недостижимом благе или о ненаказуемом зле. Первым Таном Шира был некий Скокка из Марей. Говорили, что от него пошли Староскоки. Назначение Таном он принял в 379 году по нашему счету (1979).

С Арведуи угасло Северное Княжество. Дунаданов осталось мало, а другие народы Эриадора ослабели. Однако среди вождей дунаданов, первым среди которых был Аранарх, сын Арведуи, род Королей продолжался. Сын Аранарха, Арахаэл, воспитывался в Дольне, как и все сыновья вождей после него. Там сохранялись реликвии их дома: Кольцо Барахира, ножны Нарсила, звезда Элендила и Скипетр Ануминоса.

(Король поведал нам, что Скипетр был главным знаком правления в Нуменоре. Так же было в Арноре. Его князья носили не корону, а обруч, в центре которого сверкал бриллиант — Элендилмир, Звезда Элендила. Говоря о короне, Бильбо, без сомнения, имел в виду Гондор. Он, кажется, неплохо был осведомлен о делах рода Арагорна. Скипетр Нуменора, как говорят, погиб с Ар-Паразоном. Скипетр Ануминоса — серебряный жезл Властителей Андуниэ — ныне, быть может, древнейшее творение человеческих рук в Среднеземье. Когда Элронд передал его Арагорну, Скипетру насчитывалось более пяти тысяч лет. Корона Гондора была сделана по образцу боевых шлемов нуменорцев. Первоначально это и был боевой шлем, тот самый, в котором Исилдур бился на поле Дагорлада (ибо шлем Анариона был разбит камнями Барад Дура, сразившими Анариона). Но во дни Атанатара Алькарина простой шлем был заменен украшенным алмазами. Им и короновали Арагорна.)

Когда княжеству пришел конец, дунаданы укрылись в тени и стали народом скитальцев. Их дела и труды редко вспоминали и воспевали. Со временем о них почти совсем забыли. Но еще до окончания Бдительного Мира лиходейские твари начали нападать на Эриадор, стремясь тайно проникнуть в него. Арагорна I, как говорят, загрызли волки. При Арахаде I орки, давно просочившиеся в твердыни Мглистых Гор и перекрывшие перевалы, ведущие в Эриадор, внезапно громко заявили о себе. В 2509 году Келебриэнь, жена Элронда, по дороге в Лориен попала в засаду. Свита ее погибла, отбивая атаку орков, а сама она была похищена. Элладан и Элрохир разыскали и освободили ее, но пытки и рана от ядовитой стрелы не прошли бесследно. Элронд исцелил ее тело, но радости вернуть не смог. Через год она ушла за Море.

Позже, во дни правления Арассуила, орки вновь расплодились во Мглистых Горах, начали разорять окрестные земли, и сыновья Элронда почти беспрерывно сражались с ними. Одна из орочьих банд забрела даже в Шир, где и была разбита Бандобрасом Туком.

До рождения Арагорна II, Короля Гондора и Арнора, было пятнадцать вождей — он был шестнадцатым и последним.

«Наш Король», зовем мы его. Когда он приезжает на Север, в заново отстроенный Ануминос, и какое-то время живет близ озера Дрема, все в Шире радуются. Однако он ни разу не вошел в пределы страны, не желая нарушать собственный закон, запрещающий Большому Народу переступать границы Шира. Теперь он часто подъезжает к Великому Мосту и там встречается с друзьями и теми, кто хочет его видеть. К нему во дворец может приехать любой и жить там сколько пожелает. Тан Перегрин много раз бывал там, и мэр Сэмиус тоже. Дочка его, Эланор Прекрасная, — одна из придворных дам Королевы Арвен.

Северная ветвь гордится тем, что, несмотря на угасание, на протяжении многих поколений право на княжение нерушимо переходило от отца к сыну. Время жизни дунаданов в Среднеземье становится все короче. В Гондоре увядание шло еще быстрее, и все же многие вожди Севера проживали двойной век Людей, и уж во всяком случае, жили много дольше, чем старейшие из нас. Арагорн прожил 190 лет, дольше, чем любой из его рода со времен Князя Арвегила, но в Арагорне Элессаре возродились достоинства древних Королей.

(iv)
Гондор и наследники Анариона

После Анариона, сраженного у стен Барад Дура, в Гондоре правил тридцать один Король. Война не касалась границ южного княжества, богатство и мощь южан-дунаданов возрастали, и так было до правления Атанатара II, прозванного Алькарином Великолепным. Тогда начали проявляться первые признаки упадка.

Правители юга женились поздно, детей у них было мало... Первым бездетным Королем был Фаластур, вторым — Нармакил I, сын Атанатара Алькарина.

Остогер, седьмой Король, восстановил Минас Анор, летнюю резиденцию Королей. К этому времени относятся первые нападения восточных дикарей. Сын Остогера, Таростар, разбил их войска и прогнал прочь, после чего принял имя Ромендакил, Восточный Победитель. Прошло несколько лет, и он погиб в битве с новыми полчищами вастаков.

Тараннон, двенадцатый Король, открывает род «Морских Королей». Они создали мощный флот и расширили владения Гондора на юг и на запад от устья Андуина. Дабы увековечить морские победы, Тараннон принял корону под именем Фаластура, Властителя Побережий.

Эарнил I, племянник Фаластура, наследовавший ему, восстановил древнюю гавань в Пеларгире и построил огромный флот. Одновременно с суши и с моря он осадил Умбар и взял его. С тех пор Умбар стал великой крепостью и опорой власти Гондора на юге.

Большой мыс, прикрывавший залив Умбара, был исконной землей нуменорцев. Однако издревле ею владели Черные Нуменорцы, совращенные Сауроном, люто ненавидевшие наследников Элендила. После падения Саурона народ их быстро истаял и смешался с другими народами Среднеземья, однако ненависть к Гондору осталась. Поэтому взятие Умбара обошлось дорого. Эарнилу недолго пришлось радоваться победе, вскоре он затерялся в море с большим флотом. Сын его, Кириандил, продолжал строить корабли, но однажды харадримы, предводительствуемые изгнанными из Умбара бывшими Властителями, с огромной ратью подошли к стенам крепости, и Кириандил пал в битве.

Умбар перенес многолетнюю осаду. Кириагер, сын Кириандила, долго ждал благоприятного случая и наконец, собрав силы, подступил одновременно с моря и с суши и наголову разбил харадримов. Их предводители вынуждены были признать владычество Гондора, а Кириагер принял имя Хиармендакила, Победителя Юга. Случилось это в 1050 году.

Мощь Хиармендакила до самого конца его долгого правления надежно ограждала Гондор от посягательств врагов. Он правил 134 года — это было второе по длительности царствование в роду Анариона. В правление Хиармендакила Гондор достиг вершины могущества. Королевство простиралось тогда до Келебранта и Сумеречья на севере, до Седонны на западе, а на востоке — до Внутреннего Рунного Моря, на юге границей служила река Харнен и гавани Умбара. Все население долин Андуина признавало его власть, Гондору присягнули властители Харада, их сыновья жили заложниками при дворе Короля. Мордор был разорен, к тому же за ним бдительно следили огромные крепости на перевалах.

Род «Морских Королей» закончился с Хиармендакилом. Атанатар Алькарин, сын Хиармендакила, жил в великой роскоши, и люди говорили: «В Гондоре драгоценных камней — что гальки на морском берегу, ими играют дети». Но Атанатар был ленив и ничего не прибавил к славе королевства. Два его сына были похожи на него. Гондор начал клониться к закату еще при его жизни. Враги не могли не заметить этого. Стражи Мордора потеряли бдительность. Но беда пришла только во время правления Валакара: началась междоусобица. Многое было потеряно и разрушено навсегда.

Миналькар, сын Кальмакила, был человеком энергичным, и в 1240 году, избавляясь от забот, Нармакил сделал его регентом княжества. Он правил Гондором от имени Короля, и самыми большими его заботами были отношения с северянами.

Из младших народов северяне были наиболее близки дунаданам, и Короли Гондора отдали им земли за Андуином к югу от Великого Ясного Бора. Северяне прикрывали границы Гондора от нападения дикарей с востока, ибо в древности нападения вастаков следовало ожидать прежде всего с равнины между Внутренним Морем и Пепельными Горами.

Во дни Нармакила I нападения возобновились. Сначала это были небольшие отряды... Регенту стало ведомо, что северяне не всегда верны Гондору, некоторые готовы были объединиться с вастаками, а потому в 1248 году Миналькар во главе крупного войска разбил основные силы вастаков и разрушил все их лагеря и поселения к востоку от Внутреннего Моря. После этого он принял имя Ромендакил.

По возвращении с битвы он начал укреплять западный берег Андуина до впадения Светлимы, чтобы воспрепятствовать чужеземцам спускаться по Реке ниже Эмин Майл. Столпы Аргоната возведены им. Стремясь к упрочению союза с северянами, Ромендакил принял многих из них на службу, а некоторым даже пожаловал высокие чины в войсках.

Особым расположением Ромендакила пользовался Видугавия, считавший себя Королем Диких Земель, один из самых могущественных князей Севера. Его владения располагались между Ясным Бором и рекой Келдуин (Быстрица). В 1250 году Ромендакил послал своего сына Валакара послом к Видугавии. Ромендакил хотел, чтобы юноша пожил с северянами, познакомился с их языком, обычаями и замыслами. Но получилось иначе. Валакар искренне полюбил северный край и его народ, а спустя некоторое время женился на Видумави — дочери Видугавии. Впоследствии этот брак стал причиной распри.

Гондорцы считали себя намного выше северян по рождению. Брак с представительницей низшей, хоть и союзной, расы считался оскорблением. Когда Король Валакар состарился, в южных провинциях вспыхнуло восстание. Прекрасная и благородная Коро-

лева была из краткоживущих, и дунаданы опасались, что и век наследников будет столь же недолог. Они не захотели признать наследником сына ее, Эльдакара, родившегося в другой стране и в юности носившего имя народа своей матери — Винитария.

Вот поэтому, когда Эльдакар принял правление, в Гондоре вспыхнула война. Однако Эльдакар не собирался отдавать власть. Гондорское происхождение удачно сочеталось в нем с бесстрашием его родного народа. Он был красив и доблестен и старел ничуть не быстрее своего отца. Он долго противостоял заговорщикам, пока они не осадили его в Осгилиате. Осада была длительной, голод одолевал оборонявшихся, в конце концов город был разрушен, Башня рухнула, и Палантир навеки канул в Реку.

Эльдакару удалось ускользнуть от врагов, он ушел на север, в Ровенион, к своим родичам. Он пользовался немалым уважением, и вскоре к нему присоединились не только северяне, но и многие дунаданы из северных областей княжества, ненавидевшие предводителя заговорщиков — Кастамира, внука Калимехтара, младшего брата Ромендакила II. Он не был близким родичем Короля, но на его стороне было большинство восставших. За ним был флот и гарнизоны Пеларгира и Умбара.

Кастамир взошел на престол и сразу проявил себя человеком малоблагородным. Свою жестокость он доказал разгромом Осгилиата и подтвердил казнью Орнендила, сына Эльдакара. Грабежи и разрушения, творимые в городе с его ведома, не были продиктованы никакой необходимостью. В Минас Аноре и в Итилиене это поубавило привязанности к Кастамиру, а когда стало ясно, что он стремится только к обогащению и собирается перенести трон в Пеларгир, многие отвернулись от него.

Его правление продолжалось десять лет и кончилось, когда Эльдакар с крупным войском вернулся в страну. В Лебеннине, у Бродов Эруи, произошло сражение, стоившее жизни многим лучшим сынам Гондора. Эльдакар вызвал Кастамира на поединок и сразил, отомстив за Орнендила. Сыновьям Кастамира удалось спастись, и они вместе с родичами и моряками долго еще удерживали Пеларгир. Эльдакар осадил Пеларгир, но у него не было флота, и он не смог помешать сыновьям Кастамира с крупным отрядом перебраться в Умбар. С тех пор Умбар отпал от южного княжества и стал опорой для всех врагов короны. Долгие годы он угрожал побережью и морским путям и покорился только с приходом Элессара.

Утрата Умбара уменьшила территорию княжества на юге и привела к потере влияния на Харад. Померкла прошлая слава Умбара. Ведь именно здесь высадился когда-то Ар-Паразон Золотоликий, последний Король Нуменора, повергший во прах могущество Саурона. Многие с гордостью вспоминали огромное войско Ар-Паразона, пришедшее из глубин моря. Тогда на самом высоком холме неподалеку от гавани был установлен громадный

белый обелиск. На вершине его блистал хрустальный шар, вбиравший солнечный и лунный свет. Из Гондорских владений и из глубин Моря виден был его ослепительный блеск. Однако после второго возвышения Саурона обелиск был уничтожен.

После возвращения Эльдакара настоящих дунаданов становилось все меньше. Много их пало в сражениях, к тому же Эльдакар благоволил северянам, помогавшим ему вернуть корону, и Гондор наполнился пришельцами из Ровениона. Закат дунаданов не был быстрым, но остановить его не могло ничто. Дары Нуменора после падения Звездной Земли уходили из мира.

Эльдакар прожил 235 лет, правил 58 и десять из них провел в изгнании.

Вторая и несравненно большая беда пришла в Гондор в правление Телемнара, двадцать шестого Короля. Он был сыном Минардила и внуком Эльдакара. Минардил пал в битве с пиратами Умбара, предводительствуемыми правнуками Кастамира. Вскоре после этого с востока темные ветры принесли смертельный недуг. Умерла вся королевская семья, умерло множество жителей княжества и прежде всего — Осгилиата. Малолюдно стало в Гондоре. Видимо, поэтому охрана границ Мордора ослабела и крепости, следившие за перевалами, обезлюдели. Уже позже кто-то заметил, что именно в это время Завеса Тьмы сгустилась в Ясном Бору, там снова стали появляться лиходейские твари — верные признаки активности Саурона. Черный недуг косил и друзей, и врагов княжества, иначе Гондор не смог бы отстоять своих рубежей. Саурон ждал. Сейчас ему не нужен был Гондор, все его помыслы были направлены на восстановление Мордора.

Вместе с Телемнаром умерло и Белое Древо Минас Анора. Но Тарондор, племянник Короля, вновь посадил семя в Цитадели. Он навсегда перенес трон в Минас Анор. Осгилиат был брошен и постепенно разрушался. Мало кто из его жителей остался в живых. Они ушли в Итилиен и не стремились обратно в город.

Тарондор рано взошел на престол, и, хотя его правление было самым долгим в Гондоре, он добился немногого. Это было время накопления утраченных сил. И вот уже его сын, Телумехтар, помня о смерти Минардила и возмущенный наглостью пиратов, совершавших набеги на его побережья до самого Анфаласа, собрал войско и в 1810 году взял Умбар штурмом. В этой битве пали последние потомки Кастамира, и Умбар на некоторое время вернулся под сень Короны. Телумехтар прибавил к своему имени титул Умбардакила. Но Гондор уже одолевали новые беды, и Умбар был снова потерян. Теперь им владели харадримы.

Третьим лихом в истории княжества стало вторжение кочевников. Силы Гондора, и без того иссякшие в бесконечных войнах, были окончательно подорваны.

Союз кочевых племен угрожал княжеству с востока. Кочевники были прекрасно вооружены, передвигались в огромных повозках, а их вожди бились на колесницах. По наущению Саурона они внезапно напали на Гондор, и Король Нармакил II пал в битве на берегах Андуина в 1856 году. Население восточного и южного Ровениона попало в рабство, границы Гондора сжались до Андуина и Эмин Майл. (Думается, именно в это время в Мордор вернулись Призрачные Кольценосцы.)

Калимехтар, сын Нармакила, отомстил за отца великой победой над вастаками в Дагорладе в 1899 году. На некоторое время опасность отступила. В правление Арафанта на Севере и Ондогера, сына Калимехтара, на Юге, собрался первый за долгие годы совет северного и южного княжеств. Наконец-то многим стало ясно, чья рука направляет нескончаемые атаки на потомков Нуменора. В то время Арведуи, наследник Арафанта, женился на Фириэль, дочери Ондогера. Случилось это в 1940 году. Но до настоящего объединения было еще далеко. Ангмар по-прежнему угрожал Архедану, а в пределы Гондора с новыми силами вторглись вастаки.

Кочевники обошли Мордор с юга, заключили союз с народами Кханда и Ближнего Харада и атаковали Гондор одновременно с юга и с севера. В 1944 году Король Ондогер и оба его сына, Артамир и Фарамир, пали в битве к северу от Мораннона, и враг прорвался в Итилиен. Но Эарнил, командовавший Южным гарнизоном, разбил армию Харада, стремительным маршем продвинулся на север и напал на главный лагерь кочевников, когда они пировали в твердой уверенности, что Гондор пал и остается только собрать добычу. Эарнил захватил лагерь, сжег повозки, обратил врагов в бегство, причем множество их сгинуло в Гиблых Болотах.

Когда не стало Ондогера и его наследников, Князь Северного Княжества Арведуи предъявил права на корону Гондора. Он имел на это основания, как прямой наследник Исилдура и муж Фириэль, единственной оставшейся в живых дочери Ондогера. Однако притязания его были отвергнуты по настоянию Пелендора, Наместника Короля Ондогера.

Совет Гондора ответил: «Корона и правление Гондором принадлежат единственно наследникам Менельдила, сына Анариона, которому Исилдур препоручил это княжество. В Гондоре наследование происходит от отца к сыну, думаем, что и в Арноре действует тот же закон».

Арведуи возразил: «Два сына было у Элендила. Наследником должен был стать старший — Исилдур. Нам ведомо, что в основе родословного древа Королей Гондора стоит имя Элендила, Короля всех владений дунаданов. При жизни Элендила сыновья вместе с ним правили югом, когда же Элендил пал, Исилдур занял место отца, а потом передал правление сыну своего брата.

Он не отказался от короны Гондора и не хотел делить королевство.

В Нуменоре скипетр наследовал старший из детей Короля, будь он мужчиной или женщиной. Да, закон этот был нарушен в изгнании, потому что земли изгнанников часто тревожат войны, однако это закон нашего народа, и ныне мы обращается к нему, потому что сыновья Ондогера не оставили наследников».

(Король поведал нам, что этот древний закон возник в Нуменоре, ибо Тар-Альдарион, шестой Король, имел единственного ребенка — дочь. Она и стала первой правящей Королевой, Тар-Анкалимэ. Но до нее закон был иным. Тар-Элендилу, Четвертому Королю, наследовал его сын, Тар-Менельдур, хотя дочь Короля, Сильмариэнь, была старшей. Элендил — ее потомок.)

Гондор не ответил ничего. Корону потребовал Эарнил, выигравший последнее сражение, и она была отдана ему с общего согласия, потому что был он королевского рода и выказал доблесть в сражении. Эарнил был сыном Сириондила, внуком Калиммасила и правнуком Аркириаса, брата Нармакила II.

Север не настаивал. У Арведуи не было ни сил, ни желания затевать междоусобную войну, но его притязания не забылись, даже когда настал конец Северного Княжества.

Арведуи, как следует из его имени, был Последним Князем. Говорят, что имя свое он получил при рождении от Мальбета Прорицателя, сказавшего отцу: «Арведуи назови его. Он будет последним в Арведане. Дунаданам предстоит выбирать. Избрав безнадежное, сыну твоему предстоит изменить имя и стать Королем великого королевства. Если этого не случится, будет великая скорбь и много поколений уйдет, прежде чем дунаданы воспрянут и воссоединятся вновь».

После Эарнила в Гондоре тоже был только один Король. Возможно, с объединением Короны и Скипетра правление Королей продлилось бы надолго, и тогда удалось бы избежать многих бед...

Эарнил был мудрым правителем и не страдал высокомерием, но и ему, как и большинству гондорцев, Арведан казался слишком мал, несмотря на высокий род его князей. Он послал гонцов к Арведуи, сообщая, что принял Корону Гондора по законам и нуждам южного княжества. «Но я не забыл о высоком достоинстве Арнора, не отрицаю нашего родства и не хочу отчуждения владений Элендила. Я приду на помощь, если в том будет нужда».

Не было мира в Среднеземье. Арведуи, как и Арафант до него, продолжал из последних сил сдерживать атаки Ангмара, и вот осенью 1973 года в Гондор пришло известие, что Арведан стоит на краю гибели и Король-Чародей готовится нанести ему последний удар. Эарнил быстро снарядил флот и послал его на север под командой своего сына, Эарнура. Помощь опоздала. Эарнур еще не достиг гаваней Линдона, когда Король-Чародей покорил Арведан и Арведуи погиб.

Корабли Эарнура вошли в Серебристую Гавань. Эльфы и люди на берегу встретили его с изумлением и радостью. Огромные суда предстали их глазам, и их было так много, что всем не хватило места даже на рейде. С кораблей сошло на берег могучее войско, готовое вести войну, достойную великих королей древности. Так, во всяком случае, казалось северянам, хотя это был всего-навсего наспех собранный отряд, малая частица мощи Гондора. Более всего поразила собравшихся конница под командой прекрасных, гордых князей Ровениона.

Кирдэн Корабел собрал из Линдона и Арнора всех, способных носить оружие, войско перешло Луин и устремилось на север, бросая вызов Королю-Чародею. Говорят, он сидел тогда в Форносте, населив его сплошными злодеями и узурпировав княжескую власть. Он был настолько ослеплен недавней победой, что вышел навстречу наступавшим, рассчитывая быстро отогнать их за Синие Горы.

Войска Запада, пройдя через Сумеречный Кряж, развернулись в боевые порядки у озера Дрема и приняли на себя основной удар вражьих полчищ. Скоро воины Ангмара уже отступали к Форносту, и тут всадники Ровениона, зайдя с севера, нанесли могучий удар и превратили отступление в паническое бегство. Король-Чародей с трудом собрал остатки своих войск и попытался укрыться в Ангмаре. Но на его пути вдруг встали дунаданы под командованием самого Эарнура, а тут еще из Дольна подошло войско, предводительствуемое Глорфиндейлом, могучим эльфом из Перворожденных. В этой битве поражение Ангмара было сокрушительным и окончательным. В войске Короля-Чародея не осталось ни человека, ни орка.

Когда исход битвы был уже ясен, на поле боя появился сам Король-Чародей. Он ехал в черной мантии на черном коне, и лицо его было скрыто под черной маской. При виде его людей поражал страх, руки опускались, а ноги переставали служить воинам. В смертельной ненависти к победителям Король-Чародей избрал своим противником сына Короля Гондора и, испустив леденящий сердца вопль, поскакал к нему. Эарнур был доблестным воином и выстоял бы, но его подвел конь: он встал на дыбы и унес всадника прежде, чем тот совладал с ним.

Король-Чародей рассмеялся так страшно, что у всех на поле кровь застыла в жилах. Но тут белый конь вынес вперед Глорфиндейла. Грозный витязь приближался, не спуская пристального взгляда с Короля-Чародея. И тот оборвал смех, повернул коня и, обратившись в бегство, скрылся во тьме. На поле битвы быстро пала ночь, и никто не знал, куда умчался хозяин Ангмара.

Эарнур, усмирив коня, вернулся, но Глорфиндейл, глядя в сгущавшийся мрак, сказал: «Не преследуй его! В эти земли он больше не вернется. Не скоро пробьет его час, и смерть он примет не от руки воина». Слова эти запомнились, но едва удержали Эарнура, рвавшегося отомстить за свой позор.

Так кончилось время королевства Ангмар, и так Эарнур навлек на себя смертельную ненависть Короля-Чародея; но это стало ясно спустя многие годы.

Король-Чародей после поражения у озера Дрема бесславно вернулся в Мордор и собрал там других Кольценосцев под свое начало. Но только в 2000 году они скопили достаточно сил, чтобы, покинув Мордор, перейти перевал Кирит Унгол и осадить Минис Итиль. Через два года они взяли крепость и завладели ее Палантиром. На протяжении всей Третьей Эпохи Минас Итиль оставался средоточием ужаса и был переименован в Минас Моргул. Его окрестности полностью обезлюдели.

Эарнур был, несомненно, славным воином, но большой мудростью похвастаться не мог. Он так любил сражения и воинские утехи, что не обзавелся семьей. На ристалище ему не было равных, и он удивительно долго сохранял мощь рук и выносливость бойца.

В 2043 году он принял корону и тогда же получил вызов от владыки Минас Моргула, напоминавшем новому Королю о бесславном происшествии много лет назад далеко на севере. Советнику Мардилу едва удалось отговорить Короля от поединка. К этому времени Минас Анор стал столицей княжества и резиденцией Королей и принял новое название: Минас Тирит, Крепость Страж.

Прошло семь лет, и Правитель Минас Моргула повторил свой вызов, говоря, что к робкому сердцу юности Король прибавил немощь старости. Тут уж никто не в силах был удержать Короля. С небольшим отрядом он поскакал к воротам Минас Моргула и сгинул навеки. В Гондоре говорили, что враги заманили Короля в ловушку и он умер под пыткой в зловещей крепости, но достоверных вестей о его смерти не было, и Гондором долго правил от имени Короля Наместник Мардил.

Наследников королевских кровей оставалось мало. Кое-кто, забыв о своем происхождении, брал в жены женщин других народов, некоторые ушли в Умбар и присоединились к непокорным. Вот так и получилось, что на этот раз потребовать корону было некому. Никто не хотел новых распрей. Проходили годы, Наместники продолжали править страной, а корона Элендила покоилась на коленях Короля Эарнила в святилище, где оставил ее Эарнур.

НАМЕСТНИКИ

Род Наместников вел начало от Наместника Короля Минардила (1621—34), Хурина из Эмин Арнена, в жилах которого текла чистая кровь нуменорских воинов. После Пелендура потомки Хурина наследовали наместничество так же, как и сами Короли.

Каждый новый Наместник, вступая в должность, давал клятву «хранить жезл и править именем Короля, покуда он не вернется». Власть Наместника была столь же полной, как и королевская, но многие в Гондоре продолжали верить, что придет время, когда Король вернется. А кое-кто нет-нет да и вспоминал древнюю Северную ветвь, которая, по слухам, еще сохраняла жизнь где-то там, в тени и забвении. Но Наместники-правители не поощряли таких мыслей. И все же старинные традиции не нарушались: древний трон был пуст, корона и скипетр покоились на своих местах, а над городом реяло белое знамя без гербов и знаков. Знамя же Королей от века было черным, и на нем, осененное семью звездами, цвело Белое Древо.

Между правлением Мардила и Денетора II сменилось двадцать пять Наместников. Поначалу, во времена Бдительного Мира, правление их было спокойным — Саурон отступил перед силами Совета Светлых, а призрачные Кольценосцы затаились в Моргульской долине. Но уже после Денетора I мира по-настоящему не было, и если Гондор не воевал открыто, то границам его непрерывно кто-то угрожал.

В последние годы правления Денетора I в Мордоре впервые появились уруки — могучие черные орки-великаны. В 2475 году они пересекли Итилиен и захватили Осгилиат. Боромир, сын Денетора (в его честь был позже назван Боромир из Отряда Хранителей) разбил их, отвоевал Итилиен, но Осгилиат был окончательно разрушен. Людей там не осталось. Боромир стал великим полководцем, даже Король-Чародей опасался его. Благородный, прекрасный лицом, он был наделен огромной силой и стальной волей, но в той войне он был ранен моргульским клинком. Рана укоротила его жизнь, он умер, лишь на двенадцать лет пережив отца.

Началось долгое правление Кириона. Он был бдителен и осторожен, но сил хватало только на защиту границ, и влияние Гондора постепенно падало. Враги, направляемые тайной грозной силой, уже готовили удары, которым Кирион не в состоянии был помешать. Пираты осаждали берега, но главная опасность грозила с севера. На обширных землях Ровениона, между Сумеречьем и Быстрицей, жил теперь яростный народ, вобравший в себя злобу близкого Дол Гулдура. Они часто совершали набеги на долину Андуина южнее Оболони, пока совершенно не разорили эти земли. Звались они — балкоты и пришли некогда с востока, вытеснив народ Каленардона. Кириону с большим трудом удавалось держать границы по Андуину.

Томимый дурными предчувствиями, Кирион послал за помощью на север, но было поздно. В 2510 году враги, собрав множество плотов и лодок, переправились через Андуин и сильно потеснили защитников Гондора. Шедшее на подмогу с юга войско было остановлено за Светлимой и подверглось нападению орды горных орков.

Положение было отчаянным. И тут с севера пришла помощь, на которую уже перестали надеяться. Гондор впервые услышал рога рохирримов. Это подоспел Йорл Юный. Всадники обратили врага в бегство и гнали балкотов через весь Каленардон, пока не истребили всех. Кирион пожаловал отвоеванные земли Йорлу, а тот ответил Клятвой Йорла — клятвой дружбы и помощи в нужде по зову Правителей Гондора.

Во дни Берена, девятнадцатого Наместника, Гондор испытал настоящую осаду. Три огромных флота из Умбара и Харада высадили в нескольких местах сразу большие отряды. Одновременно с запада и с востока были атакованы земли рохирримов, им пришлось уходить в долины Белых Гор.

В тот год (2758) стояла Долгая Зима. Пять месяцев длились холода с обильными снегопадами. В сражениях пал Хельм Роханский вместе с сыновьями; мор царил в Эриадоре и Рохане. Но к югу от гор дела шли не так плохо. Еще до прихода весны Берегонд, сын Берена, сумел потеснить захватчиков. Он сразу послал отряды на помощь Рохану. Берегонд был одним из лучших Правителей Гондора, и когда он принял власть от отца, а случилось это в 2763 году, Гондор начал восстанавливать былое величие. А вот Рохан долго не мог оправиться от причиненных бед. Потому-то Берен и приветил Сарумана, а позже отдал ему ключи от Ортханка. С 2759 года Саруман постоянно жил в Изенгарде.

В правление Берегонда в Мглистых Горах вспыхнула война между гномами и орками (2793-9). С переменным успехом она продолжалась пять лет. Наконец гномы взяли верх, и орки, прокатившись по окраинам Рохана, попытались закрепиться в Белых Горах. Места эти потом долго слыли опасными.

После кончины Белектора II, двадцать первого Наместника Гондора, неожиданно умерло Белое Древо Минас Тирита. Семя найти не смогли, но срубить Дерево не осмелились, и оно осталось стоять «пока не вернется Король».

При Турине II враги Гондора снова зашевелились, ибо росла мощь Саурона и близился день, когда он должен был заявить о себе во всеуслышание. Почти все население Итилиена переселилось на запад, спасаясь от наводнивших край моргульских орков. Именно Турин приказал устроить тайные укрытия в Итилиене. Одно из них, Хеннет Аннун, сохранилось и поныне. Для защиты Анориена был укреплен остров Кеир Андрос (название это означает «белопенный корабль», ибо остров походит на огромный корабль с высоким носом, обращенный на север. О его острые скалы разбивается белая пена Андуина). Но главная опасность грозила с юга. Харадримы заняли весь Южный Гондор и с огромными силами вторглись в Итилиен. Тогда Король Фолквайн Роханский исполнил Клятву Йорла и отправил на подмогу княжеству своих воинов. С их помощью Турин одержал победу, но за нее заплати-

ли жизнью оба сына Фолквайна. Всадники погребли их по обычаю своего народа, и теперь, близнецы в жизни, они лежат в одном кургане. Давно стоит он на высоком берегу реки, и враги Гондора страшатся пролагать свои пути у его подножия.

После Турина правил Таргон. За два года до его смерти Саурон вновь заявил о себе. Он прибыл в Мордор, где его давно ждали. Вновь поднялись к небу твердыни Барад Дура, вновь Ородруин окутало багровое пламя, а немногочисленные жители Итилиена вновь спешно покидали его пределы. После смерти Таргона Саруман занял Изенгард и начал укреплять его.

Сын Таргона, Эктелион II, был мудрым правителем. Он много сил отдал укреплению своих владений, предвидя новые атаки Мордора. Он приглашал к себе на службу многих умелых и достойных людей из других земель и тем, кто был верен, щедро раздавал награды и титулы. Его первейшим советником во всех делах был замечательный полководец Торонгил, Звездный Орел. Такое прозвание он получил за быстроту и зоркость. Плащ его украшала серебряная звезда. Настоящего его имени никто не знал. Ведомо было лишь, что пришел он в Гондор из Рохана, где служил Королю Тенгелю, но рохирримом не был. Он оказался великим полководцем на суше и на море, но ушел в сумрак прежде, чем закончились дни Эктелиона.

Торонгил часто обращал внимание повелителя на силы Умбара. Он считал их основной угрозой Гондору и, прежде всего, его южным владениям. Он предупреждал, что, если Саурон решится на открытую войну, Умбар может нанести удар в спину. Эктелион внял его доводам, и вскоре Торонгил с небольшим флотом скрытно подошел к Умбару под покровом ночи и сжег большую часть пиратских кораблей. В короткой яростной схватке на причалах он убил главаря пиратов и привел свой флот назад с малыми потерями. Однако, вернувшись в Пеларгир, отважный воин не вошел в Минас Тирит, а послал Эктелиону слова прощания: «Иные дела зовут меня, Правитель. Я вернусь в Гондор, если позволит судьба, но вернусь очень не скоро». Никто не ведал, какие дела призвали его, какой знак он получил, зато известно, куда лежал его путь. Он переправился на лодке через Андуин, простился с товарищами и, не оборачиваясь, ушел к Хмурым Горам.

Уход Торонгила был огромной потерей для Гондора, и только Денетор, сын Эктелиона, отнесся к этому, казалось, равнодушно. Спустя четыре года, после смерти отца, он принял правление.

Горд, высок и доблестен был Денетор II, давно ни один Правитель не являл такого истинно королевского достоинства, к тому же он был мудр, дальновиден, знал и любил книги. Он удивительно походил на Торонгила обликом; видимо, его удручало, что в сердцах людей, да и в сердце отца он занимал второе место, уступая пришельцу без роду, без племени. Тогда многие думали, что Торонгил ушел, не дожидаясь, пока соперник станет господином,

хотя сам Торонгил никогда не соперничал с сыном Наместника, а был лишь слугой Эктелиона. Но советовали они разное: Торонгил не раз предупреждал Эктелиона, чтобы он не слишком доверял Саруману Белому, хозяину Изенгарда, и что советы Гэндальфа Серого не в пример мудрее и дальновиднее. Денетор же не любил Гэндальфа, и после смерти Эктелиона Серого Странника не жаловали в Минас Тирите. Спустя много лет те, кто помнил давние дела, говорили, что Денетор уже тогда знал, кем на самом деле был Торонгил и подозревал их с Гэндальфом в заговоре против власти Наместника.

Денетор принял правление в 2984 году и сразу показал себя властным правителем, крепко держащим страну в руках. Говорил он мало, советы выслушивал, но делал все по-своему. Он женился поздно, в 2976 году, на Финдуилас из Дол Амрота. Это была на диво красивая женщина удивительно мягкого характера, но спустя двенадцать лет она умерла. Денетор любил ее, по-своему конечно, но больше, чем всех остальных, кроме разве старшего сына. Ей трудно было жить в вечно настороженном, сплошь каменном городе после вольных приморских долин своего родного края. Завеса Тьмы ужасала ее, и все последние годы снедала тоска по морю.

С ее смертью Денетор стал еще более суровым и молчаливым. Он теперь часто проводил время в башне, глубоко уйдя в думы, провидя скорое нападение Мордора. Позже выяснилось, что в гордыне и отчаянии, уповая на свои силу и волю, дерзнул он однажды взглянуть в Палантир Белой Крепости. Ни один из Наместников, ни даже Короли Эарнил и Эарнур не решались на это с тех пор, как после падения Минас Итиля Палантир Исидура попал в руки Врага, ведь в Минас Тирите хранился Палантир Анариона, связанный с Камнем, которым владел теперь Саурон.

Народ дивился мудрости Наместника, всегда знавшего о делах и в своих владениях, и далеко за их пределами. Но Денетор дорого платил за свое всеведение. В борьбе с волей Саурона он состарился до срока, но вместе с отчаянием в нем росла и гордыня: со временем ему стало казаться, что в мире существует только борьба Властелина Белой Крепости с Черным Властелином. Он больше не доверял другим врагам Всеобщего Врага, если только они не служили ему самому.

Близилась Война Кольца. Сыновья Денетора мужали. Старший, Боромир, был любимцем отца. Он походил на родителя лицом, был подобен ему в гордости, однако во всем остальном он напоминал скорее Короля Эарнура, воина, отдавшего весь пыл своей души сражениям и оружию. Младший, Фарамир, был совсем другим. Как и его отец, он легко читал в сердцах людей, но не презрение испытывал к ним, а жалость. Он был мягок в обращении, любил музыку и книги, и хоть в мужестве не уступал брату, было оно не таким явным. Славы в бесцельном риске он

никогда не искал. Всякий раз, когда в Город приходил Гэндальф, Фарамир бывал очень рад ему. Он многое почерпнул из его мудрости, чем не мог не вызвать недовольство отца.

В детстве Боромир был младшему брату помощником и защитником, между ними не было и тени соперничества. Возмужав, они продолжали любить друг друга. Фарамиру казалось невозможным, чтобы кто-нибудь в Гондоре мог сравниться с Боромиром, наследником Денетора, Стражем Белой Крепости... Боромир думал так же. Правда, на поверку все вышло иначе, но об этом рассказ в другом месте. А после Войны Кольца кончились дни Правителей и Наместников, ибо вернулся наследник Исилдура и Анариона. Теперь стяг с Белым Древом вновь реял над Башней Эктелиона.

(v)
Повесть об Арагорне и Арвен

Арадор был дедом Короля. Его сын, Арахорн, посватался к Гилраэнь Прекрасной, дочери Дирхаэла, потомка Аранарха. Дирхаэл был против этой женитьбы, ибо слишком молода была Гилраэнь и не достигла еще возраста, когда дунаданские женщины выходили замуж.

— А кроме того, — говорил Дирхаэл, — Арахорн — муж суровый и зрелый. Он станет вождем скорее, чем думают люди, но только чувствую я, что недолог срок его жизни.

На это Иворвейн, жена его, владевшая даром провидения, возразила:

— Тем более надо спешить. В мире темнеет перед бурей, грядут великие события. Если они поженятся сейчас — для нашего народа еще есть надежда, а если промедлят — все кончено.

Не прошло еще и года совместной жизни Арахорна и Гилраэнь, как Арадор был схвачен горными троллями и убит, и тогда Арахорн стал вождем дунаданов. Еще через год родился сын; ему дали имя Арагорн. Счастливое детство его длилось недолго. Через два года Арахорн пошел с сыновьями Элронда в поход против орков и был сражен орочьей стрелой. К этому времени ему исполнилось только шестьдесят лет.

Арагорн, ставший теперь Наследником Исилдура, был принят в доме Элронда, заменившего ему отца. Но в Дольне Арагорн получил новое имя: Эстель — Надежда, а его истинное имя и происхождение по настоянию Элронда сохранялись в тайне. Мудрым ведомо было стремление Врага отыскать Наследника Исилдура, если только он есть на свете.

Двадцать лет от роду было Арагорну, когда он, вернувшись после славных дел в отряде Элладана и Элрохира, предстал перед Элрондом. Владыка Дольна был рад. Он видел перед собой прекрасного и благородного, рано возмужавшего воина, достойного

высокого прошлого своего народа. В этот день Элронд назвал его настоящим именем, поведал о его происхождении и вручил реликвии его дома.

— Вот Кольцо Барахира, — сказал он, — знак королевской власти, а вот обломки Нарсила. Тебя ждут великие дела и долгая жизнь, если ты устоишь перед испытаниями. В Дольне останется Скипетр Ануминоса, тебе еще предстоит заслужить его.

На другой день, на закате, Арагорн бродил по лесу и пел. Душу его переполняли надежды, и мир был прекрасен. Внезапно он увидел деву, идущую меж белых березовых стволов, и застыл, пораженный: он решил, что на него снизошел дар древних эльфийских певцов, дававших возможность слушателям увидеть то, о чем они поют.

Арагорн пел о встрече Берена и Лучиэнь в лесах Нэлдорета. И вот сама Лучиэнь проходит мимо него здесь, в Дольне. В серебристо-голубой мантии она была словно сумерки Благословенного Края, темные волосы летели по ветру, в них как звезды мерцали алмазы.

Боясь, что это дивное видение сейчас исчезнет, Арагорн осмелился окликнуть ее.

— Тинувиэль! — позвал он точно так же, как некогда Берен.

Дева обернулась к нему с улыбкой и спросила:

— Кто ты? И почему называешь меня этим именем?

— Потому что ты и есть Тинувиэль, о которой я пел. Но если ты — не она, значит — она воплотилась в тебе.

— Так многие говорят... Но это не мое имя, хотя, быть может, моя судьба окажется схожей с ее. Но кто ты?

— До недавнего времени меня звали Эстель. Но я — Арагорн, сын Арахорна, Наследник Исилдура и Предводитель Дунаданов, — говоря это, он чувствовал, что высокое происхождение, которому еще недавно радовалось его сердце, теперь потеряло всякую ценность и померкло рядом с достоинством и красотой девушки.

А она в ответ весело рассмеялась:

— Тогда мы с тобой дальние родичи. Я — Арвен, дочь Элронда. Меня зовут еще Ундомиэль.

— Когда приходит опасность, — задумчиво произнес Арагорн, — люди часто прячут самое ценное для себя. Мне странно: я жил в доме у Элронда с детства, его сыновья были моими братьями, но я ничего не слышал о тебе. Почему же мы не встретились раньше? Тебя прятали?

Прежде чем ответить, девушка долгим взглядом окинула Горы, вздымавшиеся на востоке.

— Меня никто не прятал. Я жила у родных матери, в далеком Лотлориене, и совсем недавно вернулась навестить отца. Я очень долго не видела Имладриса.

Арагорн удивился. Она казалась не старше его годами, а ведь ему едва исполнилось два десятка лет. Арвен посмотрела ему прямо в глаза и тихо промолвила:

— Ты напрасно удивляешься. У детей Элронда жизнь эльфов.

Мудростью долгих лет и нездешним светом сияли глаза Арвен. Смутился Арагорн и отвел взгляд, но с этого часа навсегда полюбил дочь Элронда.

Он сделался молчалив и задумчив, и скоро обеспокоенная мать сумела выспросить сына о встрече в лесу.

— Высока твоя цель, — вздохнула Гилраэнь, — хоть предки твои и были великими Королями. Твоя избранница — самая благородная и прекрасная дева Среднеземья. Ты — смертный, она — эльф, неравным был бы ваш брак.

— Но если правдива повесть о наших предках, так уже бывало в мире, — горячо воскликнул Арагорн.

— Повесть правдива, но говорится в ней о далеком прошлом, о той Эпохе, когда род наш был истинно велик и никто не помышлял об упадке. А теперь он вот-вот угаснет совсем. Только доброе расположение Владыки Элронда поддерживало до сих пор наследников Исилдура, а в том, что ты задумал, Элронд тебе не помощник.

— Значит, мне предстоят горькие дни и одинокие скитания в глуши, — опустив голову, глухо ответил Арагорн.

— Да, это твоя судьба, — подтвердила Гилраэнь. Она владела даром провидения, но ничего не сказала сыну, так же как никому не поведала об их разговоре.

Но в пределах Дольна ничто не могло укрыться от Элронда. Однажды, на исходе года, он призвал к себе Арагорна и сказал:

— Послушай, Арагорн, сын Арахорна, последний вождь дунаданов! Перед тобой лежит дорога твоей судьбы, и суждено ли тебе превзойти величием самого Элендила или сгинуть во тьме с немногими оставшимися рыцарями — знак величия равно отличает твой путь. Через долгие годы суровых испытаний идти тебе, поэтому прими мой совет: не связывай себя клятвой с женщиной до тех пор, пока не пробьет твой час.

— Значит, мать рассказала вам?.. — взволнованно воскликнул Арагорн.

— Твоя мать здесь ни при чем. Тебя выдают глаза. Но сейчас я говорю не о моей дочери, а о смертных женщинах. Что же до Арвен, Вечерней Звезды Имладриса, — ее род славнее и выше твоего, а век — куда более долог. Ты рядом с ней как росток у подножия взрослого дерева. Если же я ошибаюсь и ее сердце обращено к тебе — что ж, тем большей будет моя скорбь. Пока я здесь, время не властно над Арвен, а когда уйду, она уйдет со мной, если захочет.

— Теперь я вижу, — задумчиво проговорил Арагорн, — что выбрал драгоценность не меньшую, чем некогда Берен. Значит, такова моя судьба.

И здесь вещий дар предков раздвинул перед молодым рыцарем завесу времен, и он вдохновенно произнес:

— Но вот что скажу я, Владыка Элронд! Близок срок, когда придется тебе оставить Среднеземье, а твоим детям решать: оставаться здесь или уходить за море.

— Это так, — спокойно кивнул Элронд. — Срок близок, но близок по нашему счету, а для смертных пройдет еще немало лет. Арвен не нужно будет выбирать, если только ты не встанешь меж нами, и тогда одному из нас — либо мне, либо тебе — предстоит разлука, которая горше смерти. Ты не понимаешь пока, как много требуешь от меня... Но пусть будет то, что должно быть. Не скоро мы вернемся к этому разговору, потому что в мире темнеет и на пороге тяжелые испытания.

На другой день Арагорн простился с Дольном и один ушел в Пустоземье. Тридцать лет он провел в трудах и подвигах, в борьбе с Сауроном. Он стал другом Гэндальфа Серого, и дружба эта принесла ему много мудрости. Вместе совершили они немало опасных походов, но с годами путь его все чаще бывал одинок. Долгими и опасными дорогами шел он, и постепенно лицо воина приняло суровое, замкнутое выражение, лишь изредка улыбка оживляла его. Людям, с которыми ему доводилось встречаться, часто приходило в голову, что перед ними неизвестный Король, лишившийся трона. Но так бывало только с теми, перед кем он не скрывал своего истинного облика. В разных местах и под разными именами снискал он немалую славу. Приходилось ему скакать под знаменами Рохана, приходилось обнажать меч за Наместника Гондора на суше и на море, но неизменно, когда наступал час победы, Арагорн уходил от заслуженной славы, и дороги уводили его на Восток или на Юг, к новым сражениям с Врагом.

В стойкости и боевом искусстве он не знал себе равных, он был мудр, как эльф, и в глазах его мерцал нездешний свет. Мало кто способен был вынести его взгляд. Печальным и суровым стало его лицо, но в глубине души жила надежда, она скрашивала его одиночество и приносила утешение.

Однажды, в год своего сорокадевятилетия, Арагорн возвращался из опасного похода к рубежам Мордора. Он устал и намеревался пожить немного в Дольне, собраться с силами перед долгим походом на Юг. Путь его лежал возле границ Лориена, и неожиданно он получил приглашение его Владычицы посетить тайные земли.

Он не мог знать, что Арвен снова гостит здесь. Прошедшие годы почти не коснулись ее, только тень печали легла на лицо, и смех стал звучать реже.

Арагорн был в расцвете духовных и физических сил. Галадриэль посоветовала ему сменить поношенную дорожную одежду на белое с серебром одеяние, накинула на плечи эльфийский плащ. А когда он надел на лоб легкий обруч с ясным алмазом в центре, облик его обрел разительное сходство с Перворожденными Эль-

фами, пришедшими на заре мира с Заокраинного Запада. Таким он и предстал перед Арвен после долгих лет разлуки. И когда он приблизился к ней под зеленым сводом Карас Галадона, расцвеченным золотыми цветами, исполнился час их судьбы.

Долго бродили они вдвоем в лугах Лориена. И, верно, бродили бы вечно, но Арагорну пришло время уходить. Однажды на закате, в Середине Лета, они поднялись на Керин Амрот. Вокруг, в вечнозеленой траве мерцали мягким золотом цветы эланора. С вершины холма они взглянули на восток, во Тьму, потом на запад, где еще горела заря, и дали друг другу клятву.

Так звучали слова Арвен:

— Над Миром поднимается Завеса Тьмы, а мое сердце ликует, потому что тебе, моему избраннику, суждено развеять ее.

И Арагон отвечал:

— Будущее сокрыто от меня, но если веришь ты — верю и я. Тьма ненавистна мне, но и Запад не влечет, ибо я смертен. Если ты избрала меня, тебе тоже придется отказаться от удела, сужденного твоему народу.

Подобно Белому Древу стояла Арвен, глядя на Запад, и после долгого молчания сказала:

— Я буду верна тебе, Дунадан. Я отказываюсь от Запада, но там моя родина и вечный дом всех моих близких...

Элронд молча принял выбор любимой дочери. Дождавшись возвращения Арагорна, он призвал его и сказал:

— Итак, между нами легла тень. Сын мой, наступили годы, когда для надежды почти уже не осталось места. Темны времена, и я ничего не вижу за ними. Быть может, с моей дочерью возродится в Среднеземье царствование людей, но, как бы я ни любил тебя, скажу: для малого Арвен Ундомиэль не станет менять хода своей судьбы. Только Король Арнора и Гондора сможет стать ее мужем. Для меня даже в твоей победе будет привкус горечи, но вам она принесет радость... на время. Боюсь, что в конце концов Бремя Смертных покажется Арвен слишком тяжким.

Больше они не возвращались к этому разговору. Арагорн снова ушел. В мире стремительно темнело, страх окутывал Среднеземье, росла мощь Саурона, и бастионы Барад Дура вздымались все выше и выше. Арвен оставалась в Дольне. Она издалека следила за Арагорном и вышивала знамя для того, кто предъявит права на трон Гондора и наследие Элендила.

Прошло несколько лет. Гилраэнь простилась с Владыкой Элрондом и вернулась к своему народу. Она редко виделась теперь с сыном, но вот, в одно из его возвращений она сказала ему:

— Это наше последнее свидание, Эстель, сын мой. Заботы состарили меня до времени, и теперь, когда Тьма снова нависла над Среднеземьем, у меня уже нет сил бороться с ней. Скоро я покину этот мир.

Арагорн, пытаясь утешить ее, сказал:

— Но ведь за Тьмой придет рассвет. Дождись его, он принесет радость.

Она ответила только:

— *Онен и-Эстель Эдайн, у-хэбин эстель аним*[1].

Арагорн покинул ее с тяжелым сердцем. В конце зимы Гилраэнь умерла.

А между тем время подошло к Войне Кольца. О ней довольно сказано в другом месте: о том, как сбылись самые отчаянные надежды, как в самый тяжелый час Арагорн пришел с моря и поднял в битве на полях Пеленнора знамя, вышитое руками Арвен, и как его впервые провозгласили Королем. Он принял Корону Гондора и Скипетр Арнора, а немного позже получил и руку Арвен.

Так великой победой завершилась Третья Эпоха, но самым печальным в ее окончании было прощание Элронда с дочерью, ибо их разделили Море и Судьба. Даже за гранью мира не встретиться им больше.

Когда Кольцо Всевластья было уничтожено, Три Кольца тоже лишились силы, и Элронд, уставший от груза веков в сердце, ушел на Запад, чтобы никогда больше не вернуться. Арвен приняла удел смертных, но смерть не властна была над ней, покуда не ушло все, что получила она от жизни.

Королевой Людей и Эльфов в блаженстве и славе прожила она с Арагорном сто двадцать лет.

Долгой была жизнь Арагорна, но и она подошла к концу. Тогда обратился он к Арвен с такими словами:

— Прекраснейшая в этом мире, любимая, тает мой мир. Мы славно жили, но приходит время платить по счетам.

Нетрудно было понять, о чем он говорит, Арвен ждала этих слов, и все же печаль охватила ее.

— Неужели ты хочешь покинуть свой народ до срока? — спросила она.

— Если сейчас я не уйду сам, скоро мне придется уйти. Наш сын, Эльдарион, уже может принять правление.

Арагорн спустился в Усыпальницу и возлег на давно ожидавшее его ложе. Здесь простился он с сыном, передав ему Корону Гондора и Скипетр Арнора, а потом рядом с ним оставалась только Арвен. Ни мудрость, ни королевское достоинство не смогли сдержать ее просьб повременить немного, обращенных к Арагорну. Жизнь еще не утомила ее, и удел смертных, принятый на себя добровольно, казался горькой участью.

— Любимая моя, — молвил Король, — суров час, но пробил он давно. И под березами Дольна, и на Керин Амрот нам ведомы были наши судьбы. Спроси себя, неужели ты хочешь дождаться, пока я выроню Скипетр от слабости? Нет, Арвен, я — последний нуменорский Король, и мне дарована не только долгая жизнь, но и право вернуть дар. Я ухожу. Я не утешаю тебя, потому что не-

---

[1] Я отдала свою Надежду дунаданам и ничего не оставила себе *(эльф.)*.

избывно горе в этом круге мира. Но у тебя по-прежнему есть выбор: ты можешь уйти в Серебристую Гавань и унести на Запад память о днях нашей жизни, сделав ее вечноживой, но это будет только память, а можешь принять долю Людей.

— Выбор сделан, — ответила Арвен, — мой корабль давно уплыл, и я приму удел смертных, хочу того или нет. Но вот что должна я сказать тебе, мой Король. До сего дня я не понимала повести о твоем народе и его падении, не понимала и поэтому свысока смотрела на нуменорцев, теперь мне жаль их. Если смерть, действительно, как говорили в Эльдамаре, дар Единого Людям, горько принимать его.

— Это только кажется, — улыбнулся Арагорн. — Мы, отвергшие Тьму, отказавшиеся от Кольца, устоим и перед последним испытанием: уйдем в печали, но не в отчаянии. Слушай! *Не навек привязаны мы к кругам мира, и за ними — больше, чем память.* Прощай!

— Эстель, Эстель! — воскликнула она, но он в ответ только молча поцеловал ее руку и погрузился в сон.

Неведомая доселе красота облекла вскоре его черты; дивились видевшие его, ибо в лице Короля сошлись свежесть юности, доблесть зрелости и мудрость прожитых лет. И долго лежать ему там в славе и почете — подлинному Королю Людей.

Когда Арвен вышла из Усыпальницы, она показалась людям холодной и печальной, как зимние беззвездные сумерки. Вскоре она простилась с сыном и дочерьми и навсегда покинула Минас Тирит. Она вернулась в Лориен и жила там одна среди увядающих мэллорнов, пока не пришла зима. Давно уже не было Галадриэль, и Келеберн ушел за Море; молчали земли некогда Благословенного Края.

Когда с мэллорнов облетела последняя листва, она прилегла отдохнуть на Керин Амрот и там покоится с тех пор. Мир меняется, дни ее жизни забыты новыми людьми, и золотой эланор не цветет больше к востоку от Моря.

На этом кончается последнее из преданий древности, собранных в этой книге.

II
ДОМ ЙОРЛА

Йорл Юный правил Людьми Йотеода. Его страна располагалась у истоков Андуина, между самыми дальними отрогами Мглистых Гор и северными окраинами Сумеречья. Йотеоды заселили эти области во дни Короля Эарнила II, придя из долины Андуина между Кэрроком и Оболонью. По происхождению были они сродни Бьорнингам и Людям из западных лесов. Род Йорла восходил к Королю Ровениона, еще до нашествия кочевников

правившему землями за Сумеречьем. Таким образом, Йотеоды не без основания считали себя состоящими в родстве с Королями Гондора — потомками Эльдакара. Они любили вольные степи, ценили коней, но в среднем течении Андуина стало слишком тесно, да и тень Дол Гулдура постепенно наползала на эти земли. Поэтому, прослышав о свержении Короля-Чародея, отправились Всадники в поисках свободных земель на север и быстро изгнали оттуда оставшихся ангмарцев. Во дни Леода, отца Йорла, это был многочисленный народ; но многие из них тосковали по родине.

В 2510 году Третьей Эпохи орды дикарей с северо-востока прокатились через Ровенион и Бурые Земли, а потом переправились на плотах через Андуин. Почти одновременно (едва ли случайно) в Гондор вторглись горные орки (до войны с гномами они представляли реальную военную угрозу). Когда был захвачен Каленардон, Правитель Гондора послал на север за помощью. Но к этому времени людей в долине Реки оставалось немного, их небольшие поселения мало общались друг с другом, и помощь от них не пришла. Как только до Йорла дошли вести о бедах Гондора, он немедля выступил во главе большого отряда Всадников.

Йорл успел к битве на Полях Келебранта — зеленой страны между Серебренью и Светлимой. Там северная армия Гондора, только что выдержавшая тяжелое сражение в степях, оторвавшаяся от южных войск, попала под удар превосходящих сил орков. Казалось, гондорцам уже не сдержать натиск. Но именно в этот момент Всадники обрушили на тылы противника неожиданный и сокрушительный удар, орки бежали за Светлиму и никак не могли остановиться, преследуемые воинами Йорла по всему Каленардону, к этому времени совсем обезлюдевшему сначала от моровой напасти, а потом — от набегов вастаков. Кирион в благодарность за помощь отдал Каленардон Йорлу. Всадники доставили с севера жен с детьми и начали обживаться на новых землях. Гондорцы назвали страну — Рохан, а ее жителей — рохирримы, Повелители Коней. Так Йорл стал первым Королем Рохана, свободной страны, живущей по собственным законам, но в вечном союзе с Гондором.

Имена многих отважных воинов, многих прекрасных женщин звучат в песнях Рохана. В памяти Йорлингов навсегда остался Фрумгар, который привел народ в Йотеод, сын его Фрам, убивший великого дракона Ската с Эред Митрин. Драконьи сокровища, добытые Фрамом, стали причиной длительной распри с гномами, когда-то ограбленными Скатом и теперь требовавшими своей доли. Фрам не дал им ни полушки, отослав вместо этого ожерелье из драконьих зубов со словами: «Нет в ваших сокровищницах таких камней и не будет, ибо нелегко они достаются». Поговаривали, что злопамятные гномы убили Фрама. Во всяком слу-

чае, особой дружбы между Йотеодом и гномами ни в какие времена не было.

Как уже говорилось, отца Йорла звали Леод. Он укрощал диких коней и однажды поймал белого жеребенка, быстро выросшего в прекрасного гордого коня. Конь не смирился с неволей и никого не подпускал к себе. Когда Леод все-таки оседлал строптивца, конь унес его прочь, долго скакал по степи и в конце концов сбросил так, что Леод разбил голову о камни и умер. В ту пору ему исполнилось сорок два года, а сыну не было еще и шестнадцати.

Йорл решил отомстить за отца. Долго охотился он за конем и наконец выследил. Те, кто был с Йорлом, ждали, что, подкравшись на расстояние выстрела, он убьет коня, но вместо этого Йорл встал во весь рост и громко окликнул животное: «Подойди сюда, Проклятье Людей! Подойди, я дам тебе новое имя!» К общему удивлению, конь, увидев Йорла, подошел и остановился перед ним.

— Я нарекаю тебя Феларофф, — сказал ему Йорл. — Ты любил свободу, я не виню тебя за это, но требую виру за отца. Отныне твоя свобода принадлежит мне, и так будет, пока ты не испустишь последний вздох.

Йорл сел на коня, и Феларофф смирился. Йорл так и приехал на нем домой без узды и поводьев и с тех пор уже никогда не пользовался ими. Конь понимал человеческую речь, но подчинялся только Йорлу. Именно Феларофф нес Йорла к Полю Келебранта. Долог был век этого удивительного коня, он почти сравнялся с человечьим. Его потомки звались «меарас» и служили только Королям Рохана и их сыновьям. Люди говорили, что Бема (так звали рохиррими Оромэ Охотника) привел предков меарас с Запада, из-за Моря.

Среди преданий о Королях Рохана чаще всего звучит имя Хельма Молоторукого. Это был суровый правитель, наделенный необычайной силой. В то время в Рохане жил человек по имени Фрека. Род свой вел он якобы от короля Фревайна, хотя обличьем и особенно темным цветом волос был он вылитый дунгарец. Богат был Фрека и владел обширными землями по обе стороны Адорна[1]. У его истоков он выстроил свой замок и жил, мало считаясь с Королем. Хельм не доверял ему, но звал на свои советы, и тот приходил... или не приходил.

Вот как-то раз Фрека явился на один из таких советов с большим отрядом и стал просить руки дочери Хельма для своего сына Вулфа. Но Хельм только сказал в ответ: «Ты сильно вырос с тех пор, как мы виделись в последний раз, но все больше в толщину». Все расхохотались. Фрека и в самом деле был широк в поясе.

---

[1] Адорн впадает в Изен западнее Белых Гор. — *Прим. авт.*

Ах как взвился дунгарский потомок Фревайна! Он просто клокотал от ярости и в запале бросил Королю: «Старые короли, отказываясь от предложенного посоха, могут однажды оказаться на коленях!», на что Хельм спокойно ответил: «Садись и жди! Женитьба твоего сына — пустяшное дело, мы разберемся с этим позже. А сейчас у Короля и его совета есть дела поважнее».

Как только совет закончился, Хельм встал, положил свои огромные ручищи Фреке на плечи, повернул его и, слегка подталкивая, сказал: «Король не дозволяет свар в своем доме. Пойдем-ка на волю, там попросторнее». Так, непрерывно подталкивая, он вывел Фреку из Эдораса в луга. Людям Фреки, последовавшим было за ними, Король бросил через плечо: «Идите отсюда! Мы собираемся поговорить наедине о личных вещах. А вы поговорите пока, если есть охота, с моими воинами!»

Они огляделись. Вокруг стояли воины Короля, и было их много. Людям Фреки пришлось подчиниться.

— Ну, дунгарец, — произнес Король, когда они отошли подальше, — перед тобой только Хельм, один и безоружный. Ты уже много наговорил, теперь мой черед. Глупость твоя, Фрека, росла вместе с твоим брюхом. Ты что-то там говорил о посохе. Если Хельму подсовывают кривой посох, он его просто ломает. Вот так! — И он двинул Фреку кулаком с такой силой, что невежда замертво грянулся оземь.

Хельм объявил сына Фреки и его ближайших родичей врагами Короля и изгнал из страны.

Четырьмя годами позже (2758) на Рохан обрушились беды, а помощи от Гондора ждать не приходилось — целый пиратский флот поднялся по Реке, и все побережья охватил огонь войны. Именно в это время дунгары перешли Изен. Скоро стало известно, что ведет их Вулф, собравший в свое войско всех врагов Гондора из низовий Лефнуи и Изена. Рохирримы потерпели поражение в битве. Рохан был завоеван. Оставшиеся в живых бежали в горы. С большими потерями Хельм ушел от Бродов Изена и укрылся в ущелье, оберегаемом мощными стенами Хорне (позднее эта крепость стала известно как Хельмова Падь). Вулф взял Эдорас, уселся на троне в Золотых Палатах и объявил себя Королем. В бою перед воротами дворца пал Халет, сын Хельма.

Вскоре началась Долгая Зима. Около пяти месяцев Рохан лежал, занесенный снегами (с ноября 2758 года по март 2759 года). И рохирримы, и их враги одинаково жестоко страдали от холода и голода.

В Хельмовой Пади, когда положение осажденных стало особенно отчаянным, младший сын Хельма, Хама, вопреки приказу Короля ушел с отрядом в набег и затерялся в снежной пустыне. Хельма эта новая потеря, голод и безнадежность привели в состояние яростного исступления. Один вид Короля приводил

в ужас и своих, и врагов. Одетый в белое, в одиночку выходил он из крепости, пробирался, как снежный тролль, в лагерь врагов и убивал людей голыми руками. Тут же возникло поверье, что пока Король безоружен, никакое оружие не способно причинить ему вред. Дунгары говорили, что он ест людей, если не находит другой пищи, и это предание помнилось долго. Перед каждой своей вылазкой Хельм трубил в огромный рог, да так, что начинало гудеть все ущелье, и скоро, заслышав грозные звуки, завоеватели, тоже доведенные до отчаяния холодом и голодом, в ужасе разбегались кто куда, даже не помышляя об отпоре страшному Королю.

Однажды ночью рог протрубил снова, но наутро Хельм не вернулся. Зато впервые за много дней вернулось солнце, и тогда глазам всех предстала прямая белая фигура на валу, защищавшем подходы к Хорне. Дунгары не осмелились приблизиться к ней. Это был Хельм, мертвый, окаменевший, но не сдавшийся. Люди же говорили, что и много лет спустя Рог Хельма порой звучал в Пади, а ярость Короля бродила среди врагов (недостатка в них Рохан не ощущал и впоследствии), убивая их незримым ужасом.

Вскоре после этого кончилась зима. Тогда Фреалаф, сын Хильды, сестры Хельма, нагрянул с отрядом отчаянных храбрецов из Дунхарга, убил Вулфа и занял Эдорас. Начали таять снега. Половодье превратило долину Энтовой Купели в непроходимую топь. Вастаки, ослабевшие от голода и совсем павшие духом, были перебиты подошедшими наконец гондорцами. Еще до конца 2759 года Рохан освободился. Дунгар вышибли даже из Изенгарда, а Фреалаф стал Королем.

Останки Хельма перенесли из Хорне и погребли под Девятым курганом. Белые цветы симбелина разрослись на нем так густо, что издали курган выглядит словно покрытый снегами.

Со смертью Фреалафа начинается новый ряд курганов.

Не скоро оправились рохирримы от последствий войны. К счастью, впереди их ждала мирная полоса, но только ко времени правления Короля Фолквайна Рохан обрел прежнюю мощь.

На коронации Фреалафа впервые появился Саруман с дарами и славословиями. Его приняли как дорогого гостя. Вскоре после этого с позволения Берена, Правителя Гондора, Саруман занял Изенгард. Берен же дал магу ключи от Ортханка. Со временем Саруман стал правителем, а до этого правил от имени Берена и носил звание Стража Башни. И Фреалаф, и Берен считали Изенгард надежным оплотом в хороших дружеских руках. Может, поначалу так оно и было, но Саруману на самом деле нужен был Камень Ортханка и надежное пристанище. Во всяком случае, уже после Белого Совета, созванного в 2953 году, его отношение к Рохану сильно изменилось. Тогда-то и объявил он Изенгард своей собственностью, и начал постепенно превращать

крепость в подобие Барад Дура. Друзей и слуг он избирал только среди ненавистников Гондора, будь то люди или более злые твари.

КОРОЛИ РОХАНА

ПЕРВАЯ ВЕТВЬ

2485—2545[1] — Йорл Юный; свое прозвание получил из-за того, что занял престол в ранней молодости и до конца дней оставался румяным и золотоволосым. Йорл пал в битве с вастаками, и тогда был воздвигнут Первый курган. Вместе с ним похоронен его конь Феларофф.

2512—2570 — Брего; изгнал врагов из степей и долгие годы Рохан жил в мире. В 2659 году Брего завершил строительство Золотых Палат. На пиру его сын Балдор объявил, что собирается пройти Тропами Мертвых, ушел и не вернулся. На следующий год Брего умер от тоски.

2544—2645 — Алдор Старый, второй сын Брего. Правление его продолжалось 75 лет, отсюда и прозвание. При Алдоре рохирримы умножились и покорили остатки дунгар восточнее Изена. Тогда же были заселены Харрог и другие горные ущелья.

О следующих трех Королях говорится мало. В их дни в Рохане царили мир и благоденствие.

2570—2659 — Фрей, старший сын Алдора. Королем стал уже под старость.

2594—2680 — Фревайн.

2619—2699 — Голдвайн.

2644—2718 — Деор. Во дни его правления возобновляются набеги дунгар. В 2710 году они захватили Изенгард и долго удерживали его.

2668—2741 — Грам.

2691—2759 — Хельм Молоторукий. В конце его правления вторжение дунгар и Долгая Зима нанесли Рохану тяжелейший урон. Хельм и его сыновья, Халет и Хама, погибли. Правление принял Фреалаф, сын сестры Короля.

ВТОРАЯ ВЕТВЬ

2726—2798 — Фреалаф. При нем Саруман занимает Изенгард. Рохан, ослабленный поражением в войне и Долгой Зимой, дружески относится к новому соседу.

2752—2842 — Бритта; заслужил от народа любовь и прозвание Леоф за радушие и готовность помочь всякому нуждающемуся. Сражался с орками. Очистил от них север Рохана. Казалось, что

---

[1] Даты рождения и смерти указаны по гондорскому летосчислению Третьей Эпохи. — *Прим. авт.*

с этой напастью покончено навсегда, но время показало, что это не так.

2780—2851 — Валда; правил всего девять лет. Попал с отрядом в орочью засаду и погиб на дороге из Дунхарга.

2804—2864 — Фолка; прекрасный охотник, давший клятву не трогать диких зверей, пока в Рохане остается хоть один орк. Когда последняя орочья банда была уничтожена, Король отправился на охоту за огромным кабаном из Хольта в Фириенские Леса. Кабана он убил, но и сам погиб от ран, нанесенных клыками зверя.

2830—2903 — Фолквайн. При нем восстановлена мощь Рохана. Фолквайн освободил западные области (между Адорном и Изеном), захваченные дунгарами. Получив известие о нападении харадримов на Гондор, Фолквайн отправил на помощь Правителю большое войско. Вняв совету прорицателя, он доверил командование своим сыновьям-близнецам, Фолкреду и Фастреду (родились в 2858 году). Оба пали в Итилиенской битве (2885). Турин II Гондорский щедро вознаградил Фолквайна за помощь.

2870—2953 — Фенгель, третий сын Фолквайна. Память о нем скудна. Он был жаден до еды и золота, неуживчив с военачальниками и собственными детьми. Сын его Тенгель, возмужав, покинул Рохан и долго жил в Гондоре, стяжав немалую славу на службе у Тургона.

2905—2980 — Тенгель; в 2943 году взял в жены Морвен из Лоссарнаха в Гондоре. В то время ей еще не исполнилось 17 лет. Она родила Тенгелю двух дочерей и сына Теодена. После смерти Фенгеля рохирримы призвали Тенгеля, и он с неохотой вернулся. Уже в Рохане у него родились еще две дочери. Последняя и самая красивая, Теодвин, родилась поздно, в 2963 году. Теоден нежно любил ее. Вскоре после возвращения Тенгеля Саруман объявил себя Правителем Изенгарда и начал посягать на границы Рохана, поддерживая его врагов.

2948—3019 — Телден; подпал под чары Сарумана, и тот едва не извел Короля, но благодаря вмешательству Гэндальфа в последний год своей жизни Теоден воспрял, выиграл битву у Хорне и привел войска на Пеленнорские Поля. В величайшей битве Эпохи Король пал у ворот Мундбурга (так рохирримы называли Минас Тирит). Некоторое время он покоился в стране, где родился, среди усопших Королей Гондора, но позже был перенесен на родину и похоронен в Восьмом кургане его ветви в Эдорасе.

ТРЕТЬЯ ВЕТВЬ

В 2989 году дочь Короля Теодена, Теодвин, вышла замуж за Йомунда, Правителя Остфолда. Ее сын Йомер родился в 2991 году, а дочь Йовин — в 2995-м. Над миром снова нависала тень Саурона, ее крылья простерлись до степей Рохана. Орки опять

совершали набеги на восточные области, крали коней. Но теперь среди них попадались огромные уруки. Появлялись они всегда со стороны Мглистых Гор, и долгое время никто не догадывался, что служат они не Темному Властелину, а Саруману. Постоянной и главной заботой Йомунда стали восточные рубежи. Йомунд очень любил коней и люто ненавидел орков. Едва приходили вести о новой вылазке, он тут же бросался в погоню, пылая гневом, хотя и не всегда располагал достаточными силами. Однажды, в 3002 году, Правитель увлекся погоней и гнал орков до границ Эмин Майл. Но его заманили в ловушку. В горах среди скал поджидала большая орда. Правитель погиб.

Вскоре после его смерти Теодвин занемогла и скончалась, к великому горю отца. Он взял ее детей к себе в дом, назвав сыном и дочерью. У самого Короля был лишь один сын, Теодред, в ту пору ему было 24 года. Королева Эльфхильда умерла от родов, и Теоден не женился больше. Йомер и Йовин росли в Эдорасе и видели, как темные тени сгущаются над Золотым Дворцом. Йомер очень походил на отца, а его сестра выросла гибкой, грациозной и горделивой, как мать, Морвен из Лоссарнаха, которую рохирримы прозвали Морвен Стальной Блеск.

Йомер (2991—3084 или 63 Ч. Э.) еще в молодости принял правление восточными окраинами. В Войне Кольца Теодред пал, отражая Саруманову полчища у Бродов Изена. Поэтому Теоден объявил Йомера наследником и будущим Королем. На Пеленнорских Полях стяжала великую славу и Йовин, сражавшаяся в рядах Всадников в мужской одежде. Люди запомнили ее под именем Девы-Щитоносца[1].

Йомер стал великим Королем; он был молод, когда принял правление от Теодена, и правил шестьдесят пять лет — дольше, чем все предшественники, кроме Алдора Старого. В Войне Кольца он сдружился с Королем Элессаром и с Имрахилем из Дол Амрота, а после войны часто навещал Гондор. В последний год Третьей Эпохи он женился на Лотириэль, дочери Имрахиля. Его сын, Эльфвин Светлый, унаследовал трон Рохана.

Во дни Йомера люди, желавшие мира, наконец обрели его. Население Рохана становилось все многочисленнее, огромные табуны коней паслись на равнинах. Гондором (и Арнором) правил Король Элессар. Под его рукой объединились все исконные гондорские владения, и только Рохан оставался независимым коро-

[1] Левая рука Йовин была сломана ударом булавы Короля-Призрака, но и сам он был обращен в ничто; так исполнилось давнее провидение Глорфиндейла. Когда-то он сказал Королю Эарнуру, что Чародею суждено пасть не от руки воина. Песни Рохана хранят память и об оруженосце Теодена, полурослике из далекой страны, который помог Йовин одолеть страшного врага. Йомер, воздав полурослику великие почести, нарек его Холдвайном (это был наш Мериадок Великолепный, Хозяин Заскочья). — *Прим. авт.*

левством. Король Элессар подтвердил дар Кириона, а Йомер снова принес клятву Йорла и впоследствии оставался верен ей. Ибо хотя Саурон и пал, злоба и ненависть, посеянные им, дали ростки, и Королю Запада еще не раз пришлось побеждать врагов, прежде чем Белое Древо смогло расти в мире. И куда бы ни призывали Короля Элессара ратные дела, повсюду был с ним Король Йомер. И за Рунным Морем, и на далеких просторах юга Белый Конь на зеленом поле реял под разными ветрами рядом с Белым Древом, осиянным звездами.

III
НАРОД ДАРИНА

О том, откуда пошли гномы, и сами они, и эльфы рассказывают много странного, но дело это очень давнее и многого здесь не скажешь. Старейшего из Семи Праотцев гномы зовут Дарин. От него ведут род цари Долгобороды. Дарин долго спал один, а когда в глубине времен пробудился его народ, он пришел в Азанулбизар и поселился в пещерах на восточных склонах Мглистых Гор. Так было положено начало знаменитым Морийским Копям.

Долго жил Дарин и во многих землях был известен как Дарин Бессмертный. Но вот в конце Предначальной Эпохи он умер и был похоронен в Казад Думе, однако род его никогда не пресекался. Пять раз рождались в этом роду наследники столь похожие на Дарина, что им давали его имя. Гномы считали Дарина Бессмертным, Который Возвращается. У этого народа есть много странных преданий о себе и своем месте в мире.

В конце Первой Эпохи велики были мощь и богатство Казад Дума, созданные трудами искусного и мудрого народа Ногрода и Белегоста. Эти прекрасные города в Синих Горах были разрушены при падении Тонгородрима. Однако не иссякло могущество Мории. Она процветала даже в черные дни владычества Саурона. Эрегион был разорен, но за закрытыми наглухо воротами Мории жил многочисленный и доблестный народ, против которого даже Саурон не решался выступать открыто. Богатство Подгорного Царства долго оставалось нетронутым, а вот население стало убывать.

В середине Третьей Эпохи трон снова занял Дарин — Шестой государь, носивший это имя. В мире опять росла сила Врага. Завеса тьмы накрыла Лес, подступавший к порогу Мории, зашевелились разные лиходейские твари, но о самом Сауроне речи пока не было. Гномы тем временем в поисках легендарного мифрила зарывались все глубже под Баразинбар, пока не разбудили Глубинный Ужас, скрывавшийся здесь со дня прихода Воинства Запада. Это был один из уцелевших под Тонгородримом Барлогов Моргота. Он убил государя Дарина, а через год — его сына

Наина I. Так пришел конец Морийскому Царству. Те, кто населял его, либо погибли, либо бежали в дальние края.

Многие гномы, покинувшие Морию, отправились на север. Трайн I, сын Наина, привел их к Одинокой Горе у восточных окраин Сумеречья. Он стал первым Царем-под-Горой. Здесь Трайн нашел огромный алмаз, Аркенстон, Сердце Горы. Его сын, Торин I, ушел еще дальше на север, в Серые Горы. Постепенно там собралась большая часть народа Дарина, ибо Горы скрывали в себе множество богатств, и до этого времени их никто не разрабатывал. Правда, на равнинах за Горами водились драконы. Поначалу гномы не придали этому значения — и напрасно. Прошло много лет, драконы размножились, осмелели и объявили гномам настоящую войну. Они похищали созданные ими прекрасные вещи, охотились за сокровищами, и кончилось тем, что Даин I со своим вторым сыном Фрором погибли у самых ворот собственного дворца, убитые огромным стылым червем.

Жить в Серых Горах стало невозможно, и тогда Грор, третий сын Даина, увел многих к Рудному Кряжу, а Трор, старший, вернулся с остальными к Эребору. Он вернул Аркенстон в Подгорный Дворец Трайна. Народ его жил в довольстве, богатство гномов росло. Здесь возникла и окрепла дружба гномов с людьми. Народ Дарина славился не только изготовлением прекрасных драгоценностей, но и бесценного оружия и доспехов. Руду доставляли из Рудных Гор. В то время северяне, жившие между Келдуином (Быстрицей) и Карненом (река Рудь), освободили свои земли от врагов, и под их защитой гномы Эребора жили в покое и достатке, в подземных чертогах не прекращались пиры и не смолкали песни.

Слухи о богатствах Эребора разошлись широко и не миновали ушей драконов. Величайшим из них в то время по праву считали Смога Златолюба. Он-то и начал войну, напав с воздуха без предупреждения на владения царя Трора. Гора запылала. А вскоре и весь край пришел в запустение, даже Эсгарот был разрушен и обезлюдел. Смог проник в Главный Чертог и теперь неотлучно лежал там на груде золота.

Однако многим подданным Трора удалось спастись от пожаров и разорения. Спасся и сам Трор с сыном Трайном II. Вместе с детьми Трайна II, Торином, впоследствии прозванным Дубощитом, Фрерином и Дис, они ушли на юг и вынуждены были скитаться долгие годы.

Время шло, и вот однажды старый, нищий и отчаявшийся Трор отдал Трайну единственное сокровище, которое ему удалось сохранить, — последнее из Семи Колец, находившихся во владении гномов, и ушел неведомо куда со старцем по имени Нар. На прощание он сказал Трайну:

— Хоть в это и трудно поверить, но Оно может стать для вас началом новой судьбы. Оно способно вернуть богатство и

славу нашему роду, но для этого Ему нужно золото, а где же его взять?..

— Разве ты не думаешь вернуться когда-нибудь в Эребор? — спросил Трайн.

— Мне уже поздно думать о мести, — вздохнул Трор. — Это я завещаю тебе и твоим сыновьям. Бедность и презрение к моей нищете доконали меня. Пойду навстречу судьбе — и будь что будет.

Может, от горя и бедствий старый Трор слегка тронулся умом, а может, Кольцо, ощутив, как его властелин наливается новой силой, толкнуло его на глупость, но только они с Наром долго шагали на север, пока, миновав перевал Красного Рога, не спустились к открытым дверям Мории. Как ни умолял Нар Трора проявить благоразумие, бывший царь не послушал его и с гордо поднятой головой, как подлинный хозяин, вошел внутрь. Назад он не вышел. Нар долго ждал в укрытии неподалеку от ворот. И вот, на четвертый или на пятый день он услышал ужасный шум, вопли и звуки рогов, а потом по ступеням скатилось тело. Страшась самого худшего, Нар начал подкрадываться к нему, и тут из тени ворот его окликнул грубый громкий голос:

— Эй, ты, борода! А ну, поди сюда! Мы тебя видим, можешь не прятаться. Да не бойся, ты мне нужен для дела.

Не таясь больше, Нар подошел и склонился над телом. Да, это был Трор. Рядом, лицом вниз, лежала его отрубленная голова. Ноги у старика подкосились, и он опустился на колени. Раздался орочий хохот, и тот же голос произнес:

— Нищим подобает ждать у дверей. А если они залезают в дом непрошеными и начинают красть, с ними приходится поступать строго. Запомни: если еще кто-нибудь из твоего народа сунет сюда свою мерзкую бороду, его ждет то же самое! Отправляйся и передай это всем. А если его наследники будут спрашивать, кто теперь правит в Мории, так имя Правителя ты найдешь на лбу этого пронырыl

Нар с трепетом повернул голову убитого и увидел выжженное на лбу клеймо. Надпись была сделана рунами гномов, так что он без труда прочел имя — *Азог*. Весь народ гномов запомнил это имя навсегда. Нар хотел поднять голову царя, но Азог не позволил.

— А ну, брось ее! Вот тебе подаяние, а теперь — убирайся! — Маленький кошель упал у ног гнома, в нем было несколько мелких монет.

Плача, старик пошел вниз по течению Серебрени. Один раз он оглянулся и увидел, как вышедшие из ворот орки рубят тело несчастного царя и бросают куски воронам.

Трайн выслушал рассказ Нара, молча глотая слезы и терзая свою бороду. Семь дней сидел он, не говоря ни слова, а на восьмой встал и произнес: «Этого нельзя снести!»

Так началась война между орками и гномами. Она была долгой и кровопролитной, множество жестоких сражений происходило в глубинах земли.

Трайн разослал вестников на север, на восток и на запад. Но прошло три года, прежде чем гномы собрали достаточно сил. К войску народа Дарина присоединилось огромное воинство, посланное домами других Праотцев, ибо бесчестье, нанесенное наследнику древнейшего рода, наполнило гневом все сердца.

Выступив в поход, гномы осадили и разрушили все укрепления орков, какие встретились между Гундабадом и Оболонью. Сражения были безжалостны, но гномы побеждали: они были сильнее и лучше вооружены, а пламя гнева неугасимо пылало в их сердцах, заставляя обшаривать каждую нору и каждую пещеру в поисках Азога.

Орки не выдерживали натиска, они бежали, и вскоре их последним оплотом осталась Мория. В погоне за ними воинство гномов спустилось в долину Азанулбизар. Два горных отрога стискивали ее, а посредине лежало легендарное озеро Келед Зарам — сердце древнего Подгорного Царства. Когда гномы узрели ворота своей древней твердыни, крик их громом потряс долину. Но перед ними стояло огромное орочье войско, последнее, оставшееся в распоряжении Азога.

Поначалу казалось, что удача отвернулась от гномов. День битвы выдался унылым и серым, это было на руку оркам. К тому же числом они превосходили гномов, и позиция их была более удобной, потому что они занимали склоны над долиной. Но гномы не думали о выгодах и преимуществах. Битва началась. До сей поры при воспоминании о ней орки содрогаются, а гномы плачут.

Передовой отряд вел Трайн. Его атака не удалась. С большими потерями Трайну пришлось отойти к лесу за Келед Зарамом. На краю этого леса пал сын Трайна, Фрерин, и его родич Фундин, а сам Трайн и Торин получили легкие раны.

Говорят, что, когда в бою щит Торина был разбит, он отбросил его в сторону и отражал удары большим дубовым суком. Отсюда пошло его прозвище.

В сражении долго не было перевеса ни у одной стороны, но вот, позже всех, подоспели гномы с Рудного Кряжа, они и решили исход битвы. Закованные в броню воины Наина, сына Грора, прошли сквозь полчища орков к самому порогу Мории. Они свирепо рычали: «Азог! Азог!» и крушили секирами всех, кто вставал на их пути.

Наин встал в воротах и громко воззвал:

— Азог! Если ты здесь — выходи!

И тогда из темноты вышел Азог, огромный орк, быстрый, сильный, с ног до головы закованный в железо. За ним толпилась многочисленная охрана.

— Как? Еще один нищий? — зарычал Азог. — Хочешь и себе клеймо на лоб?

Он поднял секиру и бросился на гнома. Наин был сильным и умелым воином, но битва длилась уже несколько часов, усталость и гнев застили ему глаза, а Азог был свеж, жесток и коварен. Долго бились они. Собравшись с силами, Наин обрушил на орка страшный удар, но Азог увернулся и успел задеть гнома по ноге. Наин потерял равновесие, качнулся вперед, и тогда секира Азога обрушилась ему на шею. Железный воротник доспеха выдержал удар, но кости гнома хрустнули, и он упал замертво.

Торжествующий рев готов был вырваться из глотки победителя, но застрял в горле. Азог огляделся и увидел, что вся долина завалена трупами орков, а гномы в исступлении рубят направо и налево, не давая пощады. Орки бежали и выли на ходу, но их догоняли и убивали. В пылу битвы Азог забыл о своей охране, и вот она лежит вокруг, и никто даже не шевельнется. Азог молча повернулся и бросился к Воротам. Он, верно, и не видел, как вслед ему кинулся гном с алым топором в руках. Это был Даин Железноступ, сын Наина. У самых Ворот он настиг Азога и одним ударом снес ему голову. Так был совершен великий подвиг. Даин в то время был совсем молод, впереди его ожидало множество битв и походов. Он прожил долгую жизнь воина и пал в Войне Кольца. Да, воин он был отменный, но, говорят, от Ворот он спустился с посеревшим от страха лицом.

Сражение было выиграно. Оставшиеся в живых гномы собрались в долине. Голова Азога с глубоко засунутым в пасть памятным кошельком с мелкими монетами торчала на колу. Но в ту ночь тишину Азанулбизара не нарушали звуки победного пира и радостных песен. Едва ли половина гномов могла стоять на ногах, и далеко не всем из них суждено было исцелиться от ран. Утром к победителям обратился Трайн. Он потерял один глаз, сильно хромал из-за раны в ногу и смог сказать только: «Славно! Мы победили. Казад Дум наш!»

В ответ он услышал скорбные слова:

— Наследник Дарина! Хоть у тебя остался только один глаз, все же взгляни вокруг. Мы бились здесь, чтобы отомстить, и мы отомстили. Но победа оказалась настолько тяжелой, что нам не удержать ее.

Гномы из других родов сказали:

— Казад Дум никогда не был домом наших предков. Зачем он нам? Неоткуда ждать наград, и не с кого спрашивать виру за убитых. Мы хотим вернуться домой, и чем скорее, тем лучше.

Трайн горестно спросил Даина:

— А мой народ? Он тоже покинет меня?

— Нет, — ответил Даин. — Ты — отец нашего народа, мы сражались за тебя и, если придется, будем сражаться вновь. Но мы не войдем в Казад Дум. Я только заглянул в тень Ворот, но этого довольно. Если хочешь — иди, но там, в тени, тебя ждет Проклятье Дарина. Нам не одолеть такого Врага. Надо ждать, когда изменится

мир и в нем появится сила, способная совладать с ним. До тех пор народ Дарина не войдет в Морию.

После битвы гномы вновь рассеялись по свету. Покидая Азанулбизар, с мертвых сняли оружие и доспехи, дабы они не достались оркам, если те вернутся в долину. Каждый гном, уходивший с поля битвы, был тяжко нагружен. Весь лес пошел на сооружение погребальных костров (с тех пор он не растет там больше), а дым от сожжений был виден даже в Лориене.

Сжигать своих умерших — не в обычае гномов, но строительство каменных гробниц, как это у них принято, отняло бы многие годы. Оставлять же тела погибших на растерзание зверям или оркам было немыслимо. Вот и пришлось обратиться к огню. Но у павших в Азанулбизаре славная память. Если сегодня кто-нибудь из гномов с гордостью скажет о своем предке: «Он был — Сожженный Гном», этого будет довольно.

Погребальные костры отгорели, союзники разошлись в разные стороны, и Даин Железностоп увел свой народ к Рудному Кряжу. Перед уходом Трайн сказал Торину Дубощиту:

— Кому-то цена за голову на колу покажется слишком высокой! Мы отдали за нее по меньшей мере свое царство. Какой путь ты изберешь? Вернешься ли со мной к наковальне или пойдешь по свету?

— По мне — лучше наковальня, — пожал плечами Торин. — Молот не даст ослабеть рукам, пока им снова не придется взяться за более острый инструмент.

Так Трайн с Торином и с горсткой гномов, среди которых были и Балин с Глоином, вернулись в Дунгарский Край, но вскоре покинули его и долго бродили по Эриадору, пока не осели в отрогах Эред Луина. Мало их было, и не скоро они вновь стали заметным народом. И во все-то времена женщин среди гномов было немного, а в таком ослабевшем роде и подавно. Дочь Трайна, Дис, принесла ему двух внуков — Фили и Кили, а у Торина, например, жены не было вовсе. Все изделия, выходившие в это время из-под молота гномов, были железными. Слова Трора о том, что Кольцу нужно золото, помнили, но ни золота, ни других драгоценных металлов или камней у них не было.

Пришла пора сказать несколько слов об этом Кольце. Народ Дарина верил, что владеет первым из Семи откованных Колец. Говорили, что оно подарено Государю Казад Дума, Дарину III, самими эльфами-кузнецами и что Саурон не коснулся его. Вряд ли это именно так, ибо злая сила Врага, несомненно, была в Кольце, ведь он помогал ковать все Семь. Владельцы Кольца никогда не говорили о нем, а расставались с Кольцом только перед смертью. Поэтому никто не знал наверняка, где оно находится в тот или иной момент. Некоторые считали, что оно осталось в Казад Думе, а родичи и наследники Дарина ошибочно полагали, что

Трор взял его с собой в свой злосчастный поход в Морию. Кольцо искали на трупе Азога, но не нашли.

Теперь многие думают, что Врагу удалось с помощью чар или еще как-то узнать, кто владеет последним свободным Кольцом Народа Гномов, и все дальнейшие злоключения наследников Дарина объясняют колдовством Врага. Но гномы оказались стойким народом. Кольцу удалось только заронить в их сердца страсть к золоту и драгоценностям, без них жизнь была бы гномам не в радость, а грабителей они ненавидели и мстили жестоко. Нужда и скитания закалили дух гномов и научили стойко сопротивляться любому давлению. Чужая воля оказалась не способна склонить их ко злу, и поэтому ненависть Саурона обратилась к одной цели — лишить гномов того, чем они владели.

Видимо, именно Кольцо по прошествии нескольких лет отравило жизнь Трайну. Ничто более не радовало его, а жажда золота жгла сердце. Наконец, не в силах больше терпеть, он решил возвращаться в Эребор. Спутниками его стали Балин, Двалин и еще несколько гномов. Торину он ничего не сказал. Об их путешествии известно мало. Можно предположить, что едва путники вышли в дорогу, шпионы Саурона выследили их. Волки и орки подстерегали маленький отряд, зловещие птицы застили солнце, и чем дальше гномы продвигались на север, тем больше препятствий им приходилось преодолевать. Однажды темной ночью гномы брели долиной Андуина, когда черный дождь заставил их искать укрытие под кронами Сумеречья. А наутро Трайн исчез. Спутники долго искали его, не нашли и вернулись обратно. Только много лет спустя выяснилось, что Трайна схватили по вражьему приказу и бросили в подземелья Дол Гулдура. Кольцо забрали, долго пытали, и там он в конце концов и умер.

Наследником Дарина стал Торин Дубощит, да только что теперь было наследовать? Когда Трайн пропал, Торину исполнилось 95 лет. Он пользовался немалым уважением среди гномов, носил гордый герб и был доволен жизнью в Эриадоре. Торин был состоятельный гном, богатство свое нажил честным трудом, а став Правителем, правил рачительно и мудро. Прослышав о дворце Государя, скитальцы из Народа Дарина возвращались и оседали неподалеку. Так постепенно появились прекрасные подгорные залы, кладовые заполнились припасами, и жить стало легче, хоть в песнях часто с грустью поминали Одинокую Гору.

Шли годы. Торин размышлял над напастями, одолевавшими его род, раздумывал, как отомстить дракону, мечтал о новых союзах и войсках, но войска давно рассеялись, союзы были забыты, оружия не было, и большой молот Торина гневно бил и бил в кузнице по раскаленному железу.

Так продолжалось до тех пор, пока Торин не повстречался с Гэндальфом. Их встрече суждено было изменить судьбу Дома Дарина и повлечь за собой дела великие и славные.

Однажды 15 марта 2941 года Торин, возвращаясь из какого-то похода, решил заночевать в Брыле. В то же время в «Резвом Пони» отдыхал Гэндальф. Он направлялся в Шир, где не бывал лет двадцать. Мага тревожили дела на севере. Надвигалась война. Саурон копил силы и собирался первый удар нанести по Дольну. Ясно было, что помешать его планам можно, лишь перекрыв горные перевалы на севере, а кроме гномов из Рудного Кряжа, сделать это было некому. Но их останавливала Драконова Пустошь, а в недрах Одинокой Горы затаился Смог. Саурон мог попытаться использовать дракона, и тогда последствия были бы страшными. Вот Гэндальф и размышлял, как погубить Смога. От этих мыслей оторвал его голос Торина:

— Я много слыхал о тебе, мастер Гэндальф, и рад поговорить с тобой. В последнее время я часто о тебе думал, как будто кто велел мне искать тебя. Да я бы и искал, если б знал где.

— Ну что ж, Торин Дубощит, — с легким удивлением ответил маг, — я тоже думал о тебе. Хоть сейчас я и направляюсь в Шир, но помню, что эта дорога ведет и к твоему Дворцу.

— Коли тебе хочется, можешь называть хижину изгнанника дворцом, — вздохнул Торин. — Но как бы там ни было, если приедешь, тебе будут рады. Всем ведома твоя мудрость, а при моих заботах твой совет просто необходим.

— Я приду, — кивнул Гэндальф. — По крайней мере одна забота у нас с тобой общая. Надеюсь, внук Трора не забыл о Драконе Эребора, я ведь о нем говорю.

О последствиях этой встречи достаточно сказано в другом месте: и о необычном плане Гэндальфа, и о походе к Одинокой Горе, закончившемся столь неожиданно. Здесь говорится только о Народе Дарина.

Бард Лучник сразил Смога. Возле Эребора произошло великое сражение. Орки, прознавшие о возвращении гномов, пошли войной на Эребор. Вел их Болг, сын Азога. В этой битве Торин Дубощит был смертельно ранен и вскоре умер. Похоронили его в Гробнице-под-Горой с Аркенстоном на груди. Фили и Кили тоже пали в этом бою. Даин Железностоп, пришедший с Рудного Кряжа, по праву стал Царем Даином II, и Подгорное Царство возродилось, как и желал того Гэндальф. Даин стал великим и мудрым государем, и для гномов снова настали дни процветания.

В том же 2941 году в конце лета Гэндальф склонил Белый Совет осадить Дол Гулдур. Саурон бежал и укрылся в Мордоре. Замыслы его были расстроены, и когда война все-таки разразилась, главный удар был направлен на юг. Ведь на севере Врагу противостояли Даин II и Король Бранд.

Как-то раз, уже после завершения основных событий Войны Кольца, Гэндальф в Минас Тирите сказал Фродо и Гимли:

— Много скорби принесла гибель Торина, а вот теперь в сражении на севере пал Даин. Удивления и восхищения достойна его

гибель. В таком преклонном возрасте он пал, как могучий воин, в схватке над телом Короля Бранда у ворот Эребора. Это большая потеря для гномов, да и для всего Среднеземья тоже. Но все могло быть куда хуже. Великие дела свершились на полях Пеленнора, но нельзя забыть и о битвах на севере. Если бы не доблесть Народа Дарина, в Гондоре сейчас могло бы не быть Королевы, а Дольн лежал бы в развалинах. И с победы нам пришлось бы возвращаться на пепелище. Но этого не случилось, и не случилось потому, что однажды весенним днем мы повстречались в Брыле с Торином Дубощитом. Это была встреча судьбы, как говорят в Среднеземье.

В этих хрониках упомянута единственная женщина из народа гномов. Это — Дис, дочь Трайна II. Со слов Гимли мы знаем, что женщин среди гномов вообще мало, не больше трети. Они редко покидают подземные обиталища, а по обличию и одежде так похожи на молодых гномов, что посторонний глаз не способен уловить разницу. От этого и пошли глупые толки, будто у гномов женщин нет совсем и гномы, дескать, «выходят из камня».

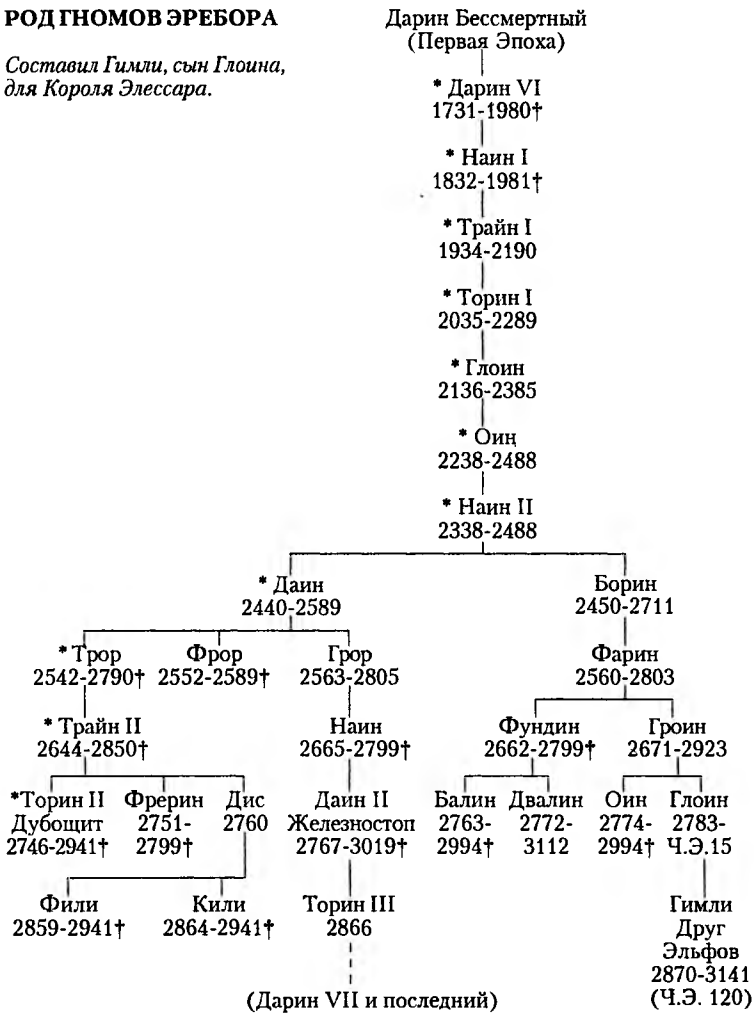
Нет, женщин у гномов просто мало, поэтому их народ и растет столь медленно. Гномы женятся или выходят замуж только один раз и при этом очень ревнивы. К тому же не все женщины гномов выбирают себе мужей: некоторые не хотят никого, некоторые мечтают о тех, за кого не могут выйти, а если так, то ни на кого больше и смотреть не станут. Да и мужчины у гномов часто предпочитают работу семейным радостям.

Гимли, сын Глоина, стал одним из самых известных гномов. Он входил в Отряд Девяти, провел всю войну рядом с Королем Элессаром, удостоился звания Друга Эльфов за преклонение перед Владычицей Благословенного Края и дружбу с Леголасом, сыном Владыки Трандуила. После падения Саурона Гимли привел на юг многих гномов Эребора и стал Государем Мерцающих Пещер. Гномы трудились теперь и в Гондоре, и в Рохане. Для Минас Тирита они взамен прежних, разбитых Королем-Призраком, выковали новые ворота из мифрила. Леголас также привел на юг Сумеречных эльфов, они обосновались в Итилиене, и вскоре он стал прекраснейшим из владений Запада.

Когда Король Элессар расстался с жизнью, Леголас ушел за Море. До нас дошел слух, что вместе с ним отправился и его вернейший друг и соратник Гимли. Может быть, это правда, хотя и странная: чтобы гном по своей воле покинул Среднеземье, чтобы Эльдары приняли его, а Владыки Запада допустили это, — такого еще не было. Правда, говорят, что Гимли ушел, будучи не в силах смириться с мыслью никогда больше не увидеть Владычицу Галадриэль, и в этом случае она, одна из самых могущественных Эльдаров, могла добиться для него особой милости. Более об этом деле сказать нам нечего.

РОД ГНОМОВ ЭРЕБОРА

Составил Гимли, сын Глоина, для Короля Элессара.

Основание Эребора – 1999
Даин I убит драконом – 2589
Возвращение в Эребор – 2590
Разграбление Эребора – 2770
Убийство Трора – 2790
Сбор войск Гномов – 2790-2793
Война гномов с орками – 2793-9
Битва при Нандухирионе – 2799
Трайн уходит странствовать – 2841
Гибель Трайна и потеря Кольца – 2850
Битва Пяти Воинств, гибель Торина II – 2941
Балин уходит в Морию – 2989

---

* *Так отмечены цари Народа Дарина, в том числе и изгнанники. Из спутников Торина Дубощита к Народу Дарина относятся Ори, Нори и Дори. Они – дальние родственники Торина. Бифур, Бофур и Бомбур – потомки морийских гномов.*

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПОВЕСТЬ ЛЕТ
(Хронология Западных Земель)

Первая Эпоха окончилась Великой Войной, в которой рать Валинора разрушила Тонгородрим и низвергла Моргота. Тогда же большая часть народа Нолдоров возвратилась на Заокраинный Запад и жила в Эрессэа, неподалеку от Валинора, и многие Синдары тоже ушли за Море.

Вторая Эпоха окончилась первым низвержением Саурона, прислужника Моргота, и утерей Кольца Всевластья.

Третья Эпоха окончилась в Войне Кольца, но Четвертая Эпоха не начиналась, покуда не ушел Владыка Элронд и не пришло время Людей и упадка других народов Среднеземья, говорящих на древних языках.

В Четвертую Эпоху все предыдущие называли Начальными; на самом же деле Начальными (или Предначальными) временами зовется только время до изгнания Моргота. О тех временах здесь речи нет.

ВТОРАЯ ЭПОХА

Это были годы славы Нуменора и темное время для Людей Среднеземья. О тех событиях известно немногое, и даты могут быть неточны.

В начале Второй Эпохи Высоких Эльфов было еще много. Большинство их жило в Линдоне, западнее Эред Луина, но перед постройкой Барад Дура многие Синдары ушли на восток и поселились в дальних лесах, позже их стали звать Лесными Эльфами. Одним из них был Трандуил, Владыка части Ясного Бора. В северном Линдоне жил Гил-Гэлад, последний потомок Владык Нолдоров. Он был известен еще под именем Высокого Владыки Эльфов Запада. В Линдоне некоторое время жил Келеберн, родич Тингола, его женой была величайшая из эльфийских женщин — Галадриэль. Она была сестрой Финрода Фелагунда, Друга Людей, Владыки Нарготронда, отдавшего жизнь ради спасения Берена, сына Барахира.

Позже часть народа Нолдоров переселилась в Эрегион, расположенный западнее Мглистых Гор, поблизости от Мории. Причиной

переселения был найденный в Мории мифрил. Нолдоры слыли великими мастерами и к гномам относились куда терпимее, чем, например, Синдары; однако дружба, возникшая между Народом Дарина и эльфами-кузнецами Эрегиона, была теснейшей из всех. Владыкой Эрегиона был Келебримбор, искуснейший мастер своего времени, ведущий свой род от Феанора.

ХРОНОЛОГИЯ ВТОРОЙ ЭПОХИ

Годы	События
1	Основаны Серебристая Гавань и Линдон.
32	Народ Аданов достигает Нуменора.
после 40-го	Гномы оставляют старые поселения в Эред Луине и уходят в Морию.
442	Смерть Элроса Тар-Миниатара.
около 500	Вновь начинается деятельность Саурона.
548	В Нуменоре рождается Сильмариэнь.
600	Первые корабли нуменорцев уходят в Море.
750	Нолдоры заселяют Эрегион.
около 1000	Саурон, встревоженный растущей мощью нуменорцев, избирает своим оплотом Мордор. Начинается строительство Барад Дура.
1075	Тар-Анкалимэ становится первой правящей Королевой Нуменора.
1200	Саурон пытается совратить народ Эльдаров. Гил-Гэлад отказывается сотрудничать с ним, но кузнецы Эрегиона соглашаются. Нуменорцы основывают гавани на побережье.
около 1500	Эльфы-кузнецы под руководством Саурона достигают совершенства. Они начинают ковать Кольца Власти.
около 1590	В Эрегионе откованы Три Кольца.
около 1600	Саурон на Ородруине кует Кольцо Всевластья. Келебримбор проникает в его замыслы. Саурон заканчивает постройку Барад Дура.
1693	Начало войны между Сауроном и Эльфами. Три Кольца спрятаны.
1695	Полчища Саурона вторгаются в Эриадор. Гил-Гэлад посылает Элронда в Эрегион.
1697	Эрегион разорен. Гибнет Келебримбор. Врата Мории закрываются. Элронд с отрядом Нолдоров вынужден отступить и укрепиться в Имладрисе.
1699	Саурон захватывает Эриадор.

1700 Тар-Минастир направляет из Нуменора в Линдон огромный флот. Саурон сдается.

около 1800 Саурон изгнан из Эриадора. В Западные Земли надолго приходит мир. Нуменорцы начинают овладевать побережьем. Саурон распространяет власть на восток. Нуменор затенен.

2251 Тар-Атанамир получает скипетр. Восстание в Нуменоре. Появляются назгулы — призрачные кольценосцы, рабы Колец.

2280 Умбар становится твердыней Нуменора в Среднеземье.

2350 Строится Пеларгир. Он становится главной гаванью Верных.

2899 Скипетр переходит к Ар-Андунакору.

3175 Тар-Палантир раскаивается. Междоусобная война в Нуменоре.

3255 Ар-Паразон Золотоликий захватывает трон.

3261 Ар-Паразон отправляется в плавание и высаживается в Умбаре.

3262 Саурона в качестве пленника увозят в Нуменор.

3262—3310 Саурон обольщает Короля и развращает нуменорцев.

3310 Ар-Паразон начинает Великое Вооружение.

3319 Ар-Паразон нападает на Валинор. Падение Нуменора. Элендилу с сыновьями удается спастись.

3320 Основание Арнора и Гондора. Палантиры поделены между княжествами. Саурон возвращается в Мордор.

3429 Саурон нападает на Гондор, захватывает Минас Итиль и сжигает Белое Дерево. Исилдур спасается по Андуину и отправляется на север к Элендилу. Анарион защищает Минас Анор и Осгилиат.

3430 Заключен Союз Людей и Эльфов.

3431 Гил-Гэлад и Элендил идут в Имладрис.

3434 Войска союзников переходят Мглистые Горы. Битва в Дагорладе заканчивается поражением Саурона. Начинается осада Барад Дура.

3440 Пал Анарион.

3441 Саурон повержен Элендилом и Гил-Гэладом. Они погибают. Исилдур присваивает Кольцо Всевластья. Саурон исчезает, Девять Призраков уходят в тень. Кончается Вторая Эпоха.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА

Приходит время заката Эльдаров. Они долго жили в мире, владея Тремя Кольцами, пока Саурон спал, а Кольцо Всевластья было потеряно, но они не стремились к новому, живя памятью о про-

шлом. Гномы затаились в подземных глубинах, храня свои клады. Но вот лихо вновь зашевелилось, появились драконы и древние сокровищницы гномов начали оскудевать, а сами гномы постепенно превратились в бродячий народ. Население Мории тает, и она погружается во мрак. Жизнь нуменорцев становится короче, мудрость убывает, они смешиваются с младшими народами.

Так проходит больше тысячи лет. Великий Ясный Бор погружается в тень. В Среднеземье появляются Истари или маги. Говорили, что они пришли с Заокраинного Запада, чтобы свергнуть власть Саурона и объединить силы Света, но им было запрещено бороться с Врагом силой или насильно подчинять себе Людей и Эльфов. Поэтому они приходят в облике Людей. Молодыми они не были никогда. Сила их духа и рук была огромна. Их истинные имена знали немногие. Говорят, в Ордене их было пятеро. Двоих эльфы прозвали Каранир и Митрандир — Человек Чар и Серый Странник, а люди Севера — Саруманом и Гэндальфом. Каранир часто ходил на восток, но в конце концов поселился в Изенгарде. Митрандир дружил с Эльфами и много бродил по западным землям, нигде не задерживаясь подолгу.

На протяжении всей Третьей Эпохи местонахождение Трех Колец было известно лишь тем, кто владел ими. Потом выяснилось, что поначалу они хранились у величайших Владык народа Эльдаров: Гил-Гэлада, Галадриэль и Кирдэна. Кольцо Гил-Гэлада было отдано им Элронду, а Кирдэн передал свое Митрандиру, ибо только Кирдэн ведал, кем был Серый Странник, откуда он пришел и куда должен вернуться, ведь он встречал его в Серебристой Гавани...

«Прими это Кольцо, Странник, — сказал он тогда, — ибо труды твои будут тяжкими, но оно поможет в твоих заботах. Это — Кольцо Огня, с ним ты сможешь зажигать сердца в этом стынущем мире. Что до меня, — моя душа с Морем, и я буду жить на сумеречных берегах до тех пор, пока не отчалит последний корабль. Я дождусь тебя».

ХРОНОЛОГИЯ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ

Годы	События
2	Исилдур сажает в Минас Аноре семя Белого Древа. Он поручает правление Южным Княжеством Менельдилу. Исилдур и трое его старших сыновей погибают в Оболони.
3	Охтар приносит обломки Нарсила в Имладрис.
10	Валендил становится Королем Анора.
109	Элронд берет в жены Келебриэнь, дочь Келеберна.
130	Рождение сыновей Элронда — Элладана и Элрохира.
241	Рождение Арвен.
420	Король Остогер отстраивает Минас Анор.
490	Первое вторжение вастаков.

500 Ромендакил I наносит поражение вастакам.

541 Ромендакил сражен в битве.

830 Фаластур начинает род «Морских Королей» Гондора.

861 Смерть Эарендура и раздел Арнора.

933 Эарнил I берет Умбар и превращает его в крепость Гондора.

936 Эарнил пропадает в Море.

1015 Кириандил сражен при осаде Умбара.

1030 Хиармендакил покоряет Харад. Гондор достигает вершины могущества. Тень покрывает Ясный Бор, и он получает название Сумеречья. В летописных сводах впервые упоминаются Перианы, в Эриадор приходят Мохноноги.

1140 Мудрые узнают, что злая сила укрепляет Дол Гулдур. Думают, что это один из назгулов.

1149 Начало правления Атанатара Алькарина.

1150 В Эриадоре появляются Лесовики. Хваты проходят Перевал Красного Рога и расселяются у Седонны и в Дунгарских землях.

около 1300 Вновь появляются лиходейские твари. В Мглистых Горах множатся орки и нападают на гномов. Снова появляются назгулы, их предводитель приходит в Ангмар. Перианы идут дальше на Запад, многие оседают в Брыле.

1356 Аргелеб I гибнет в битве с Рудауром. Примерно в это же время Хваты покидают Седонну, и некоторые возвращаются в Ровенион.

1409 Король-Чародей вторгается в Арнор. Гибель Арвелега I. Форност и Тирн Гортад защищаются. Крепость на Амон Сул разрушена.

1432 В Гондоре умирает Король Валакар, и начинается междоусобица.

1437 Сожжен Осгилиат, Палантир утрачен. Эльдакар бежит в Ровенион, его сын, Орендил, убит.

1447 Эльдакар возвращается и изгоняет узурпатора Кастамира. Битва у Бродов Эруи. Осада Пеларгира.

1448 Мятежники бегут и захватывают Умбар.

1540 Король Альдамир гибнет в войне с Харадом и умбарскими пиратами.

1551 Хиармендакил II побеждает харадримов.

1601 Многие перианы уходят из Брыля, и Князь Аргелеб II дарует им земли за Берендуином.

около 1630 Из Дунгара к ним переселяются Хваты.

1634 Пираты разоряют Пеларгир и убивают Короля Минардила.

1636 Великий Недуг опустошает Гондор. Смерть Короля Телемнара и его детей. В Минас Аноре умирает Белое Древо. Недуг захватывает северные и западные области, население их вымирает. Перианы за Берендуином выживают, но терпят большие потери.

1640 Король Тарондор переносит королевский дворец опять в Минас Анор и сажает семя Белого Древа. Осгилиат превращается в руины. Мордор не охраняется.

1810 Король Телумехтар Умбардакил отвоевывает Умбар и изгоняет пиратов.

1851 Первые нападения кочевников на Гондор.

1856 Восточные владения Гондора захвачены врагами. В сражении погибает Король Нармакил II.

1899 Король Калимехтар наносит кочевникам поражение в битве при Дагорладе.

1900 Калимехтар возводит в Минас Аноре Белую Башню.

1940 Заключен союз Арнора и Гондора. Арведуи женится на Фириэль, дочери Ондогера Гондорского.

1944 Ондогер погибает в битве. Эарнил выбивает врагов из Южного Итилиена, потом выигрывает Битву в Лагере и сбрасывает кочевников в Гиблые Болота. Арведуи притязает на корону Гондора.

1945 На престол вступает Эарнил II.

1974 Конец Северного Княжества. Король-Чародей опустошает Арведан и захватывает Форност.

1975 Арведуи тонет в Форохельском Заливе. Палантиры Ануминоса и Амон Сула утрачены. Эарнур приводит флот в Линдон. Король-Чародей разбит в битве при Форносте. На севере его больше нет.

1976 Аранарх становится вождем дунаданов. Знаки власти князей передаются на хранение Элронду.

1977 Фрумгар уводит Йотеод на север.

1979 Скокка из Марей становится первым Таном Шира.

1980 Король-Чародей приходит в Мордор и собирает там назгулов. В Мории появляется Барлог и убивает Дарина VI.

1981 Барлог убивает Наина I. Гномы покидают Морию. Лесные эльфы Лориена уходят на юг. Амрот и Нимродель теряются.

1999 Трайн I приходит в Эребор и основывает Царство-под-Горой.

2000 Назгулы выходят из Мордора и осаждают Минас Итиль.

2002 Захват Минас Итиля и превращение его в Минас Моргул. Палантир захвачен.

2043 Королем Гондора становится Эарнур. Король-Чародей вызывает его на поединок.

2050 Повторный вызов. Эарнур скачет к Минас Моргулу и исчезает. Мардил становится первым Наместником-Правителем.

2060 Мощь Дол Гулдура растет. Мудрые начинают подозревать в хозяине Дол Гулдура возродившегося Саурона.

2063 В Дол Гулдур приходит Гэндальф. Саурон отступает и скрывается на востоке. Начинается Бдительный Мир. Назгулы остаются в Минас Моргуле, но ведут себя тихо.

2210 Торин I уходит из Эребора в Серые Горы. Там собирается большая часть Народа Дарина.

2340 Изумбрас I становится Тринадцатым Таном и первым Таном из рода Туков. Староскоки занимают Заскочье.

2460 Бдительный Мир кончается. Саурон возвращается в Дол Гулдур.

2463 Собирается первый Белый Совет. Примерно в это же время хват Деагорл находит Кольцо Всевластья, Смеагорл убивает его.

2470 Смеагорл-Горлум укрывается в Мглистых Горах.

2475 Нападения на Гондор возобновляются. Осгилиат окончательно разрушен, его каменный мост сломан.

около 2480 Орки строят тайные укрепления в Мглистых Горах и укрепляют перевалы, ведущие в Эриадор. Саурон населяет Морию своими созданиями.

2509 Келебриэнь на пути в Лориен попадает в засаду у Перевала Красного Рога на Карадрасе. Она ранена отравленной стрелой.

2510 Келебриэнь уходит за Море. Орки и вастаки разоряют Каленардон. Йорл Юный одерживает победу на полях Келебранта. Рохиррим заселяют Каленардон.

2545 Гибель Йорла.

2569 Брего, сын Йорла, достраивает Золотой Дворец.

2570 Балдор, сын Брего, входит в Запретную Дверь и исчезает. Примерно в это же время на дальнем севере вновь появляются драконы и начинают беспокоить гномов.

2589 Даин I сражен драконом.

2590 Трор возвращается в Эребор. Его брат, Грор, уходит в Рудный Кряж.

2670 Тобольд сажает в Южной Чети «трубочное зелье».

2683 Изенгрим II становится Таном и начинает рыть Смеалища.

2698 Эктелион I восстанавливает в Минас Тирите Белую Башню.

2740 Орки снова вторгаются в Эриадор.

2747 Бандобрас Тук разбивает в Северной Чети орду орков.

2758 Рохан подвергается нападению и разорению. Флот пиратов атакует Гондор. Хельм Роханский укрывается в Хельмовой Пади. Вулф захватывает Эдорас. Следует Долгая Зима. В Эриадоре и Рохане много жертв. Гэндальф приходит на помощь хоббитам.

2759 Смерть Хельма. Фреалаф изгоняет Вулфа, с него начинается вторая ветвь королей Рохана. Саруман поселяется в Изенгарде.

2770 Смог нападает на Эребор. Эсгарот разрушен. Трор с Трайном II и Торином II спасаются.

2790 Трор гибнет в Мории. Гномы собирают войска для мести. В Шире родился Герондиус, позже прозванный Старым Туком.

2793 Война орков и гномов.

2799 Битва в Нандухирионе перед Воротами Мории. Даин Железностоп возвращается в Рудный Кряж. Трайн II с Торином уходят на запад и поселяются на юге Эред Луина, за Широм (2802).

2800—2864 Бесконечные нападения орков на Рохан. Гибель Короля Валды.

2841 Трайн II уходит в Эребор. Его выслеживают шпионы Саурона.

2845 Трайн заточен в Дол Гулдуре; у него отбирают последнее из Семи Колец.

2850 Гэндальф второй раз приходит в Дол Гулдур и узнает в его хозяине Саурона. Гэндальф понимает, что Саурон собирает Кольца и ищет Кольцо Всевластья, в связи с чем разыскивает наследников Исилдура. Маг находит Трайна и получает Ключ Эребора. Трайн умирает в Дол Гулдуре.

2851 Собирается Белый Совет. Гэндальф настаивает на немедленной войне, но Саруман уговаривает Совет повременить, а тем временем сам начинает поиски в Оболони.

2852 Белектор II Гондорский умирает. Засыхает Белое Древо. Нового семени нет. Мертвое дерево оставляют стоять.

2855 По наущению Саурона харадримы переходят Порос и вторгаются в Гондор. Сыновья Фолквайна Роханского погибают в боях за Гондор.

2890 В Шире рождается Бильбо.

2901 Жители покидают Итилиен, спасаясь от набегов мордорских уруков. Строится убежище возле Хеннет Аннуна.

2907 Родилась Гилраэнь, мать Арагорна II.

2911 Лютая Зима. С севера в Эриадор приходят Белые Волки. Берендуин и прочие реки замерзли.

2912 Великий Разлив опустошает низовья Седонны и Берендуина. Опустошен Тарбад.

2920 Смерть Старого Тука.

2929 Арахорн, сын Арадора, берет в жены Гилраэнь.

2930 Арадор убит троллями. В Минас Тирите рождается Денетор II, сын Эктелиона II.

2931 1 марта рождается Арагорн, сын Арахорна II.

2933 Арахорн II гибнет. Гилраэнь приносит Арагорна в Имладрис. Элронд принимает его как сына и дает имя Эстель (Надежда), он же советует не раскрывать происхождение Арагорна.

2939 Саруману становится известно, что слуги Врага рыщут возле Оболони. Он понимает, что Саурону известно о гибели Исилдура, но скрывает свои мысли от Совета.

2941 Торин Дубощит встречается с Гэндальфом. Они приходят к Бильбо. Поход. Бильбо встречается с Горлумом и становится владельцем Кольца. Собирается Белый Совет. Саруман соглашается с планом нападения на Дол Гулдур, стремясь помешать Саурону в поисках. Саурон отступает. В Битве Пяти Воинств гибнет Торин II. Бард из Эсгарота убивает Смога. Даин с Рудного Кряжа становится Царем-под-Горой.

2942 Бильбо возвращается из похода с Кольцом. Саурон тайно возвращается в Мордор.

2944 Бард отстраивает Эсгарот и становится Королем. Горлум вылезает на поверхность и начинает поиски «вора».

2948 У Тенгеля рождается сын, Теоден.

2949 Гэндальф и Балин навещают Бильбо в Шире.

2950 Родилась Финдуилас, дочь Адрахила из Дол Амрота.

2951 Саурон открыто заявляет о себе и начинает собирать силы в Мордоре. Он восстанавливает Барад Дур. Трое назгулов занимают Дол Гулдур. Горлум поворачивает к Мордору. Элронд открывает Арагорну его настоящее имя и происхождение и вручает обломки Нарсила. Арвен возвращается из Лориена и встречается с Арагорном. Арагорн уходит в Пустоземье.

2953 В последний раз собирается Белый Совет. На нем спорят о Кольце. Саруман лжет, уверяя, что Кольцо сгинуло в Море. Саруман укрепляет Изенгард, устанавливает слежку за Гэндальфом и отмечает его интерес к Ширу. Вскоре в Брыле и в Южной Чети появляются его шпионы.

2954 Ородруин снова извергается. Последние жители Итилиена бегут за Андуин.

2956 Арагорн встречается с Гэндальфом, и они становятся друзьями.

2957—2980 Продолжительные походы Арагорна. Он инкогнито служит правителям Рохана и Гондора.

2968 Родился Фродо.

2976 Денетор берет в жены Финдуилас из Дол Амрота.

2977 Бэйн, сын Барда, становится Королем Эсгарота.

2978 Родился Боромир.

2980 Арагорн приходит в Лориен и снова встречается с Арвен. Он отдает ей Кольцо Барахира, и они обмениваются клятвами верности. Горлум достигает рубежей Мордора и знакомится с Шелоб. Теоден становится Королем Рохана.

2983 Родился Фарамир. Родился Сэмиус.

2984 Смерть Эктелиона II. Денетор II становится Наместником Гондора.

2988 Смерть Финдуилас.

2989 Балин уходит в Морию.

2991 Родился Йомер, сын Йомунда.

2994 Балин погибает. Попытка вернуть Морию провалилась.

2995 Родилась Йовин, сестра Йомера.

3000 Мощь Мордора растет. Саруман решает воспользоваться Палантиром Ортханка и выведать планы Врага, но попадает в ловушку Саурона, владеющего Камнем Итиля. Саруман становится предателем. Ему доносят, что рубежи Шира охраняются Следопытами.

3001 Прощальный Праздник Бильбо. Гэндальф догадывается, каким Кольцом владеет Бильбо. Охрана Шира усиливается. Гэндальф пытается найти Горлума и просит Арагорна помочь ему.

3002 Бильбо приходит в Дольн.

3004 Гэндальф навещает Фродо в Шире.

3007 Бранд, сын Бэйна, становится Королем Эсгарота. Умирает Гилраэнь.

3008 Осенью Гэндальф в последний раз навещает Фродо.

3009 Горлум попадает в руки Саурона. Арвен возвращается в Имладрис.

3017 Горлум уходит из Мордора и попадает в руки Арагорна. Он отправляет его к Трандуилу в Сумеречье. Гэндальф приходит в Минас Тирит и читает свиток Исилдура.

С этого времени события становятся очень важными, и далее приводится более подробная хронология великих лет.

Год 3018

Числа **События**

Апрель

12 Гэндальф приходит в Хоббитон.

Июнь

20 Саурон нападает на Осгилиат. Побег Горлума.

29 Встреча Гэндальфа с Радагастом Бурым.

Июль

4 Боромир выходит из Минас Тирита.

10 Гэндальф пленен Саруманом в Изенгарде.

Август

Все следы Горлума потеряны. Видимо, он скрывается в Мории, находит дорогу к западным воротам, но не может их открыть.

Сентябрь

18 Гэндальф покидает Изенгард. Черные Всадники пересекают Броды Изена.

19 Гэндальф приходит в Эдорас. Теоден велит ему уйти, позволив выбрать любого коня.

21 Маг выбирает Сполоха.

22 К вечеру Черные Всадники достигают Сарнского Брода и прорываются через заставу Следопытов. Гэндальф приручает Сполоха.

23 Перед рассветом четверо Всадников проникают в Шир. Остальные оттесняют Следопытов и возвращаются следить за Зеленопутьем. В сумерках Черный Всадник появляется в Хоббитоне. Фродо уходит из Засумок.

24 Гэндальф пересекает Изен.

26 Фродо попадает к Тому Бомбадилу.

27 Гэндальф пересекает Седонну. Фродо проводит у Бомбадила вторую ночь.

28 Хоббиты в Упокоище. Гэндальф у Сарнского Брода.

29 Фродо приезжает в Брыль. Гэндальф навещает Хэма Гэнджи.

30 Рано утром совершаются нападения на Кривражки и на трактир в Брыле. Фродо покидает Брыль. К вечеру в Брыль приезжает Гэндальф.

Октябрь

1 Гэндальф покидает Брыль.

3 Ночью на Заветери он отбивает нападение Черных Всадников.

6 Ночной налет на лагерь у Заветери. Фродо ранен.

9 Глорфиндейл выезжает из Дольна.

11 Глорфиндейл встречается с Всадниками у моста через Седонну. Всадники отступают.

13 Фродо переходит мост.

18 Глорфиндейл встречает Фродо. Гэндальф приезжает в Дольн.

20 Встреча с Черными Всадниками у Брода через Бруинен.

24 Фродо просыпается в Дольне. Ночью приезжает Боромир.

25 Совет у Элронда.

Декабрь

25 Отряд Хранителей покидает Дольн.

Год 3019

Январь

8 Отряд достигает Благодатных Кущ.

11,12 Снежная буря на Карадрасе.

13 Перед рассветом нападение волколаков. Вечером отряд подходит к Западным Воротам Мории. Горлум начинает следить за Хранителем.

14 Ночевка в Двадцать Первом Чертоге.

15 Гэндальф падает в Морийский Ров. Отряд прорывается и выходит к Нимродели.

17 Отряд входит в Лориен.

23 Гэндальф преследует Барлога до вершины Зирак Зигиль.

25 Гэндальф побеждает Барлога и уходит. Его тело лежит на вершине.

Февраль

14 Зеркало Галадриэль. Гэндальф возвращается к жизни.

16 Хранители покидают Лориен. Горлум с западного берега видит отплытие.

17 Гваихир приносит Гэндальфа в Лориен.

23 Ночное нападение на лодки возле Сарн Гебира.

25 Отряд останавливается в Порт Галене. Сражение у Изенских Бродов, в котором погибает Теодред, сын Теодена.

26 Отряд распадается. Смерть Боромира. Мериадок и Перегрин попадают в плен. Арагорн начинает погоню. Йомеру докладывают об орде орков, спустившейся с Эмин Майл. Фродо и Сэм на восточных отрогах Эмин Майл.

27 Йомер, вопреки приказу Теодена, пускается в погоню за орками.

28 Йомер настигает орков возле Леса Фангорна.

29 Мерри и Пиппин спасаются и встречают Фангорна. Рохирримы уничтожают орков. Фродо встречается с Горлумом. Фарамиру видится погребальный челн Боромира.

30 Начинается совет энтов. Йомер встречается с Арагорном.

Март

1 Фродо идет через Гиблые Болота. Арагорн встречается с Гэндальфом Белым. Они отправляются в Эдорас. Фарамир выходит из Минас Тирита на разведку в Итилиен.

2 Фродо пересекает Болота. Гэндальф приходит в Эдорас и исцеляет Теодена. Рохирримы выступают против Сарумана. Вторая битва у Изенских Бродов. Поражение Эркенбранда. Оканчивается совет энтов. Энты выступают на Изенгард.

3 Теоден приходит в Хельмову Падь. Начинается сражение при Хорне. Энты разрушают Изенгард.

4 Гэндальф и Теоден отправляются в Изенгард. Фродо достигает пустошей Мораннона.

5 Разговор с Саруманом в Ортханке. Над лагерем появляется крылатый назгул. Гэндальф с Перегрином уезжают в Минас Тирит. Фродо возле Мораннона.

6 Арагорн встречает отряд дунаданов. Теоден выходит в Харрог.

7 Фарамир встречается с Фродо. Арагорн приезжает в Харрог.

8 Арагорн вступает на Путь Мертвых и в полночь достигает Камня Эреха. Фродо покидает Хеннет Аннун.

9 Гэндальф приезжает в Минас Тирит. В сумерки Фродо подходит к Моргульской Дороге. Теоден в Дунхарге. Из Мордора поднимается тьма.

10 Не рассвело. Рохирримы выступают в поход. Гэндальф спасает Фарамира у ворот Минас Тирита. Арагорн пересекает Рингло. Войска Мораннона входят в Анориен. Фродо минует Перекресток и наблюдает выход войск Моргула.

11 Горлум встречается с Шелоб, потом видит Фродо спящим и едва не раскаивается. Денетор посылает Фарамира в Осгилиат. Арагорн вступает в Лебеннин. Орки атакуют Лориен и восточный Рохан.

12 Горлум приводит Фродо в логово Шелоб. Арагорн идет к Пеларгиру. Энты уничтожают орков, вторгшихся в Рохан.

13 Фродо схвачен орками на Кирит Унгол. Пеленнор разрушен. Фарамир ранен. Арагорн врывается в Пеларгир и захватывает флот. Теоден в лесу Друадан.

14 Сэм находит Фродо. Минас Тирит в осаде. Лесной Народ показывает рохирримам дорогу к Минас Тириту.

15 На рассвете Король-Чародей разбивает Ворота Минас Тирита. Денетор сжигает себя на костре. Звучат рога рохирримов. Битва в Пеленноре. Пал Теоден. Развоплощен Король-Призрак. Арагорн поднимает стяг Арвен. Фродо и Сэм уходят из крепости. Сражение в Сумеречье. Трандуил отбрасывает силы Дол Гулдура. Вторая атака на Лориен.

16 Совет военачальников. Фродо смотрит на Роковую Гору.

17 Сражение на севере. Король Бранд и Царь Даин Железностоп погибают. Гномы и люди укрываются в Эреборе. Гора осаждена. Шаграт приносит плащ, кольчугу и меч Фродо в Барад Дур.

18 Войска Запада выходят из Минас Тирита. Фродо и Сэм идут в колонне орков к Удуну.

19 Войска Запада подходят к Моргульской Долине. Фродо и Сэм идут по дороге к Барад Дуру.

22 Фродо и Сэм поворачивают к Роковой Горе. Третья атака на Лориен.

23 Войска минуют Итилиен. Арагорн разрешает слабодушным вернуться. Фродо и Сэм оставляют лишние вещи, доспехи и оружие.

24 Фродо и Сэм у подножия Ородруина. Войска Запада подходят к Мораннону.

25 Фродо и Сэм в Огненной Пещере. Горлум с Кольцом падает в недра вулкана. Конец Барад Дура. Конец Саурона.

После падения Саурона Тьма рассеялась, и войска Врага обуяли страх и отчаяние. Орки Дол Гулдура трижды штурмовали Лориен, но сила Благословенных Земель была столь велика, что без Саурона взять Лориен не удалось. Леса на границах сильно пострадали, но атаки были отбиты, а когда развеялась Завеса Тьмы, Келеберн во главе большого отряда переправился через Андуин и взял Дол Гулдур. Галадриэль обрушила стены крепости.

На севере также шла война. Враги вторглись во владения Трандуила, были большие пожары и разрушения, но в конце концов Трандуил одержал победу. В день эльфийского Нового Года Келеберн и Трандуил встретились в сердце леса и переименовали Сумеречье в Эрин Ласгален, Ясный Лес. Северная его часть вплоть до лесного нагорья отошла к владениям Трандуила, а южная стала зваться Восточным Лориеном. Срединные леса отошли к Бьорнингам и лесовикам. Однако, когда Галадриэль ушла за Море, Келеберну наскучили его владения, и он удалился в Дольн, где еще жили сыновья Элронда. Лесные эльфы долго жили в Ясном Лесу, а вот Лориен скоро опустел.

Примерно в то время, когда был осажден Минас Тирит, враги вторглись во владения Бранда. К нему на помощь пришли гномы из Эребора, и у подножия Горы была великая битва. Она продолжалась три дня, и в ней пали Король Бранд и Царь Даин Железностоп. Вастаки победили, но многие люди и гномы укрылись в Эреборе.

Вести о великих победах на юге придали осажденным мужества и помогли разбить врагов. Из вастаков уцелели немногие. Они бежали на восток и больше не беспокоили Эсгарот. Королем стал Бард II, а Царем-под-Горой — Торин III Твердошлем, сын Даина. Их посольства присутствовали на коронации Короля Элессара, и в дальнейшем их владения пользовались его покровительством.

ДАТЫ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ
от падения Барад Дура до окончания Третьей Эпохи

Год 3019
(1419 по летосчислению Шира)

Март

27 Бард II и Торин III Твердошлем оттесняют врагов от Эсгарота.

28 Келеберн переходит Андуин. Штурм Дол Гулдура.

Апрель

6 Встреча Келеберна и Трандуила.

8 Хранителей славят на лугах Кормаллена.

Май

1 Коронация Арагорна. Элронд и Арвен выезжают из Дольна.

8 Йомер и Йовин отъезжают в Рохан с сыновьями Элронда.

20 Элронд и Арвен приезжают в Лориен.

27 Свита Арвен покидает Лориен.

Июнь

14 Сыновья Элронда встречают и сопровождают Арвен в Эдорас.

16 Элронд с сыновьями и Арвен выезжают в Гондор.

25 Король Элессар находит молодое Белое Древо.

30 Арвен приезжает в Минас Тирит.

Венец Лета. Свадьба Арагорна и Арвен.

Июль

18 Йомер возвращается в Минас Тирит.

19 Погребальный поезд Теодена отправляется в Эдорас.

Август

7 Погребальный поезд прибывает в Эдорас.

10 Погребение Короля Теодена.

14 Гости прощаются с Королем Йомером.

22 Они прибывают в Изенгард и здесь расстаются с Королем Запада.

28 Они едут дальше и встречают Сарумана. Саруман поворачивает в Шир.

Сентябрь

6 Мудрые и хоббиты возле Гор Мории.

13 Келеберн и Галадриэль расстаются с ними и направляются в Лориен, остальные держат путь в Дольн.

21 Возвращение в Дольн.

22 Сто двадцать девятый день рождения Бильбо. Саруман приходит в Шир.

Октябрь

5 Гэндальф и хоббиты покидают Дольн.

6 Они переправляются через Бруинен. Фродо нездоровится.

28 Вечером они прибывают в Брыль.

30 Отъезд из Брыля. К ночи путешественники достигают Брендидуинского моста.

Ноябрь

1 Хоббитов арестовывают в Дрягве.

2 Хоббиты приходят в Уводье и поднимают Шир.

3 Сражение в Уводье и уход Сарумана.
Конец Войны Кольца

Год 3020

(1420 по л. Ш. Год Великого Благоденствия)

Март

13 Фродо заболевает (годовщина ранения в логове Шелоб)

Апрель

6 На Праздничной Поляне расцветает мэллорн.

Май

1 Свадьба Сэма и Рози.

Венец Лета. Фродо отказывается от должности мэра.

Сентябрь

22 Сто тридцатый день рождения Бильбо.

Октябрь

6 Фродо снова болен.

Год 3021

(1421 год по л. Ш. Последний год Третьей Эпохи)

Март

13 Фродо снова болен.

25 У Сэма родилась дочь, Эланор Прекрасная. В этот день по гондорскому летосчислению начинается Четвертая Эпоха.

Сентябрь

21 Фродо и Сэм выезжают из Хоббитона.

22 В Залесье они встречаются с хранителями Колец.

29 Они прибывают в Серебристую Гавань. Фродо и Бильбо уходят за Море вместе с тремя хранителями. Конец Третьей Эпохи.

Октябрь

6 Сэм возвращается в Засумки.

ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ
из жизни членов Братства Кольца
(даты даны по летосчислению Шира)

Годы	События
1422	С началом этого года начинается Четвертая Эпоха, однако летосчисление в Летописном Своде Шира остается прежним.
1427	Сэм избран мэром. Перегрин женится на Бриллиане из Глубокого Распадка. Король Элессар издает эдикт, воспрещающий людям появляться в Шире, и объявляет его Свободной Землей под покровительством Скипетра Севера.
1430	У Перегрина рождается сын, Фарамир.
1432	Мериадок Великолепный становится Хозяином Заскочья. Король Йомер и Йовин Итилиенская присылают ему богатые дары.
1434	Перегрин становится Таном. Король Элессар назначает Тана, Хозяина Засумок и Мэра Советниками Северного Княжества. Сэм во второй раз избирается Мэром.
1436	Король Элессар едет на север и некоторое время живет у озера Дрема. Возле Брендидуинского моста он встречается с друзьями, дарит Сэму Звезду Дунаданов, а Эланор становится фрейлиной Королевы Арвен.
1441	Сэм становится Мэром в третий раз.
1442	Сэм, Рози и Эланор приезжают в Гондор и некоторое время живут там.
1448	Сэм становится Мэром в четвертый раз.
1451	Эланор Прекрасная выходит замуж за Фастреда из Травхольма в Западном Кроме.
1452	Повелением Короля Западный Кром отходит к Ширу. Многие хоббиты переселяются туда.
1454	У Фастреда и Эланор рождается сын, Эльфстан Дивный.
1455	Сэм становится Мэром в пятый раз. По его просьбе Тан делает Фастреда Стражем Западного Крома. Фастред и Эланор поселяются в Недовышках на Башенных Холмах, где их наследники живут много поколений.
1462	Сэм становится Мэром в шестой раз.
1463	Фарамир Тук женится на Златке, дочери Сэма.
1469	Сэм становится Мэром в седьмой и последний раз. В 1476 году, к моменту окончания службы, ему 96 лет.

1482 Умирает Рози. 22 сентября Сэм выезжает из Засумок. Он навещает Эланор и передает ей Алую Книгу. Видимо, от Эланор пошла легенда о том, что после их последней встречи Сэм ушел в Серебристую Гавань, откуда последним из Хранителей отправился за Море.

1484 Король Йомер приглашает Мериадока к себе. Мерри исполнилось 102 года, но он по-прежнему крепок. Они с Таном Перегрином передают дела сыновьям и покидают Шир, чтобы больше не возвращаться. Той же осенью Король Йомер умирает. Перегрин и Мериадок уезжают в Гондор, где мирно оканчивают свои дни. Похоронены они среди Властителей Гондора.

1541 Первого марта ушел Король Элессар. После его смерти Леголас в Итилиене строит корабль и уходит вниз по Андуину и дальше — за Море. Говорят, вместе с ним ушел гном Гимли. С их уходом в Среднеземье кончается история Братства Кольца.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ГЕНЕАЛОГИИ

В Генеалогии Сумниксов большинство принадлежит гостям Бильбо, присутствовавшим на Празднике (их имена подчеркнуты), или их прямым предкам. Упомянуты также несколько участников описываемых событий.

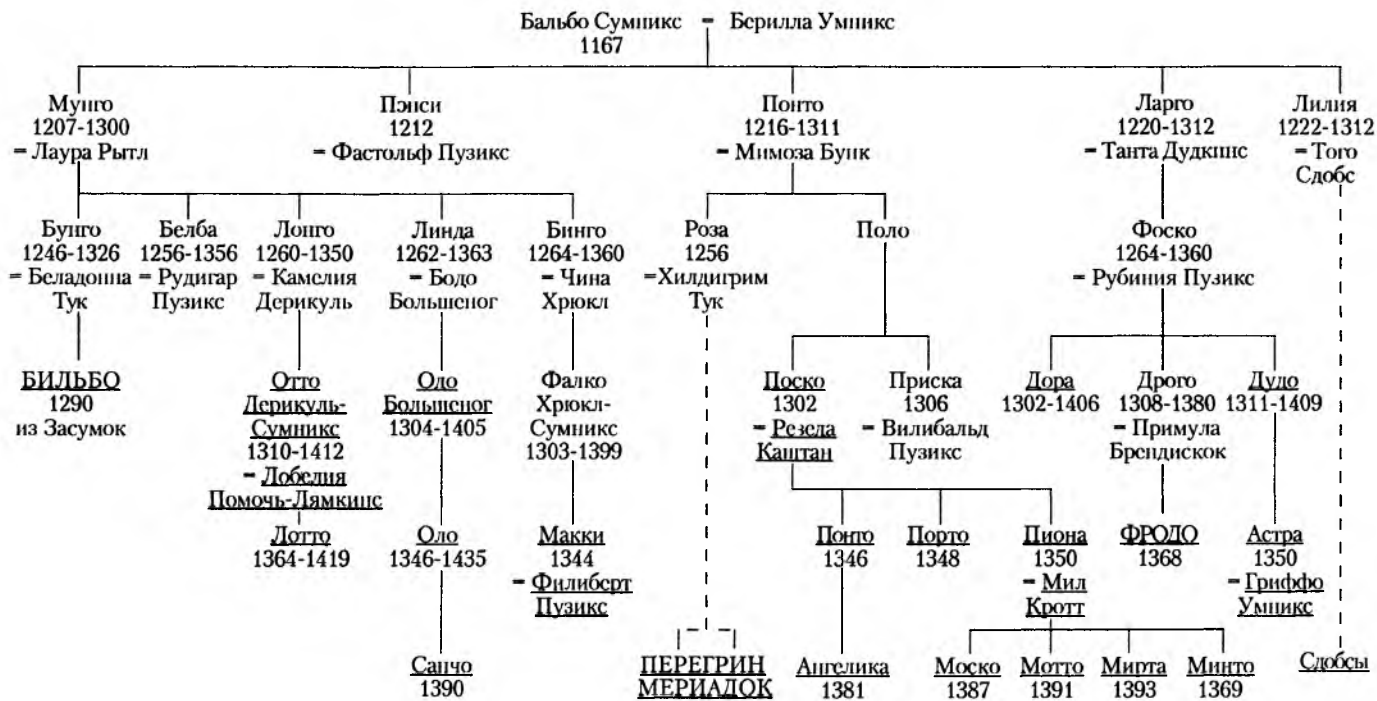
В генеалогическом древе Туков из Смеалищ Таны отмечены знаком *.

Приводятся сведения о родословной Сэмиуса. Впоследствии начавшийся с него род Садовников стал весьма уважаемым в Шире.

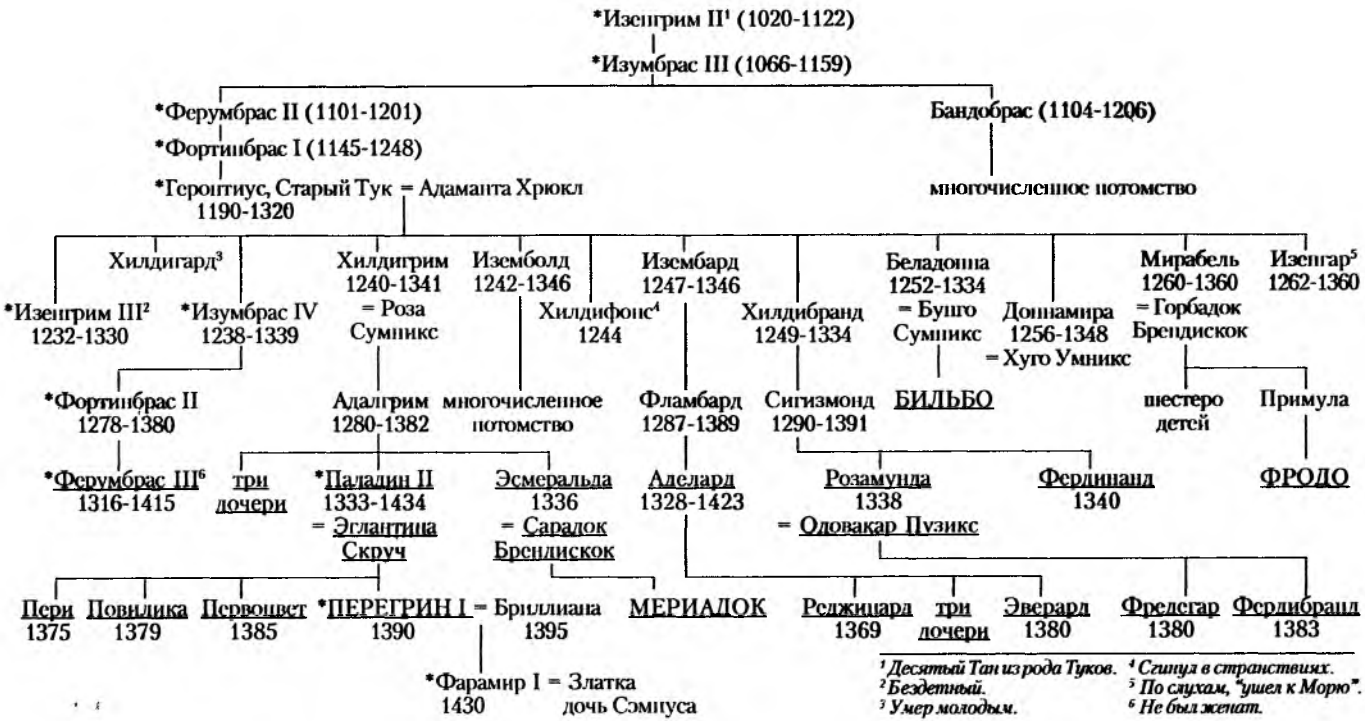
Цифры после имени означают годы рождения (и смерти, если таковая отмечалась).

Все даты даны по летосчислению Марчо и Бланко, берущему начало от переправы братьев через Брендидуин в Первом Году (1601 год Третьей Эпохи).

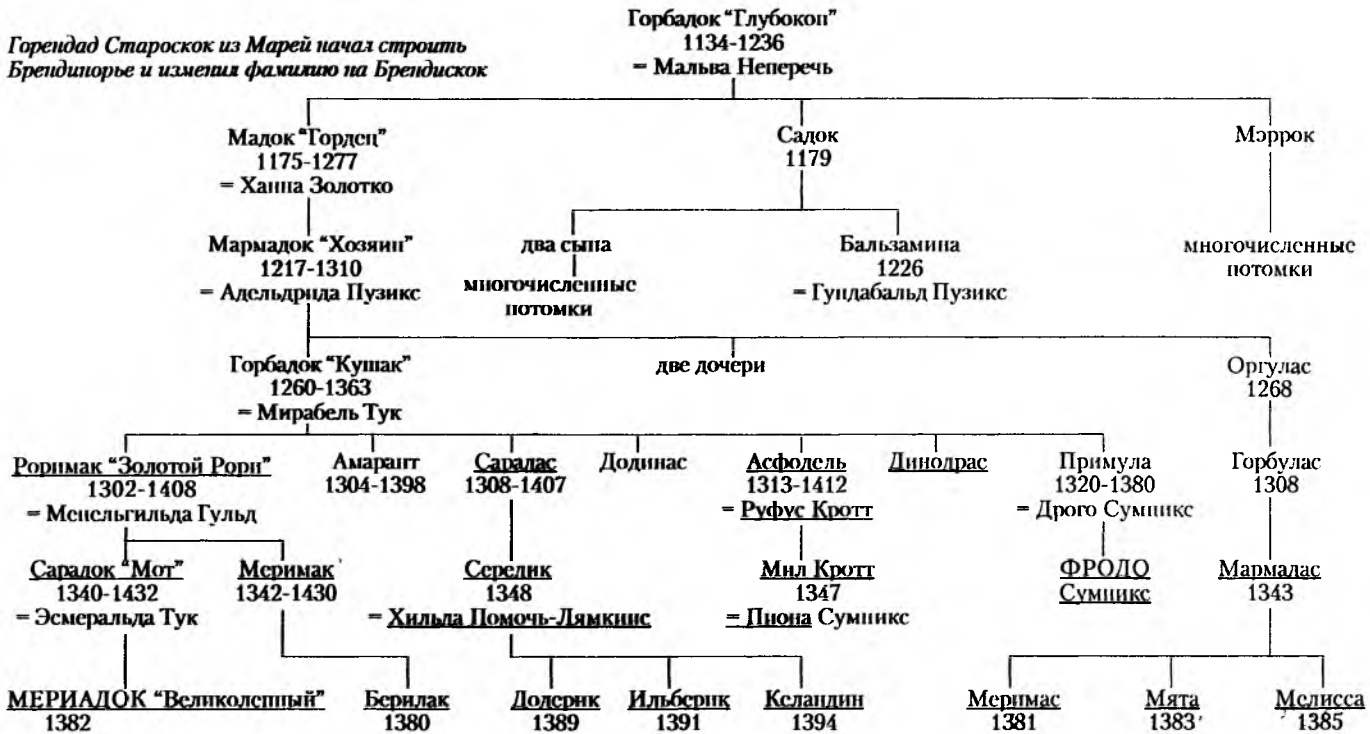
СУМНИКСЫ ИЗ ХОББИТОНА

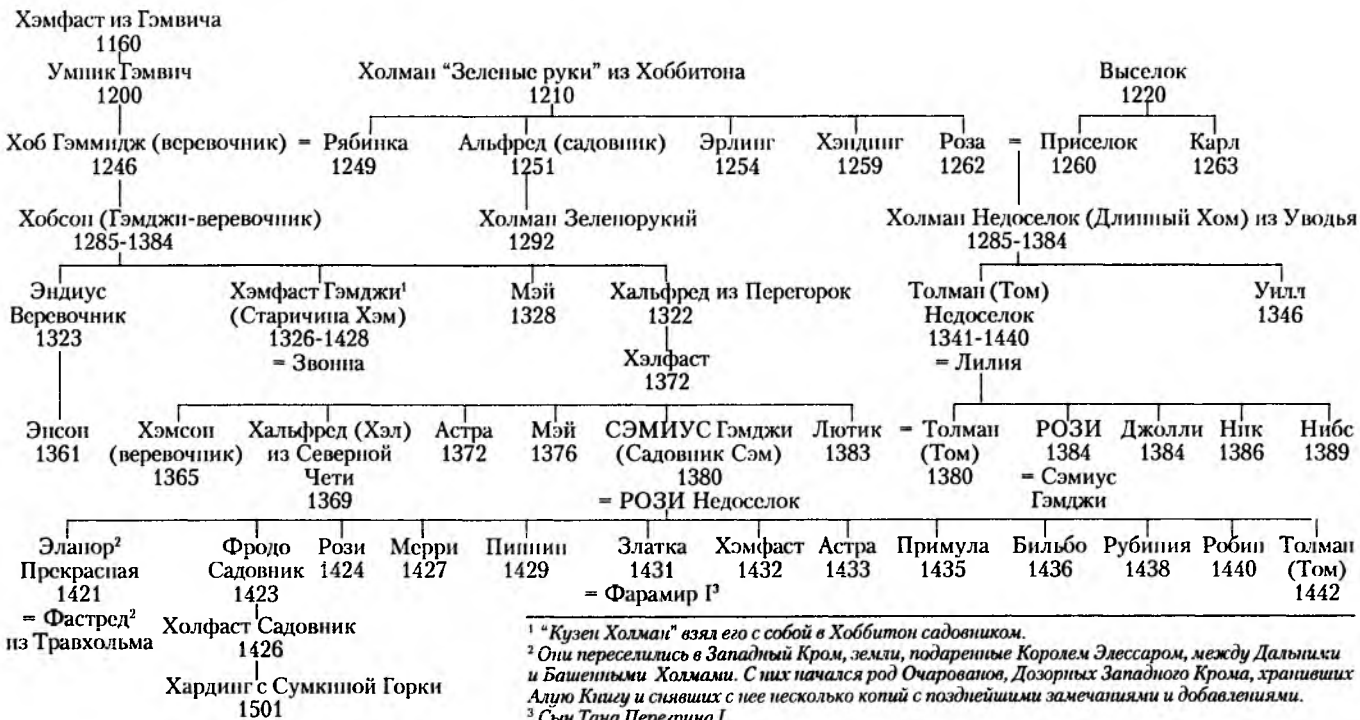
ТУКИ ИЗ СМЕАЛИЩ

БРЕНДИСКОКИ ИЗ ЗАСКОЧЬЯ

ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО СЭМИУСА

[1] *"Кузен Холман" взял его с собой в Хоббитон садовником.*

[2] *Они переселились в Западный Кром, земли, подаренные Королем Элессаром, между Дальними и Башенными Холмами. С них начался род Очарованов, Дозорных Западного Крома, хранивших Алую Книгу и снявших с нее несколько копий с позднейшими замечаниями и добавлениями.*

[3] *Сын Тана Перегрина I.*

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

КАЛЕНДАРЬ ШИРА
(на любой год)

(1) Послеюль					(4) Астрон					(7) Послелит					(10) Слякотень				
Юль	7	14	21	28	1	8	15	22	29	Лит	7	14	21	28	1	8	15	22	29
1	8	15	22	29	2	9	16	23	30	1	8	15	22	29	2	9	16	23	30
2	9	16	23	30	3	10	17	24	–	2	9	16	23	30	3	10	17	24	–
3	10	17	24	–	4	11	18	25	–	3	10	17	24	–	4	11	18	25	–
4	11	18	25	–	5	12	19	26	–	4	11	18	25	–	5	12	19	26	–
5	12	19	26	–	6	13	20	27	–	5	12	19	26	–	6	13	20	27	–
6	13	20	27	–	7	14	21	28	–	6	13	20	27	–	7	14	21	28	–
(2) Солмес					**(5) Тримидж**					**(8) Ведмес**					**(11) Блотмес**				
–	5	12	19	26	–	6	13	20	27	–	5	12	19	26	–	6	13	20	27
–	6	13	20	27	–	7	14	21	28	–	6	13	20	27	–	7	14	21	28
–	7	14	21	28	1	8	15	22	29	–	7	14	21	28	1	8	15	22	29
1	8	15	22	29	2	9	16	23	30	1	8	15	22	29	2	9	16	23	30
2	9	16	23	30	3	10	17	24	–	2	9	16	23	30	3	10	17	24	–
3	10	17	24	–	4	11	18	25	–	3	10	17	24	–	4	11	18	25	–
4	11	18	25	–	5	12	19	26	–	4	11	18	25	–	5	12	19	26	–
(3) Рете					**(6) Придилит**					**(9) Халимес**					**(12) Придиюль**				
–	3	10	17	24	–	4	11	18	25	–	3	10	17	24	–	4	11	18	25
–	4	11	18	25	–	5	12	19	26	–	4	11	18	25	–	5	12	19	26
–	5	12	19	26	–	6	13	20	27	–	5	12	19	26	–	6	13	20	27
–	6	13	20	27	–	7	14	21	28	–	6	13	20	27	–	7	14	21	28
–	7	14	21	28	1	8	15	22	29	–	7	14	21	28	1	8	15	22	29
1	8	15	22	29	2	9	16	23	30	1	8	15	22	29	2	9	16	23	30
2	9	16	23	30	3	10	17	24	Лит	2	9	16	23	30	3	10	17	24	Юль
					день Середины Лета														
					(Лишний Лит)														

Каждый год начинается с первого дня недели — субботы — и заканчивается последним днем недели, пятницей. День Середины Лета, а в високосные годы — Лишний Лит, как дни недели не

считаются. День перед Днем Середины Лета называется Первым Литом, а день после него — Вторым. Юль в конце года — это Первый Юль, а в начале следующего — Второй. Лишний Лит — особый праздник, но он не имел никакого значения для истории Войны Кольца. Этот день праздновали в 1420 году, отмеченном небывалыми урожаями и изумительной погодой, и подобного веселья не помнят ни предания, ни летописи.

КАЛЕНДАРИ

Календарь Шира немного отличается от нашего. Год у хоббитов, очевидно, имел ту же самую продолжительность[1]. Описанные выше события происходили давным-давно, если мерить годами и памятью смертных, а в памяти Земли до них рукой подать. Хоббиты не особенно следили за ходом времени, пока не стали оседлым народом. Их «месяц» приблизительно совпадал с лунным, на «недели» они не разменивались, а когда ошибались в подсчетах и датах, то просто не обращали на это внимания. Осев на западных землях Эриадора, они переняли у дунадан календарь (очевидно, заимствованный у Эльдаров) и немного подправили его. Этот календарь, известный как «Ширский счет», признали и в Брыле, только вести счет годам «от заселения Шира» не стали.

По преданиям и обычаям не всегда удается точно установить как раз самые очевидные для современников вещи: названия букв, дней недели, месяцев. Хоббитов выручила любовь к генеалогии и пробудившийся после Войны Кольца интерес к древней истории. Появились даже сравнительные таблицы по системам летосчисления. Я не очень сведущ в подобных вопросах, так что вряд ли мне удалось избежать ошибок, но хронология событий важнейших лет (1418 и 1419) восстановлена в Алой книге настолько тщательно, что сомнений в ее достоверности практически нет.

Кажется очевидным, что эльфы, у которых, по меткому замечанию Сэма, «времени в распоряжении было побольше», считали более длинными промежутками. На Квэнья слово *йен*, которое обычно переводится как «год», в действительности соответствовало 144 нашим годам. Эльдары предпочитали считать шестерками и дюжинами. «Солнечный» день от заката до заката они называли *ре*. *Йен* содержал 52 596 дней. Шесть дней составляли неделю, которая называлась *энкуиэ*. В *йене* насчитывалось 8 766 *энкуиэ*. Впрочем, деление на недели имело скорее обрядовый, чем практический смысл.

Эльдары в Средиземье выделяли также промежуток времени, соответствующий нашему году. Солнечный год в астрономическом смысле назывался *коранар* — «солнцекруг», а в повседневной речи (особенно на Северо-Западе) его называли *лоа* — «рост». Он начи-

[1] 365 дней, 5 часов, 48 минут, 46 секунд. — *Прим. автора.*

нался с появлением первой весенней зелени, как испокон веков было принято у эльфов. *Лоа* делился на периоды — не то короткие времена года, не то длинные месяцы. Их количество и названия менялись у разных эльфийских народов. Хоббиты знали только календарь Имладриса. В нем насчитывалось шесть «месяцев», которые на Квэнья назывались *туилэ, лаирэ, йавиэ, куэллэ, ривэ, коирэ*, что можно перевести как «весна, лето, осень, увядание, зима, пробуждение». На синдарском эти названия звучали как *этуил, лаэр, йавас, фирит, рив, эчуир*. «Увядание» на Квэнья называлось также *лассе-ланта* — «листопад», а на синдарском — *нарбелет*, «стынущее солнце».

Лаирэ и *ривэ* насчитывали 72 дня, а все остальные — по 54. *Лоа* начинался с *йэстарэ*. Этот день шел перед *уилэ*. Заканчивался год днем, который назывался *меттарэ* и следовал за *коирэ*. Между *йавиэ* и *куэллэ* находились три «срединных дня», *эндери*. Такой год насчитывал 365 дней. Для учета високосных годов раз в двенадцать лет *эндери* составляли шесть дней.

До сих пор не вполне понятно, как исправлялись набегающие погрешности. Если тогда год имел ту же продолжительность, что и сейчас, то за *йен* набегала ошибка более чем в один день. Об этой ошибке эльфы, несомненно, знали, так как «по счету Дольна» последний год каждого третьего *йена* укорачивался на три дня, т. е. в этот год *эндери* не удваивались, как должны бы были. О том, как устранялись остальные неточности, не известно ничего.

В Нуменоре эту систему немного изменили. *Лоа* был разделен на более которокие промежутки примерно равной длины, год начинался с середины зимы, по обычаю Людей Северо-Запада, с которыми нуменорцы расстались в Первую Эпоху. Со временем неделя в Нуменоре стала составлять семь дней, а дни стали считать от восхода до восхода Солнца за окоемом восточного моря.

Нуменорская система, которой пользовались также в Арноре и Гондоре при правлении Королей, называлась «счетом Королей». Обычный год насчитывал 365 дней. Он делился на двенадцать месяцев — *астар*. В десяти из них было по тридцать дней, в двух — по тридцати одному. Более длинные месяцы были связаны с летним солнцестоянием и примерно соответствовали нашим июню и июлю. Первый день года назывался *йэстарэ*, средний (183-й) — *лоэндэ*, а последний — *меттарэ*. Эти три дня не относились ни к одному месяцу. Каждый четвертый год, за исключением конца столетия (*хараниэ*), к *лоэндэ* добавлялись два «срединных дня», *эндери*.

Счет времени в Нуменоре вели от 1 года Второй Эпохи. Погрешность, вызванная уменьшением последнего года столетия на один день, не исправлялась до последнего года тысячелетия, составляя к этому моменту недостачу в 4 часа 46 минут 40 секунд. Во Вторую Эпоху в Нуменоре день добавлялся в 1000, 2000,

3000 годы. После Падения Нуменора в 3319 г. В. Э. эту систему унаследовали Изгнанники, но в начале Третьей Эпохи произошел сбой, связанный с новой нумерацией: год 3442 В. Э. стал годом 1 Третьей Эпохи. Високосным годом стал 4-й год Т. Э. (а не 3-й, соответствовавший 3444 В. Э.), т. е. один високосный год оказался пропущенным, так что погрешность составила 5 часов 48 минут 46 секунд. Тысячелетние прибавки были сделаны с задержкой на 441 год: в 1000 г. Т. Э. (или 4441 В. Э.) и в 2000 г. Т. Э. (или 5441 В. Э.). Чтобы уменьшить вызванные этим ошибки и учесть тысячелетние погрешности, Мардил Советник осуществил реформу календаря, добавив два дня в конце 2059 г. (5500 В. Э.) для завершения пяти с половиной тысячелетий нуменорской системы летосчисления. При этом оставалась недостача около 8 часов. Хадор добавил к 2360 г. один день, хотя нужды в этом еще не было. С тех пор никаких изменений в календаре не производилось. (В 3000 г. Т. Э. угроза неизбежной войны отодвинула подобные мелочи на задний план.) К концу Третьей Эпохи, еще 660 лет спустя, нехватка составляла все еще меньше одного дня.

Реформированный календарь, введенный Мардилом, стал известен как «Счет по Советнику» и был принят всеми народами, говорившими на Вестроне, за исключением хоббитов. Все месяцы теперь насчитывали ровно 30 дней, и были добавлены еще два дня, не включенные в счет месяцев: один между третьим и четвертым месяцами (мартом и апрелем) и один — между девятым и десятым (сентябрем и октябрем). Пять дней, не входящих в месяцы: *йэстарэ, туилерэ, лоэндэ, йавиэрэ и меттарэ*, были праздничными.

Хоббиты придерживались старых обычаев и по-прежнему пользовались «Королевским счетом», приспособив его под свои обычаи и нужды. Каждый месяц насчитывал 30 дней. Между июнем и июлем помещались три «летних дня», которые назывались *Литы*. Последний день старого года и первый день нового назывался *Юль*. Юли и Литы не входили в счет месяцев, так что 1 января было вторым днем года. В каждом четвертом году (за исключением последнего года столетия)[1] летних Литов было четыре, а не три. Летние Литы и зимние Юли были главными праздниками. «Лишний Лит» вставлялся после дня Середины лета и являлся поводом для особого веселья. Празднование Смены года занимало шесть дней, захватывая три последних дня старого и три первых дня нового года.

Обитатели Шира ввели еще одно новшество (признанное и в Брыле), которое назвали «Ширской реформой». Ежегодно сдвигать дни недели в соответствии с датами показалось им неразум-

[1] В Шире, в котором 1-й год соответствовал 1601 г. В. Э. В Брыле 1 год соотносился с 1300 г. В. Э., поэтому день добавлялся в первый год нового столетия. — *Прим. автора.*

ным и утомительным, так что во времена Изенгрима II было решено не включать в счет недель День Середины лета и Лишний Лит. Теперь у хоббитов год всегда начинался с первого дня недели и заканчивался последним, так что одна и та же календарная дата соответствовала одному и тому же дню недели. Постепенно хоббиты перестали указывать дни недели в дневниках и письмах[1]. В родном Шире нужды в этом не было, а вот когда они оказывались за пределами Шира и Брыля, возникали сложности.

До сих пор в примечаниях, как и в самом повествовании, я пользовался современными названиями месяцев и дней недели, хотя, конечно, ни Эльдары, ни дунаданы, ни хоббиты ими не пользовались. Перевод названий с Вестрона позволил избежать путаницы, а месяцы у нас примерно совпадают, по крайней мере с хоббитскими. День Середины лета, очевидно, тесно связан с летним солнцестоянием. Если принять это допущение, то хоббитские даты опережают наши примерно на 10 дней, так что наше 1 января примерно соответствует 9 января по счету Шира.

Названия месяцев на Вестроне — это немного измененные названия на Квэнья. Вот они:

*Нарвиниэ, Ненимэ, Сулимэ, Виресс*э, *Лотессэ, Нариэ, Кермиэ, Уримэ, Йаванниэ, Наркъелиэ, Хисимэ, Рингарэ.* Синдарские имена (их использовали только дунаданы): *Нарвайн, Нинуи, Гваэрон, Гвирит, Лотрон, Норуи, Кервет, Уруи, Йаваннет, Нарбелет, Хитуи, Гиритрон.*

Что касается хоббитов из Шира и Брыля, то они сохранили собственные названия для месяцев. По всей видимости, в древности они переняли их у людей из долины Андуина. Во всяком случае, схожие названия обнаружены в Рохане и Дали. Смысл слов хоббиты со временем утратили, а формы упростили по своему вкусу: окончание *мес* — это сокращенное «месяц».

Ширские названия месяцев приведены в Календаре. Стоит отметить, что *солмес* обычно произносится, а иногда и пишется, как *сомес; тримидж* пишется *тримич* (арх. *тримилч*), а *блотмес* произносится как *блодмес* или *бломмес*. В Брыле названия месяцев немного отличаются: *Фрери, Солмес, Рете, Читинг, Римидж, Лит, Летние дни, Меде, Ведмес, Харвесмес, Винтринг, Блотмес и Юльмес. Фрери, Читинг* и *Юльмес* употребляются также в Восточной Чети.

Неделю хоббиты позаимствовали у дунадан, а названия дней недели — это перевод названий, бытовавших в Северном княже-

[1] Беглого взгляда на Ширский календарь достаточно, чтобы отметить, что единственный день, с которого не начинается ни один месяц, — это пятница. Отсюда пошла ширская идиома «первого, в пятницу», означающая день или событие, которых не может быть (летучих свиней, например, или шагающих деревьев). Полностью идиома звучит так: «В пятницу, в первый день, в летний Слякотень». — *Прим. автора.*

стве и заимствованных, в свою очередь, у Эльдаров. Шесть дней недели у Эльдаров посвящались Звездам, Солнцу, Луне, Двум Деревам, Небесам и Валарам, или Силам. При этом последний день считался главным в неделе. На Квэнья эти названия звучат как *Элениа, Анариа, Исилиа, Алдуиа, Менелиа, Валариа* (или *Тарион*); по-синдарски это *Оргилион, Оранор, Оритиль, Оргаладхад, Орменель, Орбелайн* (или *Родин*).

Нуменорцы сохранили названия и порядок дней, но четвертый день назвали Алдэа (Оргалад), посвятив его Белому Древу, предку Нимлот, росшему при дворе Королей Нуменора. Введя седьмой день после Дня Небес, искусные мореходы посвятили его морю и назвали *Эареиа* (*Ораэарон*).

Хоббиты переняли этот порядок, но значения слов вскоре позабыли — ни к чему оно оказалось, а сами названия упростили, особенно в разговорной речи. Первый перевод нуменорских названий на Вестрон был сделан примерно за две тысячи лет до конца Третьей Эпохи, когда народы Севера переняли у дунадан семидневную неделю. Хоббиты пользовались переведенными названиями, хотя остальные народы, говорившие на Вестроне, оставили названия на Квэнья.

Не очень-то много древних книг сохранилось в Шире. К концу Третьей Эпохи самым основательным источником считался Ежегодник Тукборо[1], переплетенный в желтую кожу. Первые записи в нем сделаны примерно за девятьсот лет до рождения Фродо. Многие из них вошли в анналы и генеалогии Алой книги. В этом ежегоднике можно найти древнейшие формы названий месяцев: (1) *Звездень*, (2) *Солдень*, (3) *Лундень*, (4) *Древодень*, (5) *Небодень*, (6) *Моредень*, (7) *Высьдень*.

В книге эти названия заменены на привычные нам, *Солдень* и *Лундень* соответствуют нашим воскресенью и понедельнику — что, впрочем, не вполне корректно, так как в Шире главным (праздничным) днем был *Высьдень* (в повествовании это пятница). В этот день после обеда не работали, а вечером пировали. Поэтому хоббичья суббота — это скорее наш понедельник, а хоббичий четверг — наша суббота.

Следует упомянуть еще несколько понятий, связанных со счетом времени, но не используемых в летосчислении. Общеупотребительные названия времен года: *туилэ* — весна, *лаирэ* — лето, *йавиэ* — осень (или сбор урожая), *(х)ривэ* — зима. У зимы, впрочем, не было четких границ, в ней выделяли также позднюю осень и предзимье. Эту пору называли *куэллэ* или *лассе-ланта*.

Эльдары, жившие на севере Среднеземья, особо выделяли сумерки — время появления и исчезновения звезд. Для этой поры

[1] В этой книге содержались записи рождений, свадеб и смертей всех членов семейства Туков, сведения о купле-продаже земли и о важнейших событиях Шира. — *Прим. автора.*

суток существовало множество названий. Чаще всего сумерки именовались *тиндомэ* и *ундомэ*: первое относилось к предрассветной поре, второе — к вечеру. Синдары обозначали сумерки словом *уиал*: утренние — *минуиал*, вечерние — *адуиал*. В Шире их называли *морроудим* и *эвендим*. (Название озера Эвендим — перевод синдарского *Ненуиал*.)

В повествовании о Войне Кольца использовались только ширские даты и летосчисление по Счету Шира. Все дни, месяцы и даты, встречающиеся в Алой Книге, пересчитаны по летосчислению Шира или в подстрочных примечаниях указаны по Ширскому счету. Все дни и месяцы во «Властелине Колец» даны по Ширскому календарю. Вот те немногие места, в которых разница между ширским и нашим календарями в этом периоде, с конца 3018 г. до начала 3019 г. Т. Э., по Ширскому счету — 1418, 1419 гг., становится существенной: 30 дней в октябре 1418 года, 1 января — второй день 1419 г., а в феврале — тоже 30 дней. Значит, 25 марта, день падения Барад-дура — это 27 марта по нашему счету, если бы наш календарь начинался с того же дня года. Однако и по Счету Королей, и по Счету Советника этот день — именно 25 марта.

С 3019 г. Т. Э. в воссозданном Королевстве было начато новое летосчисление. Это было возвращение к Счету Королей, но привязанное к началу весны, как эльдарский *лоа*[1].

По Новому Счету год начался 25 марта по старому стилю, в память о падении Саурона и деяниях Хранителей Кольца. Месяцы сохранили прежние названия, но первым теперь шел апрель (*вирессэ*), и начинались они примерно на пять дней раньше, чем по старому стилю. Во всех месяцах насчитывалось 30 дней. Между *йаванниэ* (сентябрем) и *наркуэлэ* (октябрем) помещаись три *эндери* (Срединных дня), второй из них назывался *лоэндэ*. Эти дни соответствовали 24, 25, 26 сентября по старому стилю. В честь Фродо день его рождения, 22 *йаванниэ*, был объявлен праздничным днем. В високосные годы к этому празднику добавлялся еще один день, который назывался Кормарэ (День Кольца).

Считается, что Четвертая Эпоха началась с уходом за Море Элронда Эльфинита в сентябре 3021 г.; но по календарному счету Воссоединенного королевства ее начало совпадает с началом нового летосчисления, т. е. 25 марта 3021 г. по старому стилю.

Это летосчисление в правление Короля Элессара было принято во всех его землях, кроме Шира. Там сохранялся старый календарь. 1-й год Четвертой Эпохи — это 1422 г., а когда до хоббитов

[1] Хотя в действительности Йэстарэ по Новому Счету начинается раньше, чем по Календарю Имладриса, в котором он приходится примерно на 6 апреля. — *Прим. автора.*

дошли слухи о начале новой эпохи, то они начали ее со 2 июля 1422 г., а не с марта.

У нас нет сведений о том, что хоббиты как-то отмечают 25 марта или 22 сентября; но в Западной Чети, особенно около Засумок, со временем сложился обычай отмечать танцами и веселье на Праздничной поляне 6 апреля (если погода позволяет). По одним сведениям, это день рождения Садовника Сэма, по другим — в этот день в 1420 г. впервые зацвело Золотое Дерево; кое-кто уверяет, что это эльфийский Новый год. В Заскочье каждый год 2 ноября на закате трубят в Рог, жгут костры и пируют[1].

[1] Впервые этот Рог прозвучал в Шире в этот день в 3019 г. — *Прим. автора.*

ПРИЛОЖЕНИЕ V

ПИСЬМЕНА

В Третью Эпоху в Среднеземье для письма пользовались знаками только эльфийского происхождения. Уже в то время их следовало относить к глубокой древности. Знаки Эльдаров давно достигли стадии полных алфавитов, но еще встречались архаичные варианты, в которых полностью прописывались только согласные.

Известны два вида алфавитов: *Тенгвар*, или в другом произношении *Тив* (собственно «письмена»), и *Кертар*, или *Кирт* («руны»). Тенгвар применялся для писания кистью или стилом, а Кертар наиболее подходил для высеченных надписей. Знаки Тенгвара более древние, их ввели в обращение Нолдоры задолго до изгнания. Принятая тогда форма письмен Румила в Среднеземье неизвестна. Знаки, введенные Феанором, имеют румильскую основу. Они принесены в Среднеземье изгнанниками-Нолдорами и позаимствованы Аданами и Нуменорцами. В Третью Эпоху ими пользовались уже все, говорящие на Всеобщем языке. Кертар — изобретение Синдаров Белерианда, очень удобное для кратких текстов на камне или дереве. Угловатая форма придает знакам Кертара чисто внешнее сходство с современными рунами, но организация алфавита совершенно иная. На востоке простейшая и старейшая форма Кертара имела широкое распространение еще во Вторую Эпоху. Тогда же им начали пользоваться Люди, Гномы и даже орки. Каждый народ приспосабливал знаки Кертара к своим нуждам и привычкам, соответственно меняя их форму. Одна из таких форм долго сохранялась в письменности народа Эсгарота.

В Белерианде, соприкоснувшись с Тенгваром в конце Первой Эпохи, Кертар получил новое развитие. Самая богатая возможностями и стройно организованная разновидность Кертара получила название Алфавита Даэрона по имени создателя. Даэроном звался менестрель Короля Тингола из Дориата. Эльдары Белерианда редко прибегали к этому Алфавиту, а вот в Эрегионе только «Даэроном» и пользовались, а уж оттуда он перешел к морийским гномам, быстро вытеснив все остальные формы. Спустя многие годы

гномы называли «Даэрон» — Ангертас Мориа («Длинные рунные строки Мории»). В разговорной речи гномы продолжали пользоваться Тенгваром, многие искусно писали на «Феаноре», но родной язык (тщательно оберегаемый от посторонних) перевели только на Кертар, развив его рукописные формы.

(i)
Письмена Феанора

Приводимая таблица содержит все символы, принятые в Западных Землях в Третьей Эпохе. Это их «формализованно-книжный» вид. Но это не алфавит в строгом смысле, то есть бессистемные ряды знаков, каждый из которых имеет собственное независимое значение, расположенные в общепринятом порядке, не связанном ни с начертанием, ни со звуками, соответствующими знакам. Перед нами система согласных, приспособленная для передачи согласных звуков эльдарских языков; при этом знаки изначально не имели фиксированного значения и лишь постепенно между ними устанавливалась взаимосвязь.

24 исходных знака сведены в четыре серии (темара), состоящих каждая из шести уровней (тиэллер), и дополнены вспомогательными знаками (25-36). Из вспомогательных 27-й и 29-й знаки были независимыми, а остальные — модификациями. Кроме того, существовали специальные знаки (в таблицу они не вошли) для передачи гласных или часто встречающихся сочетаний согласных. Исходные знаки содержат обязательные элементы: телко (палочка или штрих) и луви (дуга). Палочка могла быть поднята, как например, в 9-16, или опущена (17-24), а дуга открыта (серии I и III), или закрыта (II, IV). И палочка, и дуга могли удваиваться (5-8). Серия I предназначалась для зубных согласных, а серия II — для губных. Сериями III и IV достигалась вариативность представления различных языков.

В языках, подобных Вестрону, часто встречающиеся согласные «х», «ж», «ш» передавались в III серии, а IV использовалась в качестве обыкновенной «к»-серии. Уровень I предназначался для безголосных взрывных согласных: «т», «п», «к» и т. п. Добавление дуги означало «добавление голоса». Так, если 1-4 = «т», «п», «ш», «к», то 5-8 = «д», «б», «ж», «г». Поднятая палочка означала придыхание, и тогда, например, в 3-м уровне 9-12 следовало произносить как «т» с придыханием, «ф», «щ», «х», а 4-й уровень, 13-16 = «д» с придыханием, «в», «ч» и «г» с придыханием. Палочка могла быть развита и вверх, и вниз, что обогащало 3-й и 4-й уровни вариантами произношений.

5-й уровень использовался для носовых звуков. 17 и 18 соответствовали «н» и «м», тогда 6-й уровень представлял безголосые носовые, но так как в языках они редки, то этот уровень (21-24) применялся для передачи «полуголосовых» согласных, обозначав-

шихся упрощенными первичными знаками (21 соответствовало слабому безголосому «р», 22 — «в» (в англ. языке — дубль в), 23 — «й»). Со временем 6-й уровень утратил значение для эльдарских языков, и 21-24 стали обозначать гласные.

В Квэниа значения букв были иными из-за иной частотности устойчивых звуковых сочетаний («нд», «мб», «нг» и т. п.), обозначавшихся одним символом.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМЕНА

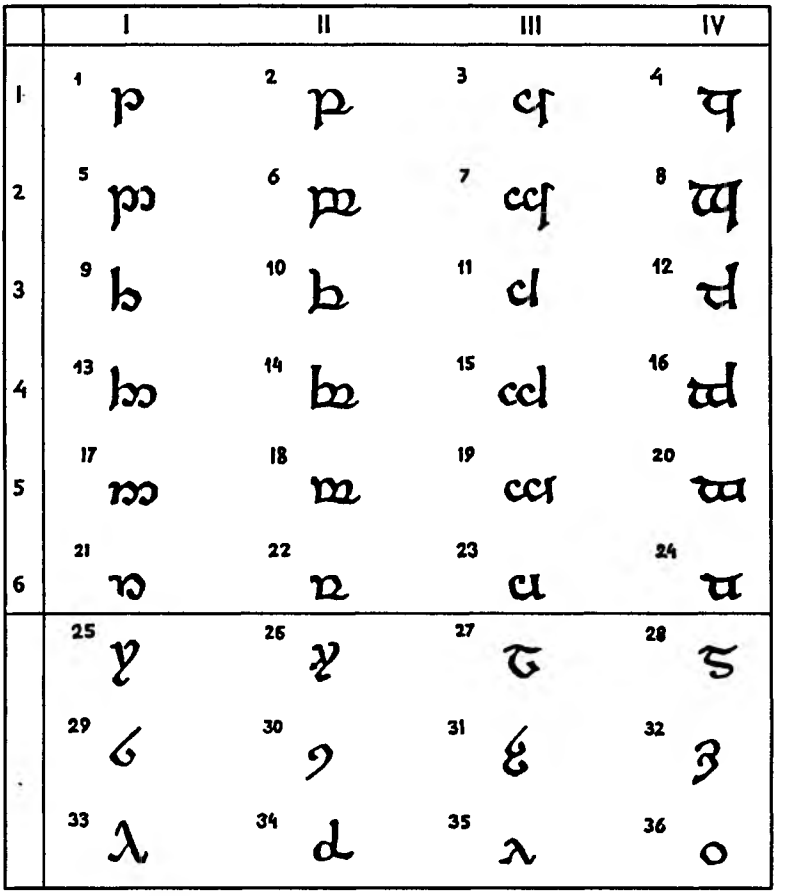
Традиционное значение 27 — «л», 25 (модификация 21) — полное звучащее «р», 26 и 28 — безголосые «р» и «л». 29 — «с», а 31 — «з» в тех языках, где этот звук встречается. 30 и 32 — варианты 29 и 31. 35 мог использоваться для передачи «й», а 36 — безголосого «в».

Гласные записывались над согласными. В Квэниа, где множество окончаний — гласные, знак располагался над предыдущей согласной, в синдарском языке — над последующей, а иногда — над ближайшим коротким штрихом. Надо отметить, что отличия написаний для разных языков были весьма значительны. Например, для передачи «а» могли применяться три точки, но в Квэниа, где этот звук — один из самых частых, он вообще опускался. Так слово «калма» (лампа) могло быть записано как «клм». Одна точка и апостроф использовались соответственно для «и» и «е» (бывало и наоборот), для «о» и «у» применялись завитки, открытые вправо или влево, причем последнее имело немалое значение. Так в надписи на Кольце завиток, открытый вправо, обозначает «у», а в титульных надписях — «о». Разница определялась частотностью знака в языке. Для часто встречавшихся применяли правооткрытый завиток. Две точки заменяли следующий звук «й».

Надпись на Западных Воротах Мории сделана «полным написанием», где гласные представлены своими знаками. Все они имеются в таблице. Так в синдарском 30 = «и». Дифтонги либо писались полностью, либо над соответствующей гласной ставился знак (техта) последующей гласной.

Знаки имели имена. В Квэниа использовались полные имена, то есть слова, содержащие обозначаемый звук по возможности первым в слоге (сразу после гласной).

Самые распространенные названия букв в Квэниа — это «н» (17), «х» (33), «р» (25), «ф» (9): «нумен», «хьармен», «ромен» и «формен» — запад, юг, восток и север (для сравнения, в синдарском: «дун» или «аннун», «харад», «рун» или «амрун», «фород»). Этими буквами обозначали направления З, Ю, В, С даже в языках, использующих для названий сторон света другие слова. В западных землях принят был порядок отсчета, при котором лицо

говорящего обращено на запад. Тогда «хьармен» и «формен» просто означает «лево» и «право» (в отличие от большинства человеческих языков).

(ii)
Кертар

Кертар Даэрон был задуман для передачи звуков синдарской речи. Знаки древнейшего Кертара представлены в следующей таблице 2 под номерами 1, 2, 5, 6, 8, 9, 12, 18, 19, 22, 29, 31, 35, 36, 39, 42, 46, 50. 13—15 — нефиксированные знаки. Система расположения отсутствует. 39, 42, 46, 50 — гласные, оставшиеся при дальнейшем развитии неизменными. 13 и 15 — это «х» или «с», так же как 35. Эта неопределенность просуществовала долго.

1	16	31	46
2	17	32	47
3	18	33	48
4	19	34	49
5	20	35	50
6	21	36	51
7	22	37	52
8	23	38	53
9	24	39	54
10	25	40	55
11	26	41	56
12	27	42	57
13	28	43	58
14	29	44	
15	30	45	&

В знаках, содержащих в качестве элементов «палку» и «ветку», «ветка» обычно присоединялась к «палке» справа. Левое присоединение встречалось редко и не имело фонетического смысла.

Даэрон расширил и упорядочил древний Кертар. Серии 13—17 и 23—28, видимо, принадлежат Нолдорам Эрегиона, поскольку представляют звуки, отсутствующие в синдарском.

В упорядоченном «Даэроне»[1] можно выделить следующие признаки (вероятно, подсказанные системой Феанора):

— дополнительная «ветка» означает усиление звука;

— перевернутый знак требует придыхания;

— «ветка» справа и слева усиливает звук и делает его носовым.

Морийские гномы произвели в «Даэроне» существенные изменения. Надпись на могиле Балина сделана уже на Ангертас Мориа. Изменились значения: 12 — «р», 17 — «з», 22 — «н», 29 — «ч», 33 — «х», 35 — «ь», 40 — «и», 53 — «н», 58 — «ц».

У гномов Эребора была своя транслитерация. Она встречается, например, в Книге Мазарбул, но здесь не приводится.

---

[1] Примерное звучание букв «Даэрона» на русском языке: 1 — «п», 2 — «б», 3 — «ф», 4 — «в», 6 — «м», 8 — «т», 9 — «д», 12 — «ш», 13 — «щ», 14 — «ч», 15 — «ш», 16 — «ж», 18 — «к», 19 — «г», 20 и 54 — «х», 29 — «р», 31 — «л», 34 и 35 — «с», 36 — «з» (в Квэнии — двойное «с»), 39 — «и» или «й», 38 — сочетание «нд»; гласные: 42 — «у», 45 — «ю», 46 — «е», 47 — «э», 48 — «а», 50 — «о», 52 — «е», 43, 49 и 51 — долгие «у», «а» и «о». — *Прим. перев.*

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

НАРОДЫ И ЯЗЫКИ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ

Язык, на котором написаны Летописи, — *Вестрон*, или Всеобщий язык Западных Земель Среднеземья в Третью Эпоху. На протяжении этой эпохи он стал «родным» языком всех народов (кроме эльфов), живших в пределах древних королевств Арнор и Гондор: вдоль всего побережья от Умбара до покрытого льдом Форохельского Залива, а на суше — до Мглистых и Хмурых Гор. Он распространен также на севере, вверх по течению Андуина, на нем говорят западнее Реки и восточнее Гор до самой Оболони.

Во времена Войны Кольца он по-прежнему существовал в качестве основного.

Небольшая часть Дикого Народа все еще жила в лесу Друадан в Анориене, а в холмах Дунгара селились остатки коренного населения Гондора. Там говорили на своих языках, как и в Рохане, куда всего пятьсот лет назад пришли с севера рохирримы. Но и для тех, кто сохранял исконный язык, Вестрон был обязательным вторым языком. Так было и у эльфов, так было и по всем долинам Андуина, и на востоке до дальних опушек Сумеречья. Даже среди Дикого Народа и дунгар, избегавших контактов с другими племенами, обязательно были владевшие Вестроном, хотя, может быть, говорили они на нем не очень чисто.

I
О НАРЕЧИЯХ НАРОДОВ СРЕДНЕЗЕМЬЯ

Эльфы

Давным-давно, в Предначальную Эпоху, Эльфы разделились на две основные ветви: Западных (Эльдаров) и Восточных Эльфов. К последним относится большая часть народов Сумеречья и Лориена. Их язык не звучит в этой повести, все имена и слова здесь — эльдарские. В Лориене того времени говорили на синдарском наречии, хотя и с акцентом, поскольку большинство тамошних эльфов были лесными (этот акцент и вообще малое знакомство

с «сумеречным наречием» ввели Фродо в заблуждение, как указывает гондорский автор комментариев к Тановой Книге). Большинство эльфийских слов, цитируемых в Летописи I, — синдарские, как и большинство имен и географических названий. Но «Лориен» и «Нимродель», возможно, имеют в основе своей слова лесных эльфов, приближенные к синдарскому наречию.

Из эльдарских языков в этой книге можно видеть два: Древнее Наречие, или *Квэниа*, и Сумеречное, или *Синдарин*. Древнее Наречие — это древний язык Эльдамара, первый из языков, имевших письменность. Это мертвый язык, своего рода «эльфийская латынь». Высокие Эльфы, вернувшиеся в Среднеземье в конце Первой Эпохи, пользовались им для разного рода церемоний, Книг Знаний и песен.

Сумеречное Наречие изначально родственно Квэниа, ибо это язык Эльдаров, которые не покидали Среднеземья, а во времена Великого Похода остановились в Белериандe. Правил ими Тингол Сребромант из Дориата, и под долгими сумерками язык их медленно менялся, как менялись очертания земель смертных, пока наконец совершенно перестал походить на язык Заморских Эльдаров.

Те, кто вернулся в Среднеземье, жили среди более многочисленного народа Сумеречных Эльфов и постепенно приняли Синдарин для повседневного общения, так он стал языком всех эльфов и их Владык, упомянутых в этих Летописях. Ибо все Владыки — Эльдары. Самой благородной из них была Галадриэль из Дома Финарфина, сестра Финрода Фелагунда, Короля Нарготронда.

В сердце Изгнанников, когда-то покинувших Среднеземье ради Неувядающих Земель, а затем вернувшихся, зов Моря звучал непрестанно; в сердцах Сумеречных Эльфов он дремал, но если однажды просыпался — утолить его было невозможно.

Люди

Вестрон был человеческим языком, дополненным и смягченным влиянием эльфов. В основе его был язык Аданов, пришедших на Запад, в Белериандe, в Первую Эпоху и помогавших Эльдарам в Войне Сильмариллов против Черной Силы Севера.

Черную Силу удалось победить, но Белериандe был разрушен и частично затонул. Тогда Друзьям Эльфов, как и Эльдарам, дана была возможность уйти за Море. Но Неувядающие Земли были для них закрыты, и поэтому западнее всех обитаемых земель из пучины Моря был поднят остров Нуменор. Большинство Друзей Эльфов поселилось там. Со временем они стали великими и могучими, прославленными моряками, владевшими огромным флотом. Высокие ростом и прекрасные ликом, они жили втрое дольше, чем люди Среднеземья. Таковы были Нуменорцы, Короли Людей, которых эльфы звали дунаданами. Из всех народов Сред-

неземья они одни знали язык эльфов и говорили на нем. Еще их праотцы изучили Сумеречное Наречие и передали эти знания своим детям, к тому же этот язык почти не менялся. Мудрые знали еще и Древнее Наречие, Квэниа, и предпочитали его всем остальным, но пользовались им только по особым случаям. Так, например, название «Нуменор» заимствовано из Квэниа, как и имена «Элендил», «Исилдур» и «Анарион», а также все имена гондорских Королей. «Элессар» на Квэниа означает Эльфийский Камень. Имена Арагорн, Денетор, Гилраэнь звучат на Сумеречном Наречии. Многие взяты из сказаний и песен Первой Эпохи (Берен, Хурин). Есть и смешанные — например, Боромир.

Родным языком нуменорцев оставался язык людей *адунаик*. Спустя много лет к нему вернулись Короли и властители Нуменора, отказавшись от языка эльфов. Только немногие Верные продолжали говорить на эльфийском. В годы могущества Нуменора было сооружено множество крепостей и укрепленных гаваней на побережье Среднеземья. Крупнейшей из них был Пеларгир возле устья Андуина. Там говорили на адунаике; потом, смешавшись с языками младших народов, он и стал Всеобщим языком.

После падения Нуменора Элендил привел немногих уцелевших Друзей Эльфов на северо-запад Среднеземья. Там уже жили люди, в чьих жилах текла нуменорская кровь, но мало кто из них помнил эльфийское наречие. С самого начала дунаданов было намного меньше, чем младших людей, среди которых они жили и которыми правили, владея долгой жизнью, огромной властью и великой мудростью. Поэтому они и пользовались Всеобщим языком, усовершенствовав его и пополнив словами и понятиями из эльфийского.

Во дни Князей Нуменорцев этот облагороженный Вестрон был распространен даже среди их врагов, сами дунаданы пользовались им все чаще, и к Войне Кольца эльфийский помнили только немногие из народа Гондора. В основном это были жители Минас Тирита и Дол Амрота. Но почти все имена и названия в Гондорском Княжестве были эльфийскими. Происхождение некоторых забылось, видно, они восходят еще ко времени выхода нуменорцев в Море. Это: Умбар, Арнах и Эрех, Эленах и Рингло; имя Форлонг того же происхождения.

Население северо-запада ведет начало от Аданов Первой Эпохи, поэтому язык его близок адунаику и Всеобщему языку. Это народы, населявшие верховья Андуина: Бьорнинги и Лесной народ западного Сумеречья, а дальше к северу и востоку — люди Долгого Озера и Эсгарота.

Рохирримы имели свой язык, называли себя «Йорлинги» или «Всадники», но свободно владели Всеобщим языком и говорили на нем чисто, как жители Гондора.

Совершенно иным был язык Дикого Народа из леса Друадан. Таков же был и язык дунгар. Все это — остатки народов, живших в незапамятные времена в долинах Белых Гор. Мертвые из Дунхарга тоже из их рода. Но в Темные Годы в южные долины Мглис-

того Хребта пришли другие народы, а жившие там прежде откочевали на север, к самым Упокоищам. От них пошли брыльчане. Но уже задолго до этого они стали подданными Северного Княжества Арнор и переняли Всеобщий язык. Только в Дунгарском Краю народ держался прежних обычаев и языка. Скрытный это был люд, дунаданов они не жаловали, а рохирримов просто ненавидели. Их язык в этой Книге не встречается.

Дунгарами звали их рохирримы. Роханское «дун» не связано с синдарским «дун» — «запад».

Хоббиты

Хоббиты в Шире, да и в Брыле тоже, ко времени событий, описанных здесь, пользовались Всеобщим языком уже больше тысячи лет. Говорили они на нем по-своему, вольно и беззаботно, но самые ученые из них могли при случае блеснуть и правильными оборотами.

Об их собственном языке ничего не известно. Всегда, даже в самые давние времена, они пользовались языком Людей, рядом с которыми жили. Поэтому после прихода в Эриадор они быстро переняли Всеобщий язык, а родное наречие стало забываться. Наверное, на нем когда-то говорили в верховьях Андуина, отдаленно тот язык напоминал роханский. Только южные Хваты перед приходом в Шир говорили на языке, похожем на язык дунгар.

Во времена Фродо об этом еще сохранялась кое-какая память, в основном в именах и названиях: многие из них напоминают названия Эсгарота или Рохана. Очень похожи названия дней, недель и месяцев. Некоторые слова — «смеал», «маттом» — еще сохранились в разговорной речи, а большая часть осталась в ширских и брыльских названиях. Большинство личных имен у хоббитов были свои, собственные, и некоторые — весьма древнего происхождения.

Хоббитами обычно называли они себя сами. Люди звали их полурослики, а эльфы — *периан*ами. Происхождение слова «хоббит» было почти забыто. Есть предположение, что вначале так называли Мохноногов Лесовики и Хваты, и было это сокращением роханского *холбитла* — «строитель нор».

Энты

В Третью Эпоху самым древним народом были, без сомнения, *Онодримы*. На роханском это звучит как *энты*. Эльдары познакомились с ними в древнейшие времена. Энты утверждают, что именно Эльдары пробудили в них желание говорить. Язык их сильно отличается от всех прочих: медленный, звучный, с многочисленными повторами, он основан на сложных и разнообразных оттенках произношения гласных и таких различиях тона, которые даже муд-

рецы Эльдаров не пытались изложить письменно. Своим языком энты пользовались только между собой, но скрывать его не было никакой необходимости, все равно выучить бы его никто не смог. Однако сами энты учили другие языки быстро и никогда не забывали. Предпочтение они отдавали языкам эльдаров, а больше всего любили древнее наречие. Странные слова и имена, которыми, как отмечают хоббиты, пользовался Фангорн и другие энты, имеют эльфийские корни. В некоторых можно уловить отголоски Квэниа. Например, «Таурелиломеа-тумбалеморна Тумбалетауера Ломеанор» можно перевести как «Леснаязатененнаяглубокаячернаядолина Глубокодолиннолесистая Мрачнаяземля», при этом Фангорн имел в виду примерно следующее: «В глубоких долинах леса лежит черная тень». Некоторые их имена — слова Синдарина, например Фангорн — «Борода Дерева», или Фимбретиль — «Гибкий Бук».

Орки и наречие Тьмы

Орками называют эти мерзкие создания другие народы. На Синдарине оно звучит как *орч* (мн. *ирчи*). Родственным, без сомнения, является слово *урук* из Наречия Тьмы, так назывались огромные орки-солдаты, что выходили в те дни из Мордора и Изенгарда. Тех, кто поменьше, урук-хайи звали *снага* — раб.

Орки были созданы Черной Силой Севера в Предначальную Эпоху. Говорят, своего языка у них не было, они брали, что могли, из других языков и переиначивали по-своему, но получались грубые жаргоны, пригодные только для проклятий и ссор. Эти твари, злобные и ненавидевшие даже друг друга, быстро породили множество диалектов, и вскоре разные орды едва понимали язык соседей.

Видимо, поэтому в Третью Эпоху орки тоже пользовались Вестроном, а в Мглистых Горах он вообще стал родным языком, хотя звучал ужасно. Орочье *тарк* — «человек из Гондора» — это искаженное *таркил*, слово, заимствованное из Квэниа, обозначающее на Вестроне потомков нуменорцев.

Говорят, что Наречие Тьмы было создано Сауроном в Черные Годы. Он хотел, чтобы на нем говорили все его прислужники, но потерпел здесь неудачу. Отдельные слова из Темного наречия прижились среди орков, например *гхаш* — «огонь». После первого падения Саурона язык этот быстро забыли все, кроме назгулов. После того, как сила Саурона вновь окрепла, на Темном Наречии стали говорить в Барад Дуре и Мордоре. Надпись на Кольце была сделана на Темном Наречии.

Тролли

Слово «тролль» использовалось, чтобы перевести эльфийское *торог*. В сумерках Предначальной Эпохи это были мрачные, не-

уклюжие и тупые создания, язык которых не отличался от языка животных. Но Саурон использовал и их, обучив той малости, которую они способны были понять и с помощью чар развив их способность мыслить. Поэтому тролли переняли язык от орков, а в западных землях Каменные Тролли говорили на сильно упрощенном Всеобщем языке.

Но в конце Третьей Эпохи в южном Сумеречье и на границах Мордора появились тролли, не виданные ранее. На Темном наречии они назывались олог-хайи. Никто не сомневался, что это создание Саурона, но что послужило материалом — неизвестно. Кое-кто считал их просто гигантскими орками, но по внешности и разуму олог-хайи отличались даже от самых крупных орков. Они были троллями, словно целиком состоявшими из злобной воли их господина: жуткое племя, сильное, проворное, лютое, — и тверже камня. В отличие от древнего племени, они могли спокойно выносить солнце, покуда жива была воля, их направлявшая. Говорили они мало и только на Темном Наречии, употреблявшемся в Барад Дуре.

Гномы

Гномы — народ особенный. Об их странном рождении, сходстве и несходстве с Людьми и Эльфами повествует «Сильмариллион», эльфы Среднеземья ничего не знали об этом, а предания Людей перемешаны с воспоминаниями других народов.

Гномы — крепкий, выносливый, большей частью скрытный народ, очень трудолюбивый, долго хранящий память об обидах (но и о дружбе тоже). Они больше любили материал, который можно обрабатывать, чем живое. Зла в их природе не было, и что бы там ни говорили, а прислужников Врага среди них можно пересчитать по пальцам. Да и то: говорят-то об этом люди, которые всегда зарились на сокровища гномов, так что особой дружбы между этими народами никогда не было. Исключение составляет небольшой период Третьей Эпохи, когда гномы много передвигались по Среднеземью, торговали и учились. Тогда они переняли и язык народа, с которым общались, но втайне пользовались своим, довольно странным языком, очень мало изменившимся с годами. Он не очень годился для общения и употреблялся как язык Знания. Гномы свято хранили его, как сокровище, оставшееся от прошлого. Из других народов им владели считанные единицы. В этой летописи он появляется только в тех географических названиях, которые Гимли открыл своим друзьям, да еще в боевом кличе при осаде Хорне. Уж этот-то клич не был тайным, потому что звучал на полях многих сражений со времен юности мира: *Барук Казад! Казад аи-мену!* — «Топоры Гномов! Гномы (идут) на вас!»

Собственное имя Гимли и имена его сородичей взяты из языка людей. Своих тайных, «внутренних» имен гномы не открывают никому. Даже на могильных камнях вы их не найдете.

II
О ПЕРЕВОДЕ

Для того чтобы познакомить читателя с Алой Книгой, пришлось, естественно, переводить ее на современный язык. Но большинство имен действующих лиц и географических названий, имевших более древнее происхождение, чем Всеобщий язык, остались неизменными.

Основной язык повествования — Всеобщий язык Среднеземья — был переведен на современный английский. При этом не удалось сохранить своеобразие текстов на Вестроне. Попытка компенсировать эти потери разностильным английским едва ли удачна, так как в изначальном тексте расхождения в произношении, а также идиоматические выражения, свойственные Ширу, эльфийским землям или гондорским владениям весьма значительно отличаются. Так, например, хоббиты пользуются в основном упрощенным диалектом, в то время как в Гондоре или в Рохане отношение к древнему языку более строгое, а сам язык — суше.

Одно из отличий языка оригинала от английского перевода следует отметить особо. Во Всеобщем языке существует разница между фамильярной формой общения и уважительной в местоимениях второго (а зачастую и третьего) лица. Но в ширском диалекте уважительная форма обращения — всего лишь трансформированная повседневная речь. Это особенно заметно в разговорах фермеров Западной Чети, когда они хотят выразить приязнь и дружеское расположение. Для гондорцев это звучит по меньшей мере странно. Например, в первые дни пребывания в Минас Тирите Перегрин Тук пользовался принятой в Шире «фамильярной» манерой обращения ко всем без исключения, в том числе — и к Правителю Денетору. Правителя это, пожалуй, забавляло, а вот слуг удивляло, и весьма. Видимо, именно естественная фамильярность заставила гондорцев относиться к Перегрину, как к знатному вельможе.

Надо сказать, что речь и хоббитов, и таких персонажей, как Арагорн или Гэндальф меняется по ходу повествования. Это не случайно. Наиболее смышленые и грамотные из хоббитов владели «книжным» языком, как называли его в Шире, и легко усваивали манеру речи, принятую в той или иной стране. И конечно, это было естественно для опытных путешественников, таких, например, как Арагорн, которому почти постоянно приходилось скрывать свои цели и помыслы. С другой стороны, во дни Войны Кольца все без исключения враги одного Врага весьма уважительно относились к великому прошлому Среднеземья; это не могло не влиять на язык общения. Эльдары, весьма искусные в риторике, владели всевозможными стилевыми формами, но предпочитали диалект Вестрона еще более древний, нежели распространенный в Гондоре. Гномы, тоже мастера поговорить, легко усваивали манеру собеседника, но велеречивости их несколько вредила гортанность произношения.

Орки и тролли изъяснялись как придется, к словесным формам никакого интереса не испытывали, поэтому язык этих злыдней на самом деле грубее, чем в английском варианте. Едва ли у кого-нибудь появится желание познакомиться с ним поближе. Впрочем, иногда он звучит и в английской речи, оставаясь универсальным языком для людей с орочьими понятиями: бесцветный и нудный, изобилующий злобными интонациями, пересыпанный ругательствами и оскорблениями, он слишком далеко ушел от идей Добра, чтобы сохранить хотя бы словесную значимость.

Итак, отмечены несоответствия. Обычно этим и ограничиваются, но я пошел дальше, переведя на английский многие имена и названия в соответствии с их смысловыми значениями. Да и сами названия на Вестроне имеют, как правило, более древние аналоги. Таковы Дольн, Седонна, Серебрень, Черная Крепость. Некоторые слова при переводе несколько изменили свое значение: например, Гора Рока вместо «Ородруин» (Огненная Гора), или Сумеречье вместо «Таур-э-Ндаэделос», что в буквальном переводе означает «Лес великого страха». Некоторые названия представляют собой искаженные эльфийские. Таков Брендидуин, образованный от Беренduина.

Возможно, такой подход не бесспорен, но, по моему мнению и с точки зрения хоббитов (а именно ее я и старался придерживаться), сохранение оригинальных именований затемнило бы временные признаки, создало бы слишком резкий контраст между повсеместно распространенным языком (таким же привычным и естественным, каким является для нас английский) и более древними, хотя и всячески уважаемыми языковыми формами. В этом случае все просто транскрибированные названия мало что смогли бы сказать современному читателю. В самом деле, нельзя же ставить рядом эльфийское название «Имладрис» и его перевод на Вестрон — «Карнингул». А называть Дольн Имладрисом — все равно что называть современный Винчестер Камелотом (хотя в Дольне в Третью Эпоху все еще жил Владыка, куда более славный и древний, чем Артур, живи он до сих пор в Винчестере).

Эти соображения и привели к «англизации» Шира. Сделать это было нетрудно, потому что в большинстве хоббитские названия представляют собой сложносоставные слова, разлагаемые на простые элементы, которым легко подыскать аналоги в английском: там то и дело попадаются то «горка», то «поле», в крайнем случае приходилось использовать сравнительно свежие архаизмы, например, «Росстань» вместо простого «Перекрестка». Если название относится к древним хоббитским словам, полностью вышедшим из обращения, то и в английском[1] приходилось отыскивать

[1] Здесь переводчики испытывают затруднение. Так как мы не приводим английских слов на английском языке, нужно было бы писать: «то и в русском приходилось...», что выглядело бы по меньшей мере глупо в устах автора, славянскими языками интересовавшегося, но книгу написавшего все же по-английски. — *Прим. перев.*

такие же. Так появляется «Кром» вместо «Окраины», или «Дрягва», обозначающая всего лишь топкое место.

Хоббитские фамилии происходят, скорее всего, от родовых прозвищ, часто с насмешливым оттенком, или от названий мест обитания, а в Брыле в них слышатся названия трав и деревьев. В этих случаях перевод нетруден, но несколько фамилий (Тук, Мэггот) остались непереведенными, ибо их значение утрачено.

Так же поступал я и с хоббитскими именами. Девочек в Шире, как правило, называли цветочными именами, иногда использовали названия драгоценных камней. Имена мальчиков такой смысловой привязки не имеют, поэтому имена «Бильбо», «Бунго», «Поло», «Лотто» ничего не означают. Многие имена звучат для нас вполне привычно: Отто, Одо, Дрого, Дора, Кора и т. п. Их я оставлял как есть, лишь изредка меняя окончание (у хоббитов окончание на «а» обычно в мужских именах, на «о» и «е» — в женских, но это слишком непривычно для нас).

Некоторые старые роды, ведущие происхождение от Лесовиков (Туки, Пузиксы), тяготели к именам звучным; в них слышны давние легенды, как человеческие, так и хоббитские, а смысла не осталось. Но зато они похожи на имена Людей из долины Андуина, Эсгарота или Рохана. Их я заменял тоже старыми, но франкскими или готскими именами, которые мы знаем по старинным преданиям. Это дало возможность сохранить реально существовавший комический контраст между именем и фамилией, который сами хоббиты прекрасно понимали. «Классическими именами» пользовались редко. Для хоббитов ближайшим эквивалентом нашей латыни или греческого был, конечно, эльфийский, «язык королей», как они его уважительно называли (но пользовались им редко).

Особняком стоят имена жителей Заскочья. Народ в Марях вообще особенный. Свои диковинные имена они сохранили как остатки в целом забытого диалекта южных Хватов. Их я не менял. Есть в них что-то кельтское... Во всяком случае, мне следы древнего наречия Хватов и брыльчан напоминают кельтские элементы в английском, что я и попытался отразить в переводе нескольких названий (Брыль, Чагрый Бор[1]). Но собственное имя, образованное таким способом, в Алой Книге одно. Это Мериадок. Его уменьшительное имя — Кали, на Вестроне оно означает «веселый, жизнерадостный», а полное его написание — Калимак.

В своем переложении я совершенно не пользовался древнееврейскими корнями. В отличие от наших, хоббитские имена не имеют с ними ничего общего. Сэм, Том, Мэт — сокращения от Томба, Толма, Матта и т. п., а Сэма и его отца Хэма звали на самом деле Бан и Ран — сокращенные формы от Баназир и Рануда — насмешливые древние прозвища, означающие «простачок» и «домосед». Слова эти ушли из разговорного языка, сохранив-

[1] Брыль — нск. диал. — холм, пригорок. Чагарник — лес на вершине горы. — *Прим. перев.*

шись только в качестве имен. Этот эффект я и пытался передать образованиями «Сэмиус» и «Хэмфаст».

Старания сделать понятными хоббитские имена и язык потянули за собой языковые проблемы Людей, говоривших на диалектах Вестрона. Чтобы отличить их друг от друга, я придал роханскому сходство со староанглийским. Основания для этого имелись. Роханский связан со Всеобщим (а еще более с древним языком северных хоббитов) и схож с архаичным Вестроном. Хоббиты различают в речи Всадников знакомые слова и чувствуют в роханском родственные корни. Поэтому было бы просто нелепо делать язык рохирримов ни на что не похожим.

Правда, здесь я, как и хоббиты, вынужден был допустить непоследовательность. Ведь хоббиты переводили только то, что понимали и знали — Снежица, Хельмова Падь, а, например, незнакомый им «королевский сад» так и остался Эдорасом. По этому же принципу появились имена — Сполох, Червослов. Это вовсе не означает, что рохирримы и в остальном имеют культурные или военные связи с древней Англией, хотя кое-что общее заметить все-таки можно. Как и наши предки, рохирримы представляли простой, в чем-то даже примитивный народ в стадии контакта с более высокой культурой, да к тому же еще и занимали земли, некогда принадлежавшие старшему в культурном отношении народу.

Северные хоббитские диалекты я представлял, пытаясь угадать, как звучали бы в наши дни вышедшие из употребления древнеанглийские слова. «Смеал» (нора) образовано от «смигел», аналогичного хоббитскому «тран» и роханскому «трахан». Таким образом, «Смеагорл» и «Деагорл» — эквиваленты для «Трахальд» (роющий, закапывающийся) и «Нахальд» (секретный, тайный) из северного диалекта.

Еще более северные языки представлены в книге только в именах Гномов. В качестве «внешних» гномов вполне устраивали людские имена самого северного в Среднеземье диалекта.

Сейчас-то гномы вызывают у нас улыбку, а в Третьей Эпохе былая сила и могущество еще не совсем оставили потомков Наугримов Древнейших Дней. В их сердцах еще пылало древнее пламя Аулэ-Кузнеца[1] и тлели угли давней вражды к эльфам, а руки творили из камня и поныне непревзойденные чудеса.

Сами гномы называют себя «Казад» — так назвал свои творения Аулэ на заре времен. Слово «Мория» — эльфийского происхождения и своим значением — Черная Бездна — характерно для эльфов, любящих зелень лета и свет небес, но не для гномов. На их собственном языке Мория звалась Казад Дум — Дворцы (народа) Казад.

Слово «эльфы» использовано мной для перевода совокупного обозначения двух народов — Квэнди («говорящие» — древнее на-

[1] «Квэнта Сильмариллион», глава 2. Здесь описана история «неправильного» создания Гномов Валаром Аулэ. Илуватар вдохнул в них живую душу.— *Прим. перев.*

звание всего народа) и Эльдаров, отправившихся в Начале Дней в Неувядающие Земли. «Квэнди» или «Эльфы» — только так и можно назвать народ, воспоминания о котором сохранились среди людей. Этих воспоминаний немного, зато достаточно других, вздорных, изображающих не то бабочек, не то быстрых стрижей, что, разумеется, никакого отношения к Квэнди не имеет. Крыльев у Квэнди никогда не было, им это так же несвойственно, как и Людям. Это был прекрасный высокий народ, древние Дети Мира, народ Великого Похода, народ Звезд, от которого ныне не осталось и следа. Они были сероглазы и темноволосы, только род Финрода отличался цветом волос чистого золота. Голоса эльфов были мелодичней, чем у любого смертного. Велика была их доблесть, но участь вернувшихся в Среднеземье печальна. Судьба их давно переплелась с судьбами Отцов, но судьбой Людей не стала. Время их миновало, они живут ныне далеко за Кругами Мира и не вернутся больше никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

ХОББИТ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

Перевод Н. Рахмановой

1. НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ 7
2. БАРАНЬЕ ЖАРКОЕ 26
3. ПЕРЕДЫШКА 37
4. ЧЕРЕЗ ГОРУ И ПОД ГОРОЙ 43
5. ЗАГАДКИ В ТЕМНОТЕ 50
6. ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ 65
7. НЕБЫВАЛОЕ ПРИСТАНИЩЕ 77
8. ПАУКИ И МУХИ 92
9. В БОЧКАХ – НА ВОЛЮ 108
10. РАДУШНЫЙ ПРИЕМ 118
11. НА ПОРОГЕ 125
12. ЧТО ЖДАЛО ИХ ВНУТРИ 130
13. ПОКА ХОЗЯИНА НЕ БЫЛО ДОМА 143
14. ОГОНЬ И ВОДА 151
15. ТУЧИ СОБИРАЮТСЯ 157
16. НОЧНОЙ ВОР 163
17. ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ 167
18. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ 175
19. ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА 180

ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ

Перевод И. Григорьевой, В. Грушецкого

БРАТСТВО КОЛЬЦА

Пролог

1. О ХОББИТАХ 191
2. О ТРУБОЧНОМ ЗЕЛЬЕ 197
3. УСТРОЙСТВО ШИРА 198

4. ИСТОРИЯ НАХОДКИ КОЛЬЦА 200
5. О ЛЕТОПИСЯХ ШИРА 203

Книга первая

Глава 1. ДОЛГОЖДАННЫЕ ГОСТИ 207
Глава 2. ТЕНЬ ПРОШЛОГО 227
Глава 3. ВТРОЕМ ВЕСЕЛЕЕ 248
Глава 4. САМАЯ КОРОТКАЯ ДОРОГА К ГРИБАМ 267
Глава 5. ЗАГОВОРЩИКИ 277
Глава 6. ДРЕВЛЕПУЩА 286
Глава 7. В ГОСТЯХ У ТОМА БОМБАДИЛА 297
Глава 8. ТУМАН НАД УПОКОИЩАМИ 306
Глава 9. «РЕЗВЫЙ ПОНИ» 318
Глава 10. КОЛОБРОД 330
Глава 11. КЛИНОК В НОЧИ 342
Глава 12. БЕГСТВО К БРОДУ 360

Книга вторая

Глава 1. ВСТРЕЧИ 377
Глава 2. СОВЕТ У ЭЛРОНДА 396
Глава 3. КОЛЬЦО УХОДИТ НА ЮГ 427
Глава 4. ПУТЬ ВО МГЛЕ 446
Глава 5. МОРИЙСКИЙ МОСТ 468
Глава 6. ЛОТЛОРИЕН 478
Глава 7. ЗЕРКАЛО ГАЛАДРИЭЛЬ 495
Глава 8. ПРОЩАНИЕ С ЛОРИЕНОМ 507
Глава 9. ВЕЛИКАЯ РЕКА 518
Глава 10. ОТРЯДА БОЛЬШЕ НЕТ 529

ДВЕ КРЕПОСТИ

Книга третья

Глава 1. СМЕРТЬ БОРОМИРА 543
Глава 2. ВСАДНИКИ РОХАНА 549
Глава 3. УРУК-ХАЙИ 564
Глава 4. ФАНГОРН 577
Глава 5. БЕЛЫЙ ВСАДНИК 598
Глава 6. ТЕОДЕН 611
Глава 7. ХЕЛЬМОВА ПАДЬ 625
Глава 8. НА ИЗЕНГАРД 635

Глава 9. НА РУИНАХ 648
Глава 10. ГОЛОС САРУМАНА 658
Глава 11. ПАЛАНТИР 668

Книга четвертая

Глава 1. УКРОЩЕНИЕ СМЕАГОРЛА 679
Глава 2. ЧЕРЕЗ БОЛОТА 692
Глава 3. ЗАКРЫТЫЕ ВОРОТА 703
Глава 4. О ТРАВАХ И КРОЛИКАХ 713
Глава 5. ОКНО ЗАКАТА 724
Глава 6. ЗАПОВЕДНОЕ ОЗЕРО 741
Глава 7. ПЕРЕКРЕСТОК 751
Глава 8. ПО ЛЕСТНИЦАМ В СКАЛАХ 758
Глава 9. В ЛОГОВЕ ШЕЛОБ 768
Глава 10. СЭМ НА РАСПУТЬЕ 777

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

Книга пятая

Глава 1. МИНАС ТИРИТ 791
Глава 2. ВЫБОР АРАГОРНА 812
Глава 3. РОХАН СОБИРАЕТ ВОЙСКА 827
Глава 4. ОСАДА ГОРОДА 838
Глава 5. ПОХОД ТЕОДЕНА 859
Глава 6. ПЕЛЕННОРСКАЯ БИТВА 866
Глава 7. КОСТЕР ДЕНЕТОРА 874
Глава 8. В ГОСПИТАЛЕ 880
Глава 9. СОВЕТ ПЕРЕД ПОХОДОМ 892
Глава 10. ЧЕРНЫЕ ВОРОТА ОТКРЫЛИСЬ 902

Книга шестая

Глава 1. КРЕПОСТЬ КИРИТ УНГОЛ 911
Глава 2. В СТРАНЕ МРАКА 926
Глава 3. ОГНЕННАЯ ГОРА 941
Глава 4. КОРМАЛЛЕНСКОЕ ПОЛЕ 953
Глава 5. КОРОЛЬ И ПРАВИТЕЛЬ 962
Глава 6. ВСТРЕЧИ. РАЗЛУКИ 976
Глава 7. ДОРОГА К ДОМУ 989
Глава 8. СНОВА ДОМА 996
Глава 9. СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ 1017

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ХРОНИКИ КОРОЛЕЙ И ПРАВИТЕЛЕЙ 1029
I. КОРОЛИ НУМЕНОРА 1029
II. ДОМ ЙОРЛА 1061
III. НАРОД ДАРИНА 1069
РОД ГНОМОВ ЭРЕБОРА 1078

Приложение II

ПОВЕСТЬ ЛЕТ (Хронология Западных Земель) 1079
ВТОРАЯ ЭПОХА 1079
ТРЕТЬЯ ЭПОХА 1081
Год 3018 1089
Год 3019 1090

Приложение III

ГЕНЕАЛОГИИ 1098
СУМНИКСЫ ИЗ ХОББИТОНА 1099
ТУКИ ИЗ СМЕАЛИЩ 1100
БРЕНДИСКОКИ ИЗ ЗАСКОЧЬЯ 1101
ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО СЭМИУСА 1102

Приложение IV

КАЛЕНДАРЬ ШИРА (на любой год) 1103
КАЛЕНДАРИ 1104

Приложение V

ПИСЬМЕНА 1111

Приложение VI

НАРОДЫ И ЯЗЫКИ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ 1117
I. О НАРЕЧИЯХ НАРОДОВ СРЕДНЕЗЕМЬЯ 1117
II. О ПЕРЕВОДЕ 1123

Литературно-художественное издание

Дж. Р. Р. ТОЛКИН

ХОББИТ, или ТУДА И ОБРАТНО

ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ

Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Киселева, Маргарита Ахметова, Алевтина Борисенкова
Верстка Антона Вальского, Алексея Положенцева

Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 28 01.2002.
Формат издания 60×100 1/16. Печать офсетная Гарнитура «Петербург».
Тираж 30 000 экз. Усл. печ. л. 78,81. Изд. № 184. Заказ № 2678.

Издательство «Азбука-классика». 196105, Санкт-Петербург, а/я 192.
www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Лион Спрэг де Камп, Флетчер Прэтт

Дипломированный чародей

В издательстве «Азбука»
в серии «Классика fantasy»
впервые выходят собранные в трех книгах
все романы о приключениях Гарольда Ши:
Кн. 1. «Дипломированный чародей»
Кн. 2. «Возрожденный чародей»
Кн. 3. «Странствующий чародей»

Заслуги Спрэга де Кампа в жанре фэнтези оценены премиями «Гэндальф» и «Великий мастер». Он также удостоен Всемирной премии фэнтези.

Если вы хотите узнать о теории и принципах волшебства, то вам непременно надо прочесть эту книгу. Перед вами удивительные приключения Гарольда Ши, психолога, теоретика и практика путешествий между мирами, разрабатывающего законы элементарной магии, которые действуют в других мирах так же, как законы физики в нашем. И что приятно —

это действительно очень смешно!!!

Издательство «Азбука»
представляет

Серия «Наследники Толкина»

В серии "Наследники Толкина" выходят романы,
авторы которых вслед за Мастером воспели миры,
населенные людьми и волшебниками, эльфами
и гномами, где Свет борется с Тьмой,
где существуют милосердие и справедливость,
четкое различие Добра и Зла и знание
о конечной победе Добра.

В серии вышли

Дж. Р. Р. ТОЛКИН. Властелин Колец
Дж. Р. Р. ТОЛКИН. Хоббит, или Туда и Обратно.
Том Бомбадил и другие истории
Р. ДЖОРДАН. Око мира
Р. ДЖОРДАН. Великая охота
Т. УИЛЬЯМС. Трон из костей дракона
Т. УИЛЬЯМС. Скала прощания
Т. УИЛЬЯМС. Дорога ветров
Т. УИЛЬЯМС. Башня Зеленого Ангела
Т. БРУКС. Меч Шаннары
Т. БРУКС. Эльфийские камни Шаннары
Т. БРУКС. Песнь Шаннары
Т. БРУКС. Потомки Шаннары
Т. БРУКС. Друид Шаннары

Новые книги серии

Т. БРУКС. Первый король Шаннары
Т. БРУКС. Королева эльфов Шаннары
Т. БРУКС. Талисманы Шаннары
П. МАККИЛЛИП. Мастер загадок

Издательство «Азбука»
представляет

Серия «Классика fantasy»

Авторы книг серии — писатели, чьи романы выходят миллионными тиражами во всем мире. «Классика fantasy» — это не только переиздания любимых российскими читателями известнейших произведений, но и книги, ставшие мировыми бестселлерами, ранее не выходившие на русском языке. «Классика fantasy» — это великолепный подбор авторов, качественные переводы и красочное оформление.

В серии вышли

Р. ЖЕЛЯЗНЫ. Джек-из-Тени

Р. САЛЬВАТОРЕ. Убийца драконов

С. БРАСТ. Гвардия Феникса

Ф. ЛЕЙБЕР. Мечи против колдовства

Спрэг де КАМП, Ф. ПРЭТТ. Дипломированный чародей

Готовятся к выходу

С. БРАСТ. Пятьсот лет спустя

Э. МУН. Меч наемника

Э. МУН. Клятва наемника

Э. МУН. Путь наемника

Д. КОУ. Сыны Амарида

Д. КОУ. Изгнанники

Ф. ЛЕЙБЕР. Мечи и ледовая магия

Я. ИРВИН. Тень в зеркале

Я. ИРВИН. Башня над пропастью

Я. ИРВИН. Темная луна

Я. ИРВИН. Врата Трех Миров

Спрэг де КАМП. Странствующий чародей

Спрэг де КАМП. Возрожденный чародей

Мягкой посадки
вашим батарейкам –
«Эхо Москвы»
в эфире
круглосуточно

"Книжный Клуб СНАРК"
ОГРОМНЫЙ ВЫБОР КНИГ

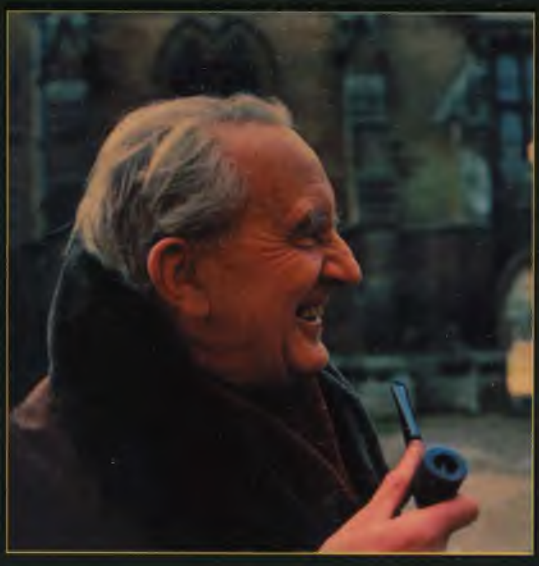
СНАРК®

В. О., Средний пр., 16, м. «Василеостровская»
Загородный пр., 21, м. «Владимирская»
Вестибюль ст. м. «Лиговский проспект»
Старо-Петергофский пр., 54, м. «Нарвская»
Невский пр., 87/2, м. «Площадь Восстания»
Ивановская ул., 6, м. «Ломоносовская»
В. О., Большой пр., 68, м. «Василеостровская»
Новочеркасский пр., 28/19, м. «Новочеркасская»
Пр. Просвещения, 74, м. «Проспект Просвещения»
Пр. Энгельса, 113/А, м. «Озерки»
Пр. Обуховской обороны, 105, м. «Елизаровская»
Пр. Чернышевского, 17, м. «Чернышевская»
Лермонтовский пр., 55, м. «Балтийская»
Балканская пл., 5, м. «Купчино»

Магазины «СНАРК» рядом с метро – экономия вашего времени и денег!

Адреса и информация по телефону 050

Джон Рональд Руэл ТОЛКИН

1892–1973

Эпопея о Кольце Всевластья, начатая в повести «Хоббит» и продолженная трилогией «Властелин Колец», бесспорно, возглавляет список «культовых» произведений XX века. Ее автор, профессор Оксфордского университета, специалист по средневековому английскому языку и литературе, Джон Рональд Руэл Толкин создал удивительный мир – Среднеземье, который вот уже без малого пятьдесят лет влечет к себе новых и новых читателей.

Книги писателя изданы общим тиражом более 50 миллионов экземпляров. История Кольца Всевластья послужила основой множеству телевизионных и театральных постановок, мультфильмов, компьютерных игр и комиксов. Тысячи людей по всему миру ежегодно собираются для участия в ролевых играх, основанных на сюжетах, взятых у Толкина.

В 2002 году произошло событие, которого поклонники писателя ждали много лет. На киноэкраны вышел первый фильм из трехчастной экранизации «Властелина Колец», а это значит, что сотни тысяч детей и взрослых во всем мире и, конечно же, в России вскоре присоединятся к уже существующей многомиллионной армии почитателей Толкина.

В январе 2002 года Джону Рональду Руэлу Толкину исполнилось бы 110 лет. Этому юбилею посвящено уникальное издание, которое вы держите в руках. Впервые в России вся эпопея о Кольце Всевластья напечатана под одной обложкой, и у читателей теперь есть возможность прочесть все четыре ее части в одной книге.

Прочтите подряд «Хоббита», «Братство Кольца», «Две Крепости» и «Возвращение Короля», и вы узнаете всю эту удивительную историю от самого начала и до конца.

ISBN 5-352-00184-9
9 785352 001844